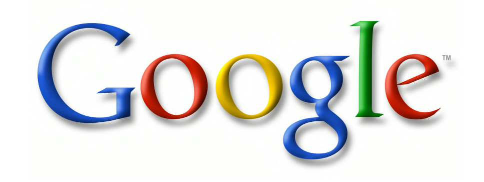
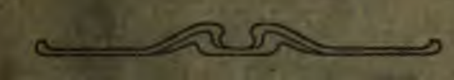


РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

I Ю Л Ь.



МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VIII

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЛѢТНІЯ СКАЗОЧКИ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Безсмертники.

Въ одной вазѣ съ полевой лиліей, съ васильками, съ богородской травой и бѣлой лѣсной гвоздикой стояли безсмертники.

Три дня стояли они въ тепловатой водѣ, которую горничная забыла перемѣнить, и всѣ поникли, кромѣ безсмертниковъ и богородской травы.

— Я гибну, гибну,—шептала нѣжная гвоздика въ несдержанномъ отчаяніи.—Какой-то странный коричневый налетъ проѣдаетъ мои лепестки и, страшно сказать, въ моемъ дыханіи запахъ тлѣнія.

— А стебли наши?—со стыдомъ прошептала лилія,—что съ ними? Почему они такіе скользкіе и мягкіе, и заражаютъ чистую воду зеленымъ смрадомъ? О, сестры мои, узнаете ли вы себя? Самъ Соломонъ въ славѣ своей не одѣвался, какъ мы. Гдѣ это теперь?

— Мы были синіе, теперь мы бѣлые; это начало смерти,—сказали васильки,—и напрасенъ ропотъ: всѣ цвѣты смертны.

— Кромѣ безсмертниковъ,—сказалъ желтый цвѣтокъ съ сухими, чешуйчатыми шариками на верхушкахъ волокнистаго стебля.—Вы забыли про безсмертниковъ, безсмертники безсмертны.

— Кого Богъ захочетъ, того и возвеличитъ,—замѣтила благочестивая богородская травка. Она всегда надѣялась на Бога и ждала за это большихъ наградъ.

— Напрасно ты такъ думаешь, старушка въ лиловомъ платьѣ,— су[illegible] проговорилъ безсмертникъ.—Безсмертье дается по заслугамъ.

[illegible] сная надежда избѣгнуть тлѣнія заставила приподняться ослабѣ[illegible] головку лиліи.

Не скажете ли вы намъ въ этотъ горькій часъ, въ чемъ до[illegible] быть эти заслуги?—спросила она.

Я былъ умѣренъ въ жизни,—сказалъ безсмертникъ;—это пр[illegible] всего. Я былъ такъ умѣренъ, что избѣгалъ всего, чѣмъ

живутъ другіе цвѣты. Я не пилъ влаги земной, когда вы упивались ею. Я жилъ на песчаномъ холмѣ, гдѣ никто не сталъ бы жить. Всѣ соки жизни, переливами которыхъ въ вашихъ тканяхъ вы наслаждаетесь, я перегонялъ въ сухія, твердыя волокна, для которыхъ стали безразличны дождь и солнце, холодъ и тепло. Я пріобрѣлъ мертвый, строгій запахъ изсохшей травы, чтобы мотыльки и пчелы не тревожили меня.

— О, нѣтъ,—со вздохомъ сказала лилія,—это не подходитъ ко мнѣ. Безъ моихъ бѣлыхъ ароматныхъ одеждъ, безъ моей радости дождю и солнцу, безъ ласки мотыльковъ, въ чемъ была бы тогда моя жизнь?

— Твоя—ничѣмъ, конечно,—сухо сказалъ безсмертникъ,—потому что въ ней не было руководящей идеи. Не умираетъ только тотъ, кто живетъ идеей, которая не можетъ умереть.

— Какъ Богъ дастъ, какъ Богъ дастъ,—вздохнула богородская травка.

И Богъ далъ, что горничная, проходя мимо вазы съ цвѣтами, замѣтила, наконецъ, увядшій букетъ.

— Какая гадость...—сказала она и, зажимая носъ, чтобы не слышать тлетворнаго дыханія полуразложившихся стеблей, бросила цвѣты въ сорную яму.

Среди картофельныхъ очистковъ и рыбьей чешуи бѣлыя уста лиліи шевельнулись въ предсмертномъ бреду и еще разъ повторили:

— Самъ Соломонъ въ славѣ своей...

Хризалида.

„Noi siam vermi, nati a formar
l'angellica farfulla".

Dante.

На нижней дорожкѣ сада, гдѣ на песокъ ложится зеленая, сырая тѣнь орѣшника, жили дождевые черви.

Каждый день ихъ собирали здѣсь для приманки рыбъ, водовозъ давилъ ихъ колесами и коваными сапогами, дѣти для развлеченія крошили ихъ на куски, чтобы убѣдиться въ ихъ живучести, а они себѣ жили да жили, и цѣликомъ и въ кусочкахъ.

Но вотъ завелся между ними червь-уродъ.

Онъ былъ такой же безглазый, какъ и другіе черви, но они этого не знали про себя, а онъ зналъ, и извивался отъ тоски по дорожкѣ сада и говорилъ:

— Такъ больше не можетъ продолжаться... такъ жить нельзя...

И заразилъ своей тоской многихъ червей, и стали они обижаться на водовозовы сапоги и на рыбаковъ, и на дѣтей.

И самымъ обиднымъ стало для нихъ то, чѣмъ прежде гордились— что дано было имъ жить разрѣзанными на четыре части.

И жили, и множились, но стонали по всей дорожкѣ: такъ жить нельзя...

А червь-уродъ задумалъ спасти и ихъ и себя.

Дано ему было вмѣстѣ съ тоской по глазамъ и крыльямъ чувство верха и низа, и онъ сказалъ себѣ однажды въ мигъ мученическій и вдохновенный:

— Нужно ползти вверхъ.

И поползъ.

Случайно водовозъ и дѣти не раздавили его по дорогѣ, и черезъ долгое время онъ очутился въ клумбѣ цвѣтника, гдѣ благоухали на солнцѣ цвѣты, рѣяли бабочки и пѣлъ кузнечикъ.

— Скажите мнѣ скорѣе,—сказалъ онъ (онъ задыхался отъ длиннаго пути на гору),—для чего живете вы всѣ, чью жизнь, такую не похожую на нашу, я ощущаю здѣсь такъ близко?

— Мы цвѣтемъ, мы благоухаемъ, мы поемъ, мы радуемся солнцу,—услышалъ онъ въ отвѣтъ.

— Это все незнакомыя слова,—сказалъ червь, взобравшійся на пригорокъ,—переведите ихъ на мой языкъ. Я съ нижней дорожки, гдѣ живутъ черви.

Подивились, посмѣялись бабочки, и одна, самая прекрасная, говоритъ ему:

— А черви, пожалуй, должны жить для того, чтобы родилась изъ нихъ крылатая бабочка. Такъ бываетъ у насъ.

Червь сказалъ, извиваясь (для всѣхъ чувствъ у него было только одно выраженіе):

— У насъ этого до сихъ поръ не было.

— Но отнынѣ можетъ быть,—сказала великодушная бабочка.— Мы подаримъ вамъ хризалиду. Надѣйтесь, ждите, служите ей. Она полетитъ, когда станетъ бабочкой... И это будетъ крылатый червь изъ вашего царства и научитъ васъ, какъ вамъ отрастить крылья.

...миренно поблагодарилъ бабочку и понесъ на нижнюю дорожку ...вой червь драгоцѣнную хризалиду, приклеенную къ сиренев... листу.

... была золотая, въ черныхъ крапинкахъ. Черви не могли видѣ... , но тѣмъ прекраснѣе она имъ казалась.

...гали жить для нея.

... переносили водовоза, рыболововъ и дѣтей и, разрѣзан-

ные на куски, объединялись передъ смертью надеждой на ея крылья, на ея полетъ.

Такъ жили они во многихъ поколѣніяхъ.

И теперь такъ живутъ.

А хризалида стала за это время сморщенная, сухая,—жизнь въ ней умерла еще на пути къ нижней дорожкѣ, но такъ какъ ее очень берегутъ и спрятали подъ корнями орѣшника, гдѣ построили ей алтарь, скорлупа ея еще держится.

И вчера одинъ червь, наполовину растоптанный, приползъ умирать къ ея алтарю, и слышали смѣющіяся стрекозы въ зеленой тѣни орѣховыхъ кустовъ, какъ онъ шепталъ:

«Noi siam vermi, nati a formar l'angellica farfulla».

Про осу и муху.

Изъ породы осъ маленькое существо, наполовину черное, наполовину желтое, съ тонкой таліей, несло пищу въ свое гнѣздо, гдѣ дремали и ѣли въ покоѣ зачаточной жизни ея дѣти, прожорливыя личинки. Она остановилась, чтобы перевести духъ отъ тяжелой ноши и заодно упрекнуть красивую золотую муху за ея беззаботность и красоту.

— Вотъ такъ красуешься ты съ утра до ночи въ вѣчномъ бездѣльѣ, блестишь безъ толку на солнцѣ, мелькаешь, рябишь въ глазахъ у порядочныхъ трудящихся насѣкомыхъ,—сказала узкая черно-желтая оса съ горькой ненавистью.—Думала ли ты когда-нибудь о томъ, что останется въ результатѣ такой жизни, какъ твоя?

Муха засмѣялась и улетѣла. И блеснуло ея золото на вѣткѣ, на цвѣткѣ, на бѣлой стѣнѣ дома, на грозной синевѣ неба.

Оса подняла тяжелую ношу, кряхтя и проклиная ея тяжесть, и тяжело долетѣла до старой оконной рамы, гдѣ въ концѣ узкаго перехода, проточеннаго древеснымъ жукомъ, въ пустотѣ перегнившаго дерева, спали и ѣли осиныя дѣти, готовясь къ трудамъ служенья дѣтямъ своимъ, дремотнымъ, прожорливымъ личинкамъ.

Но баба, въ этотъ день замѣтившая, что въ черной дырѣ оконной рамы завелись осы, замазала ее киселемъ и запечатала чернымъ хлѣбомъ.

Оса летала до самаго вечера вокругъ запечатанной двери, не выпускала изъ лапокъ тяжелой ноши, чтобы кто-нибудь не унесъ ея. И все ждала, что дверь распечатается. Ей казалось, что иначе не можетъ быть. Что не можетъ ея роль въ мірозданіи свестись къ безсмыслицѣ. Что баба и хлѣбный мякишъ не могутъ отмѣнить пред-

вѣчныхъ законовъ, вызвавшихъ къ бытію ея дѣтей. Но мякишъ засохъ, и дверь была еще крѣпче запечатана, когда пришелъ вечеръ.

И онѣмѣли тонкія лапки, и выпала ноша, и вмѣстѣ съ осой упала въ бурую липкую могилу изъ киселя, который баба поставила на окошкѣ.

И передъ смертью мелькнула мысль:

— Не увидала бы этого позора и несчастія смѣшливая золотая муха...

Но золотая муха давно уже потеряла способность видѣть и смѣяться, потому что еще утромъ ее расклевалъ пѣтухъ, когда она рѣзвилась въ золотистой колеѣ изъ навоза.

Про змѣй.

„...Если мы—дѣти Бога, то значитъ можно ничего не бояться и ничего не жалѣть“.

Л. Шестовъ.

Молодая птичка, которая никогда не видѣла змѣй, но слышала много ужасныхъ разсказовъ о нихъ, сказала своей матери:

— Желала бы я увидѣть змѣю и понять, почему при встрѣчѣ съ ней птицы замираютъ отъ ужаса и очарованія? Разскажи мнѣ, мать, какая змѣя съ виду? Что въ ней ужасно и что очаровательно?

— Ты можешь познакомиться съ видомъ змѣй,—сказала птица-мать,—теперь какъ разъ время, когда онѣ линяютъ. На берегу моря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ много прибрежныхъ камней, въ это время года повсюду можно встрѣтить ихъ шкурки,—нѣкоторыя вполнѣ сохраняютъ цвѣтъ и форму змѣй. Полетимъ туда.

На береговой скалѣ, куда прилетѣли птицы, изъ расщелины камня свѣшивалась полупрозрачная, серебристая кожа змѣи.

— Нисколько не страшно и даже красиво,—сказала молодая птичка.

— А вотъ другая.

Нѣжная, пестрая, легкая шкурка отливала всѣми цвѣтами радуги.

— Неужели можно испугаться такой змѣи?

— А вотъ и еще.

Тяжелая, бронзовая одежда мѣдяницы тускло блестѣла изъ-подъ гранитнаго обломка.

— И въ этой нѣтъ ничего ужаснаго.

— Полетимъ дальше,—сказала мать.

И молодая птичка не могла уже пошевелить крыломъ. Ея глаза

встрѣтили чарующій, ядовитый, пристальный взоръ двухъ изумрудныхъ глазъ, подобныхъ двумъ факеламъ холоднаго зеленаго пламени—ужасъ и очарованіе змѣи...

— Лети,—въ отчаяніи крикнула старая птица.

Она не знала, что въ ужасъ и очарованіе змѣи входитъ также необходимость погибнуть отъ нея.

Кольцо.

„...Брачное кольцо колецъ, кольцо возвращенія“.

Ницше.

На рѣчномъ днѣ разнеслась вѣсть о чудесной находкѣ.

— Что это можетъ быть?—спросила на нѣмомъ рыбьемъ языкѣ переливчатая голубая рыбка.—Какъ будто кусочекъ солнечнаго луча отломился и отдыхаетъ у насъ на пескѣ.

— По-моему это золотая змѣя, золотая змѣйка, не больше меня ростомъ, свернулась и спитъ у насъ на пескѣ,—радостно сказала другая рыбка изъ прозрачнаго перламутра.

А между камышевыхъ стволовъ со всѣхъ сторонъ пробирался уже рыбій народъ на бѣлую поляну въ камышевой чащѣ. Замелькали любопытныя рыбьи головы, запестрѣли рыбьи спины—голубыя, сизыя, струисто-серебряныя, ржаво-золотыя, нѣжно-палевыя въ пятнышкахъ. И приползли зелено-черные раки, и лягушка уставила изумрудные глаза на рѣчное чудо и сказала:

— Если это червякъ, я проглочу его.

Но рыбы окружили хороводомъ нѣмой кругъ золота и шумно заплескались, защищая его.

На плескъ рыбьихъ хвостовъ приплылъ самъ дѣдъ водяной. Косматая, буро-зеленая борода его и пѣнные рукава, и зелено-голубые рачьи глаза подъ сереброструйными космами волосъ, показались на полянѣ.

— Что за плескъ тутъ? Что за рыбьи плясы? Зачѣмъ мою дрему разогнали?—сказалъ онъ.

— Лягушка хочетъ съѣсть кусочекъ солнца, солнечную змѣйку, золотого червяка,—со всѣхъ сторонъ заплескались рыбы.

Зашумѣлъ, заплескалъ, застоналъ отъ гнѣва дѣдъ водяной, потрясъ пѣнными рукавами на все царство.

— Добрались-таки ваши проказы до потайного сокровища моего. Подъ камышевымъ корнемъ три года хоронилъ я отъ вашихъ рыбьихъ глазъ человѣческое заколдованное сокровище. Кто смѣлъ вырыть его?

— Мы не знаемъ,—въ одинъ голосъ сказали шаловливыя рыбы, вырывшія кольцо изъ-подъ камышеваго корня.

— Зачѣмъ тебѣ золотая змѣйка, дѣдушка?—ласкаясь, спросила любимая внучка водяного.

— А затѣмъ, проказница,—сказалъ угомонившійся дѣдъ,—что великая сила въ этой змѣйкѣ. Говоритъ молва человѣческая, что можетъ эта змѣйка навѣки приковать къ тебѣ того, кого захочешь приковать. А у меня, въ моемъ омутѣ, до сихъ поръ нѣтъ царицы-русалки: всѣ, какія попадали до сихъ поръ, не хотѣли ужиться. Старъ, говорятъ, сердитъ... А вотъ, какъ надѣну это заколдованное золото на палецъ новой царицѣ, пусть-ка попробуетъ убѣжать...

— Тише, наверху что-то плеснуло,—проквакала сторожевая жаба съ верхней вѣтки камыша.

Юркнули въ чащу испуганныя рыбы, опустился на дно омута дѣдъ-водяной со своей внучкой, уползли проворно въ тину лягушки и раки. И на пустую поляну, колыхаясь, опустилось и тихо распростерлось въ зеленомъ сумракѣ тѣло прекрасной женщины.

— Что ей нужно здѣсь?—съ любопытствомъ прошептала выглянувшая изъ омута внучка водяного.

— У нея закрыты глаза; она пришла къ намъ отдыхать,—задумчиво сказала перламутровая рыбка.

— Она спитъ слишкомъ крѣпко,—замѣтила лягушка, приложивъ зеленую голову къ ея груди:—я не слышу, какъ бьется ея сердце.

— Она спитъ такъ крѣпко, какъ это нужно для того, чтобы изъ человѣческой женщины сдѣлаться русалкой,—съ торжествомъ сказалъ водяной.

И, склонившись надъ женщиной, дохнулъ на нее дыханіемъ новой, русалочьей жизни.

— О, какъ хорошо,—прошептала она, съ долгимъ вздохомъ открывая глаза.

— Кѣмъ ты была тамъ, наверху?—спросила ее перламутровая рыбка на нѣмомъ, рыбьемъ языкѣ, который сталъ понятенъ, какъ и [illegible]огое другое, женщинѣ, ставшей русалкой.

[illegible]енщина засмѣялась, и смѣхъ ея тысячами переливовъ серебря[illegible] струй пронесся по всему омуту и зазвенѣлъ въ камышахъ и [illegible]лся къ высокому, къ безумно-далекому небу.

[illegible] Я забыла,—сказала она.

[illegible] въ дикой нѣгѣ забвенія, въ новой свободѣ своей простерла р[illegible]е къ далекому небу, какъ прежде, а къ близкимъ, холоднымъ,

ласковымъ струямъ... И отдалась имъ, и обняла ихъ. И стихіи ей покорились.

— Ты будешь царицей нашего омута,—сказалъ водяной.

И надѣлъ ожерелье изъ многоцвѣтныхъ раковинъ на ея прекрасную, холодную грудь и сплелъ ей вѣнецъ изъ водяныхъ лилій и поясъ изъ темно-пурпурныхъ водорослей.

И она приняла эти дары. Но глаза ея отражали только одну радость—дикую, вольную, хмельную радость забвенія.

И не было уже въ ея глазахъ ничего человѣческаго.

И сказалъ водяной:

— Ты обручилась со стихіями. А въ знакъ обрученія твоего со мною я дамъ тебѣ безцѣнное человѣческое сокровище—вотъ оно.

Жалобный крикъ, какимъ зовутъ спасеніе смертельно раненые люди, раздался въ тишинѣ подводнаго царства.

Кольцо предопредѣленія, кольцо вѣчнаго возвращенія, кольцо безумной человѣческой вѣрности, вернулось къ женщинѣ, ставшей русалкой.

Женщина надѣла кольцо—и гордые изумруды глазъ ея померкли, смертная синева разлилась по серебристому тѣлу, открылись блѣдныя уста въ прежней жаждѣ и мукѣ. И стала женщина изъ русалки утопленницей, въ которой чудо возвращеннаго кольца убило свободу и жизнь, но оживило сердце.

— Снимите, снимите кольцо,—закричалъ водяной.

Но таковъ былъ законъ заколдованнаго золота, что нельзя было снять его раньше, чѣмъ пройденъ путь жажды, муки и униженія человѣческаго сердца, къ которому оно возвратилось.

И разбѣжались рыбы отъ стоновъ и жалобъ утопленницы, и забился водяной подъ корни плакучей ивы и водорослями опуталъ голову, чтобы не слышать ея вздоховъ и слезъ. И мѣсяцъ боялся смотрѣть на мертвое лицо ея, когда оно всплывало надъ водой. И струи рѣчныя содрогались и холодѣли, прикоснувшись къ заколдованному золоту на ея рукѣ.

И назвали русалки этотъ омутъ «Омутомъ человѣческой вѣрности».

Все отъ солнца.

Фея, полюбившая солнечный лучъ, говорила на зарѣ плачущимъ утреннею росою цвѣтамъ:

— Цвѣты мои! Я такъ счастлива, что боюсь умереть отъ счастія. Цвѣты мои! Ты, незабудка, ты, лютикъ, ты, златоцвѣтъ, на-

копившій столько золота отъ даровъ моего возлюбленнаго... мои милые, мои свѣжіе, мои свѣтлые цвѣты. Я поцѣлую каждый лепестокъ у каждаго изъ васъ, друзья мои, утренніе цвѣты. Не плачьте обо мнѣ, что ухожу отъ васъ: я иду съ моимъ возлюбленнымъ въ его царство, и онъ будетъ каждое утро приносить вамъ вѣсти обо мнѣ.

— Страшно любить солнце,—сказала незабудка.—Сердце его изъ пламени.

— Потому и люблю его, что сердце его изъ пламени,—плача и смѣясь, и цѣлуя цвѣты, отвѣтила фея.—Могла ли бы я любить его, если бы сердце его не было изъ могучаго и вѣчнаго пламени? Одна изъ моихъ сестеръ любила мотылька—птица расклевала ему крылья, и сестра моя уже не могла любить его. Ландышъ былъ возлюбленнымъ моей другой сестры—и онъ увялъ на третье утро любви ея. И еще одна сестра моя обручилась съ весеннимъ дождемъ—и онъ осыпалъ ее поцѣлуями, смялъ ея крылья и навсегда ушелъ отъ нея, спрятался подъ корнями травы. Напрасно она звала его... А солнце, всемогущее и вѣчное, никогда, никуда не уйдетъ отъ меня.

— Страшно любить солнце,—прошептали незабудки и лютики, и гордый златоцвѣтъ.

— Пора,—сказалъ солнечный лучъ и обвилъ фею утренней золотисто-розовой лаской, и коснулся устъ ея небеснымъ лобзаніемъ, и унесъ въ свое царство.

. . . .

Въ безграничной желтой пустынѣ, гдѣ каждая песчинка, дробя, отражаетъ миріады жгучихъ лучей, гдѣ воды и растенія не дѣлятъ могущества солнечнаго луча, на сыпучій, знойный песокъ опустилъ солнечный лучъ фею.

И, охваченная знойнымъ дыханіемъ своего новаго счастія, она сказала:

— Будь благословенъ, возлюбленный—ты и твое царство.

Но скоро уста ея, опаленныя знойной жаждой, робко прошептали:

— Возлюбленный, гдѣ взять мнѣ каплю росы, чтобы освѣжить мои уста?

Но солнце уже не говорило съ нею на языкѣ словъ. Солнечный [illegible] въ своемъ царствѣ говорилъ только сіяніемъ и блескомъ, [illegible]ями красныхъ и золотыхъ искръ на небѣ и на землѣ.

- Будь благословенна жажда, потому что она отъ тебя,—ска[illegible] фея,—но, можетъ быть, найдется хоть одна былинка въ твоемъ [illegible]ствѣ, которая дала бы мнѣ тѣнь?

[illegible]лчаніе было ей отвѣтомъ.

[illegible]оглянувшись вокругъ, фея не увидѣла ничего, кромѣ свѣтя-

щихся мѣдно-кровавыхъ песковъ на всей необъятной шири солнечнаго царства.

И фея сказала:

— Будь благословенъ пожаръ ослѣпившаго меня свѣта, потому что онъ отъ тебя.

И голодъ сталъ мучить нѣжное тѣло феи.

— Если бы хоть каплю цвѣточнаго сока,—прошептала она.

И вслушавшись въ безмолвіе, отвѣтившее ей, сказала:

— Да будетъ такъ.

Но къ вечеру, когда солнце стало быстро опускаться на край пустыни и холодъ всталъ отъ посинѣвшихъ песковъ, ужасъ пробѣжалъ по сердцу феи.

— Возлюбленный, ты уходишь отъ меня, но вѣдь я безъ тебя не найду силъ для жизни,—сказала она, съ мольбой простирая руки къ уходящему солнцу.

И когда солнце молча скрыло свой царственный ликъ за гранью помертвѣвшей пустыни, холодъ великаго одиночества проникъ въ сердце феи. И сказала она:

— Благословенно одиночество, потому что оно отъ тебя.

И когда голодъ, жажда, одиночество и тьма закрыли ея глаза, и смерть наклонилась къ ней съ материнскимъ поцѣлуемъ,—она протянула къ ней руки и сказала:

— О, будь трижды благословенна твоя ласка. Потому что и ты — отъ солнца.

В. Малахіева-Мировичъ.

ТАНЯ.

— Капочка, Капочка, отмѣннѣйшій салатъ, салатъ оливье съ капорцами, а? Находишь? Натурально. Хе-хе-хе.

— Постой, постой, постой—великолѣпнѣйшій заливной поросенокъ, этакое, понимаешь, нѣжное розовое мясо, а? Ха-ха-ха. Попробуемъ, попробуемъ, Саша, подрыжика. Ну, будь счастливъ, спасибо тебѣ, спасибо, дорогой.

Плѣшивый, побагровѣвшій хозяинъ съ рѣдкой русой бородкой, закусывая на бѣгу, совсѣмъ засуетился, носясь изъ кухни къ закусочнымъ столамъ, всѣхъ задѣвая, не пролѣзая нигдѣ со своимъ животомъ и умоляя закусывать и подкрѣпляться.

У столовъ, заставленныхъ всякой закуской и водками, толпятся человѣкъ двадцать плѣшивыхъ, обрюзгшихъ и сильно подвыпившихъ старичковъ. Они еще бодрятся. Собственно обѣдъ не начался, но всѣ они уже пьяны настолько, что рѣчь стала какой-то тягучей и безсвязной, глаза часто моргаютъ и не хотятъ глядѣть. Хохотъ раскатывался безпрестанно и, казалось, безъ всякой видимой причины. Это—охотники изъ Москвы и губерніи, наѣхавшіе къ пріятелю «на зайчиковъ».

— Дядя Ѳедя, дядя Ѳедя, этакій выдумщикъ!—вскрикиваетъ тотъ толстый и плѣшивый человѣкъ въ охотничьей курткѣ, котораго называли Капочка, всплескивая жирными руками,—вѣдь я пошутилъ, а онъ въ серьезъ тащитъ, этакій баловникъ, этакій выдумщикъ!

зяинъ дома сѣменитъ изъ смежной комнаты съ новыми графи [illegible] настойки въ каждой рукѣ.

Дядя Ѳедя, нельзя,—еле ворочая языкомъ, хрипло голосятъ гос[illegible]австрѣчу хозяину.

Да не можемъ мы, пасъ, пасъ. Голубчикъ! Третій день! Ха ..,—раскатываются старички.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, положительно не могу. Voll und besoffen,—

лающимъ голосомъ отказывается господинъ моложе остальныхъ, въ поддевкѣ. Онъ дѣлаетъ видъ, что хочетъ закрыть пальцами рюмку, но даетъ налить ее до краевъ и мигомъ выпиваетъ, закусивъ семгой.

— Абсолютно безъ соли, атласная нѣжность,—произноситъ онъ, прожевывая семгу.

— За хозяина, за хозяина!—голоситъ высокій, пожелтѣвшій старичокъ и лѣзетъ чмокаться съ опрокидывающимъ въ себя венеціанскую рюмочку хозяиномъ.

— Рано, рано, рано, господа. Прошу васъ закусывать и подкрѣпляться.

Онъ беретъ за плечики, дѣлаетъ тартинки, наливаетъ рюмочки, аппетитно похваливаетъ сыръ изъ дичи и нагружается.

Но его всѣ обступили и въ пьяномъ, несвязномъ говорѣ можно различить только, что всѣ растроганы, благодарятъ.

Закусывать перестали, пьютъ пиво и сельтерскую воду.

— Танюшка, проси гостей къ столу, отобѣдать чѣмъ Богъ послалъ,—говоритъ съ поклономъ хозяинъ, суетливо подбѣгая на коротенькихъ ножкахъ къ дочери.

Блѣдная дѣвушка съ усталымъ задумчивымъ лицомъ чуть замѣтно вспыхиваетъ и, неловко переступая, нетвердымъ голосомъ говоритъ:

— Пожалуйста, господа, прошу васъ.

И еще больше теряется и молча идетъ въ столовую, озабоченно приказывая что-то горничнымъ.

Вся эта ватага подвыпившихъ, наѣвшихся охотниковъ съ пьянымъ смѣхомъ, съ несвязными шумными рѣчами вваливается въ столовую и размѣщается вокругъ стола, на которомъ среди бутылокъ винъ разставлены круглыя блюда пирожковъ.

— Танюшка, разливай, угощай гостей. Вы уже простите насъ съ молодой хозяюшкой,—заискивающимъ голосомъ говоритъ хозяинъ, стыдясь застѣнчивости дочери.

— Дядя Ѳедя, да не конфузь ты насъ ради Бога, — кричатъ голоса.

И со всѣхъ сторонъ сыплются льстивыя, полупьяныя слова и остроты.

Таня совсѣмъ теряется и въ душѣ упрекаетъ себя и злится, потому что всѣ они ей только противны, но она не умѣетъ владѣть собой, не умѣетъ отвѣчать имъ и опять краснѣетъ и молчитъ.

Въ дальнемъ концѣ стола отъ Тани, рядомъ съ хозяиномъ, очень жирный и съ громадной копной сѣдыхъ волосъ на головѣ, отставной

жандармскій генералъ со слезливыми глазками разсказываетъ мерзѣйшій анекдотъ, и человѣкъ пять вокругъ него, перегнувшись въ его сторону, старчески всхлипываютъ отъ восторга и потомъ долго покачиваются отъ хохоту, во все горло выкрикивая: «Уморилъ», «Вѣдь вотъ совретъ Саша, рублемъ подаритъ». Двое цѣлуются съ нимъ и выпиваютъ, остальные протягиваютъ дрожащія руки и чокаются.

Въ этомъ концѣ идетъ политическій споръ. Спорятъ знаменитый адвокатъ, проѣвшій два наслѣдства, и извѣстный подрядчикъ и строитель Киндеръ. Они упрекаютъ другъ друга въ отсутствіи патріотизма. Но у обоихъ рѣчь льется плохо, такъ какъ поминутно они пьютъ изъ фужеровъ.

— Это что такое, это чортъ знаетъ что такое,—вопитъ Киндеръ, размахивая кулаками, точно онъ приготовился лупить по зубамъ,—что это за губернаторы, они сами жиды. Я бы ихъ тутъ. Я бы въ одинъ день революцію утихомирилъ. Во. Я себѣ положилъ: слышу соціалистъ. А, милый другъ, ты соціалистъ, экспропріаторъ! Такъ я тебя палкой по головѣ, потому что, можетъ быть, ты бомбу несешь! Можетъ быть, ты руки вверхъ! Па́звольте узнать,—набрасывался онъ на адвоката по привычкѣ орать и набрасываться на рядчиковъ и мужиковъ.—Па́звольте узнать, смыслите вы что-нибудь, такъ сказать, изъ исторіи? Да-съ, смыслите? Въ такомъ разѣ па́чему, такъ сказать, не примѣнены предначертанія знаменитѣйшаго губернатора Тьера? Вы сколько ба́лловъ имѣли, такъ сказать, изъ римской исторіи? Я имѣлъ пять ба́лловъ и кажную страницу выучивалъ на́изусть. Да-съ. А па́тому позвольте, такъ сказать, поставить вопросъ, въ какомъ году была жидовская революція, да-съ? Па́чему прайзайшло крушеніе перваго, а засимъ и второго Рима и самаго гроба Господня? Перевѣшать для перваго раза тыщъ триста жидовъ. Это, такъ сказать, государственная мѣра!

Знаменитый адвокатъ не слушалъ и сопѣлъ. Онъ время отъ времени дергалъ бровями и потягивалъ изъ стопочки вино.

— Платонъ Ивановичъ, брось. За хозяина,—закричалъ дряблый тенорокъ.

— За хозяина, за хозяина,—завопили со всѣхъ сторонъ и задвигались стулья.

Рыбу давно кончили, убрали рябчиковъ и почти ихъ никто не ѣлъ. И у Тани сжималось сердце, когда вносили большое блюдо, и ей казалось, что дичь засушена и потому никто не ѣстъ. Подбѣгалъ къ ней нѣсколько разъ все неугомонно суетившійся отецъ, отъ котораго такъ отвратительно пахло виномъ, и зачѣмъ-то пожималъ руку и говоритъ: «Ты хорошая, милая, все хорошо, все отлично, это мы не-

хорошіе». И Таня чувствовала, что отецъ чѣмъ-то недоволенъ и что бѣгаетъ и суетится онъ, а она не умѣетъ, и что никто не обращаетъ на нее вниманія и не стѣсняется, словно въ кабакѣ. Когда начали хлопать бутылки съ шампанскимъ и говоръ сдѣлался совсѣмъ несвязнымъ и непрерывно громкимъ, двое попросили у нея разрѣшенія курить. Отецъ принесъ сигары. И стало дымно, душно, а ей все еще нужно было сидѣть, потому что не кончили обѣдать. Она не могла уже сдѣлать улыбающагося лица и сидѣла блѣдная, отпивая изъ стакана вино и не дотрогиваясь ни до одного кушанья. Голова мучительно болѣла.

Опять завязался политическій споръ съ этого конца; на другомъ концѣ лились безостановочно гаденькіе анекдоты, и теперь уже громко, хохотъ былъ отвратительный, лица сквозь синеватыя облака дыма казались озвѣрѣлыми и страшными. Пили безостановочно.

— Значитъ, ты самъ жидъ,—оралъ Киндеръ, выпившій уже на брудершафтъ съ адвокатомъ.

— Позволь,—останавливалъ его адвокатъ, лепетавшій что-то несвязное.—Пушкинъ сказалъ: эта черная телѣга имѣетъ право всюду разъѣзжать. Что это значитъ? Это значитъ... я потомъ скажу тебѣ, что это значитъ.

— Все, все, что гибелью грозитъ,—закричалъ онъ, съ пьяными жестами и со слезой въ голосѣ, вскочивъ со стула,—для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья—безсмертья, можетъ-быть, залогъ! Господа, это по-русски, не по-нѣмецки, не по-французски, не... Я все сказалъ. Ура-а!

Въ это время послышался какой-то незнакомый голосъ въ передней. Отецъ выскочилъ изъ-за стола и помчался въ прихожую. «А-а, очень рады, очень пріятно. Да будетъ вамъ. Увѣряю васъ... раздѣвайтесь»,—слышались долетавшія слова отца, который, очевидно, кого-то уговаривалъ. Незнакомый голосъ отказывался и разспрашивалъ о чемъ-то.

Сидѣвшій рядомъ съ Таней кривой генералъ счелъ наконецъ своимъ долгомъ сказать что-нибудь съ ней и, кое-какъ собравъ свои перепутавшіяся мысли, принялся занимать ее. За столомъ стоялъ хохотъ и несвязный гулъ.

— Что же, не изволите скучать?—обратился онъ къ ней, обд[...]вая виннымъ дыханіемъ, отъ котораго Таня невольно отвернулась [...] мгновенно покраснѣла.

— Нѣтъ,—съ усиліемъ, какъ больные, улыбнувшись отвѣтил[...] Таня,—мнѣ не скучно, я въ школу ѣзжу, въ верстѣ отъ усадьбы па[...] школу выстроилъ.

— Да-съ, это, это, какъ вамъ сказать... Это святое дѣло. Незабвенный памятникъ потомству. Какъ же-съ, вы тамъ изволите, такъ сказать, преподавать однѣ?

— Я и учитель,—отвѣтила Таня, растерянно глядя и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что не нужно глядѣть въ ту сторону, гдѣ еще не старый господинъ въ поддевкѣ подъ шумныя одобренія остальныхъ обнималъ Дуняшу, горничную, потянувшуюся снять порожніе бутылки и стаканы.

— Я и учитель,—повторила совсѣмъ ужъ сконфузившись и едва внятно Таня.—«Господи, хоть бы отецъ вернулся», думала про себя она.

— Да, да, учитель—это благороднѣйшая профессія,—отвѣчалъ генералъ, очевидно уже самъ не понимая, что онъ говоритъ.

— Первѣйшіе негодяи и мерзавцы,—воскликнулъ, очевидно, вдругъ пробудившись, Киндеръ,—ихъ вотъ первыхъ и перевѣшать, барабанятъ только пáдлецы, а чуть до дѣла коснись, мужики всѣ безграмотны до одного. Сахалиновцы, попороть бы ихъ, какъ слѣдуетъ...

— Это неправда,—вырвалось у Тани, и у нея дрогнули и побѣлѣли губы.

Въ ея зазвенѣвшемъ голосѣ адвокатъ услышалъ истерическую ноту и, сорвавшись съ мѣста, поднялъ бокалъ и закричалъ:

— За хозяйку, за молодую хозяюшку, за хозяйку!

— За хозяйку, за хозяйку,—послышались пьяные голоса со всѣхъ сторонъ и задвигались стулья.

Таня встала и зачѣмъ-то сама пошла съ бокаломъ вокругъ стола; чокаясь, говорила: «благодарю васъ» и чувствовала, что этого совсѣмъ не нужно говорить и идти тоже было не нужно, а иные съ совершенно помутившимися глазами, покачиваясь, наклонялись и цѣловали ей руку. Она хотѣла выдернуть у первыхъ двухъ, а потомъ не знала, нужно ли цѣловать въ темя и мокрую плѣшь. И все это выходило нелѣпо. Когда она садилась на мѣсто, ее осторожно взялъ за голову вошедшій отецъ и, не давая ей потянуться, чтобы она не [поц]ѣловала его, такъ какъ онъ весь пропахъ виномъ, чмокнулъ ее [в]ъ лобъ, приговаривая: «Спасибо тебѣ, не будь такая, какъ мы, м[ерз]кіе», и это было хуже всего.

· Папочка, кто это пріѣхалъ?—спросила Таня, превозмогши се

- Это, милочка, пріѣхалъ страховой агентъ Вержинъ, Нилъ Н[...]овичъ, ты его, кажется, не знаешь, но навѣрное слышала, не-

обыкновеннѣйшій силачъ, умница, слыхала, навѣрно, въ земствѣ онъ...—и, не договоривъ, отецъ сталъ извиняться передъ гостями.

— Простите, господа, задержался. Тамъ по дѣлу милѣйшій человѣкъ пріѣхалъ. Былъ богатѣйшій собственникъ и, представьте, должно быть, въ одинъ изъ сквернѣйшихъ для него дней отдаетъ землю мужикамъ, а усадьбу жертвуетъ земству подъ больницу и тому подобное. Необыкновеннѣйшій человѣкъ. Да, голубчикъ ты мой, Капочка, Сашенька, что же вы, родные мои, не пьете ничего. Дочка, проси гостей; что же ты, милая. Устала она у меня, бѣдненькая. Захлопоталась.

До сладкаго никто не дотронулся, кофе пили только генералъ и высохшій старичокъ. Адвокатъ заснулъ.

Отецъ опять подбѣжалъ къ Танѣ.

— Танюшка, распорядись, голубчикъ, покормить гостя, пріѣхалъ совсѣмъ голодный, холодный.

Въ это время вошелъ Нилъ Ивановичъ и, подойдя къ Танѣ, поклонился. Онъ былъ невысокаго роста, лѣтъ сорока, съ копной растрепанныхъ волосъ и густой недлинной бородкой. Лицо его показалось Танѣ энергичнымъ и умнымъ. И когда отецъ представилъ его ей, она какъ-то по-дѣтски внимательно посмотрѣла на него и тотчасъ же вышла изъ комнаты.

— Пашенька,—позвала Таня, войдя въ комнату рядомъ съ чуланами и кладовыми, освѣщенную темной лампой.

Съ постели поднялась старушка съ желтымъ высохшимъ лицомъ.

— Лежите, Пашенька, устали вы.

— А вы, матушка, каково замаялись съ самаго утра день-деньской съ этой ватагой. И откуда нашъ баринъ назвалъ-та етакихъ пьющихъ?

— Ну, ничего, Пашенька...

— Что, матушка, сдѣлать, что, я сичасъ, вотъ дай отойдеть, въ головѣ-то у мене словно въ погребѣ, не подниму никакъ, а что тамъ осталось? Сичасъ, матушка.

— Пашенька, тамъ пріѣхалъ господинъ какой-то, распорядиться бы нужно накормить. Въ кухнѣ чадно. Я боюсь идти, голова хуже разболится.

— И не ходи, матушка. Кузьмичъ у насъ молодецъ, ни глотка жаднаго цѣлный день, зато теперь ужъ такъ посередь кухни и лежитъ. Ну, да вѣдь ужъ и сготовилъ.

Таня вошла къ себѣ въ комнату, распустила косу и бросилась на широкое дѣдовское кресло, возлѣ итальянскаго окна. Синія сумерки смотрѣли въ стекло. И весь оголившійся садъ, и аллеи, и клены

на лугу передъ домомъ и роща стройныхъ березъ неясно вырисовывались въ сумеркахъ осенняго вечера.

Она закрыла глаза, откинула голову на спинку кресла, скрестила руки на груди, и передъ ней потянулись воспоминанія недавнія и далекія, дѣтскія и прошлой весны. Москва, тысячу разъ Москва вспоминалась ей, но только какъ грёзы, давно позабытыя. И теперь въ эти минуты снова не тянуло обратно. Вспомнились концерты въ консерваторіи, освѣщенныя залы Благороднаго собранія, тамъ на эстрадѣ подъ блистающей люстрой Гофманъ, потомъ Кубеликъ, Никишъ. Вспоминаются послѣдніе годы гимназіи, шумно-веселые подпраздничные вечера. Счастливыя, горящія лица подругъ. Вспоминаются курсы, бѣготня на лекціи, въ попечительства. Споры, разочарованіе, неудовлетворенность. И потомъ такъ ярко-ярко встаетъ передъ глазами московская жизнь въ огромной неуютной квартирѣ. И тамъ тоже не было близкихъ и милыхъ, которыхъ у иныхъ такъ много, которые такъ хорошо понимаютъ съ полслова. Дѣтство — свѣтлое-свѣтлое, вотъ какъ этотъ кленокъ золотой и пурпуровый, что мечется тамъ изъ стороны въ сторону и дрожитъ весь своими засохшими листьями, обвѣваемый вѣтромъ. И было дома такъ хорошо, пока не ушла мама; это было послѣ страшной грозы, когда мама рыдала всю ночь; а передъ этимъ сколько неизгладимо тяжелыхъ мѣсяцевъ и дней, пока не умеръ братъ, который вмѣстѣ съ Таней сочинялъ такіе грустные стихи. Онъ былъ старше, еще блѣднѣе и еще задумчивѣе Тани. А потомъ отецъ сталъ мало бывать дома, онъ все уѣзжалъ по дѣлу, или Богъ его знаетъ куда. Потомъ вдругъ ярко-ярко озарилось изъ вереницы воспоминаній путешествіе съ отцомъ по Альпамъ, — ахъ, какіе это были чудные мѣсяцы! Отецъ, такой добрый и милый, который все сдѣлаетъ, только попросить его немножко, сталъ веселый, остроумный, читалъ вмѣстѣ съ ней книги. И глаза его сдѣлались такіе большіе, красивые. Сколько разсказывалъ онъ про свое дѣтство и молодость, съ какимъ увлеченіемъ предпринималъ экскурсіи! А потомъ снова вернулись въ Москву, опять эти, вотъ тѣ самые, что орутъ теперь тамъ, сослуживцы и друзья, а потомъ какое-то несчастіе. Два мѣсяца никто не приходилъ къ нимъ. И Таня нарочно не прашивала отца, а только часто приходила, кутаясь въ платокъ, съ аскрытой книжкой въ рукахъ въ отцовскій кабинетъ, прижималас къ нему и долго сидѣла на ручкѣ его кресла. И отецъ осторожно молча гладилъ ее по рукѣ, а потомъ такъ же осторожно снималъ ея уку, которой она обнимала его, и принимался ходить часами по ком тамъ, заложивъ руки за спину. Разъ Таня застала его, останов шимся передъ маминымъ портретомъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ

на нее и, когда Таня хотѣла уйти, онъ быстро повернулся, и Таня замѣтила, словно росинка, блестѣла слеза въ его посѣдѣвшей за эти мѣсяцы бородѣ. И тогда онъ какъ-то горько усмѣхнулся и хотѣлъ сказать шуточнымъ тономъ, а совсѣмъ это не вышло.

— Танька, ѣдемъ кутить сегодня. Идетъ? Хочешь въ театръ? Собирайся.

Но чаще она заставала его согнувшимся надъ какими-то планами или около смѣтъ, и часто онъ машинально чертилъ какое-то неразборчивое слово, и разъ Таня прочла «дѣтенышъ». Теперь вотъ ужъ годъ все по другому. Живутъ они далеко отъ желѣзной дороги и города въ верстѣ отъ пыльнаго шоссе; отецъ такъ же, какъ бывало на стройкахъ въ Москвѣ, все суетится и ѣздитъ «гранить мостовую», какъ онъ недавно посмѣялся, толкуетъ съ мужиками, строится въ своей прошлаго года пріобрѣтенной усадьбѣ, чинитъ старый домъ, собирается производить какія-то шоссейныя усовершенствованія.

И Таня, отдохнувъ немного въ старомъ креслѣ, перебирая все же милыя воспоминанія, потягивается и, усѣвшись поглубже, смотритъ въ окно.

За окномъ густыя сумерки. Но если приглядѣться хорошенько, видно и рощу, и аллеи, и клены. Мелкій дождикъ сѣется и въ водосточной трубѣ капля за каплей дудитъ, сбѣгая по желобу. Черныя вѣтки уныло качаются, точно тянутся безнадежно къ кому-то. Бурая трава высокими стеблями обнимаетъ мокрыя липы и плотнѣй прижимается, когда налетитъ вѣтеръ и зашумитъ старый садъ. А березы и серебристые тополя на краю сада, склонившись надъ рѣчкой, воютъ и озираются безпокойно, точно хотятъ высмотрѣть кого-то. А за этой березовой рощей, если глянуть съ обрыва, стелется даль, въ которой каждый звукъ, каждый шорохъ и гулъ, проносится, какъ ястребиный клекотъ, и только тогда замираетъ.

И Танѣ кажется, что эта даль тянетъ къ себѣ, а тамъ на краю мама, и она, Таня, къ ней потянулась и полетѣла. И такъ дивно и чудно летѣть, словно во снѣ...

Въ столовой и той комнатѣ, гдѣ закусывали до обѣда, были растворены форточки и вентиляторы. Прислуга убирала со стола, выметала, а Пашенька готовила печенье и булки къ чаю.

Было холодно, пахло виномъ и сигарнымъ дымомъ. Возлѣ буфета спѣшили рѣзать хлѣбъ. Въ чуланѣ свѣтъ не гасили. Туда вносили закуски и оттуда выносили варенье. Отецъ уже раза два забѣгалъ въ столовую и торопилъ съ чаемъ.

— Гдѣ Нилъ Ивановичъ?—поспѣшно спросилъ онъ, забѣгая въ послѣдній разъ, чтобы поставить на столъ коньякъ и ромъ.

— Дуня, не видѣла, баринъ спрашиваетъ того, что тутъ сидѣлъ, на этомъ углѣ?—повторила за бариномъ Пашенька.

— Они къ себѣ въ комнату пошли, наверхъ. Какъ покушали, такъ и пошли.

Таня проснулась отъ мѣрныхъ и тяжелыхъ шаговъ, которые то приближались, то удалялись отъ нея. Она выпрямилась и привстала; въ комнатѣ было совершенно темно. Окно, казалось, было завѣшено снаружи черной непроницаемой тканью. Только садъ шумѣлъ все попрежнему, и тихонько поскрипывала дверца у печной заслонки. Шаги раздавались отчетливо и мѣрно, надъ самой ея головой. Таня совершенно очнулась.

«Какой дивный сонъ», прошептала она, снова опускаясь въ кресло. Ей снилось... будто такъ же шумно, такъ же много гостей и она также устала. Но будто въ окна столовой глядятъ не эти ненастныя сумерки, не эти голые прутья, а залитый весеннимъ солнцемъ ароматный, только что распустившійся послѣ майской грозы, едва залепетавшій садъ. Въ раскрытыя окна тянутся кисти бѣлой сирени. Птицы поютъ звонко и мелодически. И какъ счастливо, весело за столомъ, сколько подругъ, какія всѣ онѣ хохотуньи, счастливыя, и ни одного скучнаго лица. Вотъ Петя Хвостовъ. Онъ вѣчно глотаетъ пилюли. Боже мой, онъ и здѣсь вынимаетъ ихъ изъ тужурки! Всѣ умираютъ отъ хохота. Вѣдь это такъ весело и беззаботно смѣяться! Хохотъ звонко и счастливо раздается во всѣхъ концахъ стола. Теперь онъ общій. Сережа, Манинъ братъ, этотъ неуклюжій и милый Сережа (онъ такъ чудно играетъ на скрипкѣ) пролилъ на скатерть шоколадъ. Ахъ, какъ радостно и свѣтло! Сколько милыхъ, юныхъ лицъ, сколько ихъ, горящихъ счастьемъ и просто такъ, потому что сегодня ярко-солнечный весенній день, потому что они всѣ снова вмѣстѣ, снова справляютъ Танино рожденье, какъ прежде, когда-то давно-давно. Боже мой, но вотъ еще отчего такъ чудно: тамъ, рядомъ, съ Вѣрочкой, у которой маленькая родинка надъ бровью, сидитъ братъ. Да, это онъ. Онъ такой же блѣдный, глаза его такъ же задумчиво смотрятъ на Таню, но онъ улыбается и говоритъ что-то Вѣрочкѣ: что онъ ей говоритъ? Она засмѣялась, нагнулась къ нему и шепчетъ что-то на ухо, лукаво посматривая на него. А рядомъ мама, милая мама. Какая нарядная. Таня помнитъ именно это свѣтлое платье, потому что въ немъ, кажется, мама была на Таниномъ рожденьи въ послѣдній разъ. И что-то похожее на рыданіе вырывается изъ Таниной груди. Но рыданія эти счастливыя. Мама на-

клоняется, гладитъ ее и цѣлуетъ. И будто папа тоже счастливый и радостный, съ такими красивыми ясными глазами, какіе были у него въ Альпахъ, шутитъ, смѣшитъ всѣхъ и бросаетъ букетикъ ландышей брату, который схватываетъ его на лету и, улыбнувшись, споритъ съ Вѣрочкой. И какъ снѣжинка, таютъ эти милые образы. Сонъ отлетѣлъ.

«Чьи это шаги? — подумала Таня, прислушиваясь къ звуку ихъ. Это Вержинъ, должно быть, больше некому».

И такъ не хотѣлось погружаться въ угрюмую дѣйствительность, такъ хотѣлось пожить еще немножко сномъ.

Вержинъ все ходилъ изъ угла въ уголъ по неосвѣщенной комнатѣ, теребя свою бороду и нервно покусывая усъ. Въ душѣ не было ясныхъ мыслей. Онѣ безпорядочно смѣняли одна другую, но душу охватывало безпокойное, ноющее чувство, которое постепенно утихало, чѣмъ больше онъ ходилъ все въ томъ же направленіи отъ угла до угла. Онъ видѣлъ все передъ собой, и столъ, и кровать, и черныя очертанія деревьевъ, но предметы, которые были ближе къ нему, казались густо замаранными сажей. Равнодушнаго, казалось, утратившаго всякую способность сильно чувствовать и наслаждаться, его вдругъ что-то разбудило. Что? Онъ не могъ отдать себѣ отчета. И это давно неиспытанное чувство затронуло столько скорбно звенѣвшихъ струнъ, что онъ не допытывался самъ у себя узнать причину, а хотѣлъ только успокоиться и стать прежнимъ безразличнымъ и холоднымъ ко всему. Не ново было слоняться изъ угла въ уголъ по незнакомой комнатѣ, но прежде это не возбуждало никакого особеннаго чувства. Ни прошлаго, ни лучшаго не будило въ воспоминаніяхъ это хожденіе или невнимательное чтеніе старой газеты. Безразлично было, ѣхать ли въ грязной телѣгѣ по своему участку и здороваться со встрѣчными мужиками, сидѣть ли въ клубѣ и пить чай съ лимономъ, который отдавалъ мыломъ, слушать ли болтовню и вздоръ на любыхъ именинахъ у помѣщиковъ. Жизнь общественная его не захватывала и вокругъ него текла вяло и сонно. Народъ, тотъ нищій, безграмотный и грубый народъ, съ которымъ онъ встрѣчался каждый день, не могъ увлечь его. Наоборотъ, Вержинъ ясно сознавалъ, что тьма, царящая въ немъ, не позволяетъ довѣриться ему, не позволяетъ романтически мечтать, а требуетъ отъ самого Вержина дѣлать для него же эту скучную и нужную работу. Но ни сожалѣнія, ни тоски и отчаянія не чувствовалъ Вержинъ. Онъ жилъ точно на всякій случай, безъ опредѣленной цѣли, безъ сильныхъ желаній. Конечно, лучше было бы жить въ Питерѣ или въ Москвѣ, но въ сущности все

равно, и къ людямъ его не тянуло вовсе. Вотъ и теперь онъ ходилъ по комнатѣ и, успокоившись, ждалъ, когда позовутъ его чай пить. Но все же что-то живое то и дѣло сквозило, какъ искра зажигалось въ немъ и тухло мгновенно. И живые, строгіе глаза, и часто набѣгавшая ядовитая складка, и постоянно сдерживаемый внутренній голосъ, который звучалъ иногда такъ страстно и увлекательно, говорили, что не все еще потухло и улеглось.

Ровно годъ, или чуть больше назадъ, ночевалъ Вержинъ въ мѣстечкѣ, расположенномъ около станціи, окруженномъ лѣсными складами, дровами, углемъ и сараями съ пенькой и льномъ. Онъ ночевалъ у прасола Титыча и, послѣ плотнаго ужина, крѣпко спалъ. Часа въ два ночи его разбудили крики, шумъ; въ окно яркимъ пламенемъ падало зарево близкаго пожара. Онъ бросился тоже бѣжать, какъ и всѣ, утопая по колѣно въ грязи, крича что-то и пробираясь съ топоромъ въ рукахъ къ пожару. Возлѣ горящаго двухъэтажнаго дома стояла куча мужиковъ и что-то орала. Сосѣдній домъ занимался. Кучи еврейскихъ ребятъ съ плачемъ метались передъ дверями, изъ которыхъ клубами валилъ черный дымъ. Что-то выносили въ узлахъ, бросали. Звали кого-то, ломали ставни. Запертый скотъ ревѣлъ. Шумъ прибывавшаго народа росъ и становился несвязнѣе. Огромной толпой, въ сторонѣ отъ пожара, стояли бабы съ ребятами, тупо глядя на объятую пламенемъ, съ шумомъ рухнувшую крышу. Вдругъ съ краю запылалъ новый пожаръ. Мужики съ руганью и смѣхомъ отхлынули къ тому пожару, перебираясь лугомъ, чтобы не залѣзать въ лаптяхъ въ самую грязь. Впереди ихъ шелъ старикъ въ рваномъ зипунѣ и зимней шапкѣ, размахивавшій руками и что-то говорившій толпѣ.

— А кады, говорять,—долетѣло до Вержина,—что жидамъ таперь землю покуплять воля дадена, а прочихъ правовъ православнымъ христіанамъ съ ими дожидать, мало что сжегши ихъ передушить, а которыхъ вовсе, что въ ерусалимскую государство въ Ягипетъ!

Пламя и зарево пожара освѣщало мужицкія лица; бороды ихъ мотались по вѣтру, и вихры волосъ, вылѣзая изъ-подъ шапокъ и картузовъ, еще страшнѣе оттѣняли ихъ суровыя, завѣтрившія морды. Старикъ снялъ шапку и перекрестился широкимъ крестомъ. Въ это мгновеніе вѣтеръ промчался и поднялъ дыбомъ сѣдые волосы и растрепалъ бороду. Онъ насупился и крикнулъ что-то мужикамъ. Мужики перекрестились. Тогда трое двинулись къ забору, рванули его, и онъ повалился со стономъ на загоравшійся сарайчикъ. Мужики бросились громить евреевъ.

Въ это самое мгновеніе Вержинъ вскочилъ на крыльцо и, схвативъ топоръ изъ-за пояса, крикнулъ:

— Назадъ, черти!

Онъ замахнулся топоромъ и сошвырнулъ старика въ грязь. Старикъ исчезъ въ темнотѣ, и никто не видѣлъ его. Въ толпѣ раздались ругательства, и неясный гулъ пронесся изъ заднихъ рядовъ.

Съ остервенѣніемъ бросились на Вержина тѣ трое, которые ломали заборъ, расшибая на пути какой-то боченокъ. Двѣ пылающія головни сорвались съ сосѣдняго дома и рухнули невдалекѣ отъ крыльца. Вержинъ схватилъ головню и пустилъ ею въ налетавшаго на него безносаго парня. Головня со свистомъ трахнула его въ грудь и опалила тулупъ и волосы.

— Убью!—неистово завопилъ Вержинъ, выхватывая изъ кармана револьверъ.

Парень качнулся и схватился за бокъ. Онъ тупо глядѣлъ на Вержина и прижималъ къ себѣ головню. Одежда пылала на немъ. Толпа съ ревомъ валила черезъ заборъ, и рыжій мужикъ въ рваномъ тулупѣ разбивалъ коломъ дверь въ дальнемъ чуланѣ. Мужики вваливались въ окна и двери. Вержинъ выстрѣлилъ. Выстрѣлъ бацнулъ, и эхо повторило его. Человѣкъ пять остановилось.

— Назадъ,—такъ же неистово закричалъ Вержинъ, и голосъ его слышали всѣ и видѣли, какъ глаза мерцали огнемъ вмѣстѣ съ языками пожара.

— Слышали, дьяволы, вонъ! стану стрѣлять въ каждаго, вонъ!— все громче и громче кричалъ онъ, стрѣляя въ направленіи толпы.

Толпа отхлынула, и кто-то завопилъ:

— Развѣ мы что, мы ничаво.

И всѣ разомъ стали подаваться назадъ. Но все еще видно было, что толпа неохотно отходитъ, и за крикнувшими «мы ничаво» никто не повторилъ. Вержинъ, продолжая такъ же неистово кричать, бросился на двухъ мужиковъ, тащившихъ изъ лавки куль овса, ударилъ одного изо всей силы кулакомъ въ зубы и сбилъ съ ногъ другого. Первый зашатался и схватился за носъ. Изо рта и носа потекла кровь. Въ толпѣ раздался неясный говоръ и гулъ. Въ это время къ Вержину бросились два урядника и помпмашинистъ съ криками:

— Стрѣлять прикажете?

— Стой! — скомандовалъ Вержинъ.—Мерзавцы, ироды! Слышали? Нѣтъ?

— Виноваты, ваше благородіе,—повалились первые передъ заборомъ.

— Виноваты,—загудѣла толпа и поснимала шапки.

— Кормилецъ... касатикъ... Матерь Божія, — выли бабы въ ужасѣ, столпившись въ полумракѣ, освѣщенномъ мерцающимъ пожаромъ...

И теперь безцѣльно бродя въ темнотѣ отъ угла до угла, Вержинъ почему-то вспомнилъ эту сцену съ полной яркостью, оттого ли, что съ низу доносился несвязный гулъ, оттого ли, что въ окно смотрѣла такая черная ночь, какая и тогда топила всѣ деревни и села, изъ которыхъ набрела эта сѣрая толпа. Онъ зажегъ свѣчи и, раскрывая книгу, почему-то вспомнилъ свою жену и именно такую, какой видѣлъ онъ ее въ послѣдній разъ. Вержинъ тряхнулъ головой, отгоняя воспоминанія, опустился на стулъ, раскрылъ книгу и принялся читать. Онъ читалъ. Но яркія воспоминанія снова унесли его далеко, далеко отсюда...

Онъ постучался къ ней вечеромъ, въ десятомъ часу. Она не ждала его. Такъ же, какъ онъ теперь, она сидѣла передъ раскрытой книгой, и видно было, что она уже долго сидитъ такъ, защемивъ голову между ладонями, и смотритъ передъ собой сухими, широко раскрытыми глазами. Когда онъ вошелъ, она встала къ нему навстрѣчу и не улыбнулась, никакъ не измѣнилась въ лицѣ и молча протянула ему руку. Она была, какъ всегда, въ какомъ-то темномъ платьѣ, съ распущенной косой, такая же, какой онъ помнилъ ее еще дѣвушкой. Ея тонкая и немного сутулая фигура осталась совершенно такой же, и трудно было узнать въ ней женщину и мать. Вержинъ тотчасъ же понялъ по сухимъ, широко раскрытымъ глазамъ, что она просиживаетъ такъ не первую безсонную ночь. Онъ читалъ въ этихъ остановившихся глазахъ много мученія, много непролитыхъ слезъ, — и ея лицо, Боже мой, ея лицо теперь напоминала ему эта блѣдная дѣвушка, которую онъ только что видѣлъ внизу, среди пьяныхъ гостей! Блѣдная дѣвушка напомнила ему прошлое. Столько общаго, столько серьезной наивности, столько въ робкихъ манерахъ женственной мягкости. И вотъ онъ ясно видитъ номеръ гостиницы и спящаго на кушеткѣ сына, котораго жена бережно прикрыла пледомъ. И онъ самъ стоитъ передъ столомъ и говоритъ:

— Сегодня я уѣзжаю черезъ часъ. Пришелъ проститься.

И ненависть, и страсть душатъ его, и онъ боится зарыдать и наслаждается, какъ колетъ онъ каждымъ своимъ великодушнымъ словомъ въ ея раскрытую рану.

— Всѣ формальности, кажется, улажены, — продолжаетъ онъ, — ...ю долю ты получила, и денежные счеты покончены.

Онъ слышитъ теперь подъ шумъ этого разметавшагося сада ея ...ій голосъ: «да».

— Ты понимаешь,—говорить она такъ же тихо,—я не могу обманывать, я не могу лгать тебѣ. Если я привязалась къ другому, если я люблю его...

Онъ не слушалъ ея. Онъ смотрѣлъ на спящаго сына, и въ сердцѣ такъ больно ломалось что-то и къ груди подступали рыданія, но онъ превозмогъ себя.

— Мы уѣдемъ въ Италію за границу и не вернемся,—слышитъ онъ ея слова.

Но видитъ только одно, какъ зашевелился сынъ и приподнялся. Отъ его ли свинцоваго взгляда, отъ раздавшагося ли шепота любимыхъ голосовъ ребенокъ проснулся и вскочилъ. И на худомъ, выразительномъ и умномъ лицѣ его, гдѣ такъ и остались слѣды высохшихъ слезъ, вдругъ изобразился дѣтскій ужасъ, и дѣтскія черты исказились отчаяніемъ.

— Папа, папа, папочка, не уходи отъ насъ,—зарыдалъ мальчикъ, схватывая за руку отца.—Пожалѣй меня, ради Бога, прости мамочку и меня. Вѣдь не могу же я остаться безъ мамы, не могу, не могу, не могу,—едва внятно и съ жаромъ шепталъ онъ, осыпая поцѣлуями руки отца.

Собравъ всѣ силы свои, онъ сжималъ эти руки и рыдалъ, умоляя о чемъ-то. Вержинъ осторожно освободился отъ судорожно сжатыхъ ручонокъ сына, горячо поцѣловалъ его и тихо сказалъ женѣ:

— Вотъ видишь, до чего ты довела ребенка.

И она еще больше расширила глаза, хотѣла сказать что-то, губы прошептали беззвучно, и Вержинъ не понялъ этихъ словъ. Его мальчикъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, рыдалъ, уткнувшись въ мамины колѣни.

И теперь онъ спрашивалъ себя, что же были это за слова, что сказала, что отвѣтила она ему? . . . .

Легкій стукъ оторвалъ его отъ скорбныхъ воспоминаній.

— Войдите,—откликнулся онъ.

Въ дверь просунулось любопытное лицо Дуняши, и она сказала:

— Пожалуйте чай кушать, всѣ собрамши сидять.

Онъ вышелъ изъ комнаты и, нервно поправляя сорочку, спустился внизъ.

Чай пили не всѣ, но было такъ же шумно и пьяно. Черезъ полчаса подали лошадей, и шестеро, съ генераломъ во главѣ, прощались съ хозяиномъ, обнимая его и цѣлуя.

— Посошокъ на дорожку,—говорилъ хозяинъ, самъ разливая вино по бокаламъ.

Выпили, чокались, снова цѣловались, и уже не въ силахъ выговаривать цѣлыя предложенія, только пожимали выразительно руки, восклицали и цѣловались.

Передъ Таней адвокатъ началъ какую-то рѣчь, но покачнулся и, впившись въ руку жирными губами, только молча моргалъ, глядя на нее своими влажными, налившимися кровью глазами. Остальные послѣдовали его примѣру и молча цѣловали ея руку.

Отецъ и Таня, принужденно улыбаясь, звали гостей снова поохотиться и просили не забывать. Она вышла проводить ихъ въ переднюю, но сейчасъ же возвратилась къ остальнымъ гостямъ. Она не сумѣла скрыть своего отвращенія и тщательно вытирала носовымъ платкомъ руку, которую они цѣловали. Вержинъ (онъ сѣлъ нарочно рядомъ съ Таней) усмѣхнулся и спросилъ, но спросилъ совсѣмъ просто и громко, глядя на Таню:

— Тяжело вамъ, должно быть?

Таня вспыхнула, но сдѣлала видъ, будто не поняла его, и отвѣтила:

— Нѣтъ, теперь ужъ я привыкла къ деревнѣ, и меня совершенно не тянетъ въ Москву. Только страшно хочется музыки, послушать бы концертъ или оперу. Вотъ «Снѣгурочку» я бы послушала.

— Да, музыка, искусство, комфортъ,—протянулъ онъ,—нѣтъ, я не о томъ васъ спросилъ.

И у нихъ мигомъ полились такіе простые и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекавшіе ихъ разговоры. И это облегчало, заставляло смѣяться, и хотѣлось говорить обо всемъ.

— Понимаешь, я, такъ сказать, поклонникъ дамскаго общества,—хрипѣлъ господинъ съ баками, покачиваясь на стулѣ, ты пойми, я такъ созданъ, что, такъ сказать, не могу жить безъ женщины, понимаешь, просто вотъ обожаю.

— Я совершенно аналогичное,—замѣтилъ жандармскій генералъ, подбавляя въ стаканъ себѣ рому,—но я люблю не всякую женщину. Э-э, былъ такой случай.

И тутъ онъ принялся разсказывать новый анекдотъ, еще циничнѣе и грязнѣе первыхъ.

Анекдоты и наблюденія полились обильнымъ потокомъ, и каждый ст рался оживить общество и вызвать одобреніе. Всѣ говорили вмѣстѣ, и никто не слушалъ другъ друга. Понемногу начинали раздражаться начинали кричать и говорить дерзости. Крикъ становился похожимъ на скандалъ.

Тани замирало сердце, но она не хотѣла показать виду, что ей

непріятно и страшно. Ей обидно и горько было за себя и отца. Стыдно было за него и за себя передъ этимъ человѣкомъ, который такъ внимательно и ласково говорилъ съ ней...

Было заполночь. Таня сидѣла въ креслѣ возлѣ рояля. Вержинъ стоялъ, облокотившись на спинку другого кресла. Въ домѣ не раздавалось ни звука. Только часы въ разныхъ комнатахъ тикали по разному, и оттого казалось, что все кто-то осторожно крадется и постоянно мѣняетъ шагъ.

— Мнѣ кажется, вы больше всего не правы въ томъ,—говорила Таня,—что вы всѣхъ обвиняете. Такъ нельзя.

— Кого же я обвиняю? Наоборотъ, я говорю только, что вотъ существуетъ цѣлый рядъ фактовъ, которые дѣлаютъ деревенскую жизнь уродливой, а для молодыхъ, нервныхъ людей невыносимой. Вы говорите, васъ мучаетъ, какъ поступить съ Мѣдневскимъ учителемъ, котораго прогнали изъ земства? Но вѣдь это же общее явленіе. Попъ и становой, если попечитель не благоволитъ, пишутъ доносы на учителей, которые начинаютъ сближаться съ народомъ. Вѣдь вы же говорили мнѣ, что васъ перестало коробить отъ здѣшнихъ сплетенъ, отъ здѣшней манеры безъ злого умысла облить грязью человѣка. Это вовсе не поэзія разочарованія, а единственный выводъ, который только можно сдѣлать: не мучить себя, не возмущаться, а идти противъ тьмы другимъ путемъ. Нужны измѣненія по широкому масштабу, а не романтическое самопожертвованіе ради минуты.

— Я увѣрена,—перебила его Таня,—вы сознаетесь, что это только слова. Если вы проходите равнодушнымъ мимо голоднаго, васъ не захватитъ никакая работа, ни по какому масштабу для этихъ голодныхъ. Нѣтъ, вы начали искренно. А вѣдь это вы сказали совсѣмъ не по совѣсти.

И въ ту минуту, когда она говорила ему это, въ душѣ ея шевельнулось смутное, странное чувство. Грудь поднялась высоко, и ее наполнило нѣчто пьянящее и одурманившее на мгновеніе, голова слабо закружилась, но было чудно, и она еще болѣе по-дѣтски, внимательно посмотрѣла на Вержина и улыбнулась. И въ это мгновеніе она почувствовала: что-то должно произойти, и до того необыкновенное, прекрасное, занимающее духъ (точно когда высоко поднимешься во снѣ), что ей захотѣлось этого, она какъ бы потянулась куда-то, и вдругъ сдѣлалось страшно. Страшно того, что послѣ этого все, все должно измѣниться. И она быстро откинулась на спинку кресла.

А Вержинъ стоялъ, точно ничего не замѣчая. Но онъ все это ясно почувствовалъ и, грустно опустивъ голову на руки, заговорилъ:

— Да нѣтъ же, должно быть, вы не понимаете меня. Я хочу сказать: вѣдь нельзя же не согласиться, что западный крестьянинъ, въ частности возьмемъ южно-нѣмецкаго крестьянина средняго достатка, имѣетъ въ большей степени развитымъ то чувство, которое спаиваетъ его съ остальными въ общественную группу: чувство солидарности и собственнаго достоинства. Ни того, ни другого у нашихъ мужиковъ нѣтъ вовсе. Но зато въ нихъ есть глубокій интересъ ко всякому широко поставленному вопросу, и этимъ его скорѣй увлечешь, онъ способенъ понимать и живо чувствовать общекультурные интересы, къ которымъ тѣ остаются глухи. Но только въ бесѣдѣ, а не на дѣлѣ. На дѣлѣ мужикъ такъ теменъ и дикъ, что онъ почти всегда чувствуетъ себя безвыходно запутавшимся въ тѣхъ элементарныхъ понятіяхъ, съ которыми не разлученъ онъ всю свою жизнь. Да нѣтъ, что тамъ толковать, тысячи различныхъ мелочей перепутались съ главнымъ, и страшно ошибиться и принять мелочь за самое главное. Ну, вотъ пустяки, кажется, а развѣ это не типично? У насъ въ законодательствѣ: всякій проступокъ, совершонный въ нетрезвомъ видѣ, признается заслуживающимъ снисхожденія. Въ финляндскомъ законодательствѣ наоборотъ: за таковой же проступокъ, совершонный въ пьяномъ видѣ, взыскиваютъ вдвое. Въ Финляндіи нашли способъ борьбы съ опаиваніемъ водкой народа и запретили въ ресторанахъ пить водку, не съѣвъ обѣда или вообще пищи на опредѣленную, не помню какую, сумму.

Вержинъ ходилъ по комнатѣ большими шагами по привычкѣ, нервно теребя бороду и закусывая усъ.

— Я еще былъ студентомъ, и меня, помню, тогда еще увлекало за границей это удивительное уваженіе къ труду другого и просочившійся въ каждую мелочь ихъ жизни разсчетъ не потерять напрасно время. Это удивительная и даже, на мой взглядъ, обаятельная черта.

Онъ ходилъ по комнатѣ и много, много говорилъ. Таня не понимала его словъ, она слушала только звуки его голоса и, вспыхивая, волнуясь, впивалась въ его темные глаза. Смутное чувство бушевало въ ея груди и вырывало послѣднія силы. Вдругъ Таня протянула Вержину руку и прошептала съ усиліемъ, не спуская глазъ съ его блѣднаго лица: «прощайте». Нетвердыми шагами она вышла изъ комнаты.

петный свѣтъ роняетъ лампада, пламя которой мерцаетъ сла-

бымъ отблескомъ въ потускнѣвшихъ ризахъ иконъ. На окнѣ спущена темная гардина. Въ комнатѣ много цвѣтовъ, и надъ письменнымъ столомъ склоняется пальма. Въ этой большой, уютной комнатѣ, такой чистой, какъ келья, никогда не раздается рѣзкаго стука. Мягкій коверъ скрадываетъ каждый звукъ. Садъ такъ же неугомонно шумитъ, и порой слышатся изъ-за этого шума чьи-то безпокойные крики и голоса. Дверца печной заслонки такъ же стонетъ. Но сквозь эти звуки прорывается плачъ. Уткнувшись въ подушку, сжавъ свою голову, Таня плачетъ... Зачѣмъ ей заглушать свои рыданія,—ее все равно никто не услышитъ.

В. Сахновскій.

Морозъ.

Дрожитъ за пашнями опаловая даль,
Въ извилинахъ бороздъ червонныхъ лужъ осколки.
Березки по межамъ, какъ въ нѣжную вуаль,
Одѣла изморозь въ пушистыя иголки.

Сверкаютъ гладкія сухія колеи
И гребни острые, какъ камень твердой, грязи.
По розовой слюдѣ морозные штрихи
Бѣлѣютъ, какъ слѣды старинной книжной вязи.

На блѣдномъ небѣ нѣтъ ни облака. Виситъ
Мерцающая высь прозрачнымъ льдомъ сурово.
Сѣдой туманный лѣсъ чего-то ждетъ, молчитъ
И солнце малое болѣзненно багрово.

Левъ Зиловъ.

Усталость.

Мнѣ кажется—я сплю прозрачнымъ, чуткимъ сномъ,
Что мѣрно надо мной поютъ речитативомъ
Дешевые часы, и мирно подъ окномъ
Чирикаетъ снигирь въ бездѣльѣ терпѣливомъ.

А на, заботливо подложенномъ, сукнѣ
За тонкою стѣной стучитъ трудолюбиво
Машинка, ножницы скрежещутъ въ полуснѣ
И звякаютъ о столъ неловко и трусливо.

Трепещутъ сумерки. На изразцахъ печи
Безшумно движутся причудливыя тѣни...
И я боюсь во снѣ проснуться, отойти
Отъ этихъ мягкихъ грёзъ, отъ этой чудной лѣни.

Левъ Зиловъ.

ТОЛПА.

Очеркъ.

Казалось, что въ эту осеннюю пору самъ воздухъ зараженъ былъ всевозможными слухами и толками. Казалось, они плавали въ немъ, вмѣстѣ съ началами жизни и смерти—приходили и уходили неизвѣстно зачѣмъ и куда. Какая-то непостижимая сила вызывала ихъ къ бытію, чтобы затѣмъ они исчезли въ ненасытной безднѣ былого...

Откуда и какъ выходили, росли и сливались между собой всѣ эти враждебные и чуждые другъ другу слухи—для всѣхъ это было загадкой. Какъ невозможно опредѣлить, въ какой именно мѣстности набрала и прольетъ туча свой дождь, такъ невозможно было указать, гдѣ и какимъ образомъ они черпали свое начало и затѣмъ, какъ ползучіе корни, пускали сотни своихъ развѣтвленій. Порой, они выростали внезапно, при встрѣчѣ двухъ-трехъ знакомыхъ между собою людей, и точно неотступныя тѣни сопровождали ихъ... Одно какое-нибудь двусмысленно оброненное слово облекалось въ предположеніе, которое постепенно затѣмъ развивалось въ примѣръ, примѣръ, въ свою очередь, выросталъ въ непреложное событіе, украшенное подробнымъ описаніемъ мелочей...

И вѣрили всѣ этимъ толкамъ и слухамъ.

Говорили, что изъ Кораблева идетъ на Шполово толпа «зубастовщиковъ», что по дорогѣ она громитъ и сжигаетъ помѣщичьи ус[illegible]ьбы, вѣшаетъ и убиваетъ жидовъ и богатыхъ. Но больше всего бы[illegible] толковъ о томъ, какъ «зубастовщики» расправляются съ «нача[illegible]твомъ», начиная съ министра и кончая десятскимъ. Говорили, чт[illegible]ъ уѣздномъ городѣ, Причалахъ, они зажгли ночью полицейскій уч[illegible]токъ, въ которомъ отсиживался исправникъ съ двадцатью воор[illegible]ченными стражниками. Три дня и три ночи осаждала толпа этотъ до[illegible]три дня и три ночи стрѣляли въ нее изъ оконъ и дверей,—

наконецъ, стѣны участка облили керосиномъ и зажгли съ трехъ сторонъ. И когда исправникъ пытался бѣжать изъ пылающагося зданія, «зубастовщики» поймали его и бросили снова въ огонь.

Всѣ также знали, кто и руководитъ этой толпой. Это былъ ловкій стрѣлокъ и силачъ; его звали—Палюля. Расходились только въ опредѣленіи—кто онъ и откуда появился въ этихъ краяхъ. Одни говорили, что это—петербургскій священникъ, другіе называли его матросомъ съ броненосца «Потемкинъ», для третьихъ онъ былъ генералъ, бѣжавшій съ войны.

Но самымъ настойчивымъ слухомъ являлись толки о томъ, что Палюля, съ толпой «зубастовщиковъ, приближается къ Шполову, и завтра, въ день ярмарки, будетъ ужъ здѣсь. Онъ прислалъ ужъ сюда «манифесты» съ золотыми словами, которые и прежде появлялись на улицахъ мѣстечка, хотя рѣдко кто находилъ ихъ тогда. На этотъ разъ ихъ читали и видѣли всѣ. Несмотря однако на это, никто не могъ сказать, не противорѣча другимъ, что̀ напечатано въ нихъ. Одни читали тамъ, что земля и всѣ богатства дворянъ и чиновниковъ переходятъ теперь въ руки крестьянъ и рабочихъ; другіе не встрѣчали тамъ «ничего подобнаго», но хорошо помнятъ, что въ «манифестѣ» наказывали не слушаться какихъ-то анархистовъ,—должно быть, всѣхъ, кто будетъ тянуть руку за антихриста, который уже родился въ Кронштадтѣ; третьи же только и видѣли—зато собственными глазами—что «манифесты» были безъ орла и царской печати, такъ какъ ихъ отобрали у Палюли, и онъ проситъ теперь всѣхъ православныхъ «не допустить его до такой смертной обиды».

Извѣстіе о приближеніи къ Шполову «зубастовщиковъ» вывело изъ вѣчно дремотнаго состоянія волостного старшину. Правителемъ всего большого мѣстечка былъ теперь, въ сущности, онъ. Рѣшеніе дѣйствовать явилось у него плодомъ серьезнаго совѣщанія съ писаремъ, который долго старался убѣдить его въ этомъ. И ему, неожиданно для всѣхъ, а больше всего—для него, пришла вдругъ въ голову мысль, проявить теперь всю свою власть. Отъ земскаго начальника нельзя было теперь ждать какихъ-нибудь «указаній», такъ какъ онъ давно уже бѣжалъ изъ своего имѣнія въ городъ, а исправника изжарилъ Палюля въ Причалахъ—объ этомъ вѣдь всѣ говорятъ. Что же касается помощника полицейскаго надзирателя, у котораго прошлый годъ мыши перегрызли ржавую шашку, то онъ вообще мало заботится о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя постигнутъ мѣстечко съ приходомъ Палюли. Онъ давно уже держитъ носъ по верхамъ и ожидаетъ лишь удобнаго случая, чтобы «дать стрекача» вслѣдъ за земскимъ начальникомъ.

И когда, къ вечеру, слухи о приближеніи Палюли воплотились въ событіе, которое, хотя и не совершилось еще, но неизбѣжно должно совершиться, старшина послалъ по мѣстечку десятскихъ, чтобы они созвали на сходъ все населеніе. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что нужно рѣшить всѣмъ міромъ, какъ принять имъ Палюлю — другъ ли онъ имъ, или недругъ? Сюда же онъ нашелъ нужнымъ пригласить всѣхъ евреевъ, поповъ и богатыхъ. Это было сдѣлано имъ съ той самой цѣлью, что если міръ выскажется за поддержку Палюли, то, чтобы они никого не винили за всѣ тѣ напасти, которыя ждутъ ихъ съ приходомъ его.

Наступила уже угрюмая осенняя ночь, когда къ волости по всѣмъ улицамъ и переулкамъ потянулся народъ. Шли туда старики и женщины, и дѣти, шли торопливо, съ возбужденными лицами, съ мыслями, впервые начавшими безпокойно бродить въ ихъ тупыхъ и спокойныхъ, какъ стоячія болота, мозгахъ.

И всю ночь напролетъ въ зданіи волости стоялъ рокочущій гомонъ, всю ночь волновалось тамъ море головъ, и всю ночь говорили тамъ всѣ, кто только могъ что-либо сказать.

Особеннымъ успѣхомъ пользовались тамъ рѣчи фабричныхъ рабочихъ, жившихъ одно время въ столицѣ. Давно уже ходила молва, что они собираютъ въ праздничные дни молодежь и учатъ ее «по демократскимъ книжкамъ, какъ нужно стрѣлять». Многіе подозрѣвали, что это они печатаютъ и распространяютъ ночью листки и «манифесты».

И вотъ теперь они говорили такія слова, какихъ никто и никогда не произносилъ въ этомъ зданіи, какихъ никто не ожидалъ услышать отъ нихъ, отъ этихъ непутевыхъ людей. Слова эти были жгучими искрами, падавшими въ темныя души обывателей. Они разрастались тамъ въ бурное пламя, истреблявшее исконные взгляды и понятія. Подъ вліяніемъ ихъ вся эта восьмитысячная толпа прозрѣла вдругъ, слѣпорожденная, и увидѣла вещи въ иномъ видѣ. Всѣ прежнія смутныя представленія о власти и правѣ уступили свое мѣсто новымъ и яснымъ, — они приняли другой смыслъ. Ораторы убѣждали населеніе дать отпоръ надвигающейся шайкѣ п громщиковъ, избивающихъ исключительно беззащитныхъ евреевъ. П редъ всѣмъ міромъ рабочіе просто и ясно обрисовали характеръ п громовъ, вся цѣль которыхъ сводилась къ тому, чтобы раздробить в этотъ важный моментъ революціонныя силы...

И казалось, что изъ всей этой толпы не было теперь ни одного ч ловѣка, который въ настоящій моментъ отказался бы пожертвов ь своей жизнью во имя свободы. Всѣ единодушно рѣшили не до-

пустить погромщиковъ въ городъ, если они завтра придутъ. Условились при первомъ ихъ появленіи извѣстить жителей звономъ въ набатъ, чтобы въ это время вооружиться чѣмъ попало всѣмъ поголовно и выйти за городъ, навстрѣчу громиламъ. А такъ какъ никто не былъ увѣренъ, съ какой стороны они могли появиться, то распредѣлили надзоръ и дежурство на всѣхъ дорогахъ и въѣздахъ. Молодежь взяла на себя роль конныхъ развѣдчиковъ. Изъ нея же были составлены три отряда дружинниковъ, преимущественно изъ еврейскихъ рабочихъ. Въ каждомъ изъ нихъ были свои начальники и вѣстовые, а въ первомъ даже былъ барабанщикъ. Каждый отрядъ долженъ былъ охранять свой опредѣленный участокъ, а также на его обязанности лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не продавалъ водку тайкомъ: монопольки рѣшено было на сходѣ закрыть на все время ярмарки и около каждой изъ нихъ поставить охрану.

Было непривѣтливое сѣрое утро. Небо казалось засаленнымъ, жирнымъ, какъ студень. На немъ лежала изжелта сѣрая хмара, безъ тучъ, безъ обрывовъ. Отъ края до края оно было подернуто тягуче-однообразной, сырой пеленой, сквозь которую просѣивался и падалъ лѣниво мелкій, жиденькій дождь. И земля, давно уже пресыщенная имъ, оттого становилась скользкой и сочной, какъ напоенная чернилами губка. Она уже не принимала въ себя этотъ дождь, и онъ скользилъ по ней сиротливыми струйками въ канавы и рвы. На дорогѣ блестѣла переливами грязь—липкая и черная, какъ жидкая смола. Всякій разъ, когда проходило по ней колесо крестьянской телѣги, грязь цѣплялась за ободъ, за спицы и догоняла его полоской влажной земли...

Еще еле забрезжилъ разсвѣтъ, какъ къ мѣстечку потянулись уже крикливые обозы крестьянскихъ возовъ, нагруженные громоздкой деревянной посудой, пенькой, лыками, сѣномъ, дровами. Были между ними и пустыя телѣги съ ѣхавшими на ярмарку погулять или сдѣлать покупки. Насколько гуси внимательно смотрѣли съ возовъ и предостерегающе перекликались между собой, настолько безучастно и молчаливо сидѣли тамъ индюки. По дорогѣ проходили табуны цыганскихъ коней; за ними лѣниво тащились гурты и одиночки понурыхъ коровъ. Отъ поры до поры блеяли испуганно овцы, кудахтали настойчиво куры. Мѣстечко стало наполняться мало-по-малу разнообразными звуками, шумомъ. По улицамъ замелькали, гарцуя, верховые цыгане. Между вовозъ засуетились евреи—продавцы и покупатели. Они на-ходу торговались, покупали, божились. Правда, божба ихъ на русскомъ языкѣ не убѣждала кре-

стьянъ, и они требовали, чтобъ жидъ побожился «по-своему»—их бін аід *). Откуда почерпнули они, что эти слова являются для еврея самой страшной клятвой, они и сами не знали, такъ же какъ и не знали ихъ перевода. Многія опредѣленія кажутся человѣку полными тайнаго смысла, пока его мозгъ носитъ въ себѣ желаніе тайны...

Скоро вся базарная площадь представляла собою зыбучее море головъ. Пахло навозомъ, пòтомъ и дымомъ. Изъ волнующагося гула толпы не выдѣлялось теперь ни одного рѣзкаго звука: все поглощало въ себя и затягивало, точно въ трясину, рокотаніе шума. Какъ равномѣрный прибой, онъ то приливалъ, то опадалъ.

Въ этой части базара собралась толпа ротозѣевъ и пріѣхавшихъ на ярмарку повеселиться крестьянъ. Конная площадь находилась за корпусомъ лавокъ, и спокойствіе ихъ не нарушалось никѣмъ. Они лѣниво толклись на одномъ мѣстѣ, стояли и смотрѣли безучастно другъ другу въ затылки. Имъ некуда было спѣшить. Только порой то одинъ, то другой изъ зѣвакъ перемѣнялъ равнодушно свой пунктъ наблюденій. Шлепая мокрыми лаптями по вязкой грязи, онъ одно время нехотя слонялся отъ балагана къ балагану, отъ палатки къ палаткѣ, пока, наконецъ, утроба толпы не втягивала его опять въ себя. И всѣмъ было скучно, и холодно было, мокро и сыро. Всѣмъ нехватало того, зачѣмъ въ сущности и собралась здѣсь вся эта кучка людей. Не было водки, поэтому не было и пьяныхъ, способныхъ внести забаву и смѣхъ. Если бы не этотъ Палюля, котораго боятся такъ горожане, то половина толпы давно бы уже развеселила себя. Особенно большую потребность въ этомъ чувствовали тѣ изъ крестьянъ, которые расторговались уже. Они не имѣли возможности даже распить магарычъ. И неопредѣленная, скрытая злоба стала ярче и сильнѣе проявляться въ душахъ обманутыхъ въ своихъ надеждахъ гулякъ. Не задумываясь надъ тѣмъ, что несетъ съ собой приходъ «зубастовщиковъ», многіе въ тайнѣ желали его. Это желаніе, вначалѣ смутное и робкое, перешло постепенно въ ясно выраженное стремленіе, когда среди нихъ появились вдругъ «манифесты». Кто ихъ пустилъ въ толпу, не знали даже и тѣ, въ чьи руки попали они ...жде всего. Въ этихъ «манифестахъ» именемъ Царя призывали ...хъ православныхъ встать въ защиту его отъ жидовъ, желающихъ ...тавить на мѣсто его, своего царя—«Гиршу». Кромѣ того, въ ...ь царь разрѣшалъ всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ изводить ...молу всевозможными мѣрами.

---

*) Я есмь іудей.

Несмотря однако на то, что «манифесты» являлись какъ бы указомъ царя, они переходили изъ рукъ въ руки тайкомъ, незамѣтно, какъ что-то преступное. Ихъ не рѣшались даже открыто читать и передавали устно ихъ содержаніе. Особенно боялись попасться съ ними на глаза дружинникамъ или горожанамъ. Послѣдніе уже заперли въ пожарную каланчу одного странника изъ монаховъ, который пытался наклеить на заборѣ такой «манифестъ». Въ общемъ почти никто изъ толпы не вѣрилъ въ то, что говорилось въ этихъ листкахъ. Но вѣрить хотѣлось, потому что хотѣлось и выпить.

Къ вечеру многіе крестьяне начали собираться домой. Оставаться въ мѣстечкѣ на ночь незачѣмъ было. Одни уже распродали свои товары, другіе купили все, что нужно въ хозяйствѣ. Надежды на то, что завтра можно будетъ достать веселухи, не было больше. Три дня— заявляли имъ прямо—монопольки будутъ закрыты; никто не продастъ и одной рюмки водки.

И вотъ въ это время, какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ заявленіемъ, среди возовъ и толпы стали изрѣдка попадаться «подгулявшіе малость». Ихъ было немного, всего пять-шесть человѣкъ, терявшихся въ массѣ. Гдѣ и какой цѣной добыли они себѣ водки, для всѣхъ это стало вопросомъ. Говорили между собой, что кто-то привезъ ее изъ ближайшаго села и теперь продаетъ ее за городомъ въ рощѣ. Однако, никто не зналъ этого точно, были лишь смутные слухи. Тѣмъ не менѣе появленіе подгулявшихъ среди изнывающей отъ тоски толпы вызвало зависть и уваженіе къ нимъ.

Всѣ наперебой пытались незамѣтно для горожанъ «подмазаться» къ этимъ счастливцамъ и выпытать, гдѣ раздобыли они веселухи. Попытки ихъ были напрасны: счастливцы не хотѣли дѣлиться своимъ счастьемъ съ другими. Они отнѣкивались на всѣ вопросы или говорили, что привезли по косушкѣ съ собой изъ деревни. Одинъ только изъ нихъ, сѣдой бритый старикъ изъ николаевскихъ «бравыхъ» солдатъ, былъ болѣе сговорчивъ. Онъ заплетающимся языкомъ посылалъ всѣхъ за городъ въ Ляховъ оврагъ; тамъ, по его словамъ, раздавали водку кому угодно даромъ. Но когда нѣсколько человѣкъ изъ жаждущихъ выпить сходили туда и ничего тамъ не нашли, кромѣ кучки босяковъ, видимо спавшей подъ кирпичнымъ сараемъ,—всѣ перестали вѣрить солдату. И это обидѣло его въ высшей степени.

— Какъ?!... Ему, служившему двадцать лѣтъ царю и отечеству вѣрой и правдой, проливавшему свою кровь за этихъ насмѣшниковъ, ему не вѣрятъ теперь. «А за что мнѣ повѣсилъ это вотъ все самъ енералъ отъ инфантеріевъ?» спрашивалъ онъ, сверкая глазами, вспыхнувшими вдругъ зловѣщимъ огнемъ. При этомъ онъ билъ

себя крѣпко кулаками по груди, на которой висѣли двѣ медали и Георгіевскій крестъ.

Однако, и послѣ такого вѣскаго и сильнаго довода никто не повѣрилъ ему, и всѣ разбрелись отъ него въ разныя стороны. Ясно вѣдь было, что старикъ хватилъ черезъ край и морочилъ имъ головы.

— Ну, и ловите мухъ, сѣрые черти!—сказалъ онъ, сплюнувъ съ досадой, и пошелъ къ своему возу.

Слегка покачиваясь на своихъ раскоряченныхъ длинныхъ ногахъ, онъ отвязалъ отъ задка своей телѣги пустую «дегтярку» и пошелъ купить дегтя. Въ душѣ его накипала постепенно досада, переходившая въ безпредѣльную злобу. Все чаще и чаще за послѣднее время приходится ему наталкиваться на недовѣріе и непочтительность къ нему молодежи. Вотъ еще разъ теперь его больное самолюбіе стараго вояки было уязвлено, точно жаломъ змѣи. Оно настойчиво требовало себѣ удовлетворенія, и у старика теперь явилась потребность излить какъ-нибудь свою злобу. Ему хотѣлось ругаться, побить кого-либо, впиться зубами въ мягкое и теплое тѣло. И онъ грубо продирался среди равнодушной толпы, толкалъ локтями зѣвакъ и билъ ихъ дегтяркой по ногамъ. Онъ ругался, что ему мѣшаютъ идти.

Въ другое время всѣ его выходки получили бы должный отпоръ, но теперь онѣ никого не обижали, и всѣ его удары и толчки толпа принимала безучастно, какъ нѣчто должное. Къ тому еще солдатъ былъ «на третьемъ взводѣ», а кто можетъ сказать, что пьяный хоть разъ «поставилъ прямо свѣчу»?...

Наконецъ, онъ выбрался изъ средины толпы на свободную площадь, гдѣ съ кувшиномъ въ рукѣ сидѣла торговка въ закапанной дегтемъ одеждѣ и такими же руками. Торговля шла вяло, не бойко, и потому передъ бабой стояла бочка, почти полная дегтя. Невдалекѣ расположилась конкурентка съ бо́льшимъ по размѣрамъ кувшиномъ въ рукѣ. И торговка давно порывалась «добраться» до супротивницы «какъ слѣдуетъ быть», но пока что ограничивалась лишь перебранкой и укорами въ томъ, что мужъ этой шлюхи—міроѣдъ, а сынъ—демократъ и безбожникъ.

Солдатъ подошелъ къ ней въ то самое время, когда она высчитывала всѣ наказанія и кары, какія постигнутъ безбожниковъ на страшномъ судѣ. Но у него были свои огорченія, своя неисходная злоба. Онъ молча поставилъ у ногъ бабы дегтярку и сердито сказалъ:

— Налей-ка мнѣ на десятку *).

*) Названіе теперешнихъ трехъ копеекъ, оставшееся въ Малороссіи отъ до-петровскаго времени, когда монета подобной цѣны называлась десяткой.

Торговка заторопилась. Въ то же время она призывала всевозможныя бѣды на головы богоотступниковъ. А онъ молчалъ и сосредоточенно слушалъ. Но когда торговка надбавила въ дегтярку четверть кувшина, онъ нашелъ нужнымъ ободрить и утѣшить ее:

— Да, да, это вѣрно. Скоро ихъ всѣхъ будутъ вѣшать на горькой осинѣ.

Баба вполнѣ согласилась съ нимъ въ этомъ и уже начала было разсказывать ему, какъ мужъ «этой стервы заѣлъ» триста пудовъ «жита» изъ «мірской магазеи», но тутъ же замѣтила, что солдатъ далъ ей стертый и дырявый пятакъ.

— Э, тѣ-ѣ, служивенькій, мнѣ такіе гроши не нужны!—протянула она и круто измѣнила свой тонъ.

И солдатъ вскинулся вдругъ. Вся накипѣвшая въ сердцѣ его злоба прорвалась наружу. Наконецъ-то явилась возможность излить ее всю.

— А-а-а!—закричалъ онъ неистово и дико.—По-твоему царская монета—обманъ? Ты сама супротивница! Гдѣ становой? Вотъ я тебѣ покажу, какъ не принимать царское обличіе! Что это?—спрашивалъ онъ, тыкая пальцемъ въ еле замѣтное изображеніе орла на монетѣ:—что это—корона, аль нѣтъ?

Онъ подошелъ къ торговкѣ вплотную и, казалось, хотѣлъ уничтожить ее своимъ грознымъ видомъ. Губы его опять побѣлѣли, руки дрожали, онъ задыхался отъ негодованія, охватившаго все его существо. Видимо, ему хотѣлось разнести въ пухъ и прахъ «супротивницу».

Однако, и торговка подъ вліяніемъ плохой выручки, была озлоблена въ эту минуту не меньше его. Она и сама была не прочь сцѣпиться съ кѣмъ-либо. Да это и не ново было. Не было ни одного еще торговаго дня, чтобы онъ прошелъ для нея безъ скандала: то мужикъ не доплатитъ копейку, то найдетъ, что она его обсчитала, то забракуетъ товаръ, говоря, что это не деготь, а «калянница». И всякій разъ она должна была языкомъ и руками насаждать ему сознаніе его ошибки. Въ другое время она, конечно, не упустила бы такого удобнаго случая доказать свою правоту, но на этотъ разъ нашла болѣе выгоднымъ не поднимать кутерьмы. Къ ней подошли еще покупатели, и ей некогда было возиться съ солдатомъ. Скрѣпя сердце, она рѣшила уступить.

— Я, служивенькій, ничего худого не говорю насчетъ ампираторской короны,—сказала она ласково и кротко.—Только никуда не годится она, вотъ такая—не принимаетъ «майданщикъ» *).

*) Майданщикъ-смолокуръ.

— Что-о!—взвизгнулъ солдатъ.—никуда не годится корона? Ахъ ты, паскуда! Вотъ же тебѣ!

И не успѣла еще баба понять свою оплошность, какъ его еще сильный кулакъ упалъ ей на спину. Но тутъ же и пошла кутерьма. Накипавшая весь день досада торговки, въ свою очередь, прорвалась теперь съ бѣшеной силой. Она схватила кувшинъ и ударила имъ въ грудь старика, въ то самое мѣсто, гдѣ на бѣленькихъ ленточкахъ висѣли у него двѣ медали и крестъ.

Выцвѣтшая шинель на груди солдата, его ленточки и всѣ награды за вѣрность превратились вдругъ въ одну черную липкую массу. Отверстіе кувшина пришлось въ это самое мѣсто, и деготь залилъ самое цѣнное и святое вояки. Это было такое кощунственное преступленіе, какого высохшій и выбитый мозгъ старика не могъ вообразить даже и во снѣ.

Онъ ошалѣлъ, какъ собака. Вся бочка дегтя перекувырнулась на бокъ отъ его удара ногой. По землѣ поползла черно-синяя лужа. Взвыла торговка. Одно время нельзя было разобрать, что̀ тутъ происходитъ. Два человѣческихъ тѣла сцѣпились, слились въ одно. Качались они на четырехъ тонкихъ ногахъ, барахтались молча и гнулись. Только иногда вылетали изъ ихъ грудей нечеловѣческіе звуки, одинъ похожій на рычаніе голоднаго звѣря, другой—на дикій визгъ полночной совы.

На смѣну имъ раздавались глухіе стоны, хрипѣніе, удары. И снова визгъ и рычаніе. Снова глухая борьба. Только и слышно, какъ четыре ноги тяжелаго тѣла шлепаютъ по густой лужѣ дегтя. Оно ходило въ кругу довольной скандаломъ кучки зѣвакъ, предупредительно уступавшей ему мѣсто. Одобреніе, возгласы, смѣхъ раздавались кругомъ. Весело стало. И только прибывала все больше и больше толпа, росла, расширялась.

Но вотъ дерущіеся покачнулись въ сторону палатки съ посудой. Лампы, чашки, тарелки, стекла сыплются на землю съ трескомъ. Раздается дребезжаніе и звонъ разбитой посуды. Палатка валится на-бокъ. Еще одинъ шагъ тѣла на четырехъ гибкихъ ногахъ—и лотокъ съ коржами *) падаетъ въ лужу. Коржи катятся подъ ноги [illegible]жно гогочущей толпы. Нѣсколько человѣкъ бросаются въ погоню [illegible] ними и торопливо суютъ ихъ въ карманы, за пазухи, въ ротъ. Хо[illegible]инъ лотка, тщедушный еврей, дѣлаетъ было попытку собрать ихъ [illegible]ть. Но вдругъ чей-то кулакъ толкаетъ его съ такой силой въ [illegible]ину, что онъ падаетъ на молодого коренастаго парня. И рядомъ

*) Подсахаренныя круглыя и тонкія лепешки.

съ первой парой сцѣпившихся въ дракѣ, теперь вырастаетъ другая. Среди нихъ появляется съ палкой въ рукѣ хозяинъ палатки. Это широкоплечій, бородатый москаль. Палка его мелькаетъ нѣсколько разъ въ воздухѣ надъ головою солдата. Но покачнулась еще палатка съ шарфами и ситцемъ. Еще летятъ на землю два-три лотка съ папиросами, съ кольцами, лентами.

Забава растетъ... и все больше и больше. Толпа веселится, ликуетъ.

Теперь уже балаганы и палатки падаютъ подъ напоромъ ревущей толпы. По рукамъ ея ходятъ связки ситцевъ, сбруя, табакъ, полушубки и... кровь. Она уже была пролита въ гущѣ толпы. Тамъ раздавили владѣльца коржовъ. Онъ свалился подъ ноги лошадей, чтобы не подняться изъ-подъ нихъ.

Солдатъ свалилъ куда-то подъ заборъ свою «супротивницу» и теперь кидался и кричалъ. Одежда на немъ была вся изорвана и висѣла лохмотьями. Голова его была разбита. Изъ нея плыла ручьями темно-красная кровь, она кусками запеклас на его тощемъ лицѣ, и оттого казалось, что съ него содрали всю кожу. Впрочемъ, онъ не кричалъ,—онъ вылъ и визжалъ.

— Добрые люди!—хрипѣлъ онъ черезъ силу.—Бьютъ насъ супостаты... жиды подкупили.

— Не робь... не дадимъ!...—вылетѣло изъ толпы неопредѣленно и робко.

— Не попустите, православные хрестяне! — завылъ солдатъ снова.—Свово царя, пархатые, ставятъ!

— Бей ихъ, ребята!—гудѣла толпа болѣе настойчиво и смѣло.

— Братцы!—завизжалъ еще разъ старикъ.—Церкви святыя въ конюшни хотятъ передѣлать!

— Бей нехристей!... Бей, братцы... бе-ей!—ревѣла толпа.

Она заколыхалась, какъ частый очеретъ подъ порывами вѣтра, и хлынула вдругъ къ деревянному корпусу еврейскихъ лавочекъ. Другая ея часть съ пѣснями и свистомъ поплыла къ монопольке.

И тутъ съ колокольни раздался торопливый набатъ. Вся базарная площадь наполнилась вдругъ дикими криками, ударами, стономъ.

Вездѣ поднялась суматоха. Одни, изнемогая отъ страха, бѣжали съ искаженными ужасомъ, блѣдными лицами въ тревожно-спокойныя улицы и сѣяли въ нихъ страшное слово—погромъ. Другіе рѣзво скакали въ гущу толпы, туда, гдѣ слышался грохотъ и шумъ, гдѣ рушилось и падало громоздкое и тяжелое, что-то вродѣ желѣзныхъ дверей или свернутыхъ крышъ. Одни изъ крестьянъ неслись во всю

прыть на телѣгахъ съ товаромъ, другіе—подгоняли ихъ къ мѣсту наживы. Они безжалостно стегали кнутами своихъ тощихъ коней и опрокидывали на пути столики, палатки и лотки. Всюду, гдѣ только проходили цѣпкія оси телѣгъ, онѣ вносили суету и суматоху. Описывая дуги по направленію къ нимъ, замелькали въ воздухѣ разноцвѣтные ситцы и платки, шарфы и коробки. Кружась и качаясь заплавали перья и пухъ. Казалось, сама базарная площадь пускаетъ чудовищный фейрверкъ. А набатъ въ это время все плакалъ и звалъ. Его мѣдные частые звуки сливались между собой въ одну унылую скорбную ноту, и чудилось, будто на этой колокольнѣ, поднимающейся къ небу надъ головою толпы, какъ указательный палецъ, рыдалъ кто-то, скорбный и великій, надъ свѣжей могилой. А можетъ быть онъ себя хоронилъ, этотъ невѣдомый кто-то, или же онъ только теперь лишь постигъ, что онъ заблуждался цѣлую вѣчность, что его сила—лишь немощность, дряблость, что его бывшая власть равна власти пугала...

И среди населенія начался переполохъ, порожденный набатомъ. Часть жителей, предполагая, что онъ есть сигналъ о приближеніи Палюли, бросилась къ въѣздамъ въ мѣстечко. Другая бо̀льшая часть населенія наскоро заперлась въ собственныхъ домахъ на запоры, и каждый успокаивалъ себя тѣмъ, что онъ лично и вчера на сходѣ не согласенъ былъ считать Палюлю врагомъ. Тѣ же, кто находился въ толпѣ, на базарѣ, растерялись, не зная, что дѣлать. А когда движеніе закружило всѣхъ въ своемъ водоворотѣ, то и эти немногіе затерлись въ немъ или бросились по домамъ спасать свое имущество и семьи.

Въ это время сгруппированный въ клубѣ отрядъ дружинниковъ, на обязанности котораго лежала охрана и защита базара, выстроился на улицѣ въ двѣ нестройныя шеренги и подъ самоувѣренный бой барабана быстро направился къ мѣсту погрома.

Численностью своей этотъ отрядъ былъ въ двадцать пять человѣкъ, преимущественно изъ рабочихъ, евреевъ-бундистовъ. Если треть его и составляли молодые русскіе парни, то часть изъ нихъ по дорогѣ незамѣтно отстала отъ товарищей и робко затерлась въ литкахъ домовъ.

Отрядъ сгрудился около корпуса лавокъ. Тамъ въ это время ралось и росло безуміе толпы, тамъ развивалось и крѣпло насиліе. возь рокотаніе звуковъ оттуда доносились порой, какъ диссонансы, хіе крики о помощи и робкія мольбы... Но тамъ же, будто отвѣтъ на нихъ, раздавался звонъ разбиваемыхъ стеколъ и хохотъ, и нь.

Въ рукахъ дружинниковъ сверкнули револьверы. Дружно щелкнули затворы. Одну минуту колебалось молчаніе: это дружинники стояли передъ ревущей толпой. Обѣ стороны измѣряли глазами враждебныя силы. И невидимыя чашки вѣсовъ среди нихъ балансировали... стрѣлка настойчиво шла къ равновѣсію... Но вотъ прозвучала команда—рѣшительно и сухо:

— Въ воздухъ, товарищи... пли!

Рокочущій гулъ толпы прорѣзалъ вдругъ залпъ — острый и дерзкій. Разстояніе между двумя встрѣчными силами, то самое мѣсто, гдѣ онѣ боролись глазами, затянуло волнами дыма. Какъ завывающій звѣрь подъ неожиданнымъ ударомъ хлыста, толпа вдругъ притаилась, смолкла, робко ушла въ себя. Казалось, когда разсѣется дымъ, передъ отрядомъ будетъ валяться укрощенное животное. Оно, извиваясь, будетъ ползать въ грязи и жалко лизать руки укротителя...

Но тутъ неожиданно надъ замершей площадью пронесся дикій, пронзительный визгъ:

— Жиды стрѣляютъ крестянъ! Караулъ!...

— Бей ихъ, ребята!—вызвалъ онъ въ то же мгновеніе ревъ; и утроба толпы опять загоготала.

Дымъ неохотно поднялся къ жирному небу. Два врага снова стояли другъ передъ другомъ.

Отъ кучки дружинниковъ отдѣлился русскій рабочій и пошелъ навстрѣчу толпѣ.

— Братцы! — сказалъ онъ спокойно и громко: — Развѣ Христосъ училъ насъ убивать кого-либо? Опомнитесь, братцы, мы всѣ люди—бра...

Дикій булыжникъ попалъ ему въ грудь. Онъ закачался.

— Рабинъ жидовскій, Іюда!...—заклокотала толпа.

Камни и палки посыпались на него съ боковъ, спереди. Еще разъ онъ покачнулся назадъ, какъ-то странно взмахнулъ руками, точно хотѣлъ ухватиться ими за бѣлое перышко, мелькавшее въ воздухѣ передъ его глазами, и упалъ навзничь. Передній валъ массы людей быстрѣе покатился къ нему.

Затворы курковъ снова щелкнули, опять чуть внятно раздалась команда. Еще разъ острый залпъ раскололъ пополамъ и раздвинулъ на двѣ равныхъ части густой ревъ. Точно въ срединѣ его образовалось вдругъ ущелье молчанія, въ безднѣ котораго смутно кружился и плавалъ набожный, поющій звонъ. Но лишь одно мгновеніе стояли разобщенными эти двѣ угрюмыя стѣны молчанія. Онѣ кинулись одна на другую, и раздались смятеніе, крики, и ревъ. Взвыла

сильнѣе толпа. Она стала смѣлѣе. Срединой своей, точно грудью, она давила, выпирала изъ себя передніе ряды и несла впередъ, помимо ихъ воли. Какъ ведомые къ плахѣ, они жались въ нее и робко пятились назадъ передъ дулами револьверовъ, каждый изъ которыхъ нащупывалъ что-то у нихъ на груди своимъ единственнымъ глазомъ.

И третій залпъ указалъ, чего искали у нихъ эти глаза. Три человѣка въ толпѣ неровно закачались, метнулись въ стороны и ринулись головами въ грязь. Четвертый, сдавленный съ обоихъ боковъ, вскрикнулъ вдругъ и схватился руками за грудь. Лицо его и голосъ полны были удивленія какъ бы передъ чѣмъ-то необъятнымъ и грознымъ. Затѣмъ голова его опустилась, и руки упали на плечи сосѣдей. Изъ груди у него хлюпала кровь. Онъ безпомощно и грузно повисъ между плечъ, будто распятый и пригвожденный къ толпѣ. Одновременно съ нимъ еще одинъ прыгнулъ впередъ, точно кто-то укололъ его сзади. Онъ всплеснулъ руками надъ головой и осѣлъ на корточки медленно и плавно.

...Теперь передъ кучкой дружинниковъ образовалось свободное мѣсто. Толпа разступилась; она подалась и вправо, и влѣво, но такимъ образомъ она и замкнула въ себѣ весь отрядъ. Сотни рукъ одного ея организма судорожно сжимали палки, шкворни и прутья. Она размахивала ими, стучала, грозила. Съ каждой минутой кольцо ея становилось все уже и уже. Она подплывала и катила свой валъ. И вотъ, наконецъ, двѣ изъ ея многочисленныхъ рукъ съ глухимъ и мокрымъ шлепкомъ обрушили колъ на обнаженную голову вставшаго на колѣни рабочаго и пытавшагося снова сказать ей что-то свое...

Еще одинъ залпъ—затяжный и неровный—полоснулъ ея вой. Еще разъ свалились подъ ноги куски ея тѣла. Еще разъ чей-то жесткій пронзительный голосъ полетѣлъ по базару сзывать православныхъ. Но толпа ужъ вокругъ подкатила къ отряду, дружные залпы уже прекратились: вмѣсто нихъ раздавались теперь разрозненные бѣглые выстрѣлы. И команды уже не было слышно: стрѣляли въ упоръ.

Скоро, однако, и эти сиротливые выстрѣлы смолкли. На мѣстѣ, гдѣ находился отрядъ, нѣсколько напряженныхъ минутъ барахтал[illegible] и безпомощно билась въ тѣсномъ кольцѣ кучка людей, надъ го[illegible]ами которыхъ мелькали желѣзные шкворни.

[illegible]ерезъ трупы павшихъ толпа катила свою лаву къ «Проспекту[illegible], гдѣ жили богатыя еврейскія семьи. Ей было мало базара. Всѣ ра[illegible]ѣжались отсюда. Здѣсь больше не было живой еще крови. Теп[illegible] на мѣстѣ ея остались другіе. Они шныряли по лавкамъ съ ра[illegible]тыми окнами, съ раскрытыми настежь дверями. Ихъ опьяняла

не кровь—ихъ опьяняла нажива. Они крушили и ломали всякую вещь, если она была громоздкой и тяжелой.

Второй отрядъ дружинниковъ преградилъ дорогу толпѣ. Онъ остановился недалеко отъ нея и направилъ ей въ грудь зловѣще-зіяющіе глаза револьверовъ. Изъ середины его вышелъ впередъ высокій рабочій. Въ рукѣ его была чугунная бомба. Между толпой и отрядомъ онъ остановился съ поднятымъ надъ головой шаромъ.

— Стой!—крикнулъ угрожающе онъ:—Стой, ради Бога стой, или я брошу бомбу!

Видимо, онъ хотѣлъ запугать катящіяся на него массы людей. Однако, угроза его даже не была услышана ими. Скорѣе, они не понимали ея. Толпа гоготала. Она надвигалась и несла передъ собою передній свой рядъ, служившей ей броней, щитомъ. Опять изъ средины ея полетѣли въ рабочаго камни и палки. Они не долетали еще до него и падали въ грязь между нимъ и толпой. Одно мгновеніе рабочій, казалось, боролся съ собой. Онъ оглянулся назадъ, на товарищей, и молча кивнулъ головой. Оттуда махнули платкомъ и крикнулъ кто-то: Прощай!

И въ этомъ словѣ не было того скорбнаго смысла, что вкладывается людьми въ него. Оно прозвучало радостно и бодро.

Рабочій опять повернулся къ толпѣ—она катилась къ нему. Онъ прыгнулъ навстрѣчу къ ней, ближе. На него уже сыпались камни. И тутъ онъ поднялъ высоко надъ головой обѣ напряженныя руки съ чугуннымъ шаромъ межъ ними и взметнулъ его вверхъ. Шаръ взвился дугой и упалъ въ самое сердце толпы. Раздался грохочущій взрывъ, плюнувшій въ небо смѣсью грязи, дыма, крови и мяса. На мѣстѣ паденія бомбы зіяла глубокая яма, будто ураганъ вырвалъ отсюда молодое, крѣпкое дерево. Вокругъ этой ямы валялись и плавали въ крови исковерканные трупы и части человѣческихъ тѣлъ.

Дружинники теперь посылали въ толпу одинъ залпъ за другимъ. Послѣ ихъ пятаго залпа рабочій, бросившій бомбу, поднялся. Онъ упалъ на землю прежде, чѣмъ послышался взрывъ. Къ нему подбѣжали изъ отряда. Онъ улыбался, онъ былъ невредимъ. И всѣ улыбались ему. И снова глаза револьверныхъ дулъ зорко впились въ груди толпы, мечущейся въ необузданной ярости. Она двигалась снова къ отряду, точно слѣпая.

Черезъ минуту навстрѣчу ей снова выбѣжалъ первый рабочій съ другимъ шаромъ въ рукѣ. Какъ и тогда, онъ остановился на нѣкоторомъ отъ толпы разстояніи и упруго метнулъ въ нее бомбу. Она описала дугу надъ головами переднихъ рядовъ и шлепнулась въ лужу посрединѣ толпы. И оттого, что глубокая грязь сообщила ей мягкую

упругость, сотрясеніе было въ такой мѣрѣ ничтожно, что не вызвало взрыва.

Притихшая на мгновеніе площадь, какъ прикорнувшая робкая птица надъ взвившимся надъ ней хищнымъ коршуномъ, снова покрылась торжествующимъ ревомъ. Лава человѣческихъ тѣлъ хлынула быстро къ отряду. И на этотъ разъ бомбометатель не успѣлъ уже подняться съ земли, куда онъ упалъ. Онъ остался на мѣстѣ подъ ногами толпы. Пули дружинниковъ не остановили ея, хотя онѣ и сѣяли въ ея переднихъ рядахъ раны, безуміе и смерть. На мѣсто сраженныхъ она выпирала изъ себя новыя и новыя жертвы. И по нимъ, наконецъ, она подкатила къ отряду. Двѣ-три минуты въ гущѣ ея раздавались разрозненные выстрѣлы. Но каждый разъ они становились рѣже и глуше, пока совсѣмъ не замерли подъ взмахами сочащихся кровью шкворней...

Въ это время третій отрядъ дружинниковъ приближался къ мѣсту свалки. Онъ спѣшилъ на помощь къ товарищамъ.

Однако, она уже не нужна была имъ. Лишь половина изъ нихъ успѣла спастись. У нихъ не стало патроновъ, съ чѣмъ они могли бы умереть, убивая другихъ. И ни у кого ихъ не было больше: третій отрядъ, за неимѣніемъ патроновъ, былъ вооруженъ холоднымъ оружіемъ, какъ-то—кастетами и кистенями. Зато онъ имѣлъ при себѣ нѣсколько бомбъ. Но съ этимъ оружіемъ идти теперь въ толпу уже было безполезно. Она разбилась на нѣсколько группъ и двинулась по переулкамъ, ведущимъ къ «Проспекту». Каждую минуту она могла окружить его на дорогѣ. Нужно было употребить свою силу тамъ же, на мѣстѣ, куда направлялись толпы громилъ. И отрядъ отступилъ по базару къ «Проспекту». Рѣшено было защищать входъ въ него съ балкона и крыши угольнаго дома.

Толпа въ это время успѣла разгромить по дорогѣ двѣ монопольки. Дружинники, стоявшіе около нихъ на дежурствѣ, по два человѣка, нашли невозможнымъ оказать какое-нибудь сопротивленіе сотнямъ озвѣрѣлыхъ людей: они отступили. Скрылись вмѣстѣ съ ними и сидѣльцы. Толпа чувствовала себя полнымъ хозяиномъ лавокъ. Въ продолженіе двухъ-трехъ минутъ полки съ водкой и спиртомъ были пусты. Въ рукахъ и надъ головами толпы одно время мелькала разномѣрная посуда. Пили на ходу изъ горлышка, долго, со вкусомъ. Но пили не всѣ: вина не хватило для большей части громилъ. И они, какъ голодные звѣри, вырывали другъ у друга посудину изъ рукъ и прикладывали ее жадно къ губамъ. Это вызывало у нихъ драку и брань.

Толпа плыла дальше. Съ криками, пѣснями и свистомъ подкатила она къ началу «Проспекта».

И тутъ передъ нимъ упала брошенная съ угла дома бомба. Раздался взрывъ, какъ громовой раскатъ среди горъ. Улица наполнилась дымомъ.

Толпа отхлынула прочь, она сразу притихла, она растерялась. Вдали отъ страшнаго дома она робко смотрѣла на крышу. И уже не грозила она. Казалось, довольно было теперь одного только выстрѣла, чтобы ею овладѣла животная паника. Это была теперь насколько кровожадная, настолько и пугливая стая волковъ среди ночи, способная кинуться въ бѣгство отъ искры кремня.

Но вотъ она вдругъ вся всколыхнулась, взревѣла, заржала. Передъ глазами ея внизу, на стѣнѣ страшнаго дома, показалась блѣдная, дрожащая струйка огня. Эта вначалѣ извивающаяся и робкая струйка вдругъ разбѣжалась по швамъ досчатой обшивки на пряди огня. Будто испугалась она покатившагося по дорогѣ рѣзваго вѣтра. И теперь ужъ казалось, что изъ-подъ стѣны, гдѣ бомба вырыла своимъ огнемъ яму, выползаютъ десятки голодныхъ блестящихъ змѣй и лижутъ настойчиво и жадно сухія смолистыя доски. То извиваясь, то забѣгая вверхъ по стѣнкѣ, эти быстро окрѣпшія змѣи огня слились надъ окномъ въ одинъ катящійся валъ яркаго пламени, закрывшаго собой окна и дверь будто покровомъ изъ сусальнаго золота.

Ужъ не боялись ли онѣ научить людей своему страшному дѣлу? Уже не потому ли и взвыла такъ дико толпа?

Но вѣдь сотни ея глазъ сверкали злобнымъ огнемъ удовольствія и мести! Но вѣдь она съ торжествующимъ видомъ слѣдила за кучкой людей, заметавшихся по крышѣ въ клубахъ сѣраго дыма.

А цѣпкое пламя карабкалось по стѣнѣ все выше и выше, къ карнизу. Тамъ оно вдругъ вскинуло вверхъ два зигзага огня, замершихъ на минуту надъ крышей. Точно въ горькомъ отчаяніи всплеснулъ кто-то обнаженными ярко руками и заломилъ ихъ надъ своей скрытой въ дыму головой.

Съ трескомъ вылетѣла рама окна и вслѣдъ за ней оттуда упалъ на дорогу молодой еврейскій рабочій. Онъ вскочилъ и побѣжалъ отъ горящаго дома прямо къ толпѣ. Слѣпой отъ безумнаго страха, онъ не видѣлъ ея. И не видѣлъ онъ также, какъ навстрѣчу ему двинулись два человѣка. Одинъ изъ нихъ подставилъ при его приближеніи ногу, и онъ покатился черезъ нее. Ужасъ парализовалъ его члены. Онъ вдругъ сталъ равнодушно-спокойнымъ. Только скрытая судорожная дрожь пробѣгала по жиламъ его, да конвульсіи искажали лицо. Широко раскрытые глаза смотрѣли мимо куда-то, не двигались, стали. И тѣло его стало черствымъ и твердымъ, не гнулось.

Два человѣка подняли его, какъ деревянную плаху. Они держали

его одно время за руки и за ноги, будто собирались унести его изъ-подъ горящаго дома. Но вотъ они начали раскачивать его, медленно, бережно, плавно. Такъ откачиваютъ утопленника, чтобъ вернуть его къ жизни. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше онъ взлеталъ надъ землей, и вдругъ сильный и послѣднiй взмахъ четырехъ человѣческихъ рукъ взбросилъ его къ полному пламени окну. И онъ исчезъ въ волнахъ его.

Толпа ликовала.

Въ это время изъ-подъ воротъ горящаго дома показалась еврейка-старуха. Обезумѣвшая отъ ужаса, коверкавшаго ея губы и лицо, она осторожно тащила два старыхъ поломанныхъ стула. Одинъ изъ нихъ былъ съ одной лишь ножкой, въ другомъ не было спинки. Старуха напрягала всю свою силу, чтобы не зацѣпить ими за уголъ, чтобы не запачкать ихъ въ грязь. Она безсмысленно и упрямо смотрѣла на нихъ и несла ихъ бережно передъ собой.

И это разсмѣшило толпу. Она окружила ее, вырвала стулья. Одинъ за другимъ мелькнули они передъ глазами и скрылись въ окнѣ. Черезъ минуту надъ колыхающимся моремъ головъ встала старуха. Ноги ея были въ гущѣ толпы, ее несли на плечахъ. И она поворачивала головою, какъ кукла, и смотрѣла деревянными глазами въ окно, въ которомъ исчезли дорогiе ей стулья. Руки ея тянулись туда. Она что-то шамкала своими сухими, какъ щепки, губами. Подбородокъ ерзалъ, дрожалъ. И глядя на нее хохотала толпа. А старуха держалась прямо, какъ палка; на верхней части ея окаменѣвшаго лица застыла добродушная улыбка. Однако эта улыбка идiота могла бы ужаснуть человѣка, если бы онъ былъ гдѣ-либо тутъ. Но стоя, какъ въ омутѣ деревянная палка съ камнемъ на концѣ, старуха плыла надъ головами все ближе и ближе къ окну, гдѣ упругими прядями корчилось въ своихъ объятiяхъ пламя. Казалось, тамъ было чудовищное скопище огненныхъ змѣй-скорпiоновъ; они извивались, ползли и клубились по волнамъ чернаго дыма; они шипѣли и брызгали искрами-ядомъ.

Старуха отпрянула вдругъ отъ горящей стѣны. Она упала спиной на десятки головъ, стоящихъ за нею. Руки ея затрепыхали по во[illegible]у, будто отталкивала она что-то невидимое, но страшное, гр[illegible]ое, къ чему она не хотѣла идти, отъ предчувствiя чего все ея тѣ[illegible] забилось въ конвульсiяхъ, наполнилось дрожью. Она завизжала пр[illegible]тельно и дико, какъ сова на погостѣ. И оттого заржала еще бо[illegible]че толпа. Весело было. Руками сзади она поставила снова стару[illegible] надъ головами. Теперь она подняла ее надъ окномъ. Минуту ст[illegible]ха стояла, какъ пугало подъ бушующимъ вѣтромъ, и корчи-

лась, и извивалась въ рукахъ. Пламя жгло ей лицо. И вдругъ кто-то крикнулъ:

— Бросай!...

Еще есть забава... Ура-а!

У сосѣдняго дома въ это время два оборванца—пьяныхъ и скалящихъ зубы—выносили изъ дверей молодую, красивую дѣвушку. Она была въ обморокѣ и лежала на ихъ рукахъ, блѣдная и стройная, безъ чувствъ, безъ движеній. Съ ея обнаженнаго тѣла свѣшивались кое-гдѣ и тащились по жидкой грязи клочья изорванныхъ юбокъ, рубахи. На ногахъ ея была царапина и кровь. И тащились по липкой грязи длинныя пряди ея черныхъ волосъ, и сбились они оттого въ два скользкихъ конца.

Оборванцы бережно и молча положили дѣвушку у ногъ гогочущей злорадно толпы. Они откинули клочья одежды съ ея молодого тѣла. Они заботливо и важно стерли мокрыми полами своихъ пиджаковъ кровь съ ея ногъ, подобрали и выжали волосы, взбили ихъ вродѣ прически. Они старались придать ей болѣе соблазнительный и заманчивый видъ. Съ такимъ вниманіемъ осматриваетъ и ощупываетъ продавецъ свою вещь, прежде чѣмъ отнести ее на базаръ. И когда они придали дѣвушкѣ желательный видъ, одинъ изъ нихъ крикнулъ:

— Кто еще хочетъ, ребята? Бери!

Къ дѣвушкѣ бросилось стадо животныхъ.

...Давно уже набатъ пересталъ отпѣвать безсильнаго бога. Подъ краснымъ, слезящимся небомъ стояли объятые пламенемъ постройки и кварталы. Среди населенія разнесся слухъ: жиды поджигаютъ дома. Собственники пристали къ громиламъ. Они лишь теперь вышли изъ своихъ домовъ, гдѣ сидѣли все время. Пожаръ грозилъ перекинуться изъ еврейскаго квартала и къ нимъ. А вѣтеръ сѣялъ искры кругомъ. И всю ночь метались люди, освѣщенные краснымъ, среди красныхъ домовъ. Только лица ихъ были изжелта-бѣлыми. Одни изъ этихъ людей спасали свою жалкую жизнь, другіе отнимали ее у нихъ, какъ драгоцѣнность.

Солнце...

Блѣдное, бѣдное солнце!

На зарѣ наступившаго дня украдкой взглянуло оно на землю и скрылось скорѣе за тучи....

Солнце! вѣдь ты же, ты же вызвало это?

Не роди больше, солнце!

Ив. Нежлукто.

Nocturno.

Воспоминаніе.

Сонно зажмурились дали аллеи,
Бросила въ прудъ отраженье луна;
Тянутся тонкіе стебли лилеи...
Дышитъ и шепчетъ,—живетъ тишина.

Липы загрезили, замерли ели,
Выстроенъ хоръ молчаливыхъ тѣней,
Черныя птицы опять пролетѣли!...
Смолкъ гдѣ-то въ чащѣ ночной соловей.

Инеемъ луннымъ, какъ дымкой повитый,
Кто-то за мной неотступно плыветъ,—
Съ темнаго берега кто-то забытый,
Гулко аукаетъ, страстно зоветъ...

Павелъ Сухотинъ.

ЕЯ ВЫСОЧЕСТВО.

Новелла Германа Банга.

I.

Ея высочество еще разъ милостиво улыбнулась и поднесла букетъ изъ камелій къ самому лицу; члены комитета для принесенія поздравленія ея высочеству по случаю дня ея рожденія, выстроенные въ залѣ полукругомъ, низко присѣли и попятились, продолжая присѣдать, къ дверямъ.

— Уфъ, какъ жарко!—простонала жена придворнаго аптекаря. Отъ волненія и черезчуръ тѣснаго корсета лицо ея покраснѣло, словно мѣдная кастрюля.

Подобно пламени свѣчи, колеблемому вѣтромъ, еще разъ присѣла и выпрямилась уже передъ полузакрытой дверью тайная совѣтница.

— Mon amie,—сказала надворная совѣтница тайной, надѣвая въ передней калоши.—Эта дама...

— Да, но зато желаніе ея высочества исполнено...—отвѣтила тайная, бросая взглядъ на жену аптекаря, повернувшуюся въ это время къ нимъ спиной и разстегивавшую въ углу нѣсколько пуговицъ своего лифа. Тайная совѣтница скорчила гримасу, точно почувствовавъ дурной запахъ.

Онѣ спустились съ лѣстницы. Госпожа придворная аптекарша сунула въ руку портье талеръ. Лакею она дала десятимарковую монету. Затѣмъ комитетъ для принесенія поздравленія ея высочеству по случаю дня ея рожденія, надѣвъ калоши и высоко подобравъ юбки, направился по дворцовой аллеѣ домой. Госпожа аптекарша задыхалась и пыхтѣла.

— Да,—сказала она наконецъ.—Да, на это стоило истратить столько денегъ.

Она единолично заплатила за букетъ.

Отъ негодованія тайная совѣтница еще выше вздернула юбки, такъ что ея тонкія ноги обнаружились вплоть до того мѣста, гдѣ по анатоміи должны бы были находиться икры.

. . . .

Еще съ минуту ея высочество простояла на томъ же мѣстѣ, потомъ утомленно опустила руки и съ нескрываемымъ равнодушіемъ отложила букетъ въ сторону. Обернувшись и увидавъ фрейлину, ея высочество снова улыбнулась,—видъ извѣстныхъ предметовъ всегда вызывалъ на лицѣ ея высочества милостивую улыбку, только улыбка эта никогда не доходила до глазъ, вѣчно остававшихся утомленными и безцвѣтными,—и отпустила ее движеніемъ руки.

Принцесса Марія-Каролина одна прослѣдовала въ свои покои черезъ рядъ парадныхъ залъ.

Ихъ было много. Всѣ двери стояли настежь; бѣлыя шторы на окнахъ были спущены, вслѣдствіи чего въ залахъ стояла полутьма и воздухъ казался спертымъ, точно въ музеѣ.

Принцесса Марія-Каролина остановилась въ парадныхъ покояхъ.

Вдоль стѣнъ рядами стояла парадная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, неуютно и неподвижно. На консоляхъ и столахъ красовались огромныя роскошныя вазы и старинные часы; вазы были плохо обметены, а часы не ходили и стояли безмолвно, точно мертвые. На потолкѣ, на голубомъ фонѣ облаковъ, улыбались толстыя дамы рококо въ красныхъ одѣяніяхъ.

Даже въ полутьмѣ вся эта роскошь казалась ужасно обтрепанной и жалкой. Золоченые багеты, обрамлявшіе панно стѣнъ, поблекли и мѣстами облупились; большія зеркала въ рамахъ Людовика XV, висѣвшія на стѣнахъ, потускнѣли и покрылись пятнами. Принцесса Марія-Каролина вплотную подошла къ одному изъ нихъ; раньше она никогда не замѣчала, что оно составлено изъ трехъ кусковъ; она долго разсматривала его; на всѣхъ углахъ рамы красовались герцогскіе гербы; это зеркало было поднесено придворными чинами одному изъ ея предковъ по случаю его бракосочетанія. Принцесса обрати[illegible] вниманіе на отражавшуюся въ немъ картину: черезъ открытыя дв[illegible]ри въ немъ были видны всѣ залы; съ потолка, словно полуиспорче[illegible]чые, съежившіеся балоны, спускались три люстры въ бѣлыхъ че[illegible]хъ.

[illegible] консоляхъ стояли севрскія вазы; со стороны, обращенной къ зе[illegible]у, онѣ были склеены. Въ слѣдующемъ залѣ висѣло съ полдю[illegible]ы портретовъ предковъ принцессы Маріи-Каролины, владѣте[illegible]хъ герцоговъ страны. Иногда въ воскресные дни комендантъ

дворца просилъ у ея высочества особаго разрѣшенія показать эти портреты случайнымъ посѣтителямъ. Большею частью это оказывались крестьяне или школьники въ сопровожденіи учителя. Они осторожно пробирались по заламъ, не смѣя говорить громко, перешептывались, широко раскрывали глаза и жались другъ къ другу. Съ благоговѣніемъ смотрѣли они на портреты и произносили имена герцоговъ какъ-то особенно, какъ произносятъ имена святыхъ въ молитвѣ.

Принцесса Марія-Каролина направилась въ тотъ залъ и стала разсматривать своихъ предковъ. Всѣ они были изображены въ придворныхъ костюмахъ и торжественныхъ позахъ; въ большинствѣ случаевъ рука лежала на украшенной драгоцѣнными камнями рукояткѣ шпаги; рядомъ съ нѣкоторыми на столѣ, на красной бархатной подушкѣ, лежала корона; а одинъ изъ нихъ держалъ въ протянутой рукѣ свертокъ бумаги, напоминавшій дирижерскую палочку.

Принцесса Марія-Каролина подняла одну изъ сторъ и долго разсматривала портреты. Ихъ недавно подновляли, и яркія краски рѣзко блестѣли. Посмотрѣла на лица—у всѣхъ было одно и то же выраженіе. Всѣ эти безжизненныя фигуры, выряженныя въ бархатъ, стояли натянуто съ параднымъ, безсодержательнымъ выраженіемъ лица.

Ея высочество вздохнула. Да, было замѣтно, что портреты ея предковъ писали далеко не искусные мастера.

Войдя въ свои собственные аппартаменты, принцесса быстро, точно чувствуя потребность въ воздухѣ, распахнула громадное окно. Ей навстрѣчу повѣяло пронизаннымъ весеннимъ солнцемъ, теплымъ воздухомъ. Она сѣла и, оперевъ голову на руку, стала смотрѣть наружу.

Послѣ продолжительнаго ненастья вдругъ сразу наступила весна. На лужайкѣ зеленѣла свѣжая травка и почки на деревьяхъ уже наполовину распустились; воздухъ былъ напоенъ нѣжнымъ ароматомъ каштановъ и свѣжимъ, бодрящимъ запахомъ земли.

Ея высочеству казалось, что ей еще никогда не доводилось видѣть окружающую природу столь свѣжей и яркой. Небо было такъ ясно и такъ безконечно высоко... У Маріи-Каролины явилось ощущеніе, что все вокругъ блеститъ—все, и кусты, и пробивающійся зеленый газонъ, и деревья, и горизонтъ...

Вязы были буквально усѣяны воробьями; при дыханіи чувствовался пряный духъ смородины.

Весь этотъ блескъ ослѣпилъ принцессу; она закрыла глаза и не-

вольно разразилась нервными рыданіями; слезы одна за другою потекли по ея щекамъ.

Избытокъ жизни и свѣта вызвалъ въ принцессѣ чувство смутнаго безпокойства, почти граничащаго съ физическою болью, точно царившая вокругъ весна придавила ее... Сквозь слезы смотрѣла принцесса на сверканіе струящагося воздуха, на голубоватыя линіи отдаленныхъ холмовъ, слегка расплывавшіяся въ ея глазахъ, и голова у нея кружилась.

Марія-Каролина поднялась, закрыла окно, задернула длинную стору и снова сѣла въ полутемной комнатѣ. Она не понимала, почему продолжаетъ плакать—обыкновенно ея высочество плакала только по воскресеньямъ въ церкви.

Передъ ея глазами непрерывно рисовалась все одна и та же картина; она сама не понимала, почему и откуда она возникла. Уже много лѣтъ она не вспоминала своего дяди принца Отто-Георга; много лѣтъ не вспоминала...

Теперь же она до того ясно видѣла и его, и себя, какой была тогда, точно все то произошло лишь наканунѣ. Она видѣла себя ребенкомъ, видѣла, какъ часто съ любопытствомъ, на цыпочкахъ, подкрадывалась къ креслу дяди и заглядывала въ огонь камина, разведенный имъ самимъ. Дядя Отто-Георгъ самъ укладывалъ дрова въ каминъ, потомъ маленькимъ огнивомъ высѣкалъ огонь и поджигалъ щепу подъ большими полѣньями. Пламя начинало лизать и сверлить ихъ; дядя Отто-Георгъ, опершись подбородкомъ на руку, не мигая, смотрѣлъ потухшими, мертвыми глазами въ пламя.

И Марія-Каролина не рѣшалась заговорить съ дядей; она молча опускалась на колѣни рядомъ съ его кресломъ и тоже смотрѣла въ огонь. Иногда молчаливый принцъ замѣчалъ стоящаго рядомъ ребенка и своей мягкой рукой начиналъ тихо, совсѣмъ тихо и медленно гладить дѣвочку по волосамъ. И это осторожное поглаживаніе продолжалось довольно долго.

Иногда Марія-Каролина такъ и засыпала, прислонившись головой къ ручкѣ дядинаго кресла; иногда разражалась слезами. Тогда дядя Отто-Георгъ бралъ ея голову въ свои руки и произносилъ необыкновенно уставшимъ голосомъ, звучавшимъ всегда одинаково:

— Oui, mon enfant... mon pauvre enfant...

И онъ долгое время держалъ ея голову въ своихъ рукахъ, смотрѣлъ на нее угасшими глазами и все тѣмъ же голосомъ повторялъ:

— Oui, mon enfant... mon pauvre enfant...

Потомъ дядя Георгъ безшумно поднимался, кивалъ ей своей кра-

сивой головой, обрамленной мягкой, свѣтлой бородой, и тихо крался въ сосѣднюю комнату.

И тамъ тоже, осторожно, словно воръ, разводилъ огонь въ каминѣ съ помощью маленькаго огнива, и снова начиналъ, не мигая, смотрѣть на пламя потухшими, словно пустыми глазами.

Лѣтомъ дядя Георгъ цѣлые дни проводилъ въ саду, въ цвѣтникѣ. Какъ онъ любилъ свои розы! Цѣлыми часами онъ могъ держать на ладони тотъ или другой цвѣтокъ и съ улыбкой смотрѣть на него.

Марія-Каролина проходила мимо него съ гувернанткой, дядя Отто-Георгъ не замѣчалъ ихъ, продолжалъ стоять склонившись надъ своими розами, кивалъ имъ головой и улыбался...

Гувернантка на минуту прекращала свою вѣчную экзаменовку, трижды присѣдала за спиной принца Отто-Георга и дѣлала по дорожкѣ маленькій крюкъ.

M-lle Латерьеръ боялась дяди Отто-Георга. Марія-Каролина должна была крадучись проходить мимо него... Онѣ направлялись на верхнюю террасу дворцоваго сада.

M-lle Латерьеръ очень часто давала уроки Маріи-Каролинѣ на террасѣ. Оттуда была видна вся столица съ ея трубами, красными крышами, колокольней, небольшой рѣкой съ двумя мостами и красными казармами; казармы были самымъ большимъ зданіемъ во всемъ городѣ.

Для метода преподаванія m-lle Латерьеръ видъ этотъ служилъ какъ бы учебнымъ пособіемъ.

Все вокругъ нихъ были—слова, которыя необходимо было выучить наизусть.

Деревья, дома, красныя крыши и дымъ въ трубахъ, что поднимался къ голубому небу, и липы, и цвѣты, и древесные стволы, и подстриженныя деревья съ обросшими зеленымъ мхомъ стволами, и пѣвчія птицы въ кустахъ, и жужжаніе комаровъ—все это было для m-lle Латерьеръ лишь слова.

Спустится ли съ вѣтки на дорожку неуклюжій воробей и начнетъ купаться въ пыли, m-lle Латерьеръ остановится и смотритъ на него, точно передъ нею одно изъ семи чудесъ свѣта:

— Ah! le petit oiseau... comme il est beau, le petit oiseau...

И m-lle Латерьеръ сгораетъ отъ любопытства узнать, что собственно за petit oiseau находится передъ нею?

Марія стоитъ сгорбившись и тупо смотритъ на чудо m-lle Латерьеръ.

— Ахъ, это золотистая овсянка... Ваше высочество безъ сомнѣнія знаетъ (ея высочество все знала) золотистую овсянку?...

— Ваше высочество!—говаривала m-lle Латерьеръ, послѣ того какъ Марія-Каролина отчеканитъ, бывало, ея высочеству герцогинѣ одну изъ басенъ Лафонтена и ея высочество герцогиня, растягивая слова, по-французски, выразитъ свое одобреніе—ваше высочество! искусство преподавать—есть искусство заинтересовать.

У m-lle Латерьеръ на каждый торжественный случай было наготовѣ особое изреченіе—она величала ихъ цитатами изъ Жанъ-Жака Руссо.

. . . .

М-lle Латерьеръ и Каролина продолжали ходить по террасѣ. М-lle Латерьеръ перешла уже къ ботаникѣ, она говорила о строеніи листьевъ.

— Ваше высочество знаетъ, что клѣточки...

И m-lle Латерьеръ углублялась во все, что было извѣстно ея высочеству о строеніи клѣточекъ. Марія-Каролина шла молча рядомъ съ гувернанткой. Рѣдко-рѣдко она произносила что-либо, кромѣ «да» и «нѣтъ», но и эти отвѣты давала не слишкомъ оживленно. Ея высочество не выдавала своихъ познаній о строеніи клѣточекъ.

Однажды онѣ дошли до самаго края террасы. До нихъ донесся сильный звонъ колокола. Звонили на перемѣну въ герцогскомъ сиротскомъ домѣ.

Марія-Каролина слегка перегнулась черезъ балюстраду террасы и увидала площадку для игръ сиротскаго дома.

Внизу взадъ и впередъ носились малыши въ парусинныхъ платьицахъ, смѣялись, визжали и играли въ пятнашки. Ихъ крикъ поднимался кверху, словно ликованье.

Марія-Каролина долго простояла, наклонившись надъ перилами и глядя на нихъ. Но m-lle Латерьеръ придумала уже новую исходную точку для своего преподаванія, и Маріи-Каролинѣ пришлось устало отойти отъ перилъ и отправиться вслѣдъ за гувернанткой.

Внизу пѣли; Марія-Каролина знала эту пѣсенку; ее пѣли, водя хороводы. Посреди круга одна изъ дѣвочекъ становилась на колѣни и расправляла фартукъ; къ ней выходила другая и тоже опускалась на колѣни; а потомъ онѣ начинали танцовать въ серединѣ хоровода, въ то время какъ остальныя пѣли.

— Вашему высочеству угодно спросить,—продолжала m-lle Ла-ьеръ—она все еще занималась ботаникой. М-lle Латерьеръ часто аривала:—«Вашему высочеству угодно спросить».—Это былъ ›n de parler...

Марія-Каролина ни о чемъ не спрашивала,—она такъ устала отъ этого «приноровленнаго къ случаю» преподаванія! М-lle Ла-

терьеръ спрашивала за нее, а ее это вовсе не интересовало. Чинно, какъ подобаетъ умной дѣвочкѣ, шла она рядомъ съ гувернанткой, изрѣдка роняя то «да», то «нѣтъ»; при этомъ лицо ея оставалось какого-то особеннаго сѣроватаго оттѣнка со старческимъ выраженіемъ лица и съ потухшими глазами. Наконецъ, «да» и «нѣтъ» стали получаться невпопадъ, и m-lle Латерьеръ начала раздражаться.

— У вашего высочества нѣтъ любви къ природѣ,—сказала она. . . . .

А внизу все пѣли... какъ они разливались тамъ!

Да, теперь какъ разъ они пѣли тѣ слова, при которыхъ обѣ дѣвочки, стоящія въ серединѣ хоровода, должны танцовать...

M-lle Латерьеръ открыла муравьиную кучу и игновенно мысленно перенеслась въ Sans-Souci...

Ея прежняя élève была изъ дома Гогенцолерновъ, и m-lle Латерьеръ группировала тогда все свое преподаваніе вокругъ личности Фридриха Великаго. Итакъ, теперь она очутилась въ своей стихіи: m-lle Латерьеръ при всемъ разнообразіи исходныхъ пунктовъ своего преподаванія, въ концѣ-концовъ всегда все сводила къ Sans-Souci. Но m-lle Латерьеръ обладала и находчивостью: герцогиня была изъ дома Габсбурговъ, и потому она искусно свернула на Шёнбрунъ и закончила Маріей-Терезіей. Дойдя до Маріи-Терезіи, m-lle Латерьеръ всегда дѣлала паузу—тогда и гувернантка и ученица шли молча.

Самое большее если тишину прерывала какая-нибудь одинокая вокабула. И Марія-Каролина усталымъ голосомъ повторяла ее за гувернанткой.

— La pelouse... Votre Altesse le sait...

— Oui, madame... la pelouse...

Внизу, въ сиротскомъ домѣ, вѣрно, кончилась рекреація—прозвонилъ колоколъ, и крики дѣтей перешли въ дѣловое жужжаніе, а потомъ совсѣмъ смолкли.

M-lle Латерьеръ и Марія-Каролина опять дошли до конца террасы. Сиротскій домъ внизу находился какъ разъ напротивъ. Маріи-Каролинѣ было видно, какъ два малыша, запоздавъ, боязливо пробирались по двору и потомъ юркнули въ подъѣздъ; черезъ открытыя окна доносились голосъ учительницы и голоса дѣтей, читавшихъ хоромъ по складамъ.

Прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ школѣ, Марія-Каролина стояла нѣсколько сгорбившись.

— Соблаговолите, ваше высочество, держаться прямо...

Марія-Каролина вздрогнула и выпрямилась.

— Ваше высочество ужасно держится... Вашему высочеству необходимо снова надѣть бандажъ...

Изъ-за того, что Марія-Каролина горбилась, ей каждые полгода приходилось по нѣсколько мѣсяцевъ носить стальной корсетъ.

М-lle Латерьеръ устала, и онѣ сѣли на скамейку подъ деревомъ.

Вскорѣ самыя маленькія дѣвочки сиротскаго дома прошли мимо нихъ со своей надзирательницей. Онѣ шли длинной вереницей, въ желтыхъ платьицахъ, все время о чемъ-то разговаривая, и очень походили на стадо желтыхъ утенятъ; бѣлые чепцы обрамляли круглыя, красныя рожицы; онѣ почти бѣжали за своей надзирательницей.

Марія-Каролина смотрѣла на то, какъ онѣ попарно, ухвативши другъ друга за руки и что-то болтая и взвизгивая, бѣгали то туда, то сюда. Проходя мимо ея скамьи, онѣ замолкали и очень важно и серьезно продѣлывали потѣшные книксены, причемъ приподнимали платье съ двухъ сторонъ и таращили на Марію-Каролину круглые, большущіе глазенки.

А нѣкоторыя, совсѣмъ маленькія, присѣдая, растягивались на землѣ и, лежа, начинали ревѣть; но потомъ торопливо поднимались на ноги и опять продѣлывали книксенъ, въ то время какъ крупныя слезы еще ползли у нихъ по щекамъ.

Марія-Каролина, стѣсняясь и краснѣя, отвѣчала на ихъ поклоны.

Мелюзга проходила, но еще долго по аллеѣ неслись ихъ голоса, звучавшіе словно пѣніе.

М-lle Латерьеръ посмотрѣла на часы—пора: у ея высочества въ это время былъ назначенъ урокъ танцевъ и придворнаго церемоніала.

Марія-Каролина поднялась со скамьи и послѣдовала за своей гувернанткой. Въ цвѣтникѣ, на самомъ припекѣ, принцъ Отто все еще возился съ своими розами. Марія-Каролина и mademoiselle прослѣдовали мимо него. Ея высочество брала уроки танцевъ въ маломъ бальномъ залѣ. На этихъ урокахъ всегда присутствовала ея высочество герцогиня-мать. Старикъ учитель, балетный танцоръ въ отставкѣ, зналъ массу самыхъ разнообразныхъ балетныхъ реверансовъ и жестовъ.

Принцесса Марія-Каролина танцовала кадриль съ тремя стульями. Бывшій танцоръ пиликалъ на жиденькой скрипкѣ quadrille à la c[illegible]т и отъ волненія обливался потомъ.

Ея высочество герцогиня была въ отчаяніи: принцесса не обладала ни малѣйшей граціей.

— En arrière... en avant... un, deux, trois, compliment... Но при этомъ надо смотрѣть на своего кавалера. Кавалера... вонъ онъ, налѣво...

Принцесса Марія-Каролина съ отчаяніемъ пробиралась между тремя стульями.

Балетчикъ игралъ и всѣмъ тѣломъ отбивалъ тактъ.

— Туда... туда... trois, ваше высочество... кавалеръ à droite... съ красной лентой; кавалеръ направо (красныя и синія ленты облегчали Маріи-Каролинѣ распознавать кавалеровъ отъ дамъ)... deux, trois, compliment...

И балетный антикъ, продолжая пиликать на скрипкѣ, подпрыгивалъ, словно арлекинъ въ пантомимѣ.

— Хорошо, хорошо... un, deux, trois, кавалеръ направо...

Марія-Каролина снова присѣла передъ красной лентой...

— Нѣтъ, нѣтъ... кавалеръ à droite...

— Но какъ она держитъ руки,—восклицала ея высочество.— Господинъ Песталоцци, обратите вниманіе на ея угловатыя движенія. И что за поклонъ, Боже, что за поклонъ!

Ея высочество герцогиня даже вскочила съ мѣста.

— Еще разъ!

Принцесса Марія-Каролина повторила поклонъ, но при этомъ сгорбила спину.

— Какъ она держится! Спина ея, спина! Еще разъ!

Ея высочество начала сама подпѣвать.

Принцесса Марія-Каролина съ застывшимъ лицомъ вновь раскланивалась передъ тремя стульями.

— Ужасный поклонъ, ужасный!

Ея высочество была внѣ себя:

— Принцесса горбится, какъ баба, таскающая воду!

Господинъ Песталоцци осушалъ потъ на своемъ лицѣ носовымъ платкомъ, очень смахивающимъ на пыльную тряпку; цѣлые потоки пота катились по лицу г. Песталоцци, а ея высочество Марія-Каролина двигалась словно автоматъ.

— Если бы я смѣла совѣтовать,—начинаетъ m-elle Латерьеръ, сидя въ углу и продолжая вязать прошивки (m-elle Латерьеръ вѣчно вязала прошивки для своихъ дѣвичьихъ negligée).—Принцессу Эрнестину на ночь связывали въ кровати, чтобы она не могла двигаться... ея высочество принцесса была вынуждена лежать смирно, совершенно вытянувшись. Это удивительно помогло ея высочеству. Ей связывали руки.

Но ея высочество герцогиня нашла это средство черезчуръ радикальнымъ.

— Надо принцессѣ Маріи-Каролинѣ на нѣсколько часовъ въ день привязывать линейку за спину, пусть ходитъ съ нею. Ея высочество герцогиня сама въ дѣтствѣ по 4 часа въ день ходила съ линейкой.

Балетный антикъ вновь принялся пиликать на скрипкѣ.

Принцесса Марія-Каролина танцовала вальсъ съ краснымъ табуретомъ.

Ея высочество герцогиня поднялась, чтобы удалиться,—у нея начинался урокъ живописи. Ея высочество герцогиня писала красками, всегда что-то бѣлое и много, много голубого. Ея высочество жертвовала это бѣлое съ голубымъ на благотворительные базары, въ каталоги которыхъ оно заносилось подъ рубрикой «пожертвованія» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ея высочество герцогиня—картина «Утки на водѣ».

Во всѣхъ гостиныхъ столицы красовались подобныя утки.

Кромѣ того, ея высочество герцогиня была голодна: ея высочество пунктуально, черезъ каждые два часа, изволила что-нибудь кушать.

Принцесса Марія-Каролина сдѣлала своей maman придворный реверансъ.

. . . .

Дни проходили, одинъ какъ другой. Ея высочество брала уроки, потомъ у ея высочества были свободные часы, и она шла гулять съ m-elle Латерьеръ. Ея высочество была страшно неловка, и у нея были большія, красныя руки.

Во время разговорныхъ уроковъ ея высочество ходила съ линейкой за спиной.

Послѣ обѣда ея высочество герцогиня ѣздила кататься. Принцесса Марія-Каролина, сидя на передней скамеечкѣ, кивала прохожимъ головой. Прогулка всегда совершалась одна и та же: проѣзжали по главной улицѣ столицы и направлялись въ итальянскій замокъ.

Фрейлина занимала ея высочество герцогиню разговорами—о какомъ встрѣчномъ она умѣла что-нибудь сообщить.

Въ итальянскомъ замкѣ герцогиня кушала шоколадъ, потомъ возв[illegible]щалась домой. Къ вечеру, когда принцесса Марія-Каролина, наконе[illegible]ъ, ложилась въ кровать и m-elle Латерьеръ, навязавъ ей на красн[illegible] руки перчатки, удалялась, она чувствовала смертельное утомл[illegible]е.

. . . .

M-elle Латерьеръ была далеко не поклонницей лѣтнихъ жаровъ и всегда погружалась въ легкую дремоту, послѣ того какъ via Sans-Souci—добиралась до... cette illustre impératrice.

Тогда Марія-Каролина, какъ можно тише, чтобы не разбудить ея, крошечку отодвигалась подальше. Время сна m-elle Латерьеръ было самымъ блаженнымъ временемъ для Маріи-Каролины.

Кругомъ стояла тишина, въ саду не раздавалось ни звука.

Тихо купались на солнцѣ зеленыя деревья и дворецъ, и городъ, жужжали пчелы, залетавшія въ тѣнь террасы, и съ жужжаньемъ же летѣли обратно на открытое солнце.

Было такъ хорошо сидѣть здѣсь, будто она одна, совсѣмъ одна!

При малѣйшемъ шумѣ принцесса косилась на m-elle Латерьеръ. Иногда мимо нихъ проходили сироты и присѣдали; онѣ шли дальше, съ террасы... ея высочество всемилостивѣйше повелѣла въ видѣ подарка, въ день своихъ именинъ, поставить имъ на площадкѣ для игръ качели... оттуда неслись хохотъ и гамъ голосовъ... M-elle Латерьеръ продолжала дремать.

Марія-Каролина тихонько поднималась со скамьи и подкрадывалась къ площадкѣ для игръ. При особенно громкихъ возгласахъ дѣтей она вздрагивала и оглядывалась назадъ.

Спрятавшись за дерево, Марія-Каролина наблюдала за ихъ играми.

Дѣти становились попарно, спиной къ ней, длинной цѣпью. Да, это онѣ въ горѣлки играютъ.

Марія-Каролина знала всѣ ихъ игры—и горѣлки, и кошку и мышку, и пятнашки, всѣ, всѣ. Съ какимъ визгомъ неслись онѣ мимо качель! Ахъ, да лови же ее, лови... Горѣла толстуха-Марѳуша.

Со всѣхъ сторонъ неслись крики дѣтей, самыя маленькія играли въ прятки, т.-е. становились лицомъ къ дереву, и когда ихъ находили, громко визжали и изо всѣхъ силъ удирали. Нѣкоторыя при этомъ падали на землю и дрыгали ноженками, такъ что изъ-за юбокъ выглядывали ихъ розовыя икры.

Старшія скоро уставали и тогда усаживались длинными рядами на скамьи, обнимали другъ друга за таліи и покачивались изъ стороны въ сторону; нѣкоторыя затягивали пѣсню.

Другія подхватывали, тоже раскачиваясь въ тактъ.

Младшія подпѣвали высокими, визгливыми голосами первую строфу. Маленькая, кудрявая дѣвчурка растянулась на землѣ и ревѣла; но въ то же время, размазывая по мокрой отъ слезъ рожицѣ землю, всетаки подпѣвала.

Марія-Каролина тихонька возвращалась къ своей гувернанткѣ.

Однажды маленькія дѣвочки пришли однѣ.

Имъ хотѣлось играть во всѣ игры, въ которыя играли старшія, но онѣ не могли припомнить всего, сердились, словно маленькіе пѣтухи вцѣплялись другъ другу въ волоса, дрались и чувствовали себя обиженными.

Марія-Каролина вышла изъ своей засады, наклонилась надъ одной плачущей малюткой, немилосердно тершей себѣ кулачонкомъ глаза.

— Помочь тебѣ?—спросила она.

Малютка поднялась на ноги и вытаращила на нее глазенки, потомъ вырвалась и убѣжала. Тутъ и другія увидали Марію-Каролину, стали присѣдать, держась за фартукъ, а потомъ торопливо прятались за деревья.

Марія-Каролина очутилась одна на площадкѣ.

— Хотите играть?—еще разъ спросила она и сдѣлала шагъ по направленію къ нимъ.

Дѣти не отвѣчали; засунувъ пальцы въ ротъ, онѣ сбились въ кучу; нѣкоторыя продолжали все время присѣдать.

— Давайте играть,—снова предложила Марія-Каролина, но уже тише.

Отвѣта она и на этотъ разъ не получила, но зато раздалась какая-то тихая воркотня.

— Давайте же играть въ горѣлки,—повторила принцесса и подошла къ нимъ ближе.

— Пойдемте!

Она взяла за руку самую маленькую дѣвочку.

— Давай, встанемъ съ тобой!

Дѣвочка старалась высвободить свою руку, заплакала и бросилась въ толпу остальныхъ дѣтей, тоже со страхомъ косившихся на Марію-Каролину: было похоже, что вотъ-вотъ онѣ всѣ заревутъ.

— Но вѣдь мы будемъ играть въ горѣлки,—уговаривала Марія-Каролина.

Взяла за руку другую дѣвочку, но та такъ заорала, точно ее рѣзали на куски.

Марія-Каролина пустила ее. Еще съ мгновеніе смотрѣла она на дѣтей, сбившихся въ кучу, потомъ удалилась.

Когда m-elle Латерьеръ проснулась, она вошла во дворецъ.

Синьоръ Песталоцци не могъ понять, что сдѣлалось съ ея высочествомъ во время урока танцевъ и придворнаго этикета: внезапно во время кадрили съ тремя стульями ея высочество разразилась слезами, и ея ничѣмъ нельзя было утѣшить.

Марія-Каролина сжимала губы и подъ звуки скрипки продѣлывала свои pà, въ то время какъ по щекамъ у нея текли слезы.

Вечеромъ, когда m-elle Латерьеръ, надѣвъ ей на руки перчатки, вышла, закрыла за собою дверь и въ коридорѣ замерли ея шаги, Марія-Каролина снова поднялась съ постели, опустилась на колѣни, подняла руки кверху и плакала, плакала, плакала...

Уронивъ голову на коверъ, она молилась и, сама не зная почему, чувствовала себя безгранично несчастной. Было тогда Маріи-Каролинѣ около 14 лѣтъ.

. . . .

Ея высочество герцогиня изволила избрать для принцессы двухъ подругъ.

Это были рыжеволосыя и веснушчатыя дочери тайнаго совѣтника; даже шеи у нихъ были усѣяны веснушками.

Онѣ вѣчно садились на краешки стульевъ, руки у нихъ вѣчно были холодны и влажны, и онѣ ничего не произносили, кромѣ «да» и «нѣтъ», а за столомъ глотали словно галки.

По вечерамъ, подъ надзоромъ m-elle Латерьеръ, дѣвицы читали другъ другу вслухъ повѣсти изъ собранія «Pour les jeunes filles». Читали по очереди. Веснушчатыя, ни та, ни другая, не понимали ни слова. Когда очередь доходила до нихъ, онѣ, задыхаясь, отбарабанивали свои фразы, такъ что щеки ихъ заливало румянцемъ. Никто не понималъ ни звука. Mademoiselle вязала прошивки и каждый разъ, когда тѣ останавливались, чтобы перевести дыханіе, говорила: «Очень интересно, очень!» Если играли въ карты, дѣвицы всегда проигрывали ея высочеству, но потомъ проигранныя лакомства имъ отдавались обратно.

Марія-Каролина обращалась съ ними не то съ снисходительною, не то съ разсѣянною ласковостью. Больше всего ее интересовало, сколько всякой всячины могутъ вмѣстить ихъ карманы. Ей казалось, что тамъ можетъ найтись мѣсто для всего рѣшительно.

На каникулы изъ кадетскаго корпуса являлся домой наслѣдный принцъ.

Его высочество наслѣдный принцъ былъ долговязымъ мальчишкой и такъ больно исподтишка щипалъ руки сестры, что онѣ вѣчно были покрыты зелеными и желтыми пятнами. По воскресеньямъ, въ церкви, онъ садился позади нея и пихалъ кулакомъ въ спину. Марія-Каролина готова была идти за брата въ огонь и въ воду.

Она слѣпо обожала его, но въ его присутствіи держалась натянуто, словно проглотивъ палку, и тонъ ея разговора былъ вѣчно-обиженный.

Чтобы поддразнить сестру, Эрнстъ-Георгъ начиналъ обнимать и цѣловать ее; она густо краснѣла и чуть не плакала. Потомъ садилась въ уголъ и любовалась имъ.

— Не разѣвай рта!—кричалъ ей тогда Эрнстъ-Георгъ.

У Маріи-Каролины была привычка сидѣть разиня ротъ, когда она любовалась чѣмъ-нибудь.

Марія-Каролина была очень неловка и никогда не знала, что ей дѣлать съ своими длинными, красными руками, и размахивала ими, точно онѣ были привязаны на веревочкѣ.

— Руки, ваше высочество!—восклицала m-elle Латерьеръ.— Руки!

Ея высочество вздрагивала и судорожно прижимала свои руки къ тѣлу, причемъ локти торчали словно остріе шила.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина была такъ неграціозна, что возбуждала сожалѣніе.

Ея высочеству исполнилось шестнадцать лѣтъ.

. . . .

Принцессѣ назначили собственный придворный штатъ. Онъ состоялъ изъ гофмейстерины графини Теодоры-Анны-Амаліи фонъ-Гартенштейнъ: такое громкое имя недурно заполняло герцогскій придворный альманахъ. Въ немъ она значилась трижды: придворный штатъ ея высочества герцогини—первая статсъ-дама графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ. Придворный штатъ ея высочества принцессы Маріи-Каролины: гофмейстерина графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ.

Придворный штатъ иностранныхъ принцессъ: фрейлина графиня Теодора-Анна-Амалія фонъ-Гартенштейнъ.

Графиня Теодора-Анна-Амалія была горбата и носила платья преимущественно цвѣта кремъ; вслѣдствіе этого даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она обновляла какой-нибудь туалетъ, все же казалось, что онъ перелицованъ.

Она ни на минуту не оставляла принцессу Марію-Каролину одну и постоянно повторяла: Ваше высочество думаетъ...

Графиня знала все, что полагала ея высочество.

Марія-Каролина не обладала ни малѣйшей привлекательностью и вѣчно одѣвалась въ свѣтло-розовые цвѣта.

. . . .

ѣя высочество герцогиня, желая доставить принцессѣ какое-либо ра[illegible]еченіе, предложила ей брать уроки акварельной живописи.

[illegible]ейбъ-медикъ утверждалъ, что ея высочество въ высшей степени ст[illegible]аетъ малокровіемъ—ей необходимо дѣлать какъ можно больше дв[illegible]енія.

[illegible]воили уроки верховой ѣзды. У Маріи-Каролины явился другъ— ея [illegible]. Во время прогулокъ верхомъ по лѣсу она иногда сходила

съ лошади, чтобы пройтись пѣшкомъ, и тогда ей случалось по цѣлымъ часамъ простаивать около Аякса, обхвативъ его шею руками. Она не говорила съ нимъ, не называла ласкательными именами и не ласкала... только стояла, положивъ на шею животнаго голову. Когда же возвращалась во дворецъ, и конюхъ уводилъ Аякса, она до тѣхъ поръ стояла на подъѣздѣ, пока лошадь не исчезала изъ вида.

Теперь она рѣже видала дядю Отто-Георга. За послѣдніе годы его болѣзнь усилилась. Большею частью онъ сидѣлъ молча и качалъ головой, никогда не говорилъ и лишь время отъ времени произносилъ какіе-то странные, нечленораздѣльные звуки, напоминавшіе крикъ совы. Однако, лѣтомъ онъ еще иногда сходилъ въ садъ къ своимъ розамъ. Марія-Каролина шла съ нимъ и вела его подъ руку. Онъ, шатаясь, бродилъ межъ кустами, и лепеталъ и смѣялся, словно ребенокъ.

Постепенно онъ становился все слабѣе и слабѣе и похудѣлъ, какъ нитка.

Марія-Каролина сильно плакала, когда онъ умеръ.

Года шли за годами; умерла также ея высочество герцогиня-мать. Маріи-Каролинѣ пришлось принять участіе въ безконечномъ церемоніалѣ и у нея не хватило времени для настоящаго горя.

Къ тому же она такъ мало знала свою мать.

II.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина уже много лѣтъ какъ имѣла собственные пріемы при дворѣ.

Изъ году въ годъ приходилось ей участвовать на однихъ и тѣхъ же празднествахъ. Его высочество герцогъ и ея высочество принцесса Марія-Каролина всегда открывали полонезомъ балъ подъ Новый годъ.

Ея высочеству угодно было приглашать на кадриль неизмѣнно однихъ и тѣхъ же офицеровъ.

Затѣмъ каждую зиму давалось три обѣда и устраивалось небольшое, интимное празднованіе дня рожденія ея высочества; заканчивалось оно всегда фейерверкомъ, во время котораго въ воздухѣ показывались огромные, желто-зеленые инииціалы ея высочества; желто-зеленые цвѣта были національными. Кромѣ того, въ приватныхъ покояхъ ея высочества 6 разъ въ годъ собирались «на чашку чая»; на этихъ soirées около дюжины гарнизонныхъ офицеровъ танцовали съ молоденькими фрейлинами, и г. Песталоцци разучивалъ съ ними менуэтъ, который онѣ должны были танцовать въ костюмахъ въ день рожденія его высочества герцога.

Ея высочеству ежегодно приходилось еще посѣщать базаръ въ общественномъ собраніи. Ее встрѣчали на первой ступенькѣ лѣстницы ратуши и подносили ей букетъ; затѣмъ предсѣдатель собранія тащилъ ее подъ руку черезъ весь залъ (ея высочество никогда не могла попасть въ ногу и поспѣвать за предсѣдателемъ). Когда ея высочество занимала приготовленное ей мѣсто на трибунѣ, разукрашенной флагами національныхъ цвѣтовъ, артистъ придворнаго театра, господинъ фонъ-Пёльнитцъ, всегда любезно изъявлявшій согласіе принять участіе въ базарѣ, декламировалъ «Пѣснь о колоколѣ» Шиллера.

Во всемъ залѣ единственно господинъ фонъ-Пёльнитцъ не совсѣмъ твердо зналъ текстъ Колокола. Онъ обладалъ большимъ запасомъ паѳоса и въ концѣ каждаго стиха поднимался на цыпочки. Дефекты своей памяти господинъ фонъ-Пёльнитцъ старался замаскировать тѣмъ, что произносилъ нѣсколько протяжныхъ, рокочущихъ звуковъ, напоминающихъ отдаленные раскаты грома; при этомъ его руки размахивали по воздуху, точно крылья вѣтряной мельницы.

По окончаніи декламаціи—съ каждымъ годомъ г. фонъ-Пёльнитцъ декламировалъ все дольше и дольше—ея высочество поднималась и милостиво произносила: «Мнѣ очень пріятно». Ея высочеству очень хотѣлось бы сказать еще что-нибудь, но она не могла найти ничего подходящаго; къ тому же мѣшали руки (ея высочество во время разговора всегда желала куда-нибудь спрятать свои руки), и она повторяла: «Я очень довольна... какъ всегда... очень».

Господинъ фонъ-Пёльнитцъ раскланивался и сопѣлъ, словно китъ. Съ каждымъ годомъ ему становилось все труднѣе и труднѣе декламировать, и все чаще его декламація перемежалась рокотаніемъ грома.

Послѣ каждаго базара г. фонъ-Пёльнитцъ надѣялся получить орденъ. «Медаль за искусство» онъ уже имѣлъ: ея высочество, покойная герцогиня, пожаловала ее ему въ день XXV-лѣтняго юбилея его сценической дѣятельности; въ этотъ день г. фонъ-Пёльнитцъ игралъ Ромео.

Ея высочество проходила по заламъ и въ каждомъ кіоскѣ покупала что-нибудь.

У супруги городского головы она покупала пряники: супруга го[р]одского головы сама пекла ихъ.

— Я особенно люблю ваши пряники,—говорила ея высочество.

Ея высочество ежегодно «особенно любила» пряники супруги горо[д]ского головы, и всѣ хозяйки столицы выпрашивали у той рецептъ «[пр]яниковъ ея высочества».

Обойдя кіоски, ея высочество направлялась къ эстрадамъ съ разн[оо]бразными увеселеніями; между прочимъ, старшій учитель гимназіи,

молодой еще человѣкъ, показывалъ дрессированную свинью: она хрюкала, когда ее щекотали.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина такъ смѣялась, что графиня фонъ-Гартенштейнъ начинала кашлять. Графиня Теодора-Анна-Амалія вообще не постигала, почему на ея высочество—и притомъ въ совершенно неподходящихъ случаяхъ, моя милая,—говорила она m-elle Латерьеръ, жившей теперь въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей и завѣдовавшей бѣльемъ,—почему на ея высочество нападаютъ такіе припадки веселости? Смѣю сказать, это какіе-то взрывы хохота.

— Да вы вѣдь знаете, моя милая,—продолжала графиня фонъ-Гартенштейнъ,—въ томъ-то и горе, что принцесса никогда не обладала граціей. А когда она такъ смѣется...—и графиня замолкала, чтобы не подчеркивать черезчуръ рѣзко всю глубину своего сожалѣнія.

Гофмейстерина, графиня фонъ-Гартенштейнъ всегда смѣялась скромно, прикрывъ ротъ носовымъ платкомъ.

— Но вѣдь не у всѣхъ же бываетъ «l'air du trône»,—возражала m-elle Латерьеръ. Бывшая гувернантка, выражаясь мягко, была не очень довольна, что ей не дали чина и сдѣлали лишь управительницей дворцоваго бѣлья.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ съ отчаяніемъ вздѣвала глаза горѣ и продолжала:

— Конечно, благоразумнѣе всего, моя милая, ничего не говорить объ особахъ illustres.

По окончаніи осмотра базара, городской голова говорилъ ея высочеству рѣчь, причемъ верхняя часть тѣла непрерывно двигалась у него изъ стороны въ сторону, точно онъ рубилъ дрова.

По окончаніи рѣчи ея высочество нѣсколько мгновеній подыскивала подходящій отвѣтъ и, наконецъ, произносила:

— Благодарю васъ... Я очень, очень рада!—и шла дальше, а окружающіе нѣкоторое время продолжали стоять на мѣстѣ, ожидая, не скажетъ ли она еще чего-нибудь.

Ея высочеству не легко давались отвѣты.

Иногда ея высочеству случалось загибать рубецъ на знамени для какого-нибудь общества стрѣлковъ, или закладывать первый камень новаго зданія.

Но помимо этихъ событій, одинъ день проходилъ, какъ другой; перемѣнъ не было. Все шло по старому.

По временамъ, гуляя по террасѣ, ея высочество случайно бросала взглядъ на некрасивый, зеленый, безстильный дворецъ со мно-

жествомъ небольшихъ стеколъ и старыми, заржавленными пушками, Богъ знаетъ зачѣмъ притащенными ко дворцу и разставленными у подъѣзда; на часовыхъ—единственныя существа мужского пола—метавшихся взадъ и впередъ передъ дворцомъ,—и тогда у ея стѣснялось дыханіе и что-то начинало давить грудь, будто зеленый, ящикообразный дворецъ на мгновеніе наваливался на нее.

И принцесса съ боку оглядывала графиню фонъ-Гартенштейнъ, старавшуюся порхать около нихъ на подобіе танцовщицы. И ея высочество, раздражаясь вѣчнымъ присутствіемъ посторонняго лица, ускоряла шаги.

Но графиня умѣла ходить въ ногу съ высочайшей особой.

Послѣ подобныхъ прогулокъ принцесса Марія-Каролина снова принималась за свои краски и вышиванье.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ читала ей вслухъ изъ «Revue de deux mondes».

По вечерамъ ея высочество появлялась въ своей ложѣ въ придворномъ театрѣ. Начинающіе или уже устарѣвшіе артисты декламировали стихи Шиллера. Ея высочество слушала ихъ какъ въ полуснѣ, будто въ телефонъ.

Время отъ времени ея высочество вѣеромъ дотрогивалась до своего лица: она пыталась скрыть зѣвокъ.

Такъ проходило время, и одинъ день протекалъ, какъ другой.

И бывали случаи, когда ея высочество вдругъ удивлялась, что поля и лужайки около дворца уже начинаютъ зеленѣть, а почки на кустахъ вдоль дороги сильно разбухли.

— Неужели уже настаетъ весна?!

— Черезъ двѣ недѣли рожденіе его высочества герцога,—замѣчаетъ на это графиня фонъ-Гартенштейнъ.

— Да!—отвѣчала ея высочество, глядя на зеленѣющія поля.

III.

Ея высочество достигла возраста, когда пора было вступить въ бракъ.

За послѣдніе годы при дворѣ стали появляться посланники иностранныхъ дворовъ; нѣсколько принцевъ явилось лично.

Въ этихъ случаяхъ къ столу велъ принцессу пріѣзжій принцъ; за обѣдомъ, окруженные разными превосходительными сановниками дружественныхъ державъ, они чувствовали себя смущенными и, стараясь казаться какъ можно оживленнѣе, говорили другъ другу самыя безразличныя фразы.

Но среди разговора, случалось, они внезапно умолкали и не находили что̀ говорить дальше; улыбаться же и поворачиваться другъ къ другу, точно желая сообщить что-то очень интересное,—не переставали; но подходящаго интереснаго такъ и не находили.

На придворныхъ это молчаніе дѣйствовало заразительно, и ихъ разговоры шепотомъ—тоже смолкали, и они, какъ и ихъ высочества, сидѣли, улыбались, склоняли другъ къ другу лица, преисполненныя интереса, играли ножами, глядѣли другъ на друга и ничего не произносили.

Его высочество герцогъ всякій разъ удалялся изъ-за стола съ большимъ шумомъ. Молодыя ихъ высочества оставались въ томъ же положеніи и продолжали другъ другу улыбаться, словно куклы въ музеѣ для восковыхъ фигуръ.

— Ротъ, Боже! Хоть бы она раскрыла свой ротъ!

Графиня фонъ-Гартенштейнъ была въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи, точно дѣло шло о ея собственной помолвкѣ.

Послѣобѣденный кофе сервировался въ желтомъ залѣ.

Герцогъ садился за карты, а придворныя дамы и кавалеры размѣщались по угламъ.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ продѣвала иголку въ канву и воображала, что вышиваетъ.

Принцесса чрезвычайно оживлялась, говорила не умолкая и ни на шагъ не отпускала отъ себя ихъ превосходительствъ господина фонъ-Курта и господина фонъ-Квенда.

Ея высочество очень интересовалъ какой-то вопросъ по лѣсоводству... Ея высочество не понимала...

Стоя подъ люстрой, оба превосходительства переминались съ ноги на ногу. Ея высочество не слыхала ни слова изъ того, что они говорили, но продолжала спрашивать, говорила все громче и громче и обмахивалась при этомъ вѣеромъ. Пріѣзжій принцъ дергалъ себя за усъ и разсматривалъ свои сапоги.

— Какъ я уже говорила вамъ, высокоуважаемое превосходительство...

Уважаемое превосходительство стояло словно на угольяхъ: онъ уже оказывался въ единственномъ числѣ, такъ какъ его превосходительство, г-нъ фонъ-Куртъ, воспользовавшись минутной паузой, отвѣшивалъ три поклона и удалялся.

Его превосходительство г-нъ фонъ-Квенда принялъ отважное рѣшеніе: не выждавъ конца фразы, онъ, пятясь назадъ, покинулъ ея высочество.

— Совершенно вѣрно,—бормоталъ онъ,—совершенно вѣрно, ваше высочество!

Вокругъ ихъ высочествъ оказывалось теперь огромное пустое пространство.

Они подходили къ столу и разсматривали фотографіи.

На слѣдующее утро назначалась прогулка по лѣсу.

Завтракъ сервировался въ зàмкѣ, послѣ чего всѣ отправлялись въ лѣсъ.

Свита не слѣдовала за ихъ высочествами, и они оказывались вдвоемъ. Марія-Каролина судорожно сжимала ручку своего зонтика и время отъ времени бросала, задыхаясь, нѣсколько словъ; пріѣзжій принцъ находу чертилъ тросточкой кривую линію по мягкой землѣ.

Кончалось тѣмъ, что они пошли молча на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Чужое высочество сбоку смотрѣло на Марію-Каролину. Ея наружность въ профиль была далеко не привлекательна.

Внезапно, на поворотѣ дорожки, они встрѣчали графиню фонъ-Гартенштейнъ. Его высочество поспѣшно наклонялся надъ какимъ-нибудь пнемъ и раскапывалъ его тростью:

— Да, это муравьи... въ пнѣ дѣйствительно оказывается муравьиная куча!

— Да!—И ея высочество убѣждалось, что въ древесномъ пнѣ дѣйствительно поселилась цѣлая колонія муравьевъ. Какъ удивительно устроенъ міръ животныхъ...

Оба стояли около пня и разсматривали его; внезапно ея высочество начинала хохотать: она невольно вспоминала m-elle Латерьеръ... одинъ изъ ея анекдотовъ... относящійся къ Санъ-Суси. И она разсказывала его. Принцъ также смѣялся и въ свою очередь разсказывалъ о своемъ гувернерѣ, который въ настоящее время сталъ профессоромъ «древне-персидскаго» языка.

И оба смѣялись слову «древне-персидскій».

— Кромѣ того, у него былъ кривой ротъ,—прибавлялъ его высочество.

И все время, пока молодыя высочества подходили къ графинѣ фонъ-Гартенштейнъ, они не переставали смѣяться.

— Точно дѣти, моя милая,—разсказывала та потомъ m-elle Л терьеръ.

На слѣдующій день пріѣзжій принцъ изволилъ отбывать.

Если ея высочество и чувствовала разочарованіе, то во всякомъ с чаѣ она никому не надоѣдала своими признаніями. И снова, е дневно къ столу, сервированному въ малой столовой, ее отво д ъ его высочество герцогъ; и снова послѣ обѣда, въ то время какъ

графиня фонъ-Гартенштейнъ читала вслухъ, она вышивала бисеромъ экранъ для благотворительнаго базара въ общественномъ собраніи.

Ея высочество садилась подъ лампу и, склонившись, нанизывала на тонкую иглу серебряныя бисеринки; лицо и красныя руки ея высочества были ярко освѣщены, отчего скулы лица рѣзко выступали: за послѣднее время черты лица ея высочества начинали заостряться.

Наслѣдный принцъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, чтобы провѣдать отца, вечеромъ долго смотрѣлъ на худобу и непривлекательность сестры.

— Неужели ты думаешь, Марія-Каролина, все сидѣть тамъ, на свѣту, и низать бисеръ?

Сказалъ онъ это совершенно неожиданно; принцесса вся съежилась.

— Тебя бы можно было безъ дальнихъ разговоровъ отправить въ Эйзенштейнъ (монастырь),—кинулъ онъ сестрѣ и повернулся на каблукахъ.

Ея высочество Марія-Каролина ниже склонилась надъ столомъ. Вскорѣ затѣмъ она молча собрала свой бисеръ и завернула работу въ бумагу.

Въ этотъ день ея высочество рано удалилась къ себѣ,—у нея болѣла голова и она была очень блѣдна.

Съ работой въ рукѣ подошла она къ карточному столу, за которымъ старый герцогъ игралъ съ наслѣднымъ принцемъ; между двумя ходами его высочество поцѣловалъ дочь въ лобъ.

— Покойной ночи, сестренка,—сказалъ наслѣдный принцъ.— Покойной ночи!—и посмотрѣлъ на сестру—она была очень блѣдна.

— Тебѣ нездоровится, Мися?—спросилъ онъ. «Мися» было ласкательное прозвище, данное имъ сестрѣ еще во времена дѣтства. И онъ нѣжно погладилъ ее по щекѣ.—Поправляйся, дитя мое!

Ея высочество была очень нервно настроена; когда она поспѣшно шла черезъ залъ, на ея вышивку капали слезы.

На слѣдующее утро ея высочество совершила прогулку верхомъ по лѣсу съ своимъ братомъ, наслѣднымъ принцемъ,—глаза у нея были очень красны. Братъ и сестра, по-старому, остались въ добрыхъ отношеніяхъ; онъ часто дразнилъ ее, она же капризничала и нерѣдко отвѣчала очень рѣзко. Но иногда, когда онъ послѣ обѣда цѣловалъ ее въ щеку, говоря: «спасибо, Мисенька», ея высочество внезапно начинала дрожать и судорожно прижималась къ плечу брата. Въ эти дни наслѣдный принцъ усиленно наблюдалъ, какъ сестра молча разливаетъ кофе и молча относитъ чашку отцу.

— Ну, могу сказать,—произносилъ тогда наслѣдный принцъ, вытягивая свои красивыя ноги, затянутыя въ рейтузы,—могу сказать—занятіе не особенно интересное!

И онъ продолжалъ наблюдать за сестрой, разливающей вмѣстѣ съ графиней фонъ-Гартенштейнъ кофе.

— Ну, ей-же Богу, времяпрепровожденіе не изъ интересныхъ!

Его высочество, наслѣдный принцъ, никогда болѣе трехъ дней не проводилъ въ своей столицѣ—онъ жилъ въ Потсдамѣ, гдѣ квартировалъ ихъ полкъ.

Послѣ его отъѣзда ея высочество Марія-Каролина снова совершала свои прогулки верхомъ въ одиночествѣ и на новомъ Аяксѣ ѣхала шагомъ по лѣснымъ дорогамъ. Стараго Аякса застрѣлили по приказанію наслѣднаго принца, у него перестали сгибаться ноги, и онъ начиналъ слѣпнуть. Марія-Каролина приказала зарыть своего друга на краю любимой лѣсной поляны, подъ дубомъ.

Впрочемъ, она отлично знала каждую тропинку въ лѣсу,—вѣдь въ немъ она провела самые счастливые часы своей жизни.

Ребятишки лѣсника всегда играли у забора своего домика. Ея высочество останавливала Аякса и приглядывалась къ ихъ играмъ.

Принцесса такъ любила дѣтей! Она сходила съ лошади и садилась съ ними на край рва; малыши рвали усики дикаго винограда, визжали, хохотали и надѣвали на себя ея цилиндръ, который закрывалъ имъ всю голову. Марія-Каролина лучше всего умѣла разговаривать съ дѣтьми. Она бы охотно говорила и съ другими людьми, но не знала, что̀ можно и чего нельзя говорить съ чужими. Къ тому же они такъ часто говорили о вещахъ, о которыхъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія.

И потому она никогда правильно не понимала ихъ, всегда оставалась имъ чужда и умѣла только улыбаться, чувствуя себя неувѣренной и стѣсненной.

Но съ дѣтьми—иное дѣло. Съ ними она болтала и смѣялась и могла подолгу просиживать у забора. Онѣ прижимались къ ея груди, забирались на колѣни, забрасывали ея амазонку репьями, а самаго маленькаго она сажала къ себѣ на плечо и носила по лѣсной дорожкѣ, въ то время какъ конюхъ, словно часовой, въ нѣкоторомъ отдаленіи почтительно держалъ ея лошадь подъ уздцы.

На обратномъ пути ея высочество имѣла обыкновеніе останавливаться у лѣсной мельницы, и дочь мельника Анна-Лиза выносила ей стаканъ молока.

Пока ея высочество осушала стаканъ, на крылечко выходила старуха-мельничиха съ краснымъ лицомъ.

— Ну, какъ, налаживается у васъ дѣло?—спрашивала ея высочество.

— Ахъ, ваше высочество, надо еще подождать!—отвѣчала мельничиха и снова присѣдала.

— Вы вѣдь помните, о приданомъ мое дѣло позаботиться,—говорила ея высочество.—Благодарствуйте за молоко!

Анна-Лиза принимала стаканъ обратно и присѣдала.

— На здоровье, ваше высочество.

— Да благословитъ васъ Господь!—говорила старуха и снова присѣдала.

— Благодарствуйте! Прощайте!—и ея высочество ѣхала дальше. Стукъ мельничнаго колеса раздавался по лѣсу. Въ чащѣ, на деревьяхъ, пѣли птицы; ея высочество останавливала Аякса и слушала, какъ ближайшее дерево дѣловито долбилъ дятелъ.

Дорога упиралась въ ворота дворцоваго парка съ двумя разбитыми вазами наверху.

Ея высочество возвращалась шагомъ. . . . .

. . . .

Наслѣдному принцу предстояло совершить путешествіе на Востокъ. Его высочество герцогъ вынужденъ былъ распродать конюшню, чтобы собрать нужныя для этого средства. Маріи-Каролинѣ приходилось носить передѣланные и подновленные придворные наряды своей тетки изъ Вѣны.

IV.

Дворъ впервые прибылъ изъ лѣтней резиденціи въ столицу, чтобы побывать въ театрѣ.

Ея высочество заняла свое обычное мѣсто въ ложѣ, усѣлась поудобнѣе и стала въ бинокль отыскивать знакомыя лица среди зрителей; бархатная занавѣска наполовину скрывала ее отъ публики, и принцесса чувствовала себя очень уютно; всѣ абоненты балкона сидѣли на своихъ прежнихъ мѣстахъ,—теперь при свѣтѣ новой люстры, повѣшенной за лѣто, ихъ хорошо было видно.

Ея высочество не слышала ни единаго слова изъ Донъ-Карлоса; когда ея взоръ случайно падалъ на сцену, она видѣла стоящаго на цыпочкахъ и прижимающаго руки къ груди, г-на фонъ-Пёльнитца—онъ изображалъ маркиза Позу. За лѣто г-нъ фонъ-Пёльнитцъ еще чуточку располнѣлъ. Наверху, въ ложѣ для придворныхъ дамъ, графиня фонъ-Гартенштейнъ сладко дремала, вытянувшись на своемъ стулѣ словно оловянный солдатикъ.

Ея высочество навела бинокль на сцену, но на колѣняхъ продолжала держать наготовѣ полураскрытый вѣеръ; она не видѣла и не слышала, что творится тамъ, и не сознавала, о чемъ собственно думаетъ, а лишь ощущала, какъ хорошо сидѣть здѣсь, въ своемъ уголкѣ, въ то время какъ другіе тамъ внизу играютъ. Когда раздавались аплодисменты, принцесса также поднимала надъ барьеромъ ложи затянутыя въ перчатки руки и нѣсколько разъ механически, беззвучно прикладывала одну ладонь къ другой, почти не сознавая, что дѣлаетъ.

Приближался новый выходъ г-на фонъ-Пöльнитца; онъ обливался потомъ, точно носильщикъ тяжестей. Господинъ фонъ-Пöльнитцъ всегда потѣлъ, когда изображалъ героевъ.

Въ фойе для артистовъ г-нъ фонъ-Пöльнитцъ подошелъ къ зеркалу—онъ охотно смотрѣлъ на себя въ зеркало, когда бывалъ въ трико. Онъ всталъ въ позу такъ, чтобы можно было видѣть линіи ногъ, и съ тонкой придворной улыбкой оглядывалъ себя.

Съ подобной улыбкой г-нъ фонъ-Пöльнитцъ заставлялъ смотрѣть Болингброка на лэди Мальбору.

Онъ стоялъ, погрузившись въ созерцаніе своихъ икръ.

Къ нему подошла принцесса Эболи.

Господинъ фонъ-Пöльнитцъ вздрогнулъ.

— Дорогая моя!—когда фонъ-Пöльнитцъ начиналъ съ «дорогая моя», всегда можно было предположить, что онъ по меньшей мѣрѣ сосчиталъ всѣ звѣзды на небѣ и теперь собирается сообщить результаты своего исчисленія.—Дорогая моя, замѣтили ли вы, что ея высочество изволила принимать участіе въ аплодисментахъ?

Режиссеръ позвалъ маркиза Позу.

Ея высочество Марія-Каролина продолжала неподвижно сидѣть въ своемъ углу, а его высочество герцогъ занялъ мѣсто позади нея. Герцогъ до тѣхъ поръ безпрерывно и нѣжно проводилъ растопыренной пятерней по своей бородѣ, пока сладко не задремалъ; но когда занавѣсъ опускали, онъ всякій разъ просыпался, перемѣщался на свѣтъ и наклонялся къ принцессѣ. У него была привычка, сидя въ ложѣ на виду у всѣхъ, все время шевелить губами, точно онъ, не переставая, говоритъ; на самомъ же дѣлѣ онъ не произносилъ ни звука.

Ея высочество взглянула въ ложу для придворныхъ дамъ: графиня фонъ-Гартенштейнъ уже успѣла проснуться къ этому времени и не спускала широко-раскрытыхъ глазъ со сцены. Графиня была похожа на вспугнутую курицу.

Въ это мгновеніе ея высочество поразилъ особенный звукъ чье-

го-то голоса на сценѣ,—голоса грубаго, почти звѣринаго. Ея высочество невольно вздрогнула,—это Донъ-Карлосъ говорилъ съ королевой.

Онъ былъ некрасивъ, даже уродливъ,—лицо невыразительно... хороши только громадные, пламенные глаза... но какъ онъ всплеснулъ руками!

Моей вы были передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Мнѣ отданы союзомъ двухъ державъ,
Моею признаны и небомъ, и природой:
Филиппъ, Филиппъ отнялъ васъ у меня!

Ея высочество посмотрѣла на афишу и прочла: Донъ-Карлосъ—Іосифъ Баймъ—и помимо воли, слегка перегнувшись черезъ барьеръ, безъ бинокля, она стала слѣдить за каждымъ его движеніемъ. И опять слова ускользали отъ ея вниманія, и лишь звукъ его голоса стоялъ въ ушахъ. И не то съ любопытствомъ, не то съ испугомъ, точно склоняясь надъ какимъ-то особеннымъ существомъ, переползающимъ черезъ дорогу, принцесса, какъ зачарованная, не отрывала отъ него глазъ.

А онъ говорилъ и скалилъ зубы, и нагибался къ королевѣ съ сжатыми кулаками, точно былъ скованъ, и бѣшенно потрясалъ невидимыми цѣпями.

— Что за кретинъ!—произнесъ позади нея его высочество герцогъ.

Онъ тоже не спалъ.

Въ антрактѣ въ герцогскую ложу былъ вызванъ его превосходительство господинъ фонъ-Куртъ.

Марія-Каролина поклонилась и подала ему руку.

— Не правда ли, нашъ новый jeune premier нѣсколько необыченъ?—съ поклономъ произнесъ его превосходительство.—Онъ мятежникъ по натурѣ, возстаетъ противъ всѣхъ сценическихъ традицій.

Ея высочеству показалось, что она подыскивала именно это выраженіе.

— Да...—произнесла она, снова кидая взглядъ на сцену.—Да... какъ онъ провелъ сцену съ королевой... да...

— Нашъ придворный театръ не звѣринецъ,—прервалъ ее его высочество.

Его превосходительство фонъ-Куртъ опѣшилъ и изумленно посмотрѣлъ на его высочество.

— Да-а,—протянулъ онъ,—ваше высочество правы; молодой человѣкъ нѣсколько черезчуръ горячъ.

Занавѣсъ поднимался и опускался; пьеса кончилась.

— Можетъ быть, отправимся домой?—спросилъ его высочество.

— Да...

И Марія-Каролина подъ руку съ отцомъ прошла черезъ вестибюль и стала спускаться съ лѣстницы.

Его превосходительство фонъ-Куртъ и директоръ театра ожидали ихъ высочествъ въ вестибюлѣ.

Директоръ отвѣсилъ поклонъ съ такой плачевной миной и до того при этомъ вздернулъ плечи, будто опасался, что ему дадутъ пощечину.

— Да, да!—сказалъ его высочество,—фонъ-Куртъ вѣрно опредѣлилъ: этотъ артистъ—мятежникъ!

Ея высочество только улыбнулась. Она сошла съ лѣстницы и стояла у подъѣзда. Въ продолженіе вечера шелъ дождь, и отдѣльныя, крупныя капли еще продолжали падать на мостовую.

Отъ деревьевъ парка пахнуло на нихъ свѣжей прохладой.

— Вотъ какъ, шелъ дождь?—сказала Марія-Каролина.

Она почувствовала, что на открытомъ воздухѣ ее охватываетъ блаженное чувство покоя.

— Откиньте верхъ ландо,—приказала она,—вѣдь дождя больше нѣтъ.

Герцогъ отъѣхалъ со своимъ адъютантомъ. Марія-Каролина ждала на лѣстницѣ, пока откидывали верхъ; она протянула руку, чтобы поймать каплю дождя.

— Но дождь еще не совсѣмъ окончился,—сказала графиня фонъ-Гартенштейнъ.—Вотъ-вотъ опять начнетъ лить...

На графинѣ была шляпа, украшенная «настоящими перьями».

— Пустяки, это каплетъ съ деревьевъ.

Лошади тронулись полной рысью, и вскорѣ экипажъ выѣхалъ изъ аллеи и по луговой дорогѣ покатилъ къ лѣтней резиденціи герцога.

Надъ холмами повисли черными лохмотьями темныя облака. Небо было темно-синее и усѣяно звѣздами.

Дорога вилась вдоль рѣки, надъ которой поднимался легкій туманъ.

Между наклонившимися ветлами просвѣчивала темная вода.

— Поѣзжайте тише!—приказала принцесса.

Они поѣхали шагомъ. Лошади сначала нетерпѣливо грызли удила, желая поскорѣе добраться до дому, но потомъ успокоились. Отъ травы и деревьевъ несся такой одуряющій ароматъ, какой обыкновенно бываетъ только весной. Тишина стояла такая, что можно было разслышать шумъ паденія капель съ ивовыхъ вѣтокъ на воду.

— Какая чудная ночь!

Принцесса глубоко вздохнула. Откинувшись къ спинкѣ сидѣнья и положивъ голову на подушки, она сидѣла не двигаясь и смотрѣла въ темноту.

И вдругъ припомнила какой-то стихъ, потомъ другой... и еще...

Она не помнила, откуда они, но неожиданно убѣдилась, что знаетъ наизусть всѣ эти чудныя слова.

— Какая восхитительная ночь!—повторила она.

Теперь рѣка осталась позади нихъ, и они ѣхали въ гору. Временами, вдали, на горизонтѣ мелькали огоньки. Сосны и березы по склону горы издавали ароматъ. Около лѣсной сторожки проснулась собака и громко залаяла.

. . . .

Ея высочество сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ, и камеръюнгфера расчесывала ей волосы.

Окно было открыто настежь, но сторы спущены; на свѣтъ налетѣли мошки; онѣ носились взадъ и впередъ, налетали на огонь и обжигались; взадъ и впередъ носились... ея высочество отгоняла ихъ отъ огня.

— Ахъ, опять эта мушкара!

Теперь она вспомнила, на кого похожъ этотъ человѣкъ...

— Да, это такъ...

На картинѣ въ кабинетѣ его высочества, изображающей Марію Антуанету на пути въ тюрьму, на переднемъ планѣ стоялъ молодой человѣкъ... съ сжатыми кулаками... голова у него слегка наклонена впередъ... онъ стоитъ справа, совсѣмъ впереди... вотъ на кого онъ похожъ!

Мушкара жужжа летѣла на огонь и падала замертво.

— Ахъ, да затворите же окно,—воскликнула Марія-Каролина,—сколько набралось сюда этой мелкоты.

. . . .

Прошло уже около мѣсяца, какъ дворъ жилъ въ столицѣ. Дни проходили, какъ всегда: ея высочество занималась акварельной живописью, иногда назначала у себя пріемы и около часу ежедневно прогуливалась по террасѣ съ графиней фонъ-Гартенштейнъ.

Ея высочеству случалось иногда встрѣчать въ дворцовомъ паркѣ придворнаго артиста Каймъ,—отрицать его безобразіе было невозможно. Лицо у него было незначительное, къ тому же желтое, какъ лимонъ. Раскланивался онъ также весьма неловко и носилъ очень высокій цилиндръ.

Какъ-то въ серединѣ ноября, когда съ деревьевъ уже начали опа-

дать листья и золотымъ ковромъ покрывать всѣ дорожки и луговины, около полудня ея высочество съ нѣсколькими дамами изволила кушать кофе на верандѣ дворца. Яркій солнечный свѣтъ заливалъ пеструю листву парка. Принцесса только что собралась удалиться въ свои покои, когда мимо веранды прошелъ г. Каймъ.

Тогда ея высочество, сопровождаемая дамами, спустилась съ лѣстницы. Г. Каймъ поклонился.

Ея высочество остановилась на нижней ступенькѣ.

— Г. Каймъ,—сказала она,—здѣсь наверху, съ площадки, открывается чудный видъ... Не хотите ли полюбоваться имъ? Какъ разъ сегодня здѣсь открыто...

Г. Каймъ такъ и замеръ на мѣстѣ съ шляпой въ рукѣ.

— Благодарю... благодарю, ваше высочество!

— Стейндль,—ея высочество обратилась къ офиціанту,—проводите господина придворнаго артиста на площадку... видъ оттуда дѣйствительно замѣчательный...

— Я... я... слышалъ это... ваше высочество.

Ея высочество кивнула головой и прослѣдовала со своими фрейлинами дальше.

Тайная совѣтница возобновила прерванный разговоръ о румынской королевѣ.

— Королева, сочиняющая стихи...—начала она.

— И печатающая любовныя исторіи...

— Horrible!—закончила m-lle Латерьеръ.

— Да!

Сказано это было прежнимъ тономъ гувернантки, отрывочнымъ и досадливымъ, тономъ человѣка, который постоянно чувствуетъ себя оскорбленнымъ.

Принцесса остановилась. Съ минуту она смотрѣла на залитой солнцемъ садъ.

— Да,—наконецъ произнесла она,—королева Елизавета пишетъ чудесные стихи.

Всѣ дамы сразу осѣклись и замолчали.

M-lle Латерьеръ взяла на себя иниціативу спасти положеніе:

— Mais oui, votre Altesse... des vers étonnants...

И такъ же, какъ пять лѣтъ тому назадъ, когда находила новую точку отправленія для своего преподаванія, безапелляціонно заявила:

— Oui... voilà une m-me de Staël sur le trône.

Остальныя дамы молчали, предоставляя m-me de Staël занимать ея тронъ. Вернулись во дворецъ.

Около четырехъ ея высочество ѣздила съ графиней фонъ-Гар-

тенштейнъ кататься къ итальянскому замку. Послѣ обѣда всегда сама изволила наливать кофе его высочеству герцогу и собственноручно подавать ему его чашку. Герцогъ въ этомъ году сильно страдалъ подагрой, и карточный столъ его высочества пододвигался къ самому камину. Когда герцогъ начиналъ играть въ карты, ея высочество или отправлялась въ театръ, или оставалась въ желтомъ залѣ и усаживалась въ свой любимый уголокъ.

Эту зиму ея высочеству было неугодно, чтобы имъ читали вслухъ—она читала произведенія Шиллера про себя.

При этомъ она клала книгу на колѣни и низко склонялась надъ нею. Часто она переставала читать, клала голову на руки и подолгу смотрѣла прямо передъ собою, въ пространство.

Тишина въ залѣ прерывалась исключительно звукомъ сдаваемыхъ картъ, если шла игра, да припадками кашля управляющаго дворцомъ, которые онъ старался маскировать смѣхомъ.

Временами ея высочество складывала руки на колѣняхъ и обводила залъ глазами. Они упадали на сгорбленную спину его высочество герцога, на профиль управляющаго дворца, слегка покачивающаго головой... на графиню фонъ-Гартенштейнъ, сидящую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Черный парикъ рѣзко отдѣлялся ото лба графини; морщины на ея лицѣ были заполнены poudre de riz.

И ея высочество снова склонялась надъ книгой и снова принималась за чтеніе.

— Марія-Каролина!—звалъ его высочество.

Марія-Каролина поднималась съ мѣста и закрывала книгу.

— Мы кончили...—заявлялъ герцогъ.

Марія-Каролина молча направлялась къ карточному столу.

Высочайшія особы передъ сномъ имѣли обыкновеніе сыграть партію въ пикетъ . . . .

Комитетъ общественнаго собранія рѣшилъ просить г. придворнаго артиста Іосифа Каймъ принять участіе въ концертной программѣ благотворительнаго базара.

Первому эта мысль пришла на умъ г. городскому головѣ, послѣ того какъ онъ, однажды, имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ высочайшему столу, и онъ сдѣлалъ соотвѣтствующее предложеніе комитету. На засѣданіи этого комитета во дворцѣ у ея высочества, почетной покровительницы собранія, было испрошено ея милостивое разрѣшеніе попросить участвовать на базарѣ г. Каймъ, такъ какъ «это внесло бы нѣкоторое разнообразіе».

Ея высочество изволила высказать мнѣніе, что кромѣ того, у г. Каймъ, вѣроятно, масса поклонниковъ.

Г. Кайнъ любезно изъявилъ свое согласіе.

Г. придворный артистъ фонъ-Пёльнитцъ вынужденъ былъ откровенно сознаться, что не понимаетъ поступка комитета.

Всѣ послѣдующіе дни г. фонъ-Пёльнитцъ все время находился на улицѣ. Стоило только показаться на улицѣ, чтобы обязательно гдѣ-нибудь натолкнуться на г. фонъ-Пёльнитцъ.

— Дорогой другъ,—говорилъ онъ,—можете ли вы это постигнуть?

И онъ безжалостно относился къ пуговицамъ и петлямъ сюртуковъ своихъ знакомыхъ.

— Въ продолженіе двадцати лѣтъ, дорогой другъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ я оказывалъ имъ эту любезность...

— Да, но милѣйшій фонъ-Пёльнитцъ, къ сожалѣнію, я очень спѣшу...

— Въ продолженіе двадцати лѣтъ...—Г. фонъ-Пёльнитцъ хватался за лобъ и стоялъ нѣсколько мгновеній, вытаращивъ глаза и растопыривъ пальцы.—Дорогой другъ... Ну... да... такъ вы спѣшите? и я съ вами...

Г. фонъ-Пёльнитцъ безъ отдыха бѣгалъ взадъ и впередъ по улицамъ.

— Но вѣдь должно же быть какое-нибудь основаніе для этого? Вѣдь они обязаны дать мнѣ какое-нибудь объясненіе... обязаны дать объясненіе.

Вечеромъ, послѣ того какъ ресторанъ «Герцогъ» запирался, г. фонъ-Пёльнитцъ хваталъ какого-нибудь господина подъ руку и шелъ его провожать. Не скоро удавалось тому освободиться отъ него.

— Дорогой другъ...—г. фонъ-Пёльнитцъ останавливался и заглядывалъ своему собесѣднику въ лицо.—Дѣло въ томъ, что я не могу же промолчать на это... вѣдь существуютъ же правила вѣжливости... должны же они знать...

И г. фонъ-Пёльнитцъ возвращался домой лишь въ два-три часа ночи.

Дома г. фонъ-Пёльнитцъ сидѣлъ смирнехонько на своемъ стулѣ, заложивъ ногу на ногу и ухватившись рукой за ляжку. Временами онъ медленно воздѣвалъ руки кверху и съ неизъяснимымъ горемъ возлагалъ длани на свое тупѐ.

— Въ томъ-то и дѣло, Маріанна,—говорилъ г. фонъ-Пёльнитцъ,—въ томъ-то и дѣло, что это совершенно непостижимо.

. . . .

Ея высочество Марія-Каролина еще никогда не выглядѣла такъ хорошо. Ея высочество была одѣта въ одноцвѣтное, сѣрое, элегант-

ное платье, которое ей необычайно шло. Когда ея высочество подъ руку съ бюргермейстеромъ появилась на базарѣ, ее можно было назвать почти хорошенькой.

Поднявшись по ступенькамъ на трибуну, ея высочество заняла приготовленное для нея мѣсто.

Г. фонъ-Пöльнитцъ предложилъ свои услуги для аллегри и теперь стоялъ у колеса.

— Милѣйшій Пöльнитцъ,—сказала ему жена,—если ты хочешь послушать моего совѣта...

А г. фонъ-Пöльнитцъ всегда слѣдовалъ совѣтамъ своей супруги и вотъ теперь съ добродушной улыбкой стоялъ у колеса аллегри.

— Какъ пріятно, наконецъ, въ свою очередь послушать декламацію другого,—заявлялъ всѣмъ г. фонъ-Пöльнитцъ.

Отъ волненія онъ все время топтался на мѣстѣ.

— Дорогой другъ,—говорилъ онъ,—вотъ, наконецъ, мы и свободны!

И отъ этого сознанія фонъ-Пöльнитцъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Ея высочество Марія-Каролина обращалась нѣсколько немилосердно съ букетомъ, поднесеннымъ ей комитетомъ общественнаго собранія; во время пѣнія хора она ощипывала одинъ цвѣтокъ за другимъ и бросала ихъ на полъ.

Г. фонъ-Пöльнитцъ стоялъ, скрестивъ руки у своего колеса. Г. придворный артистъ Каймъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ вышелъ на эстраду.

Ея высочество Марія-Каролина слегка поклонилась ему и склонила голову къ букету.

Г. Іосифъ Каймъ декламировалъ «Проклятіе пѣвца».

Во фракѣ «съ иголочки» его плечи казались особенно покатыми; крахмальная манишка отъ усиленной жестикуляціи сдвинулась на сторону и выѣхала изъ жилета, такъ что г. Каймъ одергивалъ ее послѣ каждаго стиха. Декламировалъ онъ не лучше и не хуже всякаго другого.

Г-жа фонъ-Пöльнитцъ сидѣла на почетномъ мѣстѣ. На носу у нея было надѣто pince-nez, и она не спускала глазъ съ принцессы. Ея высочество все время сидѣла съ наклоненной головой и смотрѣла на ноги г. Каймъ; огромныя ноги, въ лакированныхъ ботинкахъ, на высокихъ каблукахъ... громадныя ножищи!

Ея высочество нервничала; бѣдный букетъ! г-жа фонъ-Пöльнитцъ была увѣрена, что скоро вся лента окажется въ клочкахъ.

Г. Каймъ принялъ точно такую же позу, какую принималъ

г. фонъ-Пёльнитцъ: правая рука была прижата къ груди—толстая, затянутая въ бѣлую перчатку рука, а шея вытянута впередъ... и, Боже, до чего ему было жарко!

Ея высочество продолжала смотрѣть на его громадныя ноги... Кончилъ... раскланялся... Въ залѣ громко зааплодировали. Г. фонъ-Пёльнитцъ поднялъ руки почти въ уровень съ головой и ревностно хлопалъ.

Ея высочество, августѣйшая покровительница собранія, быстро поднялась съ мѣста. Пѣвцы только что было затянули заключительный номеръ концерта, а тутъ пришлось оборвать, и звуки нестройно замерли. Дирижеръ, стоявшій спиною къ зрительному залу, такъ и остался съ поднятой кверху рукой.

Ея высочество принцесса Каролина въ это время уже успѣла спуститься со ступенекъ трибуны.

Дамы полетѣли къ своимъ столикамъ и торопливо сдергивали съ разставленныхъ вещей закрывавшія ихъ скатерти и платки. Графиня фонъ-Гартенштейнъ еле поспѣвала за ея высочествомъ.

Ея высочество очень поспѣшно, но съ улыбкой на устахъ, проходила между кіосками и столиками. Въ палаткѣ № 2 стояла сіяющая супруга городского головы передъ цѣлой горой пряниковъ ея высочества.

Принцесса еле успѣла подарить ее улыбкой и прошла мимо. Супруга городского головы дѣлала въ это время за своими пряниками книксенъ, да такъ и застыла присѣдая.

А ея высочество покупала уже у столика супруги придворнаго дантиста.

Ея высочество еще никогда не видали до такой степени оживленной: она подолгу разговаривала въ каждой палаткѣ и обошла весь залъ.

Когда ея высочество направилась къ выходу, г. фонъ-Пёльнитцъ не допустилъ городского голову крикнуть обычное «ура» въ честь принцессы, а предупредилъ его и закричалъ первый.

Г. фонъ-Пёльнитцъ былъ въ экстазѣ.

— Дорогой другъ,—г. фонъ-Пёльнитцъ обнималъ г. Каймъ,—такой у васъ голосъ!... какъ вы декламировали! Нужно будетъ и мнѣ включить въ свой репертуаръ «Проклятіе пѣвца».

Вечеромъ супруга городского головы подъ шумокъ продала свои пряники въ буфетъ.

Г. и г-жа фонъ-Пёльнитцъ шли домой; г. фонъ-Пёльнитцъ откашлялся; г-жа фонъ-Пёльнитцъ не обратила на это вниманія. Наконецъ, фонъ-Пёльнитцъ, почесавъ себѣ подбородокъ,—во время за-

душевныхъ изліяній фонъ-Пёльнитцъ всегда чесалъ себѣ подбородокъ и испускалъ похожіе на мурлыканье звуки,—заговорилъ:

— Что, матушка,—«матушка» было его любимымъ ласкательнымъ,—ну, что ты на это скажешь?

— На что, Давидъ?

— Какъ на что?—переспросилъ артистъ.—Точно еще нужны какія-то поясненія?

— Ты говоришь о молодомъ человѣкѣ? Ну, онъ былъ очень милъ.

— Милая Мари...

Но продолжать г. фонъ-Пёльнитцъ не былъ въ состояніи.

— Если принять во вниманіе, что онъ еще совершенно неопытенъ...

Сказано это было очень добродушнымъ тономъ.

Г. фонъ-Пёльнитцъ ничего не возражалъ; было очень жарко.

— Слушай, Пёльнитцъ, тебѣ бы слѣдовало поближе сойтись съ г. Каймъ.

— Сойтись съ нимъ, дитя мое?

Г. фонъ-Пёльнитцъ остановился.

— Да. Онъ въ самомъ дѣлѣ производитъ очень пріятное впечатлѣніе: такой скромный, застѣнчивый...

Они дошли до дому.

Г. фонъ-Пёльнитцъ долго сидѣлъ молча, положивъ руки на колѣни.

Потомъ онъ еще нѣсколько часовъ безъ сна пролежалъ въ постелѣ—вздыхалъ, кашлялъ, косился на жену—все напрасно.

Та дѣлала видъ, что спитъ.

Г. фонъ-Пёльнитцъ поворачивался на другой бокъ, ударялъ себя по головѣ, такъ что ночной колпакъ съѣзжалъ у него то направо, то налѣво, метался...

На слѣдующее утро г. фонъ-Пёльнитцъ принималъ англійскую соль. Его желудокъ не переносилъ волненій . . . .

Ея высочество принцесса Марія-Каролина, пріѣхавъ домой, переодѣлась и сошла въ желтый залъ.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ читала вслухъ статью изъ Revue de deux mondes о европейскомъ вліяніи въ Китаѣ.

Когда камеръюнгфера, передъ сномъ, расчесывала волосы ея высочеству, принцесса была очень нетерпѣлива и безпрестанно дѣлала ей замѣчанія, что она деретъ ей волоса.

— О, Господи!—ея высочество была сегодня необыкновенно чувствительна,—вы мнѣ больно дѣлаете!

— Но, ваше высочество...

— Опять!

— Ваше высочество...

— Ахъ, оставьте! Лучше ужъ я сама расчешу себѣ волосы...

Ея высочество расчесала себѣ волосы и начала плести ихъ, но черезъ двѣ минуты бросила, не кончивъ. Камеръюнгфера не понимала, что дѣлается съ ея высочествомъ. Молча доплела она косу и осторожно подвязала ее.

. . . .

Подагра его высочества сильно разыгралась. Нѣсколько недѣль подрядъ ея высочество принцесса Марія-Каролина не посѣщала театра.

Г. фонъ-Пöльнитцъ былъ очень занятъ это время: онъ хлопоталъ о товарищескомъ общеніи членовъ придворной труппы.

— Дорогой другъ,—говорилъ фонъ-Пöльнитцъ,—мы такъ рѣдко видаемся между собою...

— Милѣйшій мой, вѣдь мы товарищи, а такъ далеки другъ отъ друга...

— Голубчикъ, нужно же время отъ времени бывать другъ у друга...

Въ слѣдующую субботу былъ назначенъ обѣдъ у г-жи фонъ-Пöльнитцъ. Къ столу она шла подъ руку съ г. Каймъ.

V.

Наступила весна, изнурительно жаркая; отъ солнечнаго тепла все тянулось кверху. Ея высочество нервничала. Весеннее безпокойство овладѣло ея высочествомъ, и она чувствовала себя утомленной.

— У ея высочества,—говорила графиня фонъ-Гартенштейнъ, являются различныя фантазіи, моя милая... неожиданныя...

Большую часть времени послѣ полудня графиня проводила у m-elle Латерьеръ. За послѣднее время ея высочество ради отдыха часто одна удалялась въ свои покои.

Въ этихъ случаяхъ ея высочество запирала двери, такъ что даже камеръюнгферѣ приходилось стучаться, когда было пора одѣваться къ обѣ[ду]. Графиня фонъ-Гартенштейнъ сидѣла у m-elle Латерьеръ.

— Милая моя,—говорила она, все это—нервы!—Но какъ мнѣ при[х]одится страдать отъ нихъ—моя милая! Конечно, объ этомъ не полагается говорить... у ея высочества являются разныя фантазіи! Напримѣръ: изъ театра мы вчера возвращались пѣшкомъ...

— Пѣшкомъ?

Да, моя милая, пѣшкомъ. Ея высочество отослали эки-

пажъ. Ну, нечего и говорить, сколько удовольствія я испытала во время этой гоньбы.

И все же графиня даже словечкомъ не обмолвилась, до чего она страдаетъ отъ фантазіи ея высочества—вѣдь она умѣла, когда нужно, умалчивать о своихъ страданіяхъ!

— Приходится, моя милая, подчинять!

И видъ у нея при этомъ былъ такой, точно ее по меньшей мѣрѣ ежедневно водятъ на бойню.

M-elle Латерьеръ въ знакъ сочувствія кивнула головой.

— Mais oui,—сказала она,—c'est l'âge orageux.

— Да,—подтвердила и графиня, но сама она въ сущности не понимала, что хочетъ сказать француженка, такъ какъ ей никогда не приходилось проходить черезъ âge orageux.

— Mois oui—c'est ça,—повторила m-elle.

Ей-то хорошо было извѣстно, что это такое. У нея былъ neveu, длинновязый юноша, точно сорвавшійся съ парикмахерской вывѣски; онъ гдѣ-то служилъ чиновникомъ и аккуратно два раза въ годъ посѣщалъ тетку и очищалъ ея сберегательную книжку.

— C'est ça,—опять сказала m-elle Латерьеръ.

Раздался звонокъ, и появилась г-жа фонъ-Пöльнитцъ; г-жа фонъ-Пöльнитцъ эту зиму брала у m-elle Латерьеръ уроки французскаго языка.

Всѣ три дамы заговорили о погодѣ, ея непостоянствѣ и о томъ, какъ эта измѣнчивость неблагопріятно отзывается на подагрѣ его высочества.

. . . .

Его высочество герцогъ очень страдалъ отъ подагры. За послѣдніе два мѣсяца онъ ни одного дня не чувствовалъ себя настолько сносно, чтобы показаться въ театрѣ.

Ея высочество Марія-Каролина появлялась въ ложѣ одна и садилась на свое обычное мѣсто, въ уголъ, гдѣ темнѣе. Свѣтъ отъ рампы стѣснялъ ее, и ея высочество предпочитала тѣнь; она въ послѣднее время чувствовала себя въ театрѣ какъ-то неловко...

— Да онъ всѣхъ артистовъ у насъ взбаломутилъ!—говорилъ его превосходительство Куртъ.—Безуміе заразительно.

Графиня фонъ-Гартенштейнъ была того мнѣнія, что отъ его игры великій Девріенъ, вѣроятно, перевернулся въ своемъ гробу.

Ея высочество имѣла запуганный видъ.

Іосифъ Каймъ увлекъ за собою всю сценическую молодежь.

Большимъ искусствомъ онъ не обладалъ, но въ его игрѣ великія творенія согрѣвались огнемъ юности, и въ нихъ яркимъ пламенемъ

вспыхивали всѣ человѣческія страсти. Ненависть переходила у него въ бѣшенство, любовь граничила съ безуміемъ, жизнь сливалась съ пылкой разнузданностью...

Добродушные жители столицы испытывали, глядя на его игру, чувство, будто во время грозы переходятъ площадь передъ ратушью...

Марія-Каролина все глубже забивались въ свой уголъ; ее охватывало робкое удивленіе, смущеніе и даже какъ будто отвращеніе; но къ кому оно относится, она не могла разобрать и, всѣми силами стараясь не проронить ни слова изъ сказаннаго на сценѣ, не сводила глазъ съ этого человѣка.

Голосъ Іосифа Каймъ покрывалъ остальные. Иногда онъ звучалъ вкрадчиво, мягко и нѣжно, словно музыка, какъ, напримѣръ, въ сценѣ, когда донъ-Карлосъ говоритъ съ королевой.

И ея высочество съ любопытствомъ всматривалась въ донъ-Карлоса, стоящаго передъ своей возлюбленной на колѣняхъ, всматривалась въ его сіяющее лицо, обращенное къ ней, въ его губы, тихо нашептывающія нѣжныя слова, въ наклонъ головы, когда онъ цѣловалъ ей руки... И ея высочество съ какою-то особенной радостью старалась, закрывъ глаза, надолго запечатлѣть въ своей памяти именно эту картину...

Но представленіе шло своимъ порядкомъ. Эболи дико боролась изъ-за обладанія Карлосомъ, а Карлосъ проклиналъ своего отца, клялся во враждѣ къ нему; и Поза шелъ на смерть... Поза—воплощенное благородство...

Ея высочество почти не различала словъ; они доносились до ея слуха, словно огромный, потрясающій хоръ, и ее охватывалъ смертельный страхъ, дыханіе стѣснялось въ груди и сердце переставало биться...

Когда по окончаніи пьесы упалъ занавѣсъ, она нѣкоторое время еще оставалась на своемъ мѣстѣ и, забывшись, продолжала, не мигая, смотрѣть на занавѣсъ... Онъ постепенно темнѣлъ, точно потухалъ, а потомъ тихо, тихо, поверхъ него, сверху пополэъ второй желѣзный занавѣсъ и, наконецъ, грохнулся объ полъ...

Ея высочество поднялась, склонилась черезъ барьеръ ложи и с ала смотрѣть въ полутьму пустой залы на ряды креселъ съ отки- в тыми назадъ сидѣньями.

Г-жа Польнитцъ во время зимняго сезона занимала мѣсто въ перв мъ ярусѣ, напротивъ герцогской ложи. Стоя теперь въ открытой д ери ложи, она надѣвала пальто, и даже подъ вуалью у нея на носу в еще красовалось pince-nez.

Лакей отдернулъ портьеру аванъ-ложи. Принцесса повернулась и прошла мимо него. Поѣхала домой.

Его высочество герцогъ поджидалъ ея высочество, чтобы сыграть съ нею партію пикета. Онъ сидѣлъ и барабанилъ пальцами по столу и ежеминутно посматривалъ на часы.

— Уже одиннадцать,—сказалъ герцогъ, держа въ рукахъ карты на готовѣ.

— Да, ваше высочество.

Марія-Каролина сѣла къ столу, и его высочество началъ сдавать. Играли они молча, ходили, покрывали и сдавали.

По залу прокрался лакей съ чайнымъ приборомъ; вязальныя спицы графини фонъ-Гартенштейнъ тихо брядали. Ихъ высочества кончили игру.

Его высочество собралъ карты.

— Уже поздно!—заявилъ онъ.

— Половина двѣнадцатаго, — отвѣтила принцесса, поднялась съ мѣста и подошла къ окну. На минуту она прислонилась отяжелѣвшей головой къ оконной рамѣ.

— Ваше высочество—чай готовъ,—доложила графиня фонъ-Гартенштейнъ.

— Благодарю—иду сейчасъ.

Высочайшія особы молча кушали чай.

. . . .

Передъ отходомъ ко сну ея высочество пожелала достать себѣ книгу изъ библіотеки его высочества герцога. Впереди шелъ лакей съ канделябромъ въ рукѣ.

Ея высочество подошла къ книжному шкафу и механически вынула оттуда какой-то томикъ. Положивъ его на столъ, она повернулась къ картинѣ «Марія-Антуанета на пути въ тюрьму» и стала ее разсматривать. Лакей стоялъ, высоко поднявъ канделябръ.

Принцесса разсматривала лицо фигуры съ сжатыми кулаками.

Затѣмъ перевела взглядъ на лицо королевы. Окруженная толпою черни, королева шла, какъ прирожденная повелительница, величаво поднявъ голову. Отъ лица ея, неизъяснимо спокойнаго, какъ бы исходило сіяніе. Марія-Каролина оторвала глаза отъ картины и окинула взоромъ кабинетъ его высочества—ей чудилось, что изъ каждаго угла смотритъ на нее ея мать...

Она видѣла ее сидящей на диванѣ съ высокой, прямой спинкой—она была очень красива, сидѣла всегда прямо, спокойно... руки, усѣянныя кольцами, держала на колѣняхъ; а она сама, маленькая дѣвочка, стояла передъ матерью-герцогиней и шепотомъ говорила

одну изъ басенъ Лафонтена; позади, на стулѣ, m-elle Латерьеръ въ тактъ ея словамъ шевелила губами, точно желая подсказать ей...

По окончаніи басни ея высочество герцогиня наклонялась нѣсколько впередъ и произносила:

— Хорошо, очень хорошо.

И Марія-Каролина откланивалась, а мать ея, герцогиня, тихонько прикасалась губами къ ея лбу. Марія-Каролина уходила, а герцогиня, протягивая на прощанье для поцѣлуя руку m-elle Латерьеръ, повторяла:

— Она очень недурно сказала свою басню, m-elle.

Еще и теперь каждый разъ, когда ея высочество видитъ прямолинейную, неуютную мебель кабинета, вазы, золоченыя гирлянды и симметрично развѣшенныя по стѣнамъ картины, — въ ушахъ ея раздается ясный, всегда спокойный голосъ герцогини.

Марія-Каролина глубоко вздохнула, точно желая сбросить съ себя огромную тяжесть, повернулась, чтобы захватить со стола взятую книгу и снова взглянула на Марію-Антуанету. И внезапно ее охватило отвращеніе къ народу и его крику...

Ея высочество покинула внутренній аппартаментъ его высочества и отпустила, не удостоивъ ни единымъ словомъ, фрейлину фонъ-Гартенштейнъ, поджидавшую ее въ желтомъ залѣ.

Но пока камеръюнгфера передъ зеркаломъ расчесывала и заплетала ей волосы, на нее снова напало мучительное безпокойство; она отпустила камеръюнгферу и легла въ постель; но и въ постели продолжала безпокойно ворочаться и не могла уснуть. Ей все время слышались исполненныя страсти голоса, что-то кричавшіе ей, и кровь громко стучала у ней въ вискахъ.

Взявъ съ ночного столика донъ-Карлоса, принцесса принялась читать.

Какую бы страницу ни открывала она, вездѣ находила одно и то же, вѣчно одни и тѣ же слова: любовь, человѣчество, свобода, произнесенныя однимъ и тѣмъ же голосомъ.

Принцесса перестала читать и опустила книгу на одѣяло.

Голова ея отяжелѣла отъ безплодныхъ мученій... Она не умѣла ра обраться во всѣхъ этихъ чуждыхъ ей вещахъ и страхъ сжималъ ей сердце, и кровь громко стучала въ виски...

Она снова начала читать и вдругъ остановилась, сѣла въ кровати и положила книгу на колѣни... Вновь и вновь перечитывала она сл ва герцогини:

Я полагаю,
Что ужъ таковъ обычай: мѣсяцъ мы

Проводимъ здѣсь, въ Пардо другой, а зиму
Въ Мадритѣ; такъ заведено съ тѣхъ поръ,
Какъ короли на тронъ испанскій сѣли.

Ея высочество выронила книгу, буквы слились въ ея глазахъ, слезы затуманили ихъ. Ея высочество чувствовала глубокую усталость, безсильное горе—горе неутѣшное.

Она долго проплакала, но, наконецъ, слезы изсякли; устало протянула она руку за новой книгой—камеръюнгфера всегда готовила ихъ на ночномъ столикѣ по нѣсколько штукъ, раскрыла—попалась Родословная Габсбурговъ.

Стала читать страницу за страницей и переворачивать одинъ листъ за другимъ... Безконечный рядъ одинаковыхъ именъ и однихъ и тѣхъ же титуловъ...

Ея высочество принцесса Каролина, низко склонясь надъ родословною Габсбурговъ, глубоко вздохнула.

. . . .

Его высочество наслѣдный принцъ сталъ получать отъ сестры длиннѣйшія сантиментальныя посланія.

Онъ получалъ ихъ по утрамъ и, закуривая первую сигару, пересчитывалъ число страницъ.

Пуская изъ-подъ усовъ голубоватыя колечки дыма, его высочество цѣдилъ сквозь зубы:

— Pauvre enfant!

Затѣмъ наслѣдный принцъ вытягивалъ передъ собою свои ноги кавалериста и, прихлебывая глотками кофе, снова повторялъ:

— Pauvre enfant!

. . . .

Ея высочество принцесса Марія-Каролина не на шутку расхворалась. Лейбъ-медикъ настойчиво совѣтовалъ побольше движенія. Ея высочество совершала продолжительныя прогулки верхомъ на свѣжемъ, весеннемъ воздухѣ.

Но ея высочество при этомъ ѣздила такъ неровно, что груму все время приходилось быть на чеку: то она пускала лошадь карьеромъ, то шагомъ.

Какъ-то разъ принцесса заѣхала на мельницу, и Анна-Лиза, по обыкновенію, вынесла ей молоко. Осушивъ стаканъ, ея высочество еще нѣкоторое время оставалась у мельницы и смотрѣла на пѣнящуюся подъ колесомъ воду.

Вдругъ слегка вздохнувъ, она подала Аннѣ-Лизѣ пустой стаканъ.

— Какая вы блѣдная,—сказала она,—вы здоровы?

Худоба и блѣдность дѣвушки бросились ей въ глаза, но на от-

вѣтъ ея она не обратила вниманія, а вновь стала смотрѣть на пѣнящуюся у колеса воду.

— Все это весна!—произнесла, наконецъ, ея высочество.

Анна-Лиза присѣла; на прощанье ея высочество кивнула ей головой.

Ея высочество въѣхала на мостъ; на поворотѣ еще разъ обернулась: Анна-Лиза все еще стояла на каменной лѣстницѣ и, защитивъ глаза рукóю, смотрѣла такъ вслѣдъ.

. . . .

При дворѣ состоялся обычный еженедѣльный обѣдъ съ нѣсколькими приглашенными; высочайшія особы съ гостями кушали кофе въ желтомъ залѣ.

Ея высочество Марія-Каролина стояла съ главнымъ лѣсничимъ въ оконной нишѣ и обсуждала, гдѣ и какія слѣдуетъ срубить въ лѣсу деревья, чтобы расчистить видъ.

— Никто лучше васъ, ваше высочество, не знаетъ лѣса,—замѣтилъ главный лѣсничій.

— Да; это оттого, что я съ дѣтства ежедневно ѣзжу въ него кататься.

Ея высочество смотрѣла въ садъ; на поворотѣ дорожки показался придворный артистъ Каймъ съ двумя дамами.

— Какой чудный воздухъ,—сказала ихъ высочество, распахивая окно,—точно въ іюнѣ.

И нагнулись изъ окна. Съ террасы, наверхъ, ясно доносились голоса.

— У лѣсной мельницы самое красивое мѣсто,—сказала принцесса, полуоборачиваясь къ главному лѣсничему.

— Я знаю, что таково мнѣніе вашего высочества,—сказалъ онъ и замолчалъ.

Марія-Каролина продолжала смотрѣть въ садъ.

— На мельницѣ случилось большое несчастіе,—сказалъ, наконецъ, главный лѣсничій.

Ея высочество отвѣтила не сразу.

— Несчастіе?—переспросила она, точно этому слову пришлось совершить длиннѣйшій путь, раньше чѣмъ проникнуть въ ея сознаніе.

— Развѣ ваше высочество не слышали, что Анна-Лиза... та молодая дѣвушка, которая имѣла честь...

— Анна-Лиза? что съ нею?

— Ее нашли... вчера утромъ... ваше высочество, это очень, очень грустно... ее нашли въ ручьѣ, около мельницы...

Ея высочество быстро повернулись:

— Въ ручьѣ?—говорите вы.

Какъ тамъ смѣялись внизу!

— Да, ваше высочество; вчера.

— Но вѣдь я ее еще третьяго дня видѣла... во время прогулки верхомъ...

— Это случилось вечеромъ... третьяго дня вечеромъ...—ея высочество повторила: «вечеромъ»... и передъ ея взорами, какъ живая, встала блѣднолицая дѣвушка, съ ввалившимися глазами.

— Почему?—спросила она.

— Если дѣвушка въ девятнадцать лѣтъ бросается въ воду, ваше высочество, можно навѣрное сказать, что причиной этого—несчастная любовь.

Ея высочество сильно поблѣднѣла... Анна-Лиза продолжала рисоваться воображенію... худая... изможденная... И вдругъ принцесса припомнила, какъ она смотрѣла тогда на пѣнящуюся у колеса воду и машинально произнесла: «все это она, весна»...

И нервно—до ея слуха все время доносился смѣхъ и голосъ Іосифа Каймъ—она снова повернулась къ окну.

— Какъ они тамъ смѣются,—сказала она. Бѣдная, бѣдная!

Маріи-Каролинѣ казалось, что она не видитъ ни деревьевъ, ни террасы, ни неба...

— Бѣдная!—снова повторила она и кивкомъ головы отпустила отъ себя лѣсничаго.

На слѣдующее утро принцесса Марія-Каролина выѣхала верхомъ къ лѣсной мельницѣ. Большое деревянное колесо было остановлено; ворота и калитка стояли на запорѣ. Марія-Каролина сошла съ лошади и поднялась по лѣстницѣ.

Открыла входную дверь и вошла. Дверь изъ сѣней стояла настежь; принцесса прошла впередъ и остановилась на порогѣ. Старики сидѣли на скамьяхъ у окна, сидѣли молча, рядышкомъ...

Старикъ-мельникъ прислонился головой къ стѣнѣ и вздыхалъ.

— Да, Іоаннъ, да...—говорила жена, точно успокаивая ребенка.—Да, да...

Потомъ они опять молчали, близко прижавшись другъ къ другу. Мать вытирала слезы ладонью.

Марія-Каролина тихонько отвернулась и вышла на лѣстницу.

Ея высочество по мосту уѣхала съ замолкшей мельницы. Берега ручья зеленѣли, дно успокоившейся воды искрилось на солнцѣ—и тамъ, тамъ умерла Анна-Лиза! Ея высочество, сопровождаемая грумомъ, помчалась по лѣсу . . . .

У г-жи Пöльнитцъ на слѣдующій день послѣ представленія Ромео и Джульетты былъ урокъ m-elle Латерьеръ. Графиня фонъ-Гартенштейнъ явилась къ ней какъ разъ въ это же время: «ей было необходимо обмѣняться хоть словомъ съ живымъ человѣкомъ, моя милая».

— Я все видѣла своими глазами,—говорила г-жа фонъ-Пöльнитцъ. Ея высочество поднялась съ мѣста тотчасъ послѣ сцены у балкона.

— И удалилась одна, съ лакеемъ.

— Домой?—спросила m-elle Латерьеръ.

— Во дворцѣ ея высочество появилась лишь въ 11, моя милая.

— Въ одиннадцать?—me-lle Латерьеръ такъ растянула эти слова, точно желала въ нихъ втиснуть всѣ преступленія, какія можно было совершить въ промежутокъ времени между сценой на балконѣ и одиннадцатью часами.—А какъ выглядѣла послѣ того ея высочество?—снова спросила mademoiselle.

— Я не видѣла ея... Графиня фонъ-Гартенштейнъ была окончательно подавлена. Ея высочество была безъ шляпы.

— Господинъ Каймъ вѣчно аттакируетъ нервы ея высочества,—замѣтила г-жа фонъ-Пöльнитцъ.

На этотъ разъ она сидѣла безъ pince-nez.

. . . .

Ея высочество была очень блѣдна, когда послѣ сцены на балконѣ вышла изъ ложи.

Лакей, дремавшій въ аванложѣ, проснулся.

— Идемте!—сказала ея высочество.

Ея высочество сошла съ лѣстницы и прослѣдовала черезъ вестибюль. На плечахъ у нея была только накидка, а на головѣ кружевной шарфъ.

Театральнымъ паркомъ прошла она въ аллею, ведущую въ дворцовый садъ и черезъ калитку направилась въ розарій дяди Отто-Георга; кусты уже стояли голые, безъ листьевъ; затѣмъ ея высочество поднялась на верхнюю террасу.

Шла ея высочество очень быстро; лакей слѣдовалъ за нею на разстояніи десяти шаговъ, шелъ вытянувшись въ струнку и съ тѣмъ же выраженіемъ лица, съ какимъ служилъ у стола.

Ея высочество все шла и шла. Не идти она не могла, а между тѣмъ ей казалось, что при каждомъ шагѣ она что-то растаптываетъ своими каблуками. Иногда она прижимала руки къ груди, точно ей тяжело было дышать. Потомъ вдругъ опускала голову, глядѣла на землю и шла медленно, совсѣмъ медленно.

Лобъ ея высочества пылалъ: она такъ не привыкла думать, это

было для нея равносильно большому горю; она взошла по лѣстницѣ до самой верхней террасы.

Сдѣлали нѣсколько шаговъ и остановились. Мѣсяцъ наполовину скрылся за облаками; у ногъ туманнымъ ущельемъ разстилался садъ, съ одной стороны замыкавшійся гигантомъ-дворцомъ. Его длинная, ровная крыша рѣзко отдѣлялась отъ неба и облаковъ. Ея высочество стояла неподвижно и смотрѣла на герцогскій дворецъ.

Лакей стоялъ на разстояніи десяти шаговъ, стоялъ какъ часовой, дѣлающій на караулъ.

Всѣ мысли въ головѣ ея высочества перепутались; снова пламенныя слова точно опутали ее. Страданія—а принцесса не умѣла опредѣлить, отчего происходятъ эти страданія—пронизывали ее, точно она получила неожиданный ударъ.

Ея высочество видѣла передъ собою только длинныя, зеленыя линіи дворца, лежащаго у ея ногъ.

И вдругъ, сразу, въ то время какъ глаза ея все еще покоились на этой зелени, передъ ними возникъ образъ дяди Отто-Георга. Она видѣла его сидящимъ въ голубомъ залѣ передъ каминомъ; худое, заострившееся лицо онъ положилъ на руки и, блѣдный, смотрѣлъ потухшими глазами въ пламя.

Она чувствовала, какъ рука дяди Отто-Георга нѣжно скользитъ по ея волосамъ, слышала, какъ, склоняясь надъ нею, онъ тихо, почти шепотомъ произноситъ:

Pauvre enfant! Pauvre enfant!

Лакей, выжидая, переступалъ съ ноги на ногу.

Ея высочество обернулась и пошла обратно съ террасы; многочисленные удары большихъ дворцовыхъ часовъ нарушили тишину ночи. Спускаясь по лѣстницѣ, принцесса вдругъ почувствовала себя страшно утомленной.

Мѣсяцъ выглянулъ изъ облаковъ, и дорожки въ розаріи дяди Отто-Георга ярко свѣтились.

Голова Маріи-Каролины пылала; казалось принцессѣ, что она не можетъ дольше держаться на ногахъ.

Вдругъ она обратила вниманіе на лакея: онъ прошелъ мимо нея впередъ, чтобы открыть калитку—она забыла о его существованіи. Теперь онъ стоялъ весь на свѣту, къ ней профилемъ, съ шляпой въ рукахъ, молодой и стройный. Марія-Каролина почувствовала точно толчокъ, такъ что на мгновеніе остановилась.

Лакей повернулся къ ней и чуть-чуть поднялъ глаза.

— Заприте за мною калитку,—приказала ея высочество, проходя мимо лакея.

Лакей исполнилъ приказаніе.

Ея высочество распорядилась, чтобы камеръ-юнгфера зажгла свѣчи въ канделябрахъ на каминѣ. Затѣмъ приказала доложить его высочеству герцогу, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо.

— Можете идти, вы мнѣ больше не нужны.

Лакей ходилъ взадъ и впередъ по коридору.

— Гдѣ вы изволили гулять?—спросила его камеръ-юнгфера.

— По террасѣ.

— Вотъ какъ! Францъ, вы несносны! А что было тамъ нужно ея высочеству?

— Мы ходили, вотъ и все,—отвѣтилъ лакей.

— Ходили?

— Да... а потомъ стояли, какъ статуи.

— И смотрѣли на луну,—такъ, что ли?

— Я никакой луны не замѣтилъ.

И, пользуясь полутьмой коридора, лакей поймалъ камеръ-юнгферу и похитилъ у нея сначала одинъ поцѣлуй, а потомъ еще и еще одинъ на придачу.

— Идіотъ!—выбранилась она и убѣжала.

Она вернулась обратно въ аппартаменты ея высочества принцессы Маріи-Каролины, такъ какъ ей показалось, что изъ ея спальни раздаются рыданія.

. . . .

Директоръ герцогскаго театра получилъ приглашеніе къ высочайшему столу.

Директоръ докладывалъ о предстоящихъ перемѣнахъ въ персоналѣ на будущій сезонъ.

— Г. Іосифъ Каймъ получилъ приглашеніе въ Дрезденъ,—сказалъ онъ.

Онъ сидѣлъ vis-à-vis съ ея высочествомъ.

— Вѣроятно, онъ приметъ его,—замѣтилъ герцогъ.

— Онъ предъявилъ громадныя требованія,—продолжалъ директоръ.

Его высочество въ это время накладывалъ себѣ на тарелку ярпа.

— Требованія очень высокія...

Ея высочество принцесса Марія-Каролина съ интересомъ разсматривала кусочекъ льду, плававшій въ ея стаканѣ съ бѣлымъ виномъ.

— Да, но г. Каймъ будущая звѣзда первой величины,—продолжалъ директоръ.

— И когда настанетъ это будущее,—его высочество герцогъ разсмѣялся,—онъ все равно покинетъ насъ; такъ пусть лучше ужъ сейчасъ убирается! По мнѣ онъ черезчуръ громко завываетъ.

Директоръ промолчалъ, но, оторвавъ взоръ отъ своей тарелки, посмотрѣлъ на ея высочество.

— Да,—произнесла она,—нѣтъ сомнѣнія, что у г. Каймъ громадный талантъ.

И ея высочество продолжала любоваться кусочкомъ льда въ своемъ винѣ.

— Навѣрное его ожидаетъ великая будущность.

— Безъ сомнѣнія...—теперь очередь положить себѣ карпа на тарелку дошла до директора театра.—Я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ.

— Гм!...—произнесъ герцогъ.—Такихъ актеровъ сколько угодно.

Въ тотъ же вечеръ прошеніе объ отставкѣ г. Іосифа Каймъ было принято.

Г. Давидъ фонъ-Пöльнитцъ даже забылъ свои калоши въ театрѣ, до того торопился домой.

Сначала онъ покушалъ; г. фонъ-Пöльнитцъ всегда обладалъ прекраснымъ аппетитомъ и ежедневно вечеромъ выпивалъ по три кружки чая. Пиво г. Пöльнитцъ не позволялъ себѣ пить изъ-за своего расположенія къ неподходящему для героическихъ ролей объему.

— Дорогой другъ,—говаривалъ г. фонъ Пöльнитцъ,—вѣдь пиво мой любимый напитокъ... но чего только не дѣлаешь, дорогой другъ, изъ любви къ искусству!

Осушивъ вторую кружку чая, г. фонъ-Пöльнитцъ почувствовалъ себя лучше.

Онъ положилъ руки на столъ и въ упоръ уставился на жену.

— Знаешь ли ты, Маріанна, что случилось?

Человѣкъ, мало знакомый съ г. фонъ-Пöльнитцомъ, подумалъ бы, что совершилась какая-нибудь міровая катастрофа.

Но г-жа Пöльнитцъ только сухо замѣтила:

— Нѣтъ, Давидъ.

— Милая Маріанна,—и г. фонъ-Пöльнитцъ вперилъ въ пространство широко раскрытые взоры,—на свѣтѣ ровно ничего нельзя предвидѣть.

И выдержавъ паузу, онъ ударилъ ладонью плашмя по столу.

— Ничего рѣшительно нельзя предвидѣть,—повторилъ онъ и въ изнеможеніи откинулся на спинку стула.—Нѣтъ, положительно, никто ничего не можетъ предвидѣть,—повторялъ онъ. Но почему ты не спрашиваешь, что я собственно хочу сказать этимъ?

— Что ты хочешь сказать?—жена начинала нервничать.

— Отставка г. Каймъ принята!—и г. фонъ-Пöльнитцъ сложилъ руки надъ своей тарелкой.

— Этой скотины-то!—воскликнула г-жа фонъ-Пöльнитцъ.

— Скотины?

— Я говорю: скотины,—снова подтвердила г-жа фонъ-Пöльнитцъ; она любила въ подобныхъ случаяхъ употреблять сочныя выраженія. Ты кончилъ, Давидъ?—спросила она.

— Да, и г. фонъ-Пöльнитцъ спокойно всталъ съ своего мѣста и пододвинулъ стулъ подъ столъ. «Благодарю, душенька». Въ гостиной онъ поудобнѣе развалился въ своемъ креслѣ, обхватилъ колѣна руками, а по временамъ хлопалъ себя по той части тѣла, гдѣ у большинства людей помѣщается мозгъ.

. . . .

14 мая заканчивался зимній сезонъ въ герцогскомъ театрѣ.

Послѣ полудня ея высочество поѣхала въ горный охотничій зàмокъ. Графиня фонъ-Гартенштейнъ была въ отпуску, и ея высочество изволила быть одна. Она сидѣла въ угловой залѣ у итальянскаго окна. Съ самаго дѣтства это было ея любимѣйшимъ мѣстомъ.

Отсюда были видны склоны горъ; свѣжіе листья липъ, росшихъ среди елей и сосенъ, ярко блестѣли; внизу, подъ горой, разстилалась долина съ разсѣянными по ней крестьянскими дворами и окаймленными живыми изгородями, полями. Тамъ и сямъ возвышалось одинокое дерево, а въ синѣющей дали извивалась рѣка; по вечерамъ надъ нею стояло легкое облачко тумана.

Холмы по ту сторону рѣки еще ярко горѣли на солнцѣ. Они казались совсѣмъ близкими; около оштукатуренныхъ и выбѣленныхъ крестьянскихъ домиковъ росли высокіе тополя и бросали гигантскія тѣни на горы, поля и лѣсныя поляны; все было залито красноватымъ солнечнымъ свѣтомъ. Холмы, да эта долина—вотъ и всѣ владѣнія герцога.

Кто-то позвонилъ у воротъ зàмка, и ея высочество услыхала шаги привратника, проходившаго по двору.

Раздался стукъ отпираемой калитки, и послышались голоса.

Показался привратникъ, шедшій обратно.

— Кто тамъ?—спросила Марія-Каролина.

— Какая-то компанія, ваше высочество, проситъ позволенія осмотрѣть зàмокъ. Я сказалъ, что доложу вашему высочеству.

— Конечно, пусть войдутъ,—сказала Марія-Каролина.

Привратникъ отправился обратно черезъ дворъ, а принцесса осталась у своего окна.

Увидавъ въ числѣ входящихъ Іосифа Каймъ, ея высочество отступила на нѣсколько шаговъ въ глубину комнаты; нѣсколько секундъ она простояла на мѣстѣ, а затѣмъ поспѣшно направилась къ двери.

Компанія уже поднималась по лѣстницѣ. Ея высочество спустилась на нѣсколько ступеней къ нимъ навстрѣчу, а затѣмъ остановилась.

Ихъ было шесть-восемь человѣкъ, все артисты придворнаго театра.

Дамы присѣли, а кавалеры отвѣсили низкіе поклоны.

Ея высочество держалась за перила.

— Мнѣ доставитъ удовольствіе самой показать вамъ замокъ,— сказала она.

Все общество не двигалось съ мѣста, до того всѣ были переконфужены. Наконецъ, одна изъ дамъ первая пришла въ себя и начала благодарить.

— Пожалуйста, будьте любезны подняться по лѣстницѣ,— пригласила ихъ ея высочество.

Вошли въ столовую; ея высочество знала каждаго изъ нихъ поименно.

Вначалѣ артисты отъ избытка почтительности отвѣчали шепотомъ, но мало-по-малу освоились съ положеніемъ, хотя продѣлывали слишкомъ изящные поклоны и изъявляли ко всему слишкомъ жгучій интересъ и слишкомъ широко раскрывали при этомъ глаза. При видѣ каждаго предмета дамы испускали на разные тона коротенькія «ахъ», и одинъ только Іосифъ Каймъ не поддакивалъ имъ. Онъ, повидимому, предпочиталъ смотрѣть въ окно и, наконецъ, совсѣмъ подошелъ къ угловому, итальянскому окну.

На вопросы онъ отвѣчалъ только «да» и «нѣтъ».

Ея высочество разсказывала имъ о простреленномъ знамени, спускавшемся съ потолка. Это былъ трофей изъ тридцатилѣтней войны.

Другіе уже прошли дальше, а Іосифъ Каймъ, запустивъ руки въ карманы, все еще смотрѣлъ на знамя.

Ея высочество въ это время уже давала объясненія въ картинной галлереѣ. Все общество столпилось передъ полотномъ, изображавшимъ Марію Стюартъ.

— Да какая же она невидная!—вырвалось у лысаго комика.

— Да, ее нельзя назвать красавицей,—согласилась ея высочество.

Въ столовую внесли вино—остуженный рейнвейнъ и розлили его въ высокіе бокалы.

Ея высочество предложили артистамъ осушить по стакану вина за весеннія каникулы. Всѣ были очень польщены этимъ и гусинымъ маршемъ направились обратно въ столовую. Ея высочество чокнулись съ каждымъ изъ нихъ. Дамы шепотомъ читали надписи на старинныхъ бокалахъ, а кавалеры отпивали вино маленькими глотками, прищелкивали языкомъ и сбоку кидали другъ другу многозначительные взгляды.

Вино было самое заурядное.

Начало смеркаться. Принесли въ холодильникахъ новыя бутылки, и кавалеры съ дамами продолжали стоять вокругъ стола и болтать. Лысый комикъ вполголоса отпускалъ свои остроты въ надеждѣ, что ея высочество услышитъ ихъ, или же «производилъ свое движеніе», т.-е. вертѣлъ по воздуху рукой съ растопыренными пальцами и потомъ неожиданно громко шлепалъ себя по кругленькому брюшку. Галерка помирала со смѣху, когда онъ на сценѣ «производилъ свое движеніе».

Ея высочество никогда не чувствовала влеченія къ комизму и со стаканомъ въ рукѣ прошла мимо итальянскаго окна и вошла въ нишу; дверь въ столовую оставалась открытой. Ея высочество слегка вздрогнула.

— Вы здѣсь?—сказала она г. Каймъ.—И одни?

— Я разсматривалъ здѣсь кое-что,—отвѣтилъ артистъ. Короткія фразы вырывались у него всегда какими-то толчками; при этомъ онъ забывалъ прибавлять «высочество».

— Вы, вѣроятно, никогда не видали нашихъ сокровищъ, г. Каймъ?—спросила ея высочество.

Оба они довольно долго молчали, и г. Каймъ уже собрался уходить.

— Сокровищъ... ваше высочество?

Ея высочество вынула изъ какого-то ящичка связку ключей и отперла маленькій стѣнной шкафъ.

— Никакъ не отопрешь его,—замѣтила она; наконецъ, удалось.—Да, вотъ нашъ музей!

Г. Каймъ со склоненной головой стоялъ отъ нея на разстояніи 4—5 шаговъ.

Ея высочество вынула изъ шкафа маленькую чернильницу.

— Она принадлежала Наполеону,—сказала она, подавая ее ему.

Онъ взялъ ее въ руки и сталъ разсматривать.

— Да-а! вотъ что!

Онъ попрежнему стоялъ сконфуженный все на томъ же разстояніи отъ ея высочества и вертѣлъ въ громадныхъ ручищахъ чернильницу.

И въ то время, какъ онъ разсматривалъ достопримѣчательность, ея высочество сбоку смотрѣла на него.

— Да, вотъ что!—протянулъ онъ снова и поставилъ чернильницу на столъ.

Убирая обратно въ шкафъ знаменитую чернильницу, Марія-Каролина невольно улыбалась; и улыбаясь, она испытывала самое глубокое горе за всю свою жизнь.

— Да,—сказала она, вѣдь это онъ воевалъ съ Россіей...

Она не сознавала, что̀ говоритъ, пока не услыхала звука собственнаго голоса, донесшагося до нея словно изъ далекой, далекой дали.

Затѣмъ ея высочество достала изъ шкафа маленькую золотую палочку.

Іосифъ Каймъ ощупалъ камни, вѣнчикомъ окружавшіе палочку.

— Это скипетръ,—сказала Марія-Каролина,—онъ принадлежалъ Маріи Стюартъ.

Іосифъ Каймъ сразу выпрямился:

— Маріи Стюартъ!—воскликнулъ онъ и со скипетромъ въ рукахъ подошелъ къ окну.

Почти стемнѣло, такъ что хотя они стояли очень близко другъ отъ друга, но лицо одного не было видно другому.

Немного отодвинувъ скипетръ отъ глазъ, Іосифъ Каймъ продолжалъ его разсматривать.

Въ столовой комикъ, вѣрно, опять что-нибудь «вралъ»—всѣ громко хохотали.

— Вы покидаете насъ, г. Каймъ,—тихо, какъ говорятъ въ темнотѣ, спросила ея высочество.

— Да,—сказалъ онъ,—я перехожу въ Дрезденъ.

Онъ все еще стоялъ со скипетромъ въ рукѣ.

— Да,—еще разъ повторилъ онъ.

Онъ говорилъ низкимъ голосомъ и присущимъ ему одному, своеобразно-мрачнымъ тономъ. Но къ чему ей все это?

Ея высочество вздрогнула.

— Нѣтъ...—тихо произнесла она.

Іосифъ Каймъ передалъ скипетръ ея высочеству.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—А знаете... вѣдь есть нѣчто особенное въ такихъ старинныхъ вещахъ.

Коснувшись холоднаго золота, ея высочество вздрогнула; лицо ея казалось такимъ блѣднымъ отъ темноты.

Оба молчали. Въ сосѣдней комнатѣ комикъ, повидимому, опять продѣлывалъ свое движеніе».

— Желаю вамъ всевозможнаго счастія, г. Каймъ,—сказала ея высочество и сдѣлала по направленію къ нему нѣсколько шаговъ.

Іосифъ Каймъ поднялъ голову; онъ никогда раньше не замѣчалъ, чтобы голосъ ея высочества обладалъ такимъ красивымъ тембромъ.

— Я обязана вамъ...—и голосъ опять зазвучалъ такъ нѣжно, нѣжно.—Я многимъ обязана вамъ... я очень васъ благодарю за эту зиму... очень благодарю...

Ея высочество протянула ему руку, но г. Каймъ въ темнотѣ не разглядѣлъ этого, и лишь поклонился, когда Марія-Каролина склонила голову . . . .

Прежде чѣмъ войти въ столовую, чтобы выпить съ гостями по послѣднему бокалу, принцесса на мгновеніе прислонилась къ стѣнѣ.

Артисты откланялись.

Снизу, со спуска горы, еще долго доносились ихъ пѣніе и смѣхъ.

— Она уродъ,—заявилъ Іосифъ Каймъ,—но у нея чудный голосъ... необыкновенно мягкій... такъ и просится въ душу.

Марія-Каролина стояла въ нишѣ, окно она распахнула настежь.

И горы и долины окутывала тьма. Казалось, вся природа, и лѣсъ, и земля, испускаютъ благоуханіе и свѣжесть.

Марія-Каролина высунулась въ окно; привратникъ немного замѣшкался у калитки, наконецъ онъ захлопнулъ ее и вернулся обратно.

Марія-Каролина прислушивалась къ пѣнію внизу.

Оно становилось все тише и тише и потомъ совсѣмъ смолкло.

И въ темнотѣ наступила полная тишина.

. . . .

Г. фонъ-Пёльнитцъ, кушая чай, опять пытался сообщить женѣ о какомъ-то необыкновенномъ происшествіи.

— Представь себѣ, Маріанна, ея высочество сама изволила ихъ водить по дворцу.

— Почему же ты не былъ съ ними?—спросила г-жа фонъ-Пёльнитцъ.

— Милый другъ, да кто же могъ это предвидѣть?

— Ты никогда ничего не предвидишь, Давидъ,—нѣсколько рѣзко о[illegible]вала мужа г-жа фонъ-Пёльнитцъ.

— Передай мнѣ твою кружку.

[illegible] г. Пёльнитцъ получилъ третью кружку чаю.

— Маріанна, —торжественно произнесъ онъ, положивъ руки н[illegible]голъ и подпустилъ одну изъ своихъ знаменитыхъ паузъ...—Марі[illegible]на. Что-то происходитъ...

— Что?—спросила г-жа фонъ-Пöльнитцъ.

— Да вотъ...—продолжалъ г. фонъ-Пöльнитцъ и вновь выдержалъ паузу...—Вотъ... если бы знать что̀.

Г-жа фонъ-Пöльнитцъ посмотрѣла на мужа—его тупѐ сбилось на сторону . . . .

15 мая былъ прощальный спектакль придворной труппы. Играли «Волны любви и моря». Іосифъ Каймъ изображалъ Леандра.

Отчетъ «Столичнаго листка» объ этомъ спектаклѣ кончался слѣдующими словами: «Ея высочество Марія-Каролина оставалась до конца представленія. Послѣ третьяго акта ея высочество приказала поднести молодому отъѣзжающему артисту Іосифу Каймъ, занимавшему амплуа героевъ и первыхъ любовниковъ, великолѣпный лавровый вѣнокъ».

На слѣдующій день герцогскій дворъ отбылъ въ лѣтній замокъ.

Лѣто прошло такъ же, какъ и остальныя.

VI.

Эту осень при дворѣ одно празднество смѣнялось другимъ.

Его высочество наслѣдный принцъ Эрнестъ-Георгъ былъ объявленъ женихомъ своей кузины эрцгерцогини Елизаветы и въ октябрѣ женился. Бракосочетаніе состоялось въ Вѣнѣ.

Его высочество герцогъ и ея высочество принцесса за день до свадьбы выѣхали въ Вѣну.

Эрцгерцогиня Елизавета была свѣтлая блондинка и тонка, какъ гороховая тычина. На ней было розовое платье. Она дважды подставила его высочеству герцогу губы для поцѣлуя, а ея высочеству—обѣ щеки.

Эрцгерцогиня непрерывно улыбалась и буквально сыпала французскими фразами, точно только что успѣла выучить ихъ въ своемъ «Parleur»; при этомъ все время старалась выпятить впередъ верхнюю губу, чтобы какъ-нибудь скрыть передніе, черезчуръ большіе, зубы.

Послѣ семейнаго обѣда у ихъ императорскихъ высочествъ, родителей эрцгерцогини, всѣ перешли во внутренніе покои.

Его высочество наслѣдный принцъ Эрнестъ-Георгъ занималъ свою невѣсту, склонившуюся надъ работой.

Принцесса Марія-Каролина разсматривала папку съ акварельными рисунками.

Она невыносимо страдала отъ разговора жениха и невѣсты; наружно онъ былъ такъ интименъ, но въ сущности безсодержателенъ и такъ часто прерывался паузами!...

Марія-Каролина видѣла акварели точно сквозь вуаль.

Сердце ея сжималось и ныло.

Во время кофе эрцгерцогиня на одно мгновеніе очутилась у окна. Марія-Каролина подошла къ ней.

Эрцгерцогиня Елизавета улыбнулась, и обѣ онѣ простояли нѣкоторое время молча, дергая листья большого растенія, стоявшаго у окна.

Наконецъ Марія-Каролина взяла эрцгерцогиню за руку и спросила:

— Надѣетесь ли вы,—заговорила она взволнованно и по-нѣмецки,—надѣетесь ли вы быть счастливой?

Эрцгерцогиня вздрогнула отъ испуга и высвободила руку изъ руки Маріи-Каролины.

— Mais oui — cousine—je suis heureuse,—отвѣтила она.

Принцесса Марія-Каролина отступила на шагъ, и онѣ опять нѣкоторое время простояли молча, глядя въ дворцовый садъ.

Въ десять часовъ высочайшія особы разошлись по своимъ покоямъ.

Его высочество наслѣдный принцъ пожелалъ его высочеству герцогу покойной ночи въ отведенныхъ ему аппартаментахъ.

Простившись съ герцогомъ, его высочество обернулся къ принцессѣ Маріи-Каролинѣ.

— Покойной ночи, Мисенька,—сказалъ онъ.

— Покойной ночи.

Принцесса Марія-Каролина положила ему руку на плечо.

— Эрнстъ Георгъ,—проговорила она, и въ ея словахъ звучало что-то вродѣ страха.

Наслѣдный принцъ взялъ свою сестру за руку, и съ минуту они молча глядѣли другъ на друга.

— Покойной ночи, Марія-Каролина,—сказалъ онъ.

Принцесса Марія-Каролина отвернулась.

Она слышала, какъ застучала его сабля по ковру, когда онъ уходилъ.

Его высочество герцогъ съ шумомъ положилъ карты на столъ.

Онъ поджидалъ ея высочество, чтобы сыграть обычную партію пикета до отхожденія ко сну.

— Марія-Каролина!—позвалъ его высочество.

Принцесса Марія-Каролина сѣла къ столу, и его высочество началъ сдавать . . . .

На слѣдующее утро въ дворцовой церкви происходило вѣнчаніе.

Ея императорское высочество эрцгерцогиня въ продолженіе всей церемоніи счастливо улыбались.

Послѣ свадебнаго завтрака новобрачные прощались. На августѣйшей молодой былъ блѣднозеленый суконный костюмъ и маленькая дамская шляпа вся изъ бутоновъ розъ.

Всѣ августѣйшіе родственники цѣловали ее въ щеки.

Когда молодые должны были отбыть,—ея высочество принцесса Марія-Каролина стояла у окна и смотрѣла во дворъ дворца.

Наслѣдный принцъ подвелъ свою супругу къ экипажу. Эрцгерцогиня съ улыбкой кивала лакеямъ, выстроившимся въ два ряда передъ подъѣздомъ.

Вдругъ по двору пронеслась пара громадныхъ борзыхъ и ласкаясь бросилась къ новобрачной.

Она высвободила свою руку изъ руки супруга и обняла собакъ. Тѣ лаяли и клали ей лапы на плечи, а эрцгерцогиня прислонялась головой къ ихъ шеямъ и довольно долго возилась съ ними.

Когда, наконецъ, августѣйшая новобрачная сѣла въ экипажъ, на глазахъ у нея блестѣли слезы, и она закрыла глаза кружевнымъ платкомъ. Лошади отъ нетерпѣнія топтались на мѣстѣ—ворота дворца распахнулись и вновь захлопнулись... Высокія особы отбыли.

. . . .

Мѣсяцъ спустя его высочество герцогъ всемилостивѣйше изволилъ назначить принцессу Марію-Каролину абатиссой Эйзенштейновскаго монастыря для благородныхъ дамъ.

Ея высочество совершила свой въѣздъ въ монастырь согласно установившимся, стариннымъ обычаямъ.

Молодыя дѣвушки посинѣвшими отъ холода руками бросали на вокзалѣ цвѣты по пути принцессы. Добровольная пожарная команда изображала почетную стражу и трубила въ рожки.

Послѣ въѣзда, въ монастырской церкви было совершено богослуженіе. Всѣ скамейки были заняты старушками въ полныхъ парадныхъ формахъ ордена, сидѣвшихъ прямо, словно свѣчи. Маленькая игуменья ввела въ церковь дряхлую старушку фонъ-Зальценъ, у которой оба вѣка были парализованы, такъ что глаза все время оставались почти закрытыми. Во время проповѣди священника безпрерывно раздавался шепотъ престарѣлой фонъ-Зальценъ: «Ахъ, да... да... ахъ, да»...

Послѣ богослуженія былъ назначенъ высочайшій пріемъ въ орденскомъ залѣ.

Кресло новой аббатиссы стояло подъ балдахиномъ, украшеннымъ герцогскимъ гербомъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина удостоила дамъ милостиваго разрѣшенія приложиться къ своей рукѣ.

Ея высочество, не переставая, улыбалась, глядя, какъ сѣдовласыя барышни, пошатываясь отъ старости, отходили отъ нея.

Въ ея ушахъ раздавалось непрекращающееся «ахъ да, ахъ да» фонъ-Зальценъ, и она снова и снова склоняла голову и чувствовала на своей рукѣ прикосновеніе чужихъ губъ...

Игуменья, имперская графиня фонъ-Вальдекъ, прошла по серединѣ зала прямо къ балдахину; на красной бархатной подушкѣ она поднесла принцессѣ ключи монастыря.

Когда ихъ высочество, наклонившись, коснулась золотыхъ ключей, ей показалось, что почва колеблется у нея подъ ногами.

Полуопустившись на колѣни, настоятельница монастыря приняла ключи обратно изъ рукъ принцессы, причемъ ея длинная вуаль покрыла и подушку и ключи.

— Ахъ да, ахъ да!—раздавалось въ залѣ бормотанье дряхлой фонъ-Зальценъ. Хоръ трубачей-пожарныхъ во дворѣ затрубилъ свадебный маршъ изъ «Сна въ лѣтнюю ночь», аранжированный для семи духовыхъ инструментовъ.

VII.

Ея высочество сидѣла въ своемъ любимомъ углу, опершись головой на руку; книга соскользнула у нея съ колѣнъ и лежала на коврѣ; въ комнату вошла камеръюнгфера.

Ея высочество вздрогнула и опустила руку. Было совершенно темно.

— Есть здѣсь кто-нибудь?—спросила она.

— Это я, ваше высочество,—отвѣтила камеръюнгфера.

— Ахъ, да!—и ея высочество поднялась—уже поздно!

— Надо торопиться!

— Зажгите, пожалуйста, свѣчи здѣсь на каминѣ... Я сейчасъ приду...

Пока камеръюнгфера зажигала канделябры на каминѣ, ея высочество смотрѣла ей на руки.

— Который часъ?—спросила она.

— Семь, ваше высочество.

— Уже семь... хорошо, я сейчасъ иду...

Камеръюнгфера зажгла свѣчи и вышла.

Ея высочество посмотрѣла въ зеркало, замѣтно ли, что она плакать? Съ минуту она простояла у камина, положивъ ... на руки, а затѣмъ пошла.

Ея высочество принцесса Каролина изволила надѣть бальный туалетъ — на ней было темно-красное платье, отдѣланное кружевами.

Въ половинѣ девятаго высокія особы отправились въ итальянскій замокъ на придворное празднество.

. . . .

Господинъ и госпожа фонъ-Пöльнитцъ были впервые приглашены ко двору. Г. фонъ-Пöльнитцъ считалъ это вѣрнымъ признакомъ, что къ 1 сентябрю онъ будетъ назначенъ директоромъ герцогскаго театра.

Г. фонъ-Пöльнитцъ никогда въ жизни не былъ еще такъ взволнованъ. Въ продолженіе послѣднихъ восьми дней онъ съ любезной улыбкой раскланивался передъ всѣми зеркалами. Уже въ шесть часовъ онъ началъ одѣваться. Но желудокъ доставлялъ ему массу непріятностей—онъ не переносилъ такихъ волненій.

Г. фонъ-Пöльнитцъ въ помочахъ стоялъ передъ зеркаломъ и созерцалъ свои икры.

— Большая ошибка, что при дворѣ не носятъ короткихъ панталонъ и чулокъ,—замѣтилъ онъ.

«Но къ этому все идетъ... все идетъ», и г. фонъ-Пöльнитцъ снова углубился въ созерцаніе своихъ ногъ.

— Къ этому идетъ... вѣдь должны же они намъ... и фонъ-Пöльнитцъ бросилъ новый взглядъ на выпуклость своихъ ногъ... должны—разрѣшить... имѣть фантазію...—но тутъ г. фонъ-Пöльнитцъ весь скорчился отъ боли въ животѣ и счелъ излишнимъ объяснять, какія фантазіи...

— Ты готовъ?—спросила его супруга.

Г. и г-жа фонъ-Пöльнитцъ сѣли въ экипажъ.

— Да... но... Маріанна, что собственно полагается говорить ихъ высочествамъ?

— Было бы хорошо, если бы ты ограничился только самыми необходимыми отвѣтами, Давидъ.

Г. фонъ-Пöльнитцъ съ минуту просидѣлъ тихо.

— Маріанна,—снова началъ онъ,—черезъ два сезона они обязаны пожаловать мнѣ орденъ...

. . . .

Весь дворъ ожидалъ высочайшаго выхода въ залѣ наслѣднаго принца.

Первые по рангу выстроились двумя шеренгами отъ одной двери къ другой; остальные, точно овцы въ загонѣ, топтались позади нихъ. На супругѣ придворнаго аптекаря было платье лимоннаго цвѣта, отдѣланное вокругъ ворота листьями папоротника.

— Богъ знаетъ, прилично ли это?—говорила супруга аптекаря швеѣ, помогавшей ей одѣваться.

Супругѣ придворнаго аптекаря хотѣлось накинуть на плечи кружевную косынку.

— Дворъ есть дворъ, сударыня,—объявила швея,—прикалывая на спинѣ аптекарши листья папоротника.

— Но по этой причинѣ вовсе не слѣдуетъ такому старью, какъ я, выставлять на показъ свои тѣлеса.

Швея испугалась этихъ словъ, что чуть не запустила всю иглу въ тѣло аптекарши; сама она никогда не произносила ничего подобнаго.

На балу г-жа придворная аптекарша щеголяла избыткомъ своихъ прелестей.

Въ залѣ наслѣднаго принца она очутилась рядомъ съ г. фонъ-Пöльнитцемъ. Г. фонъ-Пöльнитцъ сообщилъ ей по секрету о своихъ желудочныхъ затрудненіяхъ.

— Ужасно стѣснительно, другъ мой, ужасно стѣснительно!... и это со мною случается всякій разъ, когда играю новую роль...

У г-жи придворной аптекарши въ карманѣ оказались капли.

— Я всегда ношу съ собою эту склянку,—сказала она,—вѣдь никогда нельзя знать впередъ, а вдругъ понадобится?

Г. фонъ-Пöльнитцъ всталъ лицомъ въ уголъ и глотнулъ желудочныхъ капель . . . .

Гофмаршалъ трижды взмахнулъ жезломъ, и двери распахнулись и въ залѣ появились высочайшія особы, сопровождаемыя свитой. Стало совсѣмъ тихо; всѣ присѣдали и кланялись, когда ихъ высочества проходили мимо.

Г. фонъ-Пöльнитцъ затесался въ первый рядъ и очутился бокъ-о-бокъ съ его превосходительствомъ фонъ-Куртомъ, когда ихъ высочества приблизились къ нимъ.

Герцогъ изволилъ милостиво заговорить съ его превосходительствомъ.

— Совершенно вѣрно,—вдругъ заявилъ г. фонъ-Пöльнитцъ.

— А-а, это вы, милѣйшій Пöльнитцъ,—протянули его высочество-герцогъ и по пути слѣдованія высочайшихъ особъ вновь, точно подъ благоуханнымъ душемъ, начали склоняться ряды присутствующихъ.

Его высочество герцогъ отвелъ ея высочество принцессу Марію-Каролину на приготовленное для нея мѣсто въ зеленомъ залѣ.

Присутствующія дамы имѣли счастье представляться ея высочеству.

Гофмаршалъ, стоя рядомъ съ герцогомъ, выжидалъ окончанія представленія; ея высочество соблаговолила приказать пригласить на первую кадриль его свѣтлость графа фонъ-Дюркфельда.

И... «празднество протекло съ обычнымъ при нашемъ дворѣ великолѣпіемъ» гласила на слѣдующій день столичная газета.

Но о непріятномъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто на балу, газета умалчивала.

Въ концѣ вечера ея высочество принцесса Марія-Каролина оказала придворному артисту фонъ-Пöльнитцъ честь пригласить его на вальсъ.

Отъ волненія тупè г. фонъ-Пöльнитцъ съѣхало на сторону.

Ея высочество была очень милостива къ г. фонъ-Пöльнитцъ и разговаривала съ нимъ въ продолженіе семнадцати минутъ.

— Теперь вы исполняете роль короля Филиппа, г. фонъ-Пöльнитцъ, не такъ ли?

— Да,—съ поклономъ отвѣтилъ г. фонъ-Пöльнитцъ.—Да! Что дѣлать, понемногу старимся, ваше высочество.

Ея высочество улыбнулась.

— Вы правы,—сказала она, и на минуту задумалась.—Вы правы.

Ея высочество хорошо помнили, какъ г. фонъ-Пöльнитцъ когда-то исполнялъ Донъ-Карлоса. Потомъ онъ уже игралъ маркиза Позу...

Ея высочество не забыли этого.

Это было тогда, когда здѣсь служилъ молодой артистъ... какъ его имя? Онъ пробылъ у насъ такъ недолго?

— Г. Каймъ.

— Совершенно вѣрно—да... У него, кажется, былъ талантъ... слышно о немъ что-нибудь?

Г. фонъ-Пöльнитцъ пожалъ плечами.

— Въ Берлинѣ его считаютъ звѣздою первой величины, ваше высочество.—И г. Пöльнитцъ вновь неловко поклонился.

Можно было подумать, что на лицѣ ея высочества выступила легкая краска. Но, можетъ быть, это было лишь отраженіемъ темно-краснаго платья, такъ какъ она слегка наклонила голову.

— Да, такъ вотъ какъ, онъ сдѣлалъ карьеру?—произнесла ея высочество, кладя руку на плечо фонъ-Пöльнитца, чтобы сдѣлать съ нимъ туръ вальса.

Тутъ-то оно и случилось! Хотя г. фонъ-Пöльнитцъ и не постигалъ, какимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе оно случилось. Г. фонъ-Пöльнитцъ подъ люстрой, въ серединѣ зала, упалъ вмѣстѣ съ ея высочествомъ.

— Нечего и ждать хорошаго, моя милая, когда идешь танцовать съ комедіантомъ,—говорила на слѣдующее утро за чаемъ графиня фонъ-Гартенштейнъ m-lle Латерьеръ.

— Но у ея высочества вѣчно разныя фантазіи...

И графиня взглядомъ призывала небо во свидѣтели—вѣдь она съ давнихъ поръ привыкла молчать объ особахъ illustres...

Ея высочество отнеслась очень добродушно къ происшедшему; одинъ молодой человѣкъ изъ судейскихъ подскочилъ, чтобы помочь ея высочеству подняться на ноги.

— Помогите лучше г. фонъ-Пёльнитцу,—замѣтила она.

Г. Давидъ фонъ-Пёльнитцъ барахтался на полу и дергалъ ногами, точно толстый майскій жукъ, когда его перевернутъ на спину.

Вскорѣ послѣ этого начался ужинъ.

Его высочество провозгласилъ тостъ за здоровье своей дочери, ея высочества принцессы Маріи-Каролины на многія лѣта!

Г. фонъ-Пёльнитцъ остался въ бальномъ залѣ; прислонившись къ колоннѣ, онъ молча смотрѣлъ на мѣсто своего несчастія...

. . . .

Послѣ ужина былъ назначенъ фейерверкъ.

Ея высочество принцесса Марія-Каролина приказала открыть балконныя двери и вышла наружу. Вечеръ былъ теплый, и надъ садомъ разстилалось ясное, усѣянное звѣздами небо. Ракеты, шипя, огневыми дугами взвивались къ небу и потухали. Надъ каналомъ, сверкая, падалъ золотой дождь.

Марія-Каролина, облокотившись на перила, смотрѣла не на садъ, а на горы на горизонтѣ; она вся ушла въ себя; вдругъ шумныя изъявленія одобренія заставили ее опомниться—на темномъ фонѣ неба ярко вспыхнули желто-зеленыя литеры М. К. подъ короной.

Принцесса не спускала глазъ съ своихъ литеръ, горѣвшихъ надъ каналомъ.

Вскорѣ М. К. потухли.

Одна корона продолжала сверкать; казалось, будто она скользитъ по неподвижной водѣ канала.

Ея высочество до тѣхъ поръ смотрѣла на отраженіе короны, пока и [illegible]а не погасла...

Перев. *Л.* Горбуновой.

ВО ТЬМѢ.

На именинахъ у благочиннаго крупно повздорили два сосѣднихъ батюшки — о. Гурій изъ Лыскарева и о. Христофоръ изъ села Малое Замошье.

Разгоряченный первыми рюмками смородинной настойки, о. Христофоръ впереди другихъ протискался къ парадно накрытому обѣденному столу и занялъ мѣсто по лѣвую руку хозяина. Къ нему подошелъ о. Гурій, какъ всегда, трезвый и строгій.

— Потрудитесь пересѣсть, о. Христофоръ. Это — мое мѣсто, не ваше!

— Не мое и не ваше, а хозяйское!

— Все же я не уступлю его, а тѣмъ болѣе вамъ! Потрудитесь встать!

Недоразумѣніе переходило въ ссору. Голоса зазвучали рѣзче, крикливѣе; прорвались намеки личнаго свойства; задѣвались чувствительныя струны. О. Христофоръ, преувеличенно развалясь, посмѣивался низкимъ, самодовольнымъ смѣшкомъ, а о. Гурій, стоя передъ нимъ, злобно шипѣлъ и металъ грозные взгляды.

Ихъ схватили за руки, уговаривали, мирили. О. Христофоръ согласился посторониться; о. Гурій принялъ стулъ, поставленный рядомъ. Но въ душѣ батюшекъ остался горькій осадокъ. Глаза ихъ встрѣтились и сказали безмолвно другъ другу: «Посмотримъ, чья возьметъ!»

Годы шли, и нѣмой вопросъ оставался неразрѣшеннымъ.

Добродушный о. Христофоръ тѣшился, придумывая различныя козни; о. Гурій смотрѣлъ на дѣло болѣе серьезно, злобствовалъ непритворно.

Батюшки неусыпно слѣдили другъ за другомъ и, какъ опытные игроки, предугадывали и предупреждали ходы противника. Ни одинъ не хотѣлъ уступить другому ни на единую пядь. Стоило о. Гурію

завести новую, расписную дугу, какъ у матушки о. Христофора появлялась необыкновенная шляпа съ яркими перьями. Когда о. Гурій поставилъ новый заборъ, о. Христофоръ поспѣшилъ выкрасить крышу на своемъ домѣ. Когда же о. Гурій новый заборъ выкрасилъ въ желтую краску, о. Христофоръ разбилъ въ своемъ палисадникѣ цвѣточныя клумбы.

Какъ ни таинственно велъ о. Гурій переговоры, какъ ни скрывалъ своихъ плановъ, о. Христофоръ какими-то путями узналъ о сватовствѣ его племянницы съ сыномъ соборнаго ключаря—и тотчасъ пригласилъ въ крестные отцы къ ожидаемому девятому младенцу самого о. ректора.

Злоба о. Гурія не знала предѣловъ.

— Этого я не ожидалъ, не ожидалъ отъ о. Христофора,—твердилъ онъ, ежеминутно вытирая клѣтчатымъ платкомъ запекшіяся губы.—Каково лукавствіе! Суетность какова! Младенецъ еще не родился, а ужъ онъ печется о земномъ его благополучіи, ищетъ богатыхъ воспріемниковъ, докучаетъ о. ректору, мужу почтенному и столь занятому дѣломъ духовнаго просвѣщенія! Совѣсти нѣтъ у человѣка! Погрязъ въ житейской суетѣ!...

Сочувственно вздыхалъ Кондратьичъ, неизмѣнный повѣренный о. Гурія, церковный староста и мѣстный богачъ, и вздохами своими только усугублялъ ярость духовнаго отца.

Между тѣмъ, о. Христофоръ, сидя за чайнымъ столомъ, среди цѣлаго выводка курносыхъ, свѣтло-головыхъ ребятишекъ, весело говорилъ своей румяной, хозяйственной попадьѣ:

— Ловко мы нагрѣли о. Гурія! Поди, отъ злобы исхудалъ весь! Шутка ли! О. ректоръ кумомъ будетъ! Важно! А если ты, мать, и на будущій годъ надумаешь меня порадовать, я самого оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ воспріемники попрошу! Вотъ какъ!—закатился счастливымъ смѣхомъ о. Христофоръ.

— Да полно тебѣ, о. Христофоръ!—краснѣя, отмахивалась попадья.

О. Христофоръ не унимался. Смѣшливый по природѣ, онъ имѣлъ д...ъ разжигать самого себя, и въ такихъ случаяхъ не было предѣл...въ его выдумкамъ. Онъ несъ такую нелѣпицу, что матушка, Анна М...рковна, только руками разводила и просила пощады, утверждая, ч... такъ хохотать—ей и вредно, и неприлично.

— Тебѣ все смѣшки, отецъ,—сказала она, ставъ внезапно сер...зной,—а семья у насъ растетъ, и конца этому не предвидится. Р...одъ прибываетъ, а доходы гдѣ?

— Все будетъ, все будетъ!—успокоительно возражалъ о. Христофоръ.

— Откуда будетъ? Откуда?—настаивала матушка.—Земля—плохая, мало родитъ...

— Не въ хозяйку, видно...

— Да ну тебя съ глупостями! Я—дѣло, а онъ... Лучше за требы построже взыскивай! Вонъ, у о. Гурія—такъ порядокъ! Меньше пятерки ни за что не повѣнчаетъ! А ты сколько намедни съ Ефимки взялъ? Платокъ ситцевый да рублевку? Нешто это—порядки? Мишуткѣ, вонъ, сапоги нужны; Вѣрунька вовсе обносилась... На крестины гостей понаѣдетъ, тебѣ и горя мало, все я хлопочи!—упрекнула мужа заботливая попадья.

— На все хватитъ, на все,—ласково потрепалъ ее по плечу о. Христофоръ.—Наше отъ насъ не уйдетъ! Ты посмотри, какъ эти-то, что дешево повѣнчалъ, у насъ на сѣнокосѣ да на жнитвѣ отработаютъ! Народъ—благодарный, отличный! Съ нимъ сноровка нужна, а у меня она есть! Недаромъ о. Гурій лукавцемъ величаетъ!... То-то, Мареа-печальница!—заключилъ батюшка, вставая изъ-за стола.

Дома священниковъ отстояли не болѣе версты другъ отъ друга. Чистенькое, веселое Замошье ютилось на высокомъ берегу тихой рѣчки Кихти; грязное, бѣдное Лыскарево раскинулось по широкой низинѣ на другомъ берегу. Изъ оконъ бѣленькаго домика, въ которомъ проживалъ со своимъ потомствомъ о. Христофоръ, ясно было видно длинное, сѣрое строеніе съ безчисленными пристройками, сараями и амбарами, въ которомъ о. Гурій, вдвоемъ съ матушкой, копилъ и умножалъ наслѣдство единственнаго сына.

Цѣлый день во дворѣ о. Христофора кипѣла жизнь. Въ окнахъ толклись грязныя дѣтскія рожицы, раздавался смѣхъ, громкая пѣснь, а иногда и жалобный плачъ, если о. Христофоръ заставалъ драку и награждалъ обидчика здоровымъ шлепкомъ. Матушка хлопотала безъ устали: кормила птицу, сушила бѣлье, варила варенье, поливала гряды и клумбы. Батюшка не отставалъ отъ жены: то возился съ телѣгой, то строгалъ колышки для цвѣтовъ, то чинилъ бредень и постоянно напѣвалъ при этомъ вполголоса.

И смѣхъ дѣтей, кудахтанье куръ, мычанье коровъ, звонкій голосъ матушки и низкій басъ о. Христофора сливались въ жизненную гармонію, полную здоровой, безпечной прелести.

У о. Гурія царили тишина и порядокъ. Колесо жизни вертѣлось беззвучно и плавно. Молчаливый работникъ и старуха-кухарка дѣлали привычное дѣло съ суровымъ видомъ людей, надъ которыми тя-

готѣетъ властная рука строгаго хозяина. Изрѣдка на крыльцо выходилъ о. Гурій и, зоркимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей окинувъ дворъ и постройки, односложно приказывалъ запрячь небольшую телѣжку и уѣзжалъ по дѣламъ. Возвращался онъ поздно, большей частью угрюмый, и, отдавъ лошадь работнику, медленно входилъ въ домъ, упорно глядя въ землю, чтобы не видѣть, какъ золотятся въ лучахъ заходящаго солнца окна о. Христофора.

Какъ-то, въ весеннюю пору, сыновья о. Христофора, катаясь на лодкѣ, попали въ верши, поставленныя о. Гуріемъ для ловли его любимой рыбы—щуки «голубое перо». Погнулись шесты, порвались веревки, и маленькіе шалуны чуть не вылетѣли изъ сильно накренившейся лодки.

О. Гурій стоялъ на берегу. Онъ все видѣлъ и грозилъ, и потрясалъ самодѣльнымъ посохомъ изъ узловатой березы.

Далеко по рѣкѣ разносился его грозный голосъ, и ребятишки проворно работали сломанными веслами, спасаясь отъ гнѣва свирѣпаго батюшки.

Долетѣли отрывки угрозъ и до чуткаго слуха Анны Марковны. Точно насѣдка при видѣ коршуна, кинулась она на берегъ, къ которому уже причаливали не на шутку струхнувшіе мальчуганы.

— Я этого такъ не оставлю! Я управу найду! Такихъ разбойниковъ драть надо!—вопилъ о. Гурій, стоя на плотикѣ, на которомъ его кухарка обычно полоскала бѣлье.

Рѣка была въ разливѣ, и шаткія лавы, служившія мостомъ, еще не были наведены. Это обстоятельство придало смѣлости матушкѣ. Чувствуя себя въ безопасности, она высоко подняла голову.

— За своимъ сынкомъ смотрите, о. Гурій!—понесся по рѣкѣ ея звонкій голосъ.—За своими я сама усмотрю!

— Отлично смотрите! Сорванцовъ вырастили! Позоръ для духовной семьи—такія дѣти! Разбойники! Въ родителей пошли!—не унимался разъяренный священникъ.

Матушка не думала уступать.

— Мои-то хоть учатся хорошо, а вашъ третій годъ въ одномъ классѣ сидитъ! Даромъ, что всѣхъ учителей задарили!—нотой выше [illegible]чала она.

— Вы бы рады за своихъ балбесовъ дарить, да нечего!—раз[illegible]ся злобный отвѣтъ.

— А вы племянниньку за косого дурака отдали, лишь бы съ [illegible]чаромъ породниться!

— Не ваше дѣло!

Мое!

— Не ваше!

— Мое!

Солнце стояло высоко. Рѣка весело играла и струилась въ его ласковыхъ лучахъ. Зеленѣли первой, молодой зеленью прибрежныя ивы, тихо склоняясь подъ дыханіемъ свѣжаго вѣтерка.

И задорнымъ весельемъ звучалъ голосъ матушки, такъ смѣло бросавшій въ лицо о. Гурія неслыханно-дерзкія рѣчи.

— Не хочу время терять съ вами!—напрягаясь въ послѣднемъ усиліи, крикнулъ о. Гурій.—А такъ этого не оставлю! Наплачетесь у меня! Будете знать, какъ грубить!

Онъ потрясъ кулакомъ.

Но матушка рѣшила, что послѣднее слово останется за ней.

— Не запугаете!—громко крикнула она, проворно карабкаясь въ крутую гору.

Въ тотъ же день о. Христофоръ самъ повелъ въ кузницу лошадь.

Кузница стояла недалеко отъ села, совсѣмъ на юру, сѣрая, ветхая. Въ ней работалъ съ помощью младшаго сына крѣпкій старикъ, мастеръ своего дѣла, Потапъ.

О. Христофоръ любилъ кузнеца. Теплая вѣра этого человѣка, его простой, твердо установившійся взглядъ на людей и природу умиляли священника.

— Послѣ бесѣды съ Потапомъ я чувствую себя ближе къ Богу, чѣмъ послѣ самой длинной проповѣди о. Гурія,—не разъ говорилъ онъ съ улыбкой женѣ.

И Потапъ любилъ батюшку. Любилъ за его добродушіе, за отсутствіе всякой чванливости и лицемѣрія. Встрѣчалъ онъ его всегда радушно и, почтительно принявъ благословеніе, тотчасъ переходилъ въ простой, дружескій тонъ.

— Пошто самъ-отъ, батюшка, трудишься? Нешто работника нѣтъ?—спросилъ онъ на этотъ разъ, принимая изъ рукъ о. Христофора поводъ.

— Повидать тебя захотѣлось, да и пройтись не мѣшаетъ.

— Дѣло. Поразмяться тебѣ не вредно. Ишь ты какой дородный да бѣлый.

— Нечего Бога гнѣвить, здоровъ,—весело отозвался о. Христофоръ, разстегивая воротъ подрясника и обнажая жирную, бѣлую шею.

— Подковку-то новую надоть. Вовсе стерлась; шиповъ званія не осталось,—послѣ тщательнаго осмотра принесенной батюшкой тонкой, блестящей подковы заявилъ Потапъ.

— Новую, такъ новую,—охотно согласился о. Христофоръ, предвидя продолжительную, сердечную бесѣду съ кузнецомъ.

Онъ разстегнулъ еще парочку крючковъ и сѣлъ на большой, треснувшій жерновъ, на которомъ Потапъ вытягивалъ шины.

— Благодать-то какая,—сказалъ онъ, вытирая рукавомъ широкое, вспотѣвшее лицо.

Кузнецъ обвелъ спокойнымъ взглядомъ съ дѣтства знакомую картину.

Свѣжій, молодой вѣтерокъ перебѣгалъ по полю; сѣрыми волнами перекатывалась зеленая озимь; легкой дымкой темнѣлъ невысокій лѣсокъ. Въ свѣтломъ, почти бѣломъ, небѣ быстрыми черточками носились стрижи и, съ пронзительнымъ крикомъ, на секунду опускались, почти касаясь земли.

— Вотъ, батюшка, говорятъ—нонѣ чудесъ не бываетъ,—началъ Потапъ, опускаясь на порогъ кузницы, пока Гришка подбиралъ подкову, а гнѣдой меринъ о. Христофора мирно щипалъ низкую травку вокругъ станка.—А по мнѣ, такъ кажный день передъ нами чудеса совершаются. Зерно въ землицѣ лежитъ, ростокъ даетъ. Засохнетъ земля, трудно ростку пробиваться, Господь благодать, дождичекъ посылаетъ. Всякая птица Божія свое время знаетъ: коли ей гнѣздо вить, коли дѣтокъ, птенчиковъ малыхъ на свѣтъ выводить... Солнышко грѣетъ, вѣтерокъ прохлаждаетъ, рѣчка бѣжитъ, лѣсъ зеленый верхушками покачиваетъ... Чаво еще надоть? Какихъ чудесъ?

— Людямъ все мало,—задумчиво возразилъ о. Христофоръ.— Вспомни, Потапъ: святые апостолы самого Господа Іисуса ежечасно видѣли, сколькихъ чудесъ Его сообщниками были, славу его созерцали,—такъ и тѣ просили: «Покажи намъ Отца!»

— Это ты вѣрно. Самъ въ писаніи читалъ.

— Теперь люди ожесточились. Мало имъ простой благодати, что на каждаго изливается,—знаменія просятъ, чудесъ небывалыхъ. Вѣрить слѣпо уже не хотятъ.

— Грѣхи!—тихо вздохнулъ Потапъ.

— А ты, Потапъ, развѣ не желалъ бы знаменія увидать? Проявленіе силы Господней? Я знаю, ты вѣришь твердо и просто, но скажи мнѣ по совѣсти, не былъ ли бы ты радъ увидать воочію чудо?

О. Христофоръ пытливо и любовно смотрѣлъ на закоптѣлое лицо кузнеца съ рѣзко бѣлѣвшими глазами. И лицо это дрогнуло. Точно легкая пелена затуманила добрый, старческій взглядъ, и, свѣтлый, влажный, онъ поднялся къ ясному небу.

— Кабы Господь сподобилъ!—едва внятно прошептали губы Потапа.

· Прежде люди проще были, добрѣе, ближе къ Богу стояли,—

заговорилъ снова о. Христофоръ,—а теперь—ссоры да свары, только и смотрятъ, какъ бы другъ друга обидѣть.

— Что говорить! Вотъ и ты, батюшка, ужъ на что смиренъ и незлобивъ, а все съ лыскаревскимъ попомъ враждуешь. Не хорошо это. По сану не хорошо!

Потапъ говорилъ увѣренно. Минутное волненіе улеглось, и только влажный блескъ глазъ и мягкія, задушевныя ноты въ голосѣ выдавали его настроеніе.

— Знаешь,—сказалъ онъ, перегибаясь всѣмъ тѣломъ къ о. Христофору,—многіе тебя за это самое хаютъ. Зависть, баютъ, въ тебѣ на богатство о. Гурія. «Разгорѣлись, молъ, у замошскаго попа глаза на достатки лыскаревскаго. Видно Богу-то молится, а мірское на умѣ крѣпко держитъ». Право такъ! Самъ я слыхалъ.

— А очень онъ богатъ? Какъ думаешь, Потапъ?

— Какъ, поди, не богатъ! Первое—луга заливные, осоки мало-мало бабокъ десятковъ пять въ погожее лѣто накоситъ. А куда ему? Нешто трое коней да пятокъ коровъ этакое мѣсто корму сожрутъ? Второе—мельница, хошь и числится она за Иваномъ Хромовымъ, а всѣ смекаемъ, кто тутъ руководитъ. Намеднись Иванъ подъ пьяную руку въ трактирѣ оралъ: «Я попу больше не слуга! Вовсе онъ меня затѣснилъ. Житья нѣтъ! Кажинный мѣшокъ на счету. Кумовьевъ даромъ смолоть не допуститъ». Всячески поносилъ о. Гурія. Съ прихода, глядишь, тоже возьметъ: похороны, свадьбы... на все у него свое положено. Въ иной мясоѣдъ рубликовъ подъ сто сберется!

— Одинъ сынъ у него?—точно про себя молвилъ о. Христофоръ.

— А тебя, батюшка, Господь не обидѣлъ потомствомъ. Сколько счетомъ-то будетъ?

— Девятаго на Ильинъ день поджидаю,—вздохнулъ о. Христофоръ.

Гришка наладилъ подкову и позвалъ отца. Ввели гнѣдого въ станокъ.

О. Христофоръ досталъ изъ кармана подрясника пачку дешевыхъ папиросъ и съ наслажденіемъ затянулся. Онъ любилъ, по выраженію Потапа, «баловаться зельемъ» и стыдился этой слабости, считая ее убыточной, а для священника и зазорной.

На этотъ разъ однако никакія угрызенія совѣсти не тревожили о. Христофора. Онъ весь отдался прелести предвечернихъ часовъ яснаго весенняго дня. Дремотно слѣдилъ онъ за тонкой, синей струйкой и, слегка раздувъ ноздри, вдыхалъ запахъ паленаго копыта и табачнаго дыма.

Звукъ мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ вывелъ его изъ блаженнаго состоянія. Къ кузницѣ, опираясь на суковатую палку, большими, твердыми шагами приближался о. Гурій.

О. Гурій всегда съ одинаковымъ жаромъ порицалъ въ священникахъ какъ склонность къ франтовству, такъ и неряшливость въ одеждѣ. Самъ онъ одѣвался прилично и просто. Опрятный подрясникъ изъ темной матеріи плотно облегалъ его тощую спину и плоскую грудь. Изъ-подъ длинныхъ полъ едва выглядывали сшитые по ногѣ деревенскіе сапоги. Широкополая шляпа изъ черной соломы прикрывала его небольшую голову съ жидкими волосами. Серебряная цѣпочка отъ часовъ охватывала шею и слегка позвякивала о металлическую пряжку кожанаго пояса.

Не спѣша снялъ онъ шляпу, благословилъ Потапа и Гришку и чинно поклонился о. Христофору. Но взглядъ его таилъ насмѣшку. Онъ скользнулъ по разстегнутому, грязному подряснику съ жирнымъ пятномъ на груди, по туго заплетеннымъ косицамъ, связаннымъ бѣлымъ шнурочкомъ, по запыленнымъ, заплатаннымъ сапогамъ и остановился на окуркѣ, который о. Христофоръ бросилъ на траву, рядомъ съ порыжѣлой войлочной шляпой.

— Очень радъ, что довелось встрѣтиться,—сказалъ о. Гурій.

И хотя онъ говорилъ вѣжливо и спокойно, о. Христофоръ ясно чувствовалъ ненависть, скрытую въ его словахъ.

— Быть можетъ, вамъ не извѣстно, о. Христофоръ, что ваши дѣти порвали мои верши и причинили мнѣ немалый убытокъ, не говоря уже о безпокойствѣ?

— Я слышалъ объ этомъ. Они—не нарочно, ихъ теченіемъ снесло,—не поднимая головы, проговорилъ о. Христофоръ.

Его стѣсняло присутствіе Потапа, который, хотя и водилъ усердно напилкомъ по копыту гнѣдого, все же могъ слышать каждое слово. Кромѣ того, о. Гурій приблизился къ жернову и возвышался надъ о. Христофоромъ всей своей высокой и строгой фигурой, какъ воплощенное осужденіе неряшеству и мечтательной лѣни. О. Христофоръ чувствовалъ себя довольно неловко.

— Они — не нарочно, — повторилъ онъ, не находя другихъ словъ.

— Позвольте этому не повѣрить, о. Христофоръ! Всѣмъ извѣстно, что ваши дѣти воспитываются въ какихъ-то новыхъ принципахъ свободы; ни уваженія къ старшимъ, ни страху передъ ними имъ не внушаютъ. Да и кромѣ того, они прекрасно знаютъ, что всякая непріятность, причиненная мнѣ, встрѣтитъ у ихъ родителей поощреніе и похвалу.

— Я продолжаю утверждать, что ребята случайно порвали ваши верши. Злого умысла тутъ не было,—твердо заявилъ о. Христофоръ.

Онъ поднялся съ камня и, стоя передъ о. Гуріемъ, смотрѣлъ ему прямо и смѣло въ глаза.

— Не утверждайте! Не заступайтесь! Я собственными глазами видѣлъ, какъ они ловко правили прямо въ средину моихъ вершъ. Имъ извѣстно, что я люблю голубое перо, и они не могли отказать себѣ въ удовольствіи причинить мнѣ убытокъ и безпокойство. Я съ нарочитымъ тщаніемъ вбилъ колышки, новыя сѣти приладилъ,—и видѣть, какъ какіе-то повѣсы... дерзкіе мальчишки... Знаютъ, что это имъ пройдетъ даромъ. Но вѣдь это—дерзость. Мои годы, мой санъ...

— Не помѣшали вамъ обругать мою жену!

— Она набросилась на меня, точно съ цѣпи сорвалась! Достойная мать подобныхъ сорванцовъ! Впрочемъ, чего и ждать отъ женщины, выросшей Богъ знаетъ въ какой глуши, въ избѣ заштатнаго дьякона... едва грамотной... не привыкшей къ порядочнымъ людямъ.

— Она всетаки лучше вашей пьяницы, даромъ что та—протопопова дочь!

— За васъ хорошей бы никто не отдалъ!

— А вамъ бы не видать протопоповой дочки, какъ своихъ ушей, кабы не съ изъянцомъ была!

— Да какъ вы смѣете!

— А-а! Правда, видно, глаза колетъ.

— Не хочу тебя слушать! Плюю на твои слова!

О. Гурій окончательно вышелъ изъ себя.

О. Христофоръ лучше владѣлъ собой. Его широкое лицо только сильнѣе покраснѣло, и большія, влажныя руки ушли глубоко въ карманы подрясника. Онъ насмѣшливо прищурилъ одинъ глазъ.

— Не любите? Виноватъ развѣ я, что ваша матушка рюмочки придерживается? Всѣ отлично знаютъ, что вы ей спуску не даете, достаточно учите, да что подѣлаешь! Болѣзнь!

— Я заставлю тебя замолчать! Я зажму твой дерзкій ротъ!—рявкнулъ о. Гурій, наступая на врага.

О. Христофоръ благоразумно попятился.

— Опомнитесь, о. Гурій! Что вы! Драться хотите?—добродушно посмѣиваясь спросилъ онъ.—А кто постоянно разглагольствуетъ о важности сана, о приличномъ поведеніи? Побороть-то я васъ—всегда поборю, только не хочу себя унижать... да и жарко,—съ громкимъ смѣхомъ заключилъ о. Христофоръ.

У о. Гурія побѣлѣли губы. Судорожно сжималъ онъ палку, блуждающими глазами ища поддержки. Но ничего хорошаго не сулили мрачный взглядъ стараго Потапа и ухмыляющаяся черная рожа Гришки.

— Царица Небесная! Что же это? Глумленіе? Унизить меня хотять! Я найду судъ скорый и правый! За каждое дерзкое слово сторицею воздамъ! Все, все припомню! Защитниковъ найду!—безсвязно бормоталъ онъ, лихорадочно развертывая свой неизмѣнный клѣтчатый платокъ и вытирая имъ пересохшія губы.

— Ищите! Ищите!—подзадоривалъ о. Христофоръ.

— Въ городъ поѣду! Къ владыкѣ! Онъ внемлетъ! Преградитъ нечестивыя уста!—точно про себя шепталъ о. Гурій.

О. Христофоромъ, казалось, овладѣлъ бѣсъ.

— Что-жъ! И къ владыкѣ можно!—заложивъ руки за спину, изрекъ онъ.—Владыко выслушаетъ. Недаромъ эконому въ прошлую пятницу изъ Лыскарева отправлена цѣлая подвода съ разными припасами. Да и соборный ключарь, поди, еще не доѣлъ окорока и колбасъ, что ваша матушка собственными руками для него на Пасху коптила. При такихъ заступникахъ и до владыки дойти немудрено. Владыко же у насъ милостивый, ни разу не справлялся, отчего другіе попы на оскудѣніе плачутся, а у лыскаревскаго—все по положенію. Кругомъ неурожай, мужики голодаютъ, лютую нужду терпятъ, а батюшкѣ положенное несутъ безъ задержки, иначе, молъ, и безъ отпѣванія останешься... грѣховъ не отпуститъ!

— Нашли чѣмъ язвить! Такъ изстари ведется. Я не виноватъ, что другіе прихожанъ распустили. Я беру только положенное.

— Положенное-то оно—положенное... только отчего это въ лыскаревскомъ храмѣ бѣдняки частенько на поклонахъ стоятъ, а никто не видалъ, чтобы Кондратьичъ, напримѣръ, поклоны отбивалъ? А онъ ли не тиранитъ жену и дѣтей? Онъ ли не мздоимецъ и плутъ?

— Я вашихъ прихожанъ не трогаю. Какое вамъ до моихъ дѣло?

— Такъ. Къ слову сказалъ.

— Погодите! Замажутъ вамъ язычокъ! Живъ не буду, коли в[...] къ каждое слово не отольется. Въ ногахъ у меня наваляетесь, какъ в[...] дальній приходъ сошлютъ. Вспомните вы меня, да поздно будетъ! П[...] идете ко мнѣ на поклонъ, наплачетесь!

— Да полно вамъ грозиться, о. Гурій! Есть изъ-за чего ссориться[...] Ей-Богу, мнѣ надоѣло васъ слушать!

— Что-жъ! Я и уйти могу. Уйду, уйду. Только ужъ прошу не и[...]затъся, о. Христофоръ, этого я такъ не оставлю! Свидѣтели

есть, Потапъ Абрамычъ съ сынкомъ. Притяну васъ за оскорбленіе сана да за порчу сѣтей. Не поздоровится, рады будете откупиться.

— Это бабушка еще на-двое сказала. Будьте здоровы, о. Гурій!

Но о. Гурій уже спѣшно удалялся, размахивая палкой и грузно попирая землю, точно хотѣлъ каждымъ шагомъ наказать ее за то, что она носитъ людей, подобныхъ о. Христофору.

Съ начала іюня наступили жары. Солнце палило. Горячій, точно изъ раскаленной печи, вѣтеръ приносилъ съ низменнаго берега Кихти цѣлыя тучи песку.

О. Христофоръ изнемогалъ. Съ самаго утра его подрясникъ прилипалъ къ тѣлу, горло пересыхало, и лицо покрывалось жирнымъ, липкимъ потомъ. Вялый, скучный, онъ лѣниво бродилъ по двору, не находя достаточно силы для какого-либо занятія. Мысли его были такъ же вялы и тусклы, какъ онъ самъ... скоро наступитъ сѣнокосъ, а трава едва въ четверть росту, на корню горѣть и сохнуть начала.

— Будемъ безъ корму, будемъ,—уныло твердилъ о. Христофоръ,—трава завяла, да и собрать ее не придется. Вотъ, помяни мое слово, какъ выдемъ косить, польютъ дожди! Не погода, ерунда какая-то!

Матушка тосковала не меньше мужа. Едва волоча ноги, безобразно широкая, съ заострившимся, пожелтѣвшимъ лицомъ, она не могла управляться съ хозяйствомъ и постоянно находила предлоги раздраженія. Плохо жилось въ эти дни и работницамъ, и дѣтямъ.

— Пеструха вовсе сбавила молока,—жаловалась матушка, присаживаясь съ подойникомъ на крылечко рядомъ съ о. Христофоромъ.—Я все на Палашку думала, не продаиваетъ; сама сегодня доила, и двухъ кринокъ не будетъ. Къ Ильину дню, гляди, всѣ коровы сбавятъ, а ты гостей назвалъ! Затѣялъ крестины, когда самимъ ѣсть нечего!

— Все уладится, все уладится!—по привычкѣ отвѣчалъ о. Христофоръ, но въ словахъ его уже не звучала прежняя убѣжденность.

— Да! Сиди-ка сложа ручки, да жди, пока все уладится! Гости ѣсть и пить захотятъ, а гдѣ я возьму?—развела руками огорченная матушка.

— О. ректоръ можетъ раздумаетъ. Отъ города сорокъ пять верстъ на лошадяхъ, не ближній край. Напишетъ, что быть не можетъ, попроситъ его заглазно записать воспріемникомъ. Тогда мы крестины по-просту справимъ, безъ парада.

— Раздумаетъ онъ—дожидайся! Радехонекъ, поди, попить и поѣсть на чужой счетъ!

— Ну, полно, мать! Чего зря клевещешь! Не видалъ онъ нашего угощенія! Изъ расположенія согласился, а ты выдумала.

— У людей, какъ у людей, а у насъ Богъ вѣсть что!—не совсѣмъ складно выразила свои хозяйственныя печали заботливая матушка.—Вотъ, о. Гурію такъ полгоря! Хоть кого хошь, принять можетъ!

— Ему планета другая,—шутилъ о. Христофоръ,—онъ умѣетъ на обухѣ рожь молотить, а мы—нѣтъ.

— О немъ тоже дума у меня,—растравляла свои сердечныя раны матушка,—такъ и жду, что тебѣ бумага придетъ. Помнишь, онъ грозилъ, что переведутъ насъ на бѣдный приходъ? У него рука есть. А куда мы съ дѣтьми?

— Полно горевать, Анюта! Этимъ не поможешь, а тебѣ вредно.

— Хоть бы Господь сжалился!—вздохнула попадья, съ трудомъ поднимая подойникъ и удаляясь въ прохладный погребокъ, а о. Христофоръ принялся тихо напѣвать: «Волною морскою».

Такъ сидѣлъ онъ подъ вечеръ, на крылечкѣ, чуть слышно мурлыкая себѣ подъ носъ, когда во дворъ вступилъ Кирюшка, оборванный, босой дурачокъ изъ сосѣдней деревни.

— Тебѣ чего?—съ продолжительнымъ зѣвкомъ спросилъ о. Христофоръ.

— Антропъ къ тебѣ спосылалъ, батюшка.

— Да ты, дуракъ, сперва благословись, а потомъ разскажи толкомъ.

Кирюшка покорно сложилъ лодочкой грязныя ладони и громко чмокнулъ влажную батюшкину руку.

— Антропъ тебя звать велѣлъ,—почесывая въ прорѣхѣ грубой рубашки, сообщилъ онъ.

Его курносое, отъ солнца облупившееся лицо съ выраженіемъ серьезной озабоченности привело батюшку въ веселое настроеніе.

— Велѣлъ? Та-акъ-съ. Прекрасно. А не сказывалъ тебѣ Антропъ, зачѣмъ я ему такъ экстренно понадобился?

— Въ лѣсу онъ. Баитъ, икону нашелъ.

— Какую икону?—запыталъ о. Христофоръ.—Что ты путаешь! Г[illegible]ѣ Антропъ?

— Въ прилѣскѣ, за Черепихой. Право слово, икону нашелъ. Я самъ видалъ... махонькая такая, у самаго берега. Антропъ мнѣ н[illegible]казалъ: «Бѣги, молъ, Кирюха, скличь батюшку, а по дорогѣ ни-к[illegible]у баить не моги!»

— Ты, поди, всѣмъ разболталъ?

— Ни! Антропъ осерчаетъ.

— Ну, ладно. Жди тутъ, я сейчасъ. Проводишь.

О. Христофоръ почувствовалъ нѣкоторое волненіе. Разсказъ Кирюшки былъ несуразенъ, но, съ другой стороны, Антропъ—мужикъ умный, не позволитъ себѣ изъ-за пустяковъ тревожить священника.

— Что же это?—бормоталъ о. Христофоръ, натягивая старый подрясникъ.—Икона явленная, что ли? Да развѣ это такъ просто бываетъ? Предвѣстники должны быть... Теперь ни войны, ни бѣдствій народныхъ... время обыденное. Да и далеко мы отъ всякихъ событій, глушь, сѣрота... А въ Даниловѣ? Во Влахернѣ? Не такъ ли же было?—подсказала память.—Да и какихъ еще событій? Развѣ мало тревожнаго въ мірѣ? Оскудѣніе вѣры, умовъ броженіе, шатаніе прежнихъ устоевъ... Господи! Что же дѣлать? Что предпринять?...

Забывъ недавнюю истому, о. Христофоръ зашагалъ такъ, что Кирюшка трусцой едва поспѣвалъ за нимъ и только сопѣлъ на ходу.

Низкій перелѣсокъ изъ мелкихъ сосенъ, тонкихъ березъ и молодыхъ осинокъ въ одномъ мѣстѣ подходилъ вплотную къ рѣкѣ. Берегъ былъ отлогій, и вѣтки вербъ купались въ чистой водѣ. Уютно и прохладно было въ этомъ незатѣйливомъ, лѣсномъ уголкѣ. Недвижно, прозрачной стѣной, стояли зеленые стебли низкорослаго камыша, и вода, темная въ ихъ тѣни, дальше нестерпимо блестѣла на солнцѣ. Трепеща крылышками, порхали синія, словно выкованныя изъ темнаго металла, стрекозы, и, оставляя за собой далеко расходящіеся круги, сновали проворные водяные жуки. Ни звука, ни дуновенія. Изрѣдка, рѣзко, настойчиво начиналъ свою трескотню невидимый кузнечикъ и тотчасъ умолкалъ, точно изнемогая отъ неподвижнаго зноя

На самомъ берегу, скрестивъ руки и низко опустивъ курчавую голову, стоялъ плотный, пожилой мужикъ, въ темной рубашкѣ. Услыхавъ шаги, онъ пошелъ навстрѣчу о. Христофору, но ни торопливости, ни угодливости не было на его строгомъ, величавомъ лицѣ.

— Спасибо, что не полѣнился придти, батюшка,—сказалъ онъ какимъ-то особеннымъ, торжественнымъ голосомъ.—Я зналъ, ты повѣришь, что зря безпокоить не стану.

— Что случилось, Антропъ?—невольно понижая голосъ, какъ въ храмѣ, спросилъ о. Христофоръ.

— Да такое, батюшка, приключилось, что и разсказать не съумѣю. Шелъ я изъ Макарьихи, шелъ себѣ, разное думалъ... о покойницѣ о своей вспоминалъ... Частенько она мнѣ, голубушка, вспоминается; иной разъ, словно живую увижу... Самъ-отъ знаешь, какъ ж

по женѣ убивался: тосковалъ, сна рѣшился, виномъ зашибаться шибко сталъ. А потомъ, какъ ты меня на исповѣди усовѣстилъ, бросилъ я эту слабость, молился, постъ на себя наложилъ, и стало мнѣ вольготно! Видѣнія мнѣ во снѣ были... пѣніе ангельское слышалъ, двери райскія видѣлъ... И все думаю, какъ бы мнѣ царствія небеснаго сподобиться? Въ иноки бы ушелъ, да семья! Одинъ я добытчикъ. Такъ вотъ, шелъ этта я, молитву про себя творилъ... и вдругъ...—голосъ Антропа дрогнулъ; онъ ближе подступилъ къ о. Христофору.—И вдругъ слышу я, какъ бы вода журчитъ... таково чудно журчитъ!... «Съ чего бы?—думаю,—рѣчка у насъ тихая, прямая, да и берегъ въ этомъ мѣстѣ низкій, отлогій...» Глянь, вотъ туточка, у самаго бережку, ровно водоворотъ; такъ и кипитъ, такъ и вертитъ, словно въ котлѣ... А по самой середкѣ икона стоитъ!... Стоитъ этта въ водѣ, недвижима... А кругомъ-то бурлитъ, пѣна ходитъ, пузыри бѣгаютъ... ровно весной, въ буеракѣ... И свѣтъ, будто...

— Что же ты сдѣлалъ?

— Затменіе на меня нашло, батюшка. Не помню, какъ и въ воду вступилъ, какъ и святую икону на свои грѣшныя руки принялъ... Не я дѣйствовалъ, батюшка, а сила небесная...

— Куда же ты поставилъ ее?

— Вотъ она, здѣся.

Антропъ шагнулъ по направленію одной изъ ветлъ, осторожно развелъ руками вѣтки и отступилъ въ бокъ, давая дорогу о. Христофору.

Опираясь на толстый, короткій сукъ, почти не отличаясь цвѣтомъ отъ изрытой коры, стояла небольшая деревянная икона, настолько потемнѣвшая и мѣстами облупившаяся, что съ трудомъ можно было разглядѣть на ней очертанія одежды и лика.

О. Христофора точно кольнуло. Не такимъ представлялъ онъ себѣ въ глубинѣ души чудо. Въ сіяніи и блескѣ, яркое, дивное,—являлось оно ему и трепетомъ благоговѣнія наполняло смятенное сердце. А тутъ! Потемнѣвшій ликъ, дуплистое дерево въ скромномъ уголкѣ убогаго, сѣвернаго лѣсочка... Слезы умиленія и жалости задрожали на рѣсницахъ священника. Набожно положилъ онъ широкій, медленный крестъ и до земли склонился передъ старой, поникшей вербой. Поднялся и отошелъ снова къ берегу.

— Не знаю, что и сказать тебѣ, Антропушка,—ласково произнесъ послѣ нѣсколькихъ минутъ задумчивости о. Христофоръ.—Дѣло такое, не моему слабому разуму разсудить... Кабы поближе къ городу были, поѣхали бы посовѣтоваться, а здѣсь—къ кому пой-

дешь? Надо человѣка знающаго, Богу угоднаго, благочестиваго... Развѣ къ о. благочинному? Завтра утречкомъ съѣзжу-ко я! Онъ—старецъ святой жизни, всѣми уважаемъ... наставитъ меня, грѣшнаго, на путь, посовѣтуетъ... А ты, пока что, помолчи: не для чего народъ въ соблазнъ вводить.

— Правильно ты, батюшка, разсудилъ. Одному—какъ можно! Съѣзди къ о. Евгенію, онъ человѣкъ мудрый, несуетный. Помоги тебѣ Господи съ нимъ обсудить! А я болтать зря не люблю, не молоденькій; да и въ молодости того за мной не водилось.

— Съ Кирюшкой-то какъ?—опасливо спросилъ о. Христофоръ, кивнувъ въ сторону парня.

Антропъ взглянулъ на дурачка, безучастно слѣдившаго за полетомъ стрекозъ, и улыбнулся.

— Нечего о немъ, батюшка, безпокоиться: несмышленый онъ, мало что разумѣетъ, да и послухменный, что прикажу, то и ладно.

Дома о. Христофоръ не могъ удержаться, чтобы не шепнуть матушкѣ о случившемся. Анна Марковна переполошилась.

— Ты подумай!—воскликнула она, всплеснувъ руками.—Вѣдь, ежели икона въ самомъ дѣлѣ чудотворная, народъ къ намъ валомъ повалитъ! Молебны, крестные ходы... Здѣсь ближе Владычнаго нѣтъ чудотворной иконы... Изъ всѣхъ окрестныхъ приходовъ къ намъ пойдутъ... На худой конецъ въ первый же годъ сотнягу или двѣ зашибешь.

— У тебя только деньги да выгоды на умѣ,—необычайно сухо замѣтилъ женѣ о. Христофоръ и ушелъ отъ нея недовольный.

Ранехонько выѣхалъ о. Христофоръ къ благочинному и всю дорогу погонялъ гнѣдого. Дорогой онъ тщательно обдумалъ, что скажетъ доброму старцу, какъ объяснитъ свои сомнѣнія, страхъ передъ огромнымъ значеніемъ небывалаго въ его жизни событія.

Но ему не посчастливилось. О. Евгеній еще наканунѣ уѣхалъ по дѣламъ благочинія, и жившая у него вмѣсто хозяйки старшая дочь, вдова, не ждала его раньше ночи.

— Эхъ, досада!—почесывая въ густыхъ, смокшихъ волосахъ, проговорилъ о. Христофоръ.—Дѣло-то у меня такое, безотлагательное... Вы ужъ будьте добры, Варвара Евгеньевна, передайте о. Евгенію, что я завтра къ вечеру опять побываю.

— Да вы бы остались, о. Христофоръ! Батюшка безпремѣнно къ ночи вернется.

— Не могу! Никакъ не могу!—отнѣкивался о. Христофоръ, вступая въ прохладныя сѣнцы, уставленныя кадушками, корзинами и увѣшанныя хомутами.

— Такъ скажите по крайности, въ чемъ у васъ нужда-то? Я передамъ,—предложила вдова, лакомая до новостей изъ духовной среды.

— И этого не могу! Дѣло совсѣмъ особенное, не для бабьяго ума,—обмолвился и тотчасъ смутился о. Христофоръ.—Ужъ вы не прогнѣвайтесь... Мнѣ самому необходимо увидать о. благочиннаго.

— Чайку-то вы откушайте! Жаръ этакой, а вамъ безъ мала двѣнадцать верстъ ѣхать. Выкушайте, не побрезгуйте. И конёчекъ вашъ отдохнетъ.

Отказаться было неловко. О. Христофоръ прошелъ въ зальцу и довольно долго ждалъ тамъ одинъ. Варвара Евгеньевна появилась наконецъ съ подносомъ въ рукахъ. Она успѣла принарядиться, наколола на рѣдкіе волосы черное кружево и поношенное ситцевое платье прикрыла черной, шелковой пелериной.

Проворно разставивъ посуду и заваривъ чай, она усадила гостя и принялась передавать ему всевозможныя сплетни, до которыхъ была охотница. Благодаря страсти подслушивать и подглядывать, она знала прекрасно всѣ дѣла благочинія, а чего не знала, добавляла своей собственной, пылкой фантазіей.

Съ чисто-женскимъ лукавствомъ, она нѣтъ-нѣтъ задавала неожиданный вопросъ, надѣясь поймать о. Христофора врасплохъ и такимъ путемъ вывѣдать причину, приведшую его въ ихъ домъ.

— А дѣло-то ваше, не опять ли ссора съ о. Гуріемъ?—спрашивала она, точно вскользь.—Помнится, вы какъ-то у батюшки на именинахъ сильно повздорили. Пренепріятный, можно сказать, нравъ у о. Гурія.

— Нѣтъ. Что же, то дѣло прошлое,—отнѣкивался о. Христофоръ.

— А вы съ малиновымъ,—придвигая хрустальную вазочку съ вареньемъ, потчевала вдова,—ваша матушка мастерица варенья да соленья разныя припасать... А не съ крестьянами у васъ дѣло? Намеднись у о. Артемія Грибцовскаго мужики лугъ самовольно выкосили.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я съ крестьянами живу дружно,—говорилъ о. Христофоръ, звучно прихлебывая съ блюдечка неостывающій чай.

— То-то. Теперь это случается. Времена такія. Покорности н[illegible]ъ. Вѣрите, и среди духовныхъ неповиновеніе старшимъ замѣч[illegible]тся. Въ Троицкомъ—слышали? Псаломщикъ ужъ на что мозглякъ, п[illegible]смотрѣть не на что, а на Святой напился пьянъ, да у о. Григорія к[illegible]стъ отобралъ, они по приходу ходили, унесъ къ себѣ, заперъ д[illegible]ръ, да въ окно кричитъ: «Давай, батька, выкупъ!» Срамъ просто!

— Слышалъ объ этомъ,—печально отозвался о. Христофоръ.

И долго еще томился онъ, выжидая минуты, когда изсякнетъ потокъ рѣчей Варвары Евгеньевны, и можно будетъ, безъ обиды для нея, встать и распрощаться.

Солнце жгло немилосердно, когда о. Христофоръ выѣхалъ обратно. На западѣ чернѣла огромная туча, и жаръ становился особенно жгучимъ передъ грозой. Цѣлые рои оводовъ облѣпили несчастнаго гнѣдого, да и спина о. Христофора немало страдала отъ нихъ. Дорога, какъ нарочно, шла полемъ, и тѣни не было на всемъ ея протяженіи.

На первыхъ порахъ о. Христофоръ дѣятельно отбивался отъ оводовъ и обмахивалъ гнѣдого большой вѣткой рябины, сломанной въ саду благочиннаго. Но жаръ поборолъ его. Онъ бросилъ вѣтку и, зажмуривъ глаза, дремотно покачивался въ телѣжкѣ, предоставивъ полную свободу своему мерину, который то и дѣло останавливался, чтобы тряхнуть головой или ударить ногой по животу, сплошь усыпанному кровожадными оводами. Капли пота и крови выступали на бѣдномъ животномъ, да и хозяинъ его совсѣмъ осовѣлъ и раскисъ.

Матушка встрѣтила мужа съ тревожнымъ, сердитымъ лицомъ.

— Пойдемъ-ка въ горницу, что я тебѣ скажу,—проговорила она, нетерпѣливо дергая за рукавъ о. Христофора, едва онъ вылѣзъ изъ телѣжки.—Семенъ распряжетъ. Пойдемъ-ка со мной.

— Кваску бы мнѣ... холодненькаго,—едва шевеля запекшимися губами, попросилъ о. Христофоръ.

Но матушка, всегда внимательная къ требованіямъ мужа, на этотъ разъ пропустила его просьбу мимо ушей и, не выпуская изъ рукъ рукава его подрясника, увлекла его въ спальную и затворила за собой дверь.

— Дѣла!—вздохнула она, въ изнеможеніи садясь на постель.— Пока ты разъѣзжалъ да совѣтовался, о. Гурій не зѣвалъ: икону-то явленную у тебя изъ-подъ носу стянулъ!

— Да ну?—недовѣрчиво воскликнулъ о. Христофоръ.

— Чего нукаешь, ворона!—вышла изъ себя матушка.—Только глазами хлопаетъ. Экій увалень, прости Господи! Отецъ-отъ Гурій поумнѣе тебя: сразу смекнулъ, гдѣ нажиться можно; не зѣвалъ, не откладывалъ, собралъ народъ, объявилъ, да на площади никакъ ужъ десятый молебенъ служитъ, двугривенные да полтины обираетъ.

— Какъ онъ узналъ?

— Эхъ ты, мудрено узнать! Кирюшка дуракъ по всѣмъ деревнямъ раструбилъ... Нашли тоже товарища!... О. Гурій—не промахъ, не тебѣ чета.

— Гдѣ Антропъ?—спросилъ въ замѣшательствѣ о. Христофоръ.

— Да гдѣ и всѣ. На площади. Народу-то сколько!... Съ горы

видно... Въ ярманку меньше бываетъ... И родіоновскіе, и шабаровскіе, и наши замошскіе. Изъ Пріютова господа пріѣзжали, въ коляскѣ... Ты, вѣдь, почитай, цѣлый день проѣздилъ, мало ли здѣсь дѣловъ успѣли обдѣлать!... Ну, что о. Евгеній? Что сказалъ? Отчего съ тобой не пріѣхалъ?

— Я его не засталъ.

Матушка руками всплеснула.

— Такъ это ты съ Варькой-то столько времени хороводился!... Ну, не ворона ли? Извольте радоваться! Здѣсь дѣло важное, а онъ сидитъ себѣ да бабьи сплетни слушаетъ... Гдѣ тебѣ попомъ быть! Ты и коровъ пасти не сумѣешь!...

— Постой, Анюта,—остановилъ не въ мѣру расходившуюся жену о. Христофоръ.—Дай чуточку опомниться. Я виноватъ, что замѣшкался, но жара-то какая! Лошадь замаялась. Разскажи мнѣ по порядку, что тутъ стряслось?

— Ничего я не знаю, нечего мнѣ разсказывать,—со слезами въ голосѣ отвѣтила попадья.—Я не ходила туда, стыдно мнѣ... смѣяться вѣдь будутъ... Срамъ какой! Хорошъ попъ, икону въ своемъ приходѣ явленную удержать не сумѣлъ!... Выгоду свою не могъ соблюсти!...

— Оставь это. Про икону разскажи. Какъ она у о. Григорія очутилась?

— Говорятъ, по водѣ приплыла къ его мостику... Кухарка его утресь нашла... Я такъ думаю, самъ онъ принесъ ее... Хитрый онъ. Не даромъ грозился, что мы его помнить будемъ.

Выпивъ большой ковшъ холодной воды и приведя свою наружность въ возможный порядокъ, о. Христофоръ направился въ Лыскарево.

Съ горы было видно необычайное оживленіе на томъ берегу. По всѣмъ направленіямъ двигались кучки народу, все прибывшаго въ Лыскарево. Около церкви толпа сгустилась, развѣвались хоругви, сверкало облаченіе, и можно было разглядѣть, какъ, истово крестясь, поднимались десятки рукъ.

О. Христофоръ перешелъ на ту сторону и ясно услышалъ церковное пѣніе.

Служили молебенъ. О. Гурій, въ голубой съ золотомъ ризѣ, которую надѣвалъ въ двунадесятые праздники, стоялъ передъ аналоемъ. На парчевой пеленѣ лежала найденная Антропомъ икона. У подножія аналоя красовались изрядныя кучи пряжи, холста и полотенецъ,—приношенія богомольныхъ бабъ. Кошолка съ яйцами и пирогами стояла отдѣльно. Сѣдой, толстый Кондратьичъ держалъ въ

рукахъ тусклое блюдо, на которомъ грудились серебряныя и мѣдныя монеты.

Въ толпѣ о. Христофоръ разглядѣлъ и своихъ прихожанъ.

Вотъ—Потапъ, въ новомъ армякѣ, съ чисто вымытымъ лицомъ, стоитъ неподвижно, словно въ экстазѣ, и крѣпко прижимаетъ къ груди узловатыя руки. Вотъ—старая Федора, повязанная темнымъ платкомъ, тихо шепчетъ молитву, и слезы, свѣтлыя, быстрыя, бѣгутъ по безчисленнымъ морщинамъ ея лица. Вотъ—молодая красавица Лукерья, жена стараго, хвораго Осипа. У нея на рукахъ хилый, блѣдный мальчуганъ, съ большой головой. Она приподняла его, и сама глядитъ впередъ, на икону, большими, немигающими, прекрасными глазами. Вся фигура ея, сильная, стройная,—одинъ страстный, могучій порывъ, мольба къ высшему милосердію. Вотъ и Антропъ. Онъ стоитъ нѣсколько поодаль, и на него съ любопытствомъ посматриваютъ окружающіе. Выраженіе его—спокойное, сосредоточенное, какъ у человѣка, разрѣшившаго наконецъ трудную, жизненную задачу.

О. Христофоръ протискался къ нему.

— Ты что же это, Антропъ, меня не дождался?—окликнулъ онъ мужика.

Медленно повернулъ тотъ голову.

— Я тутъ, батюшка, не при чемъ. Воля Господня.

— Что такое «воля Господня»?

— Да вотъ, это самое. Съ иконой значитъ. Какъ приказалъ ты молчать, я ни слова. А только ночью, признаться, сморило меня, уснулъ подъ кустомъ. Проснулся—глядь, иконы-то нѣтъ! Испужался я, инда похолодѣлъ весь, слова рѣшился... Пошелъ, самъ не знаю куда... А навстрѣчу мнѣ Алешка бѣжитъ замошскій, «бѣжи, кричитъ, въ Замошье; икона явленная открылась, противъ воды къ берегу приплыла!» Пришелъ я сюда,—народу!... О. Гурій молебенъ служитъ... разбудили его... Его, слышь, работница первая увидала... у самаго плота... Не захотѣла, знать, Царица Небесная въ лѣсу скрываться, объявилась народу... противъ теченія Владычица приплыла... И теперь, батюшка,—продолжалъ Антропъ, обращаясь къ безмолвно потупившемуся о. Христофору:—такое рѣшеніе я принялъ Все достояніе на церковь отдамъ, а самъ пойду на колоколъ собирать... Самъ знаешь, какой здѣсь колоколъ малый да плохой!... Потружусь для храма Господня, сколько Заступница позволитъ, а тамъ—въ монастырь, на покой... Такъ я надумалъ... И о. Гурій одобряетъ... даве я говорилъ ему...

— А дѣти твои, Антропъ? Какъ же съ ними?—горячо загов

рилъ о. Христофоръ:—Ты будешь спасать свою душу, а они останутся на чужихъ рукахъ да еще въ бѣдности!

Волненіе священника не нарушило душевнаго покоя Антропа. По его лицу скользнула легкая усмѣшка и тономъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ неразумнымъ дѣтямъ, онъ возразилъ о. Христофору:

— Богъ-то поважнѣе дѣтей, батюшка! Кто о дѣтяхъ да о мірскомъ благѣ печется, тотъ и царства небеснаго лишиться можетъ! Вотъ, вы, не въ обиду будь сказано, о своихъ дѣтяхъ попеченіе имѣете, а святая икона въ нашемъ приходѣ остаться не пожелала... Вѣрно о. Гурій говоритъ, кто о своей пользѣ заботится, тотъ Бога не помнитъ... Вотъ, и хочу я, хоть на старости лѣтъ, послужить Господу моему...

Тихо отошелъ отъ Антропа о. Христофоръ. Мысли его путались и кружились, какъ птицы, спугнутыя съ привычнаго ночлега.

Въ усталыя глаза привѣтливо метнулась знакомая фигура кузнеца. О. Христофоръ быстро подошелъ къ нему и потянулъ за рукавъ армяка.

— Это ты, батюшка, о. Христофоръ!—радостно, возбужденно воскликнулъ Потапъ:—Я ужо тебя поминалъ, «гдѣ—молъ—батюшка-то нашъ? Порадовался бы съ нами!» Помнишь, ты меня спрашивалъ, хотѣлъ бы я чудо видѣть? А вотъ, и привелъ Господь! Радость-то! Господи! Какъ мы, грѣшные, и смогли такую радость перенесть! Владычица Небесная насъ посѣтила!... И смотри!—голосъ Потапа принялъ оттѣнокъ торжественности,—смотри! Мало вы съ о. Гуріемъ молебновъ пѣли? Мало вы молились и свѣчей ставили?—Не было дождя! Измаялась земля-матушка, горѣла трава, сохла рожь-кормилица!... А теперь!...

Широкимъ движеніемъ большой, сильной руки Потапъ указалъ на поднимавшуюся все выше и выше огромную тучу. Зубчатый край ея достигалъ уже солнца. Предвѣстникъ-вѣтеръ пробѣгалъ по тихой глади рѣки, приподнималъ тяжелыя лопасти хоругвей, передники бабъ, русые волосы о. Христофора. Закружилась пыль и легкимъ облакомъ бѣжала къ рѣкѣ.

— Гляди! Гляди!—восклицалъ Потапъ:—Прямо сюда идетъ! Идемъ прольется, поля освѣжитъ. Благодать-то какая! Господи! ...чъ мы, грѣшные, заслужили милость Твою?

Первыя, крупныя капли лѣниво зашлепали по сухой, треснувшей ...лѣ. Молебенъ кончился. О. Гурій высоко поднялъ съ аналоя ико... и осѣнилъ ею народъ. Взглядъ его безпокойно скользилъ по толпѣ ...а минуту остановился на о. Христофорѣ не то съ тревогой, не то

съ вызовомъ. Подняли хоругви, крестъ, и нестройной толпой направились въ настежь открытыя церковныя двери.

О. Христофоръ поплелся одиноко домой.

Дождь полилъ вдругъ сильный, могучій; стемнѣло, запестрѣла рѣка, и шаткія, скользкія лавы затрещали, загнулись подъ напоромъ вѣтра.

О. Христофоръ не обращалъ на это вниманія. Голова его горѣла, и онъ съ наслажденіемъ подставилъ ее свѣжей струѣ. Въ душѣ его роились сомнѣнія, и мысли пугали его самого своей мрачностью.

Насилу добрелъ онъ домой по вязкой глинѣ пригорка, молча сѣлъ за столъ, односложно отвѣчалъ на терпѣливые разспросы жены, ни разу не пошутилъ съ ребятишками. Послѣ обѣда онъ заперся въ крошечномъ кабинетѣ и, запустивъ пальцы въ густыя кудри, глубоко задумался.

Борьба въ немъ шла такая, какую ему не доводилось переживать за всѣ пятнадцать лѣтъ священства. Глубоко потрясло его то, что онъ видѣлъ въ Лыскаревѣ, и жалость къ темному люду, къ его дѣтской вѣрѣ, простодушію—болью сжимало его грудь. Онъ чувствовалъ, что не можетъ остаться безмолвнымъ свидѣтелемъ, и въ то же время не зналъ, чтò предпринять. Какъ говорить съ о. Гуріемъ, тревожный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующій взглядъ котораго былъ ему слишкомъ понятенъ!

— Не повѣритъ! Подумаетъ, я изъ зависти, изъ корысти...— твердилъ онъ, безпокойно двигаясь на жесткомъ соломенномъ стулѣ.—Гдѣ взять краснорѣчія? Гдѣ найти убѣдительныхъ словъ? Чѣмъ тронуть зачерствѣлое сердце?

Взглядъ о. Христофора упалъ на запыленную, по краямъ пожелтѣвшую тетрадь, давно валявшуюся на его столѣ. Въ первые годы своего служенія онъ задался цѣлью написать нѣсколько проповѣдей, доступныхъ пониманію окружающихъ его бѣдныхъ крестьянъ. Но съ первыхъ же строкъ о. Христофоръ запутался въ цѣломъ лѣсѣ противорѣчій, недоумѣній,—и тетрадь осталась лежать на столѣ, старая, пыльная, напоминая ему всякій разъ о его неспособности.

— Куда мнѣ съ краснорѣчіемъ!—усмѣхнулся онъ и на этотъ разъ.—Одна надежда на то, что сказанное отъ сердца—сердцемъ пріемлется...

Стемнѣло. Ливень перешелъ въ тихій, частый дождичекъ. Отъ усталой, изморенной зноемъ земли поднимался свѣжій, душистый паръ. Деревья изрѣдка шевелили вѣтвями, и тогда съ нихъ срывались тяжелыя струи дождевой воды. Тучи рѣдѣли. Кое-гдѣ любопыт-

но и ласково мигали свѣтлыя звѣздочки. Рѣка, темная и прохладная, отражала въ себѣ небо и звѣзды.

О. Христофоръ шелъ быстро, рѣшительно. И только, когда очутился на той сторонѣ, у плотно затворенныхъ воротъ о. Гурія, онъ на секунду замедлилъ твердые шаги, замялся, почти повернулъ обратно. Но секунда раздумья прошла, и его полная, мягкая рука легла на скобу калитки.

— Кто тамъ?—окликнулъ вскорѣ голосъ самого хозяина.

— Это я... впустите меня, о. Гурій!—отозвался о. Христофоръ.

Сдвинулся тяжелый засовъ, и при блѣдномъ свѣтѣ лѣтней ночи показался о. Гурій, высокій и тонкій въ стареномъ домашнемъ подрясникѣ.

Мелькомъ взглянувъ на о. Христофора, онъ молча пропустилъ его мимо себя, снова заперъ калитку и вмѣстѣ съ гостемъ вошелъ въ домъ.

Въ небольшой, чинно уставленной залѣ было довольно темно. Только красный огонекъ въ высоко подвѣшенной лампадѣ боролся съ темнотой. Призрачно, непривычно выступали изъ темноты самые простые предметы.

О. Гурій стоялъ, выжидая.

— Я пришелъ такъ поздно, о. Гурій,—смущенно началъ о. Христофоръ:—я не могъ уснуть... Мнѣ нужно было поговорить съ вами... Эти люди... они вѣрятъ, какъ дѣти... Не должны ли мы оберегать вѣру ихъ?...

Молча скрестилъ на груди руки о. Гурій. Лицо его было такъ блѣдно, что бѣлымъ, мѣловымъ пятномъ выдѣлялось изъ мрака. Онъ часто дышалъ и поводилъ плечами, будто съ дрожью.

— Чего вы хотите отъ меня?—тихо спросилъ онъ.

— Правды, о. Гурій! Только правды!—громко, сильно произнесъ о. Христофоръ.—Я вѣрю въ чудесное, но здѣсь сомнѣніе смущаетъ меня... Скажите же мнѣ, заклинаю васъ, скажите какъ братъ, какъ священникъ, скажите! Успокойте мое тревожное сердце, дайте миръ моей душѣ, тяжко страждущей!...

— Спросите!—глухимъ, отрывистымъ звукомъ слетѣло съ устъ о. урія.

— Нѣтъ, спрашивать я не хочу. Я не хочу быть допросчикомъ, су[illegible]ей моего брата. Ваше молчаніе мнѣ будетъ отвѣтомъ... О. Гурій, чт[illegible]къ вы молчите?

[illegible]. Гурій не шевелился. На сердечный вопль о. Христофора онъ не [illegible]озвался ни единымъ звукомъ. Плотно сжатыя губы не пророни-

ли ни слова. Высокій, прямой, онъ стоялъ неподвижно, и только слышно было, какъ дыханіе его трепетало въ стѣсненной груди.

Быстро прошелся по комнатѣ взволнованный о. Христофоръ и снова подошелъ къ нему.

— Если такъ, то что же вы дѣлаете?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.—Я не хочу, не могу допустить мысли, что вы сознательно... Нѣтъ, о. Гурій! Вы сами того не хотѣли... Вы поступили необдуманно, поспѣшили... И теперь трудно вамъ... Такъ послушайте же меня! Поѣзжайте къ о. благочинному, отвезите икону... Все разскажете ему, пусть онъ разсудитъ... Пусть не будетъ тайны, соблазна... Пусть народъ успокоится... Скажите слово, и я пойду сейчасъ, ночью... все передамъ, все исполню...

О. Гурій молчалъ. Все чаще, все глубже подымалась его впалая грудь, руки крѣпко сжимались, по лицу пробѣгала мелкая судорога. Онъ боролся съ собой.

О. Христофоръ близко придвинулся къ нему и своей горячей рукой схватилъ его руку.

— О. Гурій! Вспомните слова: «Аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ...» Не за себя молю, не изъ корыстолюбія, не изъ личной вражды... Ради малыхъ сихъ, во тьмѣ пребывающихъ... Пощадите ихъ вѣру! Не вводите ихъ во искушеніе! Какъ пастырь духовный, какъ отецъ, какъ хранитель душъ ихъ, молю!...

Слезы катились по лицу о. Христофора. Онъ протянулъ руки и тяжело упалъ на колѣни передъ о. Гуріемъ.

— Дерзновенно молю! Не отступлю отъ тебя!...—звенящимъ, какъ струна, голосомъ восклицалъ онъ и вдругъ услыхалъ надъ собой долгій, трепетный вздохъ.

— Встань, братъ мой!—раздался въ темнотѣ слабый до неузнаваемости голосъ о. Гурія:—Встань! Что преклоняешь колѣна передо мной, недостойнымъ! Встань!

Едва о. Христофоръ грузно поднялся съ полу, о. Гурій вышелъ изъ залы и тотчасъ вернулся съ большимъ церковнымъ ключомъ.

— Пойди, возьми и дѣлай, какъ говорилъ!—совсѣмъ изнемогающимъ шопотомъ произнесъ онъ, дрожащей рукой подталкивая о. Христофора къ двери.

Громко хлопнула калитка.

О. Христофоръ очутился одинъ, среди благоухающей ночной тишины. Рука его безотчетно сжимала холодный, желѣзный ключъ, все тѣло еще содрогалось отъ недавнихъ, искреннихъ слезъ, а въ душѣ мощный голосъ пѣлъ и славословилъ побѣду правды и вѣры.

М. Межакова.

Агасферъ въ пустынѣ.

Все безконечностью томятъ меня кошмары.
Они однообразны. Всплески водъ,
Въ свинцовыхъ облакахъ громовъ удары,
Неотразимый небосводъ.
Лазурной чашей небеса нависли.
Иду, закрывъ глаза. Обманчивая тьма:
Подъ ней, клубясь, кипятъ все тѣ же, тѣ же мысли,
Все тѣ же призраки отжившаго ума.
Безсиленъ этотъ умъ расширить кругъ видѣній,
Въ немъ грёзы старыя роятся сотни лѣтъ.
Въ толпѣ проходитъ смѣна поколѣній,
А для меня и смѣны мыслямъ нѣтъ.

Когда-то были дни тревоги, дни исканій.
Какъ молодо кипѣлъ и бился ихъ родникъ!
Я жадно собиралъ въ умѣ обрывки знаній,
Я передумалъ милліоны книгъ.
Но вывѣтренный мозгъ изсохнулъ незамѣтно
И, утомясь, навѣкъ воспринялъ пустоту.
Наскучили и сны души безцвѣтной,
До дна исчерпавшей мечту.
Все улеглось давно и все перекипѣло.
Смирясь, иду впередъ. Знакомые пути
Завидѣли мое изношенное тѣло...
О, сколько мнѣ еще, еще идти!
Проклятый кругъ земли! Мнѣ все въ тебѣ знакомо,
И тайны полюсовъ, и гулъ народныхъ массъ;
Въ любомъ углу земли я буду вѣчно дома,
Въ любомъ углу земли я былъ десятки разъ.

Одно лишь мѣсто есть, одно... Туда не смѣю
Я близко подойти, туда боюсь взглянуть.
Едва приблизившись, нѣмѣю:
Оттуда, съ той горы я началъ путь.
Тамъ изъ кровавыхъ устъ раздался скорбный голосъ.
Въ тѣ дни я былъ великъ, а Онъ такъ слабъ.
Съ смиреньемъ Божества мощь Разума боролась.
Но взялъ Онъ смерть мою, и вотъ—я рабъ.
За долгіе вѣка несетъ мученья
Мой одинокій духъ. Но гордому врагу
Не побѣдить его. О, мщенья, мщенья—
Вѣдь я еще отмстить Тебѣ могу!
Отдай мнѣ смерть, разбей на мнѣ оковы,—
Тогда борись со мной!...
Угрозы и мольбы
Стихаютъ. Небеса прекрасны и суровы.
Свобода—далеко. Кругомъ—рабы.

Борисъ Садовской.

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ.

Съ итальянскаго.

I.

Зачѣмъ?

Зачѣмъ пишу? Зачѣмъ упорно припоминаю? Къ чему копаться въ больной душѣ, все больше растравляя рану, когда такъ хорошо было бы не помнить, не чувствовать? Забыть, Боже мой, забыть!

Но, какъ изувѣченный въ бою, прикованный страшными чарами отчаянія и ужаса, не отрываясь, глядитъ на страшный обрубокъ, изъ котораго вытекаетъ вся кровь его жилъ, такъ и я все больше ухожу въ созерцаніе своего безконечнаго горя.

Быть можетъ, припоминая по порядку прошлое и вглядываясь въ настоящее (въ будущее не смѣю заглянуть, оно ускользаетъ отъ меня, неуловимое, мрачное, грозное!), я спасу свой разсудокъ отъ гибели; быть можетъ, умственная работа поможетъ мнѣ воспрянуть духомъ. Ибо я уже чувствую, какъ сумерки окутываютъ мою душу, и все мѣшается въ моей памяти; иной разъ мнѣ кажется, будто все пережитое пережито не мной, а другой женщиной, которую я знала когда-то давно и, слушая повѣсть ея жизни, вся дрожала отъ страха. Какъ? Я—та самая Линда, у которой былъ свой родной домъ, гдѣ звучалъ дѣтскій смѣхъ,—та самая, что прятала голову на плечѣ ца и слушала мягкія добрыя ласковыя слова,—та самая, что плала на колѣняхъ у матери?... плакала, да, но то были другія, друслезы!... Я—та Линда, что, взявши за руки своихъ дѣтей, гуляла ними по улицамъ города, и люди смотрѣли намъ вслѣдъ и говоли: «Что за прелестныя дѣти!» (мальчикъ весь въ бѣломъ, а дѣка въ голубомъ). Или всѣ трое уходили въ лѣсъ и, бродя по цвѣщимъ тропинкамъ, смотрѣли на небо, и Линда говорила дѣтямъ:

— Смотрите, какъ красиво! Все это создано Богомъ. Какой онъ добрый!

(Кто это смѣется? Чей это голосъ злорадно шепчетъ мнѣ: Нѣтъ, нѣтъ, Онъ не добръ!... Это, навѣрное, злобный духъ, который хочетъ погубить мою душу).

Скажите же мнѣ: я ли та Линда? Но тогда кто же эта другая, у которой нѣтъ больше дѣтей, нѣтъ никого родного и близкаго, которая разучилась плакать,—такъ окаменѣло ея сердце; эта другая, сносящая самыя тяжкія обиды, отданная на позоръ и презрѣніе общества, запертая въ клѣтку, какъ дикій звѣрь? Ни ясное небо, созданное Богомъ для всѣхъ, ни свободное солнце,—не для нея; ей уже нельзя бродить по лугамъ, чувствуя въ своихъ рукахъ ручонки своихъ дѣтей! Почему? почему нельзя? Потому что все это отняли у нея жестокіе люди,—и дѣтей, рожденныхъ ею, и вольный воздухъ, и небо, и солнце. Какъ же это могло статься? Ахъ, здѣсь память измѣняетъ мнѣ и разумъ мой пасуетъ передъ этой страшной нелѣпостью. А между тѣмъ, мнѣ нельзя, нельзя сходить съ ума.

Нѣтъ, нѣтъ, дайте вспомнить. Кто прочтетъ написанное мною? кто увидитъ слѣды моихъ слезъ на этихъ страницахъ? Навѣрное, немногіе. Пусть, я буду писать для этихъ немногихъ. Что станется со мной? Умру ли я здѣсь, въ этихъ стѣнахъ? Возможно. И то уже чудо, что я до сихъ поръ жива. Удивительно, сколько живучести въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ, уже надорванномъ болѣзнью и прежними страданіями!

Вотъ ужъ три года я терплю такія муки, какія невозможно извѣдать человѣку, не потерявъ разсудка,—и всетаки жива. Или это знакъ, что Богу неугодно, чтобы я такъ и умерла съ этимъ позоромъ,—что Онъ хочетъ дать мнѣ время выкупиться изъ неволи, снять съ себя клеймо преступленій, которыхъ я не совершала? Самонадѣянно, конечно, думать такъ, но могу ли я думать иначе?

Я могу умереть, пасть подъ этимъ непосильнымъ бременемъ, и тогда имя Линды Мурри останется въ памяти многихъ символомъ жестокости, извращенности преступленія. Съ этой мыслью примириться я не могу, она для меня мучительнѣй всего остального. *Когда меня не будетъ,* имя мое будетъ произноситься съ дрожью отвращенія, какъ имя хладнокровной и жестокой убійцы? Нѣтъ, нѣтъ, не могу, этого мнѣ не снести! Ты знаешь, Господи, не изъ одной только суетной гордости я дрожу за свое имя и память, не желая, чтобы они были покрыты вѣчнымъ стыдомъ, но и потому также (Ты, читающій въ сердцахъ, знаешь это!), что мое имя и память принадлежатъ моимъ бѣднымъ дѣтямъ. Вѣдь материнскій стыдъ падетъ на нихъ.

Неужели Ты допустишь, чтобъ и они дѣлили со мной позоръ преступленія мною, не совершоннаго? Неужели не дашь мнѣ силы оградить ихъ отъ безчестья, неправедно павшаго на меня—во имя *правосудія?*

О, Богъ униженныхъ, пошли же мнѣ эту силу, дай мнѣ найти слова, какія нужно, чтобы убѣдить и самыя ожесточенныя сердца!

Пока я сидѣла здѣсь, въ этой страшной тюрьмѣ, другіе говорили въ мою защиту... говорили хорошія и умныя слова, но не тронули сердецъ моихъ судей. Смогутъ ли мои безсвязныя рѣчи сдѣлать больше, чѣмъ искусныя рѣчи моихъ адвокатовъ? Ты, Господи, можешь сдѣлать для меня это чудо,—Ты, влагающій великую силу убѣжденія въ уста смиренныхъ, Ты, воздвигающій униженныхъ и угнетенныхъ, взывающихъ къ Тебѣ изъ глубины бездны!

II.

Семейство Мурри.

Такъ какъ позоръ и безславіе, которымъ покрыты мы съ моимъ бѣднымъ братомъ, пали и на всю нашу семью, слѣдовательно, и на моего дѣда по отцу, мнѣ хочется сказать словечко и о немъ, чей милый образъ съ мучительнымъ и нѣжнымъ упорствомъ встаетъ въ моей душѣ. Милый, добрый дѣдъ! Милая сѣдая голова, которая въ дѣтствѣ казалась мнѣ окруженной сіяніемъ! И эти почтенныя сѣдины также пытались забрызгать грязью!

Лично я о немъ знаю немногое, но родственники, друзья и всѣ знакомые отзывались о немъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ безукоризненной честности, высокаго ума, горячо любившій свою родину, для которой онъ съ радостью пожертвовалъ состояніемъ и свободой.

Я была еще ребенкомъ и любила въ немъ только добраго дѣдушку, ничего не зная о его политической дѣятельности. Но теперь, когда *я знаю,* вся душа моя наполняется горечью и негодованіемъ при мысли о той грязи, которой хотѣли забрызгать его. И за что, Боже мой! Развѣ мало жертвъ и безъ него?

Мы, внуки, страшно любили дѣда. Для насъ было лучшимъ праздникомъ погостить у него въ Фермо. Иногда онъ съ бабкой пріѣзжали къ намъ въ гости въ Болонью, и появленія милыхъ старичковъ въ нашемъ домѣ и сейчасъ вспоминаются мнѣ, какъ яркіе и теплые лики въ моемъ холодномъ дѣтствѣ. Мы съ моимъ бѣднымъ Нино *на собственныя деньги* ѣздили къ дѣду и бабкѣ—на тѣ деньги, что давалъ намъ отецъ въ награду за хорошее поведеніе или выученный

урокъ,—и мы не могли найти имъ лучшаго употребленія. А какъ было горько разставанье, какъ мы оба плакали, прощаясь.

Когда мы подросли, Нино сталъ предпочитать дѣда, въ которомъ онъ видѣлъ воплощеніе силы и доброты; я же всегда больше любила бабушку, добрую хлопотунью-хозяйку, всегда кроткую и терпѣливую, всегда озабоченную—у нея столько было хлопотъ съ ея огромной семьей! Помню ея доброе лицо, ея улыбку. Она такъ баловала насъ. По ея мнѣнію, и отецъ нашъ былъ слишкомъ строгъ, и она всякій разъ плакала, когда насъ бранили или наказывали; нервность же матери, особенно рѣзкой и нетерпѣливой со мною, прямо приводила ее въ отчаяніе. У меня такъ свѣжи въ памяти ея любовныя предостереженія, ея ласки, и хотя дѣдъ тоже очень любилъ меня, я больше времени проводила съ бабушкой и вспоминаю ее съ бо́льшей нѣжностью—можетъ быть, потому, что ношу ея имя (злосчастное имя Теодолинды!), можетъ быть, потому, что я знала, что отецъ мой безгранично любилъ ее и что она никогда не была особенно счастлива.

Дѣдъ былъ натура героическая, великодушная, порывистая, жадная до удовольствій и новизны, не знавшая удержу своимъ желаніямъ—оттого, можетъ быть, и предпочиталъ его бѣдный Нино, что самъ онъ былъ таковъ же. Это-то и сгубило насъ обоихъ.

Дѣдъ былъ такъ добръ, такъ благороденъ,—а между тѣмъ онъ не сумѣлъ сдѣлать счастливой свою жену, такую добродѣтельную и любящую. Почему? Не грустно ли видѣть, что одной доброты мало, что въ практикѣ жизни отъ героическихъ добродѣтелей меньше пользы, чѣмъ отъ скромныхъ достоинствъ, что простое сердце и средній уровень развитія сплошь и рядомъ даютъ счастье себѣ и другому; все же пылкое, безпорядочное, неудержимое—губитъ?

Бабушка, на старости лѣтъ разбитая параличомъ, утратившая память и ясность разсудка, прикованная къ своему большому креслу, была предметомъ общей нашей жалости и поклоненія. Только при видѣ насъ, любимыхъ внуковъ, въ ней загоралась искорка сознанія, и она смѣялась и плакала вмѣстѣ съ нами. Помню, какъ слезы катились по исхудалому старческому лицу, помню себя на колѣняхъ, у ногъ ея, кормящей ее съ ложечки, какъ ребенка. И она, хоть тогда почти ничего ужъ не ѣла, старается проглотить, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

Бѣдняжка! Мы, дѣти, слышали какія-то таинственныя рѣчи о горестяхъ въ ея семейной жизни, повергнувшихъ ее въ это печальное состояніе, и наши дѣтскія сердца переполнялись обидой и негодованіемъ противъ дѣда—хотя онъ, бѣдный, наказанный такъ жестоко, страдалъ, конечно, больше насъ. Всѣ бабушкины сыновья очень лю-

били ее, но мой отецъ больше всѣхъ—страстно, съ глубокой нѣжностью. И она сама любила его, если не больше другихъ дѣтей, то все же гордилась имъ и была счастлива его любовью.

Мой отецъ (о, съ какой мучительной нѣжностью, съ какимъ умиленіемъ и любовью я пишу эти слова: *мой отецъ*...) унаслѣдовалъ отъ своей матери лучшіе дары ума и сердца и въ то же время склонность къ меланхоліи—какъ мнѣ кажется, обычную спутницу вдумчивыхъ натуръ. (А можетъ быть это было предчувствіе?) Никогда я не видѣла отца веселымъ: въ его большихъ задумчивыхъ глазахъ всегда свѣтилась грусть, словно все горе міра нашло себѣ откликъ въ его великомъ сердцѣ. А вѣдь тогда онъ еще *не зналъ!*

И въ дѣтствѣ отецъ былъ такимъ же серьезнымъ и грустнымъ. Да и было съ чего. Дѣдъ одиннадцать лѣтъ прожилъ въ изгнаніи за свои политическія убѣжденія; помѣстья его конфисковали. Бабушкѣ на скудный доходъ съ клочка земли, доставшагося ей по наслѣдству отъ дяди каноника, приходилось растить пятеро малыхъ дѣтей и еще помогать деньгами мужу. Это была почти нищета. Я помню грустные разсказы отца объ этомъ трудномъ времени, а между тѣмъ, *теперь* онъ, пожалуй, съ отрадой вспоминаетъ о немъ.

Когда пришла пора отдавать въ школу двухъ старшихъ дѣтей, отца и дядю Гульельмо, бабушка переѣхала съ дѣтьми во Флоренцію. Сколько чудесъ экономіи и самоотверженія нужно было, чтобы просуществовать здѣсь цѣлой семьей! Отецъ разсказывалъ, что заботы и лишенія такъ истощили бабушку, что съ ней начались припадки вродѣ эпилептическихъ и послѣ нихъ глубокіе обмороки, во время которыхъ она лежала, какъ мертвая. Докторъ сказалъ, что это острое малокровіе и велѣлъ ѣхать на морскія купанья. И бабушка поѣхала, чтобы спастись отъ смерти—со старшей дочкой, тетей Юліей, а четверо мальчиковъ остались дома. Имъ было тогда—дядѣ Гульельмо лѣтъ около восемнадцати, папѣ шестнадцать, дядѣ Рикардо тринадцать, дядя Альфредъ былъ совсѣмъ еще ребенкомъ. И денегъ у нихъ было въ обрѣзъ, такъ что въ одинъ прекрасный день пришлось продать послѣднюю серебряную ложку, чтобы накормить младшихъ дѣтей. Отецъ пошелъ продавать ее вмѣстѣ съ дядей Рикардо—и не м ъ заставить себя войти въ магазинъ: ему казалось, что онъ умретъ от страха и стыда. Пришлось идти дядѣ Рикардо.

И сколько я помню такихъ грустныхъ эпизодовъ изъ юности и дѣ ства моего отца! Вотъ ужъ подлинно къ кому можно примѣнить сл ва англійскаго поэта Грэя: *Онъ былъ отмѣченъ знакомъ вѣчной гр ти.*

ецъ въ шестнадцать лѣтъ былъ высокій, рослый, почти какъ

теперь (теперь онъ сталъ горбиться, но не отъ лѣтъ, а отъ горя), а въ гимназіи ему пришлось сѣсть на одну скамью съ мальчиками вдвое меньше его. Ему было совѣстно имѣть товарищами такихъ малышей; желаніе имѣть скорѣе возможность помогать матери напрягало всю его волю, и онъ въ два года прошелъ всю гимназію, и въ годъ кончилъ лицей! Чудо ума и настойчивости—мой милый, родной папочка!

Вскорѣ послѣ того дѣдушка вернулся изъ ссылки. Въ Генуѣ онъ встрѣтился съ женой и дѣтьми—и не узналъ ихъ, и они не узнали его. Столько лѣтъ прошло! А потомъ... у бабушки родился еще сынъ, дядя Альцестъ.

Папа (я опять о немъ, простите! еслибъ вы знали, какое утѣшеніе для меня въ моемъ горѣ имѣть такого отца!) хотѣлъ бы посвятить себя литературѣ. Онъ такъ живо и ярко чувствовалъ искусство, красоту. Послѣ того, какъ онъ впервые увидалъ *Отелло*, онъ три ночи не спалъ, бродилъ, какъ сумасшедшій, по улицамъ Флоренціи. Но... медицина выгоднѣе, какъ профессія, медицина сулила заработокъ въ болѣе близкомъ будущемъ—и отецъ сталъ изучать медицину. Кончилъ блестяще, лауреатомъ, и получилъ стипендію на усовершенствованіе за границей, въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ. Сумма была не велика, но отецъ всетаки удѣлилъ часть ея бабушкѣ, которая къ тому времени опять переселилась въ Фермо.

Вернувшись изъ-за границы, отецъ мой поѣхалъ врачомъ интерномъ въ Купрамариттима и здѣсь познакомился съ той, кому суждено было стать несчастной матерью его двоихъ дѣтей, которымъ она дала жизнь, кажется, для того только, чтобы показать, до какого ожесточенія можетъ дойти злоба судьбы.

Мать моя была дочерью хлѣботорговца, когда-то очень богатаго, потомъ впавшаго почти въ нищету. О ея семьѣ я ничего не знаю; знаю только, что она до безумія любила свою мать, объ отцѣ же и братьяхъ своихъ говорила, что они добрые, но вспыльчивые и раздражительные. Это наслѣдство неукротимой жизненной силы, не знающей мѣры и удержу, съ двухъ сторонъ пришло въ нашу семью. Всѣ Мурри—добрые, но безразсудные, порывистые, слушающіеся больше голоса страсти, чѣмъ голоса разсудка. Эти роковые задатки и были источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ.

Мать моя тоже была урожденная Мурри. Родственница отца? Возможно. Оба семейства жили недалеко другъ отъ друга и были знакомы между собою. Случай сблизилъ моихъ несчастныхъ родителей Съ матерью моей мамы, страдавшей болѣзнью сердца, случился серьезный сердечный припадокъ. Вызвали отца, и тогда уже славив

шагося, какъ искусный врачъ. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и поставилъ на ноги больную.

Матери моей было тогда двадцать два года. Маленькая, тщедушная, блѣдная... она и въ то время была такая же, какой послѣ видѣли ее мы, дѣти. Не красавица, не богата—однако, отецъ полюбилъ ее. Чѣмъ она его покорила?—добротой, безграничной привязанностью къ своей матери? Силой любви, которой вѣяло отъ этой блѣдной дѣвушки съ робкимъ взглядомъ и нѣжнымъ голосомъ?

Мать моя, само собой, безъ памяти влюбилась въ красиваго, молодого и образованнаго добраго доктора, спасителя ея матери. И эта любовь, эта пламенная страсть и нынѣ сильна въ ея душѣ, какъ въ въ первый день, покорная, глубокая, благоговѣйная. Я часто думаю, что если бы она не любила такъ своего мужа, у нея не хватило бы силы жить теперь, когда ея дѣти такъ трагически оторваны отъ нея. Она горюетъ и плачетъ, но близость этого великаго сердца, этой мужественной и сильной души служитъ ей щитомъ и опорой; такъ маленькій кустикъ, прильнувшій къ стволу могучаго дуба, не чувствуетъ всѣхъ ударовъ бури и въ холодъ, и въ вѣтеръ—живетъ!

И всетаки, со всей своей великой любовью, бѣдная мама не сумѣла сдѣлать счастливымъ отца. Умъ ея былъ такъ же смиренъ и простъ, какъ и ея сердце. Она *чутьемъ* угадывала отца, но не всегда понимала его. Къ тому же мучительная и долгая болѣзнь испортила ея характеръ, сдѣлала ее нервной, раздражительной, нетерпимой, вѣчно тревожной, а онъ такъ нуждался въ покоѣ, ясности, мирѣ душевномъ... Никто изъ нихъ не виноватъ въ томъ, что они не были счастливы вмѣстѣ; оба были добры и любили другъ друга. Слишкомъ большая близость душевная, слишкомъ глубокое взаимное пониманіе нужны между людьми, которые соединились навѣки. Но увы! Это такъ рѣдко встрѣчается.

Они обручились и ждали другъ друга два года. Отецъ зарабатывалъ мало и на это немногое содержалъ свою семью. У матери и вовсе ничего не было. Имъ, словно двумъ ласточкамъ, нехватало соломы для гнѣзда. А между тѣмъ, это время ожиданія было, пожалуй, для нихъ самымъ счастливымъ. Они не знали, что̀ будетъ потомъ...

Когда отецъ получилъ мѣсто въ Чивитавеккіи, они повѣнчались; но и послѣ женитьбы отецъ продолжалъ помогать своимъ.

Первымъ плодомъ этого брака былъ мальчикъ, которому дали имя Тулліо. Онъ былъ счастливѣе насъ—умеръ четырехъ лѣтъ отъ роду, не успѣвъ извѣдать горечи жизни... Но три мѣсяца спустя послѣ его рожденія мама почувствовала себя снова беременной. Она почуяла сердцемъ меня несчастную, обреченную на безконечныя

муки... Если-бъ матери знали, какая участь ждетъ тѣхъ, кому онѣ даютъ жизнь, какъ бы онѣ молили для нихъ смерти у Бога, вмѣсто того, чтобы радоваться новой надеждѣ.

Мать моя не радовалась, ожидая меня. У нея уже былъ на рукахъ крошка-сынъ, хилый, нуждавшійся во всѣхъ ея попеченіяхъ. Меня не ждали, не хотѣли такъ скоро. Я была бременемъ для семьи, еще не выбившейся изъ бѣдности, обузой для матери, занятой первымъ ребенкомъ. И мать носила меня противъ воли, словно предчувствуя, что со мною войдетъ въ домъ *несчастіе*. Быть можетъ, уже тогда въ мою еще безформенную душу, запало первое зерно тоски, которая не покинетъ меня до конца жизни.

Преувеличеніе, вздоръ?... Однако, не разъ, когда душа моя переполнялась горечью отъ сознанія, что мнѣ суждено переходить отъ одного горя къ другому, еще болѣе тяжкому, я думала о томъ, что въ самомъ началѣ едва замѣтная, едва мерцающая жизнь моя была уже отравлена въ утробѣ матери. Родилась на горе, росла для позора, невольно сѣяла горе и пожинала его—вотъ моя жизнь и въ настоящемъ, и въ прошломъ!

Бѣдняжка мама, въ простотѣ души, не разъ мнѣ разсказывала объ этихъ своихъ мысляхъ и чувствахъ до моего рожденія и послѣ того, не подозрѣвая, что это можетъ быть мнѣ обидно.

— Тулліо былъ такой крошка, и мамка попалась плохая, худо смотрѣла за нимъ, вѣчно приходилось его лѣчить... Столько намъ было съ нимъ и заботъ, и расходовъ... Дѣла наши были не блестящи; папа зарабатывалъ мало... А тутъ являешься ты... понятно, вина не твоя, а всетаки ты явилась въ неподходящій моментъ.

Она шутила и улыбалась, не понимая, какъ жестока эта шутка для впечатлительной, чувствительной дѣвочки, страдавшей отъ всего, что казалось ей недостаткомъ любви... Позже (я такъ и росла печальною, съ грустнымъ личикомъ, съ затуманеннымъ взоромъ) мама, не понимавшая, что меня мучитъ, не разъ говорила мнѣ, качая головой:

— Ты точно *горемъ повита!* Точно тѣ пять мѣсяцевъ, что я носила тебя, не зная навѣрное, ждать мнѣ тебя или нѣтъ, на всю жизнь придавили тебя бременемъ горя!

Бѣдная мама! Не знаю, отражается ли на дѣтяхъ душевное состояніе матерей; знаю только, что способность страдать дана мнѣ въ слишкомъ обильной мѣрѣ, не пропорціонально съ другими чувствами и воспріятіями...

Горемъ повита! О, мать! Ты не знала тогда, сколько правды въ твоихъ словахъ!

III.

Братъ и сестра.

Я родилась 12 сентября 1871 года крѣпкой, здоровенькой, не причинивъ большихъ страданій моей матери. За это, по крайней мѣрѣ, она была мнѣ признательна, и мое появленіе въ этомъ мірѣ было принято довольно благосклонно. Отецъ назвалъ меня дорогимъ для него именемъ своей матери, и это было какъ бы залогомъ неизмѣнной любви ко мнѣ моего дорогого обожаемаго отца.

Моего братца Тулліо взяли отъ кормилицы и привезли домой, а меня отдали кормить крестьянкѣ, жившей неподалеку отъ Фермо, чтобы нашимъ родственникамъ удобнѣе было наблюдать за мной. Дѣдъ потомъ разсказывалъ мнѣ, что онъ каждый день навѣщалъ меня, что это сдѣлалось его любимой прогулкой. Кормилица знала часъ его прихода, и онъ всегда находилъ меня чистенькой, умытой и, ничего не понимая въ ребячьихъ нуждахъ, оставался очень доволенъ, и въ этомъ духѣ писалъ отцу. Когда же я вдругъ начала худѣть и хирѣть, дѣдъ, испугавшись, написалъ отцу и меня десяти мѣсяцевъ отняли отъ груди и взяли домой. Но у меня уже успѣлъ развиться катарръ кишекъ, которымъ я болѣла три года, который и впослѣдствіи болѣе или менѣе давалъ себя знать. Это было лишь первое звено въ цѣпи физическихъ страданій, дѣлавшихъ для меня еще болѣе тяжкими страданія нравственныя.

Одно изъ самыхъ острыхъ и больныхъ воспоминаній моего дѣтства—смерть братца Тулліо. Мама была тогда на седьмомъ мѣсяцѣ беременности Нино, а мнѣ было три года. Всѣ говорятъ, что малютка былъ очарователенъ—бѣленькій, съ золотыми кудряшками, съ большими черными глазами—совсѣмъ ангелочекъ, и очень умненькій, но—странное дѣло! тоже всегда тихій и грустный. Говорятъ, мы всегда играли вмѣстѣ и очень любили другъ друга, но я совсѣмъ не помню товарища игръ, который навѣрное былъ единственной радостью первыхъ трехъ лѣтъ моей жизни. Помню только его смерть...

Съ виду совсѣмъ здоровый, онъ однажды, возвращаясь съ прогулки, сталъ жаловаться, что усталъ и не можетъ идти. Отецъ съ матерью, державшіе его очень строго, сочли это за дѣтскій капризъ и не обратили вниманія. Ребенокъ весь въ слезахъ вернулся домой, а на утро съ нимъ сдѣлался жаръ и жесточайшія конвульсіи. Черезъ два дня мучительной агоніи ребенка не стало... Отецъ былъ, какъ сумасшедшій, мать такъ тосковала, что роды вышли очень тяжелые, оставившіе послѣ себя болѣзнь, отравившую всю жизнь и ей, и намъ.

Но если бы родители наши могли заглянуть въ будущее, какъ бы они благодарили Бога за то, что Онъ хоть одного изъ ихъ дѣтей избавилъ отъ несчастія!

Отецъ никогда не утѣшился въ потерѣ своего первенца. Помню, уже когда мнѣ было лѣтъ восемнадцать, онъ однажды прилегъ отдохнуть послѣ обѣда и вдругъ зоветъ меня:

— У мамы долженъ быть большой портретъ бѣдняжки Тулліо. Скажи ей, что я хочу взглянуть на него.

А самъ плачетъ.

Сколько разъ потомъ мнѣ приходило въ голову, что отецъ только тогда утѣшился въ своей потерѣ, когда ему пришлось оплакивать живыхъ, гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ тотъ кудрявый мальчикъ, что спитъ вѣчнымъ сномъ въ своей могилкѣ.

Развѣ не правда, отецъ? Тяжко, страшно тяжко видѣть смерть тѣхъ, кто намъ дорогъ. Но для вѣрующаго горе умѣряется мыслью о свиданіи въ иномъ, лучшемъ мірѣ, для невѣрующаго—мыслью о томъ, что вмѣстѣ съ жизнью кончается и всякая мука. Но плакать о живыхъ, видѣть, какъ бьются въ мукахъ тѣ, за кого бы мы съ радостью отдали жизнь—и ничего, ничего не мочь сдѣлать для нихъ! Видѣть, какъ страшная бездна поглощаетъ *обоихъ дѣтей* и стоять вдали, и тщетно протягивать руки, чтобы удержать ихъ... Можно ли выдумать болѣе страшную муку!

8 декабря 1874 года родился мой несчастный братъ, котораго также назвали Тулліо, какъ бы для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся послѣ смерти другого. Но отцу съ матерью было слишкомъ больно произносить это имя и его передѣлали въ *Нино*—милое ласкательное, столько лѣтъ звучавшее мнѣ утѣшеніемъ и надеждой!... Теперь это милое имя звучитъ для меня символомъ отчаянія и борьбы.

Съ рожденіемъ Нино связана въ моей памяти тысяча смутныхъ воспоминаній... Они никому не нужны, но для меня въ нихъ столько горькой прелести, что мнѣ хочется привести хоть нѣкоторыя, чтобы на мигъ уйти душой въ далекое невозвратное прошлое, когда я была если не счастлива (счастлива я никогда не была!), то все же обвѣяна благодатнымъ дыханіемъ дѣтства и знала тѣ радости, въ которыхъ не отказано и самымъ несчастнымъ дѣтямъ... Теперь, когда *я знаю,* мнѣ кажется, что родители должны бы всѣми силами стараться сдѣлать дѣтство своихъ дѣтей безоблачно яснымъ. Оно такое короткое, такое хрупкое! Надо же, чтобы хоть какая-нибудь часть жизни была недоступна горю. Но родители все стараются вы-

полнить лежащій на нихъ долгъ—воспитать своихъ дѣтей, подготовить ихъ къ жизни.

И тутъ уже начинается боль...

Воспитаніе дѣтей. Серьезное слово, полное значенія. Но почему для стольких людей *воспитывать* значитъ—бранить, наказывать, притѣснять, заставлять страдать? Почему такъ многіе думаютъ, что ребенокъ дуренъ отъ природы и нужно мучить его, чтобы онъ сталъ хорошимъ? Или строгость, суровость, непреклонность надежнѣе въ дѣлѣ воспитанія, чѣмъ кроткое слово убѣжденія и ласки?

Не знаю. Знаю, что меня воспитывали въ строгости, и я такъ страдала отъ этого! Вышла ли бы я лучшей, если-бъ ко мнѣ относились снисходительнѣе? Не знаю. Но для моихъ дѣтей, въ то короткое время, что мнѣ дана была радость имѣть ихъ возлѣ себя, у меня было гораздо больше ласкъ, чѣмъ выговоровъ, больше поцѣлуевъ, чѣмъ строгихъ взглядовъ.

И теперь, когда я напрасно рвусь къ моимъ ненаглядным крошкамъ, единственное мое утѣшеніе—мысль, что я, по крайней мѣрѣ, не мучила ихъ, не дѣлала ихъ несчастными, подъ предлогомъ ихъ воспитанія. А они такіе хорошіе—моя Марія и мой маленькій Нино, такіе добрые! Мать моя (не въ укоръ будь сказано ей, бѣдняжкѣ) была строгой воспитательницей; заботясь исключительно о моей же пользѣ, она была скупа на поцѣлуи и ласки, пріучала меня сдерживаться, обуздывать себя, переносить лишенія... Я была болѣе нѣжной и болѣе слабой матерью. Впрочемъ, это, можетъ быть, еще и оттого, что я сызмальства до страсти любила дѣтей—съ какой охотой, напримѣръ, я возилась съ своимъ братишкой, Нино!... У мамы, вѣчно занятой по хозяйству, наоборотъ, нехватало терпѣнія возиться съ ребятами; она сама иной разъ говорила:

— Нѣтъ, я не создана для того, чтобы имѣть дѣтей!

Дѣтскій плачъ для нея былъ капризомъ, ласка—баловствомъ, она требовала полнаго и безпрекословнаго повиновенія. А такъ какъ я часто плакала, то она часто бранила и даже била меня, и оттого я стала робкой и пугливой. Она очень любила меня (если тогда я могла въ этомъ сомнѣваться, то впослѣдствіи убѣдилась), но никогда, бывало, сама не приласкаетъ, не поцѣлуетъ невзначай—а я такъ жаждала материнской ласки! Въ добрыя минуты она позволяла мнѣ цѣловать себя, но всегда при этомъ слегка пожимала плечами, какъ бы давая понять, что такія проявленія чувства излишни. Это было въ шутку, конечно, но я всякій разъ отходила обиженной, и становилась серьезной и угрюмой.

Помню, когда родился Нино, мама лежала больная, и я нѣсколько дней не видала ея. Какъ-то я подкралась къ двери ея комнаты; она оказалась открыта, и я вошла, такая счастливая, радостная, что увижу, наконецъ, свою маму. Она разговаривала съ какой-то женщиной, стоявшей въ ногахъ кровати, и не видала, какъ я вошла. Я подбѣжала къ кровати и хотѣла вскарабкаться на нее, чтобы поцѣловать маму... Но она разсердилась, что я прервала ихъ разговоръ, и велѣла унести меня изъ комнаты, не давъ мнѣ поцѣлуя, о которомъ я со слезами молила. Она, конечно, была права: ей помѣшали, она была нездорова, утомлена—наконецъ, просто не думала, чтобы такой пріемъ могъ произвести на меня сильное впечатлѣніе. А я и теперь, послѣ стольких лѣтъ и стольких новыхъ огорченій, все помню и такъ же живо чувствую обиду...

Мать моя, подобно многимъ, думала, что дѣти просто маленькія капризныя животныя, что они не понимаютъ, что всѣ впечатлѣнія у нихъ сейчасъ же изглаживаются. И не знала, что я долгіе годы плакала по уголкамъ глухими горькими слезами о томъ, что я не любима матерью. Ей хотѣлось сдѣлать изъ меня хорошую хозяйку, вырастить меня честной, работящей. По ея мнѣнію, это было все, что нужно для счастья женщины, и никогда ей не приходило въ голову, что немного ласки, снисхожденія, доброты—и мнѣ легче далось бы то благо, котораго она желала мнѣ—счастье. Вмѣсто того мои лучшіе годы были омрачены суровостью въ системѣ воспитанія, создавшей во мнѣ странныя болѣзненныя представленія о людяхъ и вещахъ; на мать я смотрѣла больше со страхомъ, чѣмъ съ радостью, и, можетъ быть, именно это было источникомъ всѣхъ моихъ бѣдъ...

Особенно живо помню одну кару, очень суровую, постигшую меня за самую ничтожную вину. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ. Мы жили на дачѣ возлѣ Болоньи, куда отецъ былъ назначенъ профессоромъ. Мнѣ жилось привольно и весело, у меня были товарищи игръ, въ первый разъ мнѣ стала знакома безпечная радость жизни, свойственная моему возрасту. И изъ-за пустяка все погибло, вся радость была отравлена.

Мама заставляла насъ съ Нино—онъ давно уже былъ взятъ отъ кормилицы и росъ прелестнымъ мальчикомъ, общимъ любимцемъ—пить для здоровья козье молоко. Она увѣряла, что это очень полезно; меня отъ него тошнило, но такъ какъ у насъ дома немыслимо было сказать: «не хочу», я заставляла себя, скрывая отвращеніе, глотать вонючую жидкость, ибо знала, что если я скорчу гримасу, меня заставятъ выпить еще больше. Но какъ всѣ дѣти, которыхъ

держать слишкомъ строго (да и взрослые тоже!), я не прочь была слукавить, и разъ, когда въ комнатѣ никого не было, вмѣсто того чтобы выпить молоко, я вылила его за окно. Увы!—это видѣла мамина горничная, Челеста, и донесла на меня. Мнѣ и теперь жутко вспомнить, что̀ было дальше. Отецъ и мать такъ разсердились на меня, что жестоко избили меня вдвоемъ. Съ отцомъ это бывало не часто, но на этотъ разъ онъ былъ возмущенъ моей хитростью, въ которой онъ увидѣлъ недостатокъ искренности—какъ оно и было на самомъ дѣлѣ. А для него, выше всего цѣнившаго искренность и правдивость, это было отвратительнымъ порокомъ. И при мысли, что его любимая дочка—притворщица (страшное обвиненіе, впослѣдствіи брошенное мнѣ въ глаза!) онъ словно обезумѣлъ...

А я? Помню, какъ сейчасъ, свой безпредѣльный испугъ и вмѣстѣ недоумѣніе—я никакъ не могла понять, что̀ такого ужаснаго я сдѣлала... и потому чувство обиды и возмущенія противъ наказанія, по-моему, слишкомъ жестокаго, и, на-ряду съ испугомъ и физической болью, острую нравственную боль...

Отцу же и этой кары показалось недостаточно, и онъ, чтобы отучить меня отъ хитростей, послѣ этого больше полугода не цѣловалъ меня, не говорилъ со мной, не глядѣлъ на меня! Онъ сталъ замѣчать меня только, когда къ намъ пріѣхалъ погостить изъ Болоньи дядя Рикардо и заступился за бѣдную маленькую преступницу.

Отецъ не зналъ, конечно, какимъ тяжкимъ было для меня это наказаніе. Я безконечно любила отца; онъ былъ очень строгъ, но справедливъ и наказывалъ насъ только за проступки болѣе или менѣе очевидные и для насъ, дѣтей—никогда изъ нервнаго раздраженія; зато, когда мы хорошо вели себя, онъ насъ хвалилъ, ласкалъ, игралъ съ нами, насколько позволяло время, былъ самымъ добрымъ, самымъ нѣжнымъ отцомъ. И лишеніе его ласкъ было самой тяжкой карой. Эти шесть мѣсяцевъ представляются мнѣ сплошнымъ отчаяніемъ и иракомъ. Одна, одна, одна, притаившаяся, униженная! Братъ былъ слишкомъ малъ, чтобы утѣшить меня, а мама—еще холоднѣй, еще неприступнѣй отца.

Бѣдный милый отецъ! Кто сказалъ бы ему тогда, что вся эта в[illegible]имная мука только разовьетъ во мнѣ болѣзненное отвращеніе ко в[illegible]й той лжи, на которую обречена въ нашемъ обществѣ женщина, с[illegible]астную любовь къ искренности и правдивости, но что эта-то любо[illegible]ь и станетъ моей погибелью! Не лучше ли было бы, еслибъ я съ д[illegible]тства выучилась лицемѣрить, обманывать, лгать? Быть можетъ, т[illegible]да всѣ мы были бы счастливы...

[illegible]ы, немногіе друзья мои, изъ жалости или любопытства чита-

ющіе эти страницы, остановитесь вмѣстѣ со мной на этомъ пунктѣ моего разсказа. Ибо я чувствую надъ собой дыханіе судьбы, прикосновеніе перста рока. Послушайте же, что приключилосьсо мной въ эти печальные мѣсяцы нравственнаго одиночества.

Я была такъ запугана тогда, что пряталась, заслышавъ отцовскіе шаги, не смѣла даже попросить прощенія. Только Бога просила, чтобъ Онъ поскорѣе послалъ мнѣ смерть... (Я не знала тогда, что такое смерть, догадывалась только, что это конецъ мученіямъ). Любила только свою куклу, единственнаго друга, увѣренная, что больше никто на свѣтѣ не любитъ меня. Никто не знаетъ, если не испыталъ на себѣ, какъ я, до чего можетъ дойти душевная боль и тоска ребенка, котораго никто не подумалъ утѣшить. И вотъ въ это-то трудное время впервые встаетъ въ моей памяти образъ человѣка, сыгравшаго впослѣдствіи такую крупную роль въ моей жизни.

Я говорю о докторѣ Карло Секки.

Онъ тогда былъ врачомъ въ небольшомъ мѣстечкѣ въ горахъ и пріѣхалъ по какому-то дѣлу къ моему отцу въ Болонью. Отецъ пригласилъ его завтракать. Если закрою глаза, вижу его, какъ сейчасъ. Онъ былъ тогда уже сложившимся человѣкомъ, но съ виду робокъ, путался въ рѣчахъ и съ отцомъ говорилъ необыкновенно почтительнымъ тономъ.

Въ столовую надо было идти коридоромъ, въ концѣ котораго была дверь, всегда открытая. Я была въ коридорѣ, но, услыхавъ шаги отца, спряталась за дверь, чтобъ онъ не увидалъ меня. Отецъ прошелъ первымъ; слѣдовавшій за нимъ докторъ Секки замѣтилъ меня и, улыбаясь, спросилъ:

— Почему ты прячешься?

— Потому что папа сердится на меня!—пролепетала я.

Онъ ласково потрепалъ меня по щекѣ:

— Бѣдняжка! Развѣ можно бояться своего папы?

Это доброе слово, эта ласка пали бальзамомъ на изголодавшееся, измученное сердце. Въ порывѣ горячей признательности я говорила себѣ:

— Какой онъ добрый! какой добрый!

И съ этого момента мной овладѣли роковыя чары, державшія во власти своей сначала ребенка, потомъ дѣвушку, потомъ—увы!—и женщину. Бѣдный отецъ! такъ много выстрадавшій изъ-за этой моей роковой страсти,—могъ ли онъ предвидѣть, чѣмъ станетъ этотъ его робкій конфузливый двадцатишестилѣтній ученикъ для его тихонькой грустной восьмилѣтней дочки?

Пока во мракѣ будущаго зрѣла наша судьба, мы съ Нино учи-

лись дома всѣмъ предметамъ у учительницы, Оттавіи Минорелли, и ея отца, преподававшаго намъ французскій языкъ. Они были славные оба, и мы любили ихъ, особенно старика, и учились такъ охотно. Я начала первая, такъ какъ я была старшей; Нино казался еще слишкомъ маленькимъ, и отецъ не хотѣлъ торопить его. Но онъ игралъ въ той же комнатѣ, гдѣ я училась, сидѣлъ на полу и, кажется, весь былъ поглощенъ своими игрушками. И что же? въ одинъ прекрасный день на прогулкѣ нашъ мальчуганъ устроилъ намъ сюрпризъ: прочелъ всѣ надписи на вывѣскахъ. Бѣдняжкѣ Нино было тогда всего четыре года. Съ этого дня отецъ позволилъ ему учиться вмѣстѣ со мною, и онъ дѣлалъ быстрые успѣхи. Вообще, онъ развился необычайно рано и къ ученью относился съ такой же страстностью, какъ и ко всему остальному. Онъ былъ гордостью отца, радостью матери: тотъ самый Нино, который теперь, подобно своей несчастной сестрѣ, обреченъ на муку безъ конца и мѣры.

Помню, съ какимъ восторгомъ мы зачитывались сочиненіями г-жи де-Сегюръ, подаренными намъ отцомъ въ награду за успѣхи, въ особенности ея «Злымъ геніемъ». Нино не могъ оторваться отъ этой книги; онъ цѣлыми днями упивался ею, лежа на полу и облокотившись локтемъ на коверъ; онъ выучилъ книгу наизусть, видѣлъ во снѣ ея героевъ; это была какая-то манія. Отецъ не могъ понять, чѣмъ такъ плѣнила его эта посредственная повѣсть: я теперь понимаю.

Въ ней рѣчь идетъ о добромъ крестьянскомъ мальчикѣ, который становится жертвой насилія испорченнаго юноши, помѣщичьяго сына. Заѣзжій англичанинъ беретъ подъ свое покровительство обиженнаго мальчика и своими увѣщаніями, весьма дѣльными и убѣдительными, исправляетъ дворянскаго сынка. Нашему Нино была такъ понятна и близка доброта и благородство англичанина; онъ такъ живо чувствовалъ несправедливость, такъ возмущался насиліемъ, такъ торжествовалъ побѣду угнетеннаго надъ обидчикомъ. Быть можетъ, этотъ разсказъ впервые пробудилъ въ немъ господствующую черту его характера—пылкую готовность по первому призыву кинуться на защиту слабаго, на защиту всякаго праваго дѣла, экзальтированность, которая, въ недобрую минуту, погубила и его самого, и всю нашу семью.

Жертва—угнетатель—защитникъ,—это страшное тріо уже въ семь лѣтъ занимало мысли Нино. Какъ я за одно слово Карло Сенки окружила этого человѣка ореоломъ доброты и благородства душевнаго и полюбила его съ той минуты—такъ и въ Нино этотъ разсказъ пробудилъ его великодушную натуру защитника угнетен-

ныхъ. Еслибъ отецъ могъ тогда прочесть въ сердцахъ своихъ дѣтей, онъ не нашелъ бы тамъ ничего дурного, ничего, кромѣ добрыхъ инстинктовъ: одинъ былъ натурой мужественной, активной; другая—женственной, любящей. А между тѣмъ, именно эти добрые инстинкты принесли намъ несчастье.

Я не могу говорить о себѣ, не говоря о Нино, ибо наши жизни были такъ тѣсно связаны, такъ близки, что все, касавшееся одного, задѣвало и другого. Мнѣ хотѣлось бы передать здѣсь всѣ оттѣнки характера Нино; ибо, если онъ и нарушилъ человѣческій законъ, убивъ человѣка, мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ знали, что сердце у него не злое, что это была лишь несчастная роковая случайность, роковое ослѣпленіе, что намѣреніе у него было доброе.

Вы готовы побить меня камнями за то, что я защищаю своего брата? Ахъ, еслибъ вы судили факты, какъ надлежитъ христіанину, а не исходя изъ чувствъ обиды и безплодной мести, вы бы сами увидѣли въ этомъ печальномъ дѣлѣ лишь экзальтированное чувство, затемненіе разсудка, утрату вѣрнаго критерія, а не проявленіе человѣческой злобы.

Вы скажете: я заступаюсь за него, потому что люблю его? Конечно, люблю. Мы всегда такъ любили другъ друга!

Я была старше на три года, но по развитію мы были близки. Нино былъ живѣй и даровитѣй, я—серьезнѣй и вдумчивѣй его; одна точно дополняла другого. Мама говорила, что я капризна, упряма, обидчива. Нино былъ страшно вспыльчивъ, своеволенъ, порывистъ, но мы были настоящими друзьями, и наказаніе одного было наказаніемъ и для другого; если одинъ изъ насъ не выучилъ урока, другой умолялъ учителя простить его и не ставить дурной отмѣтки, чтобы виноватому не досталось. Никогда, даже подъ страхомъ быть безвинно наказаннымъ, ни одинъ изъ насъ *не выдавалъ* другого. Если нужно было наказать меня, мама сначала подъ какимъ-нибудь предлогомъ удаляла изъ комнаты Нино; я, въ свою очередь, если видѣла, что гроза сейчасъ обрушится на Нино, кидалась на перерѣзъ, счастливая тѣмъ, что побои достанутся мнѣ, а онъ успѣетъ убѣжать.

Разумѣется, и мы были такія же, какъ всѣ дѣти, и ссорились порой, но потихоньку, ибо если отцу доводилось услышать нашъ споръ, онъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, наказывалъ обоихъ—одного за то, что онъ обидѣлъ, другого за то, что онъ не смолчалъ и не простилъ обиды.

— Кого же вамъ и любить, кого и прощать, если не другъ друга?—говаривалъ отецъ.

Онъ же училъ насъ не дѣлать разницы между *твоимъ* и *моимъ*:

— Пусть все у васъ будетъ общее, какъ должны быть всегда соединены ваши сердца.

Бывало, Нино, разсердившись, иной разъ ударитъ меня. Если это случалось въ присутствіи отца, тотъ всякій разъ строго выговаривалъ ему:

— Поди поцѣлуй Линду! попроси у нея прощенія. Какъ тебѣ не стыдно обижать сестру, которую ты, какъ братъ, долженъ любить и защищать?

И Нино, такой добрый, любящій, кидался цѣловать меня, прося прощенія, не изъ послушанія только, а потому, что ему было больно видѣть меня плачущей, и онъ уже горько раскаивался. А когда у меня нехватало духу попросить прощенія у матери, онъ шелъ и выпрашивалъ его для меня. Я какъ старшая, умывала брата, причесывала, помогала ему готовить уроки. Для меня это было только удовольствіемъ.

Наша жизнь была строжайшимъ образомъ распредѣлена по часамъ. Безъ четверти шесть насъ будили; затѣмъ слѣдовала, лѣтомъ и зимой безъ различія, холодная ванна и гимнастика, чтобы согрѣть и расправить окоченѣвшіе члены. Въ семь мы уже сидѣли въ классной и учились до половины одиннадцатаго, т.-е. до завтрака. Затѣмъ шли гулять, во всякую погоду—и въ дождь, и въ снѣгъ, возвращались домой и снова учились до шести. Обѣдали мы вмѣстѣ съ родителями и ложились около девяти. Съ шести до семи намъ позволяли играть съ двумя дѣвочками, которыя приходили къ намъ ежедневно. Другихъ развлеченій мы не знали. Учились мы нѣмецкому, греческому, латыни, а по другимъ предметамъ проходили гимназическій курсъ.

О здоровьѣ нашемъ заботились усиленно, но что касается удобствъ и баловства—намъ никто бы не позавидовалъ. Въ нашихъ комнатахъ не было ни обоевъ, ни ковровъ; ихъ никогда не топили, такъ что мы, въ особенности я, страшно зябли: по утрамъ намъ давали холодное молоко безъ сахару—кофе никогда—и съ черствымъ хлѣбомъ; сладостей почти никогда, даже если намъ ихъ дарили... Въ общемъ ни чего, кромѣ самаго необходимаго; костюмъ—только-только при[illegible]ный. Словомъ, спартанское воспитаніе! И зачѣмъ это нужно было? То[illegible]ько для того, чтобъ испортить лучшую пору—дѣтство.

Такой образъ жизни длился для Нино до окончанія гимназіи, а д[illegible] меня, съ нѣкоторыми улучшеніями—вплоть до того дня, когда я в[illegible]шла изъ дому замужней женщиной. Само собой, эта жизнь была не [illegible]егка, но я къ ней привыкла и не тяготилась ею. Гораздо тяжеле

была для меня вѣчная раздражительность матери, тѣмъ болѣе, что Нино поступилъ въ лицей, и мы съ ней цѣлые дни проводили вдвоемъ, дома. А наши характеры были такъ различны!...

Когда мы оба выдержали выпускной экзаменъ въ гимназіи, отецъ хотѣлъ было, чтобы я вмѣстѣ съ Нино прослушала курсъ лицея; но меня страшно пугала мысль учиться въ обществѣ стольких мальчиковъ, тѣмъ болѣе, что совмѣстное обученіе тогда еще не было въ обычаѣ, какъ теперь. Я выплакала свое горе на груди у дѣда, а тотъ сказалъ отцу, и отецъ, хотя это шло вразрѣзъ съ его желаніемъ, не сталъ меня принуждать. Я продолжала брать дома частные уроки исторіи и литературы—моихъ любимыхъ предметовъ.

Зато я лишилась общества Нино, моего единственнаго друга, единственнаго свѣтлаго луча въ моей безрадостной юности, единственной улыбки моей жизни! Осталась одна съ мамой, вѣчно больной, нервной, и всѣ мои дни проходили въ трепетѣ и слезахъ.

Мнѣ шелъ тогда ужъ восемнадцатый годъ; я была взрослая, а между тѣмъ у насъ никто не бывалъ, мнѣ не доставляли никакихъ развлеченій; никогда меня пе брали ни въ театръ, ни въ концерты,— а иной разъ такъ хотѣлось бы послушать музыку! Одѣвали меня хуже нашихъ горничныхъ, но я была не тщеславна, и все это для меня не имѣло значенія. Меня мучило другое—что я никакъ не могу угодить мамѣ, что она меня не любитъ. Иногда я плакалась на это ей же. А мама, думая, что я капризна и упряма, горько корила меня, что я не стою ея любви... Вспомнить только, что я была бита за недѣлю до свадьбы!... И такъ съ годами росли въ моей душѣ горечь, печаль, пустота...

Когда отцу случалось слышать такіе упреки, онъ вступался за меня; но я сама избѣгала этого, чтобъ лишній разъ не ссорить ихъ между собою: мама и безъ того ревновала ко мнѣ отца, и ему, бѣдному, такъ часто доставалось изъ-за всякихъ пустяковъ. А какъ онъ былъ терпѣливъ всегда, какъ снисходителенъ!

Помню, разъ—это было въ ноябрѣ 1889 года—отецъ долженъ былъ ѣхать въ Римъ на засѣданіе верховнаго совѣта. Чемоданы уже стояли уложенные, но на вокзалъ было еще рано. Мама въ этотъ день была больна, не вставала съ постели и нервничала больше обыкновеннаго. Не помню уже, что ее разсердило, но только она начала въ нашемъ присутствіи говорить отцу самыя непріятныя вещи. У насъ съ Нино просто духъ захватило отъ обиды за него. Но отецъ— ни одного слова, ни одного жеста возмущенія; онъ молча дождался своего времени, простился съ мамой и вышелъ. Мы проводили его до выходной двери и горячо расцѣловали на прощанье. А когда дверь

захлопнулась за нимъ, мы съ плачемъ бросились въ объятія другъ другу. Потомъ, потихоньку отъ матери, написали ему письмо, въ которомъ все сказали—какъ мы его любимъ, какъ болѣемъ душой за него, какъ мы преклоняемся передъ нимъ, какъ гордимся тѣмъ, что мы его дѣти.

Много лѣтъ спустя, уже въ 97-мъ, папа показалъ мнѣ это письмо,—онъ съ тѣхъ поръ всегда носилъ его въ бумажникѣ и хранилъ, какъ талисманъ.—И тогда же признался, что это письмо спасло ему жизнь... Въ тотъ день, уйдя изъ дому, послѣ той ужасной сцены съ мамой, онъ рѣшилъ не возвращаться, покончить съ собой...—такъ горька ему казалась его жизнь, уже озаренная славой!

— Это, конечно, было малодушіе,—говорилъ онъ мнѣ,—но у кого же не бываетъ такихъ минутъ слабости?... Но надъ вашимъ письмомъ я и смѣялся и плакалъ; оно снова дало мнѣ силу жить.

Отецъ мой! еслибъ ты зналъ, сколько разъ и мнѣ, среди ужаса и мрака тюрьмы, придавало силы гордое сознаніе, что я—дочь твоя, окрыляло меня новой надеждой. Да, отецъ, не твоимъ выдающимся умомъ, не наукой твоею горжусь я, но твоимъ благороднымъ сердцемъ, твоей чистой и сильной душой. Я сама не всегда умѣла возвыситься до пониманія этой чудной души, но я знаю, что никогда въ твоей жизни не было разлада между словомъ и дѣломъ, никогда мысль твоя не шла кривыми путями. Если не ошибаюсь, монсиньоръ Бономелли въ шутку назвалъ моего отца *Маркомъ Авреліемъ*. Нѣтъ спора, ясная душа Августо Мурри была родной душѣ императора-философа, но мнѣ мой отецъ представляется еще выше,—нѣжнѣй, человѣчнѣе.

Развлеченій отецъ не любилъ—занятія любимой наукой и практикой, любовь къ женѣ, воспитаніе дѣтей поглощали его цѣликомъ. Трудно работать больше его, но, благодаря его богатырскому сложенію и простому воздержному образу жизни, силы его казались неизсякаемыми...—А не такъ давно я видѣла его ослабѣвшимъ, согбеннымъ, съ блуждающими глазами, въ которыхъ свѣтилось безуміе. Наше горе сломило его.

Онъ такъ любилъ насъ! Ахъ, я никогда не устану повторять это. Ежегодно, лѣтомъ, какъ только у него выпадало нѣсколько свободныхъ дней, забравъ съ собою насъ, дѣтей, онъ отправлялся въ небольшое путешествіе. Мы посѣтили съ нимъ Швейцарію, итальянскія Альпы, главные города Италіи. И съ нимъ все казалось намъ вдвое краше; онъ умѣлъ разсказать намъ прошлое каждаго города, открыть намъ глаза на всѣ его красоты; онъ былъ безподобнымъ чичероне. Какъ я бывала счастливавъ эти поѣздки! какъ упивалась душа моя

дивной природой, свѣтомъ и поэзіей. Въ пятнадцать лѣтъ я впервые увидѣла Римъ и плакала, глубоко взволнованная...

А дома—какъ онъ былъ добръ съ матерью, какъ деликатенъ! Онъ никогда не вмѣшивался въ ея распоряженія, не дѣлалъ замѣчаній, всѣмъ оставался доволенъ... И мама вѣдь обожала его,—а какъ она иной разъ портила ему жизнь своей раздражительностью. Бѣдная мама! по большей части она и не подозрѣвала, какъ ранятъ душу ея злыя слова. Вспыливъ, она сама не сознавала, что говоритъ, а потомъ, замѣтивъ, что обидѣла любимаго мужа, предавалась раскаянію, такому же необузданному, какъ ея гнѣвъ. Она призывала смерть, потомъ впадала въ глубокое уныніе, ни съ кѣмъ не разговаривала, запиралась въ своей комнатѣ, и весь домъ замиралъ подъ гнетомъ ея безмѣрной тоски,—и эти приступы раскаянія были еще хуже предшествовавшихъ имъ нервныхъ вспышекъ.

Труднѣе всѣхъ отъ этого приходилось мнѣ. Будь у меня спокойный характеръ и сильная воля, я, можетъ быть, сумѣла бы взять верхъ надъ матерью, разогнать ея печаль и гнѣвъ; будь я равнодушной по натурѣ, я не страдала бы; но я была тогда, какъ и теперь, натянутой струной, дрожащей отъ каждаго дуновенія вѣтра... Случалось, по цѣлымъ днямъ мнѣ не съ кѣмъ было сказать слова, и ни одного дня—буквально: ни одного!—не проходило безъ слезъ. Я то со страхомъ слѣдила за матерью, боясь, какъ бы она не сошла съ ума, то въ недоумѣніи раздумывала надъ тѣмъ, что она говорила во время своихъ нервныхъ вспышекъ,—и все время нестерпимая тоска давила мнѣ мозгъ и сердце...

Зачѣмъ я вспоминаю все это? Для того ли, чтобы осудить мою мать?—Нѣтъ, нѣтъ, я нѣжно люблю ее, теперь больше, чѣмъ когда-либо,—теперь, когда она такъ жестоко страдаетъ изъ-за меня. Я только хотѣла показать, какъ систематически отравляла судьба годы моего дѣтства и юности, развивая въ моей душѣ необычайную воспріимчивость, изощренную способность страдать. Говорятъ, люди *привыкаютъ*,—я никогда не могла «привыкнуть», а только страдала все больше и больше. Быть можетъ, я вижу все въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, сквозь дымку горечи, наполнявшей мою душу? Быть можетъ, я сама такая же больная, какъ мать моя? Не знаю! Атмосфера, въ которой я росла, несомнѣнно, имѣла пагубное вліяніе на мое сердце: она навсегда лишила меня способности радоваться.

Ослабѣвала понемногу и наша близость съ Нино; онъ все меньше бывалъ дома—какъ онъ мнѣ признался потомъ, нарочно бѣгалъ изъ дому, чтобы не видѣть моихъ слезъ. Отецъ тоже мало сидѣлъ

дома, а когда и бывалъ, больше молчалъ, чтобы не раздражать жену; понемногу онъ сталъ холоденъ и сухъ, особенно съ матерью. Это было для нея новымъ источникомъ раздраженія; она мучилась мыслью, что мужъ разлюбилъ ее, строила самыя нелѣпыя, самые обидныя догадки... Бѣдная мама, бѣдные мы! А какъ мы могли бы быть счастливы! И сколько людей завидовало намъ, судя по наружности!

IV.

Первая любовь.

Когда начала я любить этого человѣка, который принесъ мнѣ столько горя и самъ себя сгубилъ, по какой-то роковой случайности? Не умѣю сказать. Восьмилѣтняя дѣвочка, услыхавшая ласковое слово въ минуту горя, стала взрослой, но сохранила въ душѣ образъ человѣка, показавшагося ей такимъ добрымъ.

Еслибъ моя юность была не такъ печальна, еслибъ я могла довѣриться матери—я не могу сказать навѣрное, но возможно, что первое впечатлѣніе моей встрѣчи съ докторомъ Секки скоро изгладилось бы. Дѣвушки легко забываютъ. Еслибъ я видѣла другихъ мужчинъ, моложе и красивѣе, быть можетъ, они показались бы мнѣ такими же добрыми, и сердце мое, поколебавшись, какъ всякое дѣвичье сердце, свободно избрало бы того, кому суждено было сдѣлаться спутникомъ моей жизни. Но мое печальное сердце, такъ жаждавшее любви, страстно привязалось къ первому же свѣтлому образу, мелькнувшему передо мной во мракѣ жизни, втайнѣ отдалось единственному, кто утѣшилъ меня, когда я считала себя всѣми покинутой. И въ теченіе всего моего отрочества и юности всѣ мои мысли, всѣ надежды витали вокругъ него.

Онъ раньше прочелъ въ моемъ сердцѣ, чѣмъ я сама. Вѣдь онъ былъ взрослымъ человѣкомъ, а я ребенкомъ—что я понимала въ любви? Я ждала его; радовалась его приходу, грустила, когда онъ уходилъ—и только. Въ пятнадцать лѣтъ я еще играла въ куклы, даромъ что училась по-латыни и по-гречески—и кукла была моей единственной повѣренной.

Докторъ Секки былъ своимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ. Папа «облагодѣтельствовалъ» его, вытащилъ изъ глуши и далъ ему мѣсто своего ассистента, сперва въ Риминійскомъ госпиталѣ, потомъ въ Болоньѣ. Папа тогда очень любилъ его, цѣнилъ его умъ, считалъ хорошимъ человѣкомъ, и потомъ, онъ всегда привязывался къ тѣмъ, кому оказывалъ услуги. Мама, потомъ такъ бранившая его, также была расположена къ нему; мы, дѣти, обожали его. Да, и Нино тоже.

Наши не любили гостей, и никто не былъ допущенъ къ намъ въ домъ на правахъ близкаго человѣка, кромѣ доктора Секки! Онъ же приходилъ всякій день, то къ завтраку, то къ обѣду, игралъ и дурачился съ Нино, дѣлалъ съ нами гимнастику, или же просилъ меня, чтобъ я заставила его читать по-французски, исправляя его произношеніе— чѣмъ я, разумѣется, страшно гордилась. Мнѣ было тогда всего одиннадцать лѣтъ; мы оба называли его на *ты,* и мама не находила въ этомъ ничего дурного.

Потомъ онъ уѣхалъ въ Берлинъ, но я не забыла его, и его письма, обращенныя ко всѣмъ намъ, были для меня огромной радостью. Почти всегда отвѣчать на нихъ приходилось Нино и мнѣ: матери не хотѣлось, а у отца не было времени. И я придумывала красивыя фразы, изящные обороты рѣчи, вкладывала всю свою дѣтскую душу въ эти письма, счастливая мыслью, то они дойдутъ до него, что онъ будетъ читать ихъ.

Когда онъ вернулся изъ Берлина, я больше уже не смѣла говорить ему *ты* и, краснѣя, называла его въ третьемъ лицѣ и синьоромъ. Онъ смѣялся надъ этимъ, а мама почти сердилась, говоря, что я «корчу изъ себя» взрослую барышню. Но я не могла заставить себя быть съ нимъ попрежнему фамильярной, какъ Нино; онъ же, поощряемый мамой, держалъ себя со мной безъ всякихъ церемоній, какъ съ маленькой.

Однажды я узнала, что онъ помолвленъ съ синьориной Бризигелла—и не почувствовала ни боли, ни ревности. Я была ребенкомъ и любила его, какъ солнце, какъ цвѣтокъ, которымъ каждый можетъ любоваться. Потомъ вдругъ оказалось, что свадьба его разошлась.

Въ тотъ день онъ пришелъ грустный и долго потомъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Дома у насъ говорили, что свадьба его разошлась изъ-за какихъ-то щекотливыхъ соображеній, изъ-за его чрезмѣрной щепетильности въ вопросахъ чести. Все это казалось мнѣ чрезвычайно интереснымъ, благороднымъ и красивымъ, и еще больше возвышало въ моихъ глазахъ человѣка, и безъ того уже милаг моему сердцу. Но если анализировать теперь мои тогдашнія чувства выходитъ, что тогда я не питала къ нему ничего, кромѣ сострадан и нѣжнаго восторга. Женщина отъ природы склонна сочувствова несчастной любви, а отказъ отъ богатой и красивой невѣсты окру жалъ его романтическимъ, рыцарскимъ ореоломъ. Это было, конечн наполовину безсознательное преклоненіе, но было и другое, что мн уже сознательно нравилось въ немъ и дѣлало мнѣ его еще дороже это его глубокая привязанность къ своему отцу (а я такъ любил моего!). Наконецъ, онъ обладалъ большой силой воли, а какая же

щина не цѣнитъ энергіи и мужества? Онъ стремился возвыситься; путемъ тяжелыхъ лишеній онъ достигъ почетнаго положенія; онъ душою любилъ дѣтей, стариковъ, всѣхъ обездоленныхъ и несчастныхъ; наконецъ, онъ питалъ глубокое уваженіе и любовь къ моему отцу.

Могла ли моя одинокая душа, такая впечатлительная и скорбная, не привязаться къ подобному человѣку? Я не задавалась вопросомъ, хорошъ ли онъ собой... Да онъ и не былъ красивъ; его внѣшность врядъ ли такъ скоро плѣнила бы дѣвушку, у которой былъ бы выборъ... Но я не видѣла другихъ мужчинъ и не искала въ немъ, какъ и въ другихъ, тѣлесной красоты; оболочка мало интересовала меня, я искала души, ума, сердца,—и мнѣ казалось, что все это я нашла въ Карло Секки.

Привязанность ребенка къ доброму и ласковому другу, всегда готовому развлечь, пошутить и поиграть съ нимъ, медленно и незамѣтно перешла въ болѣе сильное чувство, котораго я не анализировала, быть можетъ, даже не замѣчала. Во мнѣ жила врожденная потребность любить и быть любимой. Въ матери я не нашла отвѣтной любви... Когда *онъ* приходилъ, вокругъ точно становилось свѣтлѣе...

Чуткимъ ухомъ я ловила его торопливые шаги на лѣстницѣ и блѣднѣла отъ радости, но оставалась серьезной и сдержанной, усиливаясь не выдать себя. Онъ входилъ въ столовую, и первый взглядъ его былъ въ мою сторону. И одного этого взгляда, одного слова привѣта довольно было, чтобы для меня засвѣтило солнышко!

Мама, когда, бывало, разсердится, не стѣснялась ничѣмъ и нерѣдко бранила меня при Секки. Сколько разъ онъ видѣлъ мои слезы... Но когда мы съ Нино выходили провожать его на лѣстницу (регулярно въ девять часовъ вечера онъ прощался), довольно было ему сказать мнѣ сочувственнымъ тономъ:

— Бѣдная дѣвочка!—или:—будь доброй дочкой, имѣй терпѣніе съ твоей матерью. Бѣдняжка больна, но очень любитъ тебя, знай это.

И я уже не помнила обиды и давала себѣ слово быть доброй и любящей съ мамой.

Словъ любви не было произнесено между нами, но взглядъ, улыбка, вздохъ можетъ сказать иной разъ больше словъ. Я была страшно робка и сдержанна; онъ хорошо зналъ свои обязанности человѣка, принятаго въ домѣ, какъ родной, и никогда—клянусь—не измѣнялъ имъ! Но на этомъ нѣмомъ языкѣ,—о, какъ онъ умѣлъ говорить! Одни мы никогда не оставались. Мать моя довѣряла ему, главнымъ образомъ, въ виду большой разницы лѣтъ между нами; но она строго соблю-

дала приличія. Только разъ вечеромъ, и то случайно, мы остались съ четверть часа вдвоемъ на террасѣ: мнѣ тогда страшно досталось отъ мамы, хотя это вышло совсѣмъ просто.

Было восемь часовъ вечера, и мама, по обыкновенію плохо себя чувствовавшая, прилегла; отецъ съ Нино поѣхали на вокзалъ провожать уѣзжавшаго друга; я сидѣла на террасѣ вмѣстѣ съ нѣмкой гувернанткой, которая жила у насъ уже лѣтъ шесть, и слушала музыку. Въ это время пришелъ докторъ Секки. Онъ спросилъ отца и, узнавъ, что его нѣтъ дома, хотѣлъ уйти. Я знала, что мнѣ не годится принимать его одной, съ гувернанткой, что мама разсердится, но я такъ ему обрадовалась и не устояла противъ искушенія удержать его, сказала, что отецъ сейчасъ вернется.

Прошло нѣсколько минутъ восхитительнаго смущенія, но я навѣрное знаю, что у меня не было ни одной дурной мысли, кромѣ самыхъ чистыхъ, самыхъ нѣжныхъ... Неожиданно гувернантка встала и ушла, сказавъ, что она сейчасъ вернется... Мы остались вдвоемъ, сконфуженные. Я вся дрожала, не отъ страха, но отъ волненія. Онъ смотрѣлъ на меня и молчалъ... Такъ прошло еще нѣсколько минутъ; смущеніе наше и волненіе все возрастали... Наконецъ онъ поднялся и простился со мной, улыбаясь:

— Папа не возвращается, я лучше уйду.

Я не удерживала его. Какъ только онъ ушелъ, я побѣжала къ матери и разсказала все, какъ было. Она очень встревожилась, узнавъ, что мы оставались одни, и разбранила меня.

Боже мой, какое ужасное значеніе придали потомъ этой коротенькой невинной бесѣдѣ. Меня обвиняли чуть ли не въ томъ, что я безповоротно загрязнила себя въ этотъ вечеръ! Если бы мать моя тогда не разсердилась на меня, не бранила меня такъ громко, эта мелкая случайность прошла бы дома незамѣченной и была бы отнесена на долю моей дѣвичьей неопытности. Мама, мама, если бы ты знала тогда!...

Прошло еще около трехъ лѣтъ. Любовь моя все росла, но я еще не думала о возможности выйти за него замужъ, — не потому, чтобъ меня останавливала разница нашихъ лѣтъ и положенія, — этого я совсѣмъ не принимала въ разсчетъ, — нѣтъ, просто, моя любовь не была пылкой. Мнѣ казалось, что она раздѣлена, и этого было съ меня достаточно. Я полюбила свое уединеніе, потому что оно давало мнѣ возможность думать о *немъ*; я терпѣливо выносила придирки матери, ибо одного его ласковаго слова было достаточно, чтобы вознаградить меня. Да, одного слова, самаго обыкновеннаго, но сказаннаго особымъ тономъ, какимъ *онъ* говорилъ только со мной; улыбки, взгляда,

украдкой поцѣлуя руки было довольно, чтобы поддержать во мнѣ огонекъ, отъ тепла котораго раскрывалась моя душа, какъ цвѣтокъ раскрывается утромъ навстрѣчу солнечнымъ лучамъ.

И отъ этого чувства я становилась лучше, умнѣе, добрѣе. Мнѣ казалось, что только бы мама выздоровѣла, и я буду чувствовать себя вполнѣ счастливой, даже если ничего не измѣнится въ моей болѣе чѣмъ скромной жизни. И въ ней, дѣйствительно, ничего не измѣнилось; и въ восемнадцать лѣтъ мать третировала меня, какъ дѣвчонку, но мнѣ было легко переносить и лишенія, и обиды: я любила и жила исключительно этой любовью.

А мать моя? Послѣднее время она жила въ вѣчной тревогѣ за меня. Мою любовь къ Секки она угадала очень скоро, раньше, чѣмъ я сама; но она не допускала, чтобы эта любовь могла быть взаимной. Она считала доктора Секки по общественному положенію гораздо ниже насъ, такъ какъ онъ былъ облагодѣтельствованъ отцомъ, и при томъ же слишкомъ для меня старымъ. Ее надоумилъ дѣдъ. Она сразу пришла въ отчаяніе, разсердилась и, не сказавъ ни слова, ни о чемъ даже не спросивъ меня, написала письмо доктору Секки, отказавъ ему отъ дому и осыпавъ его незаслуженными упреками. И даже мой отецъ, мой чистый отецъ, съ горечью писалъ своему бывшему ученику: *«вы безсознательно причинили горе!»*

А я и не знала ничего. Докторъ Секки не приходилъ три дня: въ домѣ у насъ какъ-то странно избѣгали говорить о немъ и не удивлялись его необычному отсутствію. Сердце у меня сжималось тревогой и мучительнымъ предчувствіемъ. Наконецъ, тетя Юлія, улучивъ минутку, когда мы остались вдвоемъ, сжалилась надъ моимъ безмолвнымъ отчаяніемъ и шепнула:

— Знаешь, Секки не приходитъ потому, что мама написала ему, чтобъ онъ больше къ намъ не ходилъ.

Я остолбенѣла. Меня точно что-то ударило въ грудь.

— Мама писала ему? Чтобъ онъ больше не приходилъ? Почему?

— А потому, моя дѣвочка, что вы съ нимъ не пара. Онъ слишкомъ старъ для тебя и кромѣ того... характеръ у него дурной и властный. Ты была бы съ нимъ несчастлива.

Но могла ли я повѣрить, что онъ дурной человѣкъ, — онъ, котораго я видѣла всегда такимъ добрымъ и ласковымъ!

Мнѣ хотѣлось заступиться за него и за себя, но привычка къ пассивному повиновенію, покорность родительской волѣ, врожденная застѣнчивость связали мнѣ языкъ, и я ничего не сказала. Только расплакалась, когда осталась одна.

Но съ этой минуты я поняла, какую власть *онъ* имѣетъ надъ моей

душой! Моя любовь выросла изъ ничего... и могла жить ничѣмъ... Но я думала о немъ: мнѣ казалось, что онъ страдаетъ не меньше меня, и я не могла его утѣшить. Я думала о томъ, что больше не увижу его, можетъ быть, никогда... И грустила, и плакала по цѣлымъ ночамъ, когда меня не могла видѣть мать. И молилась, чтобъ Богъ, заставляя меня страдать, пощадилъ, по крайней мѣрѣ, *его!*... До тѣхъ поръ я не думала о бракѣ, но слова тетки навели меня на мысль, что мы могли бы быть соединены навсегда,—*онъ* и я, и разлука, на которую обрекли насъ другіе (Боже мой, за что!), казалась мнѣ непереносно горька.

Отъ этихъ мучительныхъ мыслей я лишилась сна и аппетита; вдобавокъ, стояли страшныя жары, и я до того ослабѣла, что едва держалась на ногахъ. Исхудала, поблѣднѣла, боялась взглянуть на себя въ зеркало. А мама, вмѣсто того чтобы утѣшить меня добрымъ словомъ, изводила меня упреками или, что было для меня еще горше, ругала *его* безчестнымъ и еще того хуже. И отъ этихъ напрасныхъ обидъ моя любовь только становилась еще горячѣй.

Однажды мама вернулась домой съ лицомъ, не предвѣщавшимъ мнѣ ничего добраго. Тотчасъ же прошла въ свою комнату и позвала меня. И тамъ, глядя на меня строго, безъ всякихъ подготовокъ объявила:

— Я была у доктора Секки, узнать, было ли что между вами... Онъ мнѣ сказалъ, что никогда и не помышлялъ о тебѣ. Что ты въ него влюбилась, потому что ты дура и *кокетка*. А онъ смѣется надъ тобой и разсказываетъ по всему городу, что изъ-за тебя долженъ былъ перестать бывать у насъ.

Если бы мама знала, какой это страшный ударъ для меня, она бы воздержалась, несмотря на всю свою строгость. Я не нашла ничего сказать въ свою защиту и ужъ, конечно, не посмѣла объяснить ей, почему мнѣ казалось, что и Секки любитъ меня. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ никогда мнѣ этого не говорилъ! Я была уничтожена, но не открытіемъ, что онъ меня не любитъ. О, нѣтъ! Клянусь всѣмъ, что для меня дорого! За это я его не упрекала. Мать всегда твердила мнѣ, что я некрасива, глупа, антипатична... Я была въ этомъ увѣрена. Естественно, онъ не могъ влюбиться въ меня. Я только думала: «Я ошиблась. Простую вѣжливость я приняла за любовь. Если онъ и былъ привязанъ ко мнѣ, то только какъ къ дѣвочкѣ... Не виноватъ же онъ въ этомъ... Но зачѣмъ онъ, зная, какъ мама строга, напрасно обвинилъ меня передъ нею?»

Разсудокъ робко говорилъ мнѣ:

— Потому, что ему нужно было оправдаться самому.

— О, нѣтъ—,горячо вступалось за него сердце,—онъ добръ и честенъ; онъ неспособенъ на такую низость.

— Но зачѣмъ же срамить меня по всей Болоньѣ? Зачѣмъ говорить, что я кокетка, и смѣяться съ другими надъ моей любовью, какъ надъ глупой навязчивостью?

И опять-таки разумъ подсказывалъ: потому что онъ не хочетъ, чтобъ о немъ говорили дурно, чтобъ его считали способнымъ соблазнить молодую дѣвушку, дочь его друга и благодѣтеля! Но можно ли было предполагать въ немъ такую низость?

Однако, кто-нибудь изъ двухъ солгалъ же? Или онъ, или моя мать? Нѣтъ, нѣтъ, мать не солжетъ! Матери я должна вѣрить! Но и вѣра моя въ него была такъ велика, что я готова была усомниться въ словахъ матери, или предположить, что не *онъ*, а кто-нибудь другой налгалъ, насплетничалъ ей... Сердце мое разрывалось отъ мучительныхъ сомнѣній, но я думаю, въ концѣ-концовъ, я придумала бы какое-нибудь объясненіе словамъ мамы и сохранила бы свою вѣру въ *него*,—такъ я была слаба, такъ хотѣлось мнѣ вѣрить тому, кого я любила.

Но однажды вечеромъ, въ первыхъ числахъ іюля, выйдя подышать воздухомъ съ моей гувернанткой, я увидала издали доктора Секки въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ. Въ первый моментъ я безумно обрадовалась; но онъ былъ веселъ, онъ безпечно смѣялся... и эта веселость, представлявшая такой контрастъ съ моимъ горемъ, какъ-то вдругъ разбила мою вѣру... Только бы онъ не увидалъ меня!... Ноги мои подкашивались; я едва успѣла спрятаться за колонну, и онъ прошелъ мимо, не замѣтивъ меня... Я вернулась домой, еле живая, и всю ночь проворочалась въ постели безъ сна, моля себѣ смерти у Бога...

Въ сущности, что случилось? Онъ былъ веселъ, очевидно, думалъ, что и я не грущу. И только впослѣдствіи я убѣдилась, что мужчины иначе переносятъ горе, чѣмъ мы, что они умѣютъ сдержать себя, скрыть свое огорченіе—и простила ему этотъ неумѣстный смѣхъ. Но тогда я окончательно повѣрила словамъ мамы, и это мнѣ было горше всего.

А отецъ? Онъ мало бывалъ дома, ибо занятій у него все прибавлялось, и обо всемъ этомъ у насъ былъ съ нимъ разговоръ только однажды, въ Римини, лѣтомъ 89-го года.

— Любить можно, въ этомъ нѣтъ дурного,—сказалъ онъ мнѣ съ своей кроткой серьезностью, дѣлавшей для меня такимъ милымъ каждое его слово,—но стыдно любить того, кто не достоинъ любви.

Эти слова запечатлѣлись въ моей памяти, какъ отвѣчавшія моей

инстинктивной вѣрѣ въ существованіе нравственнаго закона, и я старалась залѣчить ими больное сердце. Но мама снова и снова растравляла его своими упреками и насмѣшками надъ моей душевной мукой, которая казалась ей только капризомъ. И я еще больнѣе чувствовала отсутствіе того, чье ласковое слово ранѣе мирило меня съ жизнью. А довѣриться мнѣ было некому: Нино, повидимому, ничего не зналъ, и мнѣ стыдно было сказать ему.

Отецъ, чтобъ вылѣчить меня хотя бы отъ малокровія, если ужъ не отъ тоски, повезъ меня въ горы, потомъ въ Рапаньяно, къ дядѣ Рикардо, гдѣ ежегодно собирались всѣ члены семейства Мурри—повидаться съ дѣдушкой, теперь уже восьмидесяти-двухлѣтнимъ старцемъ, который не въ состояніи больше былъ пріѣзжать къ намъ.

Эта недѣля простой и дружной семейной жизни подѣйствовала на меня лучше всякихъ лѣкарствъ; тоска моя стала не такой острой, хотя все попрежнему было окутано для меня какой-то сѣрой дымкой, и веселой я уже быть не могла.

Вернувшись въ Болонью, мы застали тамъ пріѣхавшую къ намъ погостить синьору Кровато, нашу старинную знакомую и друга дома, съ которой мы не видались уже лѣтъ семь, но которую мы оба, и я и Нино, очень любили въ дѣтствѣ. Она была со мной мила и ласкова, а я, по обыкновенію, готова отдать душу за первое доброе слово. Однажды, когда мы остались съ ней вдвоемъ, она обняла меня и стала разспрашивать о причинахъ моей грусти. Я разрыдалась, а она, лаская меня, убѣждала открыться ей, говоря, что это облегчитъ мое горе. И я, не въ силахъ долѣе владѣть собой, разсказала ей все: свою любовь, свою обиду и горькое разочарованіе—и снова плакала, но какъ отрадны были эти слезы! Я повѣряла ей самыя свои потайныя, самыя завѣтныя мысли, и она слушала меня внимательно, любовно, казалось, понимая и оправдывая меня; а когда я наконецъ выплакалась и затихла, она стала убѣждать меня забыть этого человѣка, который, конечно, не стоитъ такой любви.

Забыть его мнѣ было трудно, но все же дружба Терезы была мнѣ большимъ утѣшеніемъ, и я понемногу стала уже не такъ грустна. Я повѣрила ей и свои опасенія, что мама не любитъ меня, и замѣтила, что послѣ того отецъ сталъ со мной нѣжнѣе и ласковѣе. Я была убѣждена, что и этимъ я обязана своему доброму другу и, въ благодарность за это, старалась казаться спокойнѣе и веселѣе.

Въ ноябрѣ заболѣлъ тифомъ мой братъ. Послѣднее время онъ немного забросилъ меня, поглощенный университетомъ и развлеченіями, свойственными молодости. Я понимала это и, хотя огорчалась, въ душѣ извиняла его. Но этотъ мѣсяцъ болѣзни, когда надъ домомъ

нашимъ виталъ страшный призракъ смерти, медленное выздоровленіе Нино, сопровождавшееся мучительнымъ артритомъ и длившееся нѣсколько мѣсяцевъ, уходъ и постоянныя заботы о немъ снова сблизили насъ, еще больше скрѣпили узы любви, соединявшія насъ, брата и сестру, на краткую радость и безконечную скорбь. Какъ я плакала, какъ молилась, чтобъ Нино выздоровѣлъ, не зная, что лучше было бы тогда умереть намъ обоимъ!...

А неумолимый рокъ уже приближался, но слухъ мой не уловилъ его беззвучныхъ страшныхъ шаговъ.

Уѣзжая отъ насъ изъ Болоньи, синьора Кровато взяла обѣщаніе съ моихъ родителей, что они отпустятъ меня къ ней погостить на нѣсколько дней въ Падую, во время карнавала. Тяжелая и долгая зима порядкомъ утомила меня, видъ у меня былъ совсѣмъ измученный и, на масляницу, вспомнивъ свое обѣщаніе, они предложили мнѣ съѣздить въ Падую. Я съ радостью согласилась...

Увы! Мнѣ не слѣдовало довѣрять судьбѣ. Она только готовила мнѣ новое горе.

Въ Падуѣ жилось весело. Послѣ нашего унылаго и скучнаго дома я въ первый разъ попала въ другую атмосферу, и мнѣ стало грустно, когда недѣля прошла, и пора было возвращаться... Но насмѣшница судьба и тутъ благопріятствовала мнѣ. Нино схватилъ вѣтряную оспу; папа съ мамой не хотѣли, чтобъ я возвращалась, изъ боязни, какъ бы я не заразилась, и мнѣ пришлось еще мѣсяцъ прожить у Терезы.

Въ этотъ мѣсяцъ, въ февралѣ 90-го года, я впервые увидѣла несчастнаго, которому суждено было впослѣдствіи стать моимъ мужемъ.

V.

Встрѣча.

Франческо Бонмартини былъ родственникомъ Терезы Кровато и часто бывалъ у нея въ домѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, на видъ здоровъ и крѣпокъ; хорошъ или дуренъ собой—я тогда не смотрѣла, да его и нельзя было назвать ни красивымъ, ни некрасивымъ... Къ т[о]му же я была очень застѣнчива, а онъ молчаливъ и сдержанъ. Мы т[о]лько здоровались и не разговаривали между собой.

Въ послѣдній день карнавала Тереза повезла меня на балъ-маскар[а]дъ въ Казино-Педрокки. Я согласилась съ радостью—еще бы, это б[ы]лъ первый въ моей жизни праздникъ звуковъ, огней и веселья. [В]ъ Казино насъ встрѣтилъ графъ Бонмартини и предложилъ мнѣ руку, ч[т]обы пройтись по заламъ. Мы обмѣнялись всего нѣсколькими фра-

зами. Онъ спросилъ меня, нравится ли мнѣ Падуя; я отвѣчала, что очень, ибо здѣсь я провела первые радостные и безпечные дни моей жизни.

— Часто ли я веселюсь, бываю на балахъ?

— Сегодня въ первый разъ. Я никогда и нигдѣ не бываю.

Онъ, повидимому, удивился. Но на этомъ и кончился нашъ разговоръ. На меня онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Не такой былъ человѣкъ Франческо Бонмартини, чтобы сразу покорить воображеніе молоденькой дѣвушки, да и я еще не излѣчилась отъ своей первой любви.

Я вернулась въ Болонью, но продолжала переписываться съ Терезой Кровато, ничего отъ нея не скрывая, говоря ей все, чего я не рѣшилась бы сказать матери, увѣренная, что найду въ ней больше снисходительности, если не больше любви. Лѣтомъ 90-го года Тереза пріѣхала на мѣсяцъ къ намъ на дачу въ Римини, гдѣ она была для всѣхъ желанной гостьей. Тутъ она впервые заговорила съ моими о Франческо Бонмартини... Это были какіе-то таинственные переговоры, о которыхъ я узнала лишь много времени спустя.

Отецъ съ матерью призадумались; мама первая, какъ женщина, увлеклась миражемъ блестящей партіи. Но синьора Тереза не умолчала о препятствіяхъ къ этому браку, говоря, что не хочетъ, чтобъ её корили потомъ, и предпочитаетъ сразу сказать всю правду.

Само собой, графъ Бонмартини во всѣхъ отношеніяхъ завидный женихъ. Но—тутъ вопросъ о здоровьѣ. Наслѣдственность неважная. Дѣдъ съ материнской стороны умеръ сумасшедшимъ; мать Ческо умерла отъ рака... Надо хорошенько подумать!

Отецъ твердилъ только одно, что я еще слишкомъ молода, чтобъ думать о замужествѣ.

— Мы поговоримъ съ вами объ этомъ годика черезъ два и, если графъ Бонмартини до тѣхъ поръ не передумаетъ, я наведу справки о здоровьѣ его семейства. Теперь это безполезно.

Онъ просилъ Терезу не говорить мнѣ ни слова, но та не удержалась и все разсказала, причемъ страшно расхваливала мнѣ молодого графа, убѣждая меня выйти за него замужъ.

— Пріѣзжай въ Падую,—говорила она.—Ты найдешь въ Ческо мужа, который будетъ боготворить тебя, а во мнѣ самую любящую мать.

Несмотря на все это, мысль о замужествѣ не улыбалась мнѣ. Я уже не любила Секки такъ, какъ прежде, но зато въ моей душѣ воцарился какой-то холодъ и равнодушіе, даже страхъ передъ любовью; мнѣ казалось, что мое сердце умерло навѣки,—я неспособна больше

полюбить,—говорила я Терезѣ.—А выйти замужъ безъ любви мнѣ было невозможно. Самая мысль объ этомъ была для меня отвратительна. Обмануть человѣка и осудить себя на вѣчное притворство—казалось и кажется мнѣ ужаснымъ. Тереза, съ ея житейской опытностью, смѣялась надъ моими увѣреніями, и говоря, что все это пройдетъ, и я снова полюблю, не Бонмартини, такъ кого-нибудь другого,—такъ лучше ужъ Бонмартини.

— О нѣтъ!—возражала я,—лучше ужъ въ монастырь!

Эта мысль не разъ приходила мнѣ въ голову. Я не была фанатичкой, но была искренно религіозной, и монастырь казался мнѣ тихой пристанью, которая можетъ дать мнѣ покой, единственно желанный моей душѣ. Если-бъ не больная мать, постоянно нуждавшаяся въ моихъ попеченіяхъ, если-бъ я не боялась огорчить отца, *еретичка*, *атеистка*, какъ меня величали мои обвинители, давно уже была бы смиренной монахиней въ какомъ-нибудь монастырѣ—и, конечно, гораздо менѣе несчастной, чѣмъ она есть.

Въ февралѣ 91-го года пришло письмо отъ Терезы съ приглашеніемъ опять погостить у нея. Мои ничего не имѣли противъ, но я знала, зачѣмъ она зоветъ меня и мнѣ не хотѣлось ѣхать.

— Вздоръ, капризы!—сказала мать и велѣла мнѣ укладывать платья.

Я расплакалась.

— Мама, не посылай меня туда! Слушай: синьора Тереза мнѣ все сказала. Я знаю, зачѣмъ она зоветъ меня. Но я не хочу замужъ. И потомъ, мнѣ претитъ мысль, что графъ Бонмартини можетъ подумать, будто я ѣду туда изъ-за него, ловить выгоднаго жениха. Не хочу я, чтобъ онъ это думалъ, и замужъ за него не хочу!

Мама сердито пожала плечами и опять объявила:

— Капризы! Въ твои годы тебѣ слѣдовало бы быть разсудительнѣе. Или ты не смотришься въ зеркало? Вѣдь ты же некрасива! И при этомъ антипатична съ твоей сухостью обращенія. Въ тебѣ нѣтъ ни остроумія, ни непринужденной граціи. Ты производишь впечатлѣніе дурочки. Такой прекрасный случай не годится упускать. Повѣрь мнѣ, найти хорошаго мужа вовсе не такъ просто. Всѣ знаютъ, что ты была влюблена въ Секки. Что же, ты думаешь, кто на тебѣ женится, зная это? Бонмартини, по крайней мѣрѣ, живетъ въ Падуѣ и ничего не знаетъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я была уже замужемъ, я какъ-то въ горькую минуту напомнила матери эти слова, и она призналась, что говорила мнѣ всѣ эти комплименты только для того, чтобъ я не сдѣлалась тщеславной, не воображала лишняго о своемъ умѣ и кра-

сотѣ. Возможно, но тогда я этого не знала и находила слова матери справедливыми. Мнѣ было обидно и совѣстно, что я такая некрасивая и антипатичная, до того, что я совсѣмъ не интересовалась нарядами и всѣмъ, что тѣшитъ тщеславіе женщины, рѣдко глядѣлась въ зеркало и неохотно бывала на людяхъ.

Я стала нелюдимкой, мизантропкой; когда на меня смотрѣли, краснѣла, думая, что на меня смотрятъ потому, что я уродъ, и не обижалась на Секки, что онъ не полюбилъ *меня*, когда на свѣтѣ столько хорошенькихъ дѣвушекъ. Это унизительное чувство сыграло впослѣдствіи свою роль и въ рѣшеніи выйти за Бонмартини. Онъ сватался за меня три года подъ рядъ. Эта великодушная настойчивость по отношенію къ такому несимпатичному существу трогала меня и вызывала во мнѣ отвѣтныя чувства признательности и нѣжности, изъ которыхъ и состояла главнымъ образомъ моя любовь къ нему.

Разумѣется, мама настояла на своемъ, и я поѣхала въ Падую. Когда я сказала о своихъ страхахъ Терезѣ, она расхохоталась.

— Глупенькая, да вѣдь Ческо же ничего не знаетъ! Неужели я стану говорить ему такія вещи? Вѣдь это все наши бабьи комбинаціи. Онъ даже не знаетъ, что я тебѣ сказала объ его симпатіи къ тебѣ. Не бойся.

Я вѣрила ей; однако когда Бонмартини являлся (а онъ приходилъ очень часто), я всегда старалась подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ скрыться, и Терезѣ рѣдко удавалось вернуть меня обратно въ гостиную. Потомъ, когда мы уже поженились, Ческо говорилъ бывало, вспоминая это время:

— Я видѣлъ только твой хвостикъ за дверью.

Тереза была попрежнему мила со мной и нисколько меня не насиловала, только все расхваливала мнѣ Ческо.

— Онъ такой хорошій. И такъ симпатизируетъ тебѣ. Я увѣрена, что ты была бы съ нимъ очень счастлива. Смотри, какой онъ серьезный, какъ не похожъ на другихъ! И одинъ, какъ перстъ, бѣдняжка. Не очень-то ему весело живется. Онъ такъ нуждается въ привязанности!

Тереза знала, чѣмъ меня взять. Я жалѣла каждаго, кто былъ одинокъ, шла съ открытой душой навстрѣчу всякому горю и невольно съ большимъ интересомъ приглядывалась къ Ческо, ища подтвержденія ея словамъ. Но физически онъ мнѣ не нравился, бѣдный Ческо! Былъ слишкомъ толстъ, тяжеловѣсенъ, его массивная фигура подавляла меня, миніатюрную и слабую. Я какъ-то боялась его. Въ его манерахъ была грубость, задѣвавшая меня; онъ прозводилъ впечатлѣніе человѣка, выросшаго въ деревнѣ, среди невоспитанныхъ

грубыхъ людей, и презиравшаго свѣтское обращеніе. Кромѣ того, онъ былъ не столько серьезенъ, сколько угрюмъ и мраченъ. Я была тогда еще очень далека отъ мысли полюбить его и тѣмъ болѣе стать его женой. Я сама не знаю, какъ это вышло, что я всѣмъ сердцемъ привязалась къ нему—да, искренно его полюбила, на его и наше горе, бѣдный Ческо!

Въ Болонью я вернулась спокойная, не думая о замужествѣ, и вновь пошла прежняя жизнь, съ той разницей, что за этотъ годъ за меня сваталось нѣсколько жениховъ. Двое изъ нихъ были люди богатые и съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, живущіе не въ Болоньѣ. Но я, выросшая въ полномъ равнодушіи къ богатству, не искавшая физическихъ преимуществъ, а лишь ума и сердца въ своемъ будущемъ мужѣ, не дала убѣдить себя, и изъ сватовства ничего не вышло. Такіе браки, устраиваемые черезъ посредство третьихъ лицъ, причемъ женихъ и невѣста почти или вовсе не знаютъ другъ друга, всегда мнѣ претили. Я уже не чувствовала прежняго отвращенія къ браку; я думала, что двое людей, подходящихъ другъ къ другу по образу мыслей, взглядамъ и вкусамъ, могутъ быть счастливы вмѣстѣ; но безъ полнаго взаимнаго пониманія и уваженія я не представляла себѣ возможности ни дать счастье, ни быть счастливой.

Дома меня называли романтичной. Неужели такой романтизмъ въ дѣвушкѣ—мечтать о человѣкѣ, котораго она могла бы любить и уважать, прежде чѣмъ выйти за него замужъ?

Думая о будущемъ, теперь, когда зажила моя сердечная рана, я представляла себѣ спокойную тихую жизнь въ семьѣ, основанной на взаимной любви и уваженіи, добраго, преданнаго спутника жизни съ благородной душой, способной на великодушные порывы,—человѣка, которому я могла бы посвятить себя цѣликомъ и который своей любовью и лаской вознаградилъ бы меня за всѣ пережитыя страданія. Вотъ какова была моя надежда, мой идеалъ. Неужели такъ трудно было найти его?

О *матеріальной* сторонѣ брака—смѣйтесь, скептики!—я въ то время ровно ничего не знала. Да и откуда мнѣ было знать? Въ нашемъ домѣ, въ моемъ присутствіи велись только чистыя рѣчи. Родители мои были люди очень на этотъ счетъ строгіе; братъ, конечно, не сталъ бы смущать моей невинности. И я *не знала ровно* ничего. Т.-е. знала, что въ бракѣ рождаются дѣти, но *какъ* и *почему*—не имѣла понятія. Мужчина и женщина, живущіе вмѣстѣ, какъ мои отецъ и мать, связанные любовью на всю жизнь—вотъ чѣмъ для меня было супружество. Въ мечтахъ я видѣла себя рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ; я кладу ему голову на плечо, смотрю ему

въ глаза, подставляю лицо его поцѣлуямъ... А рядомъ съ нами ребенокъ, весь мой ребенокъ, самая лучшая, самая упоительная мечта. Но откуда взялась эта золотая головка, какимъ образомъ я сдѣлалась его матерью,—я не знала. Смѣйтесь, если хотите,—вы, скептики, никогда не заглядывавшіе въ душу дѣвушки, выросшей возлѣ матери, никогда не слыхавшей ни одного двусмысленнаго слова. Такое невѣдѣніе существуетъ, и сколько дѣвушекъ идутъ такимъ образомъ замужъ, ничего не зная,—чтобы внезапно, съ ужасомъ и отвращеніемъ проснуться отъ своей любовной мечты!

Лѣтомъ синьора Кровато опять гостила у насъ и опять говорила о Бонмартини, что онъ все думаетъ обо мнѣ и не хочетъ иной жены. Это меня удивляло и льстило мнѣ, но я только улыбалась и ничего рѣшительнаго не сказала Терезѣ. Зато отецъ, видя, что мама сочувствуетъ этому браку, и очень довѣрявшій уму и опытности Терезы, чтобъ снять съ себя всякую отвѣтственность, какъ онъ выражался, написалъ нѣсколькимъ итальянскимъ психіатрамъ и, въ особенности, Тамбурини, въ лѣчебницѣ котораго умеръ дѣдъ Франческо, выяснивъ имъ положеніе и спрашивая совѣта.

Всѣ, словно сговорившись, отвѣтили, что не слѣдуетъ отказывать хорошему жениху изъ-за болѣзни дѣда, не представляющей опредѣленныхъ признаковъ наслѣдственности. Это хотя и не вполнѣ разсѣяло сомнѣнія папы, но всетаки онъ уже не считалъ этотъ бракъ невозможнымъ.

Снова наступилъ карнавалъ (92 года) и снова я поѣхала въ Падую, порѣшивъ хорошенько изучить характеръ Бонмартини, чтобы рѣшить, подходимъ ли мы другъ къ другу. Увы! чего стоятъ людскія рѣшенія! Его постоянство, огонь любви, сверкавшій въ его глазахъ, его радость при свиданіи со мною—все это окружило его въ моихъ глазахъ поэтическимъ ореоломъ, и я уже не могла отнестись къ нему вполнѣ безпристрастно.

— Конечно, онъ не красавецъ,—говорила я себѣ,—но что значитъ красота? Онъ добръ, любитъ меня—чего же еще?

А Тереза, видя, что въ сердцѣ моемъ зародилась симпатія, удвоила похвалы, настойчиво повторяя:

— Онъ такъ любитъ тебя! Подумай, милочка, три года! Только о тебѣ и думаетъ. Вы будете счастливы.

Я вѣрила ей: вѣдь она изучила мой характеръ, знала всѣ мои мысли; ей легче, чѣмъ кому-либо, было судить, годимся ли мы другъ для друга. И Бонмартини въ этомъ году—потому ли, что онъ дѣйствительно любилъ меня и привыкъ ко мнѣ, или потому, что его предупредила Тереза—былъ не такимъ угрюмымъ, какъ прежде, любез-

нѣй, предупредительнѣе, въ особенности, со мной. Что же касается до его серьезности и молчаливости, это было мнѣ скорѣе по душѣ.

Словомъ, я вернулась домой съ сладкой надеждой въ душѣ. Я еще не любила его, но охотно думала о немъ, въ связи съ моей будущей жизнью, представляя себѣ ее ясной, спокойной, согрѣтой прочной и крѣпкой привязанностью. Въ душѣ моей не было никакой экзальтаціи, но было глубокое спокойствіе, врачевавшее былыя раны. Отецъ съ матерью часто говорили о моемъ замужествѣ, сомнѣвались, колебались... А я ждала.

Тѣмъ временемъ одинъ докторъ изъ Феррары, большой другъ нашей семьи, предложилъ отцу въ женихи мнѣ одного близкаго пріятеля, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго молодого человѣка. Папа сказалъ, что подумаетъ, и предложилъ мнѣ напрямикъ—выбирать между этимъ молодымъ человѣкомъ и Бонмартини. Я сказала, что всегда покорна его волѣ и его совѣту, но что Бонмартини я знаю, очень вѣрю рекомендаціи Терезы и надѣюсь быть съ нимъ счастливой, поэтому предпочитаю его неизвѣстному.

Отецъ самъ написалъ Терезѣ, спрашивая ея мнѣнія и безпристрастной оцѣнки. Та отвѣтила, что Бонмартини уменъ, солиденъ, добръ и любитъ меня. Она боится только, какъ бы его политическіе и въ особенности религіозные взгляды не сдѣлались когда-нибудь причиной разлада между нами;—дѣло въ томъ, что онъ воспитанъ въ строго-религіозномъ духѣ и изъ-за этого даже слыветъ ханжей и клерикаломъ.

Политикой я мало интересовалась, а что касается религіи, тутъ я убѣждена была, что мы сойдемся, такъ какъ и я искренно вѣрила, хоть и была совершенно несвѣдуща по части религіозныхъ доктринъ. Въ тринадцать лѣтъ я комфирмовалась и была такъ взволнована, что со мной даже сдѣлалось дурно во время исповѣди, а передъ этимъ, какъ водится, изучала катехизисъ подъ руководствомъ нашего приходскаго священника, но не вдумываясь въ его содержаніе. Точно также и мать моя выполняла обряды религіи, поддерживая сношенія съ Богомъ, какъ иногда поддерживаютъ знакомства съ людьми, въ которыхъ душа не участвуетъ. Но моя душа, тронутая горемъ, уже искала Бога, стремилась къ Нему... Я любила ходить къ ранней обѣднѣ чуть свѣтъ, когда въ церкви мало народу; любила молиться въ заброшенныхъ безмолвныхъ храмахъ, гдѣ чувствовала себя ближе къ Богу; часто исповѣдывалась и въ прощеніи винъ черпала новую бодрость. Я молилась о своихъ, о выздоровленіи матери, о томъ, чтобъ Богъ послалъ мнѣ добраго спутника жизни, а если это не угодно Ему, *чтобъ Онъ взялъ меня къ Себѣ*... Чего же мнѣ было бояться религіозности моего жениха? Мнѣ казалось съ его

стороны даже мужествомъ—открыто признавать себя клерикаломъ въ такое время, когда люди тщательно это скрываютъ.

Отецъ мой, хотя и не ходилъ въ церковь и не представлялъ себѣ Бога такимъ, какимъ изображаетъ Его католическая религія, но не былъ и атеистомъ и тѣмъ менѣе нетерпимымъ; уважая всякое искреннее убѣжденіе, онъ не видѣлъ помѣхи въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Бонмартини. Онъ сообщилъ это Терезѣ, присоединивъ и отвѣтъ психіатровъ, говоря, что пора на чемъ-нибудь порѣшить. Та отвѣтила, прося его повременить немного, такъ какъ ея родственникъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Неаполь, а лучшаго мужа мнѣ не найти... *Она, навѣрное, будетъ съ нимъ счастлива*,—писала Тереза.

Прошло еще нѣсколько дней безъ всякихъ извѣстій. Но въ воскресенье мама захотѣла непремѣнно пойти къ обѣднѣ вмѣстѣ со мной и заставила меня одѣться наряднѣе обыкновеннаго. Я повиновалась, не понимая въ чемъ дѣло, и въ церкви съ удивленіемъ увидала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Франческо Бонмартини, который почтительно мнѣ поклонился. Домой я вернулась взволнованная и счастливая.

Вечеромъ мама (о диво!) поѣхала со мною въ театръ, гдѣ она никогда не бывала. Давали «*L'Ami Fritz*», но я почти не слыхала музыки. Въ театрѣ былъ Бонмартини, и я видѣла только его... У выхода онъ дождался насъ и поздоровался... Всю ночь я пролежала, не смыкая глазъ, въ чудныхъ грёзахъ. Послѣ того я еще нѣсколько разъ встрѣчала его въ Болоньѣ; онъ кланялся намъ издали и не сводилъ съ меня глазъ, а я была счастлива... Мѣсяцъ спустя отецъ объявилъ мнѣ, что Баттиста Вальвасори пріѣхалъ просить моей руки для Франческо Бонмартини.

Я съ крикомъ радости кинулась на шею отцу. Да, да, я была довольна; мнѣ казалось, что Богъ послалъ мнѣ высшее счастіе. Бѣдная я, бѣдные мы!

Я никогда не забуду, какимъ образомъ папа сообщилъ эту новость Нино, который лежалъ въ постели больной.

— Знаешь, Нино? Линда уходитъ отъ насъ!—и залился слезами. Не было ли это предчувствіемъ?

Перев. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гробница Александра Македонскаго.

Сонетъ.

Когда-то здѣсь лежалъ великій прахъ —
И послѣ смерти онъ остался славенъ.
Его дѣла гремѣли, какъ въ горахъ
Раскаты низвергающихся лавинъ.

При жизни всѣмъ онъ былъ во многомъ равенъ.
И ѣлъ, и пилъ, и ночевалъ въ шатрахъ.
Былъ глупъ въ любви, въ тщеславіи забавенъ.
И пьянымъ напивался на пирахъ.

Но смерть его отъ путъ освободила:
Что для червей, то отдано червямъ.
Все тлѣнное взяла себѣ могила.

Погибли стѣны храма, но не храмъ.
Даруетъ то безсмертіе вождямъ,
Въ чемъ для рабовъ убійственная сила.

А. Ѳедоровъ.

РАЗСКАЗЫ.

Солнце.

Ночью просыпаюсь, потому что чувствую, что въ грудь, въ лѣвое легкое, мнѣ воткнули палку, кусокъ большой круглой палки, какъ отъ щетки, которою метутъ полъ. Она меня давитъ тупой болью.

Зажигаю лампу, маленькую лампу подъ шелковой красной шапочкой на ночномъ столѣ, этотъ электрическій зловѣщій и красный огонекъ, отъ котораго темно подъ потолкомъ и во всѣхъ углахъ комнаты.

Мѣняю свою ночную кофту. Слышу, какъ отъ пота смокла моя фуфайка, и мокра моя спина и моя усталая, опавшая молодая грудь. Я чувствую свои кости подъ моей истощенной, обѣднѣвшей кожей. Сижу на постели... Долго мѣряю температуру... Конечно, жаръ... Потомъ вдругъ холодно, и мокрыя холодно-вздрагивающія струи бѣгутъ по моему тѣлу.

Здѣсь ходитъ около меня долгая и блѣдная печаль. Кто-то враждебный слѣдитъ за мной. Онъ кладетъ мнѣ на грудь свою тяжелую руку. Онъ, можетъ быть, завидуетъ моей жизни?... Я слышу эти тяжкія прикосновенія, они ложатся на меня, какъ гири. И моя бѣдная, утомленная жизнь съ нимъ борется: Богъ знаетъ, зачѣмъ онъ здѣсь, Богъ знаетъ, за что и почему, за какой грѣхъ я должна бороться съ нимъ.

Странно-глубокія боли у меня въ груди, я къ нимъ прислушиваюсь... Я ихъ не узнаю и раньше ихъ не замѣчала. Каждая ночь для меня новое открытіе и страхъ... Кто-то меня побѣждаетъ... Все сижу, приподнявшись, на постели.

Мнѣ не лежится, я не сплю. Гляжу въ красноватый сумракъ и слушаю. Мнѣ кажется, что весь домъ тяжело дышитъ и тоскуетъ, и въ каждой комнатѣ такія же, какъ въ моей, ненужныя и жалкі

страданія... Я слышу мучительные кашли, и кто-то бредитъ, и чья-то стонетъ деревянная, большая, по заграничному, кровать.

Я встаю, накинула на себя одежды, и отъ тоски хожу взадъ и впередъ по коврамъ комнаты.

Я отворила дверь въ коридоръ; онъ холодный; я, вѣрно, простужусь отъ этого. Какъ странно: почему здѣсь все горятъ электрическія лампы? Такъ поздно? Я думала, что темно. Точно ихъ здѣсь забыли.

Непонятно-блѣдные и мертвые, оставленные на ночь огни! Отъ нихъ коридоръ глядитъ такимъ непріютнымъ, длиннымъ. Блѣдные, усталые глаза незаснувшей ночи! Они длятъ эту пустынную печаль и эту ночь въ безконечность, и само время становится отъ нихъ ужасно долгимъ, скучнымъ, однообразно-блѣднымъ.

Мнѣ слышится, какъ по голымъ стѣнамъ скользятъ звуки, отражаются отъ нихъ и растутъ въ пустотѣ. Въ каждой комнатѣ, которыя глядятъ сюда дверями, кто-нибудь тоскуетъ и не спитъ, и жалуется деревянная кровать, и скучаютъ стѣны.

Ходитъ здѣсь по коридору тотъ, кто намъ всѣмъ враждебенъ. Кто онъ? Онъ пользуется безсиліемъ этой ночи. Онъ крадется и караулитъ. Онъ идетъ изъ комнаты въ комнату и, ревнуя насъ къ жизни, тѣшитъ себя нашей мукой. Долгая, блѣдная ночь, что мы тебѣ сдѣлали? зачѣмъ такъ горятъ твои огни?...

Возвращаюсь и опять сажусь на свою постель. Сижу согнувшись. Опять не спится. Я даже боюсь заснуть. Я знаю, какъ во снѣ замретъ у меня сердце. Какъ всколыхнетъ меня холодный ужасъ. Я точно падаю въ головокружительные провалы. И все сижу, все слушаю, вся въ своихъ фуфайкахъ и въ сырыхъ бинтахъ. И со склянкою въ рукахъ, которую завтра отдамъ изслѣдовать врачу... Все стерегу *его*. Мнѣ кажется, что онъ подкрался, стоитъ молча за дверью и долго ждетъ. Вотъ онъ отворитъ... Мнѣ жутко! О пусть, пусть, пройдетъ мимо!... Гори, гори свѣтлѣй, моя красная лампочка!... Гори, милая!

Мнѣ хотѣлось бы увидѣть горы. Но онѣ теперь, должно быть, совсѣмъ темны. Можетъ быть, это онѣ нагнали эту густую ночь въ долину, на городокъ, на наши санаторіи. Можетъ быть, насъ поглотитъ эта ночь. И тогда снова будетъ день, и снова засмѣются голубыя горы...

Кажется, свѣтаетъ. Я вижу: желтѣетъ тюлевая занавѣска, которая передъ окномъ. Утро входитъ медленное и слабое. Но отъ него ночныя тѣни собираются въ тяжелые клубы и неохотно, тяжело ползутъ. Идетъ утро. Но оно, навѣрное, хмуро и печально.

Три дня мы не видѣли солнца, и шелъ дождь. Ненастная пора. Бѣлый снѣгъ на макушкахъ сѣрыхъ горъ, облака спускаются по склонамъ. Глухая осень и дождь, дождь...

Утромъ войдетъ ко мнѣ моя массажистка; мои бинты и обтиранiе водой. Потомъ сойдемся всѣ въ столовой, гдѣ завтракаютъ. Нашъ молодой лакей, нелѣпо-важный, во фракѣ и перчаткахъ, несетъ подносы съ кофе. Онъ такъ явно презираетъ насъ, больную, кашляющую публику. А когда мы даемъ ему Trinkgeld, то видъ у насъ виноватый. Сыро, холодны полы, покрытые линолеумомъ,—должно быть, каменные.

За окнами сѣро! И всѣ мы кашляемъ: кашляетъ недавно прiѣхавшая дама, которая всѣхъ спрашиваетъ про лихорадку; кашляетъ увѣсистый баварецъ, какъ изъ бочки, громовымъ кашлемъ простудившагося гиппопотама. Кашляетъ студентъ-берлинецъ; кашляетъ студентъ-сербъ, длинный, хрупкiй юноша, который не долженъ говорить, и весь день болтаетъ, потому что онъ все знаетъ, и скучаетъ, и хочетъ быть вездѣ; онъ съ хозяиномъ играетъ въ шахматы, а со мною говоритъ по-русски. Пьемъ кофе съ хлѣбцами и медомъ. Сербъ желтъ и зеленъ, и непремѣнно скажетъ: «Na, heute bin ich ganz kaput!» И всѣ мы жалуемся: на эту ночь, которую не спали, и на свою температуру, на врачей, на не-двойныя окна, на холодный, по-заграничному, коридоръ и на то, что мало топятъ.

Мы всѣ здоровы. Это каждый день мы твердимъ другъ другу. Мы только очень слабыя, предрасположенныя натуры... Но отъ этихъ трехъ дождливыхъ дней мы всѣ заболѣли... Мы всѣ здоровы. Мы внимательны и заботливы другъ къ другу, и отъ пустого времени мы разговорчивы. Но когда однажды кто-то изъ насъ по забывчивости нарушилъ «правило» и плюнулъ на полъ, о, какая поднялась тревога! Какая ядовитая вражда! Какъ выслѣживали другъ друга. Ходили жаловаться хозяйкѣ.

Дождь, дождь!...

Смѣшно звучитъ простуженная музыка въ бесѣдкѣ, передъ курзаломъ. Тамъ ее никто не слушаетъ. Но они играютъ два раза въ день, и мнѣ смѣшно.

Во всѣхъ пансiонахъ прекратили Liege-Kur, и пустуютъ Liege-Hallen. Тамъ, подъ этими трельяжами изъ винограда и парусинами, только фанатики лежанiя лежатъ, закутанные мѣховыми одѣялами, эти жаждущiе воздуха и дышащiе.

Печальный день. Съ повисшихъ листьевъ финиковыхъ пальмъ падаютъ, падаютъ капли. Суровы плачущiя горы, и звонъ жидень-

кихъ колоколовъ надъ острой колоколенкой бьетъ книзу тоскливыми лентами.

Мы удручены, мы не выдерживаемъ. Мы всѣ куда-то уѣзжаемъ.

Одни хотятъ еще южнѣй, за Альпы: тамъ должна быть всегдашняя весна, и ихъ успокоиваетъ голубой цвѣтъ моря.

Другіе говорятъ, что могутъ вылѣчить только желтые сухіе пески Египта, и тамъ вѣчное лѣто.

Но еще есть третьи. Они знаютъ и влажность моря, и вѣчную весну и лѣто, и сухость Африки, и теперь хотятъ зимы.

— Въ горы, въ горы! въ снѣгъ и въ ледъ! Открыть надъ собой подъ потолкомъ круглое отверстіе вентилятора и дышать морозомъ! Представьте, больное легкое цѣлыми кусками замораживается и отмираетъ, и можно жить!... У меня одна знакомая совсѣмъ поправилась... Только живетъ тамъ постоянно, ея не пускаютъ съ горъ, на всю жизнь въ горахъ!

Уже уѣхала отъ насъ одна больная путешественница, которую погода больше другихъ испугала.

И мнѣ думается: всѣмъ намъ быть такими испуганными скитальцами, всѣмъ бояться перемѣнъ погоды и искать по свѣту...

Меркнетъ моя лампочка. Что-то въ ней перегорѣло. Отъ этого темнѣй, темнѣй. Что-то меня душитъ. Смертельный страхъ! О, прочь отсюда! Бѣжать, бѣжать отъ этихъ сѣрыхъ стѣнъ, людей, отъ жуткой ночи!

Но что это? Сегодня какъ будто сильнѣе желтѣетъ занавѣска, чѣмъ вчера въ этотъ утренній и мутный часъ. Правда ли?

Можетъ быть, тамъ за окномъ клочокъ голубого неба!

Отъ одного этого уже ровнѣе и смѣлѣй бьется мое сердце.

Я вскакиваю съ постели, я бѣгу. Я осмѣливаюсь заглянуть за эту занавѣску, за эти стекла, отъ которыхъ холодъ предательской струей мнѣ попадаетъ въ горло.

Голубымъ озеркомъ смотритъ на меня небо! Расходятся и ползутъ къ горамъ рыхлыя тучи. Съ вечера мы слышали, какъ гудѣлъ вѣтеръ. Это онъ вошелъ за эти горы; это отъ него уходятъ тучи. Я вижу серебряный туманъ надъ мокрыми магноліями и пальмами.

Сегодня будетъ солнце... Свѣтъ и жизнь!

Высохнутъ въ саду усыпанныя мелкимъ камнемъ шуршащія дорожки. Обсохнетъ терраска передъ моимъ окномъ, и вынесутъ на воздухъ мою лежалку.

Я ложусь въ постель. Я закутываюсь въ одѣяло, ныряю подъ печь. Я успокаиваюсь и грѣюсь... Мнѣ хочется спать, спать!...

Солнце! Оно знаетъ, что я ждала его, что я его звала.

Я его искала. Я такъ далеко ѣхала ради него сюда. Въ немъ жизнь, въ немъ мое *все*.

Единственный, оставшійся мнѣ другъ! Онъ меня услышалъ, онъ самъ идетъ ко мнѣ.

Есть... Еще *есть* надъ міромъ солнце, еще свѣтитъ оно землѣ! Могучій дивный Богъ!

Онъ надъ алмазными снѣгами Альпъ; надъ голубымъ весеннимъ берегомъ и синимъ моремъ; надъ желтой Африкой, и здѣсь, надъ этой маленькой тирольской долинкою въ горахъ.

Мой другъ, мой Богъ! надежда!... Это тебѣ та радость, которая у меня въ груди. Тебѣ мои горячія слезы!... Какъ уютно мнѣ и тепло въ моихъ одѣялахъ, подъ моей периной; я такъ согрѣлась!... Тихій сонъ ложится на мои вѣки. Я потушила лампу. Такъ сладко мнѣ!... Спать, спать!...

Желтѣетъ, все желтѣетъ занавѣска.

Сегодня будетъ ясный день.

Вечернее окно.

Я зналъ тебя еще со школьной скамьи. Ты былъ, мальчикомъ, такой тихій и серьезный, и все думалъ. Во время шумныхъ школьныхъ игръ ты садился гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, и тогда о тебѣ забывали. Но когда встрѣчались съ тобой, то первое, что видѣли, былъ твой высокій бѣлый лобъ, а подъ этимъ лбомъ задумчивые и грустные, усталые, но очень добрые, очень лучистые глаза.

Отъ этого высокаго лба твоя голова казалась слишкомъ большой по твоему тонкому и хрупкому стану. Я любилъ тебя и зналъ то, о чемъ ты думалъ.

Потомъ—какъ въ разсказѣ Чехова—«даже по ногамъ твоимъ сдѣлалось видно, что тебѣ осталось недолго жить»... Потомъ мнѣ прислали телеграмму.

Широкое окно открыто настежь. Одно изъ тѣхъ огромныхъ оконъ, которыя иной разъ бываютъ въ такихъ лѣчебницахъ.

Я сижу у этого окна.

Вечеръ теплый, благодатный. Но если бы подуло холодомъ, то это уже не важно,—поздно! И окна не закроютъ, потому что должна провѣтриваться комната.

Комната очень опрятная и бѣленькая. Даже дерево мебели свѣтлое и почти бѣлое. Мраморный аккуратный умывальничекъ. На бѣлой вѣшалкѣ виситъ свѣжее полотенце.

Бѣлы простыни, на которыхъ ты лежишь, и ты покрытъ бѣлымъ одѣяломъ. Только желѣзо кровати черное, и оно—какъ широкія полоски траурныхъ писемъ.

Твой высокій, твой чудесный лобъ, какъ изъ слоновой кости. Глаза закрыты и очень бѣлы губы. Сильнѣе выступилъ твой тонкій, правильный носъ съ горбиной. И ты необыкновенно, ты странно неподвиженъ.

Знаешь ты или не знаешь, что я здѣсь? Ты сталъ такимъ далекимъ, строгимъ. Можетъ быть, ты и вправду далеко отсюда. Тебя какъ будто уже сдѣлали для меня изъ мрамора.

Надъ моремъ закатное солнце. Тамъ, за окномъ, все отъ него розовое и золотое. Звенитъ мандолина маленькими дробными звуками, и мнѣ ужасно, мнѣ постыдно грустно.

Другъ дорогой, снова я спрашиваю тебя: я тутъ, я говорю съ тобою. Чтò хочетъ мнѣ сказать твоя внушающая неподвижность и твоя строгость, которая повелительна? Мнѣ совѣстно, что я живу.

Тишина въ бѣлой комнатѣ. Она тутъ ходитъ и легкими прикосновеніями дотрогивается до вещей.

Ее, должно быть, слышатъ эти свѣтлые стулья, свѣтлая рамка у зеркала, кусокъ новенькой цыновки на полу. Отъ этого они такіе выразительные,—внимательные и скромные. Точно не вещи, а молодыя монашенки, приглядывающіяся вновѣ къ своему монастырю.

За окномъ въ вечернемъ воздухѣ легкіе запахи и звуки. Они какъ будто къ намъ поднимаются и, заглянувъ въ окно, тихо падаютъ: какъ лепестки цвѣтовъ, которые бросили сверху. Они тоже уважающіе и скромные.

Вотъ тишина окутала насъ съ тобою. Такъ, ни слова! Другъ, мы будемъ съ тобой молчаливы! Пусть тишина нашепчетъ мнѣ свои глубокія загадки.

Ты опередилъ меня. Твой бѣлый лобъ какъ будто свѣтится, что-то подъ нимъ просвѣтлѣло. А молчишь ты потому, что твой бѣдный усталый мозгъ все думалъ, думалъ и вдругъ отдохнулъ, потому что понялъ. Другъ, ты помнишь: я былъ съ тобою близокъ, ты открылъ мнѣ свои мысли. Мы думали объ одномъ и томъ же, и загадка жизни и то, что за жизнью, были для насъ самой важной, самой мучительной и больною мыслью.

Ты, можетъ быть, дивишься, что я еще не знаю, что я не понимаю. Но мои мысли спѣшатъ за тобою: онѣ переживаютъ вновь торопливо, напряженно наши думы, онѣ тебя догоняютъ. Пусть шепчетъ тишина, пусть колдуетъ.

ъ окно мнѣ виденъ маленькій и розовый вокзалъ. Потомъ на-

рядная вилла съ садомъ и еще вилла. И длинный низкій домъ, въ которомъ магазины.

Передъ вокзаломъ стоитъ пролетка фіакра. Его поджарый, заграничный конь понурилъ головою. Каменныя лѣсенки, каменныя ограды. Колючія и жирныя агавы, пальмы. Оранжевая черепица крышъ. И большой участокъ съ розами: грядки, и на нихъ рядкомъ все розы, цѣлый огородъ изъ розъ. А за всѣмъ этимъ тотчасъ море: серебряная и палевая тихость, заливъ, и на немъ вдалекѣ дремлютъ парусныя лодки.

Загромыхалъ и подошелъ къ вокзалу поѣздъ. Маленькій паровозъ пыхтитъ, сопитъ и почему-то идетъ задомъ. Но дымитъ немного. Потомъ ведетъ свои вагоны и уходитъ снова задомъ къ другой такой же станціи.

Кругомъ насъ гора, высокій берегъ; она желтая отъ камня, но серебристая, сѣдая отъ оливокъ. Покатымъ мысомъ она сползла въ море. Отъ низкаго солнца плыветъ къ берегу золотой и розовый отсвѣтъ.

Мѣстечко аккуратное и, вѣрно, уважающее больныхъ иностранцевъ. У вокзала ихъ ждетъ фіакръ и везетъ въ отель. Ихъ ждутъ къ себѣ два санаторія, на нихъ надѣются магазины.

Что-то дѣлаютъ съ цвѣтами дѣвицы въ одномъ изъ магазиновъ въ длинномъ домѣ: кажется, упаковываютъ ихъ въ плоскія тростниковыя плетенки.

Помню: на одной изъ здѣшнихъ станцій, когда я сюда ѣхалъ, цѣлый вагонъ нагружали розами. Везутъ къ сѣверу эти цвѣты.

Мнѣ странно, что я здѣсь, я съ сѣвера, тотчасъ послѣ зимы, которая была тамъ тому назадъ три дня. Она еще въ моихъ глазахъ. Я не могу понять, что тутъ: зима, весна или уже лѣто?... И еще странно, что здѣсь, гдѣ умираютъ иностранцы, такъ хорошо торгуютъ розами.

Воздухъ теплый, но меня знобитъ. Было холодно въ нетопленномъ, по заграничному, отелѣ, гдѣ я остановился, и каменные коридоры дышали погребами.

На шоссе сидятъ итальянцы и мостятъ его новымъ камнемъ. Всюду этотъ камень. Онъ бѣлый на шоссе, а гора отъ него желтая, сухая. Гдѣ мягкая и черная земля, которую мы любимъ? У этого камня, должно быть, холодная душа, и отъ него дышитъ холодомъ всякій разъ, когда нѣтъ солнца.

Все четкое, какъ панорама, по заграничному. И все молчитъ, какъ неживое. Молчитъ гора, точно ее вырѣзали изъ желтаго к рто-

на. Но на камняхъ густо растетъ зелень, и отъ этого все здѣсь странно похоже на большое хорошо засаженное кладбище.

Она совсѣмъ не такъ далека, какъ думаютъ, отъ смерти, эта страна солнца.

Меня знобитъ! Я думаю, что, можетъ быть, вчера еще на щекахъ твоихъ горѣлъ такой же яркій и больной румянецъ, какъ эта бронза послѣднихъ и больныхъ лучей на черепицахъ крышъ, на всемъ... Чуждъ мнѣ этотъ иностранный вечеръ. И если бы не ты, ясный и спокойный, я крикнулъ бы проклятія этимъ глупымъ пальмамъ, обманнымъ санаторіямъ, этому воздуху и солнцу за то, что они не сберегли тебя!...

Тогда я вглядываюсь въ тебя, тихаго.

Ты такой неслышный, ты ужасно скроменъ. Но ты чудесно величавъ. Ты лежишь передо мной глубоко-тихой тайной и яснымъ миромъ. Я въ тебя вдумываюсь, я долженъ разгадать тебя. Мнѣ чудится, что въ свѣтлой красотѣ твоей должны мириться земля и небо.

Тогда въ этотъ чужой, въ этотъ картонный вечеръ откуда-то плыветъ что-то живительное и родное.

Тогда мнѣ кажется, что въ воздухѣ протянуты золотыя нити. Онѣ идутъ отъ вокзала къ фіакру и долговязому коню его, отъ коня къ оранжевымъ черепицамъ. Дрожатъ и блещутъ нити. Онѣ таинственно соединяютъ кактусы и камни, санаторіи и розы. Ихъ тketъ закатное солнце. Всѣ онѣ сходятся къ солнцу. Ткетъ золотой паукъ закатную паутину. Но начинаются онѣ не отъ солнца. Мнѣ какъ будто видится, какъ онѣ уходятъ далеко за солнце, въ бездонные просторы неба.

Дверь безшумно отворилась, и вошла къ намъ дѣвочка, дочь здѣшняго хозяина. На ней коротенькое платье и передникъ бѣлый. Ей, должно быть, тринадцать лѣтъ. Она хорошенькая. У нея глаза и ноги, какъ у молодой газели. Совсѣмъ простое платье изъ уваженія къ санаторію, но у шейки красненькій цвѣтокъ. Она вошла уважительно, на цыпочкахъ, и подала письмо, которое мнѣ сюда переслали.

Она мнѣ печально, но свѣжо, невольно, по молодому улыбнулась, вздохнула и тихо вышла. Что-то отъ нея осталось тутъ очень нѣжное... Итальянская барышня.

Въ моей душѣ теплѣетъ: я зналъ когда-то, что глубока и хороша земля, и то, что на ней, изящно.

Передъ отелемъ заиграли гитаристы и поетъ женщина. Во мнѣ ...вѣнія и облики... Женскіе лики... Откуда-то вдругъ потянуло гу...ѣй и пряной, тяжкою струей апельсиноваго цвѣта.

Сѣрѣетъ въ бѣлой комнатѣ.

Ты лежишь и ждешь. Мнѣ не жутко съ тобой неподвижнымъ, съ тобой мраморнымъ. И вмѣсто дрожи въ моей душѣ твоя сосредоточенная строгость.

Широко открыто огромное окно. Окно вечернее. Я всталъ. Закатный свѣтъ, воздухъ и просторъ. Я дышу.

Какъ безконечны, безконечны надъ моремъ серебряныя дали! Отъ нихъ по водѣ ползутъ изгибами бѣловатыя дорожки. И въ небѣ перистыя облака раскинулись розовыми дорогами и идутъ туда.

Безконечны дали, которыя надъ моремъ.

Что-то тамъ передвигается, свѣтлѣетъ. Тихій вихрь оттуда. Въ моей душѣ вечернее окно все глубже. И изъ груди внезапно сладостный и вихревой порывъ туда! А тамъ... дивно наполняются пустыни, которыя за небомъ.

Внизу, подъ окномъ, когда я наклоняюсь, мнѣ виденъ кусокъ зеленаго и шелковаго газона, и на немъ очень аленькій цвѣтокъ.

Если тутъ такіе яркіе цвѣточки, то какіе алые цвѣты должны быть тамъ!... Они, должно быть, тамъ горятъ, спокойные и большіе, въ вѣчныхъ канделябрахъ, несгораемыми пламенниками.

Отъ нихъ вспыхиваютъ у насъ цвѣты-огоньки, цвѣты-отголоски; загораются и гаснутъ, и на новыхъ мѣстахъ вспыхиваютъ новыми.

Закатное солнце ткетъ золотыя паутины. Тамъ одинъ большой, спокойный свѣтъ, который грѣетъ наши солнца.

Краски и звуки, запахи, цвѣты и хозяйская барышня, хорошенькая, какъ цвѣточекъ,—отзвуки и отблески, нездѣшняго эхо.

Тихъ серебряный и палевый заливъ, и на немъ спятъ лодки. Я себя спрашиваю: какія должны быть тамъ голубыя родныя гавани и бѣлыя видѣнія въ парусахъ!

Вѣрно, тамъ безмѣрные просторы полны музыки. Ее колышетъ вѣтеръ. Звучные снопы ея блуждаютъ и заходятъ къ намъ. Тогда у насъ играютъ мандолины и гитары, и поютъ пѣвцы.

Глухія замиранія сердца, и новыя его пробужденія, и ласковыя чувства, и вѣчные призывы красоты, которая оттуда.

Тамъ ея неизсякаемые запасы. Она оттуда медленно, но вѣчно входитъ въ наши земли. И незамѣтно—вѣчно отъ нея хорошѣетъ земля.

Вонъ на платанахъ зеленые листочки. Но у ихъ корней еще лежатъ тѣ, что опали осенью.

Вечеръ гаснетъ надъ заливомъ, но родится завтра новымъ днемъ.

Безконечны серебряныя дали надъ моремъ.

Другъ, гляди! Мнѣ кажется, я вижу, какъ туда уходятъ осени

и зимы, дни и годы, и снова идутъ оттуда безпрерывно строгими очередными вереницами.

Приливы и отливы. Звучащія, благоуханныя волны: онѣ безпрепятственно и плавно вступаютъ въ наши пространства и плывутъ дальше. Онѣ соединяютъ два міра.

Что гаснетъ здѣсь, то вспыхиваетъ тамъ, и снова идетъ сюда, чтобы горѣть здѣсь ярче.

Возникновенія и исчезанія. Другъ, не правда ли, одинъ и тотъ же вѣчно стройный, вѣчно изумительный аккордъ!

Стемнѣло въ комнатѣ. Мнѣ кажется, что закрытые глаза твои на меня смотрятъ. Ты что-то спрашиваешь меня, важное и ласковое.

Вотъ за окномъ мелькнула какая-то пичужка: съ стремительнымъ, весеннимъ крикомъ, какъ свистъ жгута. Это похоже на нашу ласточку. Такое же мгновенное, залетное счастье. Въ груди забилось сердце. Она, должно быть, съ юга и, можетъ быть, летитъ на сѣверъ; тамъ кончается зима... Но крикъ ея упалъ откуда-то издалека, изъ того вѣчнаго уюта и тепла, изъ другой родины. Двѣ родины она соединила въ моей душѣ тонкимъ и звенящимъ своимъ зигзагомъ.

Я слышу, какъ въ тихомъ сумракѣ здѣсь, гдѣ-то въ комнатѣ, стучитъ и сладко бьется мое сердце.

Можетъ быть, стучитъ оно у тебя въ груди. А, можетъ быть, это лучъ далекой маленькой звѣзды, которую не видно, вошелъ въ комнату и тутъ дрожитъ.

Надъ моремъ гдѣ-нибудь, невидимая, летитъ чайка, но отъ нея около щеки моей незамѣтно вздрогнулъ воздухъ.

Еще не потемнѣло небо, но это значитъ ли, что тамъ нѣтъ звѣздъ?

Оттого, что погасъ бѣлый свѣтъ, который горѣлъ въ тебѣ, развѣ онъ нигдѣ?

Смотрятъ на меня закрытые глаза твои. Ни слова! Не нужно словъ, которыхъ было слишкомъ много между тобой и мною въ моемъ мозгу. О, другъ мой! мы будемъ съ тобой молчаливы. Кругомъ молчитъ мудрая, святая тишина.

олнце умерло надъ моремъ. Твой бѣлый лобъ мнѣ въ сумракѣ не идень.

ъ небѣ встала бѣлая звѣзда.

Sereno.

Спитъ южный городокъ.

Спятъ дома съ полуплоскими крышами, и подъ звѣзднымъ небомъ слегка отсвѣчиваютъ черепицы.

Заснулъ городокъ со своей кипучей, южной, возбужденной, праздной и лѣнивой, смуглой, грязной и пахучей жизнью.

Заснула человѣческая кишащая толпа.

Спятъ улицы, сады, дворы, балкончики и баллюстрады, лѣсенки и чердаки, сушильни, галлереи и тонкошейныя колокольни.

Спитъ городъ съ запахами жилья, тѣсноты и дыма, съ благоуханіемъ розъ, глициній и апельсиновыхъ деревьевъ, съ запахами теплыхъ стойлъ, коровниковъ и прачешныхъ, навоза, сыра и помоевъ.

И люди спятъ на своихъ постеляхъ, разметавшіеся и горячіе. Въ комнатахъ ихъ душно отъ пота, отъ жаренаго миндалю, чесноку и пряностей, которыя они ѣли, отъ женскихъ пыльныхъ вѣеровъ и черныхъ кружевъ, отъ помадъ и пудръ.

Спитъ человѣческая порода, эта humana proles, которая, Богъ знаетъ зачѣмъ, понадобилась Богу, которая пачкаетъ и засоряетъ землю, ковыряетъ горы, отравляетъ рѣки, которая землѣ неудобна, и, Богъ знаетъ почему, Ему угодна.

А по безлюднымъ улицамъ бродитъ ночной сторожъ.

Онъ бьетъ въ колотушку и кричитъ протяжное: Sereno!

Онъ выкрикиваетъ это голосомъ привычнымъ, равнодушнымъ, древнимъ, голосомъ стараго обычая.

Онъ долженъ кричать людямъ о погодѣ. Они такъ чутки къ каждому дыханію холода и сырости, эти баловни яснаго неба и солнечной погоды, эти сыны солнца; они боятся маленькаго облака, и ночью, когда они не видятъ неба, о немъ долженъ извѣщать ихъ сторожъ, который ходитъ и глядитъ.

И вотъ кричитъ имъ сторожъ, что небо ясно. Тогда, проснувшись, потягиваются на своихъ постеляхъ эти дѣти юга и съ просонокъ на мгновеніе мысленно видятъ тихія большія звѣзды въ небѣ и серебристый свѣтъ надъ городомъ, и голубыя дали, и блѣдный изъ-за дымки сквозящій силуэтъ зубчатыхъ горъ.

Тогда, довольные и сытые отъ этой вѣчно-мягкой, вѣчно-благостной погоды, они зѣваютъ сладко и засыпаютъ снова.

Пахнутъ апельсиновые цвѣты. Сладкіе ихъ запахи стелются тягучими прядями, какъ звуки мандолинъ и скрипокъ, какъ звоны серенадъ, какъ густо-пряные ликеры.

И въ пустынныхъ улицахъ опять выкрикиваетъ сторожъ свое sereno.

Онъ кричитъ людямъ, что Богъ не спитъ за нихъ. Что въ высокомъ осіянномъ небѣ свѣтъ, тепло и благодать. И что этой благостью Самъ Богъ указываетъ людямъ, что они Ему угодны, что Ему нужна ихъ жизнь, что Онъ ее благословилъ и ихъ самихъ, крошечныхъ, смѣшныхъ, пахучихъ, черныхъ, толпящихся и жадныхъ, землѣ ненужныхъ.

Кричитъ сторожъ, что улыбчивы звѣзды, и надъ городомъ летитъ серебристый ангелъ.

На его ночныхъ голубоватыхъ крыльяхъ отсвѣчиваютъ звѣзды. Нѣжное и строгое лицо его ужасно ласково; о

сонный порошокъ и цвѣты мака.

Люди могутъ спать спокойно.

Ясно небо надъ колокольнями и крышами. Ясно небо надъ людьми. Богъ не спитъ надъ городомъ, надъ человѣческою жизнью.

Sereno!...

Петръ Кожевниковъ.

Дѣвушка въ бѣломъ.

Долго въ забытой пещерѣ,
Скрытой уступами скалъ,
Вѣрный обману повѣрій,
Дѣвушку въ бѣломъ я ждалъ.

Ждалъ ея легкаго шага
Въ дикомъ, безлюдномъ краю.
Долго народная сага
Душу плѣняла мою.

Камень туманила плѣсень,
Ночи меня стерегли;
Я отказался отъ пѣсенъ,
Радостныхъ пѣсенъ земли.

Кто-то шепнулъ мнѣ: «Увѣруй».
Кто-то шепнулъ: «Ты въ бреду».
Ночью я бросилъ пещеру,
Дѣвушки въ бѣломъ не жду.

Эразмъ Штейнъ.

Идея „турецкой реформаціи" въ XVI в. *)

...„не должно ждать критической минуты, чтобы пріобрѣсти расположеніе народа.

...Если ты будешь ждать нашествія врага, чтобы оказать народу щедрость, то народъ и сочтетъ себя обязаннымъ не тебѣ, а твоему врагу".

Макіавелли „Discorsi" I, XXXII.

У Ульриха фонъ-Гуттена, типичнаго представителя начала XVI вѣка въ Германіи, рыцаря, публициста, гуманиста, увлекающагося человѣка, въ которомъ крупные и мелкіе идеалы спокойно уживались рядомъ, какъ и на его родинѣ, который думалъ гигантскими шагами идти впередъ, къ обновленной Германіи, не замѣчая, что на ногахъ его висятъ тяжелыя гири средневѣковья, отъ которыхъ ни онъ, ни большинство его сверстниковъ не сумѣли избавиться,—у Гуттена вырывается разъ фраза: Намъ можетъ помочь только—либо соціальная революція, либо—турецкая реформація.

Заявленіе это не остановило на себѣ до сихъ поръ вниманія изслѣдователей, а между тѣмъ оно, особенно его вторая часть, содержитъ въ себѣ указаніе на фактъ, оставшійся до сихъ поръ неизслѣдованнымъ.

Мы, правда, отлично знаемъ вѣковое накопленіе горючихъ матеріаловъ въ Священной римской имперіи, знаемъ также, что неизбѣжность *катастрофы* не составляла ни для кого тайны и уже въ XV вѣкѣ было формулирована Николаемъ Кузанскимъ въ видѣ изреченія: «какъ князья пожираютъ имперію, такъ народъ пожретъ князей», знаемъ о соціальномъ антагонизмѣ, о небываломъ презрѣніи къ низшимъ слоямъ, выразившемся въ [illegible]оворкѣ:

Der Bauer ist an Ochsen Statt,
Nur dass er keine Hörner hat.

[illegible] [illegible]ъ извѣстной книгѣ «De Nobilitate» Felix'a Hemmerlin'a († 1457 г.), гдѣ [illegible]ціональная крестьянская политика опредѣляется афоризмомъ: «rus-

*) [illegible]бная лекція, прочитанная въ Московскомъ университетѣ 9 марта 1907 г.

tica gens—optima flens, pessima gaudens» («крестьянское отродье хуже всего, когда смѣется, лучше всего, когда плачетъ»); знаемъ мы и самую катастрофу, рядъ городскихъ, рыцарскихъ, крестьянскихъ возстаній.

Съ другой стороны, хорошо извѣстно, что XV и XVI вв.—классическое время политическихъ проектовъ, утопій, трактатовъ, время и раціональной публицистики, основанной на опытѣ и фактахъ, и политическаго знахарства, подкрѣпляемаго суевѣріями и всеобщей темнотой. Но до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, въ числѣ этихъ проектовъ спасенія отечества или міра неизвѣстенъ былъ проектъ реформаціи при посредствѣ турокъ. Либо это новый фактъ, не безынтересный хотя бы уже въ силу необычайности своей формулировки, либо это простая ошибка автора, описка, не имѣющая историческаго значенія.

Въ виду этого, вопросъ требуетъ детальнаго разсмотрѣнія и, прежде всего, изученія того, чтò самъ Гуттенъ считалъ «реформаціей» вообще и *турецкой* реформаціей въ частности.

«Реформація» и Гуттеномъ, и всѣми его современниками, а также и людьми XV вѣка понималась въ буквальномъ и широкомъ смыслѣ слова. Это не только измѣненія въ религіозной и церковной областяхъ, какъ часто суживали новѣйшіе историки, а широкое измѣненіе *всего* строя—церковнаго, гражданскаго, экономическаго. Не суживали въ то время этого термина и въ томъ отношеніи, что подъ «реформаціей» одинаково подразумѣвали какъ переворотъ насильственный—«революцію», такъ и переворотъ закономѣрный, путемъ благихъ законовъ и мѣропріятій; наконецъ, «реформація» выступаетъ даже въ видѣ *медленнаго* процесса обновленія и улучшенія, въ видѣ эволюціи мы бы сказали.

Впрочемъ, въ XVI вѣкѣ въ Германіи объ *эволюціи* уже не думали; дѣла обстояли такъ плачевно, что только скорая и *радикальная* «реформація всего» могла помочь.

Обратимся теперь къ сочиненіямъ Гуттена, къ тѣмъ многочисленнымъ мѣстамъ, гдѣ онъ говоритъ о турецкомъ походѣ и о возможныхъ его результатахъ. Нужно прибавить, что отношеніе Гуттена при этомъ *варьируетъ. Сперва,* въ болѣе раннихъ діалогахъ, онъ не вѣритъ въ турецкую опасность: турецкій походъ—это подходъ папы, поповская выдумка для облегченія нѣмецкихъ кармановъ. «Романисты ловцы не человѣковъ, по завѣту Христа, а ихъ кошельковъ», для *романистовъ* важно, «что есть турки и чтобъ они остались». «Враги Христа не турки, а Римъ». Отъ Рима идетъ все плохое, отъ *него* прежде всего нужно избавиться, все остальное приложится само.

Но турецкая опасность перестала быть фиктивной, грозилъ походъ въ Германію, собирается по этому поводу сеймъ въ Аугсбургѣ въ 1518 году. Въ силу такихъ обстоятельствъ Гуттенъ уже не могъ остаться на прежней точкѣ зрѣнія, на томъ, что турецкая опасность—поповская побасенка. Онъ занимаетъ поэтому *вторую* позицію, которая характеризуется необыкновенно *оптимистическимъ* взглядомъ на дѣло. Яснѣе всего это высказа

лось въ его «Воззваніи къ нѣмецкимъ князьямъ» въ томъ же 1518 г. Представляется, по его мнѣнію, «лучшій, великолѣпнѣйшій случай» (optima, pulcherrima occasio). «Можно назвать это прямо счастіемъ, что и нѣмцамъ, и туркамъ одинаково необходима война». У турокъ завоевательныя тенденціи—естественное слѣдствіе ихъ постоянной удачи. У нѣмцевъ же въ настоящее время: «недавній неурожай, плохой сборъ винограда»; а разъ «внутри недостатокъ въ припасахъ, а кромѣ того все болѣе и болѣе увеличивающееся народонаселеніе, то слѣдовало бы всѣмъ и безъ того молить Бога, чтобъ во внѣ началась война, чтобъ было куда дѣть эту массу людей». «Воистину Божеское произволеніе: для войны теперь съ турками не только достаточная причина, но и прямая необходимость!»

И это излюбленныя мысли Гуттена: онъ еще не разъ возвращается къ тому «особому положенію Германіи, по которому, чѣмъ хуже урожай, тѣмъ пріятнѣе война». Но въ этомъ же «воззваніи» слышатся и иныя нотки: война необходима не только для депопуляціи, не только для уничтоженія и разрушенія, она будетъ имѣть и *созидательное* значеніе. Горькій опытъ научитъ нѣмцевъ, чѣмъ лѣчить свои политическія язвы: станетъ ясно, что единымъ спасеніемъ послужитъ общее единодушіе (concordia), единственнымъ залогомъ успѣха будетъ лишь «единодушное» (unanimiter) подчиненіе всѣхъ *одному* центру—императору. «Безъ этой конкордіи Германія и такъ, безъ турокъ, должна погибнуть». «Если вы не послушаетесь, то возможно будетъ народное возстаніе, общее «выступленіе народа» (vulgi secessio).

Война же произведетъ, по мнѣнію Гуттена, своего рода отборъ: все слабое, отравленное, соціально-вредное отпадетъ, такъ какъ будетъ уничтожено. Настанетъ полное обновленіе, государственное тѣло вылѣчится окончательно отсѣченіемъ зараженныхъ и заражающихъ членовъ, настанетъ «древляя» свобода, появятся Арминіи и Туснельды. Такія мнѣнія уже совершенно приближаютъ *вторую* позицію Гуттена къ *третьей* и окончательной, которую онъ занялъ къ реформаціонному 1520 г.

Запросы времени къ 1520 г. нѣсколько измѣнились: турецкое нашествіе не грозило непосредственно, зато наступилъ моментъ первой рѣшительной схватки съ папой, врагомъ не менѣе, если не болѣе, опаснымъ, чѣмъ турки. И вотъ въ этой борьбѣ съ политическими и экономическими притязаніями церкви Гуттенъ и надѣется на помощь со стороны турокъ, на появленіе ихъ въ качествѣ deus ex machina для окончательнаго торжества германизма надъ «романистами». Возьмемъ для иллюстраціи его извѣстный діалогъ о «Римской троицѣ». Поставленъ вопросъ, какъ избавиться отъ неслыханной тираніи папы. Собесѣдникъ Гуттена, Эренгольдъ, спрашиваетъ:

— Что-жъ мы мѣшкаемъ? Развѣ нѣтъ у нѣмцевъ желѣза, огня?

Гуттенъ.—Если нѣтъ этого у нѣмцевъ, то это будетъ у турокъ.

Эренгольдъ.—Но было бы лучше, если отмщеніе и наказаніе произошло черезъ насъ самихъ, а не черезъ чужую державу.

Гуттенъ.—Конечно, лучше. Но важно, чтобъ это случилось *скорѣе.*

Или далѣе:

Гуттенъ.—Три вещи могутъ заставить Римъ занять надлежащее мѣсто: серьезность (seria, Ernst) князей, нетерпѣніе христіанскаго міра и присутствіе турецкаго войска...

Эренгольдъ.—Да, но терпѣніе народа продолжается слишкомъ долго, будетъ ли ему когда-нибудь конецъ!

Гуттенъ.—Будетъ; какъ только вмѣсто суевѣрій воцарится разумъ.

Эренгольдъ.—А если такъ, то нуженъ ли еще мечъ турокъ?

Гуттенъ.—Нуженъ, ибо если и объединятся и соединятся всѣ трое (князья, народъ, турки), то и то едва-едва хватитъ силы, чтобъ реформировать церковь.

Наконецъ, Эренгольдъ кончаетъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Если ужъ такова воля Бога, что на реформацію со стороны *христіанъ* нельзя надѣяться, то пусть же турки берутъ Римъ, полонятъ и убьютъ романистовъ. Лишь бы они не убивали неповинный простой народъ («unschuldig völcklin»).

Въ послѣднихъ словахъ уже совершенно ясно высказывается своеобразный романтизмъ: турки придутъ не какъ враги, а какъ *судьи,* изъявъ изъ обращенія виноватыхъ, они не тронутъ правыхъ. Турки получаютъ видъ свыше посланныхъ, являются исполнителями какой-то Богомъ данной имъ миссіи, и мы увидимъ, что именно къ *такой* точкѣ зрѣнія и пришли потомъ, даже болѣе—она стала господствующей.

Но не являются ли соображенія и упованія Гуттена и его воображаемаго собесѣдника личнымъ ихъ достояніемъ, взглядомъ, никѣмъ болѣе не раздѣляемымъ? Нѣтъ, мы находимъ множество указаній, что подобные взгляды были *общимъ* достояніемъ, и Гуттенъ явился лишь выразителемъ общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе такъ же, какъ мы видѣли на Гуттенѣ, прошло черезъ нѣсколько стадій въ своемъ отношеніи къ турецкой опасности, оно также, наконецъ, придетъ, какъ мы увидимъ, къ представленію о туркахъ, какъ объ орудіи въ рукахъ Божіихъ.

Представленіе о томъ, что турецкая опасность, на которую папа указывалъ съ необычайной энергіей, есть не что иное, какъ финансовая авантюра со стороны папы, это представленіе было своего рода трюизмомъ для всѣхъ до грознаго 1518 года: и князья, и города съ рѣдкимъ единодушіемъ отвергали новый налогъ—«турецкую десятину»; предубѣжденіе было такъ велико и такъ ясно высказывалось, что даже *офиціальный* представитель папства на сеймѣ 1518 года, легатъ Thomas Vio de Caeta, счелъ необходимымъ вставить въ свою рѣчь: «non quaerimus Germaniae aerarium in Italium transferre» (мы *не* добиваемся перевести германскія деньги въ Италію).

Не менѣе ясно выражается и послѣдующая ступень: оптимистическое отношеніе къ надвигающейся грозѣ, которая лишь очиститъ воздухъ и з-

рядитъ накопившееся электричество. Самъ императоръ Максимиліанъ пишетъ папѣ Льву X (1517 г.), что его «наполняетъ не забота, а *радость*» при бо́льшемъ вдумываніи въ положеніе дѣлъ: турецкимъ испытаніемъ Богъ хочетъ «просвѣтить слѣпыя очи нѣкоторыхъ христіанъ, поднять спящихъ». «Мы знаемъ,—кончаетъ онъ письмо,—что этотъ походъ необходимъ, полезенъ и сулитъ славу». Говоря объ офиціальномъ оптимизмѣ того времени, нельзя не вспомнить о рѣчи, произнесенной еще въ 1452 г., еще *до* паденія Константинополя, Энеемъ Сильвіемъ, позднѣйшимъ папой. Рѣчь была произнесена по порученію императора передъ папой и кардиналами. Тема ея—необходимость крестоваго похода противъ турокъ. Сильвій знаетъ, что это возбудитъ основательныя сомнѣнія: «многіе скажутъ, услыша это слово: «а, вотъ опять старинныя фантазіи, старыя сказки!» Онъ знаетъ, что инсценировать походъ—дѣло трудное, такъ какъ христіане не единодушны. Но, съ другой стороны, по мнѣнію Сильвія, «ихъ теперешнее состояніе постоянной вражды позволяетъ имъ накоплять военныя доблести и военныя привычки». «Быть можетъ, воззваніе къ крестовому походу *единственный путь* помирить христіанъ». Турки притомъ плохіе воины, трусы и плохо вооружены. Это единственное почти мѣсто, гдѣ туркамъ выдается такой аттестатъ; впрочемъ, и тутъ это не болѣе какъ риторическая фигура, такъ какъ самъ Сильвій непосредственно прибавляетъ: «хотя наши войска и были побѣждены ими и даже нерѣдко уничтожаемы» (!). Кончаетъ онъ рѣчь такъ: «Императоръ проситъ тебя встать во главѣ похода. Другой, быть можетъ, потребовалъ бы *всеобщій соборъ или реформаціонные декреты*. Но гдѣ ты, тамъ и соборъ».

Конецъ рѣчи Энея Сильвія особенно важенъ: онъ показываетъ, что уже въ 1452 г. чувствовалась какая-то равноцѣнность турецкой опасности и всеобщаго собора для широкихъ реформъ, какая-то связь между тѣмъ и другимъ, та связь, которая черезъ 50 лѣтъ, у Гуттена, выступаетъ уже совершенно отчетливо—либо реформы sua sponte, либо реформы поневолѣ, отъ турокъ.

Но перейдемъ къ *третьей* стадіи: къ представленію о реформаторскомъ значеніи турокъ, *желательности* ихъ нашествія. Указаній скорѣе слишкомъ много. Вся оппозиціонная Германія, *всѣ* недовольные раздѣляли, кажется, это мнѣніе. Еще въ 1568 г., черезъ 40 лѣтъ, Лаврентій Сирій, картезіанскій монахъ, авторъ «Комментированной исторіи Евро́пы отъ 1500 — 68 гг.», написанной въ рѣзко полемическомъ тонѣ католическаго публициста, въ качествѣ безусловно лучшаго аргумента противъ врага католицизма и ересіарха Лютера выставляетъ обвиненіе его въ т[urk]офильствѣ, въ измѣнѣ отечеству. Авторъ пишетъ: «когда ожидались т[ур]ки, Лютеръ издалъ De bello contra Turcas, въ которомъ болѣе пугаетъ к[ня]зей передъ турками, чѣмъ ободряетъ ихъ. Вѣроятно (?), что этотъ ч[ел]овѣкъ, возгорѣвшись ненавистью къ папѣ, желалъ, чтобъ турки, занявъ Г[ер]манію, заняли затѣмъ, изгнавъ папу, и Италію».

Что на *самомъ дѣлѣ* писалъ Лютеръ, мы увидимъ впослѣдствіи. От-

мѣчу теперь лишь тѣ мѣста его проповѣдей, гдѣ онъ говоритъ о настроенія *народа*. Мѣста эти интересны для насъ не для того, чтобы показать напраслину, возведенную на Лютера Сиріемъ, а въ виду того, что подмѣченное Лютеромъ настроеніе народа дѣйствительно вполнѣ гармонируетъ съ тѣми, правда пока немногочисленными, данными, которыя встрѣчаются въ тогдашнихъ народныхъ пѣсняхъ. Лютеръ говоритъ: «Есть неловкіе предиканты, которые внушаютъ черни, что не должно идти противъ турка... А такъ какъ нашъ народъ—дикъ и необузданъ, какіе-то полу-черти, полулюди (ein wüst wild Volk, ja schier halb Teüfel, halb Mensch), то многіе и требуютъ *прихода турокъ и ихъ управленія*». Или въ другомъ мѣстѣ: «Слышу я, что есть въ нѣмецкихъ земляхъ люди, желающіе прихода и владычества (Regiment) турокъ, которые хотятъ лучше быть подъ туркомъ, чѣмъ подъ императоромъ и князьями. Плохо будетъ съ *такими* людьми идти противъ турокъ. Съ такими людьми не знаю какъ быть, развѣ что ихъ священники должны просвѣтить ихъ» и т. д.

Такое желаніе «быть подъ туркомъ» раздѣлялось многими, и не только «чернью». На извѣстномъ уже намъ сеймѣ 1518 г. императоръ Максимиліанъ въ рѣчи, обращенной къ *князьямъ*, нашелъ необходимымъ вставить: «А тотъ, кто думаетъ, что владычество («imperia») турокъ болѣе легкое и болѣе гуманное, тотъ очень и очень ошибается». Ясно, что туркофильство заразило и высокую аудиторію Максимиліана.

Что же ждали туркофилы, на что надѣялся особенно *народъ?* Исчерпывающій отвѣтъ на это даетъ намъ одно драматическое произведеніе Rosenplüt'а *), принадлежащее къ типу Fastnachtspiele—масляничныхъ развлеченій.

Предназначено оно для народа, называется оно «Турокъ»; успѣхъ его былъ несомнѣнный.—«Турокъ» выступаетъ въ качествѣ защитника «замученныхъ до послѣдней степени» купцовъ и крестьянъ; онъ обѣщаетъ *реформировать* и наказать аристократическій міръ. Въ числѣ 9 золъ, за которыя онъ накажетъ голодомъ, моромъ, казнями, онъ называетъ—неправый судъ, въ которомъ бѣднякъ всегда проигрываетъ, тяжесть налоговъ и податей, презрѣніе къ низшимъ сословіямъ. Онъ указываетъ на то, что у христіанъ плохая, малоцѣнная монета, лживые судьи и чиновники, ростовщики-евреи, надменные попы, вѣроломные господа, которыхъ они «должны кормить своимъ трудомъ, а сами за это получаютъ лишь новыя великія тяготы и малую обезпеченность» (Friede!).

Почти то же самое говоритъ и Лютеръ въ одной изъ позднихъ проповѣдей (1541 г.), анализируя причины недовольства и туркофильства: «Такъ давайте же каяться, давайте улучшать. Пусть князья и господа внесутъ правду въ земли свои, положатъ конецъ ростовщичеству, а также и алчности дворянъ, бюргеровъ, крестьянъ; пусть прежде всего почитается слово Божье, пусть будутъ обезпечены школы, церковь и ея служители;

---

*) *Keller*: „Bibl. d. liter. Vereins", 28, № 39.

пусть царятъ дисциплина и чистые нравы...» Таковы *результаты*, къ которымъ приходитъ Лютеръ, но еще болѣе интересна его отправная точка въ данной проповѣди. Онъ говоритъ: «*Турокъ—нашъ учитель* (der Türk... unser Schulmeister»), онъ *долженъ* насъ сѣчь (stäupen), долженъ научить насъ бояться Бога, молиться Богу; безъ турка мы прогнили бы въ своихъ грѣхахъ, сидя въ безопасности, какъ это было до сихъ поръ».

Итакъ, турокъ—«*учитель*» народовъ, лоза, посланная свыше для наказанія и исправленія. Передъ нами, значитъ, *четвертый, заключительный* моментъ, на который мы ужъ не разъ наталкивались—идея Божьяго суда, воспитанія человѣчества, суроваго наказанія въ исправленіе. Турокъ—Божій посланецъ. «Германія созрѣла, полна всяческихъ мерзостей и прегрѣшеній предъ Богомъ,—говоритъ Лютеръ,—придетъ косарь и сниметъ эту «жалостную» жатву».

И это—идея *не поздняя*, не 40-хъ гг.; у того же Лютера мы встрѣчаемъ ее и въ 20-хъ гг. «Я вижу,—говоритъ онъ,—что короли и князья прикидываются слишкомъ ужъ спокойными, увѣренными относительно турокъ (вспомнимъ выше приведенные примѣры оффиціальнаго оптимизма), и сильно опасаюсь, что они слишкомъ уже презираютъ *Бога и турка;* да развѣ они не знаютъ, что нѣтъ такого короля и такой страны, которые сами по себѣ были бы достаточно сильны, чтобы противостоять турку, развѣ лишь Богъ сотворитъ чудо». Или въ другомъ мѣстѣ (1529 г.): «Не хотимъ мы учиться изъ *Писанія*, такъ *турокъ* насъ научитъ къ великой нашей невыгодѣ...»

Впрочемъ, еще раньше, уже въ эпоху Аугсбургскаго сейма (1518 г.), теорія о туркахъ—Божьемъ орудіи уже нашла себѣ совершенно ясное выраженіе. Tranquillus Parthenius Andronicus, родомъ изъ Далматіи, выпускаетъ рядъ горячо, но плохо написанныхъ брошюръ, распространяя ихъ на сеймѣ. «Христіанскій міръ,—указываетъ онъ,—отяжелѣлъ отъ грѣха, турокъ—flagellum Dei (бичъ Божій); все плохое будетъ уничтожено, вырвано съ корнемъ, пока не станетъ едино стадо и единъ пастырь».

«Пока не станетъ едино стадо и единъ пастырь?» Что же, турки покорятъ міръ? Конечно, разъ они Божье орудіе, то уже a priori борьба съ ними безнадежна. Даже болѣе, она можетъ показаться *богоборствомъ*. Не даромъ же самъ папа Левъ X въ своей буллѣ, осуждающей Лютера (15 іюня 1520 г.), на-ряду съ другими его заблужденіями указывалъ (тезисъ 34), что Лютеръ якобы учитъ: «Praeliari adversus Turcas est repugnare deo visitanti iniquitates nostras» (Бороться противъ турка, это—противиться Богу, посѣщающему насъ за грѣхи наши). Турокъ непобѣдимъ, не даромъ далматинецъ Андроникъ предполагаетъ, что онъ «дойдетъ до Атлантическаго моря», не даромъ посолъ польскаго короля Сигизмунда на Аугсбургскомъ сеймѣ передаетъ якобы подлинныя слова султана, слова болѣе чѣмъ гордыя и надменныя: «Consulant, christiani, consulant, et ego faciam» (христіанинъ предполагаетъ, а турокъ располагаетъ).—Получается

какое-то чудовищное уравненіе творенія съ Творцомъ; воля султана и произволеніе Бога какъ бы *совпадаютъ*.

Отъ всего этого положенія вѣетъ чѣмъ-то знакомымъ, уже бывшимъ. *Когда* была такая же благочестивая прострація, такое же извиненіе собственнаго безсилія Божьимъ велѣніемъ? *Когда* возникаетъ такая психологія *отчаянія*, плохо замаскированнаго налетомъ фразы о неисповѣдимыхъ путяхъ Божьихъ? Уже a priori можно сказать, что это—психологія *крупныхъ катастрофъ*, имѣющихъ не только громадное фактическое, но и не меньшее символическое значеніе: людямъ кажется, что потеряно такъ много и столь драгоцѣнное, что рушится столь незыблимое, почти вѣчное, что самый фактъ потери или разрушенія его кажется чѣмъ-то *сверхъестественнымъ*.

Въ XVI вѣкѣ психологія эта была результатомъ крупной катастрофы: явились турки, съ небывалой быстротой сдѣлались великой, если не величайшей, державой, взяли Константинополь, свѣточъ и столицу міра, стали неудержимо напирать на христіанскій Западъ. Совершенную аналогію представляетъ другой вѣкъ, пятый, видѣвшій тоже паденіе столицы міра, Рима, и тоже отъ рукъ *варваровъ*.

И въ началѣ V в. мы видимъ тѣ же попытки самоутѣшенія и самоизвиненія, ту же психологію отчаянія. И тогда уже краснорѣчивыми устами Августина формулируется соотвѣтственное моменту ученіе о *безотвѣтственности* человѣка за историческія событія, о томъ, что *Богъ* всецѣло властвуетъ въ исторіи, что Онъ «какъ бы по слогамъ расчленяетъ Откровеніе», дабы люди могли его понять, что исторія есть не что иное, какъ *воспитаніе* человѣческаго рода.

Я напомнилъ эти общеизвѣстные факты не потому только, что они являются любопытной *аналогіей*, но и потому какъ разъ, что они *общеизвѣстны* и хорошо изслѣдованы.

Изъ сопоставленія малоизвѣстнаго явленія XVI в. съ хорошо изученнымъ фактомъ V в., казалось мнѣ, можно было извлечь рядъ дальнѣйшихъ поучительныхъ наведеній. Въ самомъ дѣлѣ, *какъ* ставилась въ V в. сама проблема? Люди спрашивали себя тогда не только, чѣмъ *они* сами заслужили постигшую ихъ кару, но и чѣмъ *тѣ*, побѣдители, заслужили себѣ награду и побѣду предъ Богомъ—творцомъ исторіи. Если на *первый* вопросъ Сальвіанъ прямо указываетъ, что паденіе Рима есть результатъ не христіанства, а *такого* христіанства, что государство (IV, 4, 6) *должно* было пасть, такъ какъ въ немъ не было правды и любви—неимущіе голодали, бюрократія же высасывала соки народные, что *она* во всемъ и виновата, то *такой* отвѣтъ близко подходитъ къ знакомымъ теперь намъ печальнымъ картинамъ начала XVI в.

Но Сальвіанъ рѣшаетъ и *другой* вопросъ: римляне *заслужили* быть побѣжденными, варвары *заслужили* быть побѣдителями; «они,—говоритъ Сальвіанъ,—*лучше насъ предъ Богомъ*» и затѣмъ на протяженіи всего своего сочиненія и старается представить привлекательный образъ дикаря-

разрушителя, послушнаго орудія въ рукахъ Промысла. Такъ на темномъ фонѣ всевозможныхъ недостатковъ и пороковъ побѣжденнаго совершенно естественно выдвигается *свѣтлая* фигура побѣдителя. Отсюда одинъ шагъ до *идеализаціи*, до полной исторической неправды. И Сильвіанъ сдѣлалъ этотъ шагъ вольно или невольно.

Спрашивается: что же въ XVI в. этотъ *второй* вопросъ также былъ поставленъ и разрѣшился ли онъ подобной же безпочвенной идеализаціей? Въ турецкой рѣчи 1529 г. Лютеръ какъ бы *буквально повторяетъ слова Сальвіана*, онъ говоритъ: «да будетъ ли въ нашемъ войскѣ человѣкъ 5 настоящихъ христіанъ, не *будутъ ли всѣ остальные предъ Богомъ хуже турокъ*». А въ проповѣди 1541 г. онъ провозглашаетъ: «Турки сильны и постоянно побѣждаютъ, ихъ власть растетъ, и люди готовы отказаться отъ разумнаго объясненія, объяснять все ихъ *святостью* (Heiligkeit), тѣмъ, что и вѣра ихъ и образъ жизни угодны Богу».

Правда, самъ Лютеръ въ послѣднемъ случаѣ не согласенъ, онъ старается показать, что за предполагаемымъ «ореоломъ» (heiliger Schein) кроется мерзость и нравственное запустѣніе, но онъ несомнѣнно вѣрно формулировалъ широко распространенное убѣжденіе.

Дѣйствительно: начиная съ XVI в. мы можемъ говорить объ *идеализаціи* турокъ и всего турецкаго, и не только въ Германіи, но и во *всей Европѣ*.

Идеализируется все: бытъ, нравы, обычаи, законы, весь политическій строй. Даже Лютеръ, принципіальный врагъ преклоненія предъ чѣмъ-либо *не*-христіанскимъ, даже онъ нерѣдко примыкаетъ къ общему славословію, невольно поддаваясь искушенію выставить свѣтлый ликъ турка на мрачномъ фонѣ римскаго католицизма. Вотъ одно такое мѣсто: «Межъ другими явленіями особенно важно то, что ихъ (т.-е. турокъ) священники и вообще духовныя лица ведутъ такую степенную, суровую и славную жизнь, что ихъ скорѣе можно считать *ангелами*, а не людьми, и что всѣ наши папскіе священники и монахи по сравненію съ ними являются какой-то пародіей (Scherz)». Съ другой стороны, католическій историкъ Лаврентій Сирій, донося на Лютера, будто онъ говорилъ всегда, что «турки въ 10 разъ умнѣе и лучше императора и князей», самъ черезъ нѣсколько страницъ не можетъ удержаться отъ подобныхъ же словъ: «турки сдержанны, умѣренны во всемъ, не то что у насъ». Для *католическаго* ревнителя темнымъ фономъ, конечно, является протестантизмъ.

Однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ указаній въ Европѣ, растерзанной преслѣдованіями за вѣру, было, конечно, констатированіе полной идеальй *вѣротерпимости* въ турецкой имперіи: объ этомъ одинаково говорятъ протестантскіе и католическіе писатели. Такое убѣжденіе держится долго. ъ «Reveille-Matin des François» (1574) Alethia («истина») находитъ безопасе пристанище лишь въ Турціи, а въ самомъ концѣ столѣтія, въ 1599 и 1600 г., Кампанелла, защищаясь предъ инквизиціоннымъ судомъ, зводилъ въ пользу своей невиновности слѣдующій, повидимому, сильный

для того времени, аргументъ: «Если бы я хотѣлъ основать *секту*, то не остался бы здѣсь, а отправился бы въ Германію или Турцію».

Германія приведена какъ классическая страна сектъ и всяческаго религіознаго разномыслія, Турція — какъ страна всяческой религіозной свободы. Впрочемъ, Кампанелла былъ вообще убѣжденнымъ поклонникомъ турокъ: пророка онъ называетъ brav'huomo, совѣтуетъ подражать магометанамъ, а имѣя въ виду возстаніе въ Калабріи (1599 г.), опираясь при этомъ, кстати сказать, на турецкій дессантъ, онъ предполагалъ, въ случаѣ удачи, ввести рядъ реформъ на турецкій манеръ.

Или вотъ еще болѣе поздній фактъ. Въ 1635 г. протестантскій теологъ Meyfart выпускаетъ большой трудъ противъ преслѣдованія вѣдьмъ. «Деревни, города, цѣлыя страны наводнены доносчиками, межъ турокъ и татаръ честный человѣкъ можетъ жить безопаснѣе и безпечальнѣе, не боясь за жизнь и честь свою, чѣмъ между нѣмцами-христіанами», и далѣе слѣдуетъ хорошо знакомое изображеніе турецкой толерантности.

Макіавелли, вполнѣ раздѣляя общее мнѣніе, какъ схематизаторъ и теоретикъ, далъ и попытку *объясненія* турецкаго величія. «Размышляя объ историческомъ ходѣ событій,—говоритъ онъ,—я прихожу къ убѣжденію, что свѣтъ всегда одинаковъ, и что въ немъ всегда одинаково много зла и добра; но это зло и добро *переходитъ* изъ страны въ страну...; *сумма добра*, принадлежавшая прежде Ассиріи, перешла въ Мидію, потомъ въ Персію, наконецъ, въ Римъ». Вотъ эта-то перекочевывающая «сумма добра» и перешла, по мнѣнію Макіавелли, къ «славнымъ сарацинамъ и туркамъ».

Но мы не коснулись еще самаго *главнаго* пункта тогдашней идеализаціи турокъ. У нихъ, по всеобщему убѣжденію, нѣтъ соціальной розни, всѣхъ тѣхъ проклятыхъ вопросовъ, которыми тогда болѣла Европа: панацеей противъ политическихъ и соціальныхъ бѣдъ у нихъ—*единая, сильная, централизованная власть*. И вотъ начинается чисто-принципіальное, не провѣренное восхваленіе турецкаго режима и призывъ учиться у нихъ государственной мудрости и благоустройству. Власть единаго, безъ посредниковъ, безъ феодальныхъ посредниковъ, своего рода единеніе царя съ народомъ, хотя бы съ народомъ-*рабомъ*,—вотъ тогдашній идеалъ Европы, уставшей отъ безконечныхъ внутреннихъ войнъ мелкихъ и крупныхъ владыкъ, отъ внутренней *анархіи*, поддержанной остатками окончательно вымиравшаго феодализма и неуклонно, хотя бы и болѣзненно, стремившейся къ проведенію единыхъ, національныхъ государственныхъ комплексовъ. *Такая* власть и такой режимъ, казалось, господствовали въ Турціи, ею готовы были объяснить и непомѣрное расширеніе, и «счастливыя» войны, и отсутствіе раздоровъ внутри, и блестящее состояніе войска и финансовъ. Далматинецъ Партеній Андроникъ (въ 1518 г.), безродный, безъ опредѣленнаго положенія человѣкъ, подавая меморію о туркахъ на благоусмотрѣніе императора, съ особой и понятной любовью останавливается на томъ, *какъ* у турокъ высоко награждаются государственные подвиги, какія высокія должности занимаютъ тамъ нерѣдко пришельцы изъ чужихъ

странъ, оказавшіе имперіи существенныя услуги, насколько турецкій султанъ врагъ всякихъ сословныхъ и иныхъ наслѣдственныхъ привилегій и проч. Другой авторъ, анонимъ, житель Рагузы, считающій себя знатокомъ востока, хотя и плохимъ ораторомъ, въ томъ же 1518 году пересылаетъ императору «commentariolum» о «конституціи турецкой имперіи». Онъ оговаривается спеціально, что писалъ ее «отнюдь не для восхваленія турокъ и не для застращиванія вашего величества и другихъ христіанскихъ князей», но изображенная имъ картина, восторженное и детальное описаніе какой-то турецкой утопіи, сама за себя говорила. Султанъ—единый, всевластный повелитель, *всѣ* остальные—лишь исполнители его воли, но воля эта благая, направленная на преуспѣяніе страны и народа. Средства султана – огромны и постоянны, замыслы широки, но всегда исполнимы, благодаря тому, что *внутри* страны царствуютъ довольство, миръ, правда въ судахъ, контроль за *оплачиваемымъ* чиновничествомъ. Однимъ словомъ, изображеніе «просвѣщеннаго абсолютнаго монарха», котораго Европа жаждала уже съ начала XVI в., котораго старались изобразить монархоборцы конца этого вѣка, выставившіе двоякую формулу, лишь впослѣдствіи заимствованную у нихъ Фридрихомъ Великимъ, монархъ—первый слуга народа, но, съ другой стороны, и народъ—орудіе, и послушное, въ рукахъ монарха. *Бодэнъ*, одинъ изъ главныхъ поборниковъ просвѣщеннаго абсолютизма въ XVI в., тонкій финансистъ, стойкій общественный дѣятель, Бодэнъ уже въ силу общихъ своихъ симпатій высоко ставитъ турецкій режимъ, а въ силу особаго интереса къ финансовымъ вопросамъ особенно подчеркиваетъ благопріятное ихъ во всѣхъ отношеніяхъ разрѣшеніе въ турецкой имперіи. Одновременно съ тѣмъ *Poncet* пишетъ свой памфлетъ, который характеренъ уже по своему заглавію: La France-Turquie и имѣетъ цѣлью доказать необходимость немедленнаго введенія во *Франціи* идеальнаго турецкаго государственнаго строя.

Призывъ къ необходимости установленія *сильной власти* послышался во *всей* Европѣ, почти вездѣ наступилъ новый расцвѣтъ абсолютизма, даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ были тѣ или иные исторически выработавшіеся противовѣсы, вродѣ штатовъ или парламента, и не послѣднюю роль въ этомъ перемѣщеніи политическихъ симпатій сыгралъ жизненный опытъ, «указаніе разума», какъ тогда говорили, примѣръ побѣдоносной и опоэтизированной Турціи.

Отозвалось это и у насъ, на сѣверѣ Европы, и въ одномъ изъ произведеній у *насъ* связь между «турецкимъ учительствомъ» и вытекающими отсюда практическими слѣдствіями намѣчены *такъ* кратко, ясно и выпукло, какъ ни въ одномъ изъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ на Западѣ.

Я говорю о памфлетѣ Ивашки Пересвѣтова, временъ Грознаго, озаглавленномъ «Сказаніе о Петрѣ, Волосскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Памфлетъ состоитъ изъ цѣлаго ряда изреченій политической сивиллы, волошскаго воеводы Петра.—Приведу рядъ цитатъ, не вставляя комментарія,

ибо мы увидимъ рядъ тезисовъ, не только знакомыхъ намъ по исторіи Запада, но и нерѣдко *буквально* совпадающіе съ сообщеніями западныхъ публицистовъ.

«Такъ говоритъ Петръ, волосскій воевода, про турецкаго царя Магмета салтана: невѣрный царь, *да Богу угодно учинилъ*, *мудрость и правду* въ царство свое ввелъ, разослалъ по своему царству вѣрные свои судьи за присягою, пооброчивать ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ мочно прожити... А судъ далъ палатной во все царство, а судить безъ противня, а присудъ всѣмъ имать на себя въ казну, чтобъ не искушалися»...

«Волосскій же воевода Петръ такъ говоритъ про царство *русское,* что вельможи сами ся богатѣютъ и лѣнивѣютъ, о царѣ и царствѣ его не болятъ, и собою царство его оскужаютъ»...

«Говоритъ волосскій воевода: такое великое, и сильное, и славное, и всебогатое царство московское и всея Руси, а есть ли въ томъ царствѣ *правда?*... Нѣтъ, правда въ томъ царствѣ умалися...

«Петръ, волосскій воевода, такъ Бога молилъ: Боже, милостивъ буди надъ русскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси и надъ царствомъ его, да не уловятъ вельможи его вражбою своею и ересью сердце его и да не укротятъ его отъ воинства боящіеся смерти, якоже благовѣрнаго царя Константина Ивановича въ *Царьградѣ*...

...«И какъ Магметъ салтанъ взялъ Царьградъ и *позналъ силу Божью*, и уставилъ во всемъ царствѣ *правду*, и никому никого не велѣлъ обидѣть... Да въ царствѣ же своемъ уставилъ правую куплю и продажу... И рекъ тако ко всѣмъ: дѣлайте правду въ царствѣ моемъ, *Богомъ данномъ*. Видите, яко *Богъ* побѣди мною великаго царя Константина и отъя у него царство за неправду властителей его... и вда мнѣ малому царю. *Вы* же всѣ человѣци во царствіи моемъ дѣлайте правду, и бойтесь Бога, и заповѣди Божія держитеся, и питайтеся отъ поту лица своего снѣсти хлѣбъ. *Мы* же тому поревнуемъ и долговѣчны будемъ, и царство будетъ нерушимо, и начнемъ правду творить и другъ друга любити, а не обидѣти»...

Петръ, волосскій воевода, начитавшись въ мудрыхъ книгахъ «со своими дохтуры и философи», рѣшилъ, «что быть великому князю Ивану Васильевичу всея Руси *грозну* и *самоупрямливу* и мудру безъ воспрашиванія... и обладати имать многими царствы»...

Есть еще одинъ памфлетъ того же Пересвѣтова и онъ тоже любопытенъ для насъ. Передъ русскимъ человѣкомъ того времени невольно должна была встать дилемма: предлагаютъ учиться у *турокъ* невѣрныхъ, но какъ же, всякій свѣтъ вѣдь исходитъ изъ древне-православной *Византіи! какое* же учительство было или есть ложь! какое же нужно отбросить: вѣдь либо то, либо другое, третьяго выхода нѣтъ. И вотъ тутъ-то «сказаніе о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія» даетъ любопытный и совсѣмъ неожиданный отвѣтъ, *амальгамируя,* соединяя во-едино благовѣрнаго византійца и «агарянина-сыроядца», турка.

Отвѣтъ въ слѣдующемъ: Магметъ отъ патріарха требуетъ къ себѣ всѣ

книги, т.-е. всю мудрость христіанскую, желая ее уничтожить. Богъ не далъ совершиться этому дѣлу; но султанъ совершенно неожиданнымъ образомъ *воспользовался* запасомъ накопленной греческой мудрости: онъ велѣлъ съ книгъ снять копіи, а затѣмъ «велѣлъ тотчасъ во всѣ свои грады книги писать законныя и судебныя... И далъ заповѣдь и грозу свою во всю свою землю такову»...

Затѣмъ слѣдуютъ извѣстныя уже намъ изъ предыдущаго Сказанія реформы, которыя должны были обезпечить *правду* и миръ и угодность предъ Богомъ.

Вотъ какъ русскій книжникъ разрубилъ гордіевъ узелъ: у турокъ учиться мы можемъ и должны, т. к. *сами* они учились у тѣхъ же византійцевъ, взявъ у нихъ все хорошее, отбросивъ лишь позднѣйшія вредныя наслоенія.

Такимъ образомъ *явленіе XVI в. связано съ предыдущимъ;* идеализованные турки не новаторы, а лишь *продолжатели.*

На Западѣ такого простого, наивнаго отвѣта нѣтъ. Но и для Запада у насъ долженъ возстать вопросъ: нѣтъ ли за идеализаціей турокъ, выдвинутой *особыми* событіями XVI в., взятіемъ Константинополя, необычайнымъ ихъ успѣхомъ, нѣтъ ли и на Западѣ болѣе общей, болѣе *древней* идеи, къ которой идеализація турокъ въ XVI в. относится лишь какъ эпизодъ, хотя и характерный.

Такая идея *есть*. Навести на нее можетъ то центральное положеніе, которое занимало ученіе о сильной власти—избавителѣ и реформаторѣ, ученіе о тѣснѣйшемъ единеніи царя и народа, уничтоженіи всѣхъ посредствующихъ мелкихъ, но назойливыхъ властей. Такую сильную власть ждали на Западѣ уже съ XII в. и приходъ ея ожидался именно съ *Востока*.

Работами Voigt'а, Saccur'а, Kampers'а и др. въ достаточной мѣрѣ выясненъ своеобразный политическій *мессіанизмъ,* ожиданіе свѣта и избавленія съ Востока, императора-реформатора, вышедшаго изъ нѣдръ народа (потомъ его помѣщали иногда въ нѣдра земли), хорошо знающаго его нужды, ненавистника поповъ, дворянъ, привилегій и изъятій. Знали и его имя: его звали Мироносцемъ—«Friedrich»; и лишь потомъ это *символическое* имя стало пріурочиваться къ опредѣленнымъ его носителямъ въ исторіи, лишь *потомъ* получилось представленіе о *возвращеніи*, воскрешеніи Фридриха II или Фридриха I Барбароссы, лишь потомъ миѳъ принялъ національную и націоналистическую окраску. Вначалѣ же ждали не «объединителя» Германіи, а соціальнаго реформатора съ опредѣленной, строго-продуманной программой и такъ называемыя «программы императора Сигизмунда» или «Фридриха III» XV в. являются выраженіемъ тѣхъ же чаяній. Даже болѣе: въ *реальности* ожидаемаго факта всѣ были настолько убѣждены, что вплоть до половины XVI в. могли появляться лже-«Фридрихи», пользовавшіеся нерѣдко колоссальнымъ успѣхомъ.

Но параллельно съ этимъ можно наблюдать и въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени и еще болѣе широкое явленіе: востокъ *всегда* импонировалъ, притягивалъ, востокъ *вообще* идеализировали. Не даромъ поэтому

и Моръ и Кампанелла помѣщаютъ свои идеальныя государства на востокѣ, «на экваторѣ»; это было лишнимъ аргументомъ въ пользу возможности и дѣйствительнаго существованія такихъ совершенныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ.

Есть даже указанія, что Востокъ огульно, безотносительно ставился выше Запада, только потому, что это Востокъ. Въ Civilta Cattolica за этотъ годъ печатаются, наприм., любопытныя донесенія католическихъ миссіонеровъ XVI в. объ Японіи; ихъ основная точка зрѣнія та, что европейцы—«barbarissimi» во всѣхъ отношеніяхъ; а вѣдь Японія того времени была ультра-феодальной страной.

Прослѣдить причины и основанія идеализаціи Востока въ Европѣ--задача особая, большая и, нужно сказать, мало еще выясненная. Прибавлю поэтому къ сказанному лишь одну черту еще: въ идеализаціи Востока, наприм., монголовъ, татаръ, большую роль сыграли путешественники и миссіонеры—Plano Carpini, Rubriquis, Marco Polo и пр. Недаромъ Polo по возвращеніи дали кличку «messer Millione»; ему не повѣрили, когда онъ говорилъ о колоссальныхъ, *милліонныхъ* рессурсахъ великаго хана, о стройности и справедливости всей огранизаціи громаднаго государства.

Но это недовѣріе, очевидно, быстро исчезло; по крайней мѣрѣ, Dubois (De recuperatione terrae sanctae. 1306), единственный самостоятельный публицистъ самаго начала XIV в., сумѣвшій выбраться изъ узкихъ рамокъ схоластической традиціи,—большой поклонникъ Востока и татаръ въ частности, а указанія онъ беретъ, какъ самъ указываетъ, изъ путешествій братьевъ Поло.

Я здѣсь кончаю. Въ настоящей лекціи мнѣ хотѣлось показать не только малоосвѣщенный пока фактъ XVI в., но и вдвинуть его въ общій ходъ событій, показать его причины и корни, широкія и многообразныя развѣтвленія. Есть, конечно, пробѣлы и недоговоренности, но напомню, что мы только *приступаемъ* къ изученію этого факта. Самъ же онъ, думается, является нелишней иллюстраціей безспорно тяжелаго положенія въ началѣ XVI в., особенно въ Германіи, когда готовы были ждать спасенія хотя бы отъ врага, антипода. Приходомъ турокъ пугали дѣтей, но утѣшали взрослыхъ. Фактъ знаменательный, особенно подчеркивающій *безвыходность* тогдашняго положенія, и въ исторіи реформаціи XVI в. глава о «турецкой реформаціи», думается мнѣ, имѣетъ мѣсто и право на существованіе.

Д. Егоровъ.

Соціализмъ въ Австраліи *)

Австралія и Новая Зеландія приступили лѣтъ пятнадцать тому назадъ къ примѣненію на практикѣ соціалистическихъ теорій, глубоко измѣнившихъ тамъ прежній строй народной жизни.

Наши старые европейскіе народы не охотно согласились бы испытать на себѣ тѣ пріемы, которые примѣнялись въ этихъ отдаленныхъ странахъ, коихъ климатическія, экономическія и политическія условія такъ мало походятъ на наши. Къ тому же полученные въ Австраліи результаты не всѣ привлекательны. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отсюда выводить заключенія, что въ этихъ начинаніяхъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія или даже позаимствованія. Ихъ неудачи, равно какъ ихъ успѣхи, одинаково назидательны.

Во Франціи сторонники идеи «всѣмъ вѣдующаго государства» («étatisme»), несмотря на ихъ намѣренія осуществить подобные же эксперименты, не нашли до сихъ поръ нужнымъ познакомить французское общество съ происходящимъ въ Австраліи. И эта сдержанность, на первый взглядъ непонятная, въ высшей степени основательна. Для ея объясненія стоитъ только показать, въ чемъ заключается различіе между французскими реформаторами и австралійскими соціалистами, и этимъ мы прямо выставимъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ чертъ характера послѣднихъ.

И тамъ, и здѣсь цѣль одинакова, а именно постепенное уничтоженіе частной собственности; но уклады мысли, исходные пункты ихъ міровоззрѣній совершенно различны.

Французскіе соціалисты отстраняютъ понятіе объ отечествѣ, болѣе умѣренные изъ нихъ допускаютъ его неохотно, передовые же отъ него отрекаются. Въ Австраліи же чувство патріотизма всеобще и могущественно. У иныхъ оно съ имперіалистскимъ оттѣнкомъ, у другихъ чисто

*) Мы помѣщаемъ съ небольшими сокращеніями переводъ статьи г. Biard d'Aunet, явившейся въ октябрьскомъ № *Revue des deux Mondes*. Авторъ лично хорошо знакомъ съ Австраліей, ея государственнымъ и соціальнымъ строемъ.

Ред.

мѣстнаго характера, но будь оно племенное или свое узко-мѣстное, чувство патріотизма тамъ не только пламенное, но недовѣрчивое къ другимъ, не допускающее компромиссовъ и не безъ задорнаго шовинизма.

Тотъ же контрастъ замѣчается и въ отношеніи къ религіознымъ чувствамъ. Враждебныя выходки французскихъ соціалистовъ противъ того, что они считаютъ аберраціей умовъ и совѣстей наполняютъ всю современную исторію Франціи. Въ австралійской федераціи (Commonwealth) и въ Новой Зеландіи религіозные и то, что мы называемъ клерикальные вопросы весьма мало занимаютъ умы политиковъ и, пожалуй что, всего менѣе ими занимаются передовые элементы среди рабочихъ.

Различныя церкви, среди которыхъ католическая занимаетъ видное мѣсто, живутъ между собою не особенно согласно. Государство тѣмъ не менѣе предоставляетъ разнымъ исповѣданіямъ полнѣйшую свободу и оказываетъ имъ дѣйствительную поддержку, безпристрастную, основанную на уваженіи къ нимъ. Ультра-католики сталкиваются въ общественной жизни съ ярыми пресвитеріанцами, съ открытыми свободомыслящими, съ законниками евреями, всѣ одинаково принимаютъ участіе въ политическихъ партіяхъ и на ихъ вѣрованія нигдѣ не обращаютъ вниманія. Намъ самимъ пришлось слышать въ декабрѣ 1904 года рѣчь Г. Уатсона, главы рабочей партіи (labour party) въ парламентѣ въ пользу христіанскаго соціализма. Высказанныя мысли нисколько не повредили ему въ умахъ его сторонниковъ, и онъ остался вождемъ соціалистовъ.

Въ Австраліи неприкосновенность личности и собственности есть абсолютный принципъ, хотя количество уголовныхъ преступленій не ниже, чѣмъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ. Надо восходить до эпохи большихъ стачекъ 1890, 1891 и 1892 годовъ, чтобы найти слѣды серьезныхъ безпорядковъ.

Акты насилія, или, точнѣе, грубости, имѣвшіе мѣсто въ позднѣйшіе годы при экономическихъ конфликтахъ, были весьма рѣдки, несмотря на обиліе такихъ конфликтовъ. Они всегда прекращались законными способами, безъ примѣненія вооруженныхъ силъ, даже обыкновенно полицейскихъ. Повиновеніе закону мощнымъ образомъ помогло соціалистическому движенію въ Австраліи. Корректное положеніе, принятое рабочей партіей, извинило и до нѣкоторой степени скрыло ту энергію ихъ дѣйствій, то равнодушіе къ чужимъ интересамъ, ту алчность воспользоваться своими выгодами и довести до степени тираніи тѣ права, которыя имъ удалось пріобрѣсть такъ или иначе. Среди народа, у котораго, какъ вездѣ въ англійскихъ странахъ, общество подраздѣляется на классы, съ взаим ной холодностью сторонящіеся другъ друга, менѣе осторожное поведені могло компрометировать дѣйствія соціалистовъ съ первыхъ же шаговъ.

I.

Рабочая партія (labour party) въ Австраліи остерегается назватьс откровенно соціалистической. Главари только съ недавнихъ поръ имен

ются соціалистами, но притомъ не безъ ограниченій и недомолвокъ. Этимъ способомъ постепенно пріучаютъ тамъ общественную мысль къ понятіямъ, которыя вначалѣ возбуждали тревогу. Современемъ мало-по-малу коррективы исчезнутъ и главная мысль проявится въ видѣ откровенной программы соціализма, послѣднее слово которой есть коллективизмъ.

Умѣренность въ рѣчахъ австралійскихъ соціалистовъ и еще болѣе ихъ старанія проводить только такія реформы, осуществленіе которыхъ возможно въ ближайшемъ будущемъ, породили о нихъ легенду. Путешественники, бѣгло изучавшіе страну, объявили, что тамъ соціализмъ не имѣетъ доктрины. Выраженіе это неясно, такъ какъ соціализмъ не только ученіе, но даже догматъ. Но если хотѣли этимъ сказать, что тактика партіи въ Австраліи добивается только реформъ въ административной, податной и судебной областяхъ съ цѣлью улучшить положеніе большинства и безъ намѣренія колебать тѣ принципы личной свободы и собственности, которые служатъ основаніемъ цивилизованныхъ народовъ, то это невѣрно (другого же смысла приведенныя слова объ отсутствіи соціалистическаго ученія имѣть не могутъ). Соціалистическая партія въ Австраліи также какъ и въ Европѣ обслуживаетъ интересы класса людей, надѣющихся получить удовлетвореніе своихъ нуждъ въ постепенномъ приведеніи всѣхъ къ одному эгалитарному уровню. Она борется со стремленіями образовать капиталы, такъ какъ эти стремленія служатъ необходимымъ поощреніемъ частныхъ иниціативъ и потому, что эти иниціативы являются причинами неравенства, которыя она надѣется уничтожить.

Партія находитъ однако излишнимъ застревать въ философскихъ вопросахъ, не ищетъ разглагольствованій и избѣгаетъ парадированія. Австралійскій соціализмъ не лишенъ доктрины. Если въ Австраліи соціализмъ исключительно и вооружается противъ внѣшнихъ вліяній (тогда какъ въ Европѣ онъ выставляетъ принципъ международной солидарности), то причиной этому служитъ его враждебность началу свободной конкуренціи; силясь уничтожить послѣднюю въ Австраліи, онъ не желаетъ чтобы другіе народы прилагали тотъ же принципъ по отношенію къ Австраліи. Онъ полагаетъ, что географическое положеніе страны дозволяетъ производить эти опыты какъ бы въ закрытомъ сосудѣ и отстраняетъ все то, что можетъ помѣшать этимъ опытамъ.

Европейскіе соціалисты находятся въ иныхъ условіяхъ и поэтому прибѣгаютъ къ другой тактикѣ.

Можно было сомнѣваться въ этихъ положеніяхъ до установленія федераціи (въ январѣ 1901 г.). Рабочіе синдикаты прочно основались въ шести австралійскихъ колоніяхъ (Нов. Южн. Валлисъ, Викторія, Куинслэндъ, Южная Австралія, Западная Австралія и Тасманія) и ихъ делегаты занимали нѣсколько креселъ въ мѣстныхъ парламентахъ. Но, при отсутствіи центральнаго правительства, эти группы, раскиданныя на огромной территоріи, не могли объединиться въ своихъ стремленіяхъ къ точно опредѣленной цѣли. Соперничество между колоніями и не менѣе того зна-

чительныя разстоянія между столицами колоній, очень затрудняли общія соглашенія. По этимъ причинамъ вліяніе синдикатовъ ограничивалось уравніемъ подачекъ изъ скромныхъ колоніальныхъ бюджетовъ подъ видомъ помощи для безработныхъ, требованіемъ повышеній рабочей платы и уменьшеніемъ рабочихъ часовъ, подготовкой и предводительствомъ стачекъ, а также агитаціей для предоставленія мѣстъ своимъ единомышленникамъ въ собраніяхъ или въ администраціи.

Федерація, казалось, могла помѣшать этому политическому спорту, изъ котораго союзы рабочихъ успѣли уже извлечь для себя не мало положительныхъ выгодъ, и отъ рабочей партіи зависѣло способствовать или помѣшать установленію федераціи. Но, предвидя пользу для себя отъ установленія центральнаго правительства, при условіи руководительства послѣднимъ, австралійскіе «трудовики» не препятствовали движенію, изъ котораго родилась федерація. Авторитетъ власти мѣстныхъ парламентовъ долженъ былъ все болѣе и болѣе понижаться, безъ сомнѣнія, въ пользу авторитета федеральнаго парламента. Требовалось, значитъ, постараться сыграть роль въ этомъ послѣднемъ. Не пренебрегая давленіемъ на мѣстныя правительства, сохранившія значительную власть и при федеративномъ устройствѣ, рабочая партія рѣшительно приступила къ дѣйствіямъ.

Обстоятельства ей благопріятствовали. Первое федеральное министерство заключало въ себѣ группу извѣстныхъ и компетентныхъ людей (такъ какъ въ него вступили первые министры объединившихся колоній), но страдало недостаткомъ однородности. Предсѣдатель совѣта г. Эдм. Бартонъ (впослѣдствіи сэръ), несмотря на качества, дѣлавшія его личность симпатичной, на его опытность въ дѣлахъ, осторожность и тактичность, не обладалъ всетаки значительнымъ престижемъ. Въ немъ не находили ни широкихъ взглядовъ на дѣла, ни достаточныхъ энергіи и методичности, требуемыхъ обстоятельствами. Своимъ положеніемъ онъ былъ обязанъ безупречности характера, стеченію обстоятельствъ и, въ особенности, агитаціи политическихъ противниковъ его соперника г. Ридъ (m-r G. H. Reid) *). Съ другой стороны правительство стояло передъ парламентомъ, разбившимся на многочисленныя фракціи по всѣмъ интересующимъ будущее страны вопросамъ. Обстоятельства складывались благопріятно для рабочей партіи при условіи, что она сумѣетъ строго дисциплинироваться. И она это сумѣла.

При первыхъ федеральныхъ выборахъ, ея вліяніе въ парламентѣ опиралось на примѣрно пятую часть депутатовъ. Руководство властью было за ней обезпечено, если партія воспользовалась бы этимъ въ умѣренной степени. Министерство выказывало ей, съ самаго начала сессіи, предупредительность, сдѣлавшую соглашеніе легкимъ. На слѣдующихъ выборахъ

*) Политическая работа, продолжавшаяся съ 1895 г. по 1899 г., для достиженія соглашенія между шестью австралійскими колоніями съ цѣлью установленія федераціи, есть исключительно дѣло г. Рида, бывшаго первымъ министромъ Новаго Южн. Валлиса въ это пятилѣтіе.

въ 1903 году, рабочая партія отвоевала третью часть мѣстъ въ каждой изъ палатъ *). Въ отношеніи къ правительству партія могла изъ роли союзника перейти въ роль покровителя. Съ той поры по естественному ходу дѣлъ она могла получить власть, что и случилось въ апрѣлѣ 1904 г. Неумѣніе управлять страною лишило партію власти очень скоро, а именно въ августѣ того же года. Въ теченіе трехлѣтняго періода съ начала федераціи, рабочая партія нѣсколько разъ, при случаѣ, намѣчала свою программу, но всегда и исключительно программу *завтрашняю* дня. Соціалистическій характеръ рекомендуемыхъ ею мѣръ не подлежалъ сомнѣніямъ, и въ большинствѣ случаевъ правительство соглашалось принять ихъ за свой счетъ, а парламентъ вотировалъ ихъ послѣ слабыхъ возраженій.

Всѣ онѣ имѣли предметомъ вмѣшательство государства въ дѣла гражданъ и принадлежали къ категоріи такъ называемаго англичанами классоваго законодательства (class legislation); всѣ онѣ, наконецъ, были анти-либеральны. Ближайшею цѣлью представлялось изолированіе Австраліи. Итакъ, въ то время когда эта страна, уже защищенная въ торговомъ смыслѣ морями, отдѣляющими ее отъ другихъ материковъ, а въ политическомъ— флотами Англіи, только что организовалась для занятія мѣста среди другихъ націй и вниманіе всего міра было на нее обращено, именно тогда первымъ ея дѣйствіемъ было запереться въ ворчливой неподвижности. Большинство народа узаконило своей терпимостью же политику, діаметрально противоположную своимъ интересамъ **). Подъ вліяніемъ соціалистовъ и не взирая на оппозицію либераловъ создалось законодательство, пропитанное духомъ узости и придирчивости, дополненное правилами неизмѣнно ограничительнаго характера и которыя строго приводились въ дѣйствіе. Казалось, что цѣлью законовъ было обезкуражить предпринимателей, затормозить торговлю и совершенно остановить иммиграцію, уже учень ослабѣвшую и широко восполняемую выселеніемъ (эмиграціей) изъ Австраліи.

Въ программѣ, представленной первому министру Г. Уатсону, по случаю рабочаго праздника 1 мая 1904 г. (Mayady) въ Мельбурнѣ, депутаціей рабочей партіи, находятся слѣдующія слова: «Рѣшено уничтожить рабочую партію и капитализмъ, подготовить зарожденіе общества, въ которомъ всѣ орудія производства будутъ принадлежать народу и имъ управляться», а въ видѣ переходной мѣры предлагается: «опредѣленіе закономъ максимума рабочаго дня въ восемь часовъ или меньше, съ справедливой рабочей платой, во всѣхъ отрасляхъ промышленности и для всѣхъ должностей; разрѣшеніе всѣхъ несогласій въ промышленности принуди-

---

*) По Almanach de Gotha на 1906 г. въ верхней палатѣ австралійской федераціи, именуемой сенатомъ, засѣдаютъ по 6 членовъ отъ каждой изъ 6 колоній, а въ [illegible]чей палатѣ вдвое больше членовъ, т.-е. по 12 отъ каждой колоніи.

Примѣч. переводч.

**) На федеральныхъ выборахъ 1903 г., только меньшая половина избирателей воспользовалась своими правами, а именно 46, 86 процентовъ общаго числа избирателей.

тельнымъ обращеніемъ къ арбитражу (третейскому суду), установленіе пенсій для стариковъ изъ федеральнаго бюджета, учрежденіе федеральнаго эмиссіоннаго банка и т. п.» Это являлось полной соціалистической программой, съ обозначеніемъ конечной цѣли, и съ опредѣленными способами къ ней ведущими. Министръ отвѣтилъ, что онъ счастливъ заявить, что почти всѣ эти положенія фигурируютъ и въ правительственной программѣ, добавивъ, что, безъ сомнѣнія, окажется невозможнымъ вполнѣ удовлетворить партію въ эту же сессію. По его мнѣнію, установленіе федеральнаго коллективизма (a collective Commonwealth) являлось еще преждевременнымъ, но каждый шагъ впередъ приближалъ къ желаемому идеалу.

Въ апрѣлѣ 1905 г., семь мѣсяцевъ спустя послѣ паденія министерства Уатсона, конференція рабочей партіи колоніи Викторія единогласно требовала «постепенной національзаціи орудій производства, распредѣленія и обмѣна», присоединяя къ этому принудительный наказъ будущимъ членамъ парламента голосовать по вопросу, отъ котораго зависѣла судьба министерства, не иначе какъ согласно съ резолюціями группы и не вступать членами ни въ какое правительство, въ которомъ большинство не принадлежало бы партіи. Въ іюлѣ 1905 г. Г. Уатсонъ, отвѣчая на вопросъ, отталкивалъ отъ себя кличку коммуниста, но снова допускалъ, что конечной цѣлью его политики было замѣнить конкурренцію кооперацiей, передавая въ руки государства элементы производства, распредѣленія и обмѣна. Онъ заявлялъ одновременно съ, быть можетъ, только кажущимся, противорѣчіемъ, имъ не выясненнымъ, что австралійскіе соціалисты не намѣревались конфисковать частную недвижимую собственность.

Тѣмъ не менѣе выраженіе федеральный коллективизмъ (Collective Commonwealth) показалось неосторожнымъ, по крайней мѣрѣ преждевременнымъ. Уступки министерства (второе министерство Дикинъ (Deakin), замѣнившаго кабинетъ Г. Ридъ (Reid), правившаго съ августа 1904 г. по іюль 1905 г.) не простирались до принятія этой формулы. Рабочая партія придумала для ея замѣны новую счастливую формулу «національзація монополій». Такъ какъ въ Австраліи не существуетъ другихъ монополій, помимо уже находящихся въ рукахъ государства общественныхъ службъ, считая въ томъ числѣ и желѣзныя дороги, подобная формула никого не могла обмануть. Монополіей стали бы называть всякое частное промышленное предпріятіе, которымъ государство пожелало бы завладѣть. Правительство этой формулой удовлетворилось, и съ тѣхъ поръ «національзація монополій» отъ времени до времени появляется въ заявленіяхъ федеральнаго правительства. Начало могло бы быть положено табачной монополіей, далѣе можно было бы приступить къ монополизаціи спирта, затѣмъ горнаго производства и т. д. Однако эти предположенія до сихъ поръ не вступили въ фазисъ осуществленія.

Изложивъ вкратцѣ степень развитія соціалистическихъ идей въ Австраліи, посмотримъ теперь, въ какихъ формахъ, направленіяхъ и съ какимъ успѣхомъ (для партіи, если не для страны) онѣ нашли примѣненіе.

II.

Парламентарный строй, основанный на почти всеобщемъ голосованіи, налагаетъ на всякое правительство обязанность согласить требованія народной массы съ общими интересами страны. Такое согласованіе никогда не является легкимъ. Тѣмъ не менѣе могутъ его облегчить слѣдующія обстоятельства: господство нѣкоторыхъ традицій, воспоминаніе о прежнихъ неудачныхъ опытахъ, боязнь внѣшнихъ осложненій или существованіе среди націи значительнаго класса лучшихъ людей, обладающихъ высокой умственной культурой и могущихъ проявить политическое вліяніе.

Австралія до сихъ поръ лишена такихъ элементовъ и предоставлена вожделѣніямъ въ нѣкоторой степени импульсивнымъ.

Одаренная обильными природными богатствами, она, кромѣ того, пользуется климатомъ, мягкость котораго располагаетъ жителей ко всѣмъ утѣхамъ жизни на открытомъ воздухѣ. Все въ этой счастливой странѣ способствуетъ распространенію роскоши, а также склонности къ праздности. Не удивительно, что самое понятіе о необходимости труда и его высокомъ облагораживающемъ значеніи нѣсколько умалилось тамъ *). Понятіе о роли государства также должно было измѣниться и въ немъ стали видѣть не столько организацію, предназначенную для обезпеченія свободы и безопасности гражданъ, сколько родъ услужливаго божества, отъ котораго можно ждать всякихъ благъ и отъ котораго поэтому можно ихъ и требовать.

Такимъ образомъ подготовилась почва, чрезвычайно благопріятная для развитія соціализма, соціализма, какъ его понимаютъ тамъ, на антиподахъ, а именно терпѣливаго, настойчиваго, не признающаго дирекціи свыше, равнодушнаго къ общимъ теоріямъ и далекимъ послѣдствіямъ.

Не однимъ только географическимъ положеніемъ страны и покровительствомъ Великобританіи объясняется дѣятельность соціалистическаго движенія въ Австраліи, его духъ и направленіе. Они вытекаютъ также изъ историческаго развитія отношеній между трудомъ и капиталомъ въ года, послѣдовавшіе по окончаніи перваго періода колонизаціи **). Эксплуатація австралійской почвы также щедро окупалась. Вездѣ производились большія сооруженія. Съ 1851 по 1861 годъ населеніе Мельбурна возросло съ 23 до 140 тысячъ жителей. Работники, и особенно знавшіе мастерство, были рѣдки. Хорошій каменщикъ зарабатывалъ отъ 30 до 35 франковъ въ день. Не восходя такъ далеко, мы видимъ, что населеніе Аделаиды удвоивается

---

*) Австралійскіе рабочіе союзы выказали, пожалуй, больше настойчивости для пріобрѣтенія укороченнаго рабочаго дня и увеличенія числа праздничныхъ дней, чѣмъ при стараніяхъ добиться увеличенія заработной платы (изъ донесенія Французскаго генеральнаго консула въ Австраліи за 1905 г.).

**) Подъ первымъ періодомъ колонизаціи здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду колонизація ссыльныхъ—уголовныхъ преступниковъ.

Прим. переводчика.

съ 1871 по 1881 годъ, а съ 1881 по 1891 населеніе Сидпея увеличилось на 100 тысячъ человѣкъ. Вплоть до 1892 года австралійская колонія пользовалась на Лондонскомъ рынкѣ безграничнымъ кредитомъ.

Нѣкоторое равновѣсіе между нормальными денежными средствами и расходами должно было неминуемо когда-нибудь наступить.

По мѣрѣ того, что предложеніе труда росло вслѣдствіе иммиграціи — тогда поощряемой, а конкурренція предпріятій понижала норму прибыли, заработная плата должна была понизиться. Въ 1886 году, къ каковому году можно пріурочить начало серьезныхъ разногласій между работодателями и рабочими, средній работникъ получалъ уже не болѣе 12 или 14 франковъ въ день. Это еще приличное вознагражденіе въ странѣ, гдѣ никогда не бываетъ морозовъ и гдѣ главныя жизненныя потребности стоятъ не дорого. Но извѣстныя привычки уже укоренились и рабочіе не желали съ ними разстаться: привычки комфорта, развлеченій и даже роскоши. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ организовались рабочіе союзы (Unions) въ предвидѣніи борьбы.

Она началась и привела къ громаднымъ стачкамъ. Послѣдствіемъ явились безпорядки, которые были строго подавлены (1890—1892). Но насилія не пользовались сочувствіемъ публики. Рабочимъ синдикатамъ оставалось только попытаться завладѣть политическимъ вліяніемъ. Сперва предложить свои услуги, а затѣмъ заставить ихъ принять, вотъ въ двухъ словахъ первоначальная программа рабочей партіи. Рабочіе союзы слѣдовали этой програмѣ съ терпѣніемъ и упорствомъ и такимъ образомъ достигли власти, иногда смахивающей на диктатуру.

Если и не однѣ эти причины обусловили появленіе соціалистическаго движенія въ Австраліи, то онѣ во всякомъ случаѣ его ускорили. Память о нихъ до сихъ поръ поддерживаетъ въ народномъ духѣ обманчивыя иллюзіи относительно истинныхъ экономическихъ условій страны. Этимъ объясняется, почему соціалистическая партія въ Австраліи, оставляя въ сторонѣ вопросы общей организаціи и управленія страной, занялась сначала только вопросами заработной платы и условіями труда, а «коллективизмъ», къ которому она теперь стремится, былъ для нея вначалѣ terra incognita, неизвѣстной величиной. Партія ее теперь видитъ, такъ какъ къ ней приблизилась, знаетъ, что туда ведетъ путь, сознаетъ это, но не знала этого, когда пускалась въ путь. Конечная цѣль пути усматривается партіей безъ восторга и она не торопится прибыть къ ней.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ дозволяетъ отличить въ прогрессѣ партіи, ведущей на буксирѣ парламентъ и народъ, три движенія, начавшихся неодновременно и дѣйствующихъ параллельно. Первое, направленное противъ принципа конкурренціи, очень уже подвинулось впередъ; второе, противъ личной свободы, успѣвшее завоевать только то, что нужно для успѣха перваго; третье, противъ частной собственности, именуемой капиталомъ или орудіемъ производства. Послѣднее до сихъ поръ пріобрѣло только одинъ ощутительный успѣхъ и, быть можетъ, эфемерный—учрежденіемъ и

примѣненіемъ въ извѣстномъ духѣ законовъ о принудительномъ арбитражѣ (третейскомъ судѣ), чего мы коснемся въ отдѣльной главѣ.

Излишне тутъ говорить, что эта классификація вожделѣній австралійской соціалистической партіи предложена главнымъ образомъ съ цѣлью легчайшаго изученія вопроса. Первыя два движенія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, образуютъ подготовку для успѣха третьяго. Всѣ три имѣютъ одну цѣль, которую мы уже указывали, и которая уже обнародована съ 1904 г. въ программахъ партіи, ту же цѣль, къ которой стремятся съ большимъ пыломъ, но съ меньшей методичностью, соціалисты Стараго Свѣта, а именно: разрушеніе капиталистическаго строя общества.

III.

Когда первый федеральный парламентъ началъ, въ маѣ 1901 года, свои занятія, ему предстояла работа почти исключительно административная. Дѣйствительно, главной цѣлью конституціи было передать въ вѣдѣніе федераціи (Commonwealth) нѣкоторыя отрасли управленія правительствъ отдѣльныхъ штатовъ и не изъ менѣе важныхъ, такъ какъ между ними являются таможни, почта и телеграфъ и государственная оборона. Изъ другихъ отраслей, входящихъ въ законодательную компетенцію парламента, ни одна не требовала спѣшныхъ реформъ. Программа первой сессіи должна была, слѣдовательно, заключаться въ объединеніи таможенныхъ тарифовъ штатовъ, въ сліяніи воедино служебнаго персонала и въ рѣшеніи финансовыхъ и юридическихъ вопросовъ, вызванныхъ этими измѣненіями. Для сокращенія переходнаго времени, всегда пагубно отзывающагося на дѣлахъ, желательно было эту законодательную работу окончить въ возможно краткій срокъ.

Основанія, на которыхъ зиждились отрасли администраціи, имѣвшія поступить въ вѣдѣніе федеральнаго правительства, мало отличались другъ отъ друга въ разныхъ штатахъ.

Ихъ кодификація была сравнительно не трудна. Что же касается таможенныхъ тарифовъ, то здѣсь положеніе было иное. Новый южный Валлисъ уже пять лѣтъ жилъ подъ знаменемъ свободной торговли и былъ имъ доволенъ. Другіе же штаты находились подъ покровительственнымъ тарифомъ. Такъ какъ предстояло слить всѣ эти системы въ одинъ общій тарифъ, здравый смыслъ тутъ указывалъ разумный способъ. Слѣдовало для каждаго товара взять среднюю изъ тарифовъ разныхъ штатовъ, измѣняя ее пропорціонально величинѣ ввоза даннаго товара въ каждомъ изъ штатовъ. Такимъ способомъ уже установившіяся торговыя сношенія потерпѣли бы наименьшее разстройство. Въ сущности задача новаго правительства была не такъ трудна, какъ сложна: она тѣмъ бы лучше разрѣшилась, чѣмъ менѣе примѣшивали къ ней политики и полезно было бы имѣть въ виду старинную англійскую пословицу: «не время мѣнять лошадей, когда переѣзжаешь черезъ рѣчку».

Этотъ взглядъ казался слишкомъ простымъ, особенно слишкомъ скромнымъ, чтобы быть принятымъ. Инциденты предвыборной кампаніи марта 1901 года не позволяли сомнѣваться въ характерѣ мыслей будущихъ федеральныхъ депутатовъ. Каждый изъ нихъ воображалъ себя призваннымъ «построить націю» (to build a nation) и каждый полагалъ сдѣлать это по своему. Протекціонисты, увѣренные въ своемъ большинствѣ, возвѣщали намѣреніе сокрушить своихъ противниковъ, прозванныхъ странной кличкой revenue tariffists—доходныхъ тарифщиковъ. Съ самаго открытія парламента глубокія разногласія и по другимъ вопросамъ обнаружились среди новыхъ избранниковъ. Рабочая партія, вѣрная своей тактикѣ, объявила, что она предоставляетъ своимъ представителямъ полную свободу въ отношеніи вопросовъ фискальнаго или національнаго интереса и что, желая сохранять равновѣсіе между партіями, она приберегаетъ свои силы для низверженія всякаго правительства, которое отказывалось бы повиноваться «волѣ народа». Этотъ манифестъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на другихъ депутатовъ, тоже считавшихъ себя хоть въ нѣкоторой степени представителями «воли народа», и первая законодательная сессія открылась подъ этими не особенно успокоительными предзнаменованіями.

Правительство не представило программы въ обычномъ смыслѣ этого слова, но внесло длиннѣйшій списокъ законопроектовъ, кои оно намѣревалось предложить на утвержденіе парламента. Мы остановимся только на тѣхъ, которыми заинтересовалась рабочая партія. Къ тому же только они и таможенный тарифъ послужили поводомъ къ продолжительнымъ дебатамъ. Кстати замѣтимъ, что таможенный тарифъ только въ октябрѣ 1901 г. былъ представленъ парламенту, а голосованъ былъ только въ сентябрѣ 1902 года. Самая спѣшная изъ мѣръ, вызванныхъ установленіемъ федераціи, потребовала шесть мѣсяцевъ подготовительной работы и одиннадцать мѣсяцевъ дебатовъ. Время уходило между тѣмъ на занятія болѣе сенсаціонными вопросами.

Въ теченіе этого перваго періода, какъ выше было сказано, австралійскіе соціалисты повели аттаку на принципъ конкурренціи. Надо было начать, понятно, съ внѣшней конкурренціи. Потомъ, позднѣе, придумали бы, какъ упразднить и внутреннюю. Выгоды для рабочихъ отъ борьбы съ торговлей не были весьма очевидны, но несмотря на малое знакомство съ такими вопросами, какъ покупательная сила золота и условія устойчивости предпріятій, главари партіи, не задумываясь, открыли борьбу. Ихъ интересовалъ только вопросъ вознагражденія труда. Къ тому же изолированіе Австраліи было нужно для успѣшности новыхъ экспериментовъ. Подъ ихъ давленіемъ федеральное правительство представило три законопроекта: Customs bill (таможенный уставъ), Post and Telegraph bill (почтово-телеграфный уставъ) и Immigration restriction bill, касающійся ограниченій иммиграціи.

На первый взглядъ понятно значеніе третьяго билля для видовъ рабочей партіи, но менѣе понятно значеніе обыкновенныхъ правилъ, каса-

ющихся службъ таможней и почтъ. Они, тѣмъ не менѣе, послужили ей и очень хорошо; не прямыми своими послѣдствіями, но впечатлѣніемъ, произведеннымъ внѣ страны. Въ самомъ дѣлѣ, эти законопроекты не были простыми уставами. Они сыграли роль авангардныхъ отрядовъ, доказывающихъ непріятелю, что война началась и наступательныя дѣйствія открылись.

Посмотримъ сперва, чѣмъ былъ таможенный билль, ставшій закономъ Customs Act, по его утвержденіи королемъ 3 октября 1901 года.

Въ одномъ и томъ же министерскомъ департаментѣ федеральное правительство соединило торговлю и таможню. Такъ какъ таможня дѣйствуетъ въ интересахъ казны, то ея дѣятельность приходитъ въ столкновеніе съ торговлей и было непослѣдовательнымъ ставить ихъ подъ общее управленіе. Выборъ лица, поставленнаго во главѣ этого департамента, указывалъ на то, что это недоразумѣніе отчасти было преднамѣренное. Двойной портфель этотъ достался г. Кингстону, сохранившему его до іюля 1903 г. Г. Кингстонъ не принадлежалъ къ рабочей партіи, равно какъ и его коллеги по министерству; но болѣе остальныхъ онъ пользовался симпатіями соціалистовъ и ихъ заслуживалъ. Повидимому для оправданія ихъ довѣрія, онъ поторопился внести въ парламентъ подъ названіемъ Customs bill (таможенный билль) проектъ устава, въ 277 статьяхъ котораго были умно собраны самыя строгія изъ таможенныхъ правилъ, не только австралійскихъ штатовъ, но и другихъ державъ, у которыхъ фискальныя придирки достигли крайнихъ предѣловъ.

Уставъ назначалъ, для простыхъ упущеній, тяжкія наказанія и позаботился о лишеніи судовъ права понизить далѣе опредѣленнаго минимума тѣ наказанія или штрафы, которымъ подлежали провинившіеся. Спеціальныя инструкціи, изданныя съ цѣлью, какъ это высказалъ въ парламентѣ сэръ Макмильянъ *), удержать служащихъ въ страхѣ быть неподдержанными и наказанными въ случаѣ недостаточно строгаго примѣненія ими закона, давали министру дискреціонную власть при разрѣшеніи могущихъ быть пререканій.

Два года министерства г. Кингстона были двумя годами борьбы съ торговлей. Онъ внесъ въ эту борьбу упорство, надолго оставшееся въ памяти у австралійскихъ купцовъ. Въ качествѣ министра таможни, естественно было ему извлечь изъ послѣдней наивысшій доходъ, подъ условіемъ только не забывать, что таможня питается торговлей. Имъ это было забыто. Какъ министръ торговли онъ долженъ былъ облегчать, защищать, поощрять торговыя сдѣлки и, въ особенности, освѣдомляться—(о ь въ этомъ нуждался)—о практическихъ нуждахъ торговли, для удовл творенія ихъ въ мѣрѣ возможности. Но онъ иначе понималъ свои об занности. По его понятіямъ роль министра торговли заключалась въ ре ламентированіи, сдерживаніи и дисциплинированіи торговли, которую

*) Засѣданіе нижней палаты 2 іюня 1903 г.

онъ какъ бы стремился сократить до предѣловъ возможности. Думая защитить государство отъ притязаній торговли, онъ выступилъ вооруженнымъ для борьбы и предался ей съ такой добросовѣстной рѣшительностью, что окончательно разстроилъ, менѣе чѣмъ въ два года, свое крѣпкое здоровье.

Морская торговля, вѣрнѣе сказать, судоходный промыселъ, была болѣе беззащитна противъ строгостей администраціи, чѣмъ обыкновенная торговля. Большія торговыя фирмы имѣютъ многочисленный персоналъ служащихъ, а сами главы фирмъ располагаютъ слишкомъ крупными дѣлами, чтобы не пользоваться извѣстнымъ вліяніемъ, тогда какъ судоходныя компаніи представлены одними агентами. Жалобы послѣднихъ не могутъ проникнуть въ парламентъ. Жалобы ихъ преспокойно клались подъ сукно. Было приложено стараніе наполнить таможенный билль всѣми мѣрами, показавшимися наиболѣе дѣйствительными для стѣсненія дѣйствій судоходныхъ компаній, подвергая ихъ риску частыхъ правонарушеній, какъ бы осторожны они ни были. Такимъ образомъ создалась система гнета, получившая въ газетахъ главныхъ портовъ Австраліи кличку Harassing Shipping «изводъ судоходства».

Наиболѣе своеобразная изъ этихъ мѣръ касалась судового провіанта Ships'stores. Она была направлена противъ большихъ пароходныхъ обществъ англійскихъ и иностранныхъ, содержащихъ почтовое сообщеніе съ Австраліей. Ихъ пароходы на пути изъ Европы въ Австралію или обратно въ Европу пробѣгаютъ между Фримантлемъ (Западная Австралія) и Сиднеемъ (Нов. Южн. Валлисъ), разстояніе считая туда и назадъ въ 4,900 морскихъ миль (около 8,500 вер.), заходя по пути въ главные промежуточные порты. Таможенный билль предписывалъ считать весь провіантъ на пароходахъ подлежащимъ таможенной пошлинѣ, даже и ту часть провіанта, которая расходовалась въ открытомъ морѣ, начиная со времени прибытія въ первый австралійскій портъ до отплытія изъ послѣдняго австралійскаго порта на обратномъ пути въ Европу. Для принужденія уплатить пошлину было придумано слѣдующее средство: на помѣщеніе провіанта, оказавшагося на пароходѣ при его прибытіи въ первый австралійскій портъ, обыкновенно въ Фримантлъ, накладывались таможенныя пломбы, которыя затѣмъ снимались въ томъ же портѣ послѣ двойного указаннаго выше перехода вдоль береговъ Австраліи, передъ отплытіемъ парохода въ Европу.

Срываніе пломбы было, разумѣется, воспрещено; такъ что если въ морѣ пароходъ нуждался въ этомъ провіантѣ, онъ подвергался по прибытіи въ портъ аресту и присуждался къ крупному штрафу.

Это распоряженіе переходило границу терпимаго, во-первыхъ, потому, что ввозной пошлиной можетъ только облагаться ввозимый товаръ, т.-е. такой, который будетъ употребляться въ странѣ и свозиться съ корабля на берегъ съ этой цѣлью, а, во-вторыхъ, потому, что корабль, находящійся въ открытомъ морѣ, не находится подъ дѣйствіемъ какого бы то ни было таможеннаго управленія. Таможня могла, въ крайности, требо-

вать уплаты пошлины за провизію, расходуемую во время стоянки въ портахъ, но наложенныя пломбы и печати утрачивали всякую законную силу лишь только корабль выходилъ изъ черты территоріальныхъ водъ. Утверждали, что англійскіе пароходы должны были подчиняться этому закону, такъ какъ австралійскій законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскій законъ. Но во всякомъ случаѣ, этотъ законъ не могъ быть обязательнымъ для иностранныхъ пароходовъ внѣ австралійскихъ водъ, такъ какъ основной принципъ международнаго права заключается въ томъ, что корабль въ открытомъ морѣ подчиненъ законамъ только той страны, подъ флагомъ которой онъ плаваетъ.

Вопросъ о судовомъ провіантѣ послужилъ поводомъ множества конфликтовъ, пререканій, судебныхъ рѣшеній и приговоровъ и даже обмѣна дипломатическихъ нотъ *). Возбужденіе улеглось послѣ соглашенія между правительствомъ въ лицѣ премьеръ-министра, болѣе податливаго, чѣмъ г. Кингстонъ, и пароходными компаніями. Совсѣмъ оно прекратилось послѣ офизіозныхъ сообщеній въ прессѣ, въ которыхъ каждая изъ сторонъ доказывала, что противная сторона пошла на уступку. Въ дѣйствительности компаніи уступили по вопросу о пошлинахъ, а правительство по вопросу о пломбахъ.

Это было лишь стычкой, но значеніе ея было ясно. Эти строгости не могли быть вызваны одними фискальными соображеніями. Пошлина, взимаемая за судовой провіантъ, употребленный въ открытомъ морѣ, не достигала и 20 тыс. фунт. стерл., тогда какъ таможенный доходъ за 1901—1902 гг. былъ выше 7.600,000 фунт. Разумѣется, не для полученія такого тощаго результата были приняты такія необычныя мѣры съ рискомъ серьезныхъ непріятностей, въ случаѣ если иностранныя державы обратили бы больше вниманія на это дѣло. Съ другой стороны, новый таможенный уставъ своими придирками къ торговымъ фирмамъ и затрудняя ихъ сношенія со своими европейскими корреспондентами, могъ имѣть послѣдствіемъ только сокращеніе ввоза, а также и таможеннаго дохода. Направленіе, которое было положено въ основу таможеннаго законодательства и примѣненія его на дѣлѣ, достаточно ясно указывало, каковы намѣренія правительства и съ какой стороны шло давленіе на правительство.

Послѣ этого перваго предостереженія другія не замедлили послѣдовать. Почтово-телеграфный билль, утвержденный короной 16 ноября 1901 г., былъ, что вполнѣ понятно, не чѣмъ инымъ, какъ компиляціей почтовыхъ правилъ, дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ штатахъ до ихъ федераціи. Онъ бы не представлялъ никакого политическаго интереса, не будь въ немъ одной статьи, послѣдствіемъ которой явилось разстройство болѣе чѣмъ на годъ правильнаго почтоваго сообщенія Австраліи съ Европой. Этой статьей (16) федеральное правительство отказывалось платить субсидію за пере-

*) См. The history of the Taxation of Ships'stores Sidney, 1902 г., т.-е. исторія обложенія пошлиной судового провіанта.

возку почты тѣмъ пароходнымъ обществамъ, которыя не обяжутся имѣть команду, составленную только изъ лицъ бѣлаго племени, т.-е. не будутъ брать на службу людей цвѣтной кожи. Извѣстно, что въ составъ пароходныхъ командъ, производящихъ рейсы между Европой и Востокомъ, чрезъ Суэцкій каналъ, обыкновенно входятъ кочегары арабы и прислуга индусы. Наложеніе на это запрета должно было помѣшать возобновленію дѣйствующихъ договоровъ о перевозкѣ почтъ, плата за которую до тѣхъ поръ вносилась сообща Англіей и австралійскими колоніями. Договоры эти, дѣйствительно, не были возобновлены по истеченіи сроковъ. Послѣ долгихъ попытокъ и блужданій пришлось прибѣгнуть для возобновленія почтовыхъ сообщеній къ разнымъ способамъ, пользу которыхъ покажетъ будущее.

Эта статья 16, само собою разумѣется, включена стараніями рабочей партіи и, странно сказать, безъ всякой существенной причины. Почтовые пароходы не набираютъ своихъ командъ въ Австраліи и цвѣтные люди на пароходахъ поэтому не являются конкуррентами для мѣстныхъ рабочихъ. Къ тому же эти цвѣтнокожіе, по большей части, являются великобританскими подданными и заслуживающими поэтому дружелюбнаго отношенія со стороны австралійцевъ. Несмотря на несогласіе англійскаго правительства заключить договоры только съ тѣми пароходными компаніями, которыя обойдутся безъ цвѣтныхъ людей въ командѣ, австралійскіе соціалисты не уступили. Это уже второе предостереженіе. Третье оказалось болѣе серьезнымъ.

IV.

Оно явилось подъ видомъ билля объ ограниченіи иммиграціи (Immigration restriction bill), сдѣлавшимся закономъ австралійской федераціи 23 декабря 1901 года.

Названіе закона поясняетъ его цѣль, но смягчаетъ его дѣйствительное значеніе. Дѣло касалось не только ограниченія иммиграціи, уже очень незначительной, сколько ея упраздненія, или, по крайней мѣрѣ, лишенія ея всякой заманчивости. Задача была не изъ легкихъ, такъ какъ свободный доступъ территоріи цивилизованнаго народа вездѣ признается безспорнымъ принципомъ. Англія болѣе другихъ странъ его признавала всегда и этотъ взглядъ на обязанность международнаго гостепріимства служитъ къ чести англійскаго характера. Отступленія, принятыя въ нѣкоторыхъ странахъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не расшатали этого общаго правила. Рѣшаясь не обращать на него никакого вниманія, австралійскіе соціалисты въ нѣкоторой степени становились вразрѣзъ съ международнымъ правомъ: къ этому первому затрудненію прибавлялось и второе, болѣе положительнаго свойства. Хотѣли начать сперва съ полнаго прекращенія иммиграціи цвѣтныхъ племенъ. Стоило только ее прямо и откровенно запретить и вопросъ былъ разрѣшенъ. Но Англія владычествуетъ надъ тремя стами милліоновъ людей не бѣлаго племени и англійское правительство н›

могло утвердить столь радикальной мѣры. Требовалось поэтому изобрѣсти формулу, посредствомъ которой право запрета находилось бы въ рукахъ правительства и вмѣсто произвола являлась точность, требуемая отъ всякаго текста закона. Вотъ что было придумано *). «Въ австралійскую федерацію запрещено переселеніе всякаго лица, которое будучи приглашено на то правительственнымъ чиновникомъ, не сумѣетъ написать подъ диктовку и подписать въ присутствіи этого чиновника отрывокъ въ пятьдесятъ словъ на одномъ изъ европейскихъ языковъ, *по выбору этого чиновника*» (ст. 3).

Это постановленіе было принято, голосовано, и англійское правительство его утвердило. Оно дѣйствуетъ до сихъ поръ и примѣняется отъ времени до времени. Называется оно test—испытаніемъ. Его весьма рѣдко примѣняютъ къ переселенцамъ бѣлаго племени, относительно которыхъ были придуманы и другіе способы отказа въ допущеніи. Тѣмъ не менѣе я видѣлъ его примѣненіе въ отношеніи къ германскому подданному, родившемуся отъ отца нѣмца и знавшему, кромѣ родного языка, по-французски и по-англійски. Ему не удалась диктовка по-гречески, вслѣдствіе этого его присудили въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и затѣмъ выслали въ Германію нѣсколько дней по объявленіи приговора.

Можно было этимъ и ограничиться. Сборникъ диктантовъ избранныхъ по-русски, по-польски, по-норвежски, по-турецки былъ бы достаточенъ для устраненія всякаго, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ филологовъ. Но изъ меньшихъ непріятностей для австралійскаго правительства такой процедуры было бы то, что оно сдѣлалось бы посмѣшищемъ, если бы тэстъ примѣнялся ежедневно въ видѣ обязательной формальности для всѣхъ путешественниковъ, прибывающихъ въ Австралію. Его въ силу этого стали держать въ запасѣ, для исключительныхъ случаевъ, когда окажется желательнымъ покрыть актъ произвола личиною законности. Даже въ отношеніи къ цвѣтнымъ переселенцамъ часто обходились безъ тэста. Напередъ признанные не удовлетворяющими условіямъ, арестовывались на берегу и и обратно доставлялись на привезшій ихъ корабль, съ наложеніемъ штрафа на командира, доставившаго такихъ «паршивыхъ овецъ» на территорію федераціи. Такимъ же образомъ поступали и съ дезертирами, предполагая сообщничество командира. Суду иногда удавалось укротить этотъ деспотическій пылъ. Были подаваемы жалобы и въ высшія кассаціонныя инстанціи. Такъ, напримѣръ, 8 августа 1902 г. высшій судъ въ Сиднеѣ, по жалобѣ французской компаніи Мессажери Маритимъ, кассировалъ рѣшеніе приморскаго полицейскаго суда (Water police court), обязавшаго пароходнаго командира уплатить штрафъ и этотъ штрафъ былъ возвращенъ. Поводомъ кассаціи было, что дезертиру не было произведено образовательнаго испытанія, educational test.

*) Въ данномъ случаѣ, австралійское правительство можетъ похвалиться только тѣмъ, что перенесло на гораздо большую территорію комбинацію, уже использованную въ маленькихъ англійскихъ колоніяхъ. Подобная формула имѣется въ законахъ колоніи Наталь съ 1897 г.

Пресса какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Австраліи почти единодушно возстала противъ этихъ придирокъ, но въ отношеніи къ цвѣтнокожимъ переселенцамъ цѣль была достигнута. Они узнали, что имъ воспрещенъ доступъ въ Австралію, а пароходныя компаніи стали отказываться перевозить ихъ туда, и съ тѣхъ поръ въ Австралію прибываютъ на пароходахъ одни только бѣлокожіе пассажиры.

Одновременно съ этимъ особенный законъ «Pacific Islands labourers act» (законъ о рабочихъ съ тихоокеанскихъ острововъ) предписывалъ постепенное, въ теченіе пяти лѣтъ, выселеніе полинезійскихъ туземцевъ, работавшихъ на сахарныхъ плантаціяхъ Куэнсланда. Эта до того времени цвѣтущая промышленность почти была убита въ сѣверныхъ отдѣлахъ этого штата, гдѣ работа бѣлыхъ, по климатическимъ условіямъ, не можетъ замѣнить работу канаковъ *) съ Сандвичевыхъ острововъ.

Сторонники политики исключенія и выселенія приводили въ защиту ея необходимость сохранить въ Австраліи чистоту бѣлаго племени. Нельзя отказать въ нѣкоторой вѣскости этому объясненію, и въ указанномъ смыслѣ могли быть изданы нѣкоторыя полицейскія правила. Но оно недостаточно для того, чтобы примириться съ абсолютнымъ примѣненіемъ девиза «Бѣлая Австралія». Допуская, что заботы о чистотѣ племени имѣютъ для австралійцевъ такое важное значеніе, что для него можно рѣшиться на всякія жертвы, замѣчаешь съ удивленіемъ, что въ числѣ самыхъ крайнихъ поборниковъ этого принципа находятся люди наименѣе увлекающіеся идеалами и соображеніями объ общихъ интересахъ страны. И спрашиваешь себя, не прикрываются ли чьи-нибудь частные интересы этой на видъ благородной формулой, такъ какъ чистота племени и безъ того не подвергалась большимъ опасностямъ. Браки между англо-саксонцами и азіатскими инородцами всегда были очень рѣдки,—недостаетъ взаимныхъ склонностей.

Остается предполагать, что въ данномъ случаѣ боялись мирнаго и постепеннаго завоеванія страны инородцами, которое могло бы послужить на пользу дѣйствительнаго вооруженнаго завоеванія. Допустимъ это предположеніе. Тогда являются два предположенія: либо стремленіе въ ширь азіатскихъ народовъ такъ велико, что существованіе Австраліи подвергается опасности, но тогда не эти, нѣсколько смахивающія на Китай, придирки иммиграціоннаго закона могутъ помѣшать такому завоеванію или даже его отсрочить. Либо, что вѣроятнѣе, Австралія утвердитъ свою самостоятельность, разовьетъ свои богатства, увеличитъ населеніе и устроитъ оборону и тогда ей нечего бояться желтокожихъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ эти обидныя предосторожности и зачѣмъ отказываться отъ дешевой и привычной рабочей силы для тяжелыхъ работъ, избѣгаемыхъ европейцами и въ

*) Несмотря на сильныя преміи употребляющимъ бѣлыхъ работниковъ, не представляется возможнымъ, въ виду жалобъ плантаторовъ, примѣнить тамъ законъ. Въ апрѣлѣ 1906 г. оставалось тамъ 5 тыс. туземныхъ рабочихъ, т.-е. болѣе половины численности, бывшей въ 1901 г. при изданіи закона.

особенности англичанами. Хорошая полиція и нѣсколько практическихъ правилъ были бы достаточны, и австралійцы къ своей выгодѣ использовали бы эту силу безъ опасныхъ послѣдствій.

Но въ иммиграціонномъ законѣ мы находимъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Онъ даетъ мѣстной администраціи право запретить доступъ въ Австралію всякому рабочему—и это относится и къ бѣлокожимъ.

«Иммиграція въ австралійскую федерацію запрещается всякому лицу, могущему, по мнѣнію министра или компетентнаго чиновника (а именно таможеннаго), съ вѣроятіемъ сдѣлаться обузой для общественной благотворительности. Она же запрещается всякому лицу, договорившемуся для выполненія ручного труда въ предѣлахъ федераціи; отсюда исключаются рабочіе, признанные министромъ производящими такую спеціальную работу, которая нужна въ Австраліи» (пункты б и г ст. 3-й).

Стремленіе сохранить чистоту племени очевидно непричастно редакціи этихъ двухъ параграфовъ, дополняющихъ другъ друга. Рабочій прибываетъ въ Австралію либо по договору, либо безъ договора. Если безъ договора, то онъ рискуетъ весьма скоро очутиться безъ средствъ (полагая, что онъ прибылъ безъ крупной суммы, что всего вѣроятнѣе); тогда можетъ быть примѣненъ первый параграфъ. Будь у него договоръ на обыкновенную работу—примѣняется второй параграфъ и онъ изгоняется. Наконецъ, если онъ владѣетъ спеціальнымъ мастерствомъ и объ этомъ сказано въ договорѣ, онъ можетъ получить разрѣшеніе, но только въ томъ случаѣ, если министръ признаетъ, что «нѣтъ въ Австраліи ищущихъ работу рабочихъ той же спеціальности».

Такое странное толкованіе было пущено въ ходъ министерствомъ сэра Эдм. Бартона, когда, въ декабрѣ 1902 года, шесть англійскихъ рабочихъ шляпочниковъ, прибывшихъ изъ Англіи на англійскомъ пароходѣ и снабженныхъ договоромъ отъ Сиднейской фирмы, пожелали сойти на берегъ въ Сиднеѣ. Имъ это воспретили и предложили вернуться на родину. Пресса подняла большой шумъ. Газеты рабочей партіи требовали отъ правительства не дѣлать никакихъ уступокъ, но общественное мнѣніе открыто высказывалось противъ него. Лондонскія телеграммы извѣщали о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ казусомъ въ Англіи *).

Министерство уступило, прикрывъ уступку заявленіемъ, въ которомъ говорило, что по тщательной справкѣ оказалось, что нельзя было найти въ Австраліи рабочихъ, знакомыхъ съ этимъ мастерствомъ. Арестъ на кораблѣ этихъ шести англичанъ длился одну недѣлю.

Итакъ, австралійскій законъ объ иммиграціи создалъ вокругъ страны ограду, не переходимую для человѣка бѣлаго или цвѣтного племени, ищущаго ручного труда, а для лицъ цвѣтной кожи непереходимую во всѣхъ случаяхъ. Параграфомъ, относящимся къ рабочимъ уже законтрактованнымъ, законъ уничтожаетъ этотъ договоръ, препятствуя его исполненію,

---

[1] См. Commonwealth of Australia. Parliamentary papers 1903, Vol. II.

что уже составляетъ прямое посягательство на индивидуальную свободу хозяина и работника, подписавшихъ договоръ.

Правительство федераціи, въ отвѣтъ на отовсюду появившіяся критики этихъ своеобразныхъ законовъ, стало увѣрять, что онѣ очень преувеличены. На дѣлѣ законы эти, говорило оно, примѣняются администраціей въ умѣренной степени, бѣлые иммигранты почти никогда не привлекались къ образовательному испытанію (тэстъ), и число рабочихъ, не допущенныхъ въ Австралію, было незначительно. Это дѣйствительно вѣрно. Статистика показываетъ, что весьма немногимъ лицамъ, особенно послѣ 1903 года, пришлось потерпѣть отъ иммиграціоннаго закона; но результатъ этотъ объясняется только строгостью самаго закона и доводы его защитниковъ обращаются противъ нихъ самихъ. Сущность закона уже съ первыхъ мѣсяцевъ 1902 года стала повсемѣстно извѣстной изъ писемъ, газетныхъ статей и консульскихъ донесеній всѣхъ странъ, и если только немногихъ пришлось выселять, то это потому, что немногіе только явились. За крайне малымъ числомъ исключеній въ Австралію прибывали послѣ обнародованія Immigration restriction act'а одни только путешественники, туристы, дѣловые люди по имущественнымъ дѣламъ, но не было иммигрантовъ-переселенцевъ въ прямомъ смыслѣ слова.

Партія, пожелавшая и добившаяся изолированія Австраліи, довольна тѣмъ, что рѣдко приходится примѣнять законъ. Ей на руку, что чужестранные рабочіе не ставятъ себя въ положеніе быть отвергнутыми, другими словами, остаются дома, либо ищутъ работы въ другихъ странахъ кромѣ Австраліи.

Такимъ образомъ законъ, даже съ умѣренностью примѣненный, выполнилъ свое назначеніе какъ относительно бѣлыхъ, такъ и черныхъ и желтыхъ переселенцевъ. Но онъ достигъ и другой цѣли—какъ бы случайной. Онъ вложилъ въ руки правительства прочное орудіе, гибкій и исправный механизмъ, могущій, судя по надобностямъ, работать подъ высокимъ или низкимъ давленіемъ. Соціалисты предвидѣли, что федеральное правительство не всегда будетъ руководствоваться оппортунизмомъ и что буде имъ придется получить власть въ свои руки, а общественное мнѣніе станетъ болѣе «передовымъ», имъ будетъ на руку имѣть въ своемъ распоряженіи для радикальнаго прекращенія внѣшней конкуренціи готовый и удобный законъ.

V.

Законы объ арбитражѣ между хозяевами и рабочими занимаютъ почетное мѣсто въ соціалистическомъ законодательствѣ Австраліи. Дѣло касается принудительнаго арбитража, т.-е. являющагося не результатомъ обоюднаго согласія, но требованія одной только стороны. Въ сущности, такой арбитражъ, налагающій на хозяина обязательства, на которыя онъ не выражалъ согласія, является нарушеніемъ правъ собственности. Онъ

также нарушаетъ личную свободу, измѣняя условія существующихъ договоровъ, безъ согласія на то сторонъ, либо опредѣляя условія новаго договора, долженствующаго быть заключеннымъ между сторонами. Прекращеніе на извѣстное время для рабочихъ права стачекъ, а также остановки производства со стороны хозяина (что имѣетъ мѣсто въ австралійскомъ законодательствѣ) является добавочнымъ стѣсненіемъ личной свободы.

Соображенія эти недостаточны для поверхностнаго осужденія самаго принципа принудительнаго арбитража и способа его примѣненія въ Австраліи. Можно изъ нихъ сдѣлать выводъ, что такія отступленія отъ обычнаго права имѣютъ цѣлью охраненіе важнаго національнаго интереса и что законъ долженъ ограничиться только этимъ соображеніемъ. Посмотримъ, представляетъ ли принятое въ Австраліи законодательство достаточныя гарантіи, что законъ не выступитъ изъ этихъ рамокъ.

Согласно конституціи, федеральный парламентъ можетъ издавать законы о примиреніи и арбитражѣ съ цѣлью предупрежденія и регулированія промышленныхъ конфликтовъ, распространяющихся «далѣе границъ одного изъ союзныхъ штатовъ». Такіе конфликты весьма рѣдки, но тѣмъ не менѣе парламентъ голосовалъ такой законъ. Сталъ онъ примѣняться очень недавно, и текстъ его почти совпадаетъ съ текстомъ закона, изданнаго въ Нов. Южн. Валлисѣ. Послѣдній дѣйствуетъ съ 1902 г., и мы имъ воспользуемся для своихъ замѣтокъ *). Содержаніе арбитражнаго закона Нов. Южн. Валлиса, Industrial arbitration act, заключается въ легальномъ образованіи и регистраціи промышленныхъ союзовъ Industrial Unions, или синдикатовъ изъ хозяевъ съ одной стороны и рабочихъ съ другой. Законъ признаетъ ихъ юридическими лицами, снимая съ нихъ ту отвѣтственность, которая явится послѣдствіемъ арбитража. Лишь только подобные союзы получатъ удостовѣреніе въ своей регистраціи (котораго они могутъ лишиться при неисполненіи законныхъ постановленій), они имѣютъ право вступать въ договоры либо между собою, либо съ любымъ предпринимателемъ. Промышленникъ, дающій занятіе не менѣе какъ 50 лицамъ, можетъ быть зарегистрованъ, какъ представляющій единолично цѣлый союзъ.

Давъ такимъ образомъ наибольшую прочность организаціи рабочихъ и организаціи хозяевъ, законодатель постарался отстранить индивидуальныя требованія, допуская до судебнаго разбирательства одни только союзы. Обращаться къ арбитражному суду могутъ только зарегистрованные союзы, хотя всѣ работодатели подлежатъ вѣдѣнію этого суда. Пока дѣло в судѣ, запрещается всякая стачка и всякое прекращеніе работы, а также в кая попытка или призывъ къ этому. Судъ, состоящій изъ несмѣняемаго с ьи, по назначенію отъ правительства, и двухъ постоянныхъ ассесоровъ, и ь которыхъ одинъ избирается союзами рабочихъ, а другой союзами хо-

*) Законъ объ арбитражѣ Новаго Южн. Валлиса былъ инспирированъ закономъ Е ой Зеландіи (1894 года), изъ котораго былъ заимствованъ его механизмъ.

заевъ, обладаетъ большими полномочіями для производства дознанія; онъ ставитъ приговоры по большинству голосовъ по всѣмъ дѣламъ своей компетенціи и безапелляціонно. Приговоры подлежатъ немедленному исполненію. На имущества, принадлежащія союзамъ, можетъ быть наложенъ секвестръ для обезпеченія приговора, но личная отвѣтственность каждаго изъ членовъ союза, въ случаѣ недостаточности секвестрованнаго имущества, не можетъ превысить 10 фунтовъ стерлинговъ.

Въ общемъ это законодательство не лишено остроумія, и запрещеніе пріостановки работы для хозяевъ, также какъ и для рабочихъ, будь оно дѣйствительно выполнено, влечетъ за собою выгоды, вызывающія симпатіи къ этому закону. Однако тотчасъ же возникаютъ возраженія, изъ коихъ первое есть слѣдующее: лишь только судъ опредѣлитъ размѣръ вознагражденія рабочимъ такой-то категоріи, въ такомъ-то предпріятіи, каково тогда будетъ вознагражденіе рабочимъ той же категоріи въ другомъ одноименномъ предпріятіи? Будь оно ниже опредѣленнаго судомъ, рабочіе второго предпріятія, продолжающіе получать меньше, потребуютъ повышенія платы; въ обратномъ случаѣ хозяева обратятся въ судъ, чтобы воспользоваться его рѣшеніемъ и это послѣдовательно случится со всѣми предпріятіями той же промышленности.

Законъ это предвидѣлъ. Онъ даетъ суду право распространить на всю территорію штата, либо на часть территоріи обязательность своихъ рѣшеній по поводу данной промышленности. Это называется Common rule— общее право. Но лѣкарство опаснѣе самой болѣзни. «Common rule» избавляетъ отъ необходимости постановлять много приговоровъ, относящихся къ почти однороднымъ дѣламъ, но онъ искажаетъ духъ закона, котораго единственною цѣлью было улаженіе конфликтовъ. Примѣненіе Common rule'я способствуетъ строгому приравненію между собою условій работы, тогда какъ эти условія въ зависимости отъ мѣстности, колебаній рынка, степени процвѣтанія предпріятій должны, наоборотъ, пользоваться нѣкоторой минимальной эластичностью. Вслѣдствіе Common rule'я арбитражный судъ вышелъ изъ своей роли, чтобы сдѣлаться регуляторомъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій страны. Становясь на мѣсто главныхъ распорядителей промышленныхъ предпріятій, вынужденный регулировать техническія подробности, судъ скоро очутился передъ слишкомъ тяжелой отвѣтственностью. Въ большинствѣ случаевъ голоса ассесоровъ, поддерживающіе противоположные интересы, взаимно уничтожались и такая отвѣтственность выпадала на одного только предсѣдателя; этотъ послѣдній, несмотря на профессіональныя свои качества и помощь экспертовъ, скоро убѣждался въ чрезвычайной трудности своей задачи, а съ другой стороны изнывалъ подъ растущимъ накопленіемъ числа дѣлъ *).

*) По офиціальнымъ даннымъ сентября 1905 г. оказывалось, что 73 жалобы ожидали очереди быть внесенными на разсмотрѣніе сиднейскаго арбитражнаго суда. Въ это число не входили дѣла о возвращеніи штрафовъ за неисполненіе судебныхъ рѣшеній.

Творцы арбитражнаго закона, Industrial arbitration act въ самомъ дѣлѣ не подумали о подготовкѣ соглашеній. Ихъ въ этомъ нельзя упрекать, такъ какъ опытъ, произведенный въ Новой Зеландіи, въ колоніяхъ Викторія, Южная Австралія и даже въ Новомъ Южномъ Валлисѣ показалъ несостоятельность такихъ мѣръ. Но ихъ ошибка въ неустановленіи предѣловъ юрисдикціи арбитражныхъ судовъ. Они не предвидѣли, что наиболѣе дѣятельные изъ руководителей рабочихъ союзовъ станутъ усердствовать, соперничая другъ съ другомъ, и обращаться къ судамъ со множествомъ незначительныхъ дѣлъ, рѣшить которыя, и даже лучше рѣшать, можно бы было полюбовно, при отсутствіи другого способа. Ошибка вышла и въ оцѣнкѣ впечатлѣнія, которое должно было произвести на умы рабочихъ установленіе суда, легко доступнаго, всемогущаго и снисходительность котораго, съ оттѣнкомъ пристрастія, была имъ обезпечена, такъ какъ судъ создался подъ давленіемъ рабочей партіи. Желаніе къ нему прибѣгнуть, даже по маловажнымъ причинамъ, не могло не быть великимъ и такимъ образомъ орудіе умиротворенія рисковало сдѣлаться постоянной угрозой и ферментомъ вражды съ хозяевами.

Наконецъ, составители закона не усмотрѣли, либо не пожелали видѣть, что подъ предлогомъ улучшить отношенія между капиталомъ и трудомъ скрывалась чисто политическая задняя мысль; и что цѣлью, хотя не объявленной, рабочей партіи было ослабить промышленность и облегчить постепенный переходъ различныхъ отраслей промышленности въ руки государства.

Одна изъ мѣръ, приведенныхъ въ арбитражномъ законѣ и послѣдствія которой оказались наименѣе удачными, это та, которая носитъ названіе Preference to Unionists—преимущество для членовъ союзовъ. Ею дается суду право обязывать хозяевъ предпріятій данной отрасли промышленности оказывать при наймѣ рабочихъ преимущество тѣмъ изъ нанимающихся, которые состоятъ членами союзовъ, и кромѣ того предоставлено опредѣлять, въ какихъ случаяхъ хозяинъ предпріятія можетъ нанять рабочихъ, не состоящихъ членами одного изъ союзовъ. Здѣсь почти грубое насиліе надъ свободой личности и свободой труда. Но мѣра эта, впрочемъ, согласная съ основнымъ духомъ закона, страдаетъ еще важнѣйшимъ недостаткомъ, а именно жестокостью. Рабочій (и такіе случаи бывали, къ сожалѣнію, слишкомъ часто) либо потому, что онъ не можетъ уплатить членскаго взноса въ союзъ, либо потому, что его тамъ находятъ мало способнымъ или, наконецъ, потому, что союзъ рабочихъ его спеціальнаго ре[illegible]есла находитъ, что число членовъ достаточно велико,—не принимается въ [illegible]исло членовъ этого союза. Тогда для него нѣтъ работы; ни за ми[illegible]альную плату, судомъ опредѣленную, такъ какъ всѣ мѣста съ этой [illegible]гой уже заняты членами союзовъ, ни за плату еще меньшую, такъ ка[illegible] Common rule запрещаетъ хозяину нанять такого рабочаго за умень[illegible]ую плату.

[illegible] Новомъ Южномъ Валлисѣ, гдѣ отношеніе числа членовъ союзовъ

къ общей цифрѣ рабочихъ большее, чѣмъ въ другихъ штатахъ и въ Новой Зеландіи, оно не превосходитъ всетаки одной трети и только медленно растетъ. Арбитражный законъ своимъ постановленіемъ о преимуществѣ породилъ аристократію труда. Нѣтъ нужды добавлять, что эта аристократія держитъ въ своихъ рукахъ и политическое направленіе рабочей партіи (labour party).

Итакъ, какъ бы ни былъ драгоцѣненъ результатъ, прекращеніе стачекъ, заплачено за него слишкомъ дорогой цѣной. Остается посмотрѣть, достигнутъ ли, по крайней мѣрѣ, этотъ результатъ.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ ко времени вступленія въ силу промышленнаго арбитражнаго закона (Industrial arbitration act) было замѣчено весьма немного стачекъ, и арбитражный судъ постановилъ свои рѣшенія во многихъ случаяхъ, при которыхъ, не будь его, могли произойти стачки. Не подлежитъ поэтому спору, что законъ въ этомъ смыслѣ принесъ пользу. Но можно поспорить о степени этой пользы. Сколько изъ числа конфликтовъ, разобранныхъ судомъ, окончились бы стачками при несуществованіи суда? Сколько бы конфликтовъ окончилось соглашеніемъ между сторонами? Были ли рѣшенія суда болѣе практичными и основательными, чѣмъ тѣ, которыя явились бы слѣдствіемъ полюбовнаго соглашенія? Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы. Можно только съ достовѣрностью сказать, повторяя слова сэра Фредерика Дарлея, главнаго судьи (Chief Justice) Новаго Южнаго Валлиса: «Industrial arbitration act» породилъ значительно и поистинѣ ужасающее число тяжбъ, которыя въ свою очередь породили чувство враждебности и злобы между промышленниками и рабочими и разбили ихъ на два непріятельскихъ лагеря *).

Намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда арбитражному суду пришлось разбирать конфликтъ, грозившій тяжкими послѣдствіями. То было въ январѣ 1905 г., когда владѣльцы копей Ньюкестльскаго каменноугольнаго бассейна (въ Нов. Южн. Валлисѣ) издали новый тарифъ, по которому заработная плата понижалась на 10%. Это пониженіе обусловливалось упорнымъ пониженіемъ цѣны на каменный уголь и объ этомъ было объявлено рабочему персоналу за два мѣсяца передъ тѣмъ. Союзъ рабочихъ углекоповъ обратился въ судъ, который имъ въ жалобѣ отказалъ. Углекопы подчинились рѣшенію суда, но одна категорія изъ нихъ, не входившая въ составъ союза, а именно перевозящіе уголь на тачкахъ (wheelers), отказались работать на новыхъ условіяхъ и 3 января образовали стачку. Легко было ихъ замѣнить другими углекопами, если бы на то послѣдніе согласились, но этого не послѣдовало. На другой день 300 тачечниковъ и 4,000 углекоповъ забастовали и добыча угля остановилась въ одиннадцати копяхъ, примѣрно на половинѣ всего бассейна. Арбитражный судъ по просьбѣ владѣльцевъ постановилъ вновь приступить къ работѣ, но забастовщики не обратили никакого вниманія на это постано-

*) Засѣданіе высшаго суда Новаго Южнаго Валлиса отъ 25 мая 1904 г.

вленіе. Были сдѣланы затянувшіяся надолго попытки принужденія къ исполненію рѣшенія, но синдикатъ углекоповъ не представлялъ фактической возможности взыскать штрафы, а рабочіе стачечники не были въ организованномъ союзѣ. Нельзя же было подвергнуть тюремному заключенію 4,000 человѣкъ рабочихъ и этимъ не облегчилось бы возобновленіе работы. Въ концѣ-концовъ углекопы убѣдили товарищей стать на работу на условіяхъ, предложенныхъ владѣльцами копей. Забастовка продолжалась 23 дня, и рабочіе потеряли на ней отъ 700 до 800 тысячъ франковъ платы за трудъ, закону открыто не подчинились, и судъ дѣйствовалъ безъ результата.

Въ гораздо меньшихъ размѣрахъ подобный же случай имѣлъ мѣсто за годъ передъ тѣмъ въ округѣ Теральба, того же Ньюкэстльскаго бассейна. Рабочіе двухъ изъ копей забастовали, вопреки рѣшенію арбитражнаго суда и не было исполненія рѣшенія.

Изъ предыдущаго видно, что если законъ промышленнаго арбитража и уменьшилъ число стачекъ, то всетаки трудно опредѣлить, въ какой пропорціи. Опытъ показываетъ, что законъ не имѣетъ большой силы, когда встрѣчается съ крупными стачками, могущими нанести ущербъ важному національному интересу, и что онъ лишенъ возможности поддержать авторитетъ суда, по крайней мѣрѣ, относительно рабочихъ.

VI.

Для завершенія этого краткаго очерка соціалистическаго движенія въ Австраліи было бы полезно дать нѣсколько свѣдѣній о предположеніяхъ labour party касательно національзаціи земли, горныхъ промысловъ и нѣсколькихъ другихъ предпріятій, о финансовыхъ мѣрахъ, предложенныхъ рабочей партіей для предоставленія государству средствъ на таковые новые опыты, наконецъ, касательно отношенія партіи къ британскому имперіализму и къ сношеніямъ Австраліи съ другими странами, но эти вопросы увлекли бы меня изъ предѣловъ поставленной рамки. Я только замѣчу, насколько это возможно для безпристрастнаго наблюдателя, какое будущее можно предвидѣть для австралійскаго соціализма на основаніи его нынѣшняго состоянія.

Это будущее не зависитъ единственно отъ даннаго направленія политики рабочей партіи. Легкость, съ которой она вліяла и до сихъ поръ оказываетъ значительное вліяніе на правительство страны, слабый отпоръ ею встрѣченный, недостаточно гарантируетъ ея будущіе успѣхи.

Во время періода упадка промышленности (съ 1893 по 1902 г.) дѣйствіямъ рабочей партіи приписывали отсутствіе сдѣлокъ и пониженіе кредита; въ періодъ же оживленія (съ 1902 по 1906 годъ) сама партія приписала себѣ увеличеніе общаго благосостоянія. Эти утвержденія не только гадательны, но и ошибочны.

ъ Австраліи имѣется факторъ народнаго богатства, значеніе котораго

далеко превосходитъ вліяніе политической агитаціи, умѣлости правительствъ и дѣйствій разныхъ партій. Этотъ факторъ—дожди. Австралія прежде всего и надолго страна пастбищъ и земледѣлія. Въ продолженіе восьми лѣтъ, предшествовавшихъ 1903 году, въ особенности во вторую половину этого періода, засухи одолѣвали страну. Число овецъ, достигавшее 100 милліоновъ головъ, упало до 55 милліоновъ, а урожаи хлѣбовъ были очень скудны.

При подобныхъ обстоятельствахъ и въ какой бы то ни было странѣ число недовольныхъ возрастаетъ и они становятся шумливы. Ихъ вмѣшательство въ дѣла не приноситъ облегченія общей бѣдности, скорѣе отдаляетъ, чѣмъ упреждаетъ разрѣшеніе кризиса, но не несетъ отвѣтственности за плохое положеніе дѣлъ.

Съ 1903 года четыре отличныхъ года слѣдовали другъ за другомъ въ Австраліи. Стада овецъ и земледѣліе вернулись къ прежнему благосостоянію. Съ 1902 на 1903 годъ пришлось ввезти въ Австралію для пополненія неурожая 5 милліоновъ гектолитровъ пшеницы, а съ 1905 на 1906 г. оказался избытокъ въ ней въ 14 милл. гектолитровъ *), а число овецъ увеличилось на 22 милл. головъ и экспортъ шерсти приблизился къ итогамъ прежнихъ хорошихъ годовъ.

Энергія и успѣхи соціалистическаго движенія подвергались колебаніямъ въ зависимости отъ этихъ экономическихъ причинъ, въ свою очередь обусловленныхъ дѣйствіемъ метеорологическихъ явленій. Въ настоящее время замѣчается замедленіе движенія. До сихъ поръ только осторожной рукой коснулись вышеописанныхъ ограничительныхъ законовъ, но тѣмъ не менѣе ихъ коснулись.

Общественное мнѣніе заговорило въ пользу возобновленія иммиграціи и правительство уступило подъ его давленіемъ. Попрежнему остается популярнымъ недопущеніе цвѣтнокожихъ переселенцевъ, однако, оказываютъ снисхожденіе японцамъ, и начинаетъ возникать вопросъ, не будетъ ли полезнымъ присутствіе южно-европейскихъ земледѣльческихъ рабочихъ въ странѣ, по среднимъ климатическимъ даннымъ схожей съ итальянскимъ полуостровомъ.

Рабочая партія на выборахъ въ парламентѣ отдѣльныхъ штатовъ, а именно въ Западной Австраліи, Куинсландѣ и Нов. Южн. Валлисѣ потерпѣла серьезный уронъ. Наконецъ, ея стройная и строгая дисциплина какъ будто начинаетъ слабѣть и уже говорятъ о расколѣ, могущемъ повредить ея успѣхамъ на новыхъ предстоящихъ выборахъ въ федеральный парламентъ.

Поэтому и федеральное правительство подъ гибкимъ, но умѣлымъ руководствомъ г. Дикина (Deakin), какъ будто больше прежняго занимается серьезными дѣлами и позволяетъ себѣ въ отношеніи къ рабочей партіи такую свободу сужденій, о которой не могло быть и рѣчи во времена всемогущ-

*) Одинъ милліонъ гектолитровъ = 476,400 четвертей.

ства послѣдней. Здравый смыслъ населенія, разумѣется, причастенъ этой кажущейся новой эволюціи, но дѣйствительной причиной ея является всетаки хорошій и обильный пронизывающій почву дождь (soaking rain), паденіе котораго радостно привѣтствуется каждымъ австралійцемъ и который вотъ уже четыре года, весною и осенью, щедро увлажняетъ засохшую почву страны.

За ними послѣдуютъ новые сухіе года, несущіе за собой разочарованіе, увеличивая число недовольныхъ и безпокойную толпу безработныхъ, и рабочая партія пріобрѣтетъ новыя силы. Надо ли полагать, что съ возвращеніемъ хорошихъ годовъ и вслѣдъ за ними снова скудныхъ, что въ теченіе этихъ періодическихъ колебаній соціализмъ еще сильнѣе укоренится въ Австраліи? Всякое предположеніе явилось бы рискованнымъ, но если предстояло бы отвѣтить на вопросъ, то я склонился бы къ отрицательному отвѣту.

Обстоятельства, способствовавшія развитію соціализма на антиподахъ, вытекали изъ условій первыхъ временъ колонизаціи и болѣе не повторятся. Австралійцы по существу позитивисты, но, съ точки зрѣнія реальной политики, примѣненіе теорій или даже только методовъ соціализма, внушаетъ скорѣе опасенія. Популярность этихъ теорій и сила ихъ распространенія заключаются въ ихъ гуманитарномъ обликѣ, въ обѣщаніи устранить соціальныя несправедливости, въ упоеніи чувствомъ всемірнаго братства, по крайней мѣрѣ, братства между неимущими. Воображеніе массъ легко поддается прелести этихъ заманчивыхъ построеній высшей морали, которыя внушаютъ имъ надежду на скорое осуществленіе идеала равенства.

Австралійцы неравнодушны къ соображеніямъ такого высокаго полета, но интересъ къ нимъ далекъ отъ энтузіазма. Островной духъ этой народности въ связи съ изолированнымъ географическимъ положеніемъ удерживаетъ австралійцевъ отъ интернаціонализма, а соціализмъ можетъ разсчитывать на будущее только подъ флагомъ интернаціонализма. И поэтому у нихъ мало распространена вѣра въ окончательный успѣхъ политическихъ комбинацій рабочей партіи. Большинство въ странѣ согласилось на эти эксперименты только потому, что ему всякій разъ указывали программу исключительно завтрашняго дня; оно говорило себѣ, что въ концѣ-концовъ его не поведутъ очень далеко. Отчасти по невѣдѣнію, въ большой степени по безпечности, оно не возставало. Но съ тѣхъ поръ, какъ ему сказали, куда его ведутъ, оно стало насторожѣ, и весьма возможно, что дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи встрѣтятъ съ его стороны сопротивленіе.

Перев. Х. Б.

Павловцы.

(Изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній русскаго крестьянства.)

Посвящается Натулѣ.

---

16 сентября 1901 года въ селѣ Павловкахъ, Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, произошло необычайное событіе: нѣсколько десятковъ крестьянъ-сектантовъ, которыхъ одни называли «штундистами», другіе—«толстовцами», разгромили церковь-школу: разбили престолъ, иконы и проч. Власть, стоящая на стражѣ православія, поспѣшила жестоко покарать этихъ людей, и въ результатѣ ея стараній 15-ти сектантамъ обрили голову и послали ихъ на каторгу, а 19—на поселеніе въ Сибирь.

Что побудило этихъ людей пойти на такое дѣло? Что хотѣли они сказать этимъ поступкомъ? Каково было ихъ душевное состояніе, когда они совершали его? На эти вопросы до сихъ поръ въ русской печати не дано было никакого отвѣта. Церковные журналы и газеты ограничивались тѣмъ, что обзывали сектантовъ безбожниками и обвиняли ихъ во всевозможныхъ порокахъ; а свѣтской печати не позволено было касаться этого дѣла, такъ что и тѣ, кто могъ бы пролить какой-нибудь свѣтъ на него, вынуждены были молчать.

Мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми литературными документами, могущими освѣтить это, по моему мнѣнію, важное событіе въ жизни русскаго народа. Ихъ-то я и предлагаю читателямъ. Познакомившись съ ними, читатели увидятъ, что павловскіе сектанты, разгромившіе церковь, были не злодѣи и не безбожники, а *глубоко-религіозные* люди, совершившіе это необычайное дѣло подъ вліяніемъ цѣлаго ряда особенныхъ внѣшнихъ условій ихъ жизни и внутреннихъ переживаній.

1. Д. А. Хилковъ, его жизнь и взгляды.

Человѣкомъ, посѣявшимъ въ Павловкахъ сѣмена религіознаго движенія, и власти, и духовенство считали Димитрія Александровича Хилкова.

Хилковъ родился въ 1857 году. Происходя изъ богатаго и знатнаго княжескаго рода, онъ получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, откуда получаютъ доступъ къ императорскому двору. 17-ти лѣтъ онъ былъ про-

изведенъ въ офицеры и по своему желанію участвовалъ въ 1877 г. въ войнѣ съ турками.

Эта война на многое открыла ему глаза. «Первое время,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—на войнѣ я видѣлъ только показную, красивую сторону. Но скоро сталъ замѣчать и обратную. Находясь въ распоряженіи начальника отряда, я могъ видѣть все дѣло, познакомиться съ главными начальниками. И тутъ меня поразило нѣчто, чего я никакъ не ожидалъ. Большинство этихъ начальниковъ думали лишь о себѣ и не задумывались губить все дѣло или тысячи народа, если надѣялись этимъ повредить другому начальнику или получить награду. Я скоро увидѣлъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное тому, что я ожидалъ. Я разочаровался, и мнѣ стало жаль безотвѣтныхъ, обманутыхъ солдатъ, съ которыми, дѣйствительно, обращались, какъ съ пушечнымъ мясомъ. Главной моей заботой стало сберечь тѣхъ казаковъ, которые были подъ моимъ начальствомъ».

Здѣсь, на войнѣ, Хилковъ въ первый разъ понялъ, что убійство есть тяжкій грѣхъ передъ Богомъ и великое преступленіе передъ людьми. Когда онъ въ первый разъ убилъ турка, имъ овладѣлъ ужасъ и страхъ.

По окончаніи войны его полкъ назначили на зимнюю стоянку въ Ахалкалакскій уѣздъ, Тифлисской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ жило много духоборовъ. Въ селѣ Троицкомъ съ Хилковымъ произошелъ замѣчательный случай. Въ то время какъ онъ сидѣлъ въ хатѣ съ хозяиномъ духоборцемъ, на улицѣ казакъ упустилъ лошадь, а урядникъ за это его ударилъ. Духоборецъ увидѣлъ это, обратился къ Хилкову и спросилъ, вѣритъ ли онъ въ иконы. Тотъ отвѣчалъ, что вѣритъ.

— Почему?

— Потому что на нихъ образъ Божій.

— А можно ли икону бить?

— Нѣтъ, нельзя.

— А какъ сотворенъ человѣкъ?

— По образу Божію.

Тогда духоборецъ сказалъ:

— Какъ же такъ! живой образъ Божій бить можно,—вотъ урядникъ ударилъ казака,—а доску съ ликомъ нельзя? Почему?

«Не имѣя, что отвѣтить, я сталъ доказывать, что онъ ничего не понимаетъ. Духоборецъ молчалъ. Когда я остановился, онъ не сталъ отвѣчать на мои доводы, а спросилъ:

— А Евангеліе читали?

«Я отвѣтилъ, что читалъ и читаю. Тогда онъ сказалъ:

— Читать-то вы, можетъ, и читаете, да вижу не понимаете—прочтите еще.

«Больше онъ не сталъ со мною говорить, хотя я старался съ нимъ заговаривать».

Этотъ случай заставилъ Хилкова заинтересоваться ученіемъ русскихъ сектантовъ-духоборовъ и молоканъ. Онъ сталъ читать книги о нихъ.

Взгляды его мало-по-малу мѣнялись, и въ связи съ этимъ военная служба стала ему такъ тяжела, что онъ рѣшилъ бросить ее и выйти въ отставку. Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Павловки, гдѣ было имѣніе его матери, желая заняться хозяйствомъ. Это было въ 1880 году. Но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, случилось такъ, что черезъ годъ онъ, противъ своего желанія, опять очутился на службѣ; но, пробывъ три года, опять вышелъ въ отставку, на этотъ разъ уже окончательно.

Пріѣхавъ въ деревню, онъ занялся хозяйствомъ. Отъ матери онъ получилъ 430 десятинъ земли, въ томъ числѣ 100 десятинъ лѣса и луга. Землю эту онъ сталъ отдавать крестьянамъ въ аренду. По его словамъ, ему были нужны деньги, чтобы жить, а другого источника существованія, кромѣ земли, не было. Но на душѣ у него не было спокойно. Онъ сталъ приходить къ мысли, что по справедливости земля должна принадлежать тому, кто на ней «съ сохой ходитъ», а не тому, кто владѣетъ ею, не работая. И, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить это внутреннее безпокойство, онъ старался отдавать землю крестьянамъ дешевле, чѣмъ другіе помѣщики, и самъ учился косить, пахать и ухаживать за пчелами и жилъ, обѣдалъ и работалъ вмѣстѣ съ рабочими.

Въ это время Хилковъ впервые узналъ про Льва Николаевича Толстого и прочелъ его сочиненіе (во французскомъ переводѣ) «Въ чемъ моя вѣра». «Это было для меня цѣлое откровеніе,—говоритъ онъ въ своихъ записках. По прочтеніи этой книги, все Евангеліе стало для меня стройнымъ ученіемъ, и я принялъ его».

Подъ вліяніемъ размышленія и чтенія Толстого Хилковъ рѣшился на очень крупный шагъ: отказался отъ своей земли. Вотъ какъ, по его словамъ, пришелъ онъ къ этому рѣшенію.

«Вопросъ о землѣ, о томъ, что она «моя», меня сталъ сильно мучить. Часто въ разговорахъ съ крестьянами я замѣчалъ неискренность и подлаживанье и зналъ, что причиной этого есть ихъ матеріальная зависимость отъ меня. Когда мнѣ удавалось убѣдить ихъ сдѣлать что-либо полезное, то всегда радость отравлялась вопросомъ: *почему* они согласились? Потому ли, что увидѣли истину, или потому, что арендуютъ у меня землю? Становилось все тяжелѣй, и мнѣ стало положительно противно говорить своимъ арендаторамъ о чемъ-нибудь хорошемъ».

Все мучительнѣе начиналъ онъ чувствовать угрызенія совѣсти отъ владѣнія землей. Особенно сильно подѣйствовали на него въ этомъ отношеніи два случая изъ его собственной жизни.

«Я почти каждый день ѣздилъ верхомъ. Разъ поѣхалъ въ нашу дубовую рощу. Роща небольшая, но представляла ту особенность, что часть ея посѣяна была моимъ дѣдомъ, матерью и мною. Я очень любилъ эту рощу и очень берегъ дубки. Подъѣзжая къ рощѣ, я замѣтилъ мужика, который пахалъ подъ самой рощей. Двѣ лошади паслись въ дубкахъ и

скусывали верхушки. Меня злость взяла на мужика, который такъ мало заботится о посаженныхъ дубкахъ. Я поскакалъ къ нему. Онъ шелъ отъ меня. Я догналъ его при самомъ концѣ передъ поворотомъ и сталъ сердито на него кричать: «Развѣ ты не понимаешь, что пропадутъ дубки?» Въ это время онъ повернулъ лошадь, и я увидѣлъ его лицо. Такого лица я никогда не видѣлъ ни раньше, ни послѣ: худое, зеленое, съ ввалившимися глазами. Я остолбенѣлъ и смотрѣлъ на него.

«Онъ спокойно сказалъ: «Я самъ три дня не ѣлъ». У меня перехватило горло. Я просто испугался, ужасъ на меня напалъ. Я повернулъ лошадь и ускакалъ. Опомнился я за версту или болѣе.

«Дубки мнѣ опротивѣли, и я пересталъ ѣздить въ рощу».

Другой случай былъ такой. «Въ моемъ лѣсу было много валежника, и я объявилъ на селѣ, что тѣ, кому нужно, пусть берутъ. Разъ, проѣзжая по лѣсу, я услышалъ шумъ въ чащѣ. Я подумалъ, что скотина, и поѣхалъ посмотрѣть. Ѣхать было трудно: лѣсъ росъ на болотѣ; были кочки. Наконецъ я замѣтилъ, что отъ меня убѣгаетъ баба: падаетъ, поднимается, и опять бѣжитъ, и падаетъ. Я сталъ кричать, чтобы остановилась, чтобы не боялась, а она бѣжитъ и падаетъ и стонетъ. Ничего не понимая, я за ней поѣхалъ, но не догналъ; она перелѣзла черезъ канаву, составляющую границу и черезъ которую я не могъ перебраться на лошади, и легла. Она оказалась беременной. Наконецъ я понялъ, что она собирала валежникъ и меня испугалась. Я поѣхалъ домой не веселый и больше не сталъ ѣздить въ этотъ лѣсъ. Оказывалось, что земля «моя», а бродить по ней я не смѣю изъ опасенія повторенія подобныхъ встрѣчъ. Я не выдержалъ. Мнѣ захотѣлось отдѣлаться отъ обузы, которая отравляетъ мнѣ существованіе».

Онъ рѣшилъ отдать свою землю крестьянамъ; но такъ какъ земля была заложена, а у него самого не было денегъ выкупить ее, то́ онъ предложилъ крестьянамъ взять этотъ расходъ на себя. Такимъ образомъ, имъ пришлось заплатить всего по 27 рублей за десятину. Когда онъ сказалъ крестьянамъ, что хочетъ продать имъ землю по 27 рублей за десятину, они сначала подумали, что онъ надъ ними смѣется. Въ этой мѣстности, благодаря развитію сахаро-бурачныхъ плантацій, земля цѣнится очень дорого, по 500—600 рублей за десятину *).

Отдѣлавшись отъ земельной собственности, Хилковъ распустилъ рабочихъ, распродалъ скотъ, кромѣ двухъ коровъ и одной лошади, и сталъ вести простую, трудовую жизнь крестьянина: работалъ въ полѣ, занимался пчелами, разводилъ фруктовый садъ—кормился трудами рукъ своихъ. Крестьяне предоставили ему изъ его бывшей земли 7 десятинъ, на которыхъ онъ и велъ хозяйство.

Впослѣдствіи, когда въ Павловкахъ и въ нѣкоторыхъ окрестныхъ де-

*) Это сообщаетъ врагъ Хилкова и сектантовъ—православно-церковный журналъ *Миссіонерское Обозрѣніе* (1902, № 1, стр. 22).

ревняхъ проявилось уже значительное религіозное движеніе, враждебное духовенству и правительству, духовные писатели, которые во всемъ этомъ движеніи обвиняли Хилкова, клеветали на него, стараясь представить его въ смѣшномъ видѣ, сообщая, что будто бы крестьяне смѣялись надъ его работами, думая, «что панъ дуритъ» *).

Отвѣчая на эти злонамѣренныя клеветы, Д. А. Хилковъ писалъ въ 1897 году **). «Никогда павловскіе крестьяне не смѣялись надъ моими полевыми работами; напротивъ того, терпѣливо учили меня тому, чего я не зналъ, и отъ меня учились тому, чего они не знали и что я, какъ человѣкъ грамотный, могъ сообщить имъ полезнаго. Мнѣ пришлось учиться работать. Учителями моими явились крестьяне, и долженъ сказать, что я не встрѣчалъ учителей лучше ихъ. Крестьяне учили меня, какъ пахать, я же училъ ихъ, когда пахать. Крестьяне учили меня, какъ возить навозъ, я же училъ ихъ, куда его возить. Крестьяне учили меня, какъ сѣять, я же училъ ихъ, когда и что сѣять. И вотъ, мало-по-малу и насколько это было возможно, способъ веденія хозяйства у многихъ павловскихъ крестьянъ сталъ измѣняться къ лучшему. Вмѣсто того чтобы продавать свой навозъ за безцѣнокъ сосѣднимъ помѣщикамъ, стали вывозить его на свои поля. Вмѣсто того чтобы сѣять самое плохое зерно, стали для посѣва отбирать самое лучшее. Вмѣсто того чтобы ходить на полку бураковъ къ сосѣднимъ сахарозаводчикамъ, стали больше работать на своемъ огородѣ и выручать вдвое и втрое больше, чѣмъ на поденщинѣ.

«Такъ вотъ та почва, на которой спервоначала произошло мое сближеніе съ крестьянами. Между нами не стояло стѣны зависимости крестьянъ отъ меня или меня отъ крестьянъ. Мы могли общаться, какъ равные и независимые люди».

2. Религіозное движеніе въ Павловкахъ (отпаденія отъ православія) и начало гоненій.

Находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ павловскими крестьянами, Хилковъ, гдѣ только могъ, старался защищать ихъ интересы противъ помѣщиковъ и полиціи, всегда державшей сторону помѣщиковъ, и противъ священниковъ, немилосердно обиравшихъ народъ.

«Крестьяне,—пишетъ онъ,—стали обращаться ко мнѣ съ просьбами объ избавленіи ихъ отъ алчности ихъ духовныхъ пастырей. Я обыкновенно писалъ попу письма и просилъ сбавить цѣну за нужное таинство. Такія письма часто достигали цѣли. Въ противномъ случаѣ, я писалъ письмо или прошеніе архіерею. Такія прошенія всегда достигали цѣли, но какъ архіереи, такъ и попы стали на меня страшно злобствовать».

Чтобы отдѣлаться отъ Хилкова, священники много разъ писали на него доносы въ жандармское правленіе, что онъ бунтуетъ народъ. Но такъ

*) „Вѣра и Разумъ“, 1896, № 22, 598.

**) „Слово защиты“, статья, написанная для *Бесѣды*, баптистскаго журнала.

какъ эти доносы были совершенно неосновательны, то изъ нихъ ничего не выходило.

Была еще другая причина, почему духовенство враждебно относилось къ Хилкову: онъ былъ «толстовецъ», т.-е. раздѣлялъ взгляды Л. Н. Толстого. Онъ самъ написалъ статью подъ названіемъ «Ученіе духовныхъ христіанъ», въ которой изложилъ взгляды, очень близко подходящіе ко взглядамъ Л. Н. Толстого.

Понятно, что подобные взгляды Хилкова, которыхъ онъ не скрывалъ ни отъ кого, должны были вызвать раздраженіе и озлобленіе противъ него со стороны священниковъ. Извѣстно, какъ возстановлено наше духовенство противъ ученія Толстого.

Еще болѣе усилилась злоба мѣстнаго духовенства противъ Хилкова, когда стало извѣстно, что и среди павловскихъ крестьянъ началось религіозное броженіе. Началось съ того, что нѣкоторые крестьяне стали ходить къ священникамъ и просить у нихъ разъясненія темныхъ мѣстъ писанія. По словамъ Д. А. Хилкова, священники «встрѣчали приходившихъ къ нимъ за разъясненіями крестьянъ насмѣшками, глумились надъ всякимъ вопросомъ или возраженіемъ крестьянъ, говорили имъ, что они слишкомъ глупы и необразованны, чтобы понимать писаніе. Но имъ и это скоро надоѣло, и они стали просто не принимать и гнать отъ себя тѣхъ, кто приходилъ за разъясненіями». Послѣ этого «крестьяне, интересовавшіеся священнымъ писаніемъ, перестали ходить къ священникамъ, а стали другъ у друга собираться для чтенія писанія и бесѣды о немъ. За такими людьми прочно утвердилась кличка «штундистъ», несмотря на то, что они ходили въ церковь и исполняли всѣ предписанія священниковъ. Священники возненавидѣли такихъ своихъ прихожанъ и всѣми силами старались чѣмъ-нибудь досадить имъ».

Дальше пошло все хуже. Священники стали добиваться того, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ безпокойныхъ прихожанъ. Какъ это сдѣлать? Самый простой и вѣрный способъ, къ которому во многихъ мѣстахъ прибѣгали православные священники, это—постараться уличить сектантовъ въ кощунствѣ, подать на нихъ жалобу въ судъ, и тѣмъ добиться ихъ ссылки. То время, въ которое происходили разсказываемыя событія—конецъ 80-хъ годовъ, было благопріятнымъ временемъ для этого: правительство, руководимое Побѣдоносцевымъ, только что вступило тогда на путь преслѣдованія сектантовъ. Губернаторамъ разосланъ былъ (въ 1888 году) циркуляръ о борьбѣ со штундою, и все начальство, свѣтское и духовное, горѣло желаніемъ истреблять богоотступниковъ. Такова была та атмосфера, въ которой дѣйствовали павловскіе священники. Зная, что какія бы мѣры ни принимали они въ борьбѣ съ еретиками, начальство ихъ не осудитъ, а похвалитъ за ревность по Бозѣ, они дѣйствовали смѣло и увѣренно.

По разсказу Д. А. Хилкова *), павловскіе священники, чтобы отдѣ-

*) „Слово защиты".

латься отъ безпокойныхъ прихожанъ, стали спрашивать близкихъ къ нимъ крестьянъ, «не видали ли они или не слыхали, чтобы проклятые штундисты жгли или рубили иконы. Они просили ихъ слѣдить за этимъ, говоря, что въ случаѣ такого дѣла надо призвать свидѣтелей и донести начальству, что тогда можно будетъ штундистовъ наказать, что ихъ тогда сошлютъ и земля ихъ пойдетъ православнымъ. И вотъ, пошли по селу толки о томъ, что надо изобличить проклятыхъ штундистовъ въ кощунствѣ, сослать ихъ и взять себѣ ихъ землю. Зарясь на землю штундистовъ, нѣкоторые проходимцы въ пьяномъ видѣ стали говорить, что не мѣшало бы ускорить ссылку штундистовъ. Не мѣшало бы зайти къ нимъ въ хаты въ ихъ отсутствіе, выкинуть икону въ печку и тогда призвать свидѣтелей и посвидѣтельствовать это дѣло.

«Присутствіе иконъ въ домѣ тѣхъ, кого называли штундистами, служило постоянно угрозой разоренія, ссылки и каторжныхъ работъ. Женщины потребовали отъ мужчинъ, чтобы они отвезли иконы къ священнику. И вотъ два крестьянина сняли со стѣнъ свои иконы и отвезли ихъ къ священнику и сказали ему, что жертвуютъ эти иконы въ храмъ.

«Выслушавъ заявленіе крестьянъ, священникъ Д. сталъ ихъ неистово ругать, послалъ за старшиной и велѣлъ посадить ихъ въ холодную подъ арестъ. Ихъ продержали въ холодной нѣсколько дней. Когда извѣстіе объ этомъ распространилось по селу, то еще человѣкъ десять, возмущенные несправедливостью и злобою священника, отвезли ему свои иконы. Священники продавали эти иконы по дешевой цѣнѣ, такъ что изъ сосѣднихъ селъ и хуторовъ стали ѣздить въ Павловки покупать иконы. Но скоро эта торговля прекратилась, потому что кто-то напугалъ покупателей тѣмъ, что штундистскія иконы, попавъ къ нимъ въ хаты, долго тамъ не продержатся, да еще уведутъ съ собой и ихнія старыя иконы, т.-е. хозяева такимъ образомъ сами попадутъ въ штунду. Священники къ штундистскимъ иконамъ, которыя имъ приносили, относились чрезвычайно непочтительно, сваливали ихъ, гдѣ попало, а надъ старыми и дешевыми позволяли себѣ глумиться и всячески насмѣхаться. Но все же тѣ, кого называли штундистами, продолжали ходить въ церковь и къ исповѣди. Священники постарались и этому положить конецъ.

«По селу стали ходить слухи о томъ, что, отчаявшись въ чемъ-нибудь «уловить» штундистовъ, наказать ихъ и этимъ устранить колеблющихся, священники на совѣщаніи рѣшили, что для «уловленія» штундиста въ сѣти законовъ наилучшимъ средствомъ можетъ послужить посѣщеніе штундистскихъ домовъ съ «крестомъ». Штундисты, молъ, окажутъ какое-нибудь непочтеніе кресту, и дѣло будетъ сдѣлано.

«Надо здѣсь пояснить, что при своихъ обходахъ съ крестомъ священникъ Д. давно уже пересталъ заходить въ штундистскія хаты, желая тѣмъ породить въ семьяхъ раздоръ, ибо многіе въ этихъ семьяхъ чрезвычайно дорожили такимъ посѣщеніемъ. Къ чести протоіерея Д., въ приходѣ которого находились штундисты, надо сказать, что онъ отказался лично по

сѣщать штундистовъ съ цѣлью ихъ «уловленія». Это дѣло взялъ на себя другой павловскій священникъ, Ф. Въ первое же воскресенье послѣ вышеупомянутаго совѣщанія священникъ Ф. дѣйствительно пріѣхалъ къ штундистамъ съ крестомъ. На улицѣ, передъ тѣмъ домомъ, къ которому онъ подъѣхалъ, живо собралось много народа. Всѣмъ былъ извѣстно, что цѣль посѣщенія штундистовъ была вызвать какое-нибудь непочтеніе къ кресту или къ себѣ. А вѣдь въ такомъ случаѣ являлась возможность попользоваться штундистскою землею. Но ожиданія эти не сбылись. Никакого непочтенія не произошло. Штундисты, боясь, что въ самомъ дѣлѣ священнику удастся устроить что-нибудь такое, вслѣдствіе чего ихъ можно будетъ обвинить въ кощунствѣ, отвѣтили на его привѣтствіе при входѣ въ хату и затѣмъ всѣ вышли изъ хаты на улицу. То же самое повторилось и въ слѣдующемъ домѣ, куда подъѣхалъ Ф. Дальше онъ уже не поѣхалъ, а, грозя штундистамъ всѣми бѣдами, велѣлъ кучеру ѣхать домой.

«Послѣ этого происшествія тѣ, кого звали штундистами, перестали ходить въ церковь и дѣйствительно отпали отъ греко-россійской церкви».

Въ Харьковской губерніи это были одни изъ первыхъ случаевъ отпаденія отъ православія, которые чрезвычайно взволновали духовное и свѣтское начальство. Чтобы предохранить свою паству отъ дальнѣйшаго распространенія заразы, харьковскій архіепископъ Амвросій разослалъ по епархіи во всѣ волостныя правленія и школы маленькую брошюрку, подъ названіемъ «Проклятый штундистъ», написанную, какъ справедливо говоритъ Д. А. Хилковъ, «для возбужденія ненависти населенія противъ такъ называемыхъ штундистовъ».

На первой страницѣ этой брошюры изображенъ храмъ въ сіяніи, и надъ этимъ изображеніемъ полукругомъ крупными церковно-славянскими буквами надпись: «Аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь» (Мѳ. 18, 17). Возмутительна здѣсь грубая подтасовка евангельскаго текста: въ немъ рѣчь идетъ, очевидно, о церкви, какъ о собраніи вѣрующихъ, а никакъ не о церкви, какъ о храмѣ: храма нельзя слушаться или не слушаться. Для чего же написанъ этотъ текстъ надъ изображеніемъ храма? Эта возмутительная подтасовка сдѣлана, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы внушить темному православному люду, что и въ Евангеліи сказано, что тѣ, кто не почитаютъ храмовъ, не лучше язычниковъ.

Затѣмъ, на первой же страницѣ, прямо подъ изображеніемъ храма, крупными русскими буквами: «Проклятый штундистъ». Внизу мелко: «Харьковъ. Тип. Губернскаго Правленія». На второй страницѣ: «Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать позволяется. Москва, 1 іюля 1889 года. Цензоръ протоіерей Платонъ Капустинъ». Затѣмъ съ третьей страницы идетъ самое стихотвореніе. Повторено опять заглавіе: «Проклятый штундистъ», и затѣмъ крупными буквами слѣдуетъ:

Гремите, церковные громы!
Возстаньте, соборныя клятвы,

Разите анаѳемой вѣчной
Штундистовъ отверженный родъ.

Штундистъ разрушаетъ догматы,
Штундистъ отвергаетъ преданье,
Штундистъ порицаетъ обряды,
Еретикъ онъ, проклятый штундистъ.

Господь нашу русскую церковь
Великою славой почтилъ;
Ее, нашу мать дорогую,
Злословитъ проклятый штундистъ.

Какъ звѣзды на тверди небесной,
На нашей родимой землѣ
Сіяютъ священные храмы:
Бѣжитъ ихъ проклятый штундистъ.

Святителей нашихъ великихъ,
Заступниковъ русской земли,
И пастырей нашихъ духовныхъ
Позоритъ проклятый штундистъ.

Поемъ ли молебны на пашняхъ,
Источники-ль водъ освящаемъ,
Господень ли крестъ лобызаемъ,
Глумится проклятый штундистъ.

Суровый и мрачный, какъ демонъ,
Чуждаясь людей православныхъ,
Скрывается въ темныхъ притонахъ
Врагъ Божій—проклятый штундистъ.

Но чуть простодушный заглянетъ
Въ берлогу коварнаго звѣря,
Хулой, клеветою и лестью
Изловитъ проклятый штундистъ.

На послѣдней страницѣ: цѣна 2 коп.

Кто знакомъ хоть немного съ русскимъ сектантствомъ, тому не нужно доказывать, насколько намѣренно-лжива характеристика, сдѣланная въ двухъ послѣднихъ куплетахъ этого стихотворенія такъ называемымъ «штундистамъ». Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что тѣмъ корнемъ, изъ котораго выросло русское сектантство, должно быть признано стремленіе найти истинную вѣру и вести добрую, нравственную жизнь. Лучшіе изъ сектантовъ потому уже не могутъ быть названы «врагами Божьими», какъ называетъ ихъ это стихотвореніе, что главной цѣлью ихъ жизни было—угодить Богу, служить Ему. Что же касается «темныхъ притоновъ», «берлогъ», въ которыхъ будто бы скрываются «штундисты»—все это не что иное, какъ очень неискусная выдумка писателей церковнаго лагеря. Сейчасъ мы увидимъ, что павловскіе сектанты вовсе не «скрывались въ темныхъ притонахъ», а открыто исповѣдовали свою вѣру, за что и терпѣли гоненія. Если бы они «скрывались», то не было бы надобности и разсылать это стихотвореніе. А архіепископъ Амвросій нетолько разослалъ его

по всей харьковской эпархіи во всѣ волости и школы, но и приказалъ, чтобы въ школахъ заучивали его наизусть, чтобы молодое поколѣніе харьковскихъ крестьянъ съ самаго дѣтства пропитывалось ненавистью къ «проклятымъ штундистамъ».

Стихотвореніе это пахнетъ кровью. Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно для того, чтобы направить грубую и невѣжественную толпу противъ «проклятыхъ» сектантовъ и заставить ее производить надъ ними самыя ужасныя насилія. Составителя этого стихотворенія, по русскимъ законамъ, нужно бы судить за возбужденіе одной части населенія противъ другой, а между тѣмъ, это стихотвореніе было разрѣшено «духовнымъ» цензурнымъ комитетомъ и разсылалось съ благословенія преосвященнаго Амвросія.

Когда Димитрію Александровичу попалась въ руки эта брошюра, онъ противъ каждаго куплета написалъ опроверженіе его словами самого Христа или апостоловъ и съ этими надписями послалъ ее харьковскому архіерею черезъ павловскаго священника.

Вотъ нѣкоторые изъ надписанныхъ имъ текстовъ:

1. Изъ тѣхъ же устъ исходятъ благословеніе и проклятіе: не должно, братья мои, сему такъ быть. Посланіе Іакова 3, 10.

2. Какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Матѳ. 12, 34.

3. Всякій, гнѣвающійся на брата своего, подлежитъ суду. Матѳ. 5, 22.

4. Какъ воробей вспорхнетъ, какъ ласточка улетитъ, такъ незаслуженное проклятіе не сбудется. Притчи Соломоновы 26, 2.

5. Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что меня прежде возненавидѣлъ. Іоанна 15, 18.

6. Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ и когда отлучатъ васъ и будутъ поносить и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго. Луки 6, 22.

7. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. Іоанна 13, 34.

8. Благословляйте проклинающихъ васъ. Матѳ. 5, 44.

На каждомъ экземплярѣ этого стихотворенія, попадавшемъ ему въ руки, Хилковъ дѣлалъ подобныя надписи.

Но не только Хилкова возмутило это гнусное стихотвореніе: по его словамъ, даже нѣкоторые изъ православнаго духовенства и самъ святѣйшій синодъ увидѣли, что преосвященный Амвросій пересолилъ въ своей проповѣди ненависти къ штундистамъ. По словамъ Хилкова *), «когда эта брошюра стала извѣстной въ Петербургѣ, то высшее правительство приказало не только изъять ее изъ волостей и училищъ, но вовсе изъять изъ продажи. Когда эту брошюру въ первый разъ увидѣли и прочли инспекторъ тифлисской духовной семинаріи, Серафимъ, и учитель той же семинаріи, Добронравовъ, то они не хотѣли повѣрить, что ее издало харь-

*) „Слово защиты".

ковское духовенство для борьбы со штундою. Они долгое время были убѣждены, что брошюра эта была издана самими штундистами для глумленія надъ пастырями греко-россійской церкви.»

Кромѣ этого стихотворенія, преосвященнымъ Амвросіемъ для борьбы со штундою было приказано расклеить на церквахъ воззванія противъ штундистовъ, въ которыхъ православнымъ запрещалось имѣть съ ними какое бы то ни было общеніе. Такъ настойчиво и упорно сѣялись харьковскимъ архіереемъ сѣмена ненависти къ сектантамъ въ сердца православныхъ, и они принесли свои плоды не только въ Павловкахъ, но и въ другихъ селахъ и деревняхъ Харьковской губерніи.

Мѣстное павловское духовенство продолжало съ своей стороны принимать всѣ мѣры къ тому же самому, т.-е. къ возбужденію ненависти православныхъ къ сектантамъ. Хотѣли устроить даже избіеніе сектантовъ православными, но, къ счастью, это не удалось.

По словамъ Хилкова, дѣло было такъ.

«Когда епархіальное начальство узнало, что павловскіе священники гонятъ отъ себя приходящихъ за разъясненіями, то оно приказало священникамъ не только не дѣлать этого, но собирать по воскресеньямъ крестьянъ на такъ называемыя бесѣды и разъяснять имъ Писаніе. Начались бесѣды, и онѣ охотно стали посѣщаться всѣми павловскими крестьянами, какъ православными, такъ и штундистами. Это длилось до тѣхъ поръ, пока священникъ Ф. не положилъ этому конецъ слѣдующимъ образомъ. Созвавъ на одну бесѣду много народа съ сосѣдняго хутора, онъ купилъ ведро водки и во время бесѣды поилъ православныхъ, въ той надеждѣ, что напившись они нападутъ на штундистовъ и побьютъ ихъ. Ведро съ водкой стояло въ комнатѣ учителя. Бесѣды велись въ земской школѣ. Православные крестьяне водку пили, но драки не устроили... Къ чести православныхъ крестьянъ надо сказать, что они принимали угощеніе весьма неохотно и даже огорчили Ф. тѣмъ, что потребовали удаленія съ бесѣды его друга и пособника, помѣщика Ж., который, напившись выше всякой мѣры, сталъ вести себя крайне неприлично. Послѣ этого случая штундисты перестали посѣщать духовныя бесѣды» *).

Читатель, мало знакомый съ тѣми гоненіями, какія приходилось и приходится испытывать русскимъ сектантамъ отъ православнаго духовенства, можетъ не повѣрить тому, чтобы духовныя бесѣды, имѣющія цѣлью убѣдить сектантовъ въ истинности православной вѣры, могли служить поводомъ для устройства *избіенія* тѣхъ, кого хотѣли *убѣдить*. А между тѣмъ, на основаніи многочисленныхъ фактовъ, можно смѣло сказать, что эти бесѣды въ очень многихъ случаяхъ кончались избіеніями.

Гоненія этимъ не ограничивались. «По просьбѣ поповъ,—пишетъ Хилковъ,—штундистамъ не давали земли въ экономіяхъ и не принимали на работу. Отцы стали отбирать Евангелія у своихъ сыновей и рвать ихъ.

---

*) „Слово защиты“.

Одинъ парень, начавшій читать Евангеліе и бросившій пьянство и гульбу, послѣ того, какъ его отецъ, по наущенію попа, разорвалъ его Евангеліе и пригрозилъ его выгнать, если онъ будетъ ходить ко мнѣ, пустился во всѣ тяжкія и, наконецъ, ограбилъ экономическаго кассира. Сидя въ холодной вмѣстѣ съ посаженными туда за отказъ отъ присяги «штундистами», онъ клялся и говорилъ, что до преступленія его довели попъ и его отецъ».

Послушаемъ теперь отъ самихъ павловцевъ разсказъ о томъ, какія гоненія имъ пришлось претерпѣть за свою вѣру. Въ моемъ распоряженіи находится рукопись, носящая заглавіе: «Начало жизни христіанъ и страданія ихъ въ селѣ Павловкахъ, какія они переносили мученія и гоненія отъ язычниковъ за вѣру Господа нашего Іисуса Христа». Эта рукопись написана двумя изъ тѣхъ, кого приговорили къ каторгѣ за разгромъ церкви: Петромъ Семеновичемъ Харахоновымъ и Тимоѳеемъ Андреевичемъ Никитенкомъ. Написана она въ 1902 году, въ московской пересыльной тюрьмѣ, гдѣ имъ пришлось пробыть около года. Рукопись эта начинается такими словами:

«Благодаря нашему Богу Всевышнему за святое Его Евангеліе, пробудившему нашъ разумъ и знаніе и выяснившему намъ свѣтъ».

Далѣе идетъ разсказъ о первыхъ гоненіяхъ.

«И когда мы стали читать Евангеліе и намъ открылось познаніе: любить ближняго своего, какъ самого себя, и почитать другъ друга и помогать другъ другу, и производить жизнь любомирную, то это священникамъ не понравилось, что эти люди стали укорять въ ихъ неправдѣ.

«Тогда священники стали призывать и уговаривать, чтобы не распространяли. И одного человѣка позвавъ, священникъ, Захарій Д., Ивана Куличенка, и начавъ его пугать, и уговаривать, говоритъ ему: «Ты зачѣмъ поступаешь въ штунду, въ ту вѣру, что иконъ не признаютъ, постовъ не исполняютъ, а также и насъ не почитаютъ за священниковъ?» И началъ говорить ему, чтобы бросилъ эту вѣру и начиналъ снова пить водочку. «А то горе тебѣ будетъ, ты будешь гонимый и не имѣти имишь покоя». Ну, Куличенко испугался и отказался».

Для тѣхъ, кому непонятно, какая можетъ быть связь между возвращеніемъ въ православіе и «водочкой», замѣтимъ, что первымъ признакомъ сектанта у духовенства считается то, что человѣкъ оставляетъ пить водку.

«Тогда священникъ Д. призвалъ къ себѣ еще человѣкъ 16 въ домъ. И мы пришли къ нему въ домъ; то онъ послалъ свою работницу къ другому священнику, чтобы пришелъ къ нему. Тогда другой священникъ приходитъ къ Д. въ домъ, и мы сидимъ, и когда вошелъ въ домъ и сказалъ: «Здравствуйте», то (мы) ему отвѣтили: «Здравствуй!» Тогда Д. говоритъ: «Почему вы не встали и не поклонились?» Тогда (мы) ему сказали, что въ писаніи сказано: одному Богу поклоняйтесь и служите *). Тогда это

---

*) Матѳея, 4, 10. Н. Г.

священнику тому не понравилось; онъ, разсерчавъ и плюнувъ, сейчасъ ушелъ. То мы остались съ священникомъ Д. и стали бесѣдовать, о койчемъ стали спрашивать, но онъ не разъяснялъ. И такъ эта бесѣда продолжалась, и всетаки стояли твердо, чтобы не поддаться. Это было 8 ноября. И такъ онъ насъ отпустивъ и тяжело вздохнувъ, сказалъ: «Что вы задумали?» Но мы ничего не сказали и ушли домой.

«И тогда Д., видя, что это въ насъ продолжается, зоветъ насъ 26 декабря. Мы не пошли. Тогда Д. насъ зоветъ снова 1 января и требуетъ сельскимъ старостой въ церковную караулку *) и мы пришли. Ну онъ, подведя (приведя) своихъ церковниковъ и причетниковъ, началъ насъ уговаривать и допрашивать: «Будете ли вы въ церковь нашу ходить и принимать тайны Христовы? Потому я васъ спрашиваю, а то вотъ у меня, говоритъ, есть предписаніе отъ архіерея, чтобы я васъ допросилъ и уговорилъ, а если кто не послушаетъ, то требуетъ въ Харьковъ къ архіерею на усовѣщеваніе».

«Тогда изъ насъ нѣкоторые сказали священнику: «Дайте намъ подпись, чи будемъ ли мы до посту живы, или нѣтъ». Тогда священникъ сказалъ, что я этого не могу. То и мы сказали, что и мы до поста не можемъ дать обѣщаніе и давать обѣщаніе за полгода **).

«Тогда священникъ (видя), что его волхвованіе не одолѣваетъ, то онъ и не сталъ больше и вступать въ разговоры и отпустилъ насъ. И мы его не видали, и говорили: «Что онъ насъ не требуетъ до посту»? ***). И прошло пять недѣль поста. То въ постъ вызываетъ священникъ слѣдователя въ село Павловки, и когда пріѣхалъ слѣдователь въ Павловки, начали требовать по два сосѣда въ свидѣтели, и цѣлыхъ два дня. А потомъ началъ и насъ призывать и сталъ допрашивать, и говоритъ: «Почему не ходите въ нашу греко-россійскую церковь и не молитесь деревяннымъ нашимъ иконамъ и не признаете за святость?» Тогда (мы) ему отвѣтили: «Мы не находимъ для себя нужнымъ почитать за святость».

3. Усиленіе гоненій и отказъ павловцевъ отъ присяги императору.

«Тогда видя это,—продолжаютъ Харахоновъ и Никитенко, — священникъ Д., что ихняя ворожба не пособляетъ, то онъ сталъ докладывать высшимъ властямъ, и власти стали слѣдить за нами и тѣмъ болѣе за нашей христіанской, соборной и апостольской церковью, не давать покоя, и стали разгонять, и по просьбѣ священниковъ, начальство стало, какъ лютые волки, не щадящіе стада».

Такъ какъ и духовное, и свѣтское начальство виновникомъ всего ре-

*) Это обычный способъ сзыванія сектантовъ на душеспасительныя бесѣды— черезъ полицію. Н. Г.

**) Очевидно, священникъ требовалъ, чтобы они дали обѣщаніе, что будутъ постомъ говѣть, исповѣдываться и причащаться. Н. Г.

***) Т.-е. къ говѣнію, исповѣди и причащенію. Н. Г.

лигіознаго движенія въ Павловкахъ считало Хилкова, то, благодаря, вѣроятно, стараніямъ архіепископа Амвросія, въ 1891 году исправникъ объявилъ Хилкову предписаніе о томъ, что онъ высылается административнымъ порядкомъ за Кавказъ на 5 лѣтъ. Харахоновъ и Никитенко такъ разсказываютъ объ этомъ событіи: «Возстали на насъ и первымъ долгомъ у насъ увезли Димитрія Александровича Хилкова, господина полковника. И это было въ 1891 году, февраля 2 дня. И повезли его—куда? Богъ его знаетъ. Мы его 12 лѣтъ, какъ не видѣли, только слышимъ, что гдѣ-то онъ въ Швейцаріи, намъ только извѣстно письменно».

«А также, когда его взяли, то діаконъ былъ пьянъ, Василій Михайловичъ К., и проговорилъ: «Ну, намъ трудно было сорвать корень, а отростки-то ничего не останется, такъ что они и сами посохнутъ».

Но «отростки не поддавались ихнимъ соблазнамъ», замѣчаютъ Харахоновъ и Никитенко. Мало этого: «отростки», какъ мы сейчасъ увидимъ, начали проявлять себя особенно нежелательнымъ для духовенства и правительства образомъ.

Съ 1891 года начинаются высылки изъ Павловокъ и изъ ближайшихъ мѣстъ интеллигентныхъ людей, близкихъ знакомыхъ Хилкова и родственныхъ ему по взглядамъ. А именно, вслѣдъ за Хилковымъ были высланы: Н. И. Дудченко, С. П. Прокопенко, М. В. Алехинъ, М. Ф. Алехина, Я. И. Киселевъ, Т. С. Дудченко и Ю. С. Вериго.

По удаленіи страшнаго для нихъ Хилкова, павловская полиція и духовенство еще болѣе жестоко принялись преслѣдовать отпавшихъ отъ православія и настраивать противъ нихъ православныхъ.

22 марта 1892 года былъ въ Павловкахъ сельскій сходъ, на которомъ становой сказалъ крестьянамъ: «У васъ и штундисты есть. Какъ вамъ не стыдно, что надъ вами всѣ люди смѣются. По прочимъ обществамъ, если бы хоть одинъ штундистъ, то его бы разорвали на куски православные, а вы на нихъ смотрите. Какъ вамъ не стыдно». А присутствовавшій тутъ же благочинный добавилъ, что это большой грѣхъ. Здѣсь же присутствовали и мѣстные священники, которые, повидимому, сочувственно относились къ предложенію становаго.

Мало-по-малу ядовитыя сѣмена злобы и вражды всходили и давали плодъ. Такъ, уже въ 1894 году возбуждаемое и усиливаемое духовенствомъ и полиціей озлобленіе православныхъ противъ сектантовъ въ Павловкахъ дошло до того, что 7 апрѣля этого года одна православная женщина, придя въ домъ сектанта, Ивана Романовича Любича, въ его отсутствіе, сильно ударила по щекѣ его одиннадцатилѣтняго сына; потомъ взяла ножъ и сдѣлала очень глубокія надрѣзы на его пальцахъ, со словами: «Вы штундисты и шалопуты, вы Бога забыли, вы Богу не молитесь». Судя по этимъ словамъ, очевидно, что эта жестокость была сдѣлана не изъ личной злобы или мести, а изъ религіозной ненависти.

Озлобленіе павловскаго духовенства и полиціи противъ сектантовъ было тѣмъ сильнѣе, что сектанты эти, по понятіямъ свѣтскаго и духовнаго

начальства, были врагами не только Богу, но и царю. Они не только отреклись отъ православія, перестали ходить въ церковь, кланяться иконамъ, говѣть, причащаться, крестить дѣтей, но не подчинялись и законнымъ требованіямъ правительства и имѣли дерзость утверждать, что Бога слѣдуетъ слушаться больше, чѣмъ людей, и исполняли это утвержденіе на дѣлѣ. Такъ, военную присягу и военную службу они считали грѣхомъ: присягу потому, что грѣшно клясться, связывать свою волю, обѣщать впередъ исполнять все то, что потребуетъ отъ тебя другой человѣкъ (онъ можетъ потребовать дурного), при этомъ они ссылались на заповѣдь Христа, сказавшаго: «А я говорю вамъ: не клянись вовсе» (Матѳ. 5, 34); а военную службу считали грѣхомъ потому, что считали величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ кого-нибудь убивать, лишать жизни. И это свое убѣжденіе о грѣховности присяги и военной службы они не только высказывали на словахъ, но и поступали согласно съ нимъ.

Въ 1892 году три человѣка изъ Павловокъ отказались отъ ружья во время учебнаго сбора. Они просидѣли годъ и четыре мѣсяца въ тюрьмѣ. Имена ихъ мнѣ, къ сожалѣнію, не извѣстны.

Весной 1894 года были обыски у многихъ павловскихъ крестьянъ. Пріѣзжалъ исправникъ, жандармскій офицеръ и человѣкъ 30 полиціи. Если вѣрно сообщеніе «Вѣры и Разума» *), во время этого обыска «были найдены многія печатныя брошюры и рукописныя сочиненія самаго возмутительнаго содержанія по отношенію къ существующему государственному порядку и христіанской (т.-е. православной. Н. Г.) религіи». Однако никого не арестовали. Нѣкоторые изъ крестьянъ отказались подписаться подъ протоколомъ обыска.

До 1894 года изъ Павловокъ и близкихъ къ нимъ мѣстъ высылали только интеллигентныхъ лицъ, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они имѣютъ вліяніе на окрестныхъ крестьянъ, способствуя развитію въ нихъ сознательнаго отношенія къ церкви и государству. Въ 1894 году власти рѣшили примѣнить это средство устрашенія и наказанія и къ троимъ павловскимъ крестьянамъ (къ «отросткамъ»). 16 сентября 1894 года были административно высланы изъ Павловокъ въ Вологодскую губернію: Абрамъ Лаврентьевичъ Торяникъ, Петръ Вернидубъ и Федотъ Стрижакъ. У Стрижака осталась дома больная жена съ 6-ю малолѣтними дѣтьми. Нѣкоторые изъ сочувствовавшихъ ея горю крестьянъ стали помогать ей убирать хлѣбъ. Полиція стала ихъ прогонять и даже грозила посадить жену Стрижака въ холодную на 7 дней за то, что ей помогаютъ.

Всѣ эти высылки нисколько не остановили религіознаго движенія въ Павловкахъ, которое въ концѣ 1894 года проявилось совершенно открыто въ такой формѣ и въ такихъ размѣрахъ, которые очень сильно испугали и взволновали духовное и свѣтское начальство.

---

*) 1906 г., № 22, стр. 602.

Умеръ императоръ Александръ III, и русскихъ гражданъ стали приво дить къ присягѣ новому царю.

Въ Павловкахъ 39 главъ семействъ отказалось дать вѣрноподданническую присягу, не считая ихъ взрослыхъ дѣтей, которыя также не пожелали присягнуть *). Отказъ отъ присяги они объясняли исключительно религіозными соображеніями. Ихъ много разъ призывали къ себѣ, для увѣщанія и угрозъ, священники, становой и исправникъ; ихъ ругали, унижали, смѣялись надъ ними, грозили Сибирью, разстрѣломъ, висѣлицей, арестантскими ротами; потомъ, видя, что угрозы не помогаютъ, принимались уговаривать,—они остались непреклонны, на угрозы отвѣчали словами Евангелія: «Блаженны изгнанные за правду, такихъ есть царствіе Божіе», а убѣжденія опровергали также словами Евангелія.

Наконецъ, видя ихъ стойкость въ своей вѣрѣ, власти бросили ихъ убѣждать и запугивать и стали думать о томъ, что съ ними дѣлать? Предложили на сельскомъ сходѣ постановить приговоръ о высылкѣ не присягнувшихъ,—общество почему-то не дало на это согласія. Предать павловцевъ суду за отказъ отъ присяги или выслать ихъ административно власти почему-то не рѣшались. Но то крайнее озлобленіе, которое возбудили павловцы въ духовенствѣ и властяхъ, нашло себѣ выходъ въ тѣхъ жестокихъ притѣсненіяхъ, какимъ съ этого времени стали подвергаться павловцы. Объ этихъ притѣсненіяхъ рѣчь будетъ ниже.

Одновременно съ религіознымъ движеніемъ въ Павловкахъ происходило въ такомъ же направленіи религіозное движеніе въ близъ лежащихъ селахъ: Рѣчкахъ, Щегловѣ и Ястребенномъ. Въ Рѣчкахъ пробудителемъ религіознаго движенія былъ одинъ интеллигентный человѣкъ, также какъ и Хилковъ раздѣлявшій взгляды Л. Н. Толстого и жившій невдалекѣ отъ Рѣчекъ. Нѣкоторые изъ рѣчанъ, точно также какъ и павловцы, перестали ходить въ церковь, говѣть, причащаться, и когда въ 1894 г. стали требовать присяги новому императору, они, точно также какъ и павловцы, отказались дать ее. Всего отказавшихся отъ вѣрноподданнической присяги въ Павловкахъ, Рѣчкахъ, Ястребенномъ и Щегловѣ было около 60 человѣкъ.

Въ числѣ отказавшихся отъ присяги въ Рѣчкахъ былъ крестьянинъ Петръ Васильевичъ Ольховикъ. Въ 1894 году онъ отказался отъ присяги, а въ слѣдующемъ 1895 году, будучи призванъ на военную службу, отказался и отъ военной службы. Его судили военнымъ судомъ и присудили къ тремъ годамъ заключенія въ дисциплинарномъ батальонѣ. Впослѣдствіи это наказаніе было замѣнено ему ссылкой въ Якутскую область на 18 лѣтъ **). Замѣчательны письма этого человѣка, писанныя имъ его роднымъ и друзьямъ изъ заключенія и съ пути—объ отказѣ, о судѣ надъ нимъ, о разговорахъ съ солдатами, объ отправленіи въ ссылку и проч.

*) „Вѣра и Разумъ“, 1896 г., № 22, стр. 605.

**) Въ 1905 г. П. Ольховикъ былъ освобожденъ изъ ссылки.

Они дышать твердостью, спокойствіемъ, безстрашіемъ и готовностью тер пѣливо и безропотно перенести трудное испытаніе. Письма эти были напечатаны сначала за границей В. Г. Чертковымъ въ изданіи «Свободнаго слова», а въ прошломъ году и въ Россіи въ изданіи «Обновленія» (въ книжкѣ «Приближеніе конца»).

Въ 1894 г., по настоянію священника, на сельскомъ сходѣ въ Рѣчкахъ рѣшили было сослать пятерыхъ крестьянъ, которыхъ духовенство и власти считали особенно для себя опасными. Это были крестьяне: Митрофанъ Матвѣенко, Игнатъ Ольховикъ (братъ отказавшагося отъ военной службы), Яковъ Суржикъ, Антонъ Твердохлѣбъ и Осипъ Турчинъ. Когда же это не удалось, потому что приговоръ, составленный сельскимъ сходомъ, о высылкѣ этихъ крестьянъ не былъ утвержденъ губернскимъ присутствіемъ (такъ какъ по закону крестьянскія общества не имѣютъ права постановлять приговоры о высылкѣ за религіозныя убѣжденія), то черезъ два года, въ августѣ 1896 г., ихъ всѣхъ выслали административно. Высылка ихъ была произведена съ особенною жестокостью. Рано утромъ къ нимъ въ избы явились сотскіе и велѣли идти въ волость. Тамъ ихъ арестовали. Часовъ въ 12 пріѣхалъ исправникъ. Арестованныхъ позвали въ канцелярію, и исправникъ прочиталъ имъ бумагу о томъ, что по указу Его Императорскаго Величества они высылаются административнымъ порядкомъ въ Царство Польское на три года въ распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора, и сейчасъ же велѣлъ ихъ отправить въ путь, не позволивъ имъ, какъ они просили, ни пообѣдать, ни сходить домой проститься съ родными, ни захватить съ собой необходимыхъ вещей изъ обуви и одежды.

4. Отчетъ мѣстнаго духовенства о павловскихъ и рѣчанскихъ сектантахъ.

Въ 1896 г. въ Павловкахъ еще отказались отъ военной службы нѣсколько человѣкъ, призванныхъ въ ополченіе. Мнѣ извѣстны имена двухъ изъ нихъ: Петръ Семеновичъ Харахоновъ, тотъ самый, который впослѣдствіи написалъ вмѣстѣ съ Т. Никитенкомъ «Начало жизни христіанъ», и Игнатъ Ивановичъ Любичъ. Относительно постигшаго ихъ наказанія мнѣ извѣстно только о Харахоновѣ, что его приговорили на 1 годъ и 4 мѣсяца въ тюрьму.

Отказы павловцевъ отъ вѣрноподданнической присяги и отъ военной службы особенно возстановили противъ нихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Отказы эти—въ такомъ количествѣ—были чѣмъ-то небывалымъ, неслыханнымъ въ Россіи. Въ южныхъ губерніяхъ Россіи жило много сектантовъ разныхъ толковъ, но нигдѣ, ни въ какой мѣстности, ни у какихъ сектантовъ (за исключеніемъ кавказскихъ духоборовъ), не наблюдалось въ такомъ обиліи подобныхъ явленій.

О степени того раздраженія, какое вызвали у духовныхъ и свѣтскихъ властей отказы павловцевъ отъ присяги и военной службы, можно судить

по «Журналу засѣданій миссіонерскаго совѣта по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи», бывшихъ 2—5 сентября 1896 г. *). Почти половина этого «Журнала» посвящена сектантамъ Павловокъ и Рѣчекъ.

«Почти одновременно съ началомъ распространенія въ харьковской епархіи штундизма,—читаемъ здѣсь,—явился и другой непримиримый врагъ Христовой церкви—лжеученіе Толстого, практически примѣненное къ жизни простого народа. Слобода Павловки, Сумскаго уѣзда, обратилась въ настоящее гнѣздо этого лжеученія».

Далѣе въ «Журналѣ» излагается со многими неточностями и извращеніями жизнь и дѣятельность Хилкова и его друзей въ Павловкахъ. Потомъ сообщаются различныя свѣдѣнія о павловскихъ сектантахъ. Не знаю, вѣрно ли сообщеніе журнала, будто еще въ первые годы своего отпаденія отъ православія павловцы вынесли иконы изъ своихъ домовъ на площадь и сожгли ихъ на одномъ большомъ кострѣ.

Далѣе сообщается, что у павловцевъ нѣтъ «ни религіозныхъ собраній, ни религіозныхъ пѣснопѣній, ни какихъ-либо богослужебныхъ дѣйствій, какъ у штундистовъ».

«Явныхъ толстовцевъ,—сообщаетъ «Журналъ»,—порвавшихъ связь съ церковью, въ настоящее время (1896 г.) въ Павловкахъ числится 327 человѣкъ обоего пола, изъ нихъ 165 мужчинъ и 162 женщины». Что всѣ павловскіе сектанты, отпавшіе отъ церкви, были послѣдовательными «толстовцами»—это совершенно невѣрно, что видно и изъ того изложенія религіозныхъ взглядовъ павловцевъ, которое вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ слѣдуетъ въ «Журналѣ». Вмѣстѣ съ тѣми людьми, которые считали Іисуса Христа человѣкомъ и сыномъ Божіимъ въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣхъ людей, и потому полагали, что «онъ пострадалъ не за грѣхи людей, а за то, что говорилъ людямъ правду, какъ и теперь часто случается, что за правду людей и судятъ, и въ острогъ сажаютъ, и въ ссылку ссылаютъ»,—вмѣстѣ съ людьми такого взгляда въ Павловахъ, по словамъ «Журнала», были и такіе «толстовцы», которые «признавали Іисуса Христа Богомъ». Ясно, что «Журналъ» увлекся желаніемъ изобразить павловскихъ сектантовъ въ наиболѣе грозномъ видѣ для того, чтобы заставить свѣтскихъ властей открыть противъ нихъ походъ.

Интересны нѣкоторыя подробности о религіозныхъ взглядахъ павловцевъ, сообщаемыя «Журналомъ». Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Что касается брака, то павловскіе толстовцы говорятъ по этому (поводу) слѣдующее. Мужа и жену сочетаетъ самъ Богъ; но сочетаніе это происходитъ не черезъ церковное вѣнчаніе, совершаемое священникомъ, послѣ котораго супруги часто и ссорятся, и бываютъ невѣрными другъ другу, а только единственно черезъ взаимную любовь мужчины и женщины; кто кого любитъ, тѣхъ, значитъ, Богъ и сочеталъ. Есть между павловскими толстовцами и такіе, которые не признаютъ совершенно никакого значенія за

*) Напечатанъ въ журналѣ *Вѣра и Разумъ*, 1896 г., № 22.

(церковными) таинствами. Они говорятъ: «Зачѣмъ намъ лѣзть черезъ заборъ, когда ворота есть?» Заборомъ, препятствующимъ вступить въ церковь Божію, они признаютъ таинства и обряды православной церкви, придуманные будто бы самимъ духовенствомъ для своихъ личныхъ выгодъ. Общаго воскресенія мертвыхъ, загробной жизни и страшнаго суда павловскіе толстовцы вообще не ожидаютъ».

«Въ своей практической жизни,—пишетъ далѣе «Журналъ»,—павловскіе толстовцы старались и стараются жить по ученію Толстого, опирающемуся на извѣстныя «пять заповѣдей»: не клянись, не воюй, не противься злу, не судись, люби ближняго *), надѣясь, что только черезъ осуществленіе ученія Толстого весь строй общественной жизни измѣнить-ся въ такой степени, что не будетъ ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но что всѣ будутъ равны и всѣ будутъ жить по-братски, безъ насилія, вражды и тяжбы.

«За отступленіе отъ православной вѣры,—жалуется далѣе «Журналъ»,—никто изъ павловскихъ толстовцевъ судимъ не былъ. Даже никто изъ павловскихъ толстовцевъ не былъ судимъ и наказанъ за непринесеніе присяги на вѣрноподданство Государю Императору. Это послѣднее обстоятельство, однако же, сильно интересуетъ крестьянъ какъ слободы Павловокъ, такъ и многихъ окрестныхъ селеній: всѣ они ждутъ, чѣмъ окончится сопротивленіе толстовцевъ этому требованію представителей государственной власти».

Не мы одни,—говоритъ этими словами «Журналъ»,—желаемъ, чтобы павловскіе «толстовцы», отказавшіеся отъ присяги, были примѣрно наказаны: этого же самаго хочетъ и православное населеніе Павловокъ и окрестныхъ деревень. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже говорили, павловское общество не согласилось, какъ къ этому побуждали его священники и начальство, дать приговоръ о выселеніи отказавшихся отъ присяги; значитъ, не слишкомъ хотѣло ихъ наказать.

Подводя общій итогъ, «Журналъ» сообщаетъ, что вліяніе «толстовщины» не ограничивается только тѣми отдѣльными лицами, которыя открыто порвали связь съ православною церковью и объявили себя толстовцами. Лжеученіе произвело и производитъ разрушительное вліяніе на все населеніе зараженныхъ приходовъ. Довѣріе къ истинности православной церкви сильно подорвано; въ крестьянскомъ населеніи замѣтно положительное охлажденіе къ молитвѣ, къ богослуженію, къ церкви и къ духовенству: крестьяне мало молятся дома, а церковныя богослуженія посѣщаютъ еще меньше, участвовать въ крестныхъ ходахъ даже стыдятся. Много есть такихъ прихожанъ, которые хотя и считаются еще православными, но въ церкви бываютъ только тогда, когда говѣютъ. Усердія къ содержанію приходскихъ храмовъ въ исправности и должномъ благолѣпіи нѣтъ.

---

*) Пять заповѣдей, которыя Толстой находитъ въ Евангеліи (въ нагорной проповѣди), переданы здѣсь очень неточно и даже невѣрно. См. „Въ чемъ моя вѣра". Н. Г.

«Нельзя не видѣть вреднаго вліянія толстовщины и въ томъ, что, *прежде вполнѣ покорные начальству* (курсивъ мой, Н. Г.), теперь крестьяне очень часто подолгу отказываются отъ принятія мѣръ, предлагаемыхъ имъ начальствомъ для общественнаго благоустройства». Въ числѣ примѣровъ такого отказа павловцевъ отъ «мѣръ, предлагаемыхъ имъ начальствомъ для общественнаго благоустройства», приводится отказъ ихъ избирать изъ своей среды сотскихъ и десятскихъ, причемъ они говорили, «что сотскіе и десятскіе работаютъ только на станового, пристава да на урядника».

Казалось бы, какое дѣло духовенству, поставленному «пасти церковь Господа и Бога», до того, кто покоренъ начальству, кто нѣтъ, кто выбираетъ сотскихъ, кто отказывается? (Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ «Журналѣ», были доставлены священниками.) Неужели павловскіе пастыри, кромѣ благодати свыше, дарованной имъ черезъ возложеніе рукъ архіерейскихъ, обладали еще добродѣтелями сыщиковъ? Оказывается, да.

«Дѣло дошло — читаемъ далѣе въ «Журналѣ» — почти до забвенія вѣрноподданническихъ обязанностей, до полнаго равнодушія къ важнѣйшимъ и радостнымъ событіямъ государственной жизни. Такъ, напримѣръ, въ дни священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14, 15 и 16 мая сего 1896 г., когда вся Россія радовалась и молилась о здравіи своихъ Богодарованныхъ Царя и Царицы, когда сосѣднія съ Павловками сельскія общества устраивали у себя празднества и старались отмѣтить и увѣковѣчить память о сихъ радостныхъ дняхъ какими-либо добрыми дѣлами, павловцы вели себя самымъ равнодушнымъ образомъ, ничѣмъ не отличивши дней коронаціи отъ простыхъ будничныхъ дней; въ церкви во время служенія божественной литургіи и молебствія по случаю коронованія *изъ мѣстныхъ крестьянъ не было ни одного человѣка*, кромѣ сельскаго старосты, сотскихъ и десятскихъ, несмотря на то, что дни коронаціи совпали съ днями цвѣтной недѣли».

«Къ земской и церковно-приходской школѣ толстовцы относятся безучастно; они рѣдко посылаютъ въ нихъ своихъ дѣтей для обученія, предпочитая домашнее обученіе, которое ведется въ духѣ толстовскаго міровоззрѣнія».

Переходимъ теперь къ самой существенной части доклада. Пока все были только цвѣтики, а ягодки впереди. Вотъ онѣ:

«Въ борьбѣ съ толстовцами мѣстному духовенству содѣйствовало и содѣйствуетъ свѣтское начальство: земскіе начальники, исправники, становые пристава и полицейскіе урядники. За толстовцами былъ установленъ надзоръ, благодаря которому удалось открыть особенно вліятельныхъ пропагандистовъ, которые и были высланы. Первыя мѣры, принятыя гражданскимъ начальствомъ, были нерѣшительны, слабы... Но въ послѣднее время (съ 1895 года) гражданское начальство стало серьезнѣе относиться къ дѣлу, и толстовцы почувствовали, что правительство можетъ терпѣть ихъ лжеученія только до тѣхъ поръ, пока оно не угрожаетъ правильному

развитію общественной жизни. Прежде всего весьма благотворно и успокоительно подѣйствовало на населеніе удаленіе вожаковъ и главныхъ пропагандистовъ изъ нѣкоторыхъ слободъ, зараженныхъ сектантствомъ. Результатомъ было то, что 16 семействъ, находившихся подъ тяжелымъ гнетомъ этихъ вожаковъ (что это былъ за гнетъ, «Журналъ» не сообщаетъ. Н. Г.), оставили свое заблужденіе и обратились въ лоно православной церкви.

«На должности земскаго начальника и станового пристава, вѣдѣнію которыхъ подчинены слободы, наиболѣе зараженныя толстовщиною, въ недавнее время назначены лица достойныя, честно и ревностно выполняющія свои обязанности и усердно заботящіяся о сохраненіи порядка и уваженія къ власти и закону... Много пользы дѣлу приносятъ въ настоящее время земскіе начальники и полицейскіе чины, подвергая штрафу толстовцевъ за неисполненіе законныхъ распоряженій, не дозволяя имъ устраивать свои сборища и внимательно слѣдя за толстовцами какъ мѣстными, такъ и приходящими со стороны».

«Журналъ» заканчивается перечисленіемъ мѣръ, которыми, по мнѣнію членовъ совѣщанія, можетъ быть ослаблено или даже «подавлено» (выраженіе «Журнала») сектантство. Въ числѣ этихъ мѣръ, между прочимъ, значится: «Громадное число лицъ, и до сихъ поръ не пожелавшихъ принять присяги на вѣрноподданство Государю Императору Николаю Александровичу *) и остающихся безнаказанными, производятъ сильный соблазнъ среди православнаго населенія и явно колеблютъ уваженіе къ святости, значенію и необходимости вѣрноподданнической присяги; посему совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи нашелъ нужнымъ просить его высокопреосвященство точный списокъ указанныхъ лицъ препроводить начальнику губерніи на Его благоусмотрѣніе». Опять видимъ трогательное соединеніе въ однихъ и тѣхъ же лицахъ благодати свыше и доблестей полицейскихъ.

Далѣе слѣдуетъ еще перлъ въ такомъ же родѣ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣятельность вожаковъ штундизма вредно отозвалась на семейной и общественной жизни цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, которыя поэтому и ходатайствовали объ удаленіи ихъ изъ своей среды особенными общественными приговорами, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не утвержденными; съ другой стороны, принимая во вниманіе тѣ благотвор-

*) Случаи отказовъ отъ присяги новому Царю были не только въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашей статьѣ, но и въ другихъ селахъ и деревняхъ Харьковской губерніи. Такъ, по словамъ „Журнала“, отказались отъ присяги: въ селѣ Снѣжковомъ Кутѣ, Валковскаго уѣзда, 15 человѣкъ; въ селѣ Пересѣчномъ, Харьковскаго уѣзда, 6 человѣкъ; въ селѣ Печенѣгахъ, Волчанскаго уѣзда, 11 человѣкъ (въ томъ числѣ одинъ бывшій гвардеецъ); въ селѣ Пятницкомъ, того же уѣзда, 1, въ селѣ Рублевкѣ, Богодуховскаго уѣзда, 5 человѣкъ (болѣе пожилые сектанты этого села не давали присяги и Александру III) и въ селѣ Мурафа, того же уѣзда, нѣсколько человѣкъ (не сказано сколько).

ные результаты, которые достигнуты удаленіемъ изъ нѣкоторыхъ селъ вожаковъ штундизма и толстовщины административнымъ порядкомъ, совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ харьковской епархіи постановилъ: изготовивъ особый докладъ о вышеуказанныхъ неутвержденыхъ приговорахъ и точный перечень вожаковъ штундизма и толстовщины, просить его высокопреосвященство ходатайствовать передъ г. начальникомъ губерніи объ утвержденіи этихъ приговоровъ, объ удаленіи вожаковъ штундизма и толстовщины».

5. Мучители и мученики.

Въ Рѣчкахъ, ночью 14 января 1895 г., урядникъ, вмѣстѣ со старостой и сотскимъ, ѣздилъ по домамъ сектантовъ, спрашивалъ, какъ кого зовутъ, и ругалъ ихъ: «Мерзавцы вы, негодяи, враги вы Государя и отечества. Помучимъ васъ, антихристы, помучимъ».

И дѣйствительно, помучили.

Съ этого года урядникъ началъ высылать изъ Павловокъ всѣхъ постороннихъ лицъ, пріѣзжавшихъ туда. Зная, что павловцы ведутъ переписку съ интеллигентными людьми, снабжающими ихъ «вредными» книгами, начальство установило очень внимательный надзоръ за ихъ перепиской: вскрывались ихъ письма, посылки, и если находили запрещенныя книги, то отнимали ихъ и грозили наказаніями.

Весной 1896 г. полиція требовала отъ павловскихъ и рѣчанскихъ сектантовъ подписки, что они не будутъ ходить другъ къ другу, но ни тѣ, ни другіе не дали этой подписки.

Мы слышали уже торжествующее сообщеніе «Журнала» о томъ, что «на должности земскаго начальника и станового пристава (сектантскихъ селъ) въ недавнее время назначены лица достойныя, честно и ревностно выполняющія свои обязанности и усердно заботящіяся о сохраненіи порядка и уваженія къ власти и закону. Много пользы дѣлу приносятъ въ настоящее время земскіе начальники и полицейскіе чины, подвергая штрафу толстовцевъ за неисполненіе законныхъ распоряженій, не дозволяя имъ устраивать свои сборища».

Сейчасъ мы узнаемъ, въ чемъ состояла дѣятельность «достойныхъ» представителей власти въ Павловкахъ и что за «незаконныя сборища» были тѣ, за которыя павловцевъ разгоняли и штрафовали. Продолжимъ разсказъ Петра Харахонова и Тимоѳея Никитенка о «началѣ жизни христіанъ и страданіяхъ ихъ въ селѣ Павловкахъ». Мы прервали его на томъ мѣстѣ, гдѣ они разсказали объ административной высылкѣ изъ Павловокъ Хилкова и о той радости, которую испытывало по этому поводу мѣстное духовенство, полагая, что корень уже вырванъ, а отростки и сами посохнутъ.

«Но отростки не поддавались ихнимъ соблазнамъ. Тогда еще взяли изъ Павловокъ три человѣка: Петра Вернидуба и Федота Стрижака, и Аврама Тонника, и отправили ихъ въ Вологодскую губернію. И это было въ сен-

тябрѣ 15-го 1894 года. А жены ихнія остались вдовами и дѣти сиротами безъ всякаго изслѣдованія, а также и вспомоществованія.

«И это не помогаетъ. Тогда еще выслали изъ села Рѣчекъ 5 человѣкъ и отправили ихъ въ Варшавскую губернію въ августѣ 28-го 1896 г. И это все было по просьбѣ священниковъ. Думали, что этимъ могутъ испугать, а оно больше увеличивается. Дьяконъ К. говоритъ, что отростки скоро вытащимъ. Но, благодаря Бога, въ Павловкахъ почва хорошая, хлѣбородная и мягкая, и по доламъ при рѣчкѣ луга, и частые проходили дожди, и отростки прорастали, и ихъ Богъ поливалъ, такъ что они укрѣпились на томъ лугу. И тамъ бродила скотина, такъ что изъ нихъ была рогатая и безъ рога, и она заѣдала и затаптывала эти несчастные отростки, но они съ большимъ трудомъ прорастали.

«И по это время страхи и гоненія все усиливались, и случилось то, что стали докладывать низшему начальству, а это начальство стало докладывать высшему начальству. И это было все по просьбѣ священниковъ, т.-е. наемныхъ пастырей.

«Урядникъ и становой приставъ стали тѣмъ пуще приставать къ нашей Христовой и соборной церкви: разгонять, разбивать и штрафовать. И даже до того, что сосѣда до сосѣда не пускали, не только чтобы пойти къ сосѣду погулять, но и на работу не дозволяли; и если пойдешь на работу, не только куда на сторону, а даже въ своемъ селѣ не дозволяли и прогоняли съ работы. Такой былъ случай, что ѣхалъ изъ лѣсу Семенъ Харахоновъ и заѣхалъ обогрѣться, и это было дѣло зимой, послѣ Рождества, да еще съ самимъ тѣмъ человѣкомъ ѣздили вмѣстѣ на одной лошади: Семенъ Харахоновъ ѣздилъ на своей лошади и возилъ Ивана Любича, и изъ лѣсу ѣхавши и позаѣзду до Любича заѣхали. И только что вошелъ въ домъ, а полицейскій урядникъ захватилъ и выгналъ, а также постановилъ протоколъ и передалъ земскому начальнику. И черезъ нѣсколько времени вызываетъ земскій начальникъ и приговариваетъ къ штрафу, денежному взысканію 40 р. съ Харахонова, а такъ какъ у Харахонова не было наличныхъ денегъ заплатить, то должно продать что-нибудь изъ имущества или изъ скотины. И такъ какъ нечего было продать, то какъ Семенъ Харахоновъ занимался по столярной части и у него было двѣ вещи сдѣлано по заказу, которыя стоили 90 руб.: повозка, подъ названіемъ линейка, сдѣланная на желѣзномъ ходу, которая стоила 55 р., и вѣяльная машина, которая стоила 35 р., а они продали эти двѣ вещи за 50 руб. и положили въ земство. И это было подъ самый праздникъ Троицу, а также была коронація Государя, а по русскому закону въ то время не полагается производить аукціоннаго торгу; да еще не было трехъ человѣкъ покупателей, когда производили аукціонные торги. И это все дѣлаетъ земскій начальникъ.

«А также начали не дозволять ходить по деревнѣ работать у крестьянъ крестьянскія избы. И такіе были случаи, что прогоняли съ работы, а именно: Семена Харахонова и Петра Харахонова, и Ивана Любича, и Сте-

пана Берестова. Они работали вмѣстѣ, и это было зимой, было холодно обдѣлывать двери и окошки, и осталось до весны, а весной нужно было додѣлать и получить деньги, но этихъ домовъ не дозволили обдѣлать.

«И началъ разгонять насъ урядникъ, и становой приставъ приказывать сталъ, чтобы урядникъ не только тѣхъ, кто работалъ, а даже и тѣхъ, которые позовутъ къ себѣ на работу, то и того предавать суду. И такъ что деньги остаются у хозяина не полученныя, говоритъ: «Если бы додѣлали, то я отдалъ бы, а то вы меня только довели до лѣта, а съ меня теперь взяли дороже». И такъ остается заработокъ не полученъ. Это было въ 1896 г.

«И такъ начали притѣснять и штрафовать за всякое сошествіе, что до сосѣда пойдешь чего-нибудь попросить или позвать на что-нибудь, чтобы въ чемъ-нибудь пособилъ, сейчасъ сотскій или десятскій идетъ и докладываетъ урядпику, а урядникъ докладываетъ становому, а становой предаетъ земскому начальнику. А земскій начальникъ приговариваетъ денежному взысканію, и тогда даютъ десятскимъ деньги за то, что онъ предалъ суду и похваливаетъ начальство, а десятскіе растутъ да еще хуже злятся. И это до того дошло, что нельзя никуда пойти на работу.

«И тогда Семенъ Харахоновъ и Иванъ Любичъ поѣхали къ исправнику лично просить, чтобы разрѣшилъ работать скрозь по своей деревнѣ. Исправникъ намъ сказалъ: «Такъ какъ вы люди поганые, то сидите дома и вамъ не позволяемъ работать, потому что вы не ходите въ церковь и не молитесь нашимъ богамъ». Но мы спросили исправника: «А сколько у васъ боговъ?» И тогда исправникъ выгналъ насъ изъ канцеляріи.

«А также Тимоѳей Никитенко и Григорій Павленко работали у сосѣда печку, у Дмитрія Черняка, и, узнавъ это, полицейскій урядникъ арестовалъ насъ низшими чинами, т.-е. тремя десятскими, и отправилъ къ сельскому старостѣ. И отвели на ночь, а утромъ отправили въ городъ Бѣлополье къ становому приставу. Становой приставъ съ угрозами заставлялъ и требовалъ подпись, чтобы не ходили работать по крестьянскимъ домамъ: «Пока у васъ эта вѣра, то не позволимъ вамъ ходить работать». Станешь говорить, что у меня семейство и его нужно кормить, то онъ говоритъ: «Дохните съ голоду, а работать не дамъ вамъ».

«И также работали Тимоѳей Никитенко въ хуторѣ Екатериновкѣ у г. Валерія Александровича Коновцова, и работали каменный амбаръ; и какъ узналъ урядникъ, то сейчасъ прогналъ съ работъ, такъ что я долженъ сидѣть дома. И это было 1897 г.

«А также былъ такой случай, что (а именно, кто такой?—Ѳедоръ Маценко) взялъ себѣ помощницу, т.-е. невѣсту, безъ священникова увѣдомленія, то его позвалъ священникъ и началъ говорить, что мы тебѣ безъ нашего позволенія и сочетанія брака жить не дозволяемъ. То Маценко сказалъ: «*Если вы безъ грѣха и можете сочетать, то я тоже согласенъ*» *). Тогда священникъ сказалъ: «Чтобы ты пришелъ съ невѣстой,

---

*) Курсивъ нашъ. Н. Г.

мы сочетаемъ васъ по русскому закону». То пошелъ Өедоръ Маценко съ своей невѣстой; тогда начавъ требовать священникъ съ него подпись въ томъ, чтобы былъ навсегда православнымъ и дѣти ваши тоже были православными. Тогда на это Өедоръ Маценко сказалъ, что я не согласенъ дать вамъ подписку, потому что и Адамъ согрѣшилъ такъ (?).

«Тогда священникъ видитъ, что Маценко не соглашается расписываться, стоитъ твердо. Тогда священникъ предалъ становому приставу, и становой приставъ требуетъ Федора Маценка къ себѣ въ городъ Бѣлополье, а этотъ городъ былъ въ 15 верстахъ. И когда привели насъ сотскіе къ становому приставу, то становой набросился на Маценка съ ругательствомъ и угрозами и требуетъ съ него, чтобы онъ согласился расписаться. Ну, онъ не соглашался той подписи дать. Тогда становой отправляетъ его домой, а сотскій даетъ приказъ, чтобы его привели на другой день. И на другой день сотскіе ведутъ Маценка къ становому, и становой приставъ опять набрасывается на Маценка съ угрозами и ругательствомъ скверными словами и отпускаетъ опять домой. И на третій день снова требуетъ, и такъ цѣлыхъ 6 дней водили къ становому приставу. Ну, Маценко не поддавался. Видя, что онъ стоитъ твердо, тогда начали избивать (сбивать) его невѣсту и совѣтовать ей, чтобы она бросила Маценка. «Мы позволимъ выйти тебѣ за другого и сочетаемъ васъ по закону». И тогда эта женщина согласилась на предложеніе священника и станового и бросила Маценка и вышла за другого человѣка замужъ въ деревню Ободи, 7 верстъ отъ Павловокъ. А прожили они съ Федоромъ Маценкомъ 2 года и былъ у нихъ уже ребенокъ, когда она бросила и повѣнчалась съ другимъ.

«И начали стѣснять наше житье такъ, что пойдешь на работу въ другую деревню, то сейчасъ отправляютъ этапомъ въ свою деревню. И паспортовъ тоже не выдавали, чтобы поѣхать куда на заработки. И бывали такіе случаи, именно такъ, что Петръ Харахоновъ пошелъ въ волость къ старшинѣ, чтобы выдалъ паспортъ поѣхать въ другую губернію на заработки. То старшина говоритъ: «Я не могу, поѣзжай къ земскому начальнику; если земскій прикажетъ, то я выдамъ». Тогда Харахоновъ поѣхалъ къ земскому. А земскій начальникъ говоритъ: «Пиши прошеніе губернатору, я не могу выдать». Тогда Харахоновъ написалъ прошеніе губернатору, а губернаторъ пишетъ земскому начальнику распорядиться. Такъ и не найдешь старшаго, который бы могъ выдать паспортъ. Кругомъ стоятъ и за руки держатся и не найдешь крайняго.

«И такіе были случаи. Одинъ человѣкъ, Григорій Бабенко, пострадалъ отъ несчастнаго случая: погорѣлъ хлѣбъ. Его братъ пошелъ распытать, чтобы привезти ему хлѣба и соломы, а сосѣдъ, тамъ же рядомъ усадьба, молотилъ. Ну, у сосѣда не было на этой усадьбѣ хаты, а онъ проживалъ на другой усадьбѣ и по-сусѣдскому пошелъ напиться воды до Григорія Бабенко. И собралось ихъ человѣка три: братъ его, Спиридонъ Бабенко, и Алексѣй Торяникъ, сосѣдъ и еще одинъ человѣкъ, Федотъ Житнякъ пришелъ тоже что-нибудь дать на это несчастье. То вдругъ пріѣзжаетъ

къ нему урядникъ и захвативъ, что они стоятъ и разговариваютъ о его несчастіи и какъ закричитъ: «Вы зачѣмъ собираетесь!» и разогналъ, а также постановилъ протоколъ и передалъ земскому начальнику, и земскій начальникъ приговариваетъ судомъ денежному взысканію: приговорилъ Спиридона Бабенка и Алексѣя Торянника и Федота Житняка по 20 рублей. Но такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ, то они отбывали подъ земствомъ (въ земскомъ арестантскомъ домѣ) по одному мѣсяцу высидки (въ 1898 году).

«И былъ такой случай, что у одного человѣка, именно Федота Житняка, выскочило порося изъ двора и оно побѣгло до сусѣда. Ну, Житнякъ пошелъ за поросенкомъ, чтобы загнать домой. И это узналъ урядникъ *черезъ людей* *), что ходилъ до сосѣда во дворъ, а зачѣмъ—этого не спрашиваетъ, и постановилъ протоколъ и предалъ его земскому начальнику, а земскій начальникъ приговариваетъ штрафу, денежному взысканію на 3 руб. (въ 1899 году).

«И такой былъ случай. Одинъ человѣкъ шелъ изъ дому—села Ястребеннаго Степанъ Осадчій, такъ какъ Осадчій работалъ въ селѣ Павловкахъ земляную хату. И какъ шелъ Осадчій поздно вечеромъ и зашелъ къ Степану Берестоку, чтобъ поговорить съ нимъ и попросить его, чтобъ помогъ ему работать хату. И такъ какъ это было позаходи дороги, а также былъ поздній вечеръ, то остановился ночевать. И на этотъ случай наскочилъ урядникъ съ сотскимъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Вошелъ урядникъ съ сотскимъ въ домъ, такъ какъ домъ не былъ запертъ; и засвѣтили огонь, раскуражилось семейство, и начавъ (урядникъ) приглядываться и смотритъ, что чужой человѣкъ, и говоритъ ему: «Ты зачѣмъ забрался сюда?» То этотъ человѣкъ говоритъ, что я зашелъ попросить, чтобъ мнѣ онъ помогъ работать домъ. Тогда арестовалъ этого человѣка, т.-е. Степана Осадчаго, и отвели въ расправу въ 12 часовъ ночи и посадили въ карцію, а на утро на другой день отправили въ городъ Бѣлополье къ становому приставу. Становой на него накричалъ и приказалъ сотскимъ вывести за село Павловки и пустить. «А работать ему не дозволяйте, потому что онъ только распространяетъ свою секту». А урядникъ постановилъ протоколъ и отправилъ земскому начальнику на Степана Берестока за то, что пустилъ переночевать, а на Степана Осадчаго за то, что зашелъ ночевать. И земскій начальникъ приговорилъ денежному штрафу по 25 рублей или двухмѣсячному аресту. Но такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ, то они должны отбыть по два мѣсяца подъ земствомъ. И это было въ 1898 году.

«И былъ такой случай, что шло два человѣка изъ Конотопа черезъ село Павловки, и это было зимой, то они должны зайти, такъ какъ по дорогѣ, до Ивана Любича обогрѣться и отдохнуть, а также съѣсть по

*) Курсивъ нашъ. Н. Г.

куску хлѣба. Ивана Любича не было дома, а сынъ былъ дома, Игнатъ Любичъ, и пригласилъ этихъ двухъ человѣкъ къ себѣ за столъ обѣдать. И на этотъ случай заходитъ сотскій и говоритъ, откуда эти люди, то, сё. Два человѣка разсказали, что они изъ Конотопа, и показали свои паспорта. Сотскій пошелъ и доложилъ урядникy, что у Любича два человѣка изъ Конотопа. Тогда урядникъ приказалъ арестовать ихъ. И забрали въ расправу этихъ двухъ человѣкъ, и урядникъ на нихъ составилъ протоколъ, а ихъ отправилъ этапомъ къ становому приставу. А когда ихъ привели къ приставу, то становой приставъ отправилъ ихъ этапомъ къ исправнику, въ уѣздный городъ Сумы, а исправникъ отправилъ ихъ въ ихъ городъ, Конотопъ, этапомъ. Черезъ нѣсколько времени получили повѣстки отъ земскаго начальника на судъ: Ивану Любичу и сыну его, Игнату Любичу, и Степану Берестоку, и тѣмъ двумъ конотопскимъ человѣкамъ. И вызвали насъ. Земскій начальникъ приговорилъ судомъ конотопскихъ по 20 рублей, а Игната Любича приговорилъ на 3 рубля, а Ивана Любича простилъ, что дома не былъ, и Степана Берестока простилъ за то, что шелъ изъ мельницы и зашелъ, тоже простилъ. Это было въ 1900 году.

«И началось такое притѣсненіе, что нельзя никуда пойти и поѣхать: штрафуютъ и въ темницу сажаютъ и *всякіе насильственные безпорядки* *) производятъ.

«То просимъ мы васъ, господа читатели! Обратите вы вниманіе: если начать и камень долбить, то онъ отъ частаго стуканія можетъ не выдержать и лопнуть».

Таковъ безхитростный разсказъ самихъ многострадальныхъ павловцевъ о тѣхъ жестокостяхъ, о тѣхъ «*насильственныхъ безпорядкахъ*», которые, подъ видомъ «*сохраненія порядка*», дѣлали павловскія власти надъ тѣми, кого и правительство, и духовенство считали своими опаснѣйшими врагами. Разгонять и штрафовать за «незаконное сборище», устроенное съ цѣлью поймать убѣжавшаго къ сосѣду поросенка; награждать десятскихъ, доносившихъ о такого рода «сборищахъ»; запрещать заходить къ односельцу даже для того, чтобы помочь ему въ его бѣдѣ, т.-е. мѣшать людямъ дѣлать доброе дѣло, оказывать помощь другъ другу; запрещать ходить на заработки даже въ своемъ селѣ и тѣмъ обрекать гонимыхъ и ихъ семейства на вынужденную праздность и полуголодное существованіе—таковы были мѣры, предпринимавшіяся «достойными» представителями власти, «честно и ревностно исполнявшими свои обязанности». И эти-то мѣры, по мнѣнію съѣзда харьковскаго духовенства, принесли «много пользы» дѣлу православія и самодержавія!

Что касается разсказаннаго павловцами случая, что священники уговаривали жившую въ бракѣ съ сектантомъ, но не повѣнчанную съ нимъ по православному обряду женщину оставить своего мужа, хотя у нихъ

*) Курсивъ нашъ. Н. Г.

былъ уже ребенокъ, и выйти замужъ за другого, за православнаго, обѣщая, что «мы сочетаемъ васъ по закону», то должно сказать, что подобныя вещи постоянно совершались духовенствомъ въ борьбѣ съ сектантами. Такихъ случаевъ было много, и нѣкоторые сектанты только для того и возвращались въ православіе, чтобы оставить свою жену и жениться на другой. Священники не только допускали это, но радовались тому, что найдена заблудшая овца и что паства ихъ умножается (а съ ней вмѣстѣ и доходы).

Въ одномъ мѣстѣ разсказа павловцевъ мы подчеркнули то, что урядникъ узналъ о «незаконномъ сборищѣ» (устроенномъ для того, чтобы поймать убѣжавшаго къ сосѣду поросенка) *черезъ людей*. Значитъ, не только сотскіе и десятскіе сами слѣдили за «врагами церкви и государя», но и православнымъ вѣрноподданнымъ приказывали дѣлать это. Что это было дѣйствительно такъ, видно и изъ письма А. М. Бодянскаго (жителя села Печенѣгъ, Харьковской же губерніи) въ редакцію *Свободной Мысли* *). «Положеніе павловскихъ штундистовъ,—писалъ г. Бодянскій,—таково, что хуже можетъ быть только одиночное, но и то съ тѣмъ преимуществомъ, что одиночно-заключенному нечего заботиться о хлѣбѣ насущномъ. Вслѣдствіе особаго, негласнаго и несоотвѣтствующаго гласнымъ русскимъ законамъ, правительственнаго распоряженія, имъ воспрещена всякая отлучка изъ мѣста жительства, воспрещено принимать къ себѣ кого бы то ни было и посѣщать другихъ не штундистовъ. Воспрещено учить дѣтей въ школахъ; воспрещены всякія собранія, а собраніемъ полиція можетъ назвать бесѣду на всякомъ мѣстѣ двухъ или трехъ штундистовъ... *Какъ на чужую собаку, зашедшую во дворъ, хозяинъ напускаетъ свою свору, такъ напущены на павловскихъ штундистовъ всякія мелкія власти и даже люди безъ всякой власти изъ православныхъ односельчанъ*, и они день въ день чинятъ имъ массу мелкихъ обидъ и лишеній, которыя способны подорвать всякое терпѣніе».

Будучи не въ силахъ терпѣть этотъ неимовѣрно тяжелый гнетъ и не видя впереди никакого выхода изъ своего невыносимаго положенія, павловцы, какъ послѣднее средство, рѣшили оставить родное село, гдѣ ихъ травили, какъ травятъ охотники звѣря, и уѣхать, подобно духоборамъ, куда-нибудь за-границу. 26 января 1899 года 38 семей павловскихъ крестьянъ, въ количествѣ 216 душъ, подали харьковскому губернатору такое прошеніе:

«Исповѣдуя религію, которая по законамъ Россійской имперіи признается вредной, и терпя гоненія и притѣсненія въ служеніи Богу по нашему разумѣнію, просимъ ваше превосходительство ходатайствовать за насъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи выѣхать намъ за границу».

---

*) № 2 за 1899 г.

Странная судьба постигла это прошеніе.

Уже послѣ разгрома церкви павловцами, въ февралѣ 1902 года, въ газетѣ *Свободное Слово*, было помѣщено «письмо въ редакцію», подписанное иниціаломъ А. *), разсказывающее о томъ, какія неудачи постигли павловцевъ въ дѣлѣ переселенія. Вотъ это письмо:

«М. г. редакторъ!

«Прошу напечатать слѣдующее мое письмо въ вашей газетѣ. Надѣюсь, что оно принесетъ пользу при слѣдствіи по дѣлу павловскихъ крестьянъ.

«Въ январѣ 1900 года я получилъ письмо отъ князя Хилкова, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что крестьяне сектанты Павловокъ и нѣкоторыхъ другихъ селеній, въ количествѣ 400 душъ, хотятъ переселяться въ Америку, о чемъ они ужъ подали прошеніе на Высочайшее имя. Крестьяне обратились къ нему за свѣдѣніями по переселенію и съ просьбой указать имъ лицо въ Россіи, которое бы могло имъ давать совѣты по этому дѣлу. А онъ проситъ меня помочь имъ.

«Получивъ это письмо, я поѣхалъ въ Павловки, чтобъ переговорить лично съ крестьянами.

«На станціи Новоселки я нанялъ извозчика и поѣхалъ на «князя хуторъ» (бывшее имѣніе Хилкова. Н. Г.). Крестьянинъ П., сектантъ, у котораго я остановился, очень былъ мнѣ радъ, но показался мнѣ взволнованнымъ; когда я спросилъ его о причинѣ его волненія, онъ сказалъ мнѣ: «Боюсь, какъ бы урядникъ не набѣжалъ и не арестовалъ бы васъ». Меня это очень удивило, потому что я не видѣлъ ничего преступнаго въ своемъ посѣщеніи Павловокъ. Изъ словъ П. я узналъ, что раньше въ селѣ не было урядника, но вотъ нѣсколько лѣтъ, какъ его назначили. Урядникъ очень часто совсѣмъ внезапно «набѣгаетъ» въ хату сектанта и, если видитъ въ хатѣ другого сектанта, часто пришедшаго по сосѣдскому дѣлу, обвиняетъ ихъ въ сектантскомъ молитвенномъ собраніи и доноситъ объ этомъ земскому начальнику, который штрафуетъ ихъ. Постороннихъ же посѣтителей арестуетъ. Сектантамъ съ православными тоже запрещено общаться, а также имъ совершенно запрещено ходить на заработки, что, конечно, очень сильно отразилось на ихъ матеріальномъ благосостояніи и многихъ повергло въ самое безвыходное положеніе. Только послѣднее время, какъ они задумали переселяться, перестанъ теперешній урядникъ мѣшать имъ собираться для переговоровъ.

«Скоро вошли еще человѣка четыре сектантовъ, которыхъ успѣли извѣстить о моемъ пріѣздѣ.

«Я разсказалъ имъ обо всѣхъ условіяхъ переселенія, о томъ, какъ трудно переселяться при ограниченныхъ средствахъ, и о томъ, какъ бѣд-

*) Для болѣе полной огласки дѣла, съ разрѣшенія автора, раскрываемъ этотъ иниціалъ: Хрисанфъ Николаевичъ Абрикосовъ.

ствовали вначалѣ духоборы въ Канадѣ... Мнѣ хотѣлось, чтобы они знали все по поводу переселенія и рѣшали бы сами. Утромъ, до разсвѣта, въ хату собралось еще человѣкъ десять, и мы опять разговаривали о томъ же, и они мнѣ разсказывали, что хотя большой «тѣсноты» нѣтъ, «но ужъ очень докучны мелкія придирки мѣстныхъ властей и духовенства, просто невтерпежъ становится.

«Я условился съ ними, что если они рѣшатъ переселяться, то напишутъ мнѣ, и уѣхалъ. Оставили они на меня впечатлѣніе очень разумныхъ людей, безъ всякой экзальтаціи.

«Черезъ нѣсколько времени я получилъ отъ крестьянина П., у котораго я останавливался, письмо о томъ, что тотчасъ послѣ моего отъѣзда пришелъ урядникъ и старался допытаться, кто у него былъ. П. писалъ также, что они, получивъ Высочайшее разрѣшеніе, подали прошеніе губернатору для полученія заграничныхъ паспортовъ и потому просятъ меня пріѣхать къ нимъ вторично, чтобы окончательно дать всѣ свѣдѣнія, какъ надо переселяться. Онъ предупреждалъ меня, что урядникъ очень слѣдитъ, какъ бы кто не пріѣхалъ опять въ Павловки, такъ какъ узналъ о моемъ посѣщеніи тотчасъ, какъ я уѣхалъ изъ Павловокъ. Урядникъ даже разыскалъ крестьянина, который везъ меня со станціи, и говорилъ ему: «Вотъ дуракъ! Ты бы его ко мнѣ привезъ, я бы пять рублей тебѣ за это заплатилъ». Потомъ онъ созвалъ всѣхъ другихъ извозчиковъ и велѣлъ имъ, если кто пріѣдетъ, то чтобы везли бы прямо къ нему, обѣщая хорошую плату.

«Думая, что урядникъ самъ изъ усердія принимаетъ эти мѣры, и не желая имѣть съ нимъ дѣла, я въ концѣ февраля поѣхалъ въ Харьковъ къ губернатору. Къ сожалѣнію, самъ губернаторъ былъ по дѣламъ службы въ Петербургѣ, но принялъ меня вице-губернаторъ Осоргинъ. Я ему сказалъ, что желаю поѣхать въ Павловки для подачи совѣтовъ переселенцамъ, но урядникъ почему-то препятствуетъ этому, и потому я прошу начальника губерніи дать распоряженіе уряднику не препятствовать мнѣ видѣться съ крестьянами. Осоргинъ отвѣтилъ мнѣ, что никакого распоряженія онъ дать уряднику не можетъ, потому что начальникъ губерніи, зная о моемъ первомъ посѣщеніи Павловокъ, далъ распоряженіе арестовать меня, если я поѣду туда вторично. На это я возразилъ ему, что вѣдь сектанты получили Высочайшее разрѣшеніе на переселеніе. «Мы не препятствуемъ имъ переселяться, но запрещаемъ помогать кому бы то ни было имъ въ переселеніи», отвѣтилъ вице-губернаторъ.

«Въ Павловки я не поѣхалъ, а сталъ вести переписку съ крестьянами. Они были готовы совсѣмъ къ переселенію: если кто не распродавалъ еще своего имущества, то тотъ ужъ получилъ на него задатокъ, который затратилъ на кое-какую одежу, чтобъ не ѣхать въ лохмотьяхъ.

«Но вдругъ я получаю отъ нихъ извѣстіе, что паспорта выдаются только всѣмъ, не подлежащимъ къ воинской повинности и не находящимся въ

запасѣ, т.-е. старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Конечно, при такихъ условіяхъ ни одно семейство не рѣшилось выѣхать, такъ какъ не могли ѣхать безъ мужей, братьевъ и сыновей—главныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, Высочайшее разрѣшеніе было обойдено.

«Крестьяне были готовы переселиться и въ этомъ видѣли выходъ изъ своего тяжелаго положенія. И вдругъ такое разочарованіе. Придирки и стѣсненія увеличились еще, а выхода никакого. Я думаю, что все это могло подготовить почву для событія 16 сентября» (разгрома церкви).

Сначала кажется непонятнымъ, почему харьковская администрація, разрѣшивъ павловцамъ переселиться, не хотѣла позволить кому бы то ни было помогать имъ въ этомъ. Далѣе: почему, несмотря на Высочайшее разрѣшеніе, администрація вдругъ измѣнила свое рѣшеніе и вовсе не позволила переселяться тѣмъ изъ павловцевъ, которымъ предстояло идти на военную службу и которые числились въ запасѣ? Но, вдумавшись внимательно въ сущность дѣла, начинаешь понимать тѣ побужденія, которыми руководствовалась въ данномъ случаѣ администрація. Дѣло было въ 1900 г. У всѣхъ еще было живо воспоминаніе о грандіозномъ переселеніи духоборовъ, которые въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ выселились въ Америку. Благодаря участію въ этомъ переселеніи интеллигентныхъ лицъ, дѣло это получило широкую огласку, и, насколько это позволяли варварскія цензурныя условія, сообщенія о переселеніи духоборовъ и о причинахъ, вызвавшихъ его, проникли и въ печать. И общество не могло иначе, какъ съ глубокимъ сочувствіемъ, отнестись къ судьбѣ этихъ безвинныхъ страдальцевъ, гонимыхъ за то, что имъ не позволяли жить такъ, какъ этого требовали ихъ религіозныя убѣжденія.

Харьковская администрація, очевидно, боялась, чтобы и съ павловцами не повторилось то же самое. Участіе въ ихъ переселеніи интеллигентныхъ лицъ несомнѣнно повело бы къ тому, что раскрылись и сдѣлались бы всѣмъ извѣстны тѣ вопіющія жестокости, которыя они претерпѣвали отъ начальства и духовенства. Этого-то и не хотѣло правительство, предпочитавшее дѣйствовать во мракѣ.

Что же касается отмѣны самаго разрѣшенія на переселеніе тѣмъ изъ павловцевъ, которымъ предстояло идти на военную службу или которые были въ запасѣ, то это распоряженіе было сдѣлано, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы показать сектантамъ, считавшимъ участіе въ военной службѣ грѣхомъ и преступленіемъ, что имъ никакъ не вырваться изъ-подъ ферулы властей, что правительство не можетъ допустить, чтобы они путемъ переселенія освобождались отъ обязательной для всѣхъ военной службы. Правительство, очевидно, какъ бы боялось спасовать передъ сектантами, показаться имъ слабѣе, чѣмъ оно себя чувствовало. Полагая, что павловцы, отрицающіе войну и военную службу, затѣваютъ переселеніе, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы, подобно духоборамъ, освободиться отъ военной службы, правительство, сначала разрѣшившее было имъ пересе-

леніе, спохватилось, взяло назадъ свое разрѣшеніе, обошло Высочайшее дозволеніе и однимъ почеркомъ пера приказало имъ продолжать жить подъ тѣмъ же невыносимымъ гнетомъ *).

И павловцы продолжали терпѣть этотъ гнетъ, пока хватало силъ. Наконецъ, подъ дѣйствіемъ этого гнета ихъ душевное состояніе дошло до такой степени напряженія, что разразилось страшнымъ взрывомъ, прогремѣвшимъ на всю Россію.

Н. Гусевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ церковной журналистикой, можно назвать еще два соображенія, руководствуясь которыми, харьковская администрація отняла у павловцевъ разрѣшеніе на переселеніе. Въ *Миссіон. Обозр.* В. М. Скворцовъ писалъ въ 1902 г. (№ 3): „Гражданская власть, подъ вліяніемъ газетной скорби *о потерѣ для Россіи* въ лицѣ духоборовъ *отличныхъ работниковъ*, не считала возможнымъ разрѣшить переселеніе“. О другомъ соображеніи сообщаетъ журналъ *Вѣра и Разумъ* (1900 г. № 16). Харьковскій профессоръ, протоіерей Буткевичъ, въ 1899 г. „посѣтилъ“ павловскихъ сектантовъ и донесъ своему владыкѣ слѣдующее: „Серьезныхъ побужденій для эмиграціи у павловскихъ толстовцевъ въ дѣйствительности нѣтъ: имъ живется въ Павловкахъ гораздо лучше, чѣмъ православному населенію; *ихъ никто и ни въ чемъ не стѣсняетъ*, а многіе даже мирволятъ“. На этомъ основаніи не имѣющій глазъ и ушей профессоръ, вѣроятно, не удостоившій ни одного сектанта счастья побесѣдовать съ нимъ, изрекаетъ: „Выселяться изъ Россіи ихъ побуждаютъ только честолюбивые вожаки, Толстой и Хилковъ, которымъ желательно сдѣлать этимъ *предъ глазами Европы непріятность нашему правительству*“.

Новѣйшія теоріи строенія атомовъ *).

§ 1. Введеніе.—§ 2. Свойства катодныхъ лучей.—§ 3. Электроны, ихъ зарядъ и масса, размѣры ихъ.—§ 4. Строеніе матеріи по теоріи электроновъ.—§ 5. „Кажущаяся" масса электрона.—§ 6. Явленія радіоактивности. Лучи радія.—§ 7. Теорія строенія атомовъ, предложенная Дж. Дж. Томсономъ.—Объясненія періодическаго закона и явленій радіоактивности.

§ 1. Послѣднія десятилѣтія XIX столѣтія и первые годы XX вѣка ознаменовались рядомъ замѣчательныхъ открытій: лучи Рентгена, новѣйшія изслѣдованія катодныхъ лучей, явленія радіоактивности, открытіе радія, этого элемента-революціонера, заставившаго своей удивительной способностью излучать энергію, ни откуда, повидимому, ее не заимствуя,— сомнѣваться въ точности основныхъ законовъ естествознанія—всѣ эти факты должны были рѣзко измѣнить взгляды ученыхъ на свойства матеріи и ея строеніе.

Атомистическая теорія въ томъ видѣ, какъ она излагалась въ химіи послѣ трудовъ Долтона, Авогардо и Ампера, оказалась недостаточной. До послѣдняго времени химикъ для объясненія тѣхъ ея явленій, которыя онъ изучалъ, вполнѣ могъ удовлетвориться предположеніемъ, что атомъ есть недѣлимое, тотъ индивидуумъ, изъ котораго строятся всѣ тѣла, подобно тому, какъ изъ кирпичей складываются зданія, но въ настоящее время ему для объясненія многихъ явленій такого взгляда недостаточно: явилась настоятельная потребность разложить атомъ на его составныя части и глубже заглянуть въ его строеніе.

Для того, чтобы при дальнѣйшемъ изложеніи болѣе рѣзко выяснилось различіе между атомистической теоріей Долтона и нынѣ развивающимися

*) Статья эта была доложена авторомъ въ сокращенномъ видѣ 16 февраля 1907 года въ химическомъ отдѣленіи общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Источниками при составленіи ея служили статьи: Лоджа („Электроны"), Риги („Современная теорія физическихъ явленій"), книга Д. Д. Томсона: Elektricität und Materie, статья его же „On the structure of the Atom" (Phil. Mag., 1903. March). S. Arrhenius. Theorien der Chemie (въ настоящее время есть русскій переводъ этой книги). Grüner „Die radiaktiven Substanzen". G. C. Schmidt. Die Kathodenstrahlen, Складовская-Кюри. „Изслѣдованіе радіоактивныхъ веществъ", и различныя статьи въ спеціальныхъ журналахъ.

взглядами на матерію, приведемъ слѣдующую выписку изъ «Основъ химіи» Д. И. Менделѣева:

«Между современнымъ атомнымъ ученіемъ и ученіемъ древнихъ философовъ (Демокрита и др.), конечно, есть отдаленная историческая связь, какъ между ученіемъ пиѳагорейцевъ и Коперника, но въ сущности они глубоко различны. Нынѣ атомъ есть недѣлимое не въ геометрическомъ или абстрактномъ смыслѣ, а только въ реальномъ, физическомъ и химическомъ. А потому лучше было бы назвать атомы индивидуумами, недѣлимыми. Греческое атомъ = индивидууму на латинскомъ языкѣ—по суммѣ и смыслу словъ, но исторически этимъ двумъ словамъ приданъ разный смыслъ. Индивидуумъ механически и геометрически дѣлимъ и только въ опредѣленномъ, реальномъ смыслѣ недѣлимъ. Земля, солнце, человѣкъ, муха суть индивидуумы, хотя геометрически дѣлимы. Такъ, атомы современныхъ естествоиспытателей, недѣлимые въ химическомъ смыслѣ, составляютъ тѣ единицы, съ которыми имѣютъ дѣло при разсмотрѣніи естественныхъ явленій вещества, подобно тому, какъ при разсмотрѣніи людскихъ отношеній человѣкъ есть недѣлимая единица, или какъ въ астрономіи единицею служатъ свѣтила, планеты, звѣзды. Если, какъ увидимъ далѣе, составляется вихревая гипотеза, въ которой атомы суть цѣлые вихри, механически сложные, однако, физико-химически недѣлимые, то это одно уже ясно показываетъ, что естествоиспытатели новаго времени, держась атомистическаго ученія, заимствовали отъ древнихъ философовъ лишь слово, форму, но не существо ихъ атомныхъ понятій».

Къ этой выпискѣ добавимъ слѣдующую, знакомящую съ теоріей Босковича, имѣющей нѣчто общее, какъ увидимъ далѣе, съ нынѣ развиваемой теоріей строенія матеріи изъ электроновъ.

«Ученіе Босковича изложено имъ въ 1758—1764 гг. въ Philosophiae naturalis theoria reducta ad unicam legem virium in natura existentium».

«Босковичъ считаетъ вещество состоящимъ изъ атомовъ, а атомы точками или центрами силъ (такъ, звѣзды и планеты можно считать точками пространства), дѣйствующихъ между тѣлами и ихъ частями. Эти силы измѣняются съ разстояніемъ такъ, что за нѣкоторымъ, очень малымъ, разстояніемъ всѣ атомы, а слѣдовательно, и всякія ихъ совокупности, притягиваются по закону Ньютона, но на меньшихъ разстояніяхъ волнообразно смѣняются сферы постепенно ослабляющагося притяженія и нарастающаго (по мѣрѣ приближенія) отталкиванія. Наконецъ, на наименьшемъ разстояніи остается только отталкивательное дѣйствіе. Потому атомы сливаться не могутъ. Въ силу сказаннаго, атомы держатся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, это ведетъ къ тому, что они занимаютъ пространство. Сферу отталкиванія, окружающую атомы, Босковичъ уподобляетъ сферѣ дѣйствія выстрѣловъ отряда солдатъ. Атомы, по его ученію, неуничтожаемы и не сливаемы, имѣютъ массу, вѣчны и подвижны подъ вліяніемъ силъ, имъ присущихъ. Максвель справедливо называетъ эту гипотезу «крайнею» между существующими для вещества, но въ современ-

ныхъ воззрѣніяхъ повторяется много сторонъ ученія Босковича, съ тѣмъ основнымъ различіемъ, что вмѣсто математической точки, снабженной свойствами массы, атомамъ приписывается тѣлесность, какъ тѣлесны звѣзды и планеты, которыя можно при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ ихъ взаимодѣйствія разматривать, какъ математическія точки».

§ 2. «Атомы различныхъ тѣлъ состоятъ изъ электроновъ», такъ гласитъ новѣйшая теорія строенія матеріи.

Но что же такое электронъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно ознакомиться съ основными свойствами катодныхъ лучей:

Какъ извѣстно, катодные лучи появляются при прохожденіи электрическаго тока черезъ разрѣженный воздухъ или какой-либо другой газъ. Если пропускать электрическій разрядъ черезъ трубку, въ которой давленіе газа около $\frac{1}{1000000}$ атмосфернаго, то стѣнка трубки противъ катода начинаетъ испускать яркій свѣтъ зеленаго цвѣта—она начинаетъ флюоресцировать. Причина флюоресценціи заключается въ лучахъ, исходящихъ изъ катода (или отрицательнаго полюса), такъ какъ въ томъ случаѣ, если между нимъ и стѣнкой трубки помѣстить какое-либо препятствіе, то на стѣнкѣ появляется рѣзко ограниченная тѣнь: отсюда можно заключить, что флюоресценція возбуждается невидимыми, исходящими отъ катода, лучами.

Эти лучи получили названіе *катодныхъ*. Они исходятъ отъ катода перпендикулярно къ его поверхности и прямолинейно распространяются впередъ, когда катодъ представляетъ вогнутое зеркало, то они сходятся въ центрѣ его кривизны.

Наиболѣе важныя изъ свойствъ катодныхъ лучей слѣдующія:

1. Катодные лучи, какѣ уже было выше указано, вызываютъ флюоресценцію, но не только у стекла, но и у многихъ другихъ тѣлъ, какъ-то: кальцита, плавиковаго шпата и т. д.

2. Катодные лучи, какъ показалъ Круксъ, могутъ привести легкія тѣла въ движеніе, какъ будто бы они оказываютъ на эти тѣла механическіе толчки.

3. Они нагрѣваютъ тѣла, на которыя падаютъ, очень сильно. Если въ центрѣ кривизны вогнутаго катода помѣстить тонкій платиновый листъ, то отъ дѣйствія катодныхъ лучей онъ можетъ расплавиться.

4. Катодные лучи поглощаются сильно всѣми тѣлами. Тонкая, стеклянная пластинка, поставленная на ихъ пути, сильно флюоресцируетъ, но не пропускаетъ ихъ сквозь себя. Черезъ очень тонкія металлическія пластинки они могутъ проходить; такъ, наприм., Герцъ нашелъ, что тонкая алюминіевая діафрагма не въ состояніи задержать вполнѣ катодные лучи. Ленаръ удивительно развилъ открытіе Герца, искусно построивъ трубку съ очень тонкой (въ 0,003 миллиметра) алюминіевой наружной стѣнкой, приспособленной для выдерживанія внѣшняго давленія. Затѣмъ онъ на-

правилъ бомбардирующіе катодные лучи на это оконце, или алюминіевую пластинку, и показалъ, что они не только могутъ проходить сквозь нее, но даже обнаруживаютъ свойственные имъ эффекты въ обыкновенной наружной атмосферѣ.

5. Катодные лучи отъ дѣйствія магнита отклоняются. Они отклоняются также подъ дѣйствіемъ электростатическаго поля. Если къ пучку катодныхъ лучей приблизить положительно заряженное тѣло, то онъ будетъ какъ бы притягиваться, отъ отрицательно заряженнаго тѣла катодные лучи отталкиваются. Такимъ образомъ, по своему отношенію къ магнитнымъ и электростатическимъ силамъ катодные лучи ведутъ себя такъ, какъ будто они представляютъ потоки отрицательно заряженныхъ мельчайшихъ частицъ.

6. Тѣла, на которыя падаютъ катодные лучи, становятся источниками новыхъ лучей, которые открыты Рентгеномъ, и хорошо извѣстны подъ именемъ х-лучей.

Всѣ эти свойства указываютъ, что катодные лучи коренным образомъ отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ лучей: они не представляютъ волнообразнаго движенія эѳира, а скорѣе походятъ на потокъ отрицательнаго электричества.

§ 3. Такую гипотезу катодныхъ лучей и предложилъ Вильямсъ Круксъ въ 1897 году: при электрическомъ разрядѣ въ очень разрѣженномъ газѣ отъ катода исходятъ чрезвычайно маленькія матеріальныя частицы во много разъ меньше атомовъ, они представляютъ какъ бы обломки атомовъ. Это «четвертое состояніе матеріи», нѣкоторымъ образомъ слѣдующее за газообразнымъ, названо Круксомъ «лучистой матеріей» (Radiant Matter). Движеніе этихъ частицъ является слѣдствіемъ сильнаго отталкиванія, которое испытываютъ они отъ катода.

Гипотеза Крукса не была принята въ то время. «Его предположеніе,— говоритъ Лоджъ,—имѣло судьбу тѣхъ проблесковъ мысли, которые иногда разрѣшаются авторомъ, но подвергаются насмѣшкамъ со стороны ортодоксальной науки ихъ времени».

Главная причина отрицательнаго отношенія къ ней заключалась въ томъ, что слѣдствія изъ нея вытекающія долго не удавалось подтвердить на опытѣ.

Но въ 1894 г. Джозефъ Джонъ Томсонъ, которому современная теорія электроновъ обязана большей своей частью, нашелъ, что скорость катодныхъ лучей значительно отличается отъ скорости свѣта, въ то же время Перренъ указалъ, что катодные лучи несутъ съ собой отрицательное электричество, и Ленаръ доказалъ, что этотъ зарядъ катодныхъ сохраняется и послѣ того, какъ пройдутъ сквозь тонкую металлическую пластинку.

Всѣ эти факты послужили подтвержденіемъ гипотезы Крукса, которая, на основаніи многочисленныхъ новыхъ изслѣдованій, нѣсколько видоизмѣнилась.

Теперь принимаютъ, что тѣ частицы, быстрое движеніе которыхъ об-

разуетъ катодные лучи, представляютъ изъ себя не что иное, какъ атомы отрицательнаго электричества или электроны, какъ предложилъ назвать ихъ Стони (Stoney).

Такое представленіе, получившее всеобщее распространеніе, основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ строго установленныхъ фактахъ: во-первыхъ, катодные лучи бываютъ всегда одни и тѣ же, каковъ бы ни былъ разрѣженный газъ, въ которомъ они возникаютъ, и изъ какого бы матеріала ни состоялъ бы катодъ; во-вторыхъ, частицы отрицательнаго электричества, составляющіе потоки катодныхъ лучей, обладаютъ очень незначительными, но равными массами, составляющими $\frac{1}{2000}$ долю атома водорода.

Не останавливаясь на описаніи методовъ опредѣленія скорости катодныхъ лучей, укажемъ только, что по измѣреніямъ Дж. Дж. Томсона и другихъ изслѣдователей она колеблется въ предѣлахъ отъ 23,000 до 120,000 километровъ въ секунду, т.-е. значительно ниже скорости свѣта (300,000 кил. въ секунду).

Скорость электроновъ зависитъ отъ разности напряженія электричества (или иными словами разности потенціала) въ конечныхъ пунктахъ лучей. Какъ показали изслѣдованія Кауфмана при разности потенціала въ 3,000 вольтъ скорость равна 30,000 кил. въ секунду, а при разности въ 14,000 вольтъ она достигаетъ 70,000 кил. въ секунду.

Что касается до величины заряда, который несутъ съ собой электроны, то измѣреніе ея было предметомъ въ высшей степени остроумныхъ и глубокомысленныхъ изслѣдованій, произведенныхъ Дж. Дж. Томсономъ, Кауфманомъ, Ленаромъ и др.

Отсылая желающихъ познакомиться съ методами этихъ изслѣдованій къ указанной выше литературѣ, приведемъ здѣсь только результаты.

Какъ извѣстно, при явленіи электролиза, съ каждымъ іономъ водорода переносится строго опредѣленный зарядъ положительнаго электричества: одинъ граммъ водорода несетъ съ собой 96500 кулоновъ или 9650 электромагнитныхъ единицъ, или $9650.3.10^{10} = 2895.10^{11}$ электростатическихъ единицъ *).

Такъ какъ 1 граммъ водорода при 0° Ц. и 76 сант. давленія занимаетъ 11200 куб. с., то общій зарядъ атомовъ въ 1 куб. с. водорода равняется 259.10^{8} электростатическимъ единицамъ.

По Дж. Дж. Томсону, число молекулъ водорода въ 1 куб. с. при 0° Ц. и 76 сант. давленія равно $3,6.10^{19}$, а слѣдовательно, число атомовъ =

---

*) Электростатическая единица есть такое количество электричества, которое отталкиваетъ равное ему количество электричества, находящееся отъ него на разстояніи одного сантиметра съ силою, равною динѣ. За единицу силы принимается дина, т.-е. сила, которая, дѣйствуя въ теченіе одной секунды на 1 граммъ, сообщаетъ ему скорость, равную одному сантиметру въ секунду.

$=2.3,6.10^{19}$ *). Отсюда зарядъ одного атома равенъ 36.10^{-11} электростатическихъ единицъ.

Что касается до заряда отрицательнаго электричества, связаннаго съ электрономъ, то, по произведеннымъ опытамъ, электронъ несетъ съ собой тоже 36.10^{-11} электростатическихъ единицъ, только масса электрона въ 2,000 разъ меньше массы атома водорода. Такимъ образомъ, мы пришли къ величинамъ еще меньшимъ, чѣмъ атомы элементовъ.

Для размѣровъ электроновъ получаемъ еще меньшія величины. Діаметръ поперечнаго сѣченія электрона въ 200,000 разъ меньше діаметра поперечнаго сѣченія атома водорода **).

Если предположить, что атомъ водорода состоитъ изъ электроновъ, то объемъ всѣхъ 2000 электроновъ, входящихъ въ составъ атома водорода, составляетъ менѣе, чѣмъ одну билліонную объема атома водорода.

Для того чтобы лучше представить относительную величину атомовъ и электроновъ, приведемъ слѣдующія иллюстраціи, заимствованныя у Лоджа:

---

*) Для того, чтобы дать возможность лучше представить, съ какими величинами мы имѣемъ здѣсь дѣло, заимствуемъ у А. Г. Столѣтова слѣдующія иллюстраціи, причемъ нужно принять во вниманіе, что А. Г. Столѣтовъ принималъ, что въ 1 куб. с. число частицъ газа равно 2.10^{19}, а не $3,6.10^{19}$.

„Число частицъ въ одномъ кубич. миллиметрѣ газа будетъ 20.000,000,000,000,000 (двадцать тысячъ билліоновъ). Не болѣе того, по приблизительному разсчету, число ведеръ воды въ Каспійскомъ морѣ. Пришлось бы потратить 700000 лѣтъ, чтобы пересчитать это населеніе 1 куб. миллиметра атмосферы, считая день и ночь по 10 зеренъ въ секунду. Число людей на земномъ шарѣ ничтожно передъ этой цифрой. Понадобилось бы двѣ тысячи планетъ величиною съ солнце (т.-е. съ поверхностью въ 12,500 разъ болѣе земной), чтобы помѣстить столько жителей, предполагая такую же густоту населенія, какъ на землѣ.

**) На основаніи измѣренія коэффиціента поглощенія катодныхъ лучей можно придти къ заключенію, что площадь поперечнаго сѣченія всѣхъ электроновъ, находящихся въ 1 куб. сан. водорода подъ давленіемъ въ 1 миллиметра ртут. столба менѣе, чѣмъ 0,0000006 квад. с.

Согласно же кинетической теоріи газа, площадь сѣченія всѣхъ молекулъ водорода, находящихся при такихъ же условіяхъ, равна 13 кв. сан. Если обозначимъ черезъ N число всѣхъ молекулъ водорода, заключающихся въ 1 куб. с. подъ давленіемъ 1 миллиметра и 0° Ц., то площадь сѣченія всѣхъ молекулъ: $Q=N\pi R^2$, гдѣ R радіусъ водородной молекулы. Если же каждая молекула водорода содержитъ 2,000 электроновъ, причемъ радіусъ электрона равенъ r, то для площади поперечнаго сѣченія всѣхъ электроновъ имѣемъ $q=2000\,N\pi r^2$.

Отсюда

$$q:Q=2000r^2:R^2=0,0000006:13.$$

Такъ какъ согласно кинетической теоріи газовъ $R=0,2.10^{-7}$, то

$$2000r^2:(0,2.10^{-7})^2=6.10^{-7}:13,$$

а слѣдовательно,

$$r=0,961.10^{-13} \text{ или около } 10^{-13} \text{ сант.}$$

Объемъ же всѣхъ электроновъ составляетъ только очень небольшую часть объема всѣхъ водородныхъ молекулъ, а именно

$$\frac{2000.(10^{-13})^3}{(0,2.10^{-7})^3}=2,5.10^{-13}, \text{ т.-е. менѣе чѣмъ одну билліонную.}$$

Представимъ себѣ точку того шрифта, которымъ напечатана наша книга, и церковь въ 50 метр. вышины, 25 метр. длины и 12 метр. ширины; точка въ сравненіи съ такою церковью—то же, что электронъ въ сравненіи съ атомомъ, въ атомѣ водорода помѣщается около 2000 электроновъ, вообразимъ 2000 точекъ, разсѣянныхъ въ нашей церкви, и мы получимъ нѣкоторое представленіе объ относительныхъ размѣрахъ электрона и атома.

Въ солнечной системѣ діаметръ земли составляетъ $\frac{1}{20000}$ часть ея орбиты. Слѣдовательно, объемъ электрона примѣрно во столько же разъ меньше объема атома матеріи, во сколько разъ объемъ земного шара меньше объема сферы, радіусъ которой въ 10 разъ больше разстоянія земли до солнца.

§ 4. При сопоставленіи этихъ величинъ невольно бросается въ глаза аналогія между атомами и строеніемъ планетныхъ системъ. На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ и многихъ другихъ изслѣдованій различные ученые, напр. Лоджъ, Дж. Дж. Томсонъ и др., высказали гипотезу, по которой электроны представляютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго построены атомы; по этой теоріи атомъ вещества составленъ изъ электроновъ вполнѣ подобно тому, какъ звѣздныя системы или даже туманности составлены изъ громаднаго числа отдѣльныхъ тѣлъ. Субстанція электричества—вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго возникли вполнѣ стройныя прочныя системы, являющіяся для насъ въ видѣ атомовъ различныхъ химическихъ элементовъ.

«Электроны, занимающіе атомъ, обладаютъ энергіею и хотя не велики, но сильно толкаютъ его, они занимаютъ атомъ въ томъ же смыслѣ, какъ солдаты занимаютъ страну, никого въ нее не впуская; электроны производимыми ими силами ничего не впускаютъ въ атомъ и дѣлаютъ его непроницаемымъ, они сообщаютъ атому его остальныя свойства и заставляютъ его дѣйствовать химически».

Электроны вращаются одинъ около другого съ громадною скоростью, такъ что атомъ есть арена напряженной дѣятельности; внутри атома электроны ничуть не стѣснены, хотя ихъ и 2,000 въ атомѣ водорода, болѣе 40 тысячъ въ атомѣ натрія и сотни тысячъ въ атомѣ ртути; но—вслѣдствіе ничтожности своихъ размѣровъ—они всетаки очень далеки другъ отъ друга, подобно тому, какъ планеты нашей солнечной системы. Такимъ образомъ мы приходимъ къ атомистической астрономіи: атомъ уподобляется солнечной системѣ или туманности, или наконецъ Сатурнову кольцу. Хотя атомъ составленъ изъ большого числа частичекъ, очень быстро двигающихся, но эти частички такъ малы, что очень рѣдко сталкиваются; и въ солнечной системѣ или во вселенной могутъ происходить столкновенія, но очень рѣдко, ибо небесныя тѣла крайне малы сравнительно съ растояніями одного отъ другого.

§ 5. Но прежде чѣмъ излагать дальнѣйшее развитіе гипотезы строенія

атомовъ изъ электроновъ, укажемъ на то глубокое измѣненіе во взглядахъ на матерію, которое произошло благодаря электронной теоріи. На основаніи ея предложено объяснить матерію, какъ проявленіе однѣхъ электрическихъ силъ.

Еще въ 1881 г. Дж. Дж. Томсонъ показалъ, что заряженное тѣло, приведенное въ движеніе, обладаетъ какъ бы добавочной массой, зависящей отъ дѣйствія тѣхъ электромагнитныхъ силъ, которыя вызываются его движеніемъ.

Извѣстно, что каждый электрическій токъ возбуждаетъ вокругъ себя магнитное поле; поэтому, если заряженная сфера приведена въ движеніе, то ея путь окруженъ системой силовыхъ линій, образующихъ магнитное поле.

Это магнитное поле оказываетъ нѣкоторое сопротивленіе движенію заряженнаго тѣла, поэтому одна и та же сила сообщаетъ тѣлу, несущему на себѣ электрическій зарядъ, меньшее ускореніе, чѣмъ тѣлу, имѣющему такую же массу, что и первое, но лишенному заряда, иными словами, заряженное тѣло относится къ той же силѣ, какъ тѣло, обладающее большей массой *), т.-е. къ обыкновенной массѣ прибавлена еще нѣкоторая кажущая-

---

*) Чтобы лучше пояснить это кажущееся увеличеніе массы, проведемъ слѣдующій примѣръ:

Для того, чтобы сообщить одинаковое ускореніе одной и той же массѣ въ пустотѣ, и жидкости съ большимъ треніемъ нужно употребить различную силу, и такъ какъ масса опредѣляется изъ отношенія силы (K) къ ускоренію (g): $\frac{K}{g}$, то для нея получатся значенія все увеличивающіяся по мѣрѣ возрастанія тренія.

1) Пусть одна и та же сила K дѣйствуетъ на массу m и сообщаетъ ей ускореніе g, тогда имѣемъ

$$K = mg$$

2) на ту же массу, но въ средѣ, обладающей большимъ треніемъ и слѣдовательно сообщаетъ ей меньшее ускореніе j, и мы имѣемъ:

$K = mj + R$, гдѣ j меньше g, а R—сила, идущая на преодоленіе тренія.

Но можно представить себѣ, что это уменьшеніе ускоренія происходитъ оттого, что въ этомъ случаѣ къ постоянной массѣ m прибавляется еще другая, кажущаяся—m_k которая будетъ измѣняться по мѣрѣ увеличенія скорости, такъ какъ треніе увеличивается со скоростью. Такимъ образомъ имѣемъ:

$$K = (m + m_k).j$$

Аналогичное же представленіе можно имѣть и относительно катодныхъ лучей. Всякая частица отрицат. электричества, движущаяся со скоростью v, вызываетъ образованіе электромагнитнаго поля, на что требуется затрата нѣкотораго количества работы, поэтому вся энергія движущейся частицы состоитъ 1) изъ живой силы $L := \frac{1}{2} mv^2$ и 2) энергіи магнитнаго поля U. Послѣдняя пропорціональна квадрату скорости v^2, такъ что

$$E = L + U = \frac{1}{2} mv^2 + kv^2,$$ гдѣ K—константа пропорціональности.

Послѣднее уравненіе можно написать

$$E = \frac{1}{2} (m + m_k)\, v^2,$$ гдѣ m_k—кажущаяся масса.

ся—электромагнитная масса. Эта дополнительная масса пропорціональна квадрату заряда и обратно пропорціональна радіусу сферы, на которой этотъ зарядъ расположенъ, иными словами, эта дополнительная масса пропорціональна заряду и напряженію электричества (потенціалу).

Въ то время (1881 г.) не придали значенія этимъ положеніямъ, вслѣдствіе трудности открыть приращеніе массы, обусловливаемое зарядомъ; въ случаѣ сферы замѣтныхъ размѣровъ эта добавочная электрическая масса очень мала: если даже сфера имѣетъ размѣры атома и обладаетъ наибольшимъ зарядомъ, который можетъ быть сообщенъ атому, всетаки эта электромагнитная масса представила бы не болѣе одной стотысячной доли полной массы атома; такъ, если масса самаго атома=100,000, то послѣ наибольшаго заряда его масса становится 100,001, разница незначительная и ее нельзя обнаружить опытомъ. Если бы можно было имѣть малую часть атома при его зарядѣ, то дополнительная масса возросла до значительной величины.

Но когда ознакомились съ размѣрами электроновъ, то стало ясно, что для нихъ электромагнитная масса можетъ имѣть настолько преобладающее значеніе, сравнительно съ обыкновенной массой, что, согласно Дж. Дж. Томсону, слѣдуетъ принять, что вся масса электрона зависитъ отъ его заряда. Для того, чтобы лучше пояснить это, заимствуемъ слѣдующую выписку у С. Аррениуса» Теоріи химіи: (стр. 92).

«Когда электронъ, обладающій нѣкоторой скоростью, двигается въ пространствѣ, то это движеніе связано съ двумя различными видами энергіи, съ кинетической энергіей массы электроновъ и съ электромагнитной энергіей окружающаго магнитнаго поля. Предположимъ, что скорость движенія увеличивается, тогда обѣ формы энергіи пропорціонально растутъ до тѣхъ поръ, пока скорость остается значительно меньше скорости свѣта. Если же она приближается къ скорости свѣта, то магнитная энергія растетъ быстрѣе кинетической, она сдѣлалась бы очень большой, если бы она равнялась послѣдней, поэтому электронъ никогда не можетъ достигнуть скорости свѣта. Отсюда видно, что при большой скорости электрона уже не наблюдается пропорціональности между обоими видами энергіи, магнитная энергія представляетъ собою постоянно увеличивающуюся часть общей энергіи.

Если желательно увеличить скорость нѣкоторой массы, то необходимо добавить новую энергію. Чѣмъ больше добавлено энергіи, тѣмъ больше мы считаемъ массу движущагося тѣла. При движеніи электрона приходится прибавить энергіи не только для увеличенія кинетической энергіи движенія массы, но также и для увеличенія магнитной энергіи. Въ началѣ движенія обѣ эти величины пропорціональны другъ другу, поэтому мы можемъ замѣнить магнитную энергію эквивалентнымъ увеличеніемъ массы двигающагося электрона, и разсматривать общую энергію, какъ кинетическую. Такимъ же образомъ можно принять, что присутствуетъ только магнитная энергія, причемъ обыкновенная масса электрона равна нулю. Поэтому эта

масса могла бы быть только кажущейся, но не реальной. Если бы это было правильно, то слѣдовало бы ожидать, что кажущаяся масса электрона растетъ выше всякихъ предѣловъ, если ея скорость приближается къ скорости свѣта. Нѣкоторые интересные опыты Кауфмана дѣйствительно показываютъ такое приращеніе кажущейся массы электрона. Приведемъ его данныя для массы электроновъ въ β—лучахъ, исходящихъ изъ препаратовъ радія, отнесенныя къ нѣкоторымъ другимъ измѣреніямъ массы электроновъ.

скорость β—лучей . .	2,36	2,48	2,59	2,72	$2{,}83 \times 10^{10}$
масса электроновъ . .	1	1,12	1,34	1,70	2,08

Кажущаяся масса электрона при незначительной скорости принята за 1. Очевидно, что данныя Кауфмана показываютъ приращеніе, которое требуется, по вычисленіямъ Абрагама, по мѣрѣ приближенія скорости къ 3×10^{10} (скорости свѣта)».

§ 6. *Явленія радіоактивности.* Гипотеза о сложности атомовъ возникла для того, чтобы объяснить тѣ въ высшей степени интересныя и необычныя явленія, съ которыми наука познакомилась послѣ открытія радія и тому подобныхъ тѣлъ.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе радіоактивныхъ тѣлъ, но мы остановимся только на тѣхъ явленіяхъ, которыя необходимо указываютъ, что радій постоянно измѣняется, а, слѣдовательно, атомы его подвергаются распаду.

По опредѣленіямъ супруговъ Кюри—радій представляетъ собой элементъ, принадлежащій ко второй группѣ періодической системы Д. И. Менделѣева. Атомный вѣсъ его равенъ 225. Въ свободномъ состояніи онъ не выдѣленъ, извѣстенъ въ видѣ солей, бромистаго или хлористаго радія. Радіоактивность его превышаетъ во много разъ радіоактивность другихъ веществъ. 1 граммъ чистой соли радія въ 1.800,000 радіоактивнѣе 1 гр. урана.

Радій постоянно испускаетъ энергію, при чемъ послѣдняя проявляется въ видѣ тепловой и лучистой энергіи:

1. Кюри показали, что соли радія служатъ источникомъ произвольнаго и непрерывнаго выдѣленія тепла.

Количество тепла, выдѣляемое при постоянной температурѣ 1 гр. радія въ 1 часъ, по Рунге и Прехту равняется почти 104 калоріямъ, иными словами, оно можетъ нагрѣть 1,04 грамма воды до 100°. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ это число должно быть повышено до 115 калорій.

«Такое громадное количество выдѣляемой энергіи не можетъ быть объяснено никакой обыкновенной химической реакціей, тѣмъ болѣе, что радій остается неизмѣняющимся въ продолженіе цѣлыхъ годовъ. Можно было бы допустить, что выдѣленіе теплоты обязано очень медленному превращенію самаго атома радія. Если бы это было такъ, то можно придти къ заключенію, что количество энергіи, затраченной на образованіе и превращеніе атомовъ, весьма значительно и превосходитъ все, что до сихъ поръ извѣстно» (Кюри).

2. Радій постоянно посылаетъ изъ себя лучи трехъ родовъ: α, β и γ.

α-лучи состоятъ изъ потока частицъ (или корпускулъ), заряженныхъ положительнымъ электричествомъ; α-частицы представляютъ частицы матеріи, обладающія массой и размѣромъ того же порядка, что атомы водорода и другихъ элементовъ.

α-лучи обладаютъ скоростью въ 13,000—26,000 километровъ въ секунду, т.-е. менѣе, чѣмъ $\frac{1}{10}$ скорости свѣта.

Въ отличіе отъ β и γ-лучей, α-лучи поглощаются очень значительно различными тѣлами. Дѣйствіе α-лучей, исходящихъ отъ препарата радія, лежащаго на открытомъ воздухѣ, можно замѣтить не далѣе, какъ на разстояніи 5—7 сантиметровъ: слѣдовательно, они вполнѣ поглощаются такимъ слоемъ воздуха. Пластинка слюды, листокъ алюминія въ $\frac{1}{20}$ миллиметра толщиной вполнѣ поглощаютъ ихъ.

β-лучи обладаютъ большей проницающей способностью. Обладая большей скоростью (отъ 230—280,000 километровъ въ 1 сек.), они могутъ проходить черезъ тѣла, мало поглощаясь; нужно поставить свинцовый экранъ въ 3 миллиметра толщиной, чтобы вполнѣ задержать ихъ. По всѣмъ своимъ свойствамъ они подобны катоднымъ лучамъ и представляютъ собой потокъ частицъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ, или электроновъ. Такъ какъ электроны могутъ обладать различными скоростями, то β-лучи не являются вполнѣ однородными: различіе среди β-лучей очень велико: часть этихъ лучей, задерживаемая уже аллюминіевымъ листомъ въ $\frac{1}{100}$ миллиметра толщины, въ то время, какъ другая можетъ проходить сквозь свинецъ толщиною въ нѣсколько миллиметровъ.

Въ противоположность α-и β-лучамъ γ-лучи въ магнитномъ или электрическомъ полѣ не испытываютъ никакого отклоненія. Хотя они обладаютъ еще меньшей энергіей, чѣмъ β-лучи, но ихъ способность проходить черезъ различныя тѣла не поглощаясь очень велика: ихъ іонизующее дѣйствіе можно наблюдать послѣ того, какъ они пройдутъ черезъ слой воздуха въ нѣсколько метровъ толщиной или черезъ пластинку желѣза въ 20 сантиметровъ толщиной.

γ-лучи находятся въ такой же связи съ β-лучами, въ какой Рентгеновскіе лучи съ катодными, т.-е. γ-лучи тождественны съ Рентгеновскими, такъ какъ вызываются тѣми въ высшей степени короткими колебаніями эѳира, которыя происходятъ отъ удара электроновъ о какую-либо преграду.

Проницающая способность различныхъ тѣлъ характеризуется толщиною алюминіевыхъ пластинокъ, уменьшающею ихъ напряженность до половины:

α	0,0005	сант.
β	0,05	«
γ	8,00	«

Эти явленія истеченія изъ радія и другихъ радіоактивныхъ веществъ энергіи, причемъ не было извѣстно, изъ какого же источника заимствуется эта энергія, представлялись вполнѣ загадочными, и они долго оставались бы таковыми, если бы не открытія Рузерфорда, показавшаго, что радій сообщаетъ всѣмъ тѣламъ, находящимся въ его присутствіи, радіоактивныя свойства.

Радій одновременно съ лучами испускаетъ изъ себя нѣчто, что, осаждаясь на другихъ тѣлахъ, дѣлаетъ послѣднія радіоактивными. Это явленіе носитъ названіе «наведенной радіоактивности». Оно находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что изъ радія выдѣляется особое тѣло, которому дано названіе «эманація».

Эманація обладаетъ свойствами газовъ, она слѣдуетъ закону Бойля-Маріотта, она смѣшивается съ окружающимъ газомъ и можетъ быть перенесена вмѣстѣ съ нимъ съ одного мѣста на другое. Эманація легко проникаетъ сквозь очень маленькія отверстія и щели, черезъ которыя обычные газы проходятъ только весьма медленно. Эманація радія конденсируется при температурѣ приблизительно—150° Цел. Если пропустить токъ воздуха сперва надъ препаратомъ радія, а затѣмъ сквозь трубку, погруженную въ жидкій воздухъ, то вся эманація останется въ трубкѣ; если трубку вынуть изъ жидкаго воздуха, то эманація опять выдѣлится въ видѣ газа.

Наведенная (индуцированная) радіоактивность тѣлъ, которая наблюдается въ присутствіи радія, объясняется по Рузерфорду тѣмъ, что эманація отлагаетъ на встрѣчаемыхъ ею тѣлахъ незначительное количество невидимой субстанціи, которая растворяется только въ нѣкоторыхъ кислотахъ. Эманація не остается постоянной: она излучаетъ α-лучи и, слѣдовательно, испытываетъ нѣкоторое превращеніе. По мѣрѣ этого выдѣленія α-частицъ уменьшается активность эманаціи, причемъ оказывается, что количество превращающейся эманаціи пропорціонально въ каждый моментъ ея наличной массѣ. Напр. для эманаціи радія изъ 1,000 атомовъ черезъ 4 дня остается 500, черезъ 8 дней 250 и т. д.

Такому закону (называемому экспоненціальнымъ) слѣдуетъ уменьшеніе активности всѣхъ другихъ радіоактивныхъ тѣлъ, только скорость измѣненія будетъ различна, и эта скорость является величиной, характерной для даннаго тѣла. Такимъ образомъ на-ряду съ различными физическими и химическими константами, какъ-то удѣл. вѣсъ, температурой плавленія и т. п., нужно ввести новую величину: долговѣчность существованія элемента.

Для опредѣленія продолжительности жизни радіоактивныхъ веществъ, опредѣляютъ характерную величину или константу, которая показываетъ, какая часть даннаго количества (иными словами, какая часть атомовъ) вещества превращается въ 1 секунду. Для того, чтобы дать понятіе объ этихъ константахъ, обозначаемыхъ черезъ λ, приведемъ слѣдующую таблицу:

Для радія.	Эманаціи.	Радія А.	Радія В.
$\lambda = 1,5.10^{-11}$	2.10^{-6}	4.10^{-3}	$5,4.10^{-4}$
$\tau = 1300$ лѣтъ.	4 дня.	3 мин.	21 мин.

Какъ видно, значенія для λ очень малы для радія, для эманаціи же и радія А,В они значительно выше.

На основаніи этихъ чиселъ можно вычислить время, въ какое половина даннаго количества вещества претерпитъ превращеніе; въ предыдущей таблицѣ τ обозначаетъ это время.

Такимъ образомъ изъ 1 грамма радія черезъ 1300 лѣтъ останется $1/_2$ грамма, черезъ новые 1300 лѣтъ (или 2600 лѣтъ)—$1/_4$ грамма, отъ этого $1/_4$ грамма опять черезъ 1300 л. (а всего черезъ 3900 л.) остается $1/_8$ грамма неизмѣненнаго радія и т. д., слѣдовательно, чѣмъ меньше остается вещества, тѣмъ меньше его количество превращается, и теоретически говоря, время существованія радія безконечно велико.

Поэтому для характеристики продолжительности жизни радіоактивныхъ тѣлъ, зная λ, вычисляютъ такъ называемую *среднюю продолжительность жизни элемента*, т.-е. величину обратную $\lambda\left(\tau = \frac{1}{\lambda}\right)$. Для средней продолжительности радія получается около 2000 лѣтъ, для эманаціи около 6 дней, для радія А—4,5 минутъ, для радія В—30 минутъ.

Скорость измѣненія эманаціи и другихъ радіоактивныхъ тѣлъ остается одной и той же, какимъ бы химическимъ и физическимъ воздѣйствіямъ мы ни подвергали ихъ, она не зависитъ отъ количества эманаціи, отъ давленія и природы, подмѣшаннаго къ ней газа, отъ вещества сосуда, отъ измѣненія температуры въ предѣлахъ отъ $-180°$ Ц. до $+450°$ Ц.

Всѣми этими свойствами процессъ, которому подвергается эманація, существенно отличается отъ процесса химическаго. Какъ извѣстно, скорость химическихъ реакцій находится въ большой зависимости отъ температуры. Независимость скорости уменьшенія активности у радіоактивныхъ веществъ отъ температуры заставляетъ предполагать, что это измѣненіе происходитъ не вслѣдствіе какихъ-либо реакцій, которыя вызываются взаимодѣйствіемъ частицъ, или атомовъ, между собой, а вслѣдствіе тѣхъ глубокихъ процессовъ, которые происходятъ внутри самихъ атомовъ, иными словами, приходится допустить, что атомы элементовъ представляютъ собой сложныя неустойчивыя системы, приходящія въ распаденіе, причемъ они выбрасываютъ α-частицы. Получающійся остатокъ долженъ отличаться своими свойствами отъ материнскаго атома, такимъ образомъ, по Руcефорду, эманація переходитъ въ α-частицу и остатокъ, который носитъ названіе радія А; послѣдній въ свою очередь переходитъ въ радій В, который превращается въ радій С, и этотъ послѣдній образуетъ радій D, и затѣмъ далѣе радій E и F, причемъ время существованія всѣхъ этихъ тѣлъ очень различно. Нужно къ этому добавить, что по Рузефорду, самъ радій измѣняется, причемъ для превращенія половины радія требуется время приблизительно въ 1300 лѣтъ.

Такимъ образомъ картина превращенія радія можетъ быть представлена по Рузефорду слѣдующая:

Радій → Эманація радія → Радій A → Радій B → Радій C →
(1300 л.) (4 дня) (3 мин.) (21 мин.) (28 мин.).
→ Радій D → Радій E → Радій F → Конечный неактивный продуктъ
(40 л.) (6 дней) (143 дня).

Въ скобкахъ поставлено время, въ теченіе котораго измѣняется половина радіоактивнаго вещества.

Эти явленія превращенія радіоактивныхъ элементовъ нужно дополнить открытіемъ Рамсея и Содди, показавшихъ, что эманація радія при храненіи превращается въ гелій. Этотъ газъ, получившій свое названіе потому, что онъ сперва былъ открытъ Локьеромъ съ помощью спектральнаго анализа на солнцѣ, былъ затѣмъ въ 1895 г. найденъ Рамзеемъ на землѣ, въ минералахъ, содержащихъ радіоактивныя вещества. Гелій принадлежитъ къ группѣ такъ называемыхъ благородныхъ газовъ (аргону, неону, криптону и ксенону), т.-е. такихъ, которые характеризуются тѣмъ, что они не вступаютъ ни съ однимъ элементомъ въ соединеніе. Молекулярный вѣсъ гелія равенъ 4.

Превращеніе эманаціи въ гелій есть одно изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ превращенія элементовъ.

Къ этому нужно добавить, что, по наблюденіямъ Струтта, весьма много гелія находится въ тѣхъ минералахъ, которые, подобно монациту, содержатъ большія количества торія, но мало радія. Эта гипотеза заставляетъ предположить, что гелій—всеобщій продуктъ распада всѣхъ радіоактивныхъ элементовъ.

Не останавливаясь далѣе на иныхъ свойствахъ радіоактивныхъ веществъ, посмотримъ теперь, какъ объясняются эти свойства съ точки зрѣнія гипотезы строенія атомовъ изъ электроновъ.

Выше мы ознакомились съ общими основаніями этой гипотезы, теперь же перейдемъ къ изложенію теоріи, предложенной Дж. Дж. Томсономъ, представляющей интересъ потому, что она даетъ нѣкоторое объясненіе періодической зависимости свойствъ элементовъ отъ ихъ атомнаго вѣса, иными словами, періодической системы элементовъ Д. И. Менделѣева.

§ 7. *Теорія строенія атома изъ электроновъ*, предложенная Дж. Дж. Томсономъ. Дж. Дж. Томсонъ предполагаетъ, что электрически нейтральный атомъ состоитъ изъ очень большого числа электроновъ, пропорціональнаго вѣсу атома. Такъ какъ электроны несутъ на себѣ громадный запасъ отрицательнаго электричества, а атомъ электрически нейтраленъ, то должно принять, что въ атомѣ заключается такое же количество положительнаго электричества, что и во всѣхъ электронахъ, входящихъ въ его составъ. Положительное электричество распредѣлено равномѣрно внутри шара, образующаго атомъ, электроны же двигаются по кругамъ, имѣющимъ общій центръ съ атомомъ, и вслѣдствіе развивающейся центробѣжной силы отбрасываются въ наружный слой атома. Кромѣ того они

подвергаются какъ взаимному отталкивательному дѣйствію, такъ и притяженію со стороны положительнаго электричества атома.

Въ началѣ Дж. Дж. Томсонъ разсматриваетъ условія равновѣсія системы изъ n электроновъ, несущихъ каждый отрицательный зарядъ e и расположенныхъ по окружности радіуса a, внутри шара (радіуса b) равномѣрно заряженнаго положительнымъ электричествомъ, съ общимъ зарядомъ ne.

Въ такомъ случаѣ равновѣсіе между отталкивательными силами, дѣйствующими между электронами и ихъ притяженіемъ къ центру, устанавливается только при опредѣленномъ значеніи $\frac{a}{b}$, если n мѣняется отъ 2 до 6. При $n = 2$, $\frac{a}{b} = 0{,}5$, для $n = 6$, $\frac{a}{b} = 0{,}6726$.

Если кольцо электроновъ начнетъ вращаться, условія равновѣсія измѣняются: система дѣлается болѣе стойкой; такъ, напримѣръ, система изъ 5 корпускулъ, находящаяся въ покоѣ, является нестойкой, но она пріобрѣтаетъ стойкость, когда угловая скорость ея движенія достигнетъ извѣстной величины.

Если по одному и тому же кругу будетъ двигаться шесть электроновъ, то движеніе такой системы нестойко, и электроны распредѣлятся такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ направится къ центру круга, остальные же пять будутъ продолжать свое движеніе по кругу. Одного центральнаго электрона достаточно, чтобы удержать въ равновѣсіи наружное кольцо изъ 7 и 8 электроновъ, но для равновѣсія системъ болѣе сложныхъ нужно вводить внутрь шара все большее и большее число электроновъ. Если число электроновъ велико, то они должны распредѣлиться по нѣсколькимъ концентрическимъ кругамъ; такъ, напримѣръ, 60 электроновъ могутъ двигаться по пяти различнымъ кругамъ: 20 въ наружномъ кругу, 16 въ ближайшемъ къ нему, 13 въ третьемъ, 8 въ четвертомъ и 3 во внутреннемъ.

Слѣдующая таблица показываетъ число электроновъ по кольцамъ.

Число всѣхъ электроновъ	60	55	50	45	40	35	30	25	20
» электроновъ въ 1 кольцѣ (наружн.) .	20	19	18	17	16	16	15	13	12
» » во 2 »	16	16	15	14	13	12	10	9	7
» » въ 3 »	13	12	11	10	8	6	5	3	1
» » » 4 »	8	7	5	4	3	1			
» » » 5 »	3	1	1						
Число всѣхъ электроновъ	15	15	5						
» электроновъ въ 1 кольцѣ	10	8	5						
» » во 2 »	5	2							

Дополненіемъ къ ней служитъ слѣдующая таблица, въ которой показано распредѣленіе электроновъ по кольцамъ, для всѣхъ системъ, заключающихъ по 20 электроновъ въ наружномъ кольцѣ:

Число всѣхъ электроновъ		. . . .	59	60	61	62	63	64	65	66	67
» электроновъ въ	1 кольцѣ	. . . . .	20	20	20	20	20	20	20	20	20
» »	во 2 »	. . . . .	16	16	16	17	17	17	17	17	17
» »	въ 3 »	. . . . .	13	13	13	13	13	13	14	14	15
» »	» 4 »	. . . . .	8	8	9	9	10	10	10	10	10
» »	» 5 »	. . . . .	2	3	3	3	3	4	4	5	5

59—наименьшее число для электроновъ, которые могутъ удерживаться въ системѣ, если въ наружномъ кольцѣ находится 20 электроновъ. Если же въ системѣ находится болѣе 67 электроновъ, то наружное кольцо должно заключать въ себѣ болѣе 20 электроновъ.

Можно видѣть близкое соотношеніе между полученными результатами и свойствами атомовъ химическихъ элементовъ. Мы предполагаемъ, что масса атома равна суммѣ массъ всѣхъ корпускулъ (электроновъ), въ немъ заключающихся, такъ что атомный вѣсъ элемента измѣряется числомъ корпускулъ въ атомѣ.

Предшествующая таблица показываетъ, что различныя системы, состоящія изъ электроновъ, могутъ быть распредѣлены по семействамъ, причемъ отдѣльные члены одного и того же семейства обладаютъ нѣкоторыми общими свойствами.

Такъ, напримѣръ, группа изъ 60 электроновъ состоитъ изъ тѣхъ же колецъ, что и группа изъ 40 электроновъ съ дополнительнымъ кольцомъ въ 20 тѣлецъ, группа же изъ 40 электроновъ состоитъ изъ тѣхъ же колецъ, что и группа въ 24 тѣльца съ дополнительнымъ кольцомъ въ 16 электроновъ, а система изъ 24 тѣлецъ состоитъ изъ тѣхъ же колецъ, что группа изъ 11 тѣлецъ съ однимъ дополнительнымъ кольцомъ въ 13 электроновъ.

Такимъ образомъ можно ожидать, что атомы, представляющіе подобнаго рода системы электроновъ будутъ имѣть много сходнаго между собою.

Такимъ образомъ мы видимъ, что мы можемъ раздѣлить различныя группы атомовъ на ряды, такъ что каждый членъ ряда можетъ быть построенъ изъ предыдущаго члена (т.-е. ближайшаго низшаго по атомному вѣсу), черезъ прибавленіе другого кольца тѣлецъ.

Постепенное измѣненіе въ свойствахъ элементовъ, которые мы замѣчаемъ при переходѣ отъ одного члена горизонтальнаго ряда системы элементовъ Менделѣева *), можетъ быть объяснено свойствами, которыми обладаютъ группы электроновъ.

Такъ разсмотримъ системы, расположенныя въ предыдущей таблицѣ, и заключающія всѣ по 20 тѣлецъ въ наружномъ кольцѣ. Наименьшее число корпускулъ (электроновъ) въ такой системѣ равно 59. Въ этомъ случаѣ число корпускулъ во внутреннихъ кольцахъ только что достаточно, чтобы

*) См. нашу статью: Дм. Ив. Менделѣевъ. *Русская Мысль*, 1907 г., февраль, стр. 97—107.

сдѣлать наружное кольцо стойкимъ. Такое кольцо, слѣдовательно, находится на границѣ стойкости, и если корпускулы въ такомъ кольцѣ претерпятъ какое-либо перемѣщеніе, то силы, стремящіяся возстановить ихъ первоначальное расположеніе, очень незначительны. Поэтому, такое кольцо, будучи подвержено какому-либо внѣшнему возмущающему дѣйствію, легко можетъ отдѣлить отъ себя одинъ или нѣсколько электроновъ, слѣдовательно, такой атомъ, потерявъ одно отрицательно заряженное тѣльце, пріобрѣтетъ такимъ образомъ положительный зарядъ и будетъ представлять собой атомъ сильно электроположительнаго элемента.

Въ системѣ изъ 60 тѣлецъ наружное кольцо является болѣе стойкимъ, ибо внутри находится одно добавочное тѣльце. Такой атомъ не будетъ столь электроположительнымъ, какъ атомъ изъ 59 тѣлецъ. Прибавленіе каждаго послѣдующаго тѣльца затрудняетъ все болѣе и болѣе выдѣленіе электроотрицательнаго корпускула изъ наружнаго кольца, и такимъ образомъ получаются все менѣе и менѣе электроположительные атомы.

Когда стойкость внѣшняго кольца сдѣлается очень большой, то возможно, что одинъ или нѣсколько электроновъ помѣстятся на поверхности атома, не нарушая прочности кольца: въ такомъ случаѣ атомъ будетъ имѣть свойства атома электроотрицательнаго элемента.

Увеличеніе стойкости кольца, а слѣдовательно, и электроотрицательнаго характера атома можетъ возрастать только до тѣхъ поръ, пока число всѣхъ тѣлецъ не достигнетъ 67, когда стойкость наружнаго кольца достигнетъ maximum'а.

Рѣзкое измѣненіе въ свойствахъ атома наступитъ, когда число всѣхъ тѣлецъ будетъ 68 и наружное кольцо будетъ состоять изъ 21 тѣльца. Такое кольцо (при 68 тѣл.) будетъ обладать столь же незначительною стойкостью, что и кольцо изъ 20 тѣл. при 59, и также легко выдѣляя одно тѣльце, можетъ сдѣлать атомъ сильно электроположительнымъ.

Стойкость (прочность) наружнаго кольца увеличивается съ возрастаніемъ числа окружаемыхъ имъ электроновъ.

Если наружное кольцо не очень стойко, то оно можетъ уже подъ вліяніемъ сравнительно слабыхъ наружныхъ силъ выдѣлить одинъ изъ своихъ электроновъ, вслѣдствіе чего получится атомъ, заряженный одной единицей положительнаго электричества, т.-е. одноатомный, подобный, напримѣръ, атому водорода. Такимъ же образомъ можно представить образованіе двухатомнаго атома, напримѣръ, Ca, Mg, черезъ потерю двухъ электроновъ, трехатомнаго, напримѣръ, Al, черезъ выдѣленіе трехъ электроновъ и т. д.

Точно такъ же легко объяснить себѣ явленіе перемѣнной атомности: одинъ и тотъ же атомъ, напримѣръ, индій, можетъ быть 1-атомнымъ, или же 3-хатомнымъ. Но нужно замѣтить, что трудно объяснить, почему трехатомный индій болѣе проченъ, чѣмъ одноатомный или же почему въ большинствѣ случаевъ атомность мѣняется скачками, т.-е. атомность одного и того же атома мѣняется большей частью на четное число, а не на нечетное.

Если стойкость наружнаго кольца очень велика, причемъ въ немъ заключается сравнительно большое число электроновъ, то возможно, что одинъ или нѣсколько электроновъ расположатся на поверхности атома, не проникая внутрь кольца, въ этомъ случаѣ атомъ будетъ нести на себѣ отрицательный зарядъ и будетъ представлять собой электроотрицательный іонъ (аніонъ). Смотря по числу электроновъ, находящихся на его наружной поверхности, такой іонъ будетъ одноатомнымъ, или двухъ, или трехатомнымъ и т. д. Вѣсъ іоновъ не можетъ отличаться на сколько-нибудь замѣтную величину отъ вѣса соотвѣтствующаго атома (напримѣръ, іонъ водорода отъ атома водорода), ибо вѣсъ электрона составляетъ только одну двухтысячную долю вѣса атома водорода, такимъ образомъ даже атомъ водорода отъ потери одного электрона измѣнится только на 0,05%, атомы же всѣхъ остальныхъ элементовъ во много разъ тяжелѣе атома водорода, а слѣдовательно, такая потеря можетъ быть еще менѣе замѣтна. Масса электрона сравнительно съ массою атомовъ элементовъ настолько мала, что опредѣленія атомныхъ вѣсовъ не могутъ доставить никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, насколько вѣрно такое видоизмѣненіе гипотезы, ибо граница точности при самыхъ строгихъ опредѣленіяхъ атомныхъ вѣсовъ далеко отстаетъ отъ $\frac{1}{2000}$.

Томсонъ такъ объясняетъ періодичность свойствъ: Возьмемъ третій рядъ періодической системы элементовъ:

Элементы . . .	Ne	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl
Вѣсъ атома . .	19,9	23,05	24,1	27,0	28,5	31,0	32,06	35,45
Разность . . .	3,15	1,05	2,9	1,4	2,6	1,06	3,30	

Этотъ рядъ можно сравнить съ возможными комбинаціями расположенія электроновъ, при которыхъ въ наружномъ кольцѣ заключается 20 электроновъ, слѣдующія же кольца заключаютъ различное число, показанное въ вышеприведенной таблицѣ.

Какъ мы видѣли выше, система изъ 59 электроновъ особенно нестойка и легко можетъ потерять одинъ электронъ, причемъ переходитъ въ комбинацію 58 электроновъ, несущую одну единицу положительнаго электричества. Съ другой стороны, система изъ 58 электроновъ настолько стойка, что легко можетъ присоединить одинъ электронъ и удержать его на поверхности атома. Такимъ образомъ, какъ только комбинація изъ 59 электроновъ перейдетъ въ систему съ 58 электронами, эта послѣдняя вновь присоединитъ одинъ электронъ, и весь процессъ будетъ состоять какъ бы въ переносѣ одного изъ электрона на поверхность атома.

Такой атомъ не будетъ обладать ни положительнымъ, ни отрицательнымъ, онъ будетъ лишенъ атомности, а слѣдовательно, онъ будетъ принадлежать къ нулевой группѣ, подобно, наприм., неону, подобнымъ же образомъ Д. Д. Томсонъ показываетъ, что атомъ съ 68 электронами (съ внутреннимъ кольцомъ въ 21 тѣльцо), подобно аргону, принадлежитъ къ той же нулевой группѣ.

Если мы перейдемъ къ системѣ съ 60 электронами, то находимъ, что онъ можетъ потерять одинъ электронъ и, такимъ образомъ, перейти въ атомы съ 59 электронами. Такой атомъ, происходящій изъ атома съ 60 электронами, представляетъ одноатомный электроположительный іонъ, напримѣръ, натрій.

Атомъ съ 61 электронами можетъ легко выдѣлить 2 электрона, и тогда получается двухатомный металлъ, подобно магнію. Система съ 62 электронами переходитъ въ трехатомный атомъ (наприм., Al), съ 63 электронами—въ четырехатомный (кремній въ четыреххлористый кремній), съ 64 электронами—въ пятиатомный атомъ, подобный Ph (въ PCl_5) и т. д.

Съ другой стороны, системы изъ 66, 65, 64 и 63 электроновъ, присоединяя электроны (1, 2, 3 и т. д.) на своей поверхности, переходятъ въ электроотрицательно заряженные одно, двухъ, трехъ и четырехатомные атома хлора, сѣры, фосфора и кремнія въ ихъ соединеніяхъ съ электроположительнымъ водородомъ и его замѣстителями (металлами).

«Такое объясненіе системы Менделѣева,—говоритъ Арреніусъ,—очень интересно, и мы можемъ надѣяться, что послѣдующимъ изслѣдованіямъ удастся справиться съ тѣми многочисленными затрудненіями, которыя существуютъ въ настоящее время».

Теорія Д. Д. Томсона, такимъ образомъ, если не вполнѣ, то отчасти объясняетъ періодическій законъ, хотя въ ней много еще неяснаго и недоговореннаго, но она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ большого вниманія и дальнѣйшей разработки.

Дж. Дж. Томсонъ далѣе показываетъ, что описанныя имъ системы изъ электроновъ должны обладать громаднымъ запасомъ энергіи, которую они будутъ постоянно излучать.

Предварительно онъ разсматриваетъ вопросъ: отъ чего кинетическая энергія электроновъ, входящихъ въ составъ атома, можетъ уменьшаться или увеличиваться?

Частица, заряженная электричествомъ, излучаетъ энергію, когда скорость ея движенія измѣняетъ или свое направленіе, или величину. Поэтому корпускулы (электроны) въ атомахъ будутъ при подобномъ условіи посылать электрическія волны, излучать энергію и кинетическая энергія ихъ будетъ уменьшаться.

Уменьшеніе энергіи находится въ большой зависимости отъ числа корпускулъ и ихъ способа движенія. Если, напримѣръ, отдѣльная корпускула описываетъ кругъ, радіуса a, съ постоянной скоростью v, то потеря энергіи черезъ излученіе въ 1 секунду равна $\frac{2}{3}\frac{e^2v^4}{Va^2}$, если e зарядъ корпускулы, а V—скорость свѣта.

Если же на обоихъ концахъ одного и того же діаметра находится по корпускулѣ, и обѣ такія корпускулы описываютъ кругъ съ тою же скоростью, что и одна, то потеря энергіи обѣихъ корпускулъ въ секунду значительно меньше, чѣмъ для отдѣльной корпускулы, и чѣмъ меньше

скорость движенія, тѣмъ значительнѣе уменьшеніе потери энергіи, производимое вслѣдствіе увеличенія числа корпускулъ.

Вліяніе увеличенія числа корпускулъ на потерю энергіи можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которой приведена величина излученія энергіи для отдѣльной молекулы при различномъ числѣ корпускулъ, двигающихся по кругу, находясь на равномъ угловомъ разстояніи другъ отъ друга.

Въ таблицѣ разсмотрѣны два случая: въ одномъ скорость движенія равна $\frac{1}{10}$ скорости свѣта, во второмъ $\frac{1}{100}$. Въ обоихъ случаяхъ излученіе одной корпускулы принято за единицу.

Число корпускулъ.	$v=\frac{V}{10}$	$v=\frac{V}{100}$
1	1	1
2	$9,6.10^{-2}$	$9,6.10^{-4}$
3	$4,6.10^{-3}$	$4,6.10^{-7}$
4	$1,7.10^{-4}$	$1,7.10^{-10}$
5	$5,6.10^{-5}$	$5,6.10^{-13}$
6	$1,6.10^{-7}$	$1,6.10^{-17}$

При группѣ изъ 6 корпускулъ, движущихся съ одной десятой скорости свѣта, излученіе каждой корпускулы менѣе, чѣмъ 5 милліонныхъ частей излученія одной корпускулы, описывающей тотъ же кругъ съ тою же скоростью. Если скорость движенія равна одной сотой скорости движенія свѣта, то излученіе во много разъ ничтожнѣе. Если симметрическое расположеніе корпускулъ по кругу, центръ котораго остается постояннымъ, нарушается, то излученіе становится значительнѣе. Если въ атомѣ содержится большое число корпускулъ, то количество излучаемой энергіи мѣняется очень быстро, въ зависимости отъ рода и способа движенія корпускулъ внутри атома. Если, наприм., большое число электроновъ расположены близко другъ къ другу по кругу и двигаются съ одинаковой скоростью, то излученіе очень незначительно, оно совершенно исчезаетъ, когда электроны такъ тѣсно расположены, что образуютъ одно непрерывное кольцо, заряженное отрицательнымъ электричествомъ. Если же то же самое число электроновъ совершаютъ внутри атома нестройныя движенія, то излученіе, другими словами, корпускулярное охлажденіе совершается во много разъ значительнѣе, даже если въ послѣднемъ случаѣ кинетическая энергія электроновъ не болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе излученія энергіи электроновъ, двигающихся съ неравномѣрною скоростью, происходитъ постепенное пониженіе корпускулярной температуры.

Подъ корпускулярной температурой Томсонъ обозначаетъ кинетическую энергію движенія электроновъ внутри атома. Эта корпускулярная температура не находится ни въ какой зависимости отъ температуры тѣла, потому что, какъ мы видѣли ранѣе, продолжительность жизни радіоактив-

ныхъ тѣлъ не зависитъ отъ температуры. Атомы обладаютъ стойкостью до тѣхъ поръ, пока ихъ корпускулярная температура достаточно высока, т.-е. внутриатомное движеніе электроновъ достаточно велико; когда же вслѣдствіе излученія оно уменьшится, то стойкость атома понизится: атомъ разложится, сдѣлается способнымъ образовать новые аггрегаты электроновъ, когда корпускулярная температура понизится до извѣстной степени. Подобную же картину мы видимъ въ движеніи волчка, который вертится до тѣхъ поръ, пока скорость вращенія достаточно велика, и падаетъ, какъ только послѣдняя понизится до извѣстной степени.

Процессъ охлажденія или пониженія корпускулярной температуры можетъ происходить только въ высшей степени медленно. Этой медленностью охлажденія корпускулярной температуры и можно объяснить то, что нѣкоторые изъ элементовъ могутъ оставаться въ теченіе тысячъ и даже милліоновъ лѣтъ безъ измѣненія. Прямого доказательства измѣненія атомовъ мы привести не можемъ, но нѣкоторыя явленія радіоактивности показываютъ, что подобнаго рода вѣковыя измѣненія происходятъ. Не слѣдуетъ забывать также, что электроны одного атома могутъ получать и поглощать энергію, излучаемую электронами другихъ атомовъ, вслѣдствіе чего корпускулярная температура повысится, и, такимъ образомъ, тотъ періодъ времени, который нуженъ, чтобы корпускулярная температура понизилась до точки, при которой возможно образованіе новыхъ элементовъ, удлинится. То обстоятельство, что излученіе въ высшей степени зависитъ отъ рода и способа движенія электроновъ внутри атома, показываетъ, что различные атомы одного и того же элемента обладаютъ неодинаковой продолжительностью жизни. Одни изъ нихъ способны ранѣе, чѣмъ другіе, принять участіе въ новыхъ превращеніяхъ.

Въ высшей степени важно составить представленіе о количествѣ энергіи, съ которой приходится имѣть дѣло при образованіи сложнаго атома или при измѣненіи конфигураціи электроновъ внутри атома.

Д. Д. Томсонъ вычисляетъ, какой запасъ энергіи долженъ заключаться въ атомахъ-элементахъ, если они представляютъ вышеописанную систему корпускулъ, и приходитъ къ числамъ, которыя дѣлаютъ вполнѣ понятными излученіе энергіи, производимое радіоактивными веществами.

Не останавливаясь на подробностяхъ вычисленія, приведемъ результаты: Количество энергіи, заключающейся въ атомахъ, составляющихъ одинъ граммъ водорода, равно $1{,}02 \times 10^{19}$ эрговъ: *оно достаточно для того, чтобы милліонъ тоннъ поднять на высоту 90 метровъ!*

Количество энергіи, заключающейся въ атомахъ, составляющихъ одинъ граммъ какого-либо другого элемента, еще больше, такъ какъ оно возрастаетъ съ его атомнымъ вѣсомъ.

Послѣ этого намъ становится понятнымъ, откуда берется энергія, выдѣляемая радіоактивными тѣлами: выше (§ 6) мы видѣли, что 1 граммъ выдѣляетъ въ теченіе 1 часа болѣе 100 калорій; такое количество теплоты громадно, если мы его сравнимъ съ тѣмъ тепломъ, которое выдѣляется

при многихъ химическихъ реакціяхъ, но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ запасомъ энергіи, которое вычислено Дж. Дж. Томсономъ.

Теорія Дж. Дж. Томсона объясняетъ многія частности слѣдующей картины распада атома, нарисованной Рузерфордомъ и Содди:

«Радіоактивность вполнѣ опредѣляется, какъ самопроизвольное появленіе двухъ процессовъ: 1) выбрасыванія заряженныхъ частицъ съ громадною скоростью и 2) образованія новыхъ видовъ матеріи въ минимальномъ количествѣ, которые можно замѣтить только въ томъ случаѣ, если они также радіоактивны.

«Вмѣсто того чтобы смотрѣть на каждый атомъ, какъ на постоянный источникъ энергіи, выдѣляемой въ видѣ лучей, теорія распада приписываетъ это свойство опредѣленному количеству всѣхъ атомовъ, подвергающихся распаденію. Въ моментъ своего разрыва они выбрасываютъ въ пространство свои искорки въ формѣ радіантныхъ частичекъ. Радіоактивность, представляя, такимъ образомъ, во всякій моментъ свойство опредѣленной части активной матеріи, ведетъ себя во многихъ случаяхъ такъ, какъ будто бы она есть свойство, присущее каждому атому. Громадное большинство атомовъ активной матеріи совершенно не вліяетъ на активность и является какъ бы прибавкой къ малому числу распадающихся атомовъ, отъ которыхъ и зависитъ активность».

«Разрывъ отдѣльнаго атома представляетъ изъ себя внезапный, разрывной процессъ, но отличается отъ обыкновеннаго взрыва тѣмъ, что взрывъ атома не вліяетъ на число взрывовъ сосѣднихъ атомовъ. Во взрывчатомъ веществѣ, какъ, наприм., въ гремучей ртути или ацетиленѣ, возмущеніе, вызванное распадомъ одной молекулы, является причиной взрыва окружающихъ молекулъ, такъ что взрываетъ вся масса въ очень малое время. При распадѣ атомовъ причина самаго распада неизвѣстна. Распадъ происходитъ въ опредѣленномъ количествѣ, въ единицу времени распадается опредѣленная часть всего числа атомовъ безъ всякаго замедленія или ускоренія, вслѣдствіе посторонняго вліянія. Радіоактивность и вызываемые ею процессы лежатъ внѣ сферы дѣйствія извѣстныхъ молекулярныхъ силъ. Никакое измѣненіе въ химическихъ и физическихъ свойствахъ атома не вызываетъ ни прекращенія его существованія, ни отдѣленія его сущности. Внезапно и безъ всякой причины онъ разлетается въ куски отъ какой-то внутренней причины, о которой мы можемъ только догадываться *). Огромный запасъ энергіи, связанный съ внутренней структурой и дѣлающій атомъ устойчивой системой для всѣхъ относительно ничтожныхъ формъ энергіи, которая проявляется при обыкновенномъ химическомъ и физическомъ измѣненіи, обнаруживается въ то время, когда самъ атомъ разлетается въ куски. Внутреннюю энергію химическаго атома можно узнать во время его распада».

*) По теоріи Дж. Дж. Томсона, причина эта лежитъ въ пониженіи корпускулярной температуры.

Но, быть можетъ, возникнетъ вопросъ: почему не наблюдается никакой потери въ вѣсѣ при храненіи препаратовъ радія и другихъ радіоактивныхъ тѣлъ? Такая потеря должна происходить, если радій постоянно измѣняется и изъ него выдѣляются частицы новой матеріи.

Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ числахъ, полученныхъ Рузерфордомъ:

Энергія, получающаяся отъ 1 грамма радія въ 1 часъ, равна 100 калоріямъ $= 4{,}2 \times 10^9$ эрговъ. Это равняется кинетической энергіи $\left(\frac{1}{2}mv^2\right)$ выбрасываемыхъ α-частицъ, гдѣ m есть масса выброшенныхъ въ 1 часъ α-частицъ, а v — ихъ скорость. Такъ какъ, по измѣренію Рузефорда, скорость $v = 2{,}5 \times 10^9 \frac{\text{сант.}}{\text{сек.}}$, т.-е. $\frac{1}{12}$ скорости свѣта, то находимъ, что $\frac{1}{2}m(2{,}5 \times 10^9)^2 = 4{,}2.10^9$. Откуда m или масса α-частицъ, выбрасываемыхъ изъ 1 грамма радія въ 1 часъ, будетъ $1{,}34 \times 10^{-9}$ грамма или въ 1 секунду $3{,}73 \times 10^{-13}$ гр. Слѣдовательно, въ теченіе года 1 граммъ радія потеряетъ 0,01 миллиграмма или 1 миллиграммъ въ теченіе 100 лѣтъ (Содди).

Такъ какъ ни у одного изслѣдователя не было въ рукахъ 1 грамма соли радія, а каждому приходилось имѣть дѣло только съ нѣсколькими сантиграммами, то ясно, что потеря въ вѣсѣ такихъ количествъ совсѣмъ не можетъ быть опредѣлена.

Количество энергіи, заключаемой въ радіоактивныхъ веществахъ, громадно: 1 граммъ радія выдѣляетъ, какъ мы видѣли, не менѣе 100 калорій въ теченіе 1 часа, или 880,000 калорій въ годъ. Считая среднюю долговѣчность радія въ 2000 лѣтъ, получаемъ для количества энергіи, могущей быть выдѣленной однимъ граммомъ радія—1.760,000,000, т.-е. около 2 милліардовъ калорій. Если мы сравнимъ это число съ тепломъ, выдѣляемымъ при горѣніи водорода въ кислородѣ и образованіи одного грамма воды (3700 калорій), то увидимъ, что энергія, выдѣляемая при распаденіи 1 грамма радія, почти въ 500,000 разъ превышаетъ энергію, выдѣляющуюся при образованіи одного грамма тѣла, образующагося съ наибольшимъ выдѣленіемъ тепла.

Теорія Д. Д. Томсона, какъ мы видѣли, позволяетъ вычислить, какой громадный запасъ энергіи долженъ заключаться въ атомахъ, построенныхъ изъ электроновъ, и поэтому заслуживаетъ бо́льшаго вниманія...

На этомъ мы остановимся: наша цѣль была ознакомить съ рѣзкой перемѣной взглядовъ на строеніе матеріи, которое произошло въ началѣ XX вѣка.

Старая атомистическая теорія, которая, благодаря Долтону, получила всеобщее распространеніе въ химіи въ началѣ XIX вѣка, должна вскорѣ смѣниться новой теоріей, по которой сами атомы являются сложными тѣлами, идеи алхимиковъ объ единой общей матеріи возрождаются въ новой

формѣ, въ ученіи о строеніи матеріи изъ электроновъ,—ученіи, которое обѣщаетъ произвести переворотъ во всѣхъ нашихъ взглядахъ на физическія и химическія явленія.

Мы изложили теорію строенія Д. Д. Томсона, такъ какъ она является теоріей, наиболѣе широко охватывающей явленія, а съ другой стороны, изложенная на иностранныхъ языкахъ, наименѣе доступна русскимъ читателямъ, но не можемъ не указать на теорію строенія вещества, принадлежащую русскому изслѣдователю Н. А. Морозову. Эта теорія также объясняетъ періодическій законъ: хотя она была создана въ уединеніи Шлиссельбургской крѣпости, но авторомъ ея были приняты во вниманіе новѣйшія изслѣдованія надъ радіоактивными тѣлами.

Мы не излагаемъ ее, такъ какъ интересующіеся вопросомъ русскіе читатели могутъ ознакомиться съ книгой Н. А. Морозова «Періодическія теоріи строенія вещества».

Ив. Каблуковъ.

Закавказье и его нужды.

Матеріальное положеніе крестьянъ.—Народное здравіе.—Преступность.—Народное образованіе.—Способность населенія къ культурѣ.—Администрація.

До недавняго времени большинству русской публики Закавказье представлялось, какъ «счастливый, пышный край земли» съ плодородной почвой, громадными минеральными богатствами, цѣлебными источниками, кахетинскимъ виномъ, жирными барашками и проч.,—словомъ, краемъ, гдѣ жизнь должна бы течь, какъ по маслу. Даже закавказскіе разбойники не портили общей картины «счастливаго» края, ибо легенды рисовали ихъ, подобно знаменитому Кериму, какими-то своеобразными рыцарями.

Въ послѣдніе годы бакинскія событія, армяно-татарская рѣзня, гурійское движеніе, непрестанныя «экспропріаціи», карательныя экспедиціи и проскользнувшія въ концѣ прошлаго года извѣстія о голодѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья измѣнили взглядъ на этотъ край, и у публики явилось сомнѣніе, не идетъ ли больше къ нему прилагательное «погибельный», сложившееся въ эпоху покоренія Кавказа, чѣмъ эпитетъ «счастливый».

Природа Закавказья, дѣйствительно, обильна: земля еще не истощена, пастбища тучны, климатъ хорошій, въ нѣдрахъ земли скрываются неисчислимыя богатства; въ 1902 г. изъ нѣдръ земли извлечено 643,182 тыс. пуд. нефти, 213 тыс. пуд. мѣди, 2,941 тыс. пуд. ископаемаго угля, 3,426 тыс. пуд. соли, 25,334 тыс. пуд. марганц. руды и проч. Но всѣ эти дары природы не обезпечиваютъ благополучія населенія: они обогащаютъ отдѣльныхъ лицъ, но главной массѣ населенія—крестьянству (87,4% всего населенія края) даютъ мало; крестьяне Закавказья живутъ бѣдно, въ неудобныхъ жилищахъ и питаются скудно. Оказывается, что для благополучія населенія, кромѣ даровъ природы, необходимы знаніе, самодѣятельность и порядокъ. «На Бога надѣйся, а самъ не плошай!»

Уже цифры, касающіяся исчисленія населенія, не отвѣчаютъ нашимъ ожиданіямъ. Казалось бы, что этотъ благодатный край долженъ быть густо населенъ и населеніе его должно быстро увеличиваться. Однако изъ стати-

стическихъ данныхъ этого не видно: на пространствѣ 221,470 кв. верстъ *) живетъ 6,023 тыс. душъ; плотность населенія—27,6 на 1 кв. версту (въ Европейской Россіи—26), ежегодное увеличеніе населенія (считая и переселенія) 1,7%—1,8%; естественный приростъ—1% (во всей имперіи—1,5%); въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Закавказья, какъ Закатальскій округъ и Дагестанская область, естественный приростъ падаетъ до 0,46% и 0,37%.

Не соотвѣтствуетъ нашему представленію о богатствѣ земли и количество собираемаго здѣсь хлѣба, служащаго для закавказскаго крестьянина, также какъ и для россійскаго, главнымъ средствомъ пропитанія: въ Закавказьѣ всякаго рода хлѣбовъ ежегодно собирается (за вычетомъ на обсѣмененіе) 25,21 пуд. на душу, въ Россіи — 25,29. Правда, въ Закавказьѣ собирается по 2,3 пуд. на душу винограда, а въ Эриванской и Елизаветпольской губ., сверхъ того, воздѣлывается хлопокъ; правда и то, что положеніе скотоводства въ Закавказьѣ лучше, чѣмъ въ имперіи вообще: въ первомъ приходится на 100 душъ населенія 207 головъ скота, во второй—132. Но эти преимущества парализуются особенностями закавказской жизни, вслѣдствіе которыхъ о здѣшнихъ крестьянахъ нельзя сказать, что они благополучнѣе россійскаго.

Во-первыхъ, у крестьянскаго населенія очень многихъ мѣстностей Закавказья весь доходъ исчерпывается произведеніями земли и продуктами скотоводства, такъ какъ обрабатывающая промышленность, ремесла и кустарное производство здѣсь развиты гораздо менѣе, чѣмъ въ Россіи и, слѣдовательно, не даютъ закавказскому крестьянину того заработка, который служитъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству въ Россіи: въ имперіи обрабатывающая и горная промышленность и ремесла даютъ работу 96 человѣкамъ изъ 1,000 населенія, на Кавказѣ же—65. А потому большинство здѣшняго крестьянскаго населенія должно кормиться, одѣваться, устраивать свои жилища и платить налоги исключительно изъ доходовъ отъ земли и скотоводства. Если считать необходимымъ для прокормленія одной души 20 пуд. хлѣба (среднее годовое потребленіе хлѣба статистикой установлено въ 26½ пуд.; солдатской нормой прокормленія, если не ошибаюсь, считается 22 пуд.) и если принять во вниманіе, что часть кормового хлѣба идетъ для скота, то много ли останется изъ доходовъ земледѣльца для удовлетворенія другихъ, кромѣ хлѣба, потребностей крестьянина? И этотъ остатокъ значительно сокращается отъ платежа разныхъ налоговъ, падающихъ на крестьянина: поземельныхъ казенныхъ и земскихъ, 2% сбора, воинскаго налога, мірскихъ сборовъ, изъ каковыхъ налоговъ только поземельныхъ приходится по 1 р. 2 к. на душу.

Во-вторыхъ, достигнуть благополучія хотя бы и въ элементарной степени мѣшаетъ неустройство Закавказья и полное отсутствіе заботъ о крестьянинѣ.

---

*) Статистическія вычисленія сдѣланы на основаніи цифръ, приведенныхъ въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Закавказскому краю“, изд. 1902 г. и *Ежегодника России*, 1905 г.

Неустройство земельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, неопредѣленность правъ на землю, вслѣдствіе ея неразмежеванности, конечно, не могутъ не отразиться на матеріальномъ положеніи крестьянъ. Плохіе пути сообщенія затрудняютъ сбытъ продуктовъ; во многихъ мѣстностяхъ кладь перевозится только вьюками; есть мѣстности—и ихъ немало,—которыя могутъ сообщаться съ остальнымъ міромъ лишь въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ въ году. Вотъ, наприм., что пишетъ г. Семинъ (*Правда*, 1905 г., кн. III) о дорогахъ въ Сванетіи: «Самымъ, быть можетъ, больнымъ вопросомъ въ Сванетіи является бездорожье. Восемь мѣсяцевъ эта окраина недоступна для внѣшняго міра, да и лѣтомъ колесное сообщеніе здѣсь еще невозможно. Ѣздятъ верхомъ или на саняхъ, нерѣдко обрываясь съ узкихъ тропинокъ и погибая въ пропастяхъ. Это бездорожье въ корнѣ подрываетъ благосостояніе сванетъ, обрекая ихъ на вынужденное нищенское существованіе». Такое же бездорожье встрѣчается и въ Дагестанѣ, и въ Карсской области и чуть ли не по всему Закавказью.

Малочисленность и отдаленность рынковъ также вліяютъ на доходность земледѣлія.

Крайняя недостаточность дешеваго кредита часто заставляетъ земледѣльцевъ продавать свои продукты много дешевле рыночной цѣны или отдаетъ крестьянъ въ руки ростовщиковъ. Изъ значащихся въ *Ежегодникѣ России* въ 1903 г. 892 ссудо-сберегательныхъ кассъ съ оборотомъ въ 43 милл. руб. на долю Закавказья приходилось только 26 съ оборотомъ въ 323 тыс. руб. (въ томъ числѣ 24 кассы съ оборотомъ въ 277 тыс. руб. въ Кутаисской губ.). Вслѣдствіе недостаточности народнаго кредита, а также вслѣдствіе неосвѣдомленности крестьянъ о рыночныхъ цѣнахъ, въ Закавказьѣ наблюдаются случаи крайне дешевой продажи продуктовъ, наприм., пшеница, стóящая 1 р.—1 р. 10 к., продавалась за 60 к. (Карсская обл.), коконы, стоящіе 16 руб., продавались за 9 руб. (Кутаисская губ.). Здѣсь вообще широкій просторъ для эксплоатаціи крестьянъ.

По причинѣ отсутствія правительственной и земской помощи, здѣшній крестьянинъ не можетъ улучшить свое сельское хозяйство. «Не до жиру, быть бы живу». Какъ ни плохо приходится крестьянину въ Россіи, но нельзя отрицать, что тамъ кое-что сдѣлано для меліораціи его хозяйства. Тамъ земство и разнаго рода организаціи заботятся о распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній путемъ открытія сельско-хозяйственныхъ школъ, практическаго обученія крестьянскихъ дѣтей при сельско-хозяйственныхъ фермахъ, изданія брошюръ, публичныхъ чтеній, бесѣдъ, выставокъ. Для направленія и улучшенія крестьянскаго хозяйства земствомъ приглашаются агрономы, заводятся опытныя поля, склады земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и удобрительныхъ туковъ, случные пункты, питомники плодовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ. Наконецъ, земство занимается устройствомъ народнаго кредита.

Ничего или почти ничего подобнаго нѣтъ въ Закавказьѣ. Крестьянину никто не помогаетъ; самъ же онъ не имѣетъ ни знаній, ни средствъ для

улучшенія своего положенія и своего хозяйства. Жизнь усложняется, предметы первой необходимости дорожають, налоги увеличиваются, земля истощается, а закавказскіе земледѣльцы ведуть свое хозяйство по-старому, «прадѣдовскимъ обычаемъ», почти не удобряя земли, не заботясь о качествѣ сѣмянъ и пользуясь первобытными орудіями: землю ковыряють иногда заостреннымъ бревномъ, боронованія не практикують, молотять доской съ вбитыми въ нее камнями, вѣяніе производять прутьями и проч.

Естественно, что при такомъ положеніи крестьянъ у нихъ не можетъ быть запасовъ. А такъ какъ у нихъ по большей части нѣтъ другихъ заработковъ, кромѣ даваемыхъ земледѣліемъ, и до нихъ никому нѣтъ дѣла, то неурожай лишь одного года въ этомъ благодатномъ краѣ или какое-либо случайное бѣдствіе отражается на ихъ хозяйствѣ такъ же гибельно, какъ цѣлый рядъ неурожаевъ какой-нибудь мѣстности въ Россіи. Примѣры тому можно видѣть въ настоящее время. По словамъ *Тифлисскаго Листка*, въ декабрѣ во многихъ мѣстностяхъ Закавказья совершенно нельзя было достать ни зерна, ни муки; а гдѣ и есть пшеница, тамъ она продается по 1 р. 80 к.—2 р. 40 к. за пудъ, т.-е. гораздо дороже, чѣмъ въ самыхъ голодныхъ россійскихъ губ.; крестьяне продають свой рабочій скотъ; что они будуть дѣлать, проѣвъ свою скотину, никто не знаетъ; правительственная и общественная помощь—капля въ морѣ, сравнительно съ несчастіемъ.

Такое необезпеченное положеніе сельскаго хозяйства и безпомощность крестьянъ были въ числѣ причинъ, вызвавшихъ хлопоты о введеніи земства въ Закавказьѣ. Эти хлопоты начались еще давно—въ 1867 г.; сословныя и ученыя общества, разнаго рода сельско-хозяйственные съѣзды находили, что земство необходимо въ Закавказьѣ; въ 1905 г. кавказскій намѣстникъ высказался за введеніе земскихъ учрежденій; созванныя по его иниціативѣ совѣщанія представителей разноплеменнаго закавказскаго населенія отнеслись къ мысли о введеніи земскихъ учрежденій чрезвычайно сочувственно, привѣтствуя реформу, какъ начало новой жизни. Въ близости реформы никто не сомнѣвался; она не казалась той Улитой, которая все ѣдетъ, но никогда не пріѣзжаетъ; реформу ждали, такъ сказать, каждую минуту... но вдругъ, вмѣсто реформы послѣдовало, выражаясь Щедринской терминологіей, «оглушеніе». Реформы необходимы, но надо сначала оглушить страсти,—совѣтуетъ Щедринскій прожектеръ.

Изъ предыдущаго видно, что природа Закавказья могла бы дать населенію много, но само населеніе мало помогаетъ и природѣ, и себѣ. Это же замѣчаніе приходится сдѣлать и по вопросу о народномъ здоровьѣ. Процентъ смертности въ Закавказьѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи вообще: здѣсь умираютъ 18,8 на 1,000 жителей, тамъ 31,1; но этимъ сравнительно небольшимъ процентомъ Закавказье обязано природѣ, а отнюдь не медицинскимъ заботамъ о населеніи. Можно даже съ увѣренностью сказать, что если бы врачебная помощь въ краѣ была организована, какъ слѣду-

етъ, то процентъ смертности былъ бы еще меньше. Теперь же всякаго рода болѣзни безпрепятственно гуляютъ по Закавказью: малярія, тифъ и дифтеритъ—это здѣсь самыя обыкновенныя болѣзни; въ 1903 г. только зарегистрованныхъ малярійныхъ больныхъ приходилось 4,5 на 100 человѣкъ населенія. Но, кромѣ того, здѣсь свирѣпствуютъ тѣ ужасныя болѣзни, которыя отражаются на количествѣ и судьбѣ потомства: проказа, сифилисъ, идіотизмъ и проч. Можетъ быть, этимъ болѣзнямъ и обязано Закавказье малымъ приростомъ населенія. Офиціальныя цифры болѣзней, конечно, даютъ только слабое представленіе о дѣйствительномъ количествѣ заболѣваній, такъ какъ, вслѣдствіе недостатка больницъ и врачей, лишь незначительная часть больныхъ обращается за медицинскою помощью и только эта часть и можетъ быть зарегистрована. Но вотъ примѣры, иллюстрирующіе болѣзненность въ Закавказьѣ. Въ 1899 г. изъ 27,444 человѣкъ, призываемыхъ въ Закавказьѣ къ отбыванію воинской повинности, оказалось тяжко больныхъ: прокаженныхъ 6, идіотовъ 53, глухонѣмыхъ 19, страдающихъ золотушнымъ худосочіемъ 27 и проч. Врачи, посѣтившіе Сванетію, были поражены количествомъ и видами болѣзней; по ихъ словамъ, Сванетія, это—настоящія клиники съ прокаженными, сифилитиками, кретинами, зобатыми и проч. Большая часть больныхъ остается безъ помощи; заразные больные рѣдко изолируются; въ Закавказьѣ, при обиліи прокаженныхъ, нѣтъ даже лепрозорія.

Недостатокъ врачебной помощи, это—одно изъ наболѣвшихъ мѣстъ закавказской жизни. Медицинское управленіе гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ въ запискѣ отъ 15 мая 1901 г., представленной въ совѣтъ главноначальствующаго, указывало на крайнюю безпомощность во врачебномъ отношеніи сельскаго населенія и приводило примѣры этой безпомощности: въ Джаванширскомъ уѣздѣ 1 врачъ приходится на пространство въ 10,752 кв. версты съ 160 селеніями и съ 94 тыс. жителей, въ Ленкоранскомъ уѣздѣ—на пространство въ 4,820 кв. верстъ съ 298 селеніями и съ 109 тыс. жителей. Но и города въ этомъ отношеніи обставлены немного лучше селеній: есть города, наприм., Мцхетъ, гдѣ нѣтъ даже фельдшера; областной городъ Карсъ не имѣетъ больницы; даже въ самомъ Тифлисѣ, этой столицѣ Кавказа, больничное дѣло, по заключенію кавказскаго медицинскаго общества (1906 г.), организовано плохо. Изъ *Ежегодника Россіи* видно, насколько врачебное дѣло въ Закавказьѣ поставлено хуже, чѣмъ въ Россіи: въ имперіи приходится на 10,000 жителей 1,3 врачей и 9,4 кроватей, въ Закавказьѣ же—0,8 врачей и 5 кроватей.

Врачи, констатируя плохое состояніе медицинскаго дѣла въ Закавказьѣ, указывали и средство для его улучшенія. Это средство—опять-таки земство. Медицинское управленіе гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ въ упомянутой выше запискѣ приводило врачебную помощь въ земскихъ губерніяхъ въ примѣръ того, какъ можетъ быть поставлено это дѣло. Кавказское и кутаисское медицинскія общества находили, что безъ земскихъ учрежденій не можетъ быть правильной организаціи медицинской помощи сельскому населенію.

Не менѣе сильно, чѣмъ въ физическомъ здоровьѣ, нуждается Закавказье и въ нравственномъ оздоровленіи. Преступность здѣсь велика и, повидимому, не уменьшается (послѣдніе два года—слишкомъ экстраординарны и о нихъ здѣсь нѣтъ рѣчи). Однихъ только убійствъ (по даннымъ 1894—1898 гг.) совершается въ среднемъ 1,261 въ годъ, что составляетъ 2,3 убійства на 10,000 жителей; причемъ въ Елизаветпольской губерніи количество убійствъ доходитъ до 5 на 10,000 жителей. Ни изъ «Ежегодника Россіи», ни изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Закавказскому краю» нельзя вывести сравненія процентовъ преступности въ Россіи и Закавказьѣ, но нѣкоторое понятіе о преступности тамъ и здѣсь даетъ среднее ежедневное число арестантовъ, приводимое въ «Ежегодникѣ Россіи»: въ 1903 г. въ имперіи на 10 тыс. жителей приходилось арестованныхъ 6,5, въ Закавказьѣ—10,4.

Вопросъ о борьбѣ съ преступностью давно уже обращаетъ на себя вниманіе какъ населенія, такъ и правительства. Но, лишенное самодѣятельности, населеніе мало могло помочь въ этомъ вопросѣ. Лишь въ послѣднее время, когда преступность возросла до ужасающихъ размѣровъ и когда стало ясно, что правительство не въ силахъ бороться съ нею, населеніе стало само разыскивать преступниковъ, стало принимать мѣры предупрежденія преступленій (къ числу каковыхъ, напримѣръ, относится воспрещеніе пьянства армянами нѣкоторыхъ мѣстностей) и кое-гдѣ произвело общественный судъ надъ преступниками (напримѣръ, въ Горійскомъ и Озургетскомъ уѣздахъ). Населеніе ясно видѣло, что одна изъ причинъ преступности—невѣжество и считало распространеніе образованія самымъ важнымъ средствомъ борьбы съ преступностью, но это средство зависѣло не отъ населенія. Насколько же возможно, населеніе, именно въ цѣляхъ борьбы съ преступностью, содѣйствуетъ распространенію образованія; такъ, въ послѣднее время мусульмане съ этою цѣлью организовали нѣсколько обществъ.

Кромѣ умственной темноты и матеріальной необезпеченности—этихъ общихъ для всѣхъ странъ и народовъ причинъ распространенія преступленій, въ Закавказьѣ дѣйствуютъ и иныя причины, болѣе свойственныя Закавказью, чѣмъ другимъ мѣстностямъ. Едва ли не бо̀льшая часть убійствъ и пораненій, поджоги, а иногда и другія преступленія противъ собственности (преимущественно въ Эриванской и Елизаветпольской губ.) совершаются изъ мести; обычай кровавой мести еще не вывелся въ Закавказьѣ. Месть же обусловливается тѣмъ, что первоначальный обидчикъ или преступникъ часто остается безнаказаннымъ со стороны законныхъ властей. Эта же безнаказанность ведетъ иногда къ образованію профессіональныхъ преступниковъ: здѣсь не рѣдки разбойники, повинные въ цѣломъ десяткѣ душегубствъ. Какими же причинами объясняется, что въ Закавказьѣ отъ наказанія ускользаетъ бо̀льшее число преступниковъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ?—Одною изъ причинъ является недобросовѣстность чиновъ полиціи, иногда изъ личныхъ видовъ скрывающихъ преступниковъ. Газеты конста-

тировали немало такихъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто во время армяно-татарской распри. Всего же яснѣе по этому поводу высказался сенаторъ Кузьминскій, ревизовавшій Бакинскую губ. «Всякое преступленіе,—говоритъ сенаторъ,—служитъ для полиціи (бакинской) источникомъ дохода и не только не тяготитъ ея, а напротивъ, бывали примѣры, что въ спорныхъ относительно мѣста совершенія какого-либо убійства случаяхъ пристава смежныхъ участковъ спорили между собой и каждый изъ нихъ старался пріурочить совершонное убійство къ своему участку». Къ той же безнаказанности ведетъ незнакомство полиціи съ мѣстными нравами и отсутствіе къ ней довѣрія со стороны населенія: какое-либо селеніе желало бы избавиться отъ преступника, но, неувѣренное въ томъ, что онъ будетъ изъятъ изъ ихъ среды и боясь въ противномъ случаѣ его мести, скрываетъ его.—Затѣмъ суды, въ которыхъ не участвуетъ мѣстный элементъ ни въ видѣ судей, ни въ видѣ присяжныхъ, и которые не знакомы ни съ мѣстною жизнью, ни съ мѣстнымъ языкомъ, иногда не въ состояніи изобличить преступника и оправдываютъ его за недостаточностью уликъ.

Всѣ эти причины поселяютъ въ народѣ сомнѣніе въ правосудіи: крестьяне Озургетскаго уѣзда жаловались помощнику кавказскаго намѣстник Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирею на отсутствіе правосудія. Сомнѣніе въ пра восудіи, естественно, ведетъ къ увеличенію преступленій: съ одной сто роны, потерпѣвшій или его родственники, не надѣясь на возмездіе обидчику отъ властей, мстятъ ему сами; съ другой стороны, человѣкъ порочный, видя, что отъ наказаній нерѣдко удается увернуться, поощряется къ преступленіямъ.

Преступленія въ Закавказьѣ зачастую возникаютъ изъ-за споровъ на хозяйственной почвѣ. Въ брошюрѣ кн. Туманова («Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ») говорится слѣдующее: «Неразмежеванность имѣній и неопредѣленность вообще поземельныхъ правъ, а также отсутствіе правильнаго орошенія нерѣдко являются поводами къ кровавымъ драмамъ, которымъ завязкой обыкновенно служитъ самый ординарный и иногда совершенно пустой поземельный споръ, а развязкой драка, кончающаяся нерѣдко убійствами и пораненіями. Такимъ образомъ, лица, вся прикосновенность которыхъ къ суду должна бы была ограничиваться лишь подачей искового прошенія, попадаютъ нерѣдко на скамью подсудимыхъ въ качествѣ разбойниковъ и убійцъ».

Изъ сказаннаго можно сдѣлать выводъ, раздѣляемый сознательной частью населенія, о способахъ борьбы съ преступностью; это—поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня населенія путемъ широкаго распространенія образованія, улучшеніе матеріальнаго положенія народа, болѣе высокій нравственный уровень чиновъ полиціи, привлеченіе въ администрацію и суды мѣстнаго элемента, введеніе суда присяжныхъ, упорядоченіе поземельныхъ отношеній и т. п. Но ни одна изъ этихъ мѣръ не была предпринята правительствомъ. Оно борется съ преступностью исключительно репрессіями: преданіемъ обвиняемыхъ мѣстныхъ жителей военно-

окружному суду (говорится о времени, предшествовавшемъ введенію военно-полевыхъ судовъ), административной высылкой не только заподозрѣнныхъ, но и ихъ семей, круговою имущественною отвѣтственностью сельскихъ обществъ, экзекуціями; наконецъ, въ 1899 г., въ цѣляхъ борьбы съ наиболѣе тяжкими преступленіями, была введена кн. Голицынымъ полицейская стража («голицынская гвардія», какъ ее называютъ въ шутку). Этой послѣдней мѣрой былъ осуществленъ взглядъ Щедринскаго графа Твердоонто, что всѣ болѣзни нашего отечества могутъ быть излѣчены увеличеніемъ комплекта полиціи. Но ни эта мѣра, ни другія репрессивныя мѣры, усилившіяся въ послѣднее время («Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты»), не принесли желаемаго результата: преступность въ Закавказьѣ попрежнему удивляетъ міръ. А между тѣмъ, полицейская стража стóитъ населенію большихъ денегъ: изъ земскаго бюджета въ 4.692,304 р. (1904—1906 гг.) она поглощаетъ 2.389,067 р., что составляетъ 40 к. на душу, въ то время какъ земскихъ расходовъ на народное здравіе приходится 10 к. на душу, на народное образованіе—2,6 к. и на сельскохозяйственныя мѣропріятія—0,2 к.

По поводу такъ дорого стóящей полицейской стражи бывшій попечитель Кавказскаго учебнаго округа г. Яновскій замѣчаетъ: «Результаты борьбы съ разбоями, захватами имущества и грабежами получились бы совсѣмъ иные, когда бы большая часть расходовъ на земскую стражу употреблялась бы на школы».

Замѣчаніе г. Яновскаго о значеніи школъ въ борьбѣ съ преступностью находитъ себѣ подтвержденіе въ уголовной статистикѣ: изъ всего количества осужденныхъ 8 кавказскими окружными судами за 10 лѣтъ грамотныхъ было 28% и неграмотныхъ 72%.

При обсужденіи разныхъ дефектовъ закавказской жизни, вродѣ плохого матеріальнаго положенія и невысокаго нравственнаго уровня населенія, приходится убѣдиться, что корень зла заключается въ недостаточномъ распространеніи образованія. Грамотныхъ въ Закавказьѣ 10,5%. Этотъ процентъ вдвое меньше, чѣмъ въ цѣлой Россіи (21,1%), стоящей по образованію среди европейскихъ государствъ на предпослѣднемъ мѣстѣ. Въ особенности малъ % грамотныхъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ; такъ, въ Дагестанской области грамотныхъ 9,2%, въ Бакинской губ.—7,9% и въ Елизаветпольской губ.—4,8%. На быстрое развитіе грамотности нельзя разсчитывать, такъ какъ о насажденіи ея особенныхъ заботъ не замѣчается. Въ 1903 г. въ Закавказьѣ на 1,000 жителей приходилось учащихся въ начальныхъ и низшихъ училищахъ 21,6, въ то же время въ имперіи вообще приходилось 36,5 и въ Европейской Россіи—42,9.

Въ этой отсталости Закавказья по народному образованію многіе винятъ само населеніе: оно будто бы неспособно къ культурѣ, половина населенія, состоящая изъ мусульманъ, относится къ образованію враждеб-

но, а остальная половина холодно и равнодушно. Такъ какъ это мнѣніе довольно распространено, то приходится поставить вопросъ: что виною умственной темноты населенія,—его ли неспособность къ культурѣ, или, какъ принято выражаться, «обстоятельства, независящія» отъ населенія. Стóитъ только припомнить исторію грузинъ и армянъ, чтобы убѣдиться въ культурности половины закавказскаго населенія. Въ Грузіи еще въ IV в. стали заводиться школы; въ VII в. подъ вліяніемъ арабовъ распространялись свѣдѣнія по математикѣ и астрономіи; въ XII в., въ эпоху царицы Тамары, появились знаменитые поэты и историки и въ это время образованность въ Грузіи достигаетъ высокой степени; отъ XIII—XV вв. остались замѣчательные законодательные и историческіе памятники.—Въ Арменіи весь V в. отличался усиленною литературною дѣятельностью, которая, заглохнувъ въ VI в., возобновилась въ VII и продолжалась до XIV в.; въ этотъ періодъ писали многіе знаменитые философы, историки и поэты; XVIII в. отличался литературною дѣятельностью «мхитаристовъ», прославившихся трудами по исторіи и географіи, оригинальными и переводными поэтическими произведеніями.—Армяне нашего времени извѣстны своей любовью къ школѣ и просвѣщенію (д-ръ А. Соколовскій: «Человѣковѣдѣніе»), и не ихъ вина, что послѣ 1896 г. количество школъ и просвѣтительныхъ обществъ, открытыхъ ими, уменьшилось. Обѣ эти народности (грузины и армяне) не ограничиваются первоначальнымъ образованіемъ; они стремятся дать своимъ дѣтямъ среднее и даже высшее образованіе, но стѣснены недостаткомъ учебныхъ заведеній: въ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ число вакансій всегда меньше числа желающихъ учиться; высшимъ образованіямъ, къ которому ежегодно приготовляется около 700 молодыхъ людей, немногіе могутъ воспользоваться, за отсутствіемъ въ краѣ высшаго учебнаго заведенія. Потребность въ немъ сознана давно: еще въ 80 годахъ тифлисское городское общественное управленіе возбудило ходатайство объ открытіи въ Тифлисѣ университета, и только теперь этотъ вопросъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, половина населенія Закавказья доказала свою культурность. Остальная половина состоитъ главныхъ образомъ изъ магометанскихъ народовъ (46%); у нихъ дѣло народнаго образованія, какъ указывалось выше, находится въ зачаточномъ состояніи. Но можно ли всю вину такого состоянія возлагать на нихъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ помогутъ нижеприводимыя газетныя сообщенія.

Въ дагестанскомъ Обществѣ просвѣщенія туземцевъ-мусульманъ помощникъ мѣстнаго военнаго губернатора произнесъ рѣчь, въ которой интересно слѣдующее мѣсто: «Я хорошо знаю Дагестанъ и его населеніе, благодаря моей долгой службѣ въ немъ. Въ силу историческихъ и другихъ причинъ, образованіе въ немъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. *Населеніе въ этомъ не виновато. Оно стремится къ образованію чрезвычайно сильно.* Къ сожалѣнію, сами дагестанцы, по своей бѣдности, не могутъ удовлетворить своей потребности въ просвѣщеніи. Какъ относятся

туземцы къ образованію, видно изъ того, что даже тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ трущобахъ нагорнаго Дагестана, вдали отъ культурныхъ центровъ, съ гордостью заявляли, что имъ, наконецъ, удалось опредѣлить своихъ дѣтей въ темиръ-ханъ-шуринское реальное училище. Однако такихъ счастливцевъ очень и очень немного». Въ корреспонденціи, сообщившей эту рѣчь, любопытны слѣдующія свѣдѣнія о дагестанскомъ обществѣ просвѣщенія, уставъ котораго утвержденъ въ октябрѣ 1905 г.: мысль объ этомъ обществѣ возникла много лѣтъ тому назадъ, но не могла ранѣе осуществиться, потому что «*дѣло тормозилось именно тѣмъ вѣдомствомъ, которое, казалось бы, должно было оказать ему всякое содѣйствіе по общности преслѣдуемыхъ задачъ*».

Стремленіе къ образованію выказываютъ и мусульмане Карсской области: когда была открыта школа въ молоканскомъ селеніи Новониколаевкѣ (1904 г.), то курды сосѣдняго поселка просили позволенія посылать туда своихъ дѣтей; въ концѣ прошлаго года турки мѣст. Калызмана открыли на свой счетъ, безъ всякой помощи правительства, школу, разсчитанную на 60 учениковъ.

Мусульмане нѣкоторыхъ селеній Борчалинскаго уѣзда хлопотали въ прошломъ году объ открытіи сельско-хозяйственной школы.

Бакинскіе юноши-мусульмане «обиваютъ пороги городского самоуправленія и со слезами на глазахъ умоляютъ управу придти имъ на помощь при поступленіи въ учебныя заведенія». «Въ городское самоуправленіе являются даже лично мусульманки, матери дѣтей школьнаго возраста, съ настойчивыми просьбами объ опредѣленіи дѣтей въ школы».

Стремленіе мусульманъ къ образованію особенно ярко выразилось въ томъ, что они не отказываются обучать даже своихъ дочерей, для которыхъ въ прошломъ году открыта г-жей Асписовой школа въ Тифлисѣ.

...Итакъ, Закавказье, щедро надѣленное дарами природы, представляетъ все ту же, давно знакомую намъ, русскимъ, картину: бѣдность, болѣзни, обиліе преступленій, умственная темнота... Населеніемъ сознаются эти недуги, но оно безсильно бороться съ ними. Лишенное знаній и самодѣятельности, разрозненное и заподозрѣнное, оно до послѣдняго времени лишь робко заявляло о своемъ желаніи вступить на путь культуры. Но эти разрозненные и слабые голоса не достигали цѣли. У закавказскаго населенія для защиты его интересовъ не было даже и такихъ адвокатовъ, какими являются въ Россіи отъ времени до времени земство и пресса. Закавказская печать постоянно находилась подъ Дамокловымъ мечомъ. Положеніе печати въ Закавказьѣ достаточно характеризуется, наприм., закрытіемъ въ 1899 г. газеты *Новое Обозрѣніе* на восемь мѣсяцевъ за то, что она осмѣлилась говорить о необходимости введенія на Кавказѣ земства, суда присяжныхъ и открытія университета. Немудрено поэтому, что въ кавказскихъ газетъ слышится лишь «шопотъ, робкое дыханье». Вслѣд-

Земельный вопросъ на Дону.

I.

Въ казачьихъ областяхъ, гдѣ на-ряду съ казачьимъ, или войсковымъ населеніемъ проживаетъ не войсковое населеніе—крестьяне изъ другихъ губерній—то на арендованной, то на надѣленной по освобожденіи крестьянъ въ 1861 г. землѣ,—земельный вопросъ является еще болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Въ такомъ положеніи находятся области Войска Донского и Кубанская, въ которыхъ болѣе половины жителей не принадлежатъ къ казачьему сословію, а между тѣмъ занимаются земледѣліемъ. Землевладѣніе въ нихъ представляется настолько запутаннымъ и сложнымъ, что трудно себѣ представить, какъ въ дѣйствительности разрѣшится здѣсь земельный вопросъ. Оставляя пока въ сторонѣ Кубанскую область, о землевладѣніи въ которой свѣдѣній подъ руками у насъ не имѣется, остановимся исключительно на очеркѣ земельныхъ отношеній на Дону, причемъ дадимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Прежде всего приходится сказать два слова объ историческомъ происхожденіи здѣсь отдѣльныхъ видовъ земельной собственности. Занятая *manu militari* самихъ казаковъ и отбитая отъ кочевыхъ народовъ ю.-в. Россіи еще въ XVII столѣтіи, земля являлась для казаковъ естественной ихъ собственностью, каковой она впослѣдствіи и была признана русскимъ правительствомъ. Никакого раздѣленія общей земельной собственности между отдѣльными станицами, а тѣмъ болѣе между отдѣльными лицами не существовало: земля и рыболовныя воды находились въ общемъ всѣхъ членовъ единой казачьей общины пользованіи. Дифференцировка начинается съ тѣхъ поръ, какъ при императрицѣ Екатеринѣ II создано казачье дворянство, которому было предоставлено право пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ и селить ихъ на свободныхъ войсковыхъ земляхъ. Такъ создалось помѣщичье крѣпостное хозяйство среди вольныхъ донскихъ степей. Благодаря обилію земель эта своеобразная колонизація, подобіе которой рисовалось въ воображеніи дворянина Павлова въ связи съ надѣленіемъ дворянъ землею по Сибирской желѣзной дорогѣ, приняла до-

вольно большіе размѣры, и, главнымъ образомъ, такимъ путемъ сложилось землевладѣніе въ Донецкомъ и Таганрогскомъ округахъ области Войска Донского, населенныхъ почти сплошь крестьянами съ небольшимъ количествомъ казачьихъ дворянъ-помѣщиковъ,—потомковъ донскихъ атамановъ и другихъ вліятельныхъ войсковыхъ старшинъ.

Первый законъ объ общемъ устройствѣ на Дону земельныхъ отношеній изданъ въ 1835 г. Въ главнѣйшихъ своихъ основаніяхъ онъ и по сіе время является руководящимъ, такъ какъ вошелъ въ позднѣйшій, нынѣ дѣйствующій, законъ о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ Выс. утв. 21 апрѣля 1869 г. Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ: занимаемыя казачьими войсками земли назначаются: а) на отводъ станицамъ; б) на надѣлъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ войскового сословія и в) на разныя войсковыя надобности. Надѣлъ генераламъ и офицерамъ замѣняетъ выдачу имъ пенсій за службу. При надѣлѣ казачьихъ станицъ отводится имъ удобной земли по 30 дес. на каждую изъ состоящихъ и записанныхъ въ нихъ мужского пола душъ казачьяго сословія. Этотъ размѣръ признается нормальнымъ. Если впослѣдствіи, съ увеличеніемъ народонаселенія, отведенной станицамъ земли будетъ причитаться менѣе 20 дес. на душу, то войсковое начальство приводитъ ее въ нормальную пропорцію посредствомъ присоединенія смежныхъ запасныхъ войсковыхъ земель или чрезъ образованіе на этихъ послѣднихъ земляхъ новыхъ станичныхъ юртовъ. Земли, отведенныя станицамъ, состоятъ въ общинномъ владѣніи общества каждой станицы. Никакая часть земли не можетъ выходить изъ владѣнія станичнаго общества въ чью-либо личную собственность. Право распоряженія землею признано сенатомъ за войскомъ, а не за станицами. Право пользованія юртовой землей въ опредѣленномъ по разсчету душъ мужского пола размѣрѣ (пай) принадлежитъ жителямъ войскового сословія, по достиженіи 17-лѣтняго возраста пользоваться паемъ жители могутъ не только лично, но могутъ и передавать ихъ другимъ лицамъ войскового или невойскового сословія, на срокъ не болѣе 1 года.

Земля, отводимая въ надѣлъ генераламъ и офицерамъ, составляетъ ихъ полную собственность.

Лица невойскового сословія, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 апрѣля 1868 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, имѣютъ право пріобрѣтать въ собственность дома и строенія на городской или станичной землѣ на общемъ основаніи. Земля подъ строеніями, оставаясь собственностью войска или городского и станичнаго общества, находится въ постоянномъ пользованіи пріобрѣтателя со взносомъ ежегодно въ войсковыя, городскія или станичныя суммы установленной по-саженной платы. Этому обложенію съ квадр. саж. (не выше 5 к.) подлежитъ только усадебная земля. Земля же, которая употребляется подъ посѣвъ хлѣбовъ, оплачивается арендной платой съ десятины. Постоянно живущія въ станицахъ лица невойскового сословія пользуются безплатно общимъ выгономъ. Вся

кое же другое пользованіе земельными угодьями лицами невойскового сословія допустимо лишь съ разрѣшенія станичныхъ обществъ за установленную плату, въ доходъ станичнаго капитала *).

Земля, остающаяся за удовлетвореніемъ надобностей войска, станичныхъ обществъ и офицерскихъ чиновъ, составляетъ войсковой запасъ, который находится въ распоряженіи войсковой администраціи и фактически сдается въ аренду то подъ коневодство, то подъ распашку.

Послѣ этихъ общихъ свѣдѣній о правовыхъ нормахъ казачьяго землевладѣнія, посмотримъ, какъ фактически къ данному времени распредѣляются земли области Войска Донского между различными группами землевладѣльцевъ.

По исчисленіи областной чертежной общая площадь земель области Войска Донского опредѣляется въ 15.020,442 дес., изъ коихъ въ станичныхъ надѣлахъ числится 9.316,149 дес., въ надѣлахъ офицеровъ и чиновниковъ 3.310,347 дес. (изъ нихъ 2.051,145 дес. владѣльческихъ дачъ на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и 1.259,151 дес. собственно земельныхъ чиновничьихъ участковъ), 94,087 дес. крестьянскихъ надѣловъ, отмежеванныхъ отдѣльно отъ владѣльческихъ дачъ, 53,586 дес. во владѣніи городовъ, монастырей и т. д., 1.143,454 дес. въ войсковомъ владѣніи подъ различными учрежденіями и лѣсами, и 1.110,805 д. войсковыхъ запасныхъ земель. Вездѣ мы привели данныя объ общемъ количествѣ земли удобной и неудобной; первая составляетъ 84,1% общаго запаса.

Разсмотримъ ближе каждую категорію земель. Станицъ въ области Войска Донского, кромѣ калмыцкихъ, 115 съ населеніемъ мужского пола 605,230 д. Изъ 115 станицъ 5, самыя малоземельныя, имѣютъ отъ 8½ до 9 дес. удобной земли на м. д., 11 станицъ имѣютъ отъ 9 до 10 дес., 24 станицы отъ 10 до 12 дес. и 29 станицъ отъ 12 до 13½ дес., всего 69 станицъ. Остальныя 46 станицъ имѣютъ душевые надѣлы отъ 13½ до 25 дес. Въ среднемъ по всѣмъ округамъ всей земли приходится по 14,9 дес., одной удобной по 12,5 на м. д., т.-е. вдвое менѣе того нормальнаго земельнаго надѣла, который установленъ закономъ (30 десят.). За время съ 1874 по 1886 г. войсковое начальство образовало всего 6 новыхъ юртовъ для переселенія на нихъ казаковъ изъ малоземельныхъ станицъ. Между тѣмъ запасныя земли имѣлись, и вмѣсто прямого назначенія согласно требованія закона ихъ отдавали въ аренду ради умноженія войскового капитала. Такъ, въ 1905 г. состояло въ арендѣ 1.133,023 д. **), что приносило 2.289,245 руб. аренды. Средняя арендная плата равнялась 2 руб. 48 к. съ десятины. (Колебанія по округамъ отъ 1 руб. 47 к. до 7 р. 22 к.) Всѣхъ запасныхъ земель, съ присоединеніемъ тѣхъ, что от-

---

*) См. *Ф. В. Петровъ*: „Законы о поземельномъ устройствѣ казачьихъ станицъ". Вып. I. Общія постановленія. Спб., 1904 г.

**) Часть изъ земель, значащихся въ „войсковомъ владѣніи".

ведены для частнаго коннозаводства, считается 2.393,946 дес., что при полномъ раздѣленіи на число душъ мужского пола войскового сословія даетъ по 3,8 дес. прибавки. Лишь въ самое послѣднее время войсковое начальство исходатайствовало у военнаго совѣта *) разрѣшеніе къ осуществленію требованія закона о донадѣленіи малоземельныхъ станицъ, причемъ, допуская къ надѣленію лишь *свободную* войсковую землю, оно насчитываетъ годной для надѣленія земли лишь 907,243 дес. Этого запаса едва хватаетъ на донадѣленіе 69 малоземельныхъ станицъ до 12 дес. удобной земли, на каковомъ размѣрѣ, какъ максимумѣ, войсковое начальство и остановилось.

Къ дополнительному надѣленію станицъ приступлено осенью 1906 г.: двумъ наиболѣе малоземельнымъ станицамъ отведено 35 тыс. десятинъ изъ запаса. Какъ пойдетъ эта работа далѣе, пока сказать трудно. Затрудненія встрѣчаются въ томъ, что нѣтъ экономическаго изслѣдованія о положеніи различныхъ станицъ и о качествѣ имѣющихся у нихъ земель, такъ какъ таксаціи настоящей не было произведено. Кромѣ того дополнительное надѣленіе земли по сосѣдству является во многихъ случаяхъ невозможнымъ по отсутствію въ этихъ мѣстахъ запасныхъ земельныхъ участковъ. Здѣсь неминуемо столкновеніе съ частновладѣльческими, офицерскими и иными участками.

Какъ уже было сказано, на Дону имѣется два рода помѣщичьяго землевладѣнія: земля собственно помѣщичья, нарѣзанная по числу душъ крѣпостныхъ крестьянъ 8-й ревизіи. Такой земли числятся 2.051,195 дес. Она переходила отъ бывшихъ помѣщиковъ къ другимъ, къ третьимъ и т. д. владѣльцамъ; свѣдѣній о составѣ теперешнихъ землевладѣльцевъ не имѣется. Фактически обрабатываютъ ее, отчасти содержа въ арендѣ, отчасти нанимаясь на работы, крестьяне, живущіе по сосѣдству на томъ незначительномъ количествѣ земли, которое имъ выдѣлено (94,087 дес.) и къ которому, быть можетъ, они прибавили нѣкоторое количество земли путемъ покупки черезъ крестьянскій банкъ. Къ сожалѣнію, и этихъ свѣдѣній не имѣется. Во всякомъ случаѣ крестьяне Донской области, которыхъ насчитывается болѣе 800,000 душъ обоего пола, землею совершенно не обезпечены и всѣ надежды ихъ направлены на возможность перевода къ нимъ, при содѣйствіи казны, частновладѣльческой земли, ими фактически обрабатываемой. Тамъ, гдѣ крестьяне поселились обособленно отъ казаковъ,— какъ въ большей части Донецкаго и Таганрогскаго округовъ—конфликта крестьянъ съ казаками въ земельномъ вопросѣ предвидѣть нельзя, и судя уже по тому направленію, которое принялъ мѣстный отдѣлъ крестьянскаго союза, крестьяне на казачьи земли видовъ не имѣютъ, считая ихъ надѣльными и неприкосновенными; но помѣщичьи земли они признаютъ не-

*) Такъ какъ казачьи войска состоятъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, то всѣ серьезныя дѣла, не исключая гражданскихъ, идутъ черезъ главное управленіе казачьихъ войскъ въ военный совѣтъ и на Высочайшее утвержденіе.

обходимымъ выкупить въ казну и надѣлить ими нуждающихся въ землѣ крестьянъ.

Тамъ же, гдѣ крестьяне осѣли на земляхъ, лежащихъ между малоземельными станицами (такіе случаи есть, напримѣръ, въ Хоперскомъ округѣ), гдѣ казаки сами разсчитываютъ получить въ дополнительный надѣлъ земли, столкновеніе интересовъ крестьянъ и казаковъ въ земельномъ вопросѣ, повидимому, неизбѣжно; признаки его можно уже и теперь констатировать, и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при детальной разработкѣ земельнаго вопроса на Дону.

Приблизительно въ такомъ же направленіи находятся и офицерскіе, и чиновничьи участки, надѣленные въ относительно недавнее время *), но уже поступившіе въ значительной своей части въ торговый оборотъ: часть ихъ перепродана богатымъ мужичкамъ, большая же часть сдается въ аренду, причемъ и на этой землѣ понастроены хутора, на которыхъ проживаютъ безземельные крестьяне, конечно, также разсчитывающіе на собственное земледѣльческое хозяйство при проведеніи аграрной реформы.

Земли, находящіяся въ «войсковомъ владѣніи», т.-е. въ распоряженіи донского войскового начальства, всего въ количествѣ 1.143,454 дес., а одной удобной 856,954 дес., —состоятъ изъ слѣдующихъ наиболѣе важныхъ категорій: подъ лѣсными участками 82,118 десят., для цѣлей коневодства—22,882 для Провальскаго конскаго завода, 784,687 десят. для частнаго коннозаводства и 167,119 десят. для коневодства въ верхнемъ запасѣ Сальскаго округа, до 20,000 дес. подъ лагерями различныхъ воинскихъ частей, 51,848 дес. при Манычскихъ соляныхъ озерахъ. Въ частномъ владѣніи различныхъ учрежденій состоитъ 53,586 дес., изъ коихъ главная часть 46,733 дес. подъ городскими выгонами, 5,651 дес. за монастырями и 1,000 слишкомъ дес. подъ садами и дачами.

Наконецъ, свободныхъ земель, «со включеніемъ нарѣзанныхъ дорогъ и половины большого лимана р. Манычи»,—числится всего 1.110,805 дес., въ томъ числѣ 869,248 дес. удобной. Эта земля, какъ уже было объяснено, предназначена и постепенно отводится въ дополнительное надѣленіе казачьихъ станицъ.

Вся запасная земля и часть состоящей во владѣніи войсковомъ сдается въ аренду. По свѣдѣніямъ къ 1 янв. 1906 г. въ арендѣ такихъ земель состояло 1.123,023 дес., которыя приносили войсковой казнѣ 2.289,245 р. арендной платы, т.-е. въ среднемъ 2 руб. 48 к. съ десятины. Арендная плата по округамъ колебалась отъ 1 р. 47 к. во 2 Донскомъ округѣ до 7 р. 22 к. въ Ростовскомъ. На этой землѣ мѣстами осѣдло живутъ цѣлыми деревнями крестьяне и по отношенію къ нимъ на этихъ земляхъ могутъ повторяться тѣ же недоразумѣнія, на опасность которыхъ указано выше по отношенію крестьянъ, арендующихъ владѣльческія земли.

---

*) Положеніе объ обезпеченіи генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ землею взамѣнъ пенсій, Высочайше утвержденное 11 августа 1893 г.

II.

Какое же положеніе можетъ занять область Войска Донского при осуществленіи аграрной реформы въ странѣ. Въ этомъ отношеніи можно отмѣтить три теченія.

По мнѣнію *однихъ*, казачьи земли слѣдуетъ отобрать у донскихъ казаковъ, какъ и во всѣхъ другихъ казачьихъ войскахъ, и изъ этихъ земель создать земельный фондъ для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній. Цѣлый проектъ въ этомъ смыслѣ былъ опубликованъ нѣкіимъ г. Волгинымъ въ *Сельскомъ Хозяинѣ* за 1906 годъ. Приблизительно та же точка зрѣнія проглядывала въ замѣткахъ и статьяхъ *Сына Отечества*, *Мысли*, а также въ рѣчахъ нѣкоторыхъ членовъ 1-й Государственной Думы изъ трудовой группы, хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ говорится огульно о «казачьихъ» земляхъ безъ ближайшаго опредѣленія, о какихъ именно категоріяхъ казачьихъ земель ведутъ они свою рѣчь. Два противоположныхъ взгляда на общее положеніе дѣлъ въ странѣ руководили авторами такого радикальнаго предложенія, если понимать проектъ какъ ликвидацію всякой казачьей земельной собственности: одними,—защитниками крупнаго частнаго землевладѣнія во что бы то ни стало,—руководило желаніе перенести ударъ «принудительнаго отчужденія», которое выдвинуто 1-й Государственной Думой, съ помѣщичьихъ земель на казачьи. Это киваніе на казачьи земли, какъ наиболѣе надежный земельный фондъ для надѣленія крестьянъ—отмѣчается вообще у крайнихъ правыхъ. Крайними лѣвыми, наоборотъ, руководитъ то принципіальное соображеніе, что вездѣ, гдѣ есть относительно высокое надѣленіе землей, въ цѣляхъ общаго уравненія, необходимо землю пустить въ передѣлъ: такое воззрѣніе поддерживается соціалистами-революціонерами, а также нѣкоторыми изъ бывшей трудовой группы изъ подписавшихъ записку 35. Даже среди трудовиковъ, подписавшихъ болѣе умѣренную записку 105, внесенную трудовой группой на обсужденіе Думы, были лица, поддерживавшія ту же точку зрѣнія, несмотря на то, что сама записка совершенно опредѣленно выдѣляла «надѣльныя земли» независимо отъ ихъ размѣра, какъ долженствующія остаться неприкосновенными *).

---

*) Для лицъ, которымъ неизвѣстно содержаніе аграрныхъ законопроектовъ, внесенныхъ въ 1-ю Государственную Думу, пояснимъ, что внесено было 3 записки: записка 42 членовъ партіи народной свободы, записка 105 членовъ трудовой группы и по окончаніи всѣхъ преній еще записка 35 тоже изъ трудовой группы. Первая стоитъ за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель за плату и сохраненіе на‑ѣльнаго и мелкаго частновладѣльческаго землевладѣнія; вторая держится тѣхъ же вз ядовъ, но вопросъ о выкупѣ или экспропріаціи помѣщичьихъ земель предполага тъ перенести на мѣста; часть членовъ, какъ сказано, кромѣ того держалась такю о пониманія одного изъ основныхъ положеній, что надѣльныя земли, если онѣ пр вышаютъ трудовую норму, должны подлежать также отчужденію; третья проводитъ пр нципъ общаго уравненія земли и общаго права каждаго на пользованіе землей, об ащаемой въ общенародную (не общегосударственную) собственность. Послѣдній пр ектъ былъ только прочитанъ и даже не передавался въ аграрную думскую коми ‑ію.

2. По мнѣнію *другихъ,* казачьи земли должны быть неприкосновенны во всѣхъ казачьихъ войскахъ, и аграрная реформа должна быть, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, лишь внутренняя, такъ сказать. Вся земля принадлежала нѣкогда всѣмъ казакамъ, какъ членамъ одной общины; это право казаковъ на землю неоспоримо, неоднократно и ранѣе и въ послѣднее время закрѣплено императорской властью. Казачьи земли неправильно были нарѣзаны дворянамъ, генераламъ и чиновникамъ и, какъ неправильно выдѣленныя изъ общаго владѣнія, должны быть отобраны отъ теперешнихъ владѣльцевъ, и всѣ образовавшіяся крестьянскія селенія на чужой землѣ должны быть снесены, или же за землю долженъ быть внесенъ въ общевойсковую казну выкупъ на общемъ основаніи, которое будетъ установлено правилами принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Такой тоже радикальной, но въ другомъ направленіи, точки зрѣнія держатся завзятые «казакоманы», изъ донцевъ, мечтающіе о возстановленіи былой вольной жизни обособленной казацкой громады. Въ сѣромъ казачествѣ это направленіе, какъ оно ни далеко отъ реальныхъ отношеній, имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ.

Если можно было бы еще серьезно говорить о принудительномъ выкупѣ отдѣльныхъ дворянскихъ и чиновничьихъ имѣній, вырванныхъ изъ лучшихъ бывшихъ запасныхъ войсковыхъ земель по сосѣдству съ нуждающимися въ землѣ станицами, если притомъ на землѣ этой нѣтъ осѣдлаго населенія въ образовавшихся деревняхъ и поселкахъ,—то уже совершенная утопія мечтать о возможности полнаго изгнанія сотенъ крестьянскихъ селеній, обосновавшихся на частновладѣльческихъ и на запасныхъ земляхъ донскихъ степей, утопія вернуть обратно, допустимъ, и неправильно когда-то отведенныя, земли, но уже перешедшія въ большинствѣ случаевъ въ третьи и четвертыя руки. Въ смыслѣ утопичности эти стремленія имѣютъ полное сходство съ мечтами объ общемъ земельномъ уравненіи соціалистовъ-революціонеровъ. Нисколько не оспаривая правильности соціалистическаго идеала въ земельномъ вопросѣ и не отказываясь выступать на защиту соціализаціи земли въ мѣстностяхъ, гдѣ и въ данное время для того существуютъ всѣ необходимые элементы и гдѣ фактически въ цѣлой значительной области нѣтъ частной земельной собственности, какъ, наприм., въ уральской казачьей общинѣ, мы, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній, не можемъ себѣ представить, какъ возможно осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ на Дону пожеланій «казакомановъ». «Что съ возу упало, то пропало!» Расхищенныя донскимъ дворянствомъ и чиновничествомъ земли проданы и перепроданы, заселены крестьянами, и нѣтъ никакихъ силъ массу крестьянъ выселить оттуда и сколько-нибудь легально оформить выкупъ.

3. По мнѣнію *третьихъ,* нельзя огульно рѣшать вопросъ о всѣхъ казачьихъ земляхъ на территоріи Области Войска Донского, и по отношенію къ различнымъ ея категоріямъ, установленнымъ нами выше, рѣшеніе должно быть совершенно различное. Прежде всего крупные частно-

владѣльческіе участки должны подлежать принудительному отчужденію, если таковое будетъ установлено, на общемъ основаніи. Выкупленная земля должна пойти на надѣленіе прежде всего мѣстнаго крестьянскаго населенія, фактически обрабатывающаго эту землю (путемъ ли аренды, или въ качествѣ батраковъ). Выше сказанное относится какъ до тѣхъ частновладѣльческихъ земель, которыя образованы еще при крѣпостномъ правѣ, главнымъ образомъ въ Донецкомъ и Таганрогскомъ округахъ, такъ и до войсковыхъ земель, находящихся издавна въ арендѣ у крестьянъ. Что касается до офицерскихъ участковъ, здѣсь лишь ближайшее изслѣдованіе, казалось бы, должно было рѣшить, для кого они должны были бы быть выкуплены и на какихъ основаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ случай, что офицерскій участокъ клиномъ входитъ или прилегаетъ къ земельному юрту (надѣлу) станицы, которая имѣетъ получить дополнительный надѣлъ. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній передавать *эту* землю крестьянамъ, а казаковъ выселять на свободныя запасныя земли. Очевидно, здѣсь необходимо произвести обмѣнъ участковъ и др. способы болѣе правильнаго рѣшенія вопроса. Еще болѣе затрудненій можетъ встрѣтиться въ тѣхъ уже упомянутыхъ нами въ началѣ статьи случаяхъ, когда на одну и ту же землю будутъ претендовать и казаки (малоземельныхъ станицъ) и крестьяне, живущіе бокъ-о-бокъ. Очевидно, что такіе вопросы могутъ разрѣшаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Изъ другихъ видовъ частнаго, съ общегосударственной точки зрѣнія, владѣнія можно было бы упомянуть о войсковомъ владѣніи лѣсами, каменноугольными копями, соляными озерами, землями подъ общественными учрежденіями и т. п. Но въ сущности это уже имущество общевойсковое, это родъ областного земельнаго фонда, обезпечивающаго возможность на свой счетъ, а не на счетъ казны, содержать и всю мѣстную администрацію, и всѣ общественныя учрежденія. За донскимъ войскомъ, какъ «особымъ государственнымъ установленіемъ», имѣющимъ свои особые капиталы и свои земельныя и иныя имущества, признано право на независимое въ этомъ отношеніи положеніе, и, конечно, все населеніе казачье, какъ одинъ человѣкъ встанетъ на защиту этой внутренней независимости. По этимъ соображеніямъ, если не измѣнять кореннымъ образомъ отношеніе донского войска къ государству вообще, представляется болѣе цѣлесообразнымъ земли войскового владѣнія оставить на прежнемъ основаніи. Но среди этихъ земель мы имѣемъ земли временно отведенныя подъ частное коннозаводство, притомъ на крайне льготныхъ условіяхъ. Часть этихъ земель могла бы быть выкуплена у войска для отвода переселенческихъ участковъ по вновь проведенной царицынско-тихорѣцкой вѣтви владикавказской ж. д. Мы говоримъ выкуплена, такъ какъ эта войсковая земля составляетъ собственность войска на правахъ частной собственности вообще. Часть тѣхъ же земель должна остаться въ качествѣ областного земельнаго фонда для надѣленія прироста населенія.

Земля такъ называемаго войскового запаса имѣетъ спеціальное назначеніе, именно земельнаго фонда, и онъ въ данное время служитъ источникомъ для донадѣленія малоземельныхъ станицъ. Какъ показано выше, даже на 69 малоземельныхъ станицъ, чтобы довести норму надѣленія до 12 дес. на м. д., этого запаса только-только хватитъ.

Далѣе мы имѣемъ надѣльныя крестьянскія и казачьи земли. Первыхъ владѣній немного; характеръ этого землевладѣнія понятенъ для каждаго и не требуетъ никакихъ поясненій. Относительно казачьихъ надѣльныхъ земель къ сказанному ранѣе слѣдуетъ добавить, что нарѣзанная на станицу по числу душъ м. п. земля состоитъ въ общинномъ пользованіи или всей станицы (волости), или отдѣльныхъ селеній (поселки и хутора). По своему характеру надѣльная казачья земля ничѣмъ, кромѣ размѣровъ, не отличается отъ таковой же крестьянской. Что же касается до высокаго размѣра казачьяго надѣла, онъ и у крестьянскихъ владѣній различенъ по губерніямъ и уѣздамъ, и въ отдѣльныхъ общинахъ крестьянскіе надѣлы не меньше донскихъ казачьихъ (наприм., въ Самарской губ., въ Пермской), не говоря уже о сибирскихъ селеніяхъ старожиловъ. Нѣтъ никакихъ основаній относиться къ казачьимъ надѣльнымъ землямъ иначе, чѣмъ къ крестьянскимъ надѣламъ, и съ этой точки зрѣнія онѣ, какъ «надѣльныя земли всякихъ наименованій», не должны подлежать принудительному отчужденію. Ихъ донадѣленіе до нормы на законномъ основаніи также не можетъ быть пріостановлено; оно не можетъ измѣнить отношенія къ нимъ, какъ къ надѣльнымъ землямъ.

Очерченная выше въ общихъ чертахъ третья точка зрѣнія на аграрный вопросъ въ казачьихъ войскахъ вообще и въ Области Войска Донского въ частности, характеризующаяся нѣкоторымъ оппортюнизмомъ, въ сущности является единственно реальной и удобопримѣнимой на практикѣ. Хотя въ аграрной коммиссіи первой Думы вопросъ о казачьихъ и инородческихъ земляхъ былъ выдѣленъ въ особую категорію, для которой предполагалось намѣтить и особое положеніе, тѣмъ не менѣе при обмѣнѣ мнѣніями въ подкоммиссіи подъ предсѣдательствомъ покойнаго проф. М. Я. Герценштейна, а также въ самой коммиссіи никто не возражалъ противъ того положенія, что въ интересахъ успѣха аграрной реформы не желательно вооружать противъ нее многочисленныхъ земледѣльцевъ-казаковъ, а потому слѣдуетъ надѣльныя ихъ земли оставить, какъ надѣльныя крестьянскія и мелкіе участки частновладѣльческіе, неприкосновенными и подъ принудительное отчужденіе ихъ не подводить. Бесѣды съ бывшими членами Государственной Думы изъ крестьянъ, какъ и сообщенія съ мѣстъ убѣдили насъ, что крестьяне смотрятъ на это дѣло также вполнѣ реально и никакихъ предложеній объ отобраніи земли у казаковъ и передачѣ ея имъ, крестьянамъ— вопроса не ставили и не ставятъ. Предложеніе это исходитъ изъ интеллигентскихъ сферъ и базируется исключительно на теоретическихъ построеніяхъ и на предвзятой точкѣ зрѣнія; какъ не имѣющее подъ собою реальной почвы, предложеніе это должно быть, по нашему мнѣнію, совершенно отклонено.

Отношеніе первой Государственной Думы и ея аграрной коммиссіи къ войсковымъ и запаснымъ землямъ и къ областному земельному фонду не было совершенно установлено.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ поземельныя отношенія на Дону и такова ихъ оцѣнка съ точки зрѣнія аграрныхъ программъ и тѣхъ направленій въ рѣшеніи аграрнаго вопроса, которыя намѣчались въ первой Государственной Думѣ. На этомъ частномъ примѣрѣ до очевидности ясно, что даже въ одной и той же области нельзя установить одинъ общій шаблонъ разрѣшенія земельнаго вопроса и однообразное отношеніе къ землямъ близкихъ категорій. Необходимо детальное изученіе мѣстныхъ условій и особенностей, и только на основаніи такого изученія можно высказаться опредѣленно о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ этой точки зрѣнія намѣченные партіей народной свободы областные или районные съѣзды могли бы оказать весьма важную услугу дѣлу дальнѣйшей разработки аграрнаго вопроса примѣнительно къ частнымъ случаямъ, и надо пожалѣть, что, благодаря усиленнымъ и инымъ охранамъ и отказу въ легализаціи партіи народной свободы, удалось созвать лишь одинъ и то очень неполный такой съѣздъ (въ Москвѣ въ ноябрѣ 1906 г.).

Статья была написана еще до начала работы второй Думы. Группа донскихъ депутатовъ второй Думы выработала свой особый проектъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Ограничиваемся пока перепечаткой, въ дополненіе ко всему нами сказанному о земельномъ вопросѣ на Дону, основныхъ положеній этого проекта.

«Земельный вопросъ въ Области Войска Донского, въ виду неоднороднаго состава коренного населенія области и многоразличія разрядовъ земель, составляющихъ ея территорію (земли войсковыя, общинныя казачьи и крестьянскія, частновладѣльческія помѣщичьи и чиновничьи), можетъ быть разрѣшенъ на началахъ, во-первыхъ, предоставленія казачьему населенію войсковыхъ земель всѣхъ категорій, во-вторыхъ, принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель для трудящагося земледѣльческаго населенія *). Основанія распредѣленія среди трудящихся отчужденныхъ частновладѣльческихъ земель должны быть выработаны на мѣстѣ коммиссіями отъ всего коренного населенія области на основаніи всеобщаго избирательнаго права».

Н. Бородинъ.

---

*) Группа имѣетъ въ виду надѣленіе землей какъ крестьянъ, такъ и казаковъ.

Побѣда женскаго движенія въ Финляндіи *).

I.

На послѣднемъ (въ августѣ 1906 г.) конгрессѣ международнаго союза избирательныхъ правъ въ Копенгагенѣ, женщины почти всѣхъ культурныхъ странъ привѣтствовали делегатокъ Финляндіи съ великой побѣдой, съ вступленіемъ ихъ въ число полноправныхъ гражданъ. При этомъ предсѣдательница союза, упомянувъ о борьбѣ женщинъ всѣхъ культурныхъ странъ за свободу и равенство передъ закономъ, указала, какъ легко, сравнительно съ ними, досталась побѣда женщинамъ Финляндіи. «Мы были,—сказала она,—подобны отряду, медленно, съ трудомъ взбирающемуся на крутую, скалистую гору. Мы глядѣли вверхъ и, казалось, неопредѣленныя пространства времени и труда отдѣляли насъ отъ вершины. Мы не падали духомъ... Мы знали, что достигнемъ цѣли, но мы знали также, что нѣтъ другого пути къ ней, кромѣ этого терпѣливаго, поступательнаго движенія шагъ за шагомъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мы увидѣли на вершинѣ другой отрядъ. Какъ поднялся онъ туда? Онъ ни съ неба не спустился, ни взобрался по трудному, долгому пути. А между тѣмъ, надъ всѣми нами возвышаются нынѣ женщины Финляндіи. На каждой изъ нихъ—вѣнецъ верховной власти самоуправляющейся гражданки. Два года назадъ женщинамъ этимъ не позволили бы организовать общество женскихъ избирательныхъ правъ. Годъ тому назадъ онѣ организовали комитетъ избирательныхъ правъ, который, проработавъ менѣе года, достигъ своей цѣли»...

Великая реформа, уничтожившая въ Финляндіи позорное рабство женщинъ, явилась не по мановенію волшебнаго жезла. Она представляетъ результатъ, съ одной стороны, всего культурнаго историческаго развитія страны, съ другой—энергичныхъ усилій самихъ женщинъ. Такъ какъ женское движеніе въ Финляндіи, развитіе его и конечная побѣда—тѣсно связаны со всей исторіей страны, то, прежде чѣмъ говорить о немъ, бросимъ бѣглый взглядъ на географическія условія страны и ея историческія судьбы.

*) Лекція, читанная въ мартѣ 1907 г. въ Москвѣ и въ Костромѣ.

Населеніе Финляндіи, весьма рѣдкое, насчитываетъ всего около 3-хъ милліоновъ. Близость полюса смягчается омывающими Финляндію морями. Суровый климатъ, величественная природа, мрачная и строгая, каменистая почва—все должно было закалить жителей страны, развить въ нихъ привычку къ упорному, тяжелому труду, къ борьбѣ за существованіе. И самое географическое положеніе страны, на перепутьи между двумя государствами, Швеціей и Россіей,—осложняло развитіе Финляндіи, дѣлало ее ареной борьбы двухъ государствъ. Въ теченіе семи вѣковъ Финляндія была въ союзѣ со Швеціей. Отъ Швеціи она получила христіанство: а именно, въ 1157 году Шведскій король Эрикъ Святой совершилъ походъ въ языческую Финляндію и заставилъ побѣжденныхъ принять христіанство. Отъ Швеціи Финляндія получила европейскую культуру и основы конституціоннаго строя; отъ нея же заимствовала она отличающую шведовъ любовь къ свободѣ: и въ Финляндіи, также какъ въ Швеціи, крестьянинъ не зналъ крѣпостного права. Политическія событія начала XVIII вѣка—великая сѣверная война и побѣды Петра Великаго нанесли сильный ударъ могуществу Швеціи. Долго Финляндія, предоставленная собственнымъ силамъ, боролась съ Россіей. Въ началѣ XIX вѣка она принуждена была сдаться. Геройская борьба финляндцевъ за свободу вызвала уваженіе къ нимъ Александра I. И заключая миръ, онъ утвердилъ старинныя права ихъ и привилегіи, религію и основные законы. Утвержденная Александромъ I конституція въ теченіе почти цѣлаго вѣка была вывѣшена, въ рамкѣ и подъ стекломъ, во всѣхъ финляндскихъ церквахъ; и тутъ же стояла данная царемъ за себя и за преемниковъ клятва,—клятва вѣчно соблюдать финляндскіе законы и конституцію. Финляндія была присоединена въ качествѣ автономнаго Великаго Княжества, самостоятельно рѣшающаго вопросы внутренняго управленія. Народное представительство состояло изъ 4-хъ штатовъ: дворянство, духовенство, буржуазія и крестьянство,—и созывалось разъ въ три года. Во главѣ управленія стоитъ генералъ-губернаторъ и финляндскій сенатъ. Членами сената, по закону, должны быть финляндскіе уроженцы и подданные (какъ и прочіе чиновники). Департаментъ юстиціи сената образуетъ высшую судебную палату. Вся страна раздѣлена на 8 губерній, управляемыхъ губернаторами. Благодаря состоявшемуся въ 1809 году соглашенію, Финляндія въ теченіе почти всего XIX вѣка пользовалась свободой развитія; эксплоатировала свои природныя богатства, строила желѣзныя дороги, основывала общественныя учрежденія. Въ то время какъ подвластныя Россіи другія страны,—ольша, Прибалтійскій край, Кавказъ и друг.—то глухо волновались, то ткрыто возставали противъ гнета и произвола самодержавной бюрокраи,—Финляндія была въ наилучшихъ отношеніяхъ съ русскимъ правиільствомъ. Преемники Александра I уважали ея законы и держали себя › отношенію къ ней какъ конституціонные князья; иногда предоставляли і новыя права и привилегіи. Такъ, Александръ II далъ Финляндіи право ;ана собственной монеты, а также право періодически созывать ланд-

тагъ. И финляндцы любили Александра II, были ему преданы и долго и искренно оплакивали его кончину. До 90-хъ годовъ революціонное движеніе въ Россіи не встрѣчало въ Финляндіи ни отклика, ни сочувствія. Но такія отношенія не могли продлиться. Финляндія, свободная и мирно-прогрессирующая, являлась бѣльмомъ на глазу русской бюрократіи: какъ живой показатель преимуществъ свободы надъ рабствомъ, законности надъ произволомъ,—она представляла съ точки зрѣнія этой бюрократіи опасный для Россіи примѣръ. И вотъ уже съ 80-хъ годовъ бюрократія подкапывается подъ основы конституціоннаго строя Финляндіи. Въ царствованіе Александра III попытки эти остаются безуспѣшными. Онѣ возобновляются въ слѣдующее царствованіе. Всѣмъ хорошо памятна политика русской бюрократіи въ Финляндіи въ концѣ XIX и началѣ XX в.: отнять у Финляндіи всѣ ея особыя права, разорить ее, во всемъ сравнять ее съ Россіей,—вотъ ея цѣль и задача. Къ содѣйствію призваны были всѣ реакціонные органы печати: *Московскія Вѣдомости*, *Свѣтъ*, *Новое Время*—систематически извращали все происходившее въ Финляндіи. Въ самой странѣ учреждены были враждебныя ей коммиссіи, выработавшія цѣлый планъ порабощенія,—планъ, проводившійся путемъ возбужденія розни и раздоровъ среди различныхъ элементовъ населенія.

Прекрасное орудіе для выполненія этого плана враги Финляндіи нашли въ генералѣ Бобриковѣ. Въ теченіе 5-ти лѣтъ управленія онъ составилъ себѣ такую славу, что имя его стало нарицательнымъ. И до сихъ поръ, обозвать человѣка, сказавъ: «ты—настоящій Бобриковъ», считается въ Финляндіи самымъ крѣпкимъ браннымъ словомъ.—Въ качествѣ генералъ-губернатора, онъ энергично проводилъ разработанную имъ программу реорганизаціи страны. Вначалѣ замыслы Бобрикова разбивались, встрѣчая въ населеніи твердое пассивное сопротивленіе. На всѣ его репрессіи финляндцы отвѣчали указаніемъ на законъ, съ которымъ расходились его приказы. Въ 1899 г. Бобрикову, наконецъ, удалось добиться знаменитаго февральскаго манифеста, которымъ уничтожалась финляндская конституція,—устранялся ландтагъ, и открывался широкій доступъ для самовластія и произвола. Разсказываютъ, что когда Бобриковъ получилъ въ руки манифестъ, онъ сказалъ, выходя изъ дворца: «наконецъ-то у меня есть средство связать финскихъ собакъ».

Къ собравшимся чинамъ Финляндіи Бобриковъ обратился со словами, напоминающими знаменитое изреченіе Людовика XIV: «Финляндскій законъ,—сказалъ онъ,—это я». Д-ръ Майки Фрибергъ, одна изъ свидѣтельницъ этой мрачной эпохи въ исторіи Финляндіи, такъ описываетъ то впечатлѣніе, которое произвелъ въ ея отечествѣ Бобриковскій coup d'Etat. «Тотъ вечеръ,—говоритъ она,—когда распространился у насъ слухъ о февральскомъ манифестѣ, мы никогда не забудемъ. Казалось, словно земля разверзлась передъ нами, и всѣ мы—на краю пропасти; казалось, жизнь не имѣетъ больше никакого смысла. Но некогда было ломать руки въ безплодномъ отчаяніи. Надо было сейчасъ же отразить ударъ или сломить

его. И среди насъ началась лихорадочная дѣятельность. Вся Финляндія напоминала муравейникъ, приведенный въ безпорядокъ посторонней силой»... Первымъ шагомъ финляндцевъ было представить царю адресъ, который должна была вручить депутація изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Депутація, какъ извѣстно, не была принята; и адресъ за подписью болѣе $^{1}/_{2}$ милліона (624,000) гражданъ не имѣлъ практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе нравственное воздѣйствіе его было громадно: онъ укрѣпилъ чувство солидарности и способствовалъ объединенію всего населенія. Тысячи людей собирали подписи; въ томъ числѣ многія женщины, день и ночь, безъ устали переписывали адресъ и разсылали его по всей странѣ. Онѣ же, главнымъ образомъ, собирали и подписи. Такъ, въ одномъ Гельсингфорсѣ энергично дѣйствовалъ кружокъ изъ 400 женщинъ. Одна изъ нихъ, докторъ Майки Фрибергъ, такъ описываетъ отношеніе населенія къ сбору подписей: «Я получила,—разсказываетъ она,—участокъ, гдѣ люди жили въ бѣдности и тѣснотѣ. Сначала мнѣ было нѣсколько трудно,—я не знала, какъ меня встрѣтятъ. Но въ общемъ эти бѣдные люди были очень трогательны. Большинство уже въ точности знали, чтò случилось; плакали о постигшемъ страну несчастьи и призывали другихъ жителей дома, чтобы избавить меня отъ труда отыскивать ихъ. Особенно дѣятельно помогали матери, озабоченныя судьбой своихъ сыновей, которымъ грозила перспектива попасть на русскую военную службу. Въ одной семьѣ я застала лишь двухъ мужчинъ: одинъ укачивалъ ребенка въ люлькѣ, другой умывался. Я сказала имъ о случившемся несчастьи, объ адресѣ царю и пригласила ихъ подписаться. Но оба продолжали свои занятія, обращаясь со мной какъ съ пустымъ пространствомъ. Тогда я спросила: быть можетъ, они не довѣряютъ мнѣ? Подозрѣваютъ, что я пришла съ дурными намѣреніями? Затѣмъ я назвала себя и сообщила о своемъ занятіи. Ледъ растаялъ. Оказалось, хозяева мои знали о другомъ—дружественномъ Россіи адресѣ, подъ которымъ тоже собирались подписи; и приняли меня за шпіонку».—Этотъ небольшой эпизодъ характеризуетъ свойственное финляндцамъ пассивное сопротивленіе и въ то же время показываетъ, какая перекрестная агитація велась въ то время въ странѣ.

Г-жа Фрибергъ наглядно описываетъ затѣмъ введенный Бобриковымъ режимъ. Русская администрація держалась въ Финляндіи свойственной ей политики: пользоваться въ подчиненномъ краѣ классовой и національной рознью; втираться среди враждующихъ элементовъ и раздувать вражду; брать роль друга и покровителя слабѣйшимъ, чтобы съ ихъ помощью подавить сильнѣйшихъ. Эту систему, увѣнчавшуюся блестящимъ успѣхомъ въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ, примѣняли теперь къ Финляндіи. Финляндское населеніе состоитъ изъ двухъ національностей: большинство говоритъ по-фински, меньшинство—по-шведски. Русскіе чиновники поощряли вражду между этими двумя элементами. А чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ, были высланы сотни агентовъ-шпіоновъ. Они увѣряли населеніе, что по русскимъ законамъ всѣ будутъ богаты и получатъ землю, всѣ бу-

дутъ избавлены отъ налоговъ; и что съ утвержденіемъ русскаго господства настанетъ золотой вѣкъ. Въ офиціальныхъ кругахъ и офиціозной русской прессѣ много говорили и писали о возмутительной эксплоатаціи и угнетеніи безземельнаго крестьянства со стороны финляндской буржуазіи; особенно возмущались положеніемъ мелкихъ арендаторовъ, торпарей, уплачивающихъ за землю не столько деньгами, сколько работой. Правительство торжественно обѣщало взять безземельное сельское населеніе подъ особую свою защиту, надѣлить землей и обратить весь сельскій пролетаріатъ въ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ.—Политика эта встрѣтила дружное противодѣйствіе со стороны всѣхъ сознательныхъ элементовъ страны. Предостеречь народъ, выяснить ему истинный смыслъ русской политики—вотъ первая цѣль, къ которой направились старанія финской интеллигентной молодежи: лекціи, бесѣды, домашнія школы—всѣ средства пропаганды были пущены въ ходъ, чтобы раскрыть глаза народу. Къ этой же цѣли направились и усилія соціалъ-демократической партіи. Въ концѣ-концовъ, попытка русской администраціи опереться на крестьянство потерпѣла фіаско. Уже на рабочемъ конгрессѣ въ Або (въ іюлѣ 1899 г.) делегатъ отъ торпарей съ гордостью объявилъ, что «торпари не желаютъ принимать никакой милости отъ русскаго правительства, хотя бы эта милость въ самомъ дѣлѣ могла улучшить ихъ экономическое положеніе». Такъ же мало успѣха имѣли и «народныя столовыя», которыя власть устраивала въ голодный 1902 годъ для крестьянства и безработнаго пролетаріата: всѣ сознательные элементы пролетаріата отказались пользоваться милостынью, бросаемой тѣми, кто попиралъ конституцію и свободу страны. А когда администрація, пытаясь сблизиться съ рабочими, предложила придти на помощь безработнымъ и облегчить ихъ матеріальное положеніе, рабочіе отклонили это предложеніе, какъ «оскорбляющее достоинство рабочаго класса Финляндіи».

Въ то время какъ патріоты Финляндіи соединяли свои усилія для пробужденія національнаго чувства, на страну сыпались ударъ за ударомъ. Свобода собраній, которою съ незапамятныхъ временъ пользовалась Финляндія, была отнята. Національный языкъ изгнанъ изъ административныхъ учрежденій; вѣрные законамъ страны чиновники удалены; полиція отдана въ руки клевретовъ русской бюрократіи. Письма перехватывались. Полиція врывалась ночью въ домъ вѣрныхъ закону гражданъ, производила обыски, расправлялась грубо и самовластно. Непокорные высылались изъ Финляндіи въ срокъ нѣсколькихъ дней и даже нѣсколькихъ часовъ...

Исторія освободительнаго движенія въ Финляндіи шла параллельно аналогичному движенію въ Россіи; но характеръ ея и теченіе были нѣсколько иные. Въ то самое время, какъ Россія изнемогала подъ игомъ безчисленныхъ диктаторовъ; въ то время какъ въ ней свирѣпствовали «истинно-русскіе» погромы, происходили вакханаліи карательныхъ отрядовъ и царствовалъ красный и бѣлый терроръ,—въ это самое время въ Финляндіи втихомолку шла безкровная, закономѣрная, по упорная

борьба за національныя права и свободу. Террористическій режимъ Бобрикова временно внесъ въ Финляндію смуту и хаосъ, но въ концѣ-концовъ результаты его были не тѣ, которыхъ ожидала русская бюрократія. Общая опасность устранила рознь между шведскимъ и финскимъ населеніемъ; вызвала общую симпатію къ русскому народу и его борьбѣ за освобожденіе; сблизила между собою всѣ классы общества, обезпеченные и необезпеченные, связала всѣ элементы населенія. Наконецъ, общія страданія и общее дѣло создали новыя отношенія между мужчинами и женщинами—отношенія равноправныхъ товарищей. Появленіе женщинъ на политической сценѣ въ значительной степени связано съ развитіемъ въ Финляндіи политическихъ партій. Поэтому прежде чѣмъ переходить къ характеристикѣ женскаго движенія, скажемъ нѣсколько словъ о возникновеніи въ Финляндіи политическихъ партій. До 90-хъ годовъ дѣятельность партій въ Финляндіи не носила характера политическаго. Возникшая во второй половинѣ XIX вѣка партія финномановъ отстаивала интересы чисто финской національности. Она стояла за права финскаго народнаго языка, за сохраненіе его въ администраціи, судопроизводствѣ и въ сферѣ образованія, гдѣ въ то время еще преобладалъ шведскій языкъ. Партія финномановъ, такимъ образомъ, отстаивала права большинства противъ меньшинства, въ противовѣсъ партіи сведомановъ, стоявшихъ за преобладаніе шведскаго народнаго языка, считавшагося языкомъ единственно культурнымъ. Изъ партіи финномановъ въ 90-хъ годахъ выдѣляется болѣе прогрессивная фракція, такъ называемая младо-финномановъ. И они, также какъ старо-финноманы, отстаиваютъ права финскаго языка, но допускаютъ также права шведскаго народнаго языка. Въ то же время младо-финноманы удѣляютъ вниманіе и вопросамъ соціально-политическимъ. Такъ, между прочимъ, въ органѣ партіи былъ выдвинутъ вопросъ о равноправіи женщинъ и всеобщемъ избирательномъ правѣ. Съ введеніемъ въ Финляндіи Бобриковскаго режима всѣ эти упомянутыя партіи пріобрѣтаютъ политическій характеръ. Младо-финноманы и сведоманы соединяются въ партію конституціоналистовъ: они отстаиваютъ конституцію и ведутъ борьбу съ русскимъ правительствомъ путемъ пассивнаго сопротивленія. Иной тактики держатся старо-финноманы. Свой основной лозунгъ—«Финляндія для финновъ», они стремятся провести съ помощью русскаго правительства и уклоняются отъ всякаго съ нимъ столкновенія. Подъ вліяніемъ историческихъ событій партія финномановъ, выдвигая попрежнему права финскаго и шведскаго языковъ, въ 1904 г. включаетъ въ свою программу требованіе всеобщаго избирательнаго, безъ различія пола, права. Въ концѣ-концовъ примѣру ея послѣдовала и наиболѣе консервативная партія старо-финномановъ. Позднѣе другихъ выступила въ Финляндіи партія с.-д.; въ 1901 г. возникла она изъ нѣдръ рабочей партіи. Въ программу с.-д. партіи (уже раньше намѣченной рабочимъ конгрессомъ въ Або въ 1899 г.) съ самаго начала включено всеобщее избирательное право безъ различія пола и полное уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Отличительной чертой образа дѣй-

ствія всѣхъ указанныхъ партій было дружное взаимодѣйствіе. Благодаря отсутствію въ Финляндіи рѣзкаго дѣленія классовъ на привилегированныхъ и безправныхъ, благодаря укоренившемуся духу общественности—въ политическихъ партіяхъ Финляндіи, при всемъ различіи программъ, нѣтъ той розни, которая является тормозомъ въ освободительномъ движеніи Россіи. И въ частности, въ отношеніи партіи с.-д. къ финляндскимъ конституціоналистамъ не замѣчается той вражды и озлобленности, которая характеризуетъ ту же партію въ Россіи. Въ критическіе моменты борьбы за свободу финляндскіе с.-д. всегда умѣли отодвигать интересы партійные, выдвигая на первый планъ спасеніе отечества. Стойкость и выдержанность с.-д. въ Финляндіи, терпимое отношеніе къ другимъ партіямъ, уваженіе къ закону и стремленіе придерживаться мирныхъ конституціонныхъ способовъ борьбы сыграли громадную роль въ томъ счастливомъ финалѣ, который является послѣднимъ актомъ финляндской 7-лѣтней трагедіи. Въ частности, относительно главнаго вопроса с.-д. въ Финляндіи проявили широту взглядовъ и глубину пониманія, оказавшую огромное вліяніе на благополучное разрѣшеніе этого вопроса. Но прежде чѣмъ перейти къ послѣднему періоду освободительнаго движенія въ Финляндіи, который закончился введеніемъ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, интересно поближе взглянуть на ближайшія условія, подготовившія побѣду женщинъ въ Финляндіи. Побѣда эта приковала къ нимъ вниманіе всего міра. Въ связи съ ней у насъ, добивающихся свободы женщинъ, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Намъ интересно взглянуть—въ какой обстановкѣ жила и развивалась финляндская женщина? Какое положеніе занимала она въ обществѣ и семьѣ? Какъ возникла борьба ея за равноправіе? И какіе элементы участвовали въ этой борьбѣ? И, наконецъ, какую роль сыграли въ ней послѣднія политическія событія въ Финляндіи?

Теперь я и постараюсь дать отвѣтъ на эти вопросы.

II.

Окидывая мысленнымъ взоромъ картину женскаго движенія въ Финляндіи, мы, съ перваго взгляда, поражаемся той быстротой, съ какой оно достигло намѣченной цѣли—освобожденія женщины отъ позорнаго рабства.

Выше было указано на тотъ историческій фонъ, среди котораго женщина политически развивалась въ Финляндіи. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ условія семейной и общественной жизни, которыя такъ или иначе повліяли на дальнѣйшія судьбы финляндской женщины. Приглядываясь къ нимъ, сравнивая ихъ съ общественно-семейнымъ положеніемъ женщинъ въ остальной Европѣ, мы видимъ, что произошедшій въ ихъ политическомъ положеніи переворотъ не является метаморфозой внезапной. Нѣтъ, переворотъ этотъ имѣетъ глубокіе корни въ далекомъ прошломъ. Онъ связанъ прежде всего съ демократическимъ характеромъ финляндскаго народа: финны издревле не знали ни власти короля, ни аристократическаго со-

словія. Не было у нихъ и крѣпостного права, развращающаго и рабовъ и рабовладѣльцевъ, воспитывающаго въ тѣхъ и другихъ духъ беззаконія и произвола. Исторія съ самаго начала застаетъ финновъ раздѣленными на небольшія самостоятельныя общины, которыя соединяются между собой лишь для защиты отъ внѣшняго врага. Каждая община состояла изъ нѣсколькихъ семействъ, также вполнѣ самостоятельныхъ между собой. Главой семьи почитается хозяинъ—мужъ, но власть его не проявлялась деспотически. Правда, такъ же какъ и въ другихъ странахъ, въ доисторическія времена невѣста у финновъ похищалась или покупалась; и слѣды порабощенія женщинъ встрѣчаются въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ. Но уже въ древней поэзіи проглядываетъ типъ женщинъ смѣлыхъ и свободолюбивыхъ, которыя обычаю не подчиняются и рабству предпочитаютъ смерть. Такъ, въ сборникѣ финскихъ былинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Калевала», юная Айно бросается въ море, когда мать хочетъ посватать ее за немилаго, за старика Вейнемейнена. А другая героиня, «дочь прекрасная Похьолы», отвѣчаетъ на его сватовство гордымъ отказомъ:

„Не хочу я мужа съ моря,—говоритъ она,—
Умъ его уносятъ бури,
По мозгамъ его бьютъ вѣтры,
Не могу съ тобой идти я,
И себя связать съ тобою,
Чтобъ быть спутницею въ жизни,
Старцу курочкой любимой".

Въ другой былинѣ старушка, искушенная опытомъ, обращается съ наставленіемъ къ невѣстѣ, стремится вызвать въ ней духъ протеста:

„Женихи придутъ къ невѣстѣ,—говоритъ она,
Женихи придутъ и сваты;
Женихамъ же ты отвѣтишь:
— Мнѣ не должно, не придется
Уходить отсель невѣсткой,
Въ услуженье отправляться:
Никогда такой дѣвицѣ
Непристойно быть въ услугахъ.
Не пойму я, какъ идти мнѣ,
Чтобы жить мнѣ въ подчиненьи;
Если кто мнѣ слово скажетъ,
Я тому и два отвѣчу.
Кто мнѣ волосы лишь тронетъ,
До кудрей моихъ коснется,—
Волоса сама схвачу я,
Растреплю того съ позоромъ".

Замужество, по мнѣнію свободолюбивой старушки, приноситъ лишь неволю и горе:

„Ты идешь изъ дому въ школу,
Отъ отца идешь на муку...
Тамъ ужъ куплены поводья,
Узы рабскія готовы.

Не кому-либо другому,
А тебѣ одной несчастной...
Какъ платка ты не носила,
Ты не знала и печали,
Не имѣла ты платочка,
Не имѣла и заботы.
И печали и заботы
Головной платокъ приноситъ...
Что такое дѣва въ домѣ?
Дѣвушка въ отцовскомъ домѣ,
Что король, живущій въ замкѣ.
Лишь меча ей нехватаетъ".

Такимъ образомъ уже древнія былины рисуютъ намъ женщину, какъ существо самостоятельное, съ личными запросами и интересами. Проникнутая чувствомъ собственнаго достоинства, она неохотно признаетъ господство мужа, нетерпѣливо несетъ семейное иго.

Въ тѣхъ же былинахъ преобладаетъ взглядъ на женщину, какъ на подругу, а не придатокъ мужчины.

Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Швеціи, странѣ, проникнутой духомъ свободы, положеніе женщины и по обычаю, и по закону стало еще лучше. Не имѣя возможности прослѣдить эволюцію въ положеніи женщины въ средніе вѣка и позднѣе, переходимъ къ XIX вѣку. Въ 40-хъ и 50-хъ гг. такъ называемый женскій вопросъ выдвигается въ финской литературѣ. Между прочимъ, горячими адвокатами его выступаютъ извѣстный поэтъ Топеліусъ и государственный дѣятель Снеллманъ: они главнымъ образомъ настаиваютъ на реформѣ женскаго образованія, дальше этого въ данную эпоху никто еще не идетъ. Въ общемъ, положеніе женщины въ Финляндіи, по сравненію съ другими странами, значительно лучше.

И въ обществѣ, и въ семьѣ она занимаетъ положеніе равнаго мужчинѣ товарища, пользуется уваженіемъ и вліяніемъ.

Теперь обратимся къ закону и бросимъ взглядъ на ту эволюцію, которая произошла въ немъ по отношенію къ положенію женщины въ семьѣ и государствѣ. Остановимся прежде всего на имущественныхъ ея правахъ.

Уже съ XIII вѣка дочь въ Финляндіи получала по наслѣдству отъ отца $^{1}/_{3}$ имущества. Въ 1878 году законъ уравниваетъ женщинъ въ правахъ наслѣдства съ мужчинами. Въ 1889 году жена получаетъ право удерживать въ своемъ отдѣльномъ пользованіи имущество, полученное ею до и послѣ брака.

Итакъ, на первый взглядъ, женщина въ Финляндіи почти сравнена въ имущественныхъ правахъ съ мужчиной. Но это равенство лишь внѣшнее, кажущееся. И въ Финляндіи, какъ почти вездѣ, устанавливаемый мужчиной законъ ревностно оберегаетъ прерогативы послѣдняго, сохраняя для этихъ прерогативъ ту или другую лазейку. Такъ и въ данномъ случаѣ. Жена формально имѣетъ право владѣть своимъ отдѣльнымъ имуществомъ и располагать имъ. Но это право—лишь фиктивное; ибо рядомъ съ новымъ либеральнымъ закономъ дѣйствуетъ законъ старый, по которому мужъ

признается опекуномъ своей жены. Какъ опекунъ, мужъ распоряжается общимъ состояніемъ, пользуется правомъ покупать, продавать, дѣлать займы и давать въ займы какъ изъ своихъ средствъ, такъ и изъ средствъ жены. Такимъ образомъ, въ общемъ, жена занимаетъ по закону положеніе зависимое. Мужъ устанавливаетъ свои отношенія къ ней, онъ же рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся воспитанія дѣтей и ихъ будущей карьеры; жена, по закону, не имѣетъ голоса въ этихъ вопросахъ. Мужъ имѣетъ право избирать мѣстожительства семьи, заставлять жену слѣдовать за нимъ, принуждать ее къ совмѣстному жительству. Законъ, такимъ образомъ, играетъ по отношенію къ женщинѣ роль судьи пристрастнаго и лицепріятнаго. Женщина находится подъ вѣчной опекой, сначала отца, затѣмъ мужа. До 1906 года женщины въ Финляндіи, уплачивая подати наравнѣ съ мужчинами, не имѣли политическихъ правъ. Но уже въ 1865 и 1873 гг. онѣ получили нѣкоторыя муниципальныя права. А именно, незамужнія, вдовы и разведенныя участвуютъ въ выборахъ; но при этомъ участіе это имѣетъ значеніе лишь тамъ, гдѣ община управляется муниципальнымъ собраніемъ; но въ общинахъ, гдѣ управленіе сосредоточено въ муниципальномъ совѣтѣ, тамъ женщины участвуютъ лишь въ выборѣ членовъ совѣта, а сами въ совѣтъ не могутъ быть избираемы. Въ связи съ муниципальными правами стоятъ и приходскія: незамужнія, вдовы и разведенныя участвуютъ на приходскихъ собраніяхъ въ избраніи священника и церковнаго старосты; но на должность церковнаго старосты онѣ не могутъ быть избраны. Наконецъ, женщины состоятъ членами школьныхъ комитетовъ при высшихъ женскихъ школахъ. Роль этихъ комитетовъ, весьма незначительная, ограничивается наблюденіемъ за школами. Женщины до послѣдняго времени, хотя и могли состоять на государственной службѣ, но лишь въ низшихъ должностяхъ. При этомъ за одинаковый трудъ онѣ получали двѣ трети или половину жалованія мужчинъ.

Говоря о положеніи женщинъ въ Финляндіи въ XIX и началѣ XX вв., необходимо коснуться еще одного важнаго вопроса,—вопроса, представляющаго, быть можетъ, самое вопіющее зло въ женской долѣ. Мы говоримъ о проституціи.

Общій законъ 1734 года воспрещаетъ прелюбодѣяніе и налагаетъ строгое наказаніе за содержаніе всякаго рода домовъ терпимости. Но съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи въ 1809 году положеніе дѣла мѣняется. Сообразно тайнымъ предписаніямъ правительства, полиція постоянно вводитъ различныя правила, такъ сказать узаконяющія проституцію.

Относительно Гельсингфорса полицейскія правила по этому вопросу, гвержденныя правительствомъ въ 1876 году, не отмѣнены еще и до нынѣ. га система регулированія проституціи долгое время не получала широкой ласки и не практиковалась открыто. Но въ 1878 г. противъ узаконенія оституціи начинается борьба по иниціативѣ организаціи, извѣстной подъ званіемъ «международная федерація для уничтоженія государственной гламентаціи проституціи». При этомъ въ борьбѣ противъ разврата пер-

вый голосъ протеста раздается со стороны молодой женщины, баронессы Мелинъ-Экнундъ. Ей удается, несмотря на предразсудки, завербовать группу единомышленниковъ и основать въ 1880 году «финляндскую федерацію борьбы съ проституціей».—Ея помощникъ въ этомъ дѣлѣ пасторъ Фридриксонъ, въ теченіе многихъ лѣтъ издавалъ періодическій органъ, т. наз. *Другъ нравственности (Sedliqhets vännen)*. Другая піонерка, г-жа Моккиненъ, всецѣло посвящаетъ себя той же цѣли, и, пожертвовавъ всѣ свои средства, съ помощью друзей основываетъ въ 1880 году «Домъ спасенія»—пріютъ для падшихъ. Въ 1887 г. кружокъ боровшихся противъ проституціи лицъ опубликовалъ установленную въ Гельсингфорсѣ регламентацію проституціи. Общественное мнѣніе возмутилось. Съ цѣлью уничтожить незаконныя регламентаціи, прокурору финляндскаго сената былъ представленъ рядъ жалобъ. Тогда въ 1888 году правительство назначило комитетъ изъ докторовъ, юристовъ и т. п., и поручило ему изслѣдовать вопросъ о проституціи. Въ томъ же 1888 г. парламенту была представлена массовая петиція (5,621 подпись) съ требованіемъ уничтоженія регламентаціи проституціи. Но никакой резолюціи по этому поводу не состоялось: парламентъ ждалъ рѣшенія комитета, изучавшаго вопросъ о проституціи, а послѣдній медлилъ, растянувъ свои изслѣдованія на нѣсколько лѣтъ. Въ 1888 г. вопросъ о проституціи былъ также разсмотрѣнъ въ обществѣ врачей, почти единогласно высказавшихся за сохраненіе регламентацій. Единственный голосъ горячаго протеста раздался со стороны г-жи Хекель, въ то время единственной женщины-врача. Между прочимъ г-жа Хекель настаивала на томъ, что всѣ гигіеническія мѣры, необходимыя для охраненія населенія отъ извѣстной заразной болѣзни, должны принимать въ соображеніе женщинъ и дѣтей наравнѣ съ мужчинами. Борьба съ государственной регламентаціей разврата продолжается до настоящаго времени. 13 марта настоящаго года, по ходатайству христіанскаго женскаго союза трезвости и нравственности, въ сенатѣ обсуждался вопросъ объ уничтоженіи регламентаціи проституціи. Былъ, между прочимъ, прочитанъ докладъ прокурора, который съ юридической стороны высказался за уничтоженіе регламентаціи.

Въ томъ же духѣ высказался принципіально и сенатъ. Назначена была коммиссія для выработки проекта мѣропріятій. Мы не сомнѣваемся, что теперь, когда женщины получатъ возможность непосредственно вліять на реформу законовъ, позорная регламентація проституціи исчезнетъ съ лица Финляндіи.

Говоря о положеніи финляндскихъ женщинъ, необходимо коснуться еще одного предмета,—вопроса образованія. Съ незапамятныхъ временъ въ начальныхъ школахъ Финляндіи господствовала система совмѣстнаго обученія. Та же система принята и въ нѣкоторыхъ техническихъ школахъ. Въ общемъ, совмѣстное обученіе пользуется возрастающими общественными симпатіями; и въ періодъ съ 80-хъ годовъ до настоящаго времени былъ открытъ цѣлый рядъ среднихъ школъ для совмѣстнаго образованія мальчиковъ и дѣвочекъ. Во главѣ совмѣстной средней школы стоятъ обык-

новенно два лица—начальникъ и начальница, дѣлящіе между собой трудъ по завѣдыванію школой. Школы эти частныя и открыты частными лицами. Насколько система совмѣстнаго обученія популярна въ Финляндіи, видно изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ, гдѣ нѣтъ женской школы, правительство разрѣшаетъ ходить дѣвочкамъ въ 2-х- и 4-хклассныя школы для мальчиковъ. Въ 1870 году впервые одна финляндская женщина держала экзаменъ въ Гельсингфорсѣ и поступила въ университетъ. Примѣру ея въ 1873 году послѣдовала другая женщина. И съ тѣхъ поръ количество студентокъ съ каждымъ годомъ возрастало. Развитіе совмѣстнаго обученія имѣло въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе. Въ настоящее время студентки въ Финляндіи насчитываются сотнями.

Также какъ и въ другихъ странахъ, сложные интересы женщинъ и необходимость защищать эти интересы вызвали учрежденіе въ Финляндіи женскихъ организацій. Первое такое общество—«Финляндская женская ассоціація» (Fivsk Kvinnoföreuung) основана въ 1884 году. Цѣль ея—«способствовать умственному и нравственному развитію женщины, улучшить ея экономическое положеніе и расширить ея гражданскія права». Финляндская женская ассоціація состоитъ исключительно изъ женщинъ.

Гораздо болѣе широкій и разносторонній характеръ носитъ 2-е общество, основанное въ 1892 году—такъ назыв. «Союзъ женскаго дѣла въ Финляндіи» (Kvinnosaksförbund). Первый § устава союза такъ опредѣляетъ его цѣль: «Цѣль союза посредствомъ коопераціи мужчинъ и женщинъ содѣйствовать улучшенію образованія женщинъ, расширить сферу ея дѣятельности и обезпечить ей лучшее положеніе въ семьѣ и гражданской жизни, что должно способствовать благу всего общества».—Учрежденный въ Гельсингфорсѣ союзъ имѣетъ членовъ и въ провинціальныхъ городахъ. За исключеніемъ лѣта, онъ собирается дважды въ недѣлю. На собраніяхъ читаются рефераты и лекціи, сопровождаемые преніями. Кромѣ того союзъ организуетъ, при участіи гостей, вечера съ преніями,—бесѣды, гдѣ обсуждаются вопросы болѣе или менѣе общаго характера Для цѣлей пропаганды союзъ имѣетъ агентовъ, распространяющихъ его идеи въ провинціи.

Такова голая схема дѣятельности финляндскаго женскаго союза. Вначалѣ союзъ былъ весьма далекъ отъ сферы политической. Объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ первые годы не было почти и рѣчи. Задачи союза въ этотъ періодъ—главнымъ образомъ образовательныя, культурныя.

Предстояло, съ одной стороны, поднять образованіе женщинъ и общій ур^вень ихъ развитія; съ другой—возбудить среди нихъ чувство отвѣтственно ти, сознаніе ихъ правъ и обязанностей передъ отечествомъ. Съ этой цѣ ью союзъ организуетъ лекціи и курсы, издаетъ періодическій органъ же скаго движенія *(Nutid)—Новое Время*, причемъ пропаганда постоянно им ѣетъ въ виду рабочій классъ. Изъ практическихъ задачъ союза упомяне ъ объ организаціи рукодѣльныхъ собраній для матерей семействъ—рабо ницъ въ Гельсингфорсѣ; о теоретическомъ и практическомъ преподава-

ніи гигіены крестьянамъ въ деревняхъ и т. д. Таковы были первоначально скромныя задачи союза. Но жизнь въ 90-хъ годахъ быстрымъ ходомъ шла впередъ. И сообразно новымъ запросамъ, дѣятельность союза расширялась и осложнялась. Постепенно на первый планъ выдвигалось стремленіе улучшить положеніе женщины передъ закономъ.

Съ этой цѣлью союзъ стремился освѣтить важнѣйшія изъ желательныхъ реформъ и представить ихъ на обсужденіе представительнаго учрежденія. Между прочимъ союзъ подготовилъ слѣдующіе проекты реформъ: 1) Добиться права для совершеннолѣтней женщины быть опекуншей не принадлежащихъ ей дѣтей. 2) Отодвинуть брачный возрастъ для женщинъ съ 15 до 18 лѣтъ. 3) Установить совершеннолѣтіе для женщинъ въ 21 годъ. 4) Установить плату за ученіе дѣвочекъ въ государственныхъ школахъ въ такихъ же размѣрахъ, какой установленъ для мальчиковъ. 5) Улучшить юридическое положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей. 6) Право избранія женщинъ на всѣ коммунальныя должности въ городахъ—на тѣхъ же основахъ, какія установлены для мужчинъ. Лишь изрѣдка раздавался изъ нѣдръ союза голосъ за политическое равноправіе женщинъ. Уже въ 1863 г. раздался призывъ къ политическому освобожденію женщины: первой піонеркой является писательница г-жа Эрнротъ. Въ 1882 г. Люсина Хагманъ—въ настоящее время предсѣдательница «Союза женскаго дѣла», написала брошюрку объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Другой членъ союза, г-жа Ида Моландеръ въ 1897 году выступила адвокатомъ избирательныхъ правъ женщинъ,—реформы, которая въ тѣ дни считалась и неразумной и почти революціонной. Въ томъ же духѣ вела пропаганду и извѣстная финляндская писательница, Елена Вестермаркъ. Но въ то время, въ послѣдніе годы XIX вѣка, реформа эта не встрѣчала отклика въ общественномъ мнѣніи. Одержанныя женщинами побѣды имѣли, такъ сказать, платоническій характеръ; требованія ихъ, основанныя на неоспоримыхъ логическихъ посылкахъ,—требованія эти имѣли лишь succès d'estime. Въ общемъ, на добивающихся равноправія женщинъ, попрежнему, смотрѣли какъ на элементъ безпокойный, нарушающій сладкую гармонію въ отношеніяхъ между двумя полами. Такъ было до 1899 года.

Въ этомъ году висѣвшій надъ Финляндіею мечъ опустился. Конституція страны была уничтожена, національная автономія подвергнута величайшей опасности. Одна изъ главныхъ дѣятельницъ женскаго движенія въ Финляндіи, г-жа Фуръельмъ, такъ описывала, на женскомъ конгрессѣ въ Копенгагенѣ, эту страшную эпоху въ исторіи ея родины. «Насталъ,—говорила она,—періодъ порабощенія. Каждый день приносилъ новыя невзгоды, о которыхъ никто, за исключеніемъ нашихъ русскихъ сестеръ, не можетъ имѣть представленія. Только онѣ и мы знаемъ, что̀ значитъ жить подъ непрестанной угрозой». «Я признаю,—замѣтила г-жа Фуръельмъ,—что Россія кровью заплатила великую дань, и страданія ея, быть можетъ, еще сильнѣе. Но Финляндіи приходилось, кромѣ того, переживать позоръ чужеземнаго ига. Нашъ языкъ, наша религія, наши обычаи,—все, что для насъ

священно, было подъ угрозой врага.—Дни народнаго бѣдствія въ Финляндіи явились въ то же время и пробнымъ камнемъ для стремившихся къ равноправію женщинъ. Сама жизнь,—исторія выдвинула ихъ на авансцену политической дѣятельности, и женщины оказались на высотѣ своего призванія. Подобно боевому кличу, по всей странѣ раздался лозунгъ пассивнаго сопротивленія противъ всякой незаконной мѣры. Сотни и тысячи женщинъ, которыя раньше, быть можетъ, и не думали о своемъ безправіи, вступили теперь въ ряды оппозиціи. Политическихъ дѣятелей въ то время было мало,—большинство или были сосланы, или занимали административныя должности, не допускавшія открытаго противодѣйствія правительству. И мужчины съ энтузіазмомъ приняли помощь женщинъ. По всей странѣ распространились тайныя организаціи, въ которыхъ онѣ приняли самое дѣятельное участіе. Женщины вели и агитаціонную работу, распространяли печатавшіеся въ подпольи летучіе листки; собирали деньги.

Дамы изъ высшаго общества тайно перевозили газету *Свободное Слово*, которая издавалась въ Стокгольмѣ финляндскими патріотами, изгнанными русскимъ правительствомъ. Агитаціонная дѣятельность соединила женщинъ всѣхъ классовъ: знатныя дамы принимали въ ней участіе наравнѣ съ простыми крестьянками. И многія были арестованы полиціей и заключены въ тюрьму. Пережитыя испытанія сыграли громадную роль въ судьбѣ финляндскихъ женщинъ. Самоотверженный патріотизмъ ихъ вызвалъ къ нимъ всеобщее глубокое уваженіе. Мужчины научились цѣнить ихъ какъ товарищей въ политической жизни. Въ то же время, испытавъ на личномъ опытѣ гнетъ сильнѣйшаго, они реально сознали всю тягость подневольнаго положенія женщинъ... Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ кипучей дѣятельности. Насталъ 1904 годъ. Повѣяло весной. Главнаго орудія террора въ Финляндіи уже не было. Лучъ надежды пробивался среди охватившаго страну мрака. 8 ноября 1904 года, передъ открытіемъ парламента, союзъ женскаго дѣла созвалъ митингъ въ Гельсингфорсѣ. Собралось болѣе тысячи женщинъ всѣхъ партій и всѣхъ сословій: крестьянки, работницы, учительницы, студентки, дамы изъ общества. Всѣ чувствовали себя сестрами: всѣхъ соединяли пережитыя невзгоды и совмѣстная борьба для спасенія отечества. Изъ провинціи получено было 47 привѣтственныхъ адресовъ за подписью сотенъ и тысячъ женщинъ. Митингъ 8 ноября постановилъ резолюцію—о расширеніи избирательнаго закона и распространеніи его на всѣхъ гражданъ безъ различія пола, сословія и состоянія. Второй единогласной резолюціей было постановлено представить въ парламентъ петицію,—требованіе распространенія на женщинъ полныхъ избирательныхъ правъ. Такимъ образомъ впервые въ программѣ женскаго союза появляется требованіе не только активнаго, но и пассивнаго избирательнаго права. Съ этой минуты политическія права женщинъ ставятся союзомъ на первую очередь и уже не сходятъ со сцены. При этомъ со-

юзъ настаивалъ на немедленномъ предоставленіи женщинамъ политическихъ правъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и для мужчинъ,—вопреки другому теченію, стремившемуся отложить реформу до введенія въ странѣ всеобщаго избирательнаго права.

Въ октябрѣ 1905 года въ исторіи Финляндіи перевернулась новая страница. Дѣятели освобожденія организовали въ Финляндіи грандіозную забастовку, охватившую всѣ области человѣческой жизни. Въ этой забастовкѣ приняли участіе всѣ передовые элементы Финляндіи. Открытымъ голосованіемъ былъ избранъ особый рабочій комитетъ изъ 8 с. д., въ томъ числѣ одна женщина, Ида Альстедтъ. Почти одновременно состоялся митингъ конституціоналистовъ, которые выбрали центральное стачечное бюро и выразили готовность дѣйствовать совмѣстно съ рабочимъ комитетомъ. 29 октября все сразу остановилось, какъ въ сказочномъ дворцѣ спящей принцессы. Въ теченіе цѣлой недѣли въ странѣ не дѣйствовали ни газъ, ни электричество. Прекратилось движеніе поѣздовъ, пароходовъ, трамваевъ, извозчиковъ. Прекратилась дѣятельность почты, телеграфа, телефона, забастовали всѣ типографіи и школы. Пріостановили свою дѣятельность судьи, полицейскіе и всѣ прочіе чиновники. Но среди этого мертваго царства живая мысль била ключомъ: на митингахъ раздавались огненныя рѣчи,—пламенный протестъ противъ беззаконія и насилій... Результатомъ единодушной, мирной борьбы за свободу явился манифестъ 4 ноября, положившій начало новой эры въ исторіи Финляндіи. Побѣда временно раздѣлила партіи. 23 ноября съѣздъ рабочей партіи въ Тамерфорсѣ возбудилъ вопросъ объ отношеніи къ предстоящимъ выборамъ. Признать ли сеймъ и участвовать ли въ выборахъ при существующемъ ограниченномъ избирательномъ правѣ, или же бойкотировать парламентское представительство и требовать созыва учредительнаго собранія.

Значительнымъ большинствомъ голосовъ съѣздъ высказался за бойкотъ. Но вслѣдствіе состоявшагося съ другими партіями соглашенія, бойкотъ не былъ примѣненъ: конституціоналисты сдѣлали уступки и провели въ сенатъ представителя с.-д. партіи; а послѣдняя, во имя общихъ интересовъ, отказалась отъ тактики бойкота.

Такъ, благодаря единенію всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, завершилась въ Финляндіи 7-лѣтняя борьба за свободу. Семилѣтній терроръ миновалъ, какъ кошмаръ, какъ страшный сонъ: странѣ была возвращена конституція съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ правъ и преимуществъ. Послѣ національной забастовки 7 декабря состоялся второй грандіозный митингъ женщинъ въ Гельсингфорсѣ. Здѣсь, при общемъ энтузіазмѣ, была проведена резолюція о предоставленіи политическихъ правъ всѣмъ достигшимъ 24 лѣтъ гражданамъ Финляндіи, мужчинамъ и женщинамъ. 29 мая 1906 года реформа эта была принята парламентомъ единогласно и безъ оговорокъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ теченіе всѣхъ обсужденій этого вопроса, всего четыре голоса высказались противъ уравненія женщинъ въ

правахъ съ мужчинами: два голоса въ парламентскомъ комитетѣ реформъ и два голоса въ сенатѣ. Оставалось теперь получить санкцію высшей власти. Когда сенаторъ Мехелинъ, горячій сторонникъ равноправія женщинъ, выступилъ въ Петербургѣ адвокатомъ этой реформы, ему возразили, что реформа преждевременна. «Мнѣніе націи требуетъ этого,—отвѣчалъ Мехелинъ,—и нѣтъ основанія опасаться, что женщины не отнесутся къ своему праву голоса съ тѣмъ же чувствомъ отвѣтственности, какъ и мужчины». Дальнѣйшихъ возраженій не послѣдовало. Такъ совершилась одна изъ величайшихъ реформъ нашего времени.

Мы подошли теперь къ послѣднему періоду дѣятельности поборницъ равноправія въ Финляндіи,—къ періоду предвыборной кампаніи. Всеобщій энтузіазмъ охватилъ всѣ прогрессивные элементы женскаго населенія Финляндіи. И этотъ энтузіазмъ выразился не въ праздничномъ ликованіи, а въ серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ новымъ обязанностямъ. За ½ года своего пріобщенія къ политической жизни, финляндки, конечно, не могли проявить въ широкой мѣрѣ своихъ общественно-политическихъ талантовъ. Но уже теперь, во время избирательной кампаніи, онѣ успѣли взять вѣрный тонъ и проявить гражданскую мудрость. 26 ноября въ Гельсингфорсѣ состоялся митингъ женщинъ—членовъ шведской народной партіи, гдѣ г-жа Лундстремъ заявила, что если женщины объединятся, то онѣ, благодаря одному численному превосходству, получатъ возможность преобразовать законы и опредѣлять теченіе общей политической жизни. «Но,—замѣтила г-жа Лундстремъ,—свою силу женщины должны проявлять лишь на общее благо. Провести въ сеймъ большинство женщинъ и сразу исправить всѣ тяжелыя условія, угнетающія женщинъ,—быть можетъ, даже переложить эти тяжести на мужчинъ, было бы отмщеніемъ за вѣковую неправду; но это бы не соотвѣтствовало истинной пользѣ народа». И г-жа Лундстремъ предложила отложить вопросъ о преобладаніи женщинъ на сеймѣ, пока онѣ по образованію и знаніямъ не станутъ равными мужчинамъ. При этомъ въ своей аргументаціи докладчица ссылалась на доводы справедливости и общеполезности. Такая точка зрѣнія, чуждая узкаго эгоизма, является залогомъ, что финляндки достойнымъ образомъ сумѣютъ воспользоваться своимъ новымъ правомъ.

Введеніе всеобщаго избирательнаго права свершилось въ Финляндіи неожиданно, такъ сказать, однимъ взмахомъ пера. На первую очередь выдвигалась теперь задача подготовить женскую массу къ новымъ обязанностямъ, развить ихъ въ политическомъ отношеніи. Сотни женщинъ-добровольцевъ съ одушевленіемъ принялись за дѣло. Молодыя студентки разъѣзжали по всей странѣ, устраивая для крестьянокъ лекціи и бесѣды по вопросу объ избирательномъ правѣ. Въ предвыборной агитаціи приняли участіе «общества трезвости», «федерація студентокъ» и разныя женскія общества. Одна финская ассоціація женщинъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ организовала 130 лекцій. Руководство на курсахъ по избирательному праву

приняли на себя многіе профессора, юристки и студентки. Курсы эти устраивались въ самой доступной и популярной формѣ. Въ громадной аудиторіи, украшенной по стѣнамъ эмблемами и девизами разныхъ политическихъ партій,—созывались женщины всѣхъ классовъ, профессій, возрастовъ. Вначалѣ лекторъ пояснялъ законъ и записывалъ на большой доскѣ основные принципы пропорціональнаго избирательнаго права. Послѣ этого предсѣдательница объявляла объ открытіи избирательной кампаніи. Предлагались списки кандидатовъ. Женщины, члены избирательныхъ комитетовъ, говорили каждая въ пользу своего кандидата. Затѣмъ приступали къ выборамъ. Шесть женщинъ, составлявшихъ бюро, садились около избирательныхъ урнъ, куда всѣ присутствующіе опускали свои бюллетени. Затѣмъ, при звукахъ національныхъ пѣсенъ, происходилъ подсчетъ бюллетеней; и, наконецъ, послѣдній актъ,—результатъ выборовъ оглашался посредствомъ записи на доскѣ именъ избранныхъ депутатовъ. Предвыборная кампанія велась дѣятельно и энергично женщинами всѣхъ партій: младо-финской, шведской національной партіей, старо-финской и соціалъ-демократической. Каждая изъ этихъ партій выставила нѣсколько женщинъ въ числѣ своихъ кандидатовъ въ парламентъ. Не обошлась при этомъ избирательная кампанія и безъ протеста. При общемъ сочувствіи, которымъ встрѣчено было включеніе женщинъ въ число полноправныхъ гражданъ, во всѣхъ партіяхъ нашлись мужчины, не пожелавшіе видѣть женщинъ на парламентскихъ скамьяхъ и старавшіеся всячески воздѣйствовать на женщинъ въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ голосовали только за мужчинъ: попытки ихъ оказались тщетными и встрѣтили отпоръ со стороны сознательныхъ гражданокъ Финляндіи. По общимъ отзывамъ, женщины всѣхъ классовъ съ громаднымъ интересомъ отнеслись къ открывшейся передъ ними политической дѣятельности, и съ самаго начала приняли въ ней живое участіе. При этомъ взгляды на желательную для женщинъ тактику расходятся. Нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, г-жа Хагманъ, изъ младофинской партіи, опасаются вліянія на женщинъ политики и убѣждаютъ ихъ стоять вдали и внѣ политической борьбы. Но громадное большинство женщинъ не послѣдовало этимъ совѣтамъ: почти всѣ интересующіяся политикой принадлежатъ къ той или другой политической партіи. Тѣмъ не менѣе, есть цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся благосостоянія женщинъ и всего общества, которые одинаково понимаются женщинами всѣхъ партій; и безъ сомнѣнія, всѣ избранныя депутатки парламента будутъ дружно и согласно стремиться къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Изъ нихъ на первый планъ выдвигается жгучій вопросъ о запрещеніи въ Финляндію ввоза, продажи и потребленія крѣпкихъ напитковъ. Женщины, болѣе всѣхъ страдающія отъ пьянства мужчинъ, настоятельно требуютъ проведенія закона, изгоняющаго алкоголь изъ предѣловъ Финляндіи. Есть и много другихъ реформъ, настоятельно выдвигаемыхъ женской частью населенія. Такъ, союзъ женскаго дѣла организовалъ рядъ комитетовъ для выработки слѣ-

дующихъ законопроектовъ: 1) о правѣ собственности замужнихъ женщинъ, 2) о распространеніи на замужнихъ женщинъ муниципальныхъ избирательныхъ правъ и пассивнаго избирательнаго права на всѣхъ женщинъ, уплачивающихъ налогъ, 3) объ уничтоженіи проституціи, 4) объ улучшеніи юридическаго положенія внѣбрачныхъ дѣтей, 5) преобразованіе женскихъ школъ и предоставленіе имъ тѣхъ же правъ, какія установлены для мужскихъ школъ и т. д.; 3 марта, за два дня до выборовъ, въ Тавасгусѣ и многихъ другихъ городахъ состоялись предвыборныя собранія, а въ Выборгѣ—грандіозная демонстрація финскихъ женщинъ. Около 3-хъ тысячъ женщинъ всѣхъ профессій собралось на площади Краснаго колодца, съ плакатами, знаменами, съ пѣніемъ національнаго гимна. На площади онѣ построились длинной фалангой. Изъ рабочаго дома вышелъ оркестръ духовой музыки, и подъ звуки марша процессія двинулась по центральнымъ улицамъ города. Черезъ часъ демонстрантки вернулись на площадь. Нѣсколько ораторовъ, въ томъ числѣ работница, обратились къ собранію съ горячими рѣчами; онѣ говорили о гнетѣ, въ которомъ жила до сихъ поръ женщина, о необходимости предоставить ей впредь широкое участіе въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ общественно-государственной жизни. Никто не прерывалъ ораторовъ. Не было на митингѣ ни наряда полиціи, ни казаковъ... Не слышалось ни окриковъ, ни свиста нагаекъ... По окончаніи рѣчей митингъ разошелся—мирно, тихо и торжественно...

Такъ совершился въ Финляндіи великій переворотъ, сбросившій съ женщины позорныя цѣпи вѣкового рабства. На первый взглядъ событіе это поражаетъ своею неожиданностью, но вглядываясь въ далекое и ближайшее прошлое, мы видимъ, что оно подготовлялось издалека. Корни его слѣдуетъ искать прежде всего въ демократизмѣ, красной нитью проходящемъ во всей исторіи Финляндіи. Уже издревле финляндки занимали почетное мѣсто въ обществѣ и семьѣ. Въ XIX вѣкѣ навстрѣчу общественному мнѣнію идетъ законъ, постепенно расширяющій сферу правоспособности женщины. Наконецъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія расширяется и сфера образованія, распространяется совмѣстное обученіе, уничтожающее вѣковые предразсудки и устанавливающее нормальныя товарищескія отношенія между мужчиной и женщиной. Таковы общественныя условія, при которыхъ женщина въ Финляндіи готовилась вступить въ политическую жизнь. Историческія событія послѣднихъ лѣтъ—борьба за освобожденіе Финляндіи и участіе въ ней женщинъ, лишь облегчили имъ путь къ завѣтной цѣли и ускорили часъ побѣды.

Мы не знаемъ, какъ воспользуются наши сестры въ Финляндіи полученными правами, какъ выполнятъ свою новую миссію. Но то настроеніе, съ которымъ онѣ вступаютъ въ эту новую эру жизни, является счастливымъ предзнаменованіемъ.

Мы, отставшія отъ нихъ въ политической жизни, обращаемся къ нимъ съ горячимъ привѣтомъ и самыми искренними пожеланіями успѣха въ

новой дѣятельности. Мы радуемся побѣдѣ нашихъ сестеръ въ Финляндіи, какъ своей собственной. Пусть примѣръ ихъ одушевитъ насъ, вдохнетъ въ насъ бодрость и энергію, а пережитой ими опытъ пусть послужитъ намъ путеводной звѣздой. Женщины Финляндіи добились равноправія не только благодаря счастливому совпаденію историческихъ условій. Нѣтъ, онѣ побѣдили благодаря стойкости, энергіи, выдержкѣ, благодаря дружной совмѣстной работѣ. Добиваясь свободы, онѣ забывали партійную вражду. Я выражаю пожеланіе, чтобы въ предстоящей намъ борьбѣ и нашимъ девизомъ явились единеніе, солидарность, забвеніе всякихъ личныхъ и партійныхъ счетовъ.

Н. Мировичъ.

Отзвуки парижской жизни.

Ницше во французскомъ романѣ.

Вопросъ индивидуализма и альтруизма — самый жгучій вопросъ нашего времени. Его значеніе громадно въ предѣлахъ жизни людей въ цивилизованныхъ странахъ. Онъ окрашиваетъ всѣ проявленія общественности; онъ ребромъ ставится и въ умственной жизни всѣхъ культурныхъ странъ; онъ стоитъ открытымъ въ политикѣ, волнуетъ умы въ литературѣ, въ искусствѣ, ежечасно поднимается во всѣхъ областяхъ людскихъ отношеній, раздѣляетъ, единитъ.

Девятнадцатый вѣкъ переоцѣнилъ всѣ цѣнности—вотъ почему въ концѣ его могъ явиться замѣчательный поэтъ-писатель, который смѣло, мощно и красиво подвелъ итогъ всѣмъ переоцѣнкамъ вѣка, гордо водрузилъ знамя абсолютнаго индивидуализма и сталъ его олицетвореніемъ.

Во Франціи индивидуалистическія теоріи имѣютъ почву для распространенія. Ницше, проникшій сюда въ девятидесятыхъ годахъ, насчитываетъ много сторонниковъ. Не только «четыреста лѣтъ утонченной литературы подготовили во Франціи почву для воспріятія его идей. Вѣковая культура далеко не всегда способствуетъ распространенію новыхъ направленій; она является даже скорѣе задерживающимъ элементомъ на пути новшествъ. Почву для пріятія идей Ницше подготовляли во Франціи особыя условія жизни и рядъ литературныхъ и эстетическихъ теченій, по которымъ направилась французская мысль въ концѣ прошлаго вѣка.

Символизмъ въ литературѣ, импрессіонизмъ и слѣдовавшій за нимъ идеализмъ въ живописи, пессимизмъ дилетантизма съ культомъ своего *я*— вотъ что подготовило почву пріемлемости идей Ницше въ интеллектуальныхъ кругахъ. Символизмъ въ поэзіи боролся не только за полную свободу творчества, но выдвигалъ основнымъ требованіемъ наивысшее самоопредѣленіе личности писателя. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ усталости и пессимизма онъ отходилъ отъ жизни въ мистическую мечту, что привело часть его послѣдователей даже къ формальному католицизму — въ мечту о далекомъ прошломъ, о средневѣковьѣ, олицетворявшемъ красоту въ сопоставленіи съ довлѣвшей суровымъ запросамъ жизни дѣйствительностью.

Ученіе Ницше явилось, во-первыхъ, утвержденіемъ высшихъ чаяній французскаго искусства и, во-вторыхъ, плодотворной реакціей безпочвенному и безнадежному отрицанію жизни. Оно было тѣмъ безнадежнѣе, что сверхъ жизни ничего не оставалось у французскаго интеллигента послѣ всеобщей перетасовки старыхъ упованій и предчувствій. Ницше звалъ къ жизни во имя ея реальныхъ радостей. Наново и съ новой красотой раздался совѣтъ: grau, lieber Freund, ist alle Theorie und grün des Lebens goldner Baum. Молодая французская литература устала въ холодномъ склепѣ тончайшей искусственности; полностью врожденнаго расѣ художественнаго инстинкта она жаждала свѣжести вѣчно золотого дерева земли.

Ницше, переведенный на французскій языкъ, читался, коментировался и обсуждался въ безчисленныхъ въ Парижѣ литературныхъ кружкахъ и салонахъ. Писатели вдохновлялись его идеями, брали разныя проблемы ницшеанства темами своихъ произведеній, но въ широкіе слои образованнаго французскаго общества Ницше не проникалъ. Отрывками входили въ разговорный языкъ отдѣльныя его выраженія, отдѣльныя мысли, но по существу онъ оставался неизвѣстнымъ и даже мало интереснымъ. André Gide, произведенія котораго пропитаны идеями Ницше, остается и по сей чай неразрѣшенной загадкой для широкихъ слоевъ читающей публики.

Естественно, что изъ многочисленныхъ вопросовъ, поднятыхъ сочиненіями Ницше, вопросы этическіе ближе всего затрогиваютъ нашихъ современниковъ именно потому, что всѣ цѣнности переоцѣнены—старые устои расшатаны, а мѣсто ихъ заполняется ли для средняго человѣка индивидуалистической моралью избранныхъ? Сложной проблемѣ конфликта двухъ моралей—альтруистической, или морали состраданія, и индивидуалистической—посвящены были два талантливыхъ романа. Въ 1902 г. André Gide написалъ «L'Immoraliste», сложную душевную драму вѣчнаго столкновенія того же, что между Гамлетомъ и Офеліей, между Фаустомъ и Маргаритой. Герой романа, Мишель, имморалистъ, подобно своимъ прообразамъ, предпочитаетъ себя женѣ своей Марселинѣ. Мораль состраданія, мораль, опирающаяся на религіозное чувство, помогаетъ Марселинѣ спасти мужа, жертвуя, въ сущности, собою. Имморализмъ Мишеля губитъ Марселину, но и его вовлекаетъ въ гибель. Авторъ не стоитъ ни за старую, ни за новую мораль, ничего не проповѣдуетъ, онъ ограничивается глубокимъ психологическимъ анализомъ сущности самаго конфликта, ставитъ задачу, не разрѣшая ея, потому что она пока остается для насъ трагической и неразрѣшимой.

Въ 1905 г. той же темѣ столкновенія двухъ нравственностей Paul Adam посвятилъ большой романъ «Le serpent noir».

Paul Adam совершенно противоположенъ A. Gide'у по темпераменту, чуждъ интимной утонченности послѣдняго. Это талантъ рѣзкихъ, рѣшительныхъ взмаховъ, талантъ, которому привольнѣе среди стихій толпы, чѣмъ въ тайникахъ единичной души. Его романъ задуманъ шире, всѣ вопросы въ немъ поставлены рѣзче и выводы куда рѣшительнѣе. Paul Adam

не ограничился, подобно своему предшественнику, постановкой проблемы; онъ судитъ и изъ двухъ стоящихъ передъ судомъ современности моралей выбираетъ мораль состраданія.

Эпиграфомъ къ роману взята притча изъ Заратустры о молодомъ пастухѣ и черной змѣѣ, залѣзшей ему въ ротъ и душившей его; о змѣѣ, отъ которой не можетъ спасти никакая посторонняя рука, которой надо откусить голову самому, чтобъ освободиться отъ нея. Фабула романа болѣе чѣмъ странная и совершенно искусственная. Этотъ неправдоподобный, въ сущности, анекдотъ служитъ лишь канвой для развитія идей романиста и предлогомъ для мастерскихъ картинъ природы и людей, ярко-красочныхъ картинъ, въ искусствѣ рисовать которыя автору нѣтъ равнаго среди современныхъ романистовъ. Геніальный, но никому не извѣстный ученый врачъ Гульвенъ изобрѣлъ противотифозную сыворотку. Докладъ объ этомъ читался въ академіи наукъ, но только какъ предварительное сообщеніе. Для доведенія до конца своего изобрѣтенія Гульвену необходимо сдѣлать рядъ опытовъ, а для нихъ требуется много денегъ. Гульвенъ бѣденъ, живетъ въ Бретани въ наслѣдственномъ домикѣ и лѣчитъ окрестныхъ крестьянъ, зарабатывая этимъ ничтожные гроши, причемъ тратитъ на разъѣзды по больнымъ послѣдніе остатки силъ расшатаннаго организма и почти все время, которое могъ бы употребить такъ плодотворно на пользу человѣчества, продолжая свои опыты. Онъ женатъ на некрасивой безличной женщинѣ, страстно вѣрующей католичкѣ. Гульвены—бретонцы. Хотя духъ современности и научная мысль убили въ Гульвенѣ старую вѣру, но духъ его мистической расы и наслѣдованные инстинкты предковъ-моряковъ поддерживаютъ въ немъ привычную старую мораль и даже вспышками старую вѣру. Такимъ образомъ, супруги Гульвены являются то по убѣжденію, то по привычкѣ—представителями старой морали долга передъ ближнимъ, морали состраданія, самопожертвованія. Мораль индивидуализма представляетъ старый товарищъ Гульвена—ницшеанецъ, сильный, ловкій тѣломъ, смѣлый въ выводахъ, неспособный ни сознательно, ни безсознательно ни на какой видъ любви къ ближнему, агентъ крупной фармацевтической фирмы, Гишардо. Смѣлость выводовъ Гишардо, опирающагося на тексты изъ Ницше, безпредѣльна; ему все кажется дозволеннымъ, всѣ проявленія грубой невоспитанности и нахальства, всѣ поступки, клонящіеся къ удовлетворенію его инстинктовъ сильнаго животнаго. Хотя Paul Adam убѣжденъ, что онъ изобразилъ имморалиста, но его Гишардо не возвышается надъ очень современнымъ типомъ мелкаго дѣльца, беззастѣнчиво примѣняющаго наглую и ходячую между дѣльцами поговорку: la richesse est l'argent des autres. У Гульвеновъ гоститъ ихъ родственница, богатѣйшая вдова депутата-республиканца. Это представительница переходной морали, морали de la libre pensée, разрушившей основы стараго, но недошедшей до смѣлости настоящаго отрицанія. Это аморальность, но стремящаяся втиснуть старые этическіе устои въ новыя формы, замѣнить религіозное чувство патріотизмомъ, общественной пользой; аморальность

трусливая, сдерживаемая страхомъ передъ полицейскимъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ, лицемѣрная, все допускающая, но ничего не дерзающая. Между этими лицами разыгрывается, по нашему скромному мнѣнію, безсмысленная мелодрама въ ослѣпительно красивой обстановкѣ бретонскаго моря, бретонскихъ скалъ, живописной, еще средневѣковой бретонской толпы, религіозныхъ процессій подъ шумъ вздымающихся валовъ океана и пыхтѣнія автомобилей. Богатая вдова влюблена въ Гульвена, а онъ въ нее. Почему-то она не можетъ просто дать ему денегъ на дальнѣйшее производство опытовъ, долженствующихъ спасти человѣчество отъ тифа. Гишардо рѣшаетъ вопросъ просто: пусть жена Гульвена разведется съ мужемъ и пойдетъ въ монастырь, что такъ соотвѣтствуетъ всѣмъ ея стремленіямъ, а Гульвенъ пусть женится на вдовѣ и тѣмъ спасетъ себя и страдающее отъ тифа человѣчество. Мораль самопожертвованія и состраданія заставляетъ жену Гульвена ради мужа согласиться на разводъ, пожертвовать не только собою, но и своими религіозными убѣжденіями, запрещающими разводъ. Такое же сотраданіе, инстинктивно и привычно живущее въ бретонской душѣ Гульвена, заставляетъ его отказаться отъ этой жертвы, и ницшеанецъ Гишардо, совершенно неизвѣстно почему хлопотавшій изъ всѣхъ силъ на пользу Гульвена, остается, такъ сказать, посрамленнымъ; не онъ, индивидуалистъ, оказался сильнымъ, сверхчеловѣкомъ; сильными были эти кроткіе, скромные христіане...

Оба эти романа, талантливые и значительные, прошли довольно непримѣтно. При массѣ печатающейся во Франціи беллетристики романы рѣдко производятъ сильное впечатлѣніе. Для литературныхъ круговъ идейная сторона произведенія Paul Adam'a потонула въ миражѣ описательныхъ красотъ. Но когда авторъ передѣлалъ свой романъ въ драму «Les Mouettes», когда драма эта была съ успѣхомъ поставлена въ нынѣшнемъ году на сценѣ Comédie Française, то идейная сторона ея выдвинулась, вызвала полемику, перенеслась въ жизнь.

Хотя театръ во Франціи, въ особенности же въ Парижѣ, служитъ только развлеченіемъ, онъ все же послѣ газетъ — самое могучее средство популяризаціи идей. Можетъ быть, именно потому, что парижане не ищутъ въ театрѣ ничего помимо развлеченія, сцена и является въ значительной степени показателемъ общественнаго настроенія. За театромъ не укрѣпилась роль высшаго искусства; онъ долженъ просто нравиться публикѣ, развлекать ее, если не потѣшать. Десятки парижскихъ театровъ обращаются каждый къ своей особой публикѣ, льстятъ ея вкусамъ. Зато театръ — излюбленное развлеченіе француза. Все провозглашенное со сцены разливается въ обществѣ шире, чѣмъ сказанное въ книгѣ, проникая глубже, чѣмъ могучая пропаганда газеты. Это значеніе театра до того очевидно, что цензура, безусловно уничтоженная во Франціи для всего остального, еще сохранилась для театра.

Появленіе «Les Mouettes» на сценѣ Comédie Française показываетъ, что идеями Ницше интересуются и внѣ среды интеллектюэлей. Послѣ пре-

ставленія драмы онѣ несомнѣнно вышли если не на улицу, то на большіе бульвары. Сверхчеловѣкъ обсуждался въ газетахъ, свѣтскія дамы говорили объ ужасѣ вѣка, создающаго такихъ чудовищъ, какъ Шамбало (въ театральной передѣлкѣ Гишардо названъ Шамбало).

Переводчикъ и знатокъ Ницше Henri Albert выступилъ въ Mercure de France съ рѣзкой отповѣдью по адресу Paul Adam, основательно доказывая, что въ невоспитанномъ и грубомъ Шамбало нѣтъ ничего ницшеанскаго, но Paul Adam не сдавался и въ томъ же журналѣ рядомъ выписокъ изъ «Заратустры» и изъ своей собственной комедіи пытался отстоять за своимъ аптекарскимъ агентомъ званіе ницшеанца.

Споръ этотъ, перенесенный на почву отрицанія или утвержденія морали Ницше созданіемъ типа ницшеанца какимъ-либо писателемъ, не имѣетъ существеннаго значенія. Если Paul Adam не понялъ Ницше или лишь поверхностно съ нимъ ознакомился, въ чемъ его упрекаютъ французскіе ницшеанцы, то это представляетъ вообще ограниченный интересъ. Своимъ желаніемъ во что бы то ни стало согласовать созданный имъ типъ съ новой моралью Paul Adam только умаляетъ значеніе своего произведенія. Его комедія не удалась: она еще анекдотичнѣе и искусственнѣе его романа. Спали всѣ завѣсы красоты, привлекавшія читателя; выдвинулась на передній планъ несообразность фабулы, что лишаетъ пьесу интереса; но всѣ эти недостатки подчеркнули Шамбало. Онъ остался цѣлъ, онъ жилъ и онъ придавалъ пьесѣ жизнь и интересъ. Создать живой типъ при помощи выписокъ изъ произведенія даже великаго писателя — задача невозможная. Кукла, облѣпленная геніальными цитатами, все же кукла. Напрасно Paul Adam даетъ себѣ трудъ приводить тексты въ защиту своего типа; его талантъ стоитъ выше аляповатой, безполезной для искусства тенденціозности и его герой—можетъ быть, помимо воли автора (надъ которымъ собственный талантъ часто подшучиваетъ), хотя и не сверхчеловѣкъ, но не кукла, а живой, живучій типъ и при томъ нашего времени. Желая изобразить личность сильную, отрѣшившуюся отъ путъ религіозныхъ предразсудковъ, старыхъ моральныхъ устоевъ, развивающую свою индивидуальность, не взирая на ущербъ, причиняемый ближнему, Paul Adam затронулъ вопросъ практической морали. Каковъ будетъ средній, ничѣмъ не выдающійся человѣкъ въ современномъ обществѣ, среди его сложныхъ условій, если онъ станетъ примѣнять къ мелкимъ своимъ инстинктамъ принципы индивидуалистической морали? Рѣшеніе этой болѣе скромной, но, можетъ быть, сейчасъ въ высшей степени важной задачи б…мстательно достигается созданіемъ типа Гишардо. Такой человѣкъ будетъ п…иблизительно мерзавцемъ. Самое ученіе Ницше тутъ, въ сущности, ни п… и чемъ. Такими ницшеанцами очень давно полна жизнь. Беззастѣнчивое с…ремленіе къ владычеству, къ наслажденію матеріальными благами во что б… то ни стало и достиженіе ихъ цѣною чужихъ жизней существовало и… до Ницше. Альфонсъ Додэ изобразилъ своего рода Гишардо въ «L'Im-… rtel».

Его индивидуалистъ родился не отъ идей Ницше, а изъ теоріи Дарвина, опирался на struggle for life. Онъ, правда, не желалъ пріобрѣтать для акціонерной компаніи противотифозную сыворотку, ему не приходилось бороться противъ расоваго религіознаго инстинкта,—онъ просто пролѣзалъ въ академію черезъ головы болѣе достойныхъ, но менѣе ловкихъ конкуррентовъ. Этотъ романъ Додэ произвелъ въ свое время столь большую сенсацію, что въ разговорномъ языкѣ и даже въ печати употреблялось дикое существительное struggle-for-lifeur въ томъ же смыслѣ, въ какомъ теперь примѣняютъ выраженіе surhomme. Дарвинъ и борьба за существованіе оставались чѣмъ были, а молодые и старые мерзавцы жили и благоденствовали.

Умнѣе Paul Adam'a, но, къ сожалѣнію, менѣе талантливо тему морали сильныхъ разработали братья Jérome и Jean Tharaud въ романѣ «Дингли» *), получившемъ только что премію академіи Гонкуровъ **). Герой романа—душа безъ умаляющаго личность состраданія, жрецъ передъ алтаремъ силы, отрицающій «мораль клержименовъ», не задумывающійся надъ тѣмъ, что справедливо и несправедливо. Человѣческое страданіе привлекаетъ его, не вызывая жалости; онъ глядитъ на него холодно, даже съ затаенной радостью знатока-коллекціонера при находкѣ интереснаго для коллекціи предмета. Жестокость сердца нравится ему и въ другихъ; онъ предпочитаетъ грубую силу убійцы сантиментальной слабости. Этотъ герой не изъ тѣхъ, которые попадаются тринадцать разъ изъ двѣнадцати, не аптекарь, хватающій гроши; это знаменитый писатель въ апогеѣ славы. Подъ именемъ Дингли совершенно откровенно изображенъ Киплингъ.

Похожъ ли Дингли на Киплинга? Это не важно для читателя, важно то, что писателя съ большимъ талантомъ и съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ можно представить себѣ, какъ Дингли. Но можно ли представить его себѣ иначе? Это другой вопросъ.

Итакъ, Дингли появляется въ романѣ уже на вершинѣ славы. Ему сорокъ лѣтъ. Онъ писалъ для дѣтей, для женщинъ, для артистовъ, для измѣнчивой, нестойкой публики. Переживетъ ли его хоть одна написанная имъ строка? Опасаясь будущаго крушенія своей славы, онъ втайнѣ давно ищетъ несокрушимаго фундамента для нея. Идея имперіализма, родившаяся тоже изъ головы романиста—Дизраэли, завоеваніе земного шара его племенемъ—казались всегда Дингли наиболѣе значительными явленіями въ исторіи человѣчества со временъ древняго Рима. Трансваальская война теперь во всемъ разгарѣ. Маленькій народъ поднялся противъ владычества могущественной Англіи. Война, этотъ источникъ всѣхъ энергій, воодушевляетъ романиста; имперіализмъ экзальтируетъ врожденное и воспитанное поклоненіе силѣ. Романистъ бродитъ днями и ночами по улицамъ Лондона, вглядываясь въ лица бѣдняковъ, слушая ихъ разговоры,

*) Dingley, l'illustre ecrivain, 1906, Ed. Peletan.

**) Въ предыдущемъ номерѣ *Русской Мысли* читателямъ былъ предложенъ переводъ этого романа. *Редакція.*

вмѣшиваясь въ молчаливую толпу, ежедневно читающую длинные списки убитыхъ и раненыхъ. Сюжетъ романа убѣгаетъ, не складывается... Но вотъ однажды онъ видитъ, какъ вербовщикъ записываетъ въ рекруты двухъ оборванцевъ.

Сюжетъ романа найденъ. Дингли напишетъ исторію лондонскаго хулигана, возрожденнаго войной. Онъ дастъ читателямъ картину войны какъ акта, возвышающаго человѣка. Что можетъ дать солдату слезливый «пасифистъ» взамѣнъ правильнаго разгула войны? Они сильны, они властны, они повелѣваютъ, эти люди, пришедшіе невѣсть откуда съ сомнительнымъ прошлымъ, люди хорошіе и дурные, принесшіе на войну свой латентный героизмъ. Дингли дастъ отвѣдать читателямъ мощнаго вина грубой жизни, дастъ почувствовать опьянѣніе человѣка, въ которомъ проснулись первобытные инстинкты насилія, борьбы, усыпленные цивилизаціей. Смерть не вызоветъ иного чувства, кромѣ экзальтаціи гордости и сознанія силы. И какое значеніе имѣетъ смерть отдѣльныхъ людей, когда жизнь только тѣмъ и хороша, что она коротка и никогда не возобновляется?

Романистъ ѣдетъ въ Трансвааль при англійскомъ отрядѣ, слѣдитъ за перипетіями войны. Его сопровождаетъ жена и маленькій сынъ. Настроеніе его все поднимается; онъ видитъ войну еще сквозь призму артиста-творца, планъ романа зрѣетъ, растетъ и крѣпнетъ сынъ его фантазіи— лондонскій бѣднякъ Барръ, спустившійся до послѣднихъ ступеней нищеты и порока, потомъ перерожденный спасительной силой войны. Но вотъ война показываетъ и иной ликъ: коситъ смерть, уже не экзальтируя гордость и силу, сотнями падаютъ дѣти въ безславной агоніи отъ дизентеріи. Сынъ Дингли по крови тоже умираетъ. Послѣ полученія извѣстія о его болѣзни сразу нарушается гармонія между романистомъ и созданнымъ имъ героемъ романа. Измѣняется окраска всего видимаго, и картины войны представляются уже только рядомъ почти несокрушимыхъ препятствій добраться до умирающаго ребенка. Въ одинокой ночной скачкѣ по безконечной равнинѣ, опустошенной войсками, гдѣ отъ цивилизаціи не осталось слѣдовъ, Дингли чувствуетъ себя безсильнымъ, глубоко несчастнымъ. Не одиночество, а общество людей придаетъ ему еще нѣкоторую силу. Онъ предчувствуетъ старость, постепенное разрушеніе тѣла; всѣ клѣтки организма закричатъ ему тогда: «ты побѣжденъ!» Не такъ было въ молодости, когда люди, города, звѣри, травы, пустыни заполняли его душу исключительно. Ничто не умаляло силы наслажденія жизнью. Въ сердцѣ не было любви, но не было и печали. Любовь пришла—сперва къ женѣ, потомъ къ сыну, и постепенно сужался ею горизонтъ жизни, тускнѣлъ ея блескъ. Война убила сына по крови; любовь къ нему, скорбь объ его утратѣ убиваютъ и сына мечты—Барра. И великая грёза имперіализма, владычества надъ міромъ коллективной личности одного народа блѣднѣетъ, угасаетъ подъ наплывомъ горя его любви, горя, которое является, въ сущности, видомъ состраданія къ погибшему и къ самому себѣ. Могучій возбудитель энергіи, факторъ возрожденія ослабленныхъ

цивилизацiей людей здоровымъ инстинктомъ дикаря—война—теряетъ свой величественный обликъ въ душѣ поэта. Засыпая ночью въ лагерѣ, онъ слушаетъ звуки трубъ, но они не говорятъ ему о славѣ, о привольѣ солдатской жизни. Они выражаютъ потребность воиновъ уснуть, забыться, выражаютъ отвращенiе къ безполезной задачѣ, которую завтра надо снова начать. Все замираетъ въ Дингли; романъ не пишется, безконечная грусть охватываетъ его, и онъ говоритъ себѣ: «Я думалъ вотще, я мечталъ вотще, я писалъ вотще. Мое искусство ласкало лишь мою радость. Въ моихъ разсказахъ всюду иллюзiя глаза, живописность, веселье, животность, остроумiе. Нѣтъ въ нихъ гармонiи съ моей грустью»...

Горе не смягчаетъ Дингли. Такъ же равнодушно, какъ прежде, онъ наблюдалъ чужое горе, онъ теперь отказывается спасти человѣка, доставившаго ему возможность обнять умирающаго сына. Юноша-буръ, дю-Тетъ, воспитанный въ Оксфордѣ, становится въ ряды своихъ. Дингли, бродя ночью въ пустынѣ, отыскивая путь къ желѣзно-дорожной станцiи, случайно попаетъ въ его стоянку. Дю-Тетъ выказалъ ему состраданiе, отпустилъ его, пожалѣлъ о больномъ мальчикѣ, котораго зналъ. Это состраданiе скорѣе оскорбило Дингли. Дю-Тетъ взятъ въ плѣнъ; его должны разстрѣлять; слово Дингли можетъ спасти его, но слова этого Дингли не скажетъ. Зачѣмъ? Дю-Тетъ и онъ равны и однозначны. Въ борьбѣ оба стояли на разныхъ сторонахъ. Жизнь, сведенная на личныя чувства, не имѣетъ цѣны. Этотъ юноша, котораго сейчасъ разстрѣляютъ, игралъ и проигралъ. Онъ былъ счастливъ, онъ жилъ, онъ нашелъ цѣль жизни, онъ властвовалъ, онъ былъ героемъ. Онъ заслуживаетъ большаго, чѣмъ состраданiе. Поэтъ посвятитъ его смерти пѣснь, и долго оксфордскiе студенты, читая эти стихи, будутъ вспоминать геройски погибшаго юношу... Простое состраданiе, слiянiе своего горя отца съ горемъ другого отца, который сейчасъ тоже потеряетъ сына, чуждо душѣ Дингли. Горе не раздавило сильную личность поэта. Оно пронеслось въ его душѣ, но не вылилось наружу, не слилось съ горемъ кругомъ страдающихъ. И когда скорбь затихла, какъ затихаетъ всякое страданiе, въ поэтѣ проснулась старая власть творить....

Братья Таро, подобно A. Gide'у, не даютъ никакихъ выводовъ. Коегдѣ въ текстѣ попадаются довольно плоскiя попытки сдѣлать изъ индивидуализма Дингли основную черту характера англичанина и противопоставить ему болѣе возвышенный характеръ француза, но въ общемъ Таро не обнаруживаютъ докучной наклонности къ морали въ концѣ басни. Еслибъ ихъ романъ не былъ написанъ тѣмъ кинематографическимъ способомъ, который теперь очень распространенъ у молодыхъ французскихъ романистовъ, онъ производилъ бы потрясающее впечатлѣнiе. Какъ холодно, какъ пусто около такого человѣка и такого писателя. Типъ Дингли, недостаточно тонко развитый, не обставленный жизнеподобной средой, все же выдержанъ и вѣренъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ созданiю его характера авторы пришли тщательнымъ изученiемъ сочиненiй Киплинга.

Вѣдь всякое изученіе писателя въ концѣ-концовъ сводится къ возстановленію, по произведеніямъ, души автора, потому что всякій творецъ творитъ по образу и подобію своему. Но можно ли, пользуясь этимъ примѣромъ, утверждать, что всякій художникъ будетъ непремѣнно включать въ себѣ эти ницшеанскія свойства индивидуализма?

Проблема индивидуалистической морали въ значительной степени запутывается романистами тѣмъ, что ихъ мысль бьется о двѣ противоположныя стѣны: о христіанскую нравственность и о ницшеанскій аморализмъ. Разрушенные старые устои требовали культа слабости; новая свобода какъ будто требуетъ культа силы. Развѣ вопросы индивидуалистической этики сводятся къ этой альтернативѣ? И развѣ внѣ такого противопоставленія нѣтъ исхода, нѣтъ путей для свободнаго развитія личности? Индивидуализмъ предполагаетъ не только болѣе широкія рамки, но по возможности безбрежный просторъ. Герценъ говорилъ, что нравственность есть эстетическое чувство. Въ неоформленности этого опредѣленія есть ширь и человѣчность. Эстетическое чувство можетъ быть оскорблено слабостью, но также и насиліемъ надъ слабостью; оно способно воспринимать красоту какъ въ силѣ, такъ и въ слабости. Чувства эти человѣчны, они единятъ людей, освобождая ихъ. Внѣ человѣчества нѣтъ человѣка. Тѣ избранные, творцы новыхъ цѣнностей, которые живутъ любовью къ дальнему, а не къ ближнему, все же не могутъ, оставаясь въ предѣлахъ земли, выйти изъ рамокъ человѣчества.

Оставивъ въ сторонѣ крошечныхъ, гаденькихъ, смѣшныхъ «сверхчеловѣковъ» изъ аптекарей, взглянемъ на Дингли какъ на типъ аморалиста-творца. Несомнѣнно, что художнику потребенъ величайшій просторъ. Но развѣ для полнаго развитія личности необходима обособленность отъ человѣчества, отсутствіе созвучія съ человѣческой слабостью, съ человѣческимъ горемъ? Любовь къ землѣ, къ золотому дереву жизни требуетъ отъ художника умѣнья сливаться съ природой, полностью воспринимать краски, форму, свѣтъ, тепло, оживить природу своимъ индивидуальнымъ духомъ и выразить ее въ образахъ, доступныхъ другимъ людскимъ сознаніямъ. Для сегодняшняго и завтрашняго человѣка во всей природѣ онъ самъ останется повсюду наиболѣе близкимъ и цѣннымъ. Великъ тотъ художникъ, который умѣетъ сливать свой духъ и съ природой и со всѣмъ человѣческимъ, который переживаетъ людскую радость и людское горе, людскую жестокость и людское состраданіе. Поклоненіе силѣ—это тоже путы, тоже обязательная окраска, обязательный откликъ въ опредѣленномъ направленіи на всякое явленіе жизни. Только всеобъемлющая чуткость человѣка вообще и поэта въ частности совершаетъ дѣянія, творитъ произведенія, тысячелѣтіями живущія въ сердцахъ людскихъ.

А. Баулеръ.

Вторая Государственная Дума.

I.

Я предполагалъ написать для настоящей книжки третье «Письмо изъ Таврическаго дворца», которое намѣревался посвятить оцѣнкѣ общихъ итоговъ весенней сессіи второй Думы, а также характеристикѣ предстоящей програмы осенней сессіи, поскольку она могла бы опредѣлиться къ началу лѣтнихъ парламентскихъ каникулъ. И вотъ, всѣ эти планы разрушены. Второй Государственной Думы не существуетъ и вмѣсто хроники ея дѣятельности приходится писать ея некрологъ. Исполнимъ же эту печальную обязанность и постараемся учесть тѣ уроки, которые вытекаютъ изъ краткой, но богатой знаменательными перипетіями исторіи второй Думы.

Я начну съ общаго взгляда на дѣятельность второй Думы въ ея цѣломъ и затѣмъ перейду къ обзору главнѣйшихъ отдѣльныхъ теченій, обозначившихся и взаимно пересѣкавшихся въ ходѣ ея занятій.

Въ отрицательныхъ сужденіяхъ о дѣятельности второй Думы всего чаще указывается на то, что вторая Дума восприняла недостатки первой, не обнаруживъ ея достоинствъ: уступая своей предшественницѣ въ количествѣ яркихъ и талантливыхъ членовъ, она проявила такую же, если еще не большую, неработоспособность. Разберемся въ этихъ упрекахъ. Всѣмъ извѣстны причины, по которымъ цѣлая фаланга испытанныхъ и блестящихъ политическихъ дѣятелей не могла переступить порога второй Государственной Думы. Никто не будетъ отрицать того, что это обстоятельство не могло не отразиться тяжелымъ образомъ на личномъ составѣ второй Думы, но нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что только самые недобросовѣстные враги народнаго представительства могли бы извлечь отсюда доводы въ пользу неподготовленности русскаго общества къ политической самодѣятельности. Не русское общество отвѣтственно за тѣ заставы и капканы, которыми была загромождена дорога къ избирательной урнѣ во время выборовъ во вторую Думу, и отсутствіе на скамьяхъ второй Думы людей, которые при нормальномъ теченіи выборовъ были бы избраны туда въ первую голову,—характеризовало собою не уровень политическихъ способностей русскаго народа, а нравы и замашки русской администраціи. Все

это ясно, какъ день, и поистинѣ безнадежна предубѣжденность тѣхъ, кто еще нуждается въ доказательствахъ справедливости этого положенія. Зато другой упрекъ, дѣлаемый второй Думѣ, упрекъ въ неработоспособности заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія. Я не буду отрицать того обстоятельства, что роспускъ засталъ Думу въ такой моментъ, когда законодательная работа въ общихъ собраніяхъ Думы только начинала налаживаться и что большая часть весенней сессіи была употреблена частью на подготовительныя коммиссіонныя работы по предварительному разсмотрѣнію законопроектовъ, частью на дебаты общаго тактическаго характера. Я спрошу только, можно ли извлекать изъ этихъ фактовъ безповоротный приговоръ надъ всей Думой, взятой въ цѣломъ, какъ надъ учрежденіемъ, лишеннымъ всякой работоспособности? Думаю, что такой приговоръ весьма далекъ отъ истины.

Прежде всего, предварительное обсужденіе законопроектовъ въ думскихъ коммиссіяхъ никоимъ образомъ не можетъ быть исключаемо изъ сферы законодательной думской *работы;* напротивъ того, опытъ всѣхъ парламентовъ указываетъ на то, что продуктивность парламентскихъ сессій по преимуществу измѣряется интенсивностью именно коммиссіонныхъ работъ, и строгіе «критики и судьи» русской Думы, которые ставятъ на счетъ ея неработоспособности то обстоятельство, что законопроекты неторопливо, пристально и тщательно изучались въ коммиссіяхъ, прежде чѣмъ поступить на обсужденіе общаго собранія,—обнаруживаютъ только незнакомство съ необходимыми основами парламентской техники. А если при учетѣ того, что было сдѣлано Думою за три мѣсяца въ области законодательства, не ограничиваться одними общими собраніями Думы, а ввести въ кругъ своего наблюденія также и работы думскихъ коммиссій,— получится совсѣмъ иная картина, на которую не такъ уже легко и удобно будетъ ссылаться усерднымъ изобличителямъ несостоятельности народнаго представительства.

Я отнюдь не склоненъ преувеличивать заслугъ второй Государственной Думы, я знаю ея недостатки и самъ ниже укажу на нихъ, но я долженъ протестовать со всей доступной мнѣ энергіей противъ попытокъ создать изъ нѣкоторыхъ недостатковъ второй Думы аргументъ противъ народнаго представительства въ Россіи. Я убѣжденъ какъ разъ въ обратномъ: отрицательныя явленія, обнаружившіяся во второй Думѣ, лишь рѣзче подчеркнули жизнеспособность всего учрежденія, взятаго въ цѣломъ, ибо та равнодѣйствующая линія, которая стала уже ясно опредѣляться въ занятіяхъ Думы въ результатѣ взаимнаго тренія противоположныхъ теченій,—показывала, что Дума способна справиться съ собственными внутренними недугами, разумѣется, при условіи, чтобы ей никто не мѣшалъ спокойно развертывать свои здоровыя творческія силы.

Когда у насъ говорятъ о неработоспособности Думы, то при этомъ имѣютъ въ виду лишь одно: количество практическихъ мѣропріятій, проведенныхъ чрезъ Думу. Съ точки зрѣнія этого взгляда, Дума есть машина

для изготовленія законопроектовъ и ничего болѣе, и каждый день, въ который аппаратъ, именуемый Думою, не выкинетъ изъ своего жерла готоваго законопроекта, немедленно записывается сторонниками указаннаго взгляда на счетъ «неработоспособности» народнаго представительства. Я самъ вмѣстѣ съ партіей, къ которой принадлежу, считаю прямымъ и главнѣйшимъ назначеніемъ народнаго представительства возрожденіе родины путемъ законодательныхъ преобразованій, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ признать, что пренія общаго, порою даже весьма отвлеченнаго характера, не пріурочиваемыя къ опредѣленному параграфу какого-либо законопроекта, далеко не всегда отдаляютъ палату отъ ея вышеуказаннаго непосредственнаго назначенія. Сплошь и рядомъ подобныя пренія служатъ необходимой и весьма плодотворной прелюдіей къ чисто прикладной законодательной работѣ, расчищая для нея почву изъ подъ взаимныхъ партійныхъ предубѣжденій, раздѣляющихъ различныя парламентскія группы. Народные представители—не чиновники какого-нибудь бюрократическаго департамента, которымъ не о чемъ сговариваться передъ выполненіемъ предстоящей имъ работы, потому что для нихъ подобный предварительный сговоръ замѣняется приказаніемъ начальства, которое остается только безпрекословно исполнить. Депутаты суть представители разнообразныхъ, взаимно пересѣкающихся направленій общественной мысли, и тѣмъ совершеннѣе представительство, чѣмъ полнѣе охватываетъ оно все разнообразіе этихъ направленій. Что же мудренаго въ томъ, что члены представительнаго учрежденія, собравшіеся притомъ для законодательной работы въ моментъ остраго кризиса въ политической жизни своего народа, будутъ принуждены посвятить не малое количество своихъ засѣданій для предварительнаго выясненія на нѣкоторыхъ общихъ тактическихъ вопросахъ силъ и взаимныхъ отношеній различныхъ группъ, представленныхъ въ парламентѣ? Правильно ли считать подобнаго рода дебаты чистой потерей времени, ненужной для послѣдующей законодательной работы, и называть ихъ «праздной болтовней», видя дѣловую работу исключительно въ послѣдовательномъ обсужденіи и принятіи различныхъ законодательныхъ параграфовъ? Не нужна ли эта «болтовня» въ концѣ-концовъ и для самой законодательной работы? Вѣдь парламентское законодательство въ отличіе отъ законодательства бюрократическаго непремѣнно должно представлять собою нѣкоторый средній, согласительный выводъ изъ разнообразныхъ теченій, борющихся въ странѣ въ данный моментъ. Но для достиженія этой цѣли всѣ такія теченія должны быть широко освѣщены въ парламентскихъ дебатахъ и должны выдержать искусъ взаимнаго столкновенія. Люди, привыкшіе къ машинному изготовленію бюрократическихъ законопроектовъ по заданнымъ начальствомъ предуказаніямъ, могутъ считать «болтовней» продолжительные дебаты по предварительнымъ общимъ вопросамъ, но вѣдь зато кто же и не испыталъ на себѣ всѣхъ прелестей молчаливаго законодательнаго творчества петербургскихъ департаментовъ? Я не намѣренъ отрицать того, что нѣкоторыя думскія группы были склонны

злоупотреблять дебатами общаго характера, что обнаружилось, наприм., особенно ярко въ аграрныхъ преніяхъ. Въ этихъ злоупотребленіяхъ сказывалась отчасти неопытность, отчасти сознательныя тактическія цѣли отдѣльныхъ группъ, которыя я признаю глубоко неправильными. Были въ Думѣ группы, которыя сознательно стремились утопить Думу въ пучинѣ словесныхъ эксцессовъ. Но вѣдь мы говоримъ пока не объ отдѣльныхъ думскихъ группахъ, а о всей Думѣ въ ея цѣломъ. И кто же рѣшится отрицать, что такія злоупотребленія встрѣчали упорное противодѣйствіе со стороны тѣхъ элементовъ палаты, которые смотрѣли на думскіе дебаты не какъ на самодовлѣющую цѣль, а какъ на средство для подготовки законодательной работы? Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что условія только что помянутыхъ элементовъ не остались безслѣдными, словесный потокъ общихъ дебатовъ былъ-таки введенъ въ нормальные берега, и Дума приняла правила наказа, очень хорошо дисциплинировавшія ораторовъ въ въ указанномъ отношеніи. Слѣдуетъ отмѣтить также, что Дума была распущена какъ разъ въ тотъ періодъ своихъ занятій, когда она уже начала проявлять конктретнымъ образомъ свою работоспособность въ томъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, подъ который подводится исключительно обсужденіе опредѣленныхъ параграфовъ законопроектовъ: роспускъ настигъ Думу въ разгаръ чрезвычайно содержательныхъ и «дѣловыхъ» преній о реформѣ мѣстнаго суда, за которыми должны были послѣдовать пренія по законопроекту о неприкосновенности личности и по общимъ основаніямъ реформы выборовъ въ земскія учрежденія. Увлеченія и злоупотребленія любымъ методомъ работы возможны всегда и всюду, онѣ были особенно естественны и понятны при данной комбинаціи условій, но изъ-за увлеченій и злоупотребленій, находившихъ себѣ при томъ должный коррективъ,— нельзя опорочивать самый методъ, неизбѣжный и обязательный для всѣхъ парламентовъ, созываемыхъ не для того, чтобы они молчали, а для того, чтобы они говорили о томъ, чѣмъ болѣетъ родина, чѣмъ болѣетъ народъ, и какъ лучше изготовить лѣкарства, необходимыя для уврачеванія народныхъ болѣстей. Такое обсужденіе входитъ необходимымъ и законнымъ звеномъ въ цѣпь парламентскихъ работъ и странно видѣть признакъ неработоспособности парламента въ его готовности къ такимъ обсужденіямъ. Если собравшіеся къ больному врачи, прежде чѣмъ давать лѣкарства, пожелаютъ устроить консиліумъ, обвинитъ ли ихъ кто-нибудь въ неработоспособности за продолжительность ихъ совѣщанія и будетъ ли кто-нибудь измѣрять работоспособность такихъ врачей количествомъ прописанныхъ ими паціенту лѣкарствъ?

Парламентская законодательная работа не можетъ быть быстрой. Но вѣдь въ этомъ заключается не ея недостатокъ, а ея преимущество, ибо причины замедленія въ этомъ случаѣ не совпадаютъ съ причинами канцелярской волокиты. Самая идея парламента въ томъ и состоитъ, что передъ формулированіемъ закона должны быть выслушаны представители о возможности всѣхъ существующихъ въ странѣ направленій обществен-

ной мысли. Пусть нѣкоторыя изъ этихъ направленій окажутся утопичными, непріемлемыми, нелѣпыми съ точки зрѣнія большинства. Парламентъ долженъ быть вѣрнымъ отраженіемъ страны, въ немъ должно находить свободный выходъ все то, что гнѣздится въ общественномъ сознаніи, и именно въ этомъ заключается залогъ наибольшаго авторитета, а слѣдовательно и наибольшей плодотворности того средняго рѣшенія, которое выкристаллизируется въ окончательномъ вотумѣ палаты изъ броженія взаимно борющихся направленій. Пусть же съ парламентской трибуны выговаривается до тла всякая утопія, всякій парадоксъ, волнующіе умы извѣстной части гражданъ; это—не праздная «болтовня», это—необходимое предварительное условіе для сообщенія законодательнымъ постановленіямъ должнаго общепризнаннаго авторитета, который создается только общенародными «говорильнями», а никакъ не канцелярскими измышленіями бюрократическихъ Молчалиныхъ. Вторая Дума отличалась бóльшею пестротой своего партійнаго состава, нежели первая, и это обстоятельство естественнымъ образомъ осложняло ходъ ея занятій и усиливало внутреннее треніе между ея разнородными элементами. Работа парламентской машины получала болѣе громоздкій характеръ. Но съ этими неудобствами надлежало мириться, ибо они вытекали изъ самой природы представительныхъ учрежденій и потому уравновѣшивались той пользой, которая неразлучна съ участіемъ представителей населенія въ законодательствѣ и надзорѣ за агентами исполнительной власти. Бросить всей Думѣ въ цѣломъ огульныя обвиненія въ неработоспобности нетрудно,—труднѣе, повидимому, для обвинителей Думы составить себѣ ясное понятіе о томъ, въ чемъ именно слѣдуетъ искать живыхъ слѣдовъ плодотворной думской работы.

II.

Вторая Дума, также какъ и первая, была лишена возможности осуществить свои преобразовательные планы. Зато въ теченіе ея трехмѣсячной дѣятельности наглядно обрисовались сложившіяся въ странѣ главнѣйшія политическія группы со стороны ихъ преданности истинно-конституціоннымъ началамъ и ихъ пригодности къ парламентской работѣ.

И страна должна глубоко вдуматься въ показательное значеніе этихъ въ высшей степени важныхъ съ указанной точки зрѣнія политическихъ маневровъ.—Въ настоящей статьѣ я не предполагаю подробно характеризовать думскую тактику каждой фракціи въ отдѣльности. Я попытаюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обозначить особенности наиболѣе крупныхъ тактическихъ теченій, вскрывшихся во второй Думѣ. Не гоняясь за деталями, можно различить четыре такихъ теченія, направленныя на четыре совершенно-различныя цѣли: 1) взорвать Думу изнутри и тѣмъ самымъ дискредитировать идею народнаго представительства (крайніе правые), 2) использовать Думу исключительно въ агитаціонно-манифестаціонныхъ

цѣляхъ, какъ орудіе революціонной борьбы (соціалъ-демократы), 3) использовать Думу, какъ орудіе закономѣрной конституціонной борьбы за проведеніе необходимыхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ (конституціоналисты-демократы) и 4) совмѣстить преобразовательныя цѣли съ чисто агитаціонными средствами (народническія группы лѣваго крыла: с.-р., н.-с. и трудовая группа). Бросимъ взглядъ поочередно на каждое изъ этихъ теченій.

Крайніе правые вели свою линію съ неослабной настойчивостью и—я сказалъ бы—съ большимъ самоотверженіемъ.—Они не щадили себя, лишь бы поразить своего ненавистнаго врага: народное представительство.—Въ припадкахъ изступленія они публично и всенародно сорвали съ себя всѣ фиговые листки. Они явились передъ страной во весь свой ростъ и ростъ этотъ оказался такимъ маленькимъ и жалкимъ сравнительно съ напыщенно-торжественнымъ тономъ ихъ широковѣщательныхъ писаній.—«Столпы отечества», новоявленные Минины и Пожарскіе, собирающіеся спасать отъ смуты «историческія основы» народной жизни,—оказались при свѣтѣ публичности просто-на-просто злобными и неумными скандалистами, надоѣдливыми шутами, выходки которыхъ просились не въ историческую лѣтопись, а въ протокольную хронику полицейскихъ участковъ.—Они достигли своей цѣли лишь наполовину. Они стремились погубить Думу и дискредитировать народное представительство. Они погубили Думу, но дискредитировали только самихъ себя.—Они хотѣли внушать своими выступленіями на трибунѣ трепетный страхъ, но вызывали лишь презрительный смѣхъ.—Ничто не можетъ быть убійственнѣе этого для репутаціи самозванныхъ громовержцевъ.

Соціалъ-демократы нерѣдко голосовали вмѣстѣ съ крайними правыми. Чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ все прочнѣе становилась эта импровизированная черносотенно-соціалъ-демократическая коалиція. Уже подъ конецъ работъ Думы было одно засѣданіе, на которомъ случайный посѣтитель думской галлереи, не освѣдомленный объ именахъ думскихъ дѣятелей, могъ бы серьезно счесть депутата Синадино (крайній правый) за лидера соціалъ-демократической фракціи.—Въ этихъ совмѣстныхъ голосованіяхъ не было ничего случайнаго, ничего удивительнаго. Тѣ и другіе шли къ разнымъ цѣлямъ схожими путями. Если крайніе правые желали дискредитировать Думу во славу самодержавія, то соціалъ-демократы были не прочь дискредитировать Думу во славу революціи. Въ этихъ цѣляхъ соціалъ-демократы къ большой радости крайнихъ правыхъ послѣдовательно стремились толкнуть Думу на такіе шаги, которые явились бы со стороны Думы прямымъ нарушеніемъ закона, ибо Дума, по ихъ мнѣнію, должна была дѣйствовать, какъ революціонный факторъ, и разумѣется—въ качествѣ таковаго—ей было бы смѣшно считаться съ рамками существующаго «Положенія о Государственной Думѣ». Правда, явно незакономѣрные шаги Думы тотчасъ же дали бы въ руки правительства формальный и чисто конституціонный поводъ распустить Думу. Но эта перспектива не страшила соціалъ-демокра-

товъ. Pereat Duma, fiat revolutia! Въ этомъ отношеніи крупное симптоматическое значеніе имѣли возгорѣвшіеся въ самомъ началѣ сессіи дебаты о роли Думы въ разрѣшеніи продовольственнаго вопроса и вопроса о безработныхъ.—Эти дебаты вовсе не были «праздной болтовней». Это было въ высшей степени важное обсужденіе—на конкретномъ примѣрѣ двухъ указанныхъ только что вопросовъ—основного курса всей будущей тактики второй Думы; соціалъ-демократы въ сущности настаивали на томъ, чтобы Дума, пренебрегши законными рамками своей компетенціи, присвоила себѣ исполнительную власть и явочнымъ порядкомъ взяла въ свои руки фактическое проведеніе продовольственной операціи и организаціи работъ для безработныхъ чрезъ разосланныхъ на мѣста депутатовъ, которые должны были бы дѣйствовать въ провинціи въ качествѣ думскихъ комиссаровъ. До очевидности ясно, что дебаты, о которыхъ я говорю, имѣли широкое принципіальное значеніе. Частные вопросы, по поводу которыхъ эти дебаты возникли, играли при этомъ лишь подчиненную роль конкретныхъ иллюстрацій.—Какой путь изберетъ Дума—конституціонный или революціонный—вотъ въ чемъ состоялъ настоящій предметъ дебатовъ и нужно слишкомъ поверхностно судить о вещахъ, чтобы приравнивать потребность Думы съ самаго начала своихъ занятій ясно и опредѣленно вырѣшить этотъ основной вопросъ къ суетной склонности къ «праздной болтовнѣ».—Какъ извѣстно, результатъ «болтовни» былъ весьма серьезенъ; конституціонный центръ отпарировалъ притязанія крайняго лѣваго крыла, и Дума опредѣленно стала на рельсы конституціонной дѣятельности. Какова же была политическая цѣнность тактическаго теченія, представленнаго въ Думѣ соціалъ-демократами? Вся думская тактика соціалъ-демократовъ была пронизана безнадежными внутренними противорѣчіями. Крайніе правые, стараясь дискредитировать Думу, отдавали себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ реальныхъ внѣдумскихъ силахъ, на которыхъ они строили свою противодумскую кампанію, и при этомъ они стремились погубить Думу, потому что Дума была имъ ненавистна и ни для чего не нужна.—Напротивъ того, соціалъ-демократы готовы были жертвовать Думой не ради какихъ-либо иныхъ реальныхъ внѣдумскихъ силъ и средствъ дальнѣйшей борьбы, а ради призрачныхъ надеждъ на какія-то воображаемыя революціонныя силы, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы быть вызваны къ дѣятельности жгучими рѣчами съ думской трибуны и вызывающими думскими резолюціями и постановленіями. Они не придавали значенія законодательнымъ работамъ Думы, но они считали Думу подходящимъ орудіемъ для революціонизированія народнаго настроенія и слѣдовательно съ своей точки зрѣнія въ Думѣ нуждались.

Какой же смыслъ имѣли въ такомъ случаѣ ихъ старанія увлечь Думу на такіе шаги, которые неминуемо должны были пресѣчь самое существованіе Думы? Одно изъ двухъ—или они предполагали, что незаконные шаги Думы немедленно будутъ поддержаны революціоннымъ народомъ,—но вѣдь такое предположеніе было бы равносильно признанію того, что революція

есть уже совершившійся фактъ, что ее нечего подготовлять посредствомъ Думы, а остается только ждать предсказанныхъ соціалъ-демократами неминуемыхъ плодовъ побѣдоноснаго революціоннаго урагана и въ такомъ случаѣ позволительно было бы спросить—зачѣмъ соціалъ-демократы вообще шли въ Думу, когда уже было готово иное болѣе широкое поле для того образа борьбы, которому они приписываютъ единоспасающую силу? Или—другая половина дилеммы—соціалъ-демократы потому и отказались отъ бойкота второй Думы, что по горькому опыту предшествующаго года они убѣдились въ безсиліи и неподготовленности революціонныхъ элементовъ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ они стремились навязать Думѣ дѣйствія, которыя, не имѣя за собой санкціи закономѣрности, не могли быть въ то же время поддержаны и внѣдумскими силами? Вѣдь подобной тактикой они достигли бы результатовъ, какъ разъ обратныхъ тѣмъ, къ которымъ стремились: желая подчеркнуть безсиліе Думы, они подчеркнули бы лишь безсиліе своихъ собственныхъ революціонныхъ надеждъ. Соціалъ-демократы любятъ упрекать конституціоналистовъ въ конституціонныхъ «иллюзіяхъ». Если таковыя иллюзіи у кого-либо и существовали, все же онѣ никогда не достигали размѣровъ тѣхъ революціонныхъ иллюзій, которыми только и могутъ быть объяснены основанія думской тактики соціалъ-демократовъ. И я не знаю, какой именно изъ этихъ революціонныхъ иллюзій слѣдуетъ отдать пальму первенства по степени безпочвенности и произвольности—той ли мысли, что у насъ уже имѣется налицо организованная революціонная масса, могущая оказать мощную поддержку революціоннымъ начинаніямъ Думы, или—той мысли, что такое революціонное движеніе какъ разъ можетъ быть создано думскими воззваніями и декретами? Думается, что обѣ эти иллюзіи стоятъ другъ друга, а помимо нихъ нѣтъ другихъ соображеній, которыми могла бы быть объяснена думская тактика соціалъ-демократовъ.—Поставивъ себѣ цѣли, вообще не осуществимыя въ рамкахъ думской работы, соціалъ-демократы обрекли себя на чисто-пассивную роль среди прочихъ думскихъ фракцій.—Эта пассивная роль обнажалась особенно выпукло и характерно, когда Дума встрѣчалась лицомъ къ лицу съ вопросами о неотложныхъ текущихъ нуждахъ населенія. Поставивъ себѣ правиломъ не выражать вообще согласія на предложенія, идущія отъ министерствъ, с.-д. фракція выдерживала ту же линію и въ тѣхъ случаяхъ, когда министерство возбуждало вопросъ объ ассигновкахъ на общеполезныя предпріятія даже не казеннымъ учрежденіямъ, а частнымъ общественнымъ организаціямъ. Очень любопытно было въ этомъ отношеніи объясненіе лидера соціалъ-демократической фракціи депутата Мандельберга по вопросу о выдачѣ субсидіи торговымъ школамъ при московскомъ обществѣ распространенія коммерческаго образованія. Депут. Мандельбергъ заявилъ, что, если бы испрашивался кредитъ на какія-либо министерскія школы, соціалъ-демократы голосовали бы противъ кредита, но по отношенію субсидій частнымъ обществамъ они принуждены вести «политику воздержанія».—Призывая Думу къ рѣшеніямъ, которыя не могли бы имѣть ника-

кого практическаго приложенія, думскіе соціалъ-демократы вели «политику воздержанія» въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояло сдѣлать практическій шагъ, о которомъ просило само населеніе и въ которомъ нельзя было усмотрѣть никакого вреда даже и съ ихъ собственной точки зрѣнія.

Но пассивная роль соціалъ-демократической фракціи осложнялась такими чертами, надъ которыми вождямъ этой фракціи надлежало бы крѣпко и глубоко поразмыслить. Безсильные въ выполненіи собственныхъ цѣлей, думскіе соціалъ-демократы служили цѣлямъ чужимъ. Всей совокупностью своего поведенія въ Государственной Думѣ они безпрерывно лили воду на колеса черносотенной агитаціи противъ народнаго представительства. На скамьяхъ крайней правой съ жадностью ловили перлы соціалъ-демократическаго краснорѣчія, раздававшагося съ думской трибуны, и радостно смаковали предложенія с.-д. фракціи, чуя въ нихъ крѣпкіе подводные камни для утлой ладьи Государственной Думы.

Сателлиты г. Пуришкевича понимали, что думская политика соціалъ-демократовъ никакой революціи сама по себѣ вызвать не можетъ, но для осуществленія черносотенной мечты какъ можно скорѣе сгубить Думу представляетъ великолѣпный матеріалъ. Съ своей стороны и соціалъ-демократы неудержно стремились навстрѣчу провокаторскимъ подстрекательствамъ крайняго праваго крыла и совмѣстно съ лидерами черносотенной группы общими усиліями старались выбить центръ изъ его конституціонной позиціи на путь завѣдомо роковыхъ для Думы и безплодныхъ для страны манифестацій.—Разница между крайними правыми и соціалъ-демократами заключалась при этомъ лишь въ томъ, что первые знали, что они дѣлаютъ и отдавали себѣ ясный отчетъ въ послѣдствіяхъ успѣшности своей тактики, а вторые поистинѣ «не вѣдали, что творили» и не подозрѣвали, на кого работали.—Если бы тактика соціалъ-демократической фракціи оставалась только безплодной, про нея можно было бы сказать, что она не заслуживала одобренія. Но дѣло обстояло хуже. Ихъ тактика приносила плоды, на которые не разсчитывали они сами. И мы думаемъ, что историкъ русскаго народнаго представительства вынесетъ впослѣдствіи суровую оцѣнку недальновидности и опрометчивости ихъ дѣйствій во время ихъ парламентскихъ дебютовъ.

Можно осуждать думскую тактику соціалъ-демократовъ и въ корнѣ не соглашаться съ ея основными положеніями. Но нельзя не признать, что, исходя изъ однажды принятыхъ положеній, они выдерживали въ теченіе всей сессіи совершенно опредѣленную линію поведенія. Всегда можно было заранѣе предсказать, какое рѣшеніе они примутъ въ томъ или другомъ случаѣ. Совершенно иную картину представляло поведеніе народническихъ группъ лѣваго крыла—с.-р., н. с. и трудовиковъ. Въ этихъ группахъ все время чувствовался глубокій разладъ между теоретизирующими вождями и крестьянами, желавшими прежде всего скорѣйшаго практическаго осуществленія заманчивыхъ програмныхъ обѣщаній, изъ-за которыхъ они только и примкнули къ своимъ фракціямъ. Крестьяне желали, чтобы Дума работала

и проводила реформы. Лидеры народнических группъ не рѣшались принципіально отрицать органической законодательной работы, но дѣлали все для того, чтобы выдвинуть на первую очередь демонстративно-манифестаціонную дѣятельность Думы. Вмѣстѣ съ крестьянами они утверждали, что Думу необходимо сохранить для законодательной работы и вмѣстѣ съ соціалъ-демократами они спѣшили присоединиться ко всякому предложенію агитаціоннаго характера, хотя бы оно прямо угрожало сохранности Думы, выводя Думу за рамки ея законной компетенціи. Отличіе отъ соціалъ-демократовъ было здѣсь въ томъ, что соціалъ-демократы шли на рискованные для Думы шаги, потому что заранѣе мирились съ гибелью Думы, а вожди народническихъ группъ, желая сохранить Думу, старались убѣдить и своихъ крестьянъ и самихъ себя въ томъ, что опрометчивыя манифестаціи какъ разъ и явятся наилучшимъ средствомъ для укрѣпленія позиціи Думы. Увы! намъ уже нѣтъ теперь нужды отвѣчать на эти странные софизмы; за насъ отвѣтила сама жизнь и отвѣтъ ея былъ суровъ и горекъ. Невоздержанная и исполненная внутреннихъ противорѣчій тактика народническихъ группъ лѣваго крыла вызывала глухое броженіе и недовольство въ ихъ собственныхъ рядахъ. Крестьяне нерѣдко встрѣчали съ недоумѣніемъ и неодобреніемъ рѣшенія своихъ вождей и, подчиняясь имъ до времени изъ чувства партійной дисциплины, все болѣе начинали тяготѣть въ своихъ симпатіяхъ къ серьезной, уравновѣшенной и дѣловой тактикѣ конституціоннаго центра. Мы имѣемъ серьезныя основанія предполагать, что дальнѣйшее развитіе думскихъ работъ привело бы къ послѣдовательному усиленію конституціоннаго центра на счетъ только что упомянутыхъ группъ. Такое усиленіе уже началось, въ чемъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія послѣдовательнаго численнаго прироста фракціи народной свободы: къ концу существованія второй Думы численность этой фракціи увеличилась на одну треть ея первоначальнаго состава. Тактическія разногласія наблюдались не въ одинаковой степени въ различныхъ народническихъ группахъ. Можно сказать, что эти разногласія были тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе народной по своему составу являлась данная народническая группа, т.-е. чѣмъ больше было въ ея рядахъ настоящихъ крестьянъ. Всего дальше отъ подлинныхъ крестьянскихъ желаній стояла по своимъ тактическимъ пріемамъ миніатюрная группа народныхъ соціалистовъ, представлявшая собою кучку интеллигентовъ, вдохновленныхъ журнальными статьями г. Мякотина. Соціалъ-революціонной фракціи, въ составѣ которой имѣлись подлинные крестьяне, приходилось уже считаться съ реалистическимъ отношеніемъ крестьянскихъ депутатовъ къ манифестаціоннымъ выступленіямъ съ думской трибуны; наконецъ, поистинѣ въ затруднительномъ положеніи оказывались лидеры трудовой группы, въ густыхъ крестьянскихъ рядахъ которой все настойчивѣе назрѣвало стремленіе къ тому, чтобы всѣ силы Думы сосредоточились на разработкѣ чисто дѣловыхъ вопросовъ. Къ концу существованія второй Думы въ этой группѣ появились осязательные признаки разнообразныхъ разслоеній. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что и сами руководители на-

родническихъ группъ выдвигали нѣкоторыя явно неосуществимыя предложенія только въ разсчетѣ на то, что усиліями центра за ними будетъ оставленъ лишь декларативный характеръ. Въ этомъ случаѣ лидеры лѣвыхъ группъ были весьма склонны злоупотреблять благодарной и затруднительной ролью «неотвѣтственнаго меньшинства», за что и получили съ думской трибуны отъ одного изъ представителей конституціоннаго центра заслуженный упрекъ въ «игрѣ за чужой счетъ».

Если въ основѣ думской тактики крайнихъ правыхъ мы открыли сознательно разсчитанную злостную интригу, а въ основѣ думской тактики соціалъ-демократовъ—фанатическое ослѣпленіе безнадежной мечтой, то въ дѣйствіяхъ народническихъ группъ думскаго лѣваго крыла мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу просто-на-просто непродуманное совмѣщеніе совершенно противоположныхъ задачъ и пріемовъ.

Наибольшее количество разнообразныхъ нападокъ сыпалось въ теченіе думской сессіи на тактическіе пріемы конституціоннаго центра, руководимаго фракціей народной свободы. И однако именно это теченіе, представленное центромъ, заключало въ себѣ жизненное начало второй Государственной Думы. Жизненность этого теченія состояла въ его соотвѣтствіи условіямъ и задачамъ текущаго момента. Упреки по адресу центра въ томъ, что онъ систематически уклоняется отъ боя съ правительствомъ, стремится сберечь Думу какой бы то ни было цѣной и по-куропаткински очищаетъ одну позицію за другою,—противорѣчили фактамъ и обнаруживали грубое непониманіе тактики центра. Генералъ Куропаткинъ отступалъ послѣ проигранныхъ сраженій; осторожное поведеніе думскаго центра состояло въ томъ, чтобы удерживать Думу отъ такихъ сраженій, послѣ которыхъ отступленіе было бы неминуемо. Зато тамъ, гдѣ Дума стояла на твердой почвѣ своего несомнѣннаго права, не кто иной, какъ именно руководящая фракція центра вела Думу въ боевую атаку. Прочтите стенографическіе отчеты думскихъ засѣданій и вы увидите, что оппозиція получала наибольшее удовлетвореніе именно тогда, когда она слѣдовала въ своихъ нападеніяхъ на старый порядокъ за кадетскими лидерами. Центръ не уклонялся отъ сраженій, но онъ отказывался начинать ихъ тѣми явно непригодными орудіями, на которыхъ возлагали надежды руководители лѣваго крыла. Тактикѣ ген. Куропаткина центръ не слѣдовалъ, но его не могла соблазнить и тактика адм. Рождественскаго, готоваго вести на вѣрное пораженіе явно негодную флотилію. Центръ отвергъ демонстраціи, не могущія дать осязательныхъ практическихъ результатовъ. Онъ твердо стоялъ на томъ, что демонстраціи могутъ быть хорошимъ орудіемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ когда за ними чувствуется реальная сила, и для него была ясна вся несостоятельность той теоріи, которой слѣдовали вожди лѣваго крыла и по которой выходило такъ, что демонстраціи сами по себѣ способны создать въ окружающей средѣ еще ненакопленныя въ ней силы. И потому старанія центра неизмѣнно были направлены на то, чтобы вся оппозиціонная энергія Думы сосредочилась на дѣятельной разработкѣ законопроектовъ

въ которыхъ ясно, точно и конкретно были бы формулированы давно назрѣвшія и вполнѣ осуществимыя практически преобразованія. Смѣшно утверждать, что настойчивое выдвиганіе на первую очередь подобныхъ законодательныхъ работъ скрывало за собою желаніе уклониться отъ борьбы и *во что бы ни стало* сберечь Думу. Какъ будто каждый изъ законопроектовъ, проникнутыхъ истинно прогрессивнымъ духомъ, самъ по себѣ уже не представлялъ боевого вызова старому порядку! Но это были вызовы, понятные всему населенію, тѣсно связанные съ кровными нуждами народа. Борьба на такой почвѣ дѣйствительно обезпечивала для Думы глубокое и сознательное сочувствіе народныхъ массъ и высоко поднимало въ сознаніи населенія авторитетъ народнаго представительства. Вотъ почему конституціонный центръ усиленно выдвигалъ на первую очередь именно законодательную работу Думы, совершенно независимо отъ того, какая судьба ожидала бы эти законодательные труды въ Государственномъ Совѣтѣ. И представители руководившей центромъ фракціи народной свободы среди тяжелыхъ трудовъ и несправедливыхъ нападокъ и справа и слѣва, имѣли утѣшеніе получить доказательства того, что они шли въ ногу съ народнымъ сознаніемъ. Когда депутаты различныхъ партій побывали на мѣстахъ во время пасхальныхъ каникулъ, они убѣдились въ томъ, что лозунгъ конституціоннаго центра: «скорѣе къ реформамъ!» жадно подхваченъ народной массой и громко потворяется во многихъ общественныхъ заявленіяхъ. И, какъ я уже отмѣтилъ выше, въ своемъ мѣстѣ, вторая половина кратковременной сессіи Думы характеризовалась все возрастающимъ вліяніемъ фракціи народной свободы на ходъ думскихъ работъ. Правда, нападки на яко бы чрезмѣрную осторожность тактики этой фракціи все еще не прекратились. И всего за нѣсколько дней до роспуска Думы лидеры лѣвыхъ партій гг. Березинъ и Демьяновъ еще объединялись съ г. Синодино въ ироническихъ укоризнахъ по адресу чрезмѣрной «пугливости» кадетовъ. Не доказано ли послѣдующими событіями, что эта «пугливость» была на самомъ дѣлѣ прозорливостью и предусмотрительностью?

III.

Мой бѣглый обзоръ законченъ. Изъ него видно, какъ сложны и многообразны были тактическія комбинаціи во второй Государственной Думѣ. Эта сложность и многообразіе явились естественнымъ слѣдствіемъ сложности переживаемаго нами политическаго момента и потому не представляли собой ничего ненормальнаго и противоестественнаго. Въ истинно-конституціонныхъ странахъ не видятъ ничего ненормальнаго въ томъ, чтобы каждое существующее въ странѣ политическое теченіе получало свое выраженіе въ парламентѣ. Еще недавно австрійскій премьеръ-министръ Беккъ категорически выразилъ эту мысль въ рейхсратѣ. Открытая парламентская дѣятельность служитъ наилучшей школой политическаго воспитанія для народныхъ массъ и наиболѣе оздоровляющей средой для самыхъ непримн-

римыхъ и утопическихъ антигосударственныхъ увлеченій. Три мѣсяца—не великій срокъ, но и трехмѣсячная исторія второй Думы даетъ любопытный матеріалъ для доказательства справедливости этого положенія. Вѣдь вся дѣятельность думскаго конституціоннаго центра за эти три мѣсяца представляла собою не что иное, какъ безпрерывную проповѣдь истинной государственности, выдвинутую въ противовѣсъ различнымъ искаженіямъ государственной идеи, раздававшимся съ правыхъ, лѣвыхъ и министерскихъ скамей. Отъ успѣшности этой проповѣди, думается намъ, всецѣло зависитъ судьба дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи. Послѣдними событіями чрезвычайно стѣснены тѣ внѣшнія условія, которыя необходимы для здороваго политическаго воспитанія населенія. Но сила внѣшнихъ препятствій не можетъ не быть преодолѣна силой правды и силой времени. Несмотря ни на что, будущее всетаки принадлежитъ представителямъ истиннаго демократическаго конституціонализма. Въ сознаніи важности своей исторической задачи они должны утвердиться въ заботахъ о сохраненіи во всей чистотѣ своихъ основоположныхъ принциповъ, ясно и опредѣленно отграничивая ихъ и отъ фантасмогорій утопическаго радикализма и революціонной романтики и отъ всѣхъ тѣхъ поддѣлокъ подъ конституціонализмъ, въ которыхъ подъ показнымъ налетомъ либеральныхъ уступокъ духу времени кроются: защита привилегій командующихъ классовъ и стремленіе подмѣнить силу права—правомъ силы.

А. Кизеветтеръ.

„Разбитое корыто“.

I.

Странно-равнодушное молчаніе, которымъ встрѣтилъ народъ извѣстіе объ актѣ 3 іюня, начинаетъ смущать и самихъ сторонниковъ этого акта. «Изъ-за такого пустяка не стоило отступать отъ «Основныхъ законовъ»,— замѣтилъ одинъ реакціонеръ, ознакомившись съ измѣненіями, внесенными въ избирательное право новымъ закономъ. Такое настроеніе становится преобладающимъ въ реакціонныхъ кругахъ, и потому можно ждать дальнѣйшихъ практическихъ проявленій этого настроенія. Коготокъ увязъ— всей птичкѣ пропасть. Наша «конституція» находится въ такомъ именно положеніи. Ей не было и года съ четвертью, когда у ней отрѣзали руки и ноги. Остается вынуть сердце—лишить Думу законодательной власти, превративъ въ нормальный порядокъ изданіе законовъ простыми Высочайшими указами, а затѣмъ можно будетъ снять конституціи и голову, уничтоживъ и выборное начало, давши Думѣ предсѣдателя по назначенію... Мало ли можно придумать реформъ въ «истинно-русскомъ» духѣ, когда единственная преграда къ свободному творчеству въ видѣ ст. 87 осн. зак. разрушена смѣлымъ натискомъ. Покойный Коркуновъ пытался построить соблазнительную теорію развитія русскаго государственнаго права, по которой выходило, что въ то время, какъ на Западѣ различныя общественныя силы ограничивали государственную власть, у насъ эта власть сама себя ограничиваетъ закономъ, хотя и исходящимъ отъ ея воли. Интересно знать, какъ бы истолковалъ выдающійся юристъ актъ 3 іюня?

То «равнодушіе», съ которымъ народъ встрѣтилъ измѣненіе избирательнаго закона, не измѣнитъ своего характера и тогда, когда будутъ нарушены права Думы и даже ликвидировано все законодательное творчество, начиная съ 17 октября 1905 г. Ибо въ жизни вѣдь этого законодательства все равно не существуетъ, а нарушить бумажныя нормы, зачеркнуть однѣ, написать другія, собрать воедино всѣ эти болѣе или менѣе искусственныя и умно написанныя бумаги, перевязать ихъ шнуркомъ и отправить въ архивъ—никакого труда не составляетъ. Я вполнѣ пони-

маю послѣдовательныхъ реакціонеровъ и могу только привѣтствовать ихъ образъ дѣйствій. Князь Мещерскій предложилъ немедленно послѣ роспуска второй Думы «пересмотрѣть» все «учрежденіе 17 октября». Если это не сдѣлано теперь сразу, то будетъ произведено постепенно, быть можетъ, даже при существованіи третьей Думы. Быть можетъ, намъ дѣйствительно суждено сказать новое слово и явить міру невиданный еще примѣръ двойного законодательства, дѣйствующаго одновременно: одно черезъ народное представительство, другое—помимо него. Необходимыя для этого поправки въ томѣ I части I свода законовъ не трудно будетъ сдѣлать при «равнодушіи» народа изъ Чухломы и Пошехонья и ликованіяхъ «союза русскаго народа», усердно насаждаемаго по всему лицу земли русской.

II.

Настоящаго ликованія незамѣтно, впрочемъ, и у «союзниковъ». Отъ новаго избирательнаго закона никакой непосредственной пользы они не получатъ. Скорѣе всего имъ приходится ликовать по поводу лишенія ихъ же избирательныхъ правъ. Два-три вожака черной сотни, пожалуй, и пройдутъ въ Думу, но рядовая армія союза, тѣ молодцы, которыхъ пускаютъ въ ходъ для постановки патріотическихъ манифестацій, фатально превращающихся въ погромы, принадлежатъ къ демократическимъ слоямъ населенія и потому исключены изъ состава нашей pays légal.

Бодрость духа среди «союзниковъ» поддерживается только надеждой на увеличеніе субсидій и на «работу» во время избирательной кампаніи. Два-три милліона, пожертвованныхъ въ кассу «союза», имѣли бы для патріотовъ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ геніальныя хитросплетенія г. Крыжановскаго. Это—«дѣло господское»; политическій лексиконъ арміи г. Дубровина не обремененъ сложными понятіями, онъ весь исчерпывается тремя лозунгами: «ура!» «долой!» «на чаекъ съ вашей милости!» Несмотря на лѣтнюю жару, «союзники» по командѣ изъ Петербурга прокричали «ура!», и теперь министру финансовъ предстоитъ подумать, откуда взять денегъ «на чаекъ».

Это заказанное ликованіе «союза русскаго народа» пріобрѣтаетъ положительно высоко-комичный характеръ, если сравнить постановленія «IV всероссійскаго съѣзда объединеннаго русскаго народа въ Москвѣ» съ тѣмъ, что эти господа получили 3 іюня.

Московскій съѣздъ требовалъ «немедленно распустить крамольную Государственную Думу». Требованіе это уважено.

Московскій съѣздъ далѣе требовалъ «отмѣнить самое положеніе о Государственной Думѣ», «ибо русскому народу необходимо не законодательное, а законосовѣщательное учрежденіе». Это пока не уважено. Составъ такого учрежденія долженъ пополняться «по системѣ сочетанія выборовъ, жребія и царскаго созыва». Авторы закона 3 іюня оставили въ силѣ прежній порядокъ выборовъ.

Союзники требовали, чтобы «всѣ лица, замѣченныя въ политической неблагонадежности, не имѣли права участвовать въ выборахъ». Авторы закона 3 іюня до требованія отъ избирателей свидѣтельствъ отъ полиціи о политической неблагонадежности не дошли, оставивъ за полиціей лишь право выдавать свидѣтельства, имѣетъ ли ваша квартира очагъ и отдѣльный выходъ или нѣтъ. Не уважены также и требованія съѣзда объ «учрежденіи по всей Россіи безотчетныхъ вплоть до полнаго успокоенія должностей генералъ-губернаторовъ», о «введеніи по всей Россіи военнаго положенія», о «возстановленіи по всей Россіи дѣйствія военно-полевыхъ судовъ» и т. д., и т. д. Взамѣнъ всего этого «истинно-русскимъ людямъ» даютъ октябристскую Думу, въ которой будутъ хозяйничать представители крупнаго землевладѣнія и капитала, связанные съ міровымъ капиталомъ и потому неспособные осуществить и сотую долю того бреда сумасшедшихъ, который запечатлѣнъ въ московскихъ постановленіяхъ...

И «союзники» всетаки ликуютъ... исполняя волю начальства. Совсѣмъ политическій водевиль...

III.

Надо отдать справедливость *Новому Времени*, что оно великолѣпнымъ по цинизму языкомъ разъяснило русскому обществу центральную идею этого политическаго водевиля и указало на путь выхода изъ тупика: «Говорятъ,—пишетъ газета въ № 11223,—что этимъ нарушена неприкосновенность Основныхъ законовъ, а, слѣдовательно, вся наша конституція оказывается зданіемъ на пескѣ. Совершенно вѣрно, но если таковъ фактъ нашей юной конституціонной жизни, то не доказываетъ ли онъ съ несомнѣнностью, что въ ходячемъ учетѣ нашего положенія и нашихъ политическихъ силъ очень крупную, едва ли даже не самую крупную роль играютъ не реальныя величины, а мнимыя, созданныя всецѣло воображеніемъ тѣхъ, кто считалъ эти мнимыя величины за дѣйствительныя, и даже за бòльшія силы». Такъ не лучше ли,—говоритъ газета,—не приличнѣе ли опустить занавѣсъ за этимъ актомъ переживаемой нами драмы», забыть все, примириться, благо не все отнято, кое-что оставили?

«Союзъ русскаго народа» требуетъ «десять тысячъ рублей», но, получивъ грошъ, благодаритъ начальство, обѣщая потребовать 9,999 р. 99½ к., какъ только то же самое начальство велитъ ему снова предъявить этотъ грозный счетъ. Мнимая это величина или дѣйствительная? Переживъ знаменитый одесскій погромъ, могу утверждать положительно: если «союзъ» чувствуетъ, что за его спиной идутъ полиція и войска, то онъ представляетъ величину весьма «дѣйствительную», способную усѣять кладбище тысячами новыхъ могилъ; если же ни полиціи, ни войскъ за патріотами не окажется, то двухъ десятковъ смѣлыхъ людей вполнѣ достаточно, чтобы прогнать всю эту оголтѣлую, трусливую банду.

Читая откровенно-циничныя замѣчанія *Новаго Времени*, нельзя не

вспомнить гордыхъ словъ депутата Архангельскаго изъ соціалистовъ-революціонеровъ, сказанныхъ въ Думѣ въ отвѣтъ на упрекъ Н. Н. Кутлера въ утопизмѣ. «Мы—соціалисты-революціонеры—не мечтатели, мы опираемся на тысячи телеграммъ, посылаемыхъ къ намъ, на тысячи наказовъ, въ которыхъ народъ требуетъ «всей земли всему народу»; мы опираемся на резолюціи крестьянскихъ союзовъ и крестьянскихъ съѣздовъ». Гордыя слова, хорошія слова! А теперь эти тысячи телеграммъ, тысячи наказовъ, тысячи резолюцій лежатъ себѣ смиренно пронумерованные и пропечатанные въ дѣлахъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, а «мы», опиравшіеся на эти телеграммы,—кто въ тюрьмѣ, кто въ бѣгахъ, кто за границей. Мнимыя это или дѣйствительныя величины, г. Архангельскій?

Новое Время не сказало намъ, конечно, ничего новаго. Мы и безъ него знали раньше, что основное несчастье Россіи—отсутствіе въ ней всякихъ дѣйствительныхъ серьезныхъ общественныхъ силъ, какъ прогрессивныхъ, такъ консервативныхъ и реакціонныхъ. *Новому Времени*, ему лично, принадлежитъ только ликованіе по поводу факта, который способенъ привести въ отчаяніе каждаго истиннаго патріота.

Однако, все ли, на самомъ дѣлѣ, «мнимыя величины» въ нашей жизни и нѣтъ ли какихъ-либо «дѣйствительныхъ» величинъ, и грозныхъ величинъ, внѣ круга тѣхъ силъ, которыя такъ милы талантливѣйшему изъ нашихъ газетныхъ перелетовъ? Посмотримъ...

IV.

Вся наша общественная жизнь переполнена «мнимыми величинами».

Когда бывало въ Государственной Думѣ на трибуну всходилъ депутатъ лѣвой стороны и, ссылаясь на «тысячи телеграммъ, тысячи наказовъ», начиналъ говорить: стомилліонное крестьянство, пославшее насъ, не допуститъ... мы пришли сюда не просить землю, а взять ее... народъ усталъ ждать, немедленно сдѣлайте то-то или будетъ поздно...—добросовѣстный человѣкъ не могъ не чувствовать, что это—«не то», что это—не настоящее, не парламентъ и не конвентъ. Простой миражъ—подуетъ вѣтеръ, и онъ исчезнетъ.

Еще раньше былъ въ Петербургѣ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Какія грозныя писалъ онъ резолюціи отъ имени пролетаріата! «Объединенный пролетаріатъ и революціонное крестьянство готовятся къ послѣднему бою съ самодержавнымъ правительствомъ». А однажды вечеромъ явились на засѣданіе совѣта нѣсколько десятковъ полицейскихъ съ ротой солдатъ, и «совѣтъ» мирно прекратилъ свое существованіе. Миражъ разсѣялся... Такъ же точно разсѣялся и миражъ московскаго «вооруженнаго возстанія», обездоливъ только нѣсколько сотъ человѣкъ, совершенно не причастныхъ къ «беллигерантамъ».

Былъ въ Россіи человѣкъ, котораго долгое время и въ Россіи и за гра-

ницей серьезно называли «единственнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ». Къ нему обратились въ тяжелую минуту. Всѣ въ одинъ голосъ называли С. Ю. Витте, какъ провиденціальнаго человѣка, русскаго Бисмарка, призваннаго реформировать нашъ устарѣлый строй. Что же онъ сдѣлалъ? Прибавилъ къ русской исторіи шесть мѣсяцевъ позора погромовъ, междоусобной войны, лжи и безсмыслицы. Многимъ теперь эти шесть мѣсяцевъ кажутся загадочными и они склонны приписывать С. Ю. Витте тонкіе маккіавелистическіе планы. «Никогда не приписывайте нашимъ государственнымъ дѣятелямъ сложныхъ политическихъ разсчетовъ, повѣрьте, они руководствуются самыми простыми, элементарными побужденіями, часто въ такой мѣрѣ низменными, что постороннему человѣку объ этомъ и въ голову не придетъ подумать» — такъ говорилъ мнѣ одинъ изъ немногихъ нашихъ серьезныхъ политиковъ. Въ этихъ словахъ несомнѣнно много правды. Загадка шестимѣсячнаго правленія С. Ю. Витте, быть можетъ, только въ томъ и заключается, что онъ ничего не дѣлалъ, никакой власти не имѣлъ, носилъ только почетный титулъ, предоставивъ событіямъ идти ихъ естественнымъ путемъ. Мнѣ приходилось видѣть людей, выходившихъ послѣ часовой бесѣды съ предсѣдателемъ совѣта министровъ въ полномъ недоумѣніи: и это — С. Ю. Витте, этотъ болтливый, ноющій, уставшій старикъ съ сужденіями политическаго невѣжды, нашъ «единственный государственный дѣятель?!» Мнимая величина...

Уже болѣе года П. А. Столыпинъ говоритъ горячо, талантливо и убѣжденно о необходимости преобразованій и водворенія законности въ нашемъ государственномъ строѣ. Одинъ списокъ обѣщанныхъ имъ реформъ занимаетъ десятокъ страницъ убористаго шрифта. А на дѣлѣ уничтожены и тѣ крохи законности, которыя существовали доселѣ, разбиты всѣ дѣйствительныя, жизнеспособныя организаціи общественныхъ силъ, а «убѣжденный» «преобразователь» тратитъ свое время на распутываніе мелкихъ интригъ, на борьбу съ камарильей и... скрѣпляетъ актъ 3 іюня.

V.

Въ сборникахъ программъ русскихъ политическихъ партій указывается, что число существующихъ у насъ партій превышаетъ четыре десятка. Если даже откинуть эфемериды, покончившія уже свое бренное существованіе, то и живущихъ партій останется не мало: союзъ русскаго народа, русское собраніе, правовой порядокъ, умѣренно-прогрессивная, союзъ 17 октября, мирное обновленіе, партія народной свободы, трудовики, народные соціалисты, соціалисты-революціонеры, максималисты, соціалъ-демократы (большевики и меньшевики), анархисты-коммунисты, анархисты-индивидуалисты и т. д. Словомъ, достаточно...

Газеты наши, старающіяся, чтобы и у насъ все было, какъ «на самомъ дѣлѣ», какъ за границей, нерѣдко печатаютъ отчеты о различныхъ съѣздахъ вождей этихъ партій, публикуютъ интервью съ ними. Поѣздки,

переговоры между собой и встрѣчи съ министрами принимаютъ подъ перомъ шустрыхъ репортеровъ характеръ дѣйствительныхъ политическихъ событій, могущихъ оказывать то или иное вліяніе на ходъ дѣла на родинѣ. Но, вѣроятно, сами заинтересованныя лица не могутъ читать эти замѣтки безъ чувства неловкости и обиды. Вѣдь они-то знаютъ, что, несмотря на все ихъ желаніе, ихъ слова и дѣйствія на ходъ событій могутъ оказывать лишь весьма отдаленное вліяніе, не подвергающееся учету.

Представители этихъ партій ведутъ другъ съ другомъ ожесточенную полемику, сплошь и рядомъ переходящую въ личную брань. Въ странѣ, въ которой стопятидесятимилліонное населеніе живетъ внѣ какого-либо закона, лишенное увѣренности, что безпричинный арестъ, высылка, тѣлесное наказаніе, избіенія, штрафы, равносильныя экспропріаціямъ, даже лишеніе жизни не могутъ постигнуть любого гражданина въ любую минуту,—въ такой странѣ общественные дѣятели могутъ расходиться изъ-за вопросовъ, вводить ли въ нашихъ деревняхъ (не на практикѣ, а въ теоріи, конечно) всеобщее прямое или всеобщее двустепенное голосованіе, ввести ли восьми- или девятичасовый рабочій день, даровать ли немедленно автономію всѣмъ окраинамъ или нѣсколько повременить. Понятно, что все это не серьезно, что эта полемика, эта ругань людей, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу интеллигентовъ, оторвавшихся отъ жизни милліонныхъ массъ, дѣйствительнаго политическаго значенія не имѣетъ. Это—игра, театральное представленіе вмѣсто дѣйствительной жизни. Актеры, обманутые сусальными богатствами и разнообразіемъ искусственныхъ красокъ, склонны видѣть въ этой комедіи реальную политическую жизнь и не дѣлаютъ поэтому никакихъ усилій, чтобы на мѣсто фантома поставить дѣйствительность, объединить свои силы для настоящей политической работы. Въ этомъ огромное несчастье нашей родины и большой грѣхъ нашей интеллигенціи, тѣшащейся замысловатой политической игрой, въ то время какъ населеніе лишено элементарныхъ правовыхъ гарантій, безъ которыхъ на Западѣ показалась бы немыслимой жизнь крестьянину самой захолустной деревеньки.

Неумѣнье разрѣшить подлинную жизненную задачу, безсиліе и невозможность создать народу человѣческія условія государственной жизни родятъ въ нашей интеллигенціи грызущую тоску, которая и находитъ выходъ въ этомъ безсмысленномъ взаимопоѣданіи. «Славяне сами себя ѣдятъ и тѣмъ сыты бываютъ».

VI.

Та организація, которая давно уже подчинила себѣ всѣ живыя силы русскаго народа, можетъ, конечно, только радоваться этой внутренней усобицѣ, поощрять общество къ самопоѣданію. Могущественная организація торжествуетъ, что общественные дѣятели насквозь пропитаны теорі-

ей, что они далеки отъ процесса производства народомъ необходимыхъ средствъ существованія, а слѣдовательно и безсильны. Такое состояніе искусно поддерживается и муссируется...

Въ результатѣ получается своеобразная картина. Ни въ одной странѣ интеллигенція не старается казаться столь реалистичной, какъ у насъ; нигдѣ, повидимому, не обращается такъ много вниманія на экономическіе вопросы; нигдѣ теорія экономическаго матеріализма, даже въ вульгарномъ ея истолкованіи, не встрѣчаетъ столькихъ послѣдователей... И въ то же время несомнѣнно, что наша интеллигенція чрезмѣрно далека отъ реализма, что съ настоящими экономическими потребностями народа она знакома слабо. Изъ проблемъ политической экономіи она считается почти исключительно съ вопросомъ о распредѣленіи. Теоретически она знаетъ, что вопросы распредѣленія рѣшаются въ зависимости отъ организаціи производства и состоянія производительныхъ силъ. Интеллигенція теоретически сознаетъ, что русскія неустройства, въ томъ числѣ и слабость ея общественнаго развитія, въ конечномъ счетѣ зависятъ отъ ничтожнаго развитія производительныхъ силъ, болѣе отъ слабаго накопленія, чѣмъ отъ дурного распредѣленія. Но на практикѣ всѣ ея усилія направлены только на организацію болѣе справедливаго распредѣленія. Поэтому большинство проектовъ и партійныхъ програмъ русской интеллигенціи, быть можетъ, будутъ имѣть весьма большое значеніе черезъ сто лѣтъ, но для настоящаго времени они лишены той движущей силы, которая въ состояніи привести въ творческое движеніе массы, указать имъ реальную цѣль...

А между тѣмъ даже тѣнь такой реальной цѣли способна пробудить массы и прозвучать, какъ memento mori для организаціи, охватившей своими щупальцами русскую жизнь. Лучшее доказательство этому—земельный вопросъ. Аграрный вопросъ въ Россіи есть, во-первыхъ, вопросъ политическій, указывающій на средство установленія въ Россіи свободнаго демократическаго строя. «130,000», клиномъ вошедшіе въ крестьянскую жизнь, помѣшаютъ осуществленію всякой демократической и конституціонной реформы, пока не будетъ сглажена пропасть между ними и крестьянскимъ міромъ. Во-вторыхъ, аграрный вопросъ есть вопросъ объ уничтоженіи остатковъ крѣпостного хозяйственнаго строя, кабалы, выражающейся въ принудительной арендѣ, отработкахъ, испольщинѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ барщины и т. д. Въ-третьихъ, наконецъ, аграрный вопросъ сводится къ болѣе выгодной экономической организаціи крестьянскаго земельнаго хозяйства сообразно требованіямъ капиталистическаго строя. Если бы наши «общественныя силы», трезво отдавъ себѣ отчетъ въ потребностяхъ народа, двинулись къ массѣ съ реальной программмой, немедленно осуществимой, онѣ могли бы стать не мнимыми величинами, а дѣйствительными силами, найти серьезную опору въ наиболѣе развитой и сознательной части народа.

Вмѣсто того интеллигенція предпочла или путь демагогіи, или путь увлеченія отдѣльныхъ единицъ изъ пробуждающейся массы величіемъ и кра-

сотой широкихъ идеаловъ. Соціалисты-революціонеры проповѣдуютъ планы соціализаціи и всеобщаго поравненія, одинаково утопическіе какъ при капиталистическомъ, такъ и при соціалистическомъ строѣ. Соціалъ-демократы, болѣе трезво оцѣнивая дѣйствительность, изъ демагогическихъ побужденій сочинили муниципализацію земли и изъ соціалистовъ превратились въ дѣлителей.

VII.

Еще до «конституціи» въ нашей общественной жизни крѣпко укоренилось одно характерное явленіе. Отвлеченныя ученія, утопическія мечты, разсчитанныя на переустройство всего міра во всѣхъ отношеніяхъ на самыхъ радикальныхъ началахъ, несмотря на общую бестолковость нашей жизни, получили возможность проявляться на свѣтъ Божій съ рѣшительнымъ клеймомъ самодержавныхъ цензоровъ. Но зато строго слѣдили, чтобы ни одна мысль, практически осуществимая, но вредная самодержавію, не могла проникнуть въ печать. Наши подцензурныя изданія были переполнены статьями о соціализмѣ и полемикой соціалистовъ противъ либераловъ. Съ направленіями соціалистической мысли русская интеллигентная читающая масса была знакома лучше европейской публики. Зато статьи о необходимости введенія въ Россіи конституціоннаго строя, прямыя указанія на вредныя стороны самодержавія были въ тѣ времена совершенно невозможны. Указанія на недостатки мірового соціальнаго строя «дозволялись» русскими цензорами, но указанія на дефекты въ дѣйствіяхъ русскихъ губернаторовъ или агентовъ тайной полиціи считались такимъ преступленіемъ, о которомъ и подумать страшно.

Русская публика могла свободно мечтать о единой міровой республикѣ, о томъ времени, когда «народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся», но малоруссы не имѣли права читать евангеліе на своемъ родномъ языкѣ, и при обыскѣ эта зловредная книга, занесенная контрабандой изъ Галиціи, отъ нихъ отымалась. Ученіе Ницше, декадентская критика морали, отрицаніе всѣхъ устоевъ современнаго нравственнаго міровоззрѣнія,—все это при нѣкоторомъ навыкѣ лицъ, приспособившихся къ цензурѣ, могло легко увидѣть свѣтъ. Но полемическія сочиненія старообрядцевъ и штундистовъ не только противъ православія, но и противъ дѣйствій православныхъ пастырей могли появляться только въ видѣ подпольныхъ изданій.

Въ практическомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія злободневной охраны собственнаго существованія, эта политика власти не лишена была разумности, правда, разумности черезчуръ мелкой и близорукой. Въ морѣ необъятнаго, фантастически-неисполнимаго тонуло реальное, осуществимое и потому опасное для власти. Такая же политика проводится и послѣ 17 октября по отношенію къ общественнымъ группамъ. Когда интеллигенція объединилась въ конституціонно-демократическую партію и ясно было, что, не-

смотря на нѣкоторый утопизмъ, улетучившійся бы при первомъ соприкосновеніи съ отвѣтственностью, сопряженной съ осуществленіемъ власти, партія въ состояніи приняться за преобразованіе государственнаго строя Россіи на демократическихъ началахъ, рѣшено было всѣ усилія направить на сокрушеніе этой партіи. Законъ 3 іюня 1907 г., очевидно, обезпечиваетъ на выборахъ побѣду октябристамъ. Этого достаточно было, чтобы правительственные органы всполошились и начали вынюхивать, не грозитъ ли и отсюда опасность, не проявятъ ли октябристы недозволительной самостоятельности, не захотятъ ли превратиться въ свободную общественную силу. Нельзя не отмѣтить и такого факта. Когда среди черносотенцевъ появился молодой искренній фанатикъ монахъ Иліодоръ, не пожелавшій служить чиновному карьеризму плутоватыхъ вожаковъ, онъ былъ удаленъ отъ общественной дѣятельности. А было время, когда правительство ставило въ заслугу русскимъ людямъ то, что «они, *самопроизвольно* избравъ и вооруживъ изъ самихъ себя немалую партію, храбро сопротивлялись». Эта цитата взята изъ благодарственнаго указа Екатерины II ирбитчанамъ за то, что тѣ отразили пугачевцевъ. Такіе же указы писались и въ началѣ XVII вѣка, во время смуты и въ 1812 г. Тогда не боялись общественныхъ силъ. Власть искала ихъ и на нихъ опиралась. Не въ далекомъ будущемъ придется снова пойти по этой дорогѣ.

VIII.

Общественныя силы—«мнимыя величины». Согласимся съ этимъ. Но что представляютъ собой величины дѣйствительныя? Вотъ они:

Во-первыхъ, администрація, развѣтвившаяся по всей Россіи и по знаку изъ центра осуществляющая единовременно отданныя приказанія. Во-вторыхъ, войско, стрѣляющіе солдаты и вооруженные нагайками казаки. Въ-третьихъ, двухмилліардный бюджетъ. Въ-четвертыхъ, добровольцы, помогающіе осуществлять наиболѣе деликатные планы.

Русскій административный организмъ, конечно, гораздо болѣе силенъ и упругъ, чѣмъ думали наивные революціонеры. Но несомнѣнно, что различныя колеса въ немъ трутся другъ о друга. Этотъ механизмъ въ его нынѣшнемъ видѣ къ тому же совершенно не приспособленъ къ закономѣрной дѣятельности. Дѣйствуя въ предѣлахъ закона, наша полиція не способна ни бороться съ кражами, ни предупреждать преступленій, ни содѣйствовать «благоустройству и благочинію». Въ то время какъ во Франціи съ возстаніемъ пяти южныхъ департаментовъ, сопровождающимся забастовкой муниципальныхъ властей, полумилліонными митингами подъ открытымъ небомъ, передвиженіемъ сотенъ тысячъ народу, военными бунтами, справляются, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ положеніямъ, у насъ появленіе въ уѣздѣ одного пропагандиста изъ школьниковъ влечетъ за собой усиленную охрану. Наша администрація воспитывается въ систематическомъ беззаконіи, беззаконіе администраціи служитъ непреодолимымъ

препятствіемъ для развитія въ населеніи чувства законности. Такъ тянется сказка о бѣломъ бычкѣ.

Съ грѣхомъ пополамъ при помощи чрезвычайныхъ мѣръ отражая нападенія на существующій строй, наша бюрократія совершенно безсильна въ области творчества. Ярче всего это безсиліе проявляется въ школьномъ дѣлѣ. И съ точки зрѣнія и радикала, и консерватора, наши казенныя школы никуда не годятся. Сравненіе съ французскими и германскими гимназіями, тоже далеко не идеальными учрежденіями, обнаруживаетъ, въ какой мѣрѣ наши учебныя заведенія ничего не даютъ нашимъ дѣтямъ. Изъ нашихъ школъ дѣти выходятъ безъ всякихъ знаній, съ надломленнымъ здоровьемъ, съ отравленной душой, безъ привычки къ труду, безъ крѣпкаго нравственнаго и умственнаго фундамента. Изъ-за школы раса мельчаетъ. Въ экономической области наша отсталость развивается прямо пропорціонально успѣхамъ другихъ націй. Трудно сказать, что было бы съ Россіей безъ помощи иностранцевъ и прилива иностранныхъ капиталовъ. Сами мы не могли бы оборудовать ни существующихъ фабрикъ, ни построить сравнительно большую желѣзнодорожную сѣть. Главная заслуга бюрократіи въ томъ, что она успѣшно мѣшала земству работать для поднятія народнаго благосостоянія. Каждый шагъ земства былъ превращенъ въ политическое дѣйствіе, изъ-за каждой школы или фермы приходилось выдерживать многолѣтнюю борьбу и знакомиться со всѣми прелестями канцелярской волокиты. Во время этихъ перипетій дѣйствительное назначеніе предпріятія улетучивалось и все дѣло невольно, но неизбѣжно, превращалось въ микроскопическую политическую борьбу, побѣдителемъ изъ которой большею частью выходило правительство.

При двухмилліардномъ бюджетѣ наша богатѣйшая казна не можетъ функціонировать безъ заграничныхъ займовъ.

IX.

Потрясенія, вызванныя отдаленной колоніальной войной, показали, что весь этотъ механизмъ, громоздкій, сложный и чуждый народу, при первомъ тяжеломъ испытаніи приходитъ въ серьезное разстройство. Крупныя, руководящія силы администраціи легко теряются и выпускаютъ изъ своихъ рукъ вожжи. Массовые чиновники служатъ не за совѣсть, а за страхъ, изъ-за необходимости имѣть кусокъ хлѣба. Душа ихъ лежитъ на сторонѣ враговъ существующаго строя и въ рѣшительный моментъ они, сами истомленные этой организаціей безпросвѣтнаго гнета, измѣнятъ. Примѣровъ мы видали не мало.

Въ концѣ-концовъ всѣ эти «дѣйствительныя», не мнимыя уже, величины опираются на одну дѣйствительную величину, на армію. Русско японская война на многое открыла глаза и въ этой области. Она показала, что современныя арміи способны вести съ воодушевленіемъ только популярныя, народныя войны. Если десятокъ-другой авантюристовъ еп

могутъ и въ XX вѣкѣ заставить армію служить своимъ интересамъ и ради нихъ идти на войну, то эти господа неспособны вести войска къ побѣдѣ. Наши солдаты не могли умирать съ воодушевленіемъ изъ-за прекрасныхъ глазъ держателей лѣсныхъ концессій на Ялу.

Современная армія плоть отъ плоти народа. Это не фраза. И если въ народѣ культивируются и поддерживаются національная вражда и классовая рознь, то и армія, выходящая изъ такого народа, не можетъ чувствовать себя единымъ національнымъ тѣломъ, борющимся за великіе національные интересы. Десятки лѣтъ у насъ натравливали великоруссовъ на евреевъ, поляковъ, армянъ, татаръ, финляндцевъ. Во время войны мы узнали, къ чему приводитъ эта травля. Наша власть всегда смотрѣла съ удовольствіемъ на существованіе политической и интеллектуальной розни между «простымъ народомъ» и «господами». Въ арміи эти «господа» олицетворились въ офицерахъ, а солдаты оказались «простымъ народомъ», и эта классовая рознь, которая нынче углубляется все болѣе и болѣе, повела къ тяжелымъ пораженіямъ. Эта рознь грозитъ опасностью и самому государству. Наивныя младенческія политическія воззрѣнія «простого народа», въ которыхъ близорукая власть видѣла опору для своего господства, необыкновенно быстро смѣнились столь же наивнымъ революціонаризмомъ.

Существующій организмъ еще сравнительно долгое время можетъ успѣшно сопротивляться анархическому натиску примитивнаго революціонаризма и противокультурнаго бунтарства. Но къ творческой дѣятельности, къ государственнымъ реформамъ онъ не способенъ. Всякая реформа неизбѣжно ведетъ къ образованію и усиленію «дѣйствительныхъ» общественныхъ силъ, а организмъ держится только потому, что эти силы—«мнимыя величины». Поэтому всякой реформѣ на бумагѣ неизбѣжно соотвѣтствуетъ чрезвычайная охрана въ жизни.

Когда же придетъ часъ серьезныхъ испытаній, и грянетъ гроза съ Востока или Запада, тогда, какъ уже и было, «дѣйствительныя величины» окажутся тоже мнимыми, и народъ, обращенный въ людскую пыль, едва ли найдетъ достаточно силъ для быстраго созданія органовъ національной защиты...

X.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ глубочайшихъ русскихъ политическихъ мыслителей, Чаадаевъ, написалъ безысходно-пессимистическія строки о судьбѣ Россіи. Онъ пропѣлъ отходную и народу и государству.

Два года тому назадъ, еще до октябрьскихъ событій, одинъ изъ соціалъ-демократовъ, человѣкъ искренній и прямой, писалъ... «Правда, я не служилъ старому режиму и вмѣстѣ съ моими товарищами уже много лѣтъ боролся противъ него. Но мы оказались такими же неумѣлыми русскими революціонерами, какъ были неумѣлы русскіе солдаты, матросы, офицеры,

полководцы, строители крѣпостей и дорогъ. Мы не только не умѣли разбудить нашъ народъ къ борьбѣ за свободу и народоправство—это мы могли объяснять хоть отчасти трудностью дѣла, непропорціональностью нашимъ силамъ,—но мы не умѣли даже сохранить въ собственной своей средѣ единство дѣйствій и единство нашей организаціи».

Наступили октябрьскія событія и послѣдовавшее за ними опьянѣніе. Надъ словами Чаадаева смѣялись, о нихъ серьезно никто не хотѣлъ и думать. Съ необыкновенной легкостью возродились мечты о томъ, что Россія скажетъ всему міру «новое слово», покажетъ невиданный нигдѣ типъ соціальныхъ отношеній. Опьянѣніе прошло. Наступаетъ тяжкое похмелье, и В. Акимовъ можетъ съ полнымъ правомъ повторить свои старыя слова. (*Образованіе* 1907 г., № 4, стр. 100). Съ лихорадочной быстротой правительство стремится вернуть страну къ до-октябрьскому состоянію, наглядно показать русскому обществу безсиліе и ничтожность всѣхъ законовъ, въ томъ числѣ и основныхъ... Интеллигенція начинаетъ понимать, что предъ ней опять «разбитое корыто»...

Кажется, скоро придется подвести окончательные итоги попыткѣ преобразовать самодержавную Россію въ конституціонно-демократическую страну. Беззаконіе родитъ анархію, анархія усиливаетъ беззаконіе. Въ этомъ круговоротѣ намъ и предстоитъ теперь вертѣться.

Въ первой Думѣ былъ одинъ простой тамбовскій крестьянинъ Лосевъ, совершенно нетронутый интеллигентской пропагандой. Въ Думѣ онъ сказалъ одну только рѣчь, и эта рѣчь сдѣлала его извѣстнымъ всей Россіи. Вотъ что онъ говорилъ: «Мы сильны, но всѣми хитростями и кознями мы ослѣплены и поэтому насъ берутъ на это зрѣлище, какъ Самсона брали филистимляне. Знаете, что сдѣлалъ Самсонъ, когда онъ почувствовалъ вновь въ себѣ прежнюю силу? Онъ сказалъ вожаку: подведи меня къ колоннамъ и дай мнѣ ощупать ихъ. И, опершись правой рукой въ одну, а лѣвой въ другую колонну, сказалъ: умри, душа моя, съ филистимлянами»... И, опрокинувъ столбы, на которыхъ было устроено зрѣлище, съ тѣми многими тысячами, которыя пришли смотрѣть на него, онъ сказалъ: умри, душа моя, со всѣми ними»... И они умерли подъ градомъ камней и подъ развалинами»...

XI.

Когда теперь приходится говорить съ рабочими или крестьянами, поражаешься, до чего ихъ настроеніе сходно съ тѣмъ, которое тамбовскій крестьянинъ Лосевъ вложилъ въ душу Самсона. Что дѣлать и какъ дѣлать, они не знаютъ. Устами холодно повторяютъ малопонятные, запутанные програмные лозунги разныхъ партій. Но не къ этому лежитъ ихъ сердце. И внимательно вглядываясь въ ихъ глаза и вслушиваясь въ тонъ ихъ рѣчи, вы поймете, что движущимъ моментомъ ихъ энергіи явится смутно сознаваемый стихійный анархизмъ, въ которомъ самопожертвованіе

тѣсно переплетается съ безотчетной страстью къ разрушенію. «Худо будетъ», «настанетъ день, когда ни одного дворянина въ Россіи не останется», «много ли у насъ господскихъ имѣній, намъ ихъ не жаль»—вотъ какіе мотивы начинаютъ проступать въ народныхъ толкахъ.

Быть можетъ, вожаки черной сотни, какъ люди, приходящіе въ соприкосновеніе съ массами и чующіе грозу, сознательно и предусмотрительно хотятъ направить народную анархическую силу на евреевъ. Но этимъ путемъ они только приблизятъ катастрофу.

Пессимистическія пророчества Чаадаева не были пустыми словами. Мы опять чувствуемъ, что подъ нашей культурой нѣтъ прочнаго фундамента, что самому государственному бытію Россіи угрожаетъ огромная опасность. Леруа-Болье утѣшаетъ насъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, Россіи на переходъ къ конституціонному строю потребуется лѣтъ двадцать. Но онъ не видитъ, что наше правительство, издавая конституціонные законы и сочиняя конституціонныя бумаги, на дѣлѣ уничтожаетъ малѣйшія общественныя силы, на которыхъ этотъ конституціонный строй можетъ быть основанъ. Конституціоналисты очень быстро таютъ въ Россіи, а энергичныя, боевыя, интеллигентныя силы уходятъ въ ряды революціонеровъ, которымъ всѣмъ предстоитъ у насъ въ большей или меньшей степени окраситься въ анархистскій цвѣтъ...

Анархизмъ—вотъ то идейное теченіе, которое прочищаетъ теперь себѣ дорогу въ душу нашей молодежи и пытается объединить въ чувствѣ и въ дѣйствіи интеллигенцію и народъ. Власть, организованная народная сила, на это отвѣчаетъ усугубленіемъ произвола.

Такъ, съ двухъ концовъ поджигаютъ Россію...

А. С. Изгоевъ.

Консерватизмъ интеллигентской мысли.

Изъ размышленій о русской революціи.

Мы отброшены назадъ—объ этомъ не можетъ быть и спора. Мы отброшены назадъ не только *внѣшними силами*, но и *самою внутреннею логикой* «движенія». Какъ ни велика горечь отъ сознанія такого положенія вещей, нельзя предаваться унынію.

Въ эпохи пораженій есть могучее средство противъ унынія. Средство это—критика и самокритика.

Русская революція должна представляться намъ, современникамъ, событіемъ, совершенно исключительнымъ по своей внезапности. Историки, конечно, докажутъ, что все случилось именно тогда, когда въ силу исторической необходимости должно было случиться, отнюдь не раньше. Но мы знаемъ, что было время до революціи, и очень незадолго до ея начала, когда разсказъ о ней, какъ о чемъ-то близкомъ, показался бы всѣмъ здравомыслящимъ людямъ наборомъ баснословій политическаго фантазера,—такъ наша мысль, и именно мысль реалистическая, была реально не подготовлена къ тому, что наступило. Въ такой неподготовленности реалистической мысли къ событіямъ не слѣдуетъ видѣть ея слабости; наоборотъ, теперь умѣстно подчеркнуть, что въ этой неподготовленности заключалось предостереженіе, мимо котораго мы прошли безъ вниманія, такъ какъ событія ослѣпили насъ. Ошибка наша заключалась въ томъ, что мы въ «событіяхъ» слѣпо, безъ всякой критики повѣрили тому, чему за нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль, дней не вѣрили бы въ «мечтахъ» и «разсказахъ», какъ явному баснословію. Мы дали ослѣпительнымъ событіямъ подрѣзать въ насъ тотъ скептицизмъ и то основанное на немъ здравомысліе, безъ которыхъ не создаются въ политикѣ никакіе прочные успѣхи.

Въ публикѣ довольно много говорили и говорятъ о статьѣ С. Елпатьевскаго «Облетѣли цвѣты, догорѣли огни», помѣщенной въ № 5 *Русскаго Богатства*. Статья эта направлена противъ конституціонно-демократической партіи. Г. Елпатьевскій доказываетъ, что г. Зурабовъ въ своей достаточно извѣстной рѣчи не произнесъ никакого оскорбленія арміи, но за симъ, впрочемъ, самъ оговаривается, что онъ, г. Елпатьевскій, «не понимаетъ самаго выраженія: оскорбленіе арміи».

Я не буду спорить съ г. Елпатьевскимъ, который такъ хорошо знаетъ, когда именно, въ какой моментъ началось у членовъ партіи народной сво-

боды негодованіе по поводу рѣчи г. Зурабова. Въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ я остановлюсь на этомъ безподобномъ образчикѣ интеллигентскаго разсужденія, а пока habeat sibi!

Меня въ настоящій моментъ интересуетъ другое.

Для г. Елпатьевскаго инцидентъ съ г. Зурабовымъ только примѣръ; основная тема его статьи—разсказъ о томъ, какъ «кадеты» въ русскую революцію «выскочили» изъ себя, жили, говорили и дѣйствовали по новому—такъ было въ первой Думѣ и вскорѣ послѣ нея—а затѣмъ когда тѣ же люди вошли во вторую Думу и стали работать въ ней, оказалось, что «облетѣли цвѣты, догорѣли огни», или, выражаясь иначе, кадеты «вернулись домой».

«Они пришли опять на то мѣсто, изъ котораго вышли... Они были во временной отлучкѣ, странствовали по чужимъ краямъ, плавали по нездѣшнимъ морямъ, одѣтые въ костюмы, которые приняты тамъ, за границей, въ хорошихъ заграничныхъ домахъ, говорили на языкахъ тѣхъ странъ и усвоили манеры и красивые жесты тѣхъ странъ, а потомъ вернулись домой, пришли въ свое мѣсто. Сняли съ себя чужестранную одежду, заговорили на своемъ родномъ языкѣ, и мистеръ Джонъ сталъ опять тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ, котораго мы хорошо помнимъ, котораго мы хорошо знаемъ. Люди вернулись къ своей исконной, старой психологіи, къ своимъ прежнимъ чувствамъ, къ старому методу дѣйствій. Только и всего. ...Ходатайства, соглашенія,—парламентскій путь и только парламентскій путь и опять робкая мечта объ увѣнчаніи зданія».

Въ разсужденіи г. Елпатьевскаго, повидимому, господствуетъ строгая логика. На самомъ же дѣлѣ уже въ самыхъ посылкахъ царитъ полная путаница, и потому нашъ авторъ, какъ слѣпой, не видитъ того знаменательнаго процесса, который творился и творится вокругъ него.

Путаница—говорю я—обрѣтается въ самыхъ посылкахъ и заключается она вотъ въ чемъ. То, что г. Елпатьевскій называетъ новой психологіей, была именно старая психологія, и наоборотъ. Неудача конституціонно-демократической партіи во второй Думѣ обусловливалась именно тѣмъ, что хотя партія и нашла въ себѣ рѣшимость и способность стать на почву новой психологіи, но, когда она стала на эту почву, другіе факторы—назовемъ ихъ «лѣвыми» и «правительствомъ»—оказались всецѣло въ плѣну у старой психологіи.

Замѣчательно, что г. Елпатьевскій самъ это понимаетъ. Про правительство онъ прямо говоритъ, что «оно также вернулось домой, къ старому, на то мѣсто, откуда оно вышло,—къ старой психологіи и тактикѣ».

Значитъ, по признанію самого г. Елпатьевскаго, былъ моментъ, когда правительство сошло со старой позиціи, поддалось новой психологіи, и только постепенно оно «вернулось на старое мѣсто».

Любопытно, что такія путешествія со старыхъ мѣстъ на новыя и обратно г. Елпатьевскій приписываетъ только «кадетамъ» и «правительству», и не «лѣвымъ». «Лѣвые», «революціонеры» или даже сама «революція»,

занимають совсѣмъ особое мѣсто: они не вернулись на старыя позиціи, къ старой психологіи. Какъ настоящій русскій интеллигентъ-радикалъ, г. Елпатьевскій вѣритъ, что именно имъ, «революціоннымъ силамъ», принадлежитъ истинное представительство нуждъ и запросовъ страны и потому прямо говоритъ: «нужно думать, что въ «домашній старый споръ» правительства и кадетовъ вмѣшается въ видѣ судьи такъ или иначе страна, народъ, который не вернулся и не хочетъ вернуться къ старой психологіи, на старыя позиціи, къ которымъ вернулись правительство и кадеты».

Въ моемъ пониманіи рисуется совсѣмъ не та схема «психологической» игры силъ въ русской революціи, которую изображаетъ публицистъ-народникъ. Буду говорить не какъ кадетъ, а какъ Имярекъ.

До 17 октября указанная психологическая игра силъ сложилась иначе, чѣмъ послѣ этой исторической даты.

Успѣхъ, ею знаменуемый, не только не послужилъ толчкомъ къ переходу «революціи» къ новой психологіи, но, наоборотъ, закрѣпилъ старую психологію и даже, если можно такъ выразиться, ожесточилъ ее. Это выразилось въ томъ, что немедленно послѣ 17 октября начались проповѣдь и практика вооруженнаго возстанія. Извѣстно, къ чему это привело.

Русскую революцію погубилъ консерватизмъ ея психологіи. Русскіе интеллигенты вообще едва ли не самая консервативная порода людей въ мірѣ.

Они консервативны въ мысляхъ и еще болѣе въ чувствахъ. Тѣмъ, что правительство «вернулось къ старому, на то мѣсто, откуда оно вышло,—къ старой психологіи и тактикѣ» мы обязаны не гг. Дурново и Дубасову, не кознямъ и вѣроломству отдѣльныхъ людей, мы обязаны этимъ консерватизму русской революціонной интеллигенціи. Когда она изъ консерватизма своихъ мыслей и чувствъ рѣшила, что 17 октября 1905 г. ничего особеннаго не случилось, и что à l'ordre du jour—вооруженное возстаніе и прочія «активныя выступленія»—она закладывала основы той реакціи, въ жертву которой отдана теперь страна. Мысля и чувствуя по старому, она оживила старое и умирающее.

Когда-то въ 70-хъ годахъ Ю. Ѳ. Самаринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ выковали по адресу нашего помѣщичьяго реакціонерства крылатое слово «революціонный консерватизмъ». Они говорили о «логической беззаконности совокупленія» этихъ противорѣчивыхъ понятій. Нашему времени съ его тоже великими событіями и еще болѣе потрясающими перемѣнами суждено было въ другомъ сочетаніи, въ другомъ смыслѣ, въ другихъ формахъ и въ другомъ масштабѣ видѣть такую же «логическую беззаконность»,—«консервативную революціонность».

Самъ г. Елпатьевскій отмѣчаетъ, что въ царствѣ «революціи прежде не все обстояло благополучно». Но въ то время какъ кадеты заодно съ правительствомъ возвратились на старыя позиціи и погрязли въ старой психологіи, въ «странѣ», въ «народѣ» происходитъ не замиреніе, а «углубленіе революціи», которая «идетъ правильно». «И рядомъ идетъ раздумье, глубокое, серьезное раздумье. Повидимому, совершается пересмотръ ста-

раго, переоцѣнка прошлаго, раздумье надъ будущимъ! ...Странные слухи доносятся изъ разныхъ мѣстъ. Говорятъ, что значительно потеряли престижъ ораторы прошлогодняго типа, со всесокрушающими фразами, съ несомнѣвающимися опредѣленіями. Говорятъ, что старыя фразы, вызывавшія годъ тому назадъ бурю восторговъ, съ раздраженіемъ выслушиваются теперь той же толпой... Нельзя говорить объ одномъ,—о томъ, что возвращаются старыя чувства и вновь оживаютъ старыя иллюзіи, что заростаютъ только что протоптанныя тропы и люди возвращаются на старый проложенный исторіей трактъ, къ старому центру, что люди идутъ назадъ къ тому мѣсту, откуда вышли. Несомнѣнно одно, что изъ трехъ ходячихъ поговорокъ послѣдняго времени: «дальше итти некуда», «такъ жить дольше нельзя» и «къ прошлому возврата нѣтъ» безусловно справедлива только послѣдняя. Дальше итти можно еще довольно далеко вправо и очень далеко влѣво, такъ мы жили и раньше и не такъ будемъ жить дольше только потому, что вѣрно третье—къ прошлому возврата нѣтъ. Нѣтъ, потому что порвалась желѣзная цѣпь, связывавшая избу съ Петербургомъ, центръ съ периферіей, потому что нѣтъ старыхъ чувствъ, погибли старыя иллюзіи, на которыхъ держалось старое. Несомнѣнно одно, что Россія не возвратилась и не возвратится на то мѣсто, откуда вышла, и въ этомъ отношеніи *психологія кадетовъ рѣзко расходится съ психологіей Россіи*».

Мы думаемъ, что психологія кадетовъ не разойдется съ психологіей Россіи именно постольку, поскольку «страна» или «народъ» пойметъ, что къ прошлому возврата нѣтъ, но что для созданія новаго нужно «раздумье надъ будущимъ».

Старый порядокъ на всѣ запросы страны отвѣчалъ: «лупи», его противники изъ революціонеровъ-консерваторовъ на манифестъ 17 октября не нашли другого отвѣта, кромѣ того же «лупи!» Таковъ былъ—увы!—стереотипный смыслъ «*старыхъ всесокрушающихъ фразъ*», «*вызывавшихъ годъ назадъ бурю*». «*Глубокая переоцѣнка прошлаго*», «усталость отъ старыхъ словъ и лозунговъ», «разочарованіе въ старыхъ методахъ», «серьезное раздумье надъ будущимъ», все это прежде всего относится къ тому лозунгу, которымъ «революціонная Россія» отвѣтила на манифестъ 17 октября и который былъ вовсе не новымъ словомъ, а старымъ лозунгомъ стараго порядка: «лупи». Говоря «революціонная Россія», я не разумѣю ни страны, ни народа, а именно то, что въ народъ стремилась вложить и, до извѣстной степени, сумѣла вложить «революціонная» интеллигенція.

Русской интеллигенціи въ 1905 и 1906 гг. необыкновенно повезло. Тѣ надежды и чаянія, которыя она носила въ себѣ годы, надежды на то, что въ народѣ загорится лучъ политическаго сознанія, исполнились съ необыкновенной быстротой, которая намъ, людямъ, и видѣвшимъ, и пережившимъ другія времена, казалась фантастической.

Вмѣсто того, чтобы пестовать и воспитывать драгоцѣнный даръ, создать для него гранитное ложе конституціонныхъ навыковъ, укрѣплять его органической работой на основѣ учрежденій, стали обострять и ожесточать

это вновь родившееся политическое сознаніе, не жалѣя для этого ни матеріальныхъ, ни моральныхъ силъ народа (во что обошлась одна стачечная пропаганда!). Подъ руками «революціонной» интеллигенціи, ея стараніями благородное вино революціи изъ крѣпящей влаги національнаго возрожденія превратилось въ дурманящій, ядовитый уксусъ національнаго разложенія. Началось гніеніе революціи.

На этомъ пути русская интеллигенція растратила свой диковинный историческій выигрышъ,—призъ, о которомъ мечтали цѣлыя поколѣнія, и который былъ взятъ съ головокружительной быстротой, благодаря тому, что изъ Мукдена, Портъ-Артура, Цусимы родилось стихійное патріотическое негодованіе и патріотическій стыдъ.

Говорятъ, что во всемъ этомъ виновато правительство. Я не имѣю ни малѣйшей охоты и ни малѣйшаго призванія защищать правительство. Но тѣ, кто отрицаютъ всякіе компромиссы съ правительствомъ, тѣмъ самымъ теряютъ право обвинять его въ чемъ-либо, дѣлаютъ его *передъ собою* безотвѣтственнымъ. Обвиненія правительства революціонерами, которые вели съ нимъ войну, имѣютъ такой же смыслъ, какой имѣли бы обвиненія японцевъ русскими въ томъ, что побѣдили японцы. Революціонеры нападали, правительство защищалось; такова единственная возможная съ «военной» точки зрѣнія логика. Мы, люди конституціоннаго компромисса, можемъ и должны разсуждать и говорить иначе, но это право дается намъ именно *нашей* точкой зрѣнія.

Г. Елпатьевскій въ статьѣ о кадетахъ «Почему имъ не вѣрятъ?», помѣщенной въ *Русскомъ Богатствѣ* еще за прошлый годъ, искренно возмущался словами: «крамола», «внутренній врагъ», которыя произносились въ укорительномъ и полемическомъ смыслѣ умѣренными представителями русской оппозиціи до кадетовъ включительно; онъ упрекалъ этихъ людей въ томъ, что они боятся страшнаго слова: «революція».

Слова эти и страхи имѣли, конечно, почти всегда полицейскій привкусъ. Но, право, слова эти были бы совершенно безобидны, если бы сама «революціонная» интеллигенція не вложила въ нихъ—увы!—вполнѣ опредѣленный политическій и морально-политическій смыслъ.

Въ *Освобожденіи* я въ свое время упрекалъ покойнаго князя С. Н. Трубецкого за то, что онъ въ своей исторической петергофской рѣчи употребилъ слово «крамола»: я и теперь думаю, что это слово было въ этой рѣчи не нужно, но я теперь вынужденъ признать, что тактика русской «революціи» послѣ 17 октября создала такія событія и развернула такія перспективы, передъ которыми совершенно блѣднѣютъ такія слова, какъ «крамола». Между княземъ С. Н. Трубецкимъ и его истинными единомышленниками—съ одной стороны, и большевиками, эсэрами, максималистами и проч.— съ другой стороны, раскрылась такая пропасть, всей глубины которой полуполицейское и полуархаическое слово «крамола» совершенно не выражаетъ.

Есть въ этомъ расхожденіи моральное содержаніе и моральный смыслъ

Но мнѣ хотѣлось бы тутъ сказать нѣсколько словъ о смыслѣ политическомъ. Я сказалъ, что революціонеры съ такимъ же правомъ могутъ обвинять въ неудачахъ освободительнаго движенія правительство, съ какимъ адмиралъ Алексѣевъ могъ бы обвинять въ дальневосточномъ пораженіи Того и Ояму. Въ этомъ сопоставленіи японской войны и русской революціи, которое на первый взглядъ имѣетъ только логическій смыслъ, на самомъ дѣлѣ заключается смыслъ историческій и политическій. Русская революція есть своего рода травестія русско-японской войны. Въ ней сказались тѣ же свойства расы *) и воспитанія. Роль правительства и генералитета сыграла революціонная интеллигенція. Та же самонадѣянность и та же бездарность. И какъ японская война, такъ и большевистско-эсэровская революція выросла изъ безпредѣльнаго политическаго авантюризма и потерпѣла фіаско отъ того, что операціонная база была за тридевять земель, т.-е. ея въ сущности вовсе не было. Севастополь, Москва и Свеаборгъ—съ чисто военно-политической точки зрѣнія—тѣ же Тюренченъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ. Это вѣрно подъ какимъ угодно угломъ зрѣнія, даже чисто революціоннымъ.

Г. Елпатьевскій хоронитъ кадетовъ подъ пышнымъ заглавіемъ: «Облетѣли цвѣты, догорѣли огни». Я готовъ согласиться, что кадеты во многомъ виноваты. Когда я послѣ 17 октября вернулся изъ-за границы, я бывалъ, въ качествѣ слушателя и зрителя, на хорахъ залы Вольно-экономическаго общества, когда тамъ засѣдалъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Я тогда вынесъ убѣжденіе, что изъ этихъ разговоровъ ничего кромѣ повторенія іюньскихъ дней и Кавеньяка не выйдетъ. Такъ и случилось. Вышли московскіе декабрьскіе дни, впрочемъ, столь же отличающіеся отъ іюньскихъ, какъ адмиралъ Дубасовъ отличается отъ генерала Кавеньяка, полковники Минъ и Риманъ—отъ генераловъ Бреа и Дювивье, митрополитъ Владиміръ—отъ монсиньора Аффра **).

Въ дни ноябрьскаго опьянѣнія революціонными рѣчами вся та интеллигенція, которая стояла внѣ присяжной «революціи», и въ томъ числѣ и кадеты, должны были не стоять въ сторонѣ и мудро качать головой, а въ мертвой схваткѣ сразиться съ революціоннымъ безуміемъ, повести—передъ народнымъ сознаніемъ—*безпощадную* борьбу съ нимъ. Люди, которые такъ думали и такъ чувствовали въ то время, находились, къ сожалѣнію, въ полномъ одиночествѣ.

Ихъ, какъ Винкельрида, сразу пронзили бы пиками,—пошлыми обвиненіями въ «предательствѣ» и «измѣнѣ».

Вина кадетовъ не тамъ, гдѣ ее видитъ г. Елпатьевскій, а на противоположномъ полюсѣ: кадеты тоже отдали слишкомъ обильную дань старой

*) Расу тутъ я понимаю не въ этническомъ, а въ культурномъ смыслѣ.

**) Одно радикальное издательство недавно объявило выпускъ въ свѣтъ русскаго перевода „Исторіи революціи 1848 г.“ Даніеля Стерна. Мы рекомендуемъ читателю, незнакомому съ исторіей іюньскихъ дней, прочесть блестящія главы книги Стерна, посвященныя этимъ днямъ. Тогда ему станутъ совершенно понятны наши сопоставленія.

интеллигентской психологіи, вмѣстѣ со всей интеллигенціей оказывались весьма часто консерваторами, хотя и не столь безнадежно упорными.

Когда они встали рѣшительно на новый путь, силы были уже растрачены, историческій призъ былъ проигранъ: актъ 3 іюня подвелъ только итоги политическому банкротству русской интеллигенціи и ея психологіи.

Вотъ въ какомъ смыслѣ «облетѣли цвѣты, догорѣли огни», не кадетскіе, не партійные. Кончилась цѣлая полоса русской исторіи. «Къ старому строю возврата нѣтъ—пишетъ г. Елпатьевскій—и это понимаетъ даже г. Столыпинъ». Но кризисъ гораздо глубже, чѣмъ выражаетъ этотъ довольно истрепанный афоризмъ. Всѣмъ станетъ вскорѣ ясно, что послѣ Мукдена и Портъ-Артура русской революціи нѣтъ возврата и къ *старому строю интеллигентской мысли*. Крушился старый порядокъ, крушилась революція, а съ нею вмѣстѣ и старый строй мыслей.

Консерватизмъ русской революціонной интеллигенціи сказался въ томъ, что въ идейномъ отношеніи наша революція всецѣло была во власти славянофильски-народнической теоріи: русскій народъ есть народъ избранный въ соціальномъ и политическомъ отношеніи; мы можемъ и должны перескочить черезъ отвергаемыя нашимъ интеллигентскимъ сознаніемъ «буржуазныя» фазы; мы какъ бы уполномочены исторіей шествовать по пути прогресса быстрѣе другихъ народовъ.

Консерватизмъ русской интеллигентской мысли забавно потѣшился надъ русской соціалъ-демократіей. Родившаяся какъ протестъ противъ славянофильско-народнической идеологіи, она въ революціонномъ угарѣ сложила передъ этой идеологіей все свое марксистское оружіе, теоретически самое себя опустошила и, опростивъ себя отъ всякаго теоретическаго содержанія, пошла самымъ глупѣйшимъ образомъ «дѣлать» революцію, надъ чѣмъ всѣ марксисты всегда смѣялись. Курьезно, что даже нѣкоторые европейскіе марксисты—подъ вліяніемъ русскихъ событій—стали въ указанномъ смыслѣ славянофилами и склонны были узрѣть въ нашей революціи какъ бы Мессію всеобщаго соціальнаго и политическаго переворота. Реальный ходъ русской революціи безпощадно вскрылъ однако всю фантастичность и вздорность этого соціалистическаго славянофильства и мессіанизма. Русская революція изгнала славянофильство въ этомъ смыслѣ изъ его послѣдняго убѣжища; она есть его окончательное опроверженіе par le fait. При этомъ исторія зло подшутила надъ нами и тѣмъ, что даже тѣ объективныя возможности политическихъ и соціальныхъ успѣховъ, которыя были заключены въ дѣйствительно особенныхъ условіяхъ нашего экономическаго и государственнаго развитія, были парализованы и даже разрушены мессіанистическимъ бѣшенствомъ большевиковъ и эсэровъ.

Удастся ли кадетамъ и инымъ презрѣннымъ «буржуа» возстановить эти возможности?

«Облетѣли цвѣты, догорѣли огни!»

Но чьи?

Петръ Струве.

Двѣ потери.

I.

В. Ю. Скалонъ.

(Родился въ 1846 г., умеръ 19 апрѣля 1907 г.)

Умершій этой весной Василій Юрьевичъ Скалонъ былъ земцемъ. Онъ принадлежалъ къ той формаціи русскаго образованнаго общества, которая дала цѣлый рядъ выдающихся *либераловъ-народниковъ*, дѣйствовавшихъ въ земствѣ и въ литературѣ. Онъ былъ въ 80-хъ гг. редакторомъ замѣчательной газеты *Земство*, издававшейся ветераномъ славянофильства Кошелевымъ.

Эта унія стараго славянофила-земца съ земцами-либералами вродѣ Скалона доказывала, что подъ доктринальными разногласіями лежало глубокое единство практическихъ задачъ, то единство, которое, съ той же исторической необходимостью, въ наше время привело въ либерально-конституціонный лагерь такихъ людей, какъ Д. Н. Шиповъ.

Въ литературѣ о земствѣ и въ земской публицистикѣ Скалонъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ *Русской Мысли* печатался цѣлый рядъ его статей по земскимъ вопросамъ, вошедшихъ потомъ въ отдѣльные сборники, ставшіе руководящими книгами въ литературѣ этихъ вопросовъ. Въ рядѣ этихъ статей былъ написанъ очеркъ «Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи», посвященный земско-конституціонному движенію начала 80-хъ гг. XIX в. Цензура «вырѣзала» изъ книжки *Русской Мысли* эту статью, которая увидѣла свѣтъ въ нелегальномъ берлинскомъ изданіи (1882 г.) и надолго явилась лучшей для своего времени, прямо драгоцѣнной справкой по исторіи земско-политическаго движенія конца царствованія Александра II и начала царствованія Александра III. По этой статьѣ Скалона (напечатанной анонимно) молодежь 80-хъ и 90-хъ гг. знакомилась съ историческими фактами первостепенной важности, о которыхъ въ теченіе болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ, цензура не позволяла говорить въ русской литературѣ.

Судьба выбросила Скалона изъ семьи активныхъ земскихъ работниковъ, но и въ качествѣ редактора «Трудовъ вольнаго экономическаго общества», и въ качествѣ ближайшаго сотрудника-соиздателя *Русскихъ Вѣдомостей* онъ не переставалъ быть прежде всего земскимъ человѣкомъ.

Въ новѣйшемъ политическомъ движеніи В. Ю. Скалонъ не игралъ активной роли. Онъ, казалось, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и скептицизмомъ взиралъ на взбаломученное море политическихъ страстей и партійной борьбы и не находилъ себѣ въ немъ мѣста. Нельзя не сказать, что это недоумѣніе и скептицизмъ имѣли свои глубокія основанія и что въ нихъ чувствовалась больше здоровая критика умудреннаго опытомъ дѣятеля, чѣмъ старческая усталость и желаніе покоя.

II.

Графъ П. А. Гейденъ.

(† 15 іюня 1907 г. въ Москвѣ, 67 лѣтъ.)

Смерть графа П. А. Гейдена, пріобрѣтшаго въ качествѣ *праваго* члена первой Государственной Думы всероссійское имя, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ самыхъ широкихъ кругахъ русскаго общества. Почувствовалось, что ушелъ человѣкъ, въ которомъ съ удивительной красотой и законченностью сочетались свойства и черты, драгоцѣнныя для нашего времени.

Покойный выдвинулся въ качествѣ президента Императорскаго вольно-экономическаго общества въ то время, когда министры внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, Сипягинъ, Плеве—при благосклонномъ участіи министра земледѣлія А. С. Ермолова—вели безсмысленную, мелочную и политически безграмотную борьбу съ возникшимъ въ нѣдрахъ этого общества объединеніемъ общественно-политическихъ и просвѣтительныхъ силъ. Въ отстаиваніи правъ и интересовъ вольнаго экономическаго общества и связаннаго съ нимъ комитета грамотности графъ Гейденъ показалъ себя непреклоннымъ законникомъ и послѣдовательнымъ либераломъ.

Мы хорошо знаемъ и помнимъ дѣятельность графа, какъ президента вольнаго экономическаго общества: уже тогда фигура этого благороднаго старца, всегда твердаго и всегда деликатнаго, вседа прямого и всегда сдержаннаго, вызывала во всѣхъ чуткихъ людяхъ чувства неподдѣльнаго восхищенія и глубочайшаго уваженія. Въ одномъ изъ опубликованныхъ В. В. Хижняковымъ *) писемъ покойнаго графа послѣдній пишетъ (въ 1903 г.):

«Теперь нѣтъ гражданскихъ убѣжденій, а вездѣ пошелъ *хамъ* **). И хамы ведутъ, не вѣдая того, Россію къ погибели. Не можетъ человѣкъ зависимый имѣть честныхъ и смѣлыхъ убѣжденій. Не можетъ кастриро

---

*) См. *Товарищъ* № 296, отъ 19 іюня.

**) Курсивъ нашъ. *П. С.*

ванное общество полезно работать. Но пока свободу смѣшиваютъ съ революціей, то ничего путнаго не выйдетъ».

У графа Гейдена былъ, дѣйствительно, во всемъ его существѣ тотъ стиль свободы и независимости, который дѣлалъ непереносимымъ для него всякій рабій образъ и всякое хамство.

Его одинаково отталкивали и холопство толпы, и хамство революціонно-интеллигентское, и хамство помѣщичье-бюрократическое. Сторонникъ честнаго компромисса на правовой почвѣ, онъ всей душой отвергалъ то *государственное молчалинство*, съ помощью котораго вчерашніе самодержавщики такъ удобно примиряютъ конституцію съ абсолютизмомъ.

Въ современномъ кризисѣ нужны эти люди, которые въ политическомъ движеніи являются представителями разума и мѣры, твердости и сдержанности. «Можетъ быть, я и отсталый,—писалъ графъ тому же В. В. Хижнякову,—но я думаю, что *народъ идетъ впередъ не нутромъ, а зрѣлымъ разсудкомъ*. Я искренно желаю моей роднѣ движенія впередъ и проникновеніе въ массы истиннаго понятія о свободѣ» *).

Политическія реакціи знаменуютъ отсрочки и пересрочки историческихъ рѣшеній. Въ такія эпохи подготовляются въ обществѣ силы и способности для разрѣшенія задачъ, которыя оказались неразрѣшимыми для «бури и натиска». Въ такое время общество нуждается въ живыхъ примѣрахъ и урокахъ политической мудрости, и потому-то русское общество съ такой единодушной скорбью отозвалось на кончину графа П. А. Гейдена.

Намъ обѣщаны для *Русской Мысли* воспоминанія о гр. П. А. Гейденѣ одного изъ свидѣтелей его новѣйшей политической дѣятельности въ глухой провинціи. Въ этихъ воспоминаніяхъ передъ читателями возстанетъ въ живыхъ очертаніяхъ привлекательный образъ славнаго старца.

Петръ Струве.

---

*) Тамъ же, курсивъ нашъ. *П. С.*

Законодательство и жизнь.

Роспускъ Думы и новый избирательный законъ.—Его значеніе для будущей третьей Думы и для страны.—Неразрѣшимое противорѣчіе между воззрѣніями правительства и народа на аграрный вопросъ.—Московскій общеземскій съѣздъ какъ показатель настроенія земледѣльческаго класса.—Аграрныя мѣропріятія правительства.—Различныя формы революціоннаго броженія.—Таинственныя убійства.—Безпорядки и бунты.—Правительственныя репрессивныя мѣры.—Обязательныя постановленія о печати.

Опять въ Россіи настало междудумье и опять населеніе ея должно готовиться къ новымъ выборамъ. На этотъ разъ, однако, въ условіяхъ, при которыхъ будутъ происходить выборы, послѣдовали значительныя измѣненія, частью вслѣдствіе измѣненія самаго закона о выборахъ, частью вслѣдствіе болѣе опредѣленно выяснившагося за послѣднее время отношенія къ Думѣ другихъ правительственныхъ элементовъ, поставившаго Думу въ такое положеніе, на которое не разсчитывало населеніе, выбиравшее ее въ первые два раза. При первыхъ выборахъ населеніе вѣрило въ то, что дѣятельность Думы дастъ немедленно же реальные результаты,— какъ по отношенію къ улучшенію общихъ политическихъ условій русской государственной жизни, такъ и, въ особенности, по отношенію къ разрѣшенію наиболѣе важнаго по пониманію большинства населенія—аграрнаго вопроса. Когда первая Дума была распущена, не успѣвъ выполнить ни того, ни другого, то хотя уже при этомъ выяснилась трудность борьбы, которую ей приходилось вести со старымъ самодержавно-бюрократическимъ порядкомъ, и хотя надежда на быстрое полученіе практическихъ результатовъ ея работъ значительно ослабѣла, однако же въ населеніи сохранялась вѣра въ прочность самаго учрежденія Думы и въ то, что выбравъ новую Думу того же направленія, народъ тѣмъ самымъ дастъ отвѣтъ на разногласія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, отвѣтъ настолько авторитетный, что онъ придастъ еще большую нравственную силу рѣшеніямъ Думы и заставитъ правительство, если не вполнѣ признать ихъ, то пойти съ Думой на серьезные практическіе компромиссы. Вѣра эта находила себѣ подтвержденіе и въ манифестѣ, сопровождавшемъ роспускъ первой Думы, въ которомъ, хотя противъ первой

Думы и высказывались обвиненія въ томъ, что она уклонилась въ непринадлежащую ей область, обратившись къ разслѣдованію дѣйствій мѣстныхъ властей, къ указаніямъ на несовершенства основныхъ законовъ и къ непосредственному обращенію къ населенію, но въ то же время говорилось: «Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія». Естественно, что поэтому при вторыхъ выборахъ населеніе проявило къ нимъ не меньшій интересъ, чѣмъ къ первымъ; притомъ въ нихъ приняли участіе и провели въ значительномъ числѣ своихъ кандидатовъ и такія партіи, которыя въ первые выборы совершенно уклонились отъ нихъ. Такимъ образомъ вторые выборы, несмотря на усилія администраціи устранить нежелательныхъ ей кандидатовъ, на сенатскія разъясненія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи и на формальное исключеніе многихъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ Думы за подписаніе выборгскаго воззванія, дали составъ Думы не менѣе, или даже болѣе оппозиціонный, чѣмъ въ первый разъ. Однако и при такомъ составѣ тактика второй Думы по отношенію къ правительству была крайне скромна и осторожна. Не отказываясь отъ своихъ политическихъ и аграрныхъ воззрѣній и вообще не дѣлая никакихъ уступокъ правительству въ сферѣ своей законодательной дѣятельности, вторая Дума всячески старалась не давать никакихъ поводовъ къ обвиненію ея въ томъ, что она «уклонилась въ непринадлежащую ей область», чѣмъ, какъ мы видѣли, былъ мотивированъ роспускъ первой Думы. Она не дѣлала никакихъ попытокъ къ непосредственному изслѣдованію черезъ своихъ членовъ незакономѣрныхъ дѣйствій правительственныхъ властей, не дѣлала указаній на несовершенства основныхъ законовъ, сама въ своихъ дѣйствіяхъ строго держалась границъ, указанныхъ этими законами, не обращалась и непосредственно къ населенію. Вообще лозунгомъ большинства второй Думы было «беречь Думу». И однако эта осторожность не уберегла ея. На этотъ разъ въ качествѣ мотивовъ роспуска было указано на то, что дальнѣйшее существованіе Думы сдѣлалось невозможнымъ вслѣдствіе замедленія въ разсмотрѣніи или же отклоненія нѣкорыхъ правительственныхъ законопроектовъ, уклоненія Думы отъ порицанія террористическихъ актовъ, но всего больше вслѣдствіе того, что Дума сочла себя въ правѣ исполнить требованіе объ устраненіи 55 своихъ членовъ и о выдачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ не тотчасъ, безъ разсужденія, а лишь по обсужденіи по существу основательности этого требованія. Столь авторитетныя указанія заставляютъ, конечно, придти къ тому выводу, что существованіе Думы будетъ и на будущее время обезпечено лишь при условіи, что ею не будутъ отклоняться правительственные законопроекты, особенно направленные на борьбу съ революціей, что она выскажетъ (хотя это и не входитъ въ прямую ея обязанность) осужденіе террористическимъ актамъ и, что всего важнѣе, будетъ безпрекословно исполнять требованія объ устраненіи изъ своей среды депутатовъ, привлеченныхъ

къ отвѣтственности слѣдственной властью. Однимъ словомъ, для существованія Думы нужно, чтобы она была послушная. Но опытъ двухъ выборовъ показалъ, что при бывшемъ избирательномъ законѣ послушной Думы не получается, да и нѣтъ надежды, чтобы при сохраненіи этого закона она могла получиться и въ будущемъ. Поэтому для достиженія такой цѣли на этотъ разъ сдѣлано было то, что прежде не считалось возможнымъ,—измѣненъ избирательный законъ, причемъ въ разъясненіе этой мѣры сдѣланы указанія, которыя вносятъ значительныя поправки въ то представленіе о Думѣ, которое было у избирателей во время первыхъ и вторыхъ выборовъ. Отнынѣ оказывается, что составъ Думы, а слѣдовательно и направленіе ея дѣятельности, зависитъ не столько отъ избирателей, сколько отъ того, насколько правительствомъ будетъ признано, что избранныя лица являются или нѣтъ «настоящими выразителями желаній и нуждъ народныхъ». Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ не Думѣ и не избирателямъ, а только правительству. Если дѣятельность Думы не удовлетворяетъ желаніямъ правительства, то она не только всегда можетъ быть распущена, но и составъ ея можетъ быть измѣненъ или частично, устраненіемъ изъ нея нѣкоторыхъ депутатовъ, или сполна—изданіемъ новаго избирательнаго закона. Разъ признано, что избирательный законъ можетъ быть измѣненъ помимо Думы, то очевидно онъ и долженъ измѣняться такимъ путемъ до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію правительства, Дума окажется «настоящимъ выразителемъ желаній и нуждъ народныхъ», т.-е. будетъ соглашаться съ правительственными распоряженіями и законопроектами, ибо, конечно, правительство, дѣлая эти распоряженія и внося эти законопроекты, не можетъ не признавать ихъ отвѣчающими нуждамъ народнымъ. Такимъ образомъ, значеніе выборовъ становится въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ предполагалось раньше, потому что каковы бы ни были ихъ результаты, выражающіеся въ составѣ Думы,—они могутъ быть всегда свободно исправлены правительствомъ и по отношенію къ составу Думы и по отношенію къ ея дѣятельности, которая можетъ вестись безпрепятственно не иначе, какъ въ согласіи съ намѣреніями правительства. Понятно, что такое положеніе вещей не можетъ не отразиться и на отношеніи населенія къ выборамъ, которое, по всей вѣроятности, окажется гораздо холоднѣе, чѣмъ при первыхъ и вторыхъ выборахъ. Во многихъ общественныхъ кругахъ и партіяхъ возникали уже разговоры объ уклоненіи отъ выборовъ или о такъ называемомъ бойкотѣ ихъ. Къ мотивамъ практическаго характера, которые выставлялись раньше, при прежнихъ выборахъ, въ настоящее время присоединились также другіе, принципіальнаго, юридическаго характера. Эти мотивы, конечно, могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ партій, которыя, какъ партія народной свободы, полагали въ основаніе своей политической дѣятельности законность и признавали своей обязанностью охранять незыблемость тѣхъ юридическихъ отношеній между разными элементами власти, въ которыхъ они видѣли основы конституціи. Какъ для крайнихъ правыхъ, отрицавшихъ самое с

ществованіе въ русскомъ политическомъ строѣ какой бы то ни было конституціи, такъ и для крайнихъ лѣвыхъ, признававшихъ основою своей дѣятельности не законность, а цѣлесообразность и соотвѣтствіе ея съ истинными потребностями и желаніями народа,—соображенія о юридическомъ значеніи новыхъ выборовъ и новой Думы не могутъ имѣть большой силы. Но и партія народной свободы, поскольку можно судить о ея настроеніи по тому, что было высказано на происходившемъ 10 и 11 іюня въ Теріокахъ пленарномъ засѣданіи центральнаго комитета партіи и представителей провинціальныхъ комитетовъ, пришла почти къ единогласному заключенію, что такъ какъ предвыборный періодъ, а затѣмъ выборы и сама будущая Государственная Дума являются могучимъ орудіемъ политическаго воздѣйствія на населеніе для укрѣпленія въ немъ началъ истинно-конституціоннаго и демократическаго строя, то партія, несмотря на трудность положенія, созданнаго новымъ избирательнымъ закономъ, не должна отвергать, между прочимъ, и этого орудія борьбы, а потому должна принять дѣятельное участіе въ предстоящихъ выборахъ. Итакъ, по вопросу о выборахъ и Думѣ всѣ, начиная съ правительства и до крайнихъ лѣвыхъ партій, оставляя въ сторонѣ теоретически правовыя основанія, становятся на утилитарную точку зрѣнія и опредѣляютъ свое отношеніе къ выборамъ и къ Думѣ исключительно по соображенію ихъ цѣлесообразности въ смыслѣ орудія для достиженія народнаго блага, причемъ послѣднее, конечно, понимается разными партіями различно. Чтобы уяснить себѣ, для какихъ именно цѣлей можетъ преимущественно служить новый избирательный законъ и кому онъ можетъ быть наиболѣе полезенъ, мы обратимся теперь къ нѣсколько болѣе детальному его разсмотрѣнію.

Измѣненія, внесенныя въ порядокъ выборовъ новымъ избирательнымъ закономъ имѣютъ двоякій характеръ: одни изъ нихъ касаются способа производства выборовъ, другіе—распредѣленія числа избираемыхъ депутатовъ между различными категоріями избирателей. Въ числѣ первыхъ наиболѣе важны слѣдующія: на основ. 6-й ст. Положенія о выборахъ въ городахъ устанавливаются двѣ избирательныхъ куріи: первый и второй съѣздъ городскихъ избирателей; въ первомъ (ст. 32) участвуютъ лица, владѣющія болѣе крупнымъ цензомъ: или недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ по городской оцѣнкѣ для взиманія городского сбора въ столицахъ не менѣе 3,000 р., въ городахъ Кіевѣ, Одессѣ и Ригѣ не менѣе 1,500 р., въ губернскихъ городахъ и имѣющихъ населеніе свыше 20,000 душъ—не менѣе 1,000 р., а въ остальныхъ не менѣе 300 р., или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки свидѣтельства въ столицахъ перваго разряда (для торговыхъ) или первыхъ трехъ разрядовъ (для промышленныхъ предпріятій), въ Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ и прочихъ городахъ соотвѣтственно первыхъ двухъ и первыхъ пяти разрядовъ. Во второмъ городскомъ съѣздѣ участвуютъ всѣ имѣющіе недвижимую собственность, оцѣненную ниже сказанныхъ цифръ или выбирающіе торгово-про-

мышленныя свидѣтельства низшихъ противъ вышеуказанныхъ разрядовъ, кромѣ того лица, уплачивающія налогъ на личныя промысловыя занятія, квартиронаниматели и пенсіонеры. Каждый изъ двухъ городскихъ съѣздовъ производитъ свои выборы отдѣльно изъ своей среды; при этомъ городскіе съѣзды столицъ, Кіева, Одессы и Риги избираютъ прямо членовъ Думы въ назначенномъ для каждаго съѣзда по расписанію числѣ, въ прочихъ же городахъ каждый съѣздъ избираетъ назначенное число выборщиковъ. Эти выборщики, вмѣстѣ съ выборщиками отъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и въ нѣкоторыхъ промышленныхъ губерніяхъ отъ фабричныхъ рабочихъ, составляютъ губернское избирательное собраніе, въ которомъ выборы членовъ Думы отъ губерніи происходятъ (согласно 123 ст. Пол. о выб.) слѣдующимъ образомъ: губернское избирательное собраніе, въ составѣ всѣхъ прибывшихъ въ него выборщиковъ, прежде всего выбираетъ одного члена Думы изъ числа крестьянскихъ выборщиковъ, потомъ одного изъ землевладѣльческихъ выборщиковъ, одного изъ городскихъ выборщиковъ отъ перваго и второго городскихъ съѣздовъ вмѣстѣ, или—въ другихъ губерніяхъ—по одному члену Думы отъ каждаго изъ двухъ городскихъ съѣздовъ, наконецъ, въ трехъ губерніяхъ одного отъ казачьихъ станицъ и въ шести губерніяхъ одного отъ рабочихъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ томъ же составѣ выбираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное расписаніемъ число членовъ Думы. Важное нововведеніе, касающееся также порядка выборовъ, заключается еще въ томъ, что съѣздъ землевладѣльцевъ и оба городскихъ съѣзда по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ могутъ быть раздѣлены на отдѣленія по мѣстностямъ, по роду ценза и по національностямъ; въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ по національностямъ могутъ быть раздѣлены также и съѣзды крестьянскихъ уполномоченныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ правилъ представляютъ собою лишь техническія усовершенствованія, какъ, наприм., прямые выборы въ пяти большихъ городахъ; по этому поводу можно только пожалѣть, что этотъ опытъ прямыхъ выборовъ не сдѣланъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Другія правила имѣютъ болѣе тенденціозное значеніе и могутъ имѣть вліяніе на составъ и направленіе Думы. Такъ, раздѣленіе городскихъ избирателей на двѣ самостоятельныя куріи, конечно, ведетъ къ тому, что болѣе богатая часть городского населенія, несмотря на свою малочисленность, получаетъ возможность провести въ выборщики или въ члены Думы столько же, или даже болѣе, своихъ кандидатовъ, чѣмъ можетъ выбрать участвующая во второмъ съѣздѣ гораздо болѣе многочисленная, но болѣе бѣдная часть городскихъ жителей. Послѣдняя, кромѣ того, находится въ сравнительно невыгодномъ положеніи еще и потому, что нѣкоторыя входящія въ ея составъ категоріи избирателей, именно квартиронаниматели, не уплачивающіе квартирнаго налога, и пенсіонеры, для внесенія ихъ въ избирательные списки обязаны на основаніи 57 ст. Пол. о выб. сами письменно заявлять о своихъ правахъ и представлять доказательства этихъ правъ. При томъ

относительномъ равнодушіи къ выборамъ, которое наступило въ настоящее время и причину котораго мы указывали выше, очень возможно, что значительная часть избирателей этой категоріи, составляющей опять-таки наиболѣе бѣдную часть второго съѣзда, вовсе не подадутъ такихъ заявленій; и въ настоящее время, наприм., въ Москвѣ они поступаютъ очень тихо. Такимъ образомъ новый законъ даетъ болѣе состоятельному классу городскихъ избирателей явное преимущество. Но, какъ мы увидимъ дальше, преимущество это теряетъ свое значеніе передъ громаднымъ преимуществомъ, даваемымъ надъ всѣми другими избирательными куріями куріи землевладѣльческой. По прежнему закону крестьянскіе выборщики избирали изъ своей среды одного члена Думы безъ участія въ этомъ избраніи остальныхъ категорій избирателей. Теперь этотъ порядокъ измѣненъ: выборы производятся всѣми куріями вмѣстѣ, слѣдовательно, если бы предположить, что члены каждой куріи будутъ солидарны между собою, то малочисленныя куріи не будутъ имѣть возможности провести своихъ кандидатовъ даже изъ своей среды. Такимъ образомъ и крестьяне при будущихъ выборахъ вовсе не обезпечены, какъ это было раньше, въ томъ, что отъ нихъ будетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ членъ Думы, избранный ими согласно съ ихъ желаніемъ. Противъ избранія членовъ Думы всѣмъ избирательнымъ собраніемъ нельзя было бы ничего возразить, если бы само избирательное собраніе было составлено сообразно съ дѣйствительнымъ составомъ населенія, которое оно должно представлять и если бы въ выборахъ не было введено, на-ряду съ равнымъ участіемъ каждаго выборщика, противоположнаго элемента въ видѣ требованія, чтобы избирались сначала по одному члену Думы отъ каждой куріи. При такомъ порядкѣ должно получиться довольно странное явленіе: каждая курія получитъ какъ будто бы своего представителя, но этимъ представителемъ будетъ не то лицо, котораго желала имѣть эта курія, а то, которое будетъ ей дано большинствомъ. Для чего же нужно это фиктивное яко бы куріальное представительство? Неужели только для того, чтобы, несмотря на полное преобладаніе одной куріи, можно было сказать, что въ Думѣ каждая часть народа будетъ имѣть своихъ представителей? Притомъ, если бы и признать это, то всетаки такое положеніе вещей не соотвѣтствовало бы словамъ манифеста, въ которыхъ говорится не о представителяхъ, а объ «избранникахъ» отъ каждой части народа. Между прочимъ, это правило должно несомнѣнно стѣснять избирателей, ограничивая сферу лицъ, подлежащихъ избранію. Что касается до предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ права раздѣлять по своему усмотрѣнію избирательные съѣзды на отдѣленія, то оно несомнѣнно даетъ правительству очень сильное вліяніе на выборы, тѣмъ болѣе, что въ законѣ не указано никакихъ ограниченій для такого рода распоряженій министра. Извѣстно, что распредѣленіе избирательныхъ округовъ всюду является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для направленія выборовъ согласно намѣреніямъ распредѣляющей власти. Именно такимъ путемъ достигается, наприм., то, что въ германскомъ рейхстагѣ соціалъ-демократи-

ческая партія имѣетъ гораздо меньше представителей, чѣмъ сколько ей слѣдовало бы имѣть соотвѣтственно общему числу принадлежащихъ къ ней избирателей. И у насъ, выдѣленіемъ въ особое избирательное отдѣленіе пріятнаго правительству меньшинства, послѣднее всегда можетъ быть охранено отъ поглощенія его большинствомъ и получить фиктивную силу, несоотвѣтствующую его дѣйствительной силѣ. Однако важнѣе всѣхъ этихъ измѣненій въ порядкѣ выборовъ являются измѣненія, внесенныя новымъ закономъ въ распредѣленіе числа депутатовъ по мѣстностямъ и по классовымъ куріямъ. По мѣстностямъ значительно сокращено представительство окраинъ. Что это сдѣлано совершенно сознательно—съ опредѣленною цѣлью уменьшить въ Думѣ вліяніе инородческаго элемента, на это указывается въ самомъ манифестѣ, гдѣ сказано: «Созданная для укрѣпленія государства Россійскаго Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иныя народности, входящія въ составъ державы Нашей, должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть выразителями вопросовъ чисто русскихъ. Въ тѣхъ же окраинахъ, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены». Это указаніе на неравноправность различныхъ народовъ, входящихъ въ составъ державы Россійской, и на первенствующее положеніе, предоставляемое русскому народу, въ высшей степени знаменательное и само по себѣ, имѣетъ также очень большое значеніе и по отношенію къ выборамъ и будущему составу Думы. Результатомъ его является то, что теперь Царство Польское будетъ имѣть вмѣсто 36 депутатовъ только 14, въ томъ числѣ одного отъ Варшавы и одного отъ Лодзи, избираемыхъ прямой подачей голосовъ, десять отъ остального польскаго населенія, избираемыхъ обыкновеннымъ порядкомъ черезъ выборщиковъ, и двухъ депутатовъ—одного отъ русскаго населенія Варшавы, а другого отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губерній. Также большія потери въ числѣ депутатовъ понесли Кавказъ и Сибирь. Кавказъ будетъ имѣть теперь вмѣсто 29 депутатовъ 10, избираемыхъ черезъ выборщиковъ; въ числѣ этихъ 10 депутатовъ одинъ избирается отдѣльно отъ русскаго населенія. Въ Сибири и остальной Азіатской Россіи вмѣсто прежнихъ 42 будетъ 15 депутатовъ. Уменьшеніе послѣдовало и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи; такъ, въ Вятской и Пермской губерніяхъ вмѣсто бывшихъ въ каждой изъ нихъ 13 депутатовъ теперь будетъ въ первой 8, во второй 9. Отдѣльные выборы отъ русскаго населенія будутъ и въ двухъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ Виленской, гдѣ отъ него будутъ избраны два депутата, и въ Ковенской, гдѣ будетъ выбранъ одинъ. Такимъ образомъ, покровительство, оказываемое въ дѣлѣ выборовъ русскому населенію, выражается двумя способами: уменьшеніемъ числа депутатовъ, избираемыхъ окраинами, и охраненіемъ отдѣльнаго права выбора для русскаго населенія, находящагося въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ. Чтобы судит

о разницѣ отношенія новаго закона къ Польшѣ и Кавказу и къ Европейской Россіи, приведемъ слѣдующія цифры: въ Царствѣ Польскомъ одинъ депутатъ третьей Думы приходится на 671,000 жителей, на Кавказѣ на 850,000 жит., тогда какъ въ Европейской Россіи (51 губ.) на 234,000 жит. Впрочемъ, повидимому, не одни чисто-націоналистическія соображенія играли роль въ этомъ распредѣленіи. Прибалтійскія губерніи имѣютъ такое же инородческое населеніе, какъ и Польша или Кавказъ, однако это обстоятельство не повліяло на число назначенныхъ въ нихъ депутатовъ и въ нихъ приходится по одному депутату на 199,000 душъ населенія, т.-е. даже больше, чѣмъ въ чисто-русскихъ губерніяхъ. Уменьшеніе числа депутатовъ въ Азіатской Россіи обусловлено главнымъ образомъ совершеннымъ исключеніемъ средне-азіатскихъ областей, но и въ оставшихся губерніяхъ съ русскимъ населеніемъ приходится по одному депутату на 353,000 душъ, т.-е. меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи, хотя значительно больше, чѣмъ въ Польшѣ или на Кавказѣ. Опредѣлить хотя бы приблизительно, какими соображеніями, кромѣ высказанныхъ въ манифестѣ, руководилось правительство при новомъ распредѣленіи депутатскихъ полномочій, совершенно невозможно; можно развѣ догадываться, что тутъ могло играть нѣкоторую роль направленіе бывшихъ во второй Думѣ депутатовъ отъ разныхъ мѣстностей. Такъ, Вятская и Пермская губерніи, наиболѣе потерявшія депутатскихъ мѣстъ по новому закону, были представлены во второй Думѣ оппозиціонными депутатами. Напротивъ, Бессарабская губернія, давшая правыхъ депутатовъ, ничего не потеряла при новомъ расписаніи, несмотря на имѣющуюся въ ея населеніи значительную долю инородческаго элемента. Надо полагать, что и политическая благонадежность прибалтійскихъ губерній считается вполнѣ обезпеченной при томъ составѣ избирателей, который опредѣленъ новымъ закономъ. Напротивъ, возможно, что общее оппозиціонное настроеніе депутатовъ отъ городовъ, имѣвшихъ самостоятельное представительство, повліяло на отнятіе у нихъ этого представительства и присоединеніе ихъ къ губернскимъ избирательнымъ собраніямъ, гдѣ ихъ голоса будутъ подавлены голосами землевладѣльческаго большинства. Образованіе всюду землевладѣльческаго большинства и есть самое главное измѣненіе, имѣющее наибольшее значеніе для опредѣленія направленія будущей Думы. По прежнему положенію въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ Европейской Россіи было 5,985 выборщиковъ въ томъ числѣ 40% отъ крестьянъ, 33% отъ землевладѣльцевъ, 23% отъ горожанъ, остальные 4% приходились на долю рабочихъ и казаковъ. По новому расписанію общее число выборщиковъ уменьшено до 5,161, процентное же отношеніе различныхъ ихъ категорій таково: 50% отъ землевладѣльцевъ, 22% отъ крестьянъ, 13% отъ первой городской куріи, 11% отъ второй городской куріи, сверхъ того 50 выборщиковъ или около одного процента отъ соединенныхъ въ Архангельской и Ставропольской губерніяхъ куріи землевладѣльцевъ и крупныхъ городскихъ избирателей, остальные % отъ рабочихъ и казаковъ. Но общія цифры еще не даютъ вполнѣ

яснаго указанія на преобладаніе землевладѣльческаго элемента; оно еще болѣе выясняется при разсмотрѣніи расписанія числа выборщиковъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Прежде въ большинствѣ губернскихъ собраній перевѣсъ былъ на сторонѣ крестьянъ, которые имѣли абсолютное большинство въ 12 губерніяхъ, тогда какъ землевладѣльцы имѣли его только въ 2 губерніяхъ. Относительное большинство, т.-е. сравнительно съ каждой изъ остальныхъ отдѣльно взятыхъ курій, принадлежало крестьянамъ въ 18, землевладѣльцамъ въ 13 губерніяхъ. По новому расписанію въ 28 губерніяхъ, отъ которыхъ будутъ избраны 255 членовъ Думы изъ общаго ихъ числа 442, выборщики отъ землевладѣльцевъ располагаютъ абсолютнымъ большинствомъ, затѣмъ еще въ 4 губерніяхъ они составляютъ ровно половину и въ 16 имъ принадлежитъ относительное большинство. Только въ одной Астраханской губерніи относительное большинство принадлежитъ выборщикамъ отъ перваго городского съѣзда, а въ Архангельской и Ставропольской выборщикамъ отъ соединенныхъ курій землевладѣльцевъ и крупныхъ городскихъ избирателей. При такихъ условіяхъ, очевидно, что составъ третьей Думы будетъ въ полной зависимости отъ землевладѣльческихъ выборщиковъ, которые могутъ избрать кого имъ угодно какъ изъ своей среды, такъ и изъ выборщиковъ отъ прочихъ курій. Что преобладаніе землевладѣльцевъ въ новомъ расписаніи обусловлено сознательнымъ желаніемъ передать въ ихъ руки выборъ Думы и не находится ни въ какомъ соотношеніи съ дѣйствительнымъ характеромъ той или иной мѣстности, доказывается примѣромъ хотя бы такой «крестьянской» губерніи, какъ Вятская, гдѣ даже земство всегда было крестьянскимъ, въ которой прежде изъ 204 выборщиковъ было 148 крестьянъ и 18 землевладѣльцевъ, а теперь изъ 109 выборщиковъ 23 крестьянина и 53 землевладѣльца. То же самое произошло и въ промышленныхъ губерніяхъ, вродѣ Московской или Екатеринославской, изъ которыхъ въ первой землевладѣльцы, вмѣсто прежнихъ 13 выборщиковъ будутъ имѣть 42, а городскіе избиратели (обѣихъ курій) вмѣсто 63—28, во второй землевладѣльцы вмѣсто 38 выборщиковъ получаютъ 62, а горожане только 24. Такое распредѣленіе, очевидно, совершенно не сообразно съ дѣйствительнымъ распредѣленіемъ отдѣльныхъ категорій избирателей и можетъ быть обусловлено не чѣмъ инымъ, какъ разсчетомъ правительства найти себѣ въ землевладѣльческомъ классѣ болѣе надежную опору, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ. Раньше такая же надежда возлагалась правительствомъ на крестьянство, но она, какъ извѣстно, не оправдалась: большая часть крестьянъ оказалась въ оппозиціи, нѣкоторые даже въ самой крайней. Если бы правительство нашло себѣ опору въ крестьянствѣ, то этимъ оно, конечно, пріобрѣло бы громадную моральную силу; въ то же время и предоставленіе преобладанія въ Думѣ крестьянству было бы правильно и справедливо, такъ какъ крестьянство составляетъ большинство населенія. Такимъ образомъ, правительство поступило бы очень разсчетливо, если бы оно основало свою внутреннюю политику на союзѣ съ крестьянами и на предоставленіи имъ

большинства въ Думѣ. Для этого надо было, конечно, искренно и энергично поддержать основное требованіе крестьянства о разрѣшеніи аграрнаго вопроса въ смыслѣ признанія необходимости принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель. Это бы сразу могло повернуть на сторону правительства все крестьянство, т.-е. главную массу населенія, которая, обладая дѣйствительнымъ большинствомъ, могла бы провести въ Думу своихъ депутатовъ и образовать изъ нихъ такое представительное собраніе, которое въ этомъ основномъ вопросѣ шло бы заодно съ правительствомъ, а по отношенію другихъ политическихъ вопросовъ могло бы оказаться сравнительно довольно сговорчивымъ. Такой оборотъ дѣла могъ бы въ значительной мѣрѣ лишить почвы не только революціонныя, но и либерально-конституціонныя стремленія. Къ добру или къ худу, но правительство поставило своей задачей не только принципіальную охрану стараго самодержавно-бюрократическаго порядка, но и болѣе непосредственно близкую правящему классу защиту неприкосновенности земельныхъ владѣній 130 тысячъ помѣщиковъ. Въ этомъ смыслѣ оно неоднократно высказывалось и въ первой, и во второй Думѣ; и понятно, что при такихъ обстоятельствахъ оно не могло взять себѣ въ союзники крестьянъ, но должно было обратиться къ союзу съ помѣщичьимъ элементомъ, который въ большинствѣ своемъ еще гораздо болѣе, чѣмъ крестьяне, готовъ за сохраненіе своихъ земельныхъ интересовъ поступиться всякими либеральными идеями. Конечно, въ такомъ случаѣ слѣдовало для совмѣстной дѣятельности и въ Думѣ провести въ нее большинство, состоящее изъ помѣщичьяго элемента. Этого нельзя было сдѣлать, сохранивши сколько-нибудь правильное распредѣленіе депутатовъ между различными куріями, такъ какъ никакими соображеніями нельзя было доказать, что 130 тысячъ больше 130 милліоновъ. Но можно было разрѣшить это противорѣчіе, признавши, что землевладѣльцы, сколько бы ихъ ни было, въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ крестьяне и другіе классы, выражаютъ мнѣніе народа. Такъ и было сдѣлано.

Можетъ или, лучше сказать, могло бы раньше возникнуть сомнѣніе относительно того, насколько однороденъ по своимъ политическимъ взглядамъ землевладѣльческій классъ. Если бы этой однородности не оказалось, если бы отъ землевладѣльцевъ могли быть выбраны въ разныхъ мѣстахъ люди различныхъ партій какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ, то одно преобладаніе этого класса еще не давало бы основанія разсчитывать на однородность будущей Думы. По отношенію къ землевладѣльцамъ могла бы произойти такая же ошибка, какъ и по отношенію къ крестьянамъ, отъ которыхъ въ первой и второй Думѣ были и правые, но было и еще больше лѣвыхъ. Но, во-первыхъ, лѣвость очень многихъ крестьянъ была обусловлена, главнымъ образомъ, отношеніемъ правительства къ аграрному вопросу. Оппозиціонное ихъ направленіе совпадало съ ихъ классовымъ интересомъ. Напротивъ, у землевладѣльцевъ съ интересомъ ихъ совпадаетъ направленіе вправо, въ сторону правительства. Во-вторыхъ, если об-

щее массовое настроеніе землевладѣльческаго класса могло казаться правительству сомнительнымъ и ненадежнымъ года два тому назадъ, во время тогдашнихъ земскихъ съѣздовъ, то поворотъ, совершившійся съ тѣхъ поръ въ земствѣ, наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ котораго былъ земскій съѣздъ, происходившій въ Москвѣ 10—17 іюля, долженъ былъ убѣдить въ томъ, что всякія такія опасенія въ настоящее время должны исчезнуть. Большинство съѣзда рѣшительно отреклось отъ всякой солидарности съ прежними земскими съѣздами. Было заявлено даже, что прежніе съѣзды составлялись «путемъ назначенія и подтасовки». Когда депутатъ отъ смоленскаго земства В. В. Пржевальскій сталъ возражать противъ этого, то послышались крики «ложь» и произошла такая бурная и грубая сцена, что г. Пржевальскій принужденъ былъ оставить каѳедру. Хотя на съѣздѣ были представители направленія прежнихъ съѣздовъ, но они составляли лишь оппозиціонное меньшинство. О характерѣ же большинства съѣзда можно судить уже по тому, что однимъ изъ лидеровъ оппозиціи оказался М. А. Стаховичъ, бывшій, какъ извѣстно, въ Государственной Думѣ въ числѣ членовъ ея, находившихся на правомъ крылѣ центра. Даже такой консервативный земецъ, какъ кн. Волконскій изъ Рязани, бывшій на прежнихъ съѣздахъ въ числѣ крайнихъ правыхъ, теперь оказался не на высотѣ требованій большинства, такъ какъ онъ признавалъ, что на первомъ планѣ въ дѣятельности земства должны стоять интересы всего населенія. Большинство же явно высказывало требованіе, что всѣ нужды мѣстнаго населенія должны быть переданы въ полное распоряженіе крупныхъ землевладѣльцевъ помѣщиковъ, или, какъ выражался графъ Дорреръ, «нашего дворянскаго земства». При обсужденіи вопроса, должны ли въ земствѣ участвовать только плательщики земскаго сбора, ораторами большинства ясно высказывались исключительно землевладѣльческія тенденціи. «Въ земствѣ не должно быть мѣста людямъ антиземледѣльческихъ профессій»,— говорилъ депутатъ Шечновъ. Особенную опасность ораторы большинства видѣли въ возможности предоставленія участія въ земскихъ собраніяхъ такъ называемому третьему элементу, благодаря которому земство, по словамъ депутата Владимірова, даже «принесло огромный вредъ дѣлу народнаго образованія». Не слѣдуетъ также передавать земское дѣло и крестьянскому населенію, такъ какъ, по словамъ депутата Маркова, отъ этого произойдетъ бѣдствіе, «равное нашествію варваровъ». Крестьяне склонны преслѣдовать свои узко-классовые эгоистическіе интересы, что они доказали въ обѣихъ Государственныхъ Думахъ, стремясь захватить всѣ земли; напротивъ, отношеніе дворянства къ земскому дѣлу было всегда высоконравственно и безкорыстно. Эти рѣчи могутъ служить не только для характеристики направленія съѣзда, но и какъ образчики своеобразной логики нынѣшнихъ земскихъ дѣятелей и, можетъ быть, будущихъ законодателей. Въ результатѣ обсужденія этого вопроса, съѣздъ не только призналъ, что правомъ участія въ земскихъ собраніяхъ должны пользоваться лишь плательщики земскаго сбора, но

даже, вопреки предположенію правительственнаго проекта, отвергъ налоговый цензъ, оставивъ прежній земельный. Правда, затѣмъ было въ принципѣ принято пониженіе размѣра ценза, но рѣшеніе это потеряло всякое реальное содержаніе вслѣдствіе признанія, что конкретныя цензовыя нормы должны быть намѣчены подлежащими уѣздными и губернскими земскими собраніями. Съѣздъ долго не могъ рѣшить вопроса даже о томъ, нужна ли вообще земская реформа. Въ представленномъ по этому вопросу докладѣ депутата Ершова говорилось, что вообще реформа нужна, между прочимъ и для того, чтобы «путемъ возрожденія земства отвлечь населеніе отъ задачъ политическихъ къ трудному и кропотливому дѣлу земскаго строенія». Конечно, для этого потребуется привлеченіе къ земскому дѣлу широкихъ круговъ населенія, но оно, съ другой стороны, опасно тѣмъ, что можетъ повлечь за собой устраненіе тѣхъ земскихъ дѣятелей, «которые создали земское дѣло». Это противорѣчіе, по мнѣнію докладчика, должно быть разрѣшено такъ, что хотя расширеніе круга лицъ, участвующихъ въ земствѣ и должно быть допущено, однако «современные земскіе дѣятели имѣютъ не только право, но и обязанность отстоять свое участіе въ дѣлѣ, которое они создали». Другими словами, надо устроить такъ, чтобы видимое измѣненіе состава земства ни въ чемъ не измѣнило того положенія вещей, при которомъ представители крупнаго землевладѣнія являются полными хозяевами земскаго дѣла. Однако и такой докладъ многимъ казался непріемлемымъ; возникли очень продолжительныя и достаточно безпорядочныя пренія, послѣ которыхъ было поставлено два вопроса: 1) нужно ли измѣненіе закона объ избраніи земскихъ гласныхъ? Этотъ вопросъ довольно скоро былъ рѣшенъ утвердительно. 2) Своевременно ли приступить къ означенной реформѣ? Этотъ вопросъ въ первый день такъ и остался неразрѣшеннымъ, и только на другой день, когда на голосованіе была поставлена такая формула: своевременно ли, по разработкѣ означенной реформы предстоящими очередными уѣздными и губернскими земскими собраніями и по пересмотрѣ въ связи съ ихъ заключеніями правительственнаго законопроекта, приступить къ осуществленію реформы въ установленномъ законодательномъ порядкѣ? то она была принята съѣздомъ. Казалось бы для земскихъ дѣятелей очень важно было установить болѣе широкую компетенцію земства и большую его независимость; однако предложеніе 58 членовъ съѣзда объ освобожденіи органовъ мѣстнаго самоуправленія отъ опеки со стороны администраціи, о расширеніи компетенціи органовъ мѣстнаго самоуправленія и даже объ увеличеніи ихъ средствъ путемъ расширенія сферы обложенія, въ чемъ особенно нуждается въ настоящее время земство,—было отвергнуто съѣздомъ.

Совершенно неопредѣленный отвѣтъ далъ съѣздъ и на вопросъ о мелкой земской единицѣ, сказавши, что вообще она нужна, но не опредѣливши ни ея состава, ни ея функцій. Зато съѣздъ счелъ нужнымъ сдѣлать внушительную экскурсію въ область общей политики: по предложе-

нію графа Бобринскаго, онъ высказался за необходимость энергической борьбы съ революціей. Часть съѣзда съ М. А. Стаховичемъ во главѣ протестовала противъ такого выступленія изъ рамокъ программы съѣзда; но, послѣ горячихъ преній по этому поводу, съѣздъ большинствомъ 68 голосовъ противъ 2-хъ, при 30 слишкомъ депутатахъ, отказавшихся отъ баллотировки и ушедшихъ изъ засѣданія, принялъ такую резолюцію: «Высказываясь за необходимость реформъ, съѣздъ въ то же время выражаетъ свое твердое убѣжденіе, что одни преобразованія не могутъ привести страну къ благоденствію. Съѣздъ полагаетъ, что, не замедляя закономѣрнаго проведенія въ жизнь реформъ, необходимы рѣшительныя мѣры къ устраненію анархіи и революціонныхъ насилій, останавливающихъ правильное теченіе жизни въ государствѣ и служащихъ главнымъ препятствіемъ успѣшному осуществленію преобразованій». Къ сожалѣнію, съѣздъ не высказалъ болѣе опредѣленно, въ чемъ онъ видитъ недостаточную рѣшительность правительства въ примѣненіи мѣръ противъ революціи. Очевидно, что рѣчь идетъ о репрессивныхъ мѣрахъ, такъ какъ онѣ противополагаются реформаторскимъ мѣропріятіямъ. Остается неизвѣстнымъ, желалъ ли съѣздъ возстановленія военно-полевыхъ судовъ или какихъ-нибудь новыхъ формъ репрессіи; или, можетъ быть, слѣдовало къ каждому дворянскому имѣнію приставить казаковъ и стражниковъ? Двадцать два члена съѣзда подали мотивированное заявленіе о некомпетентности съѣзда рѣшать общеполитическіе вопросы, но записка ихъ была отвергнута большинствомъ.

Такимъ образомъ московскій земскій съѣздъ достаточно выяснилъ съ разныхъ сторонъ политическое настроеніе большинства того землевладѣльческаго класса, которому новый избирательный законъ даетъ, какъ мы видѣли, абсолютное преобладаніе на выборахъ въ Государственную Думу. Этотъ характеръ землевладѣльческой куріи еще болѣе закрѣпляется правомъ министра внутреннихъ дѣлъ дѣлить землевладѣльческіе съѣзды на различныхъ основаніяхъ, т.-е., конечно, такъ, какъ это окажется выгоднѣе для покровительствуемаго правительствомъ направленія. Нѣтъ сомнѣнія, что и помимо этого безконтрольнаго права министра, администрація и въ нынѣшнюю избирательную кампанію проявитъ не меньшее усердіе къ направленію хода выборовъ согласно желанію правительства, чѣмъ какое мы видѣли въ прошломъ году. По всей вѣроятности, на ходѣ выборовъ отразится и уклоненіе отъ нихъ значительной части избирателей, не въ смыслѣ бойкота, а въ смыслѣ просто утомленія и разочарованія въ результатахъ двухъ предыдущихъ выборовъ. Усиленное стѣсненіе печати за послѣднее время тоже, вѣроятно, не останется безъ вліянія на ослабленіе предвыборной агитаціи.

Принимая все это въ соображеніе, весьма возможно и даже вѣроятно, что будущая третья Дума будетъ имѣть составъ, не похожій на составъ ни первой, ни второй Думы, что она будетъ гораздо правѣе и въ общемъ большинство ея будетъ по своему характеру напоминать московскій зем-

скій съѣздъ, съ присоединеніемъ къ нему тѣхъ представителей городской и промышленной буржуазіи и крестьянства, которые въ качествѣ единомышленниковъ будутъ допущены въ Думу избирателями-землевладѣльцами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы составители новаго избирательнаго закона должны были особенно радоваться его вѣроятнымъ результатамъ. Конечно, если имъ требовалась только декоративная Дума, то, можетъ быть, она и удовлетворитъ ихъ; но такая декоративная Дума, какъ бы она ни была послушна, не придастъ правительству никакой новой силы. Въ народѣ она не будетъ имѣть никакого авторитета и не только не сблизитъ народъ съ правительствомъ, но даже не будетъ играть и той умѣряющей, задерживающей роли, какую играли двѣ первыя Думы. Жизнь народа пойдетъ тѣмъ стихійнымъ, хаотическимъ путемъ, которымъ она склонна идти и въ настоящее время. «Весьма сомнительно,—говорилъ по этому поводу бывшій предсѣдатель 1-й Государственной Думы С. А. Муромцевъ сотруднику газеты *Temps*, — чтобы изъ новыхъ выборовъ вышла Дума, желательная составителямъ новаго избирательнаго закона... Если даже предположить, что этотъ законъ создастъ новую Думу, въ которой демократическій элементъ или демократическія тенденціи не будутъ столь широко представлены, какъ въ первой и во второй Думѣ, то получится глубокая пропасть между народнымъ представительствомъ и страной, ибо страна,—этого не слѣдуетъ забывать — не перестанетъ стремиться къ свободѣ, и попрежнему аграрный вопросъ останется императивнымъ и жгучимъ». И попрежнему, прибавимъ мы, аграрный вопросъ останется неразрѣшимымъ для правительства, если оно не сойдетъ въ немъ съ своей позиціи, и всегда будетъ для него камнемъ преткновенія. Конечно, надо надѣяться что когда-нибудь онъ будетъ разрѣшенъ въ смыслѣ требованія народа, но къ этому разрѣшенію судьба, повидимому, ведетъ его запутанными, невѣдомыми и часто непроходимыми путями. Правительство со своей стороны дѣлаетъ все для того, чтобы еще болѣе затруднить эти пути. Отказавшись двукратно отъ проведенія черезъ Думу единственнаго раціональнаго закона, оно, какъ извѣстно, помимо Думы издало законъ 15 ноября, которымъ внесено въ задачу увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія совершенно постороннее усложненіе, состоящее во введеніи измышленныхъ петербургскими сферами способовъ землепользованія. Проведеніе всѣхъ аграрныхъ мѣропріятій правительства было опять же помимо Думы возложено на землеустроительныя коммиссіи, излюбленныя учрежденія, ревниво охраняемыя отъ всякой критики и въ работоспособность которыхъ правительство вполнѣ вѣрило. Теперь, однако, эта увѣренность, повидимому, поколебалась. Въ циркулярѣ, разосланномъ недавно коммиссіямъ землеустроительнымъ комитетомъ, высказываются по адресу коммиссій весьма горькія истины. Оказывается, что самая первая ихъ задача, выработка предѣльныхъ нормъ землевладѣнія, выполнена лишь 38 коммиссіями изъ 1[illegible]4, да и проекты этихъ 38 коммиссій «въ значительной части недостаточно обоснованы и не даютъ возможности судить о правильности мето-

довъ исчисленія этихъ нормъ». Каковы были эти методы, видно изъ того, что иногда къ вычисленнымъ теоретически нормамъ безо всякихъ мотивовъ прибавлялось, а иногда отбавлялось отъ нихъ, отъ одной до полуторы десятины. Не лучше поставлено въ землеустроительныхъ коммиссіяхъ и дѣло ликвидаціи состоящихъ въ распоряженіи коммиссій казенныхъ земель; по этому вопросу только 11 коммиссій изъ 184 представили свои заключенія, такъ что комитетъ даже не рѣшается судить, «насколько удачно коммиссіи выполнятъ возложенную на нихъ въ этомъ отношеніи задачу». По свѣдѣніямъ изъ провинціи и сами коммиссіи сознаютъ, что условія ихъ дѣятельности крайне неблагопріятны и многія изъ нихъ сочли нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія центральнаго вѣдомства. Какъ и въ большей части бюрократическихъ учрежденій условія эти заключаются во множествѣ стѣснительныхъ формальностей. Коммиссіи жалуются также на неудобства, происходящія отъ требованія не отступать при продажѣ земли крестьянамъ отъ установленныхъ для каждой мѣстности нормъ. Требованіе это само по себѣ основательно и ограждаетъ отъ произвольныхъ распоряженій коммиссій; но результатомъ его бываютъ иногда такіе случаи, какъ невозможность купить у помѣщика землю въ количествѣ большемъ, чѣмъ можетъ быть продано ближайшимъ крестьянамъ, при несогласіи помѣщика продать свою землю не въ полномъ составѣ и при незнаніи, куда дѣвать излишекъ. Но это незнаніе происходитъ, очевидно, отъ отсутствія общей системы распредѣленія земельнаго фонда, такъ какъ общее количество земли, подлежащей поступленію въ общій земельный фондъ и дальнѣйшему распредѣленію между ближними и дальними покупщиками всегда остается неизвѣстнымъ, завися отъ личныхъ и случайныхъ соглашеній съ помѣщиками-продавцами. Много было и разныхъ болѣе или менѣе случайныхъ затрудненій, вродѣ недоразумѣній коммиссій съ командированными въ ихъ распоряженіе землемѣрами. Надо также имѣть въ виду, что кромѣ собственно заботъ о покупкѣ и продажѣ земли, на тѣ же землеустроительныя коммиссіи возложено и разсмотрѣніе ходатайствъ о ссудахъ, выдаваемыхъ согласно закону 15 ноября крестьянамъ, переходящимъ отъ общиннаго землепользованія къ владѣнію отдѣльными отрубными участками и устройству хуторовъ. Тѣмъ удивительнѣе было распоряженіе главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, которымъ срочно поручалось землеустроительнымъ коммиссіямъ «немедленно выработать, хотя бы въ главныхъ основаніяхъ, предположеніе о распродажѣ переданныхъ имъ для ликвидаціи имѣній крестьянскаго банка, руководствуясь одновременно сообщеннымъ всѣмъ коммиссіямъ циркуляромъ комитета. «Потребуйте,—говорилось въ телеграммѣ главнаго управленія, адресованной губернаторамъ,—самой энергической для исполненія сего работы непремѣнныхъ членовъ и непрерывныхъ, въ случаѣ надобности, засѣданій коммиссій». Срочное исполненіе этого порученія мотивировалось въ телеграммѣ тѣмъ, что оно необходимо въ виду близкаго выѣзда на мѣсто совѣта крестьянскаго банка съ представителемъ землеустроительнаго

вѣдомства для окончательнаго рѣшенія дѣлъ по ликвидаціи принадлежащихъ банку имѣній. Дѣйствительно, для ускоренія продажи крестьянамъ земель банка, совѣтомъ министровъ образованы и командированы на мѣста три отдѣленія совѣта крестьянскаго банка. Въ циркулярѣ же комитета указанъ самый порядокъ ликвидаціи земельнаго фонда, достигающаго въ настоящее время около 10 милліоновъ десятинъ. Въ немъ коммиссіямъ предложено обратить особое вниманіе и приложить всевозможныя старанія и энергію къ распродажѣ земли на условіяхъ, обезпечивающихъ признаваемыя правительствомъ наиболѣе выгодными формы землепользованія, т.-е. въ видѣ отрубныхъ участковъ; при ограниченности земельнаго запаса, льготная продажа допускается лишь для той части населенія, хозяйственное положеніе которой не можетъ быть улучшено безъ увеличенія площади его землепользованія. Поэтому не допускаются продажи крестьянамъ, уже владѣющимъ землею свыше нормы или же имѣющимъ промысловые заработки. Задача, поставленная землеустроительнымъ коммиссіямъ, очевидно очень не легка и тѣмъ страннѣе вдругъ возникшая спѣшность ликвидаціи.

Правда, указаніе офиціозныхъ газетъ о предполагаемой распродажѣ всѣхъ 10 милліоновъ десятинъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказались не вѣрны. Дѣло идетъ пока о составленіи предположенія о ликвидаціи лишь 722,000 десятинъ. Но и въ этихъ размѣрахъ требованіе чрезвычайной спѣшности, когда нѣтъ ни общаго плана аграрныхъ мѣропріятій, неготовы еще и частныя подготовительныя работы, все же не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Такая частичная ликвидація земельнаго фонда непремѣнно поведетъ къ тому, что вмѣсто правильнаго или хоть сколько-нибудь равномѣрнаго распредѣленія между нуждающимся крестьянствомъ всей Россіи, земля будетъ роздана случайно въ зависимости отъ большаго или меньшаго усердія той или другой землеустроительной коммиссіи къ исполненію настоятельныхъ требованій начальства, или отъ большей или меньшей склонности покупателей-крестьянъ соглашаться на предлагаемыя имъ условія, можетъ быть, иной разъ и съ разсчетомъ на возможность ихъ неисполненія. Правительство не даетъ никакихъ опредѣленныхъ мотивовъ, почему понадобилась такая спѣшная распродажа, совершенно не гармонирующая и съ заявленіемъ предсѣдателя совѣта министровъ въ его извѣстной аграрной рѣчи во 2-й Думѣ, въ которой онъ доказывалъ возможность удовлетворенія всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ посредствомъ постепеннаго расширенія операціи вольной скупки помѣщичьихъ земель крестьянскимъ банкомъ. Тогда финансовая сторона этой операціи рисовалась въ самомъ б.агопріятномъ свѣтѣ. Теперь въ своемъ циркулярѣ коммиссіямъ прави-т.льство уже находитъ, что всякое промедленіе въ распродажѣ принадлеж.щихъ банку земель нежелательно съ финансовой точки зрѣнія, вслѣдс.віе недостаточности доходовъ отъ этихъ земель для покрытія платежей п. свидѣтельствамъ крестьянскаго банка. Попросту говоря, помѣщичьи имѣн. покупаются слишкомъ дорого сравнительно съ ихъ доходностью и это н. столько безпокоитъ правительство, что оно старается какъ можно ско-

рѣе отъ нихъ отдѣлаться. Извѣстный специалистъ по аграрному вопросу Н. Н. Кутлеръ видитъ истинные мотивы спѣшности распродажи въ желаніи «создать какъ можно скорѣе такое положеніе дѣла, при которомъ общая и широкая земельная реформа оказалась бы невозможной» (*Рѣчь*). Какъ бы то ни было, ясно, что при такомъ образѣ дѣйствій правительства, аграрный вопросъ надолго останется источникомъ неудовлетворенности большинства русскаго населенія, а слѣдовательно и источникомъ общей смуты. И по всей вѣроятности, Россія еще долго будетъ переживать то состояніе, въ которомъ она теперь находится: революціонное броженіе съ одной стороны, реакцію и репрессіи съ другой стороны и какъ слѣдствіе того и другого—невозможность спокойнаго и прогрессивнаго развитія и постепенное пониженіе общаго культурнаго уровня. Все это мы видимъ и сейчасъ: террористическіе акты и экспропріаціи, аграрные и рабочіе конфликты и безпорядки, военные бунты и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ безостановочно продолжаются, также какъ съ другой стороны продолжаются политическіе процессы, казни, ссылки, административныя высылки, аресты, преслѣдованіе печати, запрещеніе разныхъ обществъ и т. п. Мы не можемъ подробно описывать всѣ эти проявленія ненормальнаго хода русской жизни, но отмѣтимъ лишь тѣ, которыя обратили на себя наибольшее вниманіе общества. Покушеній на жизнь болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ за послѣднее время было сравнительно немного. Въ началѣ іюня былъ тяжело раненъ въ Петербургѣ завѣдующій новымъ адмиралтействомъ помощникъ командира петербургскаго порта, полковникъ Котляровъ; въ Севастополѣ убитъ выстрѣлами тоже помощникъ начальника порта полковникъ Гусаковскій. Въ Екатеринбургѣ произведены были выстрѣлы въ жандармскаго ротмистра Пышкина и полицеймейстера Хлѣбодарова; первый изъ нихъ тяжело раненъ. На-дняхъ брошенной бомбой убитъ въ Александрополѣ извѣстный генералъ Алихановъ. Но чуть ли не каждый день сообщаютъ изъ разныхъ мѣстъ объ убійствахъ полицейскихъ и жандармскихъ нижнихъ чиновъ, сыщиковъ и т. п., а также и частныхъ лицъ; убійства эти совершаются иногда просто на политической или партійной почвѣ, чаще же всего при экспропріаціяхъ и грабежахъ и при преслѣдованіи грабителей. Число случаевъ экспропріацій и грабежей, между которыми въ послѣднее время сдѣлалось совершенно невозможно провести демаркаціонную линію, повидимому нисколько не уменьшается, несмотря на преслѣдованія и казни виновныхъ. Наиболѣе значительное по суммѣ похищенныхъ денегъ и по числу пострадавшихъ при этомъ ограбленіе произошло 13 іюня въ Тифлисѣ, гдѣ въ 11 часу утра, въ центрѣ города, при большомъ стеченіи публики, въ чиновниковъ государственнаго банка, везшихъ въ двухъ фаэтонахъ денежную почту, въ сопровожденіи пяти казаковъ и трехъ солдатъ, брошены были одна за другою восемь бомбъ. Взрывами убито и ранено до пятидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ четверо конвоировавшихъ казаковъ, двое солдатъ и двое стоявшихъ на посту городовыхъ, остальные—изъ публики. Мѣшки съ деньгами, которыхъ было

свыше 300 тыс. руб., исчезли. 26 іюня была произведена въ Москвѣ неудачная попытка ограбленія артельщика правленія Московско-Рязанской желѣзной дороги, имѣвшаго при себѣ крупную сумму денегъ. Предупрежденная полиція захватила грабителей, и въ Рязанской улицѣ недалеко отъ желѣзнодорожнаго вокзала произошла сильная перестрѣлка. Нѣкоторые изъ грабителей сдались; другіе были убиты и ранены; повидимому всѣ они принадлежали къ рабочему классу. Въ Симферополѣ двое молодыхъ людей, заподозрѣнныхъ въ попыткѣ произвести экспропріацію, отстрѣливаясь отъ преслѣдовавшей ихъ полиціи, скрылись въ домѣ, въ который направились и преслѣдовавшіе полицейскіе. Первый вошедшій въ домъ околоточный надзиратель былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера. Затѣмъ домъ и весь кварталъ былъ окруженъ ингушами, стражниками и солдатами, продолжавшими перестрѣлку. Въ числѣ осаждающихъ былъ и предсѣдатель мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа. Привезли пушку и начинаютъ изъ нея стрѣлять во дворъ. Въ домѣ много жильцовъ, и ихъ родные и знакомые просятъ выпустить ихъ. Полиція разгоняетъ публику, причемъ ингуши дѣйствуютъ преимущественно нагайками. На предложеніе сдаться осажденные отвѣчали отказомъ; кончилось тѣмъ, что одинъ изъ нихъ былъ убитъ ружейной пулей, другой, раненый, самъ застрѣлился. Такихъ или подобныхъ случаевъ, самую замѣчательную черту которыхъ составляетъ необыкновенное презрѣніе къ своей и чужой жизни, было за послѣднее время очень много, такъ что они составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей русской жизни настоящаго времени, гораздо болѣе ужасную, чѣмъ такія явленія, какъ аграрные и рабочіе безпорядки. Хотя послѣдніе тоже сопровождаются нерѣдко убійствами и разгромами, но въ нихъ сразу видна ихъ причина—экономическая борьба, при своемъ обостреніи доводящая иногда до крупныхъ эксцессовъ и людей обыкновеннаго душевнаго строя, тогда какъ хладнокровная отчаянность экспропріаторовъ указываетъ на глубокое измѣненіе самой психологіи этого рода людей, доводящее ихъ или до животной безсмысленности и безчувственности, или до своеобразнаго фанатизма и героизма. Страшнымъ симптомомъ разложенія общества является именно то, что такіе люди не составляютъ въ немъ совершенно исключительныхъ явленій, но образуютъ изъ себя, повидимому, довольно обширную среду. Въ связи съ образованіемъ такой среды находится и появленіе разныхъ таинственныхъ исторій, иногда очень напоминающихъ страшные бульварные романы, наполненные таинственными приключеніями и убійствами. Одной изъ самыхъ ужасныхъ исторій такого рода было убійство Гапона, о которомъ нѣсколько разъ появлялись новыя версіи, но которое такъ до сихъ поръ и осталось неразъясненнымъ. Такой же мрачный покровъ былъ наброшенъ и на убійство Герценштейна, и только, повидимому, благодаря тому, что оно произошло въ Финляндіи, начинаютъ въ послѣднее время выясняться нѣкоторыя его стороны, хотя большинство заподозрѣнныхъ, и наиболѣе важныхъ, продолжаютъ и до сихъ поръ находиться «внѣ предѣловъ досягаемости» для финляндскаго право-

судія. Съ трудомъ финляндскій судъ получаетъ и свидѣтельскія показанія по этому дѣлу. Такъ, вызывавшійся изъ Кіева свидѣтель Ясногурскій прислалъ письменное заявленіе о томъ, что онъ считаетъ себя въ правѣ не подчиниться этому вызову. При такихъ условіяхъ судъ, разсматривающій теперь дѣло по обвиненію лишь одного подсудимаго Тополева, принужденъ былъ снова отложить разборъ дѣла до 12 іюля. Еще болѣе таинственнымъ является убійство Іоллоса. Сначала высказывались сильныя подозрѣнія на причастность къ нему лицъ, принадлежащихъ къ союзу «русскихъ людей». Въ нѣкоторыхъ газетахъ даже прямо указывались имена лицъ, будто бы сознавшихся въ этомъ преступленіи. Но затѣмъ все покрылось мракомъ неизвѣстности, и ни полиція, ни судебныя власти ничего не разъяснили. На-дняхъ въ редакцію петербургскихъ газетъ былъ присланъ въ высшей степени странный документъ, въ которомъ разсказывается, что 28 мая въ Петербургѣ, въ кружокъ революціонной молодежи явился юноша, заявившій, что онъ убійца Іоллоса и что онъ же убилъ неизвѣстнаго, трупъ котораго незадолго передъ тѣмъ найденъ былъ около Ириновской желѣзной дороги. Затѣмъ онъ разсказалъ, и по повѣркѣ его показанія подтвердились, что въ 1905 году на заводѣ Тильманса жилъ рабочій, документъ называетъ его Ивановымъ, близко сошедшійся съ работавшимъ тамъ же кузнецомъ Казанцевымъ. Въ ноябрѣ 1906 г. Ивановъ, успѣвшій уже побывать въ ссылкѣ и воротившійся на положеніи нелегальнаго, снова встрѣтился съ Казанцевымъ, объявившимъ себя максималистомъ, который предложилъ ему убить «одного графа». Ивановъ привлекаетъ къ этому дѣлу Өедорова (автора этого разсказа) и такъ какъ въ это время Иванова арестуютъ, то Өедоровъ съ другимъ революціонеромъ-рабочимъ, по указанію Казанцева, закладываютъ адскую машину въ домѣ графа Витте. Когда это предпріятіе не удалось, то Казанцевъ предлагаетъ Өедорову участвовать въ новомъ дѣлѣ: требуется убить члена партіи, которой онъ измѣнилъ и присвоилъ себѣ 80,000 р. экспропріированныхъ денегъ. По указанію Казанцева, онъ убиваетъ указаннаго ему человѣка и только вечеромъ изъ газетъ узнаетъ, что онъ убилъ Іоллоса, народнаго представителя первой Думы. Тутъ онъ начинаетъ подозрѣвать, что Казанцевъ принадлежитъ къ черной сотнѣ, но тотъ на первый разъ его успокаиваетъ и даже приглашаетъ на новое убійство какого-то доктора Бѣльскаго. Затѣмъ снова является Ивановъ и подтверждаетъ черносотенство Казанцева; Өедоровъ рѣшается убить Казанцева, потому что «много ужъ онъ моей крови выпилъ, убью, а потомъ предамъ все открытію». Это онъ и исполняетъ около Ириновской желѣзной дороги, куда Казанцевъ явился на совѣщаніе, убиваетъ Казанцева и, вернувшись въ Петербургъ, открываетъ все партійной организаціи. Многіе сочли этотъ разсказъ за мистификацію, сочиненную для отвода глазъ. Однако нельзя не согласиться съ *Рѣчью*, что въ немъ по нынѣшнимъ временамъ нѣтъ ничего невозможнаго. «Невѣроятная темнота, поразительное легкомысліе, съ которымъ принимаются и выполняются самыя рискованныя рѣшенія;

необычайная легкость, съ которой въ извѣстной средѣ ищутъ и находятъ товарищей для исполненія дѣла, отъ котораго пахнетъ чѣмъ-то «революціоннымъ», полная неуравновѣшенность и безволіе, граничащее дѣйствительно съ болѣзнью, наконецъ, ужасающее отсутствіе нравственной дисциплины,—таковы черты той среды, въ которой ежедневно зрѣютъ всѣ эти большія и маленькія экспропріаціи». Поражаетъ наивность, съ которою этотъ юноша разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ и та эпическая ясность, съ какою онъ самъ смотритъ въ глаза смерти. Вспоминая о типахъ «Бѣсовъ», газета говоритъ далѣе: теперь, очевидно, процессъ нравственнаго разложенія идетъ въ средѣ гораздо болѣе широкой. «Жизнь остановилась въ своемъ нормальномъ теченіи; разумная человѣческая цѣль вдругъ скрылась изъ виду; здоровое чувство превращается въ источникъ вѣчнаго раздраженія, воля ищетъ исхода въ преступленіи, принимаемомъ за геройство». И при существующихъ условіяхъ общее недовольство, не находя себѣ раціональнаго и реальнаго удовлетворенія, склонно принимать болѣзненный, кошмарный характеръ, создающій такую среду, которая имѣетъ всѣ основанія для того, чтобы распространиться и на крестьянство, какъ она уже несомнѣнно распространяется на рабочій классъ.

Съ этими явленіями болѣзненно развивающейся индивидуальности нельзя ставить на одну доску массовые аграрные или другіе безпорядки, имѣющіе гораздо болѣе непосредственный источникъ, не заключающій въ себѣ ничего таинственнаго. Извѣстія объ аграрныхъ безпорядкахъ стали за послѣднее время снова довольно часты. Такъ, изъ Кіева сообщаютъ, что въ имѣніи графа Браницкаго, гдѣ крестьяне вытравили скотомъ яровые посѣвы, было оказано вооруженное сопротивленіе вызваннымъ экономіей коннымъ стражникамъ и исправнику. Толпа была разсѣяна конной атакой, причемъ были ранены два стражника и много крестьянъ. Въ Черниговской губерніи, въ Борзенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Евлашевкѣ, произошло столкновеніе мѣстныхъ крестьянъ съ крестьянами сосѣдней деревни, купившими землю у гр. Мусина-Пушкина, вызвавшее вмѣшательство полиціи и аресты. Въ Курской губерніи, въ уѣздахъ Льговскомъ, Щигровскомъ и Рыльскомъ, были случаи самовольнаго скошенія хлѣба въ помѣщичьихъ экономіяхъ и поджоговъ. О поджогахъ помѣщичьихъ имѣній сообщаютъ также изъ Пензы и Полтавы. Въ Московской губерніи крестьяне деревни Темняково и рабочіе сосѣдней Савинской мануфактуры оказали сопротивленіе становому приставу, требовавшему прекращенія порубокъ въ имѣніи кн. Голицына и возвращенія увезеннаго крестьянами лѣса. Толпа крестьянъ и рабочихъ была разогнана казаками. Изъ Псковской губерніи пишутъ, что тамъ произошелъ погромъ на ярмаркѣ въ с. Сиговицѣ, гдѣ въ балаганахъ толпой разграблено на 20 тыс. р. товара, причемъ оказано сопротивленіе полиціи и раненъ исправникъ. Подобный случай, не связанный ни съ какими аграрными или другими экономическими отношеніями, указываетъ только на легкость, съ которою въ настоящее время возбуждается по всякому поводу толпа. Гораздо болѣе важныя явле-

нія представляютъ тоже участившіяся за послѣднее время рабочія забастовки, изъ которыхъ самой грандіозной была забастовка въ Орѣховѣ-Зуевѣ, на мануфактурѣ Морозовыхъ, на которую администрація фабрики отвѣтила ея закрытіемъ. Здѣсь, впрочемъ, пока обошлось все мирно, безъ насилій съ чьей бы то ни было стороны. Напротивъ, обратившая на себя вниманіе печати забастовка погонщиковъ на Ладожскомъ каналѣ имѣла послѣдствіемъ кровавое столкновеніе крестьянъ со стражниками, причемъ изъ первыхъ было до двадцати человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Забастовка эта возникла какъ слѣдствіе недовольства, вызваннаго среди мѣстнаго населенія примѣненіемъ къ гонкѣ судовъ по каналамъ механической тяги; послѣдняя была введена два года тому назадъ, и тогда же началось глухое броженіе, которое однако явно разразилось только теперь. Забастовавшіе погонщики старались остановить отходившіе буксирные пароходы и загородили каналъ цѣпью. Когда прибыли исправникъ и помощникъ инспектора судоходства со стражниками, то толпа напала на нихъ, а стражниками было сдѣлано почти въ упоръ нѣсколько залповъ въ толпу, заставившихъ ее обратиться въ бѣгство. На состоявшемся черезъ два дня собраніи крестьянъ-забастовщиковъ принято было рѣшеніе въ виду большого числа убитыхъ и раненыхъ, и не желая подвергать опасности свою жизнь, временно прекратить активное сопротивленіе. Такого же рода безпорядки, сопровождавшіеся тоже жертвами, происходили около этого времени и на другихъ пунктахъ Маріинской водной системы. Возобновились за послѣднее время и случаи военныхъ бунтовъ. Такъ, матросами броненосцевъ «Три Святителя» и «Синопъ» изъ отряда адмирала Цивинскаго, стоявшаго въ Тендровскомъ заливѣ, сдѣлана была попытка произвести возстаніе, выбросить въ море офицеровъ и завладѣть эскадрой. Попытка эта не удалась вслѣдствіе несогласія участвовать въ ней значительной части команды. Десять участниковъ присуждены къ безсрочной каторгѣ, другіе къ меньшимъ наказаніямъ. 4 іюня въ лагерѣ возлѣ Кіева произошла попытка къ бунту въ Селенгинскомъ полку, немедленно, впрочемъ, прекращенная. Серьезнѣе было происшествіе въ 21 саперномъ батальонѣ, который взбунтовался и былъ приведенъ къ повиновенію только послѣ сильной перестрѣлки съ другими батальонами, причемъ былъ убитъ офицеръ. Изъ 101 обвиняемаго 6 были приговорены къ смертной казни, 12 къ безсрочной каторгѣ, 20 къ каторгѣ на разные сроки, 61 къ меньшимъ наказаніямъ и 2 оправданы. Всѣ эти примѣры безпорядковъ, возникающихъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, ясно указываютъ на то, какъ общераспространено недовольство существующимъ положеніемъ вещей, какъ много накопилось вездѣ горючаго матеріала, вспыхивающаго по всякимъ поводамъ и какъ мало способны затушить его репрессивныя мѣры, принимаемыя правительствомъ. Между тѣмъ эти мѣры, подливающія масло въ огонь, не только не ослабѣваютъ, но скорѣе даже усиливаются. Несмотря на отмѣну военно-полевыхъ судовъ, количество смертныхъ казней не уменьшается. Тюрьмы переполнены арестованными, а отдаленныя г-

берніи сосланными. Но, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, репрессіи направляются также и противъ учрежденій, въ особенности же противъ печати. Недавно была закрыта лига образованія, какъ разъ въ то время какъ ею были открыты въ Москвѣ публичныя лекціи для народныхъ учителей, которыхъ записалось на лекціи до 1,900 человѣкъ. Лекціи, конечно, были тоже прекращены. Въ Вологдѣ закрыты были устроенныя мѣстнымъ учительскимъ обществомъ взаимопомощи публичныя собранія, на которыя съѣхалось до 200 учащихъ. Печать отдана въ полное и безконтрольное распоряженіе мѣстной администраціи циркулярнымъ распоряженіемъ, предоставляющимъ губернаторамъ право издавать обязательныя постановленія о періодической печати, за неисполненіе которыхъ газеты подвергаются штрафамъ до 3,000 р. Мѣра эта немедленно стала примѣняться и въ столицахъ, и въ провинціи, всюду, согласно положенія о государственной охранѣ. Результаты были такіе: по подсчету газеты *Товарищъ* за двѣ недѣли со времени изданія циркуляра наложены денежныя взысканія на 26 газетъ, въ общей суммѣ на 26,400 руб., изъ которыхъ на московскую печать падаетъ 17,100 руб. За невнесеніе штрафа заключены въ тюрьму четыре редактора; въ порядкѣ охраны и въ силу тѣхъ же обязательныхъ постановленій пріостановлено было изданіе 22-хъ газетъ. Таковы мѣры успокоенія народнаго недовольства, принимаемыя какъ разъ передъ выборами въ Государственную Думу. Время покажетъ ихъ цѣлесообразность и какъ общеполитическихъ мѣръ и какъ предвыборныхъ; но если ими и будетъ что-нибудь достигнуто въ послѣднемъ смыслѣ, то, конечно, лишь цѣною еще большаго усиленія внѣвыборной и внѣлегальной смуты.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Франція.

Изъ всѣхъ крупныхъ европейскихъ государствъ—а въ этихъ послѣднихъ всѣ соціально-политическіе контрасты выступаютъ съ особой выпуклостью—Франція достигла безспорно наиболѣе полной демократизаціи политическаго строя, и именно поэтому здѣсь исключительно ярко выступаютъ предѣлы воздѣйствія этого строя на жизнь различныхъ классовъ и группъ, изъ которыхъ слагается народъ. Не случайно здѣсь такъ охотно и такъ часто подымается вопросъ о кризисѣ парламентаризма, кризисѣ всеобщаго избирательнаго права, кризисѣ демократическаго государства; мысль, пораженная кажущимся безсиліемъ политическихъ формъ, которыя являются необходимымъ развитіемъ общепризнанныхъ въ странѣ принциповъ, начинаетъ недовѣрчиво оглядываться на весь пройденный путь,—она готова приступить къ рѣшительной переоцѣнкѣ традиціоныхъ цѣнностей. И эта переоцѣнка совершается не только въ кабинетахъ, она выносится въ народныя массы, на улицу и на фабрику и здѣсь она своимъ остріемъ обращается уже противъ самыхъ основъ государственнаго быта. И среди этихъ явленій нѣтъ ничего, болѣе заслуживающаго вниманія наблюдателя и соціолога, чѣмъ современное синдикальное движеніе. На нашихъ глазахъ уже произошло первое серьезное столкновеніе этой новой силы съ демократическимъ государствомъ, и по капризу судьбы тяжесть этой борьбы и порождаемаго ею психологическаго конфликта выпала на долю наиболѣе талантливаго и яркаго представителя республиканской демократіи, всю жизнь боровшагося за ея полное осуществленіе. Конечно, менѣе всего можно принимать столкновеніе Клемансо съ Confédération générale de travail лишь какъ интересный эпизодъ парламентской и правительственной жизни; несомнѣнно, въ немъ заключаются и симптомы глубокаго кризиса въ настоящемъ и великихъ опасностей въ будущемъ.

Внѣшняя исторія этого «революціоннаго» синдикализма довольно бѣдна фактами и не идетъ особенно далеко въ прошлое. Главная представительница этого теченія, «всеобщая конфедерація труда» была основана въ 1895 году въ Лиможѣ на рабочемъ конгрессѣ: имѣлось въ виду объеди-

нить два типа рабочихъ организацій: федераціи синдикатовъ (группировки профессіональныя) и биржи труда (группировки территоріальныя): очевидно, именно въ этихъ двухъ направленіяхъ и выражается солидарность рабочихъ, имѣющихъ общіе интересы или въ силу общей профессіи, или въ силу общихъ условій данной мѣстности, гдѣ они живутъ. Однако долгое время биржи труда, которыя вообще сыграли чрезвычайно видную роль въ созданіи извѣстной психологіи у французскаго рабочаго класса, составляли особую организацію; и именно среди этой организаціи выработалась главные пункты программы революціоннаго синдикализма.

Дѣятельность этихъ биржъ была въ самомъ началѣ довольно разнообразна; по словамъ Пеллутье, рано умершаго секретаря федераціи биржъ труда и оставившаго интересный историческій обзоръ ихъ, она включаетъ въ себѣ и взаимопомощь, и распространеніе образованія, и пропаганду, и, наконецъ, организацію сопротивленія (le service de résistence)—стачекъ и т. п. Вообще можно было здѣсь замѣтить извѣстное стремленіе охватить какъ можно болѣе сторонъ въ жизни рабочихъ, поставить удовлетвореніе всѣхъ ихъ потребностей независимо отъ другихъ государственныхъ и общественныхъ организацій. Это возможно, однако, по мнѣнію руководителей организаціи, когда весь рабочій классъ будетъ объединенъ, и поэтому хотя долгое время всеобщая конфедерація труда и федерація биржъ смотрѣли другъ на друга глазами конкурентовъ, хотя особенно среди послѣдней организаціи, чувствующей свое значеніе и силу, было замѣтно нежеланіе дѣлиться этимъ значеніемъ, однако въ 1902 году сліяніе было достигнуто, и конгрессъ 1904 г. въ Бургѣ былъ первымъ конгрессомъ объединеннаго рабочаго класса; тамъ было представлено 1,200 синдикатовъ, включающихъ 300,000 рабочихъ. Но что еще важнѣе, на этомъ конгрессѣ произошло принципіальное столкновеніе двухъ направленій, борющихся во французской рабочей средѣ—реформистскаго и революціоннаго, и оно кончилось побѣдой послѣдняго. Можно сказать, что именно съ этого времени всеобщая конфедерація выступаетъ съ той политической физіономіей, которая внушаетъ такую тревогу представителямъ государственной власти.

Такимъ образомъ синдикализмъ выливается въ новое ученіе, которое представляетъ изъ себя не только программу ближайшихъ практическихъ дѣйствій, но и цѣльное міросозерцаніе, отмѣченное той фанатической вѣрой, которая характеризуетъ новыя догмы, опредѣляющія условія человѣческаго счастія, когда эти догмы находятся еще въ юномъ возрастѣ. Но если догма нова, то отдѣльные элементы, изъ которыхъ она составлена, извѣстны намъ давно и извѣстны хорошо. Такихъ элементовъ у насъ налицо три: многое взято изъ революціоннаго соціализма, многое изъ анархическихъ теорій и съ этимъ соединено ученіе о синдикатахъ, какъ главныхъ средствахъ преобразовать общественный строй de fond en comble. И всѣ эти элементы органически сливаются и объединяются особымъ боевымъ настроеніемъ, гдѣ господствуетъ тѣмъ большая увѣренность въ избранномъ пути, чѣмъ полнѣе разочарованіе въ традиціонныхъ цѣнностяхъ.

Что касается до революціонно-соціалистической тенденціи, то здѣсь мы собственно видимъ развитіе одной изъ самыхъ основныхъ идей современнаго соціализма, той идеи борьбы классовъ, которая явилась въ рукахъ Карла Маркса и Энгельса главнымъ средствомъ истолкованія исторіи. Въ синдикализмѣ съ высоты теоретической мысли она переведена на языкъ повседневной жизни, освобождена отъ осложняющихъ ее направленій и такъ сказать заостреній. Съ одной стороны, грабители, хозяева, съ другой—ограбленные рабочіе. Все человѣческое общежитіе раздѣляется непроходимой пропастью на эти двѣ неравныя части, и всякія попытки заполнить ее, всякіе разговоры о соціальномъ мирѣ—лицемѣріе и обманъ; не можетъ быть мира тамъ, гдѣ по природѣ вещей должна господствовать постоянная ожесточенная борьба.

Далѣе синдикализмъ беретъ и другое основное положеніе марксизма—о современной исторической роли пролетаріата. «Не нужно долго доказывать,—пишетъ Лагардель, одинъ изъ выдающихся теоретиковъ синдикализма,—что рабочее движеніе—центръ современнаго историческаго движенія». Марксистская критика достаточно установила положеніе, что пролетаріатъ—двигатель исторіи. И опять-таки здѣсь выступаютъ прежде всего ясно и рѣзко очерченные контуры: синдикализму вообще чуждо представленіе о соціальныхъ классахъ, о промежуточныхъ элементахъ. Онъ признаетъ существованіе между пролетаріатомъ и буржуазіей общественнаго слоя такъ называемой интеллигенціи—представителей умственнаго труда, но эти представители не составляютъ класса, они могутъ быть лишь выразителями чужихъ классовыхъ интересовъ и имъ открывается выборъ между двумя борющимися силами. Въ современной жизни этотъ выборъ въ общемъ сдѣланъ въ пользу буржуазіи; она приняла къ себѣ на службу умственныхъ работниковъ, которые привыкли чувствовать, что ихъ интересы связаны съ сохраненіемъ существующаго строя. Высокомѣрная мысль этихъ людей, что они свободны, ни на чемъ не основана; въ дѣйствительности, какъ опредѣлилъ Сорель, «это—группа лицъ, эксплоатирующая привилегированные классы и дающая послѣднимъ въ общемъ силу эксплоатировать трудящіеся классы». Среди этой порабощенной буржуазнымъ строемъ интеллигенціи выдѣляется группа, противъ которой направляется особенно рѣзкая критика синдикалистовъ—это группа профессіональныхъ политиковъ. Интеллигенты съ классическимъ образованіемъ какъ бы спеціально подготовлены вѣдать общіе политическіе вопросы, говорить красно, писать за того, кто избралъ ихъ своими представителями. Это образованіе чисто идеологическое, идущее вразрѣзъ съ требованіями современнаго промышленнаго развитія, съ другой стороны дѣлаетъ интеллигентовъ совершенно безполезными для практической жизни. Политика является для нихъ почти исключительнымъ рессурсомъ. И дѣйствительно, почти всѣ они поглощаются политикой, причемъ на долю соціализма приходится наибольшая часть. Особенно вредными являются именно тѣ, кто именуетъ себя парламентскими соціалистами, которые стремятся увлечь рабочій классъ на путь

такъ называемой легальной и закономѣрной борьбы. Такіе люди, какъ Мильеранъ и даже Жоресъ, по мнѣнію синдикалистовъ, нанесли огромный вредъ рабочему движенію, затемнивъ классовое сознаніе и убѣдивъ его въ существованіи какой-то междуклассовой солидарности. Когда соціалисты втянули рабочихъ въ дѣло Дрейфуса, они только содѣйствовали забвенію послѣдними собственныхъ реальныхъ классовыхъ интересовъ и стремились растворить ихъ въ общей демократической массѣ, связать ихъ съ дѣломъ «защиты республики». Синдикалисты не отвергаютъ, конечно, той крупной силы, которую даетъ интеллигенціи образованіе; они не отвергаютъ, что эта сила можетъ быть использована и въ интересахъ рабочаго движенія. Но здѣсь требуется одно, чтобы представители интеллигенціи отказались отъ притязанія руководить рабочимъ классомъ политически; они должны ограничиться болѣе скромною ролью—«теоретической формулировки рабочаго движенія», т.-е. нагляднымъ выраженіемъ тѣхъ разсѣянныхъ среди рабочихъ мыслей и чувствъ, которыя вытекаютъ изъ самой глубины движенія, но которыя рабочіе по недостатку теоретическаго образованія не могутъ облечь въ общія положенія. Тогда, но только тогда они будутъ служить дѣлу не затемненія, а проясненія рабочаго сознанія.

Весь этотъ ходъ мыслей не представляетъ, конечно, чего-либо безусловно новаго. Здѣсь мало точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что проповѣдывали наиболѣе ортодоксальные французскіе соціалисты, какъ Гэдъ, и они подчеркивали необходимость для рабочаго класса рѣзко отмежевать себя отъ всѣхъ чуждыхъ элементовъ и они отстаивали вредъ участія соціалистовъ въ дѣлѣ Дрейфуса, которое являлось, по ихъ взгляду, лишь какъ бы семейной ссорой внутри буржуазіи. Осужденіе роли соціалистовъ-политиковъ, которые въ глазахъ синдикалистовъ скорѣе должны бы называться соціалистами-политиканами, формулировалось многократно и много было проявленій несочувствія французскихъ рабочихъ къ дѣятельности въ палатѣ партіи, являющейся офиціальной выразительницей интересовъ пролетаріата. Синдикалисты готовы были бы допустить парламентскую дѣятельность соціалистическихъ депутатовъ подъ однимъ условіемъ, чтобы они явились такъ сказать, простыми выразителями воли рабочихъ. Но эта идея, чт соціалистическій депутатъ связанъ обязательнымъ мандатомъ, что центръ тяжести политической оріентировки лежитъ не на представителяхъ, а на избирателяхъ, эта идея, въ корнѣ противорѣчащая традиціоннымъ принципамъ конституціоннаго права, всегда очень прочно держалась среди французскихъ соціалистовъ. Она лежала въ основѣ извѣстнаго проекта Вальяна и Вельтера, которые хотѣли превратить избирательный мандатъ въ формальный договоръ между избирателями и депутатомъ, причемъ послѣдній, отступая отъ подписанной имъ программы, является нарушителемъ этого договора и можетъ быть лишенъ депутатскихъ полномочій.

Синдикализмъ беретъ эти старыя мысли и сообщаетъ имъ особенную рѣзкость. Всего болѣе враждебенъ онъ противоположнымъ теченіямъ въ соціализмѣ, которыя стремятся смягчить эти основныя идеи, которыя

утверждаютъ, что классовой борьбой не исчерпывается вся область общественно-политической жизни и что остается извѣстное мѣсто и для междуклассовой солидарности. Синдикализмъ есть какъ бы обратный полюсъ реформизма, ростъ котораго мы видимъ и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи и который стремится на мѣсто полнаго разрыва поставить постепенную эволюцію. Въ глазахъ реформистовъ соціализмъ есть продолженіе демократіи и никакой отчетливой демаркаціонной линіи здѣсь не существуетъ; для синдикалистовъ политическая демократія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ великимъ и полнымъ преобразованіемъ, въ которомъ и только въ которомъ лежитъ смыслъ соціализма.

Здѣсь мы подходимъ ко второму элементу синдикалистскаго міросозерцанія, котораго также нельзя назвать вполнѣ новымъ, но который безъ сомнѣнія болѣе отчетливо выдѣляетъ его изъ обще-соціалистическаго движенія. Мы разумѣемъ отношеніе его къ государству. Конечно, и въ соціалистической литературѣ нѣтъ недостатка въ характеристикахъ современнаго государства, какъ главнаго орудія классоваго угнетенія, конечно, и здѣсь мы имѣемъ многочисленные отзывы объ условности обычныхъ различій между формами государственнаго устройства—вспомнимъ хотя бы пренія на амстердамскомъ конгрессѣ 1903 г. о монархіи и республикѣ,—но всетаки есть рѣзкая грань, отдѣляющая соціалистовъ и анархистовъ; первые энергично подчеркивали все значеніе участія въ политической жизни страны, которое постепенно должно привести къ захвату власти. Соціалистическое государство не есть, во всякомъ случаѣ, отрицаніе государства: это одна изъ разновидностей того рода, къ которому принадлежитъ государство феодальное, абсолютически-бюрократическое, конституціонное и т. п., мы имѣемъ уже и юридическія конструкціи его.

Синдикализмъ становится здѣсь на другой путь. Многіе удары его критики направлены противъ государства вообще: здѣсь онъ заимствуетъ не мало аргументовъ отъ анархистовъ. Точно также совершенно иначе онъ относится и къ вопросу о захватѣ государственной власти, къ участію въ политической жизни страны: въ глазахъ его здѣсь нѣтъ никакой возможности для пролетаріата достигнуть освообожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, основная функція государства—поддержаніе порядка, т.-е. преимуществъ господствующихъ классовъ; здѣсь нѣтъ рѣшительно никакой разницы между монархіей и республикой. Если конституціонные тексты говорятъ о равенствѣ передъ закономъ, то это настолько грубая ложь, что ея нѣтъ надобности даже оспаривать. И это вытекаетъ изъ самаго существа государства: оно по природѣ есть начало искусственное и можетъ держаться лишь насиліемъ и подавленіемъ. Вѣдь всякое государство состоитъ изъ классовъ съ противоположными интересами; никакой гармоніи между ними быть не можетъ. Такой же искусственностью запечатлѣны и другіе элементы политической жизни, напримѣръ, партіи, если онѣ не стоятъ на совершенно опредѣленной классовой почвѣ: такъ, среди французскихъ соціалистовъ можно встрѣтить рабочихъ, кр-

стьянъ, мелкихъ буржуа, врачей, адвокатовъ, даже милліонеровъ—можетъ ли эта пестрая группа соотвѣтствовать реальному, совершенно опредѣленному, строго отмежованному отъ другихъ интересовъ, интересу рабочаго класса? Политическая борьба—лишь игра, которая въ концѣ-концовъ идетъ на пользу правящимъ классамъ. Парламентъ есть ничуть не менѣе дѣйствительное орудіе порабощенія трудящихся, чѣмъ абсолютная монархія. Всякій, кто пріобщается власти, неизбѣжно погружается въ область безнадежнаго оппортюнизма. Министръ-соціалистъ является членомъ правительства, которое разстрѣливаетъ стачечниковъ, ведетъ авантюристическую внѣшнюю политику, вообще охраняетъ привилегію имущихъ: изъ-за ничтожныхъ выгодъ, изъ-за того, чтобы оставить у власти данное правительство и добиться благопріятнаго вотума палаты, онъ забываетъ всѣ параграфы соціалистической программы; даже просто депутатъ-соціалистъ, избранникъ рабочихъ и буржуазіи никогда не забываетъ о различіи интересовъ своихъ избирателей; онъ, можетъ быть, краснорѣчиво разсуждаетъ о борьбѣ классовъ, но практически держитъ себя такъ, какъ будто вѣритъ въ ихъ сотрудничество.

Синдикалисты вообще не скупятся на рѣзкости по адресу политиковъ и депутатовъ; они всячески стараются развить среди рабочихъ недовѣріе и враждебность къ нимъ, доходятъ до совѣта сѣчь этихъ ораторовъ демократіи и представителей власти, если они забываютъ объ обязанностяхъ передъ своимъ классомъ; но въ то же время теоретики синдикализма еще настойчивѣе подчеркиваютъ, что дѣло здѣсь не въ какихъ-нибудь личныхъ порокахъ всѣхъ этихъ Мильерановъ, Вальяновъ, Жоресовъ; дѣло здѣсь въ самой природѣ государства, при которой всегда представительство рабочихъ должно попадать въ руки политическихъ оппортюнистовъ—сознательныхъ или безсознательныхъ. Они вспоминаютъ неудачу такъ называемаго «манюэлистическаго» (отъ слова manuel) движенія, во главѣ котораго стоялъ Алеманъ, желавшій, чтобы представительство рабочаго класса было исключительно въ рукахъ самихъ рабочихъ. Самъ Аллеманъ въ концѣ-концовъ пошелъ къ Мильеранамъ и Жоресамъ.

Дѣло здѣсь не въ лицахъ, и синдикалисты предъявляютъ настоящій обвинительный актъ къ современной политической французской демократіи. «Демократія,—пишетъ Лагардель,—великая школа компромисса, а парламентъ—политическая амальгама». Опытъ демократическаго государства уничтожилъ всѣ иллюзіи рабочаго класса относительно государства, тѣмъ болѣе, что политика правительства имѣла скрытую, но быстро обнаруженную цѣль: привлекая къ правленію рабочій классъ, обезвредить его, ослабить конфликты между трудомъ и капиталомъ, короче—воспрепятствовать всякой классовой борьбѣ. Можно сказать, что въ глазахъ синдикалистовъ политическая демократія съ ея мнимо всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ ея соблазномъ участія во власти и соціальномъ законодательствѣ представляется государственной формой, наиболѣе опасной для самосознанія рабочаго класса.

Эти общія положенія иллюстрируются безпощадной критикой новѣйшаго французскаго законодательства, созданнаго въ интересахъ столь ненавистнаго синдикализму «соціальнаго мира». Во вдохновителѣ этой политики, Вальдекъ-Руссо, они видятъ величайшаго врага политики интересовъ пролетаріата. Такъ относятся они къ законопроектамъ о совѣтахъ труда для рѣшенія конфликтовъ между предпринимателями и рабочими и въ особенности къ мильерановскому проекту о регулированіи стачекъ: они опасаются, что эти мѣры, если бы онѣ были приняты, «убили бы законный духъ возмущенія». Не надо никакихъ иллюзій о возможности мирнаго сожительства труда и капитала. Въ лучшемъ случаѣ законы, изданные въ пользу рабочихъ вообще, собственно утверждаютъ лишь сдѣланное завоеваніе непосредственнымъ давленіемъ пролетаріата; уничтоженіе посредническихъ бюро труда совершилось лишь тогда, когда рабочія демонстраціи серьезно напугали буржуазію. Притомъ подобные законы подчасъ искажаются особыми оговорками въ пользу имущихъ классовъ. Поэтому синдикализмъ желаетъ, чтобы «рабочій классъ, боровшійся до сихъ поръ только съ государствомъ-угнетателемъ, возмутился теперь противъ государства-благодѣтеля». Отъ современнаго государства можно требовать одной свободы и въ то же время подготовлять замѣну государственныхъ органовъ органами синдикальными; къ послѣднимъ должно перейти осуществленіе функцій, принадлежащихъ въ настоящее время первымъ. И по отношенію къ ближайшему времени синдикалисты, напримѣръ, считаютъ возможнымъ замѣнить государственную школу собственной, организованной рабочими и воспитывающей незатемненное классовое сознаніе; для этого благопріятенъ наличный моментъ борьбы между церковью и государствомъ за школу, борьбы, въ которой пролетаріатъ, отрицая клерикализмъ, не долженъ протягивать руку радикальной буржуазіи. Само собою разумѣется, что надо прежде всего сдѣлать себя независимымъ отъ государства матеріально: всякія субсидіи биржамъ труда, которыя выдавались муниципалитетами, являются крайне вредными, такъ какъ благодаря имъ буржуазные органы могутъ оказывать давленіе и мѣшать развитію истинно революціоннаго духа. Надо сознаться, что въ этомъ пунктѣ теорія и практика синдикализма не сходятся; оказывалось, что биржи труда не могутъ обходиться безъ этихъ субсидій, и рабочіе, осуждая ихъ въ принципѣ, всетаки не голосуютъ на конгрессахъ «федераціи биржъ» за полное ихъ уничтоженіе.

Въ этой отрицательной оцѣнкѣ политической борьбы синдикализмъ сходится отчасти съ извѣстной тенденціей, выступающей, напримѣръ, у нѣмецкаго бернштейніанства—противопоставить борьбѣ за власть, которая долгое время оставалась центральнымъ пунктомъ соціалистической тактики, внутреннее экономическое развитіе и улучшеніе своего быта, пріемы трэдъ-юніонизма и т. п. Но тамъ классическая тактика осуждается, какъ недостаточно эволюціонная, здѣсь какъ недостаточно революціонная. Тамъ утверждаютъ, что рабочій классъ не доросъ до сосредоточенія въ своихъ рукахъ государственной власти, здѣсь,—что эта власть недоста-

точна для его великихъ цѣлей. И эта противоположность особенно сказывается, когда синдикалисты отъ отрицанія государства переходятъ къ отрицанію отечества. Въ то время какъ реформисты, подобно Бернштейну и Мильерану, подчеркиваютъ важность національнаго момента, солидарность рабочаго класса съ общенаціональными интересами, въ то время какъ они признаютъ формулу Маркса—«пролетаріи не имѣютъ отечества» односторонней и не отвѣчающей историческому моменту, синдикалисты принимаютъ эту формулу въ самой крайней и рѣзкой постановкѣ. Отечество, состоящее изъ различныхъ классовъ, интересы которыхъ противоположны—миражъ: «отечество рабочаго—это то мѣсто, гдѣ находится орудіе его производства и гдѣ онъ получаетъ заработную плату». Идея отечества связана съ идеей собственности; говорятъ о національномъ богатствѣ, но у кого ничего нѣтъ, тотъ ничѣмъ не связанъ съ этимъ общимъ унаслѣдованнымъ достояніемъ. Національная культура! но пролетаріи страдаютъ отъ нея, не имѣя досуга пользоваться ея благами; кромѣ того культура принадлежитъ всему человѣчеству.

Буржуазія говоритъ о патріотизмѣ; это—признательность желудка; но у пролетаріата вмѣсто стараго патріотизма, сознанія связи съ государствомъ, долженъ явиться новый, классовый патріотизмъ, и рабочій «долженъ любить свой классъ, какъ онъ любитъ свою мать». Солидарность рабочаго класса не знаетъ, конечно, политическихъ границъ, отдѣляющихъ государства; она распространена по всему лицу земли. Идея отечества тѣсно связана съ институтомъ постоянныхъ армій, столь дорогихъ для буржуазіи, которая видитъ въ нихъ опору классоваго господства. Здѣсь синдикализмъ вполнѣ примыкаетъ къ тому антимилитаристическому движенію во Франціи, во главѣ котораго стоитъ Эрвэ; онъ точно также готовъ привѣтствовать «всеобщую стачку армій», которая вѣрнѣе, чѣмъ конгрессы и конференціи, подготовитъ всеобщій миръ; онъ рекомендуетъ широкую пропаганду въ казармахъ, направленную прежде всего на то, чтобы солдаты отказывались замѣнять стачечниковъ и тѣмъ болѣе стрѣлять въ нихъ. Для пролетаріата, несущаго на своихъ плечахъ всю тяжесть воинской повинности, армія должна, по взгляду синдикалистовъ, представляться необходимо-враждебной силой. Если же современное государство немыслимо безъ арміи, то это только лишній доводъ въ пользу уничтоженія послѣдней.

Критика государства, въ которой такъ много отзвуковъ анархическихъ идей, завершаетъ собой отрицательную программу синдикализма. Положительная программа его сводится къ признанію синдикатовъ, т.-е. ассоціацій рабочихъ, соединенныхъ корпоративной связью—основнымъ орудіемъ соціальнаго освобожденія и революціи. Синдикаты являются какъ бы неизбѣжными результатами историческаго развитія, ихъ рождаетъ капитализмъ, и они основываются на единственной прочной и естественной базѣ—единствѣ интересовъ. Нѣтъ необходимости, чтобы всѣ рабочіе вошли въ синдикаты; достаточно, если тамъ будутъ наиболѣе активные, наиболѣе развитые элементы. То,

что буржуазія называетъ синдикальной тираніей—не что иное, какъ правленіе лучшихъ. И здѣсь мы находимъ даже извѣстное противоположеніе стараго демократическаго права, которое выражаетъ собой безсознательное большинство, готовое подавить сознательное меньшинство, и новое право синдикальное, проникнутое неизмѣримо болѣе высокими идеалами истинной свободы и истиннаго братства. Борясь съ мнимой аристократіей и интеллигенціей, синдикализмъ создаетъ новую истинную аристократію въ самыхъ нѣдрахъ рабочаго класса.

Въ синдикатахъ рабочій классъ дѣйствуетъ прямо (action directe), не нуждаясь въ посредникахъ политиканахъ,—и только такое дѣйствіе можетъ принести побѣду, только оно можетъ заставить капитулировать буржуазію. Такъ, даже введеніе восьмичасового рабочаго дня, этотъ первый этапъ освобожденія, можетъ быть достигнутъ лишь прямымъ дѣйствіемъ, т.-е. отказомъ работать болѣе, а отнюдь не парламентарнымъ путемъ. Главнымъ средствомъ классовой борьбы остается всеобщая стачка, но рядомъ стоятъ и другія, какъ саботажъ «дурная работа» («плохія условія труда—плохой трудъ»), бойкотъ—отказъ покупать продукты предпринимателей, которые не подчиняются рѣшеніямъ синдикатовъ; лебель—синдикальная марка, рекомендующая, напротивъ, покупать отмѣченные ею товары.

Но синдикатъ цѣненъ не только какъ организація классовой борьбы; удовлетворяя потребности рабочихъ, дѣлаясь для него настоящимъ государствомъ и настоящимъ обществомъ, окружая его атмосферой солидарности и братства, онъ подготовляетъ будущія формы общежитія, въ которыхъ не будетъ угнетенныхъ.

Такова программа, которую синдикалисты въ ближайшемъ будущемъ надѣются сдѣлать программой французскаго рабочаго класса. Нельзя отрицать, что многіе признаки указываютъ на усиленіе этого рода идей. Синдикализмъ является во Франціи сильнымъ и опаснымъ конкурентомъ для соціализма. Притязанія «всеобщей конфедераціи труда» далеко не соотвѣтствуютъ ея наличнымъ силамъ, но всетаки изо всѣхъ существующихъ во Франціи организацій она заключаетъ въ себѣ наибольшій потенціальный запасъ революціонной энергіи; въ ней дѣйствительно теплится то пламя, которое можетъ разгорѣться въ пожаръ соціальной революціи. И въ этомъ лежитъ глубокій смыслъ той борьбы, которую должно было повести правительство демократической республики, правительство, имѣющее въ своихъ рядахъ соціалистовъ Бріана и Вивіани, противъ всеобщей конфедераціи труда.

Въ самомъ дѣлѣ, что составляло предметъ конфликта? Слѣдя по газетамъ за этой чуть ли не ежедневной борьбой, которую вело правительство противъ всеобщей конфедераціи труда, противъ пропаганды антимилитаризма, противъ участія въ конфедераціи чиновниковъ и учителей слѣдя за той закулисной парламентской игрой, которая грозила паденіемъ министерству Клемансо—легко потерять общій смыслъ борьбы, котор

несомнѣнно лежитъ глубже. Но прежде чѣмъ формулировать ее, нельзя не остановиться на двухъ чрезвычайно характерныхъ, привходящихъ вопросахъ, получившихъ въ нынѣшнемъ году во Франціи исключительную жгучесть—о правѣ государственныхъ служащихъ образовывать синдикаты и объ отношеніи учителей къ этому революціонно-синдикальному движенію.

Могутъ ли лица, находящіяся на службѣ у государства, пользоваться правомъ, которое законъ предоставляетъ всѣмъ, имѣющимъ извѣстный общій профессіональный интересъ? Вопросъ, конечно, существенный, такъ какъ рѣчь идетъ о примиреніи двухъ основныхъ интересовъ: обезпеченія общегражданскаго права за всѣми гражданами и обезпеченія правильнаго дѣйствія государственнаго механизма. Но онъ становится гораздо болѣе острымъ, когда отъ права служащихъ образовывать синдикаты переходятъ къ праву устраивать стачки, т.-е. останавливать этотъ государственный механизмъ. И, наконецъ, онъ соприкасается съ вопросомъ о сохраненіи самыхъ элементарныхъ условій государственнаго порядка, когда эта стачка служащихъ не есть даже средство борьбы за ихъ спеціальные интересы, а является частью программы, вырабатываемой всеобщей конфедераціей труда, формой «прямого воздѣйствія». Это объясняетъ, почему юридическій контроверсъ о правѣ служащихъ вызвалъ такую горячую полемику. Знаменитый профессоръ административнаго права Бартелеми стремился найти рѣшеніе, дѣля служащихъ на fonctionnaires d'autorité и fonctionnaires de gestion; первые участвуютъ въ осуществленіи государственной власти и находятся поэтому въ исключительномъ положеніи; вторые, напротивъ, отдаютъ свой трудъ государству за вознагражденіе, установляемое взаимнымъ договоромъ; ихъ связь съ государственной властью ничѣмъ не отличается отъ связи съ частнымъ предпринимателемъ, и поэтому они и пользуются правомъ устраивать синдикаты, правомъ, установленнымъ въ законѣ 1854 г., и даже правомъ стачки.

Противъ подобнаго рѣшенія энергично возставалъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ французскихъ юристовъ, который полагалъ, что всюду, гдѣ государство исполняетъ свою обязанность, гдѣ есть «service public», напримѣръ, въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ, обязанности, отъ которыхъ оно не можетъ отказаться и за правильное осуществленіе которыхъ оно отвѣчаетъ передъ населеніемъ—всюду здѣсь не можетъ быть и рѣчи о правѣ синдикатовъ и стачекъ; его можно было бы признать лишь въ такихъ государственныхъ предпріятіяхъ, которыя по природѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ частныхъ,—напримѣръ, на Севр-... омъ фарфоровомъ заводѣ, на фабрикѣ гобеленовъ и т. п. Но надо со... аться, что и люди, готовые дать наиболѣе широкія границы праву слу... щихъ образовывать синдикаты, люди, которые, подобно Бюиссону, на... чили законопроектъ, составленный Клемансо, недостаточнымъ и несо... вѣтствующимъ духу закона 1901 г. о свободѣ ассоціацій, строго осу... дали попытки превратить это право въ революціонное орудіе и ввести ... итовъ государства во «всеобщую конфедерацію труда», которая подго-

товляетъ безпощадную войну противъ этого государства. Правительственный законопроектъ дѣйствительно предполагалъ здѣсь довольно суровыя мѣры, напримѣръ, угрожая служащимъ, которые устроятъ стачку, немедленнымъ удаленіемъ со службы и запрещеніемъ вновь поступать на нее, которое можетъ дѣйствовать до 10 лѣтъ; многіе параграфы его вызвали рѣзкую критику не только среди соціалистовъ, но и среди радикаловъ-соціалистовъ: противъ него энергично высказался Пельтанъ, бывшій другъ и сотрудникъ Клемансо, морской министръ въ кабинетѣ Комба. На немъ ясно отражается то исключительное политическое положеніе, которое создалось во Франціи подъ вліяніемъ революціоннаго синдикализма, передъ которымъ правительство и парламентъ не всегда сохраняютъ должное хладнокровіе.

Сочувствіе, проявившееся среди преподавательскаго персонала къ программѣ синдикализма, и стремленіе ихъ войти во всеобщую конфедерацію труда могло казаться симптомомъ еще болѣе зловѣщимъ, чѣмъ угрозы почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ. Демократическая республика видитъ въ свѣтской народной школѣ одну изъ главныхъ основъ своего существованія, изъ-за нея она вела многолѣтнюю, поглощавшую всѣ силы государства борьбу съ церковью; неужели это оружіе, выкованное съ такимъ трудомъ и заботой, обратится теперь противъ государства? А между тѣмъ, когда федерація учительскихъ синдикатовъ обращалась къ Клемансо съ требованіемъ не препятствовать ея вступленію во всеобщую конфедерацію, когда на учительскихъ конгрессахъ вырабатывались резолюціи въ духѣ подлиннаго революціоннаго синдикализма, въ духѣ пропаганды, связанной съ именемъ Эрвэ—отказа отъ военной службы—то это не могло не смущать самыхъ искреннихъ дѣятелей свѣтской школы. Несомнѣнно принадлежащій къ числу ихъ Оларъ, котораго никакая подозрительность очевидно не могла бы заподозрѣть въ реакціонныхъ симпатіяхъ, далъ въ тулузской «*Dépêche*» энергичную отповѣдь этимъ опаснымъ тенденціямъ. «Изъ всѣхъ французскихъ гражданъ учителямъ менѣе всего позволительно проповѣдывать насиліе, гражданскую войну, кровавую борьбу классовъ, полное разрушеніе всего порядка вещей. Школа должна давать научный методъ, учить искать прогресса путемъ мира и братства. Внушать народу мысль, что если онъ сразу все разрушитъ, онъ станетъ счастливымъ, это значитъ подготовлять путемъ неизбѣжнаго разочарованія страшную реакцію, быть можетъ, возвращать народъ въ рабство. Учитель, примыкающій ко всеобщей конфедераціи, безсознательно подготовляетъ такое положеніе вещей, изъ котораго выйдетъ Цезарь или монархъ, опирающійся на римскую церковь и налагающій на учителей печать молчанія». Это размышленіе, вызванное, быть можетъ, воспоминаніемъ о 1848 г. и законѣ Фаллу, даетъ намъ понятіе, насколько переживаемый кризисъ представляется серьезнымъ знаменитому историку великой революціи.

Правительство не могло не дѣйствовать, не отвѣчать на вызовъ, брошенный ему всеобщей конфедераціей труда. Надо сознаться, что представители ея не скрывали своихъ взглядовъ на отношеніе къ государству

и закону. Пужэ, обвиняя на столбцахъ *Humanité* Клемансо въ произволѣ, прибавляетъ, что «въ конфедераціи не придаютъ никакого значенія мнѣніямъ юристовъ. Мы идемъ къ цѣли, не заботясь о законности или незаконности (de légalisme ou d'illégalisme). Это метафизическое старье». Положеніе особенно обострилось передъ 1 мая, когда стали ходить слухи о предстоящей всеобщей забастовкѣ, когда были арестованы трое видныхъ агитаторовъ конфедераціи, обвинявшіеся въ призывѣ солдатъ къ мятежу, когда были удалены отъ должностей пять почтовыхъ чиновниковъ и учитель Негръ, оправданный учительскимъ дисциплинарнымъ совѣтомъ. Мѣры эти вызвали раздраженіе на крайней лѣвой парламента, а въ кругахъ консервативныхъ злорадствовали по поводу того, что Клемансо теперь уже неминуемо долженъ потерять свою популярность. Когда однако первое мая прошло благополучно, министерство рѣшило не вносить въ палату спеціальнаго закона, направленнаго противъ всеобщей конфедераціи, а продолжать борьбу съ анархической и антимилитаристической пропагандой, пользуясь тѣми средствами, которыя даетъ наличное законодательство. Естественно, умѣренныя партіи весьма осуждали это рѣшеніе, какъ актъ правительственной слабости передъ соціалистами. «Въ нѣсколько часовъ,— писало *Temps*,—правительство потеряло благой результатъ всѣхъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ, которыя оно приняло въ послѣдніе дни; этотъ день былъ счастливымъ для революціонеровъ, но гибельнымъ для республики и для страны», Эти уступки, однако, не обезоружили оппозицію слѣва, которая дала генеральное сраженіе министерству Клемансо-Бріана. Въ кулуарахъ говорили, что новое министерство готово: корреспондентъ *Berliner Tageblatt* называлъ его президентомъ Сарріена, членами—Комба, Буржуа, Мильерана, Рувье и т. д. Въ концѣ-концовъ министерство однако получило отъ палаты выраженіе довѣрія, вотированное 343 голосами противъ 210—успѣхъ посредственный, если вспомнить о большинствѣ, которое имѣлъ Клемансо годъ тому назадъ. Большинство стало менѣе «лѣвымъ» и болѣе «центральнымъ», соціалисты и правые одинаково вотировали противъ. Но во всякомъ случаѣ министерство было спасено.

Это была побѣда не только Клемансо, это была побѣда дѣла, которое онъ защищалъ; и если, повторяемъ, отрѣшиться здѣсь отъ частностей, отъ личныхъ дѣйствій и отношеній, то приходится сказать, что защищались основные принципы демократической республики противъ новыхъ образующихся враждебныхъ силъ. И именно поэтому въ ожесточенной критикѣ, направленной противъ министерства, не чувствовалось полной увѣренности. Вѣдь всетаки Жоресъ ближе къ Клемансо, чѣмъ къ Лагарделлю. Можно было осуждать нѣкоторыя репрессіи, предпринятыя правительствомъ, но нельзя было отрицать элементы государственной самообороны. И если правительство остается у власти, оно не можетъ, каковъ бы ни былъ его партійный составъ,—отказаться отъ этой самообороны. Нравственный авторитетъ ея намъ неизвѣстенъ, такъ какъ никакая статистика намъ не откроетъ, сколько процентовъ населенія Франціи желаютъ жить при ре-

жимѣ демократической республики. Но всетаки ясно, что такихъ желающихъ еще до сихъ поръ неизмѣримо больше, чѣмъ сторонниковъ революціоннаго синдикализма.

Странная случайность! Вальдекъ Руссо всю жизнь стоялъ въ рядахъ французскаго консерватизма, и ему пришлось взять власть въ такую минуту, когда основная задача власти была защита демократіи и республики отъ враждебныхъ силъ справа. Клемансо много лѣтъ былъ наиболѣе яркимъ и талантливымъ представителемъ французскаго радикализма, и ему приходится бороться за сохраненіе той же самой демократіи и республики отъ враговъ слѣва. Исторія богата такими парадоксами, и въ нихъ ярче всего проявляется безпомощность человѣческой личности передъ тѣми скрытыми силами, которыя отводятъ ей то или другое мѣсто въ этомъ неудержимомъ потокѣ вещей. Роль Клемансо во многихъ отношеніяхъ менѣе благодарна, чѣмъ роль Вальдека Руссо. Но рѣшимся ли мы сказать, что она менѣе необходима?

С. Котляревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Іюль **1907 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ И. Ѳ. Анненскаго. Томъ первый.—„Новое слово". Товарищескіе сборники. Книга первая.—Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1907 годъ. Книга шестнадцатая.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ И. Ѳ. Анненскаго. Томъ первый. Типографія книгоиздательскаго т-ва „Просвѣщеніе". Ц. 6 р. Образы великаго трагика запечатлѣны въ памяти человѣчества,—тѣмъ болѣе, что къ ихъ грандіозной красотѣ обращались и другіе писатели, чуя въ нихъ не случайное порожденіе эллинскаго миѳа, а вѣчные типы непреходящихъ людскихъ страстей. Еврипидъ разительнѣе всѣхъ показывалъ человѣческую душу въ состояніи крайней напряженности, и только эти необычайные, огненные моменты занимали его воображеніе, только въ ихъ зловѣщемъ заревѣ освѣщались для него глубина и тайна сердецъ. Любовь и ревность были для него демонами, которые разрушаютъ все естественное, обыденное,—и вотъ Медея убиваетъ собственныхъ дѣтей, Тезей неслыханныя муки накликаетъ на родного сына. Человѣкъ у Еврипида преимущественно страстенъ и страшенъ.

Получить въ хорошемъ русскомъ переводѣ этотъ знаменитый „театръ",—конечно, цѣнное культурное пріобрѣтеніе. И. Ѳ. Анненскій сочетаетъ въ себѣ глубокую филологическую и литературную эрудицію съ живымъ художественнымъ чувствомъ тонкаго импрессіониста (его мало замѣченная, но замѣчательная „Книга отраженій" богата прекрасными страницами). Для него характерны слова одной изъ его объяснительныхъ статей къ Еврипиду: „Я намѣренъ говорить не о томъ, что подлежитъ изслѣдованію и подсчету, а о томъ, что я пережилъ, вдумываясь въ рѣчи героевъ и стараясь уловить за ними идейную и поэтическую сущность трагедіи" (стр. 331). Этотъ импрессіонизмъ иногда мѣшаетъ сжатости и сосредоточенности его разборовъ, но зато читателю отрадно слышать изъ ученыхъ устъ филолога простыя, эмоціонально-теплыя слова.

Трудное дѣло перевода осуществлено г. Анненскимъ вполнѣ успѣшно; не всегда его стихи отличаются такой непринужденностью, какъ у дру-

гого талантливаго переводчика Еврипида—Д. С. Мережковскаго; но зато на его сторонѣ значительная точность и близость къ подлиннику, къ прихотливымъ размѣрамъ его стиха. Мы могли бы сдѣлать И. Ѳ. Анненскому два упрека: напрасно онъ не стѣсняется въ переводѣ античныхъ пьесъ употреблять такія слова, какъ: барьеръ, банкетъ, герольдъ, кокетливо; и еще болѣе странно то, что драгоцѣнную строгую ткань древняго текста онъ позволяетъ себѣ разрѣжать собственными нитями—въ видѣ совершенно неумѣстныхъ ремарокъ. Здѣсь субъективизмъ нашего переводчика прямо незаконенъ, и чѣмъ-то наивнымъ и даже эстетически обиднымъ вѣетъ отъ такихъ указаній, какъ то, что у Креонта „видъ и голосъ человѣка разсѣяннаго, живущаго порывами и впечатлѣніями; голосу не хватаетъ увѣренности"; или то, что здѣсь Медея говоритъ тихо, а тамъ громко, здѣсь страстно, а тамъ нѣжно; или что Ясонъ подвигается къ ней „интимно и язвительно". Для артистовъ такая указка, прежде всего, навязчива; для читателей она излишня, а потому и вредна. Жаль этихъ, впрочемъ, вполнѣ устранимыхъ, изъяновъ въ тонкой и трудной работѣ г. Анненскаго.

Ю. Айхенвальдъ.

Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1907 годъ. Книга шестнадцатая. Спб., 1907 г. Въ этомъ выпускѣ извѣстнаго сборника вниманіе читателя привлекаетъ, изъ оригинальныхъ вещей, только разсказъ Леонида Андреева „Іуда Искаріотъ и другіе". Какъ и всѣ произведенія талантливаго писателя, страницы „Іуды" очень изысканы и необычны; какъ всегда, вы чувствуете, что къ выдумкѣ г. Андреева не приближается духъ внутренней необходимости. Авторъ притязаетъ на тончайшія психологическія наблюденія, на открытіе новыхъ странъ въ душѣ, и событія, опредѣленно кристаллизовавшіяся въ памяти и пониманіи человѣчества, онъ хочетъ освѣтить по своему. На этотъ разъ онъ подошелъ къ евангельскому сказанію о предателѣ, которое такъ просто и величественно въ своей простотѣ; и вотъ глубокое повѣствованіе о человѣкѣ, предавшемъ Бога, онъ разобралъ на отдѣльныя нити и потомъ сплелъ изъ нихъ уже свою затѣйливую легенду, которая имѣетъ очень мало правдоподобія, не отличается ни тѣнью обязательности. Читатель остается холоденъ; досужій вымыселъ не убѣждаетъ его, и послѣ нагроможденія свѣтовыхъ эффектовъ, вычурныхъ ситуацій, красивыхъ мелочей, васъ еще болѣе влечетъ къ себѣ тихое и трагическое слово Евангелія,—эти немногія строки о преступномъ и проклятомъ Іудѣ.

Насколько можно понять автора, лобзаніе Искаріота было полно „мучительной любви", и мечталъ предатель „надъ теменемъ земли высоко поднять на крестѣ любовью распятую любовь". Іуда какъ любовь—это, въ самомъ дѣлѣ, оригинально. И продавъ, дешево продавъ Сына Человѣческаго, Іуда хотѣлъ этимъ заклеймить все покупающее человѣчество, бросить ему въ лицо несмываемое оскорбленіе, распять его на крестѣ его собственнаго позора. До послѣдняго мгновенія, до того какъ испустилъ Христосъ свой послѣдній страдальческій вздохъ, Іуда думалъ—онъ и боялся, и жаждалъ этого—онъ думалъ, что ринутся люди на спасеніе своего Бога, что всѣ поймутъ Его невинность, Его праведность, Его чистоту: но люди были спокойны, бездѣятельны, насмѣшливы. И свершилось. „Осуществился ужасъ и мечты. Кто вырветъ теперь побѣду изъ рукъ Искаріота? Свершилось. Пусть всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекутся къ Голгоѳѣ и возопіютъ милліонами своихъ глотокъ: осанна, осанна! и моря крови и слезъ прольютъ къ подножію ея—они найдутъ только позорный крестъ и мертваго Іисуса". Да, Іуда проклялъ,

позору предалъ все грядущее человѣчество до скончанія міра; онъ, и своимъ чернымъ дѣломъ, и своими словами, сказалъ этому человѣчеству, не только синедріону, но и ученикамъ Христа, послѣ Голгоѳы спавшимъ и ѣвшимъ,—онъ сказалъ, что всѣ—Іуды. А рядомъ съ Христомъ, какъ единственнаго брата, какъ предопредѣленнаго на совмѣстное воскресеніе изъ мертвыхъ, Іуда ставилъ себя, одного себя.

Было бы странно отрицать, что въ душу Іуды, одною изъ ея темныхъ граней, могло входить презрѣніе къ людямъ,—но тотъ узоръ, который выткалъ отсюда Леонидъ Андреевъ, тѣ психологическія арабески, которыми онъ покрылъ евангельскую тему, представляютъ собою только игру ума, воздушный зàмокъ писательскаго воображенія. Каждому штриху Андреева можно бы противопоставить другіе, столь же или еще болѣе допустимые. Андреевъ никогда не бываетъ неоспоримъ,—а истинные сердцевѣдцы таковы.

Въ ломанныхъ и странныхъ линіяхъ написавъ Іуду, г. Андреевъ оказался однако прямолинейнымъ въ другихъ отношеніяхъ,—въ изображеніи остальныхъ учениковъ Христа. Особенно это надо сказать о фигурѣ Ѳомы; его невѣріе въ часъ Христова воскресенія авторъ какими-то дѣтскими чертами нарисовалъ какъ общій скептицизмъ, и получилось нѣчто наивное и смѣшное.

На этотъ разъ г. Андреевъ тоже, конечно, имѣлъ при себѣ излюбленный ящикъ Пандоры, и по знаку ужасающаго писателя готовы были вылетѣть ужасы и осѣсть на почвѣ, въ данномъ разсказѣ столь благодарной. Но, къ чести автора, онъ удержался отъ того, чтобы ими оскорбить и безъ того запечатлѣнную въ душѣ человѣчества картину крестной смерти Христа; и даже удавившагося Іуду написалъ онъ безъ натурализма подробностей. Но зато онъ медленно, долго, мучительно разсказываетъ, какъ солдаты въ караульнѣ били, истязали Христа.

Нельзя сказать, чтобы эпизоды и сцены, нарисованные авторомъ, не волновали,—онъ слишкомъ для этого даровитъ и слишкомъ значительно все, что онъ разсказываетъ о Богѣ и человѣкѣ; но конечное впечатлѣніе отъ „Іуды“ всетаки—необязательность и „литература“. Послѣдняя тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что хотя обычный торжественный стиль г. Андреева здѣсь, въ этой повѣсти съ міровымъ сюжетомъ, и умѣстенъ, вы всетаки на каждомъ шагу непріятно чувствуете слишкомъ тщательную отдѣлку, преднамѣренное словесное ваяніе, стилистическія игрушки („а Іисусъ приблизилъ его и даже *рядомъ съ собою—рядомъ съ собою* посадилъ Іуду“; „всѣ дружелюбно болтали съ нимъ, *но Іисусъ—но Іисусъ* и на этотъ разъ не захотѣлъ похвалить Іуду“). Даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ, повидимому, просто, слышится все же имитація. Развѣ нѣтъ ея, напримѣръ, въ слѣдующихъ, несомнѣнно-красивыхъ строкахъ, заканчивающихъ „Іуду“? „И въ тотъ вечеръ уже всѣ вѣрующіе узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узналъ о ней весь Іерусалимъ. Узнала о ней каменистая Іудея, и зеленая Галилея узнала о ней; и до одного моря и до другого, которое еще дальше, долетѣла вѣсть о смерти Предателя. Ни быстрѣе, ни тише, но вмѣстѣ съ временемъ шла она, и какъ нѣтъ конца у времени, такъ не будетъ конца разсказамъ о предательствѣ Іуды и страшной смерти его. И всѣ—добрые и злые—одинаково предадутъ проклятію позорную память его; и у всѣхъ народовъ, какіе были, какіе есть, останется онъ одинокимъ въ жестокой участи своей—Іуды изъ Каріота“. Вообще, для слога Леонида Андреева характерно отсутствіе граціозности и легкости; авторъ слишкомъ видитъ и слышитъ каждое свое слово, каждый эпи-

тетъ. Фраза его напряженна, будто онъ туго перевязалъ ее какою-то бечевкой,—такъ что не разсыплется она, не выпадетъ ни одного слова. Хотѣлось бы нѣкотораго безпорядка, большой безпечности,—тогда существенное, внутреннее, показалось бы не какъ тема, искусно обработанная руками виртуоза, а какъ искренній порывъ и смятеніе ищущаго духа. А теперь оскорбительное впечатлѣніе производитъ иногда то, что авторъ слишкомъ зорко замѣчаетъ и отдѣлываетъ какую-нибудь внѣшнюю деталь („круглые, большіе камни“ Іудинаго смѣха)—тамъ, гдѣ глаза и писателя, и читателя должны быть устремлены только на душу съ ея трепетомъ, только на важное и вѣчное средоточіе вещей.

Ю. А.

Новое Слово. Товарищескіе сборники. Книга первая. М., 1907 г. Ц. 1 р. Стихи и вдумчивый разсказъ И. Бунина, гдѣ эпизодъ, разыгравшійся въ дѣтской, искусно раздвинутъ въ общую перспективу жизни съ ея наградами и наказаніями; стихи и красиво написанные очерки А. Ѳедорова „Азорскіе острова“; живыя воспоминанія Н. Крашенинникова о гимназической страдѣ; характерный жанръ Н. Тимковскаго и Е. Чирикова; странная, смутная, но запечатлѣнная человѣческимъ страданіемъ, еврейской скорбью лирика С. Юшкевича; неизданный раньше, четвертый актъ „Дѣтей Ванюшина“; обильная кровью страница Скитальца о событіяхъ послѣ 17 октября,—вотъ чѣмъ занята первая часть этой книги.

Наиболѣе цѣнными страницами въ сборникѣ являются послѣднія—воспоминанія М. П. Чехова о его знаменитомъ братѣ и статья Сергѣя Глаголя о Левитанѣ (съ неизданными иллюстраціями). Такъ родственны между собою, въ единствѣ своей меланхоліи, Чеховъ и Левитанъ, такъ общи у нихъ краски и образы, что не разъединятъ ихъ въ своемъ воспоминаніи тѣ, кому дорого русское искусство. Художникъ пера и художникъ кисти, оба въ какомъ-то ореолѣ тихой задумчивости, оба исполненные лиризма и печали, оба безвременно отнятые у жизни и Россіи,—они лишній разъ встаютъ передъ читателями въ своей нравственной красотѣ. Близкіе къ нимъ люди задушевно разсказываютъ о нихъ такія интересныя, характерныя мелочи, что эти „властители думъ“ дѣлаются для насъ еще роднѣе и устанавливается между ними, умершими, и нами, живущими, какая-то интимная связь. Семь лѣтъ, какъ умеръ Левитанъ, три года, какъ умеръ Чеховъ, и тоскуетъ по нимъ русская жизнь и русская природа, полюбившая полюбившаго ее художника-еврея,—всѣ эти золотые плесы, незамѣтныя церковки, тихія обители, вся эта нѣжная рама для трехъ сестеръ и сиротливой чайки, для усталаго дяди Вани, для лишнихъ чеховскихъ людей съ блѣдными лицами и грустящими сердцами.

Ю. А.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Кн. С. Д. Урусовъ. Очерки прошлаго. Т. I. Записки губернатора.—*П. А. Берлинъ.* Политическія партіи въ Западной Европѣ.—*Г. Мохъ.* Постоянная армія и милиція.

Кн. С. Д. Урусовъ. Очерки прошлаго. Т. I. Записки губернатора. Изданіе В. М. Саблина. Москва. Князь С. Д. Урусовъ, пріобрѣвшій такую широкую извѣстность рѣчью, сказанной въ прошломъ году въ первой Государственной Думѣ при преніяхъ о бѣлостокскомъ погромѣ и фразой о „вахмистрахъ и городовыхъ по образованію, погромщикахъ по убѣжденію“, былъ назначенъ бессарабскимъ губернато-

ромъ въ концѣ мая 1903 г., т.-е. почти спустя 2 мѣсяца послѣ знаменитаго кишиневскаго погрома, происшедшаго 7—9 апрѣля того же года. Какъ извѣстно, впечатлѣніе, произведенное этимъ погромомъ, было огромное. Погромы и убійства тогда еще не успѣли стать, какъ въ переживаемые нами теперь дни, повседневнымъ явленіемъ русской жизни. Трупы 42 убитыхъ на Пасхѣ 1903 г. евреевъ, открытый грабежъ ихъ имущества въ теченіе трехъ дней на глазахъ войска и полиціи въ большомъ губернскомъ городѣ тогда всѣхъ поразили и ошеломили. Еврейскій вопросъ, до тѣхъ поръ варьировавшійся, главнымъ образомъ, на столбцахъ реакціонной печати, либеральной же большей частью замалчивавшійся, пріобрѣлъ особенную актуальность. Мыслящимъ людямъ въ Россіи пришлось призадуматься надъ этимъ вопросомъ, занять по отношенію къ нему опредѣленную позицію, т.-е. примкнуть къ одному изъ двухъ лагерей: антисемитскому или гуманно-демократическому, требующему гражданскаго равноправія и для русскихъ евреевъ. Всталъ этотъ вопросъ во всей своей полнотѣ и передъ новымъ бессарабскимъ губернаторомъ, прежде имъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ началѣ своихъ записокъ, нисколько не интересовавшимся.

Это-то обстоятельство и дѣлаетъ записки С. Д. Урусова, бо́льшая часть которыхъ посвящена еврейскому вопросу, чрезвычайно поучительными. Только въ Петербургѣ, на пути къ мѣсту своего назначенія, онъ познакомился въ общихъ чертахъ съ русскимъ законодательствомъ о евреяхъ, о которомъ онъ до тѣхъ поръ ничего не зналъ. Личныя же его наблюденія надъ евреями къ Калужской и Тамбовской губерніяхъ были совершенно случайны и поверхностны. Кн. С. Д. Урусовъ, такимъ образомъ, до своего назначенія въ Кишиневъ, когда ему пришлось такъ или иначе ликвидировать наслѣдіе кишиневскаго погрома, проявилъ то же равнодушіе къ еврейскому вопросу, которое такъ характерно для огромнаго большинства русскаго общества. Урусовъ служилъ нѣкоторое время вице-губернаторомъ въ Тамбовѣ, а раньше по выборамъ земства и дворянства въ Калужской губерніи. Если эти губерніи и находятся внѣ черты еврейской осѣдлости и число евреевъ въ нихъ поэтому очень ограниченное, то всетаки не подлежитъ сомнѣнію, что и въ нихъ законодательство о евреяхъ имѣло вполнѣ реальное, а не только теоретическое значеніе. Безъ сомнѣнія, и оттуда выселялись евреи, не имѣющіе „права жительства", и въ нихъ примѣнялась процентная норма въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. Тѣмъ не менѣе въ Калужской и Тамбовской губерніяхъ вопросъ этотъ его нисколько не занималъ, несмотря на то, что ограниченія евреевъ въ правахъ настолько идутъ вразрѣзъ съ общими для всѣхъ правовыми нормами, что поневолѣ должны обратить на себя вниманіе всякаго, особенно же должностного лица, и заставить признать эти ограниченія необходимыми или подлежащими отмѣнѣ.

Какъ бы то ни было, но С. Д. Урусовъ только въ Бессарабіи нашелъ нужнымъ уяснить себѣ сущность еврейскаго вопроса. Не будучи ни юдофобомъ, ни юдофиломъ, онъ изучалъ условія мѣстной жизни безъ всякихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, безъ предубѣжденія въ ту или иную сторону. Безпристрастно и добросовѣстно изучилъ онъ отношенія между еврейскими и нееврейскими элементами населенія Бессарабіи, экономическую роль евреевъ въ краѣ, цѣлесообразность и справедливость направленныхъ противъ нихъ ограничительныхъ мѣропріятій. Если-бъ его наблюденія привели его къ убѣжденію, что ограниченія евреевъ въ правахъ вызываются дѣйствительными законными интересами нееврейскаго населенія или же интересами общегосударственными, кн. Урусовъ не рѣ-

шился бы высказаться за уравненіе евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи, какъ бы ни противорѣчило такое правовое неравенство его общему міровоззрѣнію. Изъ непосредственныхъ наблюденій надъ бессарабской жизнью онъ, однако, не могъ не сдѣлать обратнаго вывода. Онъ не могъ не придти къ заключенію,—пожалуй, банальному, какъ и всѣ несомнѣнныя истины,—что евреи такіе же люди, какъ и всѣ остальные люди на свѣтѣ, что у нихъ, какъ у всякихъ людей, есть свои недостатки и свои достоинства и что для законодателя нѣтъ никакого основанія выдѣлять ихъ въ особую группу и направлять противъ нихъ варварское и унизительное русское законодательство о евреяхъ. Другими словами, послѣ двухлѣтняго изученія на практикѣ еврейскаго вопроса въ губерніи, названіе которой теперь неразрывно связано съ именами такихъ антисемитовъ, какъ Крушеванъ и Пуришкевичъ, князь Урусовъ пришелъ къ заключенію, что еврейскаго „вопроса" совсѣмъ не существуетъ, а существуетъ лишь ничѣмъ не мотивированное и ничѣмъ не оправдываемое ограничительное законодательство о евреяхъ, которое не только причиняетъ евреямъ неисчислимый вредъ, но дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на русское населеніе. „Законодательное признаніе еврейскаго равноправія,—пишетъ онъ на стр. 353 своей книги, формулируя свое окончательное мнѣніе по этому вопросу,—меня нисколько не страшитъ. Я вижу въ немъ способъ избавиться отъ развращающихъ насъ пріемовъ борьбы съ евреями. Если еврейскому вліянію надо противодѣйствовать, то пусть борьба происходитъ путемъ мирнаго соперничества и естественнаго развитія силъ. Я убѣжденъ, что русскій народъ не потеряетъ при этомъ ни своихъ матеріальныхъ благъ, ни своего духовнаго богатства".

Записки Урусова интересны, однако, не только въ той ихъ части, въ которой онъ говоритъ о евреяхъ и еврейскомъ вопросѣ. Не менѣе интересны и наблюденія его надъ общимъ укладомъ бессарабской жизни. Офицеры, переѣзжавшіе въ грязную погоду, въ бытность генерала Раабена губернаторомъ (т.-е. въ началѣ XX вѣка), черезъ улицу верхомъ на городовыхъ; сказочные обѣды и ужины мѣстныхъ помѣщиковъ съ провизіей, выписываемой изъ Одессы; нравы, въ силу которыхъ „дама, уважающая себя, можетъ только подъѣхать къ магазину въ экипажѣ, куда приказчики должны были выносить ей образцы товаровъ. Выбравъ все необходимое, покупательница не можетъ даже взять съ собою своихъ покупокъ, которыя присылались ей на домъ. Кажется, хорошій тонъ требовалъ, чтобы деньги за товаръ не уплачивались немедленно по его доставкѣ, и, во всякомъ случаѣ, считалось гораздо приличнѣе не платить по забору, нежели спѣшить съ уплатой", вслѣдствіе чего мѣстныя аристократки чрезвычайно осуждали новую губернаторшу, кн. Урусову, за то, что она „бывала въ магазинахъ, выбирала тамъ товары и уплачивала за нихъ деньги"—все это на нашъ взглядъ въ значительной степени объясняетъ, почему именно Бессарабія выдвинула такую блестящую плеяду защитниковъ исконныхъ истинно-русскихъ началъ, почему именно ея дворянство находится въ первыхъ рядахъ борющихся за сохраненіе стараго режима патріотическихъ организацій.

И. Левинъ.

П. А. Берлинъ. Политическія партіи въ Западной Европѣ Изданіе книгоиздательства „Дѣло". Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Небольшая, но весьма содержательная книжка г. Берлина появилась какъ нельзя болѣе своевременно теперь, когда вопросъ о политическихъ партіяхъ получилъ для русскаго читателя, помимо чисто-академической

интереса, животрепещущее практическое значеніе. Книжка состоитъ изъ двухъ частей неравнаго достоинства: теоретической и исторической. Первой части посвящены четыре главы, въ которыхъ авторъ останавливается на общемъ опредѣленіи понятія политической партіи, на классификаціи существующихъ политическихъ партій и на взаимоотношеніи политическихъ партій и соціальныхъ классовъ. Въ этихъ теоретическихъ экскурсахъ авторъ на нашъ взглядъ слишкомъ легко отдѣлывается отъ затрогиваемыхъ имъ сложныхъ вопросовъ, не считаетъ нужнымъ останавливаться на доказательствахъ справедливости выставляемыхъ имъ основныхъ положеній и очень быстро скользитъ по взглядамъ сторонниковъ противоположнаго направленія. Авторъ — правовѣрный послѣдователь ученія о чисто-классовомъ характерѣ политическихъ партійныхъ группировокъ. Большое достоинство книги заключается въ томъ, что увлеченіе предвзятой идеей не мѣшаетъ автору съ полной добросовѣстностью отмѣчать факты, не укладывающіеся въ рамки его собственныхъ выводовъ. Авторъ прямо указываетъ на то, что въ дѣйствительности ни одна политическая партія не отличается однороднымъ соціальнымъ составомъ и выходитъ изъ этого затрудненія чисто-словеснымъ способомъ, объясняя указанное явленіе тѣмъ, что „въ каждой партіи есть *ирраціональныя* величины". Но вѣдь *ирраціональность* этихъ величинъ очевидна лишь для того, кто уже счелъ доказаннымъ справедливость раздѣляемаго авторомъ теоретическаго взгляда на партійныя группировки, а между тѣмъ основательность этого именно взгляда какъ разъ и предстоитъ еще доказать.

Книга самого г. Берлина въ ея исторической части доказываетъ— на нашъ взглядъ—нѣчто обратное тому, во что вѣритъ ея авторъ. При свѣтѣ добросовѣстно сгруппированныхъ авторомъ фактовъ получается тотъ выводъ, что до настоящаго времени процессъ политическихъ партійныхъ группировокъ весьма еще далекъ отъ *раціональнаго*, съ точки зрѣнія г. Берлина, характера. Даже про нѣмецкую соціалъ-демократическую партію на стр. 239 разбираемой книги чититель, еще не забывшій теоретическаго вступленія г. Берлина, съ удивленіемъ читаетъ слѣдующее: „нѣмецкая соціалъ-демократическая партія по своему составу *не является классовой партіей*, она состоитъ не только изъ рабочихъ... въ нее входятъ также и многочисленные буржуазные элементы, а изъ этого можно заключить, что и въ политическомъ отношеніи соціалъ-демократія не можетъ прочно сохранить свой классовый характеръ".

Когда факты столь ярко противорѣчатъ теоріи, что для оправданія теоріи приходится признать ирраціональной цѣлую обширную область непослушныхъ фактовъ,—въ такомъ случаѣ невольно является вопросъ, не правильнѣе ли было бы усомниться въ основательности самой теоріи?

Историческую часть книги г. Берлина мы охотно рекомендуемъ вниманію читателя. Выпукло и ярко обрисованы здѣсь отличительныя черты консервативныхъ, либеральныхъ, радикально-демократическихъ и соціалистическихъ партій различныхъ странъ и весьма интересно очерчена эволюція, пережитая до настоящаго времени всѣми этими партіями. Только глава, посвященная радикально-демократическимъ партіямъ, значительно пострадала отъ тенденціозной ретушевки съ точки зрѣнія предвзятыхъ воззрѣній автора. Наиболѣе обстоятельно изложена исторія соціалистическихъ партій въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи. Къ сожалѣнію, авторъ не удѣлилъ достаточнаго вниманія ревизіонистскому теченію въ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ, живо и совершенно общедоступно.

А. Кизеветтеръ.

Г. Мохъ. Постоянная армія и милиція. Переводъ со 2-го французскаго изданія А. Ф. Коганъ-Шабшая. Изданіе книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что изданіе на русскомъ языкѣ работы французскаго офицера выпущено съ цѣлью пропаганды идеи милиціоннаго войска, замѣняющаго собою постоянную армію. Послѣ японской кампаніи вопросъ военной реформы въ Россіи—конечно, одинъ изъ самыхъ существенныхъ, а такъ какъ при обсужденіи всякаго вопроса всякое серьезное мнѣніе интересно, то и мнѣніе французскаго офицера тоже должно быть выслушано. Но дѣло въ томъ, что задача, поставленная г. Моха, прежде всего спеціальная и техническая: вопросъ о лучшей организаціи арміи, точнѣе—военныхъ силъ страны. Г. Мохъ настойчиво проситъ не смѣшивать проектируемой имъ милиціи съ національной гвардіей, каковая, по его категорическому мнѣнію, „лишена всякаго военнаго значенія“; его милиція—это армія съ очень короткимъ срокомъ обученія, ограниченнымъ только технической подготовкой молодыхъ людей.

Затѣмъ, раньше чѣмъ говорить объ организаціи подобной милиціи, въ основу которой положена военная организація Швейцаріи, г. Мохъ устанавливаетъ слѣдующія, для него уже безспорныя положенія: во-первыхъ, демократическій строй страны и, во-вторыхъ, рѣшительный отказъ не только отъ завоевательной политики, но даже и отъ перенесенія военныхъ операцій на территорію непріятеля. Имъ проектируемая милиція служитъ исключительно защитѣ національной территоріи и мобилизуется только въ случаѣ явно враждебныхъ дѣйствій сосѣда. Только установивъ эти положенія, г. Мохъ переходитъ къ развитію мыслей своихъ объ организаціи будущихъ вооруженныхъ силъ Франціи. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ нѣтъ налицо одного изъ этихъ основныхъ и предварительныхъ условій—не можетъ быть и реальной постановки вопроса о преобразованіи постоянной арміи въ милицію.

Затѣмъ, тѣ изъ политическихъ партій, которыя включили въ свои программы немедленное введеніе милиціи, должны не только установить два указанныя и необходимыя условія, но и предложить детальную, очень сложную и еще нигдѣ неосуществленную организацію, требующую совершенно иного распредѣленія буквально всѣхъ матеріальныхъ службъ арміи, системы образованія кадровъ, мобилизаціи и обученія.

Сказать два слова: „всеобщее вооруженіе“—значитъ ничего не сказать. Даже для Франціи, по разсчетамъ самого Моха, нуженъ цѣлый рядъ или подготовительныхъ, или одновременныхъ съ введеніемъ милиціонной системы мѣръ, направленныхъ, во-первыхъ, на введеніе военнаго образованія въ народныя школы, а во-вторыхъ, на организаціи стрѣлковыхъ обществъ и другихъ вольныхъ военныхъ союзовъ. Кромѣ того, введеніе милиціи потребуетъ громадныхъ единовременныхъ затратъ на оборудованіе гимнастическихъ залъ, снабженіе обществъ ружьями и т. д. Но помимо этихъ соображеній, введенію милицій сильно препятствуютъ такія необходимости, какъ флотъ, не терпящій очень краткосрочной службы, если опять-таки онъ не чисто береговой, и необходимость имѣть постоянные гарнизоны въ крѣпостяхъ. У Швейцаріи нѣтъ флота, а для двухъ ея главныхъ укрѣпленій—С.-Морисъ и С.-Готардъ—приходится содержать особую охранную стражу съ платой по 4 фр. въ день, т.-е. по 1,5 руб. Затѣмъ, конечно, нужно или не имѣть окраинъ, или дать имъ полную автономію, т.-е. и военную; наконецъ, содержаніе одного милиціонера обходится въ Швейцаріи, несмотря на срокъ службы въ 45 дней для пѣхотинца и въ 80 дней для кавалериста, около 1,200 фр.

а на жителя военный расходъ равенъ 10 фр., не считая, конечно, %% на капиталы, затраченные въ постройку крѣпостей, казармъ и другихъ постоянныхъ сооруженій.

Даже по довольно проблематическому и очень субъективному подсчету Моха, его экономія отъ введенія милиціи во Франціи обусловливается, главнымъ образомъ, уничтоженіемъ пенсій и совершенно произвольно взятой цифрой жалованья инструкторамъ; кромѣ того, онъ не принимаетъ во вниманіе въ своемъ подсчетѣ ни амортизаціи, ни новыя капитальныя затраты, ни платежъ %% по стратегическимъ желѣзн. дор., каковой платежъ онъ принималъ во вниманіе при подсчетѣ стоимости годового содержанія нынѣшней постоянной французской арміи.

Впрочемъ, дѣло и не въ этихъ подсчетахъ, а въ разрѣшеніи вопроса: достаточно ли 80—100 дней для подготовки солдата? Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что въ эпохи великихъ національныхъ кризисовъ импровизованныя арміи побѣждаютъ или успѣшно сопротивляются старымъ, регулярнымъ арміямъ, но кризисъ и остается кризисомъ и возводить его въ законъ, конечно, не слѣдуетъ; однако, введеніе милиціи, т.-е. собственно говоря короткаго срока службы, вопросъ очень сложный; разумѣется, современная организація армій неудовлетворительна— у насъ она отвратительна—и въ предѣлахъ интенсификаціи труда лицъ, занятыхъ отбываніемъ воинской повинности, всякая реформа хороша; конечно, хорошо сокращать срокъ службы до предѣловъ технической возможности, и если бы всѣ понимали дѣло созданія милиціи такъ, какъ его понимаетъ Мохъ, то можно было бы идти намѣченнымъ имъ путемъ, не ожидая, однако, никакого финансоваго рая отъ такой реформы. Мохъ предлагаетъ собственно техническую реформу, въ извѣстномъ объемѣ вполнѣ пріемлемую, но проситъ помнить, что для ея осуществленія онъ требуетъ внутренняго демократическаго строя и отказа отъ внѣшней политики. Первое у Франціи есть, ко второму она стремится и, вѣроятно, скоро придетъ.

Замѣтимъ еще, что полицейскую службу войскъ Мохъ предлагаетъ замѣнить организаціей спеціальныхъ бригадъ, наемныхъ, конечно, и усиленіемъ жандармеріи.

Его трудъ заслуживаетъ быть прочтеннымъ, особенно офицерами и... соціалъ-демократами; первымъ, чтобы открыть новыя точки зрѣнія, вторымъ, чтобы познакомиться съ трудностью и сложностью введенія милиціи, *понимаемой только въ смыслѣ реформы срока службы, а отнюдь не въ смыслѣ организаціи „національной“ или даже „красной“ гвардіи.*

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно.

А. Васильевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. фонъ-Эльмъ. Соціализмъ и профессіональное движеніе. Переводъ съ рукописи.—*...мъ Луи.* 1) Рабочій и государство. 2) Рабочее законодательство цивилизованныхъ странъ.—*Вернеръ Зомбартъ.* Пролетаріатъ. Эскизы и очерки.

А. фонъ-Эльмъ. Соціализмъ и профессіональное движеніе. Переводъ съ рукописи. (Задачи соціалистической культуры. Изд. перев. Б. Ревзина и І. Постмана, въ Берлинѣ. Вып. VII). Ц. 15 к.
...дъ общимъ заглавіемъ „Задачи соціалистической культуры“ г. Б. Рев...ъ и І. Постманъ издаютъ рядъ книгъ и брошюръ, проводящихъ въ ...едоступной формѣ соціалъ-демократическія идеи. Основная соціалъ-

демократическая тенденція издательства ярко выражена и въ весьма содержательной брошюрѣ извѣстнаго ревизіониста фонъ-Эльма. Соціалъ-демократическіе взгляды автора явно сказываются уже на первыхъ страницахъ работы, въ его оцѣнкѣ чартизма и политической позиціи англійскихъ рабочихъ, никогда несоставлявшихъ самостоятельной рабочей партіи, а „тащившихся въ хвостѣ“ партіи либеральной (стр. 8). Далѣе онъ говоритъ, что „плодотворныя идеи профессіональное движеніе можетъ получать *только* отъ соціализма“, если же соціалистическіе вожди „борются съ нимъ, какъ то, наприм., имѣло мѣсто въ Англіи, то не нужно удивляться тому, что оно принимаетъ все болѣе и болѣе односторонній характеръ и что отъ того понижается какъ матеріальный, такъ и духовный уровень пролетаріата“ (стр. 10).

Эту нѣсколько одностороннюю точку зрѣнія автора, серьезныя возраженія противъ которой могла бы доставить исторія тѣхъ же, черезчуръ узко оцѣниваемыхъ авторомъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, нужно непремѣнно имѣть въ виду при чтеніи разбираемой брошюры. Толково излагая въ весьма сжатой формѣ положеніе профессіональнаго движенія въ Англіи, Америкѣ и Франціи, авторъ подробнѣе всего останавливается на Германіи. Въ этой главѣ онъ между прочимъ даетъ не лишенныя интереса характеристики нѣкоторыхъ сторонъ профессіональнаго движенія вообще. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ, что *„воспитаніе массъ къ самопожертвованію является необходимымъ условіемъ успѣха профессіональнаго движенія, условіемъ гораздо болѣе необходимымъ, чѣмъ въ политическомъ движеніи*, такъ какъ противъ рабочихъ, серьезно примкнувшихъ къ движенію профессіональному, ведется постоянная и жестокая со стороны предпринимателей борьба, ежеминутно грозящая рабочему голодомъ“.

Указывая на то высокое значеніе, которое имѣетъ развитіе профессіональнаго движенія для укрѣпленія политическаго вліянія соціалъ-демократіи, брошюра отмѣчаетъ необходимость участія членовъ партіи въ профессіональныхъ союзахъ, а членовъ союзовъ—въ партіи, и въ этомъ отношеніи интересны слѣдующія строки: „неограниченное признаніе значенія профессіональныхъ союзовъ для завоеванія пролетаріатомъ политической власти впервые высказывается въ резолюціи (партейтага), принятой въ Іенѣ въ 1905 году. Сила профессіональныхъ союзовъ въ ней прямо выставляется, какъ предпосылка длительности успѣховъ, достигаемыхъ политической массовой стачкой“. Изъ этой резолюціи приводятся слѣдующіе тезисы. „Для того же, чтобы примѣненіе этого средства (политической стачки) стало возможнымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ, необходимо величайшее расширеніе политической и профессіональной организаціи рабочаго класса и безпрерывное обученіе и просвѣщеніе массъ путемъ рабочей печати, а также устной и печатной агитаціи. Всякій товарищъ обязанъ, если уже существуетъ или имѣетъ основаться организація, соотвѣтствующая его профессіи, вступить въ нее и поддерживать цѣли и задачи профессіональныхъ союзовъ... Но и всякій членъ профессіональной организаціи съ развитымъ классовымъ самосознаніемъ обязанъ присоединиться къ политической организаціи своего класса—къ соц.-демократіи—и заботиться о распространеніи с.-демократической прессы“ (стр. 41).

Констатируя, что большая часть соціалистовъ проявляетъ печальное непониманіе значенія профессіональнаго движенія, г. фонъ-Эльмъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ профессіональныхъ кругахъ наблюдается переоцѣнка его (стр. 54).

Резюмируя содержаніе своей брошюры, авторъ между прочимъ высказываетъ нѣсколько мыслей, которыя заслуживали бы величайшаго вниманія со стороны русскихъ соціалъ-демократовъ. Онъ говоритъ: „Мы не раздѣляемъ утопическаго предразсудка, что, если бы рабочему классу дѣйствительно удалось внезапно путемъ насилія завладѣть политической властью, то этимъ осуществленіе соціализма подвинулось хотя бы на іоту. Соціализмъ побѣдитъ не благодаря примѣненію грубой дикой силы, а исключительно благодаря воспитанію массъ и культивированію въ нихъ способности къ самоуправленію, къ демократіи“ (стр. 57).

Сѣверянинъ.

Поль Луи. Рабочій и государство. Сравнительная исторія рабочаго законодательства въ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 75 к.—Его же. Рабочее законодательство цивилизованныхъ странъ. Издат. Мягкова „Народная Мысль“. № 23. М., 1906 г. Ц. 35 к. Г. Поль Луи—сторонникъ регламентаціи труда, сторонникъ правильнаго и широкаго взгляда на сущность такъ называемаго рабочаго законодательства, задачи котораго во всѣхъ культурныхъ промышленныхъ странахъ расширяются за послѣднія десятилѣтія съ удивительной быстротой. Во введеніи къ книгѣ „Рабочій и государство“ онъ между прочимъ говоритъ: „Подобно тому, какъ нѣкоторыя положенія, признававшіяся пять-десять лѣтъ тому назадъ непреложными, уступили затѣмъ подъ давленіемъ фактовъ и предъ организованностью человѣчества, другія догмы, до сихъ поръ почти неприкосновенныя, будутъ разрушены въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Можетъ быть, скоро регламентація труда взрослыхъ (мужчинъ) или установленіе minimum'а заработной платы перейдутъ изъ программы рабочихъ конгрессовъ въ дѣйствующіе законы. При ознакомленіи съ истекшимъ столѣтіемъ получаются на этотъ счетъ благопріятныя и утѣшительныя указанія; обнаруживается на каждомъ шагу, даже въ государствахъ консервативныхъ, которыя казались наиболѣе вооруженными для сопротивленія, крушеніе стараго строя и все увеличивающійся напоръ новыхъ разрушительныхъ идей“.

Разбираясь въ исторіи рабочаго законодательства, авторъ вполнѣ правильно останавливается нѣсколько разъ на его отрывочности, безсистемности, случайности во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Ни одна страна не имѣетъ еще настоящаго рабочаго кодекса; ни одно правительство—независимо отъ иниціативы, проявленной парламентскими сферами—не составило еще свода изданныхъ законовъ, чтобы тѣмъ самымъ привести въ порядокъ и отмѣтить существующіе пробѣлы. Несмотря на всѣ усилія послѣднихъ лѣтъ можно было бы указать лишь наброски соціальнаго законодательства и въ тѣхъ странахъ, гдѣ общественная власть предвозвѣстила или даже предприняла наиболѣе широкія мѣропріятія“ („Раб. и госуд.“, стр. 45).

И авторъ, не пытаясь дать цѣльнаго, освѣщеннаго какимъ-либо основнымъ принципомъ, историческаго изложенія своей темы, долженъ послѣ краткаго общаго обзора перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ рабочаго законодательства, оставаясь главнымъ образомъ въ сферѣ такъ называемыхъ фабричныхъ законовъ, такъ какъ они и до сихъ поръ въ огромномъ большинствѣ странъ представляютъ единственную только-нибудь полную систему государственныхъ мѣропріятій по охранѣ труда.

Онъ даетъ послѣдовательно, въ рядѣ отдѣльныхъ главъ,—подробнѣе

всего останавливаясь, конечно, на Франціи,—краткіе очерки по анкетамъ и разработкѣ ститистики рабочаго вопроса, по рабочему договору, по заработной платѣ, затѣмъ останавливается на законахъ о синдикатахъ и корпораціяхъ, на законодательствѣ о стачкахъ, на задачахъ страхованія и борьбѣ съ безработицей, на промысловыхъ судахъ и примирительныхъ камерахъ.

Не всѣ части изложенія одинаково удовлетворительны; кое-гдѣ чувствуется недостатокъ фактическаго матеріала, какъ, наприм., въ главѣ о страхованіи. Замѣчаются и небольшіе промахи. Такъ, напримѣръ, на стр. 334 авторъ говоритъ, что въ Россіи сверхурочныя работы вводятся „путемъ заключенія соотвѣтствующихъ условій съ соизволенія администраціи", очевидно перепутывая наши *обязательныя* и *необязательныя* (по числу часовъ самыя существенныя) сверхурочныя работы и упуская изъ виду, что никакихъ условій относительно послѣднихъ работъ заключать по закону нельзя.

Переводъ, какъ видно отчасти и изъ приведенныхъ цитатъ, не можетъ быть признанъ особенно легкимъ. Но, отмѣчая эти недостатки, мы должны однако сказать, что они съ избыткомъ покрываются положительными качествами книги, которая въ общемъ даетъ всякому, кто приступаетъ къ изученію вопроса, сжатый, полный, толково составленный очеркъ современнаго положенія фабричнаго законодательства. Для лицъ уже знакомыхъ съ предметомъ работа Поля-Луи можетъ служить довольно удовлетворительнымъ справочникомъ; хотя разбираемую книгу и нельзя сравнивать съ такой въ этомъ случаѣ цѣнной работой, какъ извѣстная книга Zauten'а, но она имѣетъ одно неоспоримое достоинство: какъ наиболѣе новая, она даетъ справки о самыхъ послѣднихъ годахъ.

„Рабочее законодательство" того же автора составлено совершенно по тому же плану, какъ и „Рабочій и государство", что видно уже изъ полной тождественности расположенія и названія главъ. Эта книжка имѣетъ всѣ достоинства и всѣ недостатки такъ называемыхъ „сокращенныхъ изложеній". Какъ краткій справочникъ она удобна по объему и доступна по цѣнѣ; какъ книга для серьезнаго знакомства съ предметомъ она слишкомъ сжата, отрывочна и суха. Издана книжка вполнѣ удовлетворительно.

Сѣверянинъ.

Вернеръ Зомбартъ. Пролетаріатъ. Эскизы и очерки. Переводъ съ нѣмецкаго Вл. Романовича и I. Фельдъ. Изд. книгоиздательства „Польза". Ц. 25 к. Отъ каждой вновь появившейся на книжномъ рынкѣ книги, въ особенности, если она вышла изъ-подъ пера какого-нибудь виднаго представителя науки, ждутъ, обыкновенно, чего-нибудь новаго, будь это въ смыслѣ впервые затрогиваемаго вопроса, расширенія рамокъ уже выставленнаго научнаго положенія или же, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ новаго освѣщенія ранѣе разработанныхъ положеній.

Отъ вышеназваннаго труда проф. Зомбарта особенно многаго можно было ожидать въ послѣднемъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что, по его же собственнымъ словамъ, книга эта является *первой попыткой обрисовать особенности существованія и духовнаго міросозерцанія пролетаріата съ опредѣленной точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія изученія пролетарской психики* (стр. 10).

Чтобы подойти, однако, къ этой наиболѣе интересной части своего изслѣдованія, авторъ останавливается самымъ подробнымъ образомъ на описаніи жизненныхъ условій пролетарія. Онъ рисуетъ ихъ при этомъ такими мрачными красками, что даже древнее рабство и средневѣково

крѣпостничество, не говоря уже объ эпохѣ цеховъ, чуть ли не кажутся ему идеаломъ по сравненію съ настоящимъ положеніемъ пролетаріата (стр. 67—68). Въ этой части своего труда авторъ не даетъ ничего новаго. Это все тѣ же старыя жалобы по поводу отсутствія у рабочаго родины, семьи и крѣпостника-хозяина. Авторъ скорбитъ затѣмъ объ исчезновеніи въ рабочей средѣ такихъ добродѣтелей, какъ набожность, почтительность, послушаніе и уваженіе къ авторитету. Къ числу темныхъ сторонъ онъ причисляетъ далѣе эмансипацію дѣтей отъ родителей и эмансипацію жены отъ мужа, т.-е., что въ средѣ пролетаріата женщина не остается, какъ раньше, всю свою жизнь экономически несамостоятельной и въ силу этого подчиненной мужу. Это, однако, еще не все, что потерялъ пролетаріатъ изъ-за введенія капиталистической формы производства. Онъ лишился также единственной утѣхи, доставляемой религіей—надежды на лучшую загробную жизнь, на то, что нищимъ духомъ и обремененнымъ въ вѣчной жизни будетъ житься лучше.

Лишь на 91 стр. (брошюра охватываетъ 106 стр.) авторъ подходитъ, наконецъ, къ намѣченной имъ главной цѣли своего труда, къ характеристикѣ психики пролетаріата. Разрушительное дѣйствіе капитализма должно было выразиться, по его мнѣнію, первоначально въ полномъ духовномъ и нравственномъ банкротствѣ пролетаріата. „Растетъ безнравственный народъ! Какая страшная мысль!“ (стр. 92). Но помимо огрубѣнія въ области нравственности, происходитъ въ то же время запустѣніе и ослѣпленіе и въ сферѣ умственнаго развитія, и въ чисто личной жизни. „Забитость или же грубость—смотря по природнымъ наклонностямъ индивидуума—вотъ первые цвѣты, выросшіе на новомъ корнѣ, посаженномъ капитализмомъ“,—восклицаетъ авторъ.

Вслѣдъ за этимъ преисполненнымъ пессимизма возгласомъ слѣдуетъ, однако, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обоснованный авторомъ оптимистическій заключительный аккордъ. „Все должно измѣниться. Въ темныхъ массахъ пролетаріата назрѣваетъ новая жизнь“ (стр. 94). Оторванность отъ тысячи вѣковыхъ отношеній, исчезновеніе старыхъ воззрѣній, сама новая жизнь, часто профессія—толкаютъ современный пролетаріатъ къ раціональному мышленію и критикѣ. Недовольство жизнью, вызывая въ немъ сначала глухое броженіе, приводитъ его въ концѣ-концовъ при помощи высокоразвитой разсудочной дѣятельности къ сознательному, критическому обоснованію этого недовольства. Авторъ выражаетъ здѣсь сожалѣніе лишь о томъ, что въ своемъ стремленіи къ образованію и критикѣ (типичная черта современнаго горожанина, а въ томъ числѣ и пролетарія) пролетарій останавливается на полдорогѣ, вслѣдствіе чего послѣднія теряютъ свою жизненность и превращаются въ застывшія догмы теоріи и практики—тенета, въ которыхъ свободный человѣкъ можетъ двигаться не свободнѣе, чѣмъ первобытный человѣкъ въ цѣпяхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Другой характерной чертой пролетарской психики является, по мнѣнію автора, классовое самосознаніе пролетаріата, заключающее въ себѣ ...ѣ зародыши новой этики, которую намѣренъ развить пролетаріатъ ...тр. 103).

Главный интересъ книги представляетъ, какъ нами было указано, ...слѣдняя часть ея, а потому не безъ сожалѣнія приходится констатировать, что именно ей авторомъ удѣлено такъ мало вниманія. Такъ ...къ это, однако, только эскизъ, то надо надѣяться, авторъ вернется ...е къ этому весьма интересному и доселѣ мало разработанному во...су. Переводъ сдѣланъ хорошо.

Ф. Гольдштейнъ.

ИСТОРІЯ.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи. Перев. П. Шутякова. Вып. I.—Рабство и освобожденіе негровъ. Состав. *Г. Вилліамъ.*—Восемнадцатое Брюмера Людовика Бонапарта. Соч. Карла Маркса.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи. Пер. П. Шутякова. Выпускъ 1-й. Спб., 1907 г. Ц. 50 к. Первый выпускъ книги Гельда содержитъ въ себѣ краткій обзоръ соціальнаго законодательства Англіи, главнымъ образомъ, съ 1760 по 1832 г. (по отношенію къ землевладѣльческому и земледѣльческому классамъ, торговлѣ, рабочимъ, ремесленникамъ и пр.) и очеркъ соціальной и политической литературы приблизительно за тотъ же промежутокъ времени. Обзору этой литературы посвящена большая часть книги и въ немъ заключается ея главный интересъ. Изложеніе политическихъ ученій у Гельда очень обстоятельно, но эти ученія совсѣмъ не поставлены или поставлены въ очень слабую связь съ соціальной жизнью страны. Установленія связи между общественными ученіями и общественной жизнью мы не могли бы и требовать, если бы не заглавіе книги, которое заставляетъ читателей прежде всего искать въ ней исторіи соціальныхъ отношеній и всего того, что выросло на ихъ почвѣ. По разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ книги критическимъ замѣчаніямъ можно заключить, что авторъ—принципіальный противникъ отвлеченной политической метафизики и радикальныхъ раціоналистическихъ попытокъ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Въ своей антипатіи къ раціоналистическому радикализму авторъ иногда теряетъ безпристрастіе и спокойный тонъ изложенія. Такъ, Томаса Спенса, извѣстнаго сторонника націонализаціи земли въ концѣ XVIII вѣка, Гельдъ называетъ „малообразованнымъ и чрезвычайно ограниченнымъ писателемъ". Онъ приписываетъ ему „умственное убожество" на томъ только основаніи, что Спенсъ рекомендуетъ націонализацію земли, не говоря одновременно о націонализаціи капитала. Если бы Гельдъ жилъ въ настоящее время въ Россіи, то въ такомъ же „убожествѣ" ему пришлось бы упрекнуть цѣлое крупное теченіе русской общественно-политической мысли...

Съ другой стороны, практицизмъ Гельда, отвращеніе къ отвлеченной постановкѣ вопросовъ заставилъ его принять по отношенію къ старому консервативному вигу Эдмунду Берку нѣсколько неумѣренно хвалебный тонъ. О Беркѣ Гельдъ говоритъ: „онъ хотѣлъ господства закона на мѣсто минутныхъ интересовъ и страстей, онъ хотѣлъ свободы въ сочетаніи съ порядкомъ". Къ принципіальному врагу великой революціи, для котораго право давности было сильнѣйшимъ юридическимъ аргументомъ, а предразсудки—идейными устоями общественнаго порядка,—эти слова едва ли могутъ быть примѣнены. Въ политическомъ мышленіи Берка порядокъ всегда имѣлъ преимущество передъ свободой, а законъ былъ для него лишь формальнымъ закрѣпленіемъ исторически сложившихся отношеній современнаго момента.

Тѣмъ не менѣе переводъ книги Гельда долженъ заинтересовать русскихъ читателей обстоятельнымъ и въ общемъ безпристрастнымъ (за указанными исключеніями) изложеніемъ соціальныхъ и политическихъ ученій Англіи. Главный интересъ книгѣ придаетъ то, что Гельдъ выдвигаетъ на первый планъ англійскую соціально-политическую литературу въ качествѣ возбудительницы всего соціальнаго развитія новаго времени. Онъ доказываетъ, что всѣ эгалитарныя, либеральныя, а отчасти соціалистическія (пониманіе противоположности между собственностью и трудомъ) иде-

прошлаго вѣка имѣли своимъ источникомъ Англію конца XVIII и начала XIX вѣка. Если при этомъ роль французской литературы XVIII вѣка и великой французской революціи нѣсколько и затушевывается, то это нельзя ставить въ большую вину Гельду, потому что онъ обратилъ вниманіе на ту сторону вопроса, которую въ послѣднее время большинство политическихъ писателей было склонно оставлять въ тѣни.

Переводъ мѣстами грѣшитъ неправильными словами (утилитаріанизмъ вмѣсто утилитаризмъ, доктринаризмъ вмѣсто доктринерство и т. п.) и тяжелыми оборотами, (напр. „принудительная совмѣстность производства и потребленія") но въ общемъ удовлетворителенъ.

В. Перцевъ.

Рабство и освобожденіе негровъ. Составилъ Г. Вилліамъ. Съ 5-ю рисунками. Изданіе М. Н. Прокоповича. М., 1907 г. Ц. 6 к. Брошюра Г. Вилліама разсчитана, очевидно, на дѣтей и на широкія демократическія массы и не предполагаетъ въ читателяхъ даже самыхъ элементарныхъ историческихъ и этнографическихъ знаній. Авторъ касается исторіи рабства главнымъ образомъ въ Африкѣ и въ Америкѣ и останавливается подробно только на одной сторонѣ рабства—на рабствѣ негровъ и индѣйцевъ у бѣлыхъ. Общій тонъ брошюры является мало выдержаннымъ. Съ одной стороны, авторъ считаетъ нужнымъ объяснять, что такое—негры и чѣмъ извѣстенъ Христ. Колумбъ, съ другой—онъ оставляетъ безъ объясненій такія выраженія, какъ „потребности нарождающагося крупнаго производства" (9 стр.) или „крупное земледѣльческо-промышленное хозяйство плантацій" (10 стр.). Вредитъ книгѣ также нѣкоторая необдуманность въ изложеніи. Такъ, авторъ безъ всякихъ оговорокъ называетъ Африку „чудной, благословенной небомъ страной", хотя дальше чрезъ нѣсколько строчекъ онъ самъ говоритъ о „безлюдныхъ, сожженныхъ солнцемъ степяхъ" Африки. Цѣлью автора, повидимому, является не столько сообщеніе читателямъ научно-популярныхъ свѣдѣній о рабовладѣніи, сколько возбужденіе въ нихъ состраданія къ угнетеннымъ цвѣтнымъ невольникамъ.

Для этого авторъ иллюстрируетъ свою брошюру отрывками изъ романа Бичеръ-Стоу и даетъ рядъ потрясающихъ картинъ тяжелаго положенія невольниковъ. Вѣроятно, брошюра Г. Вилліама достигнетъ своей цѣли, и у читателей дѣйствительно явится отвращеніе къ „гнусной внутренней сущности" рабства, но возникаетъ вопросъ, не поздно ли ставить популярной брошюрѣ такія задачи теперь, когда рабство уже перестало существовать (кромѣ нѣкоторыхъ внутреннихъ частей Африки) и отошло въ область историческихъ воспоминаній?

Что касается до научно-популярной цѣнности брошюры, то кромѣ уже указанныхъ недостатковъ она страдаетъ крайней неполнотой. На изложеніе самой исторіи рабовладѣнія у автора вслѣдствіе поставленной имъ себѣ задачи осталось очень мало мѣста, и ему пришлось ограничиться указаніемъ на наиболѣе элементарные ея моменты. Поэтому брошюру скорѣе можно рекомендовать въ педагогическихъ цѣляхъ, имѣя въ виду возбужденіе въ читателяхъ добрыхъ чувствъ, а не въ качествѣ популярнаго историческаго сочиненія.

В. Перцевъ.

Восемнадцатое Брюмера Людовика Бонапарта (къ исторіи Франціи). Сочиненіе Карла Маркса. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Р. С. Аснесъ. Библіотека „Просвѣщенія". Спб. Цѣна 30 коп. „Восемнадцатое Брюмера" принадлежитъ къ серіи тѣхъ историческихъ брошюръ К. Маркса, которыя должны были служить иллюстрацiей къ

теоріи экономическаго матеріализма. Историческое развитіе является въ этихъ брошюрахъ выраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ, а значеніе каждаго изъ этихъ классовъ объясняется степенью развитія экономическихъ силъ общества и въ конечномъ счетѣ—способами производства и обмѣна. „Восемнадцатое Брюмера“, написанное въ 1852 году подъ живымъ впечатлѣніемъ развертывавшихся предъ глазами автора событій, не имѣетъ, вопреки требованію марксистской догмы, объективнаго характера и, съ одной стороны, содержитъ въ себѣ рядъ горячихъ упрековъ по адресу демократіи, а съ другой—проникнуто суровымъ презрѣніемъ къ буржуазной „партіи порядка“ и къ личности самого Луи-Бонапарта. Демократической партіи Марксъ бросаетъ упрекъ въ томъ, что она не сумѣла усвоить себѣ классовой точки зрѣнія и видѣла въ себѣ представительницу интересовъ не опредѣленнаго класса, а всего „недѣлимаго“ народа и соглашалась въ нѣкоторые моменты выступать солидарно съ средней буржуазіей, тогда какъ ей съ самаго начала слѣдовало строго отграничить себя отъ послѣдней.—Надъ буржуазной „партіей порядка“ Марксъ зло насмѣхается: съ злорадствомъ политическаго врага онъ слѣдитъ за каждымъ ея ошибочнымъ шагомъ и въ ея конечномъ крушеніи, въ разгромѣ, которому подвергъ ее Луи-Бонапартъ, видитъ естественное слѣдствіе измѣны народу, довѣріе котораго эта партія не могла пріобрѣсти даже и тогда, когда ей нужна была опора широкихъ демократическихъ массъ,—въ моментъ наполеоновскаго coup d'etat. Что касается до самого Луи-Наполеона, то въ немъ Марксъ видитъ представителя люмпенъ-пролетаріата, консервативнаго крестьянства и охранителя матеріальной силы буржуазіи, хотя и противника политической и литературной мощи его. Но, выясняя историческое значеніе маленькаго Наполеона, Марксъ желаетъ этимъ развѣнчать и его великаго дядю, ибо первый унаслѣдовалъ традиціи второго, но защищалъ ихъ такъ, что снялъ съ нихъ всякій ореолъ величія и возбудилъ къ нимъ одно отвращеніе. И въ разрушеніи „наполеоновской легенды“ брошюрѣ Маркса принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Имя Маркса, даже какъ историка, стоитъ настолько высоко, что его брошюра въ рекомендаціи не нуждается. Строгость логики, тонкій до изящества анализъ событій и умѣнье за каждымъ внѣшнимъ фактомъ увидать вызвавшую его скрытую силу—дѣлаютъ настоящую брошюру, какъ и всѣ другіе историческіе труды Маркса, классическими образцами историческаго мышленія.—Переводъ, сдѣланный съ 3-го нѣмецкаго изданія, появившагося въ 1885 году и снабженнаго предисловіемъ Энгельса, вполнѣ удовлетворителенъ.

В. Перцевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія.

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Издатель В. С. Спиридоновъ. Москва, 1907 г. Стр. XI + 285. Ц. 80 к. Вышедшая в 1892 г. подъ редакціей *И. И. Янжула* „Книга о книгахъ“ была въ свое время крупнымъ общественно-литературнымъ явленіемъ. Переизданіе е въ теченіе ряда лѣтъ было невозможно по цензурнымъ условіямъ, и этот коллективный трудъ спеціалистовъ, конечно, въ настоящее время является устарѣвшимъ и, главное, неполнымъ. Г. Битовтъ откровенно говоритъ томъ, что „Книга о книгахъ“, изданная подъ редакціей академика Я

жула, послужила ему образцомъ, и онъ даже не уклонился отъ того, чтобы заимствовать самое заглавіе замѣчательнаго указателя 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, что̀ намъ кажется пріемомъ не вполнѣ корректнымъ. Въ общемъ изданіе г. Битовта слѣдуетъ признать предпріятіемъ полезнымъ, могущимъ оказать извѣстныя услуги дѣлу самообразованія. Составитель не гнался за библіографической точностью и выработанностью своего указателя; съ библіографической точки зрѣнія послѣдній составленъ совершенно неудовлетворительно. Но не будучи трудомъ библіографическимъ въ научномъ смыслѣ, книга г. Битовта даетъ обильныя указанія на литературу всѣхъ областей знанія, имѣющихъ значеніе для пріобрѣтенія общаго образованія и выработки міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе чуть ли не на каждой страницѣ видно, какъ спѣшно и частью даже механически составлялся этотъ указатель. Въ первомъ же отдѣлѣ „Философскія науки“ въ рубрикѣ „Логика“ бросаются въ глаза пропуски: изъ новѣйшей учебной литературы пропущены такія основныя произведенія, какъ „Логика“ одесскаго профессора Ланге, представляющая сжатое изложеніе знаменитаго двухтомнаго трактата Зигварта, и „Логика“ Липпса, въ переводѣ Н. О. Лосскаго. Въ рубрикѣ „Философія“ (подрубрика: „Введеніе въ философію“) пропущены „Введеніе въ философію“ проф. Челпанова и классическія „Прелюдіи“ Виндельбанда въ переводѣ С. Л. Франка. Въ отдѣлѣ „Педагогика“ пропущенъ трудъ русскихъ педагоговъ-фурьеристовъ супруговъ Симоновичъ. Въ отдѣлѣ „Историческія науки“ подъ заголовкомъ „Византія и балканскіе славяне“ мы не нашли указанія на замѣчательную монографію Панченка о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи, трудъ, рѣзко порывающій съ научной традиціей о поземельной общинѣ въ византійскомъ государствѣ. На стр. 31 трудъ Буркгардта „Культура Италіи въ эпоху возрожденія“ указанъ почему-то въ старомъ русскомъ переводѣ 1876 года, та же книга на стр. 40 указана въ новомъ переводѣ Брилліанта и, наконецъ, на стр. 98 и 99 почему-то въ обоихъ переводахъ. Въ отдѣлѣ „Русская исторія“ мы почему-то не нашли „Лекцій по русской исторіи“ С. Ѳ. Платонова. На стр. 96 указаны далеко не всѣ имѣющіяся въ русскомъ переводѣ произведенія Карлейля. Въ отдѣлѣ „Русская литература“ въ рубрикѣ „Древній періодъ до XVIII вѣка“ указаны сочиненія о русскомъ народномъ эпосѣ Ореста и Всеволода Миллеровъ и не указана такая работа, какъ изслѣдованіе покойнаго профессора и академика Жданова. На стр. 123 указано, что собраніе сочиненій Герцена въ изданіи Павленкова только еще печатается! На стр. 124 указано (подъ № 1863): „М. Катковъ. Сочиненія 25 т. 75 р.“. Никакого „Собранія сочиненій“ Каткова, какъ извѣстно, до сихъ поръ не существуетъ, а то, что указано подъ этимъ названіемъ въ указателѣ г. Битовта, есть собраніе принадлежащихъ Каткову или прошедшихъ черезъ его редакцію передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей*. На той же страницѣ подъ рубрикой „Новые славянофилы“ указаны сочиненія трехъ писателей: Гильфердинга (?!), Ореста Миллера и Тертія Филиппова и пропущены, что̀ совершенно изумительно, „Россія и Европа“ Н. Я. Данилевскаго и „Дневникъ писателя“ Ѳ. М. Достоевскаго. Рубрика „Радикалы“ составлена почему-то изъ Писарева, Антоновича, Благосвѣтлова и Гольцева. Подъ рубрикой „Этико-соціалогическое направленіе“ рядомъ съ Михайловскимъ и Миртовымъ-Лавровымъ, „Историческія письма“ котораго въ 1907 г. оказываются распроданными и стоятъ, по справкѣ г. Битовта, около 10 р. *),

*) Книга эта въ новѣйшихъ изданіяхъ стоитъ 1 рубль.

поставленъ Н. Г. Чернышевскій; въ ту же рубрику по столь же явному недоразумѣнію г. Битовтъ помѣстилъ и П. Н. Милюкова. Въ рубрикѣ „Соціалъ-демократическое направленіе“, которую и исторически, и по существу было бы правильнѣе замѣнить рубрикой „Марксизмъ“, находимъ книгу Струве „На разныя темы“, изданную въ 1902 г. и относящуюся въ значительной мѣрѣ и по своему содержанію къ направленію, которое г. Битовтъ именуетъ „идеалистическимъ“, и не находимъ „Критическихъ замѣтокъ“ того же автора, явившихся первой книгой русскаго такъ называемаго легальнаго марксизма (книга эта, однако, помѣщена подъ рубрикой „Исторія экономическаго быта“). Вообще классификація книгъ и распредѣленіе ихъ по рубрикамъ у составителя чрезвычайно невыдержанны; встрѣчаются прямо-таки курьезы: такъ, подъ рубрикой „Основные вопросы теоріи политической экономіи“ рядомъ съ сочиненіями Бемъ-Баверка, Франка, Мануилова о цѣнности мы находимъ диссертацію по гражданскому праву проф. Д. Д. Гримма „Очерки по ученію объ обогащеніи“ (годъ изданія этой книги указанъ невѣрно). Очевидно, составитель, не имѣя и понятія о томъ, что есть гражданско-правовая доктрина объ обогащеніи, механически сунулъ заглавіе книги Гримма въ рубрику „Основные вопросы экономической теоріи“.

Укажемъ еще, что въ отдѣлѣ финансовъ пропущенъ извѣстный трактатъ Нитти; въ отдѣлѣ „Полицейское право“ не указанъ учебникъ профессора Дерюжинскаго; въ отдѣлѣ „Судебная медицина“ нѣтъ „Судебной психопатологіи“ Крафта-Эбинга. Указаніе на „Капиталъ“ Маркса игнорируетъ существованіе трехъ различныхъ изданій русскаго перевода важнѣйшаго *перваго* тома знаменитаго трактата. Разныя сочиненія Чичерина, вошедшія въ его „Опыты по исторіи русскаго права“, на страницѣ 197 приписаны Владимирскому-Буданову, что̀, конечно, опечатка.

Рекомендаціи и характеристики книгъ случайны и всѣ заимствованы изъ „Книги о книгахъ“ Янжула и другихъ библіографическихъ изданій.

Намъ потребовалось бы исписать еще нѣсколько страницъ для того, чтобы указать всѣ пропуски, недочеты и ошибки, встрѣчающіеся въ книгѣ г. Битовта. Но, несмотря на эти недостатки, свидѣтельствующіе о небрежности составителя, его книга въ конечномъ счетѣ должна быть всетаки признана практически полезной для лицъ, желающихъ быстро оріентироваться въ имѣющейся на русскомъ языкѣ литературѣ той или другой крупной области знанія.

Петръ Струве.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 іюня по 1 іюля 1907 г.

Андреевъ, Л. Разсказы и пьесы. Т. IV. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Башмаковъ, А. Избирательная реформа въ Австріи. Спб., 1907 г.
Байронъ. Шильонскій узникъ. М., 1907 г. Ц. 15 к.
Бернштейнъ, Э. Стачка. Спб., 1907 г. Ц. 40 к.
Вертенсонъ, В. Непочатый земельный фондъ. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.
Библіотека великихъ писателей. Пушкинъ. Спб., 1907 г.
Брюсовъ, В. Лицейскіе стихи Пушкина. М., 1907 г. Ц. 1 р.
Будде, Э. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань, 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.
Васильевъ, В. Пастухъ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.
Въ помощь рабочему. Сборникъ статей. М., 1907 г. Ц. 20 к.
Гершуни, Г. Изъ недавняго прошлаго. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.
Дилетантъ. Попытка сказать правдивое слово о земельномъ вопросѣ. М., 1907 г. Ц. 25 к.
Каутскій, К. Классовые интересы.
— Революціонныя перспективы. Спб., 1907 г. Ц. 10 к.
Кибуръ, Г. Рабство, какъ система хозяйства. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Купринъ, А. Т. I. Изд. III. Т. III. Изд. II. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Левитскій, В. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Харьковъ, 1907 года. Ц. 70 к.
Лонткевичъ, Е. Таганрогская коммерческая гимназія. Таганрогъ, 1907 г. Ц. 50 к.
Мартовъ, Л. Революціонное движеніе въ Россіи. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.
Мережковскій, Д. Леонардо. Спб., 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.
Мерингъ, Ф. Нѣкоторыя замѣчанія о теоріи и практикѣ марксизма. Спб., 1907 г. Ц. 8 к.
Мейеръ, Э. Рабство въ древнемъ мірѣ. М., 1907 г. Ц. 20 к.
Мнимый, А. Взморье жизни. Драма въ 5 д. Елисаветградъ, 1907 г. Ц. 75 к.
Олигеръ, Н. Разсказы. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Паршинъ, А. Что такое государство? М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Рогозинскій, А. Географія, какъ научная дисциплина. Кіевъ, 1907 г. Ц. 30 к.
Руссо, Ж. Ж. О причинахъ неравенства. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.
Сборникъ „Знаніе". XVII. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Сельскій, Е. По пути къ свободѣ. М., 1907 г. Ц. 50 к.
Сологубъ, Ф. Истлѣвающія личины. К-во „Грифъ". М., 1907 г. Ц. 1 р.
Степнякъ-Кравчинскій, С. Собраніе соч. Ч. III. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Страховъ, Ф. По ту сторону политическихъ интересовъ. М., 1907 г. Ц. 65 к.
Сѣдельниковъ, Т. Борьба за землю въ Киргизской степи. Спб., 1907 года. Ц. 35 к.
Унтерманъ, Э. Діалектическіе этюды. М., 1907 г. Ц. 60 к.
Хавкина, Л. Индія. М., 1907 г. Ц. 80 к.
Хвостовъ, М. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань, 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шестовъ, Л. Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Штирнеръ, Максъ. Единственный и его собственность. Спб., 1907 года. Ц. 1 р.
Шулятиковъ, В. Трэдъ-юніонистская опасность. М., 1907 г. Ц. 20 к.
Эльснеръ, А. Грозный идолъ. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.
Энгельсъ, Ф. Жилищный вопросъ. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.
Энрико, Леонэ. Синдикализмъ. М., 1907 г. Ц. 60 к.
Эритье, Луи. Исторія французской революціи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 80 к.
Яснопольскій, Л. Спеціализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридич. государ. и эконом. въ университетахъ Россіи. Кіевъ, 1907 г.
100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. М., 1907 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

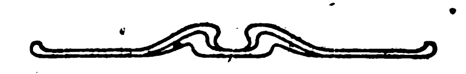
Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

АВГУСТЪ.



МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Техника массажа и врачебная гимнастика. Д-ра А. Рейбмайра. Съ 242 рисунками. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія д-ра А. С. Аршавскаго, съ предисловіемъ проф. Императорскаго Харьковскаго универс. Л. В. Орлова. Ц. 1 р. 75 к.

Учебникъ повивальнаго искусства. Н. Ф. Толочинова. Съ 164 рисунками. Ц. 3 р. 25 к.

Учебникъ женскихъ болѣзней. Его же. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Съ 234 рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р. 75 к.

Токсины со времени возникновенія теоріи ихъ. Д-ра Дм. Щербачева. Часть I, вып. 1-й. Ц. 1 р. 30 к. Часть I, вып. 2-й. Ц. 1 р. 20 к.

О наслѣдственномъ сифилисѣ. Э. Фингера. Перев. съ нѣм. подъ редакц. д-ра П. Г. Крушеля. Ц. 80 к.

Опасна ли холера? А. П—ва. Изд. 2-е. Ц. 4 к.

Современный діагнозъ холеры. Д-ра К. Праусница. Перев. съ нѣмецк. В. П. Успенскаго. Подъ ред. д-ра В. И. Недригайлова. Ц. 60 к.

Начальный курсъ зоологіи. М. А. Мензбира, проф. Императорскаго Московскаго университета. Часть первая: Позвоночныя. 288 стран. текста съ 309 рис. и тремя таблицами въ краскахъ. Второе, пересмотрѣнное изданіе. Ц. 1 р. 30 к. Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. книга допущена въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для учительскихъ институтовъ и семинарій. Главнымъ управленіемъ военно-учебн. заведеній рекомендована для фундаментальн. библ. кадетск. корп. Учебн. Ком. Мин. Фин. одобрена какъ учебное пособіе для коммерческ. учебн. заведеній.

Начальный курсъ зоологіи. Его же. Часть вторая: Безпозвоночныя. 174 стр. текста съ 198 рис. и таблицею въ краскахъ. 2-е, пересмотрѣнное изданіе. Ц. 1 р. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Руководство къ зоологіи. Т. Д. Паркера и В. А. Гасвелль. Переводъ съ англ. М. А. Мензбира. Т. I (первая половина). Съ 317 рис. Ц. 3 р. Т. II (хордальныя). Съ 513 рис. и картой. Ц. 5 р.

Краткая физическая географія. Курсъ VI класса реальн. училищъ. Н. Словцова, директора Тюменскаго реальн. учил. 4-е изд., съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к. (Третье изданіе Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ учебнаго руководства для реальн. училищъ.)

Обозрѣніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. Его же. Изд. 4-е. Ц. 60 к. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

Основной курсъ начертательной геометріи. Пособіе для учащихся и для самообразованія. Ад.-проф. Моск. сельско-хозяйствен. инст. Д. Н. Головнина. Часть 1-я. Точка. Прямая. Плоскость. Съ атласомъ изъ 154 чертежей. Ц. 2 р. 25 к. Часть 2-я. Кривыя поверхности. Съ атласомъ изъ 84 чертежей. Ц. 2 р.

Параллель къ теоремѣ Пиѳагора. Графическое изображеніе выраженій квадратовъ сторонъ, лежащихъ противъ остраго и тупого угла треугольника. Д. Давыдова. Ц. 10 к.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Н. М. Павлова. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Три тома. Ц. по 1 р. 50 к. каждый.

Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Его же. Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія (1362—1862 гг.). Томы I и II. Ц. по 1 р. 50 к. каждый.

Слово о полку Игоревѣ. Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ. Его же. Ц. 50 к.

Учебникъ логики. М. Владиславлева. Изд. 4-е. Ц. 60 к.

Межевой сборникъ. Сводъ законовъ межевыхъ. Б. А. Долгова. Цѣна 7 руб.

Первое продолженіе къ межевому сборнику по изданію межевыхъ законовъ 1893 г. (Т. X, ч. II.) Его же. Безплатное—къ сборнику.

Монетный вопросъ. Съ тремя графиками и 2 таблицами цѣнъ золота и серебра, добычи ихъ и распредѣленія. А. Д. Полѣнова. Изд. 2-е, дополненное главой „Монетная реформа въ Россіи“. Ц. 1 р. 25 к. Книга содержитъ разборъ существующихъ монетныхъ системъ въ связи съ вопросомъ о золотой валютѣ.

О составѣ крестьянскаго сословія. Гр. С. Толстого. Ц. 50 к.

Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. А. М. Бобрищева-Пушкина. Съ атласомъ. Ц. 4 р.

Объявления.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціей проф. П. Ю. Зографа. Все изданіе заключается въ трехъ выпускахъ большого формата, съ 6-ю таблицами рисунковъ въ каждомъ, задача которыхъ дать наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ видѣ народностей, населяющихъ Россію, ихъ одеждъ, жилищъ и пр.

Выпускъ I обнимаетъ; Сѣверный край, Финляндію, Прибалтійскія губерніи, Сѣверозападный край и долину средняго теченія рѣки Вислы. Цѣна 60 коп. *Одобренъ Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщ. для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ класс. среднихъ учебныхъ заведеній.*

Тоже, выпускъ II. Черноземное пространство, Низменное пространство, Степь и Бессарабія, Таврическій полуостровъ и губерніи: С.-Петербургская, Новгородская и Псковская. Цѣна 60 к.

Тоже, выпускъ III. Верховье Волги, по Окѣ и ея притокамъ, Великороссы, средина Волги, Астраханская, Пермская и Вятская губерніи, Мещеряки, Башкиры и Уральскіе казаки. Цѣна 60 к.

Всѣ три выпуска **включены** въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Изданія Д. С. Горшкова.

Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Э. Вандервельде, проф. Ново-Брюссельскаго университ. Перев. съ франц., подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предислов. проф. Моск. с.-х. институт. А. Ѳ. Фортунатова. Ц. 1 р.

Задачи городского хозяйства. А. Дамашке. Перев. съ нѣм. В. Я. Канель, съ предислов. проф. Моск. универс. И. Х. Озерова. Ц. 1 р. 50 к.

Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Проф. И. Х. Озерова. Съ 72 діаграм. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ жизни труда. 1-й сборникъ статей по рабочему вопросу проф. И. Х. Озерова. (Борьба общества и государства съ дурными условіями труда.—Развитіе общечеловѣческой солидарности.—Одинъ изъ экспериментовъ австралійскихъ колоній.—Рабочее законодательство въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи.—Фабричные комитеты и коллективный договоръ.—Общества потребителей.—Кассы взаимопомощи.—Рабочіе клубы въ Англіи.—Бойкотъ.—Соціальный музей.—Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ?) Ц. 1 р. 25 к.

Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. 2-й сборникъ статей проф. И. Х. Озерова. Ц. 1 р. 75 к.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ ред. проф. Москов. университ. А. А. Мануилова. Вып. I. Ц. 1 р. 25 к. Вып. II. Ц. 1 р. 75 к. Содержаніе 1-го вып.: *Вл. Розенбергъ.* Изъ хроники крестьянскаго дѣла. Проф. *В. Хвостовъ.* 1) Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины. 2) Крестьянская поземельная община по проекту Гражданскаго Уложенія. Проф. *А. Мануиловъ.* Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи. Содержаніе 2-го вып.: *В. Ю. Скалонъ.* Крестьянскій банкъ и его недоимщики. Проф. *А. А. Мануиловъ.* 1) Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи. 2) Арендный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ. 3) Проектъ редакціонной коммиссіи объ общинномъ землевладѣніи. Проф. *В. М. Хвостовъ.* Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ. *Л. К. Брейеръ.* Сдача и съемъ надѣльныхъ земель. Проф. *М. Я. Герценштейнъ.* Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904). *Вл. А. Розенбергъ.* Проектъ редакц. коммиссіи о волости.

Современный капитализмъ. Вернера Зомбарта. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. М. А. Курчинскаго. Т. I, вып. II. Генезисъ капитализма. Ц. 1 р. Т. II. Теорія капиталистическаго развитія. Ц. 2 р.

Печатается новымъ изданіемъ съ дополненіями и выйдетъ осенью текущаго года: **Практика Судебнаго Департамента Правит. Сената по торговымъ дѣламъ,** въ 2-хъ томахъ, составл. А. А. Добровольскимъ.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) открыта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

МИМОЛЕТНЫЯ ВИДѢНІЯ...

„Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга... узнавали даже степень свою въ таинствахъ... при первой встрѣчѣ.

Мы всѣ храмовые рыцари".

(А. И. Герценъ. „Встрѣчи").

I.

Чужіе.

Я ѣхалъ скорымъ поѣздомъ изъ Парижа въ Берлинъ, направляясь домой, въ Россію.

Мы только что тронулись. Въ окна вагона врывался шумъ великаго безпокойнаго города, заглушаемый время отъ времени частыми свистками паровоза. Проплыли передъ глазами ярко освѣщенные улицы, дома, мелькающіе огоньки снующихъ экипажей и автомобилей. Потомъ долго тянулись предмѣстья,—и здѣсь ужъ царила тьма, въ которую лишь глядѣли багровые, тусклые квадраты плохо освѣщенныхъ оконъ, и казалось, что мы мчимся надъ безформенными развалинами, усѣянными еще не потухшими кострами. А дальше пошли тихія, ночныя поля, беззвучныя, сырыя, покинутыя человѣкомъ поля глубокой осени...

Тихо, пустынно,—только огненныя нити паровозныхъ искръ, какъ раскаленныя проволоки, прорѣзаютъ густую тьму. Пустынно,—но меня все еще не покидаетъ та странная, тревожная, напряженная и нервирующая власть огромнаго Парижа, которой онъ такъ силенъ, и я чувствую, что это парижское возбужденіе, этотъ духъ центра европейскихъ судорогъ не исчезъ и въ моихъ спутникахъ: они пере- дываются короткими фразами, не спѣшатъ расположиться на но- вку и не торопятся отдать дань заразительной, но немного докуч- вой французской общительности.

Кромѣ меня въ купэ четыре человѣка. Молодой сухопарый фран- зъ съ острыми колѣнями, большими красными руками и черными жами на худыхъ щекахъ; его жена—маленькая, костлявая, съ теньками волосами, съ некрасивымъ, кирпичнымъ, сплошнымъ

румянцемъ на лицѣ. На спинѣ у нея оттопыривается рубецъ корсета. На рукахъ она держитъ небольшую корзинку съ безпокойно мяукающей кошкой. Затѣмъ—толстый, бритый пожилой французъ, съ толстой золотой цѣпью на кругломъ животѣ и широкой, мясистой складкой на короткомъ затылкѣ.

Пятымъ пассажиромъ былъ молодой высокій абиссинецъ.

Еще на перронѣ, прощаясь съ провожавшими меня друзьями, я невольно обратилъ вниманіе на группу людей въ странныхъ, просторныхъ, бѣлыхъ покрывалахъ. Они рѣзко выдѣлялись въ толпѣ парижанъ, какъ снѣжная вершина среди пестрыхъ предгорій, и въ шумливой, беззаботной трескотнѣ французской рѣчи столь же странно и, какъ мнѣ казалось, красиво выдѣлялся ихъ гортанный, чуждый европейскому уху, говоръ. Повидимому, они всѣ не вмѣстились въ одномъ купэ, и мой попутчикъ отдѣлился отъ своей компаніи.

Закрываешь на мгновеніе глаза,—и въ головѣ быстро мелькаютъ спутанные образы и впечатлѣнія парижской лихорадочной жизни... Удивительная, нигдѣ, кажется, кромѣ Парижа, не существующая толпа, которая стоитъ гдѣ-нибудь на площади часъ-два, ничего не дѣлаетъ и—не скучаетъ. И весь этотъ поразительный стиль контрастовъ,—балаганъ рядомъ съ храмомъ; пошлый, плоскій трехъэтажный сундукъ—подлѣ волшебнаго сновидѣнія, воплощеннаго въ храмъ изъ окаменѣлыхъ кружевъ, твореніе религіознаго вдохновенія нѣсколькихъ вѣковъ—Соборъ Парижской Богоматери. Могила Шопена со свѣжими незабудками въ скромной чашечкѣ, принесенными невѣдомымъ, но благоговѣйнымъ почитателемъ—и глянцевитая, тупая стѣна крематорія, съ вдѣланными въ нее фотографіями кокетливо улыбающихся парижанокъ въ высокихъ шляпкахъ. Позолоченная длинная фабричная труба или шея жирафа,—безобразная Эйфелева башня—и старый Лувръ. Эллинская мудрость, поселившаяся въ мраморной богинѣ—и глазѣющіе на нее англичане въ клѣтчатыхъ брюкахъ, съ бедекерами въ рукахъ, изъ скучной толпы которыхъ ей, милосской Венерѣ, какъ мнѣ казалось, когда я стоялъ передъ ней, ничего не стоитъ спокойно и величаво удалиться, сойдя съ пьедестала...

Парижъ, Парижъ!... Парижъ еще гонитъ кровь въ моихъ артеріяхъ. И вдругъ... и вдругъ я открываю глаза, и передъ ними горбоносое лицо изъ темной бронзы, съ крѣпкими бѣлыми зубами. Точно въ одну секунду я какимъ-то волшебствомъ перенесся въ палящую мертвую Африку изъ нервной, суетливой Европы. Странно...

Мой сосѣдъ, жирный плѣшивый французъ, обращается къ этому человѣку съ лицомъ молодого тигра съ какимъ-то вопросомъ, въ ко-

торомъ сквозитъ плохо скрытая снисходительность парижанина къ варвару,—и онъ отвѣчаетъ длинной, гладкой фразой на отличномъ французскомъ языкѣ, послѣ которой его собесѣдникъ протягиваетъ ему руку и широко улыбается. Странно... Тугіе воротнички, подпирающіе жирную шею и затылокъ толстаго, и сухой, острый, бѣгающій кадыкъ молодого француза; кости корсета, какъ обломанныя крылья у птицы, торчатъ на спинѣ некрасивой женщины съ кошкой въ корзинкѣ—и красный, просторный кафтанъ, выглядывающій изъ-подъ бѣлаго покрывала, на гибкомъ станѣ молодого абиссинца. Жиръ, сухія, хрупкія кости, безцвѣтные глаза—и стройный стволъ могучей шеи, сильныя, темныя, мускулистыя руки, глубокіе, темные глаза съ яркими синеватыми бѣлками. Странно...

Мнѣ какъ-то не по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую необъяснимую близость къ этому первобытному человѣку, великолѣпно произносящему по-французски. Близость и какъ будто радость за него, смѣшанную съ безотчетной грустью, съ грустью тогда, когда я пытаюсь мысленно представить его идущимъ по парижскому бульвару или сидящимъ въ ресторанѣ...

Высокій и статный, съ широкими складками покрывала, драпирующимися на таліи, онъ подымается съ мѣста и внимательно смотритъ на карту, висящую на стѣнѣ. На ней—большое черное пятно, съ множествомъ идущихъ отъ него черныхъ нитей,—словно жирное тѣло упитаннаго паука съ длинными щупальцами, забравшимися во всѣ стороны и углы. Это—Парижъ съ прилегающими желѣзными дорогами.

Вдругъ онъ рѣзко и красиво поворачивается и, сверкнувъ короткой, но ослѣпительно-яркой улыбкой, обращается ко мнѣ:

— Извините. Вы ѣдете въ Россію, не правда ли? На родину?

— Да... Вы тоже на родину?

— О, да, въ Абиссинію... Шесть лѣтъ прожилъ въ Парижѣ... Когда вы будете на родинѣ?

— Дня черезъ три... Вамъ долго ѣхать?

— О, да. Вы счастливѣе меня, вы скоро услышите родную рѣчь...

— Но я видѣлъ съ вами соотечественниковъ.

— Да, но это другое...

Я взволновался этимъ короткимъ разговоромъ и мнѣ показалось по заблестѣвшимъ, прекраснымъ темнымъ глазамъ моего собесѣдника, что и онъ волнуется.

— Да, въ Абиссинію...—повторилъ онъ, какъ бы про себя, точно прислушиваясь къ слову «Абиссинія».

Потомъ онъ опустился на мѣсто, ловкимъ движеніемъ накинулъ

на голову широкое покрывало и, весь бѣлый и закрытый, облокотился обѣими руками на колѣни.

Я глядѣлъ на него. Теперь онъ былъ похожъ на большой бѣлый раскаленный камень своей родной Африки—покорный и молчаливый. Но мнѣ казалось въ то же время, что внезапно онъ можетъ выпрямиться, сверкнуть глазами, вскочить на вольнаго кровнаго скакуна и умчаться куда-то вдаль вѣковой пустыни, горяча дикимъ, гортаннымъ крикомъ своего быстраго товарища.

И я ощутилъ новый приливъ радости за этого красиваго человѣка, котораго поѣздъ уносилъ все дальше изъ безпокойнаго Парижа въ родную Абиссинію.

И этотъ африканецъ казался мнѣ роднымъ...

II.

Трудно...

Я сидѣлъ на берегу Женевскаго озера. Была весна, ярко сіяло солнце, и надъ золотистой водяной гладью висѣла легкая, прозрачная лиловая дымка, говорившая сердцу, что зима надолго ушла, и солнечные дни, теплые и ласковые, будутъ стоять долго-долго. На вершинахъ окружныхъ горъ еще не стаялъ снѣгъ, весело сверкавшій подъ яркими лучами, и все озеро въ кольцѣ этихъ горъ, съ тѣснившимися по всему берегу домами и дачами—походило на зеркало въ очаровательной рамкѣ изъ серебра и разноцвѣтныхъ камней, надъ которымъ рѣютъ бѣлыя чайки, оглашая воздухъ мятежными криками. И хотѣлось почувствовать за плечами такія, какъ у чаекъ, крѣпкія, изогнутыя крылья, глубоко вдохнуть больной грудью цѣлый океанъ ароматнаго, опьяняющаго воздуха, высоко вверхъ подняться къ сіяющему небу и поглядѣться оттуда въ дивное зеркало...

Мимо меня снуютъ взадъ и впередъ по набережной гуляющіе, и я сразу опредѣляю, кто изъ нихъ безпечно-здоровъ, и кто попалъ въ этотъ счастливый уголокъ, гонимый недугомъ. Первые или вовсе равнодушны къ величавой красотѣ природы и проходятъ мимо съ такимъ выраженіемъ, точно гуляютъ по городской улицѣ, или же глаза ихъ говорятъ, что все это очень красиво, удобно, пріятно, но и сами они красивы и пріятны—они чувствуютъ себя равными и озеру и горамъ, и небу съ солнцемъ. Больные смотрятъ на природу снизу вверхъ, восхищаются или завидуютъ.

Проходитъ, прихрамывая и опираясь на палку, молодая дѣвушка въ тирольской шляпкѣ. У нея яркій румянецъ на сухихъ маслакахъ, глубокія тѣни подъ глазами, и сѣровато-зеленый налетъ на лицѣ.

Она молча киваетъ мнѣ головой, не отрываясь глазами отъ озера, останавливается и говоритъ:

— Господи, какъ хорошо!... Господи...

На ея сѣрыхъ, прекрасныхъ глазахъ, расширенныхъ отъ восхищенія, блестятъ слезы, и я, переводя это, вырвавшееся изъ чахоточной груди, восклицаніе на языкъ ея мыслей—читаю: «Господи! Какъ трудно, какъ тяжко мнѣ, молодой, съ этой волшебной красотой разставаться, съ этимъ солнцемъ! Господи, помоги мнѣ»!

Приближается телѣжка, а въ ней молодой врачъ съ ампутированными ногами. У него тоже туберкулезъ, и, какъ сообщила мнѣ нанняхъ его жена, везущая телѣжку, скоро придется отрѣзать и руку. Вообще—онъ уже готовъ, и самъ это сознаетъ. Его глаза тоже обращены къ озеру, и я окликаю его жену, сосредоточенно наблюдающую на дорогѣ каждый камешекъ, чтобы не толкнуть телѣжки. Она останавливается и оборачиваетъ ко мнѣ свое печальное лицо съ грустной, но привѣтливой улыбкой, и на немъ я читаю:—неужели и здѣсь, гдѣ такой воздухъ и солнце, *онъ* всетаки умретъ?

А онъ навстрѣчу мнѣ протягиваетъ издали руку и, когда я подхожу къ нему, говоритъ то, о чемъ, повидимому, долго думалъ до этого момента.

— Понимаете?—всю жизнь носилъ рвань, ѣлъ дрянь, потомъ работалъ, какъ каторжникъ, пять лѣтъ безъ перерыва въ медвѣжьей берлогѣ, чтобы потомъ, безногимъ—посмотрѣть на всю эту панораму и, простите каламбуръ, ноги протянуть... Имѣетъ это смыслъ?!

У него злобное и такое страшно-завистливое выраженіе, что я сразу теряюсь и мнѣ становится совѣстно,—зачѣмъ я окликнулъ его.

— Что вы,—говорю я, какъ можно убѣдительнѣе,—у васъ такой превосходный видъ! Вы непремѣнно выздоровѣете. Здѣсь и не такіе поправляются...

Онъ упорно, съ рѣзкой, саркастической гримасой, киваетъ головой—пустяки молъ, знаю—и молчитъ, а жена его радостно восклицаетъ:

— Правда?! Я то же самое говорю... За послѣднюю недѣлю онъ замѣчательно поправился—это всѣмъ видно... Даже въ глаза бросается.

Она говоритъ возбужденно и торопливо, стараясь подавить въ себѣ всякое сомнѣніе, а я пытаюсь перевести разговоръ на другую тему и сообщаю ей первую, пришедшую въ голову, новость съ родины. Она быстро киваетъ головой, глубоко и взволнованно вздыхаетъ и повторяетъ: о, да! Да, да... И такая радость написана на ея лицѣ, что я вижу, что она не слушаетъ меня, а восхищена только

моей увѣренностью въ томъ, что мужъ ея выздоровѣетъ. Съ тѣмъ же счастливымъ лицомъ она увозитъ телѣжку, а я смотрю имъ вслѣдъ и мнѣ хочется сотворить о немъ молитву, какъ о покойникѣ.

Кто-то шутливо надвигаетъ мнѣ сзади на глаза шляпу и въ то же мгновеніе звонко кричитъ надъ самымъ ухомъ:

— Здравствуйте! Угадайте, кто я?

Я долго притворяюсь, что не могу угадать моей любимицы, десятилѣтней шалуньи Юли, и каждый разъ, какъ я называю какое-нибудь имя, она все звонче заливается неудержимымъ смѣхомъ. И вдругъ подымаетъ шляпу и говоритъ:

— А это я, Юля!... Ага, обманула!

Полный эффектъ. Мы садимся рядомъ и весело бесѣдуемъ. Это—безконечно милое существо,—кудрявая, черненькая, румяная, съ крошечнымъ носикомъ, похожимъ на кнопку электрическаго звонка—я люблю пальцемъ прикасаться къ нему и при этомъ говорю: ди-инь!—вся въ ямочкахъ,—и на щекахъ, и на подбородкѣ, и на кончикѣ «кнопки», и такая веселая и подвижная, словно молодая ласточка.

Разомъ я узнаю отъ нея кучу новостей—она сама поймала рыбку удочкой, которую ей далъ подержать старый итальянецъ Севастьянъ, ходила собирать фіалки съ дѣвочками «совсѣмъ маленькими», мамѣ хуже и она вчера весь день лежала, а сегодня ей мама позволила цѣлый часъ кормить чаекъ и лебедей, и одну чайку она чуть не поймала за хвостъ; получили изъ Россіи письмо—дядю Сашу арестовали, мама плакала и говорила, что ему будетъ худо, а завтра она поѣдетъ кататься въ лодкѣ.

Сообщая о болѣзни мамы и объ арестѣ дяди Саши, она чуть-чуть только дѣлается серьезнѣе, да и то видно лишь потому, что вспоминаетъ, что при этомъ были серьезны старшіе, стало быть и ей такъ надо.

Къ берегу направляется парусное судно. Сначала оно кажется крошечнымъ, а паруса—розовыми, потомъ, приближаясь, оно выростаетъ, а паруса становятся бѣлыми, какъ крылья альбатроса. Юля замолкаетъ, молчу и я, и мы смотримъ на идущее прямо на насъ судно. Все ближе и ближе...

Незамѣтно, исподволь, но все сильнѣй и сильнѣй въ моей груди выростаетъ странное ощущеніе. Мнѣ кажется, что судно медленно, но неумолимо идетъ прямо на меня, что его не остановитъ берегъ... Вотъ бѣлыя крылья заслонили гору, потомъ еще шире раздвинулись и скрыли солнце, потомъ весь противоположный берегъ, а судно все идетъ, идетъ. Передъ глазами исчезли всѣ краски, только бѣлая стѣна плавно надвигается, растетъ, глотаетъ все на пути—и не

шелохнетъ. Сдѣлать бы только легкое усиліе, поворотъ головы, глазъ—и исчезнетъ странная, непріятная иллюзія растущей передъ глазами завѣсы, но вотъ это ничтожное усиліе и не дается словно загипнотизированной волѣ и становится страшно труднымъ... Вотъ надвинется, раздавитъ, проглотитъ и пойдетъ дальше, не оставивъ слѣда... И грудь тяжело дышитъ... мысли остановились...

Судно подплываетъ и, какъ разъ въ ту секунду, какъ изъ груди готовъ вырваться крикъ ужаса—толкается о берегъ, и оцѣпенѣніе пропадаетъ. Паруса вздрагиваютъ, качаются, роняютъ силу—исчезаетъ миражъ.

Я съ облегченіемъ перевожу дыханіе и поворачиваюсь къ Юлѣ. Она смотритъ на меня, и я вижу въ глубинѣ ея зрачковъ быстро стирающіеся слѣды того же непонятнаго ужаса, какой только что мною владѣлъ и то же недоумѣніе предъ этимъ ужасомъ. Краска понемногу приливаетъ къ ея поблѣднѣвшему взволнованному лицу, но еще съ полминуты мы оба молчимъ и понимаемъ, что мы пережили одинаковое состояніе страха: я, взрослый, больной человѣкъ, и жизнерадостная малютка—Юля.

— Мнѣ было страшно...—произноситъ она съ робкой улыбкой.

— И мнѣ, Юля...

Черезъ минуту она болтаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а я молча смотрю на нее и думаю:—милая, родная Юля! Что это было? Чего мы оба ужаснулись? Трудной жизни, которая у меня ужъ, можетъ быть, на исходѣ, а для тебя только открываетъ свою завѣсу? Неумолимой судьбы и тяжелой ея поступи? Рока? Слѣпого рока?

Озеро, лиловая дымка, сверкающія горы, кричащія чайки, бѣлые лебеди, сіяющая Юля...

Умирающая дѣвушка, безногій умирающій докторъ, дядя Саша, скорби, болѣзни, скорби, болѣзни... Смерть.

Отъ вѣка до вѣка?! Отъ вѣка до вѣка?!

III.

Медвѣжонокъ.

Въ К. все было готово къ погрому, и еврейская молодежь спѣшно организовывала самооборону. «Рядовыхъ» было не мало, но ощущалась недостача въ предводителяхъ—«десятникахъ» и «сотникахъ», потому что нервная, задерганная еврейская масса почти не имѣла въ своихъ рядахъ спокойныхъ, хладнокровныхъ и увѣренныхъ людей, которые въ критическую минуту не испортили бы дѣла слишкомъ раннимъ или позднимъ, наконецъ, неумѣлымъ выступленіемъ, лож-

нымъ шагомъ. И поэтому нѣкоторые десятки поневолѣ были поручены людямъ, въ которыхъ плохо вѣрили.

Такимъ былъ предводитель четвертаго десятка, гимназистъ 7-го класса Миша, съ некрасивой фамиліей—Колтунъ. Это былъ грузный, полный парень, сутуловатый, съ короткой шеей и невыразительными глазами на ординарномъ лицѣ, съ тяжелыми, потными руками и развалистой походкой, за общую неуклюжесть прозванный «медвѣжонкомъ». Онъ часто сидѣлъ по два года въ классѣ и выглядѣлъ уже взрослымъ юношей, благодаря грязно-желтой неровной растительности на лицѣ.

Ему поручили десятокъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не ожидали начала погрома—на главной улицѣ города, съ присутственными мѣстами, соборами и немногими еврейскими магазинами.

Рано утромъ того дня, какъ произошелъ погромъ, я посѣтилъ квартиру четвертаго десятка. Во флигелѣ, въ большой низкой комнатѣ съ столярнымъ верстакомъ, двумя широкими кроватями, застланными красными, грязными, глянцевитыми одѣялами, двумя небольшими столами и нѣсколькими табуретами, лежало и сидѣло человѣкъ 12—15 молодежи. Было страшно накурено и пахло кислымъ хлѣбомъ. Въ табачномъ дымѣ, при сѣроватомъ свѣтѣ туманнаго, осенняго утра, молодыя лица выглядѣли безжизненными, тусклыми, безплотными, какъ тѣ лица-тѣни, что толпятся въ теряющейся глубинѣ нездороваго сновидѣнія.

Грязное утро, грязная обстановка. На столѣ—бутылка съ водкой, наполовину выпитой, и тарелка съ селедкой и огурцами. Разговоры—отрывистые. Ночью нѣкоторымъ приходилось дежурить, и теперь они дремлютъ; изрѣдка раздается безсвязный, прерывистый сонный бредъ.

Медвѣжонокъ развалисто шагаетъ изъ угла въ уголъ, ни на кого не глядя. Онъ въ старомъ суконномъ гимназическомъ пальто, застегнутомъ сверху на одну пуговицу, и на поворотахъ—полы развѣваются, точно вспугнутая птица взмахиваетъ крыльями.

Я подхожу къ нему и молча пожимаю его потную руку, которую онъ всегда подаетъ не сгибая, какъ неживую. Кратко передаю ему порученіе «сотника». Онъ смотритъ на меня своими вялыми глазами, цвѣта грязной пакли, которою обросло его лицо, и ихъ выраженіе не мѣняется. И я невольно съ тяжелымъ и злымъ чувствомъ думаю: если въ его десяткѣ есть люди съ мужествомъ, онъ въ нихъ убьетъ его своими глазами.

Онъ останавливается среди комнаты и, глядя въ окно, произноситъ ровнымъ, холоднымъ голосомъ, вовсе не выговаривая звука «р»:

— Това'ищи. Тщательно осмот'ите 'евольве'ы. Безъ п'иказанія ничего не дѣлать. Выст'ѣлившій самовольно, 'искуетъ жизнью—помните. Пе'вый залпъ, во всякомъ случаѣ, въ воздухъ. Если меня убьютъ или 'анятъ—команда пе'еходитъ къ Ступчису, если и его—къ Ноткину.

Приказаніе исполняется. Щелкаютъ револьверные затворы, четко звякаютъ пули, всаживаемыя въ барабаны. Медвѣжонокъ внимательно осматриваетъ и перерыжаетъ свой револьверъ, потомъ опускаетъ его во внутренній боковой карманъ блузы и опять мѣрно шагаетъ изъ угла въ уголъ, по діагонали.

Противъ ожиданія громилы, очевидно, рѣшаютъ начать съ главной улицы, а не съ окраины или базара, какъ думали. Изъ собора валятъ толпы, отъ нихъ отдѣляются группы и собираются около магазина винъ. Изъ сосѣднихъ участковъ быстро является еще два десятка самообороны, а общая команда переходитъ къ Медвѣжонку, по мѣсту его десятка—такова диспозиція.

На одной сторонѣ улицы, возлѣ магазина, уже плотная масса громилъ, на противоположной—растянулась цѣпь самообороны, въ видѣ ломанной линіи, не замкнутой трапеціи. Нѣсколько впереди цѣпи расхаживаетъ вдоль нея сутуловатый гимназистъ въ застегнутомъ на верхнюю пуговицу пальто. И тамъ и здѣсь—сосредоточенное молчаніе. Одиноко бухаютъ колокола. Туманъ застилаетъ улицу, и что̀ творится вправо и влѣво отъ стоящихъ другъ противъ друга враговъ—не видно.

Къ магазину подходитъ низенькій помощникъ полицеймейстера, Прядкинъ, и что-то тихо говоритъ. Въ отвѣтъ ему раздается нестройное, сдержанное, неразборчивое ворчаніе толпы и оттуда бросаютъ тяжелые взгляды въ сторону самообороны. Прядкинъ переходитъ улицу, придерживая длинную, не по росту, шашку, и направляется къ Медвѣжонку, издали еще улыбаясь ему, какъ дорогому пріятелю.

— Послушайте, господинъ Колтунъ,—говоритъ онъ, дѣлая попытку обнять его за талію, отъ чего гимназистъ неуклюже отстраняется,—уведите вы свою армію.

— Уведите свою,—ровнымъ, но твердымъ голосомъ отвѣчаетъ Медвѣжонокъ.

Прядкинъ густо краснѣетъ и нѣсколько секундъ видимо находится въ нерѣшительности: оскорбиться или принять за шутку—и рѣшаетъ послѣднее.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Я вамъ ручаюсь, что ничего не будетъ. Люди просто собрались по случаю праздника, безъ всякихъ

преступныхъ намѣреній. Къ тому же, въ случаѣ чего, власть достаточно сильна, повѣрьте... Вы ихъ только раздражаете.

— Мы тоже безъ п'еступныхъ намѣ'еній, а въ цѣляхъ самозащиты. Вѣдь вы знаете, что мы не пог'омщики.

— Вотъ что, господинъ Колтунъ,—говоритъ Прядкинъ, сгоняя съ лица улыбку,— я послѣдній разъ совѣтую вамъ увести своихъ воиновъ. Вы—гимназистъ, а не охранитель порядка...

— Жалуйтесь на меня гимназическому начальству,—обрываетъ его Колтунъ.

— Мы не можемъ допустить, чтобы кто-нибудь бралъ на себя обязанности законной власти. Вы пожалѣете.

— Можетъ быть,—говоритъ Медвѣжонокъ и отходитъ отъ него.

— Ступайте! По домамъ!—командуетъ Прядкинъ.

Никто не шелохнулся. Онъ гнѣвно поворачивается и удаляется быстрыми шагами. Остаются попрежнему враги лицомъ къ лицу— и больше никого.

Въ толпѣ громилъ какое-то движеніе. Потомъ тамъ рождается гулъ, словно шумъ налетѣвшей волны, и одновременно раздается звонъ разбитаго стекла и звяканье желѣзныхъ рѣшетокъ магазинныхъ оконъ и дверей.

Гимназистъ быстро поворачивается лицомъ къ толпѣ.

— Сейчасъ будемъ ст'ѣлять! Вонъ отсюда!—кричитъ онъ, и въ его голосѣ, обыкновенно тускломъ, слышится звонъ туго натянутой, металлической струны. Въ отвѣтъ раздается громкій смѣхъ и гоготанье. Трещатъ рѣшетки.

Медвѣжонокъ оборачивается къ товарищамъ, и отъ его взгляда сама собою выравнивается ихъ линія, и я чувствую, какъ крѣпко сжимаются мои руки. Въ глубинѣ его глазъ точно горятъ угольки, и отъ ихъ стального блеска вѣетъ грознымъ мужествомъ. Они, какъ молнія, быстро обѣгаютъ всю цѣпь, и тѣмъ же металлическимъ голосомъ онъ произноситъ, отходя къ флангу:

— Залпъ!

Сухой трескъ, какъ звукъ близкаго, короткаго грома. Дымокъ медленно расплывается въ туманѣ. Въ толпѣ—новый взрывъ гоготанія и смѣха, и отдѣльныя восклицанія:

— Картошкой стрѣляютъ!... Задушу!... Окаянные!...

Отъ толпы громилъ отдѣляется группа и выступаетъ впередъ, ближе къ намъ. Мелькаютъ знакомыя, примелькавшіяся на постахъ физіономіи и фигуры... Бритыя, подстриженныя. Странная, несвойственная одежда.

— Това'ищи!—отчеканиваетъ Медвѣжонокъ,—цент'альный де-

сятокъ впе'едъ! Това'ищи! не жалѣть себя. Мѣтить точно, дѣйствовать увѣ'енно,—обращается онъ къ выступившему десятку.—Залпъ!

Почти одновременно раздаются залпы съ той и другой стороны. Медвѣжонокъ и еще двое изъ самообороны падаютъ; новый залпъ самообороны. Среди громилъ смятеніе. Мы перебѣгаемъ улицу и гонимъ ихъ. Сбоку въ туманѣ вырисовывается цѣпь драгунъ. Мы поспѣшно возвращаемся, подбираемъ убитыхъ и раненыхъ и уносимъ ихъ въ квартиру четвертаго десятка.

Медвѣжонокъ убитъ наповалъ пулею въ грудь навылетъ. Лицо его спокойно, а въ маленькихъ глазахъ застыла грозная рѣшимость.

И это некрасивое лицо запечатлѣно тѣмъ величіемъ вдохновеннаго вождя, какимъ онъ поразилъ насъ въ предсмертный моментъ, когда онъ спокойно отдавалъ свою жизнь за поруганнаго человѣка и звалъ насъ къ этому.

Онъ нашъ теперь—навѣки.

IV.

Вѣщій крикъ.

Трагическій переломъ многодневныхъ мукденскихъ битвъ—отъ стихіи борьбы къ стихіи паническаго смятенія—запечатлѣлся въ моихъ воспоминаніяхъ однимъ яркимъ образомъ—фигурой батарейнаго командира Степного. Я увидѣлъ его, всегда спокойнаго, сѣдого красавца, впереди взвивающихся на дыбы, бьющихъ копытами лошадей, скачущихъ въ густой толпѣ охваченныхъ слѣпымъ ужасомъ солдатъ. Прыгали орудія по ухабамъ, падали люди подъ ноги бѣгущимъ, гремѣли близкіе выстрѣлы.

Степной, когда я его замѣтилъ, стоялъ ко мнѣ спиной на пути бѣгства и стрѣлялъ изъ револьвера впереди себя, пытаясь задержать живой потокъ людей; но, когда скачущія лошади приблизились почти вплотную къ нему, онъ вдругъ круто повернулся, отбросилъ револьверъ и побѣжалъ со всѣми. И тутъ я увидѣлъ его одичалое, сведенное судорогой, побагровѣвшее лицо. Папаха свалилась съ его бѣлой, взлохмаченной головы, руками онъ раздиралъ воротъ мундира съ бѣлымъ крестомъ и онъ одинъ, всегда спокойный, красивый и внушительно-важный, а въ это мгновеніе—растерзанный и дикій, какъ ночной кошмаръ, поразилъ меня ужасомъ сильнѣе, чѣмъ вся картина слѣпого смятенія.

Это произошло въ сумерки, и всю ночь мы безостановочно отступали на сѣверъ. Силъ давно не было, но теперь я понимаю, что если и передъ нами простиралась безпредѣльная равнина, а ночь не имѣла

конца, мы все шли бы, не останавливаясь, падая на ходу, покуда не полегли бы всѣ до одного. Пылали зарева, при свѣтѣ которыхъ я видѣлъ, какъ по чугунным, грубымъ, обвѣтреннымъ лицамъ пожилыхъ, длиннобородыхъ людей, катились слезы, выжатыя изъ крѣпкихъ сердецъ смертельной усталостью. Слышались то далекіе, то близкіе орудійные выстрѣлы, и все вокругъ твердило о полной безнадежности. И зарева грозно качались на ночномъ небѣ, точно взлетая и опускаясь на могучихъ крыльяхъ, и тоже твердили намъ, слѣпо бредущимъ отъ смерти къ смерти: безнадежно... безнадежно...

Потомъ мы набрели на такихъ же, какъ и мы. Они сидѣли и лежали на мерзлой, жесткой землѣ, и было тихо, только вѣтеръ гудѣлъ злымъ, прерывистымъ воемъ, ударяя въ лицо снѣгомъ, колючимъ, сухимъ, какъ песокъ, а люди молчали и не курили; и не было костровъ. И тѣ, что шли со мной, тоже безъ словъ и, кажется, безъ мыслей, опустились на землю, будто знали, куда и зачѣмъ они пришли...

Я разыскалъ офицера и спросилъ его о причинѣ остановки. Оказалось, что впереди какая-то задержка—пробка, а какая?—и онъ не зналъ. Я пошелъ впередъ и, отойдя съ полверсты отлогимъ скатомъ, попалъ въ ущелье, съ выходившей изъ него узкой дорогой. Потомъ на дорогѣ попалась порожняя двуколка, другая, и, наконецъ, впереди мелькнулъ слабый огонекъ. Приблизившись, я увидѣлъ, что огонь свѣтится въ маленькомъ оконцѣ временнаго деревяннаго барака, какіе служатъ краткимъ этапомъ для раненыхъ, и я зашелъ туда.

Въ баракѣ находился нашъ корпусный командиръ, маленькій бритый старичокъ съ бѣлыми, какъ пухъ, усами на румяномъ лицѣ, еще незнакомый генералъ и нѣсколько офицеровъ изъ штаба корпуснаго. Затѣмъ, четыре санитара и двое тяжело раненыхъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ, сжавшись въ комокъ, тихо стоналъ и стучалъ зубами, а другой, длинный и сухой, лежалъ на нарахъ вытянувшись, широко, раскинувъ руки и безпрестанно перебрасывалъ голову то вправо, то влѣво. Кромѣ того, на полу и на нарахъ лежало нѣсколько труповъ. Баракъ освѣщался небольшимъ фонаремъ.

Я отошелъ къ сторонкѣ и безъ мыслей смотрѣлъ на происходившее. При мнѣ санитары унесли одного раненаго, потомъ вернулись и забрали другого. Потомъ, войдя, оглядѣлись и стали въ ожиданіи приказанія. Генералы съ штабными тихо между собой о чемъ-то переговаривались.

Въ это время одинъ изъ санитаровъ отдѣлился отъ товарищей, приблизился ко мнѣ и сказалъ робкимъ, почтительнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе, поглядите-ка: чудной мертвякъ...

Я машинально взглянулъ въ сторону, куда онъ кивнулъ головой. Посреди барака стояла квадратная глиняная печь съ желѣзной трубой, уходившей въ крышу. На полу, прислонясь спиной къ печи, сидѣлъ молодой японецъ и... глядѣлъ на меня. Я невольно отодвинулся въ сторону, но онъ продолжалъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза. Санитаръ сказалъ—мертвякъ, но лицо японца было живое лицо, съ живымъ отраженіемъ фонарнаго свѣта въ темныхъ, маленькихъ, коричневыхъ глазахъ. И страннымъ, жуткимъ было ихъ выраженіе и поворотъ его головы, откинутой чуть назадъ и набокъ—точно онъ пристально всматривался. Мнѣ показалось, что онъ смѣется надо мной, знаетъ меня насквозь, тѣшится моей глубокой безпомощностью и говоритъ про себя: «жаль мнѣ тебя маленькаго, жалкаго, неосмысленнаго, ничтожнаго. Жаль мнѣ тебя...»

Я съ трудомъ оторвалъ глаза отъ японца, невольно оглянулся кругомъ и замѣтилъ, что и корпусный съ другимъ генераломъ и штабными смотрятъ на него и, пожалуй, это они о немъ сейчасъ разговаривали. Въ эту минуту корпусный переступилъ на мѣстѣ и обратился къ санитарамъ, взявшимъ подъ козырекъ:

— Вотъ что, братцы, положите-ка *его* на нары.

Двое санитаровъ тотчасъ приблизились къ японцу, подняли его маленькое тѣло и понесли къ нарамъ. Онъ, не мѣняя изгиба головы, какъ обыкновенно мѣняютъ мертвецы, продолжалъ пристально смотрѣть на меня и, вѣроятно, на другихъ...

— Поверните его къ стѣнкѣ носомъ,—сказалъ корпусный съ дѣланной улыбкой.

Санитары переложили его къ намъ спиной, но только отняли руки, какъ онъ медленно, не мѣняя положенія головы и рукъ, перевалился къ намъ лицомъ...

— Да что онъ, чортъ его возьми, живой? Притворяется!...— услышалъ я за собой дрогнувшій голосъ маленькаго генерала, когда быстрыми шагами направлялся къ японцу.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, какъ есть мертвый, только понятно, по морозу дюже закоченѣлъ, потому и гнется въ одинъ бокъ... какъ его смерть застала...

Я притронулся къ японцу. Онъ былъ несомнѣнно мертвъ, и солдатъ былъ правъ: трупъ окаменѣлъ на морозѣ и поворачивался по сохраненному въ смерти положенію. И близко онъ все такъ же смотрѣлъ на меня: насмѣшливо, снисходительно, съ презрительной жалостью.

— Накройте его,—распорядился корпусный, собираясь покидать аракъ.

Одинъ санитаръ закрылъ трупъ рванымъ китайскимъ одѣяломъ,

валявшимся на полу. Для чего это понадобилось? —не знаю, вѣдь сейчасъ же всѣ покидали это мѣсто навсегда. Но, странно, я сочувствовалъ генералу и былъ въ душѣ благодаренъ ему за его приказаніе...

Воетъ вѣтеръ, мерцаетъ слабый огонекъ фонаря, звенятъ стекла въ оконцѣ отъ ударовъ жесткаго снѣга, гудитъ и воетъ въ желѣзной трубѣ ночной вѣтеръ, какъ голодный, бездомный волкъ... Трупы... И тѣло насмѣшливаго «мертвяка», казалось, упорно глядящаго мнѣ въ душу изъ-подъ покрывала. Одинъ за однимъ всѣ удаляются изъ барака. Какой-то мистическій страхъ, страхъ первобытнаго человѣка, жуткій, неясный, смутный, какъ неразборчивая, прерывистая рѣчь тяжелаго бреда, переполняетъ меня. Вотъ послѣдній уходящій санитаръ беретъ со стола фонарь,—и всѣ тѣни разомъ сдвигаются, пляшутъ, перемѣшиваются съ трупами, наполняютъ углы и мечутся во всѣ стороны.

Я выхожу послѣдній, чувствуя за спиной взглядъ японца. Какъ будто начинаются утреннія сумерки,—тьма посѣрѣла, и такая же смутная, жуткая, безформенная и напряженная, какъ то, что давитъ мнѣ мозгъ... душу...

. . . .

— Ахъ!...

Я судорожно хватаюсь за стѣнку барака, и все тѣло мое дрожитъ мелкой дрожью. Гдѣ-то, совсѣмъ близко, разорвавъ гнетущую, сосредоточенную тишину, раздается пѣніе пѣтуха:

Ку-ка-реку!... Три раза подъ-рядъ, громко, бодро, съ заразительной жизнерадостностью! И слышно хлопанье крыльевъ.

Въ сердцѣ вдругъ вспыхиваетъ яркая искра. И быстро разрастается и гонитъ прочь безформенные, мрачные кошмары. Точно сильнымъ ударомъ разбита чугунная доска, налегавшая на измученный мозгъ, надгробная доска, впившаяся въ могилу, и осколки летятъ со звономъ во всѣ стороны! Мысли вдругъ зароились въ головѣ и тѣснятся дружной толпой, и живыя чувства вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ.

Я вѣрю, я вѣрю, что еще будетъ жизнь и красота и очарованіе и радостныя волненія! Я вѣрю!...

И вдругъ я почувствовалъ, что во взглядѣ страннаго японца была еще и ласка, ласка мнѣ, измученному, отъ поверженнаго брата...

V.

Прощай!...

Въ послѣдніе дни пышнаго августа мнѣ пришлось совершить однодневное путешествіе по южному берегу Крыма съ большой компаніей незнакомыхъ людей. Собравшись со всѣхъ концовъ Россіи, мы соединились на одинъ день для общей цѣли—путешествія—ознакомились, говорили, помогали другъ другу, быть можетъ, заинтересовались, а вечеромъ, когда возвратились къ тому мѣсту, откуда утромъ пустились въ дорогу, обмѣнялись рукопожатіями и разошлись, скрадываемые рѣзкими южными сумерками, точно растаяли въ людскомъ океанѣ...

День выдался великолѣпный. Наканунѣ прошелъ обильный дождь, и всѣ краски богатаго Крыма ожили, точно гигантская рука разомъ сдернула съ природы густую вуаль. Синѣло жаркое небо, дышали пламенемъ раскаленныя горы съ темными ущельями и сѣрыми строгими утесами; и море тихо дышало глубокой, но сдержанной страстью, и палящее солнце въ нѣгѣ блуждало по его открытой, богатырской, атласной могучей груди...

Отъ влажныхъ поцѣлуевъ солнца и моря сильнѣе билось сердце въ груди, и ярче играла въ жилахъ кипучая кровь.

Жарко, но не душно. Море обвѣваетъ берегъ невидимыми крыльями, ласкаетъ лицо, шею, грудь. И, только качнувъ волной съ яркимъ, ослѣпительнымъ лезвіемъ солнца на гребнѣ,—безъ словъ говоритъ, сколько таитъ оно зноя въ себѣ.

На изгибахъ берега, вдоль котораго вьется шоссе, видна вся длинная процессія. Мелькаютъ бѣлые крымскіе экипажи, лакированныя, глянцевитыя спицы колесъ, свѣтлые и пестрые костюмы, зонтики, незнакомыя лица. Вѣроятно, издали, съ моря—все это походитъ на пеструю ленту полевыхъ цвѣтовъ разнаго колера. Слышится звонъ голосовъ путешественниковъ, переговаривающихся съ ѣдущими впереди или позади.

Со мною въ экипажѣ двѣ дѣвушки, очевидно сестры, въ одинаковыхъ костюмахъ: синихъ юбкахъ и бѣлыхъ кофточкахъ, въ войлочныхъ широкополыхъ шляпахъ. Онѣ очень походятъ одна на другую, но у обѣихъ такія измученныя лица, что смотрѣть жалко. Кто онѣ? я такъ и не узналъ, потому что онѣ съ какимъ-то испугомъ отвѣчали на вопросы и на привалахъ держались особнякомъ, не втягиваясь въ общую бесѣду. Судя по виду ихъ, я думаю, что это были телеграфистки, телефонистки или служащія въ какой-нибудь шумной конторѣ, гдѣ имъ приходилось дѣлать торопливую, неинтерес-

ную, долгую работу, разобщившую ихъ съ живыми людьми, природой, здоровымъ отдыхомъ. Такіе люди, попадая въ Крымъ, обыкновенно запоминаютъ объ немъ лишь то, что обозначено въ путеводителяхъ.

Напротивъ меня сидитъ молодая женщина, удивительно тонкая и высокая, въ гладкомъ сѣромъ платьѣ съ высокимъ воротникомъ и маленькимъ саквояжемъ черезъ плечо, съ великолѣпными свѣтлыми волосами, нѣжнымъ овальнымъ лицомъ и большими глазами съ умнымъ и нервнымъ блескомъ. Я сначала принялъ ее, стройную и изящную, за молодую дѣвушку и очень удивился, когда помѣстившійся на отдѣльномъ сидѣньи, сзади экипажа, некрасивый веснущатый гимназистикъ въ фуражкѣ, оттопыривавшей ему большія, плотныя уши,—назвалъ ее мамой.

У ней такой строгій, серьезный видъ, что я не рѣшаюсь задать ей обычныхъ вопросовъ попутчика:—давно ли она въ Ялтѣ, изъ какихъ краевъ и т. д.—и даже какъ-то робѣю... Но она первая заговариваетъ—просто, непринужденно, но серьезно.

Въ ея лицѣ, въ этомъ взглядѣ блестящихъ глазъ, привлекательномъ, но сдержанномъ и точно скрытномъ,—мнѣ что-то знакомо... Очень близкое... безконечно далекое... родное и навсегда исчезнувшее... Легко бы вспомнить, но что-то внутри сопротивляется воспоминанію...

Она обращается къ одной изъ дѣвушекъ-сестеръ съ какой-то незначительной фразой и при этомъ открыто и привѣтливо улыбается, и въ это мгновеніе я вспоминаю...

Она опять обращается ко мнѣ въ томъ же простомъ, но сдержанномъ тонѣ и улыбается въ разговорѣ со мной только углами рта, а глаза остаются серьезными. Потомъ заговариваетъ съ попутчицами и на ихъ односложные отвѣты, робкіе и полуиспуганные, добродушно киваетъ головой и свѣтлѣетъ лицомъ. Мнѣ досадно, почему только имъ и ласка и привѣтъ, почему не мнѣ также. Вѣдь вотъ разговариваетъ она со мной вольно и свободно!

Когда въ непринужденной бесѣдѣ незамѣтно прошло больше часу, я, послѣ нѣкоторыхъ усилій, рѣшаюсь, наконецъ, ее спросить, откуда она и зачѣмъ въ Ялтѣ. Оказалось, что въ Ялтѣ она съ больнымъ мужемъ, учителемъ гимназіи одного изъ приволжскихъ городовъ.

— У мужа плохое сердце, ему необходимо спокойствіе, а онъ постоянно раздражается. Раздражаютъ ученики, начальство, и раздраженіе у него вошло ужъ въ характеръ: когда нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, онъ всетаки нервничаетъ...

Она сдвигаетъ брови и, задумавшись, смотритъ на море. Я молчу, а она говоритъ мнѣ, почти незнакомому человѣку:

— Такъ ужъ почти десять лѣтъ... Тяжелый онъ человѣкъ, и Митя мой похожъ на него...

Мнѣ кажется, что она думаетъ вслухъ, и я отвѣчаю тѣмъ же:

— Простите меня. Я принялъ васъ за молодую дѣвушку, а у васъ сынъ-юноша. Даже странно...

Я сразу чувствую, что это грубо и лишне и, осѣкшись, не кончаю фразы, но она отвѣчаетъ задумчиво, но просто:

— Да, это странно. Только видъ у меня молодой, да и лѣтъ немного, всего 27. Но я старая...

Бываетъ такъ, что человѣкъ скажетъ нѣсколько простыхъ словъ, а передъ глазами встаетъ длинная перспектива дней, мѣсяцевъ, лѣтъ. Такъ это было въ ту минуту, и она поняла, что я смотрю на нее и вижу вереницу трудныхъ, однообразныхъ дней, въ которыхъ запуталась, затерялась, обезцвѣтилась ея молодая жизнь. И она еще ближе свела брови, и по бѣлому, благородному лбу легла поперекъ борозда.

Потомъ мы долго молчали, и я, привычнымъ движеніемъ мысли, быстро развернулъ и просмотрѣлъ свитокъ своей собственной жизни... Сначала безпечальные дѣтскіе годы, съ образами и волненіями, рождающими теперь радостный смѣхъ, яркіе, легкіе, игривые и счастливые, какъ звонкая трель соловья, какъ весеннее утро; дальше—остановка на точкѣ, съ расходящимися дорогами, напоръ силъ и чувствъ, которыя опережаютъ мысль. Потомъ, вдругъ, ослѣпительная искра, клубокъ свѣтлыхъ улыбокъ, буйнаго счастья, страстныхъ порывовъ, точно пареніе на необъятной высотѣ надъ необъятнымъ горизонтомъ, точно быстрый потокъ кипящей, клокочущей лавы!

И внезапный провалъ въ яму, непонятный, горькій, болѣзненный...

Затѣмъ—тоска, скучныя скитанія, одинокія, нездоровыя мысли, тягучіе годы,—неинтересная жизнь, словно длинный, темный коридоръ, которому не видно конца.

— Трудно жить...—сказалъ я. И мы посмотрѣли другъ другу въ лаза, и мнѣ показалось, что мой свитокъ жизни похожъ на ея, что 1а, какъ и я,—однажды отравилась, принявъ ядъ за крѣпкое вино, отрава будетъ точить медленно, по до самой смерти...

Мы больше не могли говорить о себѣ, потому что намъ стало ио, какъ мы близки, какъ много другъ о другѣ узнали. Мы вдругъ али родными и такими далекими, оттого, что вторглись случайно ь святое одиночество таившихся въ глубинѣ души, ревниво обере-

гаемыхъ думъ и страданій. И послѣ этого можно было или молчать, или по-дѣтски рыдать на родной груди...

На первой остановкѣ я обмѣнялся мѣстомъ съ какимъ-то немолодымъ господиномъ въ свѣтломъ костюмѣ и желтыхъ ботинкахъ съ серебрянымъ хлыстомъ въ рукахъ, и высокая женщина проводила меня серьезнымъ, сдержаннымъ взглядомъ умныхъ глазъ.

Потомъ я видѣлъ ее на вершинѣ крутой сѣрой скалы, у самаго обрыва, на рѣзко приподнятой узкой площадкѣ, рядомъ съ нашимъ проводникомъ, подвижнымъ темнолицымъ татариномъ съ серебромъ въ черной бородѣ. Онъ что-то ей говорилъ, обводя красивымъ жестомъ широкій горизонтъ впереди, а она неподвижно стояла, съ плотно сжатыми губами и серьезно, внимательно слушала. И если бы не вѣяніе легкаго вѣтра, игравшаго ея свѣтлыми, пышными, волнистыми волосами, переливавшими золотомъ солнца,—она очень походила бы на сѣрую, стильную вершину суровой скалы, вонзившейся въ небо.

Всю обратную дорогу я ужъ не видѣлъ ея. Когда мы медленно въѣзжали въ городъ, я замѣтилъ въ начинавшихся сумеркахъ, какъ мелькнула высокая, стройная фигура, рядомъ съ фигуркой мальчика... Сейчасъ она исчезнетъ!

У меня болѣзненно сжалось сердце, и, соскочивъ съ экипажа, я бросился ей вслѣдъ, и въ это игновенье она обернулась и остановилась. Я подошелъ къ ней и, безъ словъ, долго и судорожно сжималъ ея руку, чувствуя, что она дрожитъ, какъ и моя. Гимназистикъ смотрѣлъ на насъ жалкими глазами и шевелилъ огромными ушами подъ фуражкой...

Потомъ она улыбнулась мнѣ долго жданной, ласковой, открытой, радостной, но полной страданія улыбкой, и я выпустилъ ея трепетавшую руку.

Она повернулась и, не оглядываясь, пошла ровнымъ, неторопливымъ шагомъ, и когда она была отъ меня далеко, я страшнымъ усиліемъ поборолъ злую спазму, сжимавшую горло и, какъ смертельно раненый, съ отчаяньемъ крикнулъ:

— Прощай!...

— Прощай!—донеслось мнѣ обратно. И она слилась съ густѣвшими сумерками... Умерла...

Гдѣ ты, родная?!

VI.

«Маленькій капризъ».

Былъ конецъ мая. Въ полдень сильно припекало, но вечера стояли чудесные—тихіе, свѣжіе, еще чуть сырые, словно дышавшіе послѣдними, замирающими отголосками буйной, шумливой весны.

Въ ротондѣ городского сада игралъ симфоническій оркестръ.

Я часто по вечерамъ бывалъ въ этомъ саду, и всегда онъ возбуждалъ во мнѣ какое-то острое, нервное, приподнятое настроеніе, какъ прелестная, но страшная сказка въ дѣтской впечатлительной душѣ...

Мигаютъ, потрескивая, электрическіе фонари, то и дѣло роняя на землю, словно жаркія слезы, красные раскаленные угольки; свѣтлымъ, голубымъ вѣеромъ струится фонтанъ, и гдѣ-то безпрерывно звучитъ: та-та-та-та-та... быстро-быстро, по нѣскольку разъ въ секунду,—это паръ отсѣкаетъ въ машинѣ, но звукъ доносится смягченный разстояніемъ и походитъ на живое, полное крови, учащенное біеніе сердца.

Длинныя аллеи среди густыхъ пахучихъ каштановъ и акацій. Толпы гуляющихъ, множество молодежи, студентовъ въ бѣлыхъ кителяхъ на стройныхъ фигурахъ. Женщины въ свѣтлыхъ костюмахъ. Красивыя лица съ легкимъ отсвѣтомъ синевы электричества. Глубокія тѣни на лицахъ. Тонкія, едва уловимыя, но опьяняющія струйки духовъ плаваютъ въ ароматѣ акаціи и каштана, словно рѣзвые ручьи врываются въ могучее море.

Потомъ музыка—серьезная и значительная. Я любилъ настоящей любовью и глубоко почиталъ дирижера оркестра, высокаго свѣтловолосаго нѣмца, съ открытымъ высокимъ лбомъ и строгими глазами на гладко выбритомъ, не молодомъ, вдумчивомъ лицѣ. Я любилъ, не отрываясь, смотрѣть на его сдержанныя, цѣломудренныя движенія, когда онъ бѣлой палочкой плавно водилъ въ воздухѣ, вызывая и комбинируя красивые звуки, отливая ихъ въ музыкальныя фразы...

Та-та-та-та-та!—быстро дышалъ кто-то въ темной глубинѣ сада... И казалось, что это нервно бьется сердце многоликой толпы, переполненное красотой очаровательной ночи, цвѣтущаго сада, музыки и волнующимъ избыткомъ алой крови, бѣгущей въ молодомъ плѣнительномъ тѣлѣ!

Оркестръ играетъ «Пѣснь Сольвейги»—Грига, а когда замолкаетъ, въ душѣ продолжаютъ играть фантастическія сіянія суроваго, сказочнаго сѣвера, прозрачныхъ глыбъ полярнаго льда, яркихъ звѣздъ

въ черномъ бархатѣ неба—измѣнчивыя, призрачныя, роскошно-холодныя...

Публика схлынула съ мѣстъ и расходится по аллеямъ. Я тихо бреду, припоминая отдѣльныя музыкальныя фразы, повторяя ихъ въ душѣ. Обаяніе звуковыхъ картинъ продолжаетъ властвовать надъ толпой,—на многихъ лицахъ еще замѣтна ихъ прекрасная печать, она чувствуется въ сдержанномъ, еще не разгорѣвшемся говорѣ.

Потомъ я сажусь на низенькой скамейкѣ въ одной изъ боковыхъ аллей... Та-та-та-та... Величавые аккорды еще не смолкшей въ душѣ музыки плаваютъ на трепетномъ фонѣ непрерывнаго и горячаго біенія сердца какого-то невидимаго существа, зачарованнаго, взволнованнаго, сказочнаго...

Маленькая фигурка не спѣша прослѣдовала мимо меня, потомъ показалась обратно изъ глубины аллеи и приблизилась къ скамейкѣ. Я машинально взглянулъ на нее,—совсѣмъ дѣвочка, подростокъ... Она молча усаживается рядомъ со мной, и мы разсматриваемъ гуляющихъ.

Важной поступью проходитъ знакомая пара. Я ее всегда вижу въ саду и выдѣляю изъ пестраго цвѣтника публики. Высокій, могуче-сложенный господинъ въ формѣ инженера. Густая бѣлая, какъ снѣгъ, борода, бѣлые усы и выглядывающіе изъ-подъ фуражки волосы, обрѣзанные на затылкѣ широкимъ ребромъ. А лицо—вовсе не не старое, выразительное, съ черными глазами. Точно оно въ серебряной рамкѣ. Статный, съ широкой грудью, великолѣпный образецъ человѣческой породы! Съ нимъ объ руку пожилая высокая дама, со слѣдами большой красоты на энергическомъ лицѣ, съ прямымъ, классическимъ носомъ, едва замѣтнымъ изгибомъ сливающимся съ высокимъ лбомъ. Рѣдкостная, словно подобранная пара...

— Вотъ красавцы!—неожиданно раздается восхищенное восклицаніе моей сосѣдки, и я невольно къ ней поворачиваюсь. Голосъ ея звучитъ нѣжно, пріятно, но въ немъ что-то хрупкое, слабое, какъ въ музыкѣ звякнувшихъ другъ объ друга тонкихъ хрустальныхъ стаканчиковъ. И видъ ея гармонируетъ съ этимъ голосомъ, произнесшимъ короткое восклицаніе:—худенькое лицо въ свѣтлыхъ кудряшкахъ, большіе глаза, съ еще не исчезнувшими слѣдами восхищенія; сплошные ровные зубы, обнаженные полуоткрытыми въ улыбкѣ губами, отсвѣчиваютъ легкой синевой электричества.

— Правда, красавцы, и онъ, и она?—спрашиваетъ она, наивно глядя мнѣ въ глаза.

— Удивительные!... Я постоянно на нихъ любуюсь,—отвѣчаю я дѣвушкѣ. Она придвигается ко мнѣ, и выраженіе ея глазъ вдругъ рѣзко мѣняется, какъ у человѣка, внезапно о чемъ-то вспомнившаго

— Я съ удовольствіемъ...—играя глазами, произноситъ она...

Тогда я былъ еще совсѣмъ юноша, недавно попавшій въ городъ изъ деревни, гдѣ выросъ и воспитался. О проституткахъ зналъ только по книгамъ, да по смутнымъ, невѣдомо откуда усвоеннымъ, чужимъ впечатлѣніямъ, и онѣ представлялись мнѣ тогда или страшными, непохожими на знакомыхъ женщинъ, существами, или загадочными, таинственными и властными, какъ Надежда Николаевна у Гаршина, поразившая мое воображеніе. Только кто долго прожилъ въ городѣ— очень часто безъ труда умѣетъ отличить на улицѣ проститутку въ толпѣ людей, по одному взгляду ея, костюму, короткой фразѣ.

Я не понялъ тогда словъ, сказанныхъ худенькой дѣвушкой. Но отъ этой фразы, страннаго ея взгляда, странной обстановки у меня вдругъ захватило дыханіе, и сердце тяжело застучало въ груди. И все на минуту исчезло, точно провалилось, замерло быстрое, горячее дыханіе ночного сада... Та-та...—и оборвалось...

Потомъ, вмѣстѣ съ шумомъ отхлынувшей отъ головы крови, я услышалъ близко сказанную, но далеко-далеко прозвучавшую фразу:

— Угостите, молодой человѣкъ, покурить.

Я торопливо досталъ папиросу и желтымъ пламенемъ дрожавшей въ рукахъ спички освѣтилъ ея лицо, озаренное мягкимъ электрическимъ свѣтомъ, и оно сразу точно потускнѣло, осунулось...

Это былъ настоящій испугъ передъ непонятнымъ явленіемъ жизни, страхъ безсознательный и тяжелый. И я долго боролся съ нимъ, уже придя въ себя, и не умѣлъ его подавить.

Она, между тѣмъ, съ видимымъ наслажденіемъ затянулась два, три раза и вдругъ закашлялась долгимъ, прерывистымъ, труднымъ кашлемъ, судорожно отшвырнувъ папиросу и прижимая скомканный платокъ ко рту и груди. А когда откашлялась,—въ ея неровномъ дыханіи долго еще прорывался тонкій мокроватый свистъ...

— Сыро здѣсь,—сказала она, пожимая плечиками,—озябла. Да и кавалеръ-то вы очень холодный, все молчите, да смотрите... Даже вотъ не знаю, какъ васъ называть.

Я назвалъ свою фамилію.

— А меня зовите «Маленькій капризъ»,—такъ меня многіе называютъ. Правда, красиво? Маленькій капризъ! Мнѣ нравится... Ну, идемте погуляемъ.

Мы побродили по аллеямъ, и на ея щебетанье я съ мучительной робостью отвѣчалъ односложными, неловкими словами. Потомъ угощалъ ее виномъ и бутербродами, когда она потребовала.

Она все покашливала и пожималась,—было не очень прохладно,

но она, въ легкой кисейной кофточкѣ съ прозрачными рукавами и грудью,—зябла, да къ тому же, вѣроятно, ее знобила лихорадка.

Изъ всего вечера я только помню тѣ восклицанія, которыми она то и дѣло обрывала самое себя. Говоритъ-говоритъ что-то о подругахъ, сыплетъ женскими и мужскими именами—все это мною тогда же вслѣдъ забывалось—и вдругъ остановится и прозвенитъ хрупкимъ голосомъ:

— Вотъ чудесно! Фонтанъ... Я въ него влюблена.

«Красавица прошла!—видали?», «запахъ-то какой въ этой акаціи—лучше всякихъ духовъ!», «музыка сегодня была такая прекрасная». И все это восхищенно, восторженно, точно о собственномъ великомъ счастьѣ...

Опять однообразные, скучные разсказы, пересыпанные массой незнакомыхъ именъ, мелкими подробностями, и опять:

— Ахъ, въ такой бы вечеръ, да въ лодкѣ покататься! Одной.

Потомъ ясно помню, какъ мы разстались. Ей, видимо, надоѣло бродить со мной и одной говорить, а я съ неослабѣвающимъ страхомъ все смотрѣлъ на нее и какъ будто ожидалъ, что вотъ въ слѣдующую минуту я напрягу мысль и пойму, наконецъ, что-то важное, едва уловимое, послѣ чего сумѣю съ ней просто заговорить. Но туманъ наполнялъ сознаніе, и я былъ безпомощенъ...

— Ну, съ вами только время даромъ проведешь,—сказала она, перебивая мои усилія воли, какъ мнѣ казалось, въ самый критическій моментъ.—Вы кавалеръ славный, только... скучный,—разсмѣялась она,—не умѣете вовсе съ женщиной обходиться.

Затѣмъ помолчала съ минуту и нерѣшительнымъ тономъ заговорила:

— Правду вамъ сказать, совсѣмъ я больная, чахоточная. Въ одинъ платокъ кашляю съ кровью, а другой—знакомый парикмахеръ надушилъ,—для виду, если гость... Ничего не подѣлаешь, кому охота, если кровь замѣтитъ... Только вотъ, хочу васъ попросить... Нынче была я у доктора, и написалъ онъ мнѣ лѣкарство отъ кашля. А въ аптекѣ сказали—рубль двѣнадцать, даже квитанцію покажу... На какія же теперь деньги лѣкарство выкупить? Повѣрите, все ужъ распродала, кофточки теплой нѣту, а заработку мало: кашель замучилъ, другой разъ по три дня лежу... Такъ хотѣла васъ попросить, хоть оно и совѣстно, одолжите два рубля... Можетъ, еще повстрѣчаемся, а вы посмѣлѣете...

Я досталъ портмонэ.

— Ахъ, какой миленькій кошелечекъ!—воскликнула она—вотъ бы мнѣ на память отъ васъ...

Я отдалъ ей два рубля и кошелекъ и пожалъ протянутую ею на прощаніе холодную, крошечную, костлявую ручку.

Черезъ часъ, уходя изъ сада, я замѣтилъ въ парусиновой съ красными кумачными украшеніями палаткѣ, гдѣ помѣщались разныя игры, фигурку «Маленькаго каприза». Она держала въ рукахъ игрушечное ружье, а глаза ея сіяли восторгомъ. Увидя меня, она дружески тряхнула кудрявой головкой и крикнула своимъ хрустальнымъ голосомъ:

— Только сорокъ копеекъ осталось! Все въ тиръ проиграла! Вотъ ин-те-ресно!...

Милый «Маленькій капризъ», малый ребенокъ...

VII.

Порывъ.

— Если посѣтите К—скій монастырь, непремѣнно повидайте тамъ послушницу Марію. Только бы удалось вамъ съ ней разговориться, а ужъ получите особенное впечатлѣніе.

Такъ говорилъ мнѣ пріятель, когда я сообщалъ ему свой маршрутъ пѣшеходнаго путешествія по одной изъ южныхъ окраинъ Россіи. Вмѣстѣ съ другими свѣдѣніями и совѣтами я также занесъ въ записную книжку имя послушницы, съ которой пріятель рекомендовалъ мнѣ познакомиться.

— А что,—спросилъ я, записывая,—что въ ней особеннаго? Я, знаете, монаховъ-то не особенно люблю, да и монахинь не долюбливаю, хотя и жалѣю порой.

— Да видите ли, въ чемъ дѣло. Я ее однажды только видалъ, но разговориться не пришлось,—она упорно молчала, а на вопросы отвѣчала нехотя, односложно. Но самое-то это молчаніе показалось мнѣ значительнымъ... Возможно, что ошибаюсь,—признаться, я сообщаю вамъ ходячее объ ней мнѣніе. Откуда оно взялось?—Богъ знаетъ. Ничего опредѣленнаго не говорятъ, но такая ужъ объ ней слава. Разсказываютъ, будто она поразилась мѣстоположеніемъ монастыря, красотой природы, и тому подобное, и осталась тамъ навсегда... Какъ хотите, а вѣдь это оригинально. Однимъ словомъ, если удастся, сами увидите... А какими форелями васъ тамъ угостятъ!—въ монастырской рѣчушкѣ водятся. Только не скупитесь.

Пріятель любилъ покушать.

Ранней зарей я пустился въ дорогу. Миновалъ спящій городъ, старое, давно заброшенное, татарское кладбище, потомъ долго шелъ

среди фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Дальше дорога пошла сплошнымъ лѣсомъ, въ гору. Огромные, десятисаженные буки въ три-четыре обхвата сплетались густыми вершинами, а внизу гордо стояли на грудахъ валежника, никогда, повидимому, не убиравшагося,—точно первобытные великаны топтали трупы поверженной рати враговъ... Солнце то исчезало за крутыми горными скатами, то вновь сверкало на сѣдловинахъ, сначала ослѣпительной искрой, какъ алмазъ на верхушкѣ гигантской короны, потомъ показывалось во всемъ блескѣ и дробило золото лучей въ зеленомъ морѣ вѣкового лѣса. И казалось, что кругомъ все живетъ, говоритъ страннымъ языкомъ яркаго свѣта и глубокихъ тѣней, мѣняется, переливается, дышитъ, волнуется, думаетъ и радуется, сіяетъ и хмурится...

Дорога, часто изламываясь, огромной спиралью идетъ все выше, и, то справа, то слѣва, попеременно показывается изъ лѣсной чащи строгая, сѣрая вершина голой скалы, точно угрюмый тѣлохранитель ходитъ дозоромъ, оберегая величавый покой дремучаго лѣса и этихъ горъ, своихъ младшихъ братьевъ.

Дальше—горы сдвинулись тѣснѣе, закрывъ надолго солнце и наполнивъ ущелье, которымъ шла дорога, угрюмой борьбой дневного свѣта и глухого сумрака. И стало тихо, точно все—и листья деревьевъ, и небо, и влажный воздухъ—отяжелѣло и насупилось...

А черезъ пять минутъ въ глубинѣ ущелья что-то зашумѣло, блеснуло матовое зеркало горной порывистой рѣчки, тѣснина разошлась, и впереди сверкнули золотыя главы монастырскихъ церквей.

Меня дѣйствительно поразило это мѣсто! Небольшая полянка, застроенная храмами и монастырскими службами—точно глубокое дно колодца, а со всѣхъ сторонъ—отвѣсные бока поросшихъ дремучимъ лѣсомъ горъ, и сверху—свѣтло-синій клочокъ яснаго неба. Словно окружныя горы шли величавымъ хороводомъ, потомъ сговорились, разомъ бросились другъ другу въ объятія и замерли, заколдованныя могучимъ словомъ, не добѣжавъ до мѣста, не осиливъ крошечной, сжатой полянки...

Впечатлѣніе было красивое, сильное, но какое-то жуткое, какъ будто сидишь на самомъ днѣ разступившагося моря, готоваго сомкнуть надъ головой тяжелыя волны. Смотришь, смотришь—и невольно вырывается вздохъ изъ груди, точно давитъ ее невидимая тяжесть...

Я побродилъ кругомъ, побывалъ на цѣлительномъ источникѣ въ часовнѣ, потомъ зашелъ на монастырское кладбище, однообразное, скучное. На корѣ старой березы, дремавшей у входа, былъ, какъ видно, давно уже написанъ охочимъ живописцемъ небольшой образ:

какого-то угодника. Но кора потрескалась, потрескался образъ, обмылся дождями, и остались только безформенныя, расплывчатыя пятна краски, смутно напоминавшія очертанія лика въ желтомъ вѣнчикѣ. И все кругомъ—это кладбище, и тусклыя лица монашекъ и послушницъ, и заученные, безжизненные, смиренные жесты ихъ и фразы—чѣмъ-то напоминали безформенный, покоробленный образъ угодника—что-то не настоящее, безкровное, полужизненное...

Въ главномъ храмѣ шла служба. Я отправился туда. Нѣсколько монахинь подпѣвали скучными голосами молитвы. Глубокіе одинаковые поклоны. Изъ посторонниxъ въ храмѣ находилась только пышная барыня съ бѣлокурымъ мальчикомъ въ матросскомъ костюмѣ (очевидно, она заказывала молебенъ). Служба подходила къ концу, и барыня торопливо клала послѣдніе поклоны, напоминая разсѣянно глядѣвшему на всѣхъ мальчику, что надобно молиться, и онъ, машинально, продолжая блуждать глазами, крестился крошечной, худенькой ручкой. Священникъ, низенькій старичокъ съ огромной сивой бородой и оттянутыми внизъ сердитыми глазами, направился вдругъ ко мнѣ, выпрастывая на ходу изъ-подъ епитрахили жесткіе волосы, и сказалъ, нагнувшись къ уху:

— Стоять въ храмѣ, заложивъ руки за спину, непристойно...

Кончилась служба. Барыня подошла къ одной изъ монахинь, повидимому, старшей и подала ей какую-то монету. Та сдѣлала глубокій поклонъ и поцѣловала протянутую руку въ кольцахъ. Затѣмъ барыня съ оглядывавшимся мальчикомъ величественно прослѣдовала къ выходу мимо монахинь, низко склонившихъ головы.

Закусывая на террасѣ монастырской гостиницы, я спросилъ у прислуживавшей мнѣ послушницы:

— А скажите, послушница Марія жива еще?

— Какъ же, господинъ, въ нашей лавочкѣ, монастырской, торгуетъ.

Въ тѣсной монастырской лавочкѣ я засталъ и барыню съ мальчикомъ. Она по списку внимательно подбирала крошечныя позолоченныя иконки, видно для подарковъ, и безпрестанно говорила:

— Еще для Алексѣя—побольше... еще для Елены—поменьше... еще для Клавдіи—поменьше...

Я ждалъ, пока она кончитъ, и тѣмъ временемъ пристально всматривался въ лицо послушницы, стараясь сдѣлать это незамѣтнымъ. Это была великолѣпная русская красавица, наряженная въ несвойственный, некрасивый костюмъ. Широкія, просторныя, плавныя черты энергичнаго лица, подернутаго нѣжнымъ румянцемъ. Могучія

брови, какъ крылья парящей птицы, сходились надъ прямымъ носомъ, а изъ-подъ нихъ глядѣли темно-синіе глубокіе глаза, широко раскрытые, печальные, изрѣдка скрываемые густой сѣткой длинныхъ рѣсницъ. Изъ-подъ платка выбился великолѣпный короткій локонъ, говорившій о буйной бѣлокурой головѣ, и вся эта женщина сразу, безъ всякой промежуточной работы мысли, вызывала въ памяти сильный образъ древне-русской боярышни въ золототканной парчевой одеждѣ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на могучей шеѣ и богатымъ кокошникомъ на головѣ, въ горницѣ высокаго терема съ расписными окнами. И ея красоту славятъ хоромъ сѣнныя дѣвушки.

Когда барыня ушла, я сталъ перебирать виды монастыря, житія монастырскихъ чудотворцевъ и все пытался заговорить. Но я невольно смущался и терялъ ужъ надежду наладить бесѣду своими вопросами, на которые послушница тотчасъ же, но односложно, отвѣчала, какъ вдругъ, неожиданно, она сама спросила пѣвучимъ роднымъ говоромъ, быстро взглянувъ на меня и сейчасъ же потупившись:

— Будьте добры, сударь, скажите, какихъ вы краевъ?

Я назвалъ свою родину, одну изъ приволжскихъ губерній. Она вспыхнула и вскинула на меня свои удивительные глаза.

— Правда?! Я по говору-то вашему догадалась... А уѣзду, скажите, какого?

Я сказалъ.

— Господи, съ самой-то Волги! И я-то сама вѣдь съ тѣхъ самыхъ мѣстъ...—Въ ея низкомъ, пѣвучемъ, бархатномъ голосѣ послышались переливы глубокаго волненія.—По надъ Волгой чай и живете?

— Да, въ С. живу...

— Какъ же, батюшка, зна-аю,—перебивъ меня, протянула она,—а я въ четырехъ верстахъ отъ него рождена. Въ городѣ-то вашемъ постоянно бывала, на пристань къ пассажирскимъ молочко носила, ягоды... Волга... Восемь годовъ, почитай, не видала... Да присядьте, родимый, разскажи мнѣ, ежели не поспѣшаешь, какъ тамъ нонѣ живутъ... За восемь-то годовъ въ первый разъ земляка повстрѣчала...

Незамѣтно она перешла съ выученнаго, монастырскаго «вы», на привычное «ты». Я долго разсказывалъ ей о родныхъ намъ мѣстахъ, а она жадно слушала, засыпая меня, часто неожиданными, вопросами. И видно было, что въ ея душѣ прорвалась плотина, и перемѣшанные образы, мысли хлынули потоками, громоздятся въ ея головѣ, тѣснятся, путаются въ хаотическомъ безпорядкѣ, и она му-

чительно силится увидѣть родную Волгу, знакомыя мѣста и далекія воспоминанія—въ стройной перспективѣ и самой тамъ такъ помѣститься, чтобы все было ясно, просто,—какъ въ дѣтствѣ.

Потомъ она, очевидно, всетаки потерялась среди этихъ разрозненныхъ, но яркихъ впечатлѣній, не осиливъ ихъ цѣликомъ, и радостный блескъ ея глазъ, потухая, замѣнился острой, жалостливой грустью безсилья. И, какъ я ни старался подробно и ясно говорить, она не оживлялась, ужъ не вѣрила себѣ. И, наконецъ, перестала разспрашивать, нахмурилась и, точно вспомнивъ о чемъ-то, отвернулась и заправила подъ платокъ непослушный свѣтло-русый локонъ. Только по неровному дыханію ея высокой груди и утомленному лицу видно было, какъ она взволнована.

— Скажите и вы, сестра Марія, какъ же такъ съ Волги вы попали въ этотъ монастырь?

Она стала еще суровѣе и, подумавъ, заговорила ровнымъ голосомъ монастырской чтицы, не глядя на меня.

— Молодая была, неспокойная. Нужды не видала, жили хорошо, грамотѣ обучалась... А послѣ... сердце мое заболѣло, по цѣлымъ недѣлямъ все плакала, сама-то не знала, чего мнѣ надобно... Батюшка мой говорилъ: «дурость»—можетъ, и правда это. Стала по богомольямъ ходить,—вездѣ побывала. Думала, вотъ гдѣ житье-то самое настоящее: пѣвчіе поютъ, проповѣди какія слыхать доводилось... Бывало, дрожу вся, не то страхъ, не то святость какая въ душѣ. Все, какъ на картинѣ,—судъ страшный, сады райскіе, голоса трубные... Да какъ сюда забрела, и вовсе ума рѣшилась, прямо шагу съ мѣста ступить не могла. Не видала и не слыхала объ такихъ мѣстахъ... Прямо ѣсть-пить позабыла, вся ровно бы въ лихорадкѣ... не въ себѣ... Хожу, да на горы поглядываю... не во снѣ ли померещилось? Ну, говорю, стало быть ангелы Божіи здѣсь проживаютъ, не иначе... Не уйду отселева вовѣки... Взяли меня въ послушницы... Да послѣ ужъ присмотрѣлась, какъ угомонилась малость...

— Не ангелы, а!...—воскликнула она вдругъ, гнѣвно вспыхнувъ. И дальше заговорила быстро, клокочущимъ голосомъ:

— Небось сами нынче видали?! я была, въ уголочкѣ стояла... Нарядныимъ барынямъ ручки цѣлуютъ... Чѣмъ кто понаряднѣй да побогаче, тѣмъ, гляди, въ ножки кланяются. «Смиреніе»—говорятъ, первое дѣло... Смиреніе, а дружка въ дружку-то гляди вцѣпятся, коли чужихъ нѣту-ти! Злѣй отъ нихъ и на міру чай не сыщешь. Прямо видѣть ихъ не могу!... Бросила бы давно, сколько разъ собиралась... Страшно становится... Снесу ли грѣхъ? Вспомню, какъ

въ первый-то часъ сказала—навѣки тутъ останусь,—все и пропало. И такъ грѣхъ душитъ и эдакъ. Рази это для Бога, ежели онѣ мнѣ враги, злоба постоянно въ сердцѣ... разорвала бы подчасъ которую-нибудь! А уйти—поклялась оставаться. По закону-то по монастырскому оно можно, покуда не постриглась, да сама-то себѣ вѣдь клялась, безъ принужденія... Всѣ картины въ голову приходятъ, костры огненные, души въ дьявольскомъ плѣну... Страшно!

— Эхъ, бросила бы, да на Волгу!—Она широко повела передъ собой рукой и мечтательно закрыла глаза.—Цвѣты бы полевые собирать, хлѣбушко жать, въ лодкѣ весломъ погрести. Господу одной помолиться, середь поля... ночью... Неужто бы онъ не простилъ, кабы съ любовью Ему, Спасителю?!

Сквозь ея густыя рѣсницы просочились слезы и проборозлили пылающія щеки. Она стояла съ чуть приподнятымъ вверхъ лицомъ, съ закрытыми въ экстазѣ глазами и молчала. Для меня уже было ясно и по вихрю вопросовъ о приволжскомъ уголкѣ и по ея сначала сдержанному, потомъ бурному и вдохновенному разсказу, что у этой могучей красавицы въ уродливомъ одѣяніи—страстная, восторженная, безпокойная душа, романтическая фантазія, полная огневыхъ грезъ голова. Но яркія краски ея мечтаній помрачаются темными, глухими суевѣріями, крылья души обламываются, трещатъ и не держатъ въ воздухѣ, притягиваютъ къ землѣ...

— Такъ бы сорвала веретье это постылое,—сквозь сжатые зубы проговорила она, дернувъ платье на груди,—побѣжала бы безъ оглядки... Все одно вѣдь грѣшу, вотъ сейчасъ грѣшу, не могу сдержаться...

Она еще нѣкоторое время говорила, какъ въ кошмарномъ бреду, подавляя прорывавшіяся короткія рыданія.

Когда я всталъ, чтобы уходить, она быстро оправилась и тихо сказала:

— Будете въ нашихъ мѣстахъ, поклонитесь тамъ... меня вспомяните...

— А, можетъ быть, вы сами соберетесь... рѣшитесь...

Она отрицательно мотнула головой.

— Нѣтъ ужъ, должно. По сю пору не рѣшилась, теперь видно не рѣшусь. Пропало... Простите, родимый, простите...

Она быстрымъ, внезапнымъ порывистымъ движеніемъ схватила меня за руку и сжала до боли.

— Не то бы въ ноги вамъ поклонилась, не то бы... разочекъ одинъ... первый, послѣдній... обняла... Простите!... Иди съ Богомъ На Волгу... на Во... Волгу...

Я быстро вышелъ изъ лавочки и услышалъ за собой ея рыданія.

Проходя мимо кладбища со старой березой съ полустертымъ образомъ на ея стволѣ, я невольно подумалъ, что съ послушница Марія скоро разрушится, обезцвѣтится и будетъ похожа на этотъ безжизненный ликъ. И тогда ее постригутъ, закутаютъ могучее, упорно цвѣтущее тѣло въ черную мантію; лучи солнца, падая на нее, будутъ въ безсиліи умирать, не оставляя слѣда. И пойдетъ отъ нея духъ чернаго тлѣнія. Лѣсная птица, налетѣвъ на нее, прочь отшатнется въ испугѣ, и зеленая трава завянетъ подъ ея стопой, и на сверкающій снѣжный покровъ ляжетъ хмурая тѣнь отъ мрачной фигуры... и мнѣ стало такъ больно!...

Аб. Дерманъ.

Въ балагулѣ.

Балагула убѣгаетъ и трясетъ меня.
Рыжій Айзикъ правитъ парой и сосетъ тютюнъ.
Красный макъ во ржи мелькаетъ—лепестки огня.
Золотятся, льются нити телеграфныхъ струнъ.

«Айзикъ! Айзикъ! Вы заснули!»—«Хе! А развѣ панъ
Ѣдетъ въ городъ срочнымъ дѣломъ? Панъ—поэтъ, артистъ!»
Правда, правда. Что̀ мнѣ этотъ сонный Аккерманъ?
Степь привольна, день прохладенъ, воздухъ сухъ и чистъ.

Былъ я сыномъ, братомъ, другомъ, мужемъ и отцомъ,
Былъ въ довольствѣ... Все на смарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь вѣнчальнымъ золотымъ кольцомъ,
А потомъ... Потомъ—въ таверну: вывезетъ лото!

Иванъ Бунинъ.

РАСПАДЪ.

(Изъ воспоминаній пріятеля.)

I.

Изъ-за двойныхъ рамъ въ нашу комнатку доносится неясный гулъ со двора. Мы бросаемся къ окнамъ и видимъ знакомую картину: дядя Захаръ разсчитываетъ кирпичниковъ.

Это цѣлое событіе въ нашей монотонной жизни.

Если дядя Захаръ «разсчитываетъ», значитъ скоро пойдетъ снѣгъ, придетъ зима, и намъ купятъ маленькія лопатки; косой дворникъ Гришка,—такъ зовутъ его всѣ на дворѣ,—будетъ ходить въ валенкахъ и носить въ комнаты осыпанныя снѣгомъ дрова, а липкая грязь на дворѣ пропадетъ подъ бѣлой, хрустящей пеленой.

Этотъ «разсчетъ», что производится сейчасъ въ маленькой конторѣ, гдѣ на высокомъ стулѣ сидитъ юркій Александръ Ивановъ, дядинъ конторщикъ,—сулитъ намъ много интереснаго и помимо идущей зимы. На грязномъ дворѣ, на бочкахъ, доскахъ, колодцѣ и даже помойной ямѣ съ прыгающими по ней воронами, сидятъ кирпичники. Это особый міръ,—люди, мало похожіе на окружающихъ насъ. Это, пожалуй, даже и не люди, а именно «кирпичники», появляющіеся на нашемъ дворѣ дважды въ годъ: передъ зимой, на грязи, когда имъ даютъ «разсчетъ», и на Пасхѣ, когда ихъ «записываютъ» на заводъ.

Кирпичники, какъ и погода на дворѣ, мѣняются. На Пасхѣ они, бывновенно, озабоченно и молча толкутся и поминутно срываютъ ыжіе картузы, когда конторщикъ дробью скатывается съ галлереи гъ дяди и, не отвѣчая на поклоны, несется съ большой книгой въ онторку. На Пасхѣ кирпичники терпѣливо съ ранняго утра до оздней ночи кланяются всѣмъ на нашемъ дворѣ: и дворнику Гришкѣ, который почему-то все время перебираетъ пятаки на ладони и

метлой гоняетъ кирпичниковъ съ крыльца, и мыкающейся съ дойникомъ бабкѣ Василисѣ, и кучеру Архипу, въ плисовой безрукавкѣ, грызущему сѣмечки на крыльцѣ, и даже намъ. Да, это особый народъ, эти кирпичники!

Они пришли «оттуда», изъ того тридесятаго царства, котораго мы не знаемъ, а называемъ только—«оттуда». Сегодня, въ грязный осенній день, они отправятся «туда».

На Пасхѣ кирпичники—угрюмы, часто поглядываютъ на стеклянную, сверкающую подъ солнцемъ, галлерею и ждутъ, ждутъ... Насъ зовутъ обѣдать, а кирпичники остаются. Уже пять часовъ. Насъ кличутъ пить чай,—кирпичники еще остаются. Мы идемъ ужинать, и Гришка выталкиваетъ оставшихся, непопавшихъ на заводъ.

Наемъ состоялся. Это на Пасхѣ.

Но теперь, теперь мы знаемъ, что̀ будетъ: будетъ то, что было передъ прошлой зимой. Какъ и тогда, кирпичники Гришкѣ не кланяются и шумятъ, часто чешутъ за ухомъ, смотрятъ на пальцы и перебираютъ ихъ. Дверь конторки хлопаетъ, и Александръ Ивановъ выкликаетъ:

— Эй, черти, не галди!... Сидоръ Пахомовъ!... давай Сидора Пахомова!...

— Курносый, тебя!... Тебя, вить...

Мы открываемъ форточку, потому что на дворѣ происходитъ что-то очень интересное: уже раза два въ калитку съ улицы просовывалась голова будочника.

— Живоглотъ!—доносится знакомое слово.—Жуликъ-чортъ!!.. Подавись моимъ целковымъ, сволочь несчастная!... Грабь!!..

— Это они дядю,—говоритъ братъ.

— Нѣтъ, это они Александра Иванова... Онъ, должно быть, деньги у нихъ взялъ...—говорю я.

Высокій рыжій кирпичникъ въ измазанныхъ глиной сапогахъ и въ заплатанномъ полушубкѣ трясетъ кулакомъ въ воздухѣ.

— Цыганъ!...

— Да, это дядю,—говорю и я.

Мы не понимаемъ многаго; мы только чувствуемъ. Въ форточку сквозитъ, лица наши синѣютъ отъ холода, но закрыть мы не въ силахъ.

— Жулье!—гремитъ рыжій кирпичникъ на зеленую дверь конторки и кричитъ такъ, что дребезжатъ оконныя рамы, и мы пугливо отодвигаемся.

— Народъ только грабите!... Наставили хоро̀мъ-то на наше копейкѣ, косорылые черти!...

Страшный человѣкъ поворачивается въ нашу сторону, и его острые глаза изъ-подъ сбитаго картуза скользятъ по нашимъ окнамъ. Мы откидываемся въ глубь комнаты, но голосъ уже ворвался черезъ форточку:

— Подохнешь скоро, Чуркинъ!...

Вздрагиваетъ зеленая дверь, рокочетъ блокъ, и на порогѣ выростаетъ Александръ Ивановъ въ грязной манишкѣ и при цѣпочкѣ.

— Кто тебя ограбилъ, а?... кто?—тоненькимъ голоскомъ взвизгиваетъ онъ.—Какъ такія слова, а?... Ахъ, ты, сукинъ ты сынъ... Кто тебя ограбилъ?...

— Ты, песъ хозяйскій... ты!...

— Я!!.. Я?... Лахудра!!..

Это слово новое, и мы его, конечно, схватываемъ и будемъ твердить: оно такъ звучно и сочно.

— Самъ лахудра!... Гривну-то сглоталъ... Что!...

Александръ Ивановъ замираетъ въ негодованіи, готовъ выпалить весь запасъ своихъ словъ, но кирпичникъ насѣдаетъ и гремитъ:

— Съ тыщши по гривнѣ не додалъ!... Почемъ рядилъ?...

— Почемъ?... почемъ?... ну!?..

— Вотъ-те ну!... почемъ!... чортъ!... Почемъ?...

— По мордѣ тебя, сукина сына... Почемъ?...

— Не додалъ по гривнѣ, Ляксандра Иванычъ...—гудятъ кирпичники.—Да чаво тутъ, Сидоръ... наплюй... Не задёрживай народъ... чаво тамъ...

— На! на, бумагу!... На!... одѣнь бѣльмы-то... чти!... самъ крестъ ставилъ... На, чортъ лохматый... По три съ гривной... такъ?...

— За-чѣмъ... Ты это самое... погоди... не дрыгай бумагу-то... Энъ, она... цыфря-то... соскоблилъ ее... видать...

— Рожу тебѣ соскоблить надоть!... Гришка!... волоки его!... кличь бутошника!...

— Пусти, косоглазый чортъ!... на судъ пойду!...

— Судись! — взвизгиваетъ Александръ Ивановъ. — Судись... ступай!...

— Хозяйская сволочь!!..

— Что-о?...—какъ громъ, прокатывается по всему двору. — Александръ Ивановъ!...

Шумъ оборвался. На галлереѣ показывается самъ дядя Захаръ, страшный дядя Захаръ. Онъ, какъ мы знаемъ, «рветъ подковы» и можетъ кулакомъ убить лошадь. Это человѣкъ въ сажень ростомъ, ...ный, съ большимъ чернымъ хохломъ и страшными глазами, глу-

боко запавшими въ орбиты. Онъ всегда громко кричитъ, харкаетъ, дергаетъ глазомъ и чвокаетъ зубомъ. Мы его боимся. Въ нашемъ домѣ его называютъ крутымъ и желѣзнымъ. Смотритъ онъ всегда изъ-подъ бровей и никогда не шутитъ. Когда я хожу поздравлять его со днемъ ангела, онъ только кивнетъ головой, протянетъ большой, желѣзный палецъ къ двери и скажетъ:

— Ладно. Къ теткѣ ступай... яблоко тебѣ дастъ...—и только.

Александръ Ивановъ молніей подлетаетъ къ галлереѣ, прижимаетъ руку къ боковому карману и объясняетъ все.

— Цы-ганъ!—кричитъ рыжій уже въ воротахъ, но Гришка захлопнулъ калитку и задвинулъ засовъ.

Рыжій пытается прорваться, но уже поздно.

— Гришка!—гремитъ дядя Захаръ.—Дай ему, подлецу!...

У насъ захватываетъ духъ. Мы впиваемся въ стекла, высовываемъ головы изъ фортки. Мы видимъ, какъ Гришка бьетъ кирпичника по шеѣ, и тотъ, какъ затравленный звѣрь, закрываетъ руками лицо и проситъ:

— Будя, будя...

— Клади ему, сукину сыну! сыпь!!—кричитъ дядя Захаръ.

— За што бьешь...—пытаются вступиться кирпичники.

— Молчать!... Не давать разсчета!...

— Да мы што... мы ничаво... Зряево потому...

Они боятся, что ихъ «выкинутъ» за ворота. А сегодня надо ѣхать домой.

— Кто недоволенъ?—гремитъ съ галлерои.—Ты недоволенъ?...

— Зачѣмъ... я ничаво... я... рази што...

Гришка уже выпихнулъ Сидора на улицу, гдѣ будочникъ живо отстранилъ его.

— Ты недоволенъ?...

— Да вить... Ужъ не обидь, Захаръ Егорычъ... по гривнѣ-то накинь...

— Разсчитывай чертей!... А кому не такъ—въ шею!...

— Воля ваша... обижай народъ-то...—говоритъ кто-то въ сторону.—Грабь...

Голова дяди скрывается. Тяжелые шаги отдаются по лѣстницѣ,— и вотъ онъ на дворѣ,—громадный, черный и страшный. Глаза его еще глубже ушли подъ лобъ.

— Что?—гремитъ онъ.—Граблю??.. что?...

Еще одинъ моментъ, и будетъ... будетъ то, что было въ прошломъ году, когда одного кирпичника обмывали подъ колодцемъ. Два существа—толпа и «онъ»—мѣряютъ другъ друга глазами.

— Ужъ разсчитали бы ужъ, Господи... Разсчитайте, ну какъ по вашему ужъ будетъ...—слышатся вздохи.

Мы на сторонѣ кирпичниковъ и ругаемъ дядю. Новое словечко Александра Иванова произносится часто.

Дядя властно окидываетъ толпу и уходитъ. Александръ Ивановъ продолжаетъ выкликать, кирпичники снова гудятъ.

— Леня!... Леня идетъ!!..

Въ воротахъ показывается стройная фигура реалиста Лени, съ сумкой за плечами. Онъ старше насъ лѣтъ на семь и уже въ четвертомъ классѣ. Онъ останавливается у конторки, смотритъ на кирпичниковъ и слушаетъ, какъ тѣ бранятъ полушопотомъ «цыгана». Онъ, конечно, все понимаетъ: его лицо блѣднѣетъ, и дрожитъ верхняя губа, какъ всегда, когда онъ сердится.

На кого же онъ сердится? конечно, на этихъ кирпичниковъ?

Онъ проходитъ чернымъ крыльцомъ, еще разъ останавливается и слушаетъ. Зачѣмъ онъ подслушиваетъ? Наконецъ, онъ подымается на галлерею при звонкомъ лаѣ «мушекъ» и «жуликовъ», бѣленькихъ собачекъ, которыхъ я такъ боюсь.

— Ишь, щенокъ-то... такой же будетъ, чортъ...—слышимъ мы разговоръ подъ окномъ.

— Ево рази?...

— Ево... Такой же цыганъ, чортово отродье...

Въ окнѣ, напротивъ, отворяется форточка: это Леня высунулъ голову.

— Александръ Ивановъ!... Александръ Ивановъ!...

— Тебя, Лександра Ивановъ,—передаютъ кирпичники.

Конторщикъ уже подъ окномъ.

— Я сказалъ папашѣ... Папаша велѣлъ прибавить по гривеннику...

Форточка захлопнулась. Я чувствую, какъ во мнѣ забилось все, все... Я хочу крикнуть въ форточку, окликнуть Леню. Я радъ, самъ не знаю, чему, я прыгаю на одной ногѣ, кувыркаюсь по ковру и кричу:

— Лахудра!... лахудра!... лахудра...

Мы всѣ поемъ это слово.

— Ты думаешь,—*это* кто сдѣлалъ?—спрашиваетъ братъ.

— Ну, конечно, Леня...

— Вѣрно. Онъ, помнишь, плакалъ разъ...

— А-а... это когда «цыганъ» расквасилъ кирпичника?...

— А кто по-твоему лучше: Леня или дядя Захаръ?

— Конечно, Леня.

— Вѣрно...

Форточка бьется подъ вѣтромъ, струя холоднаго воздуха бѣгаетъ въ комнатѣ, и въ ней чувствуется неуловимый запахъ «зимы». Она идетъ... она скоро придетъ... Я увижу бѣлый дворъ, голову «Бушуя», высматривающую изъ конуры на шайку, и воронъ, обирающихъ нашу шершавую растрепу.

Я увижу ледяныя елочки на окнахъ и дрожащее въ нихъ холодное пламя подымающагося изъ-за конюшни зимняго солнца.

II.

Четыре часа дня. Майское солнце заливаетъ дворъ.

Каретный сарай раскрытъ, и изъ его темной глубины, гдѣ пахнетъ дегтемъ и кожей, несутся глухіе удары по настилу. Мы выбѣгаемъ въ верхнія сѣни и наблюдаемъ изъ окна. Спуститься внизъ жутко: запрягаютъ на-пробу новую, еще дикую лошадь.

Старичокъ барышникъ-цыганъ съ другимъ волосатымъ цыганомъ привели ее сегодня къ постоянному покупателю и любителю звѣрскихъ лошадей—«чертей» и «огневыхъ»,—дядѣ Захару. Онъ любитъ покупать и мѣнять этихъ «звѣрей» съ кровяными глазами. Онъ любитъ ихъ объѣзжать, «править» и покорять. За это удальство мы многое прощаемъ ему и забываемъ кирпичниковъ. Мы проникаемся уваженіемъ къ его отвагѣ. И не мы одни: весь нашъ дворъ, даже ближайшіе дворы, лавочники и старичокъ будочникъ, на этотъ случай забирающійся въ сарай.

Передъ сараемъ толпа: бараночники съ засученными рукавами, балагуръ лавочникъ Трифонычъ съ краснымъ носомъ и въ загнутомъ на уголъ фартукѣ, и мрачный кузнецъ съ завернутыми въ тряпку подпилкомъ и молоточкомъ, и зашедшій съ улицы мороженщикъ. Даже старичокъ изъ богадѣльни, покупающій у бабки Василисы молоко, забрался для безопасности на крылечко и заглядываетъ въ сарай. На всѣхъ лицахъ интересъ ожиданія, даже азартъ: въ прошломъ году лошадь вынесла дядю Захара изъ воротъ, перемахнула черезъ мостовую на тротуаръ и врѣзалась оглоблями въ окна. Можетъ быть, и сегодня будетъ что-нибудь подобное.

Лошадь бьетъ ногами, и старичокъ на крылечкѣ тревожно озирается, но не покидаетъ позиціи.

Мы видимъ, какъ по сараю мечется кучеръ Архипъ, и дворник Гришка какъ-то бокомъ вертится подъ дергающейся черной головой Они шипятъ, протягиваютъ ладони и закладываютъ таинственно, н на секунду не отводя безпокойныхъ глазъ отъ танцующихъ ног Мы знаемъ, что Гришка большой трусъ, и для него это самые му

тельные часы. Послѣ такой запряжки онъ, обыкновенно, идетъ въ лавочку къ Трифонычу, въ дальнюю комнатку, и выходитъ оттуда покашливая и съ покраснѣвшимъ лицомъ, и Трифонычъ подвигаетъ къ нему на прилавкѣ маленькіе мятные прянички. Мы только смутно догадываемся, что это дѣлается въ большой тайнѣ.

— Готово?—зычно несется съ галлереи.

Толпа оглядывается. Изъ сарая выглядываетъ встревоженное лицо Гришки.

— Шлею оборвалъ-съ!... сей минутъ-съ...—Тоже не съ бабой возиться...—бормочетъ онъ подъ носъ.

— Съ ба-абой...—слышится изъ толпы.—Другая баба и безъ копыта лягнетъ...

— Тпрру-у!... тпррр!... А, чортъ...

Толпа откидывается. Старичокъ будочникъ бѣжитъ изъ сарая и шашкой осаживаетъ зрителей.

— Пускай... отходи... отходи...

Изъ сарая выпрыгиваетъ, подкидывая легкія дрожки, «звѣрь», задирая голову такъ, что дуга касается спины, и, кажется,—еще одинъ взмахъ, и дрожки взлетятъ на воздухъ.

— Ухъ ты!... лёвъ!... И растрепетъ онъ ево...

Барышники висятъ на оглобляхъ, а Архипъ прыгаетъ подъ головой и шипитъ.

Мы видимъ, какъ дрожь пробѣгаетъ по могучему, пламенному корпусу «чорта», комья пѣны летятъ на зрителей, а Гришка сидитъ на дрожкахъ, придерживая вожжи.

— Убьетъ... ты!—кричитъ онъ на кого-то.

— Ворота!... ворота отворяй!...

Въ окнѣ показывается дядя Захаръ и смотритъ. Его глазъ дергается. Онъ любуется своимъ «чортомъ», котораго онъ долженъ покорить и «обломать».

— Самъ...—бѣжитъ шопотъ.

Дядя Захаръ на дворѣ. Онъ въ высокихъ сапогахъ и перчаткахъ. На его лицѣ странная, жесткая улыбка, точно онъ хочетъ кого-то ударить.

— Прочь!—кричитъ онъ на зрителей,—но никто не двигается: сѣ знаютъ, что окрика больше не будетъ, и что «самъ» любитъ, тобы на него смотрѣли.

Онъ рѣшительно идетъ къ мордѣ «чорта», беретъ за устцы и ергаетъ съ силой къ землѣ. Мигомъ отскакиваютъ барышники и рхипъ. Теперь дядя Захаръ и «чортъ» остаются одинъ на одинъ. ядя оправляетъ холку и дуетъ зачѣмъ-то въ воспаленныя ноздри.

Толпа въ восхищеніи.

— Захаръ Егорычъ!... Архипа-то бы взялъ...—проситъ тетя Лиза съ галлереи.

Она вѣчно тревожится, но она боится дядю, и потому въ ея голосѣ слышится и покорность, и страхъ.

— Разобьетъ еще...

— Не ва-ше дѣ-ло!... ступайте къ се-бѣ!...—отчеканиваетъ дядя злымъ голосомъ и беретъ вожжи.

«Чорта» снова держатъ барышники, не позволяя закинуться въ бокъ, направляя голову на ворота.

Дядя Захаръ упирается ногами въ устои дрожекъ, засматриваетъ подъ передокъ, наворачиваетъ вожжи, убираетъ голову въ плечи. Старичокъ съ крынкой, оглядываясь, бѣжитъ къ воротамъ. Толпа— вся вниманіе.

— Пу-ска-ай!—какимъ-то сдавленнымъ голосомъ кричитъ дядя.

Мигъ, грохотъ дрожекъ,—и толпа уже на мостовой.

— Пошла!... И-ихъ, садитъ... н-и...

Мы опаздываемъ. «Чортъ» и дядя Захаръ уже пропали въ пыли.

— Намедни кучера убилъ,—говоритъ цыганъ, сверкая зубами.—Ежели, конешно, къ рукамъ... Вотъ по *емъ* будетъ.

— Къ ей только прямо подойтить, она съ однова разà примаетъ...—хвастаетъ Гришка.—Да вотъ апрошлый годъ я «Стальную» объѣзжалъ... Ужъ какъ она меня...

— Ври!... «объѣзжалъ»!... у, песъ ласковый... — говоритъ Архипъ.—Пойдемъ-ка къ Трифонычу...

Толпа расходится. Мы только теперь замѣчаемъ Леню. Онъ высунулся изъ своего кабинетика, оперся локтями на желѣзный карнизъ и задумчиво смотритъ. Онъ уже не пускаетъ змѣи, не играетъ въ бабки, а читаетъ въ своемъ кабинетикѣ или занимается склянками и баночками. Онъ—«химикъ», какъ называетъ его иногда дядя Захаръ, и не любитъ болтаться. Мы не прощаемъ ему его «важности», стараемся всегда мѣшать ему во всемъ, и мой пріятель Степка, внукъ Трифоныча, научилъ меня пѣть подъ окномъ:

«Ленька линючій,
Кошку замучилъ»!...

Сейчасъ Леня смотритъ на улицу. Его лицо, очень похожее на лицо дяди,—серьезно, даже строго. Я знаю, что онъ пролежитъ на подоконникѣ до возвращенія дяди, потомъ сбѣжитъ съ галлереи и будетъ гладить укрощеннаго «чорта».

Часа черезъ два Гришка отворяетъ ворота, и снова собирается

толпа. Въѣзжаетъ дядя. Лошадь въ мылѣ, бока избиты мѣдными пряжками вожжей и тяжело ходятъ, на порванныхъ губахъ розоватая пѣна, и гордая голова опущена. Дядя безъ картуза, немного прихрамываетъ, и весь правый бокъ его затертъ грязью. Леня около отца, его всегда блѣдноватое лицо розовѣетъ, глаза блестятъ.

— У, дьяволъ!—говоритъ дядя лошади, тяжело переводя духъ.— Эй, Сендрюкъ!—кричитъ онъ цыгану.—Ступай къ Васильеву!... Буду сейчасъ...

Это значитъ—въ трактиръ, гдѣ будетъ торгъ.

— Съ лошадкой-съ, Захаръ Егорычъ, — поздравляетъ плутъ Гришка, стряхивая грязь съ дядиной куртки.—Маненько покачнула-съ...

— Пшелъ!... Проводить хорошенько и въ денникъ... рядомъ съ «Подлецомъ»!...

Это любимая лошадь дяди Захара. У него есть еще «Стервецъ». Этого «чорта» онъ назовстъ тоже какъ-нибудь чудно, и мы предполагаемъ, что новая кличка будетъ «Мерзавецъ» или «Шутъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ну, какъ, Ленюкъ?—говоритъ дядя Захаръ, забирая Ленину щеку желѣзными пальцами.—Подрастешь—куплю тебѣ такого дьявола, что...

Дядя треплетъ Леню по посинѣвшей щекѣ и говоритъ ласково, что̀ насъ удивляетъ:

— Въ меня будешь, шельмецъ... такъ? Ишь плечи...

И, опираясь на плечо сгибающагося Лени, идетъ, прихрамывая, на галлерею.

— Черезъ три часа воды дать!... Эй, ты, чортъ!... Архипка!... Смотри у меня!... Бока ему протри!...

— Въ меня што-ль, а?—говоритъ дядя Захаръ, снова забирая алую щеку.

Мы смотримъ вслѣдъ, и, право, мнѣ хочется, чтобы Леня былъ въ дядю, только не *весь*.

III.

Зима надоѣла. Скорѣй бы показывалась черная проталина въ нашемъ саду, подъ вишней, гдѣ мы уже разгребли снѣгъ. Да, она скоро покажется! Уже начинаетъ проваливаться наша гора; уже нѣсколько дней печально звонятъ въ церквахъ. Вчера приказано принести изъ амбара «паука»,—круглую щетку на длинной палкѣ,—обметать потолки. А это надежный признакъ: скоро Пасха.

Ура! Въ сухарницу высыпали изъ пакета «жаворонковъ»... Весна идетъ... весна! Я часто высовываю голову въ форточку и слушаю,—не идетъ ли весна, не гремятъ ли колеса... Да, гдѣ-то гремятъ...

А еще какъ недавно мы кричали ура!—когда закружились первыя бѣлыя мухи, и Гришка выкинулъ изъ сарая дровянки.

Насъ держатъ взаперти: въ *томъ* домѣ, какъ мы называемъ дядинъ домъ, Леня заболѣлъ скарлатиной. Прерваны всѣ сношенія, такъ какъ можно заразиться и умереть.

Смерть при этихъ словахъ встаетъ въ моемъ представленіи, какъ нѣчто живое, хотя и неуловимое существо. Она ходитъ гдѣ-то по двору, стараясь пробраться въ комнаты. У дяди Захара она, по всей вѣроятности, уже на стеклянной галлереѣ, но ее стараются не пустить всѣми силами. По городу она «коситъ», какъ говорятъ у насъ. Она «скосила» нашего двоюроднаго брата, который живетъ гдѣ-то далеко, такъ далеко на краю городу, что мы, обыкновенно, замерзаемъ дорогой, когда ѣздимъ туда на Рождество.

Мы боимся ночи, и я избѣгаю проходить темной передней, гдѣ за дверью стоитъ большая кочерга. Быть можетъ, смерть сидитъ еще «на ключѣ», въ темной комнаткѣ, гдѣ въ прошломъ году померла старушка Васса, которая и зазвала эту смерть: она такъ часто просила, чтобы смерть прибрала ее. Ну, теперь, понятно, смерть завелась на нашемъ дворѣ и будетъ «косить».

Я мелькомъ, чтобы смерть не могла замѣтить меня, заглядываю подъ кровать, за буфетъ и за занавѣски, но тамъ только темно и пусто. Это, быть можетъ, обманчивая пустота. Конечно, «она» гдѣ-нибудь здѣсь, здѣсь... Это ясно. Къ чему же такая суетня и встревоженныя лица?...

Въ нашемъ домѣ приняты мѣры: *ее* выкуриваютъ, какъ это всегда дѣлала прабабушка Устинья Семеновна и какъ дѣлалъ нашъ кучеръ, когда Устинья Семеновна померла. Эти мѣры самыя вѣрныя и убійственныя для смерти.

Изъ кухни въ мѣдномъ тазу приносятъ раскаленные кирпичи, кладутъ какіе-то прутики и поливаютъ уксусомъ. Шипящій столбъ ароматнаго, кислаго пара бьетъ въ потолокъ, ползетъ по угламъ, трудно дышать, а кучеръ носитъ тазъ, откинувъ голову, и «выкуриваетъ». Я заглядываю въ углы, нѣтъ ли гдѣ захваченной и скрюченной смерти, вожу кучера,—и во мнѣ дрожитъ все, а въ глазахъ и носу щекочетъ не то отъ чада, не то отъ пріятнаго удальства.

Смерть, конечно, изгнана. Какъ легко! и какой хорошій кучеръ Антонъ!

Въ томъ домѣ все это уже продѣлано, но, очевидно, тамъ что-то не такъ вышло: Ленѣ хуже. Подолгу простаиваемъ мы у оконъ и смотримъ. Вотъ подъѣхала шестерней синяя карета, распахивается «парадная»,—и дядя Захаръ, страшный дядя Захаръ, какъ мальчикъ, безъ картуза, бѣжитъ на улицу, падаетъ на колѣни и крестится большими крестами. Его лицо тревожно, онъ сталъ какъ будто ниже.

Съ кучеромъ Архипомъ и юркимъ Александромъ Ивановымъ, который быстро выхватываетъ изъ кареты фонарь и суетъ моему пріятелю Васькѣ, дядя Захаръ вынимаетъ громадную кованую икону. Это привезли «Иверскую».

Вчера тоже привозили икону съ большимъ темнымъ лицомъ, потомъ какой-то сундучокъ. Что же въ сундучкѣ? Въ сундучкѣ, оказывается, «мощи», и въ нихъ особенная сила, изгоняющая смерть. Вѣра въ силу «выкурки» шатается: кромѣ кирпичей и уксуса, есть еще сильнѣйшее средство—мощи въ сундучкѣ. Конечно, смерть теперь будетъ изгнана.

Но что съ дядей! Онъ несетъ икону съ лѣстницы. Его голова поднята, лицо красное, перекосившееся, въ рукѣ зажатъ платокъ... и дядя плачетъ... Дядя Захаръ плачетъ! Что случилось?... Плакать могли мы, плакала Васса, когда въ темную комнатку, передъ смертью, приходилъ батюшка съ ящичкомъ, плакала нянька Домна, когда ей подарили «линючаго ситечка», но дядя Захаръ... Должно быть, Леня умираетъ...

Каждый день на нашемъ дворѣ новыя кареты и новыя иконы. Говорятъ, дядя Захаръ уже не ѣздитъ на заводъ, а ходитъ по залу, зажигаетъ лампадки, кричитъ на всѣхъ и молится. Александръ Ивановъ «гоняетъ» по монастырямъ, служитъ какія-то заздравныя, возвращается темнымъ-темно и «здорово заливаетъ», какъ говорилъ Гришка на кухнѣ.

Домна сообщила намъ, что Ленину рубашку возили въ какой-то кремль и клали на чей-то гробикъ.

— Теперь ужъ одинъ конецъ: либо помретъ, либо отходится... А ты штой это озорничаешь-то!... помолился бы вотъ за братца-то... Стань-ка вотъ, помолись Миколѣ-то!... Вонъ онъ какой... стро-огой Никола-то... Кому я говорю-то, а? У-у, безстыжій!...

Я смотрю на высокій кивотъ, лоснящійся и пахучій. Никола въ золотой шапкѣ. Его коричневое лицо будто вздрагиваетъ при мигающемъ свѣтѣ лампады, точно онъ моргаетъ и водитъ бровями, и щурится. Я боюсь этого строгаго лица и не могу молиться.

За стеклами всѣ они точно живые, и я знаю, что они никогда не

спятъ, а смотрятъ и всегда все видятъ и знаютъ. Ихъ запираютъ на ключикъ. Это мнѣ нравится. Спать спокойнѣй,—и я каждый вечеръ, украдкой и затаивъ духъ, становлюсь на стулъ и пробую ноготкомъ, заперта ли рама. Всѣ они у меня подъ наблюденіемъ и всѣ имѣютъ особенный смыслъ.

Вверху изображеніе Троицы въ видѣ серебряныхъ странниковъ за столомъ, подъ деревомъ. Эта икона напоминаетъ мнѣ обѣдъ въ саду, даетъ мыслямъ хорошее настроеніе, и мнѣ не страшно. Никола пониже. Его я боюсь: онъ напоминаетъ мнѣ отчасти дядю Захара, отчасти нашего стараго діакона, всегда громко сморкающагося и гудящаго. Совсѣмъ внизу—одинокій коричневый человѣкъ въ шкурѣ черезъ плечо, съ тонкимъ, высокимъ крестомъ. Эта икона внушаетъ мнѣ неопредѣленно-смутный страхъ.

Я молюсь, но не о Ленѣ. Я повторяю вереницу сливающихся молитвъ, загадочно-непонятныхъ, безъ всякаго усилія прыгающихъ съ языка, а самъ думаю о *нихъ,* стоящихъ за стеклами, стараюсь рѣшить, какъ это *они* могутъ видѣть и знать все.

Чудодѣйственная сила изъ кремля побѣдила смерть: Леня выздоравливаетъ. Я не столько радъ тому, что Леня выздоравливаетъ, какъ тому, что есть средство противъ этой «смерти». Она должна окончательно исчезнуть съ нашего двора, и можно безопасно ходить по комнатамъ.

Утромъ мы поражены необычайнымъ видомъ двора.

Громадная толпа нищихъ гудитъ у крыльца, причитаетъ, споритъ и толкается, и Александръ Ивановъ раздаетъ изъ полотнянаго мѣшочка грошики въ знакъ выздоровленія Лени, какъ намъ сказали. Какія ужасныя фигуры! Откуда ихъ столько? Гдѣ они живутъ и почему на нихъ такія лохмотья? Дядя Захаръ выглядываетъ съ галлереи, вызываетъ какую-нибудь дряхлую старуху или калѣку-старичка и бросаетъ имъ деньги. Его лицо попрежнему сурово; такъ же гордо торчитъ высокій хохолъ и моргаетъ глазъ.

— Александръ Ивановъ! Гони этого дармоѣда въ шею! Третій разъ, чортъ, лѣзетъ... Рожа, какъ бревно!... въ шею гони!...

Да, дядя совсѣмъ, какъ всегда. Чего же теперь бояться? Смерть изгнана, и дядя такъ спокоенъ, что даже кричитъ:

— Заложить «Стервеца» въ дрожки!... Нѣтъ... въ шарабанъ!... Да подковы осмотрѣть!... Какъ заковалъ?!... Позвать сюда подлеца!... Кузнечишка проклятый!...

Какой страшный дядя Захаръ! Ему все, какъ съ гуся вода. Еще недавно онъ плакалъ, носилъ иконы, гонялъ Александра Иванова по монастырямъ, не пилъ, не ѣлъ, какъ разсказывали у насъ, рвалъ и

металъ все въ домѣ и чуть ли не становился на колѣни передъ докторами, а теперь...

Нѣтъ! Смерть не исчезла, а перебралась въ подвальный этажъ, къ сапожнику Плѣшкину, и скосила Ваську, съ которымъ я такъ любилъ драться и ѣсть зеленыя яблоки въ бочкѣ изъ-подъ сахара на заднемъ дворѣ. Они—люди бѣдные и не могли привозить иконы и сундучки съ мощами, не служили «заздравныя» и не призывали батюшекъ. Но почему же они не попробовали кирпичей? Я плакалъ по Васькѣ и мучился, что не отдалъ ему еще съ лѣта забранныхъ у него трехъ «паръ» и «свинчатки», которая всегда такъ ловко била. Теперь я уже не могу расквитаться, и мнѣ страшно, что Васька будетъ являться ко мнѣ по ночамъ и требовать долгъ, какъ разсказывала намъ когда-то нянька.

Ваську вынесли, въ досчатомъ красномъ гробикѣ, рваный и грязный Плѣшкинъ, знаменитый кулачный боецъ на стѣнкахъ, и его единственный мастеръ Мишка «Драпъ», очень веселый парень и «охальникъ», какъ называетъ его наша красивая горничная Паша.

У Плѣшкина голова опущена, видна большая лысина, и одна штанина выше другой. Онъ весь какой-то худой, какъ наша старая, вылѣзлая щетка. Да и Мишка Драпъ идетъ хмурый. Гришка снимаетъ картузъ и крестится. Ага! крестится?... Что значитъ померъ-то человѣкъ!... А то всегда таскалъ Ваську за волосы и билъ метелкой. Пусть теперь мучается: Васька непремѣнно будетъ приходить къ нему по ночамъ.

Я плачу на подоконникѣ. Мнѣ горько, досадно, что умеръ мой пріятель, съ которымъ мнѣ всегда почему-то запрещали играть. Зачѣмъ онъ умеръ? кому помѣшалъ онъ? Всегда его били: билъ отецъ, стегала «шпандыремъ» мать, давалъ подзатыльники Драпъ и Гришка вышвыривалъ его изъ нашего сада. Еще такъ недавно несъ онъ радостно фонарь въ тотъ домъ... Я смотрю на иконы, на Николу и думаю... Вѣдь *онъ* все можетъ... Но почему же, почему?... Я не понимаю ничего, думаю напряженно, всматриваюсь въ образа, и мнѣ... мнѣ начинаетъ казаться, что *они* хранятъ какую-то тайну, большую, непонятную. *Они* молчатъ, смотрятъ и знаютъ... *Они* знаютъ все, все... И молчатъ. А ночью что *они* дѣлаютъ? А, можетъ быть, *они* что-нибудь дѣлаютъ, когда я сплю, когда я не вижу ихъ? Вѣдь нянька говорила, что ангелъ-хранитель ходитъ, а мой ангелъ—Никола... Не онъ ли колышется тѣнью въ темныхъ углахъ, шевелитъ занавѣской и тихо скрипитъ половицей?...

Я закрываюсь съ головой и лежу. Тихо... тихо... Нянька напи-

лась квасу изъ краснаго кувшина, куда часто забираются черные тараканы, и уже храпитъ на лежанкѣ.

Ночь идетъ. Теперь въ дальнихъ комнатахъ прохаживаются всѣ, кто жилъ когда-то въ нашемъ домѣ. Теперь даже часы не ходятъ,— думается мнѣ.

Ноготкомъ осторожно приподымаю я край одѣяла и выглядываю однимъ глазомъ. Золотой, дробящійся лучъ лампады сторожитъ меня, тянетъ къ себѣ. Нѣтъ, *они* все такъ же за стеклами, такъ же моргаютъ и смотрятъ. Одинъ я и *они*... Жуть охватываетъ меня. Я вижу, какъ въ темномъ углу бѣлое что-то шевелится, подается впередъ и тонетъ, точно высматриваетъ и прячется. Васька!... онъ, это онъ... Я ору такъ, что вздрагиваетъ лучъ лампады, и старая Домна почти скатывается съ лежанки.

— Васька тамъ!... Васька...

— У, полуношникъ... ни свѣтъ, ни заря... Вышвырну вотъ за дверь... День-деньской покою нѣтъ... Чего разорался?... У, большой безстыдникъ!... Пожалюсь мамашѣ-то...

Я плачу, сидя на подушкѣ, слезы капаютъ на грудь и ползутъ по животу, щекочутъ.

— Ты... ты хра-пи-пишь... а тамъ Васька...

— Тьфу!... пустая болтушка... Ну, какой тебѣ Васька тутъ!... юбку повѣсила... У-у... уйду вотъ возьму на куфню... Васька!... Гдѣ онъ Васька?...

И въ ея голосѣ я чувствую сомнѣніе и тревогу. Она протираетъ глаза, она глядитъ въ темный, подозрительный уголъ.

— И нѣтъ ничего...—Вздохъ.—Чего ему здѣсь... Въ раю онъ теперь... Спи...

...Въ раю!... Это что-то чудесное. Тамъ такъ хорошо, тамъ четыре рѣки, широкія дорожки, всегда солнце и бѣло-розовыя птицы... и золотыя лужайки.

И въ этомъ свѣтѣ и золотѣ—онъ, босой, съ сбитыми волосенками и голыми ногами, съ засохшими полосками грязи въ пальцахъ.

Новость. На нашъ дворъ привели красиваго пони съ стриженой, подрагивающей гривкой. Дядя Захаръ купилъ его для Лени. Это за то, что онъ выздоровѣлъ. Если бы и мнѣ подарили такого! Я хоть три раза готовъ заболѣть скарлатиной и выздоровѣть. А если бы Васька выздоровѣлъ, что бы ему подарилъ Плѣшкинъ? По всей вѣроятности, ничего, такъ какъ у Плѣшкина нѣтъ ни гроша, и еще недавно, когда мы катались съ Васькой съ горы, онъ сообщилъ, что «хозяинъ Цыганъ», то-есть дядя Захаръ, грозился вышвырнуть ихъ на мостовую.

IV.

Какой странный Леня! Должно быть, болѣзнь такъ подѣйствовала на него: онъ совсѣмъ не выходитъ гулять. Но вѣдь онъ всегда былъ какой-то дикій и странный. Онъ весь въ дядю Захара, говорятъ у насъ. Но это неправда,—я это знаю хорошо. Дядя Захаръ никогда ничего не читаетъ, а Леня каждую субботу посылаетъ Гришку въ какую-то «библитеку» и читаетъ по ночамъ, что̀ очень злитъ мать дяди Захара, сухую и скупую старуху, вѣчно возящуюся въ своемъ коровникѣ: много выходитъ свѣчей и фотогену. Дядя тоже недоволенъ: въ его время «никакихъ этихъ дурацкихъ книгъ не было»; съ нихъ только «съ ума сойти можно» и «нигилистомъ сдѣлаться».

Это слово часто повторяютъ у насъ, и даже дворникъ Гришка обругалъ разъ кучера, и кучеръ ткнулъ его за это въ брюхо. Я спрашивалъ, что̀ значитъ «нигилистъ», но всѣ говорятъ по разному. Домна говоритъ, что это значитъ—«нехристь», который въ постъ скоромное лопаетъ и въ церкву не ходитъ. Гришка сказалъ, что это «жулики и воопче такъ... которые воопче... вродѣ какъ бы черти»...

Я, конечно, не понялъ ничего. Мы рѣшили, что это страшные преступники, которыхъ еще недавно возили на черной телѣгѣ куда-то на «конную».

И вотъ дядя Захаръ боится, какъ бы и Леня не превратился въ нигилиста. Но мы... мы всѣ хотимъ, чтобы онъ превратился: тогда-то мы все узнаемъ.

Конечно, онъ превратится. Онъ все время, какъ пріѣдетъ изъ училища, возится у себя въ кабинетикѣ и занимается какой-то «химіей». Дядѣ это, видимо, пріятно: это мѣшаетъ читать книги и необходимо для ученья.

По вечерамъ изъ оконъ видимъ мы, какъ Леня что-то разливаетъ въ пузырьки съ трубочками. Я очень, очень интересуюсь «химіей», но какъ ни придешь въ тотъ домъ, прорвавшись подъ охраной Гришки черезъ стаю «мушекъ»,—никакъ не удается попасть въ комнатку Лени: она заперта, и Леня не желаетъ водить туда «всякихъ младенцевъ».

Но не бѣда, что мы не видимъ «химію»: мы въ томъ домѣ видимъ многое другое.

Тетя Лиза... Она всегда такая добрая и грустная. У ней бѣлое, какъ кремъ, лицо, большіе голубые глаза и маленькія розовыя губки. Она всегда въ бѣломъ отложномъ воротничкѣ и съ большой, красной брошкой подъ шеей. Мнѣ всегда кажется, что она скучаетъ или боится чего-то: она всегда такъ жалобно смотритъ передъ собой и взды-

хаетъ, перекусывая нитку. На ея столикѣ всегда груда бѣлья, шерстяной камушекъ и на немъ стайка булавокъ съ мѣднымъ покачивающимся наперсткомъ на самой высокой.

Я люблю тетю Лизу: она позволяетъ мнѣ лазить по старымъ кресламъ, ковырять замазку на окнахъ и перетыкать булавки. Она позволяетъ мнѣ открывать большой стеклянный шкафъ и любоваться на рѣдкости.

Тамъ, на средней полочкѣ, въ уголку, стоитъ деревянный старичокъ въ шляпѣ ведеркомъ и смотритъ слѣпыми глазами. Этотъ старичокъ—коричневый, и ему больше ста лѣтъ. Это рѣдкость. Его вырѣзалъ какой-то Антипъ Захарычъ, мужичокъ и нашъ предокъ, когда еще жилъ въ деревнѣ. Этого Захарыча, знаменитаго рѣзчика, продалъ его хозяинъ, какой-то князь, за пятьсотъ рублей куда-то, а онъ убѣжалъ на Аѳонъ и сдѣлался монахомъ. Прабабушка ѣздила на Аѳонъ и вывезла этого старичка «изъ Туречины», и теперь этого старичка берегутъ, какъ золото: по субботамъ его обтираютъ тряпочкой и ставятъ на прежнее мѣсто. Мнѣ кажется, что это не простой старичокъ, а самъ Антипъ Захарычъ, мой родственникъ, Хмуровъ. И я всегда, когда нѣтъ никого въ комнатѣ, трогаю его пальцемъ и здороваюсь съ нимъ, и онъ... онъ улыбается ласково, и его слѣпые глаза грустно глядятъ на меня изъ-подъ шляпы.

Кромѣ старичка, въ шкафу стоитъ чашка, изъ которой пила кипятокъ съ изюмомъ наша прабабушка. Потомъ я очень люблю пузатый, разноцвѣтный графинъ съ бѣлыми пятнышками, что-то еще, фарфоровую мышку и веселаго косца съ разстегнутымъ воротомъ и грабельками на плечахъ.

А часы, большіе часы въ столовой, съ румяными яблоками и цвѣтами на крышкѣ! Ихъ маятникъ, какъ большая нога, идетъ, идетъ... идетъ всегда, идетъ въ будущее, къ завтрашнему дню,—и когда ему дѣлается скучно, отскакиваетъ крышечка, выскакиваетъ на проволочкѣ кукушечка и хрипитъ.

А стулья съ высокими рѣзными спинками, съ рѣшеткой, о которую такъ пріятно тереться затылкомъ!

Тетя Лиза разсаживаетъ насъ въ столовой, изъ которой я вижу, какъ на галлереѣ развалились «мушки» и «жулики»—мои враги, ставитъ передъ нами малюсенькіе стаканчики съ гранеными бочками и колетъ щипчиками шоколадъ. Дядя пьетъ чай въ прикуску и чвакаетъ зубомъ такъ рѣзко, что я вздрагиваю, заглядываю на него вбокъ и вижу вздрагивающій черный хохолъ, большіе, суровые глаза и громадные пальцы, которыми онъ ломаетъ сахаръ на мелкіе кусочки.

Леня въ сторонкѣ, какъ всегда, зажавъ уши, читаетъ книгу.

— Брось!—грозно говоритъ дядя Захаръ.

И я опрокидываю стаканчикъ на скатерть.

— Сажаютъ слюнтяевъ...—ворчитъ дядя и чвакаетъ зубомъ.— Съ свиньями имъ... Брось, тебѣ говорятъ, книжку!... Поѣдемъ лучше на заводъ... Эй! заложить «Стервеца!»

Леня молча уходитъ съ книгой, и я слышу, какъ звонко щелкаетъ ключъ.

— А, чо... Ленька!... Отомкнись!...

Отвѣта нѣтъ. Мы дрожимъ отъ громкаго окрика.

— Ну, ну... ступайте... На-ка вотъ... возьми апельсинчика-то и ступай,—говоритъ со вздохомъ тетя Лиза.

Но тамъ, на галлереѣ, «мушки», но тамъ, у двери, кричитъ дядя Захаръ.

— Дверь сорву!... Тебѣ говорятъ!!... Отопрись!...

Дверь трещитъ, «мушки» подымаютъ гамъ. Бабка Василиса показываетъ изъ моленной сухую, похожую на воронью, голову.

— Вырастилъ чадушку... нечего сказать... Съ эстихъ-то вотъ поръ...

— Я хочу читать... не поѣду на заводъ,—рѣзко отвѣчаетъ Леня.—Сказалъ разъ—не поѣду!...

— Майся вотъ теперь... Лба не перекреститъ... Вотъ тебѣ за неуваженіе твое къ матери... во-отъ...

Дядя сжимаетъ кулаки. Сейчасъ разлетится дверь.

— Не по-ѣду!...

— Бол-ванъ!!...—прокатывается по всему дому.—Выйди только!... А вамъ чего?... чего вамъ? Богу молитесь да деньги копите!... вамъ чего?—подступаетъ дядя къ матери.—Вырастилъ—мое дѣло. Помирать вамъ пора, а вы треплетесь...

— Э-эхъ, какъ тебя окаяшка-то осѣтилъ... тьфу!... Ты бы вотъ за собой-то побольше глядѣлъ да съ разными Матрёшками при законной женѣ не крутился... Тьфу!...

— Сами тьфу!... Днемъ деньги копите, ночью чорта молитвой тѣшите. Не дамъ сѣна!... и коровникъ снесу... Торговка!...

Дядя Захаръ попадаетъ въ самое больное мѣсто.

Бабка Василиса держитъ двухъ коровъ, сама ходитъ за ними и оргуетъ молокомъ. Молока даромъ никому не даетъ, а продаетъ даже емьѣ, въ которой живетъ, и всю недѣльную выручку носитъ по суботамъ въ банкирскую контору, къ родственнику, откуда обязательо отправляется на молебенъ къ Иверской. У бабки, какъ всѣ говотъ, денегъ куры не клюютъ, дядя ждетъ наслѣдства, но бабка грося, что переживетъ всѣхъ, и никто отъ нея «ни эстолько вотъ»

не получить. На дворѣ ее терпѣть не могутъ и говорятъ, что у нея есть какой-то «глазъ». Она можетъ изсушить человѣка, и я боюсь попадаться ей на глаза.

Я начинаю чувствовать уваженіе къ Ленѣ: не бояться дяди Захара! Но странно, что и дядя Захаръ только кричитъ, никогда не наказываетъ Леню и часто уступаетъ. Ему, должно быть, нравится, что Леня такъ ведетъ себя, и я разъ слышалъ, какъ онъ сказалъ:

— Какъ желѣзо... весь въ меня!... Расти, Ленюкъ!... Такой заводище завернемъ... всю глину у мужиковъ скупимъ,—никто не подступится... Знай Хмуровыхъ!... Загремимъ!... такъ, что ли, а?...

Лѣтомъ мы не ѣздимъ на дачу. У насъ на заднемъ дворѣ небольшой садикъ, гдѣ растутъ четыре березы, бузина и нѣсколько вишневыхъ деревьевъ, гдѣ въ углу, у забора, стоитъ старая бесѣдка съ цвѣтными стеклами. Въ бесѣдку забирается Леня и читаетъ въ холодкѣ, а мы... мы виснемъ на березахъ и швыряемъ пылью въ прохожихъ за заборомъ. У забора растутъ грибы—шампиньоны,—открытіе, которое я тщательно замалчиваю, чтобы сдѣлать сюрпризъ.

Кромѣ того, я сдѣлалъ еще открытіе. Въ бесѣдку проникаетъ черезъ заборъ съ улицы тоже реалистъ, сынъ хромого портного, худой, рыжеватый мальчикъ съ длиннымъ носомъ и въ смятой фуражкѣ. Это Ленинъ товарищъ. Онъ почему-то боится зайти въ домъ, и Леня видится съ нимъ украдкой. Эта таинственность очень интересуетъ меня. Я готовъ помогать имъ «въ ихъ дѣлахъ», должно быть, очень важныхъ и опасныхъ. Но они только читаютъ книги и говорятъ что-то непонятное. Когда я приближаюсь къ бесѣдкѣ, меня гонятъ, и я обѣщаюсь «все» разсказать, на что оба въ одинъ голосъ отвѣчаютъ:

— Дуракъ!

И получаютъ отвѣтъ:

— А вы нигилисты!...

Они смѣются и спрашиваютъ:

— А что такое нигилисты, ну?

— Жулики... Мнѣ Гришка сказалъ... Жу-ли-ки...

— Вотъ оселъ-то!... Поди-ка сюда...

Но я уже висну на березѣ и пою:

— Жулики... ни-ги-ли-сты... ску-ден-ты!...

Это тоже ругательное слово на нашемъ дворѣ. Еще сегодня Гришка крикнулъ на оборванца:

— Скудентъ, рваный чортъ!...—и замахнулся метлой.

Я теперь знаю много интересныхъ словъ: лахудра, прохвостъ, нигилистъ, скудентъ и другія. Но есть еще слова, которыя мнѣ с

вѣстно произносить, хотя я и не знаю ихъ смысла. Я только догадываюсь.

Каждый день я дѣлаю новыя открытія. Играя въ палочку-выручалочку, я забрался на сѣноваль и засталъ тамъ нашу горничную Пашу, отъ которой всегда пахнетъ черемухой, и Гришку. Они играли сѣномъ. И когда я спросилъ, что они тутъ дѣлаютъ, Паша, вся красная, стала быстро-быстро застегивать кофту и оправлять волосы, а потомъ вдругъ стала просить меня, чтобы я никому, никому не говорилъ; Гришка же стоялъ, потягиваясь, и улыбался во весь ротъ.

Я подозрѣваю, что они что-нибудь утащили и прячутъ въ сѣнѣ. Теперь я буду тщательно слѣдить за ними, какъ это дѣлаетъ Леня, который всегда внимательно оглядываетъ горничную Грушу; и даже разъ вечеромъ, въ саду, когда та пришла звать его ужинать, хотѣлъ вывернуть у ней карманъ, но она не давалась и все просила:

— Ахъ, баринъ... да оставьте... что вы это... увидятъ...

Это ужъ вѣрно: онѣ, эти горничныя, всегда что-нибудь прячутъ въ своихъ карманахъ.

Теперь я узналъ, почему реалистъ, сынъ хромого портного, перелѣзаетъ черезъ заборъ. Это потому, что онъ—мѣщанинишка.

Недавно, когда я смотрѣлъ, какъ запрягали «Стервеца», дядя Захаръ пилъ чай на галлереѣ и кричалъ:

— А вотъ то̀!... Ежли еще увижу и выгоню...

— Онъ мой товарищъ.

— Всякій мѣщанинишка тебѣ товарищъ!... Ты отца не страми... Я заводчикъ, купецъ... и ты мой сынъ... А онъ—мѣщанинишка!... Его отца я подлецомъ ругаю и съ лѣстницы могу спустить...

— Это... это самодурство!... это...

— Еще скажи!!... щенокъ!... Отъ меня онъ питается!... Его отецъ моему Архипкѣ портки шьетъ... а тоже... въ бары норовитъ... въ училище отдалъ!... всякая шваль!...

— Онъ у насъ изъ первыхъ... Ему стипендію дадутъ...

— У васъ!... А *у меня* онъ дальше кухни ходить не можетъ... Молчи!!...—крикнулъ дядя.—Огрыза!...

— Мы сами изъ мужиковъ...

— Молчать!... да, изъ мужиковъ... А онъ мѣщанинишка!...

Мѣщанинишка!... Это, по всей вѣроятности, что-то нехорошее. акъ какъ это нехорошее, то я не рѣшился спросить дома, а отправился къ Гришкѣ.

Гришка живетъ въ комнаткѣ у воротъ, гдѣ у него подъ досками

валяются пустыя бутылки, и куда иногда забѣгаетъ спать въ холодкѣ какая-то горничная изъ трактира, въ красныхъ туфелькахъ.

«...и го-ло-ва... у е-го... и... ус... от-ско... сускочила и...»

— Гришка!...

— Погоди... дай до большака дойтить... «и ра-зѣ-ва»... разинувъ... такъ... «ро-тъ...по-ка-ти»...покатила... «съ лѣс-тни-цы»... Ловко... Ну, что тебѣ?...

— Видишь что... Ты это про солдата читаешь? Какъ спасъ царя отъ разбойниковъ?...

— Ну, про солдата... А тебѣ чево?...

— Вотъ что... Что это такое «мѣщанинишка»?...

— Мѣщанинишка?—важно спрашиваетъ Гришка, развалясь на рогожѣ и свертывая «фунтикъ». А евто значитъ, ев-то значитъ... ефы-то значитъ мѣщанинъ!... А тебѣ на што?

— Такъ. Я знаю... это который лазитъ черезъ заборы?

— Хо-хо-хо... на манеръ жулика...

— Да?... это... вродѣ жулика?...

— Ха-ха-ха!—покатывается плутъ Гришка.—Мѣщанинъ... это который кошкѣ заду прищемилъ.

— Ты дуракъ. Я скажу, что ты съ Пашей въ сѣно прятали вещи.

— Пффсс...—прыскаетъ Гришка.—Вещи... Ха-ха-ха... «Я скажу»... Хо-хо-хо...

Онъ такъ гогочетъ, что я начинаю обижаться.

— Такъ что же это, а?

— А то. Вотъ ты понимай... Стоитъ дворъ, во дворѣ заборъ, на заборѣ книжка, а въ книжкѣ сидитъ Гришка... такъ?...

— Ну?...

— Ну... и сидитъ... и самъ себѣ, сталыть, говоритъ: «Гришка, Гришка!... чья за эта за самая за книжка»?

— Ну?...

— Ну... Книжка эта матери Мареи... А ты, Миколя, иди-ка отседа поскорѣе... а то блоху посажу!...

Онъ опускаетъ руку за пазуху, и я стрѣлой вылетаю изъ каморки.

Такъ я и не могъ ничего узнать, кромѣ «мѣщанина».

V.

Ходитъ страхъ... Да, сегодня во всемъ нашемъ домѣ разлитъ какой-то неопредѣленный, жуткій страхъ. За чаемъ не говорили ни слова, часто подходили къ окнамъ и смотрѣли на улицу. Вызывали кучера и спрашивали:

— Ну, какъ?... ничего?

— Да вить какъ сказать... опасаются... Дворниковъ въ часть скликали... безпремѣнно чтобъ на часахъ...

— Ворота запереть... слышишь?...

Всѣ вздыхаютъ, не выходятъ изъ дому. Страхъ сообщается и намъ. Мы, было, пробуемъ начать бой подушками, но выходитъ вяло, и мы разсаживаемся на подоконники и глядимъ на улицу. Тамъ тише, чѣмъ обыкновенно. Гришка съ бляхой стоитъ на мостовой и сторожитъ.

Что же это все значитъ? Наша Домна часто вытаскиваетъ изъ своего глубокаго кармана тряпочку и третъ глаза. Мы спрашиваемъ ее.

— Царь-батюшка... преставился... Царство небесное...

Это извѣстіе страшно поражаетъ насъ. Царь померъ!... Тотъ царь, съ хохломъ на головѣ, портретъ котораго виситъ въ столовой. Это тотъ царь, который все можетъ, можетъ казнить и дѣлать все, что хочетъ, какъ говорила намъ раньше Домна. Его поставилъ Богъ. Я не могу постичь, какъ это онъ могъ померетъ. Вѣдь это не простой человѣкъ; его поставилъ Богъ, значитъ, это что-то особое, имѣющее сношеніе съ Богомъ, какъ святые и угодники. Онъ ходитъ въ золотѣ и ѣстъ на золотѣ, и ѣстъ не то, что ѣдимъ мы. Мы даже затрудняемся придумать, что онъ можетъ ѣсть: все такъ обыкновенно. Это даже не человѣкъ, а только имѣетъ видъ человѣка. Это что-то особенное.

А Домна мыкается, плачетъ и причитаетъ. Въ меня проникаетъ страхъ, ужасъ. Что теперь будетъ безъ царя? Теперь все погибло, и намъ всѣмъ грозитъ бѣда, гибель. Оттого всѣ шепчутся, сторожатъ на улицахъ и ждутъ. А вдругъ придутъ «враги» и всѣхъ насъ... перерѣжутъ? Конечно, это о *нихъ* спрашивали за чаемъ.

«Царствуй на страхъ врагамъ»!...

Мы еще недавно распѣвали эту пѣсенку. Ну, теперь какой же «врагамъ» страхъ? Царь умеръ.

— А могутъ *они*... придти?—спрашиваю я Домну.

Она не отвѣчаетъ, гремитъ щеткой подъ стульями и шмыгаетъ носомъ.

— Домнушка, скажи... могутъ, а?... Нѣтъ, ты скажи... могутъ придти, а?...

Я хватаюсь за надоѣдную щетку.

— Да отвяжешься ты отъ меня, смола!... Ну, чего тебѣ, ну, чего?...

— Придутъ *они*?

— Кто?

— А «враги»...

Она смотритъ на меня сердито. Ей кажется, что я дразню ее.

— Вотъ головешкой-то ткну, вотъ... Пропасти на васъ нѣту!... скачи, скачи... хрустнетъ нога-то...

Я всетаки сомнѣваюсь. Сомнѣваюсь потому, что на улицѣ не видно солдатъ. Если бы шли на насъ «враги», непремѣнно прошли бы солдаты съ трубами, какъ ходили недавно, когда мы воевали съ турками. Но непонятный страхъ сидитъ прочно. Украдкой пробираюсь я чернымъ ходомъ во дворъ.

Я слышу, какъ по городу плаваетъ звонъ, не прерываясь, точно плачутъ колокола. Кучеръ Архипъ возится въ сараѣ. Я вхожу. Архипъ моетъ пролетку и третъ тряпкой. Я, конечно, забираюсь на козлы, смотрю на волосатыя руки Архипа и задаю вопросъ:

— Архипъ, правда, будто царь умеръ?

— Умеръ,—вздыхаетъ Архипъ.—Убили вчерась въ Питерѣ.

— Какъ, убили?

Во мнѣ все путается. Царь—и вдругъ... Архипъ всегда вретъ.

— Врешь ты все!... Его нельзя убить... онъ царь!...

— Ори еще!... убили вотъ,—шопотомъ говоритъ Архипъ и оглядывается.

Я тоже оглядываюсь, но ничего особеннаго нѣтъ: все на мѣстахъ—шлеи и дуга, вожжи и армякъ на деревянномъ гвоздѣ.

— Кто же убилъ?

— Ну, вотъ, кто?... Тебѣ все надоть, кто?—Онъ оглядывается.—Извѣстно нигилисты.

«Нигилисты»... Они, тѣ, о комъ я ничего не могъ узнать.

— Теперь насъ будутъ рѣзать?

— А ты почемъ знаешь?

Я чувствую, какъ шевелятся волосы на моей головѣ. Значитъ, вѣрно... значитъ...

— Теперь на насъ придутъ «враги», Архипушка?—придутъ, а?

— Рѣжпублику хотятъ,—загадочно говоритъ онъ, стоя съ тряпкой, по которой бѣгутъ мутныя струйки.—*Они* теперь такую рѣзьбу зачать могутъ.—Онъ вздыхаетъ и смотритъ на свои волосатыя, жилистыя руки.—Ну да ужъ... всѣ пойдемъ...

Я не знаю «нигилистовъ», этой таинственной силы, но и я готовъ, готовъ идти на «нигилистовъ»...

— Я шкворень возьму... можно, Архипъ?—говорю я, чувствуя дрожь въ животѣ и спазмы въ горлѣ.—Я буду шкворнемъ... А ты что возьмешь?

Архипъ показываетъ здоровенный кулакъ.

— Вотъ... ежли только начнется... А то оглоблей.

— А «начнется»?

— Да ты што присталъ-то? Ступай-ка... ну, тебя...

— Голубчикъ, Архипъ, я тебѣ листокъ на «фунтики» принесу... Скажи, «начнется»?

— Да вить кто е знаетъ... Ежли успѣютъ присягу поцѣловать, можетъ, и обойдется, а не успѣютъ...

Я смотрю, выпучивъ глаза, и ничего не понимаю. Присяга... А присяга гдѣ? и что такое «присяга»? зачѣмъ ее цѣловать?

— Ступай, ступай. Закладать надо. Полицейскій сказывалъ, чтобъ скорѣй присягу шли цѣловать.

У меня отлегаетъ отъ сердца. Спасенье еще не погибло, только скорѣй бы успѣли поцѣловать присягу. Скорѣй!... Я бѣгу къ воротамъ и маню Гришку.

— Кто царя убилъ?

— Ори!... рази такъ можно?—говоритъ Гришка, и его лицо строго и безпокойно. Ну, конечно, и онъ боится.

— А присягу успѣли поцѣловать, не знаешь?

Гришка смотритъ на меня косымъ глазомъ и вздыхаетъ.

— Тебѣ ненадоть... ты еще младенецъ.

— Кто царя убилъ? «нигилисты»?—уже шепчу я.

— Кому-жъ еще? *Они*...

— А гдѣ они?

— Гдѣ... вездѣ... Вотъ теперь обыскивать всѣхъ будутъ... и какъ прознаютъ, что нигилистъ, сичасъ казнить.

А звонъ плаваетъ и не таетъ, и не засыпаетъ. Мнѣ кажется, что всѣ колокола, церкви, колокольни и воздухъ,—все, все плачетъ, плачетъ отъ страха.

Подкатываетъ пони, и Леня весело выпрыгиваетъ изъ шарабана. Онъ ничего не боится, а еще насвистываетъ и проходитъ мимо меня, не обращая вниманія. Послѣднее время онъ важничаетъ чего-то. Но меня такъ захватываетъ все перечувствованное—и запертыя ворота, и звонъ, и смущенье на лицахъ, и тишина улицы, что я рѣшаюсь тронуть Леню за рукавъ и спросить:

— Леня, насъ будутъ рѣзать?

Онъ удивленно смотритъ, но я настойчиво повторяю вопросъ.

— Басни все,—важно говоритъ онъ и старается покрутить едва робивающіеся усики.

— А это «нигилисты» царя убили, да?

— Не твое дѣло. Ни чорта ты не смыслишь.

— А ты смыслишь!... Леня, голубчикъ... ты... ты не «нигилистъ», а?

— Вотъ глупецъ-то... вотъ оселъ-то!... Пошелъ!...

— А то тебя казнить будутъ... Ты смотри!...

— Ослиная голова...

У Лени скверная привычка ругаться. Онъ научился, конечно, у дяди Захара. Я обижаюсь, забываю весь страхъ, отбѣгаю подальше, за колодецъ, и кричу:

— Самъ ослиная голова!... дуракъ!... нигилистъ!...

— Вотъ я тебѣ уши нарву...

— А тебя казнятъ, нигилистъ!...

— Поди, поди сюда...

Я слышу страшный голосъ. Дядя Захаръ свѣсился съ галлереи и манитъ меня желѣзнымъ пальцемъ. Я отступаю къ крыльцу.

— Если ты, паршивецъ, будешь такія слова кричать, дёрка будетъ!... Архипъ, зови будочника!—грозно кричитъ дядя.

Я лечу къ себѣ и слышу, какъ заливаются, скатываясь по лѣстницѣ, «мушки» и «жулики», а дядя кричитъ:

— Держи его, держи!...

VI.

Очевидно, присягу успѣли поцѣловать, такъ какъ ничего не случилось. У насъ опять царь, и я знаю его. Стараго царя убрали на заднюю стѣнку, рядомъ съ бисерной барыней, а надъ столомъ повѣсили новаго царя. У насъ говорятъ, что это очень сильный царь и можетъ даже рвать подковы, какъ дядя Захаръ. Это очень хорошо, и «враги» будутъ, конечно, его бояться.

«Нигилистовъ» будутъ судить: сегодня объ этомъ читали въ листкѣ. Теперь я знаю, кто они. Это особые молодые люди, которые всегда съ книжками, ходятъ въ круглыхъ шапочкахъ и очкахъ, носятъ длинные волосы и никогда не женятся. Они много учились и заучились такъ, что у нихъ «умъ за разумъ зашелъ», какъ сказалъ дядя Захаръ, приходившій къ намъ пить чай. И среди нихъ есть дѣвчонки даже, которыя забыли Бога и стыдъ.

— И дѣвчонки туда же... И стыдъ, и Бога забыли!... Вотъ она, наука-то!...

Дядя приходилъ къ намъ посовѣтоваться, какъ быть съ Леней. Не лучше ли его къ дѣлу приставить, а то, чего добраго, набьетъ въ голову всякой чуши. Оказывается, вчера за обѣдомъ онъ заявилъ, что не желаетъ ѣсть «постнятину» и, когда кончитъ училище, уѣдетъ

въ какой-то «институтъ». Рѣшили переговорить объ этомъ съ батюшкой, который ходитъ «съ крестомъ», поетъ молитвы и потомъ долго пьетъ водку и закусываетъ. Какъ онъ посовѣтуетъ, такъ и будетъ.

Я, на всякій случай, рѣшилъ предупредить Леню. Самъ не знаю— почему, но я Леню очень люблю и одобряю, и самъ терпѣть не могу каши съ подсолнечнымъ масломъ и сухихъ грибовъ. Кромѣ того, мнѣ хочется, чтобы Леня былъ инженеромъ и строилъ машины. А это изъ него можетъ «получиться», какъ говорилъ дядя. Но бабка Василиса все ругается съ дядей, что онъ раститъ «антихриста», и грозитъ всѣмъ адомъ.

Я сомнѣваюсь даже въ адѣ, потому что о немъ говоритъ бабка Василиса. Она не любитъ, когда при ней ругаются «чортомъ», а сама недавно обозвала меня чертенкомъ и вытащила за ухо, когда я прятался въ ея коровникѣ за сѣно. Нѣтъ, она не похожа на мою покойную прабабушку Устинью Семеновну, кормившую насъ сухимъ черносливомъ. Она—«сквалыга» и «карга», такъ ругаетъ ее горничная Груша, и, по словамъ Архипа, «ее давно черти съ фонарями ищутъ». Я понимаю Архипа: бабка не даетъ имъ молока и сама отпускаетъ только двѣ ложки сала на кашу.

Возможно, что я и Леня попадемъ въ адъ, но я желаю и тамъ не встрѣтиться съ бабкой: пусть ужъ она идетъ въ рай со своими коровами и крынками.

На Пасхѣ батюшка приходилъ славить Христа и заговаривалъ съ Леней. Я сидѣлъ въ уголкѣ и слушалъ.

— Господа-то Бога не надо забывать. А лучше бы къ своему дѣльцу... У папеньки заводъ кирпичный...

Ленѣ около семнадцати лѣтъ, но онъ выше батюшки и говоритъ баскомъ, чему я очень завидую. Еслибъ я говорилъ баскомъ, наша горничная Паша, у которой такіе большіе глаза, какъ на одной нашей иконѣ, непремѣнно говорила бы со мной, какъ Груша съ Леней. Они часто о чемъ-то шепчутся въ коридорѣ и даже...

Когда батюшка сказалъ про заводъ, Леня задергалъ усики и отвѣтилъ:

— Это мое дѣло. Захочу учиться и буду... Теперь всѣ должны получать образованіе... И... я хочу приносить пользу народу...

Онъ покраснѣлъ, какъ кирпичъ, и вышелъ изъ комнаты. Тетя Лиза побѣжала за нимъ, а дядя чвокнулъ зубомъ и заморгалъ глазомъ.

— Вонъ онъ какой... какъ кремень... въ меня!...

Чудной дядя Захаръ. Онъ какъ будто усмѣхнулся, а батюшка опрокинулъ рюмку и залилъ скатерть. Ловко!...

— Да, да... непокорность... Вотъ какія нынче дѣти... Да, у меня вотъ тоже...

И онъ сталъ говорить о сынѣ, который съ утра до ночи играетъ на скрипкѣ и не хочетъ говѣть.

— И вотъ вамъ... Учатся-учатся, а какъ заучатся,—ни Бога, ни царя не признаютъ... и никакой власти... Руку подымаютъ...

— Ну, этого гм... гм... не будетъ... Да я ему самъ напрочь голову оторву...

И дядя ударилъ себя кулакомъ по колѣнкѣ.

— А съ этого-то и начинается... Сперва посты не признаетъ... Значенія вотъ не имѣетъ,—что яйцо, что грибъ... Это что у васъ, сижокъ?... Да-а... Сперва, говорю, посты... А тамъ... Да вотъ... слыхали?... портного-то Кнутова сынокъ... вовсе въ церкву пересталъ ходить... Отецъ升 дралъ-дралъ, плюнулъ...

— Такой-то оттябель-подлецъ... знаю.

— Ну, вотъ... А тамъ и отцовъ дураками обзываютъ... Мадерца это у васъ?... Да-а... А какъ въ студенты попалъ, ужъ изъ него анар-хистъ выходитъ...

— Ты чего тутъ торчишь? Ступай къ теткѣ... яблоко тебѣ дастъ...

Я нашелъ тетю Лизу въ Лениной комнаткѣ. Она сидѣла на кровати и держала у глазъ платокъ. Леня стоялъ у окна, смотрѣлъ во дворъ и кусалъ губы. Я уловилъ только одну фразу:

— Къ чорту всякихъ вашихъ поповъ!...

Сходя съ галлереи, я встрѣтилъ бабку Василису. Она даже въ праздникъ возилась съ своими крынками. Я, было, замялся, но все же сказалъ:

— Христосъ Воскресе, бабушка!...

— Ну... некогда тутъ... Воистину...

И принялась разливать молоко по крынкамъ

VII.

За три года внѣшній видъ нашей жизни мало измѣнился. Леня кончилъ курсъ и получилъ золотую медаль, которую дядя Захаръ приносилъ намъ показывать. По этому случаю «наверхъ» были допущены люди, которые никогда раньше къ намъ не заходили. Пришелъ скорнякъ Максимъ Максимычъ, или «старая крыса», какъ звалъ его дядя Захаръ, лавочникъ Трифонычъ и даже внукъ его, Степка, съ которымъ я чикаю на крышѣ змѣи. Призвали меня и прочли наставленіе, что если я буду хорошо учиться, то дадутъ медаль и мнѣ

По мнѣнію Степки, медаль очень удобна для чиканья змѣевъ. Скорнякъ замѣтилъ, что «поди денегъ стоитъ», на что дядя сказалъ, что тутъ и сотняги мало, но что дѣло не въ деньгахъ, а что медаль есть какъ бы «печать ума», съ чѣмъ согласился Трифонычъ и всѣ наши.

По случаю медали у дяди Захара были гости, дядя былъ веселъ, не дергалъ глазомъ, наливалъ всѣмъ и даже мнѣ вина въ высокія рюмки и говорилъ, что вотъ какіе они, Хмуровы, что его Ленька зашибъ всѣхъ пятьдесятъ человѣкъ, и что кости прадѣдовъ должны зашевелиться въ могилахъ.

— Бога-то побойся... у-родъ!—кинула бабка Василиса.

— Молчите, маменька... кушайте и молчите,—кричалъ дядя Захаръ.—Ленька! другъ!... пей шанпанское вино!... Въ меня... весь въ меня!—кричалъ дядя, расхаживая съ рюмкой по залу, и тутъ же объявилъ, что завтра же «чортъ Сендрюкъ» приведетъ верховую.— Азіята тебѣ куплю!... Самъ дьяволъ не усидитъ!... Денегъ штоль у меня нѣтъ, а?... Нѣтъ?... На, получай «катеринку»... на всякія удовольствія...

Потомъ, передъ концомъ обѣда, когда три трубы приглашенныхъ музыкантовъ, помѣщенныхъ «для легкости» на галлереѣ, протрубили что-то громкое подъ вой «мушекъ» и «жуликовъ», дядя открылъ маленькій футляръ и поднесъ Ленѣ золотые часы съ цѣпочкой.

Я страшно завидовалъ. Мнѣ было почему-то грустно, такъ грустно, что хотѣлось заплакать. Но я сдержался и сунулъ для Степки большой апельсинъ въ карманъ, что, конечно, не ускользнуло отъ бабки Василисы.

Послѣ обѣда я имѣлъ разговоръ со Степкой, и Степка увѣрялъ меня, что не стоитъ получать медаль, такъ какъ мнѣ ни лошади не купятъ, ни часовъ не подарятъ: у насъ нѣтъ кирпичнаго завода. Степка, очевидно, боялся, что если я буду «добывать» медаль, то уже не могу бѣгать по крышамъ и чикать змѣи.

— И даже можно сойти съ ума... ей-Богу,—угрожалъ Степка и разсказалъ про одного ученаго, который такъ много учился, что его заперли въ Сухареву башню и заложили кирпичами.

Я пока не рѣшилъ и сильно сомнѣваюсь, что могу получить медаль: въ моемъ дневникѣ не совсѣмъ чисто.

Я даже подумываю, не лучше ли поступить въ лавку и таскать карамельки, какъ Степка, у котораго всегда есть что-нибудь особенное въ карманѣ.

Леня ходитъ, какъ дядя Захаръ. На немъ сѣрыя брюки и коричневый пиджакъ, большая мягкая шляпа и въ галстукѣ золотая мушка

съ красными глазками. Передъ нимъ всѣ на дворѣ снимаютъ шапки, а наша горничная, глазастая Паша, грызущая сѣмечки на парадномъ, такъ всегда смотритъ на него, когда онъ ловко вскакиваетъ на своего «Жгута», что Гришка злится, называетъ ее «барской сытью» и разъ даже сказалъ:

— Загорѣлась... Ужъ втрескаешься, кобыла... Вонъ Грунька-то ужъ наѣла брюхо...

Я заинтересовался и пошелъ къ Степкѣ за объясненіемъ, и Степка разсказалъ мнѣ такое, что я рѣшилъ, что это все вранье. Какъ-нибудь я спрошу самоё Грушу, которая, дѣйствительно, растолстѣла, носитъ высокій передникъ и очень рѣдко выходитъ грызть сѣмечки.

Вчера дядя Захаръ позвалъ моего отца на совѣтъ. У насъ говорили, что въ «томъ» домѣ былъ большой скандалъ, всѣ кричали и спорили, тетя Лиза плакала, бабка Василиса грозилась всѣхъ проклясть, а дядя Захаръ гремѣлъ, что «никто ни чорта не понимаетъ», и онъ на все готовъ. Оказывается, Леня заявилъ, что ѣдетъ въ Питеръ учиться. Всѣ кричали, что пускать опасно, что тамъ нигилисты, и что онъ «свернется». Бабка заявила, что ни копеечки никому не оставитъ, и что это только безбожниковъ разводитъ. Тетя Лиза боялась разстаться съ Леней: тогда она будетъ совсѣмъ одна, ее будетъ точить бабка, а дядя будетъ пропадать днями нивѣсть гдѣ. Дядя колебался, требовалъ, чтобы Леня занялся дѣломъ, что скоро будутъ ставить на заводѣ какой-то «берлинъ», и надо имѣть всегда свой глазъ. Дядя Захаръ кричалъ на Леню страшнымъ голосомъ, но тотъ кричалъ еще громче. Крикъ былъ такой, что мы со Степкой, чикавшіе змѣи на крышѣ, слышали даже въ трубу. Наконецъ, дядя плюнулъ и потребовалъ, чтобы Леня передъ иконой поклялся, что онъ ни съ какими тамъ прохвостами знаться не будетъ, и Леня изъявилъ готовность поклясться хоть передъ десятью иконами, что съ «прохвостами» знакомиться не будетъ.

Вечеромъ дядя Захаръ и Леня укатили въ Сокольники.

VIII.

Сегодня, какъ разъ въ Петровъ день, у насъ на дворѣ разыгралась интересная исторія, вызвавшая во мнѣ непонятный восторгъ.

Съ утра толпились человѣкъ двадцат кирпичниковъ, уполномоченныхъ отъ завода. Они вошли силой, несмотря на отданный еще съ вечера приказъ Александра Иванова—не допускать никого. Гришка былъ моментально смятъ и укрылся въ конюшню. Дядя Захаръ былъ у обѣдни. Леня еще спалъ.

Измазанные глиной и покрытые красной пылью, кирпичники заняли крыльцо и колодецъ, поставили «стражу» у замкнутыхъ воротъ, въ предупрежденіе вылазки въ полицію, и заявили, что будутъ ждать «самого». Александръ Ивановъ заперся въ конторкѣ, такъ какъ уполномоченные грозили оборвать ему всѣ потроха и манишки.

— Укрылся, паскуда!... Ладно-сь... достигнемъ.

Я со Степкой забрались на сѣновалъ и ждали зрѣлищъ.

— Они здоровенные,—говорилъ Степка.—Они теперь всѣхъ бить будутъ. Червями ихъ кормитъ Сашка... Дѣдушка Трифонычъ давеча сказывалъ... Вотъ они и будутъ бить...

— Что такое, братцы?

Леня, въ ночной сорочкѣ, высунулся изъ кабинета и спрашивалъ.

— Здравствуй, хозяинъ... Вотъ какое дѣло, Лексѣй Захарычъ... разбери...

Посыпались жалобы, галдѣнье, крики. Я видѣлъ, какъ лицо Лени то краснѣло, то блѣднѣло. Онъ кусалъ губы и дергалъ глазомъ, какъ дядя Захаръ.

— Хорошо,—коротко сказалъ онъ.—Ждите. А ты,—поманилъ онъ самаго пожилого кирпичника,—зайди ко мнѣ...—И скрылся.

— Вотъ онъ ему тамъ начиститъ зубы...—захлебываясь, говорилъ Степка.

— Оселъ!—крикнулъ я.

— Не знаю, што-ль!... «Цыганъ» имъ все такъ чиститъ... Зазоветъ да и напомадитъ... Трифонычъ-то говорилъ...

Минутъ черезъ пять «уполномоченный» вышелъ изъ того дома какой-то растерянный, держа въ рукахъ бѣленькую бумажку.

— Вотъ... за обиду, говоритъ, вамъ...—дрожащимъ голосомъ говорилъ онъ сгрудившимся кирпичникамъ.

— Э-эхъ, па-аря!... Четвер-ту-ху-у!... Гли-ка!...

Уполномоченный держалъ «четвертуху», и всѣ съ какимъ-то тупымъ напряженіемъ глядѣли на нее.

— За обиду, говоритъ... Потому, ему обидно... Вотъ, гритъ, вамъ за обиду...

— За обиду?... ишь ты...

— Да, говоритъ, за обиду... Больше, гритъ, нѣту у меня... А вотъ вамъ... за обиду...

Въ это время заскрипѣли ворота, и въѣхалъ во дворъ дядя Захаръ на дрожкахъ. «Четвертуха» спряталась, кирпичники сняли картузы и кланялись.

— Что? какъ?... зачѣмъ? Гришка!...

Гришка уже вертѣлся около дрожекъ и что-то докладывалъ.

— Червями кормитъ!... Убери Лександра Иванова!... Каки это харчи!... Свинья не жретъ!... Рядилъ по полхунта на голову говяды, а ёнъ кость да солятину тухлую... Мы и въ полицію пойдемъ...

Дядя Захаръ придвинулся какъ-то бокомъ, поглаживая руки.

— Что? куда? ку-да??..

Кирпичники грудились и отступали.

— Знамо куда... въ полицію... Люди мы, ай нѣтъ?...

— Въ по-ли-ці-ю?... въ по...

Онъ врѣзался въ толпу и схватилъ за горло самаго высокаго кирпичника. Голова дяди Захара запрокинулась, надулись жилы на шеѣ, и глаза выкатились, какъ два яйца.

— Не тронь!—крикнулъ кто-то.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. Изъ-за спины дяди Захара выросъ Леня, полуодѣтый, тоже съ выкатившимися глазами, и съ силой дернулъ дядю Захара за плечи. У меня захватило духъ, а Степка бормоталъ:

— Мотри, мотри... у-ухъ ты...

Дядя выпустилъ кирпичника, обернулся.

— Ты?!.. ты, сук...

Оба мѣряли другъ друга глазами, какъ двѣ надвигающіяся тучи. Сейчасъ ударитъ громъ.

Кирпичники слились въ кучу. Изъ конторки высунулось блѣдное лицо Александра Иванова. Гришка выпустилъ поводья, и лошадь съ дрожками тихо пошла въ каретный сарай.

— Бол-ванъ!...—прокатилось по двору.—Твое дѣло?... Твое? Молокососъ!...

— Мое!... Твои рабочіе и мои они!...

— Твои?!

— Мои!... И драться я не позволю!... На!... меня бей!... на!...

Онъ былъ красивъ съ своей блѣдной, курчавой головой, статный, съ высокой, поросшей волосами грудью, виднѣвшейся изъ-за распахнувшагося ворота бѣлой ночной рубахи.

Дядя точно поперхнулся и не находилъ словъ.

— Чортъ!... —только и могъ сказать дядя сдавленнымъ, задыхающимся голосомъ.

— Леня! Леня!...—съ мольбой звала тетя Лиза съ галлереи.

— Не ва-ше дѣ-ло!...—отчеканилъ дядя Захаръ, вынулъ платокъ и утерся.

Гроза прошла. Леня стоялъ, засунувъ въ карманъ руки.

— Позвать Александра Иванова!

Блѣдный Александръ Ивановъ вертѣлся безъ картузика въ сторонѣ отъ дяди и что-то вралъ.

— Вашъ антиресъ... имъ что хошь... рази довольны... что ни дай сопрутъ... мнѣ что... Онъ вонъ всѣхъ мутитъ... Конопаткинъ-съ... самое свѣжее...

— Мутитъ!... ты у меня... хлопай бѣльмами-то!... Поменьше карманъ-то набивай!... ёрза чортова!...

— Смѣнить надо,—сказалъ Леня.—Какъ знаете...

— Да, да!... знаю!... самъ знаю!...

— Кормовыя дайте... пусть артелью ведутъ...

Дядя взглянулъ на Леню, подумалъ.

— Голова!... правильно... Ты! слушай?! На артель перейдете! Довольны?...

— Да чего лучше... Такъ-то ладнѣй... — загудѣли кирпичники.

— Ну, и проваливай къ чертямъ...

Высокій кирпичникъ съ силой надѣлъ картузъ и сказалъ:

— Правильный у тебя, Захаръ Егорычъ, сынъ... Дай Богъ здоровья...

Дядя Захаръ вдругъ преобразился, хлопнулъ Леню по широкой спинѣ, тряхнулъ головой и самодовольно сказалъ, ни къ кому не обращаясь, никого не замѣчая:

— Вотъ ты какой у меня... Весь въ меня!... Ну, пойдемъ чай пить, ученый...

Онъ обнялъ Леню за спину, тотъ тоже охватилъ его, и они пошли на галлерею, оба очень похожіе одинъ на другого: одного роста, такъ же широки въ плечахъ. Только Ленѣ было девятнадцать лѣтъ, а дядѣ Захару сорокъ пять; только у Лени было бѣлое лицо, а у дяди темное, и дядя Захаръ былъ человѣкъ необразованный, а Леня выходилъ на дорогу.

Вскорѣ подъ вечеръ случилось происшествіе, случайно обратившее мое вниманіе.

Насъ уже звали ужинать, какъ во дворъ въѣхалъ извозчикъ. Съ чернаго крыльца кучеръ Архипъ и дворникъ Гришка вынесли кованый жестью, съ боковъ красный сундучокъ, узелъ и коробокъ и поставили на извозчика. Кто-то уѣзжалъ.

— Пожила и будетъ... нагулялась...—говорилъ Гришка.

— Дѣвка-то дура... навязалась сама...

— Сказывай, сама!... не знаемъ дѣловъ, што-ль?... Третью такую выпровожаю... Лѣтось Машка...

— Ну, вотъ... Машка!... чать Ксютка... Ксютка-то опосля Машки жила...

— Ай Ксютка?... Отъ «самого» заполучили... Тоже маху не давалъ...

— Хучь и при женѣ...

— А што ему жена!... деньги есть... харчи хорошіе... Да до кажнаго доведись... Мимо рта не пронесешь... А дѣвки-то ядреныя все...

— Будя орать-то. Лексѣй Захарычъ, гли, на галдареѣ... Реветъ, поди?...

— Грунька-то? реветъ... Да и онъ-то... му-утный... Быдто двѣ сотняги далъ...

— Чево ей! Опростается и опять прибѣгётъ.

— Прибѣгётъ... ей што...

— Да отъ *ево* ли?

— Отъ ево. Парень въ сокахъ, дѣло молодое... на сторону не ходитъ... А та-то передъ имъ вывертываетъ... ну и...

— Будя... идетъ.

Груша въ бѣломъ платочкѣ и тальмочкѣ, съ маленькимъ узелочкомъ, вся закраснѣвшаяся, усаживалась на извозчика, подбирая крахмальную юбку. Въ окнѣ, въ глубинѣ галлереи, я замѣтилъ высокую фигуру Лени.

— Съ отъѣздомъ-съ,—галантно раскланялся Гришка.—Счастливаго пути. На фатерку-съ?...

— Да,—тихо сказала Груша, опустивъ голову.—Узелъ-то къ извозчику поклали?

— Тутъ-съ... и коробокъ у ево. Къ осени опять къ намъ-съ?

— Ужъ не знаю... не знаю... Сундучокъ бы подвинуть...

— Насъ не забывайте, Аграфена Митревна... Хучь вы нами и гнушались, а мы завсегда уваженіе... Добраго здоровья...

— Будя зубы-то чесать,—смѣшливо затараторила горничная Паша, въ бѣломъ передникѣ, вынырнувшая изъ-за угла.

— Прощай, Грушутка!... Далъ твой-то?—понизивъ голосъ, спросила она.

— Далъ. Забѣги когда...

— Ну, трогай!—крикнулъ Гришка.—Сторонись! ты, павлина?—толкнулъ онъ Пашу.—Угостите сѣмечками, Прасковья Семеновна... Забывать стали... Теперь мѣстишко-то ослобонилось...—подмигнулъ онъ па галлерею.

— У, чортъ, зубоскалъ!

— Можетъ, и вамъ Богъ счастья пошлетъ...

— Уйди, кишка...

— Да вѣдь какъ же-съ... такая ваша должность веселая... А это что же у васъ такое?... пузыри?... ха-хо-хо...

— Ну, ты!...—руки-то подержи!... Не въ свое корыто лѣзешь...

Извозчикъ выѣхалъ за ворота, и Груша навсегда покинула «тотъ» домъ. А черезъ недѣлю Гришка предупредительно втаскивалъ новый сундучокъ, и молоденькая черноглазая полька, шурша юбками, входила на галлерею.

И всегда въ «тотъ» домъ нанимали молодыхъ горничныхъ. Какъ объяснилъ мнѣ всезнающій Степка, это для того, чтобы барчуку не скучно было, и чтобы онъ «не отбивался отъ дома и не пропалъ».

— Вонъ у тебя Пашка-то... сливки... Чево зѣваешь-то...—добавилъ онъ, разѣвая огромный ротъ

Ив. Шмелевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Словацкій о Польшѣ.

(Beniowski. Dramat. II.)

Теперь пускай поэтъ на сцену выйдетъ
И, раковину приложивъ къ губамъ,
Богатую жемчужинами пѣсенъ,
Какъ ангелъ запоетъ, одинъ изъ тѣхъ,
Что синимъ Моремъ водятъ Амфитриту,
Ее провозглашая Королевой
Дельфинамъ въ ихъ веселіи.—О, да!—
Моя богиня Моря—это Польша,
Плывущая волнистымъ моремъ нивы,
Исполненная чаръ и бѣлизны.—
Такъ я скажу, что эта Королева,
Заслыша, что идетъ съ полнóчи буря,
Запречь велѣла нимфамъ—лебедей
Въ серебряную раковину Моря,
И сѣла въ эту чудо-колесницу,
А лебеди, ужъ близясь къ часу смерти,
Печальныя ей пѣсни напѣвали—
И ѣхала, залитая слезами,
Она къ Олимпу, умолять Зевеса,
Но мертвый подъ крестомъ Христа лежалъ онъ.
Его чело разбито, мозгъ разбрызганъ,
Въ рукѣ остывшей догоралъ еще
Цвѣтъ молніи, бросая золотыя
Сіянія на крестъ, и на другого
Нѣмого бога на кровавомъ древѣ.
Издалека Валькирія смотрѣла
Въ разъятыхъ небесахъ, и пѣла руны

Ужасныя, а на скалахъ Кавказа
Трупъ Прометея былъ, висѣлъ съ утеса,
Съ разорванною грудью и съ пустой.—
Чрезъ тотъ Олимпъ, на крыльяхъ бѣлоснѣжныхъ,
Тебя, о Польша, лебеди промчали,
И пѣли пѣсни, до тѣхъ поръ пока
Тебя не убаюкали—тутъ, смолкнувъ,
Они скончались, въ пѣсняхъ выливъ жизни.—
Проснулась ты, а ихъ ужъ больше нѣтъ.
И въ гаи, въ лѣсъ пошла ты, между сосенъ,
На ландышахъ, на блѣдныхъ грезишь ты.

К. Бальмонтъ.

ВЪ УСАДЬБѢ.

Разсказъ.

I.

Лѣсъ стоналъ подъ напоромъ порывистаго осенняго вѣтра.

Злыя черныя тучи, какъ разбойничьи банды, бродили по холодному и потемнѣвшему небу, то закрывая луну, то далеко уходя отъ нея. Между этимъ дремучимъ лѣсомъ и высокой горой, испещренной пажитями и озимями, на равнинѣ, прорѣзанной горной рѣчкой, оторвавшись отъ деревни, одиноко стояла господская усадьба, окруженная серебристыми ивами и стройными тополями.

Небольшой деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ съ облупившимися стѣнами, крытый дранью, со своими покривившимися бѣлыми столбами и длиннымъ узкимъ крытымъ балкономъ, едва виднѣлся изъ-подъ густыхъ вѣтокъ орѣшника, вяза и сливы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого дома другъ противъ друга стояли двѣ крохотныя, вросшія въ землю хизанскія сакли, обѣ покрытыя тесомъ, вымазанныя наметомъ и окруженныя загонами и курятниками.

Въ четырехугольныхъ отверстіяхъ этихъ жилищъ свѣтился огонь, но помѣщичій домъ весь былъ погруженъ во мракъ, словно не было въ немъ ни живой души.

Въ тревожное лѣто 1905 г., когда переодѣтые въ національное платье агитаторы блуждали по грузинскимъ деревнямъ, призывая народъ на борьбу за свободу, владѣлецъ усадьбы помѣщикъ Мелхиседекъ Напорашвили не зажигалъ ни свѣчей, ни лампъ, и съ наступленіемъ сумерекъ вся семья копошилась на тахтѣ.

Самъ же онъ, какъ вѣрный стражъ, съ ружьемъ въ рукахъ, по обыкновенію сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, погруженный въ свои черныя думы.

«Никому теперь нельзя довѣряться... Сосо живетъ у меня въ работникахъ вотъ уже 10 лѣтъ и очень привязанъ къ намъ, но приди сейчасъ врагъ—первый сбѣжитъ. Всѣ мы приговорены къ поголовному истребленію. За то лишь, что мы дворяне, «дармоѣды» въ ихъ глазахъ. Подумаешь, какое счастье быть дворяниномъ?! Немало крестьянъ, которые живутъ лучше меня. Круглый годъ мы, правда, имѣемъ хлѣбъ и—только. У меня всего 80 десятинъ земли, половина заложена армянамъ, и едва ли когда ихъ выкуплю. Мальчишки мои также ходятъ въ лаптяхъ, какъ и хизаны мои. Три года они учились въ Горійскомъ училищѣ и прилежны были, и способностями ихъ не обидѣлъ Богъ, да платить было не изъ чего. Пришлось взять изъ училища, и вотъ они, какъ кроты, роются въ саду, вмѣстѣ съ мужиками ходятъ по дрова и также какъ у мужиковъ, у нихъ тоже двѣ смѣны бѣлья. Вотъ она, наша «дворянская жизнь!» И за эту жизнь бьютъ насъ. Гдѣ же правда? Гдѣ справедливость?»

Когда луна выплыла изъ-за тучъ и обрызгала усадьбу своимъ серебристымъ свѣтомъ, ясно обрисовались у окна согбенная фигура Мелхиседека въ креслѣ и кудлатая его голова, печально склоненная на грудь.

На дворѣ было тихо, деревья были неподвижны и только верхушки тополей едва шевелились, перешептывались со звѣздами, словно тамъ, въ недоступной вышинѣ обсуждали они вопросъ о томъ, что̀ будетъ съ Грузіей теперь, когда разбушевалось море народной жизни.

Изъ глубины соннаго лѣса мѣрно ухала сова, и казалось, что она говорила этимъ саклямъ:

— Ухъ, какъ тяжко вамъ! Ухъ, какъ страшно тамъ!

— Страшно!—словно въ отвѣтъ вылеталъ этотъ вопль изъ груди терроризованнаго помѣщика.—Боишься выйти изъ дому! того и гляди, подстрѣлятъ изъ-за куста! Но и здѣсь мало спасенья! Ворвутся въ домъ—всѣхъ перерѣжутъ.

И нѣтъ для тебя ни защиты, ни спасенья!

Онъ тихо отворилъ окно, оглянулся и, видя, что нѣтъ никого, сталъ робко взывать къ работнику:

— Со-со! Со-со!

Но никто не отзывался, и въ жуткой тишинѣ мѣрно ухала сова.

«Вѣрно, заставили его уйти!—подумалъ помѣщикъ и, тихо притворивъ окно, неслышно задвинулъ шпингалетъ.—И откуда взялось все это? Споконъ вѣку жили мы съ крестьянами дружно, мирно. Никто не вмѣшивался въ наши дѣла. А теперь появились какіе-то люди,

мутятъ крестьянъ, разоряютъ нашего брата; мало этого, жгутъ, грабятъ, убиваютъ. Сколько народу перебито? Васо Ходашвили, Коте Гулашвили! Сико, Ражденъ Табадзе, Зурабъ Іошвили! Это лишь въ сосѣдней деревнѣ, тамъ всего пятнадцать дворянскихъ семействъ, а во всемъ уѣздѣ! Во всей Грузіи! Не сосчитать! И за что, хоть бы знать!—недоумѣвалъ Мелхиседекъ.

Рожденный въ феодальной семьѣ, не подготовленный ни къ какому труду, всѣ свои 45 лѣтъ Мелхиседекъ провелъ въ деревнѣ, иногда по собственной охотѣ работая вмѣстѣ съ крестьянами, выращивая свои любимые цвѣты, большею частью разъѣзжая по чужимъ усадьбамъ и всюду появляясь желаннымъ гостемъ: на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ или храмовыхъ праздникахъ...

Далеко тамъ, въ городахъ, его знакомые, его дальніе родственники, у которыхъ тогда онъ бывалъ наѣздами, жили своими трудами, не имѣя ни земли, ни полурабовъ, но здѣсь, въ деревнѣ, все его сословіе жило трудами крестьянскихъ рукъ, и въ этомъ онъ не видѣлъ ни грѣха, ни неправды жизни.

Онъ поднялъ усталую голову, глянулъ впередъ и смутился: за покривившимся частоколомъ, около стоговъ пшеницы, стоявшихъ на краю тока, свѣтлѣвшаго подъ луною, промелькнули какія-то вооруженныя фигуры.

«Они!»—подумалъ онъ и всталъ въ оборонительной позѣ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и сердце его учащенно билось.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, не сводя своихъ потемнѣвшихъ голубыхъ глазъ съ того, что онъ видѣлъ.

— Чего имъ надо отъ меня?—прошепталъ онъ, лѣвой рукой держа берданку, правой нервно крутя длинные черные усы.

Между тѣмъ, четверо вооруженныхъ людей, блестя своими патронташами, берданками и револьверами, хлопотали около стоговъ, иногда посматривая на омертвѣвшій помѣщичій домъ.

Мелхиседекъ не спускалъ глазъ съ нихъ, но мгновенно откуда-то набѣжали черныя тучи, загасили луну, словно онѣ были сообщниками этихъ людей, и густо покрыли небо.

Онъ все стоялъ, всматриваясь въ темноту, держа наготовѣ ружье.

Взбудораженныя мысли его летали съ одного предмета на другой, носились между настоящимъ и прошлымъ, и вдругъ онѣ остановились на покойной матери:

— Счастливая! Во-время умерла, пока наша жизнь не была такимъ адомъ. Она бы не перенесла этихъ черныхъ дней.

Вдругъ огромное пламя, какъ гигантскій факелъ, озарило всю усадьбу, и полился огненный дождь. На красномъ фонѣ дрожащаго огня мелькали силуэты вооруженныхъ поджигателей.

Съ высоты навстрѣчу огню трепетало красное небо, словно оно боялось сгорѣть и чернымъ пепломъ обрушиться на землю.

Это горѣли стога пшеницы.

И всѣ три комнаты, гдѣ давно не зажигали свѣчей и лампъ, теперь освѣтились этимъ зловѣщимъ свѣтомъ.

Съ тахты сорвались сыновья Мелхиседека: Вано и Пето—17 и 16 лѣтъ—и проскользнули къ отцу.

— Папа! Что это? Кто поджогъ? За что? Вѣдь это наше!—прошепталъ Пето и, прижавшись къ отцу, испуганными глазами смотрѣлъ, какъ въ отблескѣ пожара золотились спящія деревья и сверкали лужи воды около бочки на колесахъ.

Вано метался изъ комнаты въ комнату, блестя глазами, кусая губы.

Кроткій, всегда задумчивый, съ милымъ женственнымъ лицомъ, съ едва замѣтными черными усиками, Пето не выдержалъ и заплакалъ на груди у отца.

— Тсс! Не надо плакать! Не надо!—шепнулъ отецъ, цѣлуя его въ голову.—Пожгутъ и уйдутъ, что дѣлать? Время такое! Надо терпѣть!

— До которыхъ же поръ намъ терпѣть?—раздраженно спросилъ Вано отца и тоже прижался къ нему.

И долго стояли они, всѣ трое, озаренные краснымъ свѣтомъ, стояли неподвижно, словно бронзовыя изваянія.

— Выйдемъ!—наконецъ, молвилъ Вано, обращаясь къ отцу.

— Съ голыми руками?—возразилъ Пето,—вѣдь кромѣ одной берданки они все взяли, берданка у папы. Какъ намъ выйти? И что мы можемъ сдѣлать съ ними? Видишь, какъ нахально они стоятъ! Точно каминъ въ своемъ домѣ затопили! Еще папиросы курятъ. Мирное занятіе!

— И хоть бы одинъ изъ хизанъ *) вышелъ изъ сакли. Они еще не спятъ, должно быть,—грустно сказалъ Пето, видя, какъ изъ боковой стѣны хизанской сакли шла длинная и узкая полоса свѣта.

— Ты забываешь, что они не смѣютъ помогать дворянамъ! За такую помощь зарѣжутъ ихъ, какъ барановъ!—шепнулъ ему Вано и, вздрогнувъ, плотнѣе прижался къ отцу.

Мелхиседекъ смотрѣлъ туда, на пожарище, и слышалъ, какъ тре-

---

*) *Хизаны* — безземельные, бесправные крестьяне, на словесныхъ арендныхъ условіяхъ обрабатывающіе земли грузинскихъ помѣщиковъ. *Авт.*

вожно бились около него юныя сердца, полныя ненависти къ поджигателямъ.

— Успокойтесь, мальчики! Представьте себѣ, что былъ градъ и погибъ весь урожай!—тихо сказалъ онъ сыновьямъ.

— То вѣдь было бы отъ Бога, а развѣ можно терпѣть отъ людей?—задумчиво спросилъ отца Песто, положа ему на плечо руку.— Кто имъ далъ право на это?

— Берданка! Вотъ что имъ дало право!—съиронизировалъ Вано и, нѣсколько помолчавъ, сказалъ брату:—Ну, что же? Не будетъ хлѣба—не умремъ съ голоду: всѣ трое уйдемъ на работу. Ходятъ же наши хизаны на желѣзную дорогу. Чѣмъ мы хуже ихъ?

Софья и Надя—жена и дочь Мелхиседека, проснулись отъ яркаго свѣта, который ворвался въ комнату, и, сорвавшись съ тахты, вбѣжали къ мужчинамъ, жалуясь и негодуя на свое положеніе.

Надя дрожала отъ страха и едва проговорила, прижимаясь къ отцу:

— Теперь мы съ голоду умремъ! Только и была вся надежда что на хлѣбъ!

По блѣдному лицу Софьи струились слезы и, видя передъ собою страшное пожарище, медленно говорила она, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Хоть бы они сразу перерѣзали всѣхъ насъ! Кончилась бы эта мука. Какъ намъ жить дальше? Увели лошадей, угнали коровъ и телятъ, сегодня сожгли пшеницу, а завтра? завтра перерѣжутъ всѣхъ насъ! Только и остается.

Между тѣмъ хизанскія сакли были изнутри наглухо закрыты и, казалось, никто изъ обитателей не видѣлъ, что дѣлалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

Но среди стѣнъ крайней сакли, стоявшей ближе къ помѣщичьему дому, раздавался тихій говоръ.

— Бога у нихъ нѣтъ! Что они дѣлаютъ, эти мерзавцы?!—негодовалъ старикъ Тедо, заложивъ обѣ руки за кожаный поясъ и хмуро глядя въ оконце на пожаръ и поджигателей.—За что это? За нашими господами только одна вина, что они—дворяне. Неужто за это надо ихъ грабить, сжигать ихъ добро, убивать ихъ?!

— Бѣдные! Несчастные!—сокрушалась старая Меланія, со скрещенными на груди руками стоя рядомъ съ мужемъ.—На эту пшеницу только и надѣялись они! Что теперь станутъ дѣлать? Гхала *)

*) *Гхала*—повинность за пользованіе землей, при чемъ съ 1 десятины помѣщикъ получаетъ: около 18 пуд. пшеницы, или 21 пуд. кукурузы, около 18 пудовъ ячменя.

вѣдь никто имъ не далъ! Бунты *) не позволили крестьянамъ. Махты **) всего — 27 руб. Велики ли деньги эти? Какъ они станутъ жить до урожая?!

— Сѣмена-то они дали, барчуки еще помогали Софрону. И по божескимъ и по человѣческимъ законамъ эта половина, эти горящіе стога имъ принадлежатъ. За что они подожгли?—вполголоса ворчалъ Тедо.

Между каминомъ, въ которомъ тлѣли догоравшія дрова, и стѣной, на тахтѣ, въ постели сидѣлъ смуглолицый черноусый Симона, старшій сынъ Тедо, въ шароварахъ и красной рубахѣ, и внимательно слушалъ родителей, обхвативъ колѣна руками. При послѣднихъ словахъ старика онъ поднялъ на него огромные горящіе глаза и почти выкрикнулъ:

— Ну, подохнетъ съ голоду! Нашли кого жалѣть! Пусть работаетъ вашъ «господинъ» и питается трудами рукъ своихъ! А то вишь какой молодецъ!...

— Будетъ тебѣ орать!—перебилъ его отецъ.—Стыдно!

— Не мнѣ, а ему, вашему барину, стыдно!—продолжалъ Симона, съ презрѣніемъ глядя на родителей.—Цѣлыми днями онъ на тахтѣ валяется, а мы за него спины свои гнемъ! Это, по-вашему, справедливо? Надо безпощадно ихъ истребить всѣхъ, этихъ проклятыхъ дворянъ. Они вѣками сосутъ нашу кровь! Налоги, повинности всякіе, вся наша тягота—все отъ нихъ! Они заслоняютъ намъ солнце, а вы ихъ жалѣете!

— Но они тоже люди! — кротко возражалъ ему отецъ, испугавшись и возбужденнаго лица сына, и его повышеннаго тона.—Ихъ создалъ тотъ же Богъ, который создалъ и тебя!

— Рабъ! Несчастный! Ты еще жалѣешь ихъ!—съ презрѣніемъ глядя на отца, прошепталъ Симона и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, воскликнулъ:—Такъ выйди же изъ сакли! Выдь, потуши пожаръ своими слезами! Только попробуй—какъ собаку *они* подстрѣлятъ тебя!

Старикъ покосился только на сына, внутренно содрогаясь отъ этихъ словъ и думая про него: «Змѣенышъ! Лезгинъ! И вышелъ бы къ нимъ, если бы не ты! Они всетаки господа! И мы обязаны защищать и ихъ жизнь, и ихъ имущество! Но не такое это время. Бунты зарѣжутъ меня, и первый ты будешь имъ помогать! Проклятый»...

И какъ два врага, молча стояли они, обмѣниваясь злыми взглядами.

*) Бунты—агитаторы.
**) *Махта*—плата за усадебное мѣсто.—*Авт.*

Обѣ сакли безмолвно стояли, освѣщенныя слабымъ отблескомъ пожарища. Между тѣмъ поднявшійся вѣтеръ во всѣ стороны разносилъ искры отъ потухающаго огня, пшеница догорала. Короткое пламя посреди чернаго круга, какъ красная птица, металось по землѣ, едва освѣщая фигуры вооруженныхъ людей.

Собаки лѣниво перекликались, робко выставляясь изъ-подъ балкона помѣщичьяго дома, какъ будто сдерживаемыя собственнымъ безсиліемъ предъ злыми гостями.

II.

Пасмурный день, точно наполненный ночной тревогой и черными думами, уныло заглянулъ въ окна помѣщичьяго дома.

Вскорѣ, одинъ за другимъ, всѣ члены семьи, съ блѣдными измученными лицами, вышли на балконъ, озираясь по сторонамъ, на площадку, чтобы посмотрѣть на черный выжженый кругъ на краю тока.

Со скрещенными на груди руками, съ поникшей на грудь головой, въ бѣлой шапкѣ стоялъ Мелхиседекъ, вглядываясь въ это черное мѣсто, отъ котораго поднимался запахъ гари, и, казалось, не понималъ, зачѣмъ и откуда этотъ черный кругъ вмѣсто стоговъ пшеницы?

Тедо съ огромнымъ, пустымъ кувшиномъ за плечами шелъ за водою и, съ виноватымъ лицомъ проходя мимо барина, едва приподнялъ свою дырявую черную войлочную шапку, направляясь къ рѣкѣ по узкой и черной отъ дождя тропкѣ.

Мелхиседекъ не отвѣтилъ ему на поклонъ и, кинувъ вслѣдъ мужику злой взглядъ, подумалъ:

«Мерзавецъ! Небось, вчера вмѣстѣ съ ними составлялъ планъ поджога, а сегодня шапку мнѣ снимаетъ. Рабъ!»

Вслѣдъ за хизаномъ показался и Симона въ черной лохматой папахѣ, короткой солдатской шинели, съ топоромъ за поясомъ, босоногій. Демонстративно не кланяясь барину, нагло посмотрѣлъ онъ ему въ лицо и спокойно прошелъ мимо.

Это взорвало помѣщика.

Мелхиседекъ густо покраснѣлъ отъ гнѣва и вдогонку крикнулъ парню:

— У васъ поклоновъ не полагается?

— Много лѣтъ мы вамъ кланялись, устали!—пробурчалъ Симона, кинувъ на помѣщика презрительный взглядъ.

«Кинуться на этого мерзавца! Поломать ему ребра!—промельк-

нуло въ головѣ Мелхиседека, но изъ глубины его сердца шепнулъ ему терроризованный человѣкъ:—Не надо! Теперь ужъ этого нельзя... Отомстятъ».

Нѣсколько мгновеній стоялъ онъ неподвижно съ сжатыми кулаками, весь дрожа отъ гнѣва.

Глубокая морщина прорѣзала густыя черныя брови дугою и безпокойные глаза горѣли страстной злобою; губы плотно сжались, точно онѣ рѣшили крѣпко запереть въ этомъ человѣкѣ тѣ слова, которыя теперь, въ это революціонное время, могли обжечь чьи-нибудь злыя уши, скрывавшіяся за кустами и деревьями.

Вокругъ было тихо, и казалось, что ничего особеннаго не произошло въ усадьбѣ. Каждый, живущій въ ней, занимался своимъ обычнымъ дѣломъ. Тедо налаживалъ арбу, чтобы ѣхать въ лѣсъ по дрова. Меланія тащила къ частоколу на веревкѣ желтую телушку, гдѣ ее привязывали всегда къ стволу тутоваго дерева.

Софья недобрыми глазами глянула на старуху, необыкновенно низко поклонившуюся ей, потомъ сухо спросила:

— Не слыхала ли ты, кто поджогъ нашу пшеницу?

— Не знаю, барыня, клянусь вамъ дѣтьми! Кто знаетъ? Видно, какіе-нибудь злые люди.

— Ужъ, конечно, не добрые!

Помѣщицѣ хотѣлось выбранить злоумышленниковъ, но она воздержалась.

«Убьютъ еще!» подумала она о нихъ и, чтобы перемѣнить разговоръ, спросила старуху:

— Что, поспѣли у тебя дыни?

— И-и барыня! Какія дыни? Куры все выклевали. Видите, мужики наши не сплели во-время хорошаго плетня, весь огородъ и погибъ.

Старушка пошла впередъ, таща телушку.

Софья посмотрѣла ей въ спину, покрытую пестрыми лохмотьями, и подумала:

«Святоша какая! Подумаешь! Вѣдь отлично знаетъ, кто поджегъ, а молчитъ. Всѣмъ бы вамъ погибнуть въ одинъ день!» прошептала Софья, направляясь къ дому, откуда навстрѣчу ей спускалась по лѣстницѣ блѣднолицая Надя съ печальными черными глазами, съ длинной и узкой таліей, одѣтая въ лиловую ситцевую рубашечку и порыжѣлую юбку изъ кавказскаго сукна брусничнаго цвѣта.

— Мама!—тихо обратилась она къ матери, подходя къ ней со скрещенными на груди руками.—Что же дальше? Здѣсь больше невозможно жить!

— Куда же, милая, намъ дѣться?

— Въ городъ поѣдемъ!—рѣшительно сказала молодая дѣвушка.

— На какія средства ѣхать намъ? Два рубля у меня на все и про все!—печально отвѣтила мать.

— Только бы доѣхать намъ, а тамъ бы стали работать.

— Какъ? Чѣмъ мы можемъ заняться? Что мы знаемъ?

— Мыть, стирать, шить поденно. Тамъ, говорятъ, можно найти работу въ дамской мастерской. Чѣмъ-нибудь да надо намъ заняться. Здѣсь все отнимаютъ у насъ. Говорятъ, что все это не наше, что земли должны принадлежать крестьянамъ. Мы не можемъ ни отдать, ни бороться. Будемъ сами зарабатывать, и уже не отнимутъ у насъ, что̀ пріобрѣтемъ трудами рукъ своихъ. Поѣдемъ, пока не перерѣзали всѣхъ насъ!

Софья смотрѣла на дочь широко открытыми глазами и, казалось, что она недоумѣвала, впервые слыша изъ устъ дочери эти новыя слова.

Спальня Мелхиседека и Софьи была крайней комнатой съ окномъ, выходившимъ въ глухой уголокъ фруктоваго сада. Темная холодная ночь слѣдующаго дня, какъ черная чаша, опрокинулась на землю. Было уже поздно, пѣтухи начинали свои пѣсни.

Въ другое время всѣ члены семьи крѣпко спали бы въ своихъ теплыхъ постеляхъ подъ тяжелыми ватными одѣялами, но теперь сонъ бѣжалъ отъ нихъ, какъ птица, спугнутая съ дерева выстрѣломъ охотника.

Не міровые вопросы, конечно, рѣшала эта семья, лежа во всѣхъ трехъ комнатахъ на своихъ тахтахъ, не политическія думы отгоняли сонъ, не мрачныя картины кровью истекающей Грузіи, ибо что имъ, этимъ маленькимъ темнымъ феодаламъ, до той новой могучей волны народнаго движенія, которая перекатилась черезъ вѣчные снѣга кавказскаго хребта и всколыхнула народы?

Нѣтъ. Ихъ тревожныя мысли не улетали дальше усадьбы. И только въ ней одной для нихъ была и радость, и горе, и жизнь, и смерть.

Исключеніе составляла Надя.

Въ минувшее лѣто часто приходилось ей ходить по ягоды вмѣстѣ съ кучкой тѣхъ немногихъ хизанскихъ дѣвушекъ и парней, которые, бойкотируя помѣщика, не рѣшались обрывать свои отношенія къ его дочери. Въ числѣ нихъ былъ и Симона, принимавшій дѣятельное участіе въ крестьянскомъ движеніи и всѣми средствами прикрывавшій это.

«Перерѣзать бы скорѣе все это проклятое отродье!» всякій разъ думалъ Симона, видя помѣщичьихъ дѣтей, но кроткая и ласковая Надя, всегда готовая на разныя мелкія услуги для крестьянъ, смущала его, и онъ тяготѣлъ къ ней.

— Скажи, пожалуйста, Симона, отчего это вы теперь возстали противъ господъ? Говорятъ, что хотятъ перерѣзать всѣхъ насъ. За что? Что мы сдѣлали такого?—спросила она его однажды, подойдя къ нему на краю кукурузнаго поля, когда онъ мотыкой выпалывалъ початки.

— Что сдѣлали?—не сразу переспросилъ онъ, улыбаясь.—А вотъ что, моя хорошая!—началъ Симона, опершись щекой на мотыку и грустно глядя на нее.—Скажи мнѣ, гдѣ твой отецъ?

— Куда-то поѣхалъ. Мы его мало видимъ. Самъ знаешь,— просто отвѣчала дѣвушка.—Вѣрно, въ гости поѣхалъ.

— Такъ. А кто обработываетъ его поля? Мы вѣдь и только мы, крестьяне. Но соберемъ урожай—и ѣсть будемъ... не только мы. Вотъ эту кукурузу, надъ которой гну спину я или мой старый отецъ, будете ѣсть и вы,—стало быть, ничего не дѣлая, твой отецъ питается трудами нашихъ рукъ. Ну, подумай, развѣ это справедливо, отвѣчай. Ты честная, зря не скажешь!

— Да, несправедливо это,—задумчиво отвѣчала Надя.—Какъ же быть, Симона? Мы тоже люди и намъ нуженъ хлѣбъ.

— Конечно, это такъ, и вамъ нуженъ хлѣбъ, но давайте работать вмѣстѣ. Будемъ дѣлить между собою и трудъ, и урожай! Вотъ, какъ надо! А помѣщики наши не хотятъ понять этого. Вотъ за это и убиваютъ ихъ. Сама знаешь, какъ мы работаемъ, а что у насъ въ рукахъ? Кто голодаетъ? Нашъ братъ, крестьянинъ! Кто не имѣетъ докторской помощи и лѣкарствъ? Кто умираетъ съ холоду? Нашъ братъ опять-таки. Съ кого дерутъ налоги? Съ насъ, конечно. Кто кормитъ чиновниковъ, священниковъ, помѣщиковъ, армію? Все мы, гдѣ же правда?

И теперь, лежа на тахтѣ, свернувшись калачикомъ, Надя вспомнила этотъ разговоръ.

— Надо самимъ работать, тогда и будетъ правда на землѣ,— рѣшила она въ своемъ молодомъ сердцѣ.—И тогда не будетъ ни убійствъ, ни грабежей, ни поджоговъ... Не будетъ голодныхъ и несчастныхъ.

Между тѣмъ Мелхиседекъ, не спавшій подъ-рядъ нѣсколько ночей, рѣшилъ сегодня раздѣться и лечь въ постель, какъ слѣдуетъ.

— Съ насъ уже взяли дань!—утѣшалъ онъ себя.—Сожгли весь хлѣбъ, чего еще имъ надо отъ насъ?—тихо сказалъ онъ женѣ.

Вѣтромъ сорвало ставню, и она долго жалобно визжала и стукалась о косякъ окна.

Теперь въ ночной жути эти звуки казались ему погребальными молитвами, и душа Мелхиседека томилась въ борьбѣ между страхомъ смерти и страстной жаждой жизни...

Софьѣ не спалось.

Одѣтая, она сидѣла на концѣ постели, обхвативъ колѣна руками, всматриваясь съ тревогою въ почернѣвшее отъ ночи окно. Что-то мучительно ныло въ глубинѣ сердца этой женщины, и подъ вліяніемъ этого тяжелаго чувства она думала о тяжелой жизни дворянъ, которые, по ея мнѣнію, только и страдали теперь въ Грузіи. Однако повседневные факты изъ окружающей жизни противорѣчили ей, и думы ея поминутно цѣплялись за то, что выплескивалось изъ возмущенной народной души.

Люди безъ будущаго, исторіей теперь прижатые къ высокой и холодной стѣнѣ расплаты, постоянно оборачиваются назадъ, и Софья въ своемъ недавномъ прошломъ видѣла образъ свекра.

«Крутого нрава былъ покойный Ираклій,—вспомнила она,—хизанъ душилъ повинностями, барщиной, а въ гнѣвѣ колотилъ ихъ, какъ собакъ. Ни одно зерно не пропадало у него за пахарями. Чуть что, какое-нибудь ослушаніе или неаккуратный платежъ,—въ усадьбѣ появлялся полицейскій чиновникъ съ урядниками, и крестьяне шли къ барину съ повинной. А какъ они горько оплакивали его, когда онъ умеръ. И такъ недавно было все это! Три года тому назадъ. Болѣе 300 человѣкъ толпилось тогда въ этой усадьбѣ. Умри теперь—ни одинъ мужикъ не придетъ къ намъ. Пожалуй, еще хоронить не позволятъ... Они стали господами положенія. Св. Георгій! Спаси и помилуй насъ!»—прошептала Софья, и вся она сжалась отъ страха, внезапно ее охватившаго.

«Напрасно Мелхиседекъ получилъ махту! Что, если они подошлютъ убійцъ? Нынче все возможно. Нѣтъ для насъ никакой защиты».

Съ этими мыслями она встала и, обратясь къ образу Божьей Матери, придѣланному въ углу, опустилась на колѣни съ горячей молитвой на устахъ.

Вдругъ за окномъ послышались голоса, и моментально распахнулось окно; вслѣдъ за этимъ показались какія-то мужскія фигуры, освѣщенныя факеломъ.

— Боже мой! Мелхиседекъ! Дѣти, вставайте! Скорѣй! Люди!—крича и взвизгивая, по всѣмъ комнатамъ металась Софья въ то время, какъ зловѣщій свѣтъ факела все глубже проникалъ въ домъ.

Трахъ! —раздался ружейный выстрѣлъ, посыпались стекла,

и, пока Софья, крича неистово, возвращалась въ спальню, тамъ уже стояли трое вооруженныхъ людей, окруживъ Мелхиседека, который стоялъ у стѣны, дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдный, какъ полотно.

— Уходи отсюда! Сейчасъ уходи!—крикнули на Софью неизвѣстные люди.

Въ отвѣтъ она протянула къ нимъ руки съ мольбою, но языкъ не повиновался.

— Тебѣ говорятъ, уйди!—крикнулъ на нее высокій брюнетъ, хватаясь за рукоять кинжала. Онъ былъ главаремъ шайки, Бація, тотъ самый хизанъ Мелхиседека, который еще мѣсяцъ тому назадъ приходилъ къ господамъ и со слезами на глазахъ жаловался на крестьянскую смуту. Но революціонная армія въ Грузіи росла, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, и тотъ самый Бація, этотъ вчерашній рабъ, ощутилъ въ своемъ сердцѣ ту страстную ненависть, которая сегодня его толкнула къ усадьбѣ дворянина!

Обезумѣвшіе отъ страха и ужаса помѣщики не узнали теперь его.

Софья рванулась впередъ, схватила мужа за руку, и оба выбѣжали изъ спальни... Мелхиседекъ съ быстротою птицы перескочилъ черезъ окно на балконъ; поднялась суматоха. Мальчики выскочили изъ боковой двери и стали взывать къ своимъ сосѣдямъ, разсчитывая на ихъ помощь при этомъ нападеніи:

— Те-до-о! Си-мо-на! Помогите! Ско-рѣе! Ни-ко-о! Павлэ!...

Но никто не отзывался, сакли стояли безмолвно...

Тогда оба мальчика снова вошли въ домъ, наполненный топотомъ ногъ, рыданьемъ, криками угрозы и лязгомъ оружія.

Въ это время внутри крайней сакли завозились, а вслѣдъ за выстрѣломъ, раздавшимся на балконѣ у господъ, вся семья всполошилась. Первымъ всталъ съ земли изъ теплой постели Тедо. Онъ зажегъ лампочку и началъ спѣшно одѣваться.

— Убивать, видно, пришли! Проклятые! И до Мелхиседека они добрались. А за что? Что онъ кому сдѣлалъ? Мы тоже хороши! Тамъ убиваютъ человѣка, а мы тутъ лежимъ спокойно. Какіе мы послѣ этого сосѣди? Нехристи мы, вотъ что!—въ сердцахъ сказалъ старикъ и, подойдя къ столбу, среди сакли, подпиравшему потолокъ, сталъ снимать съ гвоздя берданку.

Симона, все время безмолвно слѣдившій за отцомъ, сорвался съ тахты, нагнулся къ нему, выхватилъ изъ рукъ берданку и властно крикнулъ:

— Стой! А то, какъ зайца, подстрѣлю!

Меланія, топтавшаяся въ дверяхъ и готовая выйти изъ сакли, подскочила къ сыну съ поднятыми надъ головою руками:

— Дитя мое! Бойся Бога! Что съ тобою?—воскликнула она.

Симона опустилъ внезапно руки съ берданкой, а старикъ застылъ на мѣстѣ, и нѣсколько мгновеній съ сильно бьющимся сердцемъ онъ стоялъ неподвижно, кидая на сына гнѣвные взгляды.

Трахъ!—раздался ружейный выстрѣлъ совсѣмъ близко около барскаго дома, и вслѣдъ за выстрѣломъ крики, вопли, стоны, бѣготня.

— Убили, должно быть! Несчастный!—глухо сказалъ Тедо и, опустившись на чурбанъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ:

— Ахъ, ты, безбожникъ!—упрекнула сына Меланія.—Отчего ты не пустилъ отца? Можетъ быть, онъ спасъ бы Мелхиседека?

Симона былъ увѣренъ, что помѣщикъ уже убитъ; это сознаніе успокоило его, и теперь онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ каминомъ и деревянными щипцами шевелилъ потухавшія полѣнья, покрытыя ажурнымъ пепломъ.

— Если бы отецъ вышелъ, его бы перваго убили,— спокойно отвѣчалъ онъ, не поднимая головы.—Я вижу, что вамъ очень жалко Мелхиседека, но не жалко, значитъ, тѣхъ голодныхъ и нищихъ, съ которыхъ онъ взыскалъ недавно 27 руб. Это 9 руб., значитъ, съ дома за то только, что три гнилыя сакли стоятъ на болотистой мѣстности, и тамъ кромѣ этихъ трехъ семействъ почти всѣ вымерли отъ злокачественной лихорадки. Вотъ вѣдь за что каждый дымъ платитъ ему 9 рублей!

— Да земля-то чья? Его вѣдь! Онъ воленъ требовать за нее платы! Какъ же иначе?—возразилъ ему отецъ.

— Какую плату? За что? Скажи мнѣ хорошенько! Вѣдь это болото никому не нужно, куликамъ только развѣ! Обрабатывать его тоже нельзя, негодная земля. За что же платить махту?—спрашиваю я тебя!—съ раздраженіемъ спросилъ Симона отца, но тотъ ничего ему не отвѣчалъ, напряженно слушая, какъ со стороны господскаго дома раздавались револьверные выстрѣлы, крики, вопли и бѣготня.

Но сакли безмолвно стояли, подчиняясь властнымъ агитаторамъ, терроризировавшимъ крестьянство, его наиболѣе пассивную часть. И казалось, что ихъ обитатели были сообщниками этихъ злыхъ людей, которые хозяйничали въ домѣ помѣщика въ то время, какъ женщины истерически рыдали, а онъ самъ, ихъ мужъ и отецъ, съ разметавшимися руками въ одномъ бѣльѣ лежалъ на балконѣ съ простреленной грудью въ лужѣ собственной крови.

III.

Но въ природѣ ничто не измѣнилось за эту страшную и кровавую ночь. Солнце по обыкновенію встало спокойно, кидая свои золотые лучи на опаленные лѣса, и безстрастная розовая денница заиграла на окнахъ помѣщичьяго дома.

«Бунты», ночевавшіе гдѣ-то по близости, подошли къ балкону, гдѣ лежалъ убитый, и грозно обратились къ мальчикамъ, которые стояли надъ трупомъ и горько плакали:

— Мы не позволимъ хоронить его! Пусть онъ гніетъ на этомъ балконѣ! И кто попытается поднять его, того уложимъ рядомъ съ нимъ!...

— Онъ—христіанинъ. Вы забыли Бога!—сквозь слезы упрекнулъ ихъ Пето.

— Кто христіанинъ? Вашъ отецъ? Нѣтъ! Онъ собака! Злая подлая собака!—злобно сказалъ Каціа, оправляя на своемъ плечѣ берданку.

— Убирайтесь-ка отсюда! Вы убили нашего отца! Что еще вамъ надо?—гнѣвно воскликнулъ Вано.

Въ отвѣтъ на эти слова агитаторы прицѣлились въ мальчика, блеснули стволы ружей...

Мать, изъ окна слѣдя за этой сценой, выскочила на балконъ, схватила сыновей за руки и, словно насѣдка, умчала ихъ въ комнату...

Вѣтеръ прошелся по деревьямъ, разбудилъ ихъ и началъ трепать волосы, бороду и сорочку мертвеца. Лучи солнца блеснули въ крови, заиграли на мертвомъ лицѣ, словно они спѣшили отдать ему послѣдніе поцѣлуи, и отошли. Небольшая деревянная кухня, обмазанная глиной подъ навѣсомъ, примыкавшимъ къ кровлѣ дома, сегодня пустовала, и въ ней не было той обычной суматохи, которая воцаряется въ домѣ, гдѣ есть покойникъ. Единственная прислуга подъ угрозой смерти должна была немедленно оставить господскій домъ.

Кучка крестьянъ, въ рваныхъ одежонкахъ и стоптанныхъ лаптяхъ, стоитъ подъ развѣсистымъ орѣшникомъ на межѣ, недалеко отъ господской усадьбы, и говоритъ о ночномъ происшествіи.

— А всетаки, братцы вы мои, напрасно его убили! Ну, кому онъ мѣшалъ жить?—попыхивая короткой трубкой, укоризненно сказалъ старый, сѣдой и морщинистый Цибила, одинъ изъ хизанъ покойнаго,—за то, говорятъ, что онъ махту взыскалъ. Ну, и взыскалъ, что изъ этого? Онъ человѣкъ семейный. Расходъ у него большой. Онъ не можетъ по нашему жить. И чай ему надо покупать, и сахаръ, и закуски, и мыло, чтобы часто бѣлье стирать, опять гости пріѣзжаютъ

къ нему, все надо, потому что онъ—баринъ! Сегодня онъ не взялъ махты, завтра ему гхала не привезли, ну, какъ ему жить? Вотъ видите, другіе похитрѣе его: потихоньку, ночью получили гхала да и живутъ себѣ, никто не убиваетъ ихъ. А эти-то другіе похуже его будутъ: разбойниковъ укрываютъ, дѣлятся награбленнымъ.

— Погоди, и до тѣхъ доберутся!—спокойно сказалъ ему Парнаозъ, босоногій, кривой, рыжій мужичокъ въ старой солдатской шинели, словно лично онъ руководилъ бандами.

— Стало быть, у насъ, въ нашей христіанской Грузіи, теперь татарщина!—задумчиво и тихо сказалъ на это Цибила.

— А что станешь дѣлать, когда житья нѣтъ нашему брату?—вмѣшался въ разговоръ Кавдина, парень лѣтъ 24, съ широкимъ, скуластымъ, смуглымъ лицомъ, небольшой, черной бородой и живыми, горящими глазами,—съ насъ Мелхиседекъ взыскалъ махту, я говорилъ ему: баринъ, не берите вы у насъ этихъ денегъ, подождите, успокоится Грузія, сами и принесемъ. Поплатитесь, говорю я ему, а онъ меня выругалъ, что я хитрю, пользуюсь крестьянскимъ движеніемъ, грозился, что онъ вовсе сгонитъ насъ со своего вонючаго болота. Ну, настоялъ онъ на своемъ, взыскалъ 27 рублей. Потомъ, значитъ, узнали бунты, не стерпѣли—убили, конечно.

Энергично почесавъ за пазухой, послѣ небольшой паузы продолжалъ онъ, косясь въ сторону барской усадьбы:

— Когда-то, чортъ ихъ знаетъ, подарили имъ земли, за что? неизвѣстно. Какъ-то царь Ираклій *) сказалъ однажды одному своему приближенному дворянину: «Вотъ тебѣ хромой оселъ, поѣзжай по Грузіи, сколько ты объѣдешь за день, все то пространство будетъ твоимъ потомственнымъ владѣніемъ». Ну, вотъ, значитъ, человѣкъ этотъ ѣхалъ, ѣхалъ, до ночи объѣхалъ 300 дневной земли (это—150 десятинъ). Вотъ какъ имъ далась земля! А потомъ и рабовъ имъ понадавали, мучились рабы, наконецъ, освободилъ ихъ русскій царь, разбѣжались рабы, а земля-то осталась, да все почти что необработанная, тогда, значитъ, дворяне завели новыхъ рабовъ—насъ, хизанъ. Гдѣ были лѣса, кочки, кустарники, вездѣ прошелъ плугъ, все это—наши дѣды; ну, время-то шло и стали намъ сказывать милые помѣщики: «Вы будете работать, а мы—ѣсть!» За то лишь, что земля ихъ. А развѣ и вправду, что земля имъ принадлежитъ? Земля создана Богомъ и обладать ею должны всѣ, а не одинъ человѣкъ. И принадлежитъ она тому, кто ее обрабатываетъ. Такъ нынѣ говорятъ наши печальники.

*) Ираклій II—предпослѣдній царь Грузіи.

— Какъ же это такъ?—встрепенулся Цибила, пораженный новой для него мыслью.—Онъ, я думаю, не напрасно прозывается бариномъ. Обладаетъ землею не мы, а онъ! Не знаю,—тихо сказалъ старикъ, разводя руками,—время такое пришло, что многаго прямо не понимаешь. Все запуталось: царь, баринъ, земля! Не знаю, не уясню, а только зачѣмъ убивать человѣка? Нѣшто онъ виноватъ, что онъ баринъ?—недоумѣвалъ старикъ.—Зачѣмъ? за что его убивать?

— Охъ, грѣшимъ, братцы, грѣшимъ!—укоризненно качая головою, тихо говорилъ Цибила.—Не дастъ намъ хлѣба та земля, которую обагрили кровью!

— Вы все объ убійствахъ, а вотъ о чемъ я хочу вамъ сказать?—заговорилъ, наконецъ, со спокойнымъ лицомъ старый, сѣдой Тимо, высокаго роста, въ кожухѣ и мохнатой барашковой шапкѣ.—Ну, ладно, убили его. Похоронить надо. Жалко семью. Семья ни при чемъ. Теперь ни души около вдовы и сиротъ. Работника увели, сосѣди близко не подходятъ къ нимъ, жалко вѣдь! помочь имъ надо.

— Замолчи!—прикрикнулъ на него Парнаозъ, выкативъ свой единственный глазъ.—Тсс! Бунты услышатъ—они покажутъ тебѣ...

— Нѣтъ, мы не станемъ помогать имъ, не велѣно!—въ одинъ голосъ сказали Тимо всѣ, кромѣ Цибилы.

Въ это время по жнивью мимо крестьянъ проскакали двое всадниковъ: сельскій старшина въ черной, суконной черкескѣ, съ цѣпью и медалью на груди, и рядомъ съ нимъ стражникъ. Кто-то крикнулъ старшинѣ изъ толпы:

— Эй, господинъ грабитель! Нашъ ненасытный волкъ! Неужели, какъ собаку, васъ держатъ на цѣпи? Снимите съ себя медаль и повѣсьте на верхушку орѣшника: можетъ быть, кто-нибудь и замѣтитъ оттуда?

Дружный смѣхъ покрылъ этотъ голосъ.

Такая выходка была бы невозможна годъ тому назадъ.

И теперь старшина, появившійся въ деревнѣ, какъ рѣдкій и нежелательный гость, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и проскакалъ мимо.

У опушки рощи онъ наткнулся на убійцъ Мелхиседека, въ живописныхъ позахъ сидѣвшихъ на травѣ, и, тоже испугавшись этой встрѣчи, пришпорилъ лошадь.

Въ Карталиніи, какъ и во всей Грузіи, власть уже не признавалась, и люди ее имѣвшіе, сохраняя свою шкуру, бездѣйствовали уступая грозной силѣ массоваго протеста.

Бабы приходили къ рѣкѣ за водою и шушукались о ночномъ происшествіи, громко выражая одобреніе террористамъ, робко жалѣя убитаго и его семью.

— Хотѣла я потихоньку пойти къ несчастнымъ!—говорила старая Катерина, затыкая горло огромнаго, мокраго кувшина пучкомъ орѣховыхъ листьевъ.—Надо обмыть, одѣть покойника. Вѣдь у нихъ ни души. Услыхалъ деверь мой, напустился: «Съ ума ты сошла, что ли?—говоритъ онъ.—Бунты здѣсь еще! Узнаютъ, увидятъ тебя, не посмотрятъ, что ты женщина, какъ зайца, подстрѣлятъ». Ну, что дѣлать? Не посмѣла я идти къ господамъ.

— Эхъ! Эхъ! Какія времена настали у насъ. Видно, что второе пришествіе! Умереть бы! Силъ нѣтъ никакихъ.

— Бунты говорятъ, что потомъ будетъ хорошо!—тихо сказала молодая ея невѣстка Ница, съ оживленнымъ, смуглымъ лицомъ, въ красномъ кумачевомъ платкѣ и голубомъ ситцевомъ платьѣ.

— Когда потомъ? Когда не будетъ насъ?—печально спросила она невѣстку, но та ничего не сказала ей въ отвѣтъ и только улыбнулась оживленными, черными глазами.

Солнце собиралось на покой и бережно убирало свои лучи, чтобы они ушли отъ земли чистыми и ясными, какими пришли утромъ.

Тѣнь отодвигалась отъ господской усадьбы далеко-далеко, и старый домъ, лишенный тепла и свѣта, былъ одинокъ и печаленъ.

Холодный сѣверный вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ, волнуя вѣтви, и, какъ рой желтыхъ бабочекъ, летѣли отъ нихъ осенніе листья, усыпая собою дворъ, крыши, балконъ.

И эти умирающіе листья заботливо покрывали мертвеца, какъ будто желая вмѣстѣ съ нимъ уйти изъ этого суетнаго міра.

Въ усадьбѣ попрежнему было безмолвно, какъ будто ничего особеннаго въ ней не случилось.

Въ саду, передъ балкономъ, стояло молодое персиковое дерево, отягощенное изжелта-розовыми плодами.

Его посадилъ и вырастилъ Мелхиседекъ, любившій деревцо и берегшій его, какъ зѣницу ока.

— Подождемъ, ребята, еще недѣльку, персики будутъ на славу!—говорилъ онъ дѣтямъ на прошлой недѣлѣ.

Но теперь около деревца стояли убійцы и спокойно, точно въ собственномъ саду, собирали плоды.

Вано увидѣлъ это, вспылилъ и просунулъ было черезъ окно дуло берданки, какъ мать кинулась къ нему, оттащила отъ окна, прошептавъ побѣлѣвшими губами:

— Что ты дѣлаешь, безумецъ? Ты хочешь, чтобы они и насъ перерѣзали!

— За что они убили отца?—глухо произнесъ мальчикъ и зарыдалъ.

Настала ночь, темная, длинная, тяжелая.

Банда не отходила отъ усадьбы, угрожая смертью тому, кто бы вздумалъ прикоснуться къ убитому.

А онъ лежалъ на балконѣ передъ наглухо закрытою дверью, и, казалось, сторожилъ свою семью.

Въ темной комнатѣ на тахтѣ, прижавшись другъ къ другу, сидѣли вдова и сироты, шопотомъ обдумывая свое положеніе.

Вѣтеръ завывалъ, словно напѣвая похоронныя пѣсни, сердито хлопалъ ставнями, плохо прикрѣпленными къ рамѣ, и сметалъ съ балкона тѣ листья, что нанесъ онъ вчера. Домъ дрожалъ своей обветшалой крышей, своими покривившимися столбами, и казалось, что этотъ злой вѣтеръ хочетъ снести и печальные осенніе листья, и покойника, хочетъ въ щепки разнести этотъ домъ, чтобы и въ этой усадьбѣ занялась заря новой жизни съ вѣчно ласковымъ солнцемъ для всѣхъ.

Въ хизанскихъ сакляхъ было наружно спокойно, но невидимыя нити новыхъ отношеній и настроеній еще не обрывались съ помѣщичьимъ домомъ.

Длинная черная ночь побѣлѣла и въ страстномъ поцѣлуѣ слилась съ розовой денницей. Хизаны робко выходили изъ своихъ жилищъ, стараясь даже не смотрѣть на господскій домъ, избѣгая его, словно въ немъ жили зачумленные.

Покойникъ все еще лежалъ неубранный.

Настадъ третій день, солнечный, вѣтренный, съ чистымъ и яснымъ небомъ.

То и дѣло отворялись двери хизанскихъ саклей и на порогѣ показывались фигуры любопытныхъ и тотчасъ исчезали, ничего особеннаго не видя вокругъ барскаго дома.

Только одна Меланья, улучивъ время, когда Симона ушелъ со двора, озираясь по сторонамъ, направилась было къ балкону господъ, съ тайнымъ желаніемъ помочь имъ.

— Грѣхъ какой! Убили человѣка ни за что, ни про что и хоронить его некому! Хоть бы кто-нибудь пожалѣлъ его, пошелъ бы пособить семьѣ! —подумала старуха, вспомня, какъ Софья первая появлялась въ саклѣ, какъ только случалось въ ней какое-нибудь несчастіе.

Но въ это время на пригоркѣ показалась фигура вооруженнаго

агитатора, который переминался съ ноги на ногу около куста, наблюдая за движеніемъ этой женщины. Замѣтя это, съ протоптанной тропки среди травы, Меланья свернула вправо и, дѣлая видъ, что собираетъ пухъ и перья, то нагибалась къ землѣ, то поднималась, пока она такимъ образомъ не дошла до своей сакли и не скрылась въ ней.

Ночь тянулась безконечно долго для осиротѣвшей семьи. И когда солнце встало со своего чистаго и пурпурнаго ложа, Софья открыла окно и ставню, не смѣя выйти на балконъ, чтобы взглянуть еще разъ на своего убитаго мужа.

Сильный трупный запахъ разлагающагося дорогого и близкаго человѣка больно хлестнулъ по нервамъ старшаго сына, съ поникшей головой стоявшаго возлѣ матери, и онъ воскликнулъ внѣ себя, обращаясь къ брату:

— Да неужели намъ такъ дорога эта арестантская жизнь, что мы отказываемся отъ исполненія своего долга? Скоро птицы станутъ терзать его! — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, рукой указывая на отца.—Мы должны похоронить его, чего бы это намъ ни стоило. Идемъ, братъ!

И юноши рванулись изъ комнаты.

Напрасны были мольбы и слезы матери, слабыя женскія руки не могли удержать орлятъ, пылавшихъ гнѣвомъ за свое несчастіе.

Они схватили ломы, лопаты, аршинъ и какъ птицы перескочили черезъ плетень въ фруктовый садъ.

Осмотрѣвшись вокругъ, выбрали мѣсто среди розовыхъ кустовъ и, перекрестившись, начали рыть могилу.

Солнце вѣчно свободное, вѣчно одинокое, по обыкновенію, высоко поднялось на землю.

Сентябрьскій день разгорался.

Застывшія въ своемъ горѣ, окаменѣлыя отъ необычайной обстановки, лишенныя возможности похоронить свего дорогого покойника по христіанскому обряду, мать и дочь молча сидѣли у окна на тахтѣ, обхвативъ колѣни руками и разсѣянно слушая завываніе вѣтра, который приносилъ имъ изъ сада тихіе голоса мальчиковъ и стукъ ломовъ о каменистую почву.

Уже безсчетный разъ вдова задавала себѣ вопросы:

— За что его убили? Кому онъ мѣшалъ жить?

Но несчастная женщина, ошеломленная этимъ безсмысленнымъ и возмутительнымъ убійствомъ, не находила отвѣтовъ ни въ своемъ некультивированномъ умѣ, ни въ своемъ измученномъ сердцѣ.

Дѣйствительность въ этой нѣкогда мирной усадьбѣ, теперь ок-

женной наглыми убійцами, была ужасна, и Софьѣ хотѣлось поскорѣй уйти отъ нея далеко, далеко...

— Похоронить его! Какъ будто онъ уѣхалъ! И все бы ждала, ждала! Но теперь онъ лежитъ тамъ съ простреленной грудью, и я уже ни на что не надѣюсь. Страшно!—думала она, сидя неподвижно и уставившись въ одну точку.

Два дня какъ онѣ ничего не ѣли, но сегодня голодъ уже мучилъ ихъ.

Тяжело вздыхая, Надя отправилась въ чуланъ и принялась хлопотать около лохани, потомъ осторожно вышла изъ дому, озираясь по сторонамъ, принесла въ комнату охапку дровъ, затопила каминъ, поставила черный котелокъ грѣть воду и, когда вскипѣла вода, замѣсила тѣсто и въ горячей золѣ испекла лепешки.

Черезъ нѣкоторое время, деревянными щипцами вынимая ихъ изъ горячей золы, дѣвушка вспомнила поминальный обѣдъ въ день похоронъ дѣдушки Ираклія.

— Вся усадьба была полна народу.

Во всѣхъ комнатахъ, на балконѣ и въ саду—вездѣ были накрытые столы. Зарѣзали корову, теленка, барана, куръ, цѣлыхъ три дня пекли хлѣбъ. А теперь?

Этотъ рѣзкій контрастъ похоронъ отца и дѣда заставилъ ее глубоко вдуматься въ окружающую жизнь феодаловъ, и она прошептала, словно отвѣчая себѣ на свои мысли:

— Видно, дѣды наши много грѣшили, а мы расплачиваемся теперь и за нихъ, и за себя. Какъ быть дальше?

Пето перелѣзъ черезъ плетень, спрыгнулъ на балконъ и постучалъ въ окно.

Сестра подала ему глиняную коричневую миску, полную теплыхъ картофелинъ и лепешекъ, а на блюдцѣ соль.

Мальчикъ исчезъ. Окно осторожно затворилось за нимъ.

Среди кустовъ боярышника, рябины и терна на пригоркѣ, откуда вся усадьба видна была, какъ на ладони, появлялись фигуры хизанъ, съ высоты наблюдавшихъ за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ саду.

— Какъ-то они тамъ справляются безъ насъ?—любопытствовали хизаны.

— Отродясь я не помню, чтобы ни одного мужика не было въ господскомъ домѣ, когда въ немъ покойникъ. Какія времена нынче настали!—удивлялась Меланья затишью господской усадьбы и шепталась подъ кустами шиповника со своей золовкой Ниной, старой женщиной, съ рябымъ печальнымъ лицомъ.

— Все перевернулось! Знать, за грѣхи наши!—тихо вздыхая, отвѣчала та, не отрывая глазъ отъ фигуръ Пето и Вано, мелькавшихъ среди зелени. Беззаботное, безстрастное солнце, уходя на свой розовый покой, небрежно скользнуло по землѣ своими послѣдними лучами, и поля дышали ароматомъ новыхъ травъ и скошеннаго сѣна.

Боязливо отворились балконныя двери, вышла изъ комнаты вдова съ дѣтьми и, рыдая истерически, окружили убитаго, кое-какъ одѣли его, простились съ нимъ, положили его въ простыню и понесли въ садъ.

Кучка крестьянъ продолжала смотрѣть сверху.

Меланья, растроганная необычайнымъ зрѣлищемъ странныхъ и безучастныхъ похоронъ, отошла отъ кустовъ, всхлипывая.

— Развѣ мы люди? До чего я дожила? Что я вижу? Сами дѣти и сама жена его хоронятъ! А мы смотримъ на нихъ!—сквозь слезы сказала она и направилась къ тропинкѣ, ведущей внизъ, къ ея саклѣ.

— Больше не могу смотрѣть на это, я тоже уйду!—съ укоромъ глядя на парней, хмуро наблюдавшихъ за погребеніемъ, сказала Нина дрогнувшимъ голосомъ и тоже ушла вслѣдъ за Меланьей.

Черноусый Миха, младшій сынъ Меланьи, покосился на нее и опустилъ глаза, полные слезъ.

— Уйдемъ-ка отсюда! Что хорошаго и веселаго мы видимъ?—шепнулъ онъ товарищамъ, точно боясь, что услышатъ агитаторы, которыхъ не было близко.

Товарищи молча послѣдовали за нимъ.

Кусты опустѣли, пригорокъ обезлюдѣлъ.

И только орелъ, паря въ синей вышинѣ, смотрѣлъ внизъ, какъ тамъ братья-сироты пѣли молитвы, глядя въ могилу, выстланную розами, гіацинтами и нарцисами, которые съ такою любовью выращивалъ Мельхиседекъ.

Вотъ они... мать и дѣти подняли покойника и осторожно опустили туда. . . . .

. . . .

Сидя на скамейкѣ среди кустовъ розы, Софья безутѣшно плакала, дрожа всѣмъ тѣломъ и съ отчаяніемъ глядѣла на холмикъ, гдѣ навѣки скрылся спутникъ ея жизни.

Дѣти окружили ее, нѣжно цѣлуя и лаская, и слезы, горькія сиротскія слезы, смѣшиваясь съ ея слезами, обжигали ей лицо, руки...

. . . .

. . . .

Одна за другою изъ-за синяго лѣса выползали огромныя тучи прихотливой формы, стального цвѣта, и медленно закрывали лазурь, словно чья-то небрежная рука грязною кистью пачкала на полотнѣ голубую краску.

Навстрѣчу этимъ тучамъ шли другія, черныя, какъ вакса, въ отдаленіи начинало грохотать, и въ одно мгновеніе небо стало такимъ мятежнымъ, какъ и земля.

Казалось, что оба они—и взбудораженная земля, и это возмущенное небо—вотъ-вотъ столкнутся, чтобы раздавить одиноко стоявшую и онѣмѣвшую усадьбу.

Д. Ведребисели.

НОВЫЙ КАРѲАГЕНЪ.

Романъ Жоржа Экгуда.

Въ современной бельгійской литературѣ,—въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду только произведенія беллетристовъ, пользующихся французскою литературною рѣчью,—рѣзко обозначаются два противоположныхъ теченія. Одно изъ нихъ (его органомъ былъ журналъ *La jeune Belgique*), представленное такими писателями, какъ Жоржъ Роденбахъ, Метерлинкъ, Жилькэнъ, Ванъ-Лербергъ и другіе, имѣетъ цѣлью унести читателя вдаль отъ повседневной жизни, въ царство мечты, фантазіи, мистическихъ грезъ, неуловимыхъ оттѣнковъ душевнаго міра, всего недоговореннаго, туманнаго, состоящаго изъ намековъ и полу-тоновъ. Писатели противоположнаго направленія, во главѣ съ Лемонnье, Пикаромъ, Экгудомъ, Верхарномъ (имѣвшіе въ своемъ распоряженіи журналъ *l'Art moderne*), являются убѣжденными реалистами, изображаютъ современную фламандскую жизнь, какъ она есть, нерѣдко обнаруживаютъ склонность къ натурализму или же откликаются на животрепещущіе вопросы и проблемы новѣйшаго времени. Первые знакомятъ насъ съ Бельгіей старинныхъ средневѣковыхъ городовъ, вродѣ Брюгге, съ Бельгіей готическихъ колоколенъ, монастырей, каналовъ съ медленно плавающими по нимъ лебедями, меланхолическаго звона, торжественныхъ, точно бархатныхъ звуковъ органа; въ творчествѣ вторыхъ отражается другой обликъ Бельгіи, какъ страны съ очень развитою промышленностью, сильнымъ рабочимъ движеніемъ, предвыборною борьбой партій, рѣзкими столкновеніями между сторонниками клерикализма и либералами, наконецъ, съ шумными и яркими народными праздниками, ярмарками (kermesses), грубоватыми развлеченіями и т. п. Однихъ можно сравнить съ средневѣковыми «примитивными» художниками, вродѣ Мемлинга и Ванъ-Ейка, одухотворенныя, полныя идеализма созданія которыхъ и теперь производятъ сильное впечатлѣніе; у другихъ, поскольку они являются изобразителями народнаго быта, неприкрашеннаго, есть общія черты съ первоклассными жанровыми живописцами фламандской школы, которыхъ давно уже оцѣнила европейская публика. Съ творчеством писателей идеалистическаго и дышащаго мистицизмомъ направленія въ с

временной бельгійской литературѣ русская публика сравнительно болѣе знакома, благодаря довольно многочисленнымъ переводамъ; наоборотъ, произведенія бельгійскихъ реалистовъ почти совершенно неизвѣстны у насъ.

Предлагаемый вниманію читателей романъ «Новый Кароагенъ» вышелъ изъ-подъ пера одного изъ самыхъ видныхъ представителей второго направленія въ современной бельгійской литературѣ—Жоржа Экгуда. Въ своихъ книгахъ Экгудъ обнаруживаетъ несомнѣнное дарованіе, близкое знакомство съ родною дѣйствительностью, стремленіе изображать жизнь со всѣми ея привлекательными и несимпатичными, иногда отталкивающими и безобразными явленіями, живой интересъ къ назрѣвшимъ вопросамъ и задачамъ современности, наконецъ, отрицательное отношеніе къ буржуазіи и сочувствіе трудящемуся классу. Послѣдняя черта особенно бросается въ глаза при чтеніи романа «Новый Кароагенъ», дающаго широко задуманную картину жизни въ современномъ Антверпенѣ, гдѣ накопленіе крупныхъ богатствъ и преобладаніе состоятельной буржуазіи совмѣщается съ тяжелымъ положеніемъ эксплуатируемаго рабочаго класса. Подобно другимъ поэтамъ и романистамъ Бельгіи, Экгудъ любитъ до самозабвенія родину, готовъ отдать себя на служеніе ей и, по справедливому замѣчанію одного изъ бельгійскихъ поэтовъ, Жиро, напоминаетъ тѣхъ народныхъ борцовъ изъ фламандской исторіи, которые передъ битвой, готовясь умереть за свою родину и за идею, цѣловали и даже ѣли ту землю, за которую должны были пасть...

Переводчица.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Гильомъ Добузье заказалъ похороны Жака Паридаля такъ, чтобы заслужить одобреніе своего круга знакомыхъ и вызвать поклоненіе у нищеты. «Вотъ какъ надо поступать!»—было мнѣніе зрителей. Онъ не желалъ бы лучшаго для самого себя. Второй разрядъ похоронъ (но кто кромѣ самихъ гробовщиковъ отличитъ первый разрядъ отъ второго?), месса при полномъ хорѣ, столько-то метровъ чернаго сукна съ бѣлой бахромой, столько-то фунтовъ восковыхъ свѣчей!

При своей жизни бѣднякъ Паридаль не могъ бы никогда надѣяться на такія похороны.

Сорока пяти лѣтъ, высокій, уже съ просѣдью, нервный и сухой, съ мѣрными движеніями, затянутый по военному въ свой сюртукъ, съ красной ленточкой въ петлицѣ, Гильомъ Добузье шелъ слѣдомъ за маленькимъ Лораномъ, его питомцемъ, сыномъ умершаго, впавшимъ въ глубокое нервное отчаяніе. Съ минуты смерти отца мальчикъ не переставалъ рыдать. Въ церкви онъ возбуждалъ еще бóльшее состраданіе. Печальный звонъ колоколовъ, въ особенности, прерывистые

звуки колокольчиковъ хора, заставляли его вздрагивать и всхлипывать.

Эта явная печаль даже выводила изъ терпѣнія кузена Гильома, отставного офицера, тяжелаго на подъемъ, врага всякихъ преувеличиваній.

— Послушай, Лоранъ, успокойся! Будь благоразуменъ... встань... сядь... иди...—не переставалъ онъ говорить ему вполголоса.

Напрасный трудъ! Каждую минуту мальчикъ портилъ безупречный порядокъ церемоніи своими всхлипываніями и неумѣстными движеніями. И въ такое время, когда его отцу воздавали столько почести!

Передъ отъѣздомъ изъ бѣднаго дома умершаго, Добузье, подумавъ обо всемъ, передалъ своему питомцу одну монету въ двадцать франковъ, другую въ пять и третью въ двадцать су. Первая предназначалась для добровольнаго пожертвованія, остальныя — для собирателей подаянія. Но этотъ ребенокъ, столь же неловкій, какимъ онъ и казался съ виду, спуталъ свои пожертвованія; противъ обыкновенія онъ далъ золотую монету на бѣдныхъ, пять франковъ на церковныхъ служащихъ и двадцать су священнику.

На кладбищѣ, бросая на гробъ съ лопатки желтый песокъ, падавшій съ плачевнымъ звукомъ, онъ чуть не упалъ въ могилу.

Наконецъ, къ великому облегченію Добузье, его посадили въ карету; двѣ лошади быстро помчали экипажъ, въ которомъ сидѣли другъ противъ друга опекунъ и его питомецъ, мимо укрѣпленій, въ предмѣстіе, гдѣ Добузье имѣлъ домъ рядомъ съ своей фабрикой.

За семейнымъ обѣдомъ говорили о дѣлахъ, не останавливаясь на событіи утра и удѣляя только немного вниманія Лорану, сидѣвшему между старой теткой и Добузье. Послѣдній обращался къ нему только съ убѣжденіемъ исполнять свой долгъ, быть умнымъ и разсудительнымъ,—со всѣми этими словами, непонятными для сердца и ума маленькаго мальчика. Лоранъ недавно въ первый разъ былъ у причастія.

Добрая тетка сироты очень хотѣла бы сказать ему что-нибудь нѣжное, но она боялась повредить ему этимъ и навлечь на себя со стороны хозяевъ дома упреки въ малодушіи. Она старалась даже заставить его замолчать изъ страха, что такая продолжительная печаль можетъ показаться непріятной тѣмъ лицамъ, которыя отнынѣ принуждены были замѣнить ему отца и мать. Но отъ одиннадцатилѣтняго мальчика трудно ждать такта и разсужденій, и уговоры старой женщины только вызывали у него новый приливъ слезъ.

Отуманенными глазами, дрожащій, какъ безпріютная птичка, ребенокъ изучалъ своихъ собесѣдниковъ.

Г-жа Добузье, кузина Лидія, точно царила за столомъ, сидя противъ мужа. Она была маленькаго роста, желтая, ограниченная, неловкая, съ черными блестящими волосами, большими круглыми глазами, тоже черными, какъ волосы, но какъ бы стеклянными, съ суровымъ взглядомъ, чисто мужскими чертами лица, усиками надъ верхней губой, гортаннымъ и повелительнымъ голосомъ. Жестокое сердце, скорѣе точно покрытое бронею, чѣмъ отсутствующее у нея, должно было сказаться въ будущемъ юному Паридалю. Гильомъ Добузье, блестящій, умный капитанъ, женился на ней изъ-за денегъ, какъ разсказывали ихъ недоброжелатели, причемъ приданое этой дочери брюссельскаго шляпочника послужило первымъ вкладомъ въ ихъ состояніе.

Но другое лицо съ бо̀льшимъ успѣхомъ отвлекало иногда Лорана отъ его горя: это была Регина или Гина, единственный ребенокъ Добузье. Старше на два года маленькаго Паридаля, оживленная и нервная, она отличалась необыкновенной красотой, измѣняющей или смягчающей недостатки наружности матери. У нея тоже были большіе черные глаза, но красиво очерченные и болѣе выразительные; ея волнистые волосы падали на плечи. Безупречный оваль лица, орлиный носъ, упрямый и надменный ротикъ, чудесныя ямочки на щекахъ, розовый и матовый цвѣтъ лица, напоминающій камею... никогда еще Лоранъ не видалъ такой красивой дѣвочки!

Между тѣмъ онъ не осмѣливался взглянуть ей прямо въ лицо; ея личико шаловливаго ребенка, въ которомъ чувствовалась нѣкоторая доля торжественности и важности Гильома, не переставало импонировать ему. Онъ былъ ослѣпленъ ею и смутно пугался этого. Въ особенности, когда она въ два или три пріема быстро окинула его взглядомъ, сопровождавшимся такимъ презрительнымъ выраженіемъ, точно она считала новаго пришельца недостойнымъ ея продолжительнаго вниманія.

Сознавая благопріятное впечатлѣніе, произведенное ею на мальчика, она оживилась болѣе, чѣмъ обыкновенно; она усилила свои пріемы балованнаго ребенка. Кузина Лидія, не считая себя въ силахъ остановить ее, устремляла на мужа отчаянные взгляды.

Добузье оттягивалъ возможно больше безмолвныя просьбы своей жены. Наконецъ, онъ вмѣшался. Не слушая замѣчаній своей матери и отвѣчая вѣжливо, но съ скучающимъ видомъ гостямъ, Гина выказывала себя ласковой и нѣжной по отношенію къ отцу. Она удостоивала его улыбкой, шалила съ нимъ, рисуя себя немного мученицей

своихъ веселыхъ, добродушныхъ порывовъ. Лоранъ быстро замѣтилъ сильную любовь между отцомъ и дочерью. Выдержанный человѣкъ, рабъ обстановки и пріемовъ, Добузье оставлялъ свои натянутыя, размѣренныя манеры, когда обращался къ Гинѣ.

Эта перемѣна могла быть незамѣченной другимъ наблюдателемъ, но не этимъ сиротою, знавшимъ по опыту, какова можетъ быть любовь отца. Лоранъ угадывалъ, что Гильомъ Добузье заставлялъ себя быть строгимъ, чтобы не уступать шалостямъ своей дочурки, которую онъ бралъ подъ свою защиту. Какая неожиданная нѣжность была въ этомъ голосѣ и въ этомъ взорѣ! Интонаціи голоса и взгляды напоминали мальчику то выраженіе, ту улыбку, съ которою кто-то отсутствующій, теперь умершій, обращался къ нему двѣ недѣли назадъ, во время чудной прогулки по деревнѣ. Лорки—такъ называлъ его отецъ—съ трудомъ узнавалъ въ кузенѣ Добузье, уговаривавшемъ маленькую Гину, то самое суровое лицо, которое приказывало ему недавно, во время печальной церемоніи, сдѣлать то-то и то-то,—столько вещей, что онъ не зналъ, за что взяться,—и приказывало такимъ быстрымъ и рѣшительнымъ тономъ.

Пускай его дѣтское сердце сжималось отъ этого сравненія,—прежде Лорки, а теперь Лоранъ, не сердился за это предпочтеніе на свою маленькую кузину Гину. Она была слишкомъ привлекательна! Ахъ! если бы дѣло касалось другого ребенка, какого-нибудь мальчика, онъ необыкновенно сильно почувствовалъ бы горечь своей потери; онъ испыталъ бы не только печаль и отчаяніе, но и отвращеніе и ненависть.

Но Гина казалась ему чѣмъ-то вродѣ принцессы или блестящей феи изъ сказки, и было вполнѣ понятно, что судьба милостива къ высшему существу.

Маленькой феѣ не сидѣлось на мѣстѣ.

— Идите, дѣти, играть,—сказалъ ей отецъ, подавая знакъ Лорану слѣдовать за нею.

Гина повела его въ садъ.

Это было большое пространство, окруженное оштукатуренными стѣнами, одновременно огородъ, виноградникъ и обширный паркъ, хотя въ немъ не было широкихъ лужаекъ и тѣнистыхъ рощицъ.

Однако, въ этомъ саду была одна достопримѣчательность: что-то вродѣ башенки изъ краснаго кирпича, словно прислонившаяся къ холму, у подножія котораго виднѣлся небольшой прудъ, служившій убѣжищемъ для утокъ. Запутанная и извилистая дорожка приводила наверхъ холма, откуда былъ виденъ садъ и прудъ. Это странное украшеніе сада съ важностью называлось Лабиринтомъ.

Гина познакомила съ нимъ Лорана.

Она показывала ему, называла предметы, съ развязнымъ видомъ, съ осанкой чичероне. Она говорила съ нимъ покровительствующимъ тономъ: «Смотри, берегись, не упади въ воду! Мама не позволяетъ рвать малину». Она смѣялась надъ его неловкостью. Она поправила два, три раза его мало изящную рѣчь, выказывавшую мѣстное нарѣчіе. Лоранъ, и такъ неразговорчивый, сдѣлался еще болѣе молчаливымъ. Его смущеніе росло, онъ не хотѣлъ казаться смѣшнымъ передъ ней.

Въ этотъ день на Гинѣ была надѣта форма пансіонерки: сѣрое платье съ голубыми лентами. Она разсказывала своему товарищу, который не утомлялся ее слушать, про свой духовный пансіонъ въ Мехельнѣ; она подѣлилась съ нимъ даже карикатурами, изображая съ гримасами и кривляньемъ нѣкоторыхъ сестеръ. Главная сестра — косая; сестра Вероника, завѣдующая бѣльемъ, говоритъ въ носъ; сестра Гюбертина засыпаетъ за вечерними уроками.

Разсказъ объ уродствахъ и недостаткахъ ея учительницъ оживилъ ее. До сихъ поръ она почти не взглянула на маленькаго Паридаля. Она шла впереди его, бѣгала, прыгала, оборачивалась время отъ времени, чтобы посмотрѣть, идетъ ли онъ за ней. Она задала ему нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ. «Правда ли, что его отецъ былъ простымъ приказчикомъ? Неужели у нихъ былъ только одинъ ходъ и небольшая квартира? Почему онъ никогда не пріѣзжалъ къ нимъ? Итакъ, ты мой двоюродный братъ? Смѣшно, не правда ли? Я не знала, что у меня такой кузенъ... Паридаль, это звучитъ, конечно, по-фламандски. У меня есть кузены, Эженъ и Поль, сыновья дяди Сенъ-Фардье, компаніона папы, но у нихъ есть чудный домъ, какъ у насъ. Они учатся кататься верхомъ... Они не носятъ большихъ фуражекъ... Не то, что ты... Папа сказалъ мнѣ, что ты похожъ на маленькаго деревенскаго мальчика съ твоими розовыми щеками, большими зубами и гладкими волосами... Кто же тебя такъ причесалъ?... Мнѣ кажется, ты скорѣе похожъ на священника»...

Она набрасывалась на Лорана съ неудержимою рѣзвостью. Каждое слово доходило до его сердца. Онъ не находилъ, что̀ отвѣтить. Она дѣлала больно его душѣ, но она была такъ красива.

Проворная, живая, нервная, она, болтая, била прутикомъ по кустарникамъ.

Впечатлѣніе маленькаго Паридаля было очень странное. Онъ чувствовалъ себя очень опечаленнымъ, одинокимъ, въ особенности униженнымъ, но, съ другой стороны, почти наслаждался этой пыткой. Его трауръ былъ столь же жгучимъ, какъ два дня тому назадъ, но

онъ не такъ равнодушно относился къ жизни; онъ интересовался всѣмъ тѣмъ, что происходило вокругъ него. Гина обижала его, но если бы ему предложили разстаться съ нею, онъ бы отказался.

Въ немъ пробуждалось самолюбіе. Ему хотѣлось доказать этой насмѣшницѣ, что можно носить скроенную, какъ мѣшокъ, блузу, слишкомъ длинные и слишкомъ широкіе панталоны, сдѣланные на два года, накрахмаленный воротникъ, откуда его голова выглядывала, точно голова Іоанна Крестителя послѣ усѣкновенія, фуражку, спрятанную отъ перваго причастія,—быть одѣтымъ, какъ сынъ фермера, и въ то же время быть не глупѣе и не тупѣе какого-нибудь Сенъ-Фардье.

Однако и у нея было доброе настроеніе. Пробѣгая по цвѣтнику, она нагнулась, сорвала красивую маргаритку съ розовыми лепестками и желтымъ сердечкомъ и сказала: «возьми, деревенщина, воткни себѣ въ петличку!» Деревенщина,—сколько ей угодно! Онъ прощалъ ей. Этотъ блестящій цвѣтокъ, воткнутый въ его черную блузу, казался первой улыбкой, освѣтившей его трауръ. Взволнованный чувствомъ благодарности, не умѣя еще передать ни своей радости, ни своей печали словами, онъ, если бы посмѣлъ, преклонилъ бы колѣна передъ капризной дѣвочкой и поцѣловалъ бы ей руку, какъ, онъ видѣлъ, дѣлали это рыцари на картинкахъ *Journal pour tous*, который онъ перелистывалъ дома, когда-то, въ зимніе воскресные дни...

Быстрая, какъ козочка, Гина бѣжала уже по грядкамъ, на другомъ концѣ сада, откуда ея звонкій голосокъ отрывалъ мальчика отъ состоянія успокоенности.

Но вдругъ въ отвѣтъ на ея слишкомъ веселые призывы, ребенокъ почувствовалъ угрызенія совѣсти, что допустилъ приручить себя. Онъ поспѣшилъ, рискуя навлечь немилость Гины, вынуть изъ петлицы цвѣтокъ, но крѣпко зажалъ его въ карманѣ. И остановившись, онъ подумалъ о доброй Сизкѣ, вѣрной, преданной служанкѣ. Она осталась жива. Но увидитъ ли онъ ее когда-нибудь? Отцовскій домъ былъ сданъ въ наемъ. Собака, храбрый Левъ, былъ отданъ первому встрѣчному, который согласился избавить отъ него домъ покойника. Получивъ свое жалованіе, Сизка тоже ушла. Лорки не простился даже съ ней сегодня утромъ. Онъ вспомнилъ ея лицо въ глубинѣ церкви, ея доброе лицо, столь же напухшее, разстроенное, печальное, какъ и его лицо. Всѣ выходили, и, подталкиваемый Гильомомъ Добузье, онъ долженъ былъ пройти мимо нея, несмотря на то, что хотѣлъ броситься ей на шею...

Гина, уставъ звать его, рѣшила вернуться за мечтателемъ. Она

взяла его за руку: «Пойдемъ, я покажу тебѣ персики. Это мамины фрукты! Фелиситэ считаетъ ихъ каждое утро... ихъ двѣнадцать... не трогай». Она даже не замѣтила, что Лоранъ вынулъ изъ петлицы цвѣтокъ. Это равнодушіе маленькой феи ободрило смущеннаго ребенка; впрочемъ, въ глубинѣ души онъ предпочелъ бы, чтобы она спросила, что сталось съ ея подаркомъ.

Онъ позволялъ ей распоряжаться собой, игралъ съ нею. Она, казалось, находила естественной его любезность, обращалась съ нимъ, какъ съ послушной собачкой, и не давала ему времени собраться съ мыслями. Она играла въ мальчишескія игры. Чтобы понравиться ей, онъ кувыркался, издавалъ дикіе звуки, катался по травѣ и песку, запачкалъ свой костюмъ, а пыль покрыла его влажныя отъ пота и слезъ щеки.

— Ахъ, какой ты смѣшной,—воскликнула Гина. Она намочила кончикъ своего платка въ бассейнѣ и пыталась умыть его. Она очень смѣялась и только еще больше испачкала его.

Онъ позволялъ ей дѣлать все это, счастливый отъ ея шаловливыхъ заботъ, ея смѣха. Гина, вѣроломная, рисовала ему на лицѣ арабески такъ хорошо, что онъ получилъ татуированный видъ.

— Мадемуазель,—раздался въ это время строгій и высокомѣрный голосъ,—васъ зовутъ. Гости разъѣзжаются... А вы идите сюда! Пора ложиться спать. Завтра вы поѣдете въ пансіонъ. Довольно уже такихъ каникулъ.

Взглянувъ на маленькаго Паридаля, Фелиситэ, грозная Фелиситэ, довѣренная слуга Добузье, вскричала, точно передъ ней предсталъ дьяволъ: «фи! ужасный мальчикъ».

Она пріѣзжала за нимъ въ Лувенскій пансіонъ и должна была снова проводить его туда. Ворчливая, сердитая, низкопоклонная и льстивая, она угадала сразу, какъ будетъ поставленъ мальчикъ въ домѣ. Кузина Лидія поручила этой прислугѣ присмотръ за непрошеннымъ гостемъ. Фелиситэ должна была заботиться объ его туалетѣ, постели и воспитаніи. Фелиситэ впервые вступала въ роль гувернантки и предоставила себѣ полную свободу.

Гина, продолжая смѣяться, какъ безумная, отдала Паридаля на съѣденіе прислуги и вернулась, не вспоминая о немъ, въ гостиную, гдѣ она разсказала своимъ родителямъ о своей продѣлкѣ. Паридаль хотѣлъ было послѣдовать за ней, но Фелиситэ не пустила его. Она толкнула его къ лѣстницѣ и нарисовала ему такую картину обращенія г. и г-жи Добузье съ подобными ему поросятами, что онъ, напуганный, поспѣшилъ въ свою мансарду скорѣе улечься въ постель, чтобы не возбуждать гнѣва своего опекуна.

Фелиситэ щипала и толкала его. Онъ относился къ этому стоически, ни разу не крикнулъ.

Это дурное окончаніе дня было отвлеченіемъ отъ его печали. Безпокойство, усталость, свѣжій воздухъ нагнали на него тяжелые и фантастическіе сны. Красивая Гина съ грознымъ видомъ распоряжалась танцами, то освобождала, то предоставляла его во власть старой вѣдьмы, похожей на Фелиситэ. На заднемъ планѣ нѣжные и блѣдные призраки его отца и Сизки, умершаго и отсутствующей, протягивали къ нему руки. Колокола звонили. Паридаль бросилъ на подносъ пожертвованій маргаритку, подарокъ Гины. Цвѣтокъ упалъ съ шумомъ золотой монеты, и раздался звонкій смѣхъ маленькой кузины, и этотъ шумъ обратилъ въ бѣгство насмѣшливые и странные призраки...

Таково было вступленіе Лорана Паридаля въ его новую семью.

II.

Въ свой второй пріѣздъ и въ послѣдующіе, когда каникулы заставляли его пріѣзжать къ опекуну, Лоранъ не чувствовалъ себя болѣе акклиматизированнымъ, чѣмъ въ первый разъ. У него всегда былъ видъ непрошеннаго гостя, точно слетѣвшаго съ луны, занимавшаго чужое мѣсто.

Какъ только вносили его чемоданъ, его сейчасъ же спрашивали, надолго ли онъ пріѣхалъ, и занимались больше состояніемъ его багажа, одежды, чѣмъ его особой. Его принимали безъ восторга, безъ радости; кузина Лидія машинально протягивала ему свою щеку, Гина, казалось, забывала его каждый разъ, а что касается Гильома Добузье, то если онъ былъ занятъ, онъ приказывалъ, чтобы его не безпокоили изъ-за такого пустяка, какъ пріѣздъ мальчика: онъ увидитъ его за обѣдомъ, и этого достаточно.

— Ахъ! это ты пріѣхалъ. Поумнѣлъ ли? Какъ ты учишься?

За столомъ большіе глаза кузины Лидіи, какъ неумолимые наблюдатели, казалось, укоряли его за большой аппетитъ его двѣнадцатилѣтняго возраста. Правда, она допускала, чтобы онъ ронялъ стаканъ изъ рукъ или куски кушанья съ вилки. Эти погрѣшности не всегда награждали мальчика эпитетами неловкаго, но у кузины замѣчалась всегда презрительная гримаса, выдававшая ея мысли. Эта гримаса ничего не значила по сравненію съ веселой улыбкой Гины.

Гильомъ Добузье, по крайней мѣрѣ, не утруждалъ мальчика своими мученіями. Онъ приходилъ домой къ каждой трапезѣ съ оза-

ченнымъ лицомъ, съ новыми планами въ головѣ, высчитывая доходы, взвѣшивая тѣ или другія дѣла.

Съ женой своей Добузье говорилъ о дѣлахъ; она чудесно столковывалась съ нимъ, отвѣчала ему, употребляя техническіе термины.

Онъ измѣнялъ своимъ цифрамъ и оживлялся, только любуясь своей дочерью и лаская ее. Все больше и больше Лоранъ замѣчалъ полное согласіе и любовь между этими существами. Добузье предупреждалъ желанія дочки, удовлетворялъ ея малѣйшіе капризы, защищалъ ее даже отъ нападокъ матери.

Каждыя каникулы Лоранъ находилъ ее болѣе красивой, высокой, но все болѣе холодной. Родители взяли ее изъ пансіона. Знающіе и модные учителя готовили ее къ ея судьбѣ богатой наслѣдницы.

Совсѣмъ барышня, слишкомъ взрослая, чтобы заниматься съ такимъ мальчикомъ, да еще низкаго происхожденія, Гина принимала своихъ подругъ и много выѣзжала. Маленькія кузины Сенъ-Фардье, бѣлокурыя и живыя болтуньи, составляли ей компанію, достойную ея круга. Если отъ бездѣлья она начинала заниматься маленькимъ деревенскимъ мальчикомъ, то кузина Лидія находила сейчасъ же предлогъ прекратить это. Она посылала Фелиситэ предупредить барышню о приходѣ того или другого учителя, или она увозила ее въ городъ, или портниха ждала ее мѣрить платье, или надо было сѣсть за рояль. Чаще всего Фелиситэ предугадывала намѣренія своей хозяйки. Она исполняла подобнаго рода порученія чрезвычайно охотно. Лоранъ долженъ былъ развлекаться, какъ умѣлъ.

Фабрика разрасталась до такой степени, что съ каждымъ годомъ новыя постройки, сараи, мастерскія, магазины овладѣвали садомъ, окружали жилой домъ. Лоранъ не безъ сожалѣнія узналъ объ исчезновеніи лабиринта съ его башенкою, прудомъ и утками. Это жестокое истребленіе было для него мучительно изъ-за воспоминаній о Гинѣ.

Подобныя перемѣны на фабрикѣ не прекращались. Добузье перестраивали домъ: вѣдь дочь ихъ должна была начать свои выѣзды и пріемы. Они воздвигали цѣлый дворецъ, представлявшій анфиладу гостиныхъ, обставленныхъ и меблированныхъ самыми модными магазинами. Гильомъ Добузье, казалось, самъ распоряжался всѣми этими украшеніями, но всегда сообразовался со вкусомъ и выборомъ дочери. Онъ устроилъ уже для балованной дочки чудесныя двѣ комнаты, серебряную и голубую, которыя могли бы годиться для какой угодно инфанты.

Мансарда Лорана тоже не осталась безъ перемѣны. Нехватало

чердака, чтобы размѣстить всѣ старыя вещи, и Фелиситэ перенесла многіе предметы въ комнату Лорана.

Въ глубинѣ души онъ не сердился на эти внѣшнія притѣсненія; онъ чувствовалъ между выброшенными вещами, переставшими нравиться, и заброшеннымъ ребенкомъ, какимъ онъ былъ, нѣкоторую связь.

Ахъ! эта мансарда у Гильома Добузье!

Лоранъ радъ былъ, когда находился въ ней.

Онъ открывалъ окно подъ своей крышей, взбирался на стулъ, смотрѣлъ на разстилавшійся у его ногъ пейзажъ: красные, низенькіе, скученные домики, фантастическія кучки за разрастающимся городомъ, фермы, новые многоэтажные трактиры; населеніе предмѣстій подозрительное, разношерстное, наполовину сельское, наполовину городское, болѣе грубое, чѣмъ деревенскіе крестьяне, и болѣе культурное, чѣмъ городскіе подонки общества... Было что-то жалкое, душное и все же привлекательное въ этомъ пейзажѣ, окаймленномъ откосами укрѣпленій, воротами, красными казармами, шумъ которыхъ какъ бы отвѣчалъ на колоколъ фабрики. Три-четыре вѣтряныхъ мельницы быстро вертѣлись на равнинѣ.

Иногда, оскорбленный слишкомъ жестоко, перенесшій тысячу обидъ, точно укусы осинаго роя, угнетенный сирота, Лоранъ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ созерцая мрачный пейзажъ, думалъ... думалъ... думалъ... затѣмъ, точно пресыщенный печалью, отрывался отъ этого зрѣлища, падалъ на колѣни передъ своей маленькой желѣзной кроватью и рыдалъ. А громкій шумъ мельницъ, звонкій, какъ смѣхъ Гины, и шумъ фабрики, ворчливый и глухой, какъ выговоръ Фелиситэ, точно аккомпанировали обильному потоку слезъ. Ахъ! дорогая мансарда, прибѣжище уединенія!

Въ этой мансардѣ былъ шкапъ, гдѣ ставились книги, считавшіяся Добузье слишкомъ легкомысленными. Запретный плодъ, подобно малинѣ и персикамъ въ саду! Мыши уже поглодали грязные кончики книгъ, а Лоранъ наслаждался тѣмъ, что̀ прожорливые звѣрки оставили ему изъ литературы. Часто онъ такъ погружался въ чтеніе, что забывалъ о всякой предосторожности, и Фелиситэ, входившая на цыпочкахъ, чтобы застать его врасплохъ, накрывала его.

Тогда начинались крики, ворчаніе, на которое прибѣгала г-жа Добузье.

Однажды его поймали за чтеніемъ «Поля и Виргиніи».

— Дурная книга... Ты лучше бы училъ свою ариѳметику,— сказала ему опекунша.

Узнавъ преступленіе Лорана, опекунъ поддержалъ эту умную

женщину. Добузье высказалъ еще лишній разъ свое мнѣніе, что изъ этого скороспѣлаго мальчика, слишкомъ усерднаго чтеца и ротозѣя, никогда не выйдетъ ничего хорошаго и что онъ останется на всю жизнь такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ его отецъ. Ротозѣй! сколько презрѣнія вкладывалъ онъ въ это слово...

Садъ уменьшался, съ каждымъ разомъ, до размѣра небольшой площадки, на которую выходили окна дома, и поэтому когда Лорана прогоняли изъ его мансарды, онъ пользовался благопріятнымъ моментомъ, чтобы очутиться на фабрикѣ.

Его утомлялъ шумъ и движеніе безчисленныхъ работъ, это приготовленіе свѣчей, начиная съ обработки зловонныхъ органическихъ веществъ, воловьяго, бараньяго сала, откуда выдѣляется не безъ труда бѣлый и мраморный стеаринъ, вплоть до упаковки свѣчей въ ящики, нагрузки на телѣги.

Лоранъ спускался въ помѣщенія, гдѣ топятъ, входилъ въ отдѣленія машинъ, переходилъ отъ чановъ, гдѣ очищаютъ грубый матеріалъ, растопляя его по нѣскольку разъ, къ прессамъ, гдѣ, избавившись отъ дурныхъ веществъ, этотъ матеріалъ снова твердѣетъ.

Онъ посѣщалъ фабрику по всѣмъ ея угламъ, проникалъ въ мастерскія съ отравленнымъ воздухомъ и оставался долго въ смертоносныхъ мѣстахъ. Онъ карабкался по лѣстницамъ, проходилъ по узкимъ мосткамъ. Котлы обдавали его лицо своимъ влажнымъ дыханіемъ. Машины, рычаги и маховыя колеса на полномъ ходу свистѣли, ворчали, ревѣли, заставляли дрожать большія каменныя клѣтки, въ которыя ихъ мѣдныя и стальныя части, уродливыя и циклопическія, съ странными формами были, какъ замурованные гиганты.

Тамъ ему нечего было бояться. Лоранъ зналъ, что какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ чудовище фабрики распрямляется, онъ былъ наиболѣе безопасенъ. Неусыпность сторожей поддерживалась его громкимъ рычаньемъ. Въ ту минуту, когда оно готово разорваться, все разрушить и уничтожить вокругъ себя, счетчикъ выдаетъ это намѣреніе чудовища, собравшійся паръ исчезаетъ, становясь безобиднымъ, черезъ предохранительные клапаны.

Опасность находится дальше: въ помѣщеніяхъ, гдѣ механическое чудовище какъ бы прибѣгаетъ къ хитрости. Не достигнувъ ничего своими криками, ужасными жестами и не имѣя возможности отомстить за себя однимъ ударомъ, общею катастрофою всѣмъ людямъ, которые покорили его силу, оно какъ бы прячется и хватаетъ свои жертвы по одиночкѣ.

Изъ отверстій, устроенныхъ въ стѣнахъ и потолкѣ, простые ко-

жаные ремни исходятъ отъ главнаго центра, точно длинныя щупальца спрута, и приводятъ въ движеніе аппараты, находящіеся наверху. Эти длинные ремни наматываются и разматываются съ такимъ изяществомъ и легкостью, которое отгоняетъ всякую мысль о силѣ и бѣшенствѣ. Они двигаются такъ быстро, что кажутся неподвижными, а бываютъ минуты, когда ихъ совсѣмъ не видно. Они исчезаютъ, точно улетаютъ, исполняютъ съ необыкновеннымъ послушаніемъ тѣ услуги, которыя отъ нихъ требуются, возвращаются на мѣсто отправленія, снова исчезаютъ, не утомляясь однимъ и тѣмъ же путешествіемъ и однѣми и тѣми же работами. Они продѣлываютъ милліоны, милліарды разъ скучную операцію съ ловкостью и очаровательной сдержанностью. На своемъ пути они производятъ немногимъ больше шума, чѣмъ птица, ударяющая крыльями, или мурлыкающая сладострастная кошечка, а если стать близко къ нимъ, то ихъ дыханіе нѣжно и почти ласково касается васъ.

Вскорѣ перестаешь чувствовать недовѣріе къ ихъ движеніямъ, и они укачиваютъ, какъ пѣсенки за прялкой. Но они насторожѣ, всегда внимательны и терпѣливы, какъ пантеры, подстерегающія добычу; они пользуются разсѣянностью, малѣйшей забывчивостью, отвлеченіемъ, минутою мечты, случайной безпечностью ихъ усмирителей, мимолетной потребностью прислониться спиной.

Даже въ этомъ они не нуждаются: достаточно широкой рубашки, распущенной блузы, неловкаго шага, даже неудобной складки одежды, чтобы ужаснымъ образомъ измѣнилась вся картина. Ремни подхватываютъ человѣка за край одежды, затѣмъ притягиваютъ его, уносятъ въ своемъ круженіи, несмотря на его крики, несмотря на его вѣсъ и сопротивленіе. Въ какую-нибудь минуту они подвергаютъ его цѣлому ряду пытокъ. Онъ распластывается на колесахъ, изрубленный, изрѣзанный, раздѣленный на куски, съ содранной кожей, искромсанный, ампутированный, разбросанный въ видѣ отдѣльныхъ членовъ на нѣсколько метровъ въ окружности, точно камень, вылетѣвшій изъ пращи, или лимонъ, раздавленный между двумя зубчатыми колесами, изъ которыхъ брызжетъ его кровь, его мозгъ на охваченныхъ ужасомъ товарищей... Что касается того, чтобы прибѣжать и остановить машину,—нечего и думать объ этомъ. Человѣкъ бываетъ изрѣзанъ или уничтоженъ прежде, чѣмъ у другихъ рабочихъ будетъ время замѣтить его оплошность.

Если останавливаютъ коварную машину, то единственно для того, чтобы очистить ее, чтобы стереть всякій слѣдъ ея хищенія, вычистить ей зубцы, вылощить колеса, гладкіе ремни, придать ей снова ея видъ ручной кошки.

Можно ли удивляться тому, что рабочіе, доведенные до крайности, во время стачки и красныхъ мечтаній, портятъ машины, которыя, не довольствуясь тѣмъ, что разрушаютъ и обезцѣниваютъ рабочія руки, еще уничтожаютъ людей!

Но фабрика не всегда сводитъ счеты со своими рабами такимъ открытымъ и быстрымъ образомъ. Въ числѣ помѣщеній, гдѣ растираются сала, одно пользуется особенно дурной репутаціей,—отдѣленіе, гдѣ вырабатывается *акреолинъ,* безцвѣтное и летучее вещество, ѣдкіе пары котораго губятъ рабочихъ; несмотря на то, что терпѣливые работники смѣняются каждые сорокъ восемь часовъ и время отъ времени берутъ продолжительный отпускъ, чтобы уничтожать дѣйствіе яда,—съ теченіемъ времени ужасное вещество одерживаетъ верхъ надъ ними и лишаетъ ихъ зрѣнія.

Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился Лоранъ, онъ скорѣе узнавалъ всѣ изнанки промышленной жизни. Въ общемъ то, что онъ видѣлъ на фабрикѣ, внушало ему больше ужаса, чѣмъ сочувствія. Онъ приписывалъ этой фабрикѣ, безукоризненному зданію, гдѣ примѣнялись успѣхи механики и химіи, гдѣ осуществлялись чудеса изобрѣтенія, пагубное и злое вліяніе. Онъ почувствовалъ глубокое состраданіе, инстинктивную и сильную любовь къ этому міру парій, трудящихся съ такою храбростью и самоотверженіемъ и бравирующихъ за ничтожную плату болѣзнью, увѣчьями, смертью, ужасными орудіями, которыя обращались противъ нихъ, и даже той атмосферой, которой они дышали. Точно сама природа, вѣчный сфинксъ, разсердившаяся на то, что у нея вырвали ея тайны, вымещала на этихъ простыхъ работникахъ тѣ ущербы, которые причинили ей ученые.

Мальчикъ входилъ въ сообщество съ этими рабочими. Когда онъ встрѣчалъ ихъ, запачканныхъ, потныхъ, задыхающихся, и они снимали передъ нимъ фуражку, онъ осмѣливался заговаривать съ ними. Ихъ выразительная и твердая рѣчь, ихъ грубыя, свободныя движенія, послѣ мелочныхъ гоненій, скрытыхъ словъ ироніи, глухой пытки въ комнатахъ Добузье, доставляли ему ощущеніе живого и веселаго вѣтра послѣ пребыванія въ теплицѣ среди роскошныхъ растеній и одуряющихъ ароматовъ. Онъ зналъ, что ихъ считали низшими, и онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ ними; его угнетенная слабость тянулась къ ихъ пассивной силѣ; выбитый изъ своего круга, мальчикъ подходилъ къ нимъ, которыхъ эксплоатировали хозяева. А они, эти высокіе, широкоплечіе истопники, машинисты, грузчики, мастера, ласково обращались съ этимъ духовно заброшеннымъ, одинокимъ ребенкомъ, лишеннымъ нѣжностей и ласки.

Такимъ образомъ вскорѣ вся фабрика узнала его. Одно отдѣленіе на фабрикѣ въ особенности нравилось ему, хотя и не переставало смущать его.

Оно находилось въ первомъ этажѣ главнаго корпуса, называлось «coulerie» и представляло собою обширный залъ, гдѣ работали триста работницъ.

Это были, большею частью, свѣжія, толстыя и смѣющіяся дѣвушки, опрятныя, въ свѣтло-синихъ юбкахъ, лиловыхъ кофтахъ, съ волосами, подобранными подъ маленькій чепчикъ. Тамъ было жарко отъ машинъ, находившихся внизу, и многія изъ нихъ разстегивались, бравируя строгостью правилъ и цѣлымъ дождемъ штрафовъ, назначавшихся во имя дисциплины помощникомъ хозяина. Тамъ раздавалась оживленная болтовня, точно щебетаніе птицъ. Эти женщины занимались окончательною отдѣлкою свѣчей, выходившихъ изъ литейныхъ формъ; онѣ полировали ихъ, наводили блескъ, классифицировали. Онѣ работали по двѣ, по три за однимъ столомъ, покрытымъ различными приборами, и свѣчи, поднимавшіяся подъемными снарядами, переходили отъ одного стола къ другому, изъ рукъ въ руки, приближаясь при каждой обработкѣ къ окончательному типу, предназначенному украшать люстры и канделябры. Полъ, естественно навощенный обломками стеарина, блеститъ, какъ паркетъ бальнаго зала. Толстыя дѣвушки и ихъ станки отражаются въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и эти отраженія, это нагроможденіе образовъ еще сильнѣе ошеломляли Лорана каждый разъ, когда онъ поднимался на лѣстницу и входилъ въ этотъ залъ.

Обыкновенно это случалось вечеромъ, послѣ обѣда. Его приходъ производилъ каждый разъ сенсацію. Немного нахальныя головки поднимались и поворачивались по направленію къ маленькому непрошенному гостю. Лоранъ, смущенный этими взглядами, всетаки храбро проходилъ между длинными столами въ самую глубину зала, гдѣ, точно на каѳедрѣ, сидѣлъ помощникъ мастера, его другъ. Тамъ, подъ его покровительствомъ, онъ овладѣвалъ собою. Онъ осмѣливался выдержать пытку этой массы черныхъ или голубыхъ глазъ, и начиналъ улыбаться всѣмъ этимъ лицамъ. Часто одна изъ работницъ, съ позволенія мастера, провожала его въ сосѣдній залъ, гдѣ сохранялись этикетки, и предлагала ему взять по одному образцу изъ многочисленныхъ ящиковъ; когда онъ не доставалъ котораго-нибудь, стоявшаго высоко, она подавала ему сама. Лоранъ уходилъ тогда съ цѣлымъ ассортиментомъ красивыхъ, золоченыхъ или хромолитографированныхъ, этикетокъ. Къ несчастію, дня черезъ два Филиситэ отнимала ихъ у него. Она намекала на захватъ безъ спроса, на кражу, и

Лоранъ кончилъ тѣмъ, что отказался отъ своей коллекціи, чтобы не навлечь непріятности на добрыхъ дѣвушекъ.

Эти дѣвушки были очень безпокойныя. Вечеромъ ихъ отпускали на четверть часа раньше мужчинъ. На своей постели Лоранъ слышалъ, какъ звонили въ колоколъ о концѣ работъ. Начинались сейчасъ же шумъ, топаніе, подталкиваніе другъ друга. Но на дворѣ онѣ медлили и возвращались. Колоколъ снова звонилъ. Выходили мужчины болѣе тяжелымъ шагомъ, посмѣиваясь, шумя. Черезъ нѣсколько минутъ на углу улицы начинались крики, разговоры, грубыя ласки. Лоранъ ничего не понималъ изъ этихъ клятвъ, шума и смѣха.

На другой день тѣ дѣвушки, которыя кричали громче и сильнѣе всѣхъ, казались веселыми, смѣлыми, точно наканунѣ ничего не произошло. Въ залахъ верхняго этажа мужчины тоже казались веселыми, довольными собою, толкали другъ друга подъ локоть, съ какимъ-то видомъ соучастниковъ, обмѣнивались подмигиваніемъ глазъ, сочно прищелкивали языкомъ.

О какихъ таинственныхъ подвигахъ думали эти неуклюжіе молодцы?

III.

Однажды утромъ маленькій Паридаль блуждалъ по привычкѣ по мастерскимъ и сараямъ, какъ вдругъ услышалъ, что его зовутъ грубымъ голосомъ, старающимся быть нѣжнымъ: «Эй, господинъ Лорки, господинъ Лорки!»

Лорки,—такъ не звали его со времени жизни въ отцовскомъ домѣ! Онъ обернулся, точно онъ долженъ былъ увидѣть призракъ, и какова была его радость, когда онъ узналъ въ коренастомъ смугломъ человѣкѣ, съ мигающими темными глазами, завивающейся бородкой, Винсана Тильбака, добраго Винсана Тильбака!

Винсанъ часто приходилъ къ отцу Паридаля, въ гости къ Сизкѣ, обыкновенно вечеромъ, когда хозяинъ снова уходилъ въ контору. Лоранъ сидѣлъ съ ними на кухнѣ. Это былъ «пріятель» Сизки, какъ сказалъ отецъ мальчику. Лоранъ, разумѣется, не видѣлъ ничего дурного въ томъ, что у Сизки былъ пріятель. Тильбакъ былъ матросомъ изъ той же деревни, какъ и ихъ прислуга, и очень желалъ жениться на землячкѣ и увезти ее отъ хозяевъ, но она боялась его ремесла, отъ котораго многія женщины вдовѣютъ, и предпочитала Паридалей этому загорѣлому брюнету,—въ особенности потому, что «бѣдный баринъ» очень постарѣлъ, а болѣзненный мальчикъ могъ разсчитывать только на заботы Сизки.

Тильбакъ не унывалъ. Между двумя долгими путешествіями онъ неожиданно показывался у Паридалей. Онъ вносилъ со своей одеждой какую-то неустрашимую стихію широкаго вѣтра, сильный запахъ моря, и его здоровье и крѣпкое тѣло говорило о хорошемъ характерѣ. Онъ всегда имѣлъ въ карманѣ чудесные подарки съ океана или изъ экзотическихъ странъ: красивыя раковины, необыкновенные плоды для Лорана, а для Сизки матерію, рѣдкія драгоцѣнности, туфли эскимосовъ. Тильбакъ разсказывалъ происшедшія съ нимъ исторіи, придумывалъ новыя, когда ихъ запасъ истощался. И тѣ и другія радовали Лорана. Сизка, придвинувъ близко стулъ къ разсказчику, казалось, тоже выказывала интересъ. Лоранъ представлялъ собою деспотическую аудиторію. Когда у Винсана истощался весь репертуаръ, цѣлый багажъ реальной жизни и пережитыхъ событій, онъ долженъ былъ снова начинать длинный рядъ разсказовъ.

Къ счастью любезнаго разсказчика, на маленькаго тирана, несмотря на его любопытство, нападалъ сонъ даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ. Сизка переносила его въ маленькую постельку, въ глубинѣ комнаты. Тогда обѣ стороны, избавившись отъ любящаго свидѣтеля, стѣснявшаго ихъ, могли говорить между собой о чемъ-либо другомъ, кромѣ кораблекрушеній, каннибаловъ и морскихъ чудовищъ...

Этого-то Винсана молодой Паридаль увидѣлъ въ тотъ день, утромъ, на фабрикѣ Добузье. Какъ это случилось? Онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія все узнать. Но прежде Лоранъ спросилъ его о Сизкѣ. Теперь, когда отца Паридаля не было въ живыхъ, а ребенокъ былъ взятъ на чужое попеченіе, «добрые друзья» поженились.

Несмотря на свою страсть къ морю и опасныя приключенія, Тильбакъ рѣшился скинуть свои засаленныя брюки и синюю блузу, стать крестьяниномъ, какъ всѣ. Съ его сбереженіями и Сизки они купили небольшой магазинчикъ съѣстныхъ припасовъ и рѣшили помѣститься возлѣ порта. По рекомендаціи своего прежняго капитана, очень къ нему расположеннаго, Винсанъ поступилъ въ качествѣ мастера къ Добузье.

— А Сизка?—спрашивалъ все еще маленькій Паридаль.

— Все хорошѣетъ, господинъ Лоранъ... Какъ она была бы счастлива увидѣть васъ! Не проходитъ дня, чтобы она не говорила о васъ. Вотъ уже три недѣли, какъ я здѣсь, и она спрашиваетъ меня по крайней мѣрѣ тысячи разъ, не видалъ ли я васъ, не узналъ ли я, какъ вы живете, какъ вы выглядите... Но я не зналъ, къ кому обратиться. Патронъ нашъ, кромѣ того что рѣдко его видишь, имѣетъ въ себѣ что-то, что лишаетъ желанія обращаться къ нему... Правда,

непріятный же видъ у вашего Добузье... Но вотъ я васъ и увидѣлъ; скажите, что я долженъ передать Сизкѣ, когда ждать вашего визита?

Добрый брюнетъ, все еще смуглый, веселый и оживленный, какъ въ прежніе дни, обросшій бородой, Тильбакъ думалъ найти въ лицѣ Лорана то же довѣрчивое и счастливое выраженіе, какъ прежде. И въ этотъ моментъ радость мальчика была такъ велика, что мимолетный лучъ радости, дѣйствительно, разгладилъ складки на его лбу.

Онъ даже не сталъ жаловаться своему другу на одиночество своей души. Что касается того, чтобы навѣстить Сизку, нечего было и думать! Ахъ! добрый Винсанъ не зналъ Добузье. Въ то время какъ маленькій Паридаль пытался объяснить своему собесѣднику невозможность этого визита такимъ образомъ, чтобы не оскорбить Тильбака и не огорчить его суровой перемѣной въ своей жизни, онъ представилъ себѣ въ воображеніи насмѣшливый голосъ красивой Гины, еслибъ онъ осмѣлился заговорить съ ней объ этихъ бѣдныхъ людяхъ.

— Я не выхожу никогда одинъ,—объяснилъ онъ, не безъ смущенія,—меня не пускаютъ даже къ роднымъ... Добузье находитъ, что это—потерянное время и что эти визиты отвлекутъ меня отъ занятій... Занятій... Добузье желаетъ только этого...

— Жаль!—отвѣчаетъ Винсанъ, немного разстроенный.—Но это вамъ на пользу. Мы отложимъ визитъ до будущаго времени... Изъ васъ выйдетъ ученый...

Лоранъ хотѣлъ броситься на шею къ Винсану, покрыть его поцѣлуями, просить передать Сизкѣ, что если онъ не придетъ, то не по своей винѣ... Но въ этихъ фабричныхъ стѣнахъ, на этомъ дворѣ, заваленномъ ящиками, недалеко отъ конторы, гдѣ царилъ властный и разсудительный Добузье, Лоранъ чувствовалъ себя нехорошо, смущался и огорчался. Ему было и стыдно, онъ испытывалъ угрызенія совѣсти, сознавая, что со времени похоронъ отца онъ не произнесъ имени преданной Сизки. Разумѣется, онъ не желалъ говорить о ней этой ужасной Филиситэ.

Винсанъ чувствовалъ замѣшательство мальчика и отгадывалъ ощущенія, которыя тотъ скрывалъ. Въ возрастѣ Лорана еще плохо скрываютъ свои чувства, и Винсанъ долженъ былъ все понять по его лицу и по дрожащему, немного хриплому голосу, по ласковому встревоженному взгляду...

— Потерпите, Лоранъ, не огорчайтесь,—повторялъ онъ.—Надо слушаться опекуна... Послушаніе и дисциплина, это мнѣ знакомо!

И онъ хотѣлъ засмѣяться.

— По крайней мѣрѣ, мы будемъ видаться съ вами здѣсь, время отъ времени. Сизка будетъ такимъ образомъ узнавать черезъ меня о васъ.

Дѣйствительно, они видѣлись нѣсколько разъ. Лоранъ исчезалъ изъ дома, какъ только его гувернантка отворачивалась или маленькая калитка между садомъ и фабрикой была пріотворена. Онъ проводилъ все свое свободное время въ томъ корпусѣ, гдѣ работалъ Тильбакъ.

Однажды его другъ спросилъ его, любитъ ли онъ такъ же сильно разсказы, какъ прежде... Ахъ, болѣе чѣмъ когда-либо, — отвѣчалъ Лоранъ.

Дѣйствительно, тысячи притѣсненій, которыя встрѣчало, въ домѣ у Добузье и въ пансіонѣ, его пристрастіе къ чтенію, только усилили его любопытство.

— Я такъ и думалъ,—отвѣчалъ добрый Тильбакъ съ немного смущеннымъ видомъ.—Я не могу разсказывать вамъ больше о своихъ путешествіяхъ, всѣ мои дни похожи одинъ на другой. Къ тому же вы умѣете теперь читать. Я осмѣлился... вы не разсердитесь... принести вамъ двѣ книги, изъ которыхъ вы узнаете больше, чѣмъ изъ разсказовъ вашего слуги...

И онъ вытащилъ изъ синей куртки двѣ книги *швейцарскаго Робинзона* и передалъ ихъ Лорану, краснѣя подъ своимъ загаромъ.

— Сохраните ихъ на память о Сизкѣ и Винсанѣ, — сказалъ онъ.—Я получилъ ихъ отъ одного голландскаго капитана, который умеръ отъ желтой лихорадки на Антильскихъ островахъ. Я не умѣю читать, господинъ Лорки, въ двѣнадцать лѣтъ я пасъ коровъ съ Сизкой, а въ шестнадцать я былъ уже юнгой... Возьмите ихъ, у меня еще осталась отъ пріятеля трубка, съ которой я никогда не разстанусь...

Добрый Тильбакъ. Онъ угадалъ одиночество мальчика. Какъ хорошо сдѣлала Сизка, что вышла за него...

— Ахъ, да, я возьму ихъ, благодарю васъ... поблагодарите вашу жену.

Лоранъ не предвидѣлъ послѣдствій этого подарка. Шпіонка Фелиситэ вскорѣ отыскала обѣ книги, столь хорошо спрятанныя въ глубинѣ его ученическаго чемодана, среди учебниковъ. Отличаясь своимъ внѣшнимъ видомъ, онѣ издавали, кромѣ того, такой запахъ трюма и табака, который всегда чувствуется отъ одежды матросовъ; подозрительная Фелиситэ усомнилась въ томъ, чтобы онѣ принадлежали долгое время герметически запертой библіотекѣ. А смѣлость и приключенія этого *швейцарскаго Робинзона* вызывали негодованіе и ужасъ въ душѣ Фелиситэ.

Она употребила настоящіе пріемы хитраго судьи. Лоранъ выдержалъ допросъ за допросомъ; несмотря на пытку, онъ молчалъ, и она

рѣшила донести объ этомъ господамъ. Лоранъ выдерживалъ себя еще долго. Онъ не могъ сказать, что это подарокъ его другихъ родныхъ. Онъ не видалъ ихъ со времени каникулъ, и Добузье сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они не давали ему книгъ. «Однако, эти ужасныя и глупыя книги не упали съ неба», настаивалъ Добузье.

Лорана лишили сладкаго за обѣдомъ, его посадили на одинъ хлѣбъ: онъ все же молчалъ. Ему грозили исправительнымъ пріютомъ. Онъ сообразилъ, что тамъ ему будетъ не хуже, чѣмъ подъ надзоромъ Фелиситэ. Напрасно самъ Тильбакъ, которому онъ, доведенный до крайности, рѣшился повѣрить свое горе, совѣтовалъ ему, даже приказывалъ сказать. Возмущеніе и изумленіе Винсана и его отчаяніе были огромны. Между тѣмъ, мальчикъ настаивалъ на своемъ молчаніи, а Добузье хотѣлъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ, дозволеннымъ ему закономъ. Тогда Тильбакъ рѣшилъ самъ открыть все патрону. Этотъ поступокъ долженъ былъ навлечь неудовольствіе на мастера, но мальчику грозило исправительное заведеніе, и Винсанъ не обращалъ вниманія на неудовольствіе Добузье, столь богатаго и могущественнаго.

Увѣренный въ своей правотѣ, Винсанъ однажды утромъ явился къ патрону. Пріемъ былъ холодный. Добузье быстро смѣрилъ его глазами изъ-подъ золотыхъ очковъ, спросилъ его, что ему нужно, и казалось, погрузился въ изученіе чертежей машины, разложенныхъ на его столѣ.

Съ первыхъ же словъ Винсана Добузье прервалъ его восклицаніемъ: «хорошо». И не удостаивая его отвѣтомъ, не отрываясь отъ работы, онъ поспѣшно нажалъ кнопку электрическаго звонка недалеко отъ своей руки.

— Спросите у Фелиситэ книги, отобранныя у маленькаго Паридаля,—сказалъ онъ мелкому служащему, прибѣжавшему изъ сосѣдней комнаты.

Когда книги были принесены, Добузье поднялся съ недовольнымъ видомъ, взглянувъ съ отвращеніемъ на это старье и не желая прикасаться къ нимъ, сдѣлалъ знакъ Тильбаку, что онъ можетъ взять обратно свое добро.

Затѣмъ Добузье подтвердилъ Тильбаку вѣжливо, но строго, что тотъ долженъ воздержаться отнынѣ отъ подарковъ мальчику.

Винсанъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Извините, сударь,—осмѣлился однако заговорить мастеръ, прежде чѣмъ уйти, захвативъ подъ мышку этого несчастнаго Робинзона,—могу ли я надѣяться, что мальчикъ перестанетъ возбуждать въ васъ неудовольствіе за тотъ поступокъ, за который я одинъ дол-

женъ отвѣчать... осмѣливаюсь я просить васъ платить ему такой любовью, которая могла бы замѣнить ему любовь отца?

Добузье не позволилъ ему продолжать, а показалъ на дверь; онъ положилъ конецъ аудіенціи этой сухой фразой:

— Пусть мастеръ избавитъ меня отъ своихъ совѣтовъ... Опекунъ Паридаля знаетъ, какъ себя держать...

— Извините, сударь, —настаивалъ Винсанъ. —Моя назойливость, можетъ быть, покажется вамъ менѣе грубой, если я вамъ скажу, что моя жена служила у Паридаля со дня рожденія Лорана и что она привязана до сихъ поръ къ ребенку...

На этотъ разъ Добузье произнесъ: «Ступайте!» такимъ холоднымъ тономъ, что добрый Тильбакъ понялъ наконецъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, и рѣшилъ выйти.

Добузье прибавилъ ко многимъ запрещеніямъ, тяготѣвшимъ надъ мальчикомъ, еще новое—отнынѣ не ходить по фабрикѣ и не говорить съ рабочими.

— Точно онъ и такъ еще мало неблаговоспитанъ,—говорила Фелиситэ и стала еще строже съ мальчикомъ.

Лоранъ не разъ пытался нарушить приказаніе, снова увидѣть Тильбака, узнать, что̀ произошло, но двери оказывались запертыми на ключъ, а пора возвращенія въ пансіопъ наступила раньше, чѣмъ онъ могъ пожать мозолистую руку мужа Сизки.

Паридаль былъ въ правѣ безпокоиться за послѣдствія этой провинности для мастера.

По своемъ возвращеніи, Фелиситэ не безъ удовольствія сообщила ему, что его пріятель не долго еще оставался на фабрикѣ и за что-то былъ разсчитанъ.

Это былъ извѣстный способъ встрѣтить сироту.

Въ полномъ отчаяніи, Лорану пришла въ голову мысль заинтересовать красивую Регину судьбою Тильбака и его близкихъ. У него вѣдь были дѣти! Въ продолженіе драмы, окончившейся изгнаніемъ мастера, Гина, не заботясь объ упрекахъ и огорченіяхъ кузена, обижала его сильнѣе, чѣмъ г-жа Добузье, кузенъ Гильомъ и гувернантка,— своимъ равнодушіемъ къ тому, что происходило. Она даже не вступилась за мальчика. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ она узнала объ его сношеніяхъ съ простыми людьми, она стала съ нимъ еще холоднѣе и недоступнѣе. Она ни слова не сказала объ этихъ событіяхъ самому виновнику, во время его наказанія, она никогда не пришла къ нему въ мансарду, никогда не принесла ему пирожнаго.

Она занималась, веселилась, выѣзжала, не спрашивая о плѣнникѣ. Когда все кончилось, она едва поздоровалась съ нимъ.

Впрочемъ, если Лоранъ и страдалъ отъ этого равнодушія, онъ не могъ не интересоваться этой гордой дѣвочкой.

Она одна въ этомъ мрачномъ домѣ казалась ему привлекательной.

Полторы тысячи населенія на фабрикѣ находились подъ правилами драконовской суровости. Штрафы за малѣйшую провинность, вычеты, которые никогда не возвращались, разсчеты... Явной несправедливости не было, но кодексъ карательныхъ мѣръ мало соотвѣтствовалъ провинностямъ, вѣсы всегда склонялись въ сторону хозяевъ...

Происходилъ ли какой случай, оканчивающійся смертью, падалъ ли какой-нибудь несчастный на доски пресса, или попадалъ въ колеса машины,—этотъ случай разсматривался только съ точки зрѣнія отвѣтственности и удовлетворенія вдовѣ или роднымъ, которыхъ содержалъ погибшій рабочій.

Въ этихъ случаяхъ Лоранъ, часто знавшій жертву и театръ происшествія, представлялъ себѣ съ поразительною реальностью трагическую развязку и часто ждалъ сostраданія на лицѣ у Гины. Она слушала съ немного мрачнымъ видомъ, скорѣе скучающимъ, чѣмъ огорченнымъ. Эти люди, убитые въ двухъ шагахъ отъ ея роскоши, ея жизни, отъ ея красиваго, теплаго гнѣздышка, были для нея такъ же далеки, какъ герои перваго попавшагося происшествія, разсказаннаго въ газетахъ. Кровь оставалась тихой и красной подъ мраморной оболочкой.

Но всетаки Лоранъ воспользовался минутою, когда Гина была одна, въ столовой, и поливала съ необыкновенной граціей гіацинты, цвѣтущіе на окнахъ, чтобы замолвить слово о своемъ другѣ.

— Гина, кузина Гина, попроси отца вернуть мѣсто Винсану Тильбаку...

Съ глазами полными слезъ онъ надѣялся, что пробудитъ нѣжность у чуднаго ребенка.

— Винсанъ Тильбакъ,—сказала она, продолжая свое занятіе,— кто это?

— Мастеръ, котораго разсчитали...

— Ахъ, я понимаю теперь, о комъ ты говоришь... о человѣкѣ съ *Робинзономъ*... Такъ ты не забылъ еще этого человѣка, изъза котораго такъ сердился на тебя отецъ... Кажется, хорошій субъектъ! Онъ не только далъ тебѣ читать такія глупости, но и вывелъ изъ терпѣнія папу... Я не знаю въ точности, что онъ сдѣлалъ, но его необходимо было разсчитать. Папа былъ очень сердитъ въ тотъ день... Послушай меня, не думай больше объ этомъ... Я не взяла бы на себя смѣлости напомнить папѣ даже имя этого интригана, снова разсердить его, въ особенности, рисковать, что онъ снова бу-

деть на тебя сердиться... Къ тому же дѣти не должны вмѣшиваться въ то, что ихъ не касается...

И этимъ нравоученіемъ Гина окончила свое дѣло и стала напѣвать арію, которую она незадолго до этого разбирала со своимъ учителемъ.

Даже въ такой моментъ Лоранъ не возмутился и не сталъ ненавидѣть маленькую фею. Она была такъ очаровательна въ своемъ небрежномъ туалетѣ дѣвочки, которая скоро должна превратиться въ дѣвушку.

Онъ не возвращался больше къ этому вопросу и удовлетворился тайнымъ воспоминаніемъ о добромъ Тильбакѣ...

Эти каникулы, какъ и другія, прошли съ той разницей, что Лоранъ былъ еще болѣе заброшенъ, чѣмъ обыкновенно, и предоставленъ еще чаще самому себѣ въ большомъ домѣ, заново меблированномъ, къ которому мало-по-малу начиналъ привыкать. Впрочемъ, какъ бы мрачны и пусты ни были каникулы, онъ скучалъ о нихъ, когда уѣзжалъ, и его мысли возвращались на фабрику, переживали воспоминанія. Онъ какъ бы сохранялъ въ себѣ запахъ фабрики, въ особенности, запахъ канавы, окаймлявшей обширное мѣсто, куда бросали всякіе маслянистые остатки отъ очищенія сала.

Эта канава, отдѣлявшая фабрику, была первой, кто встрѣчалъ его, когда онъ пріѣзжалъ на каникулы. Она точно выходила далеко къ нему навстрѣчу, даже раньше, чѣмъ маленькій ученикъ различалъ, какъ надъ деревенской декораціей возвышались красныя и суровыя трубы, насмѣшливо выпускавшія въ знакъ его пріѣзда цѣлые столбы дыма.

Эта ужасная канава была и послѣдней, кто провожалъ его, точно бездомная, покрытая паршью собака, упорно шествующая по слѣдамъ человѣка.

Канава заражала окрестныя мѣста. Часто въ городѣ, когда дулъ сѣверо-западный вѣтеръ, въ воздухѣ чувствовались гнилыя дуновенія. Окрестные жители, мелкіе крестьяне, зависѣвшіе отъ могущественной фабрики, роптали потихоньку, но не смѣли громко жаловаться и дѣлали видъ, что привыкли къ этому сосѣдству. Сильные патроны все отсрочивали огромный расходъ на ассенизацію этой канавы.

Одинъ эпизодъ, въ особенности, заставилъ воображеніе Лорана надѣлить эту канаву странными чертами. Это происходило въ августѣ, въ то лѣто, когда холера свирѣпствовала въ городѣ и предмѣстьяхъ. Понятно, что больше всего жертвъ было возлѣ фабрики. Люди падали тамъ, какъ мухи.

Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, Добузье выказывалъ боль-

ше щедрости, но не больше милости и состраданія, чѣмъ обыкновенно. Эта сильная эпидемія, однако, внесла много безпорядка въ домъ. Фелиситэ освободили отъ обязанности слѣдить за Лораномъ, чтобы она могла заняться распредѣленіемъ помощи и милостыней семьямъ погибшихъ. Въ концѣ-концовъ Лорана посылали часто къ роднымъ и знакомымъ совсѣмъ одного.

Однажды онъ возвращался вечеромъ отъ тетки, которая задержала его; онъ предвидѣлъ ожидавшіе его выговоры.

Онъ шелъ, ускоривъ шаги, по длинной улицѣ, ведущей къ фабрикѣ. Было уже около десяти часовъ. Ночью эти непріятныя мѣста казались еще болѣе мрачными. По мѣрѣ того какъ Лоранъ подвигался по скудно освѣщенной улицѣ, его вниманіе было привлечено однимъ пылающимъ фонаремъ, привѣшеннымъ точно на висѣлицѣ, и его слухъ болѣе чуткій, чѣмъ когда-либо, былъ пораженъ шептаніемъ, ропотомъ таинственнаго происхожденія.

Наконецъ, возлѣ одного перекрестка, недалеко отъ фабрики, онъ очутился въ свѣтломъ мѣстѣ.

Въ глубинѣ маленькой ниши онъ увидѣлъ на кронштейнѣ украшавшую, по антверпенскому обычаю, уголъ двухъ улицъ Мадонну; она царила, окруженная сотнею маленькихъ свѣчей. Глубокій мракъ дѣлалъ эту иллюминацію въ одинокомъ кварталѣ еще болѣе блестящей и фантастической. Бѣдняки устроили это, въ надеждѣ черезъ посредничество Богоматери умилостивить Бога.

У подножія Мадонны собралась, распростершись, толпа бѣдныхъ женщинъ изъ ближняго квартала, въ черныхъ плащахъ и бѣлыхъ платкахъ. Онѣ шептали слова молитвы и перебирали четки. Эта ночная молитва поразила опоздавшаго Паридаля.

Въ нѣсколькихъ шагахъ возвышалась фабрика, еще болѣе темная, чѣмъ этотъ мракъ, и была она похожа на черный храмъ бѣднаго люда. Ужасная канава точно насмѣхалась. Еще болѣе усилилось это печальное впечатлѣніе, когда Лорану, смотрѣвшему на лицо Мадонны, показалось въ немъ что-то высокомѣрное, присущее лицу его кузины Гины. Неужели для того, чтобы сдѣлать недоступными эти молитвы, геній фабрики Добузье слился съ небесной царицей? Regina Coeli! восклицали въ эту минуту бѣдныя матери, жены и дочери.

Лорану хотѣлось броситься между домомъ и толпой и крикнуть ей: «Остановитесь. Вы жестоко ошибаетесь, мои бѣдныя сестры! Та, которую вы призываете, другая царица, столь же красива, но болѣе безжалостна. Она не почувствуетъ къ вамъ больше состраданія, чѣмъ ко мнѣ, который взывалъ къ ней изъ глубины души... Оста-

новитесь! Это не Мадонна, это—Гина, нимфа канавы, чудный цвѣтокъ клоаки! Канава обогащаетъ ее и дѣлаетъ ее здоровой и прекрасной, а васъ она отравляетъ и убиваетъ». Но онъ остановился передъ этимъ двойнымъ богохульствомъ и рѣшительно направился въ темнотѣ къ фабрикѣ.

IV.

Во время слѣдующихъ длинныхъ каникулъ опекунъ объявилъ Лорану, что онъ больше не вернется въ Лувенскій пансіонъ, а отправится на нѣсколько лѣтъ въ большой интернаціональный коллэжъ за границей.

Лорану было тогда пятнадцать лѣтъ, а Регинѣ восемнадцать.

Онъ въ этотъ переходный возрастъ имѣлъ еще болѣе деревенскій, нескладный, глуповатый видъ, чѣмъ когда-либо; здоровый, рано развившійся мальчикъ соединялъ первыя трепетанія возмужалости съ странными и дикими манерами.

У Гины переходный возрастъ прошелъ почти незамѣтно, и ребенокъ превратился въ молодую дѣвушку.

Въ эту зиму Гина Добузье вступала въ свѣтъ. Въ подтвержденіе этого событія ея родители абонировались на ложу въ оперѣ. Дни проходили въ разъѣздахъ, покупкахъ, бесѣдахъ съ портнихой и модисткой, въ продолжительныхъ примѣркахъ и въ частыхъ посѣщеніяхъ ювелировъ. Гина заказывала дорогіе и красивые туалеты. Мать, принужденная сопровождать ее, почувствовала приливъ кокетства. Къ несчастью, эта надутая карлица походила на европейскаго будду. Она стремилась одѣваться, какъ молодая; носила свѣтлые цвѣта, подбирала платья и прическу, какъ у дочери. Она почувствовала необычайную любовь къ искусственнымъ цвѣтамъ и кричащимъ лентамъ. Когда г-жа Добузье съ дочерью задерживались у модистки, онѣ держали себя очень властно. Онѣ оставались тамъ часами, такъ какъ мать перерывала весь магазинъ, всѣ ленты, картоны съ искусственными птицами,—точно принимала ванну изъ страусовыхъ перьевъ, марабу, эгретокъ. Если бы Регина не была тамъ, чтобы отвести въ сторону продавщицу и передъ уходомъ на ухо отмѣнить цѣлую половину украшеній, выбранныхъ матерью, послѣдняя водружала бы на своихъ шляпахъ такую массу предметовъ, которыхъ бы хватило обогатить ботаническій или орнитологическій музей. Не безъ борьбы и не безъ огорченій Гинѣ, очень чувствительной ко всему смѣшному, удавалось сокращать цѣлые кустарники и сады, которые выбирала г-жа Добузье къ удовольствію большинства торговцевъ.

Лоранъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе очарованнымъ кузиною, но все болѣе и болѣе далекимъ отъ нея; по мѣрѣ того какъ престижъ юной наслѣдницы все возвышался, бѣдный родственникъ безъ всякаго состоянія и вида на наслѣдство отходилъ на задній планъ. Онъ двигался по комнатамъ, какъ тѣнь. Съ нимъ обращались не какъ съ ребенкомъ, а какъ обращаются богатые съ воспитателями, гувернантками,—существами, составляющими живое звено между обѣдающими за общимъ столомъ и слугами.

Но перспектива развлеченій и новыхъ успѣховъ волновала Гину и дѣлала ее болѣе общительной и любезной съ окружающими. Лоранъ осмѣливался оставаться съ нею. Онъ не тѣшилъ себя иллюзіями по поводу ея доброты; онъ просто радовался этому, и чувствовалъ, что эти милости не будутъ долговѣчны, и пользовался ими такъ, какъ прохожій грѣется у печки, зная, что черезъ часъ онъ принужденъ будетъ снова брести по снѣгу, на морозѣ.

Теперь, если онъ держался въ сторонѣ, въ углу, она подзывала его къ себѣ, разсказывала о своихъ планахъ, приглашеніяхъ, которыми ее закидали на первый балъ, показывала ему покупки, дѣлала ему честь, спрашивая совѣта по поводу какой-нибудь матеріи или кольца: «послушай, деревенщина, подойди сюда, покажи, что у тебя есть вкусъ». Она награждала его этимъ эпитетомъ съ такою граціей, что онъ не могъ обижаться.

Когда Лоранъ присутствовалъ въ передней или на подъѣздѣ, въ минуту отъѣзда дамъ въ городъ или на небольшое празднество, Гина допускала любезность съ его стороны, соглашалась брать изъ его рукъ сорти-де-баль, вѣеръ, зонтикъ. Онъ видѣлъ, какъ она быстро садилась въ карету, поднимая красиво юбку: «Ты идешь, мама?... Прощай, деревенщина!» Г-жа Добузье, задыхаясь, влѣзала въ карету; подножка трещала, и весь экипажъ наклонялся въ ея сторону. Наконецъ, она усаживалась. Нервная, маленькая ручка Гины спускала окно; швейцаръ съ фуражкой въ рукѣ затворялъ дверцы кареты и кланялся дамамъ... онѣ уѣзжали...

По случаю предстоящаго отъѣзда Лорана за-границу надо было подумать объ его экипировкѣ, и вотъ г-жа Добузье и неизбѣжная Фелиситэ занялись поисками въ гардеробѣ самого Добузье. Онѣ разсматривали вдвоемъ одну вещь за другою изъ числа тѣхъ одеждъ, которыхъ онъ больше не носилъ. Обѣ женщины гладили ихъ руками, взвѣшивали, совѣтовались. Г-жа Добузье рѣшила пожертвовать ими и передѣлать своему воспитаннику немодныя брюки своего мужа.

Но Фелиситэ всѣ одежды находила слишкомъ хорошими для заброшеннаго ребенка. Было бы жаль портить ихъ!

Лоранъ принужденъ былъ присутствовать при этой оцѣнкѣ. Передъ тѣмъ какъ подарить ему вещь, онѣ вертѣли ее въ рукахъ. Нѣкоторыя вещи можно было еще отдать въ чистку, на иныхъ годились пуговицы!

Но Гина рѣшила иначе, и въ одно прекрасное утро она сказала своей матери: «мама, мнѣ надо поѣхать въ городъ; кстати мы заѣдемъ въ тѣ магазины, гдѣ покупаютъ все кузены Сенъ-Фардье. Тамъ сумѣютъ украсить Лорана».

Въ первый разъ Лоранъ сопровождалъ дамъ въ каретѣ.

Чудное утро примиренія! Погода была прекрасная, улицы имѣли праздничный видъ, проѣзжавшіе мимо ихъ кареты, знакомые Добузье, казалось, кланялись и ему въ своихъ привѣтствіяхъ дамамъ.

Они останавливались по очереди у портного, у магазина бѣлья, у башмачника и шляпочника, гдѣ покупали кузены Сенъ-Фардье, эти эксперты высшаго изящества. Портной снялъ мѣрку съ юнаго Паридаля для полнаго костюма, матеріалъ къ которому, самый дорогой и богатый, выбрала Гина, несмотря на протесты матери; послѣдняя находила разорительной и неумѣстной такую неожиданную заботливость дочери по отношенію къ деревенскому мальчику. Чего еще придумаетъ капризная дѣвочка, прежде чѣмъ онѣ вернутся домой? Въ ту же минуту г-жа Добузье посмотрѣла на часы и напомнила Гинѣ о завтракѣ. Но Гинѣ пришло въ голову заняться туалетомъ кузена, и она вкладывала въ осуществленіе этого проекта свою обычную торопливость и настойчивость.

Въ магазинѣ бѣлья, кромѣ шести рубахъ изъ тонкаго полотна, заказанныхъ по мѣркѣ мальчика, молодая дѣвушка купила нѣсколько чудныхъ галстуковъ. Въ шляпномъ магазинѣ она перемѣнила его старую фетровую шляпу на болѣе элегантную и заказала у башмачника сапоги по его ногѣ; происходила какая-то метаморфоза! Гина была еще ребенкомъ и, точно маленькая дѣвочка, одѣвала свою куклу:

— Посмотри, мама, у него больше нѣтъ вида деревенщины; онъ *почти* недуренъ.

Портной принесъ ему новый костюмъ наканунѣ деревенскаго пикника, устраиваемаго Добузье, въ ожиданіи болѣе церемонныхъ и офиціальныхъ празднествъ зимой. Съ самаго утра всѣ должны были отправиться по Шельдѣ, на пароходѣ до селенія Хемиксена, гдѣ Добузье имѣли помѣстье. По прибытіи туда всѣ будутъ завтракать на травѣ, послѣ прогулки—обѣдать въ имѣніи Добузье, а вечеромъ вернутся въ экипажахъ. Маленькій Паридаль никогда не участвовалъ въ подобнаго рода экскурсіяхъ. Въ теченіе четырехъ

лѣтъ, которыя онъ провелъ у опекуна, онъ никогда не видалъ Хемиксена. Онъ не помнилъ даже Шельды. А теперь, по настоянію Гины, его рѣшили взять съ собою,—тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ уѣхать на другой день за границу и оставаться тамъ два года, не возвращаясь на родину.

V.

Счастливый Лоранъ! Надо было видѣть его на дебаркадерѣ, взволнованнаго, въ новомъ костюмѣ, высоко поднявшаго голову, среди гостей, съ довѣрчивымъ чувствомъ не испытаннаго до этихъ поръ равенства. Приглашенныхъ было по крайней мѣрѣ тридцать человѣкъ. Дамы и барышни въ свѣтлыхъ деревенскихъ туалетахъ; кавалеры въ изящныхъ костюмахъ. Лоранъ былъ не только такъ же хорошо одѣтъ, какъ они, но, пожалуй, даже лучше ихъ. Оба молодыхъ человѣка Сенъ-Фардье, его ровесники, которымъ Гина представила его, какъ маленькаго дикаря, смѣрили его съ головы до ногъ и обмѣнивались съ кузиной многозначительной улыбкой, которая, можетъ быть, въ другое время расхолодила бы простодушнаго Паридаля.

Но теперь ему не было никакого дѣла до Сенъ-Фардье. Гина удостоила его одобрительнымъ взглядомъ передъ отъѣздомъ, и ему больше ничего не надо было.

Погода благопріятствовала экскурсіи. Не было ни одного облачка на бирюзовомъ небѣ. Широкая рѣка имѣла какой-то воскресный видъ. Къ сѣверу, на рейдѣ и въ бассейнахъ большіе торговые пароходы, парусныя судна, лодки точно отдыхали, сдавъ на берегъ свой большой грузъ. Снасти были спущены. Служащіе весело гуляли. На рѣкѣ не было другого движенія, кромѣ увеселительныхъ лодочекъ, любительскихъ и спортсменскихъ, яликовъ, пароходиковъ, предоставлявшихъ мелкой буржуазіи дѣлать за умѣренную плату небольшія путешествія по главнымъ окрестностямъ. Цѣлыя общества садились на эти маленькіе пароходики.

Яхта, на которой ѣхали Добузье съ гостями, принадлежала Бежару, богатому владѣльцу судовъ, одному изъ важныхъ промышленниковъ въ городѣ. Онъ предоставилъ свой изящный пароходъ въ распоряженіе Добузье и принялъ за это ихъ приглашеніе на пикникъ.

Яхта снялась съ якоря, къ великой радости Лорана. Шельда! съ какимъ волненіемъ онъ снова увидѣлъ ее. Еще одно старое и доброе знакомство отъ того времени, когда былъ живъ его отецъ! Сколько разъ они гуляли съ отцомъ по ея набережнымъ, обсаженнымъ деревьями! Сколько лѣтъ онъ не видѣлъ любимой рѣки!

Яхта, повернувъ раза два съ изяществомъ птицы, которая пробуетъ свои крылья, прежде чѣмъ полетѣть, нашла свой путь и свободно удалялась подъ ускореннымъ давленіемъ пара. Панорама большого города развертывалась во всю свою длину и показывала грандіозные размѣры своихъ зданій, памятниковъ. Точно городъ выходилъ изъ-подъ земли: деревья на набережной развѣтвляли свои верхушки, крыши домовъ возвышались надъ лѣсомъ, церкви выдѣлялись надъ самыми высокими домами, рынками, складочными амбарами; затѣмъ дальше, еще выше поднимались башни, замки, колокольни, которыя, казалось, хотѣли взять приступомъ небо, пока, наконецъ, всѣ не останавливались побѣжденными, утомленными передъ торжествующимъ шпилемъ собора.

Онъ одинъ продолжалъ свое восхожденіе, оставляя своихъ сестеръ далеко позади. Еще, еще! Но и онъ остановился. Вотъ онъ возноситъ надъ своими соперницами воздушную, чисто кружевную башенку, столь высокую, что только ее одну и видно издалека.

На поворотѣ рѣки снова виденъ Антверпенъ; башня кажется чудеснымъ маякомъ, символомъ могущества огромнаго города.

Лоранъ слѣдитъ за нею до тѣхъ поръ, пока она не растворяется медленно вдали, гдѣ блѣднѣетъ голубой горизонтъ.

Тогда онъ обращаетъ свои взоры къ деревнѣ: кирпичные заводы среди зеленоватыхъ плотинъ, бѣлыя виллы, окруженныя деревнями и лужайками, которыя придаютъ имъ феерическій видъ, если смотрѣть на нихъ съ рѣки. Лоранъ изучаетъ и самую рѣку. Онъ хочетъ запечатлѣть ее всѣми чувствами въ своей душѣ, съ жадностью человѣка наканунѣ изгнанія; онъ запоминаетъ картины, которыя должны стать его миражемъ и мечтами въ будущемъ, тамъ, далеко...

Держась за перила, онъ съ радостью слѣдитъ за струей воды отъ движенія яхты, за лѣнивыми столкновеніями волнъ; затѣмъ онъ присоединяется къ движенію на палубѣ, къ работамъ трехъ или четырехъ матросовъ, которые считались самыми здоровыми и сильными людьми во всей флотиліи Бежара

— Вы видите этотъ корпусъ,—говорилъ между тѣмъ Бежаръ Гинѣ, показывая ей на верфь, гдѣ строились суда.—Простите, корпусъ—значитъ основаніе строящагося судна. Онъ представляетъ собою зародышъ того, во что черезъ годъ образуется сооруженіе девятисотъ тоннъ, выполненное, какъ никогда еще раньше; будущій перлъ нашихъ парусныхъ судовъ назовется *Регина,* если вы согласны сдѣлать мнѣ честь крестить его...

Онъ вѣжливо поклонился.

— Черезъ годъ! У насъ будетъ еще время поговорить объ

этомъ, г. Бежаръ. Впрочемъ, развѣ я не кажусь вамъ слабой и маленькой, чтобы крестить такое огромное судно, въ девятьсотъ тоннъ? Въ моемъ вѣсѣ нѣтъ даже вѣса боченка... Я недавно взвѣшивалась на фабрикѣ. Подумайте, моему крестнику можетъ грозить несчастье!

— О, нѣтъ,—сказалъ Бежаръ—никогда не бываетъ никакихъ несчастій съ сооруженіями *Южнаго Креста*. Они родятся подъ счастливой звѣздой... къ тому же они застрахованы...

— Все равно,—сказала Гина,—у меня было бы самолюбіе крестной матери... и ничто не уничтожило бы моей печали, если бы я узнала, что мой крестникъ поглощенъ моремъ, царствомъ кораллъ. Простите, я возвращаю вамъ вашъ корпусъ...

И смѣясь, она побѣжала къ сосѣдней группѣ, гдѣ болтали Сенъ-Фардье.

Услышавъ звонкій голосъ Гины, Лоранъ обернулся въ сторону бесѣдовавшихъ. Онъ внимательно разсматривалъ владѣльца яхты. Бежаръ, кромѣ высокомѣрнаго вида, присущаго большинству главныхъ антверпенскихъ негоціантовъ, отличался еще бѣгающимъ выраженіемъ глазъ и глухимъ голосомъ. Тридцати пяти лѣтъ, онъ былъ средняго роста, сухой, съ желтой кожей, кривымъ носомъ, длинной и рыжей бородой, бѣлокурыми волосами, откинутыми назадъ, тонкими губами, сѣрыми глазами, кривыми ушами. Въ обществѣ его не любили, но заискивали передъ нимъ, боялись его, выставляли его впередъ. Благодаря своему состоянію, умѣнію, энергіи, онъ получилъ настоящую власть не только въ области дѣлъ: онъ готовъ былъ играть роль и въ политикѣ, даже въ искусствѣ и литературѣ. Онъ считалъ себя космополитомъ, свободомыслящимъ, утилитаристомъ.

Происхожденіе его и его состоянія было самое неожиданное и темное! Цѣлыя легенды ходили въ обществѣ на этотъ счетъ. Но его шумная филантропія, его пріемы набоба, грандіозныя предпріятія на пользу города открыли ему всѣ двери свѣта,—по крайней мѣрѣ всѣ тѣ дома, въ которыхъ крупные промышленники сливались съ аристократіей и высшей буржуазіей. Однако, если льстецы успѣха, поклонники счастливцевъ въ жизни, дѣльцы, спекулянты преклонялись передъ милліономъ, откуда бы онъ ни приходилъ, то старожилы города помнили темное прошлое Бежара и платили ему презрѣніемъ. Къ числу этихъ людей не принадлежалъ Добузье.

Лоранъ никогда не видѣлъ этого важнаго человѣка; онъ не зналъ всего, хорошаго или дурного, что разсказывали о немъ, и поэтому у него не было предвзятаго чувства къ нему. Но отталкивающее впе-

чатлѣніе, произведенное на него Бежаромъ, когда тотъ улыбался Гинѣ, едва не испортило ему пріятнаго начала дня.

Онъ успокоился только тогда, когда Гина отошла отъ непріятнаго собесѣдника.

Добузье не сочли необходимымъ представить юнаго Паридаля владѣльцу яхты, и тотъ нѣсколько разъ бросалъ недовѣрчивый взглядъ на мальчика, державшагося вдали и созерцавшаго съ такой наивностью самый обыкновенный пейзажъ, который нисколько не занималъ настоящихъ туристовъ. Бежаръ освѣдомился объ этомъ незваномъ гостѣ, готовый высадить его на берегъ.

— Оставьте,—сказали ему изящные Сенъ-Фардье,—это бѣдный родственникъ Добузье...

И успокоившись на этомъ, Крезъ пересталъ думать о маленькомъ забытомъ пассажирѣ. Однако... еслибъ онъ предвидѣлъ, какую рѣшающую роль въ его жизни сыграетъ это ничтожество!

Г-жа Добузье, въ зеленоватомъ платьѣ, отдавала приказанія прислугѣ, сопровождавшей общество съ корзинками провизіи. Г. Добузье бесѣдовалъ съ Бежаромъ, съ важными гостями, и если онъ удостаивалъ иногда взглянуть на Шельду и ея берега, то для того, чтобы показать собесѣдникамъ преимущества, которыя могло бы получить общество капиталистовъ, если бъ оно устроило здѣсь фабрику спичекъ или складъ сигаръ.

Что касается Регины, одѣтой въ розовое газовое платье, широкую соломенную шляпу съ цвѣтами и лентами, то она составляла центръ и душу кружка молодыхъ дѣвушекъ, которыя весело шутили съ молодыми людьми, пустыми щеголями, сыновьями банкировъ, маклеровъ, судохозяевъ, богатыхъ промышленниковъ. Въ числѣ послѣднихъ словно царили худые, высокіе Сенъ-Фардье, блѣдные, причесанные на прямой проборъ; они изрѣдка бросали съ скучающимъ видомъ какую-нибудь жалкую банальность, остроту или пошлость, услышанную ими наканунѣ въ модномъ кафэ-концертѣ.

Регина, повидимому, не поддавалась внушенію величественной водной глади, чистаго и нѣжнаго эѳира, всей этой тихой поэзіи, исходившей отъ деревень, которыя праздновали свое воскресенье. Въ этомъ лѣтнемъ днѣ она видѣла только шумную поѣздку, флиртъ, новый туалетъ, болтовню.

Бежаръ велѣлъ подать легкія вина и бисквиты. Слуга подносилъ ихъ всѣмъ, и когда онъ подалъ вино Паридалю, Гина, проходя мимо него, шепнула ему на ухо, подражая тону Фелиситэ:

— Не запачкайте вашего новаго костюма!

Невинная шутка, брошенная веселымъ ребенкомъ! Однако, она жестоко уколола душу Лорана.

Наконецъ, всѣ пріѣхали въ Хемиксенъ. Яхта медленно останавливалась и красиво подошла къ пристани. Матросъ бросилъ веревку, спустилъ мостикъ.

— Хемиксенъ, всѣмъ сходить, — крикнулъ одинъ изъ Сенъ-Фардье.

На сушѣ программа поѣздки прошла безупречно. Во всю экскурсію гости интересовались, главнымъ образомъ, именами владѣльцевъ дачъ и замковъ, встрѣчавшихся имъ по дорогѣ. Молодые люди восторгались порядкомъ въ конюшняхъ, пожилые вычисляли цѣну владѣній, молодыя дѣвушки, въ особенности Анжела и Кора Сенъ-Фардье, приходили въ восторгъ отъ чудныхъ бѣлыхъ лебедей и розъ. Всѣ останавливались съ нѣкоторымъ уваженіемъ передъ золоченной рѣшеткой, черезъ которую виднѣлся красивый замокъ.

— Да, это очень красиво,—говорилъ Бежаръ,—это замокъ барона Девермана... правда, шикъ!... но заложенный...

Послѣ часа ходьбы, подъ синимъ небомъ, среди полей, всѣ поспѣшили въ маленькій еловый лѣсокъ, единственный въ этой мѣстности, искусственно посаженный Добузье.

Съ помощью дамскихъ зонтиковъ прибавилось еще тѣни. Вынули провизію, холодныя закуски, вина; завтракъ былъ очень веселый, и всѣ много болтали, несмотря на непривычную обстановку и жару. Гусеницы и жучки падали въ тарелки и за шею молодымъ дѣвушкамъ, а онѣ позволяли кавалерамъ снимать ихъ. Каждый изъ гостей, поднимаясь изъ-за завтрака, рѣшалъ, что пикникъ очень удался.

Добузье, хорошій ходокъ, захотѣлъ идти дальней дорогой, но гости справились сначала, получатъ ли они тамъ больше тѣни и увидятъ ли что-нибудь интересное, кромѣ полей и деревьевъ.

Добузье ничего не могъ вспомнить, кромѣ заброшенной винокурни, и большинство рѣшило идти болѣе короткимъ путемъ. Когда всѣ достигли имѣнія Добузье, молодыя дѣвушки и дамы въ ожиданіи обѣда захотѣли оправиться и освѣжиться, а мужчины отправились осматривать помѣстье.

За обѣдомъ, отличавшимся деревенской гастрономіей, всѣ единодушно прославляли завтракъ въ лѣсу и удивлялись своему аппетиту.

Кофе пили на террасѣ. Бежаръ подвелъ Гину къ роялю и просилъ ее спѣть. Лоранъ спустился въ садъ, привлеченный чуднымъ вечеромъ,—вѣтеркомъ, доносившимся съ Шельды, ночными ароматами растеній, опьяняющей тишиной...

Голосъ Гины донесся къ нему, звонкій и красивый, въ глубинѣ

англійскаго парка. Она божественно пѣла вальсъ изъ *Ромео и Джульетта*. Это была пѣснь молодости, *ея* молодости. Мало чувства вложено композиторомъ въ эту арію, жалкую переработку шекспировскаго монолога: искусственный огонь, дѣланный восторгъ, никакой глубины, ничего поражающаго,—но звучитъ милое кокетство, довольство собою, шутливость...

Вторая часть была лучше исполнена. Гина придала ей искренность и вообще удачно *по-своему* спѣла ее. Она ускорила ритмъ вальса до такой степени, что подъ него можно было бы танцовать. Обидная иронія для шекспировскаго произведенія, но заслужившая похвалы у слушателей на террасѣ. Паридаль, однако, не зналъ, смѣяться или плакать. Правда, онъ слушалъ ее изъ сада.

Хотя Лоранъ не читалъ Шекспира, это пѣніе казалось ему слишкомъ веселымъ, смѣющимся, живымъ и блестящимъ.

Слушатели, во главѣ съ Бежаромъ и Сенъ-Фардье, апплодировали Гинѣ и просили спѣть еще. Лоранъ въ свою очередь старался подойти къ чудной пѣвицѣ, чтобы поздравить ее и кстати проститься съ нею, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ увезти его рано на другой день. Ему нужно было столько сказать ей! Онъ хотѣлъ поблагодарить ее за доброе отношеніе въ теченіе послѣдней недѣли, просить ее не забывать его, поговорить съ нею объ ея пѣніи, выразить свой искренній восторгъ передъ ней. Но столько мыслей пришло ему въ голову сразу, что онѣ всѣ смѣшались, и онъ могъ пробормотать только простое прощаніе. Изъ всего, что онъ пережилъ, ничего не перелилось въ его слова, и она небрежно протянула кончики пальцевъ навстрѣчу горячимъ, стремившимся къ ней рукамъ, не обернулась даже къ нему, продолжая болтать съ Бежаромъ. Когда же, отчаявшись привлечь ея вниманіе, услышать отъ нея ласковое слово, которое сопровождало бы его повсюду, тамъ... тамъ, за границей, Лоранъ отошелъ, она равнодушно бросила ему въ слѣдъ эти благоразумныя слова:

— Прощайте, Лоранъ, будьте умникомъ и, въ особенности, учитесь хорошо!

То же самое могъ бы съ успѣхомъ сказать Добузье.

VI.

Регина Добузье вступала въ свѣтъ! Первый балъ! Было разослано шестьсотъ приглашеній. Никогда еще въ Антверпенѣ не было такого пріема. За двѣ недѣли до этого событія въ городѣ только и было разговора о немъ. Если какая-нибудь г-жа ванъ-Бельтъ встрѣ-

чала г-жу ванъ-Бильтъ, то послѣ обычныхъ привѣтствій онѣ говорили объ этомъ балѣ. Онѣ справлялись одна у другой, что̀ надѣнутъ ихъ дочери. Г-жа ванъ-Баль мечтала поразить г-жу ванъ-Боль, а г-жа ванъ-Буль радовалась, разсказывая о балѣ г-жѣ ванъ-Бруль, которую не пригласили,—вѣрно, изъ забывчивости. Всѣ интересовались малѣйшими подробностями, и если ничего нельзя было узнать отъ знакомыхъ, старались разузнать что-либо въ магазинахъ. Цвѣточники, рестораторы, кондитеры—всѣ работали только на Добузье. Другіе кліенты не могли дождаться ничего и получали одинъ отвѣтъ: «мы не можемъ, въ этотъ день балъ у Добузье».

Но ничего не могло сравниться съ работою портнихъ. Въ Брюсселѣ вообще всегда кроятъ, шьютъ, подрубляютъ, вышиваютъ, примѣриваютъ, имѣя въ виду сезонъ въ Антверпенѣ. То, что вынесли за это время портнихи отъ дурного настроенія, нетерпѣливыхъ движеній, капризовъ ихъ красивыхъ кліентокъ, зачтется имъ на томъ свѣтѣ въ раю или банковскими билетами на землѣ.

Тѣ, кто задаетъ праздники, волнуются не менѣе, чѣмъ тѣ, кто приглашенъ. Фелиситэ никогда не была такъ противна. Она усилила свой авторитетъ надъ слугами и рабочими. Г-жа Добузье не сидѣла на мѣстѣ: отъ этой суматохи она потеряла нѣсколько фунтовъ въ вѣсѣ. Гина и отецъ держали себя спокойнѣе. Они вдвоемъ составляли списокъ приглашенныхъ. Гина веселилась: то, что окружало ее, льстило ей; время отъ времени она удостаивала близкихъ похвалы. Въ особенности она была занята туалетомъ.

Приготовлявшееся событіе занимало даже служащихъ и рабочихъ на фабрикѣ въ часы ихъ отдыха. Они не знали въ точности, что̀ происходило, но съ нѣкоторыхъ поръ они видѣли цѣлую вереницу ковровъ, картонокъ, ящиковъ, чего прежде не было. Хорошо, что Лоранъ находился въ пансіонѣ, потому что вся его мансарда была заполнена.

Персонажъ конторы былъ гораздо болѣе заинтересованъ, чѣмъ рабочіе, такъ какъ трое главныхъ служащихъ получили приглашеніе. Во время занятій, когда имъ было извѣстно, что патронъ сидѣлъ дома, эти господа серьезно рѣшали, какъ держать себя на балу, какого цвѣта надѣть перчатки, надо ли всунуть въ петлицу цвѣтокъ.

Насталъ канунъ, день... вечеръ празднества. Паркетъ былъ навощенъ, люстры зажжены. Въ девять часовъ по кривой, дурно вымощенной улицѣ, ведущей на фабрику, показался одинъ экипажъ, за нимъ другой,—цѣлая вереница. Ужасная канава никогда не видала ничего подобнаго; пораженная, она забыла отравлять воздухъ своимъ зловоніемъ. Кумушки съ дѣтьми на рукахъ собирались на по-

рогѣ своихъ лачужекъ, смотрѣли, какъ проносились кареты и тщетно старались разглядѣть во иракѣ, за запотѣвшими окнами, красивыхъ дамъ. Бѣдныя женщины видѣли только огни фонарей, отсвѣчиваніе сбруи на лошадяхъ, блескъ мундштука, золотой галунъ на шапкѣ у кучера. Лошади ржали. Мадонна на перекресткѣ имѣла заброшенный видъ, скрытая за своей скромной рамкой. Народъ пренебрегъ ею, чтобы вмѣшаться въ процессію, которая отправлялась прославлять ея соперницу.

Фабрика, однако, не была остановлена. Ночная смѣна уже пришла на мѣсто дневной и занималась топкою печей.

Выходя изъ кареты въ воротахъ, укутанные гости на одинъ моментъ видѣли въ глубинѣ двора огромную стѣну фабрики и слышали глухой шумъ машинъ, утихнувшихъ, но не уснувшихъ совсѣмъ. Но большія стеклянныя двери открывались въ вестибюль, наполненный цвѣтами, и тепловатый воздухъ обдавалъ ихъ ласковыми порывами.

Трое служащихъ изъ конторы пріѣхали первые. Они наняли втроемъ прекрасную карету, хотя фабрика находилась въ четверти часа ходьбы отъ ихъ квартиры. Они оставили свои пальто въ вестибюлѣ, очень смущаясь услугами лакеевъ. Г-жа Добузье, окончившая туалетъ, поспѣшила въ гостиную. Лакей доложилъ о тріумвиратѣ. Хозяйка вышла навстрѣчу этимъ слишкомъ точнымъ гостямъ. Ихъ имена ничего не говорили ей, но разъ они явились представителями служащихъ Добузье, на лицѣ у нея заиграла любезная улыбка. Она спросила ихъ троихъ о здоровьѣ; тѣ кланялись, кланялись еще разъ, благодарили. Но въ эту минуту г-жа Добузье, подъ предлогомъ отдать приказаніе, извинилась и вышла. Она пошла за розой и за золотымъ украшеніемъ для своей прически, которую очень измѣнила Регина.

Наконецъ, пріѣхало общество, настоящее общество!

Г-жа Добузье повторяла до пресыщенія одну изъ трехъ-четырехъ формъ привѣтствія, сообразно съ рангомъ приглашенныхъ.

Вотъ бургомистръ города Антверпена съ супругой, комендантъ съ женой, главный военный комендантъ съ супругой, предсѣдатель суда, командиръ полка съ супругой, высшіе чины арміи, но въ особенности много богачей нѣмецкаго, фламандскаго, французскаго происхожденія. Всѣ, чьи имена были извѣстны въ банкахъ. Крупные торговцы картинъ находились рядомъ съ ростовщиками. Каждый гость могъ бы подписать двадцать пять тысячъ франковъ дохода. У всѣхъ одинаковые клаки въ рукахъ. Почти одинаковыя физіономіи; сходство профессій, общій культъ денегъ придавали имъ общій видъ. На толстыхъ и худыхъ лицахъ были видны тѣ же стигматы труда и ра-

ботъ. Были стойкія, торжественныя лица, довольныя собой, болѣе твердыя, чѣмъ денежные сундуки ихъ владѣльцевъ; были безпокойныя, безпрестанно мѣнявшіяся и хитрыя головы торговцевъ акціями; головы финансовыхъ сыщиковъ, питавшихся остатками обильнаго жертвоприношенія отъ главныхъ жрецовъ Меркурія. Острые носы, моргающіе глаза, гусиныя лапки, облысѣвшіе виски, короткіе, толстые пальцы съ массивными украшеніями. Одни, проводившіе всю жизнь въ конторѣ, отличались сильной блѣдностью; другіе, съ кочующимъ образомъ жизни, сохраняли загаръ отъ порывовъ морского вѣтра и солнца. Несмотря на одинаковую одежду, ихъ можно было различить по нѣкоторымъ пріемамъ. Вотъ молодой биржевой маклеръ, размахивающій руками, держитъ свою записную книжку, какъ книгу счетовъ; вотъ другой маклеръ имѣетъ въ своихъ карманахъ образчики; пальцы торговца шерстью механически ощупываютъ матеріалъ на занавѣскахъ и мебели.

Всѣ компетентны въ торговлѣ, въ ловкихъ пріемахъ, которые принуждаютъ переходить чужія деньги въ собственные сундуки; всѣ практикуютъ обманъ и законную кражу; всѣ очень опытны въ пронырствѣ, всѣ умѣютъ приспособляться къ строгому закону или обходить его. Богатые, но ненасытные, они хотятъ быть еще богаче. Ихъ наслѣдники, молодые люди, имѣютъ уже утомленный видъ отъ заботъ и преждевременной зрѣлости. У нихъ на лбу морщины. Сейчасъ они въ гостяхъ, но ихъ глаза словно вывѣдываютъ, вопрошаютъ, точно дѣло идетъ о томъ, чтобы сыграть какую-нибудь игру и надуть кого-нибудь. Они едва удерживаютъ свою рѣзкость подъ оболочкою вѣжливости; пожатіе ихъ рукъ точно ощупываетъ размѣръ вашего состоянія; ихъ пальцы отличаются нѣжными, вкрадчивыми движеніями того, кто свертываетъ голову у дичи. У всѣхъ молодыхъ, даже красивыхъ юношей, чувствуется какое-то смущеніе, тревога— скорѣе о томъ, что они не заработали еще денегъ, чѣмъ о томъ, что не растратили ихъ по-своему вкусу.

Между женщинами—такое же однообразіе и профессіональное сходство. Только разнообразіе туалетовъ. Толстыя мамаши затянуты въ корсетъ; желчныя матроны, казалось, подвергали себя долгому посту, хотя стоимость ихъ бриліантовыхъ серегъ могла бы прокормить въ теченіе двухъ лѣтъ пятьдесятъ бѣдныхъ семействъ. Что касается юныхъ дѣвушекъ, то онѣ точно скользятъ, высокія, худыя, наивныя, скороспѣлыя, гибкія, брюнетки, блондинки, сантиментальныя, смѣющіяся, жеманницы... Онѣ способны на утонченныя ощущенія и на узкія чувства. Чтобы поразить подругъ, онѣ употребляютъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ столько же лукавства, сколько употре-

бляютъ ихъ отцы, братья и мужья, когда «топятъ» кого-нибудь изъ своихъ конкурентовъ.

Когда всѣ гостиныя наполнились, Регина, которую одѣвали портниха, горничная, Фелиситэ и парикмахеръ, вошла подъ руку съ отцомъ. Среди всѣхъ важныхъ людей, равныхъ ему, Добузье казался моложе и менѣе отталкивавшимъ,—по крайней мѣрѣ, въ этотъ вечеръ: настолько отцовское удовлетвореніе озаряло его обыкновенно озабоченныя черты. Однако, его волненіе не мѣшало ему, представляя свою дочь, придерживаться ранга гостей въ финансовомъ и административномъ порядкѣ.

Появленіе Гины вызвало ропотъ и шопотъ одобренія. Вотъ когда Лоранъ могъ бы быть ослѣпленнымъ. Она была въ бѣломъ газовомъ платьѣ, усѣянномъ маленькими серебряными блестками, съ ландышами и незабудками на плечахъ и волосахъ; правильная, безупречная красота ея линій сливалась съ гармоническими движеніями и сгибами тѣла, которые могли бы покорить любого скульптора. Ея лицо, точно сошедшее съ античнаго медальона; ея профиль, какъ бы оттѣняемый на блѣдно-розовомъ агатѣ, который оживляютъ и модернизируютъ большіе черные глаза; красивыя, влажныя губы; ореолъ прически, ниспадающей на чудесную шейку и плечи...

Бежаръ тоже былъ тамъ—блестящій, веселый, болтающій, нервный, какъ никогда. Въ одну минуту онъ покидалъ группу серьезныхъ мужчинъ и направлялся къ дамамъ; вдовы и старѣющія дѣвицы замѣчали не безъ огорченія, что богатый судохозяинъ отдавалъ предпочтеніе молодымъ дѣвушкамъ, въ особенности — Гинѣ Добузье.

Всѣ знали (такъ какъ и въ огромномъ городѣ все узнается), что послѣ экскурсіи въ Хемиксенъ Бежаръ часто показывался на фабрикѣ. Онъ пріѣзжалъ подъ предлогомъ поговорить о дѣлахъ съ хозяиномъ дома, но оставался обѣдать, не заставляя себя долго просить. Онъ не соглашался уѣхать, пока Гина не споетъ какую-нибудь арію или мелодію, все равно что...

Сопричастный всѣмъ искусствамъ, Бежаръ уважалъ и танцы. Онъ вытѣснилъ молодыхъ соперниковъ и пригласилъ на польку Гину.

Балъ имѣлъ оживленный характеръ. Служащіе, представленные нѣсколькимъ небогатымъ барышнямъ, дочерямъ поставщиковъ Добузье, столь же красивымъ и милымъ, какъ и богатыя наслѣдницы, были такъ же счастливы, какъ и Бежаръ, Сенъ-Фардье и другіе тузы.

Ухаживаніе Бежара за Гиной не переставало занимать матерей

которыя прочили своихъ дочерей за Бежара или мечтали женить своихъ сыновей на дочери богатаго фабриканта.

— Этотъ Бежаръ могъ бы быть отцомъ Гины...—говоритъ старый Сенъ-Фардье, чтобы успокоить свою жену.

— Но его милліоны придадутъ ему молодость,—настаиваетъ «супруга».

Среди танцоровъ, отличенныхъ Гиною, на этомъ памятномъ балу всѣ замѣтили художника Вильяма Марболя. Одинъ изъ меценатовъ рекомендовалъ Добузье художника и его друга музыканта, и они оба представляли собой на вечерѣ «артистическій міръ».

Высокій блондинъ, нервный, съ длинными волосами, голубыми глазами, одновременно и нѣжными и смѣлыми, съ тонкимъ ртомъ, ласковымъ голосомъ, Марболь представлялъ собою одну изъ тѣхъ гармоническихъ личностей, внѣшность которыхъ говоритъ объ ихъ внутреннихъ качествахъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, стремясь въ особенности рисовать то, что онъ видѣлъ вокругъ себя, изображая предметы и людей своей родины, представляя ихъ такими, какими онъ ихъ видѣлъ, не стремясь къ идеализаціи. Онъ одинъ въ этомъ большомъ городѣ, наводненномъ плохими живописцами, близорукими красильщиками, онъ одинъ схватывалъ, понимая и передавая, обстановку, типы, колоритъ среды. Нарисовать Антверпенъ, его народъ, улицы, порты, рѣку, матросовъ, выгрузчиковъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ Рубенсъ когда-то находилъ достаточно пластичными и привлекательными, чтобы заполнить ими свой рай и свой Олимпъ, нарисовать этихъ людей въ ихъ обстановкѣ, въ ихъ средѣ, мелочную работу ихъ жизни, съ симпатичнымъ любопытствомъ къ ихъ лицамъ, костюмамъ, привычкамъ—вотъ дѣло безумца, эксцентричнаго человѣка, рубящаго все съ плеча! Одна изъ его картинъ, предназначенныхъ на большую международную выставку за границей, выставленная сначала на судъ соотечественниковъ, вызвала у многихъ сильный приливъ смѣха и доставила ему на родинѣ иронію, желчныя замѣчанія или презрительное молчаніе. Эта картина называлась «Отдыхъ выгрузчиковъ». На первомъ планѣ—тачка; на краю набережной лежитъ рабочій, немного раздвинувъ ноги; голова покоится на голой рукѣ, согнутой въ томъ движеніи, которое встрѣчается у великихъ художниковъ мускуловъ и крови; смуглая голова почти дремлетъ, глаза однако пріоткрыты настолько, что можно различить блестящій, мужественный и гордый взглядъ. Недалеко отъ этой тачки и этой фигуры, двое другихъ товарищей, лежа на животѣ, облокотившись на руки, бесѣ-

дуютъ. Въ сторонѣ виднѣются кружки, жестяныя бутылки, сумки, товары, уголъ корабля; на заднемъ планѣ—небо и вода.

Посланная въ Парижъ, эта картина произвела впечатлѣніе порыва вѣтра въ плохо запертый будуаръ; она пробудила огромное любопытство; это былъ скандалъ, это былъ вихрь споровъ. Вокругъ этого смѣлаго полотна происходила цѣлая война художественныхъ мастерскихъ, ужасная полемика. Марболь пріобрѣлъ столько же поклонниковъ, сколько и враговъ—это много значитъ! Одинъ изъ видныхъ негоціантовъ на chaussée d'Antin, за относительно большую сумму, пріобрѣлъ эту ужасную и низкую картину, какъ ее называли богатые буржуа. Жители Антверпена дрожали отъ злобы и удивленія. Кто согласился имѣть передъ глазами это изображеніе трехъ рабочихъ, ободранныхъ, дурно одѣтыхъ, небритыхъ, слишкомъ здоровыхъ, съ открытымъ взглядомъ, который безпокоитъ зрителя? Чтобы выразить весь свой ужасъ, одинъ критикъ написалъ, что отъ этой картины пахнетъ пбтомъ, селедкою и лукомъ, что она изображаетъ гулякъ.

Марболь выдержалъ все это. Послѣ Парижа Вѣна и Лондонъ заговорили о немъ то со злобою, то съ восторгомъ.

Въ Парижѣ открылась новая выставка. Марболь выступилъ во второй разъ, и къ глубокому удивленію своихъ соотечественниковъ, на этотъ разъ онъ одержалъ побѣду. Сразу онъ продалъ всѣ свои полотна.

На этотъ разъ, когда жрецы искусства милостиво приняли молодого новатора, этотъ успѣхъ заставилъ призадуматься любителей и коллекціонеровъ высшаго антверпенскаго общества. Теперь нельзя было его игнорировать,—онъ имѣлъ успѣхъ. Съ той минуты, когда онъ сталъ зарабатывать деньги, подобно имъ самимъ—достойные торговцы, хитроумные банкиры, эксперты, дипломатическіе маклера, агенты—всѣ стали интересоваться его судьбой.

Высшая буржуазія удостоивала его вниманіемъ, все же жалѣя, что такой умный человѣкъ, такъ хорошо устраивавшій свои дѣла, не избралъ лучшаго вида торговли. Многія двери открылись передъ нимъ. Онъ принималъ приглашенія. Онъ слишкомъ хорошо зналъ своихъ богатыхъ соотечественниковъ, чтобы понять, что они уважаютъ въ немъ не художника, а человѣка, ежегодно продававшаго за столько-то франковъ свои картины. Но ихъ пріемы очень забавляли его. Жадный до наблюденій и новыхъ данныхъ, онъ не пренебрегалъ случаемъ, который представлялъ ему возможность вращаться въ этомъ

богатомъ мірѣ, безжалостно закрытомъ для большинства его товарищей, если они только не были профессорами или чиновниками.

Онъ выказывалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, умѣлъ скользить по всѣмъ вещамъ, не углубляясь, умѣлъ смѣяться, шутить, касаться тысячи сюжетовъ, видимо интересоваться тѣмъ, что интересуетъ мелкую публику.

На балу у Добузье, Марболь не испортилъ своей лестной репутаціи забавнаго и очаровательнаго человѣка. Онъ увидѣлъ Гину въ первый разъ. Подъ ея гордой красивой внѣшностью, говорившей много его увлеченію благородными линіями, его молодой крови, онъ угадывалъ болѣе интересный и оригинальный характеръ, чѣмъ у остальныхъ богатыхъ наслѣдницъ.

Съ своей стороны, Гина, слыхавшая о Марболѣ, постаралась оставить ему одинъ танецъ, котораго такъ добивались другіе кавалеры. Открытое и пріятное лицо Марболя, его высокій ростъ, красивыя и естественныя движенія произвели впечатлѣніе на гордую дѣвушку, которая встрѣтила впервые молодого человѣка, достойнаго ея вниманія. На балу были, правда, Сенъ Фардье, но кромѣ корректности и изящнаго туалета, Гина съ нѣкоторыхъ поръ ничего не находила въ этихъ свѣтскихъ кузенахъ. Они дѣлали честь поставщикамъ бѣлья и своему учителю танцевъ: вотъ и все.

Нѣсколько разъ въ теченіе вечера ихъ видѣли вмѣстѣ, Гину и Марболя; Гина все старалась присоединиться къ той группѣ, гдѣ былъ художникъ, вмѣшаться въ разговоръ. Однако она не чувствовала любви въ своемъ сердцѣ! Она испытывала какое-то досадное чувство, зачѣмъ этотъ живописецъ, точно непрошенный гость, позволилъ себѣ быть болѣе красивымъ, болѣе интереснымъ собесѣдникомъ, чѣмъ всѣ представители промышленности. Непонятное чувство въ душѣ Гины! Восторгъ или ненависть? Можетъ быть, отвращеніе? можетъ быть, симпатія? Одно время чувствуя себя безсильной въ томъ легкомъ турнирѣ остроумія, который разыгрался между нею и Марболемъ, она призвала себѣ на помощь Бежара, владѣльца судовъ, извѣстнаго въ обществѣ за остроумца. Ей нравилось смотрѣть на ихъ борьбу. Она не сомнѣвалась въ томъ, что давала случай Марболю сразиться съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ дѣлалъ отвѣтственными за униженіе его родного города. Художникъ былъ жестокъ, онъ точно скрещивалъ рапиры, но оставался свѣтскимъ человѣкомъ, уважалъ нейтралитетъ гостиной, не забывался. Бежаръ, взбѣшенный скромностью Марболя, спорилъ неудачно, почти грубо. Однако, ни одинъ изъ двухъ мужчинъ не вы-

сказывалъ того, что у каждаго было на сердцѣ; они точно изучали другъ друга, искали слабыхъ сторонъ въ противникѣ, они говорили не прямо, а какъ бы аллегоріями, о своей враждѣ и непріязни, о несогласіи въ убѣжденіяхъ и противорѣчивыхъ инстинктахъ.

Художникъ выказалъ себя выше владѣльца судовъ. Бежаръ въ концѣ-концовъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Гина была недовольна успѣхомъ Марболя; со стороны ничтожнаго живописца было наглостью одержать верхъ надъ Бежаромъ, котораго такъ цѣнилъ Добузье.

Перев. **М. Веселовская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

У ЧУЖОГО КАМЕЛЬКА.

Какого пустяка бываетъ иногда довольно, чтобы выбить человѣка изъ колеи.

Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и, прихлебывая чай, просматривалъ ученическія тетради. Работа привычная, почти механическая.

Подчеркивая краснымъ карандашомъ ошибки, я слышалъ голоса дѣтей и жены въ столовой и, замѣчая оттѣнки ихъ, соображалъ, что четырехлѣтній сынишка мой Вова «переигралъ», перехохоталъ и черезъ нѣсколько минутъ заплачетъ, если мать не остановитъ Любочку, которая въ духѣ по случаю того, что новая учительница похвалила ее и не задала много уроковъ. Любочка шалитъ и смѣшитъ Вову. Мать собирается въ театръ... что-то очень возбуждена сегодня, спѣшитъ, занята новымъ платьемъ, и чувствую я—не остановитъ Любу; Вова заплачетъ, она сама—растревожится и скажетъ, что никогда ее покойно никуда не пустятъ.

Я, не докончивъ тетрадокъ, быстро всталъ и, открывъ дверь въ столовую, однимъ своимъ появленіемъ остановилъ расшалившуюся Любу. Присѣлъ къ столу, принесъ свой чай, поболталъ съ дѣтьми. Маша, жена моя, благодарно поцѣловала меня въ лобъ и ушла весело и покойно кончать туалетъ въ спальную. Она страстная театралка, моя Маша.

Черезъ нѣсколько минутъ няня, одѣвъ барыню, пришла за Вовой, онъ отправился въ дѣтскую, а Люба сообщила, какъ я и предполагалъ, что за хорошіе успѣхи ей на завтра уроковъ вовсе не задано и она пойдетъ рисовать.

У Любы, кажется, дѣйствительно, хорошія способности къ рисованію... что-жъ, я очень радъ!

Предотвративъ домашнюю, если не бурю, то, во всякомъ случаѣ, маленькую непріятность, я тоже довольный и покойный, вернулся къ своимъ тетрадкамъ.

Маша одѣтая, оживленная и интересная вошла ко мнѣ и, снова цѣлуя меня, сказала:

— Ахъ, ты, бѣдный мой, одинъ теперь возишься съ этими несносными тетрадками.

Она спѣша одѣвалась въ передней и продолжала говорить, что, можетъ быть, новая учительница Любы такъ же придется намъ «ко двору», какъ покойная Екатерина Васильевна... что, конечно, нельзя же сойтись и узнать другъ друга въ какихъ-нибудь 2—3 недѣли... что она лично очень довольна новой учительницей и что я напрасно не «поэксплуатирую» ее на счетъ тетрадокъ.

Маша смѣялась и ушла, а я почувствовалъ, что не могу продолжать даже механическое просматриваніе одного и того же диктанта. Меня бросило въ жаръ отъ ея словъ. Мнѣ захотѣлось возразить ей что-то рѣзкое... мнѣ стало вдругъ обидно и больно за эту Екатерину Васильевну, о которой она говорила такъ легко, говорила мимоходомъ, точно о вещи, которая сломалась и которую удачно замѣнили новой. «Пришлась ко двору!»—выраженіе какое вульгарное! Откуда оно у Маши—всегда такой изящной и чуткой? Да полно, чутка ли Маша? И почему это слово я примѣнилъ къ ней? Чутка была, дѣйствительно, Екатерина Васильевна. Она зато не была изящна. Что это за мысли глупыя лѣзутъ въ голову?

И что за сравненіе? Маша—моя жена, я люблю ее и она любитъ меня, и мы счастливы. Мы женаты почти 10 лѣтъ, я не чувствую другихъ женщинъ; хотя, конечно, вижу многихъ моложе и красивѣе моей Маши... но люблю я ее, мою Машу, и изъ того, что она сейчасъ какъ-то неделикатно что-то задѣла, что-то напомнила... что слѣдуетъ изъ этого?

Воспоминаніе о молодой, самовольно устранившей себя изъ жизни дѣвушкѣ,—дѣвушкѣ, которая была въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ близка къ нашей семьѣ, которая первая начала учить нашу Любу—эти воспоминанія не могутъ не волновать меня.

Совершенно вѣрно, теперь я одинъ поправляю тетрадки, а прежде Екатерина Васильевна, тихая, милая Екатерина Васильевна помогала мнѣ въ этомъ.

Машѣ, можетъ быть, дѣйствительно, странно, почему я не хочу, какъ она говоритъ, поэксплуатировать эту новую учительницу, приблизить ее къ себѣ. Маша иной разъ судитъ сгоряча, она, подумавъ, сама пойметъ.

Что пойметъ? Что это со мной сегодня?

Да, конечно, пойметъ, что съ Екатериной Васильевной вѣдь тоже не сразу мы сблизились настолько, что она стала помогать мнѣ по-

правлять тетрадки и что эксплуатировать ее, конечно, я и не думалъ.

Я что-то не то хотѣлъ сказать... но это все равно. А какъ въ самомъ дѣлѣ произошо наше сближеніе?

Мы искали учительницу Любѣ; ей пора уже было начинать систематическія занятія. Я не свободенъ, Маша слишкомъ горяча—съ одной стороны, съ другой—Вова былъ малъ и требовалъ ея заботъ. Естественно было мнѣ, состоя учителемъ въ старшихъ классахъ гимназіи, обратиться прежде всего къ нашимъ же учительницамъ. И выборъ мой остановился на Екатеринѣ Васильевнѣ. Она преподавала въ приготовительномъ классѣ и слыла у насъ рѣдко тактичнымъ педагогомъ. Дѣти ее просто обожали. Вся она была какая-то необыкновенно уравновѣшенная, ясная, тихая и вмѣстѣ съ тѣмъ веселая, ни на іоту не педантъ, не формалистъ. Я предложилъ ей занятія съ Любой, она согласилась; вспоминаю теперь, такъ радостно и долго благодарила меня.

Познакомилъ ее съ Машей и Любой. Дружба у нихъ завязалась сразу. Я ежедневно, приходя изъ гимназіи, только и слышалъ разсказы о Екатеринѣ Васильевнѣ.

Обѣдали мы въ 4 часа. Уроки Любы начинались послѣ 5 и кончались въ 7, когда у насъ пили чай. Екатерина Васильевна, если не спѣшила на другой урокъ, оставалась пить чай съ нами, болтала съ Любой, ласкала Вову, который очень скоро полюбилъ ее и сталъ звать «Васнина»—Васильевна, говорила съ женой, со мной, когда я выходилъ въ столовую къ чаю, интересовалась всѣмъ, умѣла говорить и слушать другихъ—и незамѣтно стала членомъ нашей семьи.

Если, занятый въ кабинетѣ, я не выходилъ къ чаю, то я слышалъ ея голосъ въ столовой, и мнѣ кажется теперь, что она вносила какое-то удивительное спокойствіе, миръ и тишину.

Это странно, но это такъ.

Или все осталось, какъ было, только мои нервы чѣмъ-то потрясены, не попрежнему отзываются на все?... Нѣтъ! Нервы потрясены были—это несомнѣнно, но мнѣ казалось, они уже успокоились и все вошло въ колею, какъ говоритъ Маша.

Сколько это времени прошло, какъ ея не стало? Неужели только мѣсяцъ? Мнѣ кажется—цѣлая вѣчность. Какъ съ перваго дня ея появленія въ домѣ казалось, что она всегда была тутъ, такъ съ уходомъ ея кажется, что отсутствіе ея безконечно... что пора ужъ ей вернуться и занять свое мѣсто.

Неужели такую пустоту образовало ея отсутствіе? Или это толь-

ко въ моей душѣ? Нѣтъ, въ моемъ умѣ... Впрочемъ, я не разберусь... въ моей жизни, кажется... въ моихъ занятіяхъ, можетъ быть?

И зачѣмъ Маша сказала эту фразу? Какъ это она сказала?.. «Тяжело тебѣ, мой бѣдный, одному съ этими тетрадками»... Тяжело? Да, мнѣ тяжело! Но не отъ того же, что я одинъ поправляю тетрадки, какъ поправлялъ я ихъ и прежде... а отъ того, что я одинъ... Да, это вѣрно, я—одинъ! И Маша, моя Маша, сама того не сознавая, заставила меня понять это.

Смерть Екатерины Васильевны сдѣлала пустоту въ моей жизни. Безъ Екатерины Васильевны я почувствовалъ себя одинокимъ. И почувствовалъ это тогда, когда ни вернуть ея, ни заполнить этой пустоты нѣтъ возможности.

Да, полно! Чувствую ли я пустоту? Не нервы ли это шалятъ? Переутомился, можетъ быть? Всетаки смерть Екатерины Васильевны была для меня такъ неожиданна.

Еще вечеромъ мы сидѣли здѣсь въ кабинетѣ и покойно бесѣдовали. Покойно ли? Тогда мнѣ казалось—да... Уходя, она—теперь я вспоминаю это и знаю, что не ошибаюсь—уходя, она какъ-то особенно пожала мою руку и посмотрѣла мнѣ въ глаза такъ, что, казалось, хотѣла заглянуть въ самую глубь моей души. Она сказала: «можно прожить всю жизнь, не зная вкуса, напримѣръ, ананаса, или не зная какого-нибудь чувства, не испытавъ какой-нибудь боли, или...—она запнулась и добавила:—какого-нибудь наслажденія... но понять, что есть наслажденія тебѣ недоступныя, хотя они вполнѣ доступны другимъ, есть чувства, которыя, принося другимъ счастье и смыслъ, красоту жизни, тебѣ могутъ дать только горе, муку и позоръ... понять это и имѣть силу жить—для этого надо или быть героемъ, или, все равно, это будетъ не жизнь, а медленное умираніе, прозябаніе».

Можетъ быть, она не этими словами, не вполнѣ такъ выразилась—я не запомнилъ словъ,—но смыслъ былъ этотъ.

И я, выслушавъ эту фразу, не успѣлъ понять ее... позвонили, Маша вернулась изъ театра, а Екатерина Васильевна заторопилась и ушла. Она одѣвалась въ передней какъ-то торопливо, а Маша, возбужденная оперой, весело болтая и стоя прижавшись ко мнѣ, гладила себя по лицу моей рукой. Щеки ея горѣли, а мои руки были холодны.

— Заморозили вы моего Шурку,—говорила Маша.

А Екатерина Васильевна никакъ не могла попасть въ калоши... накинула шубку кое-какъ... и что-то сказала вродѣ того, что—зато она сама сейчасъ согрѣется.

Она угорѣла въ эту ночь, оставивъ отдушину жарко натопленной печи открытой.

На утро, т.-е. ужъ днемъ, зайдя въ ея комнату,—она жила съ старухой теткой—ее нашли безъ признаковъ жизни. Дверь была плотно закрыта. Угаръ не проникъ къ теткѣ, хотя она потомъ и говорила, что «духъ шелъ», что и у нея болѣла голова и что Катя съ вечера возилась около печки, подбавляя дровъ и жалуясь на то, что холодно.

Я узналъ о несчастіи въ гимназіи. До сегодня у меня не было увѣренности, что она сдѣлала это нарочно, но подозрѣніе почему-то мелькнуло въ первую минуту... и вотъ безсознательно, цѣлый мѣсяцъ я гналъ его. Что же случилось сегодня? Что вызвало и воспоминанія, и эту ужасную увѣренность въ умышленномъ устраненіи себя изъ жизни?

Не все ли равно что? Важно то, почему я гналъ отъ себя самую мысль о ея самоубійствѣ? Вѣдь я берегъ себя... я себя жалѣлъ... себя боялся отравить этимъ сознаніемъ. Вѣдь убилъ-то ее—я!...

Теперь ужъ мнѣ некуда спрятаться отъ этого.

Она любила меня, я чувствовалъ это и поддерживалъ ея любовь. Я зажмуривался и отдавался ощущенію чего-то, что тихо кружило мнѣ голову, отъ чего мнѣ было такъ хорошо и отъ чего я боялся и не хотѣлъ очнуться.

Да такъ ли это? Не клевещу ли я на себя?

Вѣдь это сейчасъ мнѣ все ясно, а даже въ первые дни послѣ ея смерти я ничего не сознавалъ, въ то же время, когда она была подлѣ меня, т.-е. жила среди насъ, я, можетъ быть, и чувствовалъ ея близость, но ни секунды, говорю это искренно—передъ своей совѣстью—ни секунды не занялся тѣмъ, чтобы разобраться, какія чувства и связи существуютъ между нами. Все казалось такъ просто и ясно: она учитъ моего ребенка, ее любятъ мои дѣти, моя жена... она вошла въ нашу жизнь, стала членомъ нашей семьи.

Когда послѣ урока съ Любой она оставалась пить чай и предлагала Машѣ посмотрѣть за Вовой, поиграть или уложить его спать, если случалось нянѣ отлучиться или няня новая. Вовѣ не везло—няни у него мѣнялись часто, а онъ не легко привыкалъ къ новымъ—Маша всегда особенно благодарна бывала ей и я, понятно, тоже.

За два года ея дружбы съ нами, Вова не разъ болѣлъ... въ эти дни она была самымъ дѣятельнымъ помощникомъ у насъ.

Я помню одну ночь. Она осталась у насъ. У Вовы было воспаленіе легкаго. Маша измучилась... нянька была безтолковая... я дежурилъ около Вовы по очереди съ женой и тоже чувствовалъ себя утомленнымъ. Екатерина Васильевна предложила смѣнить насъ и

легла въ дѣтской на кушеткѣ. Ночью я приходилъ нѣсколько разъ и ни разу не засталъ ее спящей, а подъ утро я заснулъ, какъ убитый, у себя въ кабинетѣ и, проснувшись, увидалъ ее стоящей надо мной. Пора было уходить въ гимназію, она пришла разбудить меня. «Жалко было васъ, говоритъ, да вы сильнѣе Марьи Николаевны... не ее же будить».

Послѣ уроковъ она сейчасъ же снова была у насъ и продежурила еще нѣсколько ночей... по очереди со мной и женой.

Я помню ея лицо, когда я открылъ глаза: выраженіе у нея какъ-то сразу измѣнилось. Помню, тогда я испугался—подумалъ Вовѣ хуже. Весь я былъ полонъ мыслью о моемъ бѣдномъ мальчикѣ и его болѣзни. А она, можетъ быть, испугалась, что прочту я ея чувство ко мнѣ на ея лицѣ—отсюда эта быстрая смѣна выраженія.

Ахъ, да мало ли эпизодовъ вспоминается теперь!

Было лѣто... я пріѣхалъ изъ города къ своимъ на дачу. Екатерина Васильевна была у насъ. Маша горячилась по случаю грубости няньки и собиралась разсчитать ее. Екатерина Васильевна играла съ Вовой. Меня, помню, тронуло это вниманіе и заботливость. Маша шла на гулянье. Екатерина Васильевна до инцидента съ няней тоже собиралась съ ней. Няня, хоть нагрубила, но была надежная, и мы съ ней не боялись оставлять дѣтей. Екатерина Васильевна, однако, отказалась идти и, пока не вернулась Маша, осталась съ дѣтьми и сама уложила ихъ.

Правда, я, проводивъ Машу, вернулся домой и, когда дѣти уснули, мы долго ходили по садику нашей дачи и говорили... не помню ужъ о чемъ, только о чемъ-то, что такъ хорошо и успокоительно дѣйствовало на меня.

Неужели же на нее эти разговоры, прогулки и общія занятія дѣйствовали не такъ?

Иногда, мнѣ казалось, я замѣчалъ въ ней волненіе, но я всегда искалъ внѣшней причины для этого и никогда не углублялся въ этотъ вопросъ.

Помню разъ при мнѣ она поцѣловала Вову. Маша была тутъ же и сказала: «какъ странно вы его цѣлуете... точно и не ребенка». Мнѣ стало, помню, неловко, я замялъ разговоръ, а Екатерина Васильевна долго не могла успокоиться и все повторяла: «неужели? неужели?»

Иногда она гладила Любу по головѣ и говорила: «милая моя дѣвочка», или къ Вовѣ «мой дорогой, хорошій»... и въ голосѣ ея было столько ласки, что я, слушая издали, оставлялъ свои занятія и нѣсколько минутъ находился подъ впечатлѣніемъ этого голоса, этой

точно ко мнѣ направленной ласки. Случалось сейчасъ послѣ ея поцѣлуя я тоже цѣловалъ моего ребенка... вѣдь не сознательно же я дѣлалъ это? И не безсознательно кокетничалъ съ нею? Какая чепуха! Какой хаосъ въ головѣ!

Я повторяю, что никогда Екатериной Васильевной не увлекался, какъ женщиной, и если теперь вспоминаю ее, то потому, что ея смерть, разговоры наши, мелочи разныя навели меня на мысль, что она любила меня и, можетъ быть, страдала... конечно, страдала отъ этого.

Я хочу оправдаться передъ самимъ собой—я не давалъ ей повода. Какая пошлая фраза. Я не усмотрѣлъ, какъ она полюбила меня, я однако чувствовалъ, что мнѣ хорошо съ ней. О себѣ я думалъ, а о ней не нашелъ нужнымъ подумать. Повода я не давалъ? Какого? Да развѣ въ томъ поводъ, чтобы обнимать и цѣловать женщину? Ужъ то, что я ея любовь принималъ, хотя и не говорили мы объ этомъ—былъ для нея поводъ продолжать любить меня... не такъ ли?

Но что же долженъ былъ сдѣлать я? Повторяю—это теперь ясно мнѣ, что она любила меня и, страдая отъ сознанія, что никогда мы не можемъ слить наши жизни, рѣшила лучше не жить вовсе, чѣмъ жить около любимаго, но не съ любимымъ человѣкомъ, жить около его счастья и не быть источникомъ его.

Какъ поступилъ бы на ея мѣстѣ я?

Ну, допустимъ—незамѣтно для себя—я полюбилъ бы женщину, которая была бы счастлива, я зналъ бы, что она счастлива со своимъ мужемъ, что сдѣлалъ бы я, понявъ, что разлюбить ее я не въ силахъ?

Отошелъ бы (спокойно или мучась, но отошелъ) и продолжалъ бы жить, или потерялъ бы эту способность и кончилъ всякіе разсчеты съ ставшей немилой жизнью?

Трудно сказать. Мужчины часто—какъ бы это выразиться—подлѣе, что ли, женщинъ. Можетъ быть, я постарался бы сойтись съ любимой женщиной, можетъ быть, я помирился бы съ ролью тайнаго вздыхателя, можетъ быть, эта роль надоѣла бы мнѣ, и я современемъ—покойно отошелъ бы въ сторону, можетъ быть... да, все можетъ быть, но все это было бы гадко, подло и пошло и отравило бы даже воспоминаніе о чувствахъ, которыя вначалѣ казались и чистыми, и хорошими.

Но нельзя же оправдывать самоубійство изъ-за неудачной любви, какъ вообще нельзя оправдывать самоубійства? Я и не оправдываю. Я только говорю себѣ, что у Екатерины Васильевны могли быть по-

воды къ тому, чтобы жизнь показалась ей невыносимой и чтобы явилось у нея желаніе уйти изъ этой жизни.

Ей, какъ всякому, хотѣлось личнаго счастья, она поняла, что оно невозможно. Отдать себя на служеніе ближнему, забыть о себѣ? Для этого, можетъ быть, у нея нехватило силъ, не было поддержки.

А я? Ко мнѣ она не могла обратиться? Нѣтъ, не могла, и я хорошо понимаю, что не могла именно ко мнѣ. Что могъ я сказать ей? Что — кромѣ общихъ фразъ? Чѣмъ могъ я помочь? Сочувствіемъ? Въ немъ, я думаю, она была увѣрена, но, очевидно, его ей было мало.

Вѣдь я не бросилъ бы для нея жену и дѣтей? И не пошелъ бы на то, чтобы, увлекшись ея чувствомъ, сойтись съ нею и вести двойную жизнь, имѣть двѣ семьи? Слѣдовательно, что же оставалось? Предложить ей дружбу вмѣсто любви, предложить грѣться у нашего камелька, у нашего семейнаго счастья? Она все это имѣла и это-вотъ не удовлетворило ея.

Можетъ быть, это слабость, можетъ быть, сильные люди, узнавъ о ея самоубійствѣ, осудили бы ее громко и жестоко. Конечно, каждый бросилъ бы въ нее камнемъ... но я не могу этого сдѣлать и не потому не могу, что считаю себя виновникомъ ея несчастья, а потому, что понимаю, что въ жизни каждаго можетъ быть такой моментъ, когда покажется, что лучше кончить разомъ, чѣмъ безсмысленно, безцѣльно тянуть жизнь.

Екатеринѣ Васильевнѣ было за 30 лѣтъ. Она никогда не говорила мнѣ о своей прошлой жизни, но я зналъ, что она дѣвушка, и понималъ изъ всѣхъ ея разговоровъ, что близка, интимна съ мужчиной она не была. Она ждала, какъ каждая, своей «судьбы», встрѣчи съ своей «половиной», она ждала, что жизнь дастъ и ей возможность свить свое гнѣздо, имѣть своихъ дѣтей, свершить свое дѣло—дать жизнь другому существу.

Въ ней проснулась страсть, явилось, кромѣ желанія своей семьи и счастья, желаніе физической близости мужчины, и она поняла, что выхода ей нѣтъ. Не бросаться же на шею первому встрѣчному!

Ей понравился, невольно разбудилъ и вызвалъ ея любовь человѣкъ несвободный, и у нея даже мысли не явилось спросить его—не отвѣтитъ ли онъ на ея чувства... она понимала, что если бы отвѣтилъ—это было бы еще большее несчастье... большее потому, что взяло бы больше жертвъ. Она, можетъ быть, всѣхъ насъ спасла. Боже!... Что это я говорю!

Вѣдь не приходило же мнѣ ни минуты въ голову, что я могу полюбить, пожелать ее, когда я видѣлъ ее ежедневно. Оставайся она въ живыхъ, продолжай держаться, какъ держалась, мы долгіе годы

мы всегда остались бы друзьями... и ничто, ничто не омрачило бы нашей... нашей чистой дружбы.

Значитъ, она не могла больше держаться, какъ прежде. Значитъ, она, понявъ, что ее ко мнѣ влечетъ не только дружба, поняла и то, что не выдержитъ роли, а выдать себя—самолюбіе, уваженіе къ себѣ не позволяли. Но можно было уѣхать... найти утѣшеніе... опять-таки въ служеніи другимъ.

Она и такъ всю жизнь—лучшую пору жизни—служила другимъ. Учила чужихъ дѣтей, зарабатывая на то, чтобы не умереть съ голоду, и еще содержала старую тетку, помогала гдѣ и кому могла.

И въ нашу жизнь сколько она внесла свѣтлаго, теплаго. Да, она имѣла право пожелать свѣта и тепла лично для себя.

...И я могъ быть источникомъ этого тепла и свѣта. И я самъ не былъ бы одинокъ. Въ своей душѣ одинокъ. Мои мысли путаются...

Зачѣмъ это Маша сказала свое глупое: «бѣдный мой... одинъ». Ахъ, Маша, дѣти!... Для нихъ мнѣ надо жить... работать... владѣть собой... надо... хоть бы и одному...

Въ сущности вѣдь ничего не измѣнилось—жена и дѣти мои счастливы, я даю имъ это счастье. Это должно поддержать меня. Ее—Екатерину Васильевну—вѣдь убило именно то, что она-то не была нужна для счастья того, кого она любила.

...Екатерина Васильевна, милая! Какъ дорого мнѣ теперь воспоминаніе о васъ... бѣдная вы моя, маленькая...

Какія жгучія слезы закипаютъ у меня въ груди и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хорошо сознавать, что есть у меня что-то мое, только мое, о чемъ я могу думать, когда хочу. Я уже не одинокъ съ моей тайной, съ моимъ бредомъ...

...Вы можете быть удовлетворены, милая Екатерина Васильевна, если это можетъ удовлетворить теперь... я васъ понялъ, понялъ все, что вы пережили... я слился съ вами душой и я постараюсь сдѣлать такъ, какъ вы хотѣли: ничего не нарушить, никому не причинить горя.

Я буду попрежнему служить семьѣ, своему дѣлу, а отдыха стану искать въ мечтахъ, въ бреду. Развѣ только реальное можетъ дать счастье и отдыхъ? Не наоборотъ ли?...

Экъ.

Паруса.

Всплеснулся, ожилъ, вдулся парусъ,
И оторвалася земля.
Какъ распустившійся стеклярусъ,
Слѣдъ разбѣжался отъ руля.
Сверкаютъ блестки въ бѣлой пѣнѣ:
Лазурь и зелень, и огонь.
Бѣжитъ по зыблемой аренѣ
Мой бѣлый окрыленный конь.
Благословенный день для спорта!
Взвѣваетъ вѣтеръ волоса.
Налѣво—кренъ. Полоска борта,
И въ отраженьѣ небеса.
Ихъ нынче въ морѣ много, много...
Стихія вольнымъ колыбель.
Имъ въ бездорожіи дорога,
Въ живой безцѣльности ихъ цѣль.

А. Өедоровъ.

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ *).

Съ итальянскаго.

VI.

Помолвлены.

Когда я покаялась на исповѣди, какъ въ грѣхѣ, въ своей любви къ доктору Секки, мой духовникъ совѣтовалъ мнѣ забыть его, ибо бракъ безъ благословенія родителей не угоденъ Богу; и, наоборотъ, если отецъ и мать одобряютъ выборъ своей дочери, такое замужество можетъ принести только счастье. На этотъ разъ всѣ были довольны моимъ женихомъ, и я, вспоминая слова добраго падре, горячо молилась, чтобы Богъ помогъ мнѣ сдѣлать счастливымъ того, кто возложилъ на меня всѣ свои надежды. Я ни разу не подумала о томъ, что онъ богатъ, и даже не спросила у отца, сколько за мной даютъ приданаго: деньги для меня не имѣли никакого значенія. Что же до знатности Ческо,—кто изъ насъ думалъ объ этомъ? Ужъ, конечно, не я и не мои родители. А вѣдь говорили же потомъ, что отецъ мой согласился на этотъ бракъ, чтобъ облагородить плебейскую кровь, текущую въ жилахъ его дочери, при помощи нѣсколькихъ алыхъ полосокъ по золотому полю и ползущаго льва!

Бѣдный отецъ! Какъ это на него похоже—на него, никогда не желавшаго быть ни депутатомъ, не сенаторомъ и ничѣмъ, кромѣ того, что онъ есть, не признающаго иного благородства, кромѣ благородства ума и души! Передъ свадьбой, когда Ческо, изъ суетнаго тщеславія, хотѣлъ было украсить пригласительные билеты дворянской короной, мой отецъ рѣшительно воспротивился этому, говоря: «Я не графъ и не дворянинъ, я просто Августо Мурри, и коронъ мнѣ не надо!»

---

*) *Русская Мысль,* кн. VII, 1907 г.

Для меня было важно только одно, чтобы мужъ мой былъ добрымъ человѣкомъ. Я тогда не знала, что доброта бываетъ разная и что быть хорошимъ католикомъ еще не значитъ быть христіаниномъ.

Но даже и тутъ моя радость длилась недолго. Судьба ухитрилась отравить мнѣ и эти дни, лучшіе въ жизни большинства женщинъ.

27 іюня 1892 г. мой злополучный женихъ впервые вошелъ гостемъ въ нашъ домъ. Мама знала его только въ лицо, встрѣчая его въ церкви, въ театрѣ, на прогулкѣ, въ бытность его въ Болоньѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; отецъ и вовсе не зналъ его.

Еще до офиціальной помолвки я просила синьору Терезу сказать Бонмартини, что у меня была раньше другая привязанность, къ доктору Секки. Мнѣ это казалось безусловно обязательнымъ и необходимымъ. Тереза обѣщала, но такъ какъ она усвоила себѣ привычку третировать меня, какъ дѣвочку, и ни въ чемъ мнѣ не противорѣчить, а потомъ дѣлать по-своему, я была не совсѣмъ спокойна на этотъ счетъ. И на другой же день, 28 іюня, когда Ческо пришелъ къ намъ утромъ, я сказала ему, что мнѣ надо поговорить съ нимъ наединѣ и, улучивъ минутку, призналась ему во всемъ.

Я не хотѣла, чтобы между мною и тѣмъ, кому суждено было стать спутникомъ всей моей жизни, стоялъ хотя бы призракъ тайны, хоть бы слабая тѣнь чувства, скрытаго отъ него. И я сказала своему жениху, что до него любила другого человѣка, Карло Секки, и невыразимо страдала изъ-за него; что теперь я его забыла, но что отъ этого страшнаго разочарованія въ душѣ моей остался горькій осадокъ и въ сердцѣ холодъ и недвижность.

— Тебѣ,—говорила я (со времени нашей помолвки мы перешли на ты),—тебѣ я съ радостью отдаю всю свою жизнь, потому что ты добрый, потому что ты любишь меня и будешь моимъ дорогимъ товарищемъ; но боюсь, очень боюсь, что душа моя уже не способна вторично испытать то пылкое чувство, какимъ она горѣла тогда.

Говоря это, я плакала и отъ боли воспоминаній, и отъ тревоги за то, что *онъ* мнѣ скажетъ въ отвѣтъ. Этотъ разговоръ долженъ былъ рѣшить мое—наше будущее...

Говорятъ: все на свѣтѣ творится Божьимъ произволеніемъ, Богъ же хочетъ намъ только добра. Но мой бѣдный умъ смущаютъ сомнѣнія, и сколько разъ я мысленно взывала къ Нему: Боже мой! Ты видѣлъ, какъ чиста была моя душа передъ тѣмъ, кого Ты далъ мнѣ въ спутники жизни, какъ чисто онъ относился ко мнѣ, зачѣмъ Ты не помогъ намъ разъ навсегда понять другъ друга, или тогда же не разлучилъ насъ навѣки?... Я знаю, что я убогое, слѣпое суще-

ство, неспособное постичь Твоихъ предначертаній; но это полное невѣдѣніе, обращающее въ ничто всѣ наши усилія, все стремленіе къ добру, пополняетъ меня такой безнадежной тоской!...

Когда я покончила съ моей больной и экзальтированной исповѣдью, Ческо просто сказалъ, что все это уже извѣстно ему отъ Терезы, что онъ признателенъ мнѣ за мою искренность и не видитъ ничего дурного въ невинномъ чувствѣ молоденькой дѣвушки, которая впервые любитъ, или воображаетъ, что полюбила.

— Моя любовь вознаградитъ тебя за все,—говорилъ онъ,—а эти дѣтскія привязанности проходятъ и забываются.

Самъ того не замѣчая, онъ простодушно повторялъ соображенія, несомнѣнно подсказанныя ему синьорой Кровато—«проходитъ», «забывается».

Да, конечно, такъ оно могло быть. Почему же не было? Развѣ я не искренна была въ своемъ признаніи? Что заставило меня каяться этому, тогда еще чужому мнѣ человѣку, какъ не желаніе принадлежать ему всецѣло и только ему. И развѣ не былъ искрененъ онъ, когда сулилъ мнѣ безграничной и святой любовью... заживить всѣ мои сердечныя раны? О, какъ издѣвается жестокая судьба надъ нашими желаніями и рѣшеніями!...

Одна монахиня въ Болоньѣ, которой я въ тяжелую минуту повѣрила свои религіозныя сомнѣнія, говорила мнѣ:

— Богу не угодно, чтобъ мы были счастливы, ибо небесное блаженство надо заслужить, труденъ путь къ нему и узки врата. Такъ училъ и Христосъ. Богъ возлюбилъ вашу душу, сестра моя, и не восхотѣлъ облегчить вамъ вашъ жизненный путь. Еслибъ ваша мечта о счастьѣ сбылась здѣсь на землѣ, какая была бы заслуга въ вашей добротѣ? Кто счастливъ, тотъ поневолѣ добръ. А Богу угодно было, чтобъ вы и въ скорбяхъ остались доброй. Вотъ это добродѣтель, и кто знаетъ, какое вамъ за это уготовлено мѣсто въ раю!

Эта простая философія заставила меня горько плакать, но не утѣшила меня. Мнѣ было ясно только одно: жизнь—страданіе, отреченіе. Я уже такъ изстрадалась, что не могу и слышать о раѣ, не могу повѣрить, чтобъ гдѣ-либо, на землѣ или за ея предѣлами, существовала юдоль радости. Но неужели же и дѣтямъ моимъ, моимъ ангеламъ, суждено пройти черезъ такія же страданія, прежде чѣмъ заслужить себѣ уголокъ небеснаго блаженства? Неужели и для нихъ жизнь станетъ такой же мукой, какой она была для меня? Можетъ статься. Какіе же у нихъ шансы на счастливую жизнь? Расцвѣтъ ихъ дѣтства политъ кровью; страшная трагедія ·шила ихъ отца и матери... Объ отцѣ они уже знаютъ, что онъ

погибъ и черезъ кого... Когда-нибудь они спросятъ о матери, и имъ разскажутъ о ея страшномъ концѣ... Самое имя ихъ будетъ произноситься не иначе, какъ съ дрожью ужаса, или сострадания... Когда я подумаю объ этомъ (а могу ли я не думать?), сердце мое разрывается отъ безумной любви и жалости, и я почти готова желать, чтобы они умерли въ дѣтствѣ! Вотъ до чего довело меня горе...

Возвращаюсь къ разговору, который рѣшилъ нашу участь, къ роковому 28 іюня.

Добрыя, великодушныя слова моего жениха вновь исторгли слезы изъ глазъ моихъ, но это были уже иныя, сладкія слезы... Растроганная, взволнованная, я посмотрѣла на своего жениха—и впервые Ческо показался мнѣ красивымъ. Глаза его не свѣтились умомъ, лишь добротой, но мнѣ казалось, что я читаю въ нихъ обѣты райскаго блаженства. Грѣя мои похолодѣвшія руки въ своихъ горячихъ рукахъ, онъ твердилъ мнѣ слова, звучавшія для меня дивной мелодіей: «Люблю тебя, люблю!»

Я впервые въ жизни слышала эту мелодію и упивалась ею. И я, и я съ этой минуты полюбила его всѣмъ сердцемъ, всей моей надеждой!... О, зачѣмъ я не умерла въ эту минуту?

Не мѣшайте, дайте мнѣ плакать!... Я думала, что у меня уже нѣтъ больше слезъ,—такъ много я ихъ пролила. Но воспоминаніе объ этомъ днѣ, когда еще никакая тѣнь не омрачала нашихъ душъ, когда мы чувствовали себя невинными и радостными, какъ дѣти, и смотрѣли впередъ съ такимъ упованіемъ, съ такой искренней волей къ добру,—это воспоминаніе, чистое и отрадное, какъ оазисъ въ пустынѣ, еще способно исторгнуть слезы изъ высохшихъ глазъ. Онъ любилъ меня, а мнѣ ничего больше не нужно было, кромѣ любви! О, какъ коротки были эти минуты, какъ скоро холодная дѣйствительность погасила экстазъ!

Мой бѣдный Ческо, выросшій въ низменной и грубой средѣ, не имѣлъ понятія даже и объ элементарнѣйшихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ человѣку общественной жизнью. Попавъ въ нашъ домъ, онъ съ самаго начала совершилъ нѣсколько неделикатностей, по существу ничтожныхъ, но представлявшихся крупными тѣмъ, кто не любилъ его, какъ уже любила я.

За столомъ, сидя рядомъ со мной, онъ наклонялся ко мнѣ и шепталъ мнѣ на ухо. Бѣдняжка! Ничего дурного не было въ его словахъ и даже ничего значительнаго. Можетъ быть, ему нравилось проявлять такимъ образомъ на глазахъ у всѣхъ нашу близость и свое будущее господство надо мной. Но я видѣла сердитые

взгляды матери, недовольную мину отца, добродушно ироническую улыбку Нино—и меня коробило, кидало въ дрожь...

Или же приходилъ къ намъ съ полными руками цвѣтовъ и подносилъ ихъ мнѣ одной, въ присутствіи мамы, не обращая на нее никакого вниманія. Вообще, въ его обращеніи было высокомѣріе, уже въ принципѣ мнѣ несимпатичное и дѣлавшее его не очень пріятнымъ гостемъ, въ особенности, для папы. Я видѣла, что отецъ недоволенъ и не слишкомъ радуется такому родству, видѣла и промахи Ческо, но думала: «Бѣдняжка, онъ неопытенъ, какъ ребенокъ. Это все потому, что онъ не привыкъ къ обществу. Понемногу это пройдетъ».

Такъ въ радости въ перемѣшку съ горемъ прошелъ весь іюнь, 1 іюля мы выѣхали въ Римини, а женихъ мой вернулся въ Падую, чтобы лично присутствовать при уборкѣ хлѣба. Когда мы прощались, онъ, видя, что мама не смотритъ на насъ, быстро нагнулся и поцѣловалъ меня въ щеку. Я удивилась, сконфузилась, почувствовала скорѣе неудовольствіе, чѣмъ радость, при этомъ пылкомъ порывѣ. И самъ онъ смутился и тотчасъ же шепотомъ попросилъ у меня извиненія... Это былъ нашъ первый поцѣлуй. Мы разстались, но и вдали отъ него я продолжала лелѣять свою сладкую мечту. Нѣкоторыя изъ своихъ писемъ къ Ческо я помню наизусть.

«Всѣ въ домѣ спятъ, я одна... Закрою глаза, и мнѣ представляется, будто я вижу тебя. Говорю: люблю тебя. И сердце бьется быстрѣе. Ужъ скоро утро, начинаетъ свѣтать. И такой миръ, такая глубокая тишина кругомъ; слышенъ только ропотъ моря и крики ласточекъ».

Помню отрывки изъ другого письма:

— Ты не знаешь, какая для меня радость раскрывать передъ тобой мою душу и сознавать, что ты радуешься, когда получишь мое письмо...

Въ одномъ письмѣ я говорила Ческо о моихъ недостаткахъ; мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ меня зналъ такой, какая я есть.

«Я до глупости чувствительна,—мама говоритъ, что я обидчива и капризна. Меня такъ легко задѣть и огорчить».

А онъ? Не проходило дня, чтобы онъ не писалъ мнѣ.

О, нѣтъ, — писалъ онъ, — ты милая, ты прелестная!—Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ хозяйственныхъ заботахъ, о блестящихъ видахъ на урожай; въ одномъ письмѣ онъ, помню, писалъ: «Мамаши, узнавъ, что я женихъ, косятся на меня. Но что мнѣ за дѣло? Я буду мужемъ прелестной дѣвушки, доброй, хорошей, обла-

дающей всѣми качествами, которыя могутъ дать счастье такому человѣку, какъ я. Вѣдь ты ангелъ, моя Линда»!

Особенно врѣзалось мнѣ въ память одно мое письмо, отъ 10 іюля, ибо въ немъ была фраза, смыслъ которой мнѣ впослѣдствіи — увы!—пришлось измѣнить.

«Ты добръ, Ческо; ты деликатенъ». Много времени спустя я писала ему другое: «Ты добръ ко мнѣ, Ческо, но не *деликатенъ* со мною—нѣтъ»!

Кто же виноватъ въ этомъ—Боже мой, кто?

Нѣсколько времени спустя и онъ пріѣхалъ въ Римини и проводилъ долгіе часы у насъ въ домѣ, и каждый разъ я встрѣчала его и съ радостью, и съ тревогой. Бѣдный Ческо! Онъ совсѣмъ не считался со многимъ, чему мама придавала, быть можетъ, слишкомъ большое значеніе.

Мамѣ не нравилось, что онъ садится слишкомъ близко ко мнѣ или рядомъ со мной на диванъ, она находила это неприличнымъ и велѣла мнѣ предупредить Ческо, чтобы онъ больше этого не дѣлалъ; у меня нехватило духу сказать это ему прямо, и я написала ему записочку въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ...

Онъ какъ будто огорчился и обѣщалъ мнѣ впередъ держаться въ предѣлахъ корректности, но потомъ забылъ о своемъ обѣщаніи и опять пошло то же. Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ замѣтить ни моего смущенія, ни гнѣвныхъ взглядовъ мамы... А когда онъ уходилъ, мама начинала бранить его, называла его нахаломъ, невоспитаннымъ, грубымъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей, говорила, что я не должна потворствовать ему, что мнѣ надо въ такихъ случаяхъ отодвинуться или встать и уйти.—Какъ разъ то, чего я не рѣшалась сдѣлать. Эти нелестныя выраженія по адресу Ческо такъ огорчали меня, что я половину вины брала на себя и старалась оправдать его и передъ мамой, и въ собственныхъ глазахъ, доказывая, что это у него выходитъ безсознательно, потому что онъ слишкомъ любитъ меня, и что не пристало же мнѣ учить моего жениха хорошимъ манерамъ.—Но мама ничего и слышать не хотѣла и отравляла мнѣ каждую нашу встрѣчу.

Сплошь и рядомъ Ческо заставалъ меня съ заплаканными глазами и спрашивалъ, о чемъ я плакала. Не могла же я сказать ему, что мнѣ досталось изъ-за него. И я придумывала какое-нибудь объясненіе... Онъ уже зналъ, что меня могутъ выбранить изъ-за плохо приколотаго бантика, выбившейся пряди волосъ, словомъ, изъ-за всякаго пустяка, и не удивлялся, а только старался утѣшить меня: са-
ся близко, жалъ мнѣ руку, обнималъ за талію. А меня кидало в

въ жаръ, и въ холодъ отъ сознанія, что изъ-за этого потомъ опять будутъ разговоры съ мамой... Я робко говорила:—Милый, прошу тебя, отодвинься немножко.—Онъ обижался:—«Значитъ, ты не любишь меня? тебѣ непріятна моя близость? А я то такъ тебя люблю, такъ стремлюсь къ тебѣ»! И тронутая его словами и тономъ, я спѣшила увѣрить его, что и я его люблю, что и я рада быть къ нему ближе...

И грустно, и смѣшно вспоминать... Всетаки это были хорошія минуты, хоть и омраченныя нѣсколько упреками мамы. О еслибъ можно было вернуть ихъ, снова очутиться рядомъ съ нимъ, на диванѣ, застѣнчивой, робкой дѣвушкой, волнуемой и боязнью разсердить мать, и желаніемъ сдѣлать пріятное жениху!... Но, будь у меня въ то время больше жизненнаго опыта и знанія людей, я и тогда бы поняла, что мы съ Ческо не созданы другъ для друга, что не мнѣ, слабой и безхитростной, пытаться перевоспитать его и что мнѣ предстоитъ одно изъ двухъ—или покориться, или быть раздавленной въ неравной борьбѣ.

Дни шли за днями, а шероховатости и треніе, вмѣсто того чтобъ сглаживаться, возрастали. Въ одинъ прекрасный день женихъ мой объявилъ мнѣ, что ему не нравится моя близость съ Терезой Кровато, которой я попрежнему повѣряла всѣ свои мысли и чувства, такъ какъ теперь у меня не должно быть иныхъ друзей и повѣренныхъ, кромѣ него. Мнѣ это было больно, ибо я искренно привязалась къ синьорѣ Терезѣ, но и въ этомъ я сочла долгомъ исполнить его желаніе. Я стала писать рѣже, сдержаннѣй и суше; Тереза обидѣлась на меня—конечно, она должна была счесть меня забывчивой и неблагодарной. Мнѣ не хотѣлось винить Ческо, и я оправдывалась тѣмъ, что я теперь невѣста и у меня нехватаетъ времени для писемъ. Воображаю, какъ она строго осуждала меня!...

Чѣмъ больше освоивался Ческо съ моими родными, тѣмъ ярче обнаруживались странныя свойства его характера — самомнѣніе, кичливость, хвастливость, сильно не нравившіяся моему отцу. При этомъ у него была скверная привычка — дурно отзываться обо всѣхъ, даже и о близкихъ своихъ друзьяхъ...—вѣрнѣй всего, не по злобѣ, а просто изъ желанія прослыть хитрецомъ, который знаетъ свѣтъ и котораго не проведешь.

Днемъ папа рѣдко видалъ его, но ужинали мы всѣ вмѣстѣ, и за столомъ Ческо развертывался во всей красѣ, вызывая въ моемъ отцѣ чувство удивленія, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. Злословіе Ческо по адресу его друга и свата, Баттиста Вальвасори, или Терезы, которая намъ всячески его расхваливала, такъ непріятно дѣйствовало

на отца, что тотъ написалъ Терезѣ рѣзкое письмо, выражая свое недовольство предполагаемымъ союзомъ и желаніе разорвать его, пока есть время.

Тереза, возмутившись неблагодарностью Ческо, которому она, по ея словамъ, замѣнила мать, отвѣтила отцу, что онъ совершенно правъ, совѣтуя ему и отъ себя отказать Бонмартини... Отецъ, конечно, такъ и поступилъ бы; но онъ видѣлъ, что я уже успѣла привязаться къ своему жениху и лишиться его было бы для меня большимъ горемъ,—а я уже и безъ того столько выстрадала изъ-за Секки. Словомъ—я то узнала объ этомъ ужъ много времени спустя,—но тогда кончилось тѣмъ, что отецъ написалъ Терезѣ: — «Линда влюблена, увы! и за мизинецъ Ческо готова отдать цѣлый міръ».

Но въ душѣ отецъ продолжалъ колебаться и ходилъ недовольный и нахмуренный. Мама—какъ на нее найдетъ—то благоволила къ Ческо, то не выносила его. Я, наконецъ, не выдержала однажды и спросила ее:

— Что такое съ папой? Ему не нравится Ческо?

Мама, должно быть, была не въ духѣ, потому что грубо отвѣтила мнѣ:

— А тебѣ что за дѣло? Вѣдь не намъ—тебѣ идти за него замужъ. Ну и ступай!

Бѣдная мама! я понимала, что и она колеблется, но не знаетъ, что предпринять, на что рѣшиться. А я—чѣмъ антипатичнѣе становился мой женихъ моимъ родителямъ, тѣмъ больше я жалѣла его и привязывалась къ нему. Разумѣется, и я видѣла его недостатки, но думала:

— Могу ли я на это претендовать? Вѣдь и я не святая. Ему нехватаетъ хорошихъ манеръ? Что за важность! При его добромъ сердцѣ и привязанности ко мнѣ онъ исправится. Онъ просто не воспитанъ; я воспитаю его.

Тереза говорила мнѣ, что Ческо нигдѣ не кончилъ курса, но образовалъ себя самъ, при помощи воли и настойчивости, что музыку онъ любитъ страстно, и изъ него могъ бы выйти хорошій композиторъ. Я повѣрила этому, тѣмъ болѣе, что Тереза еще до помолвки нашей прислала мнѣ вырѣзку изъ газеты, съ хвалебными отзывами о музыкальныхъ произведеніяхъ, присланныхъ Ческо на конкурсъ въ Палермо. Мнѣ лично онъ казался мало образованнымъ, но я утѣшала себя, говоря:—Лишь бы только онъ выучился грамотно писать! Не всѣмъ же быть учеными. Онъ будетъ артистомъ.

Видя, что я горячо интересуюсь всѣмъ, что его касается, Ческо охотно разсказывалъ мнѣ о себѣ, о томъ, что у него двѣ страсти:

музыка и сельское хозяйство, о томъ, какъ любятъ его слуги, рабочіе, крестьяне,—о своей покойной матери, о своемъ грустномъ дѣтствѣ...

Мать его, добрая и дѣлавшая много добра, умерла отъ рака на груди, котораго она *не хотѣла* лѣчить! Бѣдная синьора была религіозна до фанатизма, до суевѣрія. У нея бывали галлюцинаціи, экстазы, во время которыхъ она бесѣдовала съ душами умершихъ... Бѣдная женщина обѣщала, напримѣръ, своимъ роднымъ и друзьямъ мѣста въ раю, куда сама она заранѣе *была увѣрена,* что попадетъ! Поэтому, захворавъ, она, вмѣсто операціи, поѣхала съ сыномъ на богомолье въ Лурдъ, въ надеждѣ, что Мадонна ниспошлетъ ей благодать исцѣленія. Но Мадонна не удостоила ее благодати; тогда она принесла въ жертву Мадоннѣ жизнь свою ради того, чтобъ сынъ ея выросъ хорошимъ и добрымъ. Исторію этой набожной и полусумасшедшей женщины я узнала частью отъ своего мужа, частью впослѣдствіи отъ другихъ, и сердце мое исполнилось нѣжности и сотраданія къ бѣдному Ческо, росшему въ такой печальной и нездоровой средѣ.

Ческо много также мнѣ разсказывалъ о своей бабкѣ по матери, которая, по его словамъ, дурно относилась къ нему и даже морила его голодомъ. Само собой, такія жалобы трогали и волновали меня... Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что эта злополучная бабка была сущей мученицей, безъ памяти любившей своихъ дѣтей, которыя умирали у нея на глазахъ одинъ за другимъ въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ плевритовъ, менингитовъ и тому подобныхъ болѣзней. Она сама жила, какъ нищая, чуть не голодая ради того, чтобъ привести въ порядокъ наслѣдственное имѣніе, наполовину промотанное ея мужемъ, и оставить богатство своему племяннику, этому самому Ческо, который вмѣсто благодарности отправилъ всѣ портреты бабки на чердакъ и не могъ простить ей, что она заставляла его терпѣть лишенія.

Это печальное дѣтство легло мрачной тѣнью на всю его жизнь, окутало душу его холодной пеленой тумана и мрака, смутило умъ его, развивавшійся среди фантастическихъ видѣній и страховъ... Общество, свѣтъ, фривольный и суетный, были ему ненавистны; онъ мечталъ только о семейныхъ радостяхъ...

Я съ умиленнымъ сердцемъ слушала такія рѣчи и говорила себѣ:—Онъ добръ съ смиренными, самоотверженъ; у него культъ семьи, серьезные возвышенные вкусы—чего же мнѣ еще желать?

При мысли о его пустомъ, унылом домѣ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, нехватало улыбки женщины, мнѣ становилось такъ жаль его,

что я только и мечтала—стать этой женщиной, улыбкой и радостью его жизни. Я льстила себя надеждой, что современемъ онъ сумѣетъ заставить моихъ родныхъ полюбить себя и будетъ для нихъ добрымъ сыномъ. О мечты, мечты!

Бѣдный Ческо! Если правда, что въ будущей жизни людямъ станетъ вѣдомо до мельчайшихъ подробностей все пережитое въ этой, навѣрное, онъ проститъ мнѣ горе, которое я ему причиняла въ послѣдніе годы, ради пламеннаго желанія ему добра и счастья, наполнявшаго *въ то время* мою душу!...

Когда Вальвасори просилъ моей руки для Ческо, рѣшено было, что свадьба состоится не раньше сентября 1893 года, чтобы женихъ съ невѣстой имѣли время хорошенько узнать другъ друга. Но мелочь, пустякъ, сердитая вспышка мамы разрушили благоразумный планъ отца и толкнули меня въ бездну, откуда нѣтъ возврата.

Съ того дня, какъ Ческо въ первый разъ поцѣловалъ меня, въ щеку, онъ цѣловалъ мнѣ только руки. Но однажды, въ первыхъ числахъ августа, когда мы подымались по лѣстницѣ на нашу дачу—впереди мама, потомъ я, потомъ Ческо, на разстояніи двухъ ступенекъ другъ отъ друга,—Ческо нагнулся ко мнѣ, чтобъ сказать мнѣ нѣсколько словъ—не поцѣловалъ меня, нѣтъ; теперь я бы не стала скрывать. Но какъ разъ въ эту минуту мама обернулась, замѣтила, подъ какимъ-то предлогомъ услала Ческо и позвала меня въ свою комнату, гдѣ крикнула сердито:

— Ческо поцѣловалъ тебя на лѣстницѣ!

— Нѣтъ,—возразила я. Но не успѣла я выговорить этого слова, какъ она изо всей силы ударила меня по лицу; а вслѣдъ за пощечиной посыпался градъ упрековъ и брани, такъ что у меня не хватило ни времени, ни мужества оправдываться...

Я съ плачемъ убѣжала въ свою комнату и тамъ рыдала, какъ безумная, возмущенная и обиженная... Будь я немножко больше влюблена, а Ческо немножко предпріимчивѣе, я въ тотъ же вечеръ убѣжала бы съ нимъ изъ родительскаго дома, такой усталой и униженной я себя чувствовала. Въ двадцать лѣтъ меня третировали, какъ скверную дѣвчонку!

Успокоившись немного и ослабивъ холодными компрессами красноту лица, я пошла, наконецъ, къ бѣдному Ческо, котораго застала блѣднымъ и взволнованнымъ: оказывается, онъ съ террасы слышалъ все.

Эта незаслуженная обида, эти мои слезы сблизили насъ гораздо больше, чѣмъ тысячи поцѣлуевъ. Ческо былъ въ этотъ день со мной нѣжнѣе, чѣмъ когда-либо, утѣшалъ меня, какъ могъ, называя меня

своей бѣдной дѣткой и говоря, что онъ хотѣлъ бы унести меня на рукахъ далеко отъ этого дома, гдѣ меня заставили столько страдать.

И у меня самой не было иного желанія, какъ только поскорѣй выйти замужъ. Ческо въ тотъ же вечеръ все устроилъ; свадьба была назначена на октябрь. А пока—мы, изъ духа противорѣчія, цѣловались, когда только могли. И я все больше привязывалась къ своему жениху, возлѣ котораго я успокоивалась и отдыхала душой, тогда какъ возлѣ матери я всегда казалась самой себѣ какимъ-то жалкимъ существомъ, подобраннымъ и терпимымъ изъ милости...

(Быть можетъ, я слишкомъ строго сужу мою мать? Но вѣдь все это правда, и если не разсказать всей этой правды, вы не поймете, почему я полюбила этого человѣка, такъ мало подходившаго ко мнѣ, почему вышла за него замужъ.)

Что касается отца, онъ былъ угрюмъ и не слишкомъ любезенъ съ Ческо, и я рѣшила въ концѣ-концовъ, что или женихъ мой ему не по душѣ, или же онъ, самъ того не сознавая, ревнуетъ меня къ нему и огорчается тѣмъ, что Ческо увезетъ меня изъ дому. Но, наряду съ этимъ, мнѣ онъ выказывалъ трогательную нѣжность и любовь. Такъ, напримѣръ, однажды онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ были разложены на столѣ футляры съ дорогими кольцами, украшенными сапфирами и бриліантами.

— Что, хороши?—улыбаясь, спросилъ отецъ.—Ну, выбери себѣ, которое тебѣ больше нравится. Я хочу сдѣлать тебѣ подарокъ.

Я выбрала колечко подешевле, но отецъ настоялъ на томъ, чтобъ я взяла самое дорогое и красивое.

— Но вѣдь это очень дорого, папа,—сказала я.

— Такъ что же? На кого же мнѣ и тратить, если не на тебя? Я не вижу другого способа порадовать себя своими сбереженіями.

И столько нѣжности звучало въ его голосѣ, что эти слова запали мнѣ въ сердце и были мнѣ дороже подарка. А колечко это навсегда осталось самымъ любимымъ изъ всѣхъ моихъ украшеній.

Конечно, и у матери моей было не менѣе доброе и любящее сердце, чѣмъ у отца; навѣрное, и она огорчалась предстоящей разлукой со мной; но она не умѣла или не хотѣла показать этого мнѣ. Трудно повѣрить, но даже въ самый день свадьбы, когда я была уже одѣта, чтобы ѣхать въ церковь, она ухитрилась довести меня до слезъ. И опять-таки изъ-за пустяка, изъ-за того, что Ческо пригласилъ на свадьбу кого-то, кто ей не нравился. И въ этотъ день мамины упреки показались мнѣ особенно горькими: я не выдержала и разрыдалась.

Бѣдная мама! Я не въ укоръ ей говорю; если она теперь вспо-

минаетъ объ этомъ, ей навѣрно больнѣе, чѣмъ мнѣ было тогда. Я пишу объ этомъ только для того, чтобъ показать, какъ безотрадно грустно сложилась моя жизнь. Я знаю: безъ горя не проживешь, но вѣдь бываютъ же у другихъ и радость, и мирные, счастливые дни. А у меня всегда *все* было отравлено. И теперь, когда я, съ высоты пройденнаго мною скорбнаго пути, оглядываюсь назадъ, на свою печальную жизнь, чтобы найти въ ней хоть одну улыбку, я могу остановиться только на первыхъ мѣсяцахъ моего брака, когда, освободившись изъ-подъ желѣзнаго гнета, давившаго меня физически и нравственно, я чувствовала себя, какъ въ раю, уже потому, что мнѣ некого было бояться, что на меня смотрѣли не гнѣвные, а добрые глаза, что со мной говорили не сердито, а ласково. О, бѣдный Ческо!

Еслибъ онъ могъ теперь сказать, какъ часто я, бросая начатое дѣло, бѣжала къ нему поцѣловать эти глаза—единственно изъ благодарности за добрый, ласковый взглядъ!

Если бы психологи, безжалостно анализировавшіе мою душу и мою жизнь, дивясь несовмѣстимости моей первоначальной «рабской преданности» мужу и рѣшительнаго разрыва съ нимъ впослѣдствіи,—еслибъ они испытали на себѣ, что значитъ перейти отъ постоянныхъ волненій и тревогъ къ тихой и мирной жизни, они поняли бы, каковы были *тогда* мои чувства къ Ческо...

Богатая дѣвушка, любимая дочка, избалованная отцомъ и матерью, попавши въ домъ моего мужа, быть можетъ, убѣжала бы оттуда черезъ мѣсяцъ и вернулась бы къ родителямъ. Я была счастлива въ немъ потому, что насталъ конецъ моимъ мученіямъ. Ласковая улыбка въ награду за оказанную мной услугу, снисходительное замѣчаніе, приказаніе, сопровождавшееся поцѣлуемъ,—все это было для меня такъ непривычно, что казалось мнѣ райскимъ блаженствомъ.

Но понемногу душа растетъ, горизонтъ ея ширится, и то, что казалось ей вначалѣ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ, становится лишь блѣднымъ лучомъ солнца, проникшимъ сквозь желѣзную рѣшетку въ келью заключеннаго... Лучъ этотъ говоритъ о залитыхъ свѣтомъ поляхъ, о цвѣтущихъ лугахъ и раскинувшемся надъ ними необъятномъ сводѣ небесномъ. Все это есть, но все это далеко, и утрата свободы кажется еще болѣе тяжкой.

Въ тотъ день, когда мнѣ въ послѣдній разъ досталось отъ мамы, и я заплакала, въ комнату вошелъ братъ мой Нино и страшно вспылилъ, заставъ меня въ слезахъ. Онъ схватилъ стулъ, швырнулъ его объ полъ съ такою силой, что онъ сломался, и крикнулъ изумленной мамѣ:

— Да перестань же ты мучить бѣдную Линду! Вѣдь завтра она уѣзжаетъ отъ насъ.

Мама ни слова не сказала въ отвѣтъ и на весь этотъ день оставила меня въ покоѣ. Но я была ужъ слишкомъ измучена и безъ особеннаго огорченія покинула родной домъ и тѣхъ, кого любила. Какъ часто я потомъ съ болью въ сердцѣ, съ мучительной нѣжностью вспоминала о нихъ. Какъ я теперь была бы счастлива, еслибъ я могла пройтись по этимъ комнатамъ, услышать, хотя бы и строгій, голосъ матери, увидѣть серьезное задумчивое лицо отца и веселую улыбку моего брата Нино.

Но прошлое остается прошлымъ. Близится неумолимое будущее.

VII.

Замужество.

Итакъ, я стала женой. Единственнымъ моимъ прибѣжищемъ, единственной надеждой былъ отнынѣ мой мужъ. Я пошла за нимъ невинная, не знающая жизни. Въ то время, какъ я одѣвалась въ дорогу, мать моя сказала мнѣ только:

— Повинуйся твоему мужу *во всемъ!*

Она сказала мнѣ это при немъ, ничего не прибавивъ, и въ нашей семейной жизни эти слова получили самое широкое примѣненіе.

Мы совершили маленькое свадебное путешествіе. Поѣхали сначала въ Миланъ, потомъ въ Туринъ,—единственный итальянскій городъ, котораго я не знала раньше,—городъ, которому суждено было стать однимъ изъ самыхъ тягостныхъ этаповъ моего крестнаго пути.

Теперь, когда я пишу эти строки въ тюремной камерѣ, откуда изъ окна виденъ только кусочекъ далекаго неба и уголокъ тюремнаго двора, мнѣ не вѣрится, что когда-то я веселой и свободной бродила по этимъ самымъ улицамъ и площадямъ, по которымъ меня потомъ везли изъ тюрьмы на судъ... Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ я покоилась въ объятіяхъ любви и мнила себя счастливой, меня ждали оковы, страшный позоръ, безконечная мука.

Путешествовали мы всего три недѣли, потомъ на время вернулись въ Болонью. Но мама была попрежнему раздражительна и нервна, мое присутствіе, повидимому, раздражало ее, и я обрадовалась, когда Ческо рѣшилъ, что пора ѣхать въ Падую, *къ намъ, домой*—въ нашъ собственный домъ, который я уже заранѣе любила и гдѣ думала прожить до самой смерти.

Мой мужъ такъ много разсказывалъ мнѣ о своемъ *палаццо,* о своихъ лошадяхъ, о своихъ слугахъ, что я, хоть и не дорожа богат-

ствомъ, все же представляла себѣ мысленно старинный домъ, суровый, но величественный, гдѣ я буду одновременно госпожей и рабой, наединѣ съ человѣкомъ, котораго я въ то время искренно любила. Теперь я только горько усмѣхаюсь, вспоминая свой первый пріѣздъ въ домъ своего мужа.

Баттиста Вальвасори предлагалъ заранѣе пріѣхать туда со своей женой, чтобы встрѣтить насъ, чтобъ домъ не показался мнѣ унылымъ и пустымъ. Но Ческо откровенно попросилъ его не пріѣзжать. Впослѣдствіи я поняла почему: онъ заранѣе ревновалъ и боялся, какъ бы я не подпала подъ вліяніе Баттиста, а я столько слышала отъ него дурного о его кузенѣ и другѣ, что тоже предпочитала не видѣть его.

Мы пріѣхали въ Падую въ холодный ноябрьскій вечеръ. На станціи насъ ждалъ довольно скромный экипажъ, совсѣмъ не отвѣчавшій тому представленію, которое у меня создалось по разсказамъ мужа. Ѣхали мы довольно долго; наконецъ, Ческо сказалъ:

— Ну, вотъ мы и дома!

И экипажъ остановился у грязнаго крыльца. На лѣстницѣ насъ ждалъ донъ-Тулліо (добрый священникъ, воспитанникъ матери Ческо, другъ и до нѣкоторой степени учитель моего мужа) съ лампочкой въ рукѣ. Я, какъ теперь, вижу ея колеблющійся огонекъ и слышу запахъ прогорклаго масла. Все это, конечно, было очень далеко отъ того великолѣпія, которое рисовалъ мнѣ мужъ. Нѣсколько смущенная и окоченѣвшая отъ холода, я вошла въ небольшую комнатку, довольно скудно меблированную. Мебель была старая, но въ каминѣ былъ разведенъ огонь, а на столѣ, накрытомъ для ужина, горѣла керосиновая лампа.

Я сняла шляпку и сѣла поближе къ огню. Сѣлъ и Ческо и началъ болтать съ дономъ-Тулліо, не обращая вниманія на меня. Я молча разглядывала окружающую обстановку, которую представляла себѣ совсѣмъ иной. Но, несмотря на мое естественное недоумѣніе, клянусь, эта разница между мечтами и дѣйствительностью не оставила никакой горечи въ моей душѣ. Я уже замѣтила, что Ческо склоненъ преувеличивать и прихвастнуть, и хотя иллюзія княжескаго великолѣпія, созданная имъ, сразу разсѣялась, это нисколько не омрачило моей любви.

Черезъ полчаса донъ-Тулліо отправился въ кухню посмотрѣть, готовъ ли ужинъ. Я, улыбаясь, посмотрѣла на Ческо и пожала ему руку, какъ бы говоря:

— Наконецъ-то мы у себя дома!

Донъ-Тулліо вернулся въ сопровожденіи того самаго слуги, который ѣхалъ съ нами за кучера, а теперь подавалъ ужинъ. Отъ бѣд-

нюги порядкомъ несло конюшней, и какъ ни мѣщански простъ былъ родной мой домъ, къ такому запаху я не привыкла. Но часъ былъ поздній, мнѣ было 20 лѣтъ, я проголодалась и ѣла всетаки съ аппетитомъ. Ужинъ былъ очень простой, пожалуй, даже слишкомъ простой для перваго ужина новобрачной въ ея собственномъ домѣ: на закуску ветчина, потомъ рисовый супъ, крылышко цыпленка и, кажется, немного фруктовъ. Когда настало время ложиться спать, никакой горничной не оказалось, и вообще я не видѣла другихъ слугъ, кромѣ этого универсальнаго кучера и камердинера. На этотъ разъ лампочку взялъ мой мужъ и повелъ меня вверхъ по лѣстницѣ въ комнату, которая должна была служить намъ спальней. Здѣсь мебель была новая, но не было ни занавѣсокъ на окнахъ, ни ковровъ, ни малѣйшаго слѣда тѣхъ удобствъ, какія обыкновенно находишь даже у небогатыхъ людей. Я невольно поблѣднѣла, мнѣ стало какъ-то жутко. Въ комнатѣ было страшно холодно, никому не пришло въ голову развести огонь въ каминѣ, но я рѣшила не поддаваться грусти и отнеслась къ этому весело. У камина лежали раздувальные мѣхи и немножко дровъ. Съ помощью Ческо я развела огонь, взяла подушку съ дивана, положила я на полъ передъ огнемъ и усѣлась на ней, все время, какъ дѣвочка, смѣясь и шутя съ своимъ мужемъ.

Еслибъ я вышла замужъ не за большого барина, да еще вдобавокъ графа, который столько хвасталъ мнѣ своимъ богатствомъ, своимъ палаццо и кучей слугъ, а за бѣдняка-врача,—этотъ разсказъ могъ бы показаться неумѣстнымъ, или недобросовѣстнымъ. Будь Ческо бѣденъ, въ этой строгой экономіи, царившей во всемъ его домѣ, не было бы ничего дурного, но вѣдь онъ былъ очень богатъ! И ему не пришло даже въ голову принять немного приличнѣе свою молодую жену. Но все же, повторяю, *тогда* я не обидѣлась и не огорчилась этимъ. Изжарившись хорошенько передъ огнемъ, я улеглась въ постель и съ удивленіемъ увидѣла, что Ческо запираетъ тяжелыми засовами дверь нашей спальни, хотя она и безъ того была заложена цѣпью. Онъ трусилъ, бѣдный Ческо!

Тѣмъ не менѣе, помню, въ этотъ первый вечеръ я старалась быть ласковѣе и послушнѣе, чѣмъ когда-либо, чтобъ показать моему мужу, что я—его собственность, его *жена*, у него въ домѣ и что онъ мой избранный и любимый владыка. Но—такова ужъ моя натура—*я не любила его, какъ и никогда не умѣла любить, чувственной любовью*. Я повиновалась ему, какъ мужу, старалась доставить ему удовольствіе, даже когда мнѣ это было—какъ оно всегда было—въ тягость, даже когда онъ оскорблялъ мое наивное невѣдѣніе словами и поступками, мало умѣстными съ такой молоденькой женой. Но я

жаждала прежде всего покоя и не слышать больше брани, не бояться подойти съ открытымъ сердцемъ къ человѣку, съ которымъ живешь, зная, что онъ любитъ тебя,—все это было такъ отрадно, что я жила, какъ въ сладкомъ снѣ. Наслаждалась я и нѣкоторыми матеріальными удобствами, къ которымъ меня не пріучили дома. Такъ, напримѣръ, кофе по утрамъ, вечеромъ нагрѣтая постель, возможность вставать не раньше восьми—все это запретное дома баловство для меня было блаженствомъ.

На другой день утромъ я вступила во владѣніе моимъ новымъ жилищемъ, по крайней мѣрѣ, обошла и осмотрѣла все сверху до низу. Это былъ старый домъ, немного напоминавшій монастырь; весь онъ былъ пропитанъ какимъ-то уныніемъ и затхлостью и смотрѣлъ заброшеннымъ, въ особенности комнаты въ верхнемъ этажѣ, куда, должно быть, уже лѣтъ 20 лѣтъ никто не входилъ, чтобы хоть немного прибрать ихъ и вытереть пыль. Тутъ-то я и нашла на чердакѣ портреты бабки моего мужа, которые онъ снесъ туда, словно въ наказаніе за ея суровость къ нему. Но лицо ея на портретѣ поразило меня своимъ благородствомъ и красотой; еще больше поразилась я, когда прочла ея письма и дневники, брошенные на чердакѣ въ добычу мышамъ, и нашла въ нихъ чистую, сильную душу, возвышенный умъ, великое сердце. Когда, впослѣдствіи, уже другіе разсказали мнѣ грустную исторію ея страдальческой жизни, я плакала отъ жалости къ ней, бѣднягкѣ, и отъ боли за неблагодарность ея племянника. Я взяла эти портреты и снесла ихъ въ мою комнату, а одинъ большой, въ натуральную величину, до послѣдняго дня стоялъ въ моемъ рабочемъ кабинетѣ въ Болоньѣ. Мнѣ хотѣлось хоть немножко загладить несправедливость судьбы и людей, преслѣдовавшихъ эту бѣдную женщину и послѣ ея смерти.

Мнѣ вдругъ страшно захотѣлось привести все въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что Ческо хотѣлъ заказать въ Падуѣ новую мебель. Но въ домѣ только и было прислуги, что дѣвочка-подростокъ, бывшая гусятница, взятая для черной работы, да древняя старуха, родственница дона-Тулліо—полукухарка, полукамеристка, вѣчно больная, и тотъ кучеръ-лакей, съ которымъ я познакомилась въ первый вечеръ. Я не знала, кого взять себѣ въ помощники, такъ какъ старуху неловко и жаль было тревожить. Но у нея была дочка Марія, славная, добрая дѣвушка, потомъ поступившая въ монастырь. Я выпросила у Ческо позволеніе взять ее себѣ въ горничныя, и съ нею провела два лучшихъ года своей жизни. Она была почти однихъ лѣтъ со мной, воспитанная, милая; для меня она была скорѣе подругой, чѣмъ служанкой. Гостей у насъ не бывало, но въ этомъ за-

брошенномъ домѣ мы работали вмѣстѣ, болтая, смѣясь... Марія помогла мнѣ привести въ порядокъ весь домъ и убрать его по моему вкусу, такъ что онъ принялъ болѣе приличный и привѣтливый видъ. Однако, новую мебель я получила только черезъ два года.

Такъ и въ новомъ моемъ домѣ пошла все та же трудовая рабочая жизнь. Но здѣсь мнѣ было легче дышать. Я занималась кухней, бѣльемъ, домашнимъ хозяйствомъ, соблюдая во всемъ самую строгую экономію. Выходила изъ дому только къ обѣднѣ, да изрѣдка въ гости къ Вальвасори. По вечерамъ бывала иногда у синьоры Кровато. Съ нею у насъ кое-какъ наладились отношенія, хотя въ нихъ уже не было прежней интимности. Она все еще какъ будто немного сердилась на насъ. Я—ужъ не знаю теперь хорошенько, что я тогда думала—я уже не была прежней невинной дѣвочкой, и многое казалось мнѣ страннымъ, необъяснимымъ. Мнѣ вспоминались нѣкоторыя фразы изъ писемъ Ческо въ то время, когда онъ былъ еще женихомъ:—«Тереза задержала меня у себя почти на цѣлый часъ для того, чтобъ... поправить ей волосы (надѣливъ меня обычной дозой поцѣлуевъ).—«Тереза сегодня такъ меня цѣловала, что у меня и сейчасъ болитъ лицо... У меня прямо дрожь бѣгала по спинѣ...» Но мимо, мимо!...

Въ Болоньѣ обычай велитъ мѣстнымъ жителямъ дѣлать первымъ визиты новой пріѣзжей дамѣ, съ которой хотятъ завести знакомство. Въ Падуѣ, наоборотъ, мужъ везетъ жену знакомиться съ сосѣдями. Но Ческо никуда меня не повезъ, и потому ни у меня никто не бывалъ, ни мнѣ не приходилось отдавать визиты. Единственными моими развлеченіями были вышиванье и музыка Ческо. Но иллюзія насчетъ его необычайныхъ музыкальныхъ способностей очень скоро разсѣялась, такъ какъ уши мои оказалось труднѣе убѣдить, чѣмъ меня самое; при томъ же мѣсяца черезъ два послѣ выхода замужъ я узнала, что пресловутая премія за Палермскій конкурсъ состояла всего-навсего изъ медали, которую можно было купить за десять лиръ.

Я уже начинала понимать, что сліяніе душъ, казавшееся мнѣ такимъ легкимъ въ теоріи, на практикѣ довольно затруднительно. Ческо оказывался совсѣмъ инымъ, чѣмъ я его себѣ представляла съ его же словъ. Но я любила его и была такъ пріучена матерью быть *ничѣмъ*, что какъ только какое-нибудь мое желаніе встрѣчало съ его стороны отпоръ, я подчинялась, не настаивая, почти убѣжденная, что я была неправа, и старалась больше не думать объ этомъ.

Такъ, напримѣръ, я любила читать, всегда находя утѣшеніе въ книгахъ, и охотно перечитывала книги, привезенныя съ собою изъ

дома—Данте, Шиллера, Мольера. Но бѣдный Ческо не имѣлъ никакого понятія объ этихъ геніальныхъ писателяхъ,—онъ ничего не читалъ! Мнѣ хотѣлось подписаться на *Resto del Karlino,* чтобы знать всѣ новости Болоньи, понятно, интересовавшія меня. Но Ческо, когда видѣлъ меня за книгой, всегда говорилъ:—«Да будетъ тебѣ! ты и такъ ужъ слишкомъ ученая. Образованныя женщины не годятся для семьи, ихъ всегда будутъ обкрадывать слуги. Знаешь что, по-моему, должна умѣть дѣлать женщина: вязать чулки и штопать бѣлье своего мужа».—Что же касается газеты,—Боже мой, что тутъ только было!—«Это—революціонная газета, которой и духу не должно быть въ домѣ Бонмартини».

Я смѣялась. Меня забавляло пугать его латинскими и греческими фразами, отъ которыхъ онъ чуть не открещивался. Но мнѣ хотѣлось, чтобы онъ былъ вполнѣ мной доволенъ, и я оставляла книги и шла въ кухню, чтобы самой приготовить ему какое-нибудь любимое блюдо, или садилась за работу и сама шила себѣ бѣлье и платье. Только по воскресеньямъ я снова бралась за свои милыя книги, но читала ихъ не одна, а вслухъ, стараясь заинтересовать и мужа, познакомить его съ великими произведеніями, ему неизвѣстными. Благодаря этимъ чтеніямъ, въ которыя я вкладывала столько любви, пытаясь создать тѣсную связь между нашими душами, Ческо сталъ грамотнѣе писать по-итальянски и началъ понимать по-французски.

Бѣдный Ческо! Его такъ мало учили. Его фанатичка мать сумѣла привить ему только пристрастіе къ внѣшней религіозности, не проникнутой истиннымъ духомъ религіи; онъ выросъ одинокимъ, запуганнымъ, словно дикая травка на камнѣ. Онъ не былъ виноватъ, бѣдный Ческо! Но все же мнѣ приходилось порою тяжело отъ его грубыхъ выходокъ, такихъ неожиданныхъ для меня, что я чувствовала себя, какъ слѣпой, который вдругъ ударился головой тамъ, гдѣ онъ не ждалъ никакой опасности. Порой я плакала, но, когда онъ замѣчалъ это и спрашивалъ: о чемъ,—я не смѣла сказать ему, боясь его огорчить. Я объясняла это грустнымъ настроеніемъ, свойственнымъ моему характеру, и, когда потомъ, ужъ много времени спустя, сказала ему настоящую причину, онъ, бѣдный, точно съ неба свалился.

— Я обидѣлъ тебя? Но я не хотѣлъ... не зналъ...

— Ты любишь меня?—спрашивала я.

— Да. Ужасно.

— Ну такъ вотъ: скажи мнѣ это десять разъ, и у меня все пройдетъ.

Онъ обѣщалъ всякій разъ не говорить и не дѣлать этого, что

было мнѣ непріятно, но потомъ повторялось то же, и это была капля, долбившая камень.—«Но если ты любишь меня, зачѣмъ ты меня огорчаешь?» спрашивала я.—«Я нечаянно, я забылъ».—«Постарайся, прошу тебя, постарайся помнить»—молила я.—«Да, да,—говорилъ онъ».—И потомъ начиналъ сызнова.

Но это были лишь небольшія огорченія, затемнявшія по временамъ свѣтъ нашей любви и моей вѣры въ Ческо. Сердце мое попрежнему принадлежало ему, и я утѣшала себя мыслью, что я его исправлю и перевоспитаю. Въ моей привязанности къ нему было что-то материнское. Чѣмъ больше я узнавала среду, въ которой онъ выросъ, тѣмъ больше росла моя жалость. Я говорила себѣ: «Если бы я росла такой заброшенной, кто знаетъ, какая бы я вышла злая и гадкая. А онъ добрый».—И я старалась быть веселой, чтобы не огорчать его. Помню, онъ подобралъ на фортепіано три ноты, соотвѣтствовавшія звукамъ его голоса, когда онъ называлъ меня: *puttina* *). Стоило сыграть ему этотъ призывъ, и я уже летѣла къ нему, чтобы поцѣловать его. Да и много ли нужно въ эти годы, чтобы почувствовать себя счастливой? Каждая мелочь могла доставить мнѣ удовольствіе. На дворѣ у меня было около 60 куръ и цыплятъ, и какъ же мы съ моей горничной ухаживали за ними, оберегая ихъ отъ ненастья, отъ кошекъ и лисицъ.

Таковы были развлеченія графини Бонмартини! Но съ меня было довольно и этого. Мнѣ не тяжело было вести эту болѣе чѣмъ скромную жизнь; она нравилась Ческо, значитъ, нравилась и мнѣ. Если у меня и являлись порою желанія, то лишь такія: сходить въ театръ или концертъ, почитать вмѣстѣ съ мужемъ хорошую книгу, посидѣть вечерокъ съ хорошимъ умнымъ человѣкомъ. Но такихъ знакомыхъ у меня не было, а пустой болтовни и сплетенъ я не любила и потому, хоть была молода, предпочитала сидѣть одна. Мнѣ было бы очень пріятно поѣхать путешествовать вмѣстѣ съ мужемъ, но Ческо тогда это не нравилось.

VIII.

Души расходятся.

Всѣ эти и подобные имъ недочеты въ матеріальномъ благосостояніи не могли сдѣлать меня несчастной, ибо въ домѣ отца я привыкла къ скромной и простой, почти монашески-строгой жизни. Иное дѣло—недочеты моральные.

---

*) Малютка.

Съ самаго ранняго дѣтства отецъ внушалъ намъ съ братомъ извѣстныя нравственныя правила и понятія, которыя мы впитывали въ себя такъ же легко и просто, какъ морской и горный воздухъ, которымъ насъ заставляли дышать, для того, чтобы мы росли здоровыми и сильными. Мы даже не задавались вопросомъ: добродѣтель это или нѣтъ; мы просто не могли иначе. Въ нашемъ буржуазномъ домѣ съ слугами обращались, какъ съ равными, хотя и пользовались ихъ трудомъ. Если намъ, дѣтямъ, случалось грубо обойтись съ кѣмъ-либо изъ слугъ, отецъ строго намъ выговаривалъ и сейчасъ же заставлялъ просить извиненія у обиженнаго, говоря:—«За какія это заслуги вы считаете себя въ правѣ командовать другими людьми? И почему такъ грубо? Они такіе же люди, какъ вы, и чувствуютъ такъ же. Если они въ насъ нуждаются, то вѣдь и мы нуждаемся въ нихъ. Если мы занимаемъ болѣе высокое общественное положеніе, то тѣмъ болѣе мы должны быть снисходительны къ нашимъ обездоленнымъ братьямъ. Уважайте ихъ, если вы хотите, чтобъ они васъ уважали».

Бѣдный, милый отецъ! Я ни разу не слышала отъ него грубаго слова по адресу слугъ, не видѣла, чтобъ онъ разсердился на подчиненнаго. Если ему и случалось быть рѣзкимъ, то лишь съ равными, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, кто могъ возражать ему, не рискуя потерять мѣсто и заработокъ. Я знала, что принципы, проповѣдуемые моимъ отцомъ—принципы евангельской, христіанской морали. Но у отца не было никакой религіи, а мужъ мой былъ католикъ, именовавшій себя христіаниномъ. Какъ же горько я была поражена и разочарована, столкнувшись въ своемъ мужѣ съ совершенно иными взглядами и поступками! Бѣдный, милый отецъ! Лучше бы вмѣсто абсолютныхъ теорій относительно долга и добродѣтели, которыя, должно быть, ни къ чему не пригодны въ практикѣ жизни, онъ научилъ меня считаться съ человѣческой лживостью и не ждать отъ людей лучшаго, чѣмъ они могутъ дать. Тогда я не была бы такъ слѣпа, не мучилась бы, видя, что слово расходится съ дѣломъ и считала бы бѣднаго Ческо не лучше и не хуже другихъ. Но мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы человѣкъ не преклонился передъ правдой и красотой этихъ нравственныхъ принциповъ, если только онъ ознакомится съ ними, и я принялась поучать моего мужа, съ самымъ искреннимъ усердіемъ повторяя ему все то, чему училъ меня словомъ и примѣромъ отецъ. Смѣйтесь, если хотите, но это было такъ.

Ческо цѣлые дни проводилъ въ креслѣ или на диванѣ съ сигарой въ зубахъ, не беря въ руки даже газеты. Я присаживалась на ручк

его кресла и говорила, говорила, вкладывая въ слова всю свою душу. И когда мнѣ казалось, что я сумѣла убѣдить его, я нѣжно цѣловала его и благодарила Бога, что Онъ помогъ мнѣ найти самыя умныя, самыя нужныя слова. Въ первый годъ Ческо слушалъ меня довольно внимательно, хотя и не безъ недовѣрія къ моимъ проповѣдямъ. Потомъ онъ говорилъ:—«Ты права. Какая ты добрая! Помню, моя бѣдная мама говорила со мной въ этомъ же родѣ».—«Ну, вотъ видишь!—восклицала я съ торжествомъ.—Но вѣдь это не я добрая. Это—мой папа все научилъ меня. Вотъ онъ такъ дѣйствительно хорошій и добрый. И твоя мама была такая же хорошая... Слушай, Ческо, только ты не смѣйся: давай сдѣлаемъ такъ, какъ будто бы я была твоя мама, а я тебѣ буду говорить все, чему я научилась,—вѣдь ты знаешь, это самое написано въ Евангеліи. Ты только постарайся проникнуться этими мыслями, и ты увидишь, какъ мы хорошо заживемъ. Вѣдь мы оба не дорожимъ внѣшней роскошью, а денегъ у насъ достаточно. Подумай, сколько мы можемъ сдѣлать добра тѣмъ, кто зависитъ отъ насъ».

И мнѣ казалось, что слова мои дѣйствительно помогали ему возвыситься душой, и я еще больше любила его за это, надѣясь, что мнѣ удастся пересоздать его по своему образу и подобію. И, чтобы еще больше привязать его къ себѣ, чтобы имѣть на него больше вліянія, я стала съ нимъ еще нѣжнѣе и ласковѣе, забросила свою латынь и греческій, хозяйничала, старалась во всемъ угождать ему, чтобъ устранить всѣ поводы къ разладу, служила ему, какъ рабыня... Сколько разъ я сама мыла ему ноги, не видя въ этомъ ничего для себя унизительнаго. Все, что было добраго въ моей душѣ, я старалась привить ему съ энтузіазмомъ, въ которомъ не было даже никакой заслуги, настолько онъ былъ искреннимъ и непритворнымъ. Но когда принципы, какъ будто уже усвоенные въ теоріи, приходилось примѣнять на практикѣ, получалось совершенно иное. Ческо чувствовалъ себя «хозяиномъ дома» и поступалъ, какъ, по его мнѣнію, надо было поступать хозяину. А когда я огорчалась, еще не сердясь, и начинала кротко выговаривать ему, онъ возражалъ мнѣ:

— Душа моя, все это прекрасно въ теоріи, но если ты на практикѣ попробуешь дать волю этимъ мерзавцамъ, такъ они тебѣ сядутъ съ ногами на шею!

— Но какой же ты тогда католикъ, какой христіанинъ? Зачѣмъ ты ходишь въ церковь, если поступаешь наперекоръ слову Божію? Вѣдь ты теперь знаешь, *какъ* надо жить, зачѣмъ же ты живешь иначе?

Въ первый годъ моего замужества такіе разговоры обыкновенно

заканчивались тѣмъ, что онъ приласкаетъ меня или съ сострадательной улыбкой скажетъ:—«Ты такая большая глупышка»—и отойдетъ. А у меня понемногу копилось разочарованіе въ душѣ. Я чувствовала, что тотъ, въ комъ я думала найти спутника жизни, морально ускользаетъ отъ меня. Я огорчалась, плакала, но потомъ съ новой энергіей кидалась въ бой. Но это была только борьба идей. Мы никогда не ссорились, никогда рѣзкое слово не срывалось съ моихъ устъ, не западало мнѣ въ сердце. Я любила Ческо, считала себя на всю жизнь связанной съ нимъ, его недостатки объясняла плохимъ воспитаніемъ и оттого еще больше жалѣла его.

Черезъ девять мѣсяцевъ я забеременѣла. Оба мы были очень довольны. Я радовалась осуществленію своей мечты о *моемъ собственномъ* ребенкѣ, Ческо надѣялся, что у него родится сынъ, наслѣдникъ имени и титула. Съ этихъ поръ я всецѣло была поглощена заготовленіемъ приданаго для малютки. Мама прислала мнѣ денегъ, и я кроила, шила, собственноручно набивала подушечки и тюфячки, изобрѣтая самые хорошенькіе чепчики и самые красивые банты для «своего будущаго», который уже такъ сильно бился у меня подъ сердцемъ, что не давалъ мнѣ спать по цѣлымъ ночамъ. А я, когда чувствовала толчокъ изнутри, ласкала себя, чтобъ передать ласку *ему*. Долгіе часы просиживала я за работой, фантазируя на всякіе лады о томъ, какъ я буду воспитывать своего ребенка, какъ я буду любить его и какимъ счастливымъ сдѣлаю его дѣтство, чтобы потомъ, если жизнь его сложится неудачно, онъ могъ отдохнуть душой, вспоминая годы, проведенные съ своей матерью. Желанія Ческо имѣть наслѣдника передались и мнѣ, и я даже вовсе не ждала дѣвочки. И между собой мы уже называли нашего будущаго Джіованнино.

Но 9 апрѣля 1894 года родился мой цвѣточекъ, моя Марія. Какая она была прелестная! Пухленькая, вся въ ямочкахъ, съ черными, какъ смоль, глазами и волосами, а губки розовыя, розовыя. Для меня это было несказанное счастье. Но Ческо, когда ему сказали, что родилась дѣвочка, такъ огорчился и обидѣлся, что цѣлыхъ три дня не хотѣлъ взглянуть на нее, и родственники, собравшіеся въ гостиной, сразу поняли по его лицу, что его надежда имѣть наслѣдника не сбылась.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ онъ смягчился по отношенію къ своей дочкѣ; мнѣ едва удавалось заставить его поцѣловать малютку; я подносила ее къ нему, а онъ отворачивался, кривилъ лицо, говоря: «отъ нея пахнетъ молокомъ», или «пеленками». А между тѣмъ я сама купала ее каждый день и мыла ее душистымъ

мыломъ, но не смогла же я смыть съ нея дѣтскій запахъ. И меня такъ обижали холодность и равнодушіе мужа, тѣмъ болѣе, что дѣвочка была такая веселенькая, ласковая. Я хотѣла было кормить ее сама, но отецъ мнѣ не позволилъ, такъ какъ за два мѣсяца до родовъ у меня былъ сильный бронхитъ, послѣ котораго я плохо оправилась; когда я встала съ постели, дѣвочку окрестили въ нашей домашней часовнѣ и назвали Маріей-Августой, въ честь бабки съ отцовской стороны и дѣда по матери. Крестными были моя мать и Баттиста Вальвасори. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я любила своего ангелочка! Я только и жила для нея и для Ческо. Помню, въ одномъ моемъ письмѣ къ мужу въ то время, какъ онъ уѣзжалъ въ свое помѣстье въ Каварцере, была такая фраза: «Одна моя половина принадлежитъ тебѣ, другая—нашей дѣвчуркѣ». Одинъ адвокатъ (уже потомъ, въ печальныя времена), прочитавши ее, засмѣялся и спросилъ меня: «Какъ же вы тогда считали: одна половина Ческо, другая—Маріи, а вамъ—что»? И вправду это кажется глупо, но въ самомъ дѣлѣ душа моя тогда раздѣлена была между двумя, моимъ мужемъ и моей дѣвочкой. Я сама ее купала, сама одѣвала, укладывала спать возлѣ себя. Когда ночью она просила ѣсть, я вставала, относила ее кормилицѣ, потомъ сама укладывала ее въ колыбельку возлѣ своей кровати. Она росла здоровенькая, крѣпкая, первые волоски у нея были черные, а потомъ бѣленькіе, какъ ленъ. Она очень скоро начала смѣяться и узнавать меня и кормилицу и такая была живая, что ни минуты не оставалась спокойной, даже во снѣ. Очень скоро вылѣзала изъ свивальника, а когда ее одѣвали, била ножками одна объ другую, такъ что черезъ минуту слетали башмачки и чулочки.

О, моя Маріолина! Теперь уже не твоя бѣдная мама, другіе одѣваютъ тебя, цѣлуютъ, ласкаютъ, любуются пробужденіемъ твоей красоты, сотканной изъ свѣта и радости. Она была создана для радости, моя Марія. Чѣмъ она заслужила такую горькую долю?!..

Меня огорчало только равнодушіе Ческо, который никакъ не могъ утѣшиться въ своей обманутой надеждѣ, и, будучи еще неопытнѣе меня въ своей новой роли, обращался съ ребенкомъ, какъ большіе мальчики съ маленькими, всячески давая ему почувствовать свое превосходство. Теперь я все это понимаю и извиняю бѣднаго Ческо, но одиннадцать лѣтъ тому назадъ я сама была еще полуребенкомъ, и мнѣ казались безсердечьемъ и жестокостью эти отказы въ поцѣлуяхъ, этотъ грозный голосъ, отъ котораго малютка пугалась и плакала, и брань за маленькіе капризы, и шлепки по маленькимъ ручкамъ, когда онѣ хватали что-нибудь такое, что имъ не позволялось трогать. Я сама плакала вмѣстѣ съ дѣвочкой, когда ее били, и обижалась на

мужа, а онъ съ своимъ обычнымъ видомъ превосходства, которое такъ трудно было выносить, говорилъ мнѣ: «Ну ладно, ты сама такая же дѣвчонка, какъ она. Не будь меня, ты бы изъ нея вырастила Богъ вѣсть какую дрянь». И тѣмъ не менѣе первое слово, которое научились отъ меня произносить эти милыя губки, было: «папа», первый жестъ—хлопать въ ладоши отъ радости при видѣ его. Въ девять мѣсяцевъ я уже научила ее цѣловать руку отцу, все для того, чтобы она стала милѣе ему. Но бѣдный Ческо, со своими преувеличенными понятіями объ отцовскомъ авторитетѣ, заставлялъ ее плакать изъ-за всякаго пустяка.

И еще другое въ моемъ мужѣ огорчало и тяготило меня,—видѣть его цѣлый день абсолютно празднымъ. Усядется бывало въ кресло въ комнатѣ, гдѣ я работаю, и куритъ молча по цѣлымъ часамъ. Я спрашиваю: «О чемъ ты думаешь»?—«Ни о чемъ».—И если можно думать ни о чемъ, онъ дѣйствительно... «думалъ ни о чемъ». Бывало, въ концѣ-концовъ я ужъ не выдержу и попрошу его сыграть что-нибудь, чтобъ хоть заставить его подняться съ кресла.

Когда мы были женихомъ и невѣстой, Ческо говорилъ мнѣ, что очень интересуется сельскимъ хозяйствомъ, но оказалось, что и тутъ онъ только присутствуетъ при раздѣлѣ собраннаго хлѣба, не обращая вниманія на самое главное, т.-е. на обработку земли. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ онъ занялся улучшеніемъ хозяйства и участи своихъ крестьянъ, но жаль было отсылать его надолго изъ дому въ Каварцере. Онъ говорилъ мнѣ также, что ему очень хотѣлось бы получить мѣсто попечителя музыкальной капеллы дель Санто. И я просила Вальвасори похлопотать объ этомъ, думая, что это польститъ самолюбію Ческо и заставитъ его серьезнѣе заняться музыкой. Дѣйствительно, Вальвасори постарался, и Ческо былъ выбранъ попечителемъ, и это очень тѣшило его честолюбіе. Капелла дель Санто состояла изъ прекрасныхъ музыкантовъ и управлялась лучшими дирижерами. Достаточно сказать, что главнымъ директоромъ былъ Тибальдини. Мой мужъ каждый день бывалъ въ Санто, но не имѣя никакихъ серьезныхъ знаній, онъ, кичась своей властью, диктовалъ законы направо и налѣво. Я ему говорила: «Ческо, учись самъ, если хочешь командовать. Безъ настоящихъ знаній и опыта ты вѣдь ничего не добьешься. Развѣ только сохранишь за собой мѣсто для виду, предоставивъ работать другимъ».—Напрасный трудъ! Онъ только обижался на меня и говорилъ: «Ты меня обезкураживаешь вмѣсто того, чтобы подбодрить».

— Я была бы дурнымъ другомъ, еслибъ не сказала тебѣ правды.

Займись, какъ слѣдуетъ, музыкой, и я первая буду гордиться твоими успѣхами.

Вышло именно то, чего я боялась. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя рѣзкіе отзывы въ газетахъ о ничтожности музыкальнаго образованія Ческо заставили его уйти.

До женитьбы Ческо подъ разными предлогами нерѣдко посѣщалъ госпитали, какъ онъ выражался, «по слуху учась медицинѣ». И, обладая способностью многое схватывать налету, онъ съ такой увѣренностью выкладывалъ свой небольшой запасъ знаній, что, казалось, онъ знаетъ гораздо больше. У насъ многіе звали его *докторомъ*. Онъ не только не отрекался отъ этого званія, но, наоборотъ, тѣшился и гордился имъ, сердясь на меня за то, что я недовольна этимъ, вмѣсто того чтобы радоваться тому, что доставляетъ ему удовольствіе. Если бы я могла учиться вмѣсто него, я охотно сдѣлала бы это. Но тутъ я могла только убѣждать его, что неловко присваивать себѣ ненадлежащее званіе, что изъ-за этого могутъ выйти непріятности. Но это было уже въ 1895 г., когда разность нашихъ натуръ обнаружилась достаточно ясно, и Ческо плохо слушалъ меня. Еще до рожденія Маріи мы какъ-то поспорили немного, и онъ сказалъ мнѣ, что не знаетъ, *какъ онъ могъ рѣшиться жениться на мнѣ,* что онъ попался въ сѣти, разставленныя моими родителями, и ввелъ въ свой домъ первую встрѣчную мѣщаночку, когда всѣ римскія принцессы готовы были кинуться ему на шею. Эти и подобныя колкости насчетъ моихъ родителей, конечно, сильно задѣвали мое самолюбіе, но я любила, жалѣла его и говорила только:

— Вѣдь ты же меня любишь и не жалѣешь, что женился на мнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—Я знаю, что сдѣлалъ большую ошибку, женившись на дѣвушкѣ съ совершенно иными взглядами, чѣмъ у меня. Но, должно быть, это ужъ молитвы матери помогли мнѣ найти въ тебѣ такую добрую, хорошую жену. И я такъ люблю тебя, что мы, конечно, избѣжимъ печальныхъ послѣдствій этой разницы характеровъ.

Тогда, среди поцѣлуевъ и ласкъ, я какъ можно мягче просила его:—Ну такъ не говори же мнѣ этого больше! Развѣ ты не видишь, что это мнѣ непріятно? А разъ ты меня любишь, ты же не захочешь огорчить меня?

— Въ самомъ дѣлѣ непріятно?—удивленно говорилъ онъ.—Я не нарочно. Прости, дорогая, я больше не буду.

Простить! Кто любилъ, тотъ знаетъ, что, чѣмъ больше приходится прощать, тѣмъ больше любишь, и почти благодаренъ тому, кого прощаешь, за то, что онъ далъ возможность выказать свою любовь. Но

здѣсь и сегодня, и завтра, послѣ завтра повторялось все то же, при каждомъ удобномъ случаѣ. Конечно, Ческо говорилъ это не для того, чтобы обидѣть меня; всѣ его грубыя выходки указывали только на глубокую разницу между нами, которую и самъ онъ чувствовалъ.

Если бы меня воспитали такъ, чтобы я довольствовалась матеріальными удобствами жизни, возможностью вдоволь ѣсть, пить и набивать свои сундуки, быть можетъ, я была бы счастлива съ Ческо и сдѣлала его счастливымъ. Но отецъ не только прививалъ намъ болѣе возвышенныя и властныя стремленія и потребности, но и всегда проповѣдывалъ намъ, что кто чувствуетъ добро и не прилагаетъ всѣхъ усилій, чтобъ дѣлать его, хуже того, кто не чувствуетъ, что пассивность въ добрѣ—тяжкій грѣхъ, и если, серьезно обдумавъ, мы признали тотъ или иной путь хорошимъ, мы должны идти по немъ, слушаясь только голоса нашей совѣсти, хотя бы цѣлый міръ былъ противъ, хотя бы въ ущербъ нашимъ матеріальнымъ интересамъ.

— Думайте собственнымъ умомъ,—говорилъ отецъ,—и исполняйте свой долгъ, а тамъ будь, что будетъ.

И я упорно боролась, чтобы любовью, преданностью, настойчивостью завоевать и возвысить эту бѣдную душу, хотя уже начинала отчаиваться въ успѣхѣ. Кое-чего, въ мелочахъ, мнѣ, впрочемъ, удалось добиться: немного увеличить жалованье слугамъ, немного лучше кормить ихъ и доставлять имъ кое-какія развлеченія; и это были самыя крупныя доказательства любви ко мнѣ Ческо. Онъ готовъ былъ охотнѣе подарить мнѣ платье въ 500 лиръ, еслибъ я попросила его объ этомъ, чѣмъ разрѣшить мнѣ дать лишнія десять чентезими мальчику, который несъ за мной покупки изъ лавки. Но красивое, роскошное платье льстило его маніи величія, а давать на чай было, по его мнѣнію, «брошеныя деньги». И это казалось ему настолько разумнымъ, что даже и то немногое, что принадлежало мнѣ лично, подаренное мнѣ отцомъ или имъ же, онъ держалъ у себя, чтобъ я не «растранжирила» или не раздала. Не разъ я говорила ему:

— Но, Ческо, если ты дѣйствительно любишь меня и считаешь меня хозяйкой въ своемъ домѣ, почему же ты не дашь мнѣ поступать по-своему? Какая же я хозяйка, если я не смѣю распорядиться и кускомъ хлѣба безъ твоего разрѣшенія. Вѣдь это же выходитъ, что я—твоя экономка, а вовсе не госпожа въ домѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ съ полной искренностью. Ты—хозяйка. Но тебя такъ воспитали, что, еслибъ я не сдерживалъ тебя, ты бы довела насъ до разоренія. А я человѣкъ трезвыхъ взглядовъ,—долженъ же я держать бразды правленія въ своихъ рукахъ.

— Но вѣдь я немногаго у тебя прошу. Я только хочу, чтобъ наши слуги были лучше обставлены,—такъ какъ, по-моему, это нужно. Если ты думаешь, что это будетъ слишкомъ дорого стоить,—ну хочешь,—продадимъ экипажъ, не дѣлай мнѣ такъ много платьевъ, вообще будемъ жить скромнѣе, но исполни это мое желаніе,—прошу тебя. Видишь,—я такъ воспитана, что мнѣ больно и стыдно обижать этихъ бѣдныхъ людей; мнѣ все кажется, что я по отношенію къ нимъ не исполняю своего долга.

— Сущій вздоръ!—говорилъ онъ.—У всѣхъ слуги живутъ не лучше, чѣмъ у насъ, и предовольны, да въ добавокъ еще обкрадываютъ насъ. Продать экипажъ, сократить число блюдъ! — вотъ какъ ты цѣнишь тѣ блага жизни, которыми пользуешься. Надо было мнѣ подумать раньше, чѣмъ жениться на тебѣ, что ты изъ мѣщанской семьи и не привыкла къ жизни на барскую ногу. Это все твое воспитаніе! Женщинѣ вовсе незачѣмъ такъ много думать. Она должна повиноваться мужу и соблюдать порядки того дома, куда она вошла, и забыть, какъ было у нея дома. Вѣдь тебѣ какъ плохо жилось у твоихъ родителей. А здѣсь тебѣ хорошо; у тебя есть мужъ, который тебя любитъ и ничѣмъ тебя не обижаетъ,—чего-жъ тебѣ еще надо?

Затѣмъ слѣдовали обидныя слова по адресу моихъ, въ особенности, отца, воспитавшаго изъ меня *«соціалистку»*—(Боже мой, съ какимъ ужасомъ онъ произносилъ это слово!).—Ему бы слѣдовало выдать замужъ тебя за нищаго, выбившагося изъ ничего, какъ и самъ онъ, а не за *графа*. Въ нашемъ роду всѣ такъ жили и жили не худо. Вы, пришедшіе снизу, вы не понимаете этихъ вещей.

До сихъ поръ онъ бранилъ и критиковалъ главнымъ образомъ мою мать, и, хотя мнѣ было это непріятно, я, по правдѣ говоря, не очень возмущалась, такъ какъ мама, съ ея раздражительностью, нерѣдко задѣвала и Ческо, и въ такихъ случаяхъ я откровенно принимала его сторону. Но когда онъ сталъ бранить моего отца, оскорбляя во мнѣ все, что у меня было самаго дорогого,—ибо если во мнѣ было что-нибудь хорошее, такъ именно благодаря воспитанію, данному мнѣ отцомъ,—это задѣвало меня до глубины души и я горько плакала. И то я возмущалась не противъ мужа, у котораго—я знала—не было дурного намѣренія, а противъ судьбы, которая создала наши души такими различными.

Видя меня плачущей, бѣдный Ческо конфузился, какъ ребенокъ, неумышленно причинившій боль, и пытался утѣшить меня.

— О чемъ же ты плачешь? Вѣдь я люблю тебя. Я знаю, что ты—даже слишкомъ хорошая, и твоя ошибка въ томъ, что ты счи-

таешь всѣхъ такими же хорошими. И если я иду тебѣ наперекоръ, то для твоего же блага: дай тебѣ волю, ты была бы слугой своихъ служанокъ, и въ концѣ-концовъ пошла бы по міру. Вѣрь мнѣ, съ этими людьми надо обращаться именно такъ, какъ я это дѣлаю. Съ ними безъ палки невозможно.

Что же касается обидныхъ словъ по адресу моей семьи, онъ даже и не вспомнилъ объ этомъ. Подобные споры, если и не портили окончательно нашихъ отношеній, то все же съ каждымъ разомъ все больше отдаляли насъ другъ отъ друга, ибо каждый изъ насъ былъ убѣжденъ въ своей правотѣ и по совѣсти не считалъ возможнымъ уступить. И мало-по-малу все разрасталась между нами бездна, сдѣлавшая для насъ совмѣстную жизнь невыносимой. Въ первый годъ нашего брака Ческо еще старался сдерживаться, прятать отъ меня свои вульгарные привычки и вкусы; теперь онъ уже не давалъ себѣ труда подтягиваться ни физически, ни морально; становился все неряшливѣе, позволялъ себѣ слова и жесты, приводившіе меня въ ужасъ. Я понемногу убѣждалась, что его *благородство*—только въ титулѣ; изъ глубокихъ же, неизвѣданныхъ мною безднъ его души то и дѣло всплывало наверхъ что - то низменное, плебейское, господствовавшее надъ духомъ. Я чувствовала, что пропасть между нами ширится и растетъ; душа человѣка, въ которомъ я полагала всю радость моей жизни, ускользала отъ меня; но я была молода, пылка и послѣ мимолетныхъ приступовъ отчаянія, съ новымъ жаромъ кидалась въ борьбу. Какъ я молила Бога о помощи, какъ искренно хотѣла только добра—ему, себѣ, нашимъ дѣтямъ! А вышло зло...

Будь я менѣе пылка душой, сумѣй я выбросить изъ сердца святыя слова и примѣры, которые я впитывала въ себя двадцать лѣтъ, я, вѣроятно, примирилась бы. Правда, матеріальныя условія моей жизни были далеко не блестящи, но съ моими скромными привычками я не тяготилась этимъ: роскошь и свѣтскій блескъ не прельщали меня. Я мучилась только своимъ душевнымъ одиночествомъ. Знаю, мнѣ нужно было оставить въ покоѣ моего мужа, не препятствовать ему жить по-своему, терпѣливо сносить все, слившись съ его личностью и раздавивъ свою... Но этого я не смогла!... Боже мой, ты требуешь отъ насъ сверхъестественной добродѣтели. Но тогда зачѣмъ же было давать намъ мыслящую душу и сердце, требующее любви?

Я была *несчастлива!* Вотъ горькая правда. Я отдала бы всѣ матеріальныя блага жизни за то единственное, что казалось мнѣ настоящимъ благомъ. Когда меня заставляли тиранить моихъ слугъ, когда я принуждена была отказывать въ помощи нуждающимся, я

страдала и плакала, проклиная свое безполезное богатство; когда я шла деревней и смотрѣла на эти убогія лачуги, желтыя лица, исхудалыя тѣла, я чувствовала себя глубоко несчастной среди этихъ людей, которые *были въ правѣ* ожидать отъ меня сострананія и помощи, *я презирала себя!* Да, именно презирала. Мнѣ казалось, что я заѣдаю жизнь этихъ бѣдняковъ, воровски пользуясь ихъ невѣжествомъ.

О, какъ это все волновало и мучило меня, какую горечь копило въ душѣ! Психіатры, изслѣдовавшіе меня, нашли меня вполнѣ нормальной. Но было ли все это *нормально!* Съ точки зрѣнія полученнаго мною воспитанія—да; но съ точки зрѣнія большинства людей (какъ я поняла, увы! слишкомъ поздно!) я была сумасшедшей!

Долгіе, долгіе часы съ отчаяніемъ въ душѣ я просиживала молча за работой, поддерживая себя только вѣрой въ доброту сердца Ческо и упорно надѣясь, что эта доброта сотворитъ чудо.

IX.

Ческо въ университетѣ.

Тѣмъ временемъ Ческо, убѣдившись ли, что неудобно слыть докторомъ, не имѣя этого званія, увидѣвъ ли, что докторскій дипломъ даетъ простому мѣщанину, какъ мой отецъ, не менѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ какое занимаетъ онъ, *графъ* Бонмартини, рѣшилъ во что бы то ни стало сдѣлаться докторомъ.

Мнѣ это показалось добрымъ предзнаменованіемъ, и я выразила полное сочувствіе. Но тутъ Ческо вынужденъ былъ признаться мнѣ, что у него нѣтъ рѣшительно никакого диплома, даже и первоначальной школы. Тогда его замыселъ показался мнѣ неосуществимымъ: Ческо было ужъ двадцать шесть лѣтъ. И онъ, конечно, принималъ это въ разсчетъ, но у него сложилось весьма своеобразное представленіе о жизни и людяхъ, и все казалось ему возможнымъ, когда дѣло шло о *графѣ* и, вдобавокъ, еще богачѣ. Поэтому онъ льстилъ себя надеждой получить ни болѣе ни менѣе, какъ *почетный* докторскій дипломъ. За что?—спрашивается. За какія заслуги? За то только, что онъ время отъ времени жертвовалъ на больницы, или за то, что онъ графъ Бонмартини?

Наконецъ, онъ мнѣ признался, что разсчитываетъ на содѣйствіе моего отца. Я очень удивилась и встревожилась.

— Но, Ческо, милый, что же можетъ сдѣлать папа?

— Ты только напиши ему. Уговори его заняться этимъ дѣломъ. Если онъ захочетъ, онъ все можетъ.

Зная своего отца, я даже не рѣшилась писать ему объ этихъ нелѣпыхъ претензіяхъ и только сообщила ему о желаніи Ческо получить докторскій дипломъ, прося совѣта, что̀ предпринимать. Папа отвѣтилъ мнѣ, что онъ очень радъ такому доброму намѣренію, но можетъ указать намъ одинъ только обычный путь: представить требуемыя свидѣтельства и поступить въ университетъ. Онъ, должно быть, думалъ, что Ческо, какъ онъ, способенъ окончить въ три года гимназію и лицей!

Мужъ мой, однако, не хотѣлъ и слышать объ этомъ и настаивалъ на томъ, чтобы отецъ мой устроилъ ему поступленіе въ университетъ безъ всякихъ свидѣтельствъ. Мама, которой я, наконецъ, рискнула передать эту странную просьбу, написала мнѣ въ отвѣтъ:

«Если найдется въ университетѣ хоть одинъ студентъ, поступившій безъ свидѣтельства объ окончаніи курса лицея, папа обѣщаетъ внести въ списки студентовъ и Ческо на тѣхъ же условіяхъ».

Но такого не нашлось, и отецъ мой рѣшительно отказался хлопотать о подобной несправедливости. Не стану приводить здѣсь всѣ жалобы Ческо на моихъ родителей, всѣ обидныя слова, которыя жгли мнѣ сердце. Довольно сказать, что кто-то научилъ его замѣнить подлинные аттестаты объ окончаніи гимназіи и лицея *болѣе или менѣе правдоподобными* документами, и это ему удалось. Не знаю, какъ онъ это сдѣлалъ, но онъ былъ упрямъ, и ему хотѣлось во что бы то ни стало *«показать папашѣ»*. Меньше, чѣмъ черезъ годъ, онъ добылъ себѣ самые лестные аттестаты и, ссылаясь на голоса своихъ избирателей—крестьянъ въ Каварцере, добился отъ министра разрѣшенія хлопотать о поступленіи на медицинскій факультетъ. И дѣйствительно, онъ былъ принятъ въ камеринскій университетъ.

Не знаю, что тогда больше поразило меня: способность ли Ческо вести интригу, всесильность этого оружія въ нашей бѣдной странѣ, или же подозрѣніе, что вся эта невѣдомо откуда взявшаяся страсть къ ученію не что иное, какъ новое проявленіе свойственнаго моему мужу пристрастія къ внѣшнему величію.

Что касается моего отца, все это время, что Ческо разными окольными путями добивался своей цѣли, онъ абсолютно не вмѣшивался. И мужъ мой, больше чѣмъ когда-либо, досадуя на него за это «равнодушіе», срывалъ злость на мнѣ и, не щадя меня, бранилъ моего отца самыми гадкими словами; въ общемъ, это былъ для меня ужасный годъ, когда и съ внѣшней стороны миръ въ семьѣ былъ нарушенъ, и пропасть, раздѣлявшая насъ, стала еще глубже.

Теперь, разсуждая «заднимъ умомъ», я все боюсь, что я сама была невольной причиной слѣпоты моего мужа по отношенію ко мнѣ.

Можетъ быть, еслибъ я рѣшительно, даже рѣзко показала ему, какой разладъ онъ вноситъ въ мою душу,—кто знаетъ, можетъ быть, онъ измѣнился бы. Но я умѣла только плакать. А онъ не понималъ хорошенько значенія моихъ слезъ.

— Ты обижаешься на меня? Напрасно! Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ этой семейкой нищихъ, откуда ты вышла, тѣмъ больше дивлюсь твоей добротѣ! Но я женился на тебѣ, а не на твоемъ... семействѣ.

Вотъ какъ онъ утѣшалъ меня! А я, ненавидя ссоры, пріученная матерью всегда молчать, крѣпче прежняго держалась своей вѣры въ силу кротости и убѣжденія. И плакала молча. И не изъ *притворства,* какъ глупо увѣряли мои обвинители, но въ надеждѣ достигнуть цѣли единственнымъ путемъ, отвѣчавшимъ особенностямъ моей натуры и моего положенія, становилась еще нѣжнѣй и терпѣливѣй съ Ческо.

Весь 1895 годъ ушелъ на то, что Ческо безпрестанно ѣздилъ въ Римъ, стучась въ двери то одного, то другого университета. Узнавъ, что Камерино открылъ, наконецъ, ему доступъ къ наукѣ, онъ рѣшилъ записаться тамъ на медицинскій факультетъ, но поѣхалъ туда лишь въ февралѣ слѣдующаго года. Я была опять беременна и Ческо хотѣлъ присутствовать при рожденіи наслѣдника.

— На этотъ разъ,—говорилъ онъ,—непремѣнно долженъ быть Джіованнино,—не то *смотри* у меня!

И я сама, главнымъ образомъ, ради него, хотѣла мальчика и была увѣрена, что мое желаніе исполнится, такъ какъ всѣ ощущенія мои были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ первый разъ.

X.

Марія и Нинетто.

Послѣ рожденія Маріи я захворала жестокимъ энтеритомъ, перешедшимъ въ хроническую форму. Потомъ, когда я снова забеременѣла, я всячески старалась укрѣпить себя, потому что мнѣ очень хотѣлось самой кормить своего маленькаго. Съ Маріей я перемѣнила трехъ кормилецъ, вдоволь натерпѣлась изъ-за нихъ, и мнѣ очень не хотѣлось повторять этого опыта.

Маріи было уже двадцать два мѣсяца; это была прелестная дѣвочка: здоровая, крѣпкая, властная, отнимавшая все мое время, и такая умненькая, что я любила ее безъ памяти. И мнѣ казалось, что я уже не въ состояніи буду полюбить такъ другого ребенка. Она была со мною неразлучна и сама была страшно привязана ко мнѣ; отца

она тоже очень любила, но съ нимъ была сдержаннѣе и почти боялась его, бѣдняжка, говоря: «Папа бу-бу», то-есть бука. Дѣйствительно, у Ческо были какіе-то доисторическіе взгляды на воспитаніе дѣтей, причемъ онъ ухитрялся вкладывать свою манію величія и въ исполненіе обязанностей отца и совершенно не умѣлъ говорить съ ребенкомъ просто. Онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы Марія цѣловала ему руку, запрещалъ ей называть себя на ты; онъ и для нея хотѣлъ быть «хозяиномъ», патрономъ. А этотъ ангельчикъ такъ трогательно кричалъ ему: «папа, папа», бѣжалъ къ нему навстрѣчу, цѣловалъ ему руку,—о, моя Марія! Мнѣ она казалась необычайно развитой не по лѣтамъ. Въ годъ она уже отлично объяснялась, разумѣется, по-своему, и всѣмъ людямъ, и предметамъ давала свои имена, а куколку свою звала *Тата*. Умѣла различать на картинкахъ цвѣты, животныхъ, людей. А какъ она умѣла приласкаться и заставить прощать капризы, какъ при случаѣ умѣла сдерживать себя!...

Одно только мнѣ не нравилось: въ ней былъ какой-то прирожденный аристократизмъ, Еще не умѣя говорить, она уже умѣла различать слугъ отъ гостей и обращалась съ ними совсѣмъ иначе. Современемъ, убѣжденіемъ и примѣромъ мнѣ удалось отучить ее отъ этого, но барскія замашки остались у нея въ крови.

18 января 1896 года у меня родился сынъ, Нинетто. Это была самая большая радость въ жизни бѣднаго Ческо. Онъ былъ такъ счастливъ имѣть наслѣдника своего имени и титула. Я, конечно, всей душой дѣлила его радость, но она была отравлена страхомъ, какъ бы малютка не умеръ тотчасъ послѣ рожденія. Онъ былъ до того хилъ и слабъ, словно перенесъ тяжелую болѣзнь еще въ утробѣ матери. Доктора говорили: «Это оттого, что онъ родился на десять дней позже, чѣмъ слѣдовало, и въ эти послѣдніе десять дней уже не имѣлъ отъ меня никакого питанія.

На другой день послѣ рожденія онъ едва не умеръ у насъ на рукахъ, и я, думавшая, что не буду любить его, горевала и плакала надъ нимъ не меньше, чѣмъ плакала бы о Маріи. Бѣдняжка! и для него было тягостнымъ вступленіе въ жизнь. Его держали все время закутаннымъ, обложеннымъ горячими бутылками, кормили его съ ложечки, такъ какъ у него не было еще силъ сосать, а у меня мало сформирована грудь. По совѣту доктора мнѣ прикладывали къ груди уже довольно большого сосѣдскаго ребенка, съ зубами, причинявшаго мнѣ жестокую боль. Зато пошло молоко, и я имѣла счастіе, наконецъ, сама кормить своего сына. Кто не испыталъ этого счастія, тотъ не пойметъ всей радости матери...

Въ это время я готова была все простить своему мужу; здоровье мое было расшатано, я уже не вѣрила въ сбыточность моей мечты о взаимномъ пониманіи и счастливой семейной жизни, но тутъ я все позабыла, отдавшись любви къ дѣтямъ. Къ сожалѣнію, мой мальчикъ былъ слабенькій, и въ первый же мѣсяцъ у него развилось жестокое воспаленіе кишекъ, требовавшее самаго внимательнаго ухода. Я не спала по цѣлымъ ночамъ и нерѣдко плакала вмѣстѣ съ нимъ, моля Бога, чтобъ, если ужъ нужно кому-нибудь страдать, Онъ заставилъ бы страдать меня, и пощадилъ бы бѣднаго малютку...

Ческо я писала каждый день, снова льстя себя надеждой на возможность его духовнаго подъема и потому не жалѣла ласковыхъ словъ и увѣреній въ любви. Посылала ему теплыя вещи, лакомства, разсказы о дѣтяхъ. Могу сказать, что эти первые мѣсяцы 1896 года были лучшими въ моей жизни; даже физически, несмотря на усталость, волненія и безсонныя ночи, я чувствовала себя хорошо, какъ никогда.

Должна сказать, однако, что, судя по письмамъ, Ческо не измѣнился къ лучшему; напротивъ, въ немъ какъ будто прибавилось самонадѣянности и хвастовства, а по нѣкоторымъ фразамъ видно было, что студенческая жизнь въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ пріучила его къ изрядной распущенности. Но должна сознаться откровенно, что при всемъ моемъ добромъ отношеніи къ мужу, мысль о томъ, что онъ увлекается другими женщинами, не огорчала меня. Я не любила его физически, и мысль о новомъ сближеніи была мнѣ скорѣе тягостна, тѣмъ болѣе, что я ради Нинетто не хотѣла бы такъ скоро забеременѣть снова. Я была неправа, конечно, но развѣ физическія ощущенія зависятъ отъ насъ; развѣ можно приказать себѣ чувствовать удовольствіе или боль? Между тѣмъ Ческо писалъ мнѣ по поводу присланной мной фотографической карточки: «если фотографія не вретъ, смотри, будь здорова къ моему пріѣзду». И мнѣ было жутко отъ этой любовной угрозы.

Въ самомъ дѣлѣ, Ческо вернулся въ концѣ марта 1896 года, и его рѣчи и поступки производили на меня тягостное впечатлѣніе. Мнѣ удалось, однако, убѣдить его дать мнѣ безъ помѣхи окончить кормленіе, и мы спали въ разныхъ комнатахъ,—я съ дѣтьми, онъ на другомъ концѣ дома.

Мой мальчикъ продолжалъ хворать, и въ этой постоянной борьбѣ съ болѣзнью и смертью я порой возмущалась за всѣхъ страдающихъ матерей, за всѣхъ больныхъ дѣтей, возмущалась противъ неумолимаго закона, который заставляетъ человѣка начинать и кончать жизнь крикомъ боли, дѣлая напрасными и безполезными всѣ усилія любви. Бѣдный мой мальчикъ! Какъ горячо я молилась за него въ нашей до-

машней часовнѣ, зажигала свѣчи, украшала цвѣтами алтарь, и только вѣра въ Бога, великаго, добраго, милосерднаго, облегчала нѣсколько мою душевную тревогу.

Помню, 13 іюня, когда вся Падуя праздновала память св. Антонія, съ Нинетто случился такой жестокій приступъ коликъ, что я думала: онъ умретъ у меня на рукахъ; я послала за докторомъ Червезато, и онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ же ѣхать на море, говоря, что только морской воздухъ еще можетъ спасти бѣдняжку. Ческо былъ въ Камерино; я написала ему, написала матери и уѣхала въ Римини. Здѣсь мы держали Нинетто цѣлый день на открытомъ воздухѣ, и онъ понемножку сталъ поправляться. Зато расхворалась я и настолько сильно, что отецъ велѣлъ мнѣ бросить кормить. Но я всетаки стояла на своемъ и съ помощью одной женщины, у которой былъ ребенокъ одного возраста съ моимъ, и муки Нестле, мнѣ удалось-таки довести кормленіе до конца.

Тѣмъ временемъ Ческо, кой-какъ сдавъ переходные экзамены на второмъ курсѣ, навѣстилъ насъ и тотчасъ же уѣхалъ въ Каверцере, чтобы присутствовать при уборкѣ хлѣба. Въ первыхъ числахъ сентября я пріѣхала къ нему съ дѣтьми, и тутъ, по его настоянію, мы снова стали спать въ одной комнатѣ. Я уже не могла теперь брать къ себѣ на ночь Нинетто, такъ какъ онъ часто плакалъ и не давалъ спать отцу.

Такъ снова возобновилась наша совмѣстная жизнь. Мы еще не разошлись, но были уже чужіе душой. Студенческая жизнь уже не въ очень юные годы не пробудила въ Ческо никакихъ благородныхъ порывовъ, а только привила ему грубость въ рѣчахъ и распущенность, которую сносить мнѣ было теперь еще тяжелѣе, чѣмъ прежде; единственнымъ утѣшеніемъ моимъ были дѣти, и я была увѣрена тогда, что вся моя жизнь до послѣдняго дня будетъ посвящена имъ.

Нинетто не былъ такимъ красивымъ и здоровенькимъ, какъ Марія, и дольше ея не говорилъ, но ходить сталъ раньше сестры, и удивительно рано въ немъ развилась способность *чувствовать и любить*,—въ этомъ онъ былъ слишкомъ похожъ на свою бѣдную мать. Къ музыкѣ у него были поразительныя способности; всѣ дивились, когда онъ, еще не умѣя говорить, однимъ голоскомъ напѣвалъ пѣсни, которыя пѣли ему я и Зейлеръ, нѣмка гувернантка. Пѣніе дѣйствовало на него страшно успокоительно. Онъ моментально переставалъ плакать, капризничать, и если до этого не хотѣлъ ѣсть, принимался за ѣду. Въ полтора года онъ пѣлъ безъ единой фальшивой нотки цѣлую арію изъ «Богемы» и «Колыбельную» Брамса и вообще былъ несказанно милъ.

Если эти строки прочтетъ мать, я знаю, она пойметъ меня и проститъ за эти мелкія подробности. Дайте же несчастной, у которой ничего больше не осталось, отдохнуть душой, погрузившись въ эти сладкія воспоминанія. Милая дѣтка! Какъ онъ былъ удивительно добръ уже тогда! За каждую ласку, за каждую маленькую услугу онъ награждалъ такой прелестной улыбкой, такимъ взглядомъ, въ которомъ выливалась вся его ангельская душка. Заговорилъ онъ поздно, но зато сразу совершенно правильно, какъ взрослый. Казалось, онъ давно уже все понималъ и только изъ застѣнчивости не рѣшался говорить. Оба они—и онъ и дѣвочка—болтали по-нѣмецки и по-итальянски и были чрезвычайно дружны между собою, какъ бы дополняя другъ друга: она—живая, бойкая, шумливая, любящая командовать; онъ—кроткій, добрый, задумчивый, съ удивительно добрымъ сердечкомъ.

XI.

Какъ я ихъ воспитывала.

А Ческо? Онъ былъ въ Камерино на второмъ курсѣ. Но я не грустила о своемъ одиночествѣ,—съ меня достаточно было дѣтей; я даже боялась, какъ бы мужъ мой своими рѣзкими выходками и грубыми словами не смутилъ ихъ ясности душевной, ихъ счастливаго покоя, который я такъ высоко цѣнила. И потомъ, когда двое, не близкіе душой, живутъ вдали другъ отъ друга разной жизнью,—что можетъ остаться общаго между ними? Мы съ каждымъ днемъ становились все болѣе чужими другъ другу. Когда я бралась за перо, чтобы писать мужу, я не находила словъ, не знала что сказать, и если посылала ему поцѣлуи и ласковыя слова, то лишь потому, что считала это долгомъ и всячески старалась поддержать въ своемъ сердцѣ любовь, угасшую безвозвратно. Теперь, когда онъ присылалъ мнѣ извѣщенія о своемъ пріѣздѣ, я тревожилась. Въ его ласкахъ, въ его чувственныхъ порывахъ было теперь что-то странное, злое, извращенное, дѣлавшее для меня все болѣе тягостнымъ и непріятнымъ исполненіе своихъ супружескихъ обязанностей. И когда Ческо уѣзжалъ, я вздыхала съ облегченіемъ и радостно возвращалась къ своимъ малюткамъ.

Я растила ихъ, вѣря, что дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ многое понимаютъ и чувствуютъ, какъ взрослые, и старалась, какъ умѣла, воспитать ихъ нравственно. Я не спускала ихъ съ глазъ и потому успѣвала подмѣтить зародышъ каждой мысли, каждаго чувства, стараясь направлять его любовью и довѣріемъ, единственный по-моему возможный путь для матери, чтобы овладѣть сердцемъ ребенка.

Грубое слово, насиліе, страхъ порождаютъ въ ребенкѣ хитрость и лицемѣріе по отношенію къ тѣмъ, кого онъ чувствуетъ больше и сильнѣе себя. Запуганный ребенокъ поступаетъ, какъ насѣкомое, которое въ моментъ опасности притворяется мертвымъ. Воспитаніе при помощи страха можетъ принести жестокій нравственный вредъ ребенку, если онъ по натурѣ склоненъ ко лжи, или же разстроить его нервную систему, если въ немъ есть задатки меланхоліи. Бываетъ также, что насиліе портитъ характеръ, вызывая отвѣтную рѣзкость и насиліе.

Однако, я не могу сказать, чтобы я была слабой матерью, потворщицей карпизамъ. Я всегда старалась, чтобы дѣти мои поняли, почему я требую отъ нихъ того или другого, но въ то же время настаивала на неуклонномъ выполненіи этихъ требованій и была снисходительна къ провинившимся, но не къ винѣ. Я старалась развить въ нихъ искренность вмѣстѣ съ достоинствомъ, покорность вмѣстѣ съ довѣріемъ и любовью ко мнѣ, состраданіе и снисходительность къ ближнему, на-ряду съ вдумчивымъ отношеніемъ къ собственнымъ промахамъ, желаніямъ и огорченіямъ. Какъ часто я думала съ жалостью о свѣтскихъ матеряхъ, которыя въ погонѣ за развлеченіями упускаютъ величайшую радость—слѣдить за душевнымъ развитіемъ своихъ дѣтей. Только слѣдя за ними шагъ за шагомъ, можно подмѣтить всѣ ихъ наклонности и врожденныя стремленія, изучить ихъ и помочь развитію добрыхъ, смягчать дурныя. Ибо я убѣждена, что человѣкъ рождается такимъ, каковъ онъ есть, и воспитаніе можетъ только направить его или смягчить, но не пересоздать по вкусу воспитателя. Поэтому я ненавижу гимназію, гдѣ невозможно примѣненіе такого воспитательнаго метода, гдѣ хорошихъ и дурныхъ дѣтей ставятъ на одну доску, и отъ этого уродуются всѣ.

Если бы всѣ женщины, вмѣсто того чтобы упорно бороться съ мужчиной изъ-за вещей, которыя только лишаютъ ихъ обаянія, не прибавляя имъ добродѣтели, прочувствовали всю святость ихъ призванія и приложили бы всѣ свои силы и энергію въ области, отведенной имъ самой природой,—о, какъ бы улучшился міръ! Онѣ просятъ свѣчки, когда у нихъ подъ руками солнце! На что имъ выбирать депутатовъ, когда онѣ могутъ создать *человѣка!* Царство женщины—материнство. Правда, общество душитъ въ женщинѣ свободное сознаніе ея достоинства, опутывая ее безконечными предразсудками. Но если бы женщина могла искренно, правдиво и свободно выполнять свое призваніе, развѣ пришлось бы ей завидовать мужчинѣ? Развѣ есть дѣятельность болѣе обширная и святая?

Такъ размышляла я, стараясь заглушить материнскими заботами

сознаніе своей неудавшейся личной жизни, и, если это можно назвать жертвой, я была вознаграждена, такъ какъ мои ангелочки страшно привязались ко мнѣ. Даже и здоровье ихъ теперь уже не внушало мнѣ опасеній—Марія съ самаго начала была крѣпышемъ, а братишка ея окрѣпъ, благодаря внимательному уходу, и врачи говорили, что онъ дважды обязанъ мнѣ жизнью.

XII.

Интермеццо.

Я должна еще разъ вернуться къ Ческо. Баттиста Вальвасори убѣждалъ его не оставлять меня такъ надолго одну, какъ въ первый годъ студенчества, и посовѣтовалъ ему лучше перевести всю семью въ Болонью до того времени, пока онъ не кончитъ университета. Понятное дѣло, я всей душой обрадовалась этому предложенію. За четыре года, что я была замужемъ, я только и отдыхала душой на Рождество и на Пасху, когда ѣздила къ своимъ въ Болонью, да лѣтомъ, когда гостила у нихъ въ Римини. Къ тому же дѣдъ съ бабушкой и дядя Нино безъ памяти любили моихъ малютокъ, такъ что я радовалась вдвойнѣ: за себя и за нихъ.

Ческо раздумывалъ, колебался, наконецъ, нанялъ домъ въ Болоньѣ въ улицѣ Замбони. Но такъ какъ квартира эта должна была освободиться лишь въ апрѣлѣ 1897 г., мы въ началѣ января вернулись въ Падую. Въ душѣ моей еще разъ ожила надежда: я вѣрила, что въ Болоньѣ мнѣ будетъ легче жить вблизи своей семья, и что Ческо, въ личномъ общеніи съ моимъ отцомъ, перейметъ у него многое, чему я не сумѣла его научить. Теперь мнѣ это было особенно нужно, такъ какъ воспитаніе дѣтей создавало у насъ новыя причины разлада, и здѣсь мнѣ было бы страшно тяжело, почти невозможно пойти на уступки. Изъ университета Ческо возвращался еще самоувѣреннѣе, еще самонадѣяннѣе прежняго, съ еще большимъ отвращеніемъ къ «соціалистамъ» или, вѣрнѣе, ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ съ ними смѣшивалъ (въ Камерино всѣ были умѣреннаго образа мыслей). А для него, съ его замашками средневѣкового сеньора, каждый мелкій фактъ, шедшій вразрѣзъ съ его воззрѣніями, казался уже проявленіемъ соціализма, какъ, наприм., ласковое обращеніе съ слугами, *просьба*, а не приказаніе, сдѣлать что-нибудь, благодарность за сдѣланное и т. п.

— Если бы мой сынъ позволилъ себѣ это, я бы выгналъ его изъ дому, пинками вышвырнулъ бы его за дверь. Онъ долженъ умѣть властвовать, а не ухаживать за этой сволочью.

И мой бѣдный Нинетто, воспитываемый въ духѣ моей семьи, уже получалъ отъ отца окрики и шлепки за ласковость къ прислугѣ, за поцѣлуи нянькамъ, и отецъ съ отвращеніемъ говорилъ, что мальчикъ—«вылитый Мурри». Наоборотъ, Марія, любившая командовать, завоевала всѣ симпатіи отца, который теперь даже позволялъ ей иногда цѣловать его въ лицо, а не въ руку.

Въ первое время нашего супружества Ческо былъ даже слишкомъ большимъ домосѣдомъ, и это огорчало меня, какъ потому, что сидячая жизнь была вредна ему при его полнотѣ, такъ и потому, что жизнь вдвоемъ со мной суживала его кругозоръ. Но въ 1896 году, когда я кормила Нинетто, онъ сталъ уходить изъ дому каждый вечеръ, и потомъ разсказывалъ мнѣ, что провелъ время въ обществѣ Червесато и нѣсколькихъ веселыхъ дамъ. Онъ рѣдко называлъ мнѣ другія имена, и изъ всѣхъ его тогдашнихъ закадычныхъ друзей, ни одинъ, кромѣ Червесато, не переступалъ нашего порога. Сама же я почти нигдѣ не бывала.

Когда Ческо поступилъ въ университетъ, я надѣялась, что общество молодежи благотворно повліяетъ на него, но, очутившись среди юношей, онъ уже не юный и богатый, не перенялъ отъ нихъ ни одной изъ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ симпатичнымъ студенчество, а перенялъ исключительно ихъ недостатки и притомъ наиболѣе непріятные для меня. И еще хвасталъ этимъ, думая, что это придаетъ ему обликъ свѣтскаго человѣка, умѣющаго пользоваться жизнью. О, Боже мой! какъ тяжко было видѣть, что все идетъ къ худшему, и каждая моя надежда приводитъ только къ новой боли! Что же предпринять теперь, на что надѣяться? Теперь, когда онъ считаетъ не только правомъ, но и долгомъ давить души своей жены, дѣтей, подчиненныхъ, превращая ихъ въ машины, которыми онъ можетъ управлять по своему желанію, не допуская даже мысли о протестѣ,—могла ли я надѣяться въ будущемъ на что-либо лучшее?

Нѣтъ, нѣтъ! я знаю, онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ типичнымъ потомкомъ цѣлаго рода средневѣковыхъ аристократовъ, потомкомъ душевно-больныхъ людей, притомъ же получившимъ самое гибельное воспитаніе. Въ 14 лѣтъ богатый, окруженный лестью, совершенно независимый, онъ слышалъ только одно: «Ты здѣсь хозяинъ, и диприказывай, дѣлай, что только хочешь, ты всегда будешь правъ». Немногіе на мѣстѣ бѣднаго Ческо выросли бы лучшими, чѣмъ онъ. Многіе были бы еще хуже. Онъ дѣлалъ зло безсознательно, лишь потому, что не умѣлъ смотрѣть на вещи иначе. Можно ли корить слѣпого за то, что онъ не дивится солнечному свѣту. Даже утративъ всякую надежду, даже въ самыя печальныя

минуты нашей неудавшейся семейной жизни я не чувствовала къ нему отвращенія; такъ хорошо я понимала его безсознательную слѣпоту. Мнѣ было только безконечно жаль его, такъ какъ первой жертвой этой безсознательности былъ онъ самъ.

Судьба соединила человѣка со взглядами, устарѣвшими на 200 лѣтъ, съ женщиной, которая думала, какъ будутъ думать, можетъ быть, еще лѣтъ черезъ 200. Насъ раздѣляли четыре столѣтія; помимо всего прочаго, уже одного этого было достаточно, чтобы создался семейный разладъ. Но я продолжала быть ласковой въ обращеніи съ нимъ, понимая, что это остается единственной связью между нами, и что не будь этого, началась бы мучительная, нестерпимая для меня жизнь вѣчныхъ перекоровъ. Я утѣшалась дѣтьми и надеждой переселиться въ Болонью, но здоровье мое все больше слабѣло, и въ январѣ 1897 года я заболѣла тифомъ, потомъ воспаленіемъ легкихъ.

Я сразу поняла, что больна серьезно, и мысль о смерти показалась мнѣ освобожденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія радости могло сулить мнѣ будущее? Даже и желаніе мое воспитать дѣтей въ тѣхъ идеяхъ и понятіяхъ, какія мнѣ казались наилучшими, встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны моего мужа, который то и дѣло говорилъ (это, конечно, согласовалось вполнѣ съ его міровоззрѣніемъ):

— Ну, ужъ Маріи я не позволю быть *книжницей*, какъ ея мать. Женщина должна только умѣть вязать чулки, рожать дѣтей и повиноваться мужу. *Mulier subjecto viro*! говорили римляне.

Онъ, кажется, только это и зналъ по-латыни, но зато помнилъ твердо. А про Нинетто онъ говорилъ:

— Ну, бѣда ему, если онъ и дальше останется такою же бабой! Съ семи лѣтъ я увожу его съ собой въ деревню, пусть учится повелѣвать и быть хозяиномъ.

Одинъ Богъ знаетъ, сколько я выстрадала, обманувшись въ надеждѣ найти спутника въ жизни, родного мнѣ душой; потомъ я почти успокоилась, перенеся всѣ свои надежды и упованія на своихъ дѣтей, но теперь, когда и въ будущемъ мнѣ предстояла упорная борьба за каждый шагъ въ ихъ воспитаніи, или же воспитаніе совершенно противоположное тому, какое я считала нужнымъ для моихъ любимыхъ,—могла ли я дорожить жизнью? Я думала, конечно, и о дѣтяхъ, но знала, что они еще слишкомъ малы и не будутъ очень скорбѣть о смерти матери.

Тѣмъ не менѣе я выздоровѣла.

Перев. З. Журавская.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*
* *

Небо хмуро. Громъ хохочетъ.
Міръ, испуганный, застылъ...
Кто-то тайный все пророчитъ:
Міръ останется безъ силъ...

Тучи стали. Торопливо
Капли прыгаютъ въ пыли.
Травы чуткія пугливо
Наклонились до земли.

Блески молній рвутъ покровы.
Тьмой объятъ широкій путь...
Но я чую: кто-то новый
Вновь освѣтитъ мракъ и жуть...

Надъ землей изнывшей зори
Встанутъ, пурпуромъ горя...
Кто-то новый, солнцу вторя,
Свѣтъ зажжетъ у алтаря...

Левъ Круповецкій.

Павловцы*).

(Изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній русскаго крестьянства.)

Посвящается Натулѣ.

6.

Разгромъ церкви.

Этотъ взрывъ произошелъ 16 сентября 1901 года. Ему предшествовало появленіе въ Павловкахъ нѣкоторой таинственной личности, сектанта Моисея Тодосіенка.

Вотъ что сообщаютъ о появленіи въ Павловкахъ этого человѣка Харахоновъ и Никитенко:

«А также объяснимъ вамъ, господа читатели, это несчастье, которое случилось съ нами въ тяжелой нашей жизни»—грустно начинаютъ они свой разсказъ о разгромѣ. «Въ 1901 году, августа 10 дня, зашло къ намъ два человѣка. Мы ихъ приняли, какъ братьевъ, и распытали ихъ, откуда они. Ну, они разсказали, что они изъ Кіевской губерніи, и начали разсказывать, что они были тамъ-то и тамъ. И мы, видя, что они много времени ходятъ, то собрали денегъ и дали имъ на дорогу, а также и накормили, и они пошли изъ Павловокъ, а куда—мы уже не знали.

«И черезъ нѣсколько времени явился опять къ намъ, въ Павловки, 10 сентября уже самъ (одинъ). И мы его приняли, какъ брата, накормили и напоили, пріодѣли его въ чистое бѣлье. А также собрались сосѣди послушать, что онъ разсказываетъ. И собрались насъ человѣкъ 15 и начали бесѣдовать и толковать Евангеліе, что *близко время тому, что написано, и должно скоро избавиться* **). А также узнали нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ, то собрались послушать что-нибудь новаго: такъ какъ (онъ) много времени уже ходитъ, то каждому человѣку интересно послушать. И это собрались въ домъ Тимоѳея Никитенко. И сталъ этотъ человѣкъ читать Евангелію, и только что просказалъ слова, что сказано:

---

*) *Русская Мысль,* кн. VII, 1907 г.

**) Курсивъ нашъ. Н. Г.

всяка душа да будетъ покорна высшимъ властямъ (Рим. 13 гл., 1 ст.) и только что проговорилъ, вдругъ пріѣзжаетъ полицейскій урядникъ и сотскіе, арестовали этого человѣка и составили протоколъ. Насъ всѣхъ поразогнавъ, а этого человѣка отправили въ волость на ночь и посадили его въ темницу.

«Тогда мы на другой день, 11 сентября, пошли и понесли тому человѣку хлѣбъ, а также и на дорогу денегъ, а урядникъ его отправляетъ въ городъ Бѣлополье къ становому приставу. Ну, такъ какъ намъ этого человѣка было жалко, что его будутъ водить этапомъ долго (мы это уже знали, такъ какъ у насъ такіе случаи были, когда забрали 2 человѣкъ у Ивана Любича, то ихъ проводили этапомъ цѣлый мѣсяцъ), тогда мы и пошли къ становому приставу, чтобы попросить этого человѣка, чтобы онъ пустилъ его вольно. Ну, становой намъ сказалъ, что я не могу вамъ сего человѣка отпустить, потому что я не имѣю въ этомъ власти, а идите къ исправнику и попросите исправника, то онъ можетъ отпустить, какъ попросите. То мы пошли съ нимъ этапомъ въ городъ Сумы къ исправнику. И когда пришли къ исправнику, то его позвали въ канцелярію и прописали его. Тогда онъ сталъ проситься, чтобъ пустили его вольно. Тогда исправникъ сказалъ: «А есть ли у тебя, чтобъ кто поручился?» Тогда онъ сказалъ, что у меня есть такіе люди, которые могутъ поручиться за меня. Тогда позвали изъ насъ человѣкъ пять, которые пошли и поручились въ томъ, что онъ именно Моисей Тодосіенко, Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда, Малополовецкой волости, села Яхни. И когда мы поручились, что дѣйствительно этотъ человѣкъ оттуда, то намъ исправникъ отпустилъ (его) вольно. И тогда мы съ нимъ пошли на базаръ; ну, такъ какъ у него была лѣтняя одежда, то мы ему купили зимнюю—пальто и брюки, фуражку и теплую рубашку.

«И пришли мы въ Павловки всѣ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, и въ Павловкахъ покормили его и дали ему на дорогу денегъ 11 руб. съ копейками, и запрягли лошадь и отправили его на станцію Новоселки, и онъ поѣхалъ въ свою сторону, т.-е. въ Кіевскую губернію, и съ нимъ поѣхалъ нашъ одинъ человѣкъ тоже въ Кіевскую губернію, Петръ Коваленко».

Изъ того, что павловцы такъ необычайно заботливо и радушно отнеслись къ Тодосіенку и хлопотали о томъ, чтобы освободить его отъ тягостей этапнаго пути и снабдить всѣмъ необходимымъ, видно, что его проповѣдь произвела на нихъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ чемъ состояла эта проповѣдь? Вѣроятно, сущность ея вполнѣ опредѣлялась словами, приводимыми Харахоновымъ и Никитенкомъ: «Близко время тому, что написано, и оно должно скоро избавиться». Эти таинственныя, полныя какого-то глубокаго, скрытаго смысла слова произвели на павловцевъ, привыкшихъ думать въ религіозномъ направленіи, необыкновенное впечатлѣніе. Чтобы понять причины такого сильнаго дѣйствія проповѣди Тодосіенка, вспомнимъ, что это былъ первый человѣкъ, которому послѣ

многихъ лѣтъ неослабнаго полицейскаго надзора удалось проникнуть въ Павловки *съ воли*, т.-е. изъ другой мѣстности. Немудрено, что павловцы слушали его съ необычайнымъ вниманіемъ. А самый характеръ его проповѣди былъ таковъ, что пробуждалъ въ слушателяхъ какіе-то порывы, стремленія, надежды, куда-то звалъ, заставлялъ напряженно ожидать чего-то великаго, что должно вскорѣ совершиться въ мірѣ, призывалъ къ какой-то дѣятельности. По словамъ одного Павловца, Тодосіенко проповѣдывалъ такъ: «Выпускайте скотъ, пусть идетъ на волю, ибо уже приблизилось царство небесное, и кайтесь во грѣхахъ своихъ, по праздникамъ не работайте и берегитесь, чтобъ не произошло гоненіе въ день субботній».

Кромѣ этой мистической таинственности, было въ проповѣди Тодосіенки еще другое, чѣмъ онъ дѣйствовалъ на менѣе сознательныхъ крестьянъ-сектантовъ. «Свидѣтельскія показанія,—пишетъ г. Мельгуновъ *),—устанавливаютъ, что Тодосіенко всегда дѣйствовалъ именемъ царя. На бесѣдахъ онъ говорилъ, что посланъ царемъ просвѣтить павловцевъ и приготовить ихъ къ «новымъ законамъ». Тодосіенко неоднократно ссылался на свои посѣщенія Петербурга».

По словамъ одного рѣчанскаго крестьянина, Тодосіенко называлъ себя освободителемъ, посланнымъ отъ Бога, Моисеемъ, которому должно придти. «Я освобожу васъ,—говорилъ онъ,—я васъ выведу на свободу, избавлю отъ всякихъ притѣсненій. Надо любить другъ друга и никого не обижать; скотъ жалѣть. Близко пришествіе Христа, Сынъ Божій уже скоро сойдетъ на землю судить міръ сей. Надо покаяться, надо отказаться отъ всѣхъ дурныхъ мыслей. Придетъ время, когда не будутъ болѣе воевать, будутъ жить по правдѣ, жизнь будетъ свободной». Про себя онъ говорилъ, что онъ именно и есть устроитель этой свободной жизни, что онъ посланъ государемъ туда, гдѣ народъ страдаетъ, и проч. Говорилъ, наконецъ, о близкомъ наступленіи всемірной войны духовной.

Павловскій крестьянинъ, выдержку изъ письма котораго мы привели выше,—пишетъ, что Тодосіенка провожали до станціи Новоселокъ 4 человѣка павловцевъ. «Воротились обратно изъ Новоселокъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «Былъ я мертвъ, теперь воскресъ; кто вѣритъ мнѣ, тотъ долженъ подойти ко мнѣ и сказать: Христосъ воскресъ! поцѣловать, и всѣ грѣхи прощу». Въ этомъ онъ убѣждалъ со слезами и говорилъ: «Мнѣ дано Богомъ такъ».

Человѣка этого звали Григорій Павленко. Онъ остался какъ бы замѣстителемъ, преемникомъ Тодосіенка въ Павловкахъ.

Письмо, изъ котораго мы приводимъ эту выдержку, написано 14 сентября, за 2 дня до разгрома церкви. Словно предчувствуя что-то недоброе, писавшій начинаетъ его словами: «Дорогой Дмитрій Александровичъ! спѣшу васъ увѣдомить *о страшной картинѣ*, какая у насъ явилась».

---

*) *Русскія Вѣдомости*, 1906 г., 18 февраля.

Послушаемъ дальше разсказъ Харахонова и Никитенка о томъ, что произошло въ Павловкахъ послѣ отъѣзда Тодосіенка.

«А 14 числа сентября пришли нѣкоторые изъ братьевъ къ намъ, такъ какъ имъ тоже интересно было знать и хотѣлось узнать, что говорилъ исправникъ и *какъ отпустилъ вамъ этого человѣка* *). Тогда мы стали говорить, что онъ повѣрилъ намъ; *или это что-нибудь новое, что онъ пустилъ* **). Ну, въ виду того, что намъ собираться нельзя до кого-нибудь въ домъ и насъ за это штрафуютъ, то мы вышли на улицу и тамъ стали другъ дружкѣ разсказывать. То къ намъ подошло и еще нѣсколько человѣкъ и тѣ *желали послушать о томъ, что говорили у исправника* ***). А также собрались женщины и дѣти. И это было на самый праздникъ, т.-е. Воздвиженіе Честного и Животворящаго Креста Господня; то мы пошли скрозь деревней пройтись и поговорить. Тогда къ намъ присоединилось еще тѣмъ болѣе дѣтей Божіихъ.

«Шли и разговаривали, но народъ этому удивлялся, такъ что иные говорили: «Это правда идетъ». А нѣкоторые насмѣхались, а также стали спрашивать: «Что это у васъ сегодня, развѣ праздникъ?» То и мы отвѣтили, что отъ сего дня должна правда явиться на землѣ и Христосъ воскреснетъ въ мірѣ.

«Ну, священникъ доложилъ урядника, а также призвали къ себѣ и попросили, чтобъ доложили становому приставу, что въ Павловкахъ сектанты уже собираются толпами по улицамъ и проповѣдуютъ какую-то правду, то ихъ нужно разогнать. А то они много народа привлекутъ къ себѣ. И тогда урядникъ, по просьбѣ священниковъ, доложилъ становому приставу, что сектанты не изменьшаются, а увеличиваются и ходятъ толпами по деревнѣ.

«*А насъ какая-то охватила горячая любовь, такъ что намъ ничего не было жалко: ни отцовъ, ни матерей, ни женъ, ни дѣтей, ни денегъ, а только намъ стало жаль друзей и братьевъ, что страдаютъ за правду вездѣ по тюрьмамъ и по другимъ государствамъ посланы* ****).

«И мы проводили весь день въ постѣ и молитвѣ и читая Евангеліе. А вечеромъ 15 числа мы прошли немного хуторомъ Дмитровкой и зашли къ своему бывшему благодѣтелю, Дмитрію Александровичу Хилкову, въ садъ, гдѣ росло дерево, приносящее добрые плоды, и кто вкушалъ того плода, то тотъ познавалъ въ чемъ добро и зло; и зашли въ его пасѣку, гдѣ мы почерпнули сладкаго душевнаго меду и ѣли его. И пришли отъ Дмитрія изъ саду обратно къ Тимоѳею Никитенку въ домъ и стали читать Евангелію и проводить время въ молитвѣ. И къ намъ приходили народы (приходилъ народъ), нѣкоторые изъ нихъ насмѣхались,

*) Курсивъ нашъ. Н. Г.
**) Тоже.
***) Тоже.
****) Тоже.

а нѣкоторые входили въ домъ и смотрѣли, и вѣрили, и говорили: что должно, сбывается по Евангелію, и разошлися благополучно.

«И когда доложили становому приставу, то становой позвалъ полицію и приказалъ, чтобы ѣхали въ Павловки; то полицейскій и становой пріѣхали на ночь 15 числа противъ 16 сентября. Но мы этого не знали, что для насъ приготовлено угощеніе. 16 числа мы того ничего не зная, что на насъ готовится, *а также и у насъ не было намѣренія что-нибудь дѣлать или бить и даже изъ насъ сейчасъ нѣкоторые убѣждаются (не вѣрятъ), что съ нами случилось* *).

«И собралось насъ немного, душъ 20 мужчинъ и женщинъ и дѣтей, и стали говорить: «сегодня воскресенье, то давайте пойдемъ, какъ и на Воздвиженье, ходить». И соглашались пройти ради только праздника. И хуторъ отъ церкви Николы 2 версты; и когда мы пошли, то къ намъ присоединилось больше народу, и пройдя такое (двѣ версты) пространство, собралась уже толпа душъ около 500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

«И не доходя мы до церкви Николы сажень 60 или 80, вдругъ одинъ полицейскій урядникъ на лошади верхомъ и несмотря ни на что, въѣхалъ въ толпу и началъ кнутомъ бить и лошадью топтать. Тогда изъ насъ нѣкоторые видятъ, что онъ такъ поступилъ, и схватили его лошадь за хвостъ, и лошадь испугалась и выскочила и поскакала вдаль. Но мы толпой, проходя мимо церкви-школы, и на мосту стоитъ толпа народа, и городовые, и полицейскіе съ мечами (шашками) и кольями и начали насъ удерживать и бить. И это было отъ церкви-школы сажень 20. И когда прибили насъ къ этой школѣ (насъ состояла толпа не изъ однихъ сектантовъ, а были и православные) и видя, что бьютъ, тогда начали мы уговаривать, чтобы они одумались и перестали это дѣлать. Но они не брали и вниманіе о томъ, и тѣмъ болѣе стали бить, чѣмъ попало. Видя, что они стали ломать заборъ и бить, которые были около школы, тогда (мы) бросились толпой на этотъ заборъ и проломились, и тогда начали ломать у полицейскихъ шашки и закидывать, чтобъ не бились, а также ворвалась и въ школу вся толпа и побили все, что только попалось на глаза» (разломали хоругви, разбили иконы, опрокинули престолъ, разорвали напрестольное Евангеліе **), поломали крестъ и пр.).

«*А также участвовали въ разгромѣ церкви-школы и православные* ***). Они дожидали такого случая давно, такъ это всему міру (всѣмъ) извѣстно, что устроена школа во имя одного помѣщика и его жены, которые еще не болѣе какъ 25 лѣтъ умерли, а по русскимъ законамъ въ сто лѣтъ уводятся въ святые. То и узнавъ народъ, въ чемъ священниковъ

*) Курсивъ нашъ. Н. Г.

**) По поводу уничтоженія Евангелія *Петербургскія Вѣдомости* совершенно справедливо писали: „Уничтоженіе Евангелія въ церкви-школѣ несомнѣнно объясняется аффектомъ: ломали, рвали, разбивали все, что попадалось подъ руку, не разбирая, что именно“. (*Петерб. Вѣдом.*, 1901 г., № 281).

***) Курсивъ нашъ.

неправда. Такъ что не одни тѣ виноваты 17 человѣковъ, на которыхъ оборвалась и упала башня, а весь міръ виноватъ. А также и объясним вамъ послѣ какая церковь-школа, т.-е. ниже.

«И когда это скопище народа вышло изъ школы, то направилась вдоль по селу вся толпа. И это уже было доложено становому, и священники приказали звонить набатъ».

По словамъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*, когда слухъ о разгромѣ церкви разнесся по селу, то нѣкоторые православные вышли на улицу для того, чтобы посмотрѣть и убѣдиться, вѣренъ ли этотъ слухъ; другіе шли прямо на защиту церкви; третьи, пораженные ужасомъ, засѣли у себя дома. Священникъ спрятался въ сараѣ и просидѣлъ, зарывшись въ сѣно, до полудня *).

«И мы, не доходя старой церкви саженей около 200, и вдругъ встрѣчаетъ насъ становой приставъ со множествомъ народа, вооруженные вилами и кольями, а также и полицейскіе съ мечами. И становой скричавъ: «Стойте! удерживайте ихъ!» и встрѣчная толпа, которая была вооружена кольями, бросилась къ намъ. Ну, это было страшно попасть въ руки разбойниковъ и стали вырываться изъ толпы. Ну, насъ толпа стала удерживать и бить насъ; но мы, видя такое несчастье, стали вырываться и спасая свою жизнь, а также вырывать у полиціи шашки и ломать и закидывать.

«И видимъ мы, что разсвирѣпѣлъ народъ, такъ что, которые били и ломали церковь-школу, потомъ беретъ колъ и начинаетъ бить насъ. Тогда мы видя, что нельзя спастись, стали бѣжать куда только можно, спастись отъ церкви видимой; но такъ какъ улицы вездѣ полны народа и въ селеніи спастись нельзя, а развѣ только въ полѣ, а въ поле бѣжать-то надо мимо старой церкви. Но тамъ тоже было множество народу, и кто не прорвался, того убивали до смерти и позагоняли, куда кого попало. А нѣкоторые убѣгали въ поле, то и за тѣми нашлись нездраваго ума, что гонялись верхомъ на лошади, и произвели убійства. И кто могъ убѣжать, то становой и священники велѣли перебивать ноги, чтобъ нельзя было бѣжать. А также и сами священники и становой участвовали въ разбойствѣ.

«И семь человѣкъ убили до смерти (?) **) около второй церкви, которые бѣгли въ поле, но толпа стояла на пути и убивала».

По словамъ одного рѣчанскаго крестьянина, избитые сектанты лежали полумертвые на площади и кричали: «Покайтесь, ибо приближается время пришествія Христова». И тѣмъ, кто ихъ били, они говорили: «Покайтесь, истинно правда идетъ. Христосъ воскресъ!» Ихъ бьютъ еще ожесточеннѣй, а они повторяютъ: «Намъ васъ жалко, что вы погибшіе. Покайтеся!»

*) *Петербургскія Вѣдомости*, 1901 г., № 281.

**) „До смерти"—вѣроятно, въ смыслѣ: до потери сознанія. Убитъ былъ православными только одинъ сектантъ, Яковъ Коваленко; всѣ же другіе сектанты, хотя и были избиты, но остались живы и были сосланы на каторгу. Н. Г.

«...А Тимоеей Никитенко идетъ послѣ того погрому, такъ что часа черезъ полтора, то ему сказали: «Возьми брата». А Тимоеей имъ: «Когда убили, то приберите сами». И онъ въ толпѣ не былъ, а ужъ шелъ послѣ погрома. То его около Кобыльченка стали бить псаломщикомъ, двумя причетниками, Иваномъ Федорченко и Василіемъ Новакомъ за то, что въ его домѣ читали Евангелію, и побили его до полусмерти.

«Человѣкъ 15 перебивали такъ, что тому руку, тому ногу, тому ребра поломали и головы также поразбивали. И тогда начали насъ извозить (свозить) какъ дрова и возить въ волостную темницу. И когда привозили въ темницу, то и тамъ били.

«А затѣмъ, что одинъ человѣкъ выскочилъ въ поле, то за нимъ погнались верхами на лошадяхъ. И участвовалъ одинъ купецъ Акимъ Чепуренко, а другой—Иванъ Даниловъ Дурманъ, и давай гнаться верхами на лошадяхъ за Петромъ Харахоновымъ версты 4 до станціи Новоселки, такъ что Чепуренко вернулся, а Иванъ Дурманъ поѣхалъ на Новоселку и заказавъ, чтобы никого не принимали, а также и ловили, кто придетъ. И когда Петръ Харахоновъ пришелъ на станцію, то на станціи Новоселки собралась толпа народу. Тогда Петръ Харахоновъ остановился, и подошла къ нему толпа и стали спрашивать, въ чемъ дѣло. Тогда Харахоновъ говоритъ этому народу, что въ Павловкахъ страшный судъ, такъ что встали язычники гоненіемъ на христіанъ и убиваютъ, такъ что, должно, будетъ конецъ этому злому вѣку и наступитъ на землѣ царство Божіе, и тогда не нужно будетъ ни серебра, ни золота. И вынулъ изъ кармана золотой, пять рублей, и бросилъ при народѣ, и сказалъ, что его тогда-то не нужно будетъ. И народъ удивлялся и изумлялся, что это такое? И показалъ имъ, что онъ сильно побитъ, когда скинулъ верхнюю одежду, и какъ углядѣлъ народъ, что онъ весь въ крови, то всѣ испугались, такъ что сотскіе боятся вести въ Павловки. И благодаря одному человѣку, спросивъ его: «Что ты, можетъ, съѣсть хочешь?» то онъ далъ хлѣба и мяса.

«Тогда Харахонова схватили сотскіе и повели его обратно въ Павловки, а также и жену его—она тоже была на станціи. И провели такъ, что версты двѣ шла толпа народу слѣдомъ. Ну, навстрѣчу его бѣгло человѣкъ семь уже пьяные и встали изъ повозки и давай бить Харахонова. И тогда тѣ люди, видя, что бьютъ, то начали разбѣгаться, кто куда попало, а его начали вести и бить, и не доводя за версту до Павловокъ, смотрятъ, что одна только его жена (изъ сопровождавшихъ), то стали спрашивать другъ друга: «Что эта за женщина?» То одинъ сказалъ, что это его жена, да еще не вѣнчанная. Тогда и ее стали бить и говорить: «А така-сяка! ты зачѣмъ слѣдомъ бѣгаешь?» И давай обоихъ бить, такъ что, когда довели къ расправѣ, и сбили съ ногъ и до того били, что и рубашку оборвали, и вкинули въ темницу, какъ полѣно дровъ.

«А вечеромъ привезли изъ экономіи Хотенской графини Строгановой 2 ведра водки и купили священники на свои деньги 2 ведра и напаивали народъ, и народъ, напившись водки, и подѣлался, какъ лютые тигры, и

побравши колья, ходили цѣлую ночь, и до кого попавъ, и берутъ, ведутъ и бьютъ до смерти, и даже такихъ, что не только, что былъ въ толпѣ, а и такихъ, которые и не знали.

«А въ Павловки насгоняли народа со всѣхъ ближайшихъ селъ и хуторовъ около пяти тысячъ. И этотъ народъ послали отрядомъ во всѣ концы Павловокъ. Такъ что нѣкоторые даже бѣгали въ Курскую губернію, а многіе спасались въ полѣ и въ лѣсу. Такъ что 3 дня и 3 ночи съ фонарями искали, гдѣ кого найдутъ, тамъ и убиваютъ (избиваютъ). Якова Стрижака, и ему 63 года, и онъ нигдѣ и не былъ, и его взяли изъ дома и побили его до полусмерти и приговорили на 12 лѣтъ въ каторгу. И Якова Коваленка тоже убили на его огородѣ, такъ что и черепъ сбили, и потомъ привезли на повозкѣ въ волости и перекинули, а говорятъ, что онъ померъ своей смертью. Ну, докторъ признавъ, что отъ побоевъ, такъ что повреждены мозги. Такъ же и Михаила Шекулу прибили до полусмерти, такъ что семь штукъ реберъ переломили, и это въ его домѣ, и привезли въ волость и выбросили. А также много и другихъ невинныхъ позабирали изъ домовъ, что они не были въ толпѣ и накидали полную камеру, какъ нарѣзанную скотину.

«А кругомъ той камеры, въ которой лежатъ полумертвые, народъ стоялъ съ кольями, даже стѣны ковыряли и подкапывались подъ стѣны и кричали: «Отворяйте, мы ихъ подобиваемъ». А въ камерѣ той было много, такъ что сдѣлалось жарко отъ множества народу. Пить не давали, ну, кой-какъ одинъ человѣкъ подалъ кружки 3 или 4, то намъ немного полегчало. А женщинъ въ другое помѣщеніе—общественный домъ былъ пустой, то ихъ стаскивали туда и натаскали ихъ тоже полный домъ. Но они начали пѣть псалмы, и тогда вскакуетъ урядникъ въ этотъ домъ и давай кнутомъ сѣкти женщинъ и несмотря на малыхъ дѣтей. То женщины, несмотря на то, что бьютъ, а они говорятъ: «Христосъ воскресъ! и что ты, братъ, дѣлаешь? Христосъ воскресъ!» А урядникъ тѣмъ болѣе злился и билъ, по чему попало, и говорилъ: «Молчите, а то позасѣкаю». И видя, что они все говорятъ: «Христосъ воскресъ!»—то плюнувъ и пошелъ.

«И когда насъ постаскивали, тогда наше имущество порастаскивали. Красная лавка была—то разобрали, а кто убѣжалъ изъ дому въ поле, то въ домѣ, что было, били, всю посуду и окошки.

«И эта битва была три дня и три ночи, такое безобразіе, пока пріѣхалъ губернаторъ и исправникъ. И тогда насъ стали перепрашивать, а также и переписывать и ночью отправлять насъ въ городъ Бѣлополье по три человѣка на повозкѣ. И за это съ нашего имущества уплачивали извозчикамъ, съ каждаго человѣка по 2 р. 30 к. И отправили мужчинъ, а на другую ночь женщинъ въ полицію. И въ полиціи продержали насъ 6 дней. Тамъ изъ насъ кой-какіе пооживали, хотя стали говорить. А ѣсть пищи нельзя было нѣкоторымъ, потому что повыбивали и зубы и челюсти посбиваты. И пришелъ докторъ или фельдшеръ и 21 числа поперевязывалъ намъ раны и пообвивалъ намъ руки и ноги и головы».

7.

Тюрьма, судъ и ссылка.

«И отправили насъ на станцію Бѣлопольскую, а также привезли насъ въ Сумскую уѣздную тюрьму: 37 человѣкъ 22 числа, а потомъ и еще привезли 31 душу, мужчинъ и женщинъ. Тамъ изъ насъ, которые были сильно ранены, то ихъ положили въ больницу. И благодаря доктору Курочкину, что онъ около насъ съ усердіемъ старался, и каждый день посѣщалъ и подкрѣплялъ. А начальство и также начальникъ тюрьмы и надзиратели зубами скрюжали и сильно ругались и ѣсть не давали, а также больныхъ на работу брали, такъ что и наклониться нельзя было, а они заставляли работать насъ. А также обращенія съ нами никакого не было, а кто скажетъ, что больной, то его берутъ сейчасъ, въ карцію ведутъ и въ карціи бьютъ и несмотря, что боленъ. Якову Федоренку пробили голову, такъ что пробылъ въ больницѣ цѣлый мѣсяцъ, а также и Василья Шекулу, и Максима Горового, и Дениса Ткаченка, и Петра Харахонова и Ивана Житняка, которыхъ били въ Сумахъ за то, что только сказалъ, что боленъ.

«Такъ что когда вышли на работу, то съ плачемъ должны работать, такъ что не вѣритъ, что нельзя работать. И заставляли съ палисадника изъ кустовъ выгребать пальцами и выметать, а пальцы побиты и пообмотаны, такъ что и торкнуться нельзя, то они на это даже и вниманія не брали и не обращали.

«Мы не думали, что насъ оставятъ въ живыхъ, а думали, что повѣсятъ или разстрѣляютъ.

«А также черезъ нѣсколько того времени присылаютъ намъ осужденіе отъ земскаго начальника за то, что 10 сентября были у Никитенка въ домѣ, и захватилъ урядникъ и постановилъ протоколъ, что будто было собраніе, когда взялъ Тодосіенка, а также и другіе были люди. И зато земскій начальникъ приговорилъ судомъ по 50 руб. съ каждаго человѣка за то, что были въ домѣ у Тимоѳея Никитенка, то и его жену приговорилъ земскій начальникъ по 50 руб., то-есть съ двоихъ 100 руб., Авраама и съ сыномъ его, Григоріемъ Павленкомъ—100 руб., Ивана Любича—на 50 руб., Максима Каширу—на 50 руб., Дмитрія Черняка—на 50 руб., Дмитрія Щербака—на 50 руб., Михаила Никитенка—на 50 руб., Василія Шекулу—на 50 руб., Антона Кобыльченка—на 50 руб., Харитина Торяникова вдова тоже—на 50 руб., Миронъ Новиковъ—на 50 руб., Спиридонъ Бабенко—на 50 руб., Назаръ Прядка—на 50 руб., а также и Тодосіенко—на 50 руб. и также много другихъ. А почему собрался туда народъ, потому что Тимоѳея Никитенка была лавка, то и народъ собрался; такъ какъ это было воскресенье и отворять лавку еще было рано, а народу собралось много къ лавкѣ Никитенка, то вошли въ садъ и посѣдали (сѣли), такъ какъ огородъ Никитенковъ былъ крайній отъ выгона. Ну, люди и собирались каждый по своему дѣлу въ лавку и дожидали время, пока можно отперти лавку. И только что я, Никитенко, часовъ въ 10,

войдя въ домъ, и дѣти, а также Тодосіенко и посѣдали обѣдать и послѣ обѣда идти въ лавку отперети, а также и еще пригласивъ къ себѣ обѣдать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которые пришли въ лавку, и посадились за столъ; а на окошкѣ лежала Библія, и Тодосіенко взялъ и раскрывъ Библію, а Никитенко взялъ въ руки ключи идти въ лавку. И вдругъ урядникъ съ сотскимъ вскакуетъ въ домъ, арестовавъ Тодосіенка, а тѣхъ, кто былъ въ домѣ, переписалъ, а потомъ разогнавъ, а также составилъ протоколъ и передалъ земскому начальнику, а земскій приговорилъ на 50 руб. штрафу. И у кого нечѣмъ было заплатить, тотъ подъ земствомъ отсиживалъ по 2 мѣсяца, а у кого было что продать, тотъ деньгами отдавъ».

Въ ожиданіи суда и его грознаго рѣшенія павловцы просидѣли въ тюрьмѣ болѣе 4 мѣсяцевъ. Судъ былъ назначенъ на 28 января 1902 г., въ городѣ Сумахъ, при закрытыхъ дверяхъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Все судопроизводство велось въ строжайшей тайнѣ. До такой степени считали нужнымъ скрыть этотъ судъ отъ всякаго посторонняго глаза, что не разрѣшили присутствовать на немъ даже нѣкоторымъ православнымъ миссіонерамъ, о чемъ просили предсѣдателя харьковской судебной палаты нѣкоторые епархіальные архіереи *). Доступъ въ залу суда получили, кромѣ предсѣдателя и прокурора мѣстнаго окружнаго суда, только *свои люди*, спеціально командированные чиновники: два отъ министерства юстиціи (наблюдать за судопроизводствомъ), въ числѣ ихъ будущій министръ юстиціи г. Щегловитовъ, одинъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—жандармскій полковникъ **), чиновникъ особыхъ порученій при харьковскомъ губернаторѣ и чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ синода, В. М. Скворцовъ, ярый гонитель сектантовъ. Изъ родственниковъ подсудимыхъ разрѣшено было присутствовать въ общей сложности не болѣе, какъ пяти человѣкамъ.

Первое засѣданіе суда было назначено на 28 января. По разсказу В. Г. Короленка ***), «уже въ 8 часовъ утра въ городѣ можно было замѣтить особенное оживленіе, связанное съ процессомъ. Кучки народа постепенно сгущались, усѣяли тротуары и откосы улицъ на всемъ протяженіи отъ тюрьмы до зданія суда. Особенно большая толпа собралась у тюрьмы. Утро было сырое и туманное, но это не помѣшало любопытнымъ ожидать до 11 часовъ, когда, наконецъ, темныя ворота тюрьмы раскрылись и оттуда показался сѣрый отрядъ подсудимыхъ. Впереди на одноконной подводѣ ѣхали трое больныхъ мужчинъ. За ними, на слѣдующихъ двухъ, группы женщинъ

*) „На имя старшаго предсѣдателя харьковской судебной палаты поступило отъ нѣсколькихъ епархіальныхъ архіереевъ ходатайство о допущеніи къ слушанію дѣла о безпорядкахъ въ селѣ Павловкахъ нѣкоторыхъ лицъ духовнаго вѣдомства миссіонеровъ. Всѣ эти ходатайства оставлены безъ удовлетворенія". *Одесскія Новости*, 29 января 1902 г.

**) По словамъ В. Г. Короленка, его роль на судѣ состояла въ томъ, что онъ „съ угрожающимъ видомъ записывалъ рѣчи защитниковъ" (*Русское Богатство*, № 5, 1906 г.).

***) *Русскія Вѣдомости*, № 23, 1902 г.

съ дѣтьми. Одна изъ нихъ особенно привлекала вниманіе красотой и трагическимъ выраженіемъ неподвижнаго, почти экстатическаго взгляда. За подводами тѣсными рядами шли мужчины, и въ самомъ концѣ, межъ двухъ конвойныхъ, отдѣльно отъ остальныхъ, слѣдовалъ «пророкъ»—Тодосіенко. По бокамъ всего отряда идутъ полицейскіе и драгуны. Нѣкоторыя лица среди подсудимыхъ поражаютъ изнуреннымъ, болѣзненнымъ видомъ; настроеніе ихъ угадать трудно, но оно кажется подавленнымъ и угнетеннымъ; настроеніе же толпы зрителей, состоящихъ въ огромномъ большинствѣ изъ простого народа,—сдержанное, серьезное, вдумчивое. Изрѣдка на выраженіе невольнаго сожалѣнія слышится отвѣтъ: «сами виноваты».

Корреспондентъ *Новаго Времени* *) такъ описывалъ процессію: «Въ половинѣ двѣнадцатаго изъ воротъ тюремнаго замка двинулась процессія, щемящая душу своимъ видомъ. Впереди ѣдетъ на извозчикѣ исправникъ, затѣмъ на двухъ подводахъ везутъ двухъ искалѣченныхъ крестьянъ; далѣе 4 женщины съ грудными дѣтьми **); за ними группа дѣвушекъ по двѣ въ рядъ, потомъ парни и мужчины, всѣ въ арестантскихъ одеждахъ, крѣпко прижавшись одинъ къ другому. Кругомъ усиленные караулы навгородскихъ драгунъ съ саблями наголо, конвоиры съ ружьями, полиція».

«Первое засѣданіе по павловскому дѣлу длилось до 11 часовъ ночи, съ перерывомъ на 2 часа для обѣда. Подсудимыхъ при свѣтѣ факеловъ доставили въ тюрьму прежнимъ порядкомъ. Улицы были полны народа, несмотря на дождь» ***).

Что касается самого суда, то В. Г. Короленко писалъ о немъ впослѣдствіи ****). «Судъ этотъ когда-нибудь займетъ мѣсто въ скорбной лѣтописи нашего суда на-ряду, если не впереди, процессовъ гомельскаго и кишиневскаго. Если сказать, что въ засѣданіе не были допущены даже отцы и матери подсудимыхъ, то это будетъ характеристика его «гласности»; а если прибавить, что приговоръ, составленный судьями, прежде объявленія сторонамъ, былъ отосланъ въ Петербургъ на чье-то предварительное совершенно непредвидѣнное закономъ одобреніе, то это будетъ характеризовать его «независимость» и «законность».

По словамъ корреспондентовъ *****), «роль защиты была самая жалкая и, по ихъ понятіямъ, настолько обидная, что они все порывались бросить и отказаться. Имъ до суда не позволили видѣться съ подсудимыми, слѣдствіемъ чего было то, что свидѣтелей со стороны заключенныхъ подсудимыхъ не было вовсе. Одни не хотѣли этого сами, а большинство подсу-

---

*) № 9305.

**) По словамъ В. М. Скворцова, дѣти были вмѣстѣ съ матерями потому, что не на кого было ихъ оставить дома, такъ какъ цѣлыя семьи: отецъ, мать, братья, сестры были привлечены къ суду, такъ что дома оставались только подростки. *Мисс. Об.*, № 3, 1902 г., стр. 615.

***) *Новое Время*, 30 января 1902 г.

****) *Русское Богатство*, № 4, 1905 г.

*****) *Свободное Слово*, 1902—3.

димыхъ и хотѣли бы, но они ничего не знали и пропустили семидневный срокъ на это; и если и были свидѣтели, то только со стороны 3—4 человѣкъ, находящихся на свободѣ (отпущенныхъ на поруки); эти были, конечно, у мѣстнаго защитника, и они оправданы. Вопросовъ, которые могли бы сколько-нибудь выяснить темныя стороны дѣла, какъ поступки мѣстной администраціи и пр., защитѣ запрещено было касаться вовсе. Рѣчи нѣкоторыхъ подсудимыхъ такъ растрогали слушателей, что одинъ защитникъ по окончаніи судебнаго разбора впалъ чуть не въ истерику и разразился рыданіемъ».

Приговоръ суда, какъ и слѣдовало ожидать, былъ очень суровъ: изъ 68 подсудимыхъ 17 были оправданы, четверо были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 3 до 8 мѣсяцевъ, одинъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года, пять—на 8 лѣтъ, 37 человѣкъ на 12 лѣтъ и двое (Тодосіенко и Григорій Павленко)—на 15 лѣтъ. О двоихъ подсудимыхъ, при смерти больныхъ, судъ не постановилъ никакого рѣшенія. Впослѣдствіи всѣ женщины изъ осужденныхъ были «помилованы», а изъ мужчинъ 19 человѣкамъ каторга была замѣнена поселеніемъ, и только 15 человѣкъ изъ всѣхъ осужденныхъ дѣйствительно пошли въ каторгу *).

Мы передавали уже разсказъ Харахонова и Никитенка о томъ, что въ число осужденныхъ въ каторгу за разгромъ церкви попали и нѣкоторые изъ тѣхъ сектантовъ, которые не только не участвовали въ разгромѣ, но даже не были въ толпѣ, ходившей по улицамъ (въ числѣ такихъ былъ и самъ Никитенко). Продолжимъ дальше ихъ разсказъ о судѣ надъ ними.

«А также передъ судомъ прошла молва, что будутъ вѣшать. И когда вели насъ на судъ, то за народомъ нельзя было пройтить, даже позабиваны всѣ улицы народомъ, то насъ обводили по закоулкамъ, т.-е. глухими улицами до окружнаго суда. Ну, народу тьма была, и думали, что вотъ посмотримъ, какъ будутъ стрѣлять. И также 8 дней водили насъ въ судъ, и народъ смотрѣлъ, какъ на какое удивительное чудо; но видя, что когда судъ кончился и нѣкоторыхъ оправдали, 17 душъ и пошли домой, а насъ 50 душъ приговорили въ Сибирь къ каторжнымъ работамъ.

«И также защитники взялись ходатайствовать передъ сенатомъ, а также и передъ государемъ. И никого (ничего?) не требовали, а сами пріѣхали защищать, да и еще денегъ привезли намъ. Тогда надзиратели стали обращаться по человѣческому до того времени, пока выѣхали изъ Сумъ въ харьковскую тюрьму. А по первому нашему пріѣзду въ сумскую тюрьму, то надъ Лантитскимъ Савостьяномъ не было хуже надзирателя; какъ звѣри были, не давали и лечь днемъ, а человѣку больному не выстоять на ногахъ весь день. А также, когда мы прибыли, то намъ хлѣбъ сполна не

*) По словамъ синодскаго чиновника В. М. Скворцова, видѣвшагося съ осужденными въ тюрьмѣ на другой день послѣ приговора, „нѣкоторые (изъ нихъ), всѣ молодые, говорили о содѣянномъ, какъ о подвигѣ, свыше внушенномъ, а потому и не печалились за свою судьбу, а человѣка 2—3 говорили о присужденномъ наказаніи съ радостью“. *Мисс. Об.*, № 3, 1902 г., стр. 614.

выдавали; а также кто изъ дому передаетъ деньги, то тоже не оказывали, и кто подавалъ подаяніе, то его не давали. А что скажешь, то не смѣй и говорить, а то сейчасъ въ карцію и бьютъ.

«И когда намъ вычитали, что сенатъ подтвердилъ, и защитники взялись ходатайствовать передъ государемъ о помилованіи; тогда палата тоже взялась за 35 душъ хлопотать передъ государемъ, чтобы замѣнить каторгу поселеніемъ, а пятнадцати человѣкамъ палата отказала и нашла не нужнымъ оправдать, и за этихъ 15 человѣкъ взялись защитники и подали прошеніе на имя государя. А также подали въ палату прошеніе, чтобы не утверждали приговора до того, пока придетъ отъ Высочайшаго имени, но палата не обратила вниманія на наше прошеніе и заковала насъ 15 человѣкъ, и отправили въ харьковскую тюрьму 4 іюля *). И мы тамъ пробыли немного, а потомъ привезли и тѣхъ 35 душъ 29 августа. И (мы) пробыли въ харьковской тюрьмѣ по 13 сентября, и пришло помилованіе отъ Государя, и 14 душъ женщинъ выпустили.

«Господа читатели, просимъ васъ, а также и объясняемъ вамъ о церкви-школѣ. Какъ оно ясно стало всему народу не только въ Павловцахъ, а вокругъ Павловокъ верстъ на 20, что и какъ священники обманываютъ, не только сектантамъ ясно стало, но и всему народу стало извѣстно, что священники обманываютъ и въ чемъ ихъ обманъ.

«Такъ какъ селеніе Павловки длиною около 7 верстъ въ одну сторону, и въ одной сторонѣ Павловокъ есть земское училище, въ которое ходили дѣтишки учиться, которымъ ближе, а съ другой стороны верстъ 5 къ ему, то было ходить неудобно: во-первыхъ, далеко, а во-вторыхъ и холодно; то дѣти стали учиться грамотѣ также по домамъ ихъ родителей. И у одного крестьянина собирались въ домѣ, Кондрата Плички, и учились грамотѣ. И когда узналъ урядникъ, то доложилъ становому приставу, и становой приставъ запретилъ тѣмъ дѣтямъ ходить учиться, а Пличку арестовали. А также и спросилъ: «Почему вы не посылаете въ земское училище?» то становому разсказали, что, во-первыхъ, далеко, а во-вторыхъ, и холодно для малыхъ дѣтей. И это было дѣло зимой. И черезъ зиму пріѣзжаетъ въ Павловки становой приставъ и три священника и собрали общество и стали просить у общества мѣста на церковно-приходское училище. Но у общества не нашлось для этого училища мѣста, потому что у общества и смѣтники всѣ позаняты постройками.

«Но такъ какъ въ Павловкахъ былъ кусокъ земли, принадлежащій одному помѣщику Харьковской губерніи, Сумского уѣзда, Ястребенной волости, хутора Екатериновки, Ѳедору Иванову Иваницкому и женѣ его, Глафирѣ,—они тотъ кусокъ земли выиграли на карты или на какихъ-то звѣрей замѣняли; съ поконъ вѣку стоялъ шинокъ тамъ. А также и тому помѣщику не было 25 лѣтъ, какъ онъ умеръ, а также и жена умерла. То

*) Одинъ человѣкъ, видѣвшійся въ Харьковѣ съ 15 павловцами, отправляемыми на каторгу, передавалъ, что ихъ такъ плохо кормили, что они страшно исхудали и сдѣлались желты, какъ воскъ. Н. Г.

его весь народъ ближайшій зналъ, какъ они свою жисть вели распутно. А также онъ былъ становымъ приставомъ и какъ мучилъ людей, своихъ крестьянъ. У кого была лошадь плохая, то онъ билъ того человѣка и говорилъ: «Что ты спать здоровый? ты не спи, а за ночь разживись себѣ лучшую». Такъ что онъ велѣлъ красть. И если у кого нѣтъ корму или топливу, то онъ тоже билъ розгами и велѣлъ красти. А жена его тоже народъ мучила, такъ что ни за что била крестьянъ по щекамъ, не рукой, а клепкой, всегда она съ клепкой и ходила. А потомъ она разошлась съ своимъ мужемъ и начала вести жизнь распутную, такъ что имѣла она десять мужей. А также у ея мужа было тѣмъ болѣе женъ, а така была развратна жисть, что въ мірѣ хужей не надо. И это всему міру извѣстно.

«И послѣ ихъ осталась у нихъ дочь наслѣдницей, Софья Өедоровна, и послѣ смерти отца вышла замужъ за господина Гурянова. И она тоже съ своимъ мужемъ разошлась, такъ что не прожила и трехъ лѣтъ вмѣстѣ (лѣтъ 15 тому назадъ). И этотъ кусокъ земли принадлежалъ по наслѣдству Софьѣ Өедоровнѣ Гуряновой, въ Павловкахъ, на которомъ стоялъ шинокъ, но это было уже прибрано (т.-е. шинка уже не было. Н. Г.). И когда у общества просили мѣста подъ церковное училище, то общество и указало на этотъ кусокъ земли. И священники тогда начали рискувать, чтобъ купить, и оно согласилось продать, но только требовало съ нихъ большія деньги; или: «такъ какъ вы будете строить церковь-приходское училище», то она сказала: «устройте на имя моего отца и мать, то я вамъ подарю его». И какъ у поповъ завистливы глаза, то они и согласились это устроить. И когда сдѣлали уговоръ о томъ, что на имя отца и мать устроить престолъ, тогда дозволила строить. И выстроили такъ домъ подъ названіемъ церковь-приходское училище, и устроили въ одномъ уголку иконостасъ, а также и престолъ. И смулевали (написали) икону, два лица, и назвали ихъ: святой Өедоръ и Глафира. И такъ называли престолъ святого Өедора и Глафиры, которые не было 25 лѣтъ, какъ померли...

«А когда производили тамъ правила, часы, то такъ какъ людямъ было это все въ глазахъ, какіе они были, то когда правила въ этой церкви-школѣ, то идутъ туда не изъ-за того, чтобъ помолиться, а чтобъ подивиться (посмотрѣть), потому что они были некрасивы, то и говорятъ: «А ходимте посмотрѣть на Иваницкаго, чи они теперичка свели ихъ вмѣстѣ не живыхъ? но они одинъ на другого всетаки не смотрятъ, а будто сердятся одинъ на другого».

«И также многіе изъ православныхъ ругали поповъ и также смѣялись, и давно того ждали, чтобы сдѣлать посмѣшество надъ ихнимъ обманомъ, и говорили, что ночью есть такое существо, что обманываетъ, а они хотятъ людей днемъ обманывать. И подъ этакій случай, когда мы шли улицей и насъ стали разгонять и бить начальство, то многіе изъ православныхъ присоединились къ намъ и давай бить на сторонѣ сектантовъ и наброси-

лись на школу и побили, что было. Но становой и священники, видя это, начали тогда бить и насъ, и тѣхъ православныхъ, что били школу; то они, видя, что ихъ бьютъ, они начали бить сектантовъ, и начальство стало напаивать водкой и съ угрозой приказывать, чтобы били. И они насъ побили и школу, а также и въ свидѣтели стали, тѣ самые, которые въ толпѣ были и все били и топтали, а говорятъ: «Такіе-то били, это я бачивъ (видѣлъ)».

«И это все по наущенію поповъ, чтобы мы не вернулись въ Павловки. А на наши слова и оправданія не брало вниманіе начальство, потому что начальство — оно правды тоже не любитъ, хоть и не говори про правду, потому что правда очи колетъ, а неправда правду въ Сибирь гонитъ.

«А начальство не обращаетъ на насъ вниманія, что мы многіе неспособны даже къ физическому труду, потому что трудно не только робить (работать), а даже трудно и на свѣтѣ прожити. И коммиссія не обращаетъ вниманія на насъ и посылае на Сахалинъ насъ. И морского плаванья не выдержать, потому что у насъ побиты головы и не можемъ переносить морской волны.

«Такъ что все начальство и священники знаютъ, что мы не за то идемъ въ каторгу, что побили, а за что-то другое, за то, что мы правду знаемъ и ихъ въ ихъ неправдѣ укоряемъ и въ людяхъ распространяемъ. И когда мы въ Харьковѣ сидѣли, то къ намъ приходилъ священникъ и помислилъ намъ рѣчь: «Не хотите ли, чтобъ я за васъ походатайствовалъ о милости Божьей?» А потомъ, когда пришелъ во второй разъ, то прямо высказалъ: «Вотъ, вы напрасно страдаете: вы распишитесь навсегда быть православными, то мы васъ пустимъ сейчасъ домой на волю». Ну, ему сказали, что по 12 лѣтъ дали намъ каторги, то и еще дайте по 12 лѣтъ, но подписи вамъ не дадимъ, лучше на Сибирь пойдемъ.

«А также, когда мы въ сумской тюрьмѣ сидѣли, то къ намъ приходилъ сумского окружнаго суда прокуроръ и сталъ ругать и говорить, что вамъ бы только-бъ робить, робить, а вы не захотѣли робить; и это государь виноватъ, что онъ съ вами няньчился, и доняньчился съ вами, и теперичка цяцкуйся съ ними. «Васъ бы уже давно слѣдъ повѣшать, чтобъ вы народъ не развращали въ свою дурацкую вѣру».

«Дорогіе друзья, братья и сестры наши, передаемъ мы вамъ все то, что было намъ, все, что мы видѣли за 15 лѣтъ, отъ самого начала нашей жизни, и видѣли своими глазами и осязали своими руками, и что мы видѣли въ темнотѣ, то проповѣдуемъ во свѣтѣ, а также, что слыхали на ухо, то проповѣдуемъ на кровлѣ и выпускаемъ съ малаго просвѣта на широкій свѣтъ, и хоть на сколько-нибудь объясняемъ вамъ наше страданіе, т.-е. насколько могли. И вручаемъ мы яснымъ соколамъ и быстрымъ орламъ, чтобъ они узнали, за что и какъ зороокія совы и обдужіе сычи и лѣсныя обезьяны мучатъ дѣтей убогихъ. Соколы и ясные орлы, пустите это все на свѣтъ, и узнаютъ то, что дѣлается. И шлемъ изъ темноты на свѣтъ по земному шару на широкій и новый свѣтъ, по тихимъ и смир-

нымъ вѣтрамъ и на новое небо и на свѣтло-горящій свѣтъ, а намъ подайте отвѣтъ.

„И несемъ мы крестъ, страданье,
Отъ народа побои и поруганье,
И идемъ мы за Христово ученье
На вѣчное мученье.
Но мы молимся за это Богу,
Что намъ показалъ въ правду дорогу,
И мы будемъ протирать нову
Путь и дорогу, чтобъ выйти на свободу...“

«Прошу я васъ, господа читатели, извините, что плохо написавъ, потому что я малограмотный. Петръ Семеновичъ Харахоновъ и еще Тимоеей Андреевъ Никитенко. 1902 года, ноября 12».

Одинъ присяжный повѣренный, два раза видѣвшійся въ московской пересыльной тюрьмѣ съ отправляемыми на каторгу павловцами, разсказывалъ, что на ихъ наполовину выбритыхъ головахъ видны были раны отъ нанесенныхъ побоевъ. Другой человѣкъ, видѣвшійся съ ними, передавалъ, что многіе изъ нихъ оглохли послѣ побоевъ.

Осенью 1903 года павловцы были уже на каторгѣ. Шесть человѣкъ были поселены на Нерчинской каторгѣ, въ Горно-Зерентуйской тюрьмѣ (въ Забайкальской области); нѣкоторые другіе на Нижне-Березинскомъ Козлихинскомъ пріискѣ, нѣкоторые въ тюрьмѣ Алгачи. Жены ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми послѣдовали за мужьями въ ссылку и жили на волѣ въ близлежащихъ селеніяхъ. Въ письмѣ своемъ отъ 2 октября 1903 года ссыльные павловцы писали: «Работаемъ въ шахтахъ, т.-е. подъ землею, вырабатываемъ по 50 коп. въ день, изъ коихъ вычитается въ казну 35 коп., а намъ приходится только 15 коп. въ день». Эти деньги они отдавали своимъ семействамъ. При тамошней дороговизнѣ они много бѣдствовали.

Харахоновъ и Никитенко, которые написали два вышеприведенныхъ сочиненія, вмѣстѣ съ тремя другими были отправлены на Сахалинъ. Нѣкоторымъ изъ отправленныхъ на Сахалинъ пришлось разлучиться со своими отцами, тоже приговоренными къ ссылкѣ, но поселенными въ Сибири, а не на Сахалинѣ.

29 января 1904 года Никитенко писалъ знакомому въ Москву: «Вы спрашиваете о нашей жизни, — живемъ мы слава Богу и духомъ бодры пока». Никитенко работалъ по плотницкой части, Харахоновъ—по столярной. «Вы спрашиваете, что за островъ Сахалинъ? Здѣсь что хотятъ, то и дѣлаютъ надъ нами въ работѣ и въ пищѣ. Хотя и бываетъ коммиссія одинъ разъ въ годъ, то они разбойники и сообщники воровъ; всѣ гонятся за мздою и любятъ подарки».

Весной 1905 года всѣмъ павловцамъ окончился срокъ каторжныхъ работъ, и они должны были отбывать остальные годы наказанія на поселеніи въ Сибири. Петръ Семеновичъ Харахоновъ не дожилъ до облегченія креста: его убили на Сахалинѣ.

8.

Кто виноватъ въ павловскомъ разгромѣ?

Выше мы говорили о томъ, почему проповѣдь Тодосіенка произвела такое необычайно сильное дѣйствіе на павловцевъ. Главныхъ причинъ здѣсь, насколько мы можемъ судить, двѣ: необычный характеръ самой проповѣди Тодосіенка и оторванность павловцевъ, благодаря полицейскому надзору, отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Какъ бы ни судить, однако, о причинахъ необыкновенно сильнаго воздѣйствія Тодосіенки на павловцевъ, одно остается совершенно несомнѣннымъ: что его проповѣдь ни въ какомъ случаѣ не оказала бы такого сильнаго дѣйствія и не привела бы къ такимъ результатамъ, какъ разгромъ церкви, *если бы этого не хотѣли власти.*

Непонятное поведеніе властей (и особенно полиціи) въ этомъ дѣлѣ многихъ заставляло и заставляетъ думать: не былъ ли и самый разгромъ организованъ свѣтскими и духовными властями? Корреспондентъ *Свободнаго Слова* *) писалъ: «Я думаю, даже не сомнѣваюсь, что это дѣло не случая, а тонкаго разсчета. Всѣ мыслящіе люди изъ мѣстныхъ и окрестныхъ, а также и многіе изъ тамошнихъ, взобравшіеся повыше по общественной лѣстницѣ, не допускаютъ даже сомнѣнія въ этомъ».

Прежде всего чрезвычайно загадочнымъ и совершенно непонятнымъ является тотъ фактъ, что сумскій исправникъ не арестовалъ приведеннаго къ нему Тодосіенка, а отпустилъ его—и куда отпустилъ? въ тѣ самыя Павловки, куда загражденъ былъ доступъ всѣмъ постороннимъ. Можно предполагать, что самъ, своею властью, исправникъ не рѣшился бы этого сдѣлать, если бы не предписано (или не позволено) ему было свыше. Мы видѣли, что этотъ фактъ казался чрезвычайно загадочнымъ и для самихъ павловцевъ, которые спрашивали у тѣхъ, кто ходилъ съ Тодосіенкомъ къ исправнику: «Какъ онъ отпустилъ вамъ этого человѣка?» На что тѣ отвѣчали: «Онъ повѣрилъ намъ, *или это что-нибудь новое, что* онъ пустилъ». Непонятнымъ этотъ фактъ былъ и для мѣстнаго священника, который на предварительномъ слѣдствіи выразился объ этомъ происшествіи такъ: «13 (сентября) изъ города Сумъ возвратились, *къ всеобщему удивленію,* и остальные сектанты, во главѣ съ вышеупомянутымъ человѣкомъ» **).

Далѣе. Въ своей рукописи сектанты говорятъ, что когда они ходили по селу 14 сентября, то «полиція» ихъ «не занимала». Дѣйствительно, павловскій урядникъ говорилъ на предварительномъ слѣдствіи, что 13 вечеромъ онъ уѣхалъ изъ Павловокъ и вернулся только черезъ 2 дня, 15 вечеромъ. Что это значитъ? Сектанты, которые раньше не могли сходить къ сосѣду поймать убѣжавшаго поросенка безъ того, чтобы не былъ составленъ протоколъ о «незаконномъ сборищѣ», вдругъ

*) 1902 г., № 3.

**) „Дѣло павловскихъ крестьянъ“, изд. *Жизни.*

на цѣлые два дня, въ то самое время, когда они ходили толпами по селу, когда среди нихъ царило такое возбужденіе, которое легко могло разразиться какимъ-либо взрывомъ, были оставлены безъ отеческаго надзора бдительнаго урядника. Что это значитъ? Не исполнялъ ли и на этотъ разъ урядникъ «честно и ревностно» свои обязанности? Не посвященный въ тайны этой мудрой политики, тотъ же павловскій священникъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи: «Видя, что 14 и 15 числа никого изъ мѣстной полиціи нѣтъ въ Павловкахъ, а положеніе становилось угрожающимъ, я и священникъ И. отправили благочинному рапортъ и телеграмму о происшедшемъ, требуя полицейской помощи».

Таковы факты. Покуда намъ не дано будетъ какого-нибудь иного объясненія ихъ, мы не можемъ ихъ понимать иначе, какъ въ вышеуказанномъ смыслѣ. Разумѣется, по русскому обычаю, никто изъ представителей мѣстной власти за то не попалъ на скамью подсудимыхъ, а, напротивъ, можетъ быть, они получили благодарность и награды отъ высшаго начальства за умѣлое веденіе дѣла.

И было за что благодарить! Приговоромъ суда 34 человѣка наиболѣе твердыхъ и убѣжденныхъ сектантовъ были выхвачены изъ «революціоннаго гнѣзда», и гнѣздо было разрушено. А вѣдь къ этому давно уже стремилось духовное и свѣтское начальство. Конечно, радость свою власти (особенно духовныя) держали въ тайнѣ. Въ духовныхъ журналахъ было напечатано нѣсколько статей, въ которыхъ церковные писатели не жалѣли словъ для выраженія своего ужаса предъ павловскимъ дѣломъ, называя его «гнуснымъ», «возмутительнымъ», «варварскимъ», «въ высшей степени преступнымъ» и пр., и нигдѣ не напечатано было откровенно, что и мѣстное харьковское и павловское духовенство, и синодъ только вздохнули облегченно, когда вслѣдъ за разгромомъ церкви приговоромъ суда произведенъ былъ разгромъ въ средѣ самихъ павловскихъ сектантовъ.

Заключеніе.

Разгромивъ «революціонное гнѣздо», власти еще болѣе усилили притѣсненія надъ оставшимися въ Павловкахъ, не преданными суду и оправданными по суду сектантами. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что послѣ разгрома у православныхъ появилось страшное ожесточеніе противъ сектантовъ. Всѣ православные въ одинъ голосъ стали говорить, что съ такими безбожниками нечего больше дѣлать, какъ сослать ихъ въ Сибирь или въ каторгу до конца жизни. Другіе выражали еще болѣе злыя пожеланія: «Поставить бы ихъ да выпалить въ нихъ изъ пушки, больше ничего».

По свѣдѣніямъ 1903 года положеніе сектантовъ села Павловокъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, ухудшилось. Къ нимъ были приставлены два жандарма и становой приставъ, которые очень строго смотрѣли за ними: запрещали имъ отлучки, не позволяли ходить другъ къ другу, не допускали къ нимъ посѣтителей и писемъ. Если же кто уѣзжалъ куда-нибудь, то сей-

часъ же карауляли его домъ, пока онъ пріѣдетъ. По пріѣздѣ его домой, его арестовывали и отправляли къ исправнику, а нѣкоторыхъ даже къ губернатору, и подвергали штрафамъ. Если жандармъ заставалъ кого-нибудь у сосѣда, то сейчасъ же составлялъ протоколъ о преданіи суду, а судъ наказывалъ штрафомъ или арестомъ. Если пріѣдетъ посѣтитель, то его арестовывали и гоняли этапнымъ порядкомъ на родину. И не только полиція, но и православные преслѣдовали сектантовъ: ночью били окошки и воровали разное добро. Вслѣдствіе этого, многіе сектанты присоединились къ православной церкви, а остальныхъ послѣ этого начальство стало еще болѣе притѣснять.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ разгрома церкви, съ 1901 по 1905 годъ, къ павловскимъ сектантамъ *не могъ проникнуть ни одинъ посторонній человѣкъ* *). Всѣ, кто пробовалъ дѣлать это, вмѣсто Павловокъ попадали къ сумскому исправнику, а отъ него къ харьковскому губернатору.

Почти всѣ сосланные въ Сибирь павловцы и донынѣ живутъ тамъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ и теперь еще сказываются слѣды того «угощенія», которое преподнесено было имъ полиціей и ревнителями православія. Такъ, одинъ изъ нихъ, Иванъ Данильченко, писалъ своему знакомому 10 декабря 1906 года: «Горе въ томъ, что моя рука все хуже и хуже, такъ что стянуло крючкомъ ее и по плечо усыхаетъ такъ, что мнѣ работать совсѣмъ нельзя, безъ молотобойца и гвоздя не могу сдѣлать, локтевая кость перебита правой руки...»

Да, зловѣщее обѣщаніе рѣчанскаго урядника «помучить антихристовъ» было исполнено духовенствомъ и полиціей въ полной мѣрѣ: помучили досыта.

Н. Гусевъ.

---

*) Въ первый разъ это удалось сотруднику *Русскихъ Вѣдомостей* С. П. Мельгунову, лѣтомъ 1905 года.

Рабочее время и восьмичасовой рабочій день.

Требованіе восьмичасового рабочаго дня, ставшее въ послѣдніе годы однимъ изъ боевыхъ лозунговъ всѣхъ рабочихъ, объединенныхъ въ большинствѣ промышленныхъ государствъ соціалъ-демократическими партіями, впервые громко раздалось въ Англіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX в.

Необычайно быстрый подъемъ промышленности и отмѣна (въ 20-хъ годахъ) закона, ставившаго непреодолимыя препятствія къ образованію рабочихъ союзовъ, создали благопріятныя условія для развитія широкихъ организацій промышленнаго пролетаріата, неудержимо вслѣдствіе эволюціи промышленности вовлекавшаго въ свои ряды все новыя и новыя массы рабочаго населенія. Слѣдуетъ, однако, сказать, что многіе союзы этого времени не отличались ни той однородностью, ни той прочностью, ни той опредѣленностью цѣлей, которыя являются характернѣйшею особенностью англійскихъ трэдъ-юніоновъ позднѣйшаго времени.

Извѣстные изслѣдователи С. и Б. Веббы выдѣляютъ въ своей исторіи рабочаго движенія въ Англіи этотъ періодъ въ особую главу подъ именемъ «революціоннаго».

Союзы складывались, зачисляли въ свои ряды десятки, а то и сотни тысячъ членовъ разныхъ профессій, изъ разныхъ мѣстностей Англіи, провозглашали широкія программы, громкіе лозунги и обыкновенно разсыпались послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ столкновеній съ суровой дѣйствительностью.

Одинъ изъ нихъ—союзъ бумагопрядильщиковъ, принявшій громкое названіе «общества національнаго возрожденія», осенью 1833 г. повелъ агитацію за восьмичасовой день, который предполагалось ввести при помощи стачки (а не путемъ законодательнымъ) на тотъ самый день, когда долженъ былъ вступить въ силу законъ о восьмичасовой работѣ дѣтей моложе 11 лѣтъ. Эти планы, конечно, не осуществились, какъ не осуществилась вообще ни одна попытка провести сколько-нибудь значительное сокращеніе рабочаго времени такъ называемымъ «захватнымъ путемъ», и въ Англіи и до сихъ поръ, спустя 75 лѣтъ, еще не существуетъ об[illegible] закономъ установленной нормы рабочаго дня. Но самое возникнове[illegible],

этого требованія въ связи съ вводившимся въ тѣ годы восьмичасовымъ дѣтскимъ трудомъ весьма поучительно.

Плохой, а съ современной точки зрѣнія, весьма неудовлетворительный законъ о работѣ дѣтей, далъ первый импульсъ къ провозглашенію лозунга «восьмичасовой рабочій день» за много десятилѣтій до открытія врачами и гигіенистами токсиновъ, отравляющихъ организмъ при чрезмѣрномъ трудѣ и недостаточномъ отдыхѣ, за много лѣтъ до разработки тѣхъ экономическихъ теорій, которыя служатъ обоснованіемъ современныхъ взглядовъ на продолжительность рабочаго дня. Этотъ фактъ, быть можетъ, не безполезно напомнить именно теперь, когда многіе совершенно искренне, хотя и совершенно ошибочно, думаютъ, что вопросъ о восьмичасовомъ днѣ впервые выдвинутъ современной соціалъ-демократіей. Но одно дѣло *поставить* вопросъ, а другое дѣло—добиться въ той или иной мѣрѣ разрѣшенія его на практикѣ; и, конечно, въ смыслѣ проведенія въ жизнь идеи о необходимости сокращенія рабочаго времени, значеніе соціалъ-демократической пропаганды огромно. Такимъ образомъ провозглашенная въ тридцатыхъ годахъ идея восьмичасового дня, имѣющая своимъ источникомъ несомнѣнное и законнѣйшее стремленіе рабочаго класса къ возможному сокращенію числа часовъ обязательнаго труда, къ увеличенію отдыха и досуга, столь необходимыхъ для удовлетворенія, къ счастію, быстро растущихъ общечеловѣческихъ потребностей пролетаріата, нашла свое теоретическое обоснованіе и поддержку сначала у экономистовъ, а затѣмъ у врачей.

Остановимся на нѣсколько минутъ на нѣкоторыхъ взглядахъ экономистовъ. Проф. Брентано, серьезный сторонникъ сокращенія рабочаго дня, отмѣтилъ весьма интересное измѣненіе сужденій о продолжительности рабочаго времени. Онъ говоритъ, что среди писателей XVIII и начала XIX вѣка господствовало мнѣніе, что сокращеніе часовъ труда неизбѣжно вызываетъ соотвѣтственное пониженіе количества производимаго продукта; взгляды экономистовъ въ то время вполнѣ совпадали съ мнѣніями, господствующими въ настоящее время среди многихъ (а можетъ быть и большинства) малокультурныхъ предпринимателей, которымъ кажется совершенно несомнѣннымъ, что при пониженіи рабочаго времени, скажемъ, съ 12 часовъ на 10, ихъ фабрика будетъ вырабатывать во столько разъ меньше, во сколько 10 меньше 12, т.-е. на одну шестую часть. Писатели второй половины XIX в., напротивъ, склоняются къ противоположному мнѣнію, и утверждаютъ, что сокращеніе рабочаго времени при извѣстныхъ условіяхъ не только не уменьшаетъ производительности заведенія, а, напротивъ, можетъ ее увеличить. Разбирая два эти столь, повидимому, противоположные вывода, проф. Брентано приходитъ къ совершенно на первый взглядъ парадоксальному заключенію: онъ находитъ, что *писатели той и другой эпохи въ равной мѣрѣ правы.*

Читатель, навѣрное, изумленъ неожиданностью подобнаго положенія. Тождественныя явленія, казалось бы, должны вездѣ и всегда давать тожде-

ственныя послѣдствія, и мысль германскаго ученаго представляется противорѣчащей основному закону логики. Но само собой разумѣется, что знаменитый экономистъ неповиненъ въ ошибкѣ противъ азбуки логическаго мышленія, и такая ошибка была бы сдѣлана именно тѣми, кто вздумалъ бы его опровергать на основаніи подобныхъ элементарныхъ соображеній.

Все дѣло въ томъ, что явленія, которыя мы сравниваемъ,—производства въ восемнадцатомъ и производства въ концѣ девятнадцаго вѣка,—несмотря на сходства *словъ*, представляютъ собой два далеко не однородныя *явленія*. Въ производствѣ, если мы взглянемъ на него съ технической стороны, играютъ основную роль два главнѣйшіе фактора: *техническая обстановка* (понимая подъ этимъ словомъ всю совокупность устройства и оборудованія предпріятія) и *рабочій персоналъ*. Оба эти фактора на протяженіи XIX столѣтія претерпѣли такія колоссальныя измѣненія, что ихъ не только нельзя считать въ началѣ и въ концѣ этого историческаго періода величинами *тождественными*, но, напротивъ, они во многихъ отношеніяхъ являются противоположными. Если мы сопоставимъ безграмотнаго, грубаго, грязнаго англійскаго заводскаго кузнеца 1800 г. съ его товарищемъ въ 1900 г., получившимъ начальное, а то и среднее образованіе, для котораго газета и извѣстный комфортъ составляютъ уже потребность, который стремится проводить свой досугъ такъ же, какъ его проводятъ всѣ культурные люди, то найдемъ между этими «рабочими» двухъ разныхъ эпохъ не больше сходства, чѣмъ между ручнымъ молоткомъ перваго и монотоннымъ современнымъ паровымъ молотомъ, которымъ благодаря точности управляющаго механизма, несмотря на его страшную силу и тяжесть, можно безбоязненно закрывать крышки самыхъ изящныхъ дамскихъ часиковъ. И мы, конечно, à priori, должны предположить, что при совершенно различной обстановкѣ труда, при совершенно различныхъ рабочихъ самый фактъ сокращенія числа рабочихъ часовъ не могъ бы произвести *тождественныхъ* послѣдствій въ 1800 и 1900 гг.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Не видя никакого просвѣта впереди, не зная никакихъ способовъ наполнять свой досугъ, кромѣ круглаго бездѣлья, самыхъ грубыхъ развлеченій и пьянства, зарабатывая слишкомъ мало для того, чтобы дать своей семьѣ сколько-нибудь сносное существованіе, рабочій не цѣнитъ лишнихъ свободныхъ часовъ и его трудовая энергія сведена до minimum'а. Онъ работаетъ только для того, чтобы не умереть съ голоду, и лишніе полтора-два свободныхъ часа въ день не заставятъ его работать интенсивнѣе, потому что этотъ новый досугъ или вовсе не внесетъ лишней радости въ его жизнь, или внесетъ ея слишкомъ мало для того, чтобы дать серьезный импульсъ къ усиленной работѣ. Нельзя ждать высокой энергіи въ трудѣ отъ человѣка, который не имѣетъ, не видитъ или не понимаетъ возможности извлечь изъ возрастанія производительности своего труда какую-нибудь для себя пользу или удовольствіе.

Рабъ, классическій итальянскій лаццарони, австралійскій или полине-

зійскій дикарь въ этомъ отношеніи находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, и недалеко ушелъ отъ нихъ англійскій или французскій рабочій конца XVIII вѣка. Элементарное удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей—вотъ что было, что въ большинствѣ случаевъ *только и могло* быть цѣлью его работы, совершавшейся при посредствѣ самыхъ примитивныхъ орудій. Предприниматели того времени, тоже не грѣшившіе слишкомъ высокимъ уровнемъ умственнаго развитія, а съ ними вмѣстѣ и писатели, интересовавшіеся хозяйственными вопросами имѣли, быть можетъ, нѣкоторое основаніе думать, что единственнымъ средствомъ усиленія производительности промышленнаго заведенія XVIII вѣка могло служить увеличеніе числа рабочихъ часовъ, причемъ единственнымъ средствомъ заставить рабочаго выдерживать этотъ продолжительный трудъ считалось пониженіе заработной платы: чтобы обезпечить себѣ необходимый minimum средства существованія, рабочій поневолѣ долженъ былъ соглашаться на болѣе длинный рабочій день.

Это разсужденіе, отъ котораго въ наши дни вѣетъ какой-то полуварварской стариной, конечно, совершенно неприложимо къ современному интеллигентному рабочему. Онъ знаетъ уже хорошо цѣну своему досугу, ему доступны не одни примитивныя блага жизни, онъ умѣетъ и хочетъ пользоваться всею разносторонностью современной жизни; ради нея-то онъ и стремится имѣть больше свободнаго времени, но ради нея же, ради возможности ею пользоваться, онъ долженъ стремиться повысить свой заработокъ. Подготовка, знаніе вмѣстѣ съ технической обстановкой его работы даютъ ему возможность при желаніи въ значительной степени интенсифицировать свой трудъ, то-есть производить въ единицу времени больше, чѣмъ онъ производилъ раньше. Но для этого необходима такая затрата умственной и нервной энергіи, проявлять которую въ теченіе слишкомъ долгаго рабочаго дня невозможно. На возстановленіе затраченныхъ въ большемъ количествѣ силъ необходимъ и болѣе продолжительный отдыхъ, болѣе продолжительный досугъ. И вотъ, одновременно съ развитіемъ рабочаго и съ повышеніемъ его заработка идетъ всюду, гдѣ работа требуетъ сознательной энергіи, сокращеніе рабочаго дня, идетъ нерѣдко безъ всякаго вмѣшательства закона и безъ всякаго ущерба для производства; напротивъ, промышленники мало-по-малу признаютъ, что всюду, гдѣ отъ рабочаго требуется вниманіе и знаніе, гдѣ нужно приложеніе интеллигентныхъ силъ, извѣстное сокращеніе рабочаго времени необходимо.

Механическія мастерскія, типографіи, прядильни и т. п. заведенія начинаютъ понижать рабочее время и, чѣмъ интеллигентнѣе средній уровень рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, тѣмъ лучшіе получаются отъ сокращенія числа рабочихъ часовъ результаты. Сами рабочіе, въ которыхъ сильнѣе и сильнѣе, сознательнѣе и сознательнѣе сказывается стремленіе повысить уровень своихъ жизненныхъ условій, предъявляютъ въ этомъ направленіи болѣе и болѣе опредѣленныя требованія. Рабочіе тѣхъ спеціальностей, въ которыхъ необходимо наибольшее умственное развитіе,

идутъ, конечно, во главѣ движенія. Ихъ голосъ чаще всего можетъ быть услышанъ, ихъ мнѣніе наиболѣе извѣстно, ихъ положеніе наиболѣе обслѣдовано, и результаты сокращенія рабочаго дня въ ихъ спеціальностяхъ приводятъ къ наиболѣе поразительнымъ съ точки зрѣнія старыхъ взглядовъ послѣдствіямъ.

Фактъ совершенно очевиденъ. Сокращеніе рабочаго времени въ цѣломъ родѣ отраслей промышленности даетъ результаты самые превосходные. Обобщеніе напрашивается само собой, и выводъ о томъ, что *всѣ* отрасли современной промышленности всегда могутъ только выиграть отъ введенія восьмичасового дня или даже отъ еще болѣе значительнаго сокращенія числа рабочихъ часовъ, многимъ кажется уже несомнѣннымъ.

Таково схематическое объясненіе подмѣченнаго Брентано формальнаго противорѣчія между теоретическими взглядами, господствовавшими въ XVIII и въ концѣ XIX вѣка, которыя, конечно, не должны быть понимаемы черезчуръ прямолинейно, ибо прямолинейность въ такихъ случаяхъ приводитъ къ абсурду: какъ въ XVIII вѣкѣ всѣмъ было ясно, что нельзя людей заставлять работать по 20 или по 24 часа въ сутки, такъ и наши современники, говоря о пользѣ сокращенія рабочаго времени, прекрасно понимаютъ, что гдѣ-нибудь долженъ быть найденъ *предѣлъ* полезности этого сокращенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы допустить, что наивыгоднѣйшей работой слѣдуетъ признать работу по 2—3 часа въ день. Несообразность же этого положенія слишкомъ очевидна для того, чтобы ее стоило доказывать.

Итакъ, гдѣ же тотъ практическій предѣлъ, до котораго, въ видахъ увеличенія производительности труда, слѣдуетъ понижать рабочее время? И можетъ ли быть признанъ въ настоящее время такимъ предѣломъ восьмичасовой день?

Задаваясь этимъ вопросомъ, я на нѣкоторое время оставляю совершенно въ сторонѣ санитарно-гигіеническую сторону дѣла; къ ней мнѣ придется обратиться впослѣдствіи, когда я и постараюсь показать, почему именно я позволилъ себѣ это временное устраненіе изъ нашихъ разсужденій столь существеннаго элемента. Здѣсь же я долженъ только въ свое оправданіе упомянуть, что на практикѣ до сихъ поръ въ установленіи той или иной продолжительности рабочаго дня факторы экономическіе играютъ настолько преобладающую роль, что разсмотрѣніе ихъ въ первую очередь несомнѣнно находитъ себѣ въ этомъ обстоятельствѣ полное оправданіе.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на вопросъ хотя бы съ точки зрѣнія наиболѣе заинтересованной стороны—самого промышленнаго пролетаріата. Въ большинствѣ случаевъ современный промышленный рабочій получает плату *сдѣльно*, со штуки или съ вѣса вырабатываемыхъ издѣлій.

Поденная или мѣсячная плата, какъ общее правило, существуетъ лишь тамъ, гдѣ нужна или очень тонкая работа, на которой хозяева боятся торопливости сдѣльщиковъ, или, наоборотъ, на работахъ самыхъ грубыхъ, гдѣ отъ рабочихъ не требуется никакой особой подготовки и гдѣ они м

гутъ быть переставляемы съ одного дѣла на другое. Наконецъ, иногда къ поденной платѣ прибѣгаютъ тамъ, гдѣ учетъ *сдѣльныхъ* работъ почему-либо слишкомъ затруднителенъ.

Поденными чаще всего оказываются чернорабочіе, работницы на красильныхъ баркахъ, рабочіе на сахарныхъ, химическихъ и т. п. заводахъ. Мнѣ извѣстно, конечно, что существуютъ, напримѣръ, отдѣльные механическіе заводы, которые, не желая рисковать менѣе аккуратной работой сдѣльныхъ рабочихъ, держатъ весь заводъ на поденной платѣ; но такіе заводы составляютъ несомнѣнно исключеніе, и мы можемъ, какъ общее правило, принять, что всюду, гдѣ возможно ввести въ томъ или иномъ видѣ плату задѣльную—она введена, гдѣ же сдѣльной работы нѣтъ, тамъ поденная работа очень часто хозяиномъ сопоставляется со сдѣльной, и стоитъ ему замѣтить, что рабочій началъ производить меньше той средней нормы, которая считается на фабрикѣ обычной—ему немедленно спустятъ плату. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи *поденная* плата сведена къ *почасной*.

Спрашивается, что же произойдетъ, если при сокращеніи рабочаго времени окажется нѣкоторое, хотя бы небольшое сокращеніе въ количествѣ вырабатываемыхъ издѣлій? Первымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ подобнаго факта очевидно явится извѣстное, хотя бы небольшое *паденіе заработка*. Паденіе же заработка, конечно, не было бы встрѣчено безразлично рабочими. Напротивъ, можно съ увѣренностью предсказать, что паденіе заработка вызвало бы серьезное неудовольствіе въ рабочей массѣ. И такое отношеніе къ нововведенію никоимъ образомъ нельзя было бы поставить рабочему въ вину. При низкихъ заработкахъ значительнѣйшей массы рабочихъ поступиться даже ничтожной частью своей получки для большинства изъ нихъ было бы крайне тяжело.

Мы знаемъ, что даже при настоящемъ, черезчуръ длинномъ рабочемъ днѣ, рабочіе иногда, конечно не всегда, охотно идутъ на сверхурочныя работы, чтобы получить лишнія 20—30 коп. въ сутки. Какъ же могли бы мы ожидать, что они будутъ довольны такимъ сокращеніемъ рабочаго дня, которое было бы куплено цѣною пониженія заработка? Такое предположеніе, очевидно, должно быть откинуто. И это далеко не теоретическое только разсужденіе. Напротивъ, за послѣднія 5—6 лѣтъ, то-есть даже до бурнаго перехода 1905—1906 годовъ, русскіе рабочіе всюду, гдѣ они старались добиться пониженія рабочаго времени, въ то же время непремѣнно добивались по меньшей мѣрѣ сохраненія прежняго заработка. За послѣдніе же два года это условіе ставилось уже въ видѣ категорическаго требованія. Иногда, среди малокультурныхъ рабочихъ, это требованіе принимало даже совершенно упрощенную форму, такъ какъ высказывались предположенія, что фабриканты или *обязаны*, сокративъ часы работы, сохранить за рабочими ихъ прежніе заработки, или *должны* будутъ это сдѣлать по предписанію власти.

На это послѣднее, столь наивное по формѣ, предположеніе я долженъ

обратить вниманіе читателя, такъ какъ въ скрытой формѣ оно часто чувствуется и въ разсужденіи такихъ лицъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать болѣе вдумчиваго отношенія къ вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто мы слышимъ безапелляціонныя сужденія о возможности *немедленной* замѣны одиннадцати и десятичасового рабочаго дня восьмичасовымъ, при чемъ вопросъ о возможности паденія заработка даже и не поднимается!

А вѣдь такое невниманіе къ существеннѣйшей, непосредственно связанной со значительнымъ сокращеніемъ рабочаго дня, стороны дѣла можно объяснить только увѣренностью, что рабочимъ тѣмъ или инымъ путемъ будетъ гарантировано полученіе заработка по меньшей мѣрѣ въ той самой суммѣ, какую они получаютъ въ настоящее время! Не будь такой увѣренности—этотъ вопросъ хотя бы обсуждался, а то онъ, повторяю, нерѣдко даже совершенно не затрагивается. А между тѣмъ, вопросъ о рабочемъ времени и вопросъ о средней высотѣ заработка по существу дѣла совершенно неразрывны. И неразрывны не только потому, что таковъ именно взглядъ рабочихъ, но по самому существу дѣла.

Забота о сокращеніи трудового дня есть прежде всего забота о сохраненіи физическихъ и умственныхъ силъ рабочаго класса и о предоставленіи ему возможности вести соотвѣтственную требованіямъ культурнаго человѣка жизнь. А со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія *высота заработка важна никакъ не менѣе, чѣмъ увеличеніе досуга*. Самая возможность пользоваться этимъ досугомъ обусловлена извѣстной высотой ежемѣсячныхъ получекъ; если же сокращеніе рабочихъ часовъ вызвало бы пониженіе заработка и отразилось бы, скажемъ, на количествѣ или на качествѣ пищи рабочаго, или на ухудшеніи его жилища, то можно было бы серьезно усомниться, принесло ли оно положительные или отрицательные результаты?

Итакъ, обычная формулировка требованія о сокращеніи рабочаго времени нуждается въ самомъ серьезномъ дополненіи: слѣдуетъ говорить не о желательности сокращенія продолжительности рабочаго дня, а *о необходимости такого сокращенія числа рабочихъ часовъ, которое ни въ какомъ случаѣ не сопровождалось бы сколько-нибудь замѣтнымъ пониженіемъ заработка*.

Мнѣ уже слышатся обычныя въ этомъ случаѣ возраженія: какъ? Послѣ стольнихъ опытовъ вы говорите, что сокращеніе рабочаго времени можетъ повлечь за собой сокращеніе заработка? А бумажная фабрика Паскевича, введшая третью смѣну на непрерывныхъ работахъ? А англійскія мануфактурныя фабрики, производительность которыхъ при введеніи десятичасового дня въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ возросла вдвое и т. д., и т. д.

Примѣры эти, какъ и многіе другіе мнѣ хорошо извѣстны, и въ настоящую минуту я чувствую необходимость остановиться именно на этомъ вопросѣ.

Въ послѣднее время среди широкихъ круговъ нашей читающей публи-

ки получило распространеніе мнѣніе, что сокращеніе рабочаго времени само по себѣ не сокращаетъ количества вырабатываемаго продукта, предполагается, что *одного только сокращенія числа рабочихъ часовъ* вполнѣ достаточно для поднятія интенсивности труда настолько, чтобы этотъ избытокъ энергіи съ избыткомъ покрылъ бы уменьшеніе рабочаго времени. Трудно указать источникъ этого страннаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ намъ не случалось встрѣчать данныхъ, сколько-нибудь серьезныхъ, относящихся къ *значительному* числу заведеній и рабочихъ и *къ значительному промежутку времени*, которыя позволяли бы сдѣлать подобное обобщеніе по отношенію къ опредѣленнымъ отраслямъ промышленности. Думается, что подобное заключеніе основано на примѣрахъ отдѣльныхъ фабрикъ, гдѣ рабочіе, добившись цѣною борьбы и огромныхъ усилій уменьшенія рабочихъ часовъ, при большомъ духовномъ подъемѣ, окрыленные своей удачей, въ первые послѣ побѣды мѣсяцы обыкновенно развиваютъ такую рабочую энергію, которая вызываетъ только удивленіе даже у опытныхъ мастеровъ. Тутъ бываютъ, дѣйствительно, случаи, когда въ теченіе года или полугода рабочіе успѣваютъ сдѣлать даже больше, чѣмъ дѣлали за такой же періодъ времени прежде, при продолжительномъ днѣ. Но проходитъ 3—4 мѣсяца, нервное напряженіе падаетъ, жизнь входитъ въ свою колею, появляются прогулы, увеличивается простой станковъ, взаимное наблюденіе рабочихъ другъ за другомъ, имѣющее огромнѣйшее значеніе въ боевое время, ослабляется, и производительность оказывается нѣсколько пониженною; правда, это пониженіе почти никогда не соотвѣтствуетъ самому сокращенію времени; оно всегда меньше. Тамъ, гдѣ продолжительность работы упала на 9—10%, продуктивность заведенія падаетъ лишь на 4—5%; гдѣ число часовъ труда сокращено на четверть—25%, паденіе продуктивности заведенія исчисляется 10—12% и т. д., но, какъ общее правило (возможны, конечно, отдѣльныя исключенія), въ большей или меньшей степени пониженіе производительности отмѣчается при сокращеніи рабочаго времени—безъ измѣненія другихъ условій—всюду. Да и трудно, конечно, представить себѣ, чтобы на самомъ дѣлѣ было иначе. Тамъ, гдѣ ходъ производственныхъ операцій не зависитъ непосредственно отъ рабочаго, напримѣръ, всюду, гдѣ главную роль играютъ химическіе процессы, тамъ интенсивность труда отдѣльныхъ рабочихъ играетъ лишь второстепенную, такъ сказать подсобную роль. Напримѣръ, если камера сѣрной кислоты приспособлена на производство двухсотъ пудовъ этого продукта въ сутки, то какъ бы ни старались рабочіе—она не будетъ производить больше. Конечно, въ этомъ случаѣ при большемъ вниманіи со стороны рабочихъ могло бы быть сокращено ихъ число, что обыкновенно и дѣлается на практикѣ при введеніи, напримѣръ, трехкомплектной восьмичасовой работы вмѣсто двѣнадцатичасовой; но далеко не всегда удастся сократить число неоходимыхъ рабочихъ, именно на $1/3$, такъ что въ концѣ-концовъ все же приходится нѣсколько увеличить общее число людей. Еще болѣе рѣзкіе примѣры представляютъ собой раз-

ные быстро идущіе сложные станки—ткацкіе, прядильные и другіе. Если миткальный, напримѣръ, станъ приспособленъ на 240 ударовъ батана въ минуту, то, сокративъ рабочее время на 25%, мы не достигнемъ того, чтобы рабочій могъ пустить его со скоростью 320 ударовъ, а эта, именно, скорость необходима для наверстанія утрачиваемыхъ часовъ работы. Конечно, менѣе утомленный и болѣе внимательный рабочій уменьшитъ простои станка, добьется уменьшенія брака и т. д., и т. д., но ждать отъ него, чтобы онъ покрылъ интенсификаціей труда весь недочетъ рабочаго времени, въ данномъ случаѣ, конечно, невозможно. Но для того, чтобы рабочій могъ бы хотя бы отчасти покрыть интенсивностью работы паденіе продуктивности механической фабрики, вызываемое сокращеніемъ рабочаго времени, онъ долженъ быть, дѣйствительно, умѣлымъ, толковымъ, интеллигентнымъ рабочимъ, онъ долженъ хорошо понимать конструкцію своего станка или суть совершающихся въ его мастерской процессовъ и т. д., и т. д. Плохой, малоинтеллигентный рабочій не достигнетъ и такихъ результатовъ. Во-первыхъ, онъ *не сумѣетъ* этого сдѣлать; а, во-вторыхъ, и самыя побужденія къ болѣе интенсивной работѣ у него окажутся далеко не такими сильными, какъ у рабочаго культурнаго и развитого. Здѣсь между рабочими *различныхъ уровней развитія и различныхъ профессій* должна сказаться та же самая разница, которую, какъ сказано выше, Брентано отмѣчаетъ относительно рабочихъ *разныхъ эпохъ*. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь намъ трудно себѣ представить, чтобы на сокращеніе рабочаго времени *одинаково* реагировали и развитой городской «механикъ», т.-е. рабочій механическаго производства, прошедшій болѣе или менѣе серьезный курсъ начальнаго или даже средняго образованія, получающій 75—100 рублей въ мѣсяцъ и живущій интересами вполнѣ культурнаго, образованнаго человѣка, и безграмотный «сахароваръ», за 8—12 рублей въ мѣсяцъ изъ голодной Орловской или Калужской губерніи отправляющійся на 3—4 осеннихъ или зимнихъ мѣсяца «на заработки» въ районы свеклосахарнаго производства. Огромная разница между этими двумя лицами, какъ и между ихъ работой столь очевидна, что глядя на нихъ, нельзя даже и представить себѣ, что они къ одному изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ жизни рабочаго отнесутся вполнѣ одинаково. Одинъ высоко цѣнитъ каждый часъ своего досуга и жадно гонится за каждой возможностью поднять свой заработокъ на 5—10 рублей въ мѣсяцъ, такъ какъ каждый подобный излишекъ дастъ ему совершенно реальную возможность улучшить привычную обстановку своей культурной или полукультурной жизни. Второй—сынъ безысходной нужды. Онъ идетъ на заработокъ главнымъ образомъ для того, чтобы на 3—4 мѣсяца «снять лишній ротъ съ семьи» и самому болѣе или менѣе сытно прокормиться. Онъ получаетъ, кромѣ харчей, 30—50 к. въ день. Если, напрягая всѣ свои усилія, онъ сумѣлъ бы даже поднять интенсивность своего труда, а съ нею вмѣстѣ свой заработокъ на 10—15%, то и тогда это составило бы 4—7 копеекъ въ день, т.-е. какихъ-нибудь $1^1/_2$—2 рубля въ мѣсяцъ или 6—8 рублей за всю кампанію

Что дѣлаетъ онъ съ этими ничтожными деньгами, живучи за 300—500 верстъ отъ дому въ грязной обстановкѣ общей казармы, гдѣ люди спятъ въ повалку на общихъ нарахъ, и гдѣ зачастую нельзя встрѣтить въ «спальнѣ» простой табуретки, простого стола, присѣвши къ которому можно было бы прочесть хотя грошевую брошюрку! Какую колоссальную выдержку, какую необычайную предусмотрительность надо имѣть для того, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ надрываться въ работѣ для того, чтобы сберечь эти 6—8 рублей до возвращенія въ далекую родную деревню! И, говоря по человѣчеству, въ правѣ ли мы осуждать того, кто, не выдержавъ этого искуса, или броситъ свое чрезвычайное усердіе и либо вернется къ обычному темпу своей работы, на которой онъ все равно попрежнему «сытъ будетъ», либо въ ближайшій праздникъ скопленные гроши попросту пропьетъ? Такихъ параллелей каждый, кто знакомъ со всѣмъ разнообразіемъ условій нашей фабрично-заводской жизни, могъ бы провести десятки и сотни; но я думаю, что для выясненія моей мысли достаточно и одного приведеннаго примѣра, которымъ я хотѣлъ только показать слѣдующее: мы непремѣнно должны быть готовы къ тому, что *разныя* категоріи рабочихъ на сокращеніе рабочаго времени будутъ реагировать *различно*, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что *всѣ* рабочіе немедленно по сокращеніи рабочаго дня начнутъ работать съ удвоенной энергіей.

Но, какъ ни важенъ трудъ рабочаго въ качествѣ одного фактора, вліяющаго на продуктивность фабрики или завода, все же это—факторъ не единственный. Оборудованіе фабрики и самая организація работъ играетъ въ этомъ случаѣ тоже весьма существенную роль. Автору этихъ строкъ, напримѣръ, извѣстенъ огромный механическій заводъ, спеціализировавшійся, главнымъ образомъ, на одномъ производствѣ, но тѣмъ не менѣе считавшій необходимымъ оставить у себя и общее машино-строительное отдѣленіе, въ которомъ работало 450—500 человѣкъ изъ трехъ съ половиною тысячъ всѣхъ заводскихъ рабочихъ. Въ то время, какъ на всемъ заводѣ работа кипѣла и заработки были весьма недурны, машиностроители всегда были недовольны, и слесаря, и токари этого отдѣленія, которые, какъ рабочіе, ни въ какомъ отношеніи не были ни хуже, ни слабѣе такихъ же рабочихъ другихъ мастерскихъ, зарабатывали здѣсь на 30—40% меньше, что вызывало постоянныя жалобы и крупныя недоразумѣнія. Причину этого страннаго на первый разъ явленія сами рабочіе объясняли весьма мѣтко и совершенно справедливо:

«Въ нашемъ отдѣленіи никакого присмотра за работами нѣтъ; мы въ забросѣ и никто о насъ не заботится; если мы трое работаемъ, такъ двое у станковъ стоятъ, а третій только и дѣлать долженъ, что ходить цѣлый день по всему заводу, ходить да работу разыскивать; въ литейную пойдешь—тамъ для нашего отдѣленія литье не готово; въ кузницу пойдешь—тамъ нашихъ поковокъ не сыщешь. Такъ и ждешь каждой малости по полдня. И сдѣлаешь немного, да и заработаешь вдвое меньше, чѣмъ могъ бы заработать».

Въ этихъ словахъ, справедливость которыхъ, повторяю, для меня несомнѣнна, для читателя, мало знакомаго съ подкладкой заводской жизни, лучше, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ длинныхъ разсужденій, выяснено значеніе *организаціи* работы во всякомъ промышленномъ дѣлѣ. Недостаточно установить рядъ механизмовъ и поставить около нихъ рядъ рабочихъ—надо такъ скомбинировать всѣ операціи сложнаго производственнаго процесса (состоящаго при фабрикаціи, напримѣръ, большой паровой машины изъ нѣсколькихъ *тысячъ* отдѣльныхъ работъ и сводящагося къ выработкѣ *нѣсколькихъ тысячъ* отдѣльныхъ предметовъ), чтобы работы шли *безостановочно,* чтобы ни одинъ рабочій, ни одна работа не задерживала и не перегоняла бы другую. И чѣмъ цѣннѣе оборудованіе завода, чѣмъ выше оплачивается трудъ, чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ важнѣе правильность и цѣлесообразность постановки этой стороны дѣла.

Простой станка, стоящаго 15 тысячъ, для завода въ десять разъ убыточнѣе, чѣмъ простой станка въ $1^1/_2$ тысячи. Часъ вынужденнаго бездѣлья рабочаго, получающаго 3 рубля въ день, приноситъ тройной убытокъ по сравненію съ часомъ прогула рабочаго, получающаго 1 рубль, и тотъ же часъ прогула при восьмичасовомъ днѣ отразится на производствѣ примѣрно вдвое сильнѣе, чѣмъ часъ прогула при двѣнадцатичасовомъ днѣ. На послѣднее примѣрное соотношеніе я обращаю особое вниманіе читателя. Дѣло въ томъ, что чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ, конечно, важнѣе для фабрики наилучшее использованіе рабочихъ часовъ. Цѣлый рядъ *накладныхъ* расходовъ остается въ производствѣ неизмѣннымъ и совершенно не зависитъ отъ того, работаетъ ли фабрика 10, 12 или 8 часовъ. И потому значеніе каждаго простоя, каждой остановки для фабрики возрастаетъ вмѣстѣ съ сокращеніемъ рабочаго дня не *пропорціонально* этому сокращенію, а значительно *быстрѣе его.*

Итакъ, при уменьшеніи числа рабочихъ часовъ необходима лучшая организація работъ; а всякое улучшеніе въ этомъ отношеніи требуетъ серьезнаго напряженія вниманія и труда со стороны техническаго и административнаго персонала фабрики. Все значеніе этого фактора трудно въ краткой статьѣ выяснить для нетехниковъ. Не останавливаясь дальше на этомъ вопросѣ, я позволю себѣ здѣсь только сообщить, что есть инженеры, спеціально занимавшіеся вопросомъ о рабочемъ днѣ, которые полагаютъ, что одной изъ главныхъ причинъ, заставляющихъ многихъ директоровъ заводовъ высказываться противъ введенія восьмичасового дня, оказывается явная или скрытая боязнь того огромнаго напряженія силъ техническаго персонала, которое будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ всякаго серьезнаго сокращенія рабочаго времени.

Но при выясненіи тѣхъ явленій, которыя могутъ явиться слѣдствіемъ значительнаго уменьшенія числа рабочихъ часовъ, мы должны обратить серьезное вниманіе и еще на одинъ факторъ производства—на *техническую обстановку и оборудованіе заведенія.*

Возьмемъ двѣ крайности: примитивное ручное производство кирпича и какой-нибудь сложный автоматическій, хотя бы штамповальный станокъ новѣйшей конструкціи. Кирпичникъ работаетъ сдѣльно, онъ обыкновенно въ рабочіе дни затрачиваетъ массу трудовой энергіи на самую тяжелую работу: босыми ногами, засучивъ портки выше колѣнъ, а то и вовсе безъ штановъ, онъ вымѣшиваетъ глину, прибавляя къ ней надлежащее количество воды и, когда нужно, песку. Заготовляя этой необычайно тяжелой, грязной и, если можно такъ сказать, *холодной* работой (влажная глина холодная) матеріалъ на нѣсколько дней впередъ, онъ затѣмъ при посредствѣ простой ручной формы дѣлаетъ сырецъ, раскладываетъ его рядами, когда же онъ подсохнетъ, складываетъ его въ клѣтку и, наконецъ, черезъ 10—20 дней сушки на воздухѣ, отвозитъ къ печи. Все это работы тяжелыя, требующія частыхъ передышекъ и ведущіяся при мелкомъ производствѣ исключительно въ ручную рабочими весьма невысокаго культурнаго уровня. Они и теперь весьма часто не подчиняются относительно рабочаго времени какому-либо строгому расписанію, и каждый подъ своимъ сараемъ (ихъ сараи состоятъ изъ одной длинной, низкой крыши безъ стѣнъ) работаетъ когда хочетъ и сколько хочетъ, причемъ, когда работа идетъ, они, сдѣльщики, и теперь работаютъ со всѣмъ для нихъ возможнымъ прилежаніемъ. Можно ли разсчитывать, что при такихъ условіяхъ значительное сокращеніе рабочаго дня вызоветъ такой подъемъ интенсивности ихъ работы, которая покроетъ потерю рабочаго времени? Трудно было бы ожидать осуществленія такого предположенія. Они, работая съ тысячи, отдыхая по своему усмотрѣнію и переходя отъ одной операціи къ другой, въ общемъ и теперь уже многолѣтнимъ опытомъ нашли комбинацію всѣхъ своихъ работъ, которая даетъ имъ въ часъ въ среднемъ наибольшее количество кирпичей, какое только рабочіе могутъ произвести. Къ формальному сокращенію рабочаго дня кирпичникъ стремится, пожалуй, меньше всѣхъ своихъ сотоварищей—заводскихъ рабочихъ—и можно думать, что съ своей точки зрѣнія онъ правъ.

Совсѣмъ иное положеніе у рабочаго, чаще *у работницъ*, на новѣйшихъ усовершенствованныхъ штамповальныхъ машинахъ. Работаютъ эти станки автоматически, наблюденія требуютъ очень мало, знаній и умѣній—тоже. Нерѣдко у весьма сложной машины стоитъ женщина или подростокъ, все дѣло которыхъ заключается въ присмотрѣ за правильностью хода, въ подкладываніи полосъ мѣди или жести да въ обираніи отштампованныхъ пластинокъ и отброса. Скорость движенія не зависитъ отъ работницы; ея трудъ однообразенъ, но, въ смыслѣ упражненія мускуловъ, очень легокъ, поддается интенсификаціи лишь въ крайне слабой степени. Работница при желаніи, конечно, могла бы вырабатывать въ каждый часъ *меньше* издѣлій или могла бы увеличить количество *брака;* но разъ все идетъ правильно, врядъ ли она сумѣла бы значительно поднять продукцію при сокращеніи рабочихъ часовъ. Она могла бы лишь заботиться о

томъ, чтобы простои были возможно меньше; но при сдѣльной и не утомительной физически работѣ она заботится объ этомъ и теперь.

Итакъ, на двухъ діаметрально противоположныхъ ступеняхъ техническаго совершенства производства мы можемъ встрѣтиться съ такими условіями, при которыхъ трудно ожидать увеличенія производительности при сокращеніи рабочаго времени.

Но между этими крайностями мы имѣемъ, при современномъ развитіи техники, необозримое разнообразіе механизмовъ и станковъ, о которыхъ пришлось бы сказать совсѣмъ другое. Во-первыхъ, большинство нашихъ фабрикъ имѣютъ оборудованіе столь старое и въ техническомъ отношеніи столь несовершенное, отсталое, что его давно пора замѣнить новымъ. При такой замѣнѣ, само собой разумѣется, техническая картина совершенно мѣняется. Такъ, напримѣръ, на большой ручной кузницѣ достаточно установить 2—3 легкихъ паровыхъ молота, чтобы производительность возросла на 20—30, а то и больше %%. Замѣна медленно идущаго ткацкаго станка быстроходнымъ даетъ такіе же результаты.

Измѣняя скорости вальцовъ при соотвѣтственномъ усиленіи двигателя въ прокатныхъ отдѣленіяхъ, мы производительность мастерской можемъ увеличить вдвое. Замѣна лѣсопильныхъ станковъ старыхъ конструкцій новыми ускориваетъ распилку бревенъ на лѣсопильняхъ тоже на 50—60%. Словомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, путемъ примѣненія новѣйшихъ станковъ, путемъ введенія усиленныхъ скоростей или измѣненіемъ порядка и способовъ обработки матеріаловъ, производительность заведеній можетъ быть въ той или иной степени усилена. Конечно, подобное усиленіе продукціи уже не зависитъ непосредственно отъ сокращенія рабочаго дня; но весьма часто именно обязательное уменьшеніе числа рабочихъ часовъ служитъ къ общему благу могучимъ стимуломъ для обновленія фабрикъ.

И вотъ, когда мы, при посредствѣ статистическаго учета производства, хотимъ на примѣрахъ прошлаго выяснить, какое же именно вліяніе имѣло въ томъ или въ другомъ случаѣ сокращеніе рабочаго времени, мы всегда сталкиваемся съ послѣдствіями различныхъ комбинированныхъ причинъ. Такъ, въ знаменитомъ примѣрѣ Англіи, гдѣ пониженіе рабочаго времени на мануфактурныхъ фабрикахъ до 10 часовъ дало въ теченіе десяти лѣтъ и абсолютное, и относительное (на одного рабочаго) огромное усиленіе производительности, мы имѣемъ несомнѣнное вліяніе всѣхъ трехъ факторовъ: прогрессирующій въ культурномъ развитіи рабочій сталъ интенсивнѣе работать, техническая обстановка фабрикъ въ зависимости отъ введенія новыхъ, усовершенствованныхъ механизмовъ, улучшилась весьма значительно, а организація производства, конечно, тоже не стояла на одномъ мѣстѣ, и въ результатѣ черезъ десять лѣтъ послѣ сокращенія рабочаго дня англійскій рабочій сталъ производить вдвое больше, чѣмъ производилъ прежде при страшной продолжительности работъ. Но видя блестательные результаты, не слѣдуетъ, какъ это дѣлаютъ многіе, впадать

въ грубую ошибку и приписывать успѣхи англійской промышленности всецѣло *только* сокращенію рабочаго времени. Правда, ярые сторонники этого сокращенія говорятъ, что именно законодательное уменьшеніе числа рабочихъ часовъ побуждаетъ предпринимателей и къ введенію усовершенствованныхъ механизмовъ и ко всѣмъ улучшеніямъ въ производствѣ. Мнѣніе это, конечно, нельзя не отнести къ числу одностороннихъ увлеченій.

Въ данномъ случаѣ уменьшеніе числа рабочихъ часовъ играетъ, конечно, извѣстную роль, но оно далеко не является *единственнымъ* стимуломъ къ обновленію техники производства, которое вызывается главнымъ образомъ внутренней и международной конкуренціей.

Въ этомъ случаѣ страны, ограничивающія или воспрещающія ввозъ иностранныхъ товаровъ, какъ наше отечество, находятся въ особенно неблагопріятномъ положеніи, такъ какъ самый могучій двигатель техническаго прогресса въ нихъ отсутствуетъ (въ Америкѣ этотъ прогрессъ былъ обусловленъ совсѣмъ особенными условіями). Введеніе особо-сокращеннаго рабочаго дня въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ въ такихъ странахъ можетъ оказаться улучшеніемъ условій быта фабричнаго рабочаго за счетъ остальнаго, разоряющагося и бѣднѣющаго населенія. Фабриканты, имѣющіе въ такомъ случаѣ возможность безнаказанно поднимать цѣны, не рискуютъ потерями: они сравнительно легко всякое вздорожаніе производства, отчего бы оно ни происходило — отъ отсталой техники или отъ болѣе высокой оплаты труда—переложатъ на массу потребителей путемъ поднятія цѣнъ, не опасаясь иностранной конкуренціи.

Но оставляя въ данный моментъ въ сторонѣ сложный вопросъ о взаимномъ соотношеніи сокращенія фабричнаго дня и таможенной охраны, вернемся къ тому вліянію, которое можетъ оказать на увеличеніе производительности нашихъ фабрикъ улучшеніе ихъ оборудованія. Это вліяніе, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но если же предприниматели будутъ вынуждены при сокращеніи рабочаго времени принять съ своей стороны всевозможныя мѣры къ поднятію производительности своихъ фабрикъ, то они во всякомъ случаѣ смогутъ это сдѣлать лишь постепенно. Ни реорганизація производства, ни переустройство фабрикъ не могутъ быть произведены по мановенію волшебнаго жезла. И то, и другое требуетъ сложнаго труда и времени; введеніе же новыхъ механизмовъ и техническихъ улучшеній сверхъ того вызываетъ и крупныя денежныя затраты, которыя въ Россіи, при нашей бѣдности капиталами, могутъ быть покрыты тоже лишь съ большимъ трудомъ и далеко не сразу.

Такимъ образомъ мы не можемъ ожидать, чтобы два крупныхъ фактора, которые играютъ въ усиленіи продуктивности производства такую же роль, какъ и самый подъемъ энергіи рабочихъ, проявили бы свое вліяніе немедленно вслѣдъ за сокращеніемъ рабочаго времени. Отсюда *необходимость постепенности и особой осторожности въ дѣлѣ законодательнаго пониженія рабочаго дня*—можно опасаться, что сколько-нибудь рѣзкій

и неподготовленный переходъ отъ обычнаго числа часовъ къ новому, пониженному хотя бы на 15—20%, неизбѣжно дастъ на первое время *сокращенiе производства*, и, слѣдовательно, *сокращенiе заработка*. Послѣднее же не только вызоветъ понятное неудовольствiе рабочихъ, но внесетъ въ ихъ положенiе ухудшенiе едва ли не болѣе значительное, чѣмъ то улучшенiе, которое будетъ вызвано непосредственно сокращенiемъ рабочаго времени.

Вотъ почему многiе думаютъ, что это сокращенiе должно быть вводимо постепенно, въ сроки впередъ предуказанные, чтобы промышленники могли бы постепенно подготовиться къ новымъ условiямъ производства. Вотъ почему, прекрасно понимая эту сторону дѣла, соцiалдемократическая фракцiя германскаго рейхстага внесла въ началѣ девятидесятыхъ годовъ въ палату законопроектъ, по которому *немедленно* долженъ былъ быть введенъ лишь *десятичасовой* день; для постепеннаго же перехода къ восьмичасовому дню устанавливался *восьмилѣтнiй* срокъ.

Большiе *практики*, германскiе соцiалъ-демократы прекрасно понимали, во-первыхъ, что въ такомъ важномъ вопросѣ восемь лѣтъ—не Богъ вѣсть какой срокъ; а, во-вторыхъ, что на практикѣ введенiе въ разныхъ отрасляхъ промышленности (кромѣ особо вредныхъ отраслей труда) *разныхъ* рабочихъ дней представляетъ огромныя неудобства.

По такой же схемѣ построенъ законопроектъ, выработанный въ настоящее время у насъ партiей народной свободы. Устанавливая, какъ общее правило, немедленно десятичасовой день, онъ сводитъ его черезъ *5* лѣтъ къ 9-ти часамъ труда, а чрезъ 10 лѣтъ предусматриваетъ обязательный пересмотръ нормъ рабочаго времени. За этотъ срокъ, само собой разумѣется, данныя о рабочемъ днѣ дадутъ уже такой богатый матерiалъ, что сроки и предѣлы дальнѣйшаго сокращенiя числа рабочихъ часовъ можно будетъ установить безъ всякаго риска ошибокъ, которыя въ настоящую минуту, при нашей крайне слабой освѣдомленности и при полномъ недостаткѣ точныхъ цифровыхъ матерiаловъ, могли бы повести, какъ уже выяснено выше, къ совершенно нежелательнымъ послѣдствiямъ.

Немало за послѣднее время раздается у насъ голосовъ противъ подобной постепенности. Наиболѣе рѣшительные сторонники сокращенiя рабочаго времени прямо говорятъ, что эта постепенность поведетъ лишь къ тому, что отъ рабочихъ будетъ отнято то, чего они добились тяжелой борьбой послѣднихъ лѣтъ. Уже теперь во многихъ промышленныхъ заведенiяхъ, говорятъ они, введенъ девятичасовой день; въ нѣкоторыхъ работаютъ даже по 8 часовъ — при такихъ условiяхъ законодательное введенiе десятичасового дня не только не дастъ рабочему никакихъ реальныхъ выгодъ, а прозвучитъ чуть ли не какой-то насмѣшкой.

Въ подобныхъ возраженiяхъ чувствуется какое-то недоразумѣнiе. Нигдѣ и никогда законодательная норма не является реальнымъ рабочимъ временемъ для всѣхъ промышленныхъ заведенiй. Всегда и всюду она даетъ только *наивысшiй допускаемый предѣлъ трудового дня*, и *реальное* число

рабочихъ часовъ опускается *ниже* этого предѣла всюду, гдѣ рабочіе дѣйствительно добились введенія болѣе короткаго рабочаго дня. Конечно, для того, чтобы въ послѣднихъ случаяхъ короткій рабочій день былъ бы устойчивымъ, нужно, чтобы онъ былъ результатомъ твердаго и спокойнаго соглашенія сторонъ, а не слѣдствіемъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ. Можно насчитать десятки и сотни фабрикъ, которыя за послѣдніе годы работали подъ вліяніемъ различныхъ условій не только по 9 и по 8, а и по 6 часовъ въ день; но никому не придетъ въ голову считать такой рабочій день нормальнымъ.

Среди тѣхъ удивительныхъ передрягъ, которыя пережила наша промышленность *) за послѣдніе годы, очень трудно сказать, гдѣ кончаются явленія общія и нормальныя, гдѣ начинаются случайныя, преходящія. Мы знаемъ случаи, когда заведенія совершенно однородныя на разстояніи 300—400 верстъ одно отъ другого, работали одно 8, а другое—10 часовъ въ сутки. Но развѣ возможно было бы въ такихъ случаяхъ фиксировать восьмичасовой день тамъ, гдѣ онъ уже фактически оказался введеннымъ? Вѣдь это значило бы *узаконить* столь неравныя условія производства, которыя исключили бы всякую возможность правильной конкуренціи.

Но если такихъ условій нельзя *узаконить*, то, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что они не могутъ оказаться *устойчивыми въ жизни*. Если благодаря какимъ-либо условіямъ въ извѣстной мѣстности рабочимъ удалось добиться восьмичасового дня, и если эти условія не эфемерны, не совершенно случайны, то, конечно, при десятичасовой законной нормѣ рабочіе будутъ въ этомъ дѣлѣ продолжать работать по восемь часовъ такъ же спокойно, какъ теперь, когда узаконенъ $11^1/_2$-часовой рабочій день. Если же столь короткое рабочее время явилось слѣдствіемъ обстоятельствъ случайныхъ, то, конечно, можетъ статься, что оно будетъ вновь повышено до того предѣла, который введенъ въ другихъ однородныхъ заведеніяхъ; и противъ этого врядъ ли можно что-либо возражать.

Вообще для того, чтобы имѣть нѣкоторую мѣрку для выясненія возможности введенія у насъ въ законодательномъ порядкѣ восьмичасового дня, намъ недурно вспомнить о рабочемъ времени въ другихъ странахъ. Европа не знаетъ такой низкой нормы рабочаго дня въ качествѣ общаго термина рабочаго времени взрослыхъ рабочихъ *обоихъ* половъ и *всѣхъ* категорій.

Здѣсь даже еще только теперь проектируемый во Франціи десятичасовой день рѣзко выдѣляется изъ общаго уровня 11—$11^1/_2$-часового труда. Въ Америкѣ 10 и даже 8-часовой день номинально введенъ въ нѣкоторыхъ штатахъ; но великую американскую республику въ данномъ случаѣ

*) Кромѣ общаго движенія 1905—6 годовъ, на нее вліяли финансовый кризисъ, вызванный войной, голодъ, недостатокъ жидкаго топлива, недостатокъ каменнаго угля, локаутъ въ Лодзи и др. мѣстахъ и многое другое.

нельзя сопоставлять съ другими странами: тамъ эти узаконенныя нормы имѣютъ совершенно условное значеніе; *онѣ принимаются только тогда, когда въ договорѣ о наймѣ не установлена иная продолжительность рабочаго дня,* такъ какъ федеральные суды, основываясь на конституціи, считаютъ недопустимымъ нарушеніемъ свободы индивидуума и свободы договора законодательное ограниченіе рабочаго времени. Восьмичасовая работа въ *казенныхъ* мастерскихъ всѣхъ штатовъ, само собой разумѣется, не измѣняетъ общаго характера американскаго законодательства по этому вопросу. Что касается Австраліи, то *закономъ* восьмичасовая работа тамъ установлена для женщинъ и подростковъ, для взрослыхъ же мужчинъ столь краткій рабочій день въ большинствѣ случаевъ устанавливается при наймѣ обычаемъ и взаимнымъ соглашеніемъ, условія которыхъ тамъ регулируются рабочими союзами.

Во всякомъ случаѣ Австралія и Новая Зеландія, на практикѣ ближе всего подошедшія къ восьмичасовому дню, врядъ ли могутъ для насъ служить непосредственнымъ образцомъ; тамъ имѣются налицо наиблагопріятнѣйшія условія для того, чтобы сокращеніе рабочаго дня привело къ наивыгоднѣйшимъ результатамъ: высокій уровень развитія рабочихъ способствуетъ огромному росту энергіи труда при сокращеніи рабочаго времени, а богатство страны даетъ возможность быстраго введенія наиболѣе усовершенствованныхъ устройствъ и механизмовъ.

Итакъ, культурныя страны не знаютъ восьмичасового дня въ видѣ общаго, закономъ установленнаго правила для взрослыхъ рабочихъ обоего пола въ частныхъ предпріятіяхъ. Это, само собой разумѣется, нисколько не мѣшаетъ тому, что нѣкоторыя заведенія въ Англіи и въ Америкѣ и очень многія въ Австраліи работаютъ по восемь часовъ.

Но, однако, количество такихъ заводовъ и фабрикъ не слѣдуетъ преувеличивать. Такъ, въ Америкѣ, напримѣръ, большинство механическихъ заводовъ (кромѣ казенныхъ) работаетъ по 10—9½ час., наши же механическіе заводы работаютъ въ среднемъ отъ 9½ до 10½ часовъ, чаще всего даже десять. Любопытно отмѣтить, что при высокомъ у насъ количествѣ праздниковъ и прогуловъ рабочій механическаго производства въ штатахъ работаетъ въ *году больше часовъ, чѣмъ у насъ;* въ Англіи—не меньше или немногимъ меньше. Производительность же труда, благодаря культурности и подготовкѣ рабочаго, болѣе цѣлесообразному устройству фабрикъ и большей спеціализаціи производства тамъ несравненно выше. Старый техническій афоризмъ, гласящій, что нѣтъ болѣе *дорогого* рабочаго, чѣмъ *дешево оплачиваемый* рабочій, подтверждается въ данномъ случаѣ съ необычайной убѣдительностью.

Получая въ полтора-два раза больше русскаго, американецъ работаетъ втрое больше и въ концѣ-концовъ работа его оказывается вдвое дешевле. Справедливость этихъ словъ подтверждается всѣми достовѣрными изслѣдованіями въ этой области и, чтобы не повторять цифръ давно извѣстныхъ, мы остановимся на работѣ, произведенной за послѣднее время однимъ изъ

нашихъ крупныхъ заводовъ для собственныхъ надобностей и не предназначавшейся для печати. Имѣя возможность воспользоваться приведенными цифрами, я долженъ сказать, что полное отсутствіе въ нихъ какихъ-либо подтасовокъ или одностороннихъ уклоненій отъ истины въ силу отмѣченнаго характера работы, изъ которой онѣ взяты, не подлежитъ сомнѣнію. Изъ этихъ данныхъ, напримѣръ, оказывается, что на выработку одного паровоза средняго типа въ штатахъ тратится 13,200 рабочихъ часовъ, а въ Россіи—отъ 27,500 до 34,600. На одинъ паровозъ, выпускаемый съ завода въ теченіе года въ Россіи приходится 12,7 рабочихъ, а въ Америкѣ—4,4.

Среднее *фактическое* пребываніе рабочаго на работѣ въ мастерскихъ завода въ теченіе года въ штатахъ составляетъ 2,900 часовъ, а въ Россіи—около 2,700 часовъ *). Я не хотѣлъ бы утомлять вниманіе читателя цифрами; мнѣ думается, что и этихъ немногихъ сопоставленій достаточно для того, чтобы выяснить разницу положенія дѣла на русскихъ и американскихъ заводахъ. Уже одно то обстоятельство, что въ Россіи на 12,7 рабочихъ въ годъ приходится та же работа **), что въ штатахъ на 4,4 рабочихъ, показываетъ, что, сокращая работу на одинъ часъ, мы, въ сущности, произвели бы въ Россіи втрое болѣе значительное сокращеніе, чѣмъ въ Америкѣ, такъ какъ одного американца въ этомъ производствѣ въ среднемъ замѣщаютъ трое русскихъ. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ *нагонять* работу, недодѣланную при сокращенномъ рабочемъ времени, несравненно труднѣе у насъ, чѣмъ за океаномъ. Вообще, видя, что американецъ, работающій втрое продуктивнѣе нашего рабочаго, въ то же время работаетъ въ годъ въ общей сложности *дольше*, чѣмъ русскій, мы должны, казалось бы, очень и очень призадуматься относительно того, насколько скоро можемъ мы ввести значительныя сокращенія рабочаго времени. Вѣдь въ сущности всѣ наши разсчеты здѣсь держатся лишь на высокомъ запретительномъ тарифѣ. Не будь его—и американцы заполнили бы всѣ наши дороги своими паровозами, пріобрѣтать которые даже и теперь оказывается иногда выгоднѣе, чѣмъ русскіе.

Очевидно, во всей постановкѣ дѣла у насъ есть такіе дефекты, на устраненіе которыхъ мы должны предоставить промышленности нѣкоторый срокъ, прежде чѣмъ пойдемъ, въ смыслѣ сокращенія рабочаго времени, дальше иностранныхъ конкуррентовъ. Иначе мы неизбѣжно должны будемъ или помириться съ появленіемъ иностранныхъ продуктовъ на нашемъ рынкѣ и съ сокращеніемъ нашего производства, или съ пониженіемъ заработковъ нашихъ рабочихъ, а нежелательность этого пониженія столь очевидна, что мы можемъ не повторять здѣсь того, что уже сказано по этому поводу выше.

---

*) Благодаря нашимъ праздникамъ и прогуламъ.

**) Одинъ паровозъ.

Я, конечно, исключаю изъ разсужденія возможность дальнѣйшаго, разорительнаго для массы населенія, подъема пошлинъ.

Но я снова слышу суровыя возраженія. Какъ? Вы говорите о *постепенности* тамъ, гдѣ затронуты вопросы здоровья и благополучія цѣлыхъ поколѣній рабочихъ! Вы хотите ждать 5, 10, можетъ быть, 15 лѣтъ тамъ, гдѣ каждый годъ изнуряетъ, а, быть можетъ, калѣчитъ тысячи и десятки тысячъ людей! Вы предполагаете возможнымъ оставить 10-часовой трудъ, когда гигіена доказала, что работать свыше восьми часовъ—значитъ изнурять силы рабочихъ и подрывать силы всѣхъ послѣдующихъ поколѣній!

Но, какъ ни грозны предостереженія гигіены, жизнь не можетъ руководствоваться *исключительно* ими. Нѣтъ человѣка, которому подъ давленіемъ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ условій не приходилось бы ежедневно совершать десятки дѣйствій, нарушающихъ несомнѣнныя правила гигіены—и мы не можемъ устранить этого неизбѣжнаго зла. Несомнѣннѣйшія данныя науки и практики показываютъ, что жизнь большихъ городовъ вреднѣе, чѣмъ въ деревняхъ, и губитъ ежедневно сотни тысячъ лишнихъ людей—и несмотря на то, милліоны ежегодно переселяются въ крупные центры. Работа, даже тяжелая работа на открытомъ воздухѣ несравненно здоровѣе работы въ закрытыхъ помѣщеніяхъ—и несмотря на то милліоны людей работаютъ въ душныхъ комнатахъ. Алкоголь и никотинъ несомнѣнные яды, и курильщики не только наносятъ вредъ себѣ, но часто дѣлаютъ атмосферу закрытыхъ помѣщеній нестерпимой для некурящихъ—но, несмотря на то, мы не можемъ закономъ воспретить куреніе или потребленіе вина и всюду бороться съ тѣмъ и съ другимъ зломъ приходится медленнымъ путемъ культурной пропаганды. Рядъ такихъ примѣровъ, касающихся и важнѣйшихъ явленій общественности и мелочей повседневнаго обихода, можно было бы продолжить до безконечности. Привожу я ихъ, конечно, не для того, чтобы рекомендовать читателю позабыть о гигіенѣ, а лишь для того, чтобы показать, что нѣтъ такой области общественной или личной жизни, которую мы могли бы *подчинить* требованіямъ гигіены, такъ какъ полное подчиненіе этимъ требованіямъ въ какомъ-либо одномъ направленіи могло бы вызвать такіе недочеты въ другихъ направленіяхъ, которые причинили бы нашей жизни ущербъ болѣе значительный, чѣмъ сумма благъ, доставляемыхъ немедленнымъ принудительнымъ осуществленіемъ того или иного вывода гигіены.

Да и сами эти выводы далеко не всегда настолько научны, тверды и несомнѣнны, чтобы ихъ можно было бы смѣло проводить въ жизнь законодательнымъ, т.-е. (по отношенію къ каждому отдѣльному гражданину) принудительнымъ путемъ. Возьмемъ хотя бы тотъ же вопросъ о восьмичасовомъ днѣ. До тѣхъ поръ, пока гигіена говоритъ о необходимости полнаго отдыха, о вредѣ чрезмѣрнаго утомленія, о томъ, что при благопріятныхъ условіяхъ крѣпкій и хорошо отдохнувшій организмъ можетъ въ болѣе короткое время сработать столько же, сколько раньше исполнялъ въ болѣе длинный рабочій день—ея выводы безспорны. Но когда

гигіенисты начинають доказывать, что именно 8-часовой рабочій день является единственнымъ нормальнымъ терминомъ суточной работы, я, долженъ сознаться въ томъ откровенно, всегда испытываю большое разочарованіе. Всѣ горячія тирады гг. врачей, произносящихъ горячія рѣчи въ защиту трехъ знаменитыхъ восьмерокъ, дѣлаютъ честь ихъ искреннему желанію отстоять то, что они считаютъ истинными интересами рабочихъ, но далеко не отличаются непогрѣшимостью научной обоснованности. Ни теорія разрушенія токсиновъ и выработки антитоксиновъ, ни теорія покоя и работы въ ритмическихъ движеніяхъ не даютъ научныхъ основаній для вывода, что человѣкъ во всѣхъ случаяхъ долженъ работать только 8 часовъ—и именно 8 часовъ, что каждая четверть часа лишней работы наноситъ непоправимый вредъ его организму. Мнѣ даже, каюсь, представляется, что и сами защитники этой теоріи не всегда раздѣляютъ ея выводы до конца. Въ самомъ дѣлѣ, добиваясь для рабочаго 16-часового досуга въ сутки, они вѣдь вовсе не думаютъ, что рабочій въ эти 16 часовъ *вовсе* не будетъ работать. Напротивъ, я совершенно убѣжденъ, что большинство гигіенистовъ искренне будетъ привѣтствовать, если рабочій часть этихъ 16 часовъ будетъ посвящать не только усиленной *умственной* работѣ, но если онъ даже возьмется за станокъ въ вечернихъ классахъ профессіональныхъ знаній или вмѣстѣ съ товарищами рѣшитъ сдѣлать какую-нибудь работу для улучшенія обстановки рабочаго клуба или ради всякой другой цѣли, сочувствуя которой, онъ будетъ работать уже по своей охотѣ какъ *гражданинъ*, а *не какъ рабочій*. Мы твердо увѣрены, что ни у кого изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ 8-часового рабочаго дня никогда не шевельнется мысль о *воспрещеніи* подобной добровольной работы всѣмъ рабочимъ, хотя, можетъ быть, каждый изъ гигіенистовъ, приглашенный въ качествѣ врача, и совѣтовалъ бы *слабому* паціенту оставить такой трудъ сверхъ нормы. И это вполнѣ понятно. Хотя авторы новѣйшей профессіональной гигіены, гг. Уваровъ и Ляхинъ, и упрекаютъ извѣстнаго гигіениста, проф. Рубнера, въ «недостаточной обоснованности сужденій» и въ «безплодномъ круженіи около неизвѣстнаго центра», однако имъ не удалось опровергнуть слѣдующихъ ясныхъ и простыхъ словъ этого автора: «Нѣкоторые требуютъ десяти, другіе — восьмичасового нормальнаго дня; гигіена не можетъ признать основательности этихъ нормъ. Общеобязательный нормальный рабочій день (конечно, съ точки зрѣнія *гигіены*.— *Свѣ.*) составлялъ бы нелѣпость, такъ какъ въ нѣкоторыхъ производствахъ даже 8-часовая работа оказывается уже вредной». При легкой работѣ, по мнѣнію Рубнера, 8-часовой день (опять-таки съ точки зрѣнія *гигіены*) слишкомъ коротокъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что продолжительность рабочаго дня различно вліяетъ на разные организмы, что слабые всегда утомляются скорѣе, а сильные нуждаются въ меньшемъ отдыхѣ, то мы увидимъ, что *научное* опредѣленіе нормальнаго рабочаго дня представляетъ собою задачу не только въ высшей степени сложную,

но, пожалуй, даже при настоящемъ уровнѣ знанія въ точности *научно* для гигіениста неразрѣшимую. И опять мнѣ слышатся клики удивленія: «какъ, вы не допускаете вмѣшательства гигіены въ столь важную область жизни?» Нѣтъ, допускаю, и даже не только допускаю, а *настаиваю*, чтобы она указала на основаніи научныхъ данныхъ тѣ отрасли труда, вредоносность которыхъ для обыкновеннаго человѣка *выше* того средняго утомленія организма, которое неизбѣжно при всякой работѣ. Всякій такой особенно вредный трудъ, конечно, долженъ быть немедленно ограниченъ возможно болѣе короткимъ временемъ, и очень можетъ быть, что во многихъ случаяхъ здѣсь придется установить не 8-ми, а шестичасовой или даже болѣе короткій день. И детально выдѣлить эти вредныя работы безъ помощи гигіениста ни законодатель, ни техникъ не можетъ; конечно, нѣкоторыя, бросающіяся въ глаза по своей вредности или ненормальности категоріи работъ указать очень легко: ночной трудъ, трудъ подъ землей, трудъ при обработкѣ свинца, ртути, фосфора и т. п.,—всѣ эти роды работъ несомнѣнно чрезвычайно вредны, и установленіе для нихъ 8-ми-часоваго или даже еще болѣе краткаго труда должно быть проведено немедленно и безотлагательно. Затѣмъ гг. врачамъ предстоитъ трудная задача болѣе детальнаго выясненія вредныхъ вліяній высокихъ температуръ (сушилы, работа при печахъ и т. д.), чрезмѣрной влажности помѣщеній, чрезмѣрнаго мускульнаго напряженія при подъемѣ тяжестей и т. д., и т. д. И во всѣхъ этихъ случаяхъ указанія гигіены будутъ имѣть для законодателя рѣшающее значеніе.

Что же касается опредѣленія общаго нормальнаго дня взрослыхъ рабочихъ, то врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ случаѣ практически цѣнныя указанія гигіенистовъ сведутся къ одному общему положенію: *сокращайте число часовъ обязательнаго труда постольку, поскольку это возможно безъ пониженія заработка массы рабочихъ*. И если теперь практика поставитъ этимъ предѣломъ 10, $9^1/_2$, 9 или меньше часовъ,—добивайтесь этого предѣла, и когда дойдете до 8 часовъ, идите дальше! Быть можетъ, недалеко то время, когда наиболѣе культурныя и богатыя страны поставятъ задачи не 8, а 6-часового дня, и мы твердо увѣрены, что гигіенисты будущихъ поколѣній не станутъ отстаивать во имя науки болѣе *длиннаго* 8-часового дня и что тогда въ ихъ распоряженіи окажутся цифры, которыми выяснена вредоносность обязательной работы болѣе 6 часовъ въ сутки. И нельзя сомнѣваться, что это послѣдовательное, постепенное, естественное, вызываемое ростомъ культуры и сопровождаемое успѣхами техники сокращеніе рабочаго дня послужитъ въ свое время на благо промышленности и на пользу рабочему классу. Но, видя его возможность и вѣря въ его благія послѣдствія, надо помнить, что это передовое движеніе въ сторону сокращенія обязательнаго рабочаго дня можетъ идти лишь путемъ естественной экономической борьбы и соглашеній заинтересованныхъ элементовъ. Законъ же *принудительно можетъ*

устанавливать лишь тѣ высшія нормы, переходъ за которыя, въ смыслѣ удлиненія рабочаго времени, не можетъ и не долженъ быть допущенъ. Норма эта, регулируемая главнымъ образомъ условіями экономическими и техническими, зависитъ отъ цѣлаго ряда разнообразныхъ условій и прежде всего отъ культурнаго уровня и отъ степени технической подготовленности рабочихъ. И сопоставляя всѣ условія нашей промышленности, съ условіями промышленности другихъ странъ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ настоящій моментъ, *сразу* и безъ всякой постепенности въ переходѣ, мы могли бы послѣ $11^1/_2$ часовъ ввести законодательнымъ путемъ рабочій день короче 10 часовъ.

Сѣверянинъ.

Изъ исторіи первыхъ лѣтъ третьей французской республики.

On ne construit pas un édifice avec des machines de guerre; on ne fonde pas un régime libre avec des préventions ignorantes et des haines acharnées.

F. Guizot, mémoires, т. I, стр. 313.

4 сентября 1870 г., на третій день послѣ битвы при Седанѣ, парижскій народъ низвергъ вторую имперію и въ третій разъ за 80 лѣтъ провозгласилъ республику. Провозглашенная единогласно конвентомъ 22 сентября 1792 г., она фактически просуществовала нѣсколько болѣе семи лѣтъ; провозглашенная вторично единогласно 5 мая 1848 г. учредительнымъ національнымъ собраніемъ, она просуществовала три года. Сколько времени просуществуетъ она теперь, провозглашенная среди шума военныхъ дѣйствій, въ отвѣтъ на позорное пораженіе того самаго человѣка, которому еще 8 мая того же 1870 г. болѣе семи милліоновъ французовъ выразили свое довѣріе?

Вопросъ о томъ, возможна ли вообще прочная республиканская организація многомилліоннаго европейскаго государства, вопросъ, который въ настоящее время обыкновенно разрѣшается утвердительно ссылкой на почти сорокалѣтнее существованіе третьей республики, далеко не признавался разрѣшеннымъ столь же оптимистически въ 1870 г. Скорѣе наоборотъ. Несмотря на двукратный республиканскій опытъ, несмотря на большое воодушевленіе и сильную агитацію значительной республиканской партіи, массѣ даже либеральнаго французскаго общества осуществимость республиканскаго строя въ современныхъ условіяхъ жизни крупныхъ европейскихъ націй представлялась по меньшей мѣрѣ недоказанной и даже болѣе того, весьма сомнительной.

«По нашему мнѣнію,—говорилъ въ 30-хъ гг. одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей либеральной французской буржуазіи, Тьеръ,—по нашему мнѣнію, мы сдѣлали рѣшающій опытъ относительно республики. Намъ каждый день возражаютъ: мы хотимъ не ту кровавую республику, которая нѣкогда существовала, мы хотимъ спокойную и умѣренную рес-

публику. Однако тѣ совершаютъ большую ошибку, кто отрицаетъ, что опытъ далъ двоякаго рода указаніе. У насъ существовала въ теченіе года кровавая республика; но въ теченіе восьми или девяти лѣтъ то была республика, желавшая быть умѣренной, республика, которую попытались осуществить люди честные и способные. Въ эпоху директоріи такіе люди какъ La Réveillère-Lepeaux, Barthelemy, Rewbell, Сіейэсъ, Карно, люди умѣренные и честные, стремились не къ кровавой, а къ мирной республикѣ. У нихъ не было недостатка въ побѣдахъ: они одержали самыя блестящія побѣды, Риволи, Кастиліоне и тысячу другихъ. У нихъ не было недостатка и въ мирѣ... А между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ всюду господствовалъ безпорядокъ. Эти государственные люди были честны, а между тѣмъ казна подвергалась грабежу. Никто не повиновался; самые скромные, самые умѣренные генералы, Шампіоннэ, Жуберъ, отказывались повиноваться приказаніямъ правительства. Повсемѣстно господствовалъ хаосъ, повсемѣстно презрѣніе (къ власти). Потребовалось выступленіе генераловъ, чтобы ниспровергнуть это правительство, простите за выраженіе, ударами сапога (à coup de pied). Такимъ образомъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ Франція пережила опытъ въ двухъ направленіяхъ. Существовала не только кровавая республика, но и республика милосердная, которая желала быть умѣренной и добилась только презрѣнія. Вотъ почему Франція съ ужасомъ отшатывается, когда ей говорятъ о республикѣ; она знаетъ, что *эта форма правленія ведетъ либо къ крови, либо къ слабоумію (imbécillité)* *).

Эти взгляды, отъ которыхъ Тьеръ самъ въ послѣдніе годы имперіи былъ готовъ отказаться, сохраняли массу адептовъ въ обществѣ. Мысль, что при республиканской организаціи авторитетъ власти либо долженъ пасть настолько, что неизбѣжно воцарится анархія, либо долженъ быть поддерживаемъ терроромъ, находила себѣ какъ будто оправданіе въ судьбахъ не только двухъ первыхъ французскихъ, но и англійской республики XVII в. Диктатура, которой такъ или иначе завершился каждый изъ этихъ республиканскихъ эпизодовъ, и реставрація старой династіи, которая послѣдовала за двумя изъ нихъ, убѣждали многихъ въ томъ, что республиканская организація, годная для небольшихъ городовъ или для федерацій, не можетъ быть долговѣчной въ національныхъ государствахъ современной Европы. Недаромъ докладчикъ сената Troplong, предлагавшій возстановить въ пользу Наполеона III имперію, указывалъ 6 декабря 1852 г. на то, что Франція слишкомъ обширна, чтобы образовать республику. Тѣ, кто придерживался этого мнѣнія, могли сослаться не только на другихъ писателей XVIII в., учителей французской демократіи, но на самого Жанъ-Жака Руссо.

Отрицательное отношеніе къ республикѣ, широко распространенное во

---

*) Ср. *de Mazade*: „Monsieur Thiers. Cinquante années d'histoire contemporaine. P. (1884), стр. 87.

французскомъ обществѣ, пользовалось еще бо́льшимъ распространеніемъ внѣ Франціи, гдѣ за исключеніемъ немногочисленныхъ республиканскихъ кружковъ республика и безнадежный безпорядокъ часто являлись синонимами даже для тѣхъ, кто теоретически признавалъ за республиканской идеей извѣстныя достоинства, но не видѣлъ возможности осуществить ее— съ одной стороны, въ виду бюрократической централизаціи современной государственной жизни, съ другой стороны—въ виду колоссальныхъ массъ возбужденнаго соціалистической агитаціей пролетаріата. Между Сциллой и Харибдой бюрократической централизаціи и соціалистическаго пролетаріата хрупкая республиканская организація казалась утопіей.

Убѣжденіе, что установленіе республики возможно только при радикальнѣйшей ломкѣ существующаго строя, раздѣляли и сами республиканцы. Говоря о причинахъ, погубившихъ вторую республику, республиканскій историкъ второй имперіи Taxile Delord *) замѣчаетъ, что «вторая французская республика дала доказательство большой наивности, полагая, что ей можно будетъ существовать рядомъ съ постоянной арміей, съ централизованной администраціей, съ судьями-чиновниками (une magistrature fonctionnaire) и съ духовенствомъ, получающимъ отъ государства жалованье. Государственный переворотъ (2 декабря 1851 г.) въ значительной степени былъ обязанъ своимъ успѣхомъ сохраненію этихъ установленій». Итакъ, упраздненіе постоянной арміи, широкая децентрализація, освобожденіе суда отъ всякаго вмѣшательства государственной власти, отдѣленіе церкви отъ государства,—вотъ что представлялось въ 1869 г. безусловно необходимымъ осуществить въ первую голову, дабы придать республикѣ прочность. Вотъ почему всѣ указанные пункты неизмѣнно фигурируютъ въ избирательныхъ манифестахъ и иныхъ проявленіяхъ жизни даже очень умѣренныхъ представителей республиканской партіи тѣхъ дней. Болѣе радикальные представители республиканской идеи шли значительно дальше и полагали, что необходимымъ условіемъ прочности республики и непремѣнной цѣлью ея должна была быть болѣе или менѣе крутая ломка установившихся *соціальныхъ отношеній*.

Какъ извѣстно, третья республика на самомъ дѣлѣ лишь за самое последнее время произвела отдѣленіе церкви отъ государства и до сихъ поръ не только не замѣнила постоянной арміи народной милиціей, но тратитъ колоссальнѣйшія суммы на войско и флотъ. Извѣстно и то, что несмотря на значительное развитіе самоуправленія, Франція и до сихъ поръ можетъ быть названа классической страной бюрократизма и централизаціи. Извѣстно, наконецъ, и то, что республика не только не привела къ соціальному перевороту или къ анархіи, но оказалась вполнѣ совмѣстимой съ весьма консервативной въ соціальномъ отношеніи политикой и во многихъ отношеніяхъ уступаетъ въ области соціальнаго вопроса, наприм., германской имперіи, не оправдавъ такимъ образомъ ни опасеній своихъ враговъ, и

*) *T. Delord:* „Histoire du seconde empire, (P. 1869), т. 1, стр. 410.

надеждъ своихъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ. И тѣмъ не менѣе третья республика не только не погибла столь же безславно, какъ ея предшественницы, но въ общемъ весьма легко справилась съ нѣсколькими болѣе или менѣе серьезными кризисами монархическаго или цезаристскаго характера и уже въ настоящее время существуетъ дольше, чѣмъ какое-либо изъ правительствъ, смѣнявшихся во Франціи, начиная съ 1792 г. *).

Въ результатѣ можно сказать, что въ настоящее время вопросъ объ осуществимости республиканскаго строя въ современной Европѣ принялъ иной видъ, чѣмъ сорокъ лѣтъ назадъ.

Уже съ этой точки зрѣнія представляется крайне интереснымъ выяснить, какъ совершилось установленіе третьей республики, какая комбинація силъ и обстоятельствъ обезпечила ея сравнительную прочность и опредѣлила характеръ ея развитія? Не менѣе любопытенъ и другой вопросъ: какъ республиканская партія, удаленная въ теченіе многихъ лѣтъ отъ участія въ государственномъ строительствѣ, накопившая подъ вліяніемъ переворота 2 декабря 1851 г. и послѣдующихъ преслѣдованій громадную массу озлобленія и ненависти и неизбѣжно пропитавшаяся чуждыми реальныхъ условій жизни отвлеченными доктринами, справилась съ этимъ роковымъ наслѣдіемъ всякой выходящей на открытую арену подпольной организаціи, какъ партія приспособилась къ новымъ условіямъ своей дѣятельности и какія идеи она ввела въ оборотъ французской жизни?

Вотъ тѣ вопросы, на которые мы постараемся дать отвѣтъ въ настоящей статьѣ **).

I.

Республиканская партія въ послѣдніе годы имперіи.

Несмотря на сравнительно значительный ростъ соединенной оппозиціи при выборахъ 1863 и особенно 1869 гг., несмотря въ частности на замѣтный поворотъ общества въ пользу республиканской партіи, съ которымъ не могли окончательно справиться ни политическіе процессы и полицейскія преслѣдованія, ни офиціальныя кандидатуры и избирательная

*) Первая республика отъ 1792 до 1804 г. (формально); первая имперія 1804—1814 (15 г.); реставрація 1814, 1815, 1830 г.; іюньская монархія 1830—1848 г.; вторая республика 1848—1852 г. (формально); вторая имперія 1852—1870 г. Максимальная продолжительность всѣхъ этихъ порядковъ не превышаетъ 18 лѣтъ, средняя продолжительность равна 13 годамъ.

**) Для ознакомленія съ исторіей первыхъ лѣтъ третьей республики помимо общихъ сочиненій по исторіи XIX в. или исторіи Франціи въ XIX в. слѣдуетъ указать на Zévort, Histoire de la troisième republique, т. I—II (до президентства Карно включительно) и особенно Hanotaux, Histoire de la France contemporaine т. I—III (до 1876 г.). Ср. также безпорядочно изложенное, но богатое чрезвычайно цѣнными данными сочиненіе Чернова (Tchernoff), le parti républicain au coup d'Etat et sous le second empire, существенно дополняющее извѣстную исторію республиканской партіи Ж. Вейля.

геометрія, при помощи которой накануне выборовъ, если нужно, мѣнялись предѣлы и составъ избирательныхъ округовъ, несмотря даже на нѣкоторыя уступки власти, вслѣдствіе которыхъ съ 1869 г. начали говорить о переходѣ отъ неограниченной къ «либеральной имперіи», несмотря, наконецъ, на повышенный тонъ республиканскихъ рѣчей и писаній,—настроеніе республиканскихъ круговъ, то настроеніе, въ которомъ республиканцы признавались другъ другу и которое они скрывали отъ враговъ, наканунѣ 1870 г. было далеко не побѣдоносное. И недаромъ. Престижу имперіи, правда, былъ нанесенъ не одинъ жестокій ударъ: нелѣпая и неудачная мексиканская экспедиція, чрезвычайное возвышеніе Пруссіи и разоблаченія относительно истиннаго характера переворота 2 декабря 1851 г., посыпавшіяся съ 1868 г. какъ изъ рога изобилія, какъ только законодательство о печати стало нѣсколько болѣе либеральнымъ, вмѣстѣ съ усиленной работой печати дискредитировали имперію въ широкихъ буржуазныхъ кругахъ, а постоянныя войны (крымская кампанія 1854—1856 гг., итальянскій походъ 1859 г., китайская, сирійская и мексиканская экспедиціи) постепенно вызывали глухое недовольство среди части крестьянъ, голоса которыхъ создали и продолжали поддерживать имперію.

Всѣ эти данныя, отчасти явныя для всѣхъ, отчасти подозрѣваемыя, позволяли республиканской партіи играть неизмѣримо бо́льшую роль, чѣмъ непосредственно послѣ декабрьскаго переворота, когда партія была буквально раздавлена беззастѣнчиво жестокой расправой «выскочки», какъ Наполеонъ III самъ себя назвалъ въ манифестѣ о своемъ предстоящемъ бракѣ съ госпожей Монтихо *). Но отсюда до паденія имперіи и тѣмъ болѣе до установленія республики было еще очень далеко. Въ этомъ отношеніи особенно характерны голосованія при выборахъ 1869 г. и при плебисцитѣ 8 мая 1870 г. При выборахъ соединенная оппозиція (республиканцы, орлеанисты, легитимисты) получила всего 3.355,000 голосовъ (на 4.438,000 поданныхъ за офиціальныхъ кандидатовъ). Годъ спустя оппозиція противъ плебисцита собрала всего полтора милліона голосовъ, сторонниковъ же плебисцита оказалось болѣе семи милліоновъ. Разница между двумя голосованіями свидѣтельствуетъ явно о томъ, что очень многіе, подававшіе голоса за соединенную оппозицію отнюдь не принадлежали къ числу «непримиримыхъ» и были готовы довольствоваться установленіемъ того, что тогда называлось «необходимыми свободами» (libertés necessaires) и что, казалось, и было обезпечено переходомъ къ «либеральной» имперіи.

---

*) Quand en face de la vieille Europe on est porté par la force d'un nouveau principe (имѣется въ виду принципъ народнаго верховенства) à la hauteur des anciennes dynasties, ce n'est pas en vieillissant son blason et en cherchant à s'introduire à tout prix dans la familles des rois qu'on se fait acc. epter: c'est bien plutôt en se souvenant toujours de son origine, *en conservant son caractère propre* et en prenant vis-à-vis de l'Europe *la position de parvenu*, titre glorieux lorsqu'on parvint par le libre suffrage d'un grand peuple. *Tax. Delord*: „Hist. du sec. emp.", 1,503. Нечего говорить, какова была „свобода", при помощи которой Наполеонъ „выскочилъ" въ императоры.

Но этого мало. Голоса, поданные за оппозиціонныхъ кандидатовъ, принадлежали отнюдь не однимъ только республиканцамъ. Среди нихъ несомнѣнно было не мало убѣжденныхъ легитимистовъ или орлеанистовъ, ожесточеніе которыхъ противъ имперіи, особенно къ концу 60-хъ годовъ, мало чѣмъ уступало ожесточенію республиканцевъ и вліяніе которыхъ на населеніе, какъ показали событія 1870 и слѣдующихъ годовъ, еще отнюдь не было подорвано окончательно.

Но хуже всего, пожалуй, было то, что среди самой республиканской партіи не только не было единодушія, но наоборотъ господствовали самыя враждебныя отношенія разныхъ группъ ея другъ другу. Бланкисты, члены интернаціонала, сторонники Делеклюза и близкаго къ нему тогда по духу Рошфора, «закрытая лѣвая», организованная Гамбеттой, и «открытая лѣвая», организованная Пикаромъ, старики 48 г. и молодые республиканцы— всѣ эти группы болѣе или менѣе рѣзко враждовали другъ съ другомъ, доходя нерѣдко до взаимныхъ обвиненій въ измѣнѣ или въ провокаторствѣ *).

Строго говоря, правда, всѣ эти группы укладывались въ два основныхъ теченія. Одно изъ нихъ было настроено рѣшительно революціонно и носилось болѣе или менѣе энергично съ идеей соціальной революціи; сюда относятся бланкисты, интернаціоналъ и «якобинцы» типа Делеклюза и Рошфора. Другіе считали революціонныя выступленія не только опасными, но прямо вредными для дѣла и, полагая, что одна изъ главныхъ причинъ несочувствія къ республиканской идеѣ заключается въ отожествленіи республики съ анархіей, соціальной революціей или якобинизмомъ, всячески подчеркивали свое намѣреніе дѣйствовать при помощи легальныхъ средствъ борьбы, хотя отчасти и не порывали открыто съ собственно революціонными группами: именно по послѣднему вопросу и расходилась особенно рѣзко «закрытая лѣвая» Гамбетты, сохранившая связи съ революціонерами, и «открытая лѣвая» Пикара **).

---

*) Еще болѣе рѣзкія несогласія существовали во многихъ мѣстахъ между рядовыми республиканцами. Нѣкоторое представленіе о нихъ могутъ дать факты, выяснившіеся во время пребыванія Гарнье-Паже въ 1863 г. въ Марсели: Гарнье-Паже по собственной инициативѣ объѣзжалъ въ это время всю Францію, чтобы бороться съ старой, все еще не утратившей значенія, идеей бойкотировать всѣ выборы, покуда будетъ существовать имперія, идеей, которую проповѣдывали преимущественно эмигранты, возлагавшіе всѣ свои надежды на революцію и постоянно увѣренные въ томъ, что она не сегодня-завтра совершится. Депутація марсельскихъ рабочихъ просила Паже примирить разныя направленія среди марсельскихъ республиканцевъ: „одни, вѣрные традиціямъ карлистско-республиканскаго союза времени іюльской монархіи, желаютъ соединиться противъ имперіи съ легитимистами и клерикалами; другіе—скорѣе склонны голосовать за бонапартистскихъ кандидатовъ противъ кандидатовъ легитимистскихъ и клерикальныхъ; послѣдніе, наконецъ, требуютъ, чтобы снова было поднято знамя республики". Ср. *Taxile Delord*, ук. соч., стр. 3,390.

**) Самые термины „закрытая" и „открытая" лѣвая (gauche fermée и ouverte) происходятъ отъ того, что въ первую принимались только республиканцы, отрицавшіе всякую возможность примиренія съ хотя бы и въ высшей степени „либеральной" имперіей или монархіей вообще, тогда какъ во вторую могли входить и такіе враги правительства, которые не являлись безусловными сторонниками республики.

Разница между всѣми этими группами сводилась такимъ образомъ преимущественно къ вопросамъ тактическимъ, а не принципіальнымъ. Въ частности, какъ мы еще увидимъ, между ними или, по крайней мѣрѣ, ихъ вождями не было существеннаго различія по соціальному вопросу: если крайняя лѣвая говорила о «соціальной революціи», то вожди ея (въ томъ числѣ и Бланки) отнюдь не понимали подъ этимъ немедленное уничтоженіе существующаго соціальнаго строя, а если парламентская лѣвая въ той или иной формѣ подчеркивала невозможность такого уничтоженія, то это не значило, чтобы она отрицала настоятельную необходимость крупныхъ соціальныхъ реформъ. Ни по данному вопросу, ни по вопросу о характерѣ предстоящихъ въ случаѣ паденія имперіи политическихъ и административныхъ реформъ, такимъ образомъ, не было никакихъ коренныхъ различій. Но вопросы тактики, какъ извѣстно, обладаютъ по меньшей мѣрѣ такой же способностью вызывать раздоры и взаимныя обвиненія, какъ и вопросы програмнаго характера. Изъ этихъ тактическихъ вопросовъ наибольшее значеніе имѣли два: во-первыхъ, вопросъ о средствахъ, при помощи коихъ можетъ быть достигнуто низверженіе имперіи и установленіе республики, и, во-вторыхъ, вопросъ о политикѣ, которой слѣдуетъ придерживаться по достиженіи ближайшей цѣли.

Что касается перваго вопроса, то точка зрѣнія Гамбетты на него была имъ формулирована съ особенной ясностью въ его рѣчи, произнесенной въ 1869 г. на банкетѣ, устроенномъ въ его честь парижскими студентами. Тактика республиканской партіи, по его мнѣнію, должна была заключаться въ «побѣдѣ разума, а не революціонной вспышки». «Имѣть на своей сторонѣ разумъ,—говорилъ онъ,—это значитъ, господа, перестать быть (только) партіей. Я утверждаю, что героическія времена республиканской партіи кончились. О! не думайте, что если бы въ минуту безумія или провокаціи нѣкій человѣкъ посмѣлъ, презирая вѣчное право, вторично испробовать авантюру насилія, чтобы тогда нельзя было противопоставить силѣ силу; но это послѣднее средство должно быть лишь высшимъ протестомъ угрожаемаго права. До этого момента и покуда поле остается открытымъ для обсужденія, для спора, для прозелитизма, для пропаганды, покуда человѣкъ можетъ вступать въ сношенія съ человѣкомъ, гражданинъ—съ гражданиномъ... надо открыто провозгласить, что мы презираемъ силу въ его рукахъ, какъ презираютъ силу въ рукахъ узурпатора» *). Обращаясь въ томъ же году къ своимъ избирателямъ-рабочимъ въ Марсели съ избирательнымъ манифестомъ, онъ рѣшительно и открыто порывалъ съ крайней лѣвой. «Пусть намъ говорятъ: вы—анархія, вы—демагогія; я отвѣчу на это скорѣе, чтобы отдать долгъ правдѣ, чѣмъ чтобы прояснить ваше сознаніе: я возвращаю такого рода обвиненія тѣмъ, кто ихъ произноситъ. Въ самомъ дѣлѣ, искренняя и лойяльная демократія представляетъ единственнаго врага демагогіи, единственную узду, единственную защиту про-

*) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 572.

тивъ покушеній всякаго рода демагоговъ. Есть два рода демагоговъ, они называются цезарями или маратами: дѣйствуютъ ли они въ интересахъ одного или въ интересахъ партіи, во всякомъ случаѣ они хотятъ удовлетворить свое честолюбіе и свои вожделѣнія при помощи силы. Демагогическая политика представляетъ прямую противоположность той научно построенной политики, которая должна сдѣлать націю политически болѣе свободной, интеллектуально болѣе образованной, экономически болѣе обезпеченной, морально болѣе справедливой, соціально болѣе равной» *).

О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ послѣднимъ заявленіемъ на тѣхъ, кто стоялъ «лѣвѣе» Гамбетты, можно судить по статьѣ одного изъ его пріятелей, Ranc, помѣщенной въ парижской газетѣ *le Diable à quatre:* «Не удовольствовавшись непріятностью по адресу Марата, Гамбетта счелъ еще нужнымъ сообщить марсельцамъ, что онъ преданъ порядку, «основному принципу общественной жизни»; еще немножко, и онъ провозгласилъ бы себя другомъ порядка (во что бы то ни стало). Надо ли именно ему объяснять, что порядокъ не есть принципъ и что онъ сказалъ вещь, которая не имѣетъ никакого смысла?... О, Гамбетта! ты, который любишь революцію, ты, который въ силу рѣдкаго дара судьбы обладаешь темпераментомъ художника и умомъ политика, великимъ краснорѣчіемъ и чутьемъ государственныхъ дѣлъ; ты, чей голосъ раздался сильнѣе по Франціи, чѣмъ чей-либо съ тѣхъ поръ, какъ Мишель умеръ и Ледрю изгнанъ,—ты, наконецъ, который можешь быть голосомъ молодой революціи, Гамбетта, дорогой Гамбетта, неужели ты желаешь быть только кандидатомъ?» **).

Гамбетта, за которымъ самъ Тьеръ признавалъ въ это время «политическое чутье» ***), въ отличіе отъ своихъ «друзей слѣва» понималъ, что при наличныхъ условіяхъ всякая попытка насильственнаго движенія будетъ только на руку имперіи и что главнымъ препятствіемъ къ усиленію республиканской партіи является страхъ широкихъ массъ населенія передъ «краснымъ призракомъ». Въ томъ же самомъ 1869 г. такой въ существѣ дѣла умѣренный человѣкъ, какъ Жюль Симонъ, писалъ одному пріятелю, который, какъ и онъ самъ, выставилъ свою кандидатуру въ законодательное собраніе: «вотъ ужъ мѣсяцъ, что я ежедневно получаю по двадцать писемъ, въ которыхъ спрашиваютъ, врагъ ли я семьи и собственности» ****).

---

*) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 542—543.

**) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 543, пр. 2. Указанія Гамбетты и его оппонента на Марата имѣли, кстати сказать, не только историческое значеніе: крайняя лѣвая (особенно бланкисты—Tridon и др.) занималась „спасеніемъ“ какъ Марата, такъ и гебертистовъ, да и по существу дѣла въ міросозерцаніи самого Бланки есть точки соприкосновенія съ Маратомъ. У обоихъ замѣчается одинаковая любовь и одинаковое презрѣніе къ народу и къ людямъ вообще.

***) Вотъ слова Тьера: „j'ai personellement beaucoup de goût pour Gambetta; il a, ce qui est rare, le sens politique“. Ср. *Tchernoff*, ук. соч., стр. 431, пр. 3 (на основаніи неизданныхъ мемуаровъ Фердинанда Дрейфуса). Слова Тьера относятся къ 1869 году.

****) Ср. *Tchernoff*, ук. соч., стр. 548, пр. 1 (на основаніи неизданной переписки).

«Въ психологіи республиканской оппозиціи этой эпохи,—говоритъ послѣдній историкъ партіи,—замѣчается душевное состояніе, которое объясняется только вліяніемъ тактики имперіи. Во время избирательной борьбы и во время кампаніи въ пользу плебисцита (1870 г.) послѣдняя не нападала болѣе ни на республиканскую, ни на либеральныя идеи. Ея единственнымъ и основнымъ аргументомъ являлся красный призракъ, обновленный и постоянно преподносимый въ новыхъ формахъ. Вотъ почему республиканской оппозиціи казалось, что необходимо прежде всего внѣдрить въ умы избирателей основную идею, что демократическая партія не есть партія революціонная. Разъ эта идея проникнетъ въ сознаніе, то большинство, казалось, будетъ обезпечено за антибонапартистскими элементами» *).

Не входя здѣсь въ оцѣнку этой точки зрѣнія, достаточно сказать, что она не могла не отдѣлить парламентской лѣвой (за исключеніемъ избранныхъ въ томъ же 1869 г. Распайля и Рошфора) отъ внѣпарламентской крайней лѣвой, отъ бланкистовъ, интернаціонала и «якобинцевъ», оставшихся вѣрными чисто революціонной тактикѣ заговоровъ и баррикадъ.

Не меньшее принципіальное, хотя и меньшее въ данный моментъ практическое значеніе имѣлъ другой вопросъ, а именно вопросъ о «революціонной диктатурѣ», за которую стояла крайняя лѣвая и противъ которой рѣшительно возражала парламентская лѣвая. Вся теорія Бланки къ этому времени въ сущности и сводилась къ идеѣ революціонной диктатуры Парижа надъ Франціей и революціонеровъ надъ Парижемъ,—революціонной диктатуры, которая не должна была создать немедленно соціальную республику, а должна была «уменьшить (abaisser) препятствія» и «создать русло» безъ «претензіи на то, чтобы создать самую рѣку» **). Несмотря на всю свою личную ненависть къ Бланки, Делеклюзъ держался той же точки зрѣнія: диктатура Парижа представлялась ему необходимой гарантіей противъ монархіи, идея децентрализаціи опасной утопіей, а дѣятельность якобинцевъ великой революціи настолько безошибочной, что онъ ее принималъ цѣликомъ вплоть до казни Люсили Демуленъ, которую онъ какъ-то защищалъ противъ ироническаго указанія Локруа на ея кровавую нелѣпость, признавалъ ее мѣрой, необходимой въ интересахъ общественнаго спасенія ***). Одинъ изъ его сторонниковъ такъ формулировалъ образъ мыслей молодыхъ приверженцевъ старой якобинской доктрины: «непоколебимо привязанные къ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, готовые слѣдовать до конца за справедливыми требованіями пролетаріата, твердо рѣшившіеся покончить разъ навсегда (faire table rase) съ устарѣвшими догматами и обветшалой метафизикой и замѣнить ихъ реальными данными революціонной науки,

---

*) Ср. *Tchernoff,* ук. соч., стр. 575—576. Выясненіе этого факта представляетъ одну изъ наибольшихъ заслугъ послѣдней части труда Чернова.

**) Ср. *Tchernoff,* ук. соч., стр. 581 и особенно его же „Le parti republicain sous la monarchie de Juillet“, стр. 343—360 (особенно стр. 352). Ср. также *Geffroy,* „L'enfermé“ (переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Заключенный“).

***) Ср. *Tchernoff,* ук. соч., стр. 515, пр. 4 (по разсказу Naquet).

диниъ словомъ, революціонеры какъ по формѣ, такъ и по существу—таковы новые люди нашего образца» *). Вмѣстѣ съ интернаціоналомъ, въ которомъ со времени судебныхъ и полицейскихъ преслѣдованій 1868 г. болѣе умѣренное (по ближайшей тактикѣ) прудоновское направленіе замѣнилось рѣзко революціоннымъ **), сторонники Бланки и единомышленники Делеклюза развивали сильную агитацію въ большихъ промышленныхъ центрахъ, особенно въ Парижѣ и Ліонѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя сыграли первенствующую роль въ коммунѣ.

Опредѣлить численное соотношеніе двухъ главныхъ группъ республиканской партіи, а слѣдовательно и фактическое отношеніе массы общества къ двумъ предлагаемымъ тактикамъ, революціонной и парламентской, было нелегко, особенно когда послѣ законовъ о печати и о собраніяхъ, изданныхъ въ 1868 г. и возстановившихъ до извѣстной степени возможность политической жизни, сразу прорвалась сдерживавшая общественное настроеніе плотина и накопившаяся страсть и ненависть проявились съ чрезвычайной силой ***). Настроеніе собраній было чрезвычайно повышенное и наибольшій успѣхъ имѣли самыя радикальныя рѣчи и предложенія, къ которымъ полиція долгое время относилась съ необычайной снисходительностью. Смыслъ этого поведенія власти былъ совершенно ясенъ: она желала напугать буржуазію, широкіе круги которой именно благодаря этимъ собраніямъ «съ изумленіемъ узнали о возрожденіи соціализма» ****), окончательно, казалось, раздавленнаго послѣ іюньской бойни 1848 г. Передъ выборами 1869 г. власть позаботилась объ изданіи и возможно болѣе широкомъ распространеніи анонимной брошюры подъ заглавіемъ: «Réunions politiques», въ которой были подведены итоги раздававшимся въ парижскихъ собраніяхъ лозунгамъ: какъ оказалось, здѣсь проповѣдовался «атеизмъ, цареубійство, гражданская война, убійство, общность имуществъ, упраздненіе семьи, деспотизмъ, основанный на упраздненіи всякой личной свободы и всякаго соціальнаго превосходства *****).

Страстность тона на собраніяхъ была такъ велика, что не только умѣ-

*) Ср. *Tchernoff*, ук. соч., стр. 511 (изъ статьи *Ranc* въ газетѣ Делеклюза *Réveil*).

**) Рѣчь идетъ о *французской* секціи интернаціонала.

***) Законъ 1868 г. о печати освобождалъ газеты отъ необходимости испрашивать предварительное разрѣшеніе администраціи на изданіе и отъ системы предостереженій и подчинялъ печать дѣйствію исправительнаго суда (судившаго безъ участія присяжныхъ) взамѣнъ прежняго подчиненія ея усмотрѣнію администраціи. Законъ о собраніяхъ разрѣшалъ политическія собранія (въ закрытыхъ помѣщеніяхъ), до этого времени совершенно запрещенныя. Для устройства собранія требовалось предварительное заявленіе, подписанное семью лицами, причемъ администрація сохраняла право: 1) отсрочивать или вовсе не разрѣшать собраніе, и 2) посылать на собраніе своего агента, по первому требованію котораго собраніе было обязано разойтись.

****) *G. Weill:* „Hist. du parti républicain en France“, стр. 498.

*****) *Tax. Delord:* „Hist. du sec. emp.“, т. V, стр. 443. Авторомъ брошюры былъ Vitu.

ренные республиканцы вродѣ Гарнье-Паже, но даже Делеклюзъ протестовалъ противъ митинговыхъ ораторовъ, въ которыхъ одни видѣли—не всегда безъ основанія—провокаторовъ, другіе—«усыпителей» (endormeurs), губившихъ дѣло республики вызываемымъ ими среди массы общества (и особенно крестьянъ) страхомъ соціальнаго переворота.

Но какъ бы рѣшителенъ ни былъ отпоръ, который собранія встрѣчали среди разумныхъ людей, они не оставались безъ вліянія въ смыслѣ радикализаціи настроенія и фразеологіи самыхъ широкихъ круговъ республиканской партіи. Ничего не можетъ быть характернѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ нѣкоторыя рѣчи будущаго предсѣдателя палаты депутатовъ и кандидата на президентское кресло, приверженца Гамбетты, Бриссона—съ одной стороны, и радикализмъ избирательныхъ манифестовъ самого Гамбетты—съ другой стороны. Говоря по вопросу о народномъ образованіи и разобравъ отношеніе къ нему либераловъ и радикаловъ, Бриссонъ увлекся настолько своимъ антиклерикальнымъ жаромъ, что произнесъ слѣдующую тираду: «Я не буду вамъ говорить о клерикалахъ; вы ихъ оттолкнули со всѣмъ тѣмъ отвращеніемъ, которое они заслуживаютъ, но я хочу устранить ошибку, которую часто дѣлаютъ. Можетъ показаться, что такъ какъ мы—радикалы, такъ какъ мы—коммунисты (!), то мы хотимъ избавиться отъ свободы! Свободы мы хотимъ, но мы хотимъ также тѣхъ переходныхъ средствъ, которыя къ ней ведутъ: мы хотимъ уничтожить старый ядъ, который существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ выдумали Господа Бога». «Они (умѣренные) имѣютъ дѣло съ охваченнымъ гангреной соціальнымъ организмомъ и предполагаютъ его излѣчить тепленькой водой; эти язвы могутъ быть залѣчены только кровью и желѣзомъ. Поймите, что мы должны пройти черезъ эту страшную необходимость, чтобы спасти общество. Итакъ, мы хотимъ свободы и хотимъ ее достигнуть самымъ короткимъ и радикальнымъ путемъ». Нѣсколько позднѣе во время банкета въ память упраздненія монархіи (въ 1792 г.) тотъ же Бриссонъ заявляетъ: «Будущее принадлежитъ людямъ дѣла, а не тѣмъ, кто желалъ бы ограничиться проведеніемъ научно обставленной политики,—я пью, граждане, за людей дѣла».

Болѣе существенное значеніе, чѣмъ подобнаго рода слова, которыхъ можно было бы привести многое множество, имѣла та программа, которую выставляли парламентскіе вожди партіи. Въ наказѣ избирателей Гамбетты въ 1869 г., наприм., содержались на-ряду съ общими требованіями всякой либеральной программы и на-ряду съ нѣкоторыми менѣе важными или менѣе характерными положеніями и слѣдующія: упраздненіе церковнаго бюджета и отдѣленіе церкви отъ государства, *замѣщеніе всѣхъ государственныхъ должностей путемъ избранія*, «упраздненіе постоянныхъ армій, причины разоренія для финансовъ и экономической жизни націи, источника ненависти между народами и недовѣрія среди государства». Такого же или приблизительно такого же рода были программы и другихъ республиканцевъ *).

*) Общеобязательной детальной программы для всей партіи не было.

Само собою разумѣется, что политически развитые люди опять-таки понимали, что не все, что значится въ программѣ, можетъ быть немедленно осуществлено, что самая сущность политической жизни заключается въ постоянно мѣняющихся временныхъ соглашеніяхъ борющихся другъ съ другомъ силъ. Но масса избирателей была мало способна отдать себѣ въ этомъ отчетъ, и чѣмъ рѣшительнѣе были заявленія ея избранниковъ, тѣмъ нетерпѣливѣе она должна была ожидать отъ нихъ установленія рая земного.

Подъ вліяніемъ необходимости считаться съ повышеннымъ настроеніемъ избирателей и удовлетворить ихъ широкими перспективами, съ одной стороны, подъ вліяніемъ собственнаго увлеченія логически прекрасными доктринами, не провѣряемыми на опытѣ жизни, отъ котораго республиканцы были удалены властью—съ другой стороны, республиканцы несомнѣнно давали обѣщанія и дѣлали заявленія, оправдать которыя они, какъ показало время, были неспособны.

Самый радикализмъ ихъ программъ и рѣчей свидѣтельствовалъ не столько о сознаніи своей силы, сколько, наоборотъ, о сознаніи необходимости привлечь политически неразвитую массу яркостью тѣхъ красокъ, въ которыхъ изображалось будущее въ случаѣ побѣды республиканцевъ. Такая тактика имѣла, очевидно, обоюдоострый характеръ. Разсчитанная на привлеченіе народныхъ массъ она неизбѣжно должна была заставить болѣе умѣренные элементы общества задумываться и позволяла императорскому деспотизму драпироваться въ тогу защитника истинной и разумной свободы. «Если иностранцы могутъ намъ завидовать относительно многихъ полезныхъ вещей,—заявилъ Наполеонъ III 25 января 1863 г. во время торжественной раздачи наградъ за участіе въ лондонской выставкѣ 1862 г.,—то и мы должны научиться многому у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, во время вашего пребыванія въ Англіи вы должны были поразиться той неограниченной свободой, съ которой тамъ манифестируются всѣ взгляды и проявляются всѣ интересы. Вы замѣтили полнѣйшій порядокъ, сохраняемый тамъ, несмотря на всю живость дебатовъ и всѣ опасности конкуренціи. Дѣло въ томъ, что *англійская свобода относится всегда съ уваженіемъ къ основамъ, на которыхъ покоится общество и власть*. Въ силу этого самаго она не уничтожаетъ, а улучшаетъ; она держитъ въ рукахъ не факелъ, который поджигаетъ, а свѣточъ, который озаряетъ, а въ частныхъ предпріятіяхъ индивидуальная инціатива проявляется съ неутомимымъ жаромъ и освобождаетъ правительство отъ необходимости быть единственнымъ двигателемъ жизненныхъ силъ націи; вмѣсто того, чтобы регулировать все, она возлагаетъ на каждаго отвѣтственность за его дѣйствія. Вотъ благодаря какимъ условіямъ существуетъ въ Англіи эта удивительная дѣеспособность, эта абсолютная самостоятельность. Франція также дойдетъ до нея въ тотъ день, когда мы обезпечимъ (aurons consolidé) необходимыя основы для установленія полной свободы. Давайте же работать, чтобы подражать столь полезнымъ примѣрамъ; исполняйтесь постоянно здравыхъ политическихъ и коммерческихъ доктринъ, развивайте въ отдѣльныхъ личностяхъ энергичное

свободное стремленіе ко всему, что прекрасно и полезно. Такова ваша задача. Моя всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы руководиться здравымъ прогрессомъ общественнаго мнѣнія при опредѣленіи размѣровъ улучшеній (въ государственномъ строѣ), и въ томъ, чтобы освобождать тотъ путь, который вы должны пройти, отъ административныхъ помѣхъ».

Глубокая внутренняя фальшь этихъ словъ была слишкомъ ясна для тѣхъ, кто жилъ подъ игомъ пресловутаго закона 1858 г. объ охраненіи общественной безопасности, для всѣхъ, кто понималъ, что нельзя путемъ самаго гнетущаго абсолютизма подготовлять «установленіе полной свободы», но далеко не всѣмъ все это было ясно, и чѣмъ радикальнѣе звучали лозунги республиканцевъ, тѣмъ скорѣе многимъ могло казаться, что истина на сторонѣ имперіи.

И тѣмъ не менѣе тактика республиканской партіи была вызвана не только доктринерствомъ, но и непосредственной необходимостью расширить свои кадры привлеченіемъ широкихъ массъ, иначе говоря, необходимостью сдѣлать республиканскую идею національнымъ достояніемъ. Трудность этой задачи была чрезвычайно велика, какъ явствуетъ хотя бы изъ крайне характерной картины французскаго общества, которую въ 1869 г. попытался дать Мезьеръ. Разсматривая разные слои общества съ точки зрѣнія общаго склада ихъ психики и ихъ политическихъ тенденцій, республиканецъ-авторъ относится весьма отрицательно къ главной массѣ населенія, къ крестьянству, которое онъ упрекаетъ въ глубокомъ эгоизмѣ, неспособности къ благородному увлеченію и полномъ непониманіи общественнаго блага, которое цѣликомъ замѣняется у нихъ идеей собственнаго благополучія. «Либеральная и демократическая оппозиція, — вторитъ ему Делоръ, — съ трудомъ проникала въ города и, понятно, съ еще бо̀льшимъ въ деревни. Освободивъ крестьянина въ области его собственности, французская революція не измѣнила его моральныхъ навыковъ; его воспитаніе и образованіе остались приблизительно такими же, какими они были въ 89 году. Революція представляетъ для него неясный и далекій фактъ, причины и послѣдствія котораго онъ представляетъ себѣ лишь весьма туманно. Кусокъ земли, который онъ обрабатываетъ, купленъ его дѣдомъ у націи, которая отобрала его у дворянъ и священниковъ; эти послѣдніе хотѣли его снова отобрать; человѣкъ, который назывался Наполеономъ, сохранилъ его наслѣдство за нимъ. Вотъ все, что онъ знаетъ о революціи. Ничему бо̀льшему его не научили за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ».

Гораздо выше, чѣмъ крестьянъ, цѣнитъ Мезьеръ рабочаго:

«Рабочій,—говоритъ онъ,—является въ то же время и гражданиномъ своей страны; его космополитическое братство (съ рабочими другихъ странъ) не заставляетъ его забыть своего долга по отношенію къ Франціи. Идея патріотизма, вызывающая у крестьянина лишь мысли о войнѣ, вызываетъ у рабочаго политическія идеи; у него есть личное или, вѣрнѣе, коллективное мнѣніе относительно хода государственныхъ дѣлъ и онъ энергично выражаетъ его своимъ голосованіемъ... По естественному благородству

(générosité) и по традиціи онъ защищаетъ дѣло либерализма и голосуетъ обыкновенно за независимыхъ кандидатовъ. А въ деревнѣ опасаются, что либеральные кандидаты суть кандидаты революціонные».

Оставляя опять-таки въ сторонѣ оцѣнку этихъ положеній, замѣтимъ, что отношеніе автора къ крестьянству стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ безспорнымъ фактомъ, что самой твердой опорой имперіи было именно крестьянство. Его голоса вознесли Людовика Наполеона 10 декабря 1848 г. на кресло президента французской республики, его же голоса одобрили переворотъ 2 декабря 1851 г. и возстановленіе имперіи, его же голоса наконецъ рѣшили судьбу плебисцита 1870 г. Крестьянство посылало своихъ сыновей въ армію, оно же обезпечивало правительству неизмѣнное огромное большинство въ законодательномъ корпусѣ. Объяснять исходъ всѣхъ голосованій эпохи второй имперіи, какъ это чаще всего дѣлается, неправильной постановкой самой выборной процедуры — отсутствіемъ свободной печати, отсутствіемъ политическихъ собраній, офиціальными кандидатурами, избирательной геометріей, административнымъ давленіемъ и полицейскими репрессіями — на самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, нельзя. Стоитъ припомнить опытъ двухъ избирательныхъ кампаній, прошедшихъ на нашихъ глазахъ при еще болѣе неблагопріятныхъ для оппозиціи условіяхъ, чтобы признать, что при наличности дѣйствительно массоваго недовольства всеобщее избирательное право дало бы во Франціи временъ второй имперіи не менѣе оппозиціонный составъ палаты, чѣмъ наша избирательная система, установленная закономъ 11 декабря. Вышеуказанныя отрицательныя условія, разумѣется, не оставались безъ вліянія на исходъ голосованій, но ихъ вліяніе сказалось преимущественно въ томъ, что они мѣшали воздѣйствію сознательной политической мысли (путемъ печати и собраній) на народную массу, что они мѣшали политическому развитію массы, а не въ томъ, что они сколько-нибудь существенно извращали картину дѣйствительнаго уровня политическаго пониманія массы французскихъ обывателей. Этотъ уровень былъ самъ по себѣ чрезвычайно низокъ, какъ былъ чрезвычайно низокъ и уровень грамотности особенно французскаго крестьянства. Не слѣдуетъ забывать, что система французскаго *народнаго* образованія создана почти цѣликомъ третьей республикой. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что республиканская партія дѣлала крайне слабые успѣхи среди крестьянской массы. Вплоть до 1870 г. она только въ одномъ крестьянскомъ избирательномъ округѣ одержала побѣду и именно поэтому избраніе Жюля Греви, будущаго президента республики, состоявшееся въ 1868 г. въ юрскомъ округѣ съ его почти чисто крестьянскимъ населеніемъ, и произвело такое большое впечатлѣніе на обѣ борющіяся стороны.

Но если надежды на крестьянство были плохи и если успѣхи республиканцевъ среди рабочихъ и мелкой городской буржуазіи крупныхъ городовъ были наоборотъ сравнительно очень велики, то и по отношенію къ рабочимъ республиканская партія была настроена далеко не оптимистиче-

ски. Къ 1870 г. въ республиканской партіи господствовало убѣжденіе, что въ свое время рабочіе изъ ненависти къ побѣдившей ихъ въ 1848 г. буржуазіи сами содѣйствовали возстановленію имперіи. Указывали на то, что при выборахъ президента, Наполеонъ получилъ особенно большое количество голосовъ именно въ захваченныхъ соціалистической пропагандой департаментахъ (Saône-et-Loire, Creuse, Haute-Vienne, Isère, Drôme) *). Не меньшее впечатлѣніе произвело заигрываніе Наполеона III съ рабочими и снисходительное (до 1867—8 г.) отношеніе власти къ интернаціоналу **) и, съ другой стороны, широко распространенное среди соціалистовъ того времени и въ частности среди послѣдователей Прудона пренебреженіе къ вопросамъ политической организаціи и исключительное вниманіе, обращаемое многими рабочими на вопросы экономическаго порядка. Вотъ почему не одни только бланкисты отнеслись сначала съ большимъ подозрѣніемъ даже къ интернаціоналу ***). Вотъ почему весь первый томъ труда Делора по исторіи второй имперіи,—томъ, вышедшій еще въ 1869 г.,—пропитанъ недовѣріемъ къ рабочимъ вообще. Республиканская партія не могла не видѣть, что она была обязана многими изъ своихъ побѣдъ именно голосамъ и усердію рабочихъ; она не могла не сознавать, что въ случаѣ остраго столкновенія съ имперіей ея единственной реальной опорой только и могла быть рабочая масса, но она не могла также забыть, сколь равнодушно даже парижскіе рабочіе отнеслись къ призывамъ республиканцевъ какъ во время перваго грубаго нарушенія конституціи во время римской экспедиціи 1849 г., такъ особенно послѣ переворота 1851 г. Полагая не безъ основанія, что уровень политическаго развитія массы рабочихъ не можетъ быть особенно высокъ и что при умѣлой политикѣ правительства послѣднее могло бы экономическими мѣропріятіями отвлечь рабочую массу отъ проявленія политическаго недовольства и, пожалуй, даже отъ самой мысли о политикѣ, республиканцы съ тревогой слѣдили за поведеніемъ пролетаріата и никогда не чувствовали себя спокойными и съ этой стороны.

При каждомъ столкновеніи республиканцевъ съ рабочими совершенно ясно выступалъ одинъ фактъ: господство соціальныхъ интересовъ рабочаго міра надъ политическими. Представленіе о томъ, въ чемъ заключалась конкретная задача соціальной политики, правда, было и не могло не быть до крайности неопредѣленнымъ. Какъ показали дебаты, происходившіе во время политическихъ собраній послѣднихъ двухъ лѣтъ имперіи, въ головахъ митинговыхъ ораторовъ и рабочихъ осѣли обрывки всѣхъ соці-

---

*) *Tax. Delord,* Hist. du sec. emp. I, стр. 126. Ср. его же замѣчанія, ib. 122: le bonapartisme, sûr de la majorité des votes socialistes; ср. 105—106 соображенія о провокаторской роли бонапартистовъ въ іюньскихъ событіяхъ 1848 г.; ср. 196: la Bourgogne, pays de bonapartisme et de socialisme à la fois.

**) Ср. *G. Weille,* Hist. du mouvement social en France. 1852—1902.

***) Болѣе подробныя указанія на причины этого недовѣрія см. у Чернова, у. соч., стр. 454, сл. и 492.

алистическихъ доктринъ первой половины вѣка. Особенно большое вліяніе имѣлъ долгое время Прудонъ, но съ его взглядами въ удивительной путаницѣ уживались лозунги сенъ-симонизма, фуріеризма, Луи Блана и Кабэ *). «Во время этихъ собраній выступили всѣ оттѣнки доктринъ, проявившихся съ 1848 г. и незамѣтно продолжавшихъ прокладывать себѣ путь въ умы, чтобы сразу вспыхнуть, какъ только слову была возвращена нѣкоторая свобода. Здѣсь встрѣчались одновременно ученики Прудона вродѣ Ланглуа; мютюэлисты интернаціонала вродѣ Толена, Мюрата, Шемале, Лонге, остроумная критика которыхъ обрушивалась на коммунистовъ и фуріеристовъ, которыхъ они упрекали въ томъ, что они желаютъ распространить общность имуществъ и на женщинъ; коммунисты и революціонеры-бланкисты, вродѣ Жаклара и Моро, которые возобновили свою пропаганду. Чистые коммунисты, начиная съ самаго яркаго бабувизма Гальяра и кончая коммунизмомъ, смѣшаннымъ съ фурьеризмомъ, Лефрансе и Ранвіе, точно такъ же излагали здѣсь свои идеи. Риго и Кассъ провозглашали свои бѣшеные протесты, первый—противъ полиціи, которой онъ приписывалъ все зло, второй, движимый потребностью дѣйствовать,—противъ всѣхъ вообще. Миллiеръ, секретарь одного изъ клубовъ 1848 г., носившаго названіе Révolution, въ которомъ былъ предсѣдателемъ Барбесъ, проповѣдовалъ мистическій коммунизмъ религіознаго типа. Говоря о безработицѣ, о воспитаніи и образованіи дѣтей, Шовіеръ пользовался случаемъ громить капиталистическое общество и закончилъ одну изъ своихъ рѣчей словами: «подымемъ красное знамя противъ бѣлаго, противъ рабства!» Курнэ, отецъ котораго палъ жертвой дуэли въ Лондонѣ, развивалъ революціонныя идеи, внушенныя ему газетой Делеклюза, *Réveil;* Козаръ объяснялъ доктрины позитивизма; Дюкассъ, бывшій ученикъ богословской школы кальвинистовъ, предавался ярой пропагандѣ противъ іезуитовъ, сталкиваясь съ католическимъ ораторомъ Ленорманомъ, рядомъ съ которымъ появлялся пасторъ де-Прессансэ; Паула Минкъ защищала женское дѣло. Среди наиболѣе интеллигентныхъ ораторовъ фигурировалъ Бріонъ, поддерживавшій родъ либеральнаго и почти индивидуалистическаго коммунизма» **). Преобладало именно это послѣднее настроеніе, враждебное расширенію правъ государства и требовавшее лишь устраненія тѣхъ препятствій, которыя государство воздвигало на пути индивидуальной и коллективной дѣятельности рабочаго. Въ этомъ сказывалось несомнѣнное вліяніе Прудона. Тонъ и содержаніе рѣчей опредѣлялись, по мѣткому замѣчанію Чернова, комбинаціей этого «либеральнаго» коммунизма съ революціоннымъ настроеніемъ ораторовъ ***)

Энергичная постановка соціальнаго вопроса со стороны рабочихъ требовала опредѣленнаго отвѣта со стороны республиканцевъ, и интересно отмѣтить, какъ разныя фракціи республиканской партіи отнеслись къ нему. И здѣсь въ сущности выступаютъ два основныхъ теченія. Одна часть рес-

*) Ср. *Tchernoff*, ук. соч., 494.

**) *Tchernoff*, ук. соч., 497—498.

***) *Tchernoff*, ук. соч., 499.

публиканцевъ—бланкисты, интернаціоналъ и въ извѣстной мѣрѣ якобинцы типа Делеклюза—отчасти по традиціи, отчасти надѣясь встрѣтить поддержку противъ имперіи только среди рабочихъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ становятся на сторону пролетаріата и строятъ всю свою агитацію на нелѣпой идеѣ соціальной революціи. Нелѣпость ея, какъ мы видѣли, хорошо сознаютъ по крайней мѣрѣ вожди *), но тѣмъ не менѣе она служитъ тѣмъ лучшимъ средствомъ пропаганды, что за исключеніемъ немногихъ разумныхъ людей не только рабочая масса, но и подавляющее большинство самихъ агитаторовъ не отдаютъ себѣ отчета въ ея нелѣпости и добросовѣстно проповѣдуютъ необходимость «соціальной катастрофы», не стараясь отдать себѣ отчета, въ чемъ она могла и должна была бы заключаться **). Изъ вождей, кстати сказать, въ наименьшей степени повиненъ въ подчеркиваніи соціальнаго характера предстоящей революціи Делеклюзъ, понимавшій опасность чрезмѣрнаго подчеркиванія соціальной вражды рабочихъ къ другимъ классамъ общества.

Эта послѣдняя опасность, какъ мы уже видѣли, особенно сильно занимала остальныя республиканскія группы. Въ качествѣ людей съ развитымъ политическимъ чутьемъ, Гамбетта, Жюль Ферри, Жюль Симонъ и т. д., не говоря уже о болѣе правыхъ, вродѣ Пикара, понимали, что строить будущую государственную организацію на ненависти разныхъ частей общества другъ къ другу значитъ губить дѣло республики, что обосновывать всѣ надежды партіи на одномъ классѣ значитъ оттолкнуть всѣ остальные, т.-е. подавляющее большинство націи, и обречь себя даже въ случаѣ побѣды на террористическое поддержаніе своей власти и власти пролетаріата, на якобинскую политику, т.-е. въ конечномъ итогѣ на неизбѣжное новое крушеніе дѣла народной свободы и демократіи, единственнымъ представителемъ котораго при наличныхъ условіяхъ была республиканская партія. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они отрицали необходимость соціальныхъ реформъ, но, во-первыхъ, они считали необходимымъ сосредоточить всѣ силы въ первую голову на вопросѣ политическомъ, а во-вторыхъ, они исходили изъ убѣжденія, что разрѣшить однимъ розмахомъ соціальный вопросъ невозможно, что въ этомъ смыслѣ для практическаго политика не существуетъ единаго «соціальнаго вопроса», а существуетъ лишь рядъ подлежащихъ поочередному разрѣшенію «соціальныхъ вопросовъ». Согласно съ этимъ въ наказѣ избирателей Гамбетты 1869 г. въ качествѣ послѣдняго

*) Когда было рѣшено издавать бланкистскую газету подъ названіемъ La Renaissance, самому Бланки было предложено заняться экономической программой газеты. Ce dernier sembla opposer une certaine répugnance à avoir à formuler un programme de réformes sociales. Sur l'observation de Ranc „que le maître était pourtant le mieux désigné pour remplir cette tâche", Blanqui, avec le fin sourire, qui lui était familier, répondit: „la chose est très difficile, car les doctrines socialistes en sont à la période critique..." Ср. *Tchernoff,* ук. соч. 579—580.

**) Лучшее доказательство этого заключается въ полнѣйшей безсодержательности соціальнаго „законодательства" коммуны.

пункта значились: «экономическія реформы, касающіяся соціальнаго вопроса, разрѣшеніе котораго, хотя и подчиненное (subordonnée) политическому переустройству, должно быть постоянно изучаемо и разыскиваемо во имя принципа соціальной справедливости и равенства. Этотъ принципъ, обобщенный и примѣненный къ жизни, въ самомъ дѣлѣ одинъ въ состояніи устранить соціальный антагонизмъ и осуществить цѣликомъ нашу формулу: свобода, равенство, братство». Въ отвѣтѣ Гамбетты на этотъ наказъ мы читаемъ слѣдующія, быть можетъ, еще болѣе ясныя, строки: «Подобно вамъ, я думаю, что послѣдовательная и лойяльная демократія является по преимуществу той политической системой, которая быстрѣе и вѣрнѣе всего осуществляетъ моральную и матеріальную эмансипацію массы (du plus grand nombre) и лучше всего обезпечиваетъ соціальное равенство въ законахъ, въ дѣйствительной жизни и въ нравахъ. Но, подобно вамъ, я полагаю, что послѣдовательная серія этихъ соціальныхъ реформъ зависитъ безусловно отъ политическаго строя и политическихъ реформъ: для меня это аксіома, что въ этихъ вопросахъ форма (государственной организаціи) влечетъ за собой и опредѣляетъ содержаніе. Эта связь и эта послѣдовательность, впрочемъ, отмѣчена и установлена уже нашими отцами въ томъ глубокомъ и исчерпывающемъ лозунгѣ, внѣ котораго нѣтъ спасенія: свобода, равенство, братство». Въ этихъ словахъ уже содержатся всѣ основныя мысли, которыя Гамбетта позднѣе формулировалъ въ своей знаменитой рѣчи 18 апрѣля 1872 г. въ Гаврѣ: «Намъ надо остерегаться утопій,— говорилъ онъ здѣсь,—соціальной панацеи нѣтъ, ибо нѣтъ единаго соціальнаго вопроса. Есть серія вопросовъ, которые подлежатъ разрѣшенію...» *)

Той же точки зрѣнія придерживаются и другіе члены «закрытой лѣвой». Когда Жюля Ферри во время избирательнаго собранія въ 1869 г. прерываютъ указаніемъ на борьбу классовъ, онъ отвѣчаетъ: «это антагонизмъ классовъ насъ погубилъ въ 1851 г. Пока классы боролись, пришелъ, какъ говоритъ басня, третій разбойникъ и конфисковалъ свободу» **). Въ теченіе той же избирательной кампаніи Жюль Симонъ, называвшій себя «республикански-соціалистическимъ кандидатомъ», заявилъ: «вы спрашиваете меня, коммунистъ ли я? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Соціалистъ ли я? Опредѣлимъ это понятіе. Если дѣло въ томъ, чтобы по достиженіи свободы, когда всякій произволъ будетъ уничтоженъ, всякая тиранія и всякій тиранъ исчезнетъ, посвятить свой разумъ реформѣ того, что плохо, посвятить его реорганизаціи собственности, организаціи труда, да, тогда я, демократически-соціалистическій кандидатъ» ***).

Весьма понятно, что эта точка зрѣнія должна была сдѣлаться мишенью нападокъ со стороны крайней лѣвой и ея приверженцевъ, что уже носи-

*) Il n'y a pas de rémède social, parce qu'il n'y a pas de question sociale. Il y a une série de problèmes à résoudre. Ср. Hanotaux, Hist. de la France contemp., т. I, стр. 406.

**) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 545.

***) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 553.

лось въ воздухѣ то обвиненіе парламентской лѣвой въ безпринципномъ оппортюнизмѣ, которое позднѣе формулировалъ съ такой яростью Рошфоръ и на которомъ построилъ нѣкогда свою борьбу съ Гамбеттой Клемансо, нынѣ самъ подвергающійся не менѣе ярымъ обвиненіямъ въ такомъ же точно «оппортюнизмѣ» со стороны болѣе лѣвыхъ, чѣмъ онъ. Что въ последующее время, къ половинѣ 80-хъ годовъ, бывшіе приверженцы Гамбетты, уставшіе отъ борьбы и готовые успокоиться на достигнутомъ, часто дѣйствительно давали поводъ къ обвиненіямъ въ оппортюнизмѣ въ дурномъ смыслѣ этого слова, въ этомъ, впрочемъ, не можетъ быть сомнѣнія. Не слѣдуетъ только переносить безъ разбора оцѣнку дѣятельности болѣе позднихъ лѣтъ даже однихъ и тѣхъ же людей на ихъ мотивы и образъ дѣйствій въ болѣе ранніе годы. Не безпринципность или желаніе обмануть народъ лежали въ основаніи дѣятельности этихъ людей въ послѣдніе годы имперіи и первые годы республики, а совершенно правильное пониманіе безсодержательности и вредности страшныхъ словъ о соціальномъ переворотѣ, пониманіе необходимости обосновать новый строй на общенародномъ, т.-е. внѣклассовомъ, сочувствіи, а не на натравливаніи разныхъ классовъ другъ на друга, результатомъ котораго можетъ быть только гражданская война, а не гражданская свобода.

Но изъ того, что точка зрѣнія этихъ людей была правильна, изъ того, что только при условіи осуществленія ихъ взгляда республика могла быть создана, разумѣется, еще не слѣдовало, что успѣхъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ непремѣнно на ихъ сторонѣ. Тотъ фактъ, правда, что всѣ попытки выставить чисто классовыя кандидатуры рабочихъ въ законодательный корпусъ разбивались о сопротивленіе самихъ рабочихъ, дававшихъ свои голоса не рабочимъ, а представителямъ демократической интеллигенціи, что почти всѣ попытки крайней лѣвой пріобрѣсти мандаты кончались неудачей (въ 1869 г. были избраны только два крайнихъ лѣвыхъ, Рошфоръ и старикъ Распайль), что масса избирателей явно поддерживала парламентскую лѣвую,—все это, какъ и громадная популярность Гамбетты, свидѣтельствовало, правда, какъ будто о томъ, что настроеніе страны благопріятно именно для людей его образа мыслей, что страна поняла опасность революціонныхъ выступленій и пустоту революціонной фразеологіи, но республиканцы повидимому сами плохо вѣрили въ успокоительность этихъ фактовъ.

Съ одной стороны, революціонная агитація печати и собраній еще не успѣла развернуться съ полной силой за то короткое время, когда политическая жизнь стала опять хоть до извѣстной степени возможной. А между тѣмъ слѣды ея работы, и слѣды очень яркіе, уже имѣлись налицо, и трудно было предвидѣть, какіе плоды она еще можетъ дать, особенно среди двухъ-милліоннаго населенія Парижа и въ другихъ крупныхъ городахъ, и какъ отразится возрожденіе «краснаго призрака» на странѣ вообще.

Съ другой стороны, трудно было закрывать глаза на то, что въ случаѣ остраго конфликта съ властью первыми возможными защитниками свободы

вообще и республики въ частности должны были явиться именно тѣ элементы, отъ которыхъ Гамбетта такъ рѣшительно отмежевался въ своемъ марсельскомъ манифестѣ. Имѣя предъ собой власть тѣхъ самыхъ людей, которые совершили переворотъ 2 декабря, которые организовали 4 декабря дикую бойню безоружныхъ фрондеровъ на парижскихъ бульварахъ, которые установили осадное положеніе въ 32 департаментахъ и организовали знаменитыя «смѣшаныя коммиссіи» для разстрѣливанія, заточенія и ссылки защитниковъ конституціи, которые выдумали «сухую гильотину», т.-е. ссылку въ Кайенну и въ алжирскую пустыню,—имѣя предъ собой этихъ людей, трудно было отказаться отъ мысли, что время мирной работы еще не настало, что каждую минуту можно было ожидать возврата къ самому дикому произволу. Но если это такъ, то не лишала ли себя республиканская партія единственной опоры, если она разочаруетъ рабочую массу своей умѣренностью и толкнетъ ее въ объятія тѣхъ безумцевъ, которые уже теперь зовутъ ее на баррикады и въ своемъ невѣжествѣ и фанатическомъ увлеченіи сулятъ ей золотыя горы «соціальной революціи?»

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляли «закрытую лѣвую» Гамбетты стремиться къ тому, чтобы сохранить извѣстную связь съ собственно революціонными элементами, связь,—отъ которой рѣшительно отказывалась «открытая лѣвая».

Ясно однако, что попытки «закрытой лѣвой» въ этомъ направленіи не могли имѣть длительнаго успѣха. Программа и весь характеръ ея дѣятельности должны были съ логической необходимостью привести къ полному разрыву между нею и крайней лѣвой, несмотря даже на то, что и послѣдняя сознавала необходимость не терять нити, связующей ее съ призванными представителями оппозиціи въ палатѣ. Чѣмъ дальше длилась бы конкуренція двухъ основныхъ группъ республиканской партіи, тѣмъ больше недоразумѣній, озлобленія и наконецъ ненависти должно было накопиться между ними и тѣмъ невозможнѣе стала бы совмѣстная работа, тѣмъ болѣе оправдывались бы сѣтованія Шассена на безсиліе партіи, вытекавшее изъ ея раздоровъ *).

При такихъ условіяхъ было трудно разсчитывать на скорое паденіе имперіи, быть можетъ, даже труднѣе, чѣмъ думали сами республиканцы. Но имперія сама помогла имъ. «Съ легкимъ сердцемъ», она вступила въ войну съ Пруссіей, сразу проявила въ ней свою полную моральную и политическую негодность, сразу растратила весь капиталъ довѣрія, которое ей все еще оказывали темныя народныя массы, и рухнула, рухнула сама безъ чьей-либо помощи. «L'empire ne fut pas renversé, il s'écroula» **).

---

*) Ср. *Tchernoff*, ук. соч., стр. 582, пр. 2.

**) *Tchernoff*, ук. соч., стр. 605; ср. 609 сл.

II.

Паденіе имперіи. Правительство національной обороны.

Когда по Франціи разнеслось извѣстіе о Седанѣ, судьба имперіи была рѣшена, рѣшена не по тому, что Наполеонъ III самъ попалъ въ плѣнъ къ пруссакамъ и что въ Парижѣ остался только его малолѣтній сынъ съ матерью, императрицей Евгеніей, а потому, что это послѣднее неслыханное пораженіе послѣ столькихъ предыдущихъ для всѣхъ понятнымъ образомъ окончательно показало, что вся система имперіи не выдержала перваго серьезнаго испытанія.

Имперія Наполеона III представляетъ любопытную комбинацію офиціальной теоріи о необходимости «организовать *демократію*» съ фактическимъ господствомъ антидемократическихъ элементовъ и тенденцій господствующихъ въ имущественномъ и соціальномъ отношеніи круговъ общества. «Что замѣчается повсюду?» спрашивалъ Наполеонъ въ вышедшемъ въ 1832 г. сочиненіи Rêveries politiques. «Благо всѣхъ, принесенное въ жертву небольшой кучкѣ людей... Горе государямъ, интересы которыхъ не связаны съ интересами націи... Слабыя правительства, которыя подъ личиной свободы стремятся къ произволу, которыя способны лишь развратить тѣхъ, кого они не могутъ уничтожить, которыя несправедливы къ слабымъ и унижаются передъ сильными, эти правительства ведутъ дѣло къ разложенію общества *)... Да, придетъ день и, быть можетъ, онъ недалекъ, когда доблесть восторжествуетъ надъ интригой, когда заслуги будутъ имѣть больше силы, чѣмъ предубѣжденія, когда слава возложитъ вѣнокъ на свободу. Чтобы дойти до этой цѣли, каждый мечтаетъ о разныхъ средствахъ; я вѣрю, что достигнуть ея можно только соединяя два народныхъ дѣла, дѣло Наполеона II и дѣло республики. Сынъ великаго человѣка есть единственный представитель величайшей славы, какъ республика—представительница величайшей свободы. Разъ провозглашено имя Наполеона—не будутъ болѣе бояться возвращенія террора, разъ провозглашено имя республики—не будутъ бояться возвращенія неограниченной власти... Если когда-нибудь народы будутъ свободны, они будутъ обязаны этимъ Наполеону. Онъ пріучалъ народы къ доблести, единственной основѣ всякой республики. Не ставьте ему въ вину его диктатуру: она вела насъ къ свободѣ, какъ желѣзный плугъ, взрывающій почву, подготовляетъ плодородіе полей. Это онъ разносилъ цивилизацію отъ Тайо до Вислы, это онъ внѣдрялъ во Франціи принципы республики. Равенство предъ закономъ, первенство заслугъ, процвѣтаніе торговли и промышленности, освобожденіе всѣхъ народовъ,—вотъ куда онъ

*) Рѣчь идетъ объ основанной на высокомъ цензѣ конституціонной монархіи того времени, противъ основной идеи которой, системы „противовѣсовъ“ (contrepoids), гарантирующихъ гражданъ отъ произвола власти, возражалъ не только Наполеонъ, но и многіе соціалисты, напр., Сенъ-Симонъ, а также и республиканцы якобинскаго толка.

насъ велъ... Основныя потребности всякой страны заключаются въ независимости, свободѣ, устойчивости, господствѣ заслугъ и равномѣрно-распространенномъ довольствѣ... Лучшая форма правленія будетъ та, гдѣ каждое злоупотребленіе можетъ быть исправлено, гдѣ можно будетъ мѣнять законы и главу государства безъ соціальнаго потрясенія, безъ кровопролитія, ибо одно поколѣніе не можетъ подчинять своимъ законамъ будущія поколѣнія... Дабы независимость была обезпечена, необходимо, чтобы власть была сильна; дабы она была сильна, необходимо, чтобы она располагала народнымъ довѣріемъ, чтобы она могла имѣть многочисленную армію. Дабы быть свободнымъ, весь народъ безъ различія долженъ имѣть возможность участвовать въ избраніи народныхъ представителей; необходимо, чтобы вся масса, которую никогда нельзя развратить, была постояннымъ источникомъ, изъ коего исходятъ всѣ власти... Форма правленія устойчива, когда она опирается на всю націю. Народное верховенство обезпечено, такъ какъ при восшествіи каждаго новаго императора будетъ испрошена санкція народа. Такъ какъ народъ имѣлъ бы не право избранія, а только право одобренія (droit d'approbation), то этотъ законъ не представляетъ неудобствъ, связанныхъ съ избирательной королевской властью» *).

Итакъ, взамѣнъ немыслимой при демократіи монархіи Божьей милостью, взамѣнъ безсильной и развращающей народъ видимостью свободы конституціонной монархіи, взамѣнъ ведущей къ террору (или анархіи) парламентарной республики—плебисцитарная, опирающаяся на республиканскій принципъ народнаго верховенства и индивидуальныхъ заслугъ имперія: вотъ тотъ идеалъ, который выставляется Наполеономъ еще раньше, чѣмъ онъ самъ могъ явиться претендентомъ. Въ этой странной смѣси радикализма съ абсолютизмомъ, демократизма съ семейными традиціями **), соціализма съ устойчивымъ авторитетомъ единаго представителя націи сказалась вся неясная, но въ основѣ своей искренняя мысль вѣрующаго въ свою звѣзду заговорщика - карбонарія, какимъ Наполеонъ въ сущности оставался всю свою жизнь.

Основной практическій выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій, образующихъ политическое содержаніе «наполеоновской легенды» ***), былъ сдѣланъ съ большой ясностью въ вышедшей въ 1840 г. анонимной брошюрѣ: «De l'avenir des idées impériales». «Если особенно въ настоящій моментъ имѣется политическая идея, вокругъ которой группируется совокупность порядоч-

---

*) Ср. *Thirria*, Napoléon III avant l'empire, т. I, 231—233.

**) Quant à ma position, писалъ онъ 30 января 1835 г., croyez que je la comprends bien, quoiqu'elle soit trés compliquée. Je sais que je suis beaucoup par mon nom, rien encore par moi-même; aristocrate par naissance, démocrate par nature et par opinion; devant tout à l'hérédité et réclamant tout de l'élection... Ср. Thirria, ук. соч., т. I, стр. 10.

***) Недавно вышелъ очень интересный трудъ, посвященный разсмотрѣнію роли самого Наполеона I въ созданіи этой легенды: *P. Gonnard:* „Les origines de la légende napoléonienne". Paris, 1907.

ныхъ людей,—читаемъ мы здѣсь,—то это идея объ укрѣпленіи власти. Какими же однако средствами это можетъ быть достигнуто, какъ не воодушевляясь идеями имперіи?... Если подразумѣвать подъ имперіалистами тѣхъ, кто сохранилъ удивленное воспоминаніе о блестящей эпохѣ, длившейся отъ 1800 до 1814 года, и особенно тѣхъ, кто наконецъ открылъ глаза на результаты 25-лѣтняго опыта (т.-е. опыта конституціоннаго режима), кто освободился отъ иллюзій и призналъ *ложность системы, заимствованной у народа, столь отличнаго отъ французовъ по своимъ нравамъ и учрежденіямъ*, тогда мы скажемъ, что число имперіалистовъ во Франціи весьма велико. Народъ не поддался обману лицемѣровъ и еще теперь находитъ, что правленіе императора было болѣе либерально, чѣмъ двѣ хартіи, которыя за послѣднія 25 лѣтъ имѣли возможность развращать общественные нравы и духъ... Основной порокъ (подтачивающій Францію) заключается *въ преувеличенномъ примѣненіи правъ личности, въ презрѣніи къ авторитету*... Всякій, кто размышлялъ надъ образованіемъ и паденіемъ государствъ, могъ убѣдиться, что если государства всегда были обязаны своимъ развитіемъ крѣпости авторитета, то ихъ паденіе всегда было создано чрезмѣрностью свободы или захватами личности... Не были ли всѣ французы во время четырнадцати лѣтъ консульства и имперіи въ восторгѣ, что имъ можно отречься отъ своихъ личныхъ правъ въ пользу человѣка, который поднялъ такъ высоко славу своего отечества? Всякій, кто жилъ подъ властью *абсолютной монархіи*, могъ, какъ и мы, убѣдиться въ томъ, что власть проявляетъ тамъ больше заботливости о судьбѣ трудящихся классовъ, чѣмъ это дѣлаютъ конституціонныя правительства, и что она никогда не измѣняетъ своему долгу, который заключается въ томъ, чтобы защищать эти заслуживающія вниманіе классы (ces classes intéressantes) противъ буржуазной эксплоатаціи» *). «Франція,—говорится дальше въ томъ же памфлетѣ,—раздирается партіями... Всеобщее примиреніе можетъ быть осуществлено только путемъ вмѣшательства новаго принципа... Въ этой наполеоновской хартіи демократъ находитъ удовлетвореніе своей потребности равенства; буржуа находитъ безопасность для своихъ трудовъ, *легитимистъ—уваженіе къ исторической традиціи и къ власти*... Идеи имперіи однѣ въ состояніи дать легитимистамъ національное крещеніе, которое должно ихъ возродить. По нашему глубокому убѣжденію, только благодаря идеямъ имперіи, можетъ состояться примиреніе легитимистовъ съ французскимъ народомъ; только эти идеи способны спасти Францію» **).

Изъ всей этой фразеологіи ясно лишь одно: безусловно отрицательное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства и столь же безусловное сочувствіе къ абсолютизму. Только этотъ абсолютизмъ очевидно не можетъ опереться на Божью милость и поневолѣ долженъ опереться на на-

*) *Thirria*, указ. соч., т. I, стр. 149—151.
**) Тамъ же, стр. 152 и 153.

родную волю. 10 декабря 1848 г. народная воля съ несомнѣнной ясностью въ лицѣ 5.572,834 голосовъ, поданныхъ за президентство Наполеона (изъ общаго числа поданныхъ 7.517,811 голосовъ), признала права племянника великаго Наполеона на первенствующее мѣсто въ государствѣ. Эти голоса были поданы совершенно свободно и никакія ухищренія не могли устранить того огромнѣйшаго нравственнаго авторитета, который это свободное избраніе дало новому президенту. Избранный почти шестью милліонами голосовъ, Наполеонъ переставалъ быть простымъ гражданиномъ, и было бы странно ожидать, что человѣкъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, уже дважды сдѣлалъ попытку захватить власть силой, который всю жизнь проповѣдовалъ идеи имперіализма и несомнѣнно былъ искренно убѣжденъ въ ихъ спасительности,—что этотъ человѣкъ теперь поставитъ бумажные параграфы конституціи 1848 г. или даже свою собственную присягу выше того стихійнаго, массоваго призыва къ его личности, который безъ сомнѣнія заключался въ плебисцитѣ 10 декабря.

Не можетъ быть сомнѣнія, что первымъ виновникомъ возстановленія имперіи былъ самъ французскій народъ, какъ бы велика ни была отвѣтственность интеллигенціи, тридцать лѣтъ восхвалявшей перваго Наполеона въ пику Бурбонамъ и іюльской монархіи и создавшей въ 1848 г. нелѣпую конституцію второй республики съ ея всенароднымъ избраніемъ президента, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся огромная сила абсолютно централизованной исполнительной власти и полное распоряженіе войскомъ.

Въ результатѣ всего этого и явилась «истинно-французская» конституція *) 1852 г., оставлявшая за населеніемъ, кромѣ гражданскаго равенства, лишь то, что Наполеонъ нѣкогда самъ называлъ «правомъ одобренія» всѣхъ мѣропріятій всесильной императорской власти. И, какъ мы видѣли, народъ не переставалъ «одобрять» политику Наполеона III вплоть до 1870 г.

Чего не могла достигнуть никакая агитація соединенныхъ республиканцевъ, орлеанистовъ и легитимистовъ, того сразу достигъ страшный урокъ 1870 г. При первомъ извѣстіи о Седанѣ во всѣхъ большихъ городахъ начались демонстраціи противъ имперіи; уже 3 сентября въ Ліонѣ Наполеонъ былъ объявленъ низложеннымъ, была провозглашена республика и образованъ комитетъ общественнаго спасенія **), а 4 сентября толпа парижанъ, не встрѣчая никакого сопротивленія войскъ, разогнала законодательный корпусъ, точно также провозгласила республику и правительство національной обороны, въ составъ котораго подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю вошли всѣ депутаты отъ города Парижа, кромѣ Тьера, который счелъ нужнымъ уклониться отъ участія въ созданномъ

---

*) Закрывая 28 іюня 1852 г. первую сессію вновь созданнаго законодательнаго корпуса, Наполеонъ (тогда еще принцъ-президентъ) заявлялъ въ своемъ посланіи, что „l'épreuve qu'on venait de faire d'une *Constitution d'origine française* démontrait que la France possédait toutes les conditions d'un gouvernement fort et libre".

**) Ср. Andrieux, la commune à Lyon, стр. 4—19.

революціоннымъ путемъ правительствѣ *). Представители имперіи нигдѣ не посмѣли оказывать сопротивленія.

Революціонный переходъ къ республикѣ отнюдь не входилъ въ разсчетъ представителей республиканской партіи въ палатѣ и оппозиціи вообще. Со времени первыхъ же пораженій, понесенныхъ имперіей, оппозиція неоднократно настаивала на созданіи избранной законодательнымъ корпусомъ коммиссіи съ болѣе или менѣе широкими полномочіями; по полученіи извѣстій о Седанѣ она немедленно внесла предложеніе объ устраненіи имперіи и объ избраніи исполнительной коммиссіи изъ состава корпуса, но сопротивленіе старой власти, усердіе ея «мамелюковъ» и колебанія болѣе умѣренныхъ затянули рѣшеніе дѣла и вызвали вмѣшательство толпы. То, чего хотѣли избѣгнуть,—революція на глазахъ у непріятеля состоялась. Республика была провозглашена, и страна приняла рѣшеніе Парижа и другихъ городовъ.

Задача, выпавшая на долю только что провозглашенной республики и ея новаго правительства, была страшно трудна. Одна изъ главныхъ причинъ, поднявшихъ оппозицію законодательнаго корпуса въ глазахъ населенія до невиданной высоты, заключалась въ томъ, что, когда вся Франція была увлечена идеей о войнѣ, одна только оппозиція, начиная съ Тьера и кончая Рошфоромъ, протестовала противъ войны, указывала на преступное легкомысліе, съ которымъ правительство вовлекало страну въ новую авантюру, и съ патріотической скорбью предвѣщала предстоящіе тяжелые удары судьбы. Теперь эти пророчества оправдались,—оправдались въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ это когда-либо могли себѣ представить ораторы оппозиціи; врагъ стоялъ на французской территоріи, плѣнилъ одну армію, окружилъ другую и угрожалъ самому Парижу. Паденіе имперіи отнюдь не заставляло его оставить начатое по ея винѣ дѣло. Имперія пала, но, казалось, нечего было и думать о томъ, чтобы заняться организаціей новаго строя, необходимо было сосредоточить всѣ силы на защитѣ отечества, на созданіи новыхъ армій, на подготовкѣ Парижа къ предстоявшей осадѣ, на превращеніи династической войны,—войны, которую императрица Евгенія называла «своей маленькой войной» въ національное дѣло защиты своего очага отъ завоевателя. Обстоятельства, среди коихъ приходится дѣйствовать правительству національной обороны столь экстраординарны, что, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи о нормальномъ для республики веденіи дѣла. Необходимы исключительныя мѣры, а слѣдовательно и исключительныя полномочія. Впрочемъ, эти полномочія вытекаютъ по старой якобински-республиканской традиціи уже изъ факта революціоннаго возникновенія правительства. «Отечество въ опасности», а слѣдовательно дѣло заключается не въ «свободѣ», а въ «общественномъ спасеніи», и если потребуются диктаторскія мѣры и пріемы, то они должны быть пущены въ ходъ безпрепятственно и безбоязненно.

*) *Tchernoff*, указ. соч., 600—605; *Zévort*, указ. соч., т. I, стр. 13—16.

Вотъ психологія если не всего правительства національной обороны, то, по крайней мѣрѣ, самаго дѣятельнаго, самаго страстнаго и самаго толковаго его члена, его министра внутреннихъ дѣлъ, Гамбетты. «Война во что бы то ни стало» (la guerre à outrance) представляется ему единственнымъ возможнымъ въ данное время лозунгомъ и онъ готовъ уничтожить диктаторскими мѣрами всякое сопротивленіе, которое онъ встрѣтитъ на своемъ пути. На другой день послѣ провозглашенія временнаго правительства онъ посылаетъ префектамъ циркуляръ: «защита страны прежде всего!... отложите (ajournez) собственной властью все, что не относится къ національной защитѣ или что могло бы ее затруднить». «Я считалъ бы, что обираю отечество,—заявлялъ онъ позднѣе,—если бы я на часъ, на минуту оставилъ заботы о національной оборонѣ, чтобы обратиться къ внутренней политикѣ». Онъ правильно полагалъ, что положеніе дѣлъ въ военномъ отношеніи было очень плохо. «Деревня инертна,—пишетъ онъ Фавру,—буржуазія мелкихъ городовъ труслива, администрація вѣроломна (perfide), пассивна или отчаянно медлительна». А въ то же время растетъ озлобленіе широкихъ круговъ противъ новыхъ неудачъ, въ которыхъ подозрѣваютъ измѣну генераловъ, ставленниковъ имперіи. Извѣстіе о предательскихъ дѣйствіяхъ Базена и сдачѣ имъ Метца (27 октября) доводитъ это настроеніе до апогея. «Взрывъ бѣшенства и чувства мести, вызванный этимъ покушеніемъ (на Францію),—пишетъ Гамбетта тому же Фавру,—создаетъ поистинѣ какъ съ точки зрѣнія внутреннихъ, такъ и съ точки зрѣнія внѣшнихъ дѣлъ новое политическое положеніе. Партія войны во что бы то ни стало рѣшительно взяла верхъ, и это проявляется въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, недовѣріе и озлобленіе противъ старыхъ генераловъ имперіи, которые почти всюду, особенно на югѣ и на востокѣ, являются предметами враждебныхъ демонстрацій, съ другой стороны—*огромная потребность въ сосредоточеніи власти и въ до послѣдней степени энергичныхъ мѣрахъ*... Послѣ такого преступленія населеніе считаетъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ нитями обширнаго бонапартистскаго заговора».

Событія показали, что Гамбетта переоцѣнивалъ въ данномъ случаѣ степень патріотическаго возбужденія, охватившаго, по его мнѣнію, народныя массы, и что его первая оцѣнка настроенія деревни была болѣе правильна. Настроеніе, о которомъ онъ говорилъ, господствовало почти исключительно лишь въ городахъ, и чѣмъ крупнѣе былъ городъ, тѣмъ болѣе страстный характеръ оно принимало, но тѣмъ ближе оно соприкасалось и съ чисто-революціонной идеологіей крайней лѣвой, свившей себѣ особенно прочное гнѣздо въ Парижѣ и Ліонѣ. Но эта крайняя лѣвая была настроена такъ же враждебно къ правительству національной обороны, какъ послѣднее къ имперіи. Еще раньше, чѣмъ она успѣла осуществиться въ Парижѣ, коммуна была провозглашена въ Ліонѣ, гдѣ дѣйствовалъ, между прочимъ, Бакунинъ, а на югѣ образовалась «лига юга», въ составъ которой входили тринадцать руководимыхъ революціонерами департаментовъ.

Правительство національной обороны относилось безусловно отрицательно къ дѣйствіямъ крайней лѣвой,—лига юга была тотчасъ же распущена по распоряженію Гамбетты,—но въ глазахъ широкихъ круговъ само правительство было союзникомъ крайней лѣвой и не обладало авторитетомъ законной власти, такъ какъ не получило своихъ полномочій законнымъ порядкомъ отъ народа. Провозглашенное въ Парижѣ, оно раздѣляло всю ту сумму недовѣрія, которое вторая имперія систематически воспитывала въ странѣ противъ столицы.

Основная ошибка, сдѣланная республиканскимъ правительствомъ, заключалась въ томъ, что оно не позаботилось укрѣпить государственную власть немедленнымъ избраніемъ національнаго собранія. Декретомъ 8 сентября оно, правда, назначило выборы въ учредительное собраніе на 16 октября, а декретомъ 15 сентября даже приблизило срокъ, назначивъ выборы на 9 октября, но уже 24 сентября появился новый декретъ, коимъ выборы были отсрочены на неопредѣленное время. Оправданіемъ этого послѣдняго распоряженія должна была служить невозможность произвести выборы въ захваченныхъ непріятелемъ департаментахъ безъ заключенія перемирія, условія котораго не могли не быть очень тяжелы (сдача осажденнаго Страсбурга и еще не осажденнаго Метца). Съ другой стороны, количество захваченныхъ врагомъ мѣстностей въ это время не было еще особенно значительно и во всякомъ случаѣ было вполнѣ возможно произвести выборы во всѣхъ департаментахъ, въ которыхъ врагъ еще не господствовалъ.

Въ связи съ отсрочкой выборовъ въ учредительное собраніе тогда же были отсрочены и выборы въ городскіе совѣты, а это было тѣмъ болѣе опасно, что за нѣсколько дней до этого (20 сентября) были распущены всѣ городскіе совѣты наполеоновскаго времени, а нѣсколько времени спустя и генеральные совѣты департаментовъ. Роспускъ всѣхъ этихъ собраній объяснялся ихъ бонапартистскимъ составомъ, а отсрочка выборовъ—опасеніями новаго реакціоннаго состава, съ одной, ультрареволюціоннаго по образцу ліонской коммуны—съ другой стороны. И тотъ, и другой составъ служилъ бы одинаковымъ затрудненіемъ для осуществленія той задачи, къ которой должны были быть направлены всѣ силы.

Но чѣмъ бы ни объяснялись всѣ эти мѣропріятія, они не могли не вызывать недовольства, а если къ этому прибавить, что не только реакціонеры, но и представители оппозиціи вродѣ Тьера и даже вліятельные республиканцы вродѣ Жюля Греви были недовольны революціоннымъ происхожденіемъ правительства и обвиняли его въ томъ, что оно безъ всякой пользы для дѣла продолжаетъ держаться совершенно безнадежной политики войны,—Тьеръ высказался въ этомъ смыслѣ уже въ началѣ ноября,—то можно себѣ представить возрастающую трудность положенія республиканской партіи и ея офиціальныхъ вождей.

Трудность положенія возрастала вдобавокъ въ очень значительной степени вслѣдствіе страстной агитаціи и грубыхъ ошибокъ крайней лѣвой,

вся глубина политическаго невѣжества которой обнаружилась, правда, только во время коммуны.

На почвѣ указанныхъ затрудненій не могли не возникнуть разногласія и внутри временнаго правительства. Вліяніе Гамбетты боролось здѣсь съ вліяніемъ Тьера, и чѣмъ болѣе очевиднымъ становилось конечное пораженіе Франціи, чѣмъ болѣе обманчивыми оказывались надежды на всесокрушающій подъемъ французской народной энергіи, тѣмъ болѣе сопротивленія, сначала скрытаго, затѣмъ и явнаго встрѣчала политика Гамбетты. Отдаленный отъ Парижа, который оставался резиденціей правительства и во время осады,—самъ Гамбетта съ нѣкоторыми другими членами правительства руководилъ націей внѣ Парижа, сначала изъ Тура, куда онъ отправился, воспользовавшись воздушнымъ шаромъ, затѣмъ изъ Бордо—Гамбетта не могъ воспрепятствовать громадной ошибкѣ, сдѣланной правительствомъ при заключеніи перемирія 28 января 1871 г. Невозможность дальнѣйшаго сопротивленія Парижа, въ которое Трошю не вѣрилъ съ перваго же дня, къ этому времени выяснилась, и вопросъ о капитуляціи столицы Франціи назрѣлъ. Но изъ этого еще не слѣдовало, что правительство, подписывая капитуляцію Парижа, имѣетъ право распоряжаться въ то же время судьбами всей страны. Между тѣмъ, перемиріе 28 января имѣло именно такое значеніе, такъ какъ имъ устанавливалось общее перемиріе, въ теченіе котораго правительство должно было созвать національное собраніе для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ. «Безъ нашего вѣдома, не предупреждая насъ, не совѣщаясь съ нами, подписали перемиріе»,—говорилъ Гамбетта въ прокламаціи, которой онъ оповѣщалъ населеніе о случившемся. «Лишь поздно мы узнали объ его преступномъ легкомысліи, которое выдаетъ прусскимъ войскамъ занятые нашими солдатами департаменты и которое возлагаетъ на насъ обязанность трехнедѣльнаго бездѣйствія, дабы избрать среди печальныхъ условій, въ которыхъ находится страна, національное собраніе. Мы потребовали объясненій отъ Парижа и молчали, ожидая обѣщанный пріѣздъ члена правительства, которому мы рѣшили вернуть наши полномочія. Будучи делегаціей правительства, мы рѣшили повиноваться, чтобы дать доказательство нашей умѣренности и добрыхъ побужденій, чтобы исполнить долгъ, который приказываетъ не покидать своего поста раньше, чѣмъ будешь смѣненъ; для того, наконецъ, чтобы доказать всѣмъ, друзьямъ и несогласнымъ съ нами, на опытѣ, что демократія является не только величайшей партіей, но и самой щепетильной (scrupuleux) изъ всѣхъ властей. Между тѣмъ, никто не является изъ Парижа и надо дѣйствовать; необходимо во что бы то ни стало обмануть хитроумныя комбинаціи враговъ Франціи. Пруссія разсчитываетъ на перемиріе, чтобы разнѣжить, духовно ослабить, разстроить наши арміи; Пруссія надѣется, что собраніе, собранное послѣ ряда неудачъ и ужаснаго паденія Парижа, будетъ непремѣнно трусливымъ и готовымъ претерпѣть постыдный миръ. Отъ насъ зависитъ добиться, чтобы эти разсчеты не оправдались и чтобы тѣ самыя средства, которыя

были подготовлены, дабы убить духъ сопротивленія, возродили и разожгли его. Обратимъ перемиріе въ школу обученія нашихъ молодыхъ войскъ, используемъ эти три недѣли, чтобы подготовить съ бо̀льшимъ чѣмъ когда-либо жаромъ организацію обороны, организацію войны. Вмѣсто той реакціонной и трусливой палаты, о которой мечтаетъ врагъ, создадимъ истинно-національное, республиканское собраніе, желающее мира, если миръ обезпечиваетъ честь, положеніе и цѣльность нашей страны, но способное пожелать и войну и скорѣе готовое на все, чѣмъ содѣйствовать убійству Франціи». «Намъ надо всѣмъ сосредоточиться вокругъ республики»,—такъ кончается это замѣчательное воззваніе, «надо проявить прежде всего хладнокровіе и стойкость; освободимся какъ отъ страстей, такъ и отъ слабости; поклянемся просто, какъ свободные люди, защитить вопреки всѣмъ и противъ всѣхъ Францію и республику. Къ оружію!» *).

То, что Гамбетта въ патріотическомъ воодушевленіи считалъ естественнымъ долгомъ каждаго гражданина, то другіе чрезвычайно вліятельные люди признавали чистымъ безуміемъ. Въ это именно время не кто иной, какъ Тьеръ, назвалъ его «буйнымъ сумасшедшимъ» (fou furieux), а голосъ Тьера пріобрѣталъ все бо̀льшее вліяніе. Когда настроеніе большинства правительства склонилось въ ту же сторону, положеніе Гамбетты стало невозможнымъ, и онъ воспользовался первымъ подходящимъ поводомъ, чтобы сложить (5 февраля) свои полномочія, которыя перешли къ Араго, занявшему постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Самый поводъ его отставки былъ, впрочемъ, въ высокой степени характеренъ: въ виду предстоящихъ выборовъ Гамбетта настаивалъ на необходимости лишить всѣхъ «офиціальныхъ кандидатовъ» имперіи пассивнаго избирательнаго права, дабы оградить будущее національное собраніе отъ бонапартистовъ. Событія скоро показали, что его опасенія относительно возможнаго торжества бонапартистовъ были совершенно неосновательны. Но даже если бы исходъ былъ другой, и то пріемъ борьбы, предложенный Гамбеттой и отклоненный его коллегами, не могъ бы быть оправданъ съ точки зрѣнія той самой республиканской идеи, которую Гамбетта хотѣлъ защитить. Лишить народъ въ порядкѣ диктаторскаго распоряженія права избирать цѣлую категорію политическихъ дѣятелей значило, несомнѣнно, нарушить права суверенннаго народа и вернуться къ императорской политикѣ внѣзаконнаго офиціальнаго давленія на выборы. Въ связи съ стремленіемъ отсрочить самые выборы, въ связи съ распущеніемъ генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, въ связи съ закрытіемъ нѣкоторыхъ газетъ **) и съ произведенной по иниціативѣ его же очисткой чиновничества отъ бонапартистскихъ и другихъ реакціонныхъ элементовъ это предложеніе Гамбетты свидѣтельствовало о своего рода якобинскомъ атавизмѣ, проявившемся среди республиканцевъ

*) *Zévort:* „Hist. de la trois. rep.“, т. I, стр. 142—146.

**) Такъ, наприм., была пріостановлена клерикальная *Union de l'Ouest*, выходившая въ Анжерѣ.

подъ вліяніемъ военныхъ событій, и послужило темой для не только страстныхъ, но и справедливыхъ нареканій.

Но самымъ существеннымъ основаніемъ для недовольства широкихъ народныхъ массъ республиканской партіей, признаннымъ вождемъ которой по справедливости считался Гамбетта, служили воинственныя намѣренія партіи. Если бы проповѣдь войны до послѣдней крайности могла опереться хотя бы на нѣкоторые блестящіе успѣхи, она, пожалуй, встрѣтила бы больше сочувствія. На самомъ же дѣлѣ, всѣ гигантскія усилія поднятой энергіей Гамбетты страны, позволившія ему выставить 600,000 солдатъ (правда, весьма неоднороднаго качества) противъ нѣмецкихъ армій, оказались тщетными *), и это отсутствіе какого-либо серьезнаго положительнаго успѣха—объ отрицательныхъ результатахъ, заключавшихся въ затрудненіи положенія вражескихъ армій, было трудно судить—окончательно опредѣлило настроеніе народной массы, которая такъ же высказывалась за миръ во что бы то ни стало, какъ республиканская партія за войну во что бы то ни стало. А такъ какъ республиканская партія шла на выборы подъ знаменемъ продолженія войны, то выборы должны были кончиться для нея полнымъ пораженіемъ.

Выборы въ національное собраніе состоялись 8 февраля, въ то время какъ 420,000 гражданъ находились въ плѣну въ Германіи, а 90,000 находились въ Швейцаріи, черезъ границу которой они спаслись отъ нѣмецкихъ войскъ. Устраненіе полумилліона людей и того моральнаго воздѣйствія, которое каждый изъ нихъ могъ бы оказать на другихъ избирателей, несомнѣнно, не могло остаться безъ вліянія на исходъ выборовъ, хотя и трудно опредѣлить, въ какомъ направленіи проявилось бы это вліяніе.

Выборы производились на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права и притомъ по департаментскимъ спискамъ, т.-е. всѣ избиратели каждаго департамента подавали каждый свои голоса за все количество депутатовъ, полагавшихся на данный департаментъ,—система, обезпечивавшая торжество господствующему настроенію, но нарушавшая въ значительной степени интересы меньшинства. Результатъ выборовъ опредѣлялся, такимъ образомъ, всецѣло отношеніемъ населенія къ вопросу о войнѣ: по всѣмъ департаментамъ циркулировали такъ называемые «списки мира» (listes de la paix), во главѣ которыхъ въ очень многихъ случаяхъ стояло имя Тьера.

Когда выборы кончились, то вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что изъ 630 избранныхъ окончательно депутатовъ **) лишь около 200 принадле-

---

*) Ср. о результатахъ его дѣятельности Zévort, ук. соч., т. I, стр. 107. Оцѣнка его дѣятельности со стороны военныхъ, тутъ же, стр. 136.

**) Общее количество депутатовъ должно было доходить до 768, но, вслѣдствіе многократныхъ избраній ряда наиболѣе видныхъ лицъ въ разныхъ департаментахъ, потребовались чрезвычайно многочисленные дополнительные выборы. Такъ, Тьеръ былъ избранъ въ 26 департаментахъ, Гамбетта и генералъ Трошю, каждый въ 9,

жали къ республиканской партіи, распадавшейся вдобавокъ приблизительно поровну на «лѣвую,» во главѣ которой стояли Греви, Фавръ, Симонъ и др., и «республиканскій союзъ», «радикальную» или «красную» лѣвую съ Гамбеттой во главѣ. Остальные 430 депутатовъ распадались на 400 консерваторовъ-монархистовъ и всего около 30 явныхъ или тайныхъ бонапартистовъ. Монархисты въ свою очередь распадались также приблизительно поровну на легитимистовъ и орлеанистовъ. Къ нимъ же принадлежали и члены будущаго лѣваго центра, сыгравшаго такую важную роль въ дальнѣйшемъ развитіи политической жизни Франціи *).

Исходъ выборовъ не только предрѣшилъ, притомъ едва ли къ выгодѣ Франціи, вопросъ о мирѣ **), но явно выдвигалъ еще другой, не менѣе важный вопросъ—вопросъ о томъ, удержится ли во Франціи республика, и если нѣтъ, то какой изъ монархическихъ партій, легитимистамъ или орлеанистамъ, удастся возложить корону на главу своего претендента?

Тотъ фактъ, что въ президіумѣ собранія, избранномъ 16 февраля, изъ четырнадцати его членовъ оказалось всего два республиканца (президентъ Жюль Греви, одинъ изъ секретарей Бетмонъ), несомнѣнно, имѣлъ симптоматическое значеніе. Однимъ изъ этихъ двухъ членовъ былъ, правда, президентъ собранія Жюль Греви, но онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ не столько своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, сколько своему враждебному отношенію къ «диктатурѣ» Гамбетты, своему сочувствію къ прекращенію войны и, главное, поддержкѣ всесильнаго въ данное время Тьера.

Избраніе самого Тьера главой исполнительной власти, состоявшееся 17 февраля, *«впредь до рѣшенія вопроса о государственной организаціи Франціи»* (en attendant qu'il soit statué sur les institutions de la France), имѣло, очевидно, еще болѣе важное значеніе. Избранный двумя милліонами голосовъ въ 26 департаментахъ, Тьеръ, очевидно, занималъ совершенно исключительное положеніе въ странѣ, въ политической жизни которой онъ уже сорокъ лѣтъ принималъ самое дѣятельное, а по временамъ и рѣшающее участіе. Ни одинъ изъ членовъ собранія не могъ поспорить съ нимъ по опытности, практическому знакомству со всѣми отраслями государственной жизни, по историческимъ знаніямъ, по широкой общеевропейской извѣстности. Его первенствующее положеніе выяснилось сразу, и

Гарибальди, Жюль Фавръ, Дюфоръ, Шангарніе, Пикаръ, Казиміръ Перье, генералъ д'Ореллъ де-Паладинъ, каждый въ нѣсколькихъ департаментахъ. Послѣ франкфуртскаго мира и потери Эльзаса и Лотарингіи количество депутатовъ понизилось до 738. Ср. объ этомъ *Hanotaux*: „Hist. de la Fr. cont.", т. I, стр. 38.

*) *Hanotaux*, ук. соч., т. I, стр. 39 и слѣд., нѣсколько иныя цифры даетъ *Zévort*, т. I, стр. 151, но онъ говоритъ о болѣе позднемъ времени.

**) Очевидное желаніе громадной массы французскаго народа заключить непремѣнно миръ, несомнѣнно, облегчило положеніе германскихъ дипломатовъ, которые находились бы въ гораздо болѣе трудномъ положеніи, если бы національное собраніе не содержало такого подавляющаго большинства безусловныхъ сторонниковъ мира.

слова «г. Тьеръ это желаетъ» (m. Thiers le veut) имѣли въ эти дни магическое вліяніе на депутатовъ. Но Тьеръ былъ не только рѣшительнымъ сторонникомъ мира: до послѣдняго времени онъ былъ такъ же рѣшительнымъ сторонникомъ конституціонной монархіи, и республиканцы не могли ему забыть его жестокой расправы съ парижскимъ возстаніемъ 1832 г., его враждебнаго отношенія къ республикѣ 1848 г. и его знаменитыхъ словъ 1850 г. о «подлой толпѣ» (vile multitude), которая должна быть удалена отъ политической жизни. Въ тѣ дни никто не ожидалъ, что именно онъ сдѣлаетъ больше чѣмъ кто-либо другой, чтобы создать третью французскую республику.

Положеніе республики казалось довольно безнадежнымъ. Республиканскіе круги были до крайности возмущены тѣмъ, что національное собраніе не постѣснилось признать вопросъ о будущей формѣ государственнаго строя Франціи открытымъ, и наиболѣе радикальные изъ ихъ числа приходили къ заключенію, что потребуется новое обращеніе къ оружію, дабы обезпечить существованіе уже провозглашенной республики. Вотъ тѣ условія, при которыхъ выступаетъ на сцену крайняя лѣвая и возникаетъ парижская коммуна. Какъ и въ 1848 г., Парижъ возстаетъ противъ избраннаго на началахъ всеобщаго избирательнаго права національнаго собранія и снова противополагаетъ общенародному голосованію свою революціонную волю. Но это уже не революція противъ деспота или узурпатора, это — революція противъ законно выраженной народной воли, и такая революція не можетъ не потерпѣть неудачу. Погубятъ ли крайняя лѣвая и парижскій народъ и на этотъ разъ, какъ въ 1848 г., республиканскую идею, или она сумѣетъ справиться и съ этимъ самымъ страшнымъ испытаніемъ?

Э. Д. Гриммъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Послѣдній святой.

I.

На парижскихъ улицахъ, зимою, около шести часовъ вечера—самое сильное движеніе. Толпы прохожихъ, кареты, каміоны, омнибусы, трамваи, автомобили сливаются въ темный, непрерывный, кипящій, грохочущій потокъ, который несется между громадами домовъ, какъ между уступами горнаго ущелія. Поѣзда по чугуннымъ пролетамъ мостовъ гремятъ надъ головой, и подъ ногами земля гудитъ отъ подземной желѣзной дороги.

Сколько путей сообщенія—спѣшатъ, бѣгутъ, летятъ, но достигнуть другъ друга не могутъ и остаются безнадежно разобщенными, болѣе одинокими въ толпѣ, чѣмъ въ пустынѣ. Всѣ вмѣстѣ, и каждый—одинъ. Я и они. Я и оно, чуждое, черное, мертвое. Побѣдивъ стихіи природы, люди сами стали стихіей. Человѣческія волны приходятъ, уходятъ, подымаются, падаютъ. Я не знаю никого и меня никто не знаетъ. Всѣ лица одинаковы, нельзя отличить одно отъ другого. Мелькнетъ и пропадетъ. Былъ и нѣтъ. Нѣтъ никого и меня нѣтъ. Люди—капли въ водопадѣ, который низвергается въ бездну—въ ничтожество. Все едино въ этомъ ничтожествѣ.

Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ. Свѣтъ Лица Божескаго, которое соединяетъ всѣ лица человѣческія,—угасаетъ, почти угасъ въ этой толпѣ, какъ вечерній свѣтъ въ свѣтѣ электрическихъ солнцъ и разноцвѣтно-огненныхъ рекламъ на темномъ небѣ. Небо и есть та страшная бездна, въ которую низвергается водопадъ человѣческій.

И я *дивлюсь удивленіемъ великимъ*, какъ сказано въ Апокалипсисѣ. И вспоминается мнѣ маленькій сгорбленный старичокъ въ бѣломъ балахончикѣ, въ мужичьихъ лаптяхъ, въ убогой камилавкѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди и тяжелой сумой за плечами, который идетъ, подпираясь топорикомъ, по мшистой тропинкѣ въ дремучемъ лѣсу—Серафимъ Саровскій, послѣдній святой.

Онъ—величайшая противоположность этой толпѣ. Лицо его не пропадетъ среди лицъ человѣческихъ. Онъ отличенъ отъ всѣхъ, онъ—одинъ

единственный. Былъ, есть и будетъ. Вѣчный, подлинно-сущій. Ушелъ отъ всѣхъ и спасся. Проклялъ этотъ городъ и всѣ города міра, какъ «Вавилонъ великій», воплощеніе Звѣря; проклялъ всѣхъ и остался одинъ съ Богомъ. Онъ и Богъ—въ этомъ святость.

Что же мнѣ дѣлать? Спасаться одному или погибать со всѣми? Я не могу проклясть всѣхъ, потому что Богъ во всѣхъ; я не могу проклясть святого старичка, потому что, какъ во всѣхъ, такъ и въ немъ, въ одномъ единственномъ—тоже Богъ. Я не хочу ни Бога безъ міра, ни міра безъ Бога.

Богъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ, чтобы спасти міръ.—Какъ же не любить мнѣ того, что возлюбилъ Богъ?

Это съ одной стороны, а съ другой:

Не любите міра, ни того, что въ мірѣ.—Весь міръ лежитъ во злѣ. Царство Христа—*не отъ міра сего. Князь міра сего—діаволъ.*

Не Богъ, а діаволъ создалъ міръ, это сказать для христіанина—кощунство, а дѣлать—святость, ибо не можетъ христіанинъ угодить Богу, не отрекшись отъ міра, не возненавидѣвъ міръ,—не какую-либо часть міра, а именно *весь міръ*, какъ царство діавола. «Приходящіе къ сему подвигу (къ отреченію отъ міра) должны *всего* отречься, *все* презрѣть, *всему* посмѣяться, *все* отвергнуть», говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ.

Что же такое христіанство—принятіе или отверженіе, проклятіе или благословеніе міра?

Тутъ—противорѣчіе, не только не разрѣшенное, но и не сознанное, рѣшающее однако послѣднія судьбы міра.

Христіанство должно включить весь міръ—плоть, полъ, общественность—легко сказать, но какъ сдѣлать? Объ этомъ говорили всѣ реформаціи и всѣ реставраціи, такъ называемыя «возрожденія христіанства», отъ Ламеннэ и Лакордера до Вл. Соловьева и Серг. Булгакова. Говорили, но не сдѣлали. Всѣ попытки соединить христіанство съ міромъ ни къ чему не приводили, кромѣ ущерба для обѣихъ сторонъ: или христіанство глотало міръ, какъ ножъ; или міръ урѣзывался христіанствомъ какъ ножомъ. Это въ худшемъ случаѣ, а въ лучшемъ—оба начала, соединяемыя, не соединились, а только смѣшивались, какъ вода съ масломъ въ сосудѣ, который взбалтываютъ: отстоится смѣсь, и масло всплыветъ надъ водою, христіанство—надъ міромъ.

Дерево узнается по плодамъ, религія—по святости. Не слова, а дѣла, не ученіе, а святость—вотъ подлинная мѣра всякой религіи.

Вопросъ о томъ, соединимо ли христіанство съ міромъ, можно рѣшить, только опредѣливъ отношеніе христіанской святости къ міру—къ плоти, къ полу, къ общественности.

Слѣдуетъ однако помнить, что говорить о христіанствѣ еще не значитъ говорить о Христѣ.

Слово, ставшее плотью—есть откровеніе Божеской Сущности, которая воплощается въ мірѣ, становится имманентною міру. Но христіанская

святость—отреченіе отъ міра, доведенное до предѣла своего—до отрицанія міра, какъ начала несоизмѣримаго съ Богомъ,—предполагаетъ откровеніе Божеской Сущности, не имманентной, а трансцендентной міру. Если же это дѣйствительно такъ, то не могло ли бы оказаться христіанство, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ точкахъ своей метафизики,—страшно сказать, но страшнѣе молчать,—противоположнымъ Христу?

II.

Въ Египтѣ, недалеко отъ Александріи, въ пустынѣ Ѳиваидской, находилась подъ началомъ одного великаго аввы, «свѣтила свѣтилъ», обитель кающихся, называемая Танобомъ или Темницею. Іоаннъ Лѣствичникъ, жившій на горѣ Синайской въ концѣ VI вѣкѣ, посѣтилъ Танобъ, и вотъ что онъ разсказываетъ:

«Видѣлъ я, что одни изъ сихъ невинныхъ осужденниковъ стояли всю ночь до утра подъ открытымъ небомъ, не передвигая ногъ, со связанными позади руками, и качались жалкимъ образомъ, одолѣваемые сномъ, но не давали себѣ ни мало покоя. Иные томили себя зноемъ, иные—холодомъ. Иные, отпивъ глотокъ воды, тотчасъ же переставали пить, только бы не умереть отъ жажды. Иные, вкусивъ хлѣба, далеко отталкивали его отъ себя, говоря, что недостойны пищи людской, потому что дѣлали скотское. Иные рыдали о душахъ своихъ, какъ о мертвецахъ. Иные удерживали рыданія и только изрѣдка, когда уже не могли терпѣть, внезапно кричали. Иные сидѣли, поникши къ землѣ и непрестанно колебля головами, подобно львамъ, рыкали и выли протяжно. Иные, придя въ изступленіе, становились безчувственны. Иные молились о томъ, чтобы Богъ наказалъ ихъ проказою, иные—о томъ, чтобы впасть въ бѣснованіе, только бы не быть осужденными на муку вѣчную. И ничего не слышно было, кромѣ словъ: «Увы, увы! Горе, горе!» Видны были глаза тусклые и впалые; вѣки, лишенныя рѣсницъ; щеки, исцарапанныя ногтями; лица блѣдныя, какъ у труповъ; перси, болящія отъ ударовъ; мокроты кровавыя, извергаемыя отъ біенія въ грудь; языки воспаленные и выпущенные изо рта, какъ у псовъ. Все темно, все грязно, все смрадно.—Я же, видя и слыша у нихъ все это, едва не пришелъ въ отчаяніе».

Кто же эти «кающіеся»? Какіе страшные грѣшники?—Не грѣшники, а святые.

Нѣкій авва Стефанъ сорокъ лѣтъ прожилъ въ пустынѣ и достигъ такой святости, что леопарда кормилъ изъ рукъ. «За день до кончины пришелъ онъ въ изступленіе и съ открытыми глазами озирался на обѣ стороны, какъ бы истязуемый справа и слѣва. Поистинѣ, ужасное зрѣлище было это невидимое и немилостивое истязаніе. И что всего ужаснѣе—его обвиняли въ томъ, чего онъ вовсе не дѣлалъ. Во время истязанія душа его разлучилась съ тѣломъ, и осталось неизвѣстнымъ, какое было рѣшеніе суда».

Если такъ судятъ святыхъ, что же будетъ съ нами, грѣшными?

Покаяніе безпредѣльно; оно не часть, а все, не путь, а цѣль. «Если бы человѣкъ въ точности увидѣлъ свои грѣхи, то ни о чемъ земномъ не сталъ бы заботиться, помышляя, что на оплакиванье и самого себя не станетъ ему жизни, хотя бы онъ и сто лѣтъ прожилъ и хотя бы увидѣлъ истекающимъ изъ очей своихъ цѣлый Іорданъ слезъ» *(Лѣств.)*.

Это чувство безпредѣльной виновности рождаетъ безпредѣльный ужасъ передъ Богомъ.

Одинъ святой, помышляя о смерти, приходилъ отъ страха въ неистовство и, «какъ пораженный падучею болѣзнью, относимъ былъ братьями, почти бездыханный: подобные ему, — заключаетъ Лѣствичникъ, — непрестанно переходятъ отъ страха къ страху, пока вся сила въ костяхъ не истощится».

Тановъ, *Темница*—не искаженный, а точный образъ всего христіанскаго міра: весь міръ долженъ превратиться въ Тановъ, чтобы спастись. Именно оттуда, изъ этой «блаженной преисподней», изъ этого святого ада взошло надъ міромъ то черное солнце монашеской святости, которое, какъ радій, лучами своими разлагаетъ всѣ живыя ткани, всю плоть міра. Оттуда— «побѣда, побѣдившая міръ». Передъ этимъ страшнымъ покаяніемъ міръ палъ ницъ, уничтоженный: вы—святые, мы—грѣшные; дѣлайте съ нами, что хотите, только спасайте!

Тановъ—несокрушимый камень, черный алмазъ, на которомъ христіанство зиждется. Чѣмъ святѣе, тѣмъ чернѣе; и только изнемогая, святость линяетъ, сѣрѣетъ; но всетаки черный цвѣтъ его никогда не сдѣлается бѣлымъ, какъ въ Преображеніи ризы Господни—*бѣлѣе, чѣмъ бѣлильщикъ на землѣ можетъ выбѣлить*.

Легко покончить съ Темницею простому здравому смыслу, внѣ религіи; рѣшить, что всѣ эти высунутые языки, кровавыя мокроты, припадки падучей — не что иное, какъ изувѣрство, напоминающее не столько обитель святыхъ, сколько домъ сумасшедшихъ. Но съ религіозными переживаніями не такъ-то легко покончить здравому смыслу. *Идите отъ Меня, проклятые, въ муку вѣчную*,—что̀ намъ дѣлать съ этимъ приговоромъ Самой Истины? Ежели не съ Ликомъ Христа Грядущаго, сіяющимъ, *какъ солнце въ силѣ своей*, то съ отброшенною этимъ солнцемъ тѣнью Христа Пришедшаго не связана ли тѣнь Танова? И черезъ всѣ вѣка отъ Дантова «ада» до «бездны» Паскаля и «подполья» Достоевскаго не протянулась ли эта тѣнь вплоть до нашихъ сердецъ? Не всѣ ли мы носимъ въ себѣ, если не на поверхности разума, то въ глубинѣ плоти и крови, въ мозгѣ костей, лучъ этого монашескаго радія, этого черннаго солнца?

Правда, лучъ—уже не восходный, а закатный. Тановъ—бездонный ровъ, отдѣляющій христіанство отъ язычества; благо, что ровъ этотъ вырылся; но благо и то, что человѣчество вышло изъ него навсегда: скорѣе выйдетъ онъ совсѣмъ изъ христіанства, чѣмъ вернется въ Тановъ. Тутъ наша непоколебимая твердость, нашъ бѣлый алмазъ противъ чернаго.

Совершенная любовь изгоняетъ страхъ—вотъ слово, которое осталось только словомъ. Совершеннымъ страхомъ изгоняется любовь—вотъ слово,

ставшее плотью христіанства, плотью цѣпенѣющею, дрожащею отъ страха Божьяго, какъ отъ черной немочи.

«Всѣ, а особенно падшіе, должны остерегаться, чтобы не допустить въ сердце свое недугъ безбожнаго Оригена, ибо скверное его ученіе о Божіемъ человѣколюбіи весьма пріятно людямъ сластолюбивымъ», такъ заключаетъ Лѣствичникъ слово о Темницѣ и о покаяніи вообще. Утверждать, что Богъ есть любовь—скверно, а что Богъ есть гнѣвъ—свято. *Кто знаетъ силу страха Твоего по мѣрѣ ярости твоей?* Но вѣдь это мы знали и до Христа и если ничего не узнали, кромѣ этого, то зачѣмъ Христосъ? *Пойдите, научитесь, что значитъ, милости хочу, а не жертвы.* Пошли въ Темницу и научились, что безкровная милость ужаснѣе кровавыхъ жертвъ. Полно, ужъ не лучше ли совсѣмъ безъ милости? Не лучше ли погибать со «сквернымъ» Оригеномъ, нежели спасаться съ «преподобнымъ» Лѣствичникомъ?

Во всякомъ случаѣ, Богъ Темницы для насъ—не Отецъ, а Палачъ, не Человѣколюбецъ, а Человѣкоубійца, не Богъ, а Діаволъ. И не принимая такого Бога, если бы мы даже отреклись отъ христіанства, мы не отречемся отъ Христа.

III.

«Человѣкъ не можетъ узрѣть красоты внутри себя, пока не возгнушается всякою красотою внѣ себя и не обезчеститъ ея. Не можетъ возвести взора прямо къ Богу, пока не отречется совершенно отъ міра», говоритъ св. Исаакъ Сиріянинъ.

Міръ—созданіе Божье, красота Божья; а между тѣмъ нельзя человѣку соединиться съ Богомъ, не отрекшись отъ міра, отъ созданія Божьяго, не обезчестивъ міра, красоты Божьей. Богъ въ человѣкѣ возстаетъ на Бога въ мірѣ. Это противорѣчіе никогда, повторяю, не сознавалось въ христіанствѣ съ окончательною ясностью, но иногда смутно прощупывалось, какъ холодъ желѣза сквозь ткань. Этою болью пронизана вся плоть христіанскаго міра, какъ болью отъ гвоздей—плоть Распятаго.

«Какъ связать мнѣ плоть свою и судить ее? Не знаю. Прежде нежели успѣю связать ее, она уже освобождается; прежде нежели стану судить ее, примиряюсь съ нею; и прежде нежели начну мучить ее, преклоняюсь къ ней жалостью. Какъ мнѣ возненавидѣть ту, которую я, по естеству, привыкъ любить? Какъ освобожусь отъ той, съ которою связанъ навѣки? Какъ умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною? Она—и другъ мой, она—и врагъ мой; она—помощница моя и соперница; она—заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается противъ меня. Изнуряю ли ее—изнемогаетъ. Успокаиваю ли—безчинствуетъ. Обременяю ли—не терпитъ. Если я опечалю ее, то самъ буду крайне бѣдствовать. Если поражу ее, то не съ кѣмъ будетъ пріобрѣтать добродѣтель. И отвращаюсь отъ нея, и обнимаю ее. Какое это во мнѣ таинство? Какое *соединеніе противоположностей?*»

Если бы христіанство могло остановиться на этомъ первомъ «соединеніи противоположностей», то оно пришло бы къ новому откровенію Троицы, къ послѣднему соединенію Отца и Сына въ Духѣ, соединенію, разрѣшающему антиномію въ синтезѣ. Но въ христіанствѣ глубочайшее созерцаніе двухъ равныхъ безднъ, Духа и Плоти—не длительная остановка, а мгновенное колебаніе, какъ на остріѣ иглы: равновѣсіе тотчасъ нарушается, и колеблющійся падаетъ въ одну сторону, именно въ утвержденіе духа, какъ начала святости, и плоти, какъ начала грѣха. *Плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть, сія же другъ другу противятся* (Гал. V, 17), эти слова апостола Павла утверждаютъ въ пониманіи христіанства не только эмпирическое, но и мистическое разъединеніе противоположностей, Духа и Плоти.

По слову Антонія Великаго, «первая добродѣтель человѣка есть презрѣніе плоти». По слову Божьему, первая добродѣтель человѣка есть любовь къ Богу. Но для христіанства любовь къ Богу и есть не что иное, какъ ненависть къ міру, презрѣніе къ плоти.

Плоть есть «гной». Просить у Бога плотскихъ благъ значитъ—«просить гноя». Плоть есть грязь—«бреніе, растворенное кровью и мокротами»: «высохшая грязь не привлекаетъ свиней, умерщвленная плоть не привлекаетъ бѣсовъ». Плоть есть трупъ: душа святого въ тѣлѣ—живая душа въ трупѣ. Не только всякая чувственность, но и всякая чувствительность тѣла—зло для души. Состояніе святости—совершенная безчувственность, какъ бы столбнякъ, превращеніе тѣла въ камень или обрубокъ дерева. «Поистинѣ блаженъ тотъ, кто пріобрѣлъ совершенную нечувствительность ко всякому тѣлу, и виду, и красотѣ,—говоритъ Лѣствичникъ.—Душа твоя да будетъ съ Господомъ во всякое время; тѣло же твое да будетъ на землѣ, какъ изваяніе и истуканъ».

Но и столпникъ на столпѣ дышитъ; а дыханіе, біеніе сердца есть еще остатокъ тѣлесной чувствительности, остатокъ зла. «Сущіе въ тѣлѣ Богу угодить не могутъ». Отсюда выводъ: «необходимо совлечься тѣла и быть *какъ бы* внѣ тѣла». Сначала—*какъ бы*, а потомъ—*совсѣмъ*. Предѣлъ самоумерщвленія—самоубійство—вотъ предѣлъ христіанской святости. «Если тѣло скажетъ тебѣ: великій грѣхъ самому себя убивать, то отвѣчай ему: самъ себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Лучше мнѣ умереть, ради непорочности. Самъ себя умерщвляю» (Лѣств. XXII). Русскіе раскольники, самосожигатели ошибались только потому, что предпочитали самоубійство мгновенное, легчайшее труднѣйшему, медленному, растянутому на цѣлые десятки лѣтъ и ежедневному, ежесекундному. «Умирай каждый день, чтобы жить», говоритъ Антоній Великій. «Будь мертвъ въ жизни сей, чтобы жить по смерти. Молись такъ: сподоби меня, Господи, возненавидѣть жизнь мою», говоритъ Исаакъ Сиріянинъ. Умертвившій плоть свою есть «блаженный и живой мертвецъ» (Лѣств. IV). «Тѣло свое такъ изможди, чтобы оно было похоже на тѣло, лежащее въ смертной болѣзни» (Ант. Великій). Одинъ постникъ «казался подобнымъ тѣни: лицо

его такъ исхудало, что не было въ немъ и двухъ перстовъ» (Ис. Сир. X). Но и двухъ перстовъ много—отъ двухъ къ одному, отъ одного къ волоску, отъ волоска къ совершенному уничтоженію плоти.

Ежели, однако, плоть есть абсолютная нечистота, отрицаніе Бога, чистаго Духа, то зачѣмъ воплощеніе Слова, явленіе Христа во плоти? Зачѣмъ воскресеніе плоти? Затѣмъ таинство Плоти и Крови? Не кощунственно ли погружать святыню святынь, Плоть Христову, образъ безплотнаго Духа въ бездушную плоть человѣческую—гной, грязь, лужу, въ которой полощатся бѣсы, какъ свиньи? «Какое это таинство? Какое соединеніе противоположностей?»

Все христіанство могло бы только отвѣтить такъ же, какъ Лѣствичникъ: «не знаю».

IV.

Огненное остріе плоти—полъ. Сломить это остріе—первая цѣль святости. Между бракомъ и цѣломудріемъ нѣтъ соединенія. Цѣломудріе—не преображеніе, а вытравленіе пола, совершенное скопчество. Но жало пола не только въ полѣ, а во всей плоти и даже въ духѣ. Вотъ почему оскопленіе физическое не чрезмѣрно, а недостаточно; оно должно быть болѣе глубокимъ, идущимъ до метафизическихъ корней пола.

«Нѣкоторые ублажаютъ скопцовъ по плоти, а я ублажаю всеедневныхъ скопцовъ, которые разумомъ, какъ ножомъ, обучились оскоплять себя». Цѣломудренъ тотъ, кто навсегда стяжалъ совершенную нечувствительность къ различію тѣла. Крайняя степень чистоты состоитъ въ томъ, чтобы въ одинаковомъ устроеніи пребывать при видѣ существъ одушевленныхъ и бездушныхъ, словесныхъ и безсловесныхъ» (Лѣств. XV).

Здѣсь въ полѣ, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ во всей остальной плоти, состояніе святости—состояніе мертвой матеріи.

Если вообще плоть—гной и грязь, то полъ—гной гноя, грязь грязи. «Все существующее, по природѣ своей, ненасытно желаетъ сроднаго себѣ: кровь—крови, червь—червя, грязь—грязи; а потому и плоть мужская желаетъ плоти женской» (Лѣств. XV). Итакъ, существо брака, соединеніе половъ—не что иное, какъ соединеніе грязи съ грязью. На слово Господа: *да будутъ двое одна плоть*, христіанская святость отвѣчаетъ: да не будутъ двое одна грязь.

Этотъ страхъ пола рождаетъ такую подозрительность, какою, кажется, никогда и нигдѣ не оскорблялась природа человѣческая.

«Ни передъ кѣмъ не обнажай ни одного члена своего; не приближайся ни къ чьему тѣлу, не позволяй, чтобы и къ твоему приблизился кто» (Ис. Сир. IX). «Съ отрокомъ совсѣмъ не говори, ибо иначе онъ будетъ тебѣ въ преткновеніе. Не бери за руку подлѣ тебя стоящаго брата и не касайся ланитъ его, старше ли онъ или моложе тебя».—«Женщинѣ не позволяй приблизиться къ тебѣ и не потерпи, чтобы она вошла въ твою келью, потому что за нею идетъ буря помысловъ».—«Съ женщиной не ѣшь

вмѣстѣ» (Антон. Вел.). «Лучше тебѣ принять смертоносный ядъ, нежели ѣсть вмѣстѣ съ женщиной, хотя это будетъ матерь или сестра твоя. Лучше тебѣ жить вмѣстѣ со зміемъ, нежели спать и лежать подъ однимъ покровомъ вмѣстѣ съ юнымъ, хотя это будетъ братъ твой по плоти (Ис. Сир. IX). «Двое не спите на одной рогожѣ, хотя это былъ отецъ или братъ твой» (Апт. Вел.). «Можно осквернить тѣло и однимъ осязаніемъ; помни того, кто обвилъ руку свою краемъ одежды, когда несъ престарѣлую мать» (Лѣств. XV).

Въ самыхъ чудовищныхъ оргіяхъ язычества углублялась ли половая гнусность до такой бездонной метафизики?

«Не забывайся, юноша. Я видѣлъ, что иные пламенно молились о своихъ возлюбленныхъ, будучи движимы духомъ блуда, и думали, что они исполняютъ долгъ памяти и законъ любви». Отъ нечистаго прикосновенія сына къ тѣлу матери до небеснаго лобзанія Данте и Беатриче—весь полъ вытравленъ.

Но и въ этомъ вытравленномъ полѣ тлѣетъ искра, отъ которой можетъ вспыхнуть адскій пожаръ.

Св. Антоній, столѣтній старецъ, у котораго «въ лицѣ нѣтъ и двухъ перстовъ», храпитъ, какъ дикій звѣрь во время случки, передъ шелестящими юбками царицы Савской. «Если бы женщины сами прибѣгали къ мужчинамъ, то не спаслась бы никакая плоть,—признается Лѣствичникъ.—Боримый симъ духомъ, во время брани, ощущаетъ тѣлесное разжженіе, подобное огню отъ распаленной печи; не боится Бога, вмѣняетъ ни во что воспоминаніе о мукахъ ада, молитвы гнушается и дѣлается какъ бы изступленнымъ, будучи упоенъ всегдашнею страстною похотью къ словеснымъ и безсловеснымъ тварямъ, такъ что, если бы не прекращались дни брани, то не могла бы спастись никакая душа». Это вопль всей распинаемой плоти міра.

Таинство брака находится въ такомъ же зіяющемъ противорѣчіи съ христіанскою святостью, какъ Таинство Крови и Плоти. Женихомъ названъ Христосъ, а сдѣланъ скопцомъ.

И здѣсь, въ полѣ, такъ же какъ во всей плоти, христіанство—не свѣтъ, а тѣнь отъ свѣта Христова.

V.

Какъ плоть и полъ, тайна одного и двухъ, такъ и общественность, тайна трехъ, человѣческой множественности, въ христіанство не вмѣщается.

Не внѣшнее, принудительное, безличное соединеніе людей въ родъ, народъ, государство, — а внутреннее, свободное соединеніе человѣческихъ личностей въ любви другъ къ другу и къ Богу, соединеніе, спаянное Плотью и Кровью въ новое реальное Существо, въ живое вселенское Тѣло—Церковь, вотъ главное, что открылъ людямъ Христосъ. Какъ отдѣльные члены, органическія клѣточки, первыя малыя личинки, личики

животной жизни соединяются въ единое человѣческое тѣло, лицо и личность, такъ отдѣльныя человѣческія личности соединяются въ новое сверхорганическое, вселенское тѣло—вселенскій ликъ Богочеловѣчества. Откровеніе любви Христовой и есть откровеніе объ этомъ законѣ сверхорганическаго мірового развитія. Отъ Богочеловѣка къ Богочеловѣчеству — таковъ путь, указанный Христомъ.

Христіанство, вступивъ на этотъ путь, почти тотчасъ остановилось и повернуло назадъ—отъ соединенія къ уединенію, отъ міра къ пустынѣ, отъ Богочеловѣчества къ Богу безъ человѣчества.

Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Двѣ заповѣди ветхія, разъединенныя или, по крайней мѣрѣ, несоединенныя — любовь къ Богу и любовь къ человѣку — Христосъ впервые соединилъ окончательно въ новую заповѣдь единой любви къ Богу и къ человѣку. Въ этомъ соединеніи вся подлинная сущность, вся новость Новаго Завѣта. Можно любить Бога только въ человѣкѣ, можно любить человѣка только въ Богѣ; любовь ко Христу, Богочеловѣку, и есть послѣднее соединеніе любви къ Богу съ любовью къ человѣку.

Христіанство не исполнило, а нарушило эту заповѣдь о любви единой. Поскольку въ христіанствѣ Богъ, безплотный чистый Духъ, противоположенъ нечистой плоти человѣческой, постольку и любовь къ Богу противоположна любви къ человѣку. Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ ближе къ Богу; совсѣмъ безъ людей — совсѣмъ въ Богѣ. Человѣкъ въ Богѣ одинъ — монахъ, отшельникъ — таковъ совершенный образъ христіанской святости.

„Почему Господь нашъ, для уподобленія нашего величію Отца небеснаго, назначилъ намъ милосердіе, иноки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?“—спрашиваетъ Исаакъ Сиріянинъ. Неимовѣрный вопросъ, который значитъ: почему Христова заповѣдь любви къ людямъ въ Богѣ, послѣдняго соединенія людей въ Богѣ отмѣняется христіанскою заповѣдью любви къ Богу помимо людей, послѣдняго уединенія человѣка въ Богѣ? или, другими словами: почему христіанствомъ Христосъ отмѣняется?

Неимовѣрный вопросъ. А между тѣмъ съ этого-то вопроса и начинается вся лѣстница христіанской святости.

Въ отвѣтѣ указываются двѣ ступени совершенства, низшая и высшая; на низшей — «безмолвіе», уединеніе, любовь къ Богу приносится въ жертву любви къ людямъ, на высшей—любовь къ людямъ—любви къ Богу. Но въ обоихъ случаяхъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что одна любовь должна быть принесена въ жертву другой, и что тутъ, повторяю, антиномія неразрѣшимая.

«Ежели милосердіе, или любовь, или жалость препятствуютъ твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ, воскрешаютъ тебя для міра,— то да погибнетъ такая правда. *Ибо совершать дѣла любви есть назначеніе людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ*, непребывающихъ въ совершенномъ безмолвіи. Неприлично намъ, оставивъ небес-

нее дѣланіе, держаться мірского. Житье иноческое подобно ангельскому».— «*Заботящійся о своей одной душѣ, не сможетъ заботиться и о другихъ*.—Если ты намѣренъ держаться безмолвія, будь подобенъ херувимамъ, которые не имѣютъ никакого попеченія житейскаго, и не думай, что, кромѣ тебя и Бога, есть кто-либо другой на землѣ, о комъ бы заботиться тебѣ. Ежели не ожесточитъ кто сердца своего и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердіе, то не можетъ пребывать въ безмолвіи» (Ис. Сир., XIV).

Такъ вотъ какимъ усиліемъ восхищается царство Божье—усиліемъ не любить. Нелюбовь къ людямъ и есть любовь къ Богу; ожесточеніе сердца къ людямъ и есть христіанская святость.

«Когда придетъ тебѣ мысль позаботиться о чемъ-либо подъ предлогомъ добродѣтели и тѣмъ возмутить безмолвіе, которое у тебя въ сердцѣ, тогда скажи этой мысли такъ: прекрасенъ путь любви, прекрасно дѣло милосердія ради Бога; но я ради Бога же не хочу этого» (Ис. Сир., XIV).— «Возлюби безмолвіе гораздо больше всякихъ дѣлъ» (Ис. Сир., XV).—«Бездѣйственность безмолвія возлюби болѣе, нежели насыщеніе алчущихъ въ мірѣ и обращеніе многихъ народовъ къ поклоненію Богу. Лучше тебѣ самого себя разрѣшить отъ узъ грѣха, нежели рабовъ освобождать отъ рабства» (Ис. Сир., VI).

Понятно, почему христіанство, за все свое существованіе, пальцемъ не двинуло для общественнаго блага людей, для ихъ спасенія отъ рабства и голода. *Я былъ голоденъ, и вы не накормили Меня. Я былъ въ темницѣ, и вы не посѣтили Меня*. Голодъ, рабство, войны, всѣ злодѣянія и ужасы міровой исторіи проходили мимо святыхъ. Погибай весь міръ, только бы святымъ спастись. Не страшно смотрѣть на гибель міра, а полежать съ отцомъ или братомъ на одной рогожѣ, съѣсть полтора сухаря вмѣсто одного—страшно.

«Блаженъ, кто одинъ ѣстъ хлѣбъ свой. Въ которые дни имѣю бесѣду съ кѣмъ-либо, въ тѣ дни съѣдаю по три или по четыре сухаря; и если стану принуждать себя къ молитвѣ, то не имѣю дерзновенія къ Богу и не могу устремить къ Нему мысли. Когда же разлучусь съ людьми на безмолвіе, то въ первый день принуждаю себя съѣсть полтора сухаря, во второй — одинъ, а какъ скоро утвердится умъ мой въ безмолвіи, усиливаюсь съѣсть одинъ цѣльный сухарь и не могу; и тогда дерзновенно бесѣдую съ Богомъ. Если же, во время безмолвія, случится кому придти и говорить со мною, хотя одинъ часъ, то невозможно мнѣ тогда не прибавить пищи, не оставить чего изъ правила, не разслабѣть умомъ къ созерцанію Божественнаго Свѣта» (Ис. Сир., VIII). «Какъ иней сжигаетъ едва выходящую изъ земли зелень, такъ свиданіе съ людьми сжигаетъ корень ума, начавшій производить злакъ добродѣтели» (Ис. Сир., XIX). «На людей мірскихъ вредно смотрѣть даже издали» (Ис. Сир., XXXVI).

Ежели съ любовью къ Богу соединима вообще какая-либо любовь къ людямъ, то лишь созерцательная, бездѣйственная.

«Старецъ спрошенный: что такое сердце милующее?—отвѣтилъ: сердце, горящее о всей твари—о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ. При воспоминаніи о нихъ или при воззрѣніи на нихъ глаза источаютъ слезы. Отъ великой жалости умиляется сердце и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварью. А по сему и о врагахъ истины и о собственныхъ врагахъ ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были помилованы; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безмѣрно возбуждается въ сердцѣ святого до уподобленія въ семъ Богу» (Ис. Сир., XVIII).

Только такая любовь съ высоты полета «херувимскаго»—любовь къ людямъ, которая смѣшиваетъ ихъ съ «естествомъ пресмыкающихся», не нарушаетъ любви къ Богу. При такой любви можно плакать надъ погибшею букашкою, надъ сломаннымъ цвѣткомъ—и пальцемъ не двинуть для гибнущаго брата—человѣка или даже всего человѣчества: вѣдь ежели я двину пальцемъ, то придется, съѣвъ лишній сухарь, лишиться «дерзновеннаго собесѣдованія съ Богомъ». При такой любви къ людямъ можно исходить слезами въ пустынѣ наединѣ съ Богомъ; но, только что издали увидѣлъ лицо, услышалъ голосъ человѣческій,—слезы высохли, сердце ожесточилось, и любящій бѣжитъ отъ любимаго.

— «Остановись, отецъ, ради Бога! Спѣшу за тобой!»—кричалъ кто-то святому.—«И я ради Бога бѣгу отъ тебя», отвѣчалъ тотъ (Ис. Сир., XIV).—«Авва Арсеній предавался бѣгству и не останавливался, встрѣчая кого-либо. Авва же Ѳедоръ, если встрѣчалъ кого, то встрѣча его была, какъ мечъ» (Ис. Сир., XXIII). «Хочешь ли пріобрѣсти любовь къ ближнему? Удались отъ него, и тогда возгорится въ тебѣ пламень любви» (Ис. Сир., XXIII). «Кто омертвилъ сердцемъ для своихъ ближнихъ, для того мертвъ сталъ діаволъ» (Ис. Сир., XXXIX).

«Однажды нѣкто изъ отцовъ пришелъ видѣть Авву Арсенія (Великаго), и старецъ отворилъ дверь, думая, что это служитель его; но когда увидѣлъ, кто былъ пришедшій,—палъ на лицо свое и, долго умоляемый встать, послѣ увѣренія пришедшаго, что приметъ благословеніе и тотчасъ уйдетъ, святой отказывался встать, говоря: «не встану, пока не уйдешь». И дѣлалъ это блаженный для того, чтобы, если однажды подастъ имъ руку, снова не возвратились къ нему. Когда же авва Макарій укорилъ авву Арсенія, сказавъ: «что ты бѣгаешь отъ насъ?»—старецъ представилъ ему дивное и достойное похвалы оправданіе, отвѣтивъ: «Богу извѣстно, что люблю васъ, но *не могу быть вмѣстѣ и съ Богомъ и съ людьми*». И сему чудному видѣнію наученъ онъ не инымъ кѣмъ, но Божіимъ гласомъ, ибо сказано было ему: *бѣгай, Арсеній, людей и спасешься* (Ис. Сир., XXVI).

На вопросъ о томъ, почему Христосъ заповѣдалъ любовь, соединяющую людей въ Богѣ, а христіанство предпочитаетъ любовь уединяющую, святой отвѣчаетъ: не могу быть вмѣстѣ и съ Богомъ, и съ людьми. Но вѣдь это

значитъ: не могу любить вмѣстѣ Бога и человѣка, не могу любить Богочеловѣка, не могу любить Христа.

Ежели нѣкій авва Агаѳонъ желалъ взять у прокаженнаго тѣло, а ему дать свое, то, послѣ этого обмѣна тѣлами, ихъ душамъ всетаки нечего бы дѣлать вмѣстѣ: обмѣнялись и разошлись, чтобы каждому спасаться въ одиночествѣ.

«Знаемъ и о другомъ нѣкоемъ святомъ, что братъ его сдѣлался боленъ и заключенъ былъ въ своей келіи. А такъ какъ святой, во все время болѣзни брата, превозмогалъ свое милосердіе и не приходилъ повидаться съ нимъ, то больной, приближаясь къ исшествію своему изъ жизни, послалъ сказать ему: «если ты не приходилъ ко мнѣ донынѣ, то приди теперь, чтобы видѣть мнѣ тебя прежде отшествія моего изъ міра, или приди, хотя ночью, и я поцѣлую тебя и почію». Но блаженный даже и въ тотъ часъ, когда сама природа требуетъ нашего сострадонія другъ къ другу, не согласился и сказалъ: «ежели пойду къ нему, то не буду чистъ сердцемъ моимъ передъ Богомъ, потому что не радѣлъ посѣщать братій духовныхъ, естество же предпочелъ Христу».—И братъ умеръ, а онъ не видалъ его» (Ис., XXIII).

Хочется кричать отъ ужаса. Что же это такое? Ангельская любовь къ Богу или дьявольская жестокость къ человѣку? Вѣдь покинутый братъ умеръ, убитый, можетъ быть, съ проклятіемъ святому убійцѣ, который убилъ его во имя Христа.

И не образъ ли всего грѣшнаго міра, этотъ братъ, покинутый братомъ? Міръ сказалъ христіанству: приди ко мнѣ, хоть ночью, и я поцѣлую тебя и умру. Но христіанство отвѣтило: если приду къ тебѣ, не будетъ сердце мое чисто передъ Богомъ. И міръ погибъ, а христіанство не пошло къ міру.

Теперь понятно, почему отшатнулся онъ отъ христіанства, какъ бы говоря: если ты свято, я проклятъ; если я святъ, ты проклято; но нельзя намъ быть вмѣстѣ.—И, дѣйствительно, міру ничего не оставалось дѣлать, какъ или не быть, принявъ, или быть, отвергнувъ христіанство. Онъ сдѣлалъ послѣднее и хорошо сдѣлалъ, ибо, если *весь* Христосъ — въ христіанствѣ, и *все* христіанство — во Христѣ, то міръ не могъ спастись Христомъ, а могъ только спастись отъ Христа. Слова эти—кощунство; но не большее ли кощунство утверждать, что нѣтъ ничего во Христѣ, кромѣ христіанства?

Понятно и то, почему христіанство вѣчно строило, но никогда не могло построить церкви. Нельзя строить зданія, складывая камни во внѣшнемъ порядкѣ и не соединяя ихъ внутреннею скрѣпою; нельзя создать реальнаго тѣла, утверждая силу не взаимнаго притяженія, а взаимнаго отталкиванія, не центростремительность, а центробѣжность частицъ.

«Бѣгай, Арсеній, людей и спасешься»,—на этомъ одинокомъ, личномъ спасеніи нельзя построить спасенія церковнаго, общественнаго. Одинъ за всѣхъ спасается, всѣ за одного погибаютъ.

Къ тому же церковь строилась не въ сіяющемъ средоточіи, а на су-

мерещных окраинах святости. Въ средоточіи—пустыня, уединеніе; а на окраинахъ, въ «міру» — соединеніе церковное. Что поплоше, то въ церковь, а что получше, то вонъ. Такимъ образомъ, созидалась она не изъ твердыхъ камней, черныхъ алмазовъ, а изъ мягкой трухи, мусора святости. Можно было кое-какъ слѣпить изъ этого мусора пышную римско-византійскую декорацію, но истинную церковь вселенскую нельзя было создать.

За неимѣніемъ внутренняго соединенія, пришлось прибѣгнуть къ внѣшней скрѣпѣ — древне-римскому желѣзу государственному. Константинъ Равноапостольный наложилъ на церковь эту скрѣпу. Но когда міръ отшатнулся отъ христіанства и государство отъ церкви, тогда скрѣпа лопнула, и церковь начала разваливаться. И уже ничто не остановитъ ея разрушенія, по слову Господа: *Не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено.*

Тотъ, для кого церковь Христова есть церковь христіанская, не можетъ, при видѣ этого разрушенія, не прійти въ отчаяніе и не усомниться въ пророчествѣ: *Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ее.* Но для тѣхъ, кто вѣритъ въ грядущую церковь Христову, нынѣшняя христіанская государственная церковность есть камень, которымъ заваленъ гробъ Христа, Богочеловѣка въ Богочеловѣчествѣ: если гробовый камень рушится, значитъ—Христосъ воскресъ.

VI.

Чтобы узнать до конца, что такое христіанская святость, надо знать что такое христіанскій святой. Чтобы увидѣть реальную силу метафизическаго начала, надо видѣть, какъ это начало дѣйствуетъ на живую человѣческую личность.

Древнія житія святыхъ для этого недостаточны. Иконописные лики въ тускло мерцающихъ вѣнчикахъ смотрятъ на насъ, какъ неземныя видѣнія, существа иного міра, несоизмѣримаго съ нашимъ, такъ что намъ почти невозможно повѣрить, что это такіе же люди изъ плоти и костей, какъ мы. Отъ насъ нѣтъ путей къ нимъ, отъ нихъ—къ намъ. Глядя на нихъ, мы умиляемся или ужасаемся, но дѣлать съ ними намъ нечего, мы не можемъ и даже не хотимъ уподобиться имъ, какъ не можемъ и даже не хотимъ летать. Къ тому же все это для насъ прошлое: святыхъ нѣтъ больше. Тутъ что-то истощилось, изсякло навѣки въ самомъ источникѣ святости.

Святыхъ больше нѣтъ и, по всей вѣроятности, уже не будетъ, по крайней мѣрѣ, *точно такихъ, какъ были*, а вѣдь тутъ малѣйшая неточность, отступленіе отъ иконописнаго подлинника, «типикона», есть уже нарушеніе всей христіанской святости, этого совершеннаго подобія, «преподобія» образовъ человѣческихъ образу Божьему.

Ихъ нѣтъ. Но вотъ послѣдній изъ нихъ, ближайшій къ намъ, не только по мѣсту и времени — онъ жилъ почти рядомъ съ нами, почти среди

насъ—но и по глубочайшему сродству духовному. Въ этомъ иконописномъ ликѣ мы узнаемъ почти наше лицо, можетъ быть, самое родное, самое русское изъ русскихъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе, чѣмъ лицо Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Л. Толстого. Житіе Серафима для насъ—не легенда, даже не исторія, а почти сегодняшняя дѣйствительность, дневникъ очевидцевъ. Онъ—мы, только въ иномъ измѣреніи; и мы можемъ прослѣдить, какъ онъ отдѣляется отъ нашихъ трехъ измѣреній и входитъ въ недоступное намъ, «четвертое»,—какъ образъ человѣческій входитъ въ образъ Божій, въ икону. Можемъ почти прикоснуться руками къ сіяющему нимбу этой иконы. Почти на уровнѣ нашего зрѣнія—послѣдняя вѣтвь съ послѣдними плодами тысячелѣтняго дерева, чьихъ корней мы уже не видимъ; зато плодъ мы не только видимъ, но и можемъ вкусить отъ него, чтобы по вкусу одного судить обо всѣхъ.

Постараемся же найти себя въ немъ, три измѣренія нашего міра—въ четвертомъ, «не отъ міра сего». Каковъ судъ надъ нами, грѣшными, всѣхъ святыхъ и всей христіанской святости,—пусть намъ скажетъ этотъ послѣдній святой.

VII.

«Я всю монастырскую жизнь прошелъ и никогда, ниже мыслью, не выходилъ изъ монастыря. Нѣтъ лучше монашескаго житія, нѣтъ лучше!»

Онъ еще въ младенчествѣ посвященъ былъ Матери Божьей. Семнадцати лѣтъ рѣшилъ постричься и отъ семнадцати до семидесяти, до самой смерти, не выходилъ изъ монастыря. Пустынка, въ которой онъ спасался, была въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣчки Саровки, на холмѣ, въ пяти-шести верстахъ отъ монастыря, на восходъ зимняго солнца; одна хата съ печкою; вокругъ пустынки онъ устроилъ себѣ огородъ съ пчельникомъ и обнесъ все заборомъ.

Современникъ екатерининскаго вѣка, великой революціи, наполеоновскихъ войнъ, двѣнадцатаго года, декабристовъ—на всѣ эти событія не отозвался онъ ничѣмъ, всѣ они прошли мимо него, какъ тѣни лѣтнихъ облаковъ.

«Стяжавшій совершенную любовь къ Богу существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ,—говаривалъ Серафимъ.—Онъ, дѣйствительно, и «не существовалъ въ жизни сей»—у него собственно и не было жизни, а было только «житіе». И ничѣмъ не отличается это житіе русскаго святого въ XIX вѣкѣ отъ житій синайскихъ и ѳиваидскихъ отцовъ въ V или VI вѣкахъ. Время для него остановилось, исторія кончилась, или, вѣрнѣе, никогда не начиналась.

Духъ Божій и духъ тьмы столкнулись, какъ два урагана, въ крутящемся смерчѣ революціи, и рушились царства, гибли народы, а онъ стоялъ тысячу дней на камнѣ въ безмолвной молитвѣ. Люди боролись съ людьми за будущность міра, а онъ боролся съ бѣсами за себя одного.

Неземныя видѣнія—единственныя событія земного житія Серафимова. Трижды являлась ему Царица Небесная и каждый разъ повторяла, указывая на него: «Сей отъ рода нашего». Онъ любилъ икону Умиленіе Божіей Матери, «всѣхъ радостей радость»; передъ этою иконой «на колѣночкахъ, во время молитвы, батюшка и отошелъ, какъ будто и не умеръ». Отъ упавшей свѣчки загорѣлась келья, но тѣло почившаго старца не тронулъ огонь; истлѣли только страницы книги, на которую онъ склонился лицомъ, какъ будто уснулъ, съ крестообразно-сложенными руками. Такова была огненная кончина Серафима—Огненнаго.

Жилъ, какъ будто не жилъ, умеръ, какъ будто не умеръ. Пролетѣлъ сквозь тьму земную свѣтлымъ ангеломъ, и, глядя вслѣдъ ему, мы только можемъ сказать: «сей не отъ рода нашего».

Однажды четыре сестры провожали батюшку въ пустыньку и, тихонько идучи за нимъ, говорили вполголоса: «Глядите-ка, чулочки у батюшки спустились, а ноженьки-то какія бѣлыя!» Остановившись вдругъ, о. Серафимъ приказалъ имъ идти впередъ, а самъ пошелъ сзади. «Идемъ это мы лугомъ,—разсказываетъ сестра Анна,—трава зеленая да высокая такая. Оглянувшись, глядимъ, а батюшка и идетъ на аршинъ выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему въ ножки, а онъ и говоритъ намъ: «Радости мои, никому о семъ не повѣдайте, пока я живъ, а послѣ моего отшествія отъ васъ, пожалуй, и скажите».

Все житіе Серафима и есть хожденіе по воздуху, «на аршинъ отъ земли»—такое легкое, что тонкія травы не гнутся подъ нимъ, прозрачныя звѣзды одуванчиковъ не осыпаются. И ножки у него бѣлыя, потому что земли не касались, въ землѣ не запачкались. А мы, тяжелые, усталые, по землѣ влачащіеся, съ ногами въ земной грязи увязающими, израненными, окровавленными, можемъ только смотрѣть на это неземное видѣніе и пугаться, и плакать, какъ бѣдныя сестры Дивѣевскія.

«Аршинъ отъ земли» между нимъ и нами, между грѣшною землею и безземною святостью—вотъ несоизмѣримость двухъ порядковъ, которая составляетъ сущность христіанства. Мы не сомнѣваемся, что Серафимъ обладалъ реальною силой, которая побѣждала, если не физическое, то метафизическое притяженіе земли; но онъ обладалъ этою силой *одинъ для себя* и сообщить ее другимъ не могъ. Чтобы подняться *надъ* землею, онъ долженъ былъ оттолкнуться *отъ* земли,—оттолкнуть отъ себя землю; но привлечь ее къ себѣ, поднять за собою не могъ. Онъ возвышался, а земля унижалась; и чѣмъ выше онъ, тѣмъ ниже земля. Его подъемъ—провалъ земли. И то, что дѣлалъ онъ, послѣдній святой, дѣлаетъ вся христіанская святость.

Въ другой разъ, подходя къ дальней батюшкиной пустынькѣ по дремучему лѣсу, старица Матрена увидѣла вдругъ о. Серафима, сидящаго на колодѣ, а возлѣ него медвѣдя. Матрена обмерла отъ страха, закри-

чала во весь голосъ: «Батюшка, смерть моя!» и упала. О. Серафимъ, услыша голосъ ея, ударилъ звѣря и махнулъ ему рукой. Тогда медвѣдь, какъ разумный, пошелъ въ ту сторону, куда махнулъ старецъ—въ чащу лѣса. Но Матрена продолжала кричать: «Ой, смерть моя!» О. Серафимъ подошелъ къ ней и сказалъ: «Нѣтъ, матушка, это не смерть, а радость». И повелъ ее къ колодѣ, на которой сидѣлъ; помолившись, усадилъ ее и самъ сѣлъ рядомъ. Не успѣли они сѣсть, какъ тотъ же самый медвѣдь вышелъ изъ лѣса и, подойдя къ о. Серафиму, легъ у ногъ его. «Я же, находясь вблизи такого страшнаго звѣря,—разсказываетъ Матрена,—сначала была въ великомъ трепетѣ, но потомъ, видя, что о. Серафимъ обращается съ нимъ, какъ съ кроткой овечкой, и даже кормитъ его изъ рукъ хлѣбомъ, который принесъ въ сумкѣ, начала мало-по-малу оживотворяться вѣрой. Особенно чуднымъ казалось мнѣ лицо великаго отца моего: оно было свѣтло, какъ у ангела, и радостно. Наконецъ, когда я совершенно успокоилась, а старецъ скормилъ почти весь хлѣбъ, онъ подалъ мнѣ остальной кусокъ и велѣлъ самой покормить медвѣдя. Но я отвѣчала:

— «Боюсь, батюшка, онъ и руку мнѣ отъѣстъ.

«Старецъ же посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— «Нѣтъ, матушка, вѣруй, что не отъѣстъ руки твоей.

«Тогда я взяла хлѣбъ и скормила его весь съ такимъ утѣшеніемъ, что желала бы еще кормить его, ибо звѣрь былъ кротокъ и ко мнѣ, грѣшной, за молитвы о. Серафима.

«Видя меня спокойною, о. Серафимъ сказалъ:

— «Помнишь ли, матушка, у преподобнаго Герасима на Іорданѣ левъ служилъ, а убогому Серафиму медвѣдь служитъ. Вотъ и звѣри слушаютъ насъ, а ты, матушка, унываешь. А о чемъ намъ унывать? Вотъ если бы я взялъ съ собою ножницы, то остригъ бы его.

«Тогда я въ простотѣ сказала:

— «Батюшка, что если этого медвѣдя увидятъ сестры; вѣдь онѣ умрутъ отъ страха?

«Но онъ отвѣчалъ:

— «Нѣтъ, матушка, сестры его не увидятъ.

— «А если кто-нибудь заколетъ его?—спросила я.—Мнѣ жаль его...

— «Нѣтъ, и не заколютъ: кромѣ тебя никто его не увидитъ.

«Я еще думала, какъ разсказать мнѣ сестрамъ объ этомъ страшномъ чудѣ.

— «Нѣтъ, матушка,—отвѣтилъ о. Серафимъ на мои мысли,—прежде 11 лѣтъ послѣ моей смерти никому не повѣдывай, а тогда воля Божія откроетъ—кому сказать».

«У всякой твари человѣку смиренному соблюдается честь,—говоритъ Исаакъ Сиріянинъ.—Приближается ли онъ къ свирѣпымъ звѣрямъ,—едва только обратятъ взоръ свой на него, укрощается свирѣпость ихъ—и подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, поникаютъ главами, лижутъ

руки и ноги его, потому что учуяли благоуханіе, которое исходило отъ Адама до грѣхопаденія, когда звѣри собраны были къ нему и онъ нарекалъ имъ имена въ раю. Это отнято у насъ, но обновилъ и возвратилъ намъ Христосъ. *Симъ-то и помазано благоуханіе человѣческаго рода»*.

Вотъ гдѣ христіанская святость выходитъ изъ своихъ предѣловъ, какъ бы переливается чрезъ край. Вотъ гдѣ нарушается реальнымъ воплощеніемъ, физикой метафизика христіанской святости. По метафизикѣ, все плотское противоположно духовному, все человѣческое и тѣмъ болѣе звѣрское—Божескому; недаромъ въ ликѣ діавольскомъ чудится ликъ звѣриный. Какое же соединеніе человѣка со звѣремъ въ Богѣ? Но св. Герасимъ со львомъ, св. Серафимъ съ медвѣдемъ—свѣтлый ликъ ангельскій рядомъ съ темнымъ ликомъ звѣринымъ—что это значитъ? Можетъ быть, сами святые не знаютъ. Тутъ вообще вся христіанская святость болѣе значитъ, чѣмъ знаетъ; болѣе вѣщаетъ, чѣмъ вѣдаетъ.

Христосъ въ пустынѣ *былъ со звѣрями*. Это въ началѣ, а въ концѣ: *проповѣдуйте Евангеліе всей твари.—Ибо вся тварь совокупно стенаетъ ожидая откровенія сыновъ Божіихъ*. Богочеловѣкъ искупилъ человѣчество, Богочеловѣчество искупитъ всю тварь.

Но въ христіанской святости, это—еще не откровеніе, а чаяніе; не тѣло, а тѣнь; не заря, а зарница. То древнее помазаніе, «райское благоуханіе человѣческаго рода», которому повинуется тварь, возвращено христіанствомъ лишь каждому человѣку въ отдѣльности, поскольку онъ «святъ», а не всему человѣчеству, не всему міру.

VIII.

«Міръ есть область иного, то-есть, князя вѣка сего,—говоритъ Серафимъ.—Не освободясь отъ міра, душа не можетъ любить Бога. Нельзя вполнѣ отречься отъ міра, оставаясь въ мірѣ. Чтобы ощутить свѣтъ Христовъ, надобно отвлечь себя отъ видимыхъ предметовъ, не имѣть въ себѣ никакихъ чувственныхъ представленій, какъ бы скрыться въ сердцѣ земли. Должно быть ко всему мертвымъ. Другого пути нѣтъ».

Богъ безъ міра или міръ безъ Бога; духъ безъ плоти или плоть безъ духа. «Духъ долженъ обитать какъ бы въ безтѣлесномъ тѣлѣ». «Человѣкъ по тѣлу подобенъ зажженной свѣчѣ. Свѣча сгоритъ и человѣкъ умретъ. Но душа безсмертна».

Если безсмертна только душа, то что̀ значитъ воскресеніе плоти? Безсмертіе души знали Платонъ и Сократъ. Чтобы открыть людямъ эту старую истину или, вѣрнѣе, старую ложь,—потому что полуистина и есть ложь—не зачѣмъ было являться Христу.

И ежели весь міръ есть «область иного», царство діавола, то что̀ значитъ: *Богъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ за міръ?* Богъ возлюбилъ царство діавола? Богъ отдалъ Сына діа-

волу? Эти неразрѣшимыя антиноміи, какъ желѣзо гвоздное, пронизывали нѣкогда все христіанство. Но желѣзо притупилось, вросло въ тѣло и уже почти не ранитъ его, даже почти не чувствуется. Глубина противорѣчія сдѣлалась плоскостью. И если бы еще тысячелѣтія прошли, христіанство не сдвинулось бы съ этой плоскости.

Какъ въ созерцаніи, такъ и въ дѣланіи метафизика христіанской святости ни на одинъ волосокъ не подвинулась—отъ Герасима со львомъ до Серафима съ медвѣдемъ. «Самъ себя убиваю, потому что не могу жить нечисто». Этотъ завѣтъ первыхъ святыхъ исполняетъ послѣдній.

Два съ половиною года Серафимъ питался травою *снитью*. «Ты знаешь снитку? Я рвалъ ее да въ горшочекъ клалъ; немного вольешь, бывало, въ него водицы и поставишь въ печку,—славное выходило кушанье. На зиму снитку сушилъ и этимъ питался». Отъ истощенія заболѣлъ водяною болѣзнью. Все тѣло распухло. Три года пролежалъ въ постели, едва не умеръ, но отъ лѣченія отказывался. Наконецъ, Божья Матерь явилась ему въ видѣніи и коснулась жезломъ бедра его. «У меня на томъ мѣстѣ, на правомъ бедрѣ-то и сдѣлалось углубленіе, вода-то вся въ него и вытекла; а рана пребольшая была, и до сихъ поръ яма-то цѣла, матушка, погляди-ка, дай ручку».—«И батюшка самъ бывало, возьметъ, да и вложитъ мою руку въ яму, и велика же она была у него, такъ вотъ весь кулакъ и взойдетъ».

Но главную помощь въ борьбѣ съ плотью оказали ему разбойники, которые однажды въ лѣсу избили его почти до смерти: голова была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тѣло покрыто смертельными ранами; удивлялись, какъ могъ онъ остаться въ живыхъ.

Еще раньше, придавленный упавшимъ деревомъ, сгорбился. Послѣ нападенія разбойниковъ, отъ побоевъ, ранъ и болѣзни, эта сгорбленность увеличилась. Нѣкогда высокаго роста, двухъ аршинъ восьми вершковъ, сдѣлался теперь низенькимъ, какъ бы вросшимъ въ землю, ходилъ наклонившись впередъ и подпираясь топоромъ, мотыкою или палкою. «Такъ эта согбенность и осталась на всю жизнь его вѣнцомъ побѣды великаго подвижника надъ діаволомъ», заключаетъ Лѣтопись.

Но и этою побѣдою онъ не удовольствовался, продолжалъ гнуть согбенную плоть все ниже и ниже, топтать ее, какъ побѣдитель топчетъ врага.

На обоихъ плечахъ носилъ желѣзныя вериги съ подвѣшенными крестами, однѣ спереди, другіе—сзади, и еще желѣзный поясъ. Въ сильные морозы, чтобы желѣзо не жгло тѣло, накладывалъ на грудь чулокъ или тряпку. Въ баню совсѣмъ не ходилъ. Жилъ въ нетопленой кельѣ зимою; лѣтомъ, собирая мохъ съ болотъ для удобренія огородныхъ грядъ, раздѣвался до нага, «препоясавъ чресла свои», и насѣкомыя жалили голое тѣло, такъ что оно опухало, синѣло, запекалось кровью. «Разъ прихожу къ батюшкѣ въ пустыньку, а у него на лицѣ мухи, кровь ручьями бѣжитъ по щекамъ.

Мнѣ жаль его стало—хотѣла спугнуть ихъ, а онъ говоритъ: «Не трожь ихъ, радость моя, всякое дыханіе да хвалитъ Господа».

Таково истинное самоумерщвленіе святыхъ—самоубійство не мечомъ, а мушиными жалами.

И послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, кажется, не достигъ покоя. Незадолго до смерти повторялъ, указывая на небо, какъ будто тихо стоналъ, изнемогая объ безконечной усталости: «*Тамъ* лучше, лучше, лучше!» Не значитъ ли это, что и ему, святому, такъ же какъ намъ грѣшнымъ, было *здѣсь* плохо?

Передъ самою смерью уже ни съ кѣмъ не говорилъ, почти не выходилъ изъ келіи. Сидя на гробѣ, который приготовилъ для себя, и «помышляя о загробной участи всѣхъ людей вообще *и своей собственной*,—горько плакалъ». О чемъ? *Тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.*

Предсмертный плачъ Серафима напоминаетъ разсказъ о томъ аввѣ, который кормилъ леопарда изъ рукъ, а во время кончины былъ истязуемъ, какъ послѣдній изъ грѣшниковъ, и «осталось неизвѣстнымъ рѣшеніе суда». Неужели и Серафимъ, великій святой, плакалъ, какъ маленькія дѣти, отъ страха. Неужели и онъ сомнѣвался въ своемъ спасеніи? *Кто же можетъ спастись?* И что дѣлать мнѣ, грѣшному? Да и стоитъ ли что-нибудь дѣлать? Я, все равно, погибъ; и не я одинъ, а весь міръ. Это и значитъ: «Міръ есть область иного», то-есть, діавола; міръ есть побѣда діавола надъ Богомъ.

Тутъ какая-то страшная тѣнь въ сіяющей, какъ солнце, Серафимовой святости. Когда я смотрю на самое лицо его, я готовъ думать, что тѣнь во мнѣ, а не въ немъ, что въ глазахъ моихъ, ослѣпленныхъ солнцемъ, темнѣетъ. Но по мѣрѣ того, какъ я вглядываюсь въ лица людей, окружающихъ его, я начинаю различать на нихъ колебанія, мерцанія свѣта.

Въ Дивѣевской дѣвичьей общинѣ, которая находилась рядомъ съ Саровскимъ монастыремъ, и о которой Серафимъ особенно заботился, была начальница Ксенія Михайловна Кочеулова, старушка маленькая, сухенькая, подвижная и чрезвычайно строгая. «Станетъ выговаривать, думаешь, вотъ-вотъ убьетъ, сейчасъ умрешь». Келейница Евдокія подпоясалась однажды двумя красными тесемочками. Увидала это матушка Ксенія. «Что это, говоритъ, вражью-то силу ты на себя надѣла?» Сняла съ нея тесемочки и сожгла въ печкѣ. Въ другой разъ сшили Евдокіи новую рясу, въ которой и пришла она въ церковь. Стоитъ, а матушка Ксенія своею клюшкою и достаетъ ее: «На что это, говоритъ, ты восемь-то бѣсовъ себѣ насадила? (то-есть, восемь клиньевъ въ платьѣ.) Ай-ай, всечестная Евдоіюшка, Бога ты не боишься. Выпори, выпори, матушка!»

У Ксеніи была больная дочка Оря. Кто-то подарилъ ей чайникъ и чашечку. Узнала это Ксенія и разгнѣвалась. Оря обѣщала не дотрогиваться до нихъ, но матушка не успокоилась. «Что ты, что ты? Изъ нихъ хоть пить-то не будешь, Оря, все же соблазнъ-то какой! Утѣшь ты ме[illegible]

старуху, Орюшка, разбей ты ихъ, матушка, да и черепки въ землю зарой. Можно вѣдь пить изъ деревянной или чугунной посудки, а то гляди-ка грѣхъ-то какой! Какое малодушіе!»

Вся радость міра сосредоточилась для Ори въ этомъ чайникѣ и чашечкѣ. Не зарыла ли она въ землю съ черепками и бѣдное сердце свое? Это кажется жестокостью. Но вѣдь «кто не ожесточитъ сердца своего, тотъ не можетъ угодить Богу». За это святое жестокосердіе Серафимъ и считалъ матушку Ксенію «огненнымъ столпомъ отъ земли до неба, бичомъ духовнымъ».

Такъ судилъ о ней Серафимъ, а инымъ казалось, что матушка Ксенія, «не тѣмъ будь помянута, скупенька была».—«Всегда, бывало, бранила и выговаривала въ трапезѣ, что все-де скоро выходитъ, всего много надо,—разсказываетъ мать Капитолина.—А чтобы послѣ трапезы да кому дать кусочекъ, и Боже упаси! Такъ строго заведено было, что, по правдѣ, частенько сестры-то другъ у друга хлѣбецъ тихонько брали (то-есть, крали). Вотъ и узналъ это батюшка Серафимъ, да и потребовалъ ее къ себѣ. «Что это, матушка, я слышу, ты вволю не даешь поѣсть сиротамъ». И пошелъ, и пошелъ. А она-то такъ и сякъ оправдывалась передъ нимъ. А батюшка все свое: «Нѣтъ, говоритъ, нѣтъ, матушка, нѣтъ тебѣ отъ меня прощенія! Ты бы потихоньку давала, да не запирала, тѣмъ бы и спаслась». Матушка Ксенія такъ и ползала на колѣнкахъ у ногъ батюшки, но онъ со скорбію, грозно говорилъ: «Нѣтъ, матушка, нѣтъ тебѣ отъ меня прощенія!» Съ тѣмъ и ушелъ батюшка, не благословивъ матушку Ксенію. А она пришла, бѣдная, домой, вскорѣ начала хворать, зачахла и умерла».

За что же?

Когда она умирала, можетъ быть, вспомнилось ей, какъ много лѣтъ назадъ Анастасія, тогдашняя начальница, застала ее однажды собирающую сухія корки каши отъ трапезы: она размачивала ихъ въ водѣ, чтобы дать лишній разъ поѣсть своей голодавшей дѣвочкѣ Орѣ. Начальница осудила ее за то, что она нарушила постъ для больного ребенка—украла у Бога для человѣка. И Ксенія покаялась, исполнила завѣтъ святыхъ—«омертвѣла сердцемъ для своихъ близкихъ», стала «скупенька», и въ этой скупости сдѣлалась «столпомъ огненнымъ отъ земли и до неба, бичомъ духовнымъ», по признанію самого Серафима. За что же онъ осудилъ ее? «Потихоньку бы давала»,—крала бы у Бога «и тѣмъ бы спаслась». Но вѣдь тогда, при матушкѣ Анастасіи она и крала, да чуть не погибла; а теперь не крала и погибла совсѣмъ. Не довернешься—бьютъ и непереверпешься—бьютъ. Людей полюбишь, Бога не долюбишь; Бога полюбишь, людей не долюбишь. А любить людей и Бога вмѣстѣ, съ этимъ и Арсеній Великій не справился—куда же матушкѣ Ксеніи?

Когда «ползующую на колѣнкахъ» Серафимъ оттолкнулъ ее отъ ногъ своихъ, какъ собаку, то она и умерла какъ собака, безъ ропота. Ну, а если бы возроптала, потребовала у Бога суда на своего судью и убійцу?

Страшенъ судъ его надъ нею, но, можетъ быть, еще страшнѣе будетъ судъ ея надъ нимъ. И ужъ, конечно, спросятся на этомъ судѣ не только красныя тесемочки, разбитые чайникъ и чашечка, сухія корочки каши, но и весь міръ, вся плоть, вся земля—*Господня земля и что наполняетъ ее, вселенная и все, живущее въ ней*. Зачѣмъ землю Господню отдали діаволу?

«Какъ связать мнѣ плоть мою и судить ее? Не знаю. Она—и другъ мой, и врагъ мой; она помощница моя и соперница; она—заступница и предательница. Какое это во мнѣ таинство? Какое соединеніе противоположностей?»

Это противорѣчіе, это желѣзо гвоздное вросло въ тѣло христіанства и уже не убиваетъ его, а только дѣлаетъ «согбеннымъ». И если оно когда-нибудь выпрямится, то желѣзо пронзитъ сердце—и всему тѣлу, всему христіанству—конецъ.

Д. Мережковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтки о политическомъ движеніи въ Персіи.

I.

Персидскія событія весьма скудно освѣщаются русскою печатью.—Отрывочныя свѣдѣнія газетъ не даютъ возможности въ цѣльности представить себѣ, что происходитъ тамъ, въ странѣ полудикихъ сатраповъ, среди величественныхъ развалинъ могущественнѣйшихъ державъ древняго міра. А тамъ происходитъ много, слишкомъ много того, чего не подозрѣваетъ русское общество. Это многое, близко касающееся всѣхъ сосѣднихъ съ Персіей государствъ, привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и обращаетъ на себя взоры всего культурнаго міра. Востокъ просыпается — дальній проснулся въ лицѣ Японіи, встаетъ отъ сна ближній въ лицѣ Персіи. Что-то будетъ? Среди русскихъ корреспондентовъ многіе берутся теперь за перо, пытаясь сбросить таинственный покровъ неизвѣстности, окутывающій нынѣшнее персидское движеніе, пытаясь изыскать причины послѣдняго и поставить вѣрный діагнозъ существующему положенію дѣлъ, но сколько ни писали по данному вопросу на столбцахъ русскихъ газетъ, никто не сумѣлъ еще, освѣщая персидскія событія, пролить свѣтъ на истину и, отдѣливъ правду отъ вымысла, дать ясный отвѣтъ возбужденному интересу.

Происходитъ это исключительно оттого, что всѣ пробовавшіе свои силы оказались несвѣдущими въ той сферѣ, о которой имѣли неясныя и несогласныя съ дѣйствительностью представленія, а тѣ, которые могли бы раскрыть правду и показать, какія важныя событія рождаетъ все разрастающееся движеніе, сколько завоеваній сдѣлано персами въ ихъ стремленіи къ свѣту, прогрессу,—всѣ они хранятъ до сихъ поръ упорное молчаніе. Естественнымъ результатомъ этого является то обстоятельство, что всякая мимолетная бесѣда интервьюера съ «компетентнымъ лицомъ», бесѣда, никѣмъ и нигдѣ не провѣренная и не пропущенная черезъ горнило критики и дѣйствительныхъ, реальныхъ фактовъ, попадаетъ въ печать, какъ сенсаціонная новинка, и, получая все значеніе лишь въ неосвѣдомленности читателя, въ его сознаніи сѣетъ новыя заблужденія: «на безрыбьи и ракъ рыба». Лица, которыя не въ состояніи избѣжать хаотиче-

ской путаницы въ фактахъ и искаженій въ собственныхъ именахъ, отдаютъ въ наборъ статьи, составленныя исключительно по разсказамъ персовъ-очевидцевъ (брошюры о Персіи М. А.) или по случайнымъ свѣдѣніямъ, добытымъ отъ представителей персидскаго дипломатическаго корпуса, однимъ взмахомъ пера даютъ готовые отвѣты на вопросы, которые въ сущности имъ невѣдомы, и тщетно пытаются освѣтить мракъ, среди котораго сами себя чувствуютъ, какъ въ потемкахъ. Хотя эти сообщенія и статьи, очевидно, могутъ имѣть цѣну простыхъ разсказовъ безъ научной и критической обоснованности, но у большинства несвѣдущихъ читателей способны выработать ложныя представленія и являются первоисточникомъ для новыхъ варіацій въ томъ же духѣ. А между тѣмъ событія первостепенной важности на ближнемъ Востокѣ происходятъ уже цѣлыхъ два года; пройдетъ еще три года, и Россія подъ самымъ бокомъ можетъ увидѣть новую Японію. Можно пожелать, конечно, только, чтобы наша дипломатія не прозѣвала политическаго возрожденія сосѣдней державы, какъ это случилось съ Японіей, а печать отводила бы болѣе мѣста вопросамъ о Персіи, съ которой такъ близко соприкасаются русскіе интересы.

II.

Не такъ давно органъ *Наканунѣ* выпустилъ въ одномъ изъ номеровъ статью подъ заглавіемъ: «Движеніе въ Персіи». Въ этой статьѣ авторъ изыскиваетъ и старается разъяснить при освѣщеніи научной критики причины недавней персидской революціи; однако все, что удалось ему сдѣлать въ данной области, не выходитъ изъ круга критики двухъ брошюръ М. А. «Политическое движеніе въ Персіи по разсказамъ персовъ-тегеранцевъ» и приведенія въ систему разбросанныхъ тамъ, кстати сказать, не совсѣмъ согласныхъ съ дѣйствительностью, матеріаловъ. Хотя критика и построена серьезно, но статья эта теряетъ все свое значеніе, такъ какъ авторъ ея не принялъ, къ сожалѣнію, во вниманіе одного, что, какъ на грѣхъ, составляетъ всю суть, а именно, что эти самыя убогія брошюры не выдерживаютъ никакой строгой научной критики и суть ни болѣе ни менѣе, какъ поверхностные пристрастно-преувеличенные разсказы, а иногда и искаженія самой дѣйствительности. Однако эти брошюрки составляютъ весь кладезь, изъ котораго русскіе читатели почерпаютъ свѣдѣнія о персидскихъ дѣлахъ. До сихъ поръ въ печати, кажется, критики ихъ не появлялось, и потому понятно, что онѣ могутъ пользоваться незаслуженнымъ успѣхомъ, хотя по достоинству ниже всякой строгой критической оцѣнки. Тѣ же отрывочныя телеграфныя сообщенія изъ Персіи, которыя приходятъ къ намъ почти ежедневно, слишкомъ непонятны для всѣхъ, кому незнакомы въ достаточной степени персидскія событія, и поэтому много дать не могутъ, оставаясь для большинства лишь невѣдомою азбукой.

Такимъ образомъ для русской публики до сихъ поръ не существуетъ серьезныхъ источниковъ, гдѣ бы она могла черпать свѣдѣнія въ понят-й

и ясной послѣдовательности какъ относительно современныхъ событiй, такъ и относительно причинъ, породившихъ ихъ.

Размѣры этой статьи не позволяютъ подробно остановиться на изслѣдованiи и выясненiи всѣхъ реальныхъ причинъ, создавшихъ существующее положенiе въ Персiи, и потому ея цѣль заключается въ указанiи главнѣйшихъ ошибокъ, вкравшихся въ указанныя брошюры и недавнюю статью *Наканунѣ*, и въ попутномъ выясненiи основныхъ недочетовъ персидской жизни, вызвавшихъ послѣднiй взрывъ народной бури.

Всѣ причины персидской революцiи авторъ поименованной статьи приводитъ, не облекая ихъ въ какое-либо одѣянiе посылокъ и доказательствъ, но многiя изъ нихъ вовсе не имѣютъ подъ собой почвы и являются пустыми звуками. Авторъ начинаетъ съ того, что «правовое устройство персидскаго государства было насквозь проникнуто религiей», и, очевидно, не подозрѣваетъ, что въ реальной жизни тамъ до сихъ поръ нѣтъ и не было никакихъ законовъ, а стало быть, и нормированнаго ими правового устройства. Единственный кодексъ шерiата, кодексъ совершенно отсталый отъ вѣка и крайне неудовлетворительный, оставался мертвой буквой настолько, что персы отъ мала до велика сознавали полное отсутствiе законности въ кругу своей жизни, и потребность въ новыхъ законахъ, которые бы ограничили произволъ алчной власти, оградили человѣческiя права гражданъ и дали болѣе совершенныя по духу времени нормы гражданской и государственной жизни, была яснѣе дня. И вотъ эти основные законы государства только теперь разрабатываются въ парламентѣ, въ ихъ строительствѣ западно-европейскiе образцы ложатся краеугольнымъ камнемъ, но время, когда имъ будетъ суждено найти практическое примѣненiе въ реальной жизни, когда жизнь государства твердою ногою войдетъ въ правовыя нормы, не близко, ибо возведенiе такого зданiя—дѣло не одного года.

Въ Персiи всѣ классы населенiя до самаго послѣдняго времени жили подъ гнетомъ полнаго произвола. Тамъ каждый губернаторъ безотчетно и полноправно распоряжался не только имуществомъ, но и жизнью населенiя; тамъ по произволу даже мелкихъ бюрократическихъ сошекъ до сихъ поръ рѣзали уши, носы, пытали ужасными муками безъ суда и слѣдствiя; четвертованiя по мановенiю шаха при Наср-эд-Динѣ были ординарнымъ явленiемъ. Тамъ министры пользовались такимъ значенiемъ и силой, что по личному произволу высылали губернаторовъ изъ управляемыхъ ими областей, безъ офицiальной отставки, если послѣднiе осмѣливались возбудить ихъ личный гнѣвъ; тамъ этихъ же губернаторовъ безъ суда наказывали палками по пяткамъ все по тому же никакими законами и ничѣмъ не оправдываемому произволу; тамъ офицеры обирали солдатъ до того, что тѣ лишь мародерствомъ поддерживали свое жалкое существованiе: «какъ птицы, даромъ Божьей пищи», и поневолѣ голодные и холодные грабили все и вездѣ, что могли. Офицеры страшились своихъ солдатъ, ибо тѣ жестоко расплачивались съ притѣснителями. Жизнь человѣческая оцѣнивалась нѣсколькими рублями, и каждый могъ убить и, отдѣлываясь взяткой, либо

просто давъ отступного семьѣ убитаго, избѣжать всѣхъ каръ правосудія. Тамъ, гдѣ возможно это, гдѣ подобныя своеволія и ужасы имѣютъ мѣсто, не можетъ уживаться никакое «правовое устройство», а тѣмъ болѣе «устройство, насквозь проникнутое религіей»,

Та же хаотичность, которую мы видимъ въ правовой жизни народа, существовала сверху донизу въ бюрократическихъ слояхъ: тамъ точно также не существовало никакой регламентаціи функцій и правъ: военный министръ вмѣшивался въ дѣла министра внутреннихъ дѣлъ, министръ внутреннихъ дѣлъ занимался дѣлами министра финансовъ, а въ общемъ тотъ изъ нихъ, который болѣе приближался къ шаху и всякими лазейками втирался въ его довѣріе, задавалъ всѣмъ тонъ и направлялъ по своему благоусмотрѣнію курсъ незамысловатой, прямолинейной внутренней и внѣшней политики. Вся суть ея сводилась къ тому, что всѣ министры съ такимъ же неутолимымъ корыстолюбіемъ обирали казну, съ какимъ болѣе мелкія бюрократическія единицы безпощадно грабили населеніе.

Духовенство дѣлилось на высшее, утопавшее въ роскоши и довольствѣ и низшее, носившее всѣ тяготы простого народа, и оттого близость и духовная связь, существовавшія между низшими слоями населенія и младшимъ духовенствомъ, не нарушались ни на одну минуту политической борьбы.

Должности отдавались на откупъ, и каждый чиновникъ, не получая опредѣленнаго жалованья отъ государства, дралъ семь шкуръ съ угнетеннаго населенія. О самомъ малѣйшемъ контролѣ не было представленія, и можно ли послѣ этого вообразить то состояніе, въ которомъ жилъ и умиралъ персидскій народъ? И, однако, хотя правительственная эксплуатація была безмѣрна, всетаки не въ ней, не ограниченной никакими нормами права, кроется главнѣйшая причина, создавшая революцію, а именно въ томъ, что въ дѣйствительности въ Персіи не было закона, и на стражѣ существеннѣйшихъ правъ человѣка не стояло правосудіе. Недовольство существовавшими въ то время порядками, или, точнѣе, безпорядками, было всеобщее; жалобы лились отовсюду, даже отъ сыновей шаха, но онѣ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И теперь станетъ понятнымъ, почему тогда, когда гроза народной бури неожиданными раскатами грома разразилась надъ бюрократіей и потрясла до основанія всѣ прежніе государственные устои, почему тогда первымъ крикомъ, раздавшимся на тегеранскихъ площадяхъ, явилось только требованіе справедливости, установленія законовъ, и почему тотъ парламентъ, который въ сущности теперь отправляетъ всѣ функціи учредительнаго собранія, получилъ имя «Дома Справедливости». Покойный шахъ (Музаффер-эд-Динъ) понялъ, что правительство уже подписало себѣ смертный приговоръ, что произволу и беззаконію уже пропѣты надгробныя панихиды, и созвалъ народныхъ депутатовъ, чтобы приступить къ закладкѣ новой, правовой жизни. Только съ этихъ-то поръ начинается эра персидскаго права.

III.

Бюрократическая эксплуатація велась и раньше и въ томъ же широкомъ масштабѣ, но тогда забитые гнетомъ суровой жизни персы не думали даже роптать и, восхваляя Пророка, влачили свое до ужаса жалкое существованіе. Почему же, невольно напрашивается вопросъ, только два года тому назадъ чаша терпѣнія переполнилась, и плотина прежнихъ порядковъ не была въ состояніи сдержать взрывъ общенароднаго негодованія? На этотъ основной вопросъ ни одна изъ вышедшихъ въ печати статей не дала отвѣта, а въ этомъ-то именно кроется другая главная причина, сгустившая тучи на персидскомъ горизонтѣ и неожиданно приблизившая развязку, которая, впрочемъ, неизбѣжно надвигалась.

Дѣло въ томъ, что политическое движеніе въ Персіи зародилось еще лѣтъ 50 тому назадъ еще въ царствованіе жестокаго Наср-эд-Дина, отца покойнаго Музаффер-эд-Дина. Уже тогда сталъ раздаваться глухой ропотъ недовольства, стало разрастаться броженіе, и, сначала имѣя лишь характеръ протеста противъ бюрократическаго произвола и хищничества, оно современемъ, по общему закону человѣческой исторіи, получило ярко политическую окраску и вылилось въ чисто-революціонныя сплоченныя организаціи. Многіе изъ персовъ стали совершать путешествія въ Европу и, познакомившись тамъ съ западнымъ просвѣщеніемъ, по возвращеніи стали заносить на родину новыя чарующія идеи, бросать первыя сѣмена народнаго самосознанія. Благодаря воспріимчивости и даровитости персовъ, на что уже указываетъ ихъ врожденная способность къ торговлѣ (громадная часть населенія Персіи занимается торговлей и коммерческими предпріятіями съ заграницей), эти сѣмена быстро взошли и дали богатую жатву. Слѣдствіемъ культурныхъ же заносовъ съ Запада было то, что болѣе просвѣщенные персы завязали во имя общности идей дружескія сношенія, впослѣдствіи освященныя общностью одного святого дѣла—служенія родной землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе переродившіеся подъ вліяніемъ благодѣтельныхъ вѣяній Запада, сразу стали руководителями новаго теченія и на своихъ плечахъ вынесли все освободительное движеніе (Малькольм-ханъ, Сейед-Джемаль-эд-Динъ и немногіе другіе). Эти вожди подъ дѣйствіемъ печальнаго теченія событій все болѣе и болѣе революціонизировались сами, сообщая соотвѣтствующій колоритъ всему броженію, но въ началѣ и они требовали отъ правительства только справедливости и закона. Малькольм-ханъ издавалъ въ Лондонѣ прогрессивную газету *Ганунъ* (Законъ) и эту газету (два раза въ мѣсяцъ) вмѣстѣ съ прокламаціями отсылалъ въ Персію. По вечерамъ и ночамъ друзья-освободители собирались вмѣстѣ, обсуждали политическія событія, обдумывали мѣры борьбы со зломъ, терзавшимъ ихъ родину, и все болѣе и болѣе спаивались въ неразрывный кружокъ. Цензура въ то время почти отсутствовала, и правительство не ставило преградъ подобнымъ собраніямъ, хотя активная борьба зарождалась, и начиналась эпоха казней. Въ этотъ же

періодъ персы-западники, увлекшіеся мистическими ученіями, носившимися по Европѣ, основали даже масонскую ложу. Идеи масонства прочно привились въ Персіи, масонская ложа открывалась два раза, и вплоть до настоящаго времени осталось немало самыхъ убѣжденныхъ масоновъ, сохранившихъ всю чистоту недавнихъ мистическихъ вѣяній Европы. Въ созданіи оппозиціи и въ дѣлѣ просвѣщенія темныхъ народныхъ массъ эти масоны сыграли видную роль.

Около 1848 года зародилась новая, чисто религіозная секта бабитовъ, названная такъ по имени своего основателя и существующая и теперь. Секта эта, навлекши на себя презрѣніе правовѣрныхъ мусульманъ, очень распространилась, хотя и подверглась страшнѣйшимъ гоненіямъ со стороны духовенства и нетерпимаго къ религіознымъ и политическимъ воззрѣніямъ Наср-эд-Дина. Послѣдній приказалъ всѣхъ пойманныхъ бабитовъ нещадно мучить, жечь на кострахъ, либо всенародно въ поученіе другимъ четвертовать. Озлобленные до крайности бабиты произвели неудачное покушеніе на шаха, чѣмъ и вызвали съ его стороны еще большія жестокости и репрессіи. Все это разжигало народное недовольство. Изувѣрства и крайне реакціонная политика жестокаго, безчеловѣчнаго Наср-эд-Дина толкали въ ряды создавшейся такимъ образомъ оппозиціи все новыя и новыя силы. Казни, которыхъ въ эпоху правленія Наср-эд-Дина насчитываютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ и болѣе, заставляли самое имя этого типичнаго восточнаго деспота произносить съ проклятіями. Оппозиція, которая до того сплотилась лишь противъ злоупотребленій властью со стороны бюрократіи, объявила войну уже самому шаху, хотя и пыталась тщетно разрѣшить назрѣвшій конфликтъ мирнымъ путемъ, путемъ увѣщаній въ тѣхъ анонимныхъ и предупреждающихъ письмахъ, которыя не разъ получалъ Наср-эд-Динъ и которыя находилъ онъ даже въ своемъ гаремѣ.

Только тогда, когда персы убѣдились, что имъ не удастся повліять на шаха желательнымъ образомъ, когда увидѣли, что по его молчаливому мановенію все новыя и новыя жертвы складываютъ свои головы подъ ударами государственныхъ палачей, что изъ рядовъ освободителей вырываются все большія силы, попадая на плаху или же въ ссылку (такъ между прочими были сосласны нѣкоторые руководители движенія въ городъ Казвинъ), они рѣшили вступить на путь открытой борьбы съ самимъ шахомъ и его придворной камарильей. Шаху былъ объявленъ смертный приговоръ.

Прокламаціи, выпускаемыя еще формирующимися организаціями и раньше (Сейедъ-Джемаль-эд-Динъ и другія), теперь объявили шаха измѣнникомъ и грозили смертью ему, какъ богоотступнику. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній шахъ былъ убитъ (въ 1896 году) за три дня до празднованія пятидесятилѣтняго юбилея своего жестокаго царствованія, былъ убитъ въ мечети, среди священныхъ гробницъ Шаздабдуллязима (близъ Тегерана), куда направился съ пышной свитой для торжественной молитвы, пораженный наповалъ выстрѣломъ яраго революціонера. Это былъ фанатикъ Мирза-Риза, котораго одно время ошибочно считали бабитомъ и по-

торый давно преслѣдовалъ шаха. Онъ приблизился къ Наср-эд-Дину подъ видомъ просителя, и, когда тотъ протянулъ руку за прошеніемъ, Риза быстро выхватилъ изъ-подъ пакета пистолетъ. Шахъ упалъ бездыханнымъ на руки подхватившихъ его министровъ, невнятно пробормотавъ: «Эмин-эс-Султанъ (нынѣшній премьеръ), я падаю».

Когда на престолъ вступилъ слабохарактерный, болѣзненный, почти неспособный къ правленію и пожилой уже Музаффер-эд-Динъ, то разраставшееся движеніе еще болѣе опредѣлилось, и требованія оппозиціи, обращенныя къ новому шаху въ тѣхъ же прокламаціяхъ, стали носить все болѣе и болѣе вызывающій характеръ.

Духовенство въ то время еще не было причастно къ движенію: высшіе іерархи пользовались всѣми благами жизни и закрывали глаза и уши; низшіе же служители, хотя и сочувствовали страдающимъ массамъ, сами несли ихъ тяготы, однако, не видя иниціативы со стороны высшаго духовенства, подавляли въ себѣ тяжелые вздохи и въ большинствѣ оставались безгласными овцами. Лишь тогда, когда въ правленіе алчнаго и хитраго Атабека Эйнедъ-Доуле (главный министръ Музаффер-эд-Дина) властолюбивымъ іерархамъ пришлось почувствовать его своеволіе и перенести не мало оскорбленій и униженій, только тогда они стали громко роптать. И хотя тутъ ими главнымъ образомъ руководили эгоистично-корыстныя цѣли, но изъ рядовъ ихъ вскорѣ выдѣлилось лицо, которое, будучи не чуждымъ просвѣщенію, искренно и рѣшительно выказало себя сторонникомъ самыхъ коренныхъ реформъ, не выходившихъ, впрочемъ, изъ рамокъ, указанныхъ религіей. Это былъ муштаидъ (высшая учено-богословская степень) Сейедъ-Магометъ (засѣдающій теперь въ Меджлисѣ), который своими либеральными взглядами сразу выдвинулся изъ рядовъ болѣе консервативнаго духовенства и своею просвѣтительною работою (открытіе школъ) обратилъ на себя благодарные взоры Персіи. Какъ бы то ни было, вызовъ духовенству былъ уже брошенъ самонадѣяннымъ Атабекомъ и его вѣрными приспѣшниками.

Впослѣдствіи и оппозиціонные кружки въ своихъ многочисленныхъ прокламаціяхъ къ народу стали призывать духовенство сплотиться подъ краснымъ знаменемъ, напоминая ему призваніе всякаго духовенства быть «солью земли» и убѣждая проснуться, поступиться эгоистическими влеченіями для блага отчизны: освободителямъ нужна была самая твердая поддержка духовныхъ, ибо народъ безъ ихъ благословенія не пошелъ бы за своими вождями на борьбу съ шахскимъ деспотизмомъ. Мѣстами въ то же время поднимался ропотъ на то, что духовенство на сторонѣ бюрократіи, которая такъ безбожно обирала народъ, на то, что духовенство, утопая въ роскоши, не замѣчаетъ окружающей нищеты, не обращаетъ вниманія на страданія голодныхъ, бездомныхъ массъ пролетаріата, имя которому въ Персіи легіонъ, и не подаетъ своего голоса въ защиту его попранныхъ самыхъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ.

Духовенство высшее испугалось, ибо всю мощь свою полагало въ народной вѣрѣ, религіозности, въ народной опорѣ и видѣло, что половина

муллъ произноситъ уже возбуждающія проповѣди и что всѣ туллабы (студенты семинарій) съ жаромъ бросаютъ во всѣ стороны сѣмена пропаганды. Но дилемма представлялась трудная: надо было безъ промедленій опредѣленно рѣшить, къ какому лагерю примкнуть, ибо двѣ враждебныя позиціи—чиновники съ одной стороны и всѣ остальные круги населенія съ противоположной—рѣзко оформились.

Бюрократы во главѣ съ Атабекомъ сами расторгнули молчаливый союзъ, существовавшій дотолѣ у государственной власти съ властью духовною, своимъ вызывающимъ поведеніемъ, и духовенство Тегерана, понуждаемое громкими требованіями народа, рѣшительно опредѣлило курсъ всей своей политики, ставъ на сторону оппозиція. Такимъ образомъ той борьбы между народомъ и духовенствомъ, о которой неясно говоритъ авторъ статьи газеты *Наканунѣ* и которая, по его словамъ, началась осенью 1905 г. (въ моментъ именно полнаго и трогательнаго обоюднаго единенія), не было и помину. Этой борьбы и не могло быть уже потому, что персы въ подавляющей массѣ фанатично религіозны и власть духовную почитаютъ болѣе шахской. Оттого-то знамя возстанія было поднято только тогда, когда получило санкцію духовенства. Духовенство вскорѣ же стало во главѣ движенія: оно давало ему строгія нормы, указывало направленіе, разсылая свои декреты по отдаленнымъ городамъ, и эта руководящая и санкціонирующая роль не утрачена имъ и донынѣ. Только то принимаютъ персы и къ тому стремятся они, что одобряютъ ихъ пастыри-муштаиды изъ потомства Пророка (Сейедъ-Магометъ и Сейедъ-Абдулла), засѣдающіе теперь въ парламентѣ и во всѣ концы Персіи разсылающіе свои бодрящія и успокаивающія грамоты.

Правда, среди высшаго духовенства произошелъ въ разгарѣ движенія расколъ (Шейхъ-Фазлулла, подкупленный коварнымъ Атабекомъ), но большинство торжествовало въ концѣ-концовъ свою побѣду.

IV.

Въ исторіи постепеннаго развитія персидскаго самосознанія и частныхъ завоеваній на тернистомъ пути къ освобожденію можно было бы прослѣдить и выяснить много мелкихъ фазисовъ, но за сжатостью размѣровъ данной статьи и сообразно съ цѣлью ея, въ ней набросаны лишь главнѣйшіе штрихи, и потому отдѣльныя интересныя картины, къ сожалѣнію, не могутъ быть обрисованы полно и ясно.

Нельзя отрицать, что гнетъ безконтрольнаго режима алчныхъ чиновниковъ, самымъ пагубнымъ образомъ отзывавшійся на благосостояніи населенія, сильно повліялъ на ходъ политическихъ дѣлъ до революціи и ускорилъ развязку, но, повторяемъ, главною-то причиной, легшей въ основу ея, была далеко не правительственная эксплуатація, а факторы, лежащіе въ сути вещей гораздо глубже и породившіе другія ненормальности въ государственной жизни, т.-е. полное отсутствіе внутренняго, ограниченнаго

ясными законами строя, съ одной стороны, и съ другой—все большее и большее развитіе самосознанія истощенныхъ темныхъ массъ подъ руководствомъ и вліяніемъ тѣсно-сплоченныхъ, болѣе просвѣщенныхъ передовыхъ группъ оппозиціи, въ рядахъ которой стоялъ весь цвѣтъ персидской образованности.

Однако, та печальная роль, которую сыграло въ исторіи Персіи правительство принца Атабека Эйнед-Доуле, настолько была разрушительна, что при обзорѣ факторовъ, создавшихъ политическую революцію, нельзя обойти ее молчаніемъ. Всѣ конечныя цѣли правленія Атабека и его солидарныхъ соправителей не выходили изъ круга личныхъ корыстныхъ цѣлей. Подкупы являлись самымъ регулярнымъ фактомъ, преслѣдованія личныхъ враговъ всемогущаго временщика достигли крайнихъ предѣловъ: имущества послѣднихъ конфисковались въ пользу бюрократіи, сами они подвергались ссылкѣ и попадали въ ужаснѣйшія условія персидской тюремной жизни.

Офицеры, пользуясь общей разнузданностью, обирали солдатъ до того, что тѣ подымали вооруженныя возстанія; казначейства вездѣ были пусты, жалованіе и пенсіи не выдавались или выдавались въ половинномъ размѣрѣ, а министры тѣмъ временемъ составляли милліонныя состоянія, раздѣлывали великолѣпные парки, возводили роскошные дворцы, а капиталы переводили въ заграничные банки для большей сохранности, оставляя отечественный рынокъ безъ наличности. Всякія концессіи, благодаря тѣмъ же подмазываніямъ, передавались иностранцамъ на невыгоднѣйшихъ для народа условіяхъ и за безцѣнокъ; на десятки милліоновъ заключались внѣшніе займы, и всѣмъ было извѣстно, что и эти деньги не выплывали изъ кармановъ хищныхъ визирей; населеніе облагалось все большими и большими повинностями, цѣны на продукты первой необходимости росли не по днямъ, а по часамъ, такъ какъ правительство Атабека взимало съ громаднѣйшаго въ Персіи купеческаго класса все большія и большія подати, выжимало все растущія взятки (со скотобойни Тегерана, съ торговцевъ хлѣбомъ, сахаромъ и т. п.). Ропотъ уже слышался повсюду, возмущенные купцы Тегерана послали къ губернатору депутацію съ требованіемъ отмѣны налога на сахаръ и съ предупрежденіемъ, что терпѣніе истощается, что предпріятія лопаются, и дѣла такъ дальше идти не могутъ, но ослѣпленный властью визирь велѣлъ бить ихъ (17 человѣкъ) палками по пяткамъ, хотя посланцы были избраны изъ среды самыхъ почтенныхъ гражданъ.

Возмущеніе росло и росло. Министръ торговли и таможенъ бельгіецъ Наусъ, попавшій въ Персію по приглашенію (еще при Наср-эд-Динѣ) для реорганизаціи министерства финансовъ и выработки законовъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти грабилъ персовъ, за взятки выгонялъ однихъ со службы и ихъ мѣста отдавалъ армянамъ на выгоднѣйшихъ для послѣднихъ условіяхъ.

Огромное зло вытекало изъ таможенныхъ договоровъ, ибо эти договоры

были такъ составлены, что товары, ввозимые въ Персію (а это были часто предметы первой необходимости, какъ, напр., сахаръ изъ Россіи), облагались безмѣрными пошлинами, а всѣ вывозимые продукты оплачивались весьма низко. Вслѣдствіе этого цѣны увеличивались, и населеніе роптало на купцовъ, купцы же негодовали на корыстолюбивое правительство, ставившее ихъ между двухъ огней. Правительственный произволъ, деморализуя населеніе, все гибельнѣе становился для государства; дерзость губернаторовъ доходила до того, что они продавали дѣвушекъ и мужчинъ (Асефед-Доухле въ Хорасанѣ). Эти ужасныя условія жизни все болѣе и болѣе революціонизировали населеніе и тѣснѣе сплачивали ряды освободителей.

Огромные костры народной бури уже вездѣ были разложены, нехватало лишь нѣсколькихъ искръ, чтобы пожаръ охватилъ всю страну. Понятно, ждать ихъ оставалось не долго, такъ какъ правительство, полагавшееся на крѣпость традицій и прежнихъ устоевъ, подавало новые поводы къ усиленію разросшагося всюду броженія. При дальнѣйшемъ разборѣ его въ глаза бросается то, что вся политическая борьба въ Персіи имѣла крайне своеобразный и оригинальный оттѣнокъ.

Несмотря на крайне неравномѣрное распредѣленіе земельной собственности, аграрный вопросъ въ Персіи не пріобрѣлъ еще остраго характера. Вопреки словамъ статьи *Наканунѣ* аграрное движеніе вовсе не раскалывало единства оппозиціи, въ средѣ которой стояли всѣ классы населенія, всѣ сословія. Самаго движенія аграрнаго до сихъ поръ въ Персіи не замѣчалось, и это на первый взглядъ странное явленіе дѣлается вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что уровень самосознанія низшихъ массъ еще очень низокъ. Тѣ причины, которыя вызвали волненія среди сельскаго населенія, были совсѣмъ не аграрнаго свойства, и потому въ Персіи среди крестьянъ если и есть нѣкоторая доля озлобленія, то исключительно личнаго свойства, противъ единичныхъ помѣщиковъ, пробудившихъ негодованіе своею несправедливостью, притѣсненіями, и тамъ на-ряду съ рѣзкимъ антагонизмомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдается и полнѣйшее согласіе и единеніе народа съ помѣщичьимъ классомъ. Безземелье—большой бичъ бѣднаго класса Персіи, но время, когда земельный вопросъ станетъ на очередь, еще не пришло, хотя, несомнѣнно, оно не за горами. Оно придетъ вмѣстѣ съ неразлучной реакціей, безъ которой не обходится ни одно освободительное движеніе, но о которой въ Персіи пока нѣтъ и помину, и призракъ которой еще никого не пугаетъ.

Темныя массы въ движеніи играли роль также совершенно обратную той, которая кажется автору названной статьи. Эти массы народныя въ Персіи настроены гораздо болѣе революціонно, чѣмъ классы обезпеченные, и они-то главнымъ образомъ питали все освободительное движеніе, сообщая ему жизнь и силу.

Въ Персіи первые революціонеры-масоны при Наср-эд-Динѣ совершили почти тотъ же подвигъ, который исторія Россіи зачислила за первыми

русскими «народниками». Тамъ люди просвѣщенные, близко знакомые съ культурой Запада, бросали все и шли съ братскимъ словомъ въ обездоленный и невыразимо страдавшій народъ. Они бросали въ него первыя великія слова патріотической и гуманной любви, заповѣди равенства и въ рабахъ шаха настойчиво будили сознаніе человѣческаго достоинства. Муллы съ высоты минбаровъ (каѳедры въ мечетяхъ) призывали народъ къ тому же и освѣщали всѣ дѣянія чиновниковъ въ ихъ реальной и грязной наготѣ. Оттого подъ предводительствомъ уважаемыхъ и наиболѣе чтимыхъ муллъ простонародье, вся безчисленная армія персидской голи, босая, бездомная, быстро сплотилась у знамени, объявившемъ войну правительству, и слѣпо шла за вождями во время ихъ скитаній, желая страдать и умереть вмѣстѣ. Черные вороны—подонки общества тамъ не мыли своихъ рукъ въ погромной крови. Вопреки всѣмъ ложнымъ и провокаціоннымъ сообщеніямъ, въ Персіи не было погромовъ до сихъ поръ.

V.

Одну изъ отличительныхъ чертъ персидской борьбы за свободу составляетъ полное отсутствіе партійнаго раскола среди оппозиціи. До сихъ поръ тамъ не наблюдается и кровавой реакціонной пропаганды въ народѣ.

И вслѣдствіе этого «темныя массы» тамъ не пятнали вовсе пути освободительнаго движенія пожарами, убійствами, кровью, погромами, но эти массы, настроенныя болѣе революціонно, чѣмъ слои, вѣками привыкшіе сидѣть у нихъ на шеѣ, твердо стремились къ праву, и гармонію безкровной, мирной революціи нарушали только отдѣльные выстрѣлы шахскихъ усмирителей. Тѣ волненія, которыя происходили въ провинціяхъ Хорасана, Шираза, Исфагани и другихъ, вовсе не вызывались политическими причинами, но являлись результатомъ невозможныхъ мѣстныхъ условій жизни, когда чаша терпѣнія переполнялась сверхъ края (продажа людей губернаторомъ Хорасана, неплатежъ жалованія солдатамъ и т. п.). Недавнее возстаніе принца Салар-эд-Доуле, брата шаха, и другія разбойничьи выступленія дикаго Раимъ-Хана, Макинскаго хана, многихъ помѣщиковъ и т. д... ничего общаго съ политическимъ движеніемъ не имѣютъ: они явились результатомъ того, что многимъ хотѣлось попытать счастья и половить рыбу въ мутной водѣ или же воспользоваться моментомъ въ какихъ-либо личныхъ грубо-эгоистичныхъ разсчетахъ, а потому, какъ явленія случайныя, они быстро мелькали и подавлялись ходомъ событій, болѣе важныхъ. Эти эксцессы были явленіемъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ понятно, что ломка отжившаго государственнаго строя и возведеніе новаго зданія на развалинахъ старины не можетъ пройти безъ отдѣльныхъ несчастныхъ случайностей: «лѣсъ рубятъ—щепки летятъ».

Деревни быстро присоединились къ городамъ, но не для того опять-таки, какъ думаетъ авторъ разбираемой статьи, чтобы ослабить и раздвоить общее движеніе, «породить эксцессы», а именно наоборотъ. Такъ случи-

лось, во-первыхъ, потому, что крестьяне въ Персіи сравнительно съ нуждающимися, безземельными слоями населенія болѣе обезпечены и болѣе просвѣщенны; во-вторыхъ, возбуждаемые проповѣдями муллъ, прокламаціями революціонеровъ, которые, печатая свои оригинальныя воззванія на гектографахъ въ массѣ экземпляровъ, распространяли ихъ по деревнямъ, и возмущенные хищническимъ правленіемъ бюрократіи, ея безпричинными налогами и беззаконіями, эти крестьяне поднялись на поддержку почитаемаго духовенства, на сверженіе вѣкового ига и на завоеваніе тѣхъ правъ своихъ, сознаніе которыхъ все болѣе пробуждалось.

Сплоченная сила городовъ и деревень была настолько велика и внушительна, что жалкія войска правительства были безсильны бороться съ нею; эти дезорганизованныя и постоянно обреченныя на лишенія, недоѣданіе солдатскія массы въ большинствѣ случаевъ сами оказывались на сторонѣ возставшихъ и при столкновеніяхъ отказывались стрѣлять.

Обезоруженный такимъ образомъ молодой, властолюбивый шахъ Магометъ-Али ничего не могъ сдѣлать, чтобы спасти ускользающую власть, и волей-неволей принужденъ былъ уступить едва оперившемуся парламенту, который уже полновластно хозяйничалъ въ его государствѣ и диктовалъ ему свою волю. Правда, шахъ еще пытался бороться и повернуть колесо событій въ обратную сторону, пытался подорвать довѣріе народа къ своимъ избранникамъ и устранить вмѣстѣ съ тѣмъ средостѣніе, существовавшее между шахомъ и подданными его въ лицѣ бюрократіи, проведеніемъ телефона во дворецъ, дабы каждый персъ во всякую минуту могъ обращаться лично къ шаху, но депутаты скоро разгадали заднюю мысль шахской затѣи и наложили на нее свое «veto». Шахъ однако все еще не терялъ надеждъ и вызвалъ изъ-за границы теперешняго премьера Амин-ес-Султана, даровитаго бюрократа, который при Наср-эд-Динѣ и его сынѣ такъ же доблестно и честно 35 лѣтъ служилъ шахамъ, какъ и своему бездонному карману, гдѣ помѣстился не одинъ и не два десятка народныхъ милліоновъ. На зарѣ возстанія этотъ дальновидный мужъ благоразумно скрылся за границу и почивалъ въ Европѣ отъ праведныхъ дѣлъ своихъ.

Когда, по зову шаха, онъ прибылъ къ границамъ родины (Энзели), персы, вооружившись, какъ попало, не допустили его высадки, и пароходъ подъ выстрѣлами принужденъ былъ отойти въ море. Однако потомъ ему подъ охраной конвоя удалось пробраться въ Тегеранъ, дабы «спасать» перепуганнаго шаха.

Тѣмъ не менѣе Магометъ-Али пришлось и тутъ лишній разъ обмануться въ своихъ надеждахъ: «спаситель», прикрывшись одеждой кающагося грѣшника, при первомъ же случаѣ сталъ смиренно молить парламентъ о забвеніи всѣхъ прошлыхъ его «ошибокъ», прощеніи и клятвенно обѣщалъ впредь служить народу вѣрой и правдой.

Что будетъ дальше, покажетъ недалекое будущее, а пока персы не особенно вѣрятъ обѣтамъ «стараго волка», попавшаго на псарню: они уже

извѣрились во всю свою бюрократію и сами куютъ свое будущее счастье, пока желѣзо горячо.

Въ настоящее время въ парламентѣ разрабатывается бюджетъ—самое больное мѣсто Персіи, нормированіе и расширеніе операцій недавно учрежденнаго національнаго банка, создаются основные законы страны, регламентируются сферы дѣятельности отдѣльныхъ министерствъ, разрабатывается вопросъ о народномъ просвѣщеніи; коммиссіи завалены трудной и спѣшной работой, и хотя нетерпѣніе народа все подгоняетъ и подгоняетъ ихъ созидательную работу, но пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ все придетъ въ стройность и плодотворную гармонію. А тамъ, впереди рѣютъ новыя заботы: тамъ аграрный вопросъ съ его Сциллой и Харибдой, тамъ справедливое распредѣленіе налоговъ, воинская повинность, созданіе арміи и поднятіе политическаго могущества государства. Однако эти заботы не пугаютъ персовъ и ихъ испытанныхъ вождей: они бодро смотрятъ на будущее и глубоко вѣрятъ въ звѣзду свободы, только что поднявшуюся надъ страной рабства и деспотизма.

Евгеній Ильинъ.

Наброски.

I. Ибсенъ и Пушкинъ—«Анджело» и «Брандъ».

О «Брандѣ» Ибсена много писали и говорили, въ связи съ постановкою его на сценѣ Художественнаго театра сперва въ Москвѣ и затѣмъ въ Петебургѣ. Причемъ менѣе говорили о пьесѣ въ сценическомъ или литературномъ отношеніи, а все вниманіе сосредоточилось на героическомъ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица, молодого пастора Бранда. Онъ вызвалъ искренній, глубокій энтузіазмъ. Мнѣ лично пришлось выслушать чтеніе въ Петербургѣ. Не такъ давно г. Свѣнцицкій, наиболѣе энергичный ревнитель церковнаго обновленія, прочелъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ одномъ небольшомъ религіозно-философскомъ кружкѣ рефератъ о томъ же «Брандѣ». Чтецъ былъ очень увлеченъ личностью Бранда, и когда я слушалъ его молодую, суровую рѣчь, точно обличающую современное рыхлое общество и зовущую его къ «Богу высотъ», мнѣ было и грустно, и жутко.

Вѣроятно, Ибсену не была извѣстна замѣтка, приведенная Грегоровіусомъ въ «Исторіи города Рима», что когда Григорій Гильдебрандтъ еще былъ монахомъ и проводилъ свои реформы, то пятившееся передъ нимъ духовенство, довольно слабое и довольно грѣшное, говорило: «это какой-то *святой сатана*». Съ одной стороны, Григорій такъ былъ преданъ Богу, что не могъ служить мессы, не заплакавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея. А съ другой стороны... онъ былъ такъ безпощаденъ къ человѣческимъ слабостямъ, вообще къ человѣку, даже къ тому, что нормально въ человѣкѣ, но только слишкомъ *обыкновенно,* какъ вотъ и этотъ протестантскій «Брандъ».

Съ другой стороны, Ибсенъ навѣрное не зналъ нашего Пушкина и его безсмертнаго «Анджело». Вы помните добраго стараго дука (герцога), который, желая поправить нравы и распущенность въ своемъ народѣ, временно оставилъ свое герцогство, передавъ бразды правленія суровому Анджело. Идеалистъ Анджело, идеалистъ закона, государства и также «добродѣтелей», споткнулся о скромную, стыдливую дѣвушку, которая пришла

его умолять о прощеніи своего брата-повѣсы, который «произвелъ общественный безпорядокъ», сдѣлавъ беременною одну горожанку... Но не буду пересказывать: пусть читатель прочтетъ «Анджело» и съ запасомъ впечатлѣній отъ него, непремѣнно съ этимъ запасомъ, перечтетъ или идетъ смотрѣть пьесу Ибсена...

Брандъ—это молодой энтузіастъ вѣры. Безъ всякой необходимости и только для прикрасы ему приданы реформаторскія мысли, сурово-реформаторскія и одновременно религіозно-революціонныя. Повторяемъ, это ненужная прикраса: ибо и протестантская, и католическая церковь, какъ равно и наша православная, въ ортодоксальной основѣ своей, въ *нетронутой, нереформированной сущности*, страшно требовательны, строги и *хотятъ всего того, и ничего болѣе, чего хотѣлъ Брандъ* и чего онъ требовалъ отъ людей, отъ родныхъ... Всѣ они проповѣдуютъ именно «Бога высотъ», проповѣдуютъ Голгоѳу, суровый идеализмъ; требуютъ безпощаднаго самоограниченія, отреченія, *ради служенія Богу*, отъ жены, дѣтей, отца и матери, отъ имущества, богатства и суеты... Всего, всего, *чего требовалъ Брандъ* и что составляетъ новизну и «реформаціонность» его личности. Все это старо, какъ міръ: строфы Ибсена Бранда, только могущественнѣе и прекраснѣе, есть у бл. Августина; совсѣмъ по Брандовски (почти въ тѣхъ же словахъ) это было выражено бл. Іеронимомъ. Помните, какъ онъ передавалъ о явившемся къ нему І. Христѣ, который потребовалъ отъ него, чтобы онъ отрекся отъ эллинизма и латыни, «пересталъ быть цицероніаниномъ»: или, въ противномъ случаѣ, пусть не носитъ имя «христіанина». Это—слишкомъ старо въ исторіи, это всеобще. Въ XIX вѣкѣ знаменитый архимандритъ Фотій въ русскомъ обществѣ проповѣдалъ съ неменьшей строгостью, чѣмъ ибсеновскій Брандъ, приблизительно то самое, поэтому «реформаціонность» Бранда есть просто прикраса. Это обыкновеннѣйшій ортодоксъ, но очень талантливый, пламенный, энтузіастъ *дѣла наравнѣ со словомъ*. Однако и не больше: никакой, *показанной Ибсеномъ*, новой конструкціи религіозныхъ представленій онъ не имѣетъ. И немудрено: авторъ не могъ вложить своему герою, чего онъ самъ не имѣлъ. Вѣдь если не ошибаюсь, Ибсенъ вовсе не религіозный реформаторъ... Объ этомъ не слѣдовало бы забывать гг. Свѣнцицкому, Эрну и Ельчанинову, которые устно и печатно выступили въ нашемъ обществѣ съ культомъ *личности и дѣла* Бранда.

Если бы Ибсенъ припомнилъ черты біографіи Григорія VII Гильдебрандта и прочелъ пушкинскаго «Анджело», онъ едва ли написалъ бы «Бранда»: ибо Брандъ укладывается въ которую-то изъ этихъ двухъ схемъ. Въ удачномъ и чистосердечномъ случаѣ, если онъ золото безъ прогаровъ,—это всетаки только «святой сатана», за которымъ слѣдовать мы сознательно не хотимъ. Во второмъ случаѣ, менѣе удачномъ, т.-е. если онъ только золотистъ снаружи и вотъ пока очень молодъ, а на самомъ дѣлѣ у него есть «червоточинки», личныя *свои* поползновенія, хотя бы и очень идеалистическія, но именно *свои*, онъ всего-навсего молодой

«Анджело» или,—скажемъ понятіями нашей исторіи,—Побѣдоносцевъ по выходѣ изъ училища правовѣдѣнія.

Кажется, истина лежитъ гдѣ-то въ серединѣ, на соединительной линіи между Гильдебрандтомъ и Анджело. Гильдебрандтъ, повернувшій весь католицизмъ на новый путь, конечно, что-то побольше ибсеновскаго персонажа, какъ побольше и самого Ибсена. Итакъ, Брандтъ ближе къ Анджело. Это ничего, что онъ замучилъ свою бѣдную жену и упрекалъ ее, что она привязана «еще къ идолу», къ этимъ вотъ остаткамъ платьица и игрушекъ своего умершаго ребенка. «Почему ты ко мнѣ *одному*, великому Бранду, не привязана, а привязана еще и къ памяти ребенка». Тутъ такъ и брежжется Анджело: Брандъ просто не любитъ жены своей, вяло ее любитъ; и это не ручательство, что этотъ господинъ подъ старость не заглядится на какую-нибудь... Вирсавію. Вѣдь опять же Давидъ, оставившій вѣковѣчные «псалмы», былъ что-то покрупнѣе и *подѣйствительнѣе* Бранда...

Въ концѣ-концовъ я думаю, что «Брандъ» претенціозное и поучающее произведеніе Ибсена, не весьма удачное даже въ литературномъ отношеніи, а въ религіозно-нравственномъ—глубоко-ложное...

Въ цѣляхъ діалектики приму на себя роль *вовсе невѣрующаго*, вотъ какъ Фохтъ или Молешотъ, и начну спорить съ «Брандомъ» и его русскими прозелитами. Это будетъ рельефнѣе разсужденій. Итакъ, Брандъ повелительно зоветъ меня «поклониться его Богу высотъ». Поклониться Богу суровому и взыскательному, который болѣе всего презираетъ человѣческія слабости, осуждаетъ самую человѣчность («гуманизмъ» въ пьесѣ) и требуетъ исполненія долга, долга и долга. «Долга» не въ отношеніи къ людямъ, а только въ отношеніи Себя, «Бога высотъ», неумолимаго и гремящаго идеалами, которыхъ, впрочемъ, *нигдѣ не формулируетъ и не опредѣляетъ*. Богъ этотъ есть еще Богъ до «откровенія», не давшій *людямъ* никакой заповѣди. Но собственное Его «божественное Лицо» не оставлено въ тѣни Ибсеномъ и Брандомъ. По Бранду, Богъ этотъ требуетъ страданія, самоотреченія, «Голгоѳы, которую каждый долженъ найти въ жизни своей, на пути своемъ». Почесываю затылокъ и отвѣчаю:

«Не только я не хочу никакого личнаго страданія и лично васъ, патеръ Брандъ, считаю служителемъ бѣсовскимъ: но еще и позволю себѣ призвать васъ съ вашимъ «Богомъ»—или, по моему, бѣсомъ,—къ суду юристовъ, совѣсти, науки или философіи, чего хотите. Страдать... *любить* страданія, *хотѣть* страдать, ха-ха-ха. Да я страдалъ даже когда рождался: тазъ матери, естественный человѣческій тазъ, такъ узокъ, что рожденіе подобно ушибу, и я началъ жизнь съ ушиба, потому что «Богъ» вашъ, а по-моему бѣсъ, не бросилъ страдалицамъ женщинамъ, рождающимъ дѣтей, такой для «всемогущества» Его, съ позволенія сказать корки плеснепевѣлаго хлѣба, какъ лишній дюймъ тазоваго отверстія. Мат мучилась, кричала,—моя милая и добрая матушка, которой ужъ я никак

не промѣняю ни на ваше самолюбіе, г. пасторъ, ни на вашего какого-то сдѣланнаго изъ чугуна и цемента «бога», по-моему же бѣса. Къ счастью, когда я происходилъ на свѣтъ и пока вашъ Богъ дремливо блаженствовалъ въ голубыхъ небесахъ, на грязной землѣ случился добрякъ-докторъ, вотъ изъ тѣхъ мелкихъ людишекъ, которыхъ вы такъ всемѣрно презираете, ваше тщеславное убожество: когда я не проходилъ черезъ тазъ матери, онъ далъ ей порошку secali, теръ ей животъ руками, старательно теръ, такъ что потъ катился. А когда она, наконецъ, родила, то весело и радостно засмѣялся и пошелъ мыть руки, весь грязный, загрязненный тѣмъ самымъ, чего ни божеское величество, ни пасторскія молитвы не постарались преобратить во что-нибудь пріятное, сладкое, душистое. Да, будь бы я Богомъ—усталъ бы рожденіе цвѣтами: вѣдь такое благодѣяніе для рода человѣческаго и всей земли. Но я вспоминаю доктора: мы были страшно бѣдны, когда я родился, и я не забуду разсказа матери, что этотъ немудрящій докторъ, помогшій моему рожденію, положилъ желтенькую бумажку, старый нашъ русскій рубль, ей подъ подушку: ужъ не знаю, на пищу роженицѣ или на лѣкарство, имъ прописанное. Такъ я понимаю, что этотъ врачъ, по вашему—ничтожнѣйшій человѣчишко, былъ «гора», имѣлъ «горную вѣру», да и самъ, пожалуй, какъ нѣкій святой, ангелъ, стоялъ «на горѣ» (призывъ Ибсена): ибо, очевидно, онъ такъ не съ матерью моей одной поступилъ, а имѣлъ обыкновенную и сѣренькую привычку со всѣми такъ же поступать: съ богатаго возьметъ, бѣдному дастъ. Ну и ужъ если вы призываете меня «къ религіи» (тезисъ Ибсена и Бранда), то я по Огюсту Канту, и его «религіи человѣчества» буду что ли зажигать лампадку или запишу въ свои домашнія «святцы» вотъ этого доктора. Сперва, конечно, мою матушку, ибо она не только дала мнѣ жизнь, но и никогда-то ни въ чемъ меня не обидѣла и отъ многаго худого спасла; а затѣмъ около ея имени—проставлю вотъ и имя этого уѣзднаго врача. Но ни Бранда, ни его «Бога высотъ» въ «святцы» свои не запишу: и по простой причинѣ, что не чувствую себя нисколько имъ обязаннымъ. Напримѣръ, матушка еще выходила меня отъ скарлатины, которая налетѣла на меня, когда мнѣ было семь лѣтъ. У меня сохранилось одно впечатлѣніе, какъ лупилась кожа на шеѣ и отходила цѣлыми тряпочками, и я такъ любилъ ее сдирать. Но мать передавала, до чего она боялась за меня. Скажите, пожалуйста, кого же мнѣ благодарить или кому свѣчки ставить, матушкѣ ли, которая меня выходила, или вашему «Богу», который наслалъ на меня такую гадость, какъ скарлатина... наслалъ въ семь лѣтъ, когда, ей же ей, я еще не успѣлъ нагрѣшить. Правда, вы, г. Брандъ, говорите въ довольно неуклюжихъ стихахъ, что

Богъ на внуковъ
За дѣдовъ грѣхъ взысканье налагаетъ.

Но это такая юриспруденція, передъ которой всякій даже нетрезвый мировой судья попятился бы. Во всякомъ случаѣ я не понимаю, за что

я долженъ «бить лбомъ» передъ вашимъ идоломъ. Вы говорите: «Голгоѳа», «неси Голгоѳу», ибо вотъ и «Христосъ ее несъ». Позвольте: Христосъ за то, что Онъ «былъ вознесенъ на крестъ», и именно въ связи съ этимъ и по основанію этому, получилъ всѣ царства земныя въ обладаніе, какъ и предвидѣлъ это самымъ точнымъ образомъ: «егда вознесусь—тогда *всѣхъ привлеку къ Себѣ*»,—говорилъ онъ,—а церковь изъясняетъ, что «подъ вознесеніемъ здѣсь Іисусъ разумѣлъ распятіе Свое, которое, такимъ образомъ, предсказалъ». Слишкомъ понятно, что суточное страданіе Онъ—безсмертный и вѣчный—взялъ, чтобы за него пріобрѣсти тысячелѣтнее царство. Всѣ мы, христіане, весь цивилизованный міръ, и носимъ на шеѣ печать Іисусову, какъ бы свидѣтельство подданства Его царству. Но вотъ у меня четверо братишекъ и сестренокъ до двухъ лѣтъ померло: все «родимчикомъ» или «отъ зубковъ». Никакъ я не могу повѣрить, чтобы они все «за грѣхи мамаши помирали», ибо мамаша одна, а ихъ четверо. Вѣдь это брать 400 процентовъ: ни одинъ закладчикъ столько не беретъ, и наши милосердные законы даже запрещаютъ то, что «небесное милосердіе» преспокойно взыскиваетъ. Но я поповскому разсужденію насчетъ взысканія «съ внуковъ», поповскому и ибсеновскому, вовсе не вѣрю; и думаю, что тутъ вовсе не «мамаша», а просто—*такъ:* «умеръ и баста». Ужасно. Если, наприм., крупъ, то ребенокъ отъ медленно затягивающейся пленкою дыхательной щели медленно задыхается. Медленно задыхается, ребенокъ... Ну, хоть бы сразу, какъ разбойникъ ножомъ по горлу—чиркъ и кончено. Для чего же «медленно»-то затягивать, это на случай «всемогущества»... Вы говорите—«Голгоѳа»: да крупъ ужаснѣе Голгоѳы, ибо, во-первыхъ, длительнѣе ея, да и самая сущность задыханія, право же, тяжелѣе. Но счетъ ужасно неправиленъ, это счетъ какого-то мошенническаго банка: ибо четыре мои братишки и сестренки ровно ничего не получили за дѣтское свое страданіе, тогда какъ тамъ за сутки страданія все же «царства земныя», о соблазнительности которыхъ даже и для Іисуса зналъ искуситель: иначе не поманилъ бы Его ими, «показавъ во мгновеніи времени». Знаете, до 33 лѣтъ Іисусъ вовсе не хворалъ, объ этомъ не записано, да и кажется по существу это невозможно. Многіе ли изъ насъ похвалятся этимъ. Сколько умираетъ до 33 лѣтъ. Какую же «награду» приняли всѣ эти задохшіеся, съ разорвавшимися сердцами, умершіе отъ уреміи, воспаленій и проч., и проч. Нѣтъ, вѣрно греки недаромъ именовали боговъ своихъ «οἱ μάκαρες θεοί», «счастливые боги»... Воистину, «счастливое божество»: себѣ—все, человѣку — ничего, себѣ—вѣчная жизнь, намъ—60 лѣтъ какой-то толчеи, ни ладно, ни неладно, день—сытъ, день—голоденъ, и, главное, эти ужасныя болѣзни, да еще выпадающія при нуждѣ. Нѣтъ, ужъ если поклоняться (какъ Ибсенъ и Брандъ требуютъ) «Голгоѳѣ» или тамъ «страданію» вообще, то потрудитесь-ка небеса поклониться землѣ: ибо «небеса»—они какія-то чугунныя, или ужъ очень «праведныя», что ли: ни трескаются, ни болѣютъ. Пролетитъ комета, промететъ хвостомъ—и ничего. Все имъ «ничего», этимъ

небесамъ: а на землѣ—землетрясеніе, вулканы, голодъ, холера, ужасы и гадости. То ужъ если «страданію» поклоняться, то пусть пасторъ Брандъ, еще молоденькій и такой кругленькій, счастливенькій, полижетъ у меня ноги, а его «Богъ высотъ» пусть поползаетъ здѣсь на землѣ, и если Онъ вправду «всемогущъ», то пусть хоть додѣлаетъ тамъ, гдѣ у докторовъ, у экономистовъ и проч. «нехватка», т.-е. поможетъ тамъ, гдѣ они и стараются, и потѣютъ—да не выходитъ... Что, отговариваетесь. Пасторъ Брандъ такъ гордъ, что не хочетъ поклониться, а требуетъ, чтобы ему поклонялись. И о «Богѣ высотъ» разсказываетъ, что Онъ, правда, всемогущъ, но не станетъ же заниматься такими пустяками, какъ помощь роженицамъ или разрѣшеніе экономическаго вопроса. Но въ такомъ случаѣ, пожалуйста же, оставьте насъ въ покоѣ, оставьте вообще всю землю съ вашими выспренностями и якобы «идеализмомъ», который мнѣ представляется преестественной гадостью. И знаете что: я думаю, что Брандъ вовсе не «служитель Бога вышняго», а служитель грошоваго своего «я», и что прежде всего о Богѣ-то неисповѣдимомъ онъ не имѣетъ никакого представленія, ни малѣйшаго понятія. Ибо сотворившій океаны, луга, всѣхъ тварей на землѣ и въ воздухѣ, въ голубомъ воздухѣ и голубомъ морѣ, никакъ не могъ бы сотворить ихъ для Голгоѳы, скарлатины и холеры: что все это пришло *внѣ Бога и не отъ Бога*, а отъ злого духа,—и Брандъ оттого такъ и безобразенъ, и золъ, хотя и запасся «революціоннымъ аттестатомъ» для пропуска въ современный свѣтъ, что онъ есть служитель злого духа. Такой когда-то гулялъ по землѣ въ сатанѣ, а теперь примѣриваетъ рабочій пиджакъ. Но это все равно: онъ безобразенъ и золъ».

Post scriptum (послѣ представленія въ Михайловскомъ театрѣ).

Желая провѣрить свои мысли, высказанныя подъ литературными впечатлѣніями *въ чтеніи*, я отправился на представленіе пьесы. И нахожу, что нужно кое-что *переиначить, перекроить* въ моихъ взглядахъ, не отказываясь ни мало отъ нихъ, какъ отъ *опредѣленныхъ религіозныхъ тезисовъ*. Но дѣло въ томъ, что въ дивномъ изображеніи Художественнаго театра Брандъ показанъ менѣе «идеалистомъ-реформаторомъ», нежели патологическимъ субъектомъ, съ крайне плохой прогностикой. А «съ больныхъ не спрашиваютъ». Все время, пока этотъ начинающій дѣятель расправлялся съ матерью, женою и ребенкомъ (которыхъ всѣхъ уморилъ), и ломался съ бургомистромъ, врачомъ матери, которые всѣ умнѣе и лучше его,—глубокое презрѣніе стояло въ душѣ моей и губы шептали невольно: «негодяй». И только судорожно сведенное лицо его, показывавшее не «глубокія идеи», а глубокое страданіе въ самомъ обыкновенномъ медицинскомъ смыслѣ, заставляло сказать о немъ словами молитвы Господней: «оставимъ ему *долги* его»... *Лично и за себя* онъ не только ни одного «долга» не исполнилъ, но ему даже и на умъ не приходитъ, что ближніе тоже что-нибудь въ правѣ отъ него потребовать. Замѣчательно, что вся

публика смотрѣла на него явно непріязненно: послѣ первыхъ двухъ актовъ не было ни одного вызова. Только когда появляется оттѣняющій его *карикатурный* пасторъ, въ бѣлой шляпѣ, тунеядецъ и риторъ, *на фонѣ этой карритуры* Брандъ начинаетъ нравиться. Захлопала публика, и съ нею хлопалъ и я: таково непосредственное ощущеніе. Лучше, конечно, ужъ больной, нежели мошенникъ. Рѣчь его къ народу хороша, и все это время, пока онъ ведетъ, т.-е. *начинаетъ* вести народъ вверхъ, въ горы, къ «снѣжному храму»—онъ нравится, и почти забываешь, что это—больной. Но затѣмъ все кончается катастрофой: «пророка» засыпаетъ лавина, съ неба слышенъ голосъ: «Deus est Deus caritatis», а фея горъ, манящая героя «въ высь», оказывается искусителемъ, т.-е. приблизительно злымъ духомъ, какъ я и выразился въ статьѣ своей, не видавъ еще пьесы на сценѣ. Въ концѣ-концовъ мнѣ кажется, что это слабое произведеніе Ибсена, въ которомъ авторъ «не свелъ концовъ съ концами», и едва ли самъ зналъ опредѣленно, что онъ хотѣлъ сказать своимъ Брандомъ и что за лицо онъ выставилъ въ немъ.

В. Розановъ.

1906—7 годъ въ русской музыкальной жизни.

Приступая къ своему очерку, мы прекрасно сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, уловить и фиксировать характерныя черты годовой музыкальной жизни какой-либо страны, хотя бы живущей гораздо болѣе интенсивной музыкальной жизнью, чѣмъ Россія, почти не мыслимо: музыка—самое далекое отъ жизни искусство, самое неопредѣленное изъ искусствъ, а главное, на всемъ земномъ шарѣ за годъ пишется и исполняется такъ мало музыки, что подмѣтить новыя теченія музыкальной жизни въ годовой срокъ можно лишь тогда, когда они скажутся слишкомъ выпукло и ярко. Однако минувшій революціонный годъ,— годъ широкаго общественнаго подъема и пробужденія, всколыхнулъ русскую народную жизнь до дна и оставилъ такіе глубокіе слѣды рѣшительно во всѣхъ областяхъ этой жизни, что ни наука, ни искусство не могли избѣжать напора новыхъ вѣяній и всеобщаго подъема жизненной энергіи. Къ нашему глубокому удивленію этотъ подъемъ энергіи, обыкновенно привѣтствуемый во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ музыкальной жизни встрѣтилъ не только малое сочувствіе общества, но даже прямое осужденіе. Наша прогрессивная печать усмотрѣла въ ростѣ самосознанія музыкантовъ и въ нѣкоторомъ оживленіи музыкальной жизни признаки реакціи и осудила, даже жестоко осудила то, что, думается намъ, заслуживаетъ только поддержки. Начали говорить даже объ «эстетическомъ сдвигѣ» (см. статью г. Маловѣра въ *Товарищѣ*), къ которому отнеслись, конечно, совершенно отрицательно и къ которому иначе и отнестись нельзя было бы, если бы дѣйствительно искусство сдѣлалось броней, защищающей человѣчество отъ натиска общественныхъ заботъ. Однако намъ кажется, что здѣсь забили тревогу понапрасну, ибо, если и были попытки навязать искусству такую роль, онѣ были, во-первыхъ, единичными, а, во-вторыхъ, и это главное, онѣ явились лишь естественнымъ протестомъ противъ требованій полнаго закрѣпощенія человѣка политикой, требованій невыполнимыхъ потому, что, хотя «человѣкъ и есть животное общественное», однако у него есть и личная жизнь, всецѣло отказаться отъ которой ему не по силамъ...

Среди важнѣйшихъ явленій общественной жизни послѣднихъ лѣтъ одно

изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ колоссальный ростъ профессіональнаго движенія. Мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстныя доказательства важности и пользы профессіональнаго движенія и укажемъ только, что и въ области музыки профессіональному движенію суждено сыграть крупную роль. Ни для кого не тайна, что культурный уровень музыкантовъ очень низокъ, но, конечно, многихъ удивитъ то, что иначе и быть не можетъ при существующихъ условіяхъ музыкальнаго труда. Пріобрѣтеніе музыкальной техники и самыхъ поверхностныхъ музыкальныхъ знаній поглощаетъ у музыканта все свободное время въ годы обученія музыкѣ. А прямо со школьной скамьи онъ долженъ идти зарабатывать себѣ пропитаніе, на что также уходитъ почти все время. Ибо, знаютъ ли широкіе слои населенія, что наши провинціальные хористы и оркестровые музыканты работаютъ по одиннадцати (!!) часовъ въ сутки? Знаютъ ли они, что у нихъ нѣтъ праздниковъ на недѣлѣ, а по воскресеньямъ работа двойная и почти нѣтъ праздниковъ экстренныхъ? Знаютъ ли они, что при этомъ заработокъ музыкальнаго пролетаріата въ иныхъ театрахъ не превышаетъ 40 рублей въ мѣсяцъ съ безчисленными вычетами и штрафами за всякую мелочь? Да и въ столицахъ дѣло не многимъ лучше. Взгляните когда-нибудь на костюмы нашихъ хористовъ и хористокъ, когда они расходятся послѣ репетицій или спектаклей по домамъ, и вы увидите какъ скудно оплачивается музыкальный трудъ. Въ № 7 *Музыкальнаго Труженика*,—«хористка»,—указавъ на условія своего труда, справедливо спрашиваетъ,—какъ же можно «съ надорванными, ослабѣвшими голосами и едва держась на ногахъ» исполнять свои трудныя партіи толково и съ любовью. Мы всѣ склонны требовать отъ исполнителей вдумчивой и толковой работы, но мы не думаемъ и не можемъ даже думать, есть ли налицо условія для такой работы исполнителей. И достигнуть этихъ условій могутъ лишь сами музыкальные паріи черезъ объединеніе и подъемъ самосознанія. Пусть читатель не думаетъ, что мы сгустили краски, описывая участь музыкальнаго пролетаріата. Мы, наоборотъ, оставили въ сторонѣ наиболѣе обездоленный разрядъ музыкальныхъ дѣятелей—пѣвчихъ и ихъ регентовъ, отъ которыхъ мы тоже склонны требовать благоговѣйнаго увлеченія своей работой. Эти условія существованія представителей музыкальнаго труда должны быть улучшены, и въ такомъ улучшеніи кроется корень процвѣтанія роднего искусства, ибо приличное матеріальное состояніе даетъ досугъ для болѣе вдумчивой работы, а облегченіе труда сдѣлаетъ его болѣе художественнымъ. Вотъ почему мы и привѣтствуемъ профессіональное движеніе среди музыкантовъ, выразившееся пока вовнѣ очень слабо, но уже нарастающее и сдѣлавшее въ отчетномъ году большіе успѣхи. У музыкантовъ появился въ этомъ году и свой профессіональный журналъ *Музыкальный Труженикъ*, освѣтившій уже нѣкоторыя мрачныя стороны музыкальной жизни и тѣмъ указавшій на многія необходимыя реформы, которыя не могутъ не улучшить положеніе отечественнаго музыкальнаго дѣла...

Другое важное вѣяніе послѣдняго времени—стремленіе къ демократиза-

ціи, къ пріобщенію къ благамъ культуры широкихъ слоевъ населенія. И это теченіе ясно намѣтилось въ музыкальной жизни послѣдняго года. Въ этой области отмѣтимъ рядъ общедоступныхъ концертовъ въ Москвѣ. Прежде такіе концерты бывали спорадическими, теперь же кружокъ молодыхъ музыкантовъ далъ цѣлый рядъ вполнѣ доступныхъ по платѣ, серьезныхъ концертовъ, которые усердно посѣщались демократическими элементами и имѣли большой успѣхъ.

Отмѣтимъ еще нарожденіе періодической прессы для музыкальнаго самообразованія (журналъ *Музыкальное Самообразованіе*) и появленіе ряда общедоступныхъ книжекъ по музыкѣ (Маслова, Оссовскаго и другихъ).

Еще болѣе крупнымъ факторомъ въ дѣлѣ популяризаціи музыкальныхъ знаній, факторомъ колоссальной важности является открытіе въ Москвѣ первой народной консерваторіи. Народная консерваторія открылась въ качествѣ автономной секціи народнаго университета, разсчитана на такія же широкія народныя массы, какъ и онъ, и ставитъ себѣ тѣ же цѣли духовнаго ихъ просвѣщенія. Планъ обученія въ ней подраздѣленъ на двѣ части: a) музыкально-образовательные курсы, долженствующіе давать краткую энциклопедію музыкальныхъ знаній, на основѣ широко поставленнаго хорового класса, и b) высшіе курсы для особенно талантливыхъ, прошедшихъ образовательные курсы. При этихъ курсахъ открыты классы сольнаго пѣнія и игры на различныхъ инструментахъ, регентскій классъ и т. д. Въ преподаваніе введено изученіе народной русской пѣсни, а также народной пѣсни другихъ націй, ибо народная пѣсня легла въ основу всей современной музыки. Это изученіе мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что народная пѣсня до послѣдняго времени была не только въ забросѣ вообще, но и совсѣмъ не изучалась и не изучается въ спеціальныхъ музыкальныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ она сопровождала издавна всю жизнь народа. На Западѣ она легла въ основу католической церковной музыки, нѣкоторыя произведенія которой носили даже названія по пѣснямъ, легшимъ въ ихъ основу. Народная пѣсня «L'homme armé» послужила темой для 19-ти мессъ. Лютеръ положилъ въ основу протестантскихъ хоровъ также народную пѣснь. Однако въ чистомъ своемъ видѣ народная пѣснь на Западѣ почти вымерла, хотя повліяла замѣтно и на свѣтскую музыку. Не то у насъ. У насъ, къ счастью, она еще уцѣлѣла кое-гдѣ и не повсюду замѣнилась возмутительной «частушкой». Кое-какія пѣсни собраны, другія собираются и теперь, но много еще сокровищъ не записанныхъ. Изученіе того, что произвелъ русскій народъ, дало поразительные результаты. Оказалось, что русскій народъ глубоко музыкаленъ и, помимо удивительной красоты мелодіи, далъ въ своихъ пѣсняхъ образцы самобытнаго и чрезвычайно красиваго контрапункта, т.-е. сочетанія нѣсколькихъ самостоятельныхъ мелодій. Сочетаніе это требуетъ огромной музыкальности, ибо каждый пѣвецъ даетъ свою собственную импровизацію въ видѣ «подголоска» къ главной мелодіи. Эти-то указанія на природную музыкальность русскаго народа и даютъ надежды на процвѣтаніе народной консер-

ваторія и заставляютъ вѣрить, что народная среда подаритъ намъ еще не мало талантовъ, теряющихся теперь понапрасну. Конечно, осуществить эту задачу можетъ не одна консерваторія, а цѣлая сѣть ихъ, но важенъ починъ, а за продолжателями дѣло не станетъ. Къ сожалѣнію, въ первомъ же году своей жизни это полезное дѣло встрѣтило преграды и преграды совершенно неожиданныя. Немногочисленная группа преподавателей народной консерваторіи уже успѣла повздорить между собой изъ-за различнаго пониманія идеи демократизаціи искусства.

Одна часть преподавателей находитъ особенно важнымъ изученіе хоровыхъ произведеній и теоретическихъ матеріаловъ, а другая особенно настаиваетъ на демократизаціи игры на сольныхъ инструментахъ и сольнаго пѣнія, конечно, также на основѣ хоровыхъ классовъ. Это, казалось бы, не слишкомъ существенное разногласіе повело однако къ обостренію отношеній и безконечной литературной полемикѣ, которая въ свою очередь вноситъ разладъ и въ отношенія учащихся къ учащимъ. Хотя наше время и является временемъ обостренныхъ и повышенныхъ чувствъ, однако мы не можемъ не винить организаторовъ благого дѣла и думаемъ, что изъ-за преданности прекрасной идеѣ, можно было бы нѣсколько лучше владѣть собою, а главное, не вносить въ этотъ разладъ своихъ личныхъ раздоровъ. Лично мы находимъ, что для того, чтобы развить несомнѣнно заложенное въ народѣ чувство изящества и сдѣлать ему доступнымъ и понятнымъ, хотя бы сложное, музыкальное произведеніе, достаточно энциклопедическихъ свѣдѣній по музыкѣ и знакомства съ выдающимися образцами художественнаго творчества.

Исторія искусства на Западѣ, думается намъ, ясно показала, что поднимаетъ музыкальный уровень націи не изученіе игры на сольныхъ инструментахъ, а именно различные пѣвческіе кружки и хоровые классы въ низшихъ и среднихъ школахъ. Вспомните исторію музыкальнаго дѣла въ Германіи и, особенно, въ Чехіи, которая играетъ теперь выдающуюся роль въ музыкальной жизни всего міра. При подъемѣ же общаго музыкальнаго уровня въ странѣ и обученіе игрѣ на сольныхъ инструментахъ приноровится къ спросу, и Россія займетъ въ музыкальномъ мірѣ почетное мѣсто, заслуженное ею, судя и по непосредственному творчеству народа и по художественному творчеству, которое, народившись значительно менѣе ста лѣтъ назадъ, заняло видное и, главное, независимое положеніе среди творчества другихъ народовъ.

Таковы признаки благотворнаго отраженія широкаго общественнаго движенія послѣдняго времени въ области музыки. Но сверхъ указаннаго яркаго вліянія освободительное движеніе дало себя чувствовать въ общемъ подъемѣ и интереса музыкантовъ къ своему искусству, что имѣло слѣдствіемъ возникновеніе цѣлаго ряда новыхъ художественныхъ предпріятій, дѣятельности которыхъ мы и коснемся ниже, переходя къ собственно-музыкальной жизни истекшаго года. Пока же отмѣтимъ, какъ полную противоположность оживленію частной инициативы удивительный застой въ дѣяте-

ности главнаго разсадника музыкальной культуры Россіи—Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества, которое въ отчетномъ году отчасти по недостатку средствъ, а вѣрнѣе, по своей сомнительной и нежизнеспособной конструкціи почти не проявляло дѣятельности и даже вынуждено было отказаться отъ традиціонныхъ симфоническихъ концертовъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ дало рядъ мало интересныхъ концертовъ съ мало интересньмъ дирижеромъ и неинтересными солистами.

Такъ какъ причины этого застоя являются хроническими и дѣло музыкальнаго просвѣщенія Россіи, несомнѣнно, идетъ къ упадку, на что имѣются безчисленныя указанія въ спеціальной прессѣ, и такъ какъ кризисъ чувствуетъ и сама главная дирекція русскаго музыкальнаго общества, судя по недавно разосланному по провинціальнымъ отдѣленіямъ общества циркуляру, то мы позволимъ себѣ вкратцѣ указать нѣкоторые дефекты организаціи русскаго музыкальнаго общества и намѣтить пути желательныхъ реформъ, часть которыхъ даже осуществлена въ истекшемъ году, благодаря временнымъ правиламъ о дарованіи автономіи художественнымъ совѣтамъ музыкально-педагогическихъ учрежденій.

Однако и эти правила, составленныя келейно-бюрократическимъ способомъ, оставляютъ желать многаго, и при этомъ организація всего дѣла осталась прежней, такъ что главныя причины кризиса остались налицо.

Прежде всего не кажется ли страннымъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ то, что Императорское русское музыкальное общество находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, у котораго и безъ него слишкомъ разносторонній и широкій кругъ вѣдомства. Мы увѣрены, что не найдется ни одного сторонника этой зависимости отъ министерства полиціи и что намъ не придется доказывать необходимость передать управленіе художественными учрежденіями въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ призванное руководить всѣми культурными начинаніями страны. Затѣмъ, естественно, что правительство должно отпускать на нужды русскаго музыкальнаго общества гораздо болѣе значительную сумму, чѣмъ теперь, ибо теперешней субсидіи нехватаетъ на покрытіе и пятой доли минимальныхъ расходовъ музыкально-педагогическихъ учрежденій. Намъ кажется лишнимъ опять и опять указывать на культурное значеніе искусства вообще и музыки въ частности, и мы укажемъ только, что русское музыкальное общество является главнымъ рычагомъ музыкальнаго просвѣщенія Россіи. Онъ имѣетъ болѣе тридцати отдѣленій и почти столько же музыкально-педагогическихъ учрежденій съ пятью тысячами учащихся. О ничтожности теперешнихъ субсидій правительства свидѣтельствуетъ, напримѣръ, субсидія московской консерваторіи: она получаетъ двадцать тысячъ въ годъ, кіевское отдѣленіе (408 учащихся)—пять тысячъ и т. д.

При такихъ условіяхъ приходится, естественно, суживать свою дѣятельность и прибѣгать къ нелѣпому источнику доходовъ. Источникъ этотъ таковъ: каждое отдѣленіе состоитъ изъ: a) почетныхъ членовъ (лица, отличающіяся особыми музыкальными достоинствами); b) членовъ соревно-

вателей и с) дѣйствительныхъ. Всѣ они изъ своей среды выбираютъ дирекцію отдѣленія. Второе и третье званіе добывается взносомъ опредѣленной денежной суммы, что и ведетъ къ тому, что дирекцію составляютъ меценаты и толстосумы, обязанные пещись о матеріальномъ благосостояніи отдѣленія, что, конечно, далеко не всегда идетъ рука объ руку съ его художественнымъ процвѣтаніемъ. Этотъ порядокъ является неестественнымъ. Прежде отъ этой мѣстной дирекціи зависѣло назначеніе директора музыкальнаго училища, что, конечно, не гарантировало его доброкачественности. По іюльскимъ «временнымъ правиламъ» объ автономіи музыкально-педагогическихъ заведеній выборъ директора теперь принадлежитъ художественнымъ совѣтамъ, что можетъ повлечь выборъ лица неугоднаго дирекціи, а это, въ свою очередь, можетъ привести къ отказу дирекціи дѣлать подачки и къ банкротству отдѣленія. Признаки подобнаго давленія дирекцій замѣтны въ истекшемъ году. По уничтоженіи матеріальной зависимости отъ лицъ, часто совершенно чуждыхъ искусству, музыкально-педагогическія учрежденія свободнѣе будутъ въ состояніи заботиться о своемъ процвѣтаніи. Этому же помогутъ хотя и «куцыя временныя правила» объ автономіи художественныхъ совѣтовъ, которыми расширяется компетенція художественнаго совѣта въ ущербъ ранѣе могущественной власти директора и дирекціи. Къ сожалѣнію, первый годъ автономіи почти не далъ результатовъ: составъ совѣтовъ привыкъ къ пассивности, и почти ничего для улучшенія учебнаго дѣла не сдѣлано. А между прочимъ путь реформъ какъ бы подсказанъ дѣятельностью автономныхъ совѣтовъ университета: свобода обученія, свобода преподаванія и переработка учебныхъ плановъ, сообразно новымъ условіямъ музыкальной жизни—вотъ то плодотворное поле дѣятельности, которое открылось въ минувшемъ году передъ художественными совѣтами. Требуется реформированіе всего строя музыкальной жизни, чтобы воспитать новыя силы, способныя поднять падающее музыкальное дѣло Россіи, ибо во всѣхъ областяхъ музыкальной дѣятельности сказывается малая подготовленность музыкальныхъ дѣятелей къ своей роли. А общій музыкальный уровень страны растетъ и будетъ расти непрерывно и параллельно этому росту растутъ требованія, предъявляемыя страной къ музыкантамъ...

Мы не можемъ сейчасъ рѣшить, отразилось ли широкое общественное движеніе въ музыкѣ, такъ какъ, повторяемъ, музыка—искусство наиболѣе далекое отъ жизни, и притомъ произведенія, написанныя въ текущемъ году въ большинствѣ случаевъ еще не изданы и не исполнены; но болѣе чѣмъ возможно, что революціонный періодъ дастъ отраженіе въ музыкѣ, какъ давала его предреволюціонная эпоха. Къ счастію, музыка въ противовѣсъ изящной литературѣ избѣгла механическаго соединенія съ эпизодами текущей жизни въ той области, гдѣ это могло случиться,—я разумѣю оперу. Однако, въ разношерстномъ репертуарѣ оперныхъ театровъ можно подмѣтить двѣ характерныя и связанныя съ текущимъ моментомъ черты: разгулъ опереточной вакханаліи, съ одной стороны, и повышеніе спроса

на реалистическую оперу—съ другой. Первое явленіе, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ революціоннымъ періодомъ: помимо другихъ специфическихъ чертъ опереточнаго жанра, особенно притягательную силу получаетъ присущій опереткѣ сатирическій элементъ; другое явленіе объясняется тѣмъ, что, хотя часть публики ищетъ въ искусствѣ отвлеченія отъ жизни, другая ея часть хочетъ видѣть и на сценѣ нѣкоторое подобіе жизни и даже какіе-либо отголоски современности. Только этимъ и можно объяснить появленіе вновь на сценѣ и успѣхъ «Вильгельма Теля» Россини. Здѣсь, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ чисто случайномъ и поверхностномъ отношеніи къ оперѣ, которое сдѣлало недоступной для русскаго музыканта и любителя «Жизнь за царя», которую нѣкоторымъ группамъ населенія угодно было превратить изъ національнаго художественнаго сокровища въ поводъ къ дикимъ «истинно-русскимъ» манифестаціямъ. Переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнію опернаго репертуара Россіи, отмѣтимъ среди оперъ излюбленнаго и избитаго стараго репертуара слѣдующія постановки: изъ русскихъ—новая опера Н. А. Римскаго-Корсакова «Сказаніе о градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи» (Петербургъ), «Каменный гость» Даргомыжскаго (Москва), «Хованщина» Мусоргскаго (Москва—частная опера) и изъ иностранныхъ—постановка полностью тетралогіи Вагнера «Кольцо Нибелунговъ», въ Петербургѣ (до этого года тетралогія у насъ исполнялась лишь въ Ригѣ, да 19 лѣтъ назадъ гастрольной труппой Неймана въ Петербургѣ). Мы проходимъ молчаніемъ постановку заслуживающей полнаго вниманія оперы Р.-Корсакова «Кащей», потому что она ставилась въ экзаменаціонный спектакль петербургской консерваторіи и поэтому явилась въ непривлекательномъ видѣ. Умалчиваемъ и о появленіи на сценѣ театра Зимина (Москва) цѣлаго ряда новыхъ, но мало интересныхъ оперъ Мессаже («Клеманъ Маро»), Гиршмана («Роланда»), хотя этотъ авторъ и обратилъ на себя вниманіе несомнѣннымъ гармонизаціоннымъ талантомъ, Леонковалло («Богема») на сценѣ рижскаго театра—д'Альбера («Solo на флейтѣ»), въ Гельсингфорсѣ—Брюно, Леру и т. д. Пропускаемъ и появленіе въ Москвѣ быстро прекратившей свою жизнь «Комической оперы», давшей нѣсколько оперъ малоупотребительнаго въ Россіи комическаго жанра—«Кади» (Тома), «Фрина» (С.-Санса) и другія. Не указываемъ на любопытную съ точки зрѣнія косности дирекціи Императорскихъ театровъ постановку «Садко» (Р.-Корсакова) на сценѣ Большого театра въ Москвѣ; постановка эта вышла какъ бы юбилейной, ибо уже десять лѣтъ назадъ опера была поставлена въ Москвѣ же на сценѣ частной оперы. Оставляемъ безъ вниманія и постановку оперы Лорцинга «Царь-плотникъ» (Петербургъ—Народный домъ), ибо опера эта достаточно устарѣла и постановка ея любопытна только тѣмъ, что опера эта до «дней свободы» была запрещена къ постановкѣ.

На постановкѣ же указанныхъ четырехъ оперъ останавливаемся потому, что: a) онѣ появляются въ репертуарѣ нашихъ театровъ слишкомъ рѣдко и b) онѣ характеризуютъ собою различныя господствующія тенден-

ціи въ области современной оперы и являются плодами зрѣлой, сознательной работы авторовъ, на что имѣются собственныя ихъ указанія. Напримѣръ, «Каменный гость» имѣлъ лишь нѣсколько представленій въ Москвѣ (92—93 гг.—опера Прянишникова) и въ Петербургѣ (72 годъ), «Сказаніе о градѣ Китежѣ» только что вышло изъ-подъ пера композитора и поставлено лишь въ Петербургѣ, «Хованщина» почти не появлялась на сценѣ, а «Кольцо Нибелунговъ» знакомо частями, да и то лишь въ столицахъ. Между тѣмъ значеніе этихъ оперъ въ исторіи русскаго искусства огромно и, повторяю, это работа зрѣлыхъ художниковъ, въ которыхъ нашли выраженіе ихъ глубоко-продуманныя теоріи. «Нибелунги» и «Тристанъ», особенно первые, являются полнымъ воплощеніемъ идеи «музыкальной драмы», что указано самимъ Р. Вагнеромъ въ статьѣ «Zukunftmusik». «Сказаніе о градѣ Китежѣ», вмѣстѣ съ «Садко»—апоѳеозъ пѣсеннаго стиля Римскаго-Корсакова, который выступилъ и теоретикомъ этого стиля въ предисловіи къ «Садко». Въ «Каменномъ гостѣ» Даргомыжскому удалось воплотить свой принципъ: «хочу, чтобы звуки выражали слова, хочу правды», и это воплощеніе онъ ставилъ высоко: «никто не станетъ этого слушать. Но чѣмъ же я-то хуже другихъ? *Для меня не дурно,*—писалъ онъ въ 66 году. «Хованщина» же Мусоргскаго отчасти примыкаетъ къ «Каменному гостю», ибо авторъ тоже хотѣлъ схватить «настроеніе рѣчи человѣческой», «правду, какъ бы она ни была солона». Однако, Мусоргскій искалъ, главнымъ образомъ, не воплощенія «слова», какъ Даргомыжскій, а настроеній всей «рѣчи», сообразно чему онъ болѣе увлекается психологической стороной, особенно психологіей массъ народныхъ. Онъ стремился искать и изучать «въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ тончайшія черты, никѣмъ еще не схваченныя», и хотѣлъ «ими кормить человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, котораго еще не пробовали». Въ этомъ—его отличіе отъ Даргомыжскаго. Указанныя три теченія являются господствующими въ современной оперной литературѣ всѣхъ странъ и одновременно такъ отличны другъ отъ друга, что на этой разницѣ мы считаемъ нужнымъ остановиться.

Въ основѣ всѣхъ трехъ теченій лежитъ стремленіе къ музыкальной правдѣ. Стремленію этому положено начало еще отдаленными предшественниками названныхъ выше композиторовъ. Во главѣ ихъ стоитъ Христофоръ Глюкъ, который первый выдвинулъ то положеніе, что опера есть прежде всего драма, и что идеалъ ея—правда музыкальнаго выраженія. Если Глюкъ часто прибѣгалъ къ исправленіямъ или искаженіямъ текста тѣхъ французскихъ трагедій, на сюжеты которыхъ онъ писалъ, онъ все же позволялъ себѣ это только вслѣдствіе необходимости этихъ измѣненій по условіямъ музыкальной рѣчи. Идеи Глюка породили цѣлую группу менѣе талантливыхъ произведеній, авторы которыхъ ставили себѣ тѣ же цѣли. Авторы эти Сальери, Мегюль, Керубини, отчасти Россини, и, наконецъ, онѣ же дал отправный пунктъ идеямъ Рихарда Вагнера. Цѣнность идей Вагнера с знавалась и Даргомыжскимъ, который считалъ, что Вагнеръ «указывае

дорогу новую и дѣльную» (письмо къ Сѣрову). Однако, самъ онъ не пошелъ по дорогѣ Вагнера и пробилъ себѣ собственный путь. Вагнеръ въ своемъ безудержномъ увлеченіи музыкальной драмой считалъ, что всѣ искусства въ будущемъ сольются въ ней одной, и даже считалъ, что литературная драма отжила свой вѣкъ. Но основой этого сліянія искусствъ является драма и ея законы, которымъ подчиняется и музыка. Мелодія Вагнера, конечно, не самодовлѣюща, какъ въ аріозномъ стилѣ; она находится въ тѣснѣйшей связи съ текстомъ, она передаетъ настроеніе текста, но при этомъ какъ-то рабски слѣдуетъ за рѣчью. Это идеальная декламація. Здѣсь сходство съ Даргомыжскимъ. И у него звукъ выражаетъ *слово*, онъ однимъ штрихомъ, одной фразой рисуетъ тончайшія движенія души. По условіямъ своей жизни это былъ человѣкъ замкнутый, привыкшій къ психологическому анализу. У него даже явленія физической жизни ассоціаціировались съ музыкой. Но дальше правды декламаціи онъ не шелъ, ошибочно полагая, что правда музыкальнаго выраженія входитъ всецѣло въ правду декламаціи, въ мелодическій речитативъ. Вагнеръ же, идя къ той же цѣли и въ области декламаціонной выразительности значительно уступая Даргомыжскому, достигъ гораздо бóльшей правдивости, которой онъ искалъ, и въ правдѣ характера, и въ правдѣ положенія. Желая дать ихъ полное воплощеніе, Вагнеръ неизбѣжно нуждался въ большихъ средствахъ, которыя онъ и нашелъ въ своей системѣ лейтмотивовъ и въ обогащеніи оркестра новыми средствами и новою ролью—равноправнаго участника въ общемъ цѣломъ. Самъ Даргомыжскій не избѣгъ вліянія, хотя бы и безсознательнаго, Вагнера: Донна-Анна имѣетъ подобіе лейтмотивной характеристики. Стремясь найти музыкальную правду, Даргомыжскій совершенно потерялъ жизненную почву и обратилъ сцену въ какую-то лабораторію далекаго отъ жизни алхимика.

Онъ не живетъ, а созерцаетъ лишь со стороны. Полный контрастъ ему—Мусоргскій. Этотъ идейный ученикъ Даргомыжскаго сначала доходитъ до абсурда, идя по стопамъ учителя; онъ пишетъ музыку прозаическому тексту Гоголя («Женитьба»). И лишь увидавъ безплодность этихъ задачъ и будучи народолюбцемъ до глубины души, берется за «Бориса» (по Пушкину), а позже пишетъ «Хованщину», оперы совершенно народнаго характера, даже вѣрнѣе, оперы простонародныя. Главное дѣйствующее лицо его музыкальныхъ драмъ—народъ, съ его часто животной жизнью. Музыка его порою даже отталкиваетъ какого-нибудь аристократа: музыка стремится быть реальной, вплоть до икоты пьяницы. И однако и онъ далекъ отъ жизненной правды: либретто «Хованщины» столь примитивно, что впечатлѣнія правды слушатель не выноситъ. Иные характеры не выдержаны (Шакловитый). Контрасты борющихся теченій старой и новой Руси мало выдержаны, ибо для новой нѣтъ выпуклой характеристики, и лишь старая Русь воплощена въ геніальныхъ образахъ Мароы и Досиѳея. Быть можетъ, часть недостатковъ падаетъ на долю преждевременной смерти композитора, послѣ которой «Хованщина» осталась въ неоконченномъ видѣ,

такъ что доканчивать ее пришлось другу покойнаго—Римскому-Корсакову. Этотъ послѣдній былъ, конечно, въ курсѣ взглядовъ и Даргомыжскаго и Вагнера. Онъ оставилъ вещественныя доказательства преклоненія передъ тѣмъ и другимъ. «Моцартъ и Сальери»—плодъ увлеченія Даргомыжскимъ, «Кащей» и масса общихъ пріемовъ (напримѣръ, лейтмотивная характеристика)—плодъ увлеченія Вагнеромъ. Однако талантъ автора оказался настолько сильнымъ, что въ нѣкоторыхъ твореніяхъ (на нашъ взглядъ лучшихъ) онъ пошелъ своей дорогой и создалъ собственный пѣсенный стиль. Эти созданія: «Сказаніе о Китежѣ» и «Садко», въ предисловіи котораго и изложена profession de foi Римскаго-Корсакова. «Оперное либретто... не можетъ быть разсматриваемо безъ связи съ музыкой. Оторванное отъ музыки, это... не самостоятельное литературное произведеніе». Знакомая мысль! Вспомнимъ идеи Вагнера. Но у Вагнера драма—исходная точка для всѣхъ искусствъ, а Римскій-Корсаковъ считается прежде всего съ музыкальными требованіями и готовъ жертвовать стихами для выразительности музыкальной. Съ точки зрѣнія Даргомыжскаго и Вагнера это уже ересь. Вагнеръ—музыкальный драматургъ, Римскій-Корсаковъ—оперный композиторъ. Этотъ послѣдній часто прямо пренебрежительно относится къ тексту, чего никогда не позволитъ себѣ Вагнеръ (о Даргомыжскомъ и не говоримъ!). Оттого-то Римскій-Корсаковъ всегда останется самобытнымъ талантомъ, будучи одновременно вагнеріанцемъ по пріемамъ творчества. Надо сказать, что этотъ пѣсенный складъ донельзя идетъ къ сказанію («Китежъ») или былинѣ («Садко»), такъ что имъ онъ изумительно вѣрно схватилъ эпическій ихъ характеръ.

Таковы элементы сходства и различія въ этихъ, такъ сказать, образцахъ современныхъ теченій въ области оперы, и намъ остается пожелать, чтобы, появившись въ этомъ году, они прочно укрѣпились въ репертуарахъ нашихъ оперныхъ сценъ, косность которыхъ такъ изумительна, что считаешь уже отраднымъ явленіемъ, если онѣ дадутъ мѣсто чему-нибудь не подходящему подъ шаблонный репертуаръ. Однимъ изъ такихъ отрадныхъ явленій нужно считать постановку «драматической легенды» Г. Берліоза «Осужденіе Фауста» въ Москвѣ (Большой театръ) и Петербургѣ. Постановку эту надо привѣтствовать тѣмъ болѣе, что наши симфоническіе концерты рѣшительно игнорируютъ это, пожалуй, лучшее твореніе Берліоза. Главной чертой творчества Берліоза является изумительно богатая фантазія,—фантазія, за которой не поспѣваетъ непосредственное чувство. Огненный темпераментъ Берліоза сказывается во всѣхъ замыслахъ его твореній, но далеко не всѣ страницы его партитуры полны того огня, которымъ горѣла его голова. Всюду, гдѣ сказываются головные замыслы, Берліозъ великъ, и въ этомъ разгадка его изумительно богатой инструментовки. Въ этой области этотъ дѣдъ современныхъ величайшихъ мастеровъ (Штраусъ, Малеръ, Глазуновъ) и до нашихъ дней остался юнымъ, свѣжимъ и поразительно интереснымъ. Всѣ лучшія достоинства оркестровой кисти Берліоза и наравнѣ съ этимъ масса великолѣпныхъ, глубоко «про-

никновенныхъ» и согрѣтыхъ внутреннимъ чувствомъ страницъ—налицо въ «Осужденіи Фауста». И если все же съ грустью приходится констатировать малый успѣхъ этого произведенія у публики, то это въ значительной мѣрѣ нужно отнести на долю мало удачныхъ, или вѣрнѣе, неудачныхъ постановокъ «драматической легенды». Въ отношеніи количества исполненій Берліозу въ этомъ году посчастливилось, ибо симфоническіе вечера гр. А. Шереметева (въ Петербургѣ) дали нѣсколько крупныхъ и рѣдко исполняемыхъ (исключая «фантастическую симфонію») произведеній этого маэстро. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы упомянемъ про исполненіе другой «драматической легенды»—«Легенды о св. Елизаветѣ» Листа (концерты Шереметева). Это произведеніе не исполнялось лѣтъ 25—30 въ Москвѣ и очень давно не исполнялось и въ Петербургѣ. Произведеніе это, однако, очень интересно въ музыкальномъ отношеніи, и очень характерно для творчества Листа эпохи увлеченія католицизмомъ, эпохи, кончившейся, какъ извѣстно, посвященіемъ геніальнаго артиста въ аббаты въ 1865 г. (ораторія «Св. Елизавета» написана во второй годъ пребыванія Листа въ Римѣ, куда онъ переселился въ 1861 г.). Въ основу этого проникнутаго неподдѣльною религіозностью произведенія Листъ положилъ антифонъ св. Елизаветѣ, почерпнутый изъ сборниковъ XVI в., старинную пѣснь пилигримовъ, отрывокъ изъ «Magnificat» грегоріанскаго напѣва и, наконецъ, венгерскія національныя мелодіи. Тѣ же концерты дали возможность познакомиться съ духовнымъ произведеніемъ другого, хотя и менѣе крупнаго художника, также отличавшагося большой религіозностью—Ш. Гуно: были исполнены отрывки изъ духовной трилогіи «La Redemption». Однако здѣсь религіозность сказалась лишь въ выборѣ сюжета, а музыка сбивается на оперные пріемы и формы. Не столь лишена религіозности, однако не всегда сохраняетъ церковный характеръ исполненная у насъ впервые (слѣдствіе манифеста 17 октября) ораторія Вагнера «Тайная вечеря». Эта ораторія, исполненная въ тѣхъ же концертахъ, даетъ намъ много сильныхъ «чисто-Вагнеровскихъ» страницъ.

Изъ исполненныхъ въ этомъ году крупныхъ произведеній для симфоническаго оркестра, хора и солистовъ остановимся на столь же рѣдко исполняемыхъ «Фаустѣ» Р. Шумана (въ Москвѣ, если не ошибаемся, эти сцены никогда цѣликомъ не исполнялись) и «лирической мелодрамѣ» «Леліо» Г. Берліоза. То и другое произведеніе исполнялось опять же въ концертахъ Шереметева, которые, какъ видитъ читатель, дали въ этомъ году много, даже очень много интереснаго. «Фаустъ» Шумана является, быть можетъ, лучшимъ отраженіемъ безсмертнаго творенія Гёте въ музыкѣ. Всѣ бурныя исканія и вся безплодная борьба доктора Фауста нашли себѣ дивное по силѣ впечатлѣнія отраженіе въ оркестровомъ вступленіи. Трагедія Маргариты и дальнѣйшая борьба и смерть Фауста также прекрасно переданы Шуманомъ, такъ что остается пожалѣть, что «сцены» не вылились въ законченную, цѣльную форму. Значительно блѣднѣе и сильно устарѣла мелодрама Берліоза, объ исполненіи которой мы упомянули, чтобы

показать, чѣмъ именно былъ представленъ Берліозъ на концертахъ Шереметева. Кромѣ упомянутыхъ «Леліо» и фантастической симфоніи, исполнялись «Тристія» и драматическая симфонія «Ромео и Джульетта». Какъ изъ «Леліо» популяренъ лишь отрывокъ «Эолова арфа», такъ изъ «Ромео» очень извѣстно скерцо «Фея Мабъ». А между прочимъ интересныхъ страницъ въ «Ромео» гораздо больше: укажемъ, напримѣръ, на интродукцію или на сцену любви. Считаемъ также нужнымъ упомянуть, что «драматическая симфонія» не исполнялась въ полномъ видѣ въ Петербургѣ 18 лѣтъ, а въ Москвѣ—болѣе 30 лѣтъ.

Такъ какъ мы уже перешли въ область западно-европейской симфонической музыки, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь болѣе полное знакомство съ новой французской школой, съ симфонической «серенадой» Макса Рёгера, который вмѣстѣ съ Рихардомъ Штраусомъ является крупнѣйшей музыкальной величиной современной Германіи, со второй симфоніей Малера, колоссальной по своимъ размѣрамъ и очень сложной по содержанію, и съ симфоніей польскаго композитора Стойовскаго. Пожалуй, слѣдовало бы отмѣтить исполненіе симфоніи Губера («Музыкальныя новости» придворнаго оркестра), ибо послѣдняя часть симфоніи должна передать картины Бёклина въ музыкѣ, исполненіе которой сопровождается воспроизведеніемъ при помощи волшебнаго фонаря этихъ картинъ. Итакъ, возвращаясь къ знакомству съ представителями французской школы, укажемъ, прежде всего, что Россіи пришлось познакомиться съ произведеніями учениковъ Ц. Франка, Гюи Ропарца («Колоколъ мертвыхъ»—концерты Зилоти въ Петербургѣ) и Венсана д'Энди «Медея» (Харьковъ) «Simphonie montagnare» и другія ранѣе извѣстныя вещи (филармоническіе концерты въ Москвѣ) подъ управленіемъ автора ихъ, и съ «Variations simphoniques» самого Цезаря Франка. Главнымъ правиломъ Ц. Франка, какъ учителя, было не стѣснять индивидуальности ученика, такъ что ничего не доставляло больше удовольствія ему, по свидѣтельству В. д'Энди въ книгѣ о Ц. Франкѣ, какъ новая, но, конечно, логичная комбинація звуковъ и ихъ сочетаній. Самъ онъ, какъ и его ученики, старался обогатить музыкальную литературу, исходя изъ принципа развитія классической музыкальной формы и гармоніи, такъ что къ попадающимся тогда рѣзкостямъ французская школа пришла всецѣло путемъ эволюціи и развитія того, что дало предшествующее время. И это прекрасное правило Ц. Франка дало прекрасные результаты и породило многочисленную и весьма разнородную ново-французскую школу. Въ произведеніи Г. Ропарца отразились картины сумрачной и бѣдной родины композитора—Бретани. Гнетущій перезвонъ погребальнаго колокола оставляетъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ слушателей. Въ «Simphonie montagnare» В. д'Энди оригинально и всегда изящно разработаны мотивы горцевъ. Перебравшись черезъ рубежъ, попадаемъ въ страну Штрауса, изъ произведеній котораго исполнялись въ этомъ году «Макбетъ» (у Зилоти), «Такъ говорилъ Заратустра» (Москва—филармонія) и «Пѣсни съ оркестромъ» (Рига), и М. Рёгера, композитора,

главнымъ образомъ, камернаго, котораго «Серенада» ор. 95 (подчеркиваемъ эту цифру, чтобы показать плодовитость Рёгера, которому лишь 34 года отъ роду) является лишь вторымъ симфоническимъ произведеніемъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого его «Серенада» производитъ какое-то тягучее впечатлѣніе и значительно уступаетъ его камернымъ вещамъ. Только по удивительной свободѣ въ пользованіи формой музыкальнаго произведенія, да по огромной гармонической находчивости можно узнать популярнаго автора камерныхъ вещей.

Полная противоположность ему въ смыслѣ умѣнья пользоваться оркестровыми эффектами и средствами—Р. Штраусъ, этотъ волшебникъ оркестровой звучности. Уже въ «Макбетѣ», т.-е. произведеніи довольно ранняго періода его творчества, это крупнѣйшій оркестровый художникъ. Колоссальный темпераментъ композитора не даетъ ни минуты отдыха слушателю: идеи автора летятъ, развиваясь логически, одна за другою, одна «оркестровая комбинація смѣняетъ другую, такъ что «Sturm und Drang» автора совершенно ошеломляетъ слушателей. Въ «Макбетѣ» главный элементъ—фигура сильная, почти титаническая самого Макбета. Воспроизведеніе же «Заратустры» насъ мало удовлетворяетъ и кажется намъ интересной, но неудавшейся попыткой возсоздать Ницше въ музыкѣ... Опять перейдя рубежъ, попадаемъ въ родину Стойовскаго — Польшу. Однако его симфонія напоминаетъ по пріемамъ французскую школу, особенно этимъ отличается прелестное скерцо.

Русской симфонической музыкѣ истекшій годъ далъ 3-ю симфонію Скрябина, о которой мы не можемъ говорить до ея исполненія въ Россіи, до которой она еще не дошла, 8-ю симфонію Глазунова *), которая появилась какъ разъ въ годъ 25-лѣтія музыкальной дѣятельности ея автора, и 1-ую— московскаго молодого композитора Василенка. 8-я симфонія Глазунова очень характерна для творчества этого композитора: та же мастерская работа, то же богатство оркестровыхъ красокъ. Характеръ творчества Глазунова вообще объективный, т.-е. въ основу художественныхъ эмоцій, передаваемыхъ музыкой, онъ кладетъ не свои личныя переживанія, а наблюденія надъ переживаніями другихъ; такая музыка какъ-то меньше захватываетъ слушателя и только удивительное внѣшнее богатство произведеній Глазунова дѣлаетъ ихъ столь популярными. Кстати по поводу юбилея автора укажемъ, что за этотъ періодъ времени онъ выпустилъ 82 opus'а, между которыми очень много крупныхъ произведеній. Упомянемъ также, что юбилей этотъ показалъ популярность Глазунова въ Россіи, ибо во всѣхъ большихъ и многихъ малыхъ городахъ ея были устроены по этому поводу вечера и концерты.

1-я симфонія Василенка, очень интересная вначалѣ, потомъ сильно

*) Въ отзывѣ объ этой симфоніи и еще кое-гдѣ, т.-е. тамъ, гдѣ намъ не удалось достать для знакомства партитуры или клавирауспуговъ этихъ произведеній, мы пользуемся отзывами *Русской Музыкальной Газеты* и рецензентовъ періодической печати *Товарища, Биржевыхъ Вѣдомостей* и т. д.

теряется благодаря удивительной грузности всѣхъ своихъ частей, особенно послѣдней. Не лишена интереса симфонія-фантазія Блюменфельда (Зилоти), которая имѣла такой же большой успѣхъ у публики Петербурга, какой въ Москвѣ (концерты Импер. Русск. Музык. Общества) имѣла легковѣсная, но эффектная сюита Сахновскаго. Съ успѣхомъ же прошли въ Петербургѣ вещи Сибеліуса «Дочь Похіолы» и другіе отрывки изъ музыкальнаго воспроизведенія норвежскаго эпоса «Калевалы». И по выбору сюжета и по стремленію быть ближе къ народнымъ напѣвамъ Сибеліусъ напоминаетъ намъ Римскаго-Корсакова. А такъ какъ у насъ любятъ норвежскую музыку, то успѣхъ «Калевалы» понятенъ.

Не знаемъ, кинулось ли въ глаза читателю, что при обозрѣніи исполнявшагося въ текущемъ году мы говорили почти только о Петербургѣ и Москвѣ. Это не значитъ, однако, что въ прочихъ городахъ Россіи музыкальная жизнь совсѣмъ отсутствуетъ, но тамъ исполняются произведенія, давно извѣстныя въ столицахъ и ставшія здѣсь репертуарными. Этотъ фактъ весьма понятенъ, ибо, конечно, разъ музыкальная жизнь провинціи началась лишь недавно, ей нужно познакомиться сперва съ болѣе выдающимися и извѣстными произведеніями литературы всего міра. А какъ мало знаемъ мы еще и въ столицахъ эту литературу, показываетъ тотъ фактъ, что въ Петербургѣ *въ первый разъ* исполнялись въ этомъ году Сюита I. С. Баха для оркестра съ флейтой, его же концертъ для фортепіано, скрипки, флейты и оркестра (оба эти произведенія исполнялись у Зилоти). Положимъ, эти произведенія во многомъ для насъ устарѣвшія, но все же лучше знакомиться съ прекрасными вещами старыхъ мастеровъ, чѣмъ останавливаться на сомнительныхъ новинкахъ сомнительныхъ авторовъ, которыхъ исполнялось, къ сожалѣнію, очень много и о которыхъ мы считаемъ за лучшее умолчать.

Въ области камерной музыки истекшій годъ далъ много интереснаго. Камерная музыка культивировалась усердно и въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, ибо составить тріо или квартетъ въ провинціи, конечно, легче, чѣмъ собрать и дисциплинировать оркестръ. Въ Петербургѣ камерная музыка продуцировалась на вечерахъ «Современной музыки», «Камернаго общества», «Мекленбургскаго квартета», въ Москвѣ на вечерахъ «Современной музыки», устраиваемыхъ профессоромъ Гленомъ, на таковыхъ же вечерахъ, устраиваемыхъ М. А. Дейша-Сіоницкой (на этихъ вечерахъ исполнялась, главнымъ образомъ, вокальная музыка), на «Музыкальныхъ выставкахъ», устраиваемыхъ ею же, для исполненія произведеній нигдѣ еще не исполнявшихся, и на вечерахъ Русскаго Музыкальнаго Общества (послѣднія художественныя предпріятія возникли въ истекшемъ году). Въ области русскаго квартета можно остановиться на квартетахъ Малишевскаго, Кюи, интересныхъ болѣе по содержанію, но не выдержанныхъ по стилю, Танѣева, интересномъ, наоборотъ, по стилю и гармонизаціи, но довольно трудномъ для неподготовленнаго слушателя, и Блюменфельда. Очень хвалитъ мѣстная пресса (харьковская) тріо и мелкія вещи Акименко,

указывая на легкость письма и искренность настроеній. Изъ произведеній камерной же литературы можно остановиться на вещахъ Жиляева («Музыкальная выставка въ Москвѣ»), указывающихъ на несомнѣнную талантливость автора и на не малую оригинальность творчества, столь рѣдкую въ произведеніяхъ начинающихъ композиторовъ. Кое-что свое слышится и въ вокальныхъ произведеніяхъ г. Мелкихъ, исполненныхъ тамъ же. Изъ иностранной литературы, исполненной въ Россіи, понравились квинтетъ Донаньи (Москва), очень выигрышно и красиво написанный, его же тріо «Серенада» (Рига); понравились публикѣ и камерныя вещи Рёгера. Какъ я уже говорилъ, камерная музыка—родная стихія этого композитора. Здѣсь болѣе чѣмъ умѣстно то свободное обладаніе формой, которымъ онъ блещетъ, здѣсь развернулась и его способность къ многоголосному складу, способность, которая дѣлаетъ его совершенно исключительнымъ явленіемъ среди даже выдающихся современныхъ контрапунктистовъ. Особенно понравились его варіаціи для двухъ роялей на тему Бетховена, ибо, получивъ въ руки готовый, прекрасный тематическій матеріалъ, онъ далъ волю своей способности къ варьированію ея на всѣ лады и способы, и достигъ поразительныхъ результатовъ. Но самымъ интереснымъ подаркомъ минувшаго года было знакомство Россіи съ новымъ теченіемъ, наблюдаемымъ на Западѣ; теченіе это провозгласило своимъ лозунгомъ: «zurück zu alten Komponisten» и поставило своей цѣлью возрожденіе старинной музыки путемъ знакомства съ забытыми произведеніями старинныхъ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, «чудесный» вѣкъ въ области музыки оказался особенно, исключительно богатымъ. Послѣдній періодъ творчества Бетховена, романтизмъ, обогащеніе оркестра Берліозомъ, Вагнеромъ, Штраусомъ, новыя школы и, наконецъ, вся русская музыка—все это наслѣдіе XIX вѣка. Искусство шло впередъ все время. Если не всегда прогрессировало идейное содержаніе музыки, то средства выраженія шли все время колоссальными шагами впередъ. На-ряду съ осложненіемъ музыкальныхъ сочетаній развивался (или, какъ говорятъ скептики, притуплялся) человѣческій слухъ. Еще Баху и его современникамъ столь обычное для насъ минорное трезвучіе казалось диссонансомъ, и они неизмѣнно кончали свои творенія мажоромъ. Наше же ухо не удивишь заключеніями цѣлыхъ произведеній неразрѣшенными трезвучіями (Штраусъ, Ребиковъ), мы воспринимаемъ безъ особаго непріятнаго чувства изумительно рѣзкія сочетанія и аккорды, такъ что, вставъ изъ гроба, старые мастера, вѣроятно, предпочли бы скорѣе лечь въ нихъ обратно, чѣмъ терзаться современными созвучіями. Но, мирясь съ изумительными рѣзкостями, мы невольно ищемъ отдыха отъ этой сверхъ-нервной музыки. Вотъ, думается намъ, почва для музыкальной эпохи Возрожденія. Возможна и другая точка зрѣнія на цѣли этого возрожденія. По мнѣнію многихъ піанистовъ піанизмъ, сдѣлавъ колоссальные успѣхи въ XIX вѣкѣ, дошелъ до предѣла, дальше котораго ему не позволяютъ идти «скромныя» средства инструмента. И вотъ, разъ некуда идти впередъ, взоры обращаются вспять—къ старинной музыкѣ. Съ этой точки зрѣнія особаго вниманія заслуживаетъ возрожденіе клавесина,

задачу реставраціи котораго и взяли на себя парижскія фирмы Плейели и Эрара. Россія (обѣ столицы и много провинціальныхъ городовъ) познакомилась въ этомъ году съ парижскимъ «société des instruments anciens», которое реставрировало квинтонъ (малая скрипка), віоля д'амуръ и віоля да гамба (большія скрипки, вторая скорѣе по звуку альтъ, хотя, будучи инструментомъ на подставкѣ, является родоначальницей віолончели) и басъ дё віоль (родоначальникъ контрабаса) и клавесинъ. Это же общество реставрировало и обширную забытую литературу Монтеверде, Бруни и т. д. Все это сдѣлано съ такою любовью и талантомъ, что у слушателей остается высокохудожественное наслажденіе. Однако, при всемъ удовольствіи, получаемомъ отъ совершенно своеобразной звучности ансамбля, намъ кажется, что мы слишкомъ далеко ушли отъ прошлаго и что возвратъ къ нему имѣетъ лишь историческо-научный интересъ, а не эстетическое наслажденіе. Слишкомъ велика пропасть между психологіей людей XX и XVIII вѣковъ. Возрожденіемъ главнымъ образомъ клавесина и его литературы занялась Ванда Ландовская, давшая по нѣсколько концертовъ въ столицахъ. Возрожденіе клавесина важно еще и потому, что мы знаемъ цѣлый рядъ произведеній Баха, Генделя, Куперена, Рамо и другихъ, задуманный для клавесина съ его различными регистрами и двумя клавіатурами. Но и возрожденіе клавесина не оправдало, на нашъ взглядъ, возложенныхъ на него надеждъ, ибо на концертахъ Ландовской, которая играла попеременно то на клавесинѣ, то на фортепіано, симпатіи публики замѣтно склонялись на сторону фортепіано. Допускаемъ охотно, что г-жа Ландовская гораздо болѣе опытная піанистка, чѣмъ клавесинистка, и все же находимъ, что возрожденіе старинной музыки имѣетъ, хотя и очень большой, но лишь историческій интересъ.

Намъ осталось указать на литературу фортепіанную и отдѣльныя отрадныя и грустныя явленія русской музыкальной жизни истекшаго года. Въ области мелкихъ фортепіанныхъ композицій первенствующее мѣсто занимаютъ, на нашъ взглядъ, Н. Метнеръ и Ал. Скрябинъ, особенно послѣдній. Хотя Скрябинъ послѣднее время поглощенъ крупными произведеніями, мы считаемъ своимъ долгомъ остановиться на его фортепіанныхъ произведеніяхъ, ибо послѣдній годъ ознаменовался рядомъ концертовъ въ Москвѣ и провинціи, въ которыхъ жена композитора В. Скрябина пропагандировала въ Россіи его вещи. Скрябинъ уже давно остановилъ на себѣ вниманіе Россіи и Европы. Послѣдняя даже интересуется имъ больше его родины: такъ, неизвѣстная намъ его 3-я симфонія исполнялась въ Западной Европѣ не одинъ разъ. Такой равнодушный къ современной музыкѣ исполнитель, какъ І. Гофманъ, счелъ интереснымъ для себя и публики выучить два этюда Скрябина и его фортепіанный концертъ. Самъ Скрябинъ концертировалъ съ успѣхомъ въ Брюсселѣ и Америкѣ. Метнера знаютъ меньше, ибо онъ и моложе и менѣе талантливъ, хотя и представляетъ изъ себя довольно многообѣщающую величину. Оба они дѣти «fin de siècle», оба порожденіе предреволюціоннаго періода. Нервность, доходящая до экзальтированности—вотъ характерная черта музы Скрябина. Это сильнѣй

порывъ мятущагося духа. Порывъ этотъ облеченъ въ пышныя, но не рѣзкія гармоническія ткани, что дѣлаетъ его особенно привлекательнымъ. Но насколько Скрябинскія творенія—отпечатокъ его духа, его жизни, настолько произведенія Метнера—отраженіе эпохи, отраженіе чужихъ страстей, какъ ихъ понимаетъ композиторъ. Нѣсколько изысканный въ первыхъ твореніяхъ, заслужившихъ тѣмъ большее одобреніе «декадентской школы», Метнеръ въ болѣе позднихъ твореніяхъ становится проще, яснѣй и потому симпатичнѣе. Шумановски богатая ритмика и Брамсовски отвлеченная, созерцательная поэзія—вотъ Метнеръ. Къ этому прибавьте такъ же, какъ и у Скрябина, богатый гармоническій талантъ...

Кромѣ указанныхъ выше проявленій подъема интереса къ музыкальной жизни народа, вѣрнѣе народовъ, укажемъ еще на одно симпатичное явленіе такого же рода: мы разумѣемъ концертъ пѣвицы Яновой (Петербургъ), который былъ весь посвященъ воспроизведенію народныхъ пѣсенъ различныхъ націй.

Что касается успѣховъ русской музыки за границей, то нужно отмѣтить, что, хотя тамъ и интересуются русской музыкой, но, конечно, не такъ, какъ интересуются музыкой другихъ націй. Попрежнему на Западѣ, кромѣ Франціи, любятъ Чайковскаго, знаютъ и слушаютъ національную русскую школу, но не ея родоначальника—Глинку. Во Франціи особенно высоко ставятъ произведенія «могучей кучки», быть можетъ, изъ уваженія къ національному ихъ духу. Интереснымъ, но, вѣроятно, не очень продуктивнымъ дѣломъ была серія концертовъ изъ произведеній русскихъ авторовъ, устроенная въ Парижѣ Дягилевымъ и А. Танѣевымъ. Для концертовъ были приглашены выдающіяся музыкальныя силы Россіи и Западной Европы во главѣ съ геніальнымъ Никишемъ. Однако этому послѣднему, судя по отзывамъ присутствовавшихъ, не удалось понять нѣкоторыя русскія сочиненія, исключая неподражаемо передаваемаго имъ Чайковскаго, такъ что Римскій-Корсаковъ, вещи котораго, къ слову сказать, пользовались на этихъ концертахъ наибольшимъ успѣхомъ, долженъ былъ дирижировать свои вещи самъ, за что онъ берется рѣдко и неохотно. Было бы желательно, чтобы такіе же концерты были устроены и въ Германіи, ибо центръ музыкальной жизни давно уже перемѣстился сюда, такъ что здѣсь хотѣлось бы зарекомендовать себя съ лучшей стороны и занять въ музыкальномъ мірѣ соотвѣтствующее почетное мѣсто.

Истекшій годъ ознаменовался тѣмъ, что произведенія геніальнаго родоначальника всей русской музыки—Михаила Ивановича Глинки—стали народнымъ достояніемъ. 3 февраля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины, и авторскія права на его сочиненія кончились. До этого года мы имѣли лишь дорогое и плохое изданіе его твореній; не было даже печатныхъ оркестровыхъ партій его оперъ. Теперь сочиненія его выпущены уже фирмой Юргенсонъ въ прекрасномъ дешовомъ изданіи въ великолѣпной редакціи Балакирева и Ляпунова. Изданіе Бѣляева подъ другой редакціей нѣсколько запоздало... Юбилей этотъ былъ почтенъ въ Россіи, но почтенъ вяло и не повсемѣстно. И юбилей засталъ въ Россіи такое время, когда лучшія творенія Глинки почти нельзя слышать въ Россіи: «Русла-

на» у насъ почти не ставятъ, а «Жизнь за царя» превращена въ поводъ къ политическимъ демонстраціямъ и потому фактически снята съ репертуара. Совсѣмъ неотмѣченнымъ прошелъ юбилей первой постановки «Русалки», поставленной 4 мая 1856 г.

Изъ потерь для русской музыкальной жизни обращаютъ на себя вниманіе кончины композитора П. Ив. Бларамберга, знаменитаго критика и поборника новой русской школы В. В. Стасова и пѣвца Мельникова, одного изъ немногихъ эпигоновъ славной эпохи расцвѣта русскаго театральнаго дѣла, удалившагося уже около десяти лѣтъ назадъ со сцены. Имя П. Бларамберга мало извѣстно въ Россіи, хотя это былъ далеко не заурядный талантъ. Но, съ одной стороны, прирожденная скромность и нежеланіе рекламироваться, съ другой стороны, обособленность въ музыкальномъ мірѣ, который дѣлится на кружки, ни къ одному изъ которыхъ не принадлежалъ покойный, и, наконецъ, злой рокъ, преслѣдовавшій, напримѣръ, постановку его оперы «Марія Тюдоръ»—все это способствовало тому, чтобы имя его оставалось въ тѣни. По характеру дарованія намъ кажется, что Бларамбергъ ближе всего стоитъ къ Чайковскому, хотя несомнѣнно вліяніе на него «могучей кучки». Концертъ, устроенный почитателями покойнаго въ Москвѣ, прошелъ почти при пустомъ залѣ: была весна, сезонъ уже кончился, такъ что судьба гнететъ композитора и за гробомъ. Изъ неисполнявшихся ранѣе произведеній покойнаго обратили на себя вниманіе поэтичныя иллюстраціи на стихотворенія въ прозѣ Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы» и «Лазурное царство». Хороши и эфирныя «Стрекозы» на слова Ал. Толстого.

Нашъ обзоръ музыкальной жизни Россіи истекшаго года былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули про бывшую въ Петербургѣ первую «всероссійскую» музыкальную выставку, въ которой были выставлены экспонаты со всѣхъ концовъ Россійской имперіи. Выставлялись музыкальные инструменты, ноты, книги, автографы и все вообще, имѣющее какое-нибудь отношеніе къ музыкальному дѣлу. Закрылась выставка какъ-то внезапно и неестественно, хотя награды и были въ изобиліи присуждены экспонентамъ. Отмѣтимъ золотыя медали, присужденныя фабрикѣ духовыхъ инструментовъ Червенаго (Кіевъ) и *Русской Музыкальной Газетѣ*, начавшей 14 годъ своей жизни...

Окидывая бѣглымъ взоромъ все, что далъ русской музыкальной жизни отчетный 1906—7 годъ и видя все еще болѣе чѣмъ плачевное состояніе русскаго музыкальнаго дѣла, мы не можемъ удержаться, чтобы не констатировать еще разъ того, что общественное пробужденіе разбудило и инертную музыкальную массу. Поэтому, рискуя навлечь на себя окрикъ за «эстетическій сдвигъ», рѣшаемся надѣяться, что, памятуя, что не все то, что кажется тяжелымъ и непосильнымъ съ перваго взгляда, является дѣйствительно непосильнымъ, русскіе музыканты и всѣ, видящіе въ искусствѣ факторъ культурнаго прогресса, не сложатъ рукъ и будутъ работать на пользу родного искусства.

Г. П—ъ.

Соціалъ-демократія на стражѣ русской революціи.

(Буржуазная или соціалистическая революція?)

Дебаты, происходившіе на послѣднемъ лондонскомъ съѣздѣ русскихъ соціалъ-демократовъ, съ особенной настойчивостью выдвинули вновь на очередь (собственно говоря, окончательно и не сходившій съ порядка дня) вопросъ о характерѣ русской революціи, лишній разъ подогрѣвъ междуфракціонную распрю по этому боевому пункту. Послѣдняя, впрочемъ, ближайшимъ образомъ сосредоточилась на вопросѣ о блокахъ и соглашеніяхъ съ непролетарскими партіями, причемъ большевики объявили непримиримую войну не только всѣмъ такого рода партіямъ, но и своимъ же партійнымъ товарищамъ изъ фракціи меньшинства. Однако теоретическая исходная точка спора осталась и на этотъ разъ далеко не выясненной. Г. Ленинъ, напр., развивалъ ту мысль, что меньшевики даютъ превратную оцѣнку характеру революціи, но все же соглашался съ ними, повидимому, въ томъ, что въ главномъ и общемъ нынѣшняя революція есть всетаки буржуазная революція. Онъ отрицалъ лишь то, чтобы въ силу одного такого обстоятельства буржуазія же должна была быть объявлена и исполнительницей этой революціи, т.-е., другими словами, г. Ленинымъ оригинальнымъ образомъ постулирована для нашего отечества буржуазная революція безъ буржуазіи: все для буржуазіи, но ничего съ ея помощью, подобно тому, какъ добрые либералы стараго покроя провозглашали: все для народа, но не чрезъ народъ!... При всѣхъ обстоятельствахъ, только пролетаріатъ,—заявлялъ Ленинъ,—явится единственной рѣшающей силой этой буржуазной революціи, хотя съ другой стороны и на крестьянство наше возлагается какимъ-то образомъ задача своимъ неустаннымъ стремленіемъ къ землѣ и волѣ толкать эту «единственную рѣшающую силу»—пролетаріатъ—къ завершенію революціи... Меньшевистскій оппонентъ упрямо твердилъ свое: что въ буржуазной революціи нельзя никакъ брезговать и буржуазіей, которая къ тому же въ сознаніи, что это именно о ней революціонная и fabula narratur—все еще настроена достаточно оппозиціонно и можетъ поэтому оказать с.-демократіи свою поддержку въ ея борьбѣ за общегражданскія требованія политической свободы... Отвѣчая главнымъ

образомъ меньшевистскому оратору, Роза Люксембургъ, наконецъ, отъ имени польской с.-д. партіи старалась показать устарѣлость ходячаго представленія о томъ, что каждая революція, которая не можетъ закончиться полной побѣдой соціализма, только будто бы устанавливаетъ и укрѣпляетъ могущество буржуазіи. 60 лѣтъ тому назадъ, когда мысль эта впервые была высказана К. Марксомъ, оно, конечно, такъ и было, но къ нынѣшней русской революціи, которая будетъ длиться непрерывно и явится почвой для классовой борьбы пролетаріата, это относиться не можетъ... Ораторша, повидимому, забывала, что положеніе о непрерывной революціи не только не составляетъ какой-то самоновѣйшей научной диковинки русской буржуазно-соціалистической революціи,—но оно тогда же, т.-е. 60 лѣтъ назадъ, съ превеликимъ усердіемъ проповѣдывалось тѣми же Марксомъ и Энгельсомъ въ примѣненіи къ французской и нѣмецкой революціямъ конца 40-хъ годовъ.

Все это съ наглядностью показываетъ, какъ безпомощно бьется въ своихъ схемахъ, точно птица въ клѣткѣ, соціалъ-демократическая политическая мысль—обстоятельство, посильно выставленное на томъ же съѣздѣ ораторомъ-бундистомъ, который попрекнулъ своихъ товарищей изъ обѣихъ фракцій въ излишнемъ пристрастіи къ схематизму взглядовъ, но—какъ соціалъ-демократъ—не имѣлъ мужества заявить, что всѣ эти клѣтки-схемы давнымъ-давно пора уже выбросить окончательно за бортъ. И то, что дебатировалось на съѣздѣ, представляетъ только своего рода діалогъ-резюме тѣхъ воззрѣній и положеній, которыя уже десятки лѣтъ пространно и на всевозможные лады проповѣдывались партіей, какъ таковой... Мы полагаемъ, что критическій разборъ и освѣщеніе исходныхъ точекъ спора—именно вопроса о характерѣ русской революціи въ представленіи нашей с.-демократіи—представляетъ животрепещущій интересъ проблемы дня, животрепещущій, разумѣется, въ томъ смыслѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ программы и перспективы борющихся политическихъ партій вліяютъ на жизнь и на общій складъ данной эпохи.

I.

Одно изъ наичаще повторяемыхъ общихъ мѣстъ соціалъ-демократической литературы гласитъ, что революція, нынѣ переживаемая Россіей и уже за десятки лѣтъ предсказанная россійской соціалъ-демократіей, представляетъ собой феноменъ буржуазной революціи въ типическомъ западно-европейскомъ смыслѣ слова. Устраняя въ лицѣ стараго режима колоссальное препятствіе для развитія настоящаго капиталистическаго строя, она тѣмъ самымъ лишь расчищаетъ путь къ непосредственному политическому господству буржуазіи и, слѣдовательно, по своему реальному историческому содержанію должна носить существенно-буржуазный характеръ, какую бы выдающуюся роль ни пришлось сыграть въ ней пролетаріату. Современный рабочій классъ, въ отличіе отъ категоріи трудящихся вообще, ...

является вмѣстѣ съ капиталистическимъ производствомъ; онъ предполагаетъ капиталистическую буржуазію и предполагается ею въ свою очередь. Историческій ростъ капитализма представляетъ, стало быть, двусторонній процессъ, заставляющій группироваться на каждомъ изъ обоихъ полюсовъ его соотвѣтствующій общественный классъ. Этого мало: каждый изъ упомянутыхъ классовъ, выражаясь живописнымъ оборотомъ Маркса, прикованъ къ своему мѣсту «крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ». И тѣмъ не менѣе, составленное изъ противоположныхъ и антагонистическихъ элементовъ, все капиталистическое общество въ цѣломъ образуетъ одно сложное единство, составляетъ опредѣленный строй буржуазно-производственныхъ отношеній, занимающій свое мѣсто въ послѣдовательной смѣнѣ соціальныхъ формацій и неминуемо подготовляющій будущій высшій общественный порядокъ. Далѣе, существуя, какъ фактъ, одинаково для всѣхъ его участниковъ, буржуазный строй создаетъ и нѣкоторыя соціальныя потребности, общія для всѣхъ частей производственнаго цѣлаго, опредѣленныя идейныя нормы, характерныя не для того или другого отдѣльнаго класса, а для всего производственнаго организма въ цѣломъ.

Таковы, напр., требованія гражданской и политической свободы—эта общая типичная идеологія капиталистическаго общества, эти буржуазныя идеи par excellence. Вотъ отчего, несмотря на свой ярко выраженный пролетарскій характеръ, несмотря на нескрываемую—мало того, даже подчеркиваемую и зачастую аффишируемую вражду къ буржуазіи со стороны пролетаріевъ, современное рабочее движеніе есть несомнѣнный феноменъ буржуазной революціи, ликвидирующей самодержавно крѣпостной строй: теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, объективный смыслъ совершающагося соціальнаго переворота есть радикальное раскрѣпощеніе и демократизація русскаго общества. Гдѣ пришедшіе къ сознанію рабочіе формулируютъ свои насущныя нужды и желанія, не остается сомнѣнія, что ихъ требованія совпадаютъ съ завѣтными чаяніями всего истомившагося по свободному гражданскому существованію русскаго народа.

«Государь,—говорятъ петербургскіе рабочіе въ своей извѣстной петиціи,—Государь, насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, *равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ*, не признаютъ ни одного человѣческаго права»... «Повели немедленно, сейчасъ же,—молятъ они,—призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ *и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ,* и священникъ, и докторъ, и учитель... чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все»... Все это и идетъ, можетъ быть, дальше обычныхъ лозунговъ большинства оппозиціонныхъ буржуазныхъ элементовъ, но ни въ коемъ случаѣ не вразрѣзъ съ интересами развитія буржуазнаго общества.

Къ той же категоріи явленій нельзя не отнести и факта быстраго распространенія стачечнаго движенія на слои, смежные съ пролетаріатомъ, и даже на либеральныя профессіи,—факта, свидѣтельствующаго о томъ, насколько силенъ въ этомъ движеніи общегражданскій мотивъ эманеипаціи личности. Правда, этотъ же фактъ, въ достопамятные октябрьскіе дни, далъ поводъ проявиться новой и интересной особенности собственно рабочаго движенія, наглядно показавшей, какъ далеко подвинулся рабочій классъ въ своемъ классовомъ самосознаніи за тѣ немногіе мѣсяцы, что протекли съ 9 января 1905 г. И куда дѣвалось прежнее благодушное его отношеніе—не то что къ капиталисту или священнику, но и къ доктору и къ учителю или къ представителямъ другихъ интеллигентскихъ профессій, такъ же, какъ они, рабочіе, вступившихъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ. Всего этого не осталось и слѣда; взамѣнъ того, по отношенію ко всѣмъ предложеніямъ солидарнаго дѣйствія, исходившимъ отъ этихъ профессій, органомъ петербургскаго пролетаріата, совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, принята была тактика, живо напоминающая поведеніе французско-итальянскаго рабочаго синдикализма. Вотъ какъ совѣтъ впослѣдствіи опредѣлилъ свою позицію въ этомъ вопросѣ, устами одного изъ своихъ членовъ: ...«*Чѣмъ лучше пролетарій сознавалъ буржуазность* русской революціи, тѣмъ сильнѣе онъ своимъ пролетарскимъ инстинктомъ и сознаніемъ чувствовалъ необходимость крѣпкой сплоченной пролетарской организаціей зорко стоять на стражѣ своихъ интересовъ. На всѣ предложенія вступить въ законное сожительство съ буржуазнымъ либерализмомъ онъ отвѣчалъ отказомъ, подчиняя въ то же время свою борьбу руководству с.-демократіи. Онъ не только союзы буржуазной интеллигенціи не пускалъ въ октябрѣ въ составъ своего совѣта, но даже представительство служащихъ фабрикъ и заводовъ допускалъ только съ разрѣшенія рабочихъ этихъ предпріятій» *).

Но это самоотграниченіе пролетаріата, его отказъ отъ революціоннаго сотрудничества съ буржуазной демократіей сугубо подтверждаетъ все тотъ же фактъ: рабочій знаетъ, что производитъ революцію, въ которой бур-

*) „Исторія совѣта раб. деп. г. С.-Петерб.", с. 30. Статья А. Козовлева: „Какъ возникъ совѣтъ".—А вотъ что отвѣтили французскіе синдикалисты на аналогичные авансы, напр., со стороны французскихъ учителей народныхъ школъ: „Учителя хотятъ примкнуть къ рабочему движенію. Они хотятъ войти въ Биржи Труда, чтобы проникнуться идеями пролетаріата. Это очень похвально. Но пока—все это фразы, и синдикалистамъ-революціонерамъ еще рано радоваться. Интересы учителей слишкомъ отличны отъ интересовъ рабочихъ. Во-1-хъ, они ничего не производятъ, а слѣдов., у нихъ не можетъ быть остраго столкновенія съ капиталомъ. Далѣе, вопросъ о частной собственности для нихъ вопросъ лишь теоретическій. На конгрессахъ труда имъ тоже нечего дѣлать. Уменьшеніе рабочаго дня, забастовки—не ихъ кровное дѣло". (*Страна*, 1906 г., № 35).—Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что такое отношеніе имѣло мѣсто годъ-два назадъ; въ настоящее время синдикалисты радушно раскрываютъ свои помѣщенія и оказываютъ всяческую нравственную поддержку гонимымъ синдикатамъ учителей.

жуазія заинтересована если не больше, то, во всякомъ случаѣ, непосредственнѣе, чѣмъ пролетаріатъ. «Конечно, нашъ пролетаріатъ, выставляя свои политическія требованія, тѣмъ самымъ стремится, болѣе или менѣе сознательно, къ завоеванію простора для борьбы съ буржуазіей. Но завоеваніе этого простора составляетъ одну изъ задачъ именно буржуазной революціи, которая по существу своему антагонистична: обезпечивая политическое господство буржуазіи, она въ то же время въ большей или меньшей степени «легализируетъ» классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Безъ большей или меньшей легализаціи этой борьбы буржуазное общество не можетъ развиваться; безъ нея буржуазное общество представляло бы арену сплошной острой гражданской войны» *).

Между тѣмъ какъ соціальное міровоззрѣніе отдѣльныхъ личностей или массъ людей отражаетъ въ полной мѣрѣ фактическое противорѣчіе классовъ, давая въ идейной сферѣ тѣ же антитезы, которыя сложились въ соціальной практикѣ (капиталистъ—рабочій, собственность—коллективизмъ), нельзя того же сказать о такъ называемомъ политическомъ мышленіи. Въ этой области самыя рѣзкія и существенныя изъ антитезъ окажутся не между тѣми классами, которые наиболѣе противостоятъ другъ другу въ соціально-экономическомъ отношеніи—не у буржуазіи и пролетаріата; у нихъ, напротивъ, *эти* различія сравнительно невелики, въ чемъ легко убѣдиться, сопоставивъ хотя бы политическія части программъ с.-д. и к.-д., проникнутыя въ равной мѣрѣ идеями гражданской и политической свободы. Рабочій классъ лишь выставилъ въ наиболѣе послѣдовательномъ видѣ тѣ политическія требованія, которыя составляли главный смыслъ революціи и раздѣлялись, въ той или иной мѣрѣ, всей культурной буржуазіей, всѣмъ *новымъ* обществомъ. Правда, въ силу отмѣченнаго соціальнаго контраста, рабочіе, увлеченные успѣхомъ и кажущимся могуществомъ своимъ, могли болѣе рѣзко, чѣмъ это предполагалось возможностями момента, выставить и экономическія требованія противъ буржуазіи, но въ то же время ими не были оставлены и первоначальные болѣе широкіе интересы общекультурнаго характера, и, даже отдѣлившись отъ своего экономическаго врага, они продолжали идти съ нимъ рядомъ противъ общаго обоимъ классамъ врага политическаго **). Соціальная закономѣрность позаботилась, чтобы всякія чисто-рабочія, небуржуазныя предпосылки были заранѣе исключены изъ возможныхъ перспективъ совершающейся русской революціи. Сама историческая стихія толкаетъ движеніе с.-демократіи, если не исключительно, то главнымъ образомъ въ сторону политическаго революціонизма, наперекоръ, быть можетъ, желаніямъ и даже сознанію отдѣльныхъ членовъ партіи.

Таковъ именно ходячій или традиціонный взглядъ на русскую революцію, такова собственно с.-демократическая ортодоксальная догма, а вслѣдъ

---

*) „Искра за два года", ч. II, стр. 108—210, статья Мартынова.

**) Сборникъ „Итоги и перспективы", стр. 75—76. Статья В. Меча: „Соціальная закономѣрность революціи".

за самой с.-демократіей, и критика, за ея счетъ, развивала такія же историческія и прогностическія перспективы на революцію: предполагалось, что иного взгляда на послѣднюю у соціалъ-демократіи нѣтъ и быть не можетъ.

Это традиціонное толкованіе имѣетъ за себя, повидимому, не одни только догматическія основанія. Весьма солидныя соображенія въ его пользу можно было бы привести еще, исходя изъ наличности самыхъ крупныхъ нашихъ партійныхъ диференцировокъ, или изъ исторической эволюціи соціалистическихъ доктринъ въ Россіи. Народничеству и народовольчеству, какъ извѣстно, приписывается болѣе или менѣе рѣшительная тенденція связывать воедино два такихъ существенно различныхъ момента, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что оба эти момента—политическій и соціальный сольются въ грядущей русской революціи. Тутъ какъ бы должно было сказаться дѣйствіе своего рода закона исторической перспективы: на далекомъ разстояніи, во времени, какъ и въ пространствѣ, отдѣльные промежутки между предметами сокращаются, почти что исчезаютъ, различные этапы пути прогрессивно сближаются, почти совпадаютъ, и только по мѣрѣ дѣйствительнаго приближенія къ далекому начинается различеніе разнствующаго, становится возможной оцѣнка промежуточныхъ этаповъ и разстояній... Такъ было и съ политическимъ переворотомъ въ Россіи для раннихъ соціалистическихъ партій, которыя въ своемъ революціонномъ нетерпѣніи и при своихъ соціальныхъ иллюзіяхъ не могли не окрашивать этого переворота въ красный цвѣтъ,—цвѣтъ соціалистической революціи. И чѣмъ раньше къ намъ перебросился съ Запада соціализмъ, чѣмъ тѣснѣе наше отечество пріобщалось къ соціальнымъ теченіямъ передовыхъ странъ континента, тѣмъ интенсивнѣе должно было проявиться означенное стремленіе. Фактъ, являющійся безспорно характернымъ для текущей эпохи,—его призналъ даже кн. Мещерскій подъ «ошеломляющимъ впечатлѣніемъ» успѣха соціалистическихъ партій на выборахъ во вторую Думу—именно, что въ настоящее время соціализмъ играетъ у насъ роль сильнѣйшаго стимула всего нашего общественнаго и народнаго движенія,—этотъ фактъ остается въ такой же мѣрѣ безспорнымъ вообще для россійскаго соціальнаго прогресса за послѣднее полстолѣтіе. Еще съ конца 50-хъ годовъ, въ періодъ ликвидаціи крѣпостного права, происходитъ у насъ та диференціація либерализма на либераловъ въ тѣсномъ смыслѣ и на рабочую демократію, которая на Западѣ произошла уже *послѣ* низверженія абсолютизма и открытія буржуазной эры. Впитавъ въ себя всѣ жизненные соки либерализма, соціализмъ сдѣлался въ Россіи знаменемъ радикальной демократіи, ихъ «симъ побѣдишь» въ борьбѣ за освобожденіе крестьянъ и уничтоженіе сословныхъ привилегій. Примѣръ Запада показалъ народолюбивой интеллигенціи, что завоеваніе политическихъ свободъ является лишь началомъ новаго капиталистическаго рабства, и въ нѣдрахъ народной души они искали опорныхъ точекъ для успѣха соціалистическаго переворота, который собы-

ралась произвести эта интеллигенція. Указанная черта одинаково проникаетъ задушевныя стремленія всѣхъ нашихъ соціалистическихъ партій 60—70-хъ годовъ, не исключая и «Народной Воли». Меньше всего могли именно народовольцы примириться съ мыслью, что низверженіе самодержавія послужитъ лишь исходной точкой для дальнѣйшей эволюціи Россіи въ буржуазно-капиталистическомъ направленіи. Не считаясь вообще съ законами развитія буржуазнаго общества, эти вчерашніе народники дали увлечь себя идеѣ одновременнаго съ политическимъ переворота соціальнаго, экономическаго, такъ что и представить себѣ не могли одного безъ другого, въ состояніи были мыслить только слитный синтетическій политико-соціальный переворотъ.

«Что насъ ждетъ за этой таинственной чертой, гдѣ бурлятъ и пѣнятся волны историческаго потока?» «Начало соціалистической организаціи!»— увѣренно отвѣчала «Народная Воля». Передача государственной власти въ руки народа, думалось ей, могло бы сразу же дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго міросозерцанія. Партія однимъ ударомъ рѣшала соціальный вопросъ и декретировала сліяніе такихъ моментовъ, которые въ закономѣрномъ теченіи историческихъ событій отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени, посвященнымъ классовой борьбѣ, организаціи и воспитанію массъ. Это была ея безспорная иллюзія, и великая заслуга соціалъ-демократіи,—согласно ходячему взгляду—заключалась въ томъ, что, отведя вообще иллюзіямъ, какъ и утопіямъ, свое мѣсто въ исторіи развитія соціалистической мысли, она подвергла и эту народовольческую иллюзію разъѣдающему скепсису, доказавъ, что послѣ ожидаемой революціи насъ встрѣтитъ не царство соціализма, но, напротивъ, ждетъ лишь полный расцвѣтъ капитализма. Марксизмъ раздѣлилъ такимъ образомъ то, что въ смутномъ міросозерцаніи нашихъ утопическихъ революціонеровъ подлежало раздѣленію, указалъ на необходимость и значеніе чисто-политической борьбы и политической свободы, какъ неизбѣжной переходной ступени къ соціализму. На потребностяхъ растущаго и развивающагося капитала и его представительницы—буржуазіи, на законѣ развитія буржуазнаго общества основала с.-демократія свою увѣренность въ неизбѣжности политическаго освобожденія Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и созданія такихъ условій, которыя позволятъ развивающемуся параллельно съ буржуазіей пролетаріату сорганизоваться въ мощную соціалистическую партію, которая шагъ за шагомъ, въ союзѣ съ интернаціональнымъ пролетаріатомъ, станетъ отвоевывать всѣ позиціи у господствующихъ классовъ и приблизитъ моментъ соціальной революціи и конечнаго освобожденія всего человѣчества. «Но это все—дѣло будущаго, отдѣленнаго отъ насъ болѣе или менѣе длиннымъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго нашъ капитализмъ можетъ стать полновластнымъ хозяиномъ Россіи. Довлѣетъ дневи злоба его, и что бы ни сулила намъ въ будущемъ предстоящая Западу соціалистическая революція,—злобой нынѣшняго дня является у насъ всетаки ка-

питалистическое производство» *). Слѣдовательно, въ ближайшій исторический періодъ господство будетъ принадлежать у насъ безраздѣльно буржуазіи, а на этотъ выдающійся историческій постъ она будетъ вознесена нынѣшней революціей, хотя и происходящей подъ фактической гегемоніей пролетаріата, однако обнаруживающей всѣ симптомы однотипной съ западной Европой буржуазной революціи.

II.

Изображенный въ предшествующемъ ходъ мысли представляетъ довольно точное изложеніе марксистской догмы, мѣстами въ подлинныхъ выраженіяхъ ея различныхъ ортодоксальныхъ носителей,—выраженіяхъ, которыя почти сами выстраивались въ стройный логическій рядъ до полнаго исчезновенія всякихъ швовъ или заминокъ. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что заученность и элементарность формулъ не даютъ ни мѣста, ни повода для какихъ бы то ни было уклоненій индивидуальной мысли: послѣдняя такъ же покорно струится здѣсь по разъ проложенному руслу, какъ струя жидкости по заранѣе прорытому желобку. Да и о чемъ прикажете размышлять, къ чему приложить свою индивидуальную мысль, когда все съ самаго начала было предусмотрѣно, предсказано, взвѣшено и измѣрено, всему отведено свое мѣсто, роли распредѣлены точно по указкѣ, и все это не какъ-нибудь, а съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ историческихъ законовъ, чуть ли не подъ руководствомъ самого генія исторіи. «Русская соціалъ-демократія *съ самаго начала предвидѣла неизбѣжность* наступленія въ Россіи революціи; она *съ самаго начала предсказала* ея соціальный характеръ—это будетъ революція буржуазная; она *предсказала*, кто будетъ ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—ее совершатъ рабочіе, *или она вовсе не совершится*; она *намѣтила*, наконецъ, *роль*, которую въ ней сыграетъ пролетаріатъ—вмѣсто слѣпого орудія, которымъ онъ служилъ въ прежнихъ революціяхъ, онъ въ русской революціи явится ея *сознательнымъ двигателемъ*... онъ самую *побѣду буржуазнаго общества* надъ абсолютизмомъ превратитъ въ прологъ къ своей побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ» **).

Такова, повторяемъ, квинтъ-эссенція доподлиннѣйшаго ортодоксальнаго марксизма, столь же, казалось бы, нерушимая и неизмѣнная, какъ онъ самъ. Но... давно вѣдь извѣстно, что въ исторической жизни, какъ и въ физической природѣ, все течетъ, все измѣняется, а потому и нельзя давать себѣ заранѣе никакихъ зароковъ, нельзя лелѣять никакой ортодоксіи, въ особенности если самъ стоишь, какъ марксистъ, на точкѣ зрѣнія діалектической философіи, проповѣдующей измѣнчивость и текучесть всего. «Изслѣдователь не долженъ успокаиваться ни на какомъ положи-

---

*) *Г. Плехановъ*: „Наши разногласія", изд. 1906 г. стр., 155.

**) *Искра*, ч. II, стр. 200—201, курсивъ нашъ.

тельномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ ли въ предметѣ, имъ изучаемомъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ»—такъ учитъ діалектическій методъ, и намъ лишь остается послѣдовать его компетентнымъ указаніямъ. Но самыя особенности упомянутаго метода, все существо его, какъ видно, такого рода, что, разъ вступивъ на этотъ путь, мы должны быть готовы ко всевозможнымъ неожиданностямъ, вплоть до превращенія изучаемой вещи въ ея полную противоположность; напр., мы не должны будемъ удивляться, когда на нашихъ глазахъ русскіе марксисты, по нѣкоторымъ кардинальнѣйшимъ вопросамъ міровоззрѣнія, заговорятъ языкомъ осмѣянныхъ ими «утопическихъ» народниковъ, когда окажется, что къ этому ихъ обязываетъ даже своего рода долгъ исторической признательности, ибо отсюда именно, отъ народничества и народовольчества, исходятъ самыя предпосылки «историческаго подготовленія русской соціалъ-демократіи...» *) Будучи людьми необычайной, настоящей діалектической широты мысли, марксисты совершенно правильно претендуютъ на то, что ихъ понимаютъ обыкновенно слишкомъ «узко» и «односторонне», навязывая имъ взгляды, которые, хотя и вытекаютъ изъ ортодоксіи и дѣйствительно «съ самаго начала» исповѣдуются и проповѣдуются ими, какъ «догма», но на-ряду съ которыми всеобъемлющій методъ всегда открывалъ широкій доступъ и гетеродоксіи («иновѣрію») съ ея отступающими видами, упраздняющими самую «догму» вмѣстѣ со всей ортодоксіей. «Діалектика не имѣетъ ничего общаго съ скептической терпимостью свѣтскихъ людей, но и она умѣетъ соглашать прямо противоположныя отвлеченныя положенія»,—училъ когда-то г. Бельтовъ-Плехановъ. И соглашаясь, что въ этомъ нѣтъ и намека на скептическую терпимость свѣтскихъ людей, мы не могли, напротивъ, не видѣть тутъ очень даже много общаго съ нѣсколько циничной терпимостью тѣхъ благочестивыхъ отцовъ, для которыхъ истинность какого-нибудь утвержденія вовсе не исключала истинности утвержденія діаметрально противоположнаго... Какъ бы то ни было, но такое умѣніе соглашать прямо противоположныя отвлеченныя положенія вынуждаетъ и критику сойти съ безплодной абстрактной точки зрѣнія, давно отвергнутой матеріалистически-діалектическимъ толкованіемъ исторіи, и встать на почву живого пониманія явленій, опираясь на то многозначительное положеніе, что вообще отвлеченной истины нѣтъ, что истина конкретна.

Въ частности же, въ вопросѣ о русской революціи критика чуть ли не насильственно приводится на этотъ путь, прямо натыкаясь на фактъ закономѣрной подстановки одной истины на мѣста другой. Посудите сами. Русская с.-демократія «съ самаго начала» была настоящей духовной воспріемницей и провозвѣстницей отечественной революціи, она предсказала буржуазный характеръ послѣдней, намѣтила ея дѣйствующихъ лицъ, рас-

*) Заглавіе брошюры г. Ю. Стеклова (Спб., 1906), носящей подзаголовокъ: „Страничка изъ исторіи русской соціалистической мысли“.

предѣлила между ними роли, наконецъ даже опредѣлила этапы, пройдя чрезъ которые, побѣда буржуазнаго общества должна будетъ превратиться въ конечную побѣду надъ самимъ буржуазнымъ обществомъ. «Такова была настоящая революція въ обычномъ представленіи русской соціалъ-демократіи. Но *именно тогда, когда она изъ абстракціи превратилась в осязательный фактъ*, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей какъ будто перестали ее понимать и очутились въ положеніи евангельскихъ дѣвъ въ моментъ пришествія жениха». Такъ сѣтуетъ г. Мартыновъ, не подозрѣвая всего высокаго комизма этихъ сѣтованій, не понимая, повидимому, того, что иначе и быть не могло, что въ самой постановкѣ его вопроса, объективно вполнѣ правильной, заключается и объясненіе поразившаго его явленія: ибо кто живетъ весь вѣкъ *абстракціями*, тотъ долженъ спасовать въ рѣшительную минуту предъ *конкретнымъ фактомъ*, тотъ не можетъ какъ разъ не очутиться въ положеніи евангельскихъ дѣвъ, въ мысляхъ своихъ лелѣявшихъ мечту о женихѣ, но растерявшихся предъ дѣйствительнымъ пришествіемъ его «во полунощи»... Для охарактеризованія этого искомаго соотношенія между абстрактной истиной и осязательнымъ фактомъ, между священной догмой и нарушающей ее ересью, между старымъ ортодоксальнымъ шаблономъ и уклоняющейся отъ него новаторской гетеродоксіей, сами бы мы прибѣгли, впрочемъ, къ другому библейскому сравненію — съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Хотя нѣкоторые учители церкви и пытались доказать, что законъ потерялъ свою силу, когда явилась благодать, но самъ Спаситель училъ, что Онъ пришелъ не нарушить законъ, а исполнить его... Точно также и въ лонѣ соціалъ-демократіи оба— законъ и благодать—сосуществуютъ рядомъ, какъ дополняющія и исправляющія другъ друга священныя истины, какъ изначальная абстракція и послѣдующій конкретный фактъ, — какъ «работная Агарь» и «свободная Сарра», прогнанный Измаилъ и усыновленный Исаакъ, какъ луна и солнце...

Не подлежитъ сомнѣнію, говорятъ намъ, что соціалистическая или пролетарская революція, въ идеѣ или абстрактно, противоположна той политической или буржуазной революціи, которую по штату нынче полагается продѣлать нашему отечеству. Да, въ принципѣ мы должны принять, что *такая* революція предшествуетъ первой по времени и отличается отъ нея своимъ классовымъ содержаніемъ: въ то время какъ соціалистическая революція есть дѣло рукъ пролетаріевъ, совершающихъ эту революцію для себя, политическая является прямой и непосредственной задачей буржуазныхъ классовъ общества, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она производится усиліями рабочихъ (т.-е. въ сущности во всѣхъ случаяхъ). Это разъ, а во-вторыхъ, прокладывая дорогу свободному и побѣдоносному шествію капитала, она въ большей или меньшей степени легализируетъ классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей и т. д. Все это такъ, все это совершенно справедливо. Однако было бы заблужденіемъ на этихъ положеніяхъ и успокоиться. Это законъ, а не благодать. Каждую

такую истину мы обязаны разсматривать не какъ застывшую и неизмѣнную, не мыслить метафизически, въ терминахъ: да, да, нѣтъ, нѣтъ, что же сверхъ того, то отъ лукаваго, а подъ угломъ зрѣнія живой самокритики и творческой партійной дѣятельности; самая историческая дѣйствительность при этомъ разсматривается, какъ стихія, еще поддающаяся сознательному воздѣйствію человѣка, подлежащая своего рода искусственной выковкѣ... Не нужно забывать, что соціалъ-демократія—партія пролетаріата—неусыпно бодрствуетъ надъ развертывающимся ходомъ событій, оставаясь «съ самаго начала» на сторожевомъ посту нашей, буржуазной революціи. И это-то обстоятельство, обусловливая «*двусторонній, исторически-противорѣчивый* характеръ положенія и задачъ партіи», прямо налагаетъ на нее обязанность «то и дѣло останавливаться на ходу», чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ «половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ попытокъ». Эту обязанность партія добросовѣстно и принимаетъ на себя. «Въ современныхъ условіяхъ развитія нашей партіи,—заявляетъ такой видный членъ ея, какъ П. Аксельродъ,—каждая ея ошибка, каждый ложный или односторонній шагъ можетъ повести къ тому, что вмѣсто того, чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революціи послужилъ орудіемъ и рычагомъ для «революціи пролетаріата», наоборотъ, наше рабочее движеніе само низведено будетъ до роли простого орудія въ этомъ процессѣ. *Для предупрежденія такого непріятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторіи* у соціалъ-демократіи одно только средство и есть: *постоянная самокритика*, подъ угломъ зрѣнія своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетаріата» *).

И нужно признать, что этотъ процессъ «самокритики»—въ рукахъ с.-демократіи являющійся чуть ли не средствомъ дружескаго прирученія ею «слѣпыхъ силъ исторіи»—производится въ средѣ партіи необычайно успѣшно, благо логическая почва для такой операціи до нельзя облегчена тѣмъ именно «двустороннимъ, исторически-противорѣчивымъ характеромъ положенія и задачъ партій», о которой мимоходомъ упомянулъ здѣсь Аксельродъ. Но, конечно, для полноты самокритики, для того чтобъ вдохнуть въ нее рѣшимость, разъ на всегда покончить съ своей половинчатостью, съ противорѣчивостью и межеумочностью своей позиціи, нуженъ былъ все-таки достаточной силы «осязательный фактъ». И такимъ конкретнымъ fait nouveau, заставившимъ вновь пересмотрѣть эту долгую и утомительную тяжбу соціалъ-демократіи съ русской революціей, авансомъ заподозрѣной въ измѣнѣ всякимъ соціалистическимъ предпосылкамъ и сосланной на Чортовъ островъ буржуазнаго переворота, явилось 9 января 1905 г., эта формальная дата начала русской революціи. Въ этотъ день, какъ говорило партійное воззваніе, «гигантскія руки пролетаріата схватили за горло чу-

*) *П. Аксельродъ*: „Объединеніе россійской с.-демократіи и ея задачи", въ „Искрѣ за два года", II, стр. 123—124, курсивъ нашъ.

довище стараго режима». «Девятое января семимильными шагами приблизило насъ къ побѣдѣ!»—восклицалъ товарищъ Мартовъ. «Послѣ 9 января уже нельзя просто требовать учредительнаго собранія, а нужно готовиться къ боевому выступленію, замѣнѣ нынѣшняго правительства временнымъ революціоннымъ правительствомъ и созыву учредительнаго собранія этимъ послѣднимъ»,—вторилъ товарищъ Троцкій...» *) Въ рядахъ партіи заговорили о коренномъ пересмотрѣ своихъ тактическихъ задачъ,—правда, покуда только тактики, а не принциповъ или взглядовъ на самый характеръ революціи. Больше того, тотъ, напр., самый с.-демократъ, который слагалъ гимнъ о семимильныхъ сапогахъ, сработанныхъ 9 января, имѣлъ наивность спрашивать вслѣдъ за этимъ: «Но измѣнило ли оно историческій характеръ революціи?»—чтобы отвѣтить: «Очевидно, нѣтъ... Революція, которую начало собой 9 января, остается тою же, какою мы ее считали до 9 января: соціальной революціей буржуазіи...» **) Но это были уже послѣднія вспышки «буржуазныхъ» иллюзій: процессъ революціонно-соціалистической самокритики успѣлъ тѣмъ временемъ зайти достаточно далеко и настолько измѣнить для многихъ «мѣру всѣхъ вещей», что г. Мартовъ могъ, напр., горько иронизировать: если, молъ, «до 9 января наша тактическая мудрость гласила *не* «якобинецъ—соціалъ-демократъ», а «якобинецъ *или* соціалъ-демократъ», то послѣ 9 января мы нашли, что на нашъ вѣкъ хватитъ уже обнаруженнаго нами анти-якобинскаго пуританизма». Другими словами—замѣтимъ ужъ мы—послѣ 9 января, нашимъ с.-демократамъ оставалось лишь повторить безсмертную реплику мольеровскаго Сганареля: «Oui, cela était autrefois ainsi; mais nous avons changé tout cela, et nous faisons maintenant la révolution d'une méthode toute nouvelle» ***).

По этому же поводу и г. Мартыновъ открылъ въ средѣ соціалъ-демократіи своихъ «евангельскихъ дѣвъ...»

«Съ 9 января мы вступили въ эпоху гражданской войны, въ эпоху революціи—пояснялъ г. Мартыновъ.—Каково соціальное содержаніе этой революціи? Эта революція будетъ буржуазная,—говорили мы всегда, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, никто изъ с.-демократовъ прямо и категорически этого положенія не оспариваетъ, но нѣкоторые уже теперь высказываютъ такіе взгляды, которые, *будучи развиты до логическаго конца,* никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской революціи, какъ о революціи буржуазной. Взгляды эти, правда, пока высказываются единицами, но мы ихъ не можемъ и не должны игнорировать, потому что они теперь больше, чѣмъ когда-либо, могутъ найти себѣ резонансъ, потому что сама дѣйствительность *какъ будто* за нихъ говоритъ» (*Искра*, 205).

---

*) См. также *Н. Троцкій:* „Наша революція“, стр. 63—73.

**) *Л. Мартовъ*: „На очереди“ (*Искра*, стр. 179).

***) Мольеровскій Сганарель говоритъ, понятно, о *медицинѣ,* а не о революціи.

Г. Мартыновъ подчеркнулъ здѣсь словечко: *какъ будто,* въ знакъ того, разумѣется, что въ данномъ случаѣ дѣйствительность даетъ, по его мнѣнію, фальшивый резонансъ. Онъ, г. Мартыновъ, не даетъ вводить себя въ заблужденіе или сбивать себя съ толку «выплывшимъ на историческую поверхность грандіознымъ событіямъ послѣдняго времени» (иначе—«яркимъ и бурнымъ январскимъ событіямъ»), ни «огромному взрыву пролетарскаго движенія» (или еще: «могучему движенію возставшаго россійскаго пролетаріата»). «Все это несомнѣнно вѣрно и всетаки это нисколько не противорѣчитъ тому, что настоящая русская революція есть революція буржуазная и всетаки это нисколько не оправдываетъ тѣхъ *скачковъ мысли* («семимильныхъ шаговъ?»), которые съ такой легкостью продѣлываютъ нѣкоторые наши товарищи». Тысячу разъ такъ, тридцать тысячъ разъ «буржуазная революція», но чѣмъ, примѣрно, г. Мартыновъ возьмется ослабить значеніе этихъ, признанныхъ имъ же, яркихъ и бурныхъ, грандіозныхъ, огромныхъ, могучихъ событій русской революціи—этого «чудища обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй»—для изображенія всего величія котораго онъ же не находитъ въ своемъ лексиконѣ достаточно сильныхъ, достаточно хвалебныхъ выраженій? Онъ говоритъ: русскій пролетаріатъ обнаружилъ огромную боевую революціонную силу и несомнѣнно, что она служитъ главнымъ залогомъ торжества революціи. «Но,—спрашиваетъ онъ,—въ какихъ же буржуазныхъ революціяхъ пролетаріатъ не зарекомендовалъ себя, какъ главная боевая сила?» Это спрашиваетъ человѣкъ, который все время подчеркиваетъ то отличіе русской революціи отъ прежнихъ буржуазныхъ революцій, что пролетаріатъ въ ней, вмѣсто слѣпого орудія, явится сознательнымъ двигателемъ, что эта революція совершится подъ верховной гегемоніей пролетаріата!...

Въ одномъ мѣстѣ онъ же увѣряетъ: «Мы—враги революціонной фразы и потому мы говоримъ, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, несмотря на огромную роль, которую въ ней играетъ пролетаріатъ, *несмотря на специфическій отпечатокъ, который пролетаріатъ уже успѣлъ наложить на ея программу*» (ib., стр. 213, курсивъ нашъ). Попытайтесь-ка удержаться на такой логической позиціи, когда, несмотря на «специфическій отпечатокъ», уже наложенный пролетаріатомъ на «программу русской революціи», послѣдняя всетаки революція буржуазная, буржуазная во что бы то ни стало, «стихіямъ вопреки», буржуазная malgré lui,—попробуйте не свихнуться на «этомъ двустороннемъ, исторически-противорѣчивомъ характерѣ положенія и задачъ нашей партіи», о которомъ говорилъ раньше Аксельродъ,—извольте-ка не страдать при такихъ условіяхъ избыткомъ той самокритики, къ которой наивно призывалъ въ виду этого тотъ же Аксельродъ. И вотъ мы читаемъ, наприм., у другого ортодоксальнаго с.-демократическаго писателя, что—«русскіе соціалъ-демократы, если только они хотятъ быть вѣрными выразителями самаго революціоннаго класса современнаго общества, должны работать такъ, чтобы грядущая революція, которая несомнѣнно совершится на основѣ буржуазныхъ

отношеній производства и, *въ этомъ смыслѣ*, несомнѣнно явится «буржуазной» (замѣтьте, на этотъ разъ въ кавычкахъ и съ ограниченіемъ «въ этомъ смыслѣ!»), была отъ начала до конца *пролетарской* (курс. подлин.) въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ явится въ ней элементомъ, *руководящимъ и накладывающимъ свою классовую печать* на всѣ движенія». До сихъ поръ мы все еще движемся, болѣе или менѣе, въ кругу идей и даже въ терминахъ Мартынова, хотя уже здѣсь нѣкоторые намеки типографскаго свойства (курсивы, кавычки), а въ особенности прямо упоминаемая «классовая печать» (вмѣсто недоговореннаго мартыновскаго «специфическаго отпечатка»), накладываемая пролетаріатомъ на все руководимое имъ революціонное движеніе, явно отклоняютъ революцію не просто влѣво, но и выразительно въ сторону соціалистическихъ требованій пролетаріата. А далѣе мы прямо такъ и читаемъ: «Они (русскіе с.-демократы) *не должны умалять заранѣе* размахъ своей революціонной работы, внушая себѣ, что ихъ побѣда принесетъ прежде всего пользу буржуазіи, а дѣлать ее все шире и глубже, стараясь уже подготовить условія, которыя *сократили бы переходный періодъ между грядущей «политической» революціей и слѣдующей за ней соціальной*, стараясь превратить ее въ непосредственный прологъ соціальной революціи» *) (курс. нашъ).

Припомнимъ, что отщепенцевъ среди своихъ товарищей (послѣ 9 января) г. Мартыновъ обвиняетъ въ «высказываніи такихъ взглядовъ, которые, будучи развиты до логическаго конца, никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской буржуазной революціи». Но мы видѣли только что, къ чему сами собой приводятъ эти «обычныя представленія» г. Мартынова, будучи, въ свою очередь, развиты до ихъ логическаго конца. Говоримъ, *сами собой* приводятъ, потому что въ разсужденіи г. Рязанова «осязательный фактъ» никакой роли сыграть не могъ—эти выборы были сдѣланы имъ за нѣсколько лѣтъ до 9 января, стало быть, столько же въ дореволюціонную, какъ и въ докритическую эпоху безраздѣльной «буржуазной» революціи. Г. Рязановъ можетъ быть такимъ образомъ названъ одной изъ первыхъ, раннихъ ласточекъ *соціалистическаго* пересмотра принциповъ русскаго марксизма. Онъ, какъ видимъ, далеко не свободенъ отъ буржуазныхъ предразсудковъ и суевѣрій ортодоксіи, но вѣдь въ этомъ-то и главный интересъ процесса «постоянной самокритики», продѣлываемаго россійской с.-демократіей! Какъ вѣрный ученикъ, онъ всюду отдаетъ должную дань и догмѣ, во всѣхъ подлежащихъ мѣстахъ с.-демократическаго требника умѣетъ, наприм., кстати прибавить эпитетъ: буржуазный къ слову—революція, но въ то же время относится онъ къ этимъ ортодоксальнымъ, обязательнымъ суевѣріямъ съ нѣкоторой дозой иронической граціи—не отъ недостатка ортодоксіи, а наоборотъ, отъ избытка ея, отъ полной готовности къ теоретическимъ жертвамъ, разъ

*) *Н. Рязановъ:* „Къ критикѣ программы россійской с.-демократіи", изд. 2-е, стр. 297.

этого требуетъ ея величество доктрина, разъ неизбѣжность жертвоприношенія лежитъ въ основной природѣ послѣдней,—и въ этой готовности воспріять свой мученическій вѣнецъ отъ лица самой ортодоксіи онъ смѣло ведетъ свою «буржуазную», въ кавычкахъ, линію до ея логическаго соціалистическаго конца. Заслуга это, разумѣется, доброхотная—но и только, ибо и строгіе законники марксизма—всѣ эти Мартовы, Мартыновы и прочіе истинные фанатики и мученики «буржуазной революціи»—фатально кончаютъ тѣмъ, что становятся недобровольными жертвами той же рязановской линіи.

Но предварительно не мѣшаетъ еще уяснить себѣ, куда собственно привела насъ эта линія, еще въ 1902—1903 гг. проектировавшая «подготовить условія, которыя сократили бы переходный періодъ между грядущей «политической» революціей и слѣдующей за ней соціальной, стараться превратить первую въ непосредственный прологъ послѣдней». А для этого намъ необходимо оглянуться на мигъ на область «историческаго подготовленія» самой россійской соціалъ-демократіи, давнымъ давно, по положенію, покинутую послѣдней и составляющую для нея въ настоящее время то, что называется по-нѣмецки—ein überwundener Standpunkt.

III.

Хотя для нашихъ революціонеровъ-соціалистовъ 70-хъ годовъ, разсматриваемыхъ en bloc, моменты политической и соціальной революціи и совпадали хронологически въ представленіи нераздѣльной «народной революціи», однако у насъ есть очень солидныя основанія предполагать, что, наприм., у народовольцевъ вопросъ стоялъ не такъ ужъ абсолютно, а приблизительно такимъ образомъ. Что, если политическая борьба, начатая партіей («Народной воли»),—спрашивали они—увѣнчается успѣхомъ, т.-е. завершится низверженіемъ абсолютизма, но въ то же время государственную власть захватитъ въ свои руки растущая буржуазія? И они пытаются нарисовать схему предстоящаго переворота, въ которомъ моменты соціальной и политической революціи, если и *не сливаются воедино,* то, во всякомъ случаѣ, *очень сильно сближаются*: политическій переворотъ въ Россіи долженъ послужить также *началомъ соціальной ликвидаціи* *). Кто не признаетъ въ этомъ «сближеніи» и въ этомъ «началѣ» вышеприведенной схемы одного изъ представителей современной россійской с.-демократіи, притомъ ортодокса изъ ортодоксовъ, осмѣяннаго, по крайней мѣрѣ, Плехановымъ (ужъ на что человѣкъ ортодоксальнѣйшаго образа мыслей!) за его «ортодоксальное буквоѣдство»?... И однако соціалъ-демократическій авторъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія о народовольчествѣ, находитъ, что тутъ «народническая доктрина завела народовольца въ тупой переулокъ», и, продолжая неодобрительно излагать взглядъ послѣдняго, г. Стекловъ говоритъ:

*) *Ю. Стекловъ*: „Истор. подготовл. рус. с.-демократіи“, стр. 53.

«...низверженіе самодержавія вовсе не послужитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія Россіи въ буржуазно-капиталистическомъ направленіи (какъ принимаетъ марксизмъ). Не для того только ведетъ политическую борьбу партія «Народной воли», чтобъ открыть новую эру свободнаго политическаго развитія Россіи и т. д., и т. д. Нѣтъ,—гордо возглашаетъ нашъ авторъ,—вчерашніе народники не могли *такъ* (курс. его) поставить задачи русскихъ соціалистовъ, именно потому, что они, по примѣру своихъ предшественниковъ, также *не считались съ законами развитія буржуазнаго общества»* *).

Ну, конечно. Гдѣ же было имъ, не прошедшимъ сквозь строго-научную дисциплину «Капитала», стать недосягаемыми обладателями этихъ всемогущихъ «законовъ», подобно марксистамъ? Но если эти законы и впрямь такъ всесильны, что, не считаясь съ ними, соціалистъ рискуетъ угодить въ «тупой переулокъ» революціи, то чего же смотритъ теперь г. Стекловъ? Какъ могъ онъ, блюститель «историческаго подготовленія» своей партіи, допустить ту вакханалію необузданнаго теоретическаго попиранія товарищами всѣхъ и всякихъ «законовъ развитія», которою ознаменовалась эпоха русской революціи, послѣ того какъ послѣдняя изъ абстракцій сдѣлалась осязательнымъ фактомъ, когда изъ просто «грядущей» она воплотилась для нихъ прямо въ жениха, «грядущаго во полунощи»? А впрочемъ, безпокоиться, пожалуй, и впрямь особенныхъ основаній не было. Ибо слѣдовало напередъ ожидать, что дѣло и тутъ не обойдется безъ законной санкціи. И дѣйствительно, марксисты вовсе не отреклись отъ «закона», напротивъ, считаются съ нимъ, благоговѣютъ передъ его именемъ; буржуазная революція, совершаемая по всѣмъ законамъ развитія буржуазнаго общества, не сходитъ у нихъ съ языка, какъ имя Бога съ устъ благочестиваго мужа. И отъ того, что они «такъ» съ ними «считаются», кое-кому изъ строгихъ «законниковъ» с.-демократіи уже саркастически предвидѣлось, послѣ 9 января, появленіе въ средѣ ея «кучи проектовъ совпаденія политической и соціалистической революціи» («по тому случаю, что мы уже переросли въ собственномъ воображеніи всѣ рамки революціи буржуазной!»), а спустя нѣсколько мѣсяцевъ Г. В. Плехановъ долженъ былъ дѣйствительно, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, констатировать (въ ноябрьскомъ выпускѣ «Дневника с.-демократа») «*появленіе и укрѣпленіе въ средѣ партіи теченія, отличающагося отъ стараго народовольчества почти одной только терминологіей*». Около того же времени, по поводу провозглашенія непрерывной революціи, имъ пришлось выслушать также кадетскую укоризну, что «никакія ссылки на исключительныя условія революціоннаго періода, переживаемаго нами, не могутъ освободить васъ отъ признанія законовъ исторіи, *хотя бы въ томъ видѣ, какъ признала ихъ доктрина экономическаго матеріализма*» ***). Приведемъ, наконецъ, болѣе позднюю

*) Ibid., стр. 54, курс. нашъ.

**) „Искра и пр.", отр. 186.

***) *Свободный Народъ*, № 1, отъ 1 декабря 1905 г., курсивъ нашъ. „Если мы и

и резюмирующее свидѣтельство с.-демократическаго же (меньшевистскаго) органа, который говоритъ: «Мощь пролетаріата заставляла его верхушку—организованную и сознательную часть—думать, что уже теперь возможно расширить предѣлы русской революціи и осуществить болѣе сложныя и глубокія задачи, чѣмъ достиженіе политической свободы. Многіе вѣрили въ возможность перехода всей власти въ руки пролетаріата, немедленнаго установленія полнаго народовластія. Иные шли еще дальше и представляли себѣ, что мы стоимъ уже на порогѣ борьбы за соціалистическій строй» *).

Мы не будемъ останавливаться на анализѣ этихъ экстравагантныхъ и безспорно предосудительныхъ, съ точки зрѣнія имманентныхъ законовъ, увлеченій нашихъ эсъ-дековъ, къ которымъ тогда, въ тотъ «Sturm und Drang» періодъ, оказались въ одинаковой мѣрѣ причастными обѣ враждующія фракціи (представленныя въ этотъ моментъ газетами: *Новая Жизнь и Начало***). Здѣсь бы намъ хотѣлось только возможно рѣзче фиксировать мысль, что это—если можно такъ выразиться—*свихиваніе* русской соціалъ-демократіи оказывается плодомъ не простого увлеченія, личнаго, фракціоннаго или даже партійнаго,—равно какъ не самопроизвольное стремленіе «верхушки пролетаріата къ возможному расширенію предѣловъ русской революціи является тому виной—а ошибка эта, *поскольку* она ошибка, вытекаетъ фатально изъ шаткости и ненадежности самой идеологической почвы, изъ абсолютной негодности того теоретическаго метода, который, несмотря на все, Плехановъ тогда же воспѣлъ «выше облака ходячаго», горячо приглашая товарищей-практиковъ не пренебрегать этимъ «незамѣнимымъ средствомъ практическихъ успѣховъ...» И въ самомъ дѣлѣ, мы слышали, какъ еще сравнительно задолго до революціи г. Рязановъ могъ, такъ сказать, хо-

---

народныя,—заявляетъ уже въ 1907 г. *Новь* (№ 39),—ждутъ отъ Думы и соціальныхъ реформъ, то эсъ-деки совершенно ошибочно считаютъ это явленіе симптомомъ революціи соціальной, грозящей вотъ-вотъ опрокинуться на наши головы. Не мѣшало бы имъ, особенно большевикамъ, думать немного болѣе... „по Марксу" и признать „нѣкоторую" аналогію нынѣшняго положенія съ 89 годомъ во Франціи" (т.-е. съ „буржуазной революціей").

*) Еженед. *Наше Дѣло*, № 6, отъ 28 окт. 1906 г., ст. В. Мирова.

**) Н. Ленинъ совершенно основательно напомнилъ недавно въ *Новомъ Лучѣ*, что въ октябрьско-ноябрьскіе дни „меньшевики отличались отъ большевиковъ только *увлеченіями тов. Троцкаго*". Это побуждаетъ насъ представить читателю образчикъ „увлеченій тов. Троцкаго"—въ одномъ изъ ноябрьскихъ №№ *Начала* (1905 года: „...Нѣтъ такого этапа въ буржуазной революціи, на которомъ могла бы успокоиться боевая сила пролетаріата, гонимая стальной логикой классовыхъ интересовъ. *Непрерывная революція становится для пролетаріата закономъ классоваго самосохраненія* (курс. подлин.) Логика его непосредственной борьбы за упроченіе политическаго господства ставитъ передъ нимъ въ извѣстный моментъ чисто-соціалистическія проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революціонная непрерывность" и т. д. („Наша революція", стр. 172—173). Воистину „почти (!) одна только терминологія" (какъ выразился тов. Плехановъ) отличаетъ все это отъ старо-народовольческихъ „увлеченій" 70-хъ годовъ!

лодно, только повинуясь логическимъ слѣдствіямъ «исторически-противорѣчиваго» характера положенія и задачъ своей партіи, этой своеобразной позиціи пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи, рекомендовать россійскимъ с.-демократамъ тотъ именно образъ дѣйствія—«не умалять заранѣе размахъ своей революціонной работы, дѣлать революцію все шире и глубже» и т. д., которому «товарищи-практики» впослѣдствіи, въ упоеніи кажущейся побѣдой революціи, фактически и слѣдовали—горячій совѣтъ товарища Плеханова насчетъ теоретическаго метода, какъ видимъ, не пропалъ даромъ, послѣдовательность теоріи и практики оказалась полная и поразительная, но врядъ ли эта послѣдовательность могла особенно порадовать сердце Плеханова... Мы назвали это свихиваніе марксизма фатальнымъ, и это до такой степени вѣрно, что и самые ярые законники марксистской догмы, послѣ сверхчеловѣческихъ, но тщетныхъ усилій удержаться, одинъ за другимъ сваливались въ ту же пропасть теоретическаго беззаконія, въ ту же бездну постоянной «самокритики».

Особеннаго вниманія заслуживаетъ при этомъ въ высшей степени своеобразная психологія этихъ «скачковъ мысли», вооружившейся «семимильными» сапогами,—то состояніе раздвоенія между непосредственностью революціоннаго импульса со всѣми свойственными ему крайностями соціальнаго порыва и самопроизвольнымъ гипнозомъ догматически-ограниченной буржуазной революціи, которое сопровождаетъ упомянутый процессъ теоретической самокритики.

«Для марксиста роль, которую въ опредѣленный историческій періодъ долженъ сыграть данный соціальный слой, опредѣляется въ конечномъ счетѣ... объективнымъ значеніемъ историческаго момента»,—говоритъ намъ ревнитель объективнаго метода въ исторіи, послѣ чего—обычный рефренъ: «*И если не фраза* наши слова, что мы идемъ къ буржуазной революціи, то намъ не придется долго смотрѣть въ увеличительное стекло, чтобы найти субъективные факты этой буржуазной революціи».

Обратите вниманіе: одинъ говоритъ—«если не фраза, что мы идемъ къ буржуазной революціи», вполнѣ убѣжденный, конечно, что это «не фраза» и просто употребивъ риторическій условный оборотъ. Другой не менѣе ревностный законникъ буржуазной революціи прямо отрѣзалъ: «Мы враги революціонной фразы и потому мы говоримъ, что настоящая русская революція есть революція буржуазная». Житейская пословица гласитъ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Ясно, что этихъ людей, этихъ ригористовъ фразы, жметъ именно фраза, и не просто жметъ, а давитъ, гнететъ нестерпимо, отчего они такъ наивно, такъ непосредственно и обороняются отъ этого навожденія путемъ словесныхъ увѣреній въ непричастности и даже «враждебности» будто бы къ «революціоннымъ фразамъ»—но только затѣмъ, чтобы на мѣсто ихъ тутъ же поставить свою *фразу* о буржуазной революціи. Впрочемъ, субъективно для нихъ то это не фраза,—они, бѣдные, слишкомъ искренни для этого, вѣрнѣе сказать, они искренно заворожены, загипнотизированы своей догмой. Навыкшій въ

ортодоксіи умъ продолжаетъ отрыгать еще старую жвачку, твердить свои старые избитые лозунги о буржуазной революціи, между тѣмъ какъ въ томъ же построеніи фразы, начатой во здравіе капитала и освободительницы его—политической революціи, тѣмъ же почеркомъ пера, только что начертавшаго «буржуазность», выводится рядъ положеній и требованій совершенно иного порядка, показывающихъ, что революціонная мысль въ дѣйствіи далеко обогнала догму, оставила далеко позади себя всякія ограниченія ортодоксіи и смѣло заглянула въ лицо не только полному народовластію, но и непосредственной соціалистической «утопіи». Поэтому вы сплошь да рядомъ наталкиваетесь на мысленныя конструкціи вродѣ слѣдующихъ: «*Классовое самосознаніе пролетаріата* служитъ порукой въ томъ, что русская *буржуазная революція* такъ основательно смететъ всѣ остатки феодализма, пріобрѣтетъ такой демократическій характеръ, какъ *ни одна* изъ предшествовавшихъ революцій» *),—«гдѣ русская буржуазная революція» вторглась неуклюжимъ архаическимъ завиткомъ между классовымъ самосознаніемъ пролетаріата и соотвѣтствующей ему еще *небывалой* по своему демократическому размаху революціей. Или: «чѣмъ шире къ лозунгамъ, впервые выдвинутымъ пролетаріатомъ, примыкали буржуазные слои... чѣмъ лучше пролетарій сознавалъ буржуазность русской революціи» **)... причемъ въ одномъ обхватѣ фразы, за одной идейной скобкой, въ повышеніи того же стилистическаго періода—пролетаріатъ «впервые выдвигаетъ свои (слѣдовательно, пролетарскіе) лозунги», къ которымъ примыкаетъ и буржуазія, и всетаки творитъ волю пославшей его—буржуазной революціи. Не споримъ, немалое значеніе имѣетъ при этомъ собственно марксистская фразеологія, которая въ это свое излюбленное понятіе включаетъ всякіе вообще демократическіе, общегражданскіе, всенародные лозунги, такъ что, наприм., положеніе пролетаріата въ буржуазной революціи повелѣвало ему, рядомъ съ своимъ чисто-классовымъ требованіемъ 8-часового рабочаго дня, дать главное мѣсто лозунгамъ: учредительное собраніе и полное народовластіе (ib. 29). Но чтобъ эти лозунги окрашивались не въ однородный съ предшествующимъ требованіемъ и логически напрашивающійся изъ всѣхъ посылокъ даннаго положенія пролетарски-демократическій цвѣтъ, а принимали, наперекоръ, все ту же назойливо-буржуазную окраску, какъ якобы соотвѣтствующіе характеру капиталистическаго производства—для этого нужно, чтобъ стихійность какого-то нормальнаго капиталистическаго развитія по имманентнымъ законамъ свободнаго буржуазнаго общества разрѣшилась стихійностью *фразы*, нашедшей въ себѣ самой, въ собственномъ неудержимомъ словоизліяніи, свой имманентный законъ—нужно, словомъ, то особенное умственное состояніе, при которомъ избитый и привычный шаблонъ пріобрѣтаетъ надъ умами власть настоящей навязчивой идеи.

---

*) *Борьба* № 1 (отъ 27 ноября 1905 г.), курс. нашъ.

**) „Ист. сов. раб. депут.“, стр. 30.

Дѣйствительно у нѣкоторыхъ литературныхъ представителей русскаго марксизма этотъ гипнозъ превращается буквально въ какую-то завороженность мысли, въ своего рода *mania grandiosa* буржуазной революціи, рамки которой, именно поэтому, отказываются выдержать всю безграничность, всю, такъ сказать, гипертрофированность вкладываемаго въ нихъ революціоннаго содержанія. Пробѣгите, наприм. «Революціонныя перспективы» нашего «врага революціонной фразы», остановитесь еще на слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ названная «манія» достигаетъ какъ будто бы своей кульминаціонной точки. «Буржуазныя революціи прошлаго вѣка, совершавшіяся подъ гегемоніей буржуазной демократіи, были революціями красивыхъ порывовъ, широковѣщательныхъ фразъ и эффектныхъ декорацій. Русская революція, совершающаяся подъ гегемоніей пролетаріата—первая буржуазная революція, которая выдаетъ себя за то, что она есть». То, словомъ, были не настоящія, а фальсифицированныя буржуазныя революціи, нѣчто вродѣ знаменитыхъ потемкинскихъ деревень съ празднично-разодѣтыми и живописно расположенной группами пейзанъ и пейзанокъ, и лишь нынѣшняя русская революція, хотя и предводительствуемая пролетаріатомъ, одна только и есть настоящая буржуазная революція, гнушающаяся всякихъ эффектныхъ, небуржуазныхъ аксессуаровъ и выдающая себя за то, что она есть. Что говорить, вполнѣ трезвая, похвально строгая, ничуть не склонная самообольщаться или обманываться на свой счетъ буржузная революція! Но давно замѣчено, а въ книгѣ діалектики даже особо записано: summum jus summa injuria. «Этотъ старый афоризмъ означаетъ, что всякое отвлеченное право, дойдя до своего логическаго конца, превращается въ безправіе, т.-е. въ свою собственную противоположность *). Такъ и здѣсь наша революція, дошедши въ своей трезвой буржуазности до своего логическаго конца, т.-е. отринувши все, что говоритъ не о свободномъ капиталистическомъ развитіи Россіи, на этой кульминаціонной точкѣ своего развитія превращается на нашимъ же глазахъ въ нѣчто діаметрально противоположное всякой революціонной трезвости, въ нѣчто отдающее именно жестомъ, фразами, декораціями.

Въ самомъ дѣлѣ. Русская революція—такъ заявили намъ самымъ категорическимъ образомъ—не въ примѣръ революціямъ прошлаго вѣка, «*выдаетъ себя за то, что она есть*», это значитъ за революцію буржуазную. «*Но именно поэтому*,—неожиданно умозаключаетъ ея апологетъ,—*въ ней, по существу, болѣе глубокое революціонное содержаніе*, чѣмъ въ революціяхъ прошлаго вѣка», т.-е. другими словами «именно поэтому» она по существу *вовсе не то, за что она себя выдаетъ*. Summum jus summa injuria... Выходитъ такъ, что этотъ ригоризмъ архибуржуазной революціи Мартынова съ товарищами былъ только своего рода революціоннымъ жестомъ, былъ какъ разъ особаго вида «эффектной декораціей», что мартыновской революціи доставляетъ отчего-то своеобразное удовольствіе мисти-

*) *И. Бельтовъ*: „Къ вопросу о развитіи монист. взгляда“ и пр., стр. 72.

фицировать насъ, скрывъ свое «глубокое революціонное содержаніе» подъ довольно таки плоской маской буржуазной революціи, но маска изъ папье-маше не выдержала сокровеннаго содержанія, да наши милые шутники не особенно и заботились объ этомъ.

Русская революція выдаетъ себя за то, что она есть, но именно поэтому она имѣетъ болѣе глубокое содержаніе, чѣмъ выдаетъ о себѣ... Какъ тутъ не вспомнить опять безподобной сцены изъ мольеровскаго «Le médécin malgré lui» — въ началѣ еще до: «nous avons changé tout cela»—между Сганарелемъ, который тоже выдаетъ себя *за то, что онъ есть*, т.-е. за простого дровосѣка и собирателя хвороста, и слугами, которые, исходя изъ предвзятаго убѣжденія въ противномъ, во что бы то ни стало хотятъ вынудить у простака признаніе въ его небывалыхъ медицинскихъ талантахъ. И «именно поэтому», чѣмъ энергичнѣе и рѣшительнѣе бѣдняга отмахивается отъ навязываемой ему роли и отстаиваетъ свою дѣйствительную личность, тѣмъ безповоротнѣе его мучители укрѣпляются въ своемъ предубѣжденіи и, наконецъ-таки, палками выколачиваютъ изъ него признаніе своего «болѣе глубокаго содержанія» знаменитаго врача. Послѣ же обѣщанія «уплаты по счету», Сганарель уже окончательно и, что называется «по существу», входитъ въ роль.

По хитро задуманной концепціи г. Мартынова и его товарищей, именно такъ же имѣло обстоять, въ нашей русской буржуазной революціи, съ руководящей ею партіей пролетаріата, смекнувшей, что, право же, нѣтъ никакой надобности продолжать выдавать себя за служительницу интересовъ капиталистическаго развитія, когда тебя такъ убѣдительно увѣряютъ въ противномъ, а главное, когда представляется такой отличный, единственный въ своемъ родѣ случай, уже въ званіи повивальной бабки буржуазной революціи—получить по настоящему пролетарскому счету, притомъ на опредѣленнаго предъявителя. «Партія пролетаріата,—такъ раскрываетъ намъ авторъ свое «болѣе глубокое революціонное содержаніе»,—предъявляетъ старому режиму очень детальный и очень точный счетъ и требуетъ расплаты». А дабы эта сухая бухгалтерія не ввела насъ невзначай въ заблужденіе насчетъ истиннаго «существа» стремленій партіи, насъ спѣшатъ увѣрить, что «въ этой дѣловитости *меньше всего трезвеннаго самоограниченія*», что на дѣлѣ они, соціалъ-демократы, не только враги революціонной фразы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ такой же мѣрѣ враги и «трезвеннаго реализма!» Но въ этомъ-то мы и не сомнѣвались съ самаго начала. Мы знали, что, «по существу», она вовсе не трезва ихъ, с.-демократическая, революціонность, что, напротивъ, она всяческое свое презрѣніе выражаетъ трезвому самоограниченію (какъ непремѣнно «трезвенному», т.-е. иначе буржуазному); мы слышали, какъ еще задолго до революціоннаго взрыва имъ преподано было—не умалять заранѣе размаха своей революціонной работы и, наконецъ, какъ слѣдствіе всего этого, намъ теперь говорятъ, что—каковъ бы ни былъ размахъ самой революціи, они не устанутъ вкла-

дывать въ нее все болѣе глубокое революціонное содержаніе, «не перестанутъ разоблачать ея ограниченность».

Все дѣло въ томъ, что с.-демократія, какъ многозначительно прибавляетъ г. Мартыновъ, весьма кстати вспомнивъ одну кардинальную мысль Маркса—«*ни на минуту* не забываетъ, что и свободное буржуазное общество, которому она помогаетъ народиться, *съ самаго начала* несетъ въ себѣ зародыши своей будущей смерти *),—*чѣмъ и опредѣляется ея тактика*». Т.-е., другими словами, тактика с.-демократіи опредѣляется «ни на минуту» не теряемой увѣренностью, что буржуазное общество, въ родахъ котораго она принимаетъ самое дѣятельное участіе въ качествѣ акушерки, есть уже *живой трупъ* при его рожденіи, что оно «съ самаго начала» отмѣчено печатью неминуемой и притомъ непремѣнно близкой, непосредственно угрожающей гибели, потому что нельзя же слишкомъ долгое время безнаказанно носить въ себѣ зародыши смерти... Такъ или иначе, но если тактика цѣлой партіи должна направляться сознаніемъ гибели существующаго порядка вещей, то это можетъ быть не иначе, какъ только лишь при молчаливомъ предположеніи съ ея стороны, что этотъ порядокъ обреченъ, что дни его сочтены. И только съ такой точки зрѣнія понятно, что, выполняя свою важную и отвѣтственную функцію воспріемницы буржуазнаго строя, с.-демократія считаетъ возможнымъ ограничить въ дальнѣйшемъ свою дѣятельность чисто-отрицательной задачей «непрестаннаго разоблаченія ограниченности» породившей его революціи. Только при диктатурѣ пролетаріата—искони разсуждаютъ они—коммунисты приступятъ къ осуществленію своей главной, конечной цѣли, при первичныхъ же стадіяхъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей они, выдвигая и отстаивая минимальныя программы, «ни на минуту не перестаютъ критиковать буржуазное общество съ точки зрѣнія своей конечной цѣли»...

Въ добрый часъ, конечно! Да только намъ интересно было бы знать, что это собственно значитъ «критиковать буржуазное общество», или, какъ выше было сказано, неустанно «разоблачать ограниченность нашей революціи», или, наконецъ, еще, по другому не менѣе излюбленному трафаретному выраженію, вскрывать ея буржуазную сущность, при условіи, что все это не должно быть рядомъ именно красивыхъ порывовъ или эффектныхъ декорацій,—въ чемъ вѣдь настоящая русская революція имѣла какъ разъ разойтись съ буржуазными революціями прошлаго? Больше того, съ точки зрѣнія близости конца издыхающаго буржуазнаго общества—этого апокалипсическаго звѣря, критическому уязвленію котораго съ такимъ сладострастіемъ предается наша с.-демократія,—ограниченіе себя только критикой, да еще ни на минуту не прерывающейся, представляетъ нѣчто со-совершенно непонятное, противорѣчивое въ себѣ. Непрестанное «разобла-

*) У Маркса мысль эта высказана въ предисловіи ко 2-му изданію т. I „Капитала“, въ объясненіе существенной, будто бы, разницы между его революціонной діалектикой и діалектической мистикой Гегеля, представляющей апоѳеозъ „разумной дѣйствительности“.

ченіе ограниченности» становится, наконецъ, à la longue разоблаченіемъ ограниченности разоблачающихъ: это попросту—выраженіе безсильнаго словеснаго протеста, настолько жалкаго, что его даже красивымъ порывомъ назвать нельзя, а только развѣ—широковѣщательной фразой. Нѣтъ, партія пролетаріата не можетъ ограничить себя одной только пассивной ролью, она должна рѣшиться на прямое и дѣятельное выступленіе, она не можетъ не приложить активно руку для одолѣнія буржуазной скверны,—между тѣмъ какъ заниматься словесными «разоблаченіями», стараясь использовать вновь добытую буржуазную свободу критики, лишь значило бы, à la Понтій Пилатъ, лицемѣрно умыть отъ нея свои руки... Не въ такомъ, конечно, смыслѣ было ригористично отказано нашей революціи во всѣхъ декоративныхъ аксессуарахъ прошлыхъ революцій, не спроста заблаговременно сочли нужнымъ заговорить о детальномъ счетѣ, который долженъ будетъ быть предъявленъ пролетаріатомъ всему старому режиму. Явно, здѣсь мыслилось иное, здѣсь имѣлось въ виду нѣчто большее и болѣе существенное, чѣмъ простая *свобода критики*...

«Свобода критики!» Мы понимали бы эту роль критика по отношенію къ буржуазіи и ея начинаніямъ и роль ментора по отношенію къ пролетаріату—чье классовое самосознаніе должно развиться и укрѣпиться этой критикой, если бы, повторяемъ, с.-демократія изображала изъ себя не партію революціоннаго дѣйствія и борьбы, а могла завѣдомо ограничить себя ролью любознательнаго наблюдателя, берущаго практическіе уроки у развертывающихся передъ глазами событій, или если бы она была такъ же качественно слаба и количественно ничтожна, какъ, положимъ, бабувисты во время великой французской революціи. Но будучи, или только воображая себя могучей, даже самой мощной политической партіей, представительницей классовыхъ интересовъ милліоновъ рабочихъ людей, больше того, приписывая себѣ, не обинуясь, миссію сознательнаго руководительства и вдохновленія революціи, совершаемой подъ верховной гегемоніей этихъ милліоновъ пролетаріевъ, могла ли она—даже при самомъ фаталистическомъ взглядѣ на смыслъ происходящаго—ограничиться «разоблаченіемъ ограниченности», а не вмѣшаться въ самую гущу событій, не кинуться въ водоворотъ революціи съ головой, отбросивъ, наконецъ, всякія догматическія ограниченія, и въ концѣ-концовъ, взвинченная собственными ожиданіями и подхлестываемая революціоннымъ вихремъ, не увидѣть себя у порога соціалистическаго строя?

Положимъ, они «съ самаго начала» предвидѣли строго-буржуазный характеръ предстоящей революціи, они были, такъ сказать, геніемъ-провидѣніемъ этой революціи, ниспосланнымъ исторіей, чтобъ помочь народиться въ Россіи свободному буржуазному обществу, но послѣднее вѣдь «съ самаго начала» же несетъ въ себѣ зародыши своей неизбѣжной смерти—этого, наравнѣ съ первымъ положеніемъ, тоже «ни на одну минуту» не забывала партія пролетаріата: это буржуазное общество было уже въ сущности трупомъ въ минуту своего рожденія, а быть можетъ и зачатія...

Ясно, что партія даже обязана была въ рѣшительную минуту нанести свой coup de grace и затѣмъ приступить, не обинуясь и не откладывая въ долгій ящикъ, къ немедленному переустройству этого разваливающагося общества на соціалистическихъ началахъ. Было бы дико, если бы вихрь революціи, при такихъ условіяхъ, не увлекъ ее на этотъ шагъ...

Революціонный вихрь могъ при этомъ имѣть не столько даже реальное, сколько символическое значеніе. При извѣстной дозѣ революціоннаго воображенія можно же было еще въ январѣ 1905 года, вслѣдъ за разстрѣломъ петиціонирующихъ и безоружныхъ рабочихъ массъ, объявить, что, въ сущности, не народъ былъ разстрѣлянъ, но, напротивъ, онъ самъ схватилъ за глотку тѣхъ, кто его разстрѣливали, и уже не выпуститъ его изъ рукъ живымъ. Можно было занестись въ мечтахъ своихъ еще дальше. И точно: самые твердокаменные изъ законниковъ не устояли. Ихъ вражда къ «трезвенному реализму» и «самоограниченію», даже и при всей нелюбви къ революціонной фразѣ, не могла и не должна была удержаться на точкѣ безплоднаго «разоблаченія ограниченности» буржуазной революціи, принявшей крупный пролетарскій размахъ...

IV.

«*Нужно всегда помнить правило*, что положеніе обязываетъ, что наши дѣла сплошь и рядомъ опредѣляются не тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть, а тѣмъ, къ чему насъ вынуждаетъ логика занятаго нами положенія».

Этимъ разумнымъ «правиломъ» разрѣшается уже подъ самый конецъ своихъ «Революціонныхъ перспективъ» г. Мартыновъ—тотъ самый, который такъ долго занимался назойливымъ изобличеніемъ товарищей, измѣнившихъ «абстракціи» буржуазной революціи ради—какъ ни какъ—логики «осязательнаго факта». «Нѣкоторые уже теперь—приходилъ онъ въ священный ужасъ — высказываютъ взгляды, которые никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о буржуазной революціи»... И хотя «нужно всегда помнить», онъ самъ только уже въ послѣднюю минуту сообразилъ, что, кромѣ логическаго развитія предвзятыхъ взглядовъ и безплотной логики «абстракціи», существуетъ еще логика конкретнаго положенія и что эта логика «обязываетъ». А къ чему сіе «положеніе», вкупѣ съ его логикой, «обязываетъ», о томъ слѣдуетъ пунктъ: «Смыслъ этихъ словъ тотъ, что партія пролетаріата, очутившись у власти, вынуждена приступить къ коренному соціалистическому преобразованію общества, *хотя бы условія для этого не назрѣли;* она вынуждена это дѣлать, если не желаетъ съ первыхъ же шаговъ стать въ противорѣчіе съ представляемымъ ею классомъ» *). Въ заключительныхъ строкахъ послѣдней изъ статей этой серіи нашъ авторъ возвращается къ этому вопросу: «Еслибъ, независимо отъ нашей воли, внутренняя діалектика ре-

*) *Искра*, стр. 213—214.

люціи въ концѣ-концовъ всетаки вынесла бы насъ къ власти, *когда національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли,* мы бы не стали пятиться назадъ... Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права... уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ она очутилась у власти» *). Г. Мартынова, какъ видимъ, немало смущаетъ еще сомнѣніе относительно матеріальныхъ условій для производства соціалистическаго переворота, — условій, которыя могли и «не назрѣть» къ тому времени, когда «діалектика революціи» вынесетъ партію къ власти...

Тутъ разумѣется, что они могли «не назрѣть» лишь въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Не то, конечно, въ общей интернаціональной постановкѣ. Ибо Марксъ разъ на всегда опредѣлилъ, что ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ въ ея лонѣ развились матеріальныя условія, необходимыя для замѣны даннаго строя производственныхъ отношеній другимъ, высшимъ. Разъ, слѣдовательно, дознано, что капиталистическій строй рушится, отживъ настолько, что требуетъ замѣны болѣе совершеннымъ соціальнымъ порядкомъ, то eo ipso допущено, что въ нѣдрахъ его имѣются уже зародыши этого новаго и высшаго порядка вещей, и с.-демократіи приходится снова предстать передъ свѣтомъ въ роли повивальной бабки, не затѣмъ, чтобъ дать народиться свободному буржуазному обществу, какъ это было при предшествующемъ ея міровомъ выступленіи, а чтобъ способствовать на этотъ разъ нарожденію самаго соціалистическаго строя, чтобъ «освободить элементы новаго общества, которыми беременно общество буржуазное». Но, повторяемъ, то, что справедливо вообще и, такъ сказать, à vol d'oiseau общеміровой политики, что должно составить силу *абстракціи* буржуазнаго общества вообще, можетъ оказаться слабостью даннаго конкретнаго или частнаго случая. Другими словами, интернаціональныя-то условія могутъ быть готовы, а между тѣмъ національныя условія для осуществленія соціализма въ одной какой-нибудь отсталой странѣ еще не созрѣли. А такъ какъ «пятиться назадъ» и въ этомъ частномъ случаѣ будетъ всетаки непригоже, и партія не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, то, напр., въ мартѣ 1905 г. въ Россіи г. Мартыновъ видѣлъ лишь одинъ исходъ для разрѣшенія трудностей, лежащихъ въ незрѣлости русскихъ національныхъ условій для осуществленія соціализма: по мнѣнію автора, оставалось бы разбить только тѣсныя національныя рамки революціи и толкнуть на путь революціи Западъ, подобно тому какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція толкнула на этотъ путь Востокъ.

Въ дѣйствительности вышло, впрочемъ, по иному и много проще. Когда въ октябрьскіе дни руководительницѣ пролетаріата, с.-демократіи, показалось, что рабочій классъ, если и не завладѣлъ еще формально кормиломъ правленія, то находится, во всякомъ случаѣ, на пути къ близкому за-

*) Тамъ же, стр. 237.

воеванію государственной власти, и когда разгоряченное воображеніе уже диктовало литературнымъ вожакамъ этого момента близость соціалистическаго переворота, то сомнѣнія, еще въ мартѣ обуревавшія нѣкоторыхъ членовъ, для этихъ уже перестали существовать. Да иначе и быть не могло. Признавать незрѣлость условій и говорить объ осуществленіи соціализма — по меньшей мѣрѣ, странно; думать же, что расширеніемъ національныхъ рамокъ и приведеніемъ въ движеніе Запада можно помочь *этой* нашей домашней бѣдѣ (обнимающей — повторяемъ, — кардинальный, по Марксу, пунктъ всякаго соціальнаго переустройства—степень развитія производительныхъ силъ), значитъ либо цѣпляться опять-таки за абстракцію (Западъ) для отысканія выхода изъ вполнѣ конкретнаго затрудненія, либо же отсылать, что называется, отъ Понтія къ Пилату: такъ какъ вѣдь, въ сущности, большой вопросъ еще, какъ въ разсматриваемомъ отношеніи обстоитъ дѣло въ той или другой отдѣльной странѣ Запада, не исключая и самыхъ передовыхъ *).

Весной 1905 года только оттого психологически и можно было возбудить этотъ вопросъ, что послѣдній все еще имѣлъ въ ту пору, наполовину по крайней мѣрѣ, абстрактный или академическій интересъ и только другой половиной принималъ осязательныя формы. Октябрьскіе дѣятели находились въ этомъ отношеніи въ иномъ положеніи, а положеніе, какъ сказано, обязываетъ. Само собою разумѣется, что отъ расширенія національныхъ рамокъ революціи они тоже, съ своей стороны, не отказывались, но къ вопросу о незрѣлости матеріальныхъ условій въ Россіи оно видимаго отношенія не имѣло, ибо самъ этотъ вопросъ, какъ замѣтили мы, вовсе оказался упраздненнымъ. Всякія сомнѣнія въ этомъ рѣшительномъ пунктѣ объявлены были вульгаризованнымъ марксизмомъ или филистерствомъ, а Россія подъ крылышкомъ самодержавія признана окончательно созрѣвшей въ экономическомъ отношеніи для соціалистической революціи.

Собственно говоря, какъ всегда, они особенной оригинальности при

---

*) Относительно Франціи, напр., Поль Лафаргъ увѣренъ, что здѣсь все готово уже для соціалистическаго переворота: „поразительное экономическое развитіе послѣдняго 50-лѣтія требуетъ, по его словамъ, реорганизаціи общества на базѣ, исключающей индивидуальную собственность“, т.-е. Лафаргъ возвращается въ сущности къ *утопическому* (какъ будетъ показано ниже) штандпункту Маркса-Энгельса отъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, да и вообще уподобляется имъ по той категоричности, съ которой онъ чуть ли не назначаетъ уже день переворота. „Quand sonnera *le tocsin du prochain 18 mars*,—пишетъ Лафаргъ въ номерѣ *Humanité*, посвященномъ памяти коммуны 1871 г. — les villes ouvrières et les campagnes industrialisées se leveront“. Этого нельзя понимать, конечно, какъ конкретную дату 18 марта 1908 г., это все еще, такъ сказать, абстракція желаннаго „18 марта“ будущаго (статья Лафарга въ № 1065 *Humanité* озаглавлена „*Le prochain* 18 mars“), но и за всѣмъ тѣмъ довольно живо напоминаетъ эсхатологическія прорицанія покойнаго Энгельса относительно близости соціалистической революціи: какъ послѣдній срокъ для таковой, былъ назначенъ имъ, какъ извѣстно, 1898 годъ.

этомъ случаѣ тоже не проявили; они поступили лишь такъ, какъ поступали при аналогичныхъ оккаѕіяхъ сами великіе основатели «научнаго соціализма», которые въ моменты наивысшаго революціоннаго возбужденія (часто, замѣтимъ, вполнѣ и исключительно субъективнаго) просто отшвыривали далеко въ сторону ими же изобрѣтенный «экономическій» факторъ, чтобъ безпрепятственно отдаться затѣмъ соціалистическому строительству... Исходя изъ своего революціонно-діалектическаго представленія о «зародышахъ смерти», съ самаго начала присущихъ «свободному буржуазному обществу», Марксъ съ Энгельсомъ, напр., еще въ 40 годы прошлаго вѣка рѣшили, что капитализмъ окончательно изжилъ себя, завершивъ кругъ своего нормальнаго историческаго развитія, что отношенія буржуазнаго строя стали уже тогда слишкомъ тѣсными, безсильными вмѣстить въ себѣ созданное имъ богатство и выдержать дальнѣйшій ростъ производительныхъ силъ. И если это могло быть утверждаемо относительно странъ, въ которыхъ настоящая крупная промышленность развилась лишь *послѣ* 48 года, то почему та же ошибка не могла быть повторена въ еще болѣе бурный революціонный моментъ, въ началѣ XX вѣка въ Россіи съ ея капитализмомъ, во всякомъ случаѣ, замѣтно ушедшимъ впередъ противъ середины прошедшаго столѣтія.

Итакъ, только въ этомъ пунктѣ г. Мартыновъ не предугадалъ, въ остальномъ же рисовалъ «діалектику революціи», выносящую пролетаріатъ на самую верхушку государственной власти, до такой степени правдоподобно и согласно съ «логикой положенія», что его разсужденія и прорицанія, если и не оправдались въ дѣйствительности (конечно, не по его винѣ!), то, такъ сказать, самопроизвольно воскресли, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ головахъ фактическихъ руководителей того историческаго момента, въ образѣ мыслей вождей революціи. А таковыхъ мы имѣемъ безспорно въ лицѣ членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ г. С.-Петербурга.

Со всѣмъ благочестіемъ поклонниковъ неумирающей «догмы» послѣдніе все еще вѣрятъ, что творятъ волю свою и «буржуазной революціи». Но тутъ же имъ на опытѣ приходится убѣдиться въ мудрости «правила», что «положеніе обязываетъ, что наши дѣла опредѣляются сплошь и рядомъ не тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть». Очутившись у власти — даже только вообразивъ, что очутились у нея,—они вынуждены приступить къ коренному преобразованію общества, «если не желаютъ съ первыхъ же шаговъ стать въ противорѣчіе съ представляемымъ ими классомъ». По счастью, «стать въ противорѣчіе» не пришлось, такъ какъ «*субъективно* — совѣтъ рабочихъ депутатовъ *чувствовалъ за собой столько силы, что говорилъ съ обществомъ путемъ декретовъ*, и декреты эти прежде всего касались насущныхъ нуждъ представляемаго имъ пролетаріата *).

Это глубоко-наивное признаніе сдѣлано г. Петровымъ-Радинымъ, чле-

*) „Ист. сов. раб. деп.“, стр. 259.

номъ совѣта рабочихъ депутатовъ и авторомъ статьи «Борьба за восьмичасовой день» въ сборникѣ по исторіи совѣта. Г. Петровъ-Радинъ—правовѣрный марксистъ, поэтому онъ говоритъ: «Наша исторія выдвинула пролетаріатъ, какъ главное дѣйствующее лицо *нашей буржуазной по существу* революціи». Но онъ *по опыту* знаетъ, что «классовая борьба имѣетъ также свою логику, не менѣе послѣдовательную, чѣмъ логика революціи», а дальше говоритъ чуть не словами г. Мартынова: «Классъ, очутившійся у власти, классъ, ставшій настолько сильнымъ, чтобы диктовать другимъ классамъ свою волю, неизбѣжно долженъ использовать эту свою силу прежде всего для удовлетворенія своихъ классовыхъ требованій. Онъ не можетъ, да и не станетъ отговариваться тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ возможны всякія осложненія. Онъ у власти, въ рукахъ его теперь сила—онъ не станетъ допускать дальнѣйшаго существованія условій, находящихся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными его жизненными интересами...» Высокій, можно сказать, трагическій комизмъ этихъ объясненій заключается въ томъ, что они должны были заднимъ числомъ оправдать захватное введеніе восьмичасового рабочаго дня въ ноябрьскіе дни, и именно тѣмъ, что совѣтъ «субъективно чувствовалъ за собой столько силы, что говорилъ съ обществомъ путемъ декретовъ». При этомъ субъективное самочувствіе чуть ли не смѣшивается съ объективной дѣйствительностью, ибо авторъ какъ бы лишь мелькомъ и неохотно замѣчаетъ, что, «правда, пролетаріатъ въ октябрѣ не завоевалъ еще государственной власти, онъ только былъ на пути къ этому завоеванію». Ну что-жъ, если путь былъ вѣрный, то власть все равно, что была уже у пролетаріата въ карманѣ. А такъ какъ вниманіе всей страны было приковано къ представительному органу петербургскихъ рабочихъ, то этому органу только оставалось говорить съ страной путемъ декретовъ, однимъ изъ которыхъ и явился декретъ о восьмичасовомъ днѣ...

Только у предсѣдателя совѣта, г. Хрусталева-Носаря, по поводу злополучной ликвидаціи этого вопроса, хватаетъ мужества прямо признать, что пролетаріатъ переоцѣнилъ свои силы, что элементарное правило тактики: «Erst wägen, dann wagen», не было соблюдено при обсужденіи вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. «Въ пылу революціонной горячки забыли, что тактика пролетаріата опредѣляется не только поставленными цѣлями, *но и поведеніемъ противника»* *). Т.-е., другими словами, въ пылу революціонной горячки забыли про досточтимаго именинника и героя буржуазной революціи, которому послѣдняя должна была открыть только широчайшее поприще капиталистическаго развитія согласно имманентнымъ законамъ буржуазнаго общества!... Но мы знаемъ уже секретъ: этотъ герой и именинникъ былъ въ сущности мертвъ съ самаго начала вмѣстѣ съ своими имманентными законами,—такъ стоило ли считаться съ *такимъ* противникомъ, можно ли считаться вообще съ пустымъ мѣстомъ?...

---

*) „Ист. сов. р. д.“, стр. 136—137, курс. автора.

Само собой разумѣется, что меньше всего, *въ принципѣ* (о тактической сторонѣ вопроса сейчасъ скажемъ особо), мы склонны упрекать соціалъ-демократію за такую ея забывчивость по отношенію къ законамъ буржуазной революціи; напротивъ, мы готовы привѣтствовать, хотя бы временное, протрезвленіе ихъ отъ этихъ бредовыхъ идей, въ видѣ законовъ развитія буржуазнаго строя со всей ихъ свитой такихъ же сумасбродныхъ «имманентностей». Но отказываясь понимать буржуазную революцію, совершаемую подъ гегемоніей пролетаріата — это неестественнѣйшее порожденіе марксистской фразеологіи,—напротивъ, склоняясь къ тому, что классовая борьба, какъ и сама революція, имѣетъ свою логику, которая «обязываетъ», мы не видимъ основанія и этой обязывающей «логикѣ положенія» придавать какой-то фаталистическій характеръ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ же г. Хрусталевымъ, что оцѣнка событій предполагаетъ, что событія эти могли развернуться иначе, а при извѣстной комбинаціи силъ могли совсѣмъ не имѣть мѣста. Въ частности, относительно неудавшагося захватнаго введенія восьмичасового рабочаго дня онъ, напр., думаетъ, что исполнительный комитетъ, самъ совѣтъ имѣли силу удержать рабочихъ отъ такого эксперимента.

Зато нужно, съ другой стороны, признать чистѣйшимъ ребячествомъ, когда логику классовой борьбы толкуютъ такъ, какъ это дѣлаетъ въ данномъ случаѣ г. Петровъ-Радинъ—будто бы въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ классовыхъ требованій пролетаріатъ не можетъ, да и не станетъ отговариваться тѣмъ, *что въ дальнѣйшемъ возможны всякія осложненія.* Это положеніе уже пророчески провидѣлъ г. Мартыновъ: мы бы не стали,—говорилъ онъ,—пятиться назадъ, хотя національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли. Восьмичасовой рабочій день это еще далеко, конечно, не соціализмъ, но это первое и главное чисто-классовое пролетарское требованіе, о которомъ еще интернаціоналомъ было высказано: сокращеніе рабочаго времени—необходимое условіе, безъ котораго всѣ остальныя стремленія пролетаріата къ своему освобожденію должны окончиться неудачей. Оттого-то самое это необходимое условіе все постигала до сихъ поръ неудача. А г. Петровъ-Радинъ обѣщаетъ «не пятиться назадъ», несмотря на то, что въ дальнѣйшемъ возможны *всякія осложненія*—осложненія вплоть до необходимости именно попятиться назадъ: въ самомъ дѣлѣ, подъ «возможнымъ осложненіемъ» здѣсь скромно разумѣлось не что иное, какъ неизбѣжное veto хозяина, безъ котораго рѣшали все дѣло, иначе—«поведеніе противника». «Въ борьбѣ за восьмичасовой день о противникѣ забыли». О противникѣ вообще забывали сплошь въ октябрьско-ноябрьскіе дни,—напр., еще, когда петербургскій пролетаріатъ, отказываясь отъ задуманной траурной манифестаціи въ честь погибшихъ жертвъ провокаціи, устами своего представительнаго органа клялся, что дастъ царскому правительству послѣднее сраженіе не въ тотъ день, который изберетъ Треповъ, а тогда, когда это будетъ выгодно вооруженному и орга-

низованному пролетаріату *)... Что касается восьмичасового дня, то г. Хрусталевъ, напр., резонно сомнѣвается въ возможности введенія его усиліями не одного только петербургскаго, но и всего россійскаго пролетаріата; онъ ссылается на уроки французскаго синдикализма за 1906 годъ, когда 750 тысячъ тѣсно сплоченныхъ рабочихъ синдикалистовъ, увлекшихъ за собою 2-хъмилліонную рабочую армію, безсильны были одержать побѣду къ борьбѣ за восьмичасовой день съ капиталистами и буржуазнымъ правительствомъ... Но разумѣется, что тамъ, гдѣ субъективное сознаніе своего всемогущества даже post factum отождествляется съ реальной фактической мощью, гдѣ субъективное убѣжденіе въ свободѣ воли является убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу дѣйствительной свободы—тамъ, собственно говоря, не существуетъ никакихъ непреодолимыхъ «осложненій», какъ нѣтъ ихъ вообще—«въ пылу революціонной горячки»...

«Въ пылу революціонной горячки!» Мы уже знаемъ, но должны еще и еще повторить, что по отношенію къ соціалъ-демократіи это понятіе имѣетъ въ себѣ нѣчто въ значительной мѣрѣ символическое и растяжимое. Этотъ пылъ былъ присущъ уже a priori холодно-горячечнымъ предвидѣніямъ апологетовъ буржуазной революціи болѣе или менѣе задолго до дѣйствительной революціонной горячки октябрьскихъ дней 1905 г., и не только послѣ 9 января, но и за цѣлые годы до него (примѣръ—г. Рязановъ). Этотъ горячечно-революціонный пылъ со всѣми его метаніями и эксцессами лежитъ, такъ сказать, имманентно въ совершеннѣйшей неустойчивости—или прямо скажемъ: въ абсолютной безпринципности хваленыхъ матеріалистическихъ основъ марксизма, въ безнадежномъ капризно-индетерминистскомъ характерѣ марксистскаго соціальнаго детерминизма. При такой чисто-головной революціонной горячкѣ только и возможны были, въ области россійской соціалъ-демократической теоріи, тѣ изумительные казусы и сальтомортале, которыхъ мы насмотрѣлись и еще насмотримся у самыхъ правовѣрныхъ теоретиковъ догмы.

М. Н. Лежневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Заднимъ числомъ г. Парвусъ и пишетъ по поводу этого заявленія совѣта раб. депутатовъ: „Однако моментъ сраженія зависитъ отъ каждой изъ борющихся сторонъ. Правительство дало сраженіе въ тотъ моментъ, когда оно само имѣло всего больше шансовъ на успѣхъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей". („Настоящее политич. положеніе и виды будущаго", стр. 6.)

Нашъ государственный бюджетъ въ 1907 году.

I.

Роспись 1907 г., первая конституціонная роспись, осталась неутвержденной. Ей и не суждено получить утвержденіе и войти въ силу: не только весь текущій годъ, но и часть будущаго Россіи придется прожить при режимѣ временныхъ мѣсячныхъ кредитовъ, исчисляемыхъ по нормамъ послѣдней росписи 1906 г.

Преувеличивать значеніе этого факта въ ряду переживаемыхъ нами событій нѣтъ особенныхъ основаній, каковы бы ни были неудобства и опасности такого временнаго легальнаго расширенія полномочій министерства. Для насъ не должно представляться абсолютно опредѣленнымъ даже направленіе того измѣненія въ судьбахъ будущихъ нашихъ государственныхъ росписей, какое должно явиться результатомъ измѣненія избирательнаго закона, какъ бы мы ни осуждали принципіально этотъ актъ и его вредоносность съ общеполитической точки зрѣнія.

На почвѣ критики финансовой системы стараго режима, въ частности его системы расходованія средствъ, въ настоящее время линія, отдѣляющая оппозицію отъ сателлитовъ министерства и реакціи, должна пройти значительно правѣе, чѣмъ въ области другихъ острыхъ вопросовъ политической распри. И если возможно предвидѣть ослабленіе духа инициативы и настойчивости со стороны палаты, составленной изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ, то, съ другой стороны, мы не можемъ учесть, насколько это обстоятельство будетъ компенсироваться неизбѣжнымъ пониженіемъ того патологическаго состоянія фанатической неуступчивости, которое до сихъ поръ владѣетъ русской реакціей, парализуя намѣренія даже тѣхъ ея элементовъ, которые склонны были бы идти на компромиссы и уступки общественному мнѣнію.

Какъ бы ни были формально сжаты рамки дѣятельности русскаго представительнаго учрежденія нормами октроированнаго для него бюджетнаго права,—не этими—въ значительной мѣрѣ бумажными—нормами преграждалось, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, движеніе впередъ въ области реформы нашего бюджета. И необходимая отмѣна ихъ въ будущемъ, вѣ-

роятно, пойдетъ параллельно, или даже будетъ предварена рядомъ уступокъ по существу и исключеніемъ изъ росписи множества испещряющихъ ее теперь исторически наслоившихся анахронизмовъ и образцовъ небрежнаго и нечистоплотнаго обращенія съ государственнымъ кошелькомъ.

Рамки бюджетныхъ правилъ 8 марта прошлаго года и ихъ статей, включенныхъ въ «основные законы», на практикѣ, до нѣкоторой степени, уже теперь становятся тѣсными даже для самого правительства, создавшаго ихъ. Въ своей бюджетной рѣчи въ Государственной Думѣ 20 марта этого года П. Б. Струве указалъ на рядъ примѣровъ, когда министерство внутреннихъ дѣлъ отмѣняло кредиты, основанные на неотмѣненныхъ узаконеніяхъ, на что оно не имѣло формальнаго права въ виду общеизвѣстной ст. 9 смѣтныхъ правилъ 8 марта *).

Съ другой стороны наиболѣе характерная для всего контръ-революціоннаго бюджетнаго законодательства ст. 14 правилъ 8 марта (ст. 116 основныхъ законовъ), направленная противъ возможности отказа въ бюджетѣ en bloc, создаетъ на нашихъ глазахъ на практикѣ такія неудобства для самой администраціи при установленіи временныхъ кредитовъ, что съ наступленіемъ сколько-нибудь нормальнаго modus vivendi она естественно будетъ всячески избѣгать такихъ неудобствъ, не назначая для открытія сес-

*) „Я обращу ваше вниманіе на одно замѣчаніе, которое сдѣлалъ министръ финансовъ. Я очень внимательно прослушалъ это замѣчаніе и записалъ его себѣ. Министръ финансовъ оговорился, заявивъ, что всѣ утвержденныя по силѣ ст. 9 правилъ 8 марта назначенія государственной росписи почитаются министрами и главноуправляющими обязательными для нихъ, т.-е. не подлежащими исключенію въ бюджетномъ порядкѣ. Я долженъ сказать, что это заявленіе министра финансовъ было неосторожно, ибо, обращаясь къ документу, который у меня въ рукахъ, къ расходной смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, я нахожу въ ней такія указанія. Министерство внутр. дѣлъ „нашло возможнымъ въ интересахъ государственнаго казначейства исключить изъ смѣты 1907 г. нѣкоторыя ассигнованія, а именно: „80,000 р. на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья за отказъ отъ производства въ гражданскіе чины,—прошу Государственную Думу внимательно выслушать это мѣсто,—въ виду предположенія отмѣнить дѣйствующую по сему предмету статью закона и пріостановить до того ея примѣненіе“. Г. Струве привелъ еще два примѣра того же порядка, найденныхъ имъ въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ къ его расходной смѣтѣ (стр. II) и продолжалъ: „Вы усмотрите, гг. члены Государственной Думы, такимъ образомъ, изъ приведенныхъ мною справокъ, что тѣ границы, которыя поставлены статьею 9 бюджетной компетенціи Государственной Думы въ дѣлѣ исключенія и сокращенія расходовъ, установленныхъ законами, положеніями, штатами, расписаніями и Высочайшими повелѣніями, что эти границы не существуютъ для правительства, т.-е. для министерствъ и главныхъ управленій... Возникаетъ слѣдующій вопросъ: разъ инициатива сокращенія расходовъ безспорно принадлежитъ, согласно дѣйствующей практикѣ, министрамъ и главноуправляющимъ, то можетъ ли Государственная Дума производить сокращенія расходовъ по статьямъ, предусмотрѣннымъ ст. 9 правилъ о разсмотрѣніи государственной росписи, если правительство на такія сокращенія будетъ согласно?“ (Государственная Дума, сессія II, засѣданіе 13-е, стр. 858—861). Вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался безъ отвѣта, хотя рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ, вѣроятно, безъ труда могло бы быть проведено и формальнымъ путемъ.

сій Думы сроковъ, вродѣ 20 февраля или 1 ноября, плохо совмѣстимыхъ съ возможностью своевременнаго разсмотрѣнія бюджета. Весьма возможно, что въ интересахъ правильнаго хода бюджетнаго хозяйства начало финансоваго года современемъ могло бы быть переложено съ 1 января на 1 апрѣля, подобно Англіи, Пруссіи или Германіи.

Въ отмѣченныхъ двухъ статьяхъ выразилась наиболѣе характерная идея той hybride Gesetzmacherei, которая теперь носитъ названіе русскаго бюджетнаго права.

Въ тѣхъ западныхъ конституціяхъ, гдѣ идея народнаго суверенитета въ области бюджетнаго права получила теоретически наиболѣе законченное выраженіе, кромѣ общаго всѣмъ цивилизованнымъ странамъ принципа, что «никакой налогъ и никакой сборъ въ пользу государства не можетъ быть установленъ иначе, какъ закономъ» (Бельгійск. конституція, ст. 110), устанавливается еще специфически бюджетный принципъ ежегоднаго вотированія уже установленныхъ налоговъ и сборовъ (а соотвѣтственно и расходовъ). Ст. 111 той же бельгійской конституціи гласитъ: «налоги въ пользу государства вотируются ежегодно. Законы, ихъ установившіе и вторично не возобновленные, имѣютъ силу только одинъ годъ». Ежегодно вотируемая палатой заключительная формула французскаго бюджетнаго закона самымъ опредѣленнымъ образомъ подчеркиваетъ, что «формально воспрещаются всякіе прямые или косвенные налоги, кромѣ тѣхъ, которые разрѣшены финансовыми законами (даннаго) смѣтнаго періода, на какомъ бы ни было основаніи или подъ какимъ бы ни было названіемъ они ни взимались, подъ угрозой, что власти, ихъ установившія, чиновники, составляющіе окладные листы и тарифы, и тѣ, кто будетъ производить ихъ взиманіе, будутъ преслѣдоваться, какъ лихоимцы, безъ прекращенія по давности въ теченіе трехъ лѣтъ иска о возвратѣ, предъявленнаго къ сборщикамъ, пріемщикамъ или вообще лицамъ, производившимъ взиманіе» *).

При такомъ положеніи дѣла, вотированіе доходной части бюджета въ сущности обозначаетъ лишь согласіе палаты съ цифровыми предположеніями составителей росписи о вѣроятномъ поступленіи доходовъ, отнюдь не имѣя юридическаго значенія: разрѣшенія на собираніе налоговъ въ данномъ году.

Только въ Англіи, гдѣ давно ужъ пережита всякая возможность острой бюджетной борьбы, значительная часть налоговъ и расходовъ изъяты отъ формальности ежегоднаго голосованія, и консолидированный фондъ, бывшій при его установленіи не чѣмъ инымъ, какъ компромиссомъ между правами

*) *Р. Штурмъ*: Бюджетъ. „Спб., 1907 г., стр. 236—237". Это подчеркиваніе идеи финансоваго суверенитета народнаго представительства характерно для конституцій французскаго типа. Наоборотъ, реакціонная прусская конституція 1850 г. и по образцу ея Японская—закрѣпляютъ существовавшіе до ихъ введенія налоги, дѣлая взиманіе ихъ независимымъ отъ утвержденія бюджета палаты. Это положеніе, характерное для октроированныхъ, „дарованныхъ" конституцій въ полной мѣрѣ усвоено и нашими „основными законами".

парламента и короны, давно уже сбросилъ съ себя всякій слѣдъ этой борьбы за власть и сталъ простою техническою административной деталью, облегчающей работу парламента. Само собою разумѣется, что, помимо или вопреки вотуму парламента, ни одинъ сборщикъ не согласится потребовать ни одного пенса налога, ни одинъ британскій подданный не дастъ ничего, ни одинъ судья не присудитъ его къ уплатѣ, ни одинъ полицейскій органъ не посмѣетъ учинить надъ нимъ какое-либо насиліе для уплаты такого незаконнаго сбора.

У насъ эти основные принципы бюджетнаго права обращены въ другую сторону. На Западѣ всѣ они имѣютъ цѣлью гарантировать населеніе отъ своеволія короны и ея исполнительной власти, у насъ—гарантировать корону отъ своеволія народнаго представительства. На Западѣ, какъ въ Англіи, ограниченіе бюджетной иниціативы нижней палаты направлено противъ увеличенія расходовъ; у насъ—противъ ихъ сокращенія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно, что въ редакціи ст. 9 правилъ 8 марта отпала именно та часть первоначально проектированной формулировки, которая говорила объ увеличеніи Думою ассигнованій *).

Но созданныя въ моментъ страха передъ революціей наши новѣйшія бюджетныя правила при условіяхъ болѣе мирной нормальной работы бьютъ дальше цѣли и окажутся настолько ненужно-стѣснительными, что врядъ ли имъ можно будетъ предречь особенно продолжительное существованіе.

Эти соображенія, однако, приложимы болѣе къ будущему, чѣмъ къ настоящему. Въ настоящее же время не имѣлъ, на нашъ взглядъ, никакихъ шансовъ на успѣхъ проектъ измѣненія правилъ 8 марта 1906 г., внесенный во вторую Думу за подписью 35 членовъ конст.-демократич. партіи. Проектъ имѣлъ въ виду отмѣнить ограничительныя, не вошедшія

---

*) Въ проектѣ правилъ о разсмотрѣніи госуд. росписи, составленномъ не задолго до 17 октября текстъ соотвѣтственной статьи (ст. 14), гласитъ: „Заключенія Государственной Думы не могутъ имѣть своимъ предметомъ предложеній, клонящихся: 1) къ сокращенію или исключенію кредитовъ, внесенныхъ въ смѣты на основаніи существующихъ законовъ, штатовъ, или воспослѣдовавшихъ до учрежденія Думы Высочайш. повелѣній, и 2) *къ увеличенію внесенныхъ въ роспись назначеній путемъ усиленія кредитовъ на предусмотрѣнныя смѣтами надобности, либо путемъ указанія новыхъ, не предвидѣнныхъ въ смѣтахъ, предметовъ расходовъ*". („Правила о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій и государств. росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ". Проектъ (оставшійся неутвержденнымъ) приложенія къ п. 6 ст. 33 учрежденія Государственной Думы 6 августа 1905 г., выработанный н. д. статсъ-секретаря А. Кобеляцкимъ, помѣченъ 1 октября 1905 года). Даже, если считать, что въ ст. 9 правилъ 8 марта, соотвѣтствующей первой половинѣ только что приведенной статьи, подъ словами „не могутъ быть *измѣняемы* (вмѣсто „сокращаемы") расходы, основанные и т. д.", имѣется въ виду не только уменьшеніе, но и увеличеніе кредитовъ, то все же надо признать, что откинутая вторая часть ст. 14 правилъ, проектированныхъ ст.-секр. Кобеляцкимъ, значительно болѣе суживала бы парламентскую иниціативу въ направленіи увеличенія расходовъ, чѣмъ нынѣшняя редакція ст. 9.

въ основные законы статьи смѣтныхъ правилъ, устранить возможность производства, подъ предлогомъ неотложности, сверхсмѣтныхъ расходовъ помимо Думы и закрѣпить за Думою право установленія количества вотумовъ, хотя эта послѣдняя статья редактирована была, по нашему мнѣнію, не вполнѣ удачно. Вопроса о спеціализаціи вотумовъ мы коснемся ниже, здѣсь же отмѣтимъ лишь любопытный отрывокъ изъ цитированной уже записки статсъ-секретаря Кобеляцкаго, характеризующій идеи, выступавшія на видъ при первоначальной постановкѣ вопроса о предѣлахъ бюджетной иниціативы Думы.

Этотъ отрывокъ приведенъ въ объяснительной запискѣ къ только что отмѣченному проекту 35-ти членовъ Думы.

«Возникнутъ, конечно, сомнѣнія,—пишетъ г. Кобеляцкій (въ 1905 г.),—относительно того, всякое ли Высочайшее повелѣніе, независимо отъ порядка, въ коемъ оно издано,—можетъ считаться безспорнымъ оправданіемъ того или иного расхода. Это опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что въ настоящее время Государственнымъ Совѣтомъ признана необходимость устранить наблюдавшіяся ранѣе отступленія въ порядкѣ изданія законовъ, причемъ постановлено, что изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшей властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами. Между тѣмъ весьма многіе, притомъ очень крупные и мало популярные расходы (наприм., на секретныя надобности по полиціи), имѣютъ основаніемъ для своего производства Высочайшія повелѣнія, испрошенныя всеподданнѣйшими докладами. Независимо отъ сего, въ примѣненіи къ смѣтному дѣлу можно указать на такія Высочайшія повелѣнія, дающія основаніе къ испрошенію кредитовъ, которыя послѣдовали по меморіямъ департамента государственной экономіи, т.-е. безъ обсужденія въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Справедливо ли примѣнять къ этимъ узаконеніямъ то же строгое правило, которое ограждаетъ безостановочное примѣненіе *закона въ истинномъ значеніи этого понятія*, или въ отношеніи поименованныхъ кредитовъ могли бы быть допущены нѣкоторыя послабленія, въ смыслѣ расширенія полномочій Думы?»

«Вопросъ долженъ ставиться,—продолжаетъ здѣсь уже записка 35-ти,—конечно не о «послабленіяхъ» Государственной Думѣ, а объ ея правахъ, утвержденныхъ въ законѣ.

«Существующія государственныя учрежденія и связанное съ ихъ существованіемъ непрерывное осуществленіе законовъ, лежащихъ въ основѣ этихъ учрежденій, не должны, конечно, зависѣть отъ разсмотрѣнія и голосованія государственной росписи. Но отъ признанія этой истины до полнаго стѣсненія правъ народнаго представительства по исправленію доходнаго и расходнаго бюджета очень далеко. Въ этомъ отношеніи надо

положиться не на предписаніе закона, а на государственный смыслъ самого народнаго представительства, который не позволитъ ему въ бюджетномъ порядкѣ ломать законодательство. И слѣдуетъ рѣшительно настаивать на томъ, что исключеніе излишнихъ расходовъ, исторически-наростающихъ въ нашемъ совершенно нераціонально и незакономѣрно сложившемся бюджетѣ, не имѣетъ ничего общаго съ той ломкой законодательства въ бюджетномъ порядкѣ, которой слѣдовало бы опасаться. Сохраненіе въ силѣ ст. 9 крайне затруднитъ сокращеніе цѣлаго ряда чрезмѣрныхъ и устраненіе цѣлаго ряда излишнихъ расходовъ, такъ какъ идти законодательнымъ порядкомъ въ этомъ отношеніи означало бы взвалить на Государственную Думу огромную и технически-крайне трудную работу *).

Какъ мы видимъ, министерство явилось передъ Думою съ бюджетомъ 1907 года во всеоружіи своихъ достаточно охарактеризованныхъ выше правъ. Оно явилось, готовое встрѣтить съ ея стороны непримиримую тактику и отвѣтить ей тою же непримиримостью. До извѣстной степени такая воинственность имѣла оправданіе въ той неизвѣстности, какая господствовала въ моментъ перваго обсужденія бюджета (засѣданія 20—27 марта), относительно того, какъ сложится большинство по вопросу о предварительной передачѣ бюджета въ коммиссію. Однако оно сложилось неблагопріятно для партій, имѣвшихъ девизомъ «все или ничего», и нѣтъ сомнѣнія, что разъясненія и доводы наиболѣе освѣдомленныхъ и трезвыхъ умовъ палаты во время бюджетныхъ преній оказали свое вліяніе здѣсь, какъ и въ дальнѣйшей дѣловой работѣ въ бюджетной коммиссіи. Но отношеніе министерства оставалось предвзято враждебнымъ, что выразилось въ извѣстныхъ инцидентахъ относительно допущенія въ коммиссію свѣдущихъ лицъ, отказѣ въ доставленіи матеріаловъ государственнаго контроля и журналовъ междувѣдомственныхъ совѣщаній по разсмотрѣнію проектовъ смѣтъ.

Передъ бюджетной коммиссіей Думы стояла работа, въ цѣломъ, конечно, далеко превышавшая силы какой бы то ни было коммиссіи, при отмѣченныхъ же только что условіяхъ еще болѣе затрудненная.

Трудности этой работы выяснятся намъ, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на матеріалъ, который въ совокупности представляетъ собою русскій государственный бюджетъ.

Общая государственная роспись является сводомъ изъ 46 финансовыхъ смѣтъ доходовъ, расходовъ и спеціальныхъ средствъ отдѣльныхъ министерствъ, главныхъ управленій и высшихъ государственныхъ учрежденій.

Каждая изъ этихъ смѣтъ, за исключеніемъ 6 краткихъ смѣтъ высшихъ государственныхъ учрежденій, содержитъ сотни, нерѣдко тысячи крупныхъ и мелкихъ статей въ своей доходной и въ особенности въ расходной части. Мы имѣли терпѣніе подсчитать, напр., общее число ссылокъ на Высочай-

---

*) Объяснительная записка къ проекту измѣненія правилъ о разсмотрѣніи росписи, внесенная въ Госуд. Думу 2 апрѣля 1907 г. за подписью 35 ея членовъ, принадлежащихъ къ к.-д. партіи.

ше утвержденные штаты, доклады министровъ, мнѣнія Государственнаго Совѣта, положенія комитета министровъ и бывшаго комитета по дѣламъ Царства Польскаго, расписанія, табели, правила, Высочайшія повелѣнія и указы, журналы департамента экономіи Государственнаго Совѣта, наконецъ приказы по военному вѣдомству, на которые опирается расходная часть смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Такихъ основаній кредитовъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся еще къ Петровскимъ временамъ, здѣсь оказалось 1961, не считая такихъ статей расхода, которыя опредѣляются не на основаніи опредѣленныхъ узаконеній и проч., а по средней 3-хъ послѣднихъ лѣтъ, на основаніи заключенныхъ контрактовъ и т. п.

Огромная кропотливая работа по провѣркѣ всѣхъ этихъ «легальныхъ титуловъ» государственныхъ расходовъ по существу дѣла должна была бы быть подготовлена для законодательныхъ учрежденій министерствами и гос. контролемъ. На дѣлѣ ссылки сплошь и рядомъ оказывались ошибочными, не оправдывающими соотвѣтственнаго кредита или оправдывающими не всю его цифру цѣликомъ. Для характеристики того, въ какомъ хаотическомъ состояніи находятся и были представлены Думѣ—по крайней мѣрѣ нѣкоторыя—финансовыя смѣты, мы можемъ воспользоваться указаніями интереснаго доклада думской подкомиссіи по смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Группируя дефекты, затрудняющіе пользованіе и провѣрку смѣты, докладъ указываетъ, что «весьма многія ассигнованія приведены не въ точности въ томъ размѣрѣ, въ которомъ они указываются въ соотвѣтственныхъ титулахъ; очень многіе кредиты ассигнованы такъ, что легальный титулъ для нихъ имѣется, а фактическіе элементы, безъ которыхъ Государственная Дума не можетъ опредѣлить, правильно ли примѣнены означенные титулы,—напр. сколько именно лицъ и съ какого времени пользуются опредѣленнымъ въ соотвѣтственномъ узаконеніи содержаніемъ—отсутствуютъ; очень многія ассигнованія содержатъ въ себѣ опечатки и недосмотры (рядъ примѣровъ, гдѣ названы совершенно неподходящія узаконенія или невѣрно подсчитаны итоги); для очень многихъ ассигнованій или вовсе не сдѣланы ссылки, или сдѣланы ссылки на такіе легальные титулы, которые къ этимъ ассигнованіямъ не относятся (или явно не оправдываютъ ихъ, какъ напр., кредиты, опредѣленные на сроки, давно уже истекшіе и т. п.); многія ассигнованія исчислены на основаніи такихъ титуловъ, которые не даютъ возможности исчислить точную цифру ассигнованія, доколѣ не произведены дополнительныя вычисленія, въ смѣтѣ не приведенныя» *).

Большое количество ссылокъ указываетъ на акты неопубликованные, причемъ эти указанія часто ошибочны, ибо многіе изъ этихъ актовъ въ дѣйствительности опубликованы и имѣются въ Пол. Собр. Зак.

Однако весьма многія законоположенія смѣтнаго характера дѣйствительно остаются неопубликованными. Такая канцелярская неряшливость свидѣтельствуетъ, по выраженію цитируемаго доклада, о томъ, «что мини-

*) Докладъ, стр. 11—20.

стерство иностранныхъ дѣлъ относится безъ надлежащаго вниманія къ актамъ Высочайшей воли, превращая ихъ изъ законовъ въ домашнее дѣло самой канцеляріи и даже лишая ихъ обязательной силы».

Въ самомъ дѣлѣ, подобныя неопубликованныя, иногда даже словесныя Высочайшія повелѣнія затруднительно согласовать со ст. 91 осн. зак., гласящей: «законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе правительствующимъ сенатомъ въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся».

Министръ финансовъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ первый день бюджетныхъ преній въ Думѣ весьма категорически осудилъ подобные порядки въ оправданіи смѣтныхъ назначеній: «если дѣйствительно окажется,—заявилъ онъ,—что многіе милліоны, можетъ быть десятки, а можетъ быть и сотни милліоновъ рублей оправдываются словесными Высочайшими повелѣніями, по всеподданнѣйшимъ докладамъ состоявшимися, тогда мы дѣйствительно будемъ имѣть право сказать, что смѣты никуда не годятся, что онѣ основаны на такихъ началахъ, которыя не имѣютъ подъ собой твердости» *).

Объяснительныя записки ко всѣмъ вообще смѣтамъ не содержатъ въ себѣ совершенно никакихъ указаній, направленныхъ къ облегченію изученія бюджета, не говоря уже о какихъ-либо общихъ точкахъ зрѣнія. По большей части онѣ ограничиваются лишь скуднымъ формальнымъ объясненіемъ причинъ отклоненія цифръ данной смѣты отъ предыдущаго года. Не сдѣлано даже элементарнаго и столь существеннаго, съ точки зрѣнія правилъ 8 марта, распредѣленія кредитовъ расходнаго бюджета на изъятые изъ вѣдѣнія Думы, подлежащіе измѣненію лишь въ законодательномъ порядкѣ и, наконецъ, подлежащіе формально возможности измѣненія со стороны Думы. Лишь недавно, въ примѣненіи къ будущей росписи 1908 г., министерство финансовъ предположило въ приложеніи къ фин. смѣтамъ дать распредѣленіе кредитовъ на указанныя три категоріи. Надо, однако, сказать, что это не избавитъ Государственную Думу отъ необходимости самостоятельно опредѣлять свои права по отношенію къ каждой статьѣ расходовъ, ибо точка зрѣнія министерства и представителей населенія на этотъ предметъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться различной. Министръ финансовъ въ засѣданіи Думы 27 марта наскоро—ибо очевидно эта работа не была продѣлана въ министерствѣ—опредѣлилъ расходы, изъятые изъ обсужденія Думы, въ 502 мил. руб.; допускающіе измѣненіе лишь въ законодательномъ порядкѣ—примѣрно въ 689 мил. руб.; доступные измѣненію въ порядкѣ смѣтномъ, при ежегодномъ обсужденіи бюджета—около 1,280 мил. руб.

Попытка бюджетной коммиссіи опредѣлить соотвѣтственныя цифры указала на спорность весьма многихъ случаевъ, для истолкованія характера правъ Думы по отношенію къ различнымъ видамъ кредитовъ.

*) Государственная Дума. Сессія II. Засѣданіе 13, стр. 837—838.

Съ другой стороны, безъ произведенія указанной выше провѣрки соотвѣтствія титуловъ подкрѣпляемымъ ими кредитамъ никакое разграниченіе также не будетъ имѣть цѣны.

Единственнымъ серьезнымъ нововведеніемъ, относящимся и къ смѣтамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, и къ общей государственной росписи является новая классификація государственныхъ расходовъ.

Этотъ серьезный вопросъ до сихъ поръ не вполнѣ выясненъ у насъ съ его юридической стороны и заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ здѣсь.

Ст. 4 правилъ 8 марта устанавливала для новыхъ законодательныхъ учрежденій вотированіе расходной части росписи «по номерамъ (главнымъ подраздѣленіямъ) росписи». Этотъ терминъ долгое время подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ, между тѣмъ съ нимъ связано одно изъ существеннѣйшихъ установленій бюджетнаго права—предѣлы полномочій министерствъ въ передвиженіи кредитовъ.

Ст. 8 сохраняющихъ донынѣ силу смѣтныхъ правилъ 1862 г. «главныя подраздѣленія» *расходныхъ смѣтъ* называетъ не номерами, а параграфами, и предѣлами такихъ параграфовъ законъ ограничивалъ право министровъ переводить кредиты съ одной потребности на другую.

Что же касается главныхъ подраздѣленій самой росписи, то на практикѣ они значатся подъ «номерами», но этого термина законъ нигдѣ не опредѣляетъ. Между тѣмъ «номеръ» росписи представляетъ сумму часто цѣлаго ряда параграфовъ смѣтъ и вотированіе росписи по такимъ номерамъ обозначало бы чрезвычайное расширеніе полномочій министровъ по передвиженію кредитовъ.

Возникавшія по этому поводу опасенія не вполнѣ были устранены и появившеюся новой классификаціей расходной росписи, сближавшей, въ общихъ чертахъ, ея главныя подраздѣленія съ предѣлами параграфовъ отдѣльныхъ смѣтъ съ нѣкоторымъ однако расширеніемъ величины «номера» противъ «параграфа» (654 параграфа смѣтъ 1906 года замѣнены были 416 номерами проекта новой росписи). Новая классификація представляетъ шагъ впередъ въ дѣлѣ систематизаціи исторически наслаивавшихся и вновь отпадавшихъ параграфовъ нашихъ смѣтъ, но юридическая сила ея возбуждаетъ существенное недоразумѣніе.

Дѣло въ томъ, что классификація нашей расходной росписи съ 1866 г. не закрѣплена въ законодательномъ порядкѣ. Съ теченіемъ времени отмираніе прежнихъ потребностей, появленіе новыхъ изъ года въ годъ колебало ее, измѣняя количество, составъ и размѣры параграфовъ, которыми были ограничены и передвиженія расходовъ по усмотрѣнію министровъ *). Только классификація доходовъ въ 1891 году подверглась законодательному закрѣпленію, сохранившемуся и понынѣ.

---

*) Мы не касаемся правилъ о предѣльныхъ бюджетахъ военнаго и морского (до 1906 г.) вѣдомствъ.

Опубликованный въ офиціозномъ органѣ министерства финансовъ результатъ трудовъ совѣщанія по выработкѣ новой расходной классификаціи заканчивается констатированіемъ того факта, что новая классификація также «не утверждена въ законодательномъ порядкѣ, и потому Государственному Совѣту и Государственной Думѣ предоставляется возможность обсудить тѣ измѣненія, какія они признаютъ необходимыми въ интересахъ государственнаго хозяйства» *).

Между тѣмъ министръ финансовъ въ Государственной Думѣ усиленно напиралъ на то, что новая классификація внесена въ Думу «какъ заключеніе административнаго характера» **); что «законъ (17 января 1866 г.) предоставилъ министрамъ и главноуправляющимъ вносить измѣненія въ классификацію государственной росписи», «по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, не входя съ особымъ каждый разъ представленіемъ», а лишь съ надлежащей оговоркой всѣхъ допущенныхъ измѣненій въ самой смѣтѣ» ***); что «классификація государственныхъ расходовъ въ законодательномъ порядкѣ и впредь закрѣпляема не должна быть». Мотивировалось это тѣмъ, что расходованіе государственныхъ средствъ—дѣло слишкомъ подвижное, государственныя потребности слишкомъ измѣнчивы и подвижность классификаціи «носитъ въ себѣ удобство, съ которымъ нельзя не считаться». Тутъ же давалось увѣреніе, что «само собой разумѣется, если въ порядкѣ разсмотрѣнія бюджета коммиссіей будетъ сдѣлано авторитетное указаніе на то, что желательно допустить тѣ или иныя измѣненія классификаціи въ видахъ болѣе яснаго и систематическаго расположенія, то это будетъ исполнено» ****).

Приходится обратить вниманіе на то, что всѣми этими разсужденіями имѣлось въ виду устранить тезисъ, выставленный въ рѣчи Н. Н. Кутлера, что «окончательное установленіе классификаціи должно зависѣть отъ самой Думы и только постановленія Думы, по утвержденіи ихъ въ общемъ установленномъ порядкѣ, опредѣлятъ окончательно эту классификацію» *****).

Между тѣмъ дальнѣйшее раздробленіе номеровъ росписи и суженіе правъ министровъ по передвиженію кредитовъ внутри ихъ существенно важно для интересовъ правильнаго государственнаго хозяйства.

Многіе изъ нынѣшнихъ номеровъ чрезмѣрно велики, многіе совмѣщаютъ въ себѣ рядъ кредитовъ, въ которыхъ замѣна однихъ другими нежелательна. Достаточно одного замѣчанія, сдѣланнаго представителемъ государственнаго контроля въ междувѣдомственномъ совѣщаніи при разсмотрѣніи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ 1907 года, чтобы лучше представить это себѣ.

Въ § 4 этой смѣты есть 3.351,175 руб. на расходы «не подлежащіе

*) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1906 г., № 42.

**) Государственная Дума. Сессія II, засѣданіе 13, стр. 836.

***) Ibid., засѣданіе 17, стр. 1255—1256.

****) Ibid., стр. 836.

*****) „Госуд. Дума". Засѣданіе 13, стр. 811.

оглашенію» и тутъ же, напр., 175 тыс. на «содержаніе арестантовъ». Юридически ничто не препятствуетъ министру внутреннихъ дѣлъ увеличить на счетъ послѣдняго кредита первую сумму, расходуемую «безотчетно, такъ какъ деньги эти подлежатъ отпуску безъ указанія предмета ихъ расходованія, т.-е. безъ указанія прямого ихъ назначенія въ распоряженіе множества постоянныхъ и временныхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и проч. *).

Съ точки зрѣнія распорядителей кредитовъ «подвижность» ихъ, такъ восхвалявшаяся г. Коковцевымъ, конечно можетъ представлять большое «удобство», но съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства этому удобству безусловно слѣдуетъ предпочесть опредѣленность законодательнаго ограниченія въ передвиженіи расходныхъ кредитовъ между статьями отдѣльныхъ параграфовъ.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, касавшихся тѣхъ формальныхъ условій, въ какія впервые попалъ нашъ бюджетъ въ этомъ году, и характеристики того матеріала, какой представляютъ груды нашихъ смѣтъ и проектъ росписи, впервые предоставленные для изученія и критики представителямъ населенія, а черезъ нихъ и всему русскому обществу, мы можемъ обратиться къ анализу цифровой стороны первой росписи новаго типа.

II.

«Положеніе государственнаго казначейства,—говоритъ министръ финансовъ,—къ началу 1907 года создалось въ значительной степени подъ влі-

*) Надо однако подчеркнуть, что и внутри параграфа отдѣльныя статьи, закрѣпленныя *законодательными* нормами, по смыслу закона не должны быть передвигаемы министрами по усмотрѣнію. Совѣщаніе, вырабатывавшее классификацію, выражается объ этомъ такимъ образомъ: „право главныхъ распорядителей на передвиженіе кредитовъ изъ одной статьи въ другую не можетъ быть понимаемо въ неограниченномъ смыслѣ; тѣ ассигнованія, размѣръ которыхъ опредѣляется въ порядкѣ законодательномъ, а не въ смѣтномъ, не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ усиливаемы на счетъ другихъ кредитовъ въ томъ же параграфѣ находящихся, безъ разрѣшенія законодательной власти. Въ особенности это недопустимо послѣ изданія Высочайше утвержденныхъ 8 марта 1906 г. правилъ" (*Вѣстникъ Финансовъ*, 1906 г., № 42, стр. 99). Вопросъ о предѣлахъ правъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ на передвиженіе кредитовъ предполагалось разсмотрѣть въ Совѣтѣ Министровъ. Министръ финансовъ всецѣло поддерживалъ приведенные выше взгляды совѣщанія. „Имѣя въ виду—говоритъ онъ въ своемъ докладѣ Совѣту Министровъ—что по основнымъ началамъ нашего законодательства никакое постановленіе, утвержденное въ порядкѣ законодательномъ, или путемъ Высочайшаго повелѣнія, не можетъ быть измѣнено иначе, какъ въ томъ же порядкѣ, Министръ финансовъ приходитъ къ заключенію, что права распорядителей на усиленіе кредитовъ путемъ передвиженія сбереженій по второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ, должны ограничиваться тѣми ассигнованіями, размѣръ которыхъ опредѣляется въ порядкѣ смѣтномъ, а не законодательномъ". (*Выс. утв. особый журналъ Совѣта Министровъ 15 августа 1906 г.*). Совѣтъ Министровъ поручилъ г. Коковцеву подвергнуть этотъ вопросъ „ближайшему по сношенію съ вѣдомствами соображенію" (ibid.). Результаты этого обсужденія намъ неизвѣстны.

яніемъ русско-японской войны» *). Было бы очень интересно выяснить вліяніе, какое война оказала на русское народное хозяйство. Ошибочно было бы считать его только отрицательнымъ. Перераспредѣленіе капиталовъ въ связи съ огромными затратами казны, значительная доля которыхъ вошла, конечно, и на долю внутренняго рынка, не могло не отразиться его оживленіемъ, отчасти искусственнымъ, отчасти болѣе прочнымъ. Возможно, что сила этихъ вліяній до нѣкоторой степени является противовѣсомъ тому угнетающему состоянію хозяйственной и политической анархіи, въ которомъ пребываетъ Россія послѣдніе годы.

Эта тема въ высшей степени сложна и далеко выходитъ изъ рамокъ нашей статьи, но чрезвычайно жаль, что министръ финансовъ, въ рукахъ у котораго находятся лучшіе и наиболѣе полные матеріалы для освѣщенія экономическаго положенія страны, не счелъ нужнымъ дать общей картины его, хотя бы въ томъ видѣ, какъ это дѣлалось въ новогоднихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ его предшественниками. И въ своей бюджетной рѣчи министръ финансовъ, очевидно, не задавался такою цѣлью, что же касается его объяснительной записки къ проекту росписи, то она, занимая цѣлыхъ 135 страницъ in 4°, содержитъ лишь сухой дѣловой матеріалъ бюджетно-юридическаго характера и довольно скудныя цифровыя поясненія къ отдѣльнымъ номерамъ росписи. Намъ неизвѣстно, предполагался ли къ опубликованію какой-либо докладъ общаго характера къ моменту утвержденія росписи Верховной властью, но палата народныхъ представителей, въ противность западнымъ образцамъ, такого доклада не удостоилась.

Обращаясь къ цифровымъ даннымъ въ цитируемой объяснительной запискѣ, мы находимъ прежде всего краткій цифровой подсчетъ военныхъ издержекъ за все время съ 1904 года. Произведено расходовъ, вызванныхъ войною и ея послѣдствіями:

	1904 г. . .	676,841,005 руб.	(въ т. ч. погаш. краткоср.
	1905 » . .	1.002,399,180 »	обяз.: 1905 г. 14,997,960 р.,
	1906 » . .	919,476,560 »	1906 г. 444,934,733 р. и
назначено на	1907 » . .	124,304,975 »	операціонные расходы по выпуску займа 1906 г. и краткоср. обяз.: 6,966,052 р.).
	Итого . .	2.723,021,720 руб.	

Однако, изъ приведеннаго итога надо исключить цифру погашенныхъ краткосрочныхъ обязательствъ, которая представляетъ здѣсь только оборотный расходъ. За этимъ вычетомъ общій итогъ военныхъ издержекъ пока долженъ быть опредѣленъ въ 2.263,089,027 руб. Но эти $2^1/_4$ милліарда не представляютъ ни полнаго, ни окончательнаго итога военныхъ затратъ государственнаго казначейства. Сюда, во-первыхъ, вошли только чрезвычайные расходы, тогда какъ по свидѣтельству министра финансовъ «подъ вліяніемъ войны значительно возросли и обыкновенныя ассигнованія (пенсіи

*) Объяснительная записка къ проекту росписи на 1907 годъ, стр. 21.

и проч.) по разнымъ частямъ управленія, которыя даже трудно прослѣдить въ подробностяхъ» *). Во-вторыхъ, ликвидація войны далеко еще не закончена и должна отразиться милліонными расходами еще и на росписяхъ ближайшихъ лѣтъ. Въ-третьихъ, цифра за 1906 г. неточна, ибо военные расходы въ значительной части производились по особому полномочію, предоставленному главнокомандующему арміями внѣ обычнаго порядка ассигнованій **). Эти расходы пока только повѣряются государственнымъ контролемъ и должны будутъ войти въ его еще не появившійся отчетъ за 1906 годъ.

Средства на веденіе войны (кромѣ ассигнованія 1907 г.) получены изъ такихъ источниковъ:

Отъ реализаціи займовъ . . .	1904 г.	382.038,000 р.	1.724,843,500 р.	
» » » . . .	1905 »	638,274,250 »		
» » » . . .	1906 »	704,531,250 »		
» » краткосрочныхъ обязательствъ	1905 »	151,176,799 »	487,575,232 » ***)	
» » »	1906 »	336,398,433 »		
Изъ общихъ средствъ государств. казначейства . . .			386,298,013 »	

Новые займы обременили нашъ бюджетъ ежегоднымъ добавочнымъ платежемъ свыше чѣмъ въ 90 мил. руб. Въ 1903 г. платежи по займамъ составляли всего около 290 мил. руб. На 1907 годъ они достигли уже 381 мил. руб.

Однако по отношенію къ общему бюджету въ $2^1/_2$ милліарда эта прибавка составляетъ всего около 3,6% и даже если исключить изъ валового бюджета двѣ наиболѣе крупныя статьи его оборотныхъ хозяйственныхъ расходовъ (по казенному жел. дор. хозяйству и винной монополіи), то все же увеличеніе тягости бюджета составитъ всего около 5%, т.-е. немного болѣе чѣмъ $1^1/_2$% ежегодно. Такимъ образомъ относительное значеніе колоссальныхъ на первый взглядъ цифръ прямыхъ затратъ государ. казначейства на военныя издержки въ дѣйствительности, при соображеніи съ финансовыми рессурсами Россіи, представляется далеко не столь удручающимъ. И легкость, съ какою нашъ бюджетъ переноситъ столь серьезныя испытанія не должна внушать особаго удивленія.

Вообще надо давно уже поставить вопросъ, относительно котораго въ большой публикѣ господствуютъ самыя превратныя представленія—вопросъ о такъ называемомъ «государственномъ банкротствѣ». Революціонная романтика въ политикѣ и состояніе райской невинности въ финансовыхъ вопросахъ поддерживаютъ этотъ миѳъ, получившій даже quasi-науч-

---

*) Объяснительная записка, стр. 32.

**) Ibid., стр. 21.

***) 5% обязательства 1905 г. были потомъ конвертированы въ $5^1/_2$% и вмѣстѣ съ обязательствами 1906 г. погашены изъ средствъ апрѣльскаго займа (въ суммѣ 459 мил. руб., показанной выше)

ную внѣшность въ пресловутыхъ писаніяхъ сенсаціоннаго невѣжды Рудольфа Мартина. А этотъ послѣдній пріобрѣлъ, кажется, довольно широкую популярность въ извѣстныхъ кругахъ нашей читающей публики.

На этомъ же миѳологическомъ представленіи, подкрѣпляемомъ еще неподходящими аналогіями изъ временъ англійской революціи, базируется и тактика «финансоваго бойкота», столь заманчивая на первый взглядъ. Но если идея права пассивнаго сопротивленія неконституціоннымъ актамъ власти должна считаться неотъемлемымъ элементомъ развитого конституціоннаго сознанія массъ, то вопросъ о ея практическомъ осуществленіи долженъ рѣшаться на основаніи совершенно иныхъ соображеній. Въ этомъ отношеніи заблужденія, связанныя съ представленіемъ «государственнаго банкротства», политически вредны.

Создавая несбыточныя мечтанія, они побуждаютъ къ тактически-ложнымъ пріемамъ политической борьбы и въ то же время даютъ возможность министрамъ финансовъ торжествовать легкія побѣды и получать рескрипты за удачное сведеніе бюджетныхъ итоговъ.

«Громадность нашей страны вотъ что поддерживаетъ нашъ бюджетъ»,— говоритъ проф. Озеровъ *). Схема проф. Озерова, приведенная у насъ въ выноскѣ слишкомъ кратка и потому требуетъ оговорокъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что та стадія «первоначальнаго накопленія», которую Россія переживаетъ въ послѣднія десятилѣтія, разоряя цѣлые слои населенія (которые, впрочемъ, на счетъ сокращенія до минимума своихъ человѣческихъ потребностей все же являются данниками министерства финансовъ по вѣдомству неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей) — въ то же время создаетъ зажиточность другихъ слоевъ,—а эти слои при абсолютной огромности страны образуютъ весьма широкій базисъ для нашего доходнаго бюджета **).

Совершенно внѣ предѣловъ нашей искусственно покровительствуемой

---

*) *И. Х. Озеровъ*. „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги", М., 1907 г., стр. 251. „Бюджетъ Россіи питается налогами на потребленіе, а потребленіе спирта, чая, сахара, нефти, главнымъ образомъ совершается въ городахъ, среди промышленнаго населенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ развивается „хозяйственный мужичокъ", который даже при неурожаѣ богатѣетъ: онъ скупаетъ у своихъ односельчанъ по дешевымъ цѣнамъ скотъ, домашній скарбъ, и богатѣя усиливаетъ свое потребленіе. Неурожай даже содѣйствуетъ нерѣдко богатѣнію этого мужичка: неурожай ослабляетъ силу сопротивленія эксплуатируемой массы, и, слѣдовательно, обогащеніе нѣкоторыхъ совершается тогда быстрѣе и легче" (ibid., стр. 250).

**) „Если взять городское населеніе Россіи, прибавить сюда большіе поселки, не включенные у насъ офиціально въ число городскихъ поселеній, но по своему воздѣйствію оказывающіе на бюджетъ то же вліяніе, что и города, а также населеніе, связанное съ промышленностью, торговлей, извозомъ и т. д., то вѣдь получимъ страну съ населеніемъ не меньше Франціи. Между тѣмъ нашъ бюджетъ, если мы выбросимъ изъ него казенныя желѣзныя дороги, которыхъ нѣтъ у Франціи, лишь немного превышаетъ бюджетъ Франціи, слѣд., пожалуй однѣ указанныя категоріи населенія будутъ въ состояніи держать на своихъ плечахъ нашъ огромный бюджетъ (И. Озеровъ, ibid., стр. 251).

крупной промышленности, у насъ во всѣхъ порахъ организма страны идетъ естественный, органическій, незамѣтный, но огромный по своимъ экстенсивнымъ размѣрамъ процессъ перераспредѣленія и накопленія мелкаго торговаго промышленнаго и сельско-хозяйственнаго капитала.

Фактъ систематической хозяйственной деградаціи милліонныхъ массъ не противорѣчитъ нашему указанію, а составляетъ лишь обратную сторону подчеркиваемаго нами процесса. И возможность дальнѣйшаго роста нашего бюджета совмѣщается такимъ образомъ съ этимъ фактомъ.

Старое правило, что хорошіе финансы немыслимы безъ хорошаго управленія, содержитъ въ себѣ для насъ лишь относительную истину — истину лишь въ томъ смыслѣ, что при хорошемъ управленіи Россія по своимъ естественнымъ рессурсамъ могла бы безъ труда достигнуть такого же поразительнаго экономическаго могущества, какое въ настоящее время представляютъ, наприм., Соединенные Штаты.

Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія, а также то, что сказано нами выше о вліяніи войны на народное хозяйство, мы не будемъ удивляться, что съ окончаніемъ ея исполненіе росписей доходовъ снова стало завершаться съ избытками.

Поступленіе доходовъ въ 1906 г. по кассовымъ свѣдѣніямъ минист. финансовъ превышало поступленіе предыдущаго года на огромную сумму въ 249 м. р. Эта цифра, конечно, чрезмѣрно велика, и ближайшій анализъ долженъ свести ее къ гораздо болѣе скромнымъ размѣрамъ.

Какъ извѣстно, событія послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 г. сильно задержали ростъ доходовъ. По сравненію съ ноябремъ и декабремъ 1904 г., 1905 г. далъ меньше на 83 м. р. Отсроченъ былъ рядъ акцизовъ и сборовъ (сахарный акцизъ—15,7 м. р., табачный—3,6 м., нефтяной—8 м., промысловой налогъ—ок. 2 м., сборъ съ пассажировъ и грузовъ—1,4 м., лѣсной доходъ—2,9 м., доходъ отъ рыбныхъ промысловъ—0,9 мил.). Кромѣ того оплата залоговъ во взносѣ таможенныхъ пошлинъ, повидимому, также въ связи съ тревожными событіями того времени, частью была перенесена на 1906 г. (около 7 м. р.). А самое главное, казенныя желѣзныя дороги дали благодаря забастовкамъ задержку въ доходахъ, которую трудно учесть сколько-нибудь опредѣленно, но которую надо считать не менѣе какъ въ 30—35 м. р. *). Приведенныя рубрики даютъ около 70—75 м. р., которыя почти цѣликомъ надо отчислить отъ доходовъ 1906 года и причислить къ 1905 г.

Затѣмъ надо принять во вниманіе, что цѣлый рядъ повышеній налоговъ вошелъ въ силу съ 1906 и съ конца или со второй половины 1905 года, отразившись на поступленіяхъ главнымъ образомъ съ 1906 г. **).

*) 1904 г.—454,6 м. р.; 1905 г.—431,5 м. р.; 1906 г.—491,1 м. р.

**) Повышенія коснулись налоговъ поземельныхъ, съ гор. недвижимостей, промыслового, нефтяного, спичечнаго, налога съ наслѣдствъ, гербового сбора, нѣкоторыхъ грузовыхъ тарифовъ, наконецъ, вошелъ въ силу новый таможенный договоръ съ Германіей.

Но съ другой стороны 1906 г. далъ на 20 м. р. менѣе выкупныхъ платежей, благодаря ихъ сокращенію наполовину. Кромѣ того цѣлый рядъ казенныхъ доходовъ уменьшился подъ вліяніемъ депрессіи нѣкоторыхъ отраслей государственнаго хозяйства *).

Если предположить, что эта убыль и результаты повышенія налоговъ взаимно компенсируются **) и ограничиться только первой изъ перечисленныхъ причинъ погрѣшности, то, перенеся 70—75 м. р. изъ доходовъ 1906 г. въ 1905 г., получимъ такія цифры. Обыкновенныхъ доходовъ поступило (въ милл. руб.):

	Всего.	сравнит. съ предыд. год.
1901 г.	1.799,5	+ 95,3
1902 »	1.905,4	+105,9
1903 »	2.031,8	+226,4
1904 »	2.018,3	— 13,5
1905 »	(2.024,6) *ок. 2.100,0*	(+ 6,3) *ок.+ 80,0*
1906 »	(2.273,5) » *2.200,0*	(+248,9) » *+100,0*

Мы видимъ довольно правильный ростъ доходовъ, прерванный на одинъ годъ войною.

Послѣ войны «естественный ростъ» доходовъ возстановился, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ до нея. Если мы учтемъ всѣ неблагопріятныя условія, глубоко повліявшія на народное хозяйство, если примемъ еще во вниманіе и повторный неурожай, то должны будемъ признать, что нашъ доходный бюджетъ все же стойко выдерживаетъ тяжелыя испытанія, которымъ подверглась Россія.

Л. Яснопольскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Оброчныя статьи и промыслы—на 4,8 м. р.; обязат. платежи частныхъ жел. дор. обществъ—4,6 м.; пособія госуд. казначейству—4,1 м.; казенные заводы—3,8 м.; прибыли казны отъ частныхъ жел. дорогъ—3,2 мил.; отъ капиталовъ и банковыхъ операцій—2,2 м.; разные доходы—4,5 м. р.

**) По приблизительнымъ подсчетамъ такое предположеніе не будетъ особенно отклоняться отъ дѣйствительности.

Изъ автобіографіи Георга Брандеса.

Переходный возрастъ

Переводъ съ датскаго.

Мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и настало время выбрать жизненное поприще. Но на что былъ я способенъ? Мои родители, такъ же, какъ и прочіе мои родственники, мнѣніе которыхъ я цѣнилъ, желали, чтобы я пошелъ по юридической дорогѣ; они думали, что изъ меня выйдетъ дѣльный адвокатъ; самъ же я откладывалъ рѣшеніе и въ первый годъ студенчества не прослушалъ еще ни одной юридической лекціи. Въ іюлѣ 1860 г., послѣ того, какъ я сдалъ философскій экзаменъ (съ отличіемъ по всѣмъ предметамъ), этотъ вопросъ выступилъ уже настойчиво. Сумѣю ли я обнаружить болѣе или менѣе значительныя дарованія какъ литераторъ, рѣшить это было мнѣ невозможно. Одно только я сознавалъ ясно: что второстепеннымъ положеніемъ въ литературѣ я не удовлетворюсь; тогда ужъ во сто разъ лучше быть городскимъ фогтомъ въ Корсёрѣ. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я составлю себѣ имя, какъ писатель. Мнѣ представлялось тогда, что въ изящной литературѣ Европы царитъ мертвая тишина, но что въ этомъ безмолвіи зарождаются могучія силы. Мнѣ казалось, что предстоитъ новый ея подъемъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1860 г. я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Мы, датчане, благодаря нашей культурѣ и знакомству съ иностранными литературами, окажемся хорошо вооруженными, когда литературный рогъ вновь прозвучитъ по міру, призывая къ бою пылкую молодежь. Это мое непоколебимое убѣжденіе, что это время должно наступить, и что я самъ здѣсь, на сѣверѣ, если и не буду тѣмъ, кто вызоветъ его, то все же сильно этому поспособствую».

Одной изъ первыхъ книгъ, которыя я прочелъ первокурсникомъ, была *Поэзія и правда* Гёте, и это жизнеописаніе произвело на меня громадное впечатлѣніе. Въ своемъ ребяческомъ энтузіазмѣ я рѣшилъ прочесть всѣ книги, о которыхъ Гёте говоритъ тамъ, что онъ читалъ ихъ въ своей юности, и такимъ образомъ началъ и докончилъ чтеніе всѣхъ сочиненій Винкельмана, *Лаокоона* и другихъ художественно-археологическихъ трудовъ

Лессинга,—иными словами, принялся изучать исторію и философію искусства съ такихъ работъ, которыя совершенно устарѣли съ точки зрѣнія позднѣйшихъ изысканій, хотя сами по себѣ и для своего времени онѣ и достаточно цѣнны. Автобіографія Гёте одно время до такой степени меня увлекала, что я всюду встрѣчалъ дѣйствующихъ лицъ книги. Такъ, напримѣръ, старикъ-учитель, къ которому я ходилъ въ ранніе утренніе часы, чтобъ позаимствоваться у него познаніями въ англійскомъ языкѣ, не преподававшемся у насъ въ школѣ, живо напоминалъ мнѣ стараго учителя танцевъ у Гёте, и я еще болѣе утвердился въ своемъ впечатлѣніи, когда узналъ, что у него тоже двѣ хорошенькія дочки. Но что болѣе важно—эта книга пробудила во мнѣ неустанное стремленіе къ знанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ я воспринялъ въ своей душѣ образъ монументальной личности Гёте и воздѣйствіе его всесторонности.

Между тѣмъ, домашнія обстоятельства побуждали меня приняться теперь безъ дальнѣйшаго колебанія за изученіе какой-нибудь спеціальности. Перспективы, которыя открывала литература, были слишкомъ отдаленны. Къ естественнымъ наукамъ у меня не было склонности; логическій элементъ въ моихъ способностяхъ, казалось, могъ легче проникнуть въ суть права; поэтому я выбралъ и началъ изучать юриспруденцію.

Университетскія лекціи, въ томъ видѣ, какъ онѣ читались профессорами Огесеномъ и Грамомъ, были ужасны; онѣ заключались въ медленномъ, сонномъ диктантѣ. Въ аудиторіяхъ неизмѣнно царила мертвящая скука. Особенно несносенъ былъ Огесенъ; ничего человѣческаго не было въ томъ, что онъ диктовалъ. Грамъ, какъ личность, былъ обходителенъ и доброжелателенъ; но стоило ему взойти на каѳедру, какъ и въ его словахъ тоже слышалось: я человѣкъ; все человѣческое мнѣ чуждо.

Пришлось поэтому прибѣгнуть къ помощи репетитора, и тотъ, котораго я выбралъ совмѣстно со своими товарищами Капперсомъ, Людвигомъ Давидомъ и нѣкоторыми другими, Отто Альгренъ-Уссингъ, оказался дѣльнымъ и симпатичнымъ руководителемъ. Къ юриспруденціи онъ питалъ положительный энтузіазмъ; юристъ значило въ его устахъ «самое лучшее, чѣмъ только можетъ быть человѣкъ».

Ему, однако, не удалось заразить меня своимъ энтузіазмомъ къ праву. Я занимался старательно, но лишь немногое въ этомъ предметѣ возбуждало мой интересъ. *Датскіе законы* Христіана Пятаго привлекали меня исключительно своей стилистической формой, наглядными и энергическими выраженіями, которыя тамъ по временамъ употреблялись. Помимо этого, наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело на меня замѣчательное остроуміе въ толкованіи закона Андерсомъ Сандёэ Эрстедомъ. Когда я читалъ и перечитывалъ какую-нибудь статью закона, казавшуюся мнѣ вполнѣ понятной и допускающей лишь какое-нибудь одно толкованіе, какъ мнѣ было не удивляться и не чувствовать себя подавленнымъ, когда учитель принимался за комментаріи Эрстеда, изъ которыхъ явствовало, что законъ составленъ самымъ жалкимъ образомъ и можетъ быть истолкованъ тремя

или четырьмя различными, противорѣчащими другъ другу способами! Но Эрстедъ очень часто доказывалъ это совершенно неопровержимо.

При моей невоспріимчивости къ юридическимъ частностямъ и равнодушіи къ положительному праву, я съ тѣмъ большею страстью набросился на то, что въ былые дни называли естественнымъ правомъ, и вновь, и вновь сталъ углубляться въ философію законовѣдѣнія.

Начавъ такимъ образомъ изученіе юриспруденціи, я приступилъ, одновременно съ этимъ, къ философскимъ и эстетическимъ занятіямъ въ крупномъ масштабѣ. День былъ распредѣленъ съ утра до поздней ночи, и времени хватало на все: на древніе и новые языки, на уроки права у репетитора, на философскія лекціи, читавшіяся въ университетѣ профессорами Г. Брёхнеромъ и Р. Нильсеномъ для болѣе развитыхъ студентовъ, и на самостоятельное чтеніе научнаго и историческаго характера.

Одинъ изъ учителей моего школьнаго періода, обладавшій солидными знаніями, филологъ Оскаръ Сіесбюэ, предложилъ мнѣ заняться со мной безвозмездно, и съ его помощью мною были тщательно пройдены нѣкоторыя трагедіи Софокла и Еврипида, нѣкоторыя вещи Платона, комедіи Плавта и Теренція. Интересъ ко мнѣ этого ученаго не ограничивался преподаваніемъ, но охватывалъ мою личность и мои стремленія въ ихъ цѣломъ.

Мой пріятель Фредерикъ Нуцгорнъ читалъ со мной въ подлинникѣ Эдду и Пѣснь о Нибелунгахъ; съ Іенсомъ Палуданъ-Мюллеромъ я проходилъ по-гречески Новый Завѣтъ, съ Юліемъ Ланге Эсхила, Софокла, Пиндара, Горація и Овидія, немножко Аристотеля и Ѳеокрита. Катулла, Марціала и Цезаря я читалъ одинъ.

Настоящее вдохновеніе осѣнило, однако, мои занятія лишь тогда, когда я сталъ приближаться къ своей девятнадцатилѣтней годовщинѣ. Изъ философіи я успѣлъ до тѣхъ поръ усвоить себѣ лишь кое-что изъ Сёрена Киркегора. Но теперь я принялся добросовѣстно изучать философскія сочиненія Гейберга, ревностно стараясь вникнуть въ его умозрительную логику. Смерть Гейберга въ 1860 году была для меня большимъ горемъ; я любилъ и чтилъ его какъ мыслителя. Формальная ясность и внутренняя затемненность въ Гейберговскомъ изложеніи ученій Гегеля доставляли извѣстное художественное удовлетвореніе, вызывая въ то же время усиліе дѣйствительно ихъ понять.

Но по самому своему свойству философскіе труды Гейберга могли быть только введеніемъ въ ходъ мыслей Гегеля и подготовленіемъ къ произведеніямъ послѣдняго. Я не зналъ, что Европа въ 1860 году давно уже перешла отъ этихъ работъ къ порядку дня. Съ страстнымъ стремленіемъ достигнуть познанія истины накинулся я на гегелевскую систему, началъ съ энциклопедіи, прочелъ всѣ три тома эстетики, философію права, философію исторіи, феноменологію духа, еще разъ перечиталъ философію права, наконецъ, сталъ читать логику, философію природы и философію

духа, въ настоящемъ упоеніи радостью познанія. Однажды, когда одна молодая дѣвушка, которая мнѣ нравилась, пригласила меня зайти проститься съ ней передъ самымъ ея отъѣздомъ, я за своимъ Гегелемъ забылъ и о времени, и объ ея отъѣздѣ, и о нашемъ уговорѣ, и о ней самой. Расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, я случайно вынулъ изъ кармана часы и тогда только спохватился, что пропустилъ назначенное мнѣ свиданіе и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, барышня давнымъ-давно успѣла уѣхать.

Философія права Гегеля очаровывала меня, какъ студента-юриста, отчасти благодаря тому превосходству, съ которымъ выступало здѣсь субстанціональное въ умѣ Гегеля, отчасти благодаря вызывающему отношенію книги къ традиціоннымъ мнѣніямъ и выраженіямъ, такъ какъ «нравственность» становится здѣсь для Гегеля почти единственной непріемлемой вещью. Всего болѣе, однако, увлекала меня эстетика. Она была доступна и, тѣмъ не менѣе, полновѣсна, съ льющимся черезъ край богатствомъ содержанія.

Снова и снова при чтеніи сочиненій Гегеля приходилъ я въ восторгъ предъ новымъ міромъ идей, который передо мной открывался. И когда вещи, долго остававшіяся мнѣ непонятными, становились подъ конецъ ясными послѣ долгихъ размышленій, я испытывалъ то, что самъ называлъ «неизъяснимымъ блаженствомъ». Система идей Гегеля, возведенная раньше эры опыта, его нѣмецкій стиль временъ 1810 г., успащенный произвольно образованными терминами, казалось, должны были бы оттолкнуть юношу другой страны и другой эпохи; для меня же они означали трудности, преодолѣвать которыя было удовольствіемъ. Притомъ же, собственно Гегелевское не было здѣсь для меня самымъ главнымъ. Самое главное заключалось въ слѣдующемъ: я знакомился со всеобъемлющимъ умомъ; я посвящался въ попытку охватить вселенную,—попытку, бывшую наполовину мудростью, наполовину поэзіей; я получалъ возможность заглянуть въ методъ, хотя неудовлетворительный съ научной стороны и уже покинутый учеными, но плодотворный и коренившійся въ геніальномъ воззрѣніи на сущность истины; я чувствовалъ, что попалъ въ школу великаго духовнаго вождя, и въ этой школѣ я учился мыслить.

Я могъ бы, конечно, получить это посвященіе въ школѣ, воздвигнутой на болѣе современномъ фундаментѣ; я, конечно, сберегъ бы немало времени и избѣгнулъ бы многихъ окольныхъ путей, еслибъ мнѣ пришлось начать съ изученія какой-нибудь опытной философіи, или еслибъ судьба привела меня въ школу, гдѣ исторія трактовалась бы съ болѣе строгой критикой источниковъ, хотя и менѣе геніально, и гдѣ къ отдѣльной личности относились бы съ бо́льшимъ уваженіемъ. Но, какъ бы то ни было, изъ этой школы я во всякомъ случаѣ извлекъ всю пользу, какую она только могла принести моему *я*, и съ упоеніемъ ощущалъ я въ себѣ мощно ускоренный процессъ духовнаго развитія. Поэтому мое ощущеніе, что я достигъ научнаго пониманія, не потерпѣло особеннаго ущерба,

когда я узналъ то, что мнѣ не было сначала извѣстно—что мои учителя, Гансъ Брёхнеръ, равно какъ Размусъ Нильсенъ, одинаково рѣшили не застаиваться на нѣмецкомъ философѣ, что они «перешагнули черезъ Гегеля», какъ тогда говорилось.

На той высотѣ, на которую меня вознесло изученіе философіи, я понялъ теперь, что вопросы, съ которыми я подошелъ къ наукѣ, были неправильно поставлены и, даже не получая отвѣта, должны были отпасть. Слова, наполнявшія душу человѣчества на протяженіи тысячелѣтій,—Богъ, безконечность, мысль, природа и духъ, свобода и цѣль—всѣ эти слова пріобрѣтали другое, болѣе глубокое значеніе, новую чеканку, новую цѣнность, и очищенныя представленія, которыя они теперь выражали, становились въ контрастъ другъ къ другу и сочетались другъ съ другомъ, пока вселенная не являлась насквозь пронизанной сѣтью идей и покоющейся въ этой сѣти.

Съ этой высоты мелкое и обыденное, занимавшее человѣческую толпу, казалось совсѣмъ ничтожнымъ. Что значили, напр., перебранки въ ригсрадѣ и ригсдагѣ въ такой маленькой странѣ, какъ Данія, въ сравненіи со стихійно-необходимымъ, опредѣляемымъ законами духа исполинскимъ ростомъ идеи свободы на пространствѣ всемірной исторіи, какъ онъ выступалъ у Гегеля! И что значили въ особенности газетныя злободневныя сплетни, наполнявшія мысли столь многихъ современниковъ, въ сравненіи съ открывшейся теперь возможностью жить въ вѣчныхъ идеяхъ, съ ними и для нихъ!

Еще глубже почувствовалъ я свое посвященіе, когда отъ Гегеля возвратился къ Спинозѣ и съ благоговѣніемъ и энтузіазмомъ впервые прочелъ его *Этику*. Здѣсь я стоялъ у источника пантеистической философіи новѣйшаго времени. Здѣсь философія еще явственнѣе была религіей, такъ какъ замѣняла религію. Если методъ былъ здѣсь весьма искусственный, чисто-математическій, зато философія имѣла здѣсь притягательную силу болѣе самобытной формы ума, дѣйствовала приблизительно такъ, какъ примитивная живопись рядомъ съ достигшей развитія. Самое словоупотребленіе: *Богъ или Природа*, имѣло обаятельную мистику. Глава книги, посвященная естественной исторіи страстей, поражала и обогащала своимъ простымъ и глубокимъ объясненіемъ душевныхъ состояній человѣка. И хотя борьба съ міросозерцаніемъ суевѣрія велась здѣсь съ суровою рѣзкостью, между тѣмъ, какъ въ современной философіи она лишь подразумѣвалась, тѣмъ не менѣе, мысли здѣсь шли какъ будто болѣе тихими путями.

Гегель приковывалъ вниманіе исключительно объемомъ мыслей и процессомъ мышленія. У Спинозы дѣло обстояло иначе. Читателя привлекала его личность, великій человѣкъ, заключавшійся въ немъ, одинъ изъ величайшихъ въ исторіи. Съ нимъ во всемірную исторію вступилъ новый типъ; онъ былъ вознесенный надъ земною жизнью тихій мыслитель, напоминавшій Іисуса чистотой и силой характера, представлявшій контрастъ

Іисусу, какъ поклонникъ природы, поклонникъ необходимости и пантеизмъ. Его ученіе было фундаментомъ для вѣры новѣйшаго времени. Онъ былъ и святой, и вмѣстѣ съ тѣмъ язычникъ, былъ заразъ и мятеженъ, и благочестивъ.

Но между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ стремился чисто интеллектуально проникнуть во всѣ царства духа, какія только могли быть мнѣ доступны, и подчинять себѣ одну область за другой, я былъ далекъ отъ того, чтобъ успокоиться на своихъ духовныхъ пріобрѣтеніяхъ, или почувствовать, что неотъемлемо обладаю ими. Одновременно съ тѣмъ, какъ я утолялъ свою жажду пониманія или просвѣщенія и моментами, въ радости познанія, наслаждался своимъ высшимъ счастіемъ, въ жизни моихъ чувствъ происходила все болѣе и болѣе ожесточенная борьба.

По мѣрѣ того, какъ во мнѣ росло мое существо и я медленно высвобождался изъ расщепленности, въ которой очутился, какъ сознательная личность, по мѣрѣ того, какъ, иными словами, я дѣлался простымъ и стремился быть настоящимъ и правдивымъ, я все менѣе чувствовалъ себя только отдѣльнымъ существомъ, а чувствовалъ себя, наоборотъ, связаннымъ съ человѣчествомъ, однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи, однимъ изъ органовъ вселенной. Уже самъ философскій пантеизмъ, въ который я углублялся, противодѣйствовалъ моему индивидуализму, училъ меня, и притомъ наглядно, соединенію всѣхъ существъ въ наполненной Божествомъ природѣ. Но не отъ пантеизма велъ свое происхожденіе кризисъ въ моей внутренней жизни; это родники чувства забили теперь ключомъ и своимъ непрерывающимся потокомъ наполнили мою душу. Любовь къ человѣчеству захватила меня и увлекла, затопила и оплодотворила лежавшія пока невоздѣланными поля въ моемъ внутреннемъ мірѣ, и вылилась эта любовь къ человѣчеству въ форму безмѣрнаго состраданія.

Мало-по-малу я до такой степени преисполнился имъ, что почти не могъ выносить мысли о страждущихъ, о бѣдныхъ, притѣсняемыхъ, о тѣхъ, кто терпитъ несправедливость. Ихъ образы постоянно вставали предо мной, и мнѣ неизмѣнно казалось, что я обязанъ дѣйствовать въ ихъ пользу, что позорно наслаждаться, когда столь многіе подвергаются лишеніямъ и мукамъ. Часто, когда я шелъ по улицамъ въ вечернее время, я такъ глубоко погружался въ эти мысли, что не видѣлъ ничего изъ того, что происходило вокругъ меня, но чувствовалъ, какъ все мое существо влечетъ меня къ тѣмъ, кто страдаетъ.

Среди моихъ ближайшихъ родственниковъ были люди съ горячимъ сердцемъ и готовностью придти на помощь несчастью. Мужъ младшей сестры моей матери былъ человѣкъ такой доброй души, что какъ только онъ видѣлъ нужду или слышалъ о ней, онъ тотчасъ же опускалъ руку въ карманъ, хотя самъ лишь немногимъ могъ располагать. Мой дядя со стороны отца весь ушелъ въ филантропію, основывалъ одно благотворительное общество, одно благотворительное учрежденіе за другимъ, обладалъ необ-

чайнымъ умѣньемъ заставлять своихъ состоятельныхъ согражданъ проводить въ жизнь его планы и при составленіи послѣднихъ обнаруживалъ почти геніальную проницательность и практическій смыслъ, тѣмъ болѣе поразительные, что въ общемъ его умъ совсѣмъ не отличался остротой, а аргументація его въ отвлеченныхъ вопросахъ была сбивчива. Но я чувствовалъ не такъ, какъ они оба. Мое чувство не такъ легко возбуждалось, какъ у перваго, не было такимъ добродушнымъ и быстро дѣйствующимъ, какъ у него. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не походило на чувство второго, бывшее только соболѣзнованіемъ къ обездоленнымъ, безъ малѣйшаго элемента возмущенія противъ обстоятельствъ и людей, повинныхъ въ ихъ бѣдствіи. Мой дядя былъ вѣчно доволенъ существованіемъ, какъ оно есть, всюду видѣлъ руководительство благостнаго Провидѣнія и былъ твердо и непоколебимо убѣжденъ, что его самого направляетъ и двигаетъ это Провидѣніе, особенно заботящееся о томъ, чтобъ были осуществлены его гуманныя предпріятія. Нѣтъ, мое чувство было совсѣмъ иного свойства. Ничто не было отъ меня дальше этого, порой чисто ребяческаго, оптимизма. Съ меня не было бы достаточно привести въ извѣстность страданія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей и по возможности облегчить ихъ; я искалъ ихъ причинъ въ грубости и неправдѣ. Равнымъ образомъ, я не могъ отыскать слѣдовъ міроправительственнаго перста въ безднѣ собраній, разговоровъ, газетныхъ статей и раздаваемыхъ умными людьми совѣтовъ, общій результатъ которыхъ сводился къ основанію союза швей или къ постройкѣ больницы для противодѣйствія несчастьямъ, порожденнымъ самимъ міроправленіемъ. Ребенкомъ я уже не былъ больше, а ребячливымъ въ этомъ смыслѣ не былъ никогда. Но, тѣмъ не менѣе, мое сердце обливалось кровью отъ жалости къ пасынкамъ общества. Я еще не понималъ необходимости того эгоизма, который есть самозащита, и меня угнетали и мучили мои преимущества передъ многими другими въ моемъ сравнительно выгодномъ положеніи *не*-пролетарія.

Но къ этому присоединилось еще другое настроеніе съ другими побудительными причинами. Я почувствовалъ потребность выступить проповѣдникомъ предъ окружающими меня, предъ легкомысленными и жестокосердыми. Въ сильномъ душевномъ волненіи я написалъ рѣчь: *Благотворная тревога*. Я началъ считать своею обязанностью, какъ скоро я почувствую себя на это способнымъ, ходить по городу и проповѣдовать на каждомъ перекресткѣ, не заботясь о томъ, буду ли я встрѣченъ равнодушіемъ въ этой роли самозваннаго увѣщателя, или же пожну насмѣшки.

Такой образъ дѣйствій привлекалъ меня, потому что онъ казался мнѣ самымъ труднымъ и потому, что при своей юношеской взвинченности, я въ трудности видѣлъ единственный отличительный признакъ долга. Стоило мнѣ только открыть что-нибудь, что казалось мнѣ хорошимъ дѣломъ, и затѣмъ сказать самому себѣ: «Но ты этого не посмѣешь сдѣлать!» какъ вся моя юношеская сила и отвага, все болѣе глубокое чувство чести и вся гордость, все желаніе схватиться съ тѣмъ, что, повидимому, было

непреодолимо,—какъ все это спѣшило нахлынуть на меня и, въ противовѣсъ моей мысли: *Ты этого не посмѣешь*, старалось доказать, что я посмѣю.

Такъ какъ самымъ труднымъ подвигомъ мнѣ тогда представлялось самоотреченіе, смиреніе, аскетизмъ, то въ продолженіе нѣкотораго времени на нихъ и сосредоточилась вся моя душевная жизнь. Какъ разъ въ этотъ моментъ—мнѣ было тогда 19 лѣтъ—матеріальное положеніе моей семьи было критическое, и я, совсѣмъ бѣдный студентъ, долженъ былъ разсчитывать лишь на самого себя. Невелики были, слѣдовательно, тѣ мірскія блага, отъ которыхъ мнѣ приходилось отказываться или отрекаться. Изъ элегантной квартиры на улицѣ Кронпринца мои родители переѣхали въ менѣе удобное помѣщеніе на крайне неприглядной Сёмговой улицѣ; здѣсь мнѣ досталась скромныхъ размѣровъ комнатка на чердакѣ, откуда днемъ я видѣлъ крыши, а ночью звѣзды. Ночной тишины здѣсь не было, такъ какъ сосѣдніе дома оглашались криками и воемъ несчастныхъ женщинъ, которыхъ жестоко колотили по своемъ возвращеніи въ пьяномъ видѣ ихъ мужья и любовники. Но никогда еще не испытывалъ я такого паренія, такого восторга, такого блаженства, какъ въ этой каморкѣ. Дни мои мелькали въ какомъ-то экстазѣ; я чувствовалъ себя посвященнымъ въ воины на служеніе Высшему. Я подвергалъ искусу свое тѣло, чтобы вполнѣ имѣть его въ своей власти, какъ можно меньше ѣлъ, какъ можно меньше спалъ, нерѣдко ложился на голомъ полу, чтобъ закалить себя такъ, какъ мнѣ это было нужно. Я старался умертвить пробудившуюся во мнѣ юношескую чувственность и мало-по-малу совершенно подчинилъ себя своей волѣ, такъ что могъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть: послушнымъ и сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ за побѣду истины. И тогда я вновь устремился къ своимъ научнымъ занятіямъ съ такой охотой и страстью, что не ощущалъ никакихъ лишеній, а мѣсяцъ за мѣсяцемъ чувствовалъ подъемъ духа, видя, какъ умножаются мои знанія и умственныя силы, какъ я росту изо дня въ день.

Но это душевное состояніе столкнулось съ другимъ. Религіозный переломъ въ моей душѣ не могъ остаться незамутненнымъ, такъ какъ я принадлежалъ къ обществу, избороржденному религіозными теченіями, и родился въ Европѣ, населеніе которой цѣлыя тысячелѣтія жило подъ воздѣйствіемъ религіозныхъ представленій. Весь тотъ *атавизмъ*, всѣ тѣ призраки мыслей и чувствованій прошлаго, какіе могутъ таиться въ душѣ индивидуума, выступили теперь на подмогу тревожныхъ религіозныхъ впечатлѣній, приходившихъ ко мнѣ извнѣ.

Эти впечатлѣнія не имѣли никакого отношенія къ моимъ друзьямъ. Всѣ болѣе близкіе изъ нихъ были ортодоксальные христіане; но попытки нѣкоторыхъ изъ нихъ—Юлія Ланге, Іенса Палудана-Мюллера—обратить меня въ свою вѣру *) совершенно отскакивали отъ моей болѣе зрѣлой души.

*) Брандесъ родился въ еврейской купеческой семьѣ, державшейся раціоналистическихъ воззрѣній, и воспитался внѣ конфессіональныхъ рамокъ, хотя формально и былъ конфирмованъ въ синагогѣ.—Прим. перев.

Я былъ созданъ изъ гораздо болѣе твердаго металла, чѣмъ они, и ихъ попытки къ моему обращенію только скользили по мнѣ, не проникая внутрь. Чтобы привести мою душу въ колебаніе, требовался умъ, за которымъ я призналъ бы превосходство надъ моимъ; такого ума я у нихъ не находилъ. Онъ встрѣтился мнѣ въ философскихъ и религіозныхъ сочиненіяхъ Сёрена Киркегора, въ такой книгѣ, напр., какъ его *Болѣзнь къ смерти*.

Легкій разладъ въ моемъ внутреннемъ мірѣ начался незадолго до моей девятнадцатилѣтней годовщины. Исходная точка была слѣдующая. Одно казалось мнѣ необходимымъ: жить въ *идеѣ* и для нея, это было тогдашнее выраженіе для наивысшаго. Все, что возставало противъ идеи, какъ враждебное ей, обрекалось на бичеваніе насмѣшкой, или должно было быть уничтожено негодованіемъ. И я написалъ однажды такія слова: «Гейне плакалъ надъ *Донъ Кихотомъ*. О, да, это былъ настоящій человѣкъ. Кровавыми слезами могъ бы я плакать, когда думаю объ этой книгѣ». Но нужно было достигнуть полной ясности относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ идеей. Для Гейберга безыдейными людьми были люди необразованные. Но для меня было несомнѣнно, что образованность не можетъ служить мѣриломъ. И никакого другого мѣрила для одержимости идеей я не находилъ, кромѣ готовности приносить жертвы. Если я, говорилъ я самому себѣ, оказываюсь менѣе самоотверженнымъ, чѣмъ какой-нибудь изъ тѣхъ негодныхъ людей, противъ которыхъ я ополчаюсь, то я и самъ долженъ подвергнуться справедливому осмѣянію.—Но разъ мѣриломъ взято самопожертвованіе, то Іисусъ, какъ о немъ учитъ преданіе, долженъ быть признанъ идеаломъ, ибо кто такъ жертвовалъ собой, какъ Онъ!

Здѣсь была наклонная плоскость, вводившая въ жизнь христіанскихъ чувствованій, и годъ спустя, когда мнѣ должно было исполниться двадцать лѣтъ, я, двигаясь по этой плоскости, дошелъ до того, что въ существенныхъ чертахъ чувствовалъ себя въ гармоніи съ христіанствомъ, такъ какъ жизнь я велъ аскетическую, а мой ищущій, стремящійся, непрерывно работающій духъ находилъ въ молитвѣ не только отдыхъ, но и упоеніе, и обрѣталъ полетъ и пламя въ представленіи, что его охраняетъ и ему помогаетъ «Богъ».

Но какъ разъ передъ моей двадцатилѣтней годовщиной кризисъ разразился снова, и во всю первую половину слѣдующаго года онъ продолжался съ неослабѣвавшей силой. Христіанинъ я или нѣтъ въ настоящей стадіи моего развитія? А если нѣтъ, то требуетъ ли отъ меня долгъ, чтобъ я сдѣлался христіаниномъ?

Прежде всего у меня возникла такая мысль: достигнуть нравственной власти надъ собою стóитъ большихъ, постоянныхъ, порой ежеминутныхъ усилій, и если это и не приводитъ по необходимости къ самодовольству и еще менѣе *должно* приводить къ нему, то все же это влечетъ за собой ощущеніе цѣнности этой власти надъ собой. Какъ странно, въ такомъ случаѣ, что христіанство, зовущее къ пріобрѣтенію этого качества, въ то же время утверждаетъ, что для Бога, познаваемаго путемъ откровенія, безразлично,

живъ ли человѣкъ нравственно или нѣтъ, такъ какъ вѣра или невѣріе одни только рѣшаютъ такъ называемое спасеніе!

Слѣдующая мысль, приходившая мнѣ въ голову, была такого рода: только у Киркегора, въ его ученіи о парадоксѣ, христіанство выступаетъ въ такомъ опредѣленномъ видѣ, что его нельзя смѣшать съ какимъ-нибудь другимъ духовнымъ направленіемъ. Но если нужно сдѣлать выборъ между пантеизмомъ и христіанствомъ, то возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли ученіе Киркегора есть историческое христіанство, не есть ли оно скорѣе приспособленное къ его идеѣ ученіе, и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно, такъ какъ его возможно усвоить безъ какого бы то ни было отношенія къ явленію Духа въ видѣ голубя, къ голосу изъ облаковъ, вообще ко всему штабу чудесъ и догматовъ.

Затѣмъ у меня являлась еще такая мысль: пантеизмъ не ставитъ человѣку какой-нибудь единичной, безусловной цѣли. Невѣрующій проводитъ жизнь, интересуясь многими цѣлями, которыя человѣкъ имѣетъ какъ человѣкъ. Пантеисту будетъ поэтому трудно жить вполнѣ этично. Много бываетъ случаевъ, когда, обходя строго-этическое, мы никому не вредимъ, а только рискуемъ погубить свою душу. Здѣсь невѣрующему нелегко будетъ рѣшиться сдѣлать шагъ ради безличной истины, тогда какъ человѣкомъ набожнымъ руководитъ его страстная боязнь согрѣшить передъ Богомъ.

Такъ метался я изъ стороны въ сторону въ своемъ раздумьѣ.

Чего я особенно страшился, это, что у меня нехватитъ мужества рѣшительно усвоить себѣ познаніе истины, если я достигну его. Вѣдь требовалось мужество какъ для того, чтобы взять на себя тяготы, обязательныя для христіанина, такъ и для того, чтобы возложить на себя бремена, вытекающія изъ исповѣданія пантеизма.

По отношенію къ христіанству я рѣзко различалъ трусость, содрогающуюся передъ самоотреченіемъ, и сомнѣніе, подвергающее анализу самый вопросъ, является ли самоотреченіе долгомъ. И мнѣ было ясно, что на пути къ христіанству сомнѣніе нужно побѣдить раньше, чѣмъ трусость, а не наоборотъ, какъ утверждалъ Киркегоръ въ своей книгѣ *Къ самоиспытанію*, гдѣ онъ говоритъ, что ни одинъ изъ мучениковъ не сомнѣвался.

Но мое сомнѣніе оказывалось непреодолимо. Киркегоръ настаивалъ на томъ, что только для сознанія грѣховности христіанство не есть ужасъ или безуміе. Мнѣ же оно порой представлялось и тѣмъ, и другимъ. Я заключалъ отсюда, что у меня нѣтъ сознанія грѣховности и находилъ этому подтвержденіе, когда заглядывалъ въ самого себя. Ибо какъ ни сильно упрекалъ я себя въ этотъ періодъ времени и осуждалъ свои недостатки, все же они всегда были для меня слабостями, противъ которыхъ я долженъ былъ бороться, или изъянами, которые могли быть исправлены, но никакъ не грѣхами, требовавшими прощенія, а для достиженія этого прощенія требовавшими Спасителя. Что Богъ умеръ за меня, какъ мой Спа-

ситель, я рѣшительно не зналъ, что это можетъ значить; моей мысли это представленіе никогда ничего не говорило. И я спрашивалъ себя, были ли бы въ состояніи понять обитатели какой-нибудь другой планеты, что на землѣ противное разсудку считается наивысшей истиной.

По отношенію къ пантеизму я точно такъ же опасался, что не убѣжденіе въ его неистинности, а недостатокъ мужества можетъ удержать меня отъ принятія его. Онъ представлялся мнѣ истиннымъ: все казалось проникнутымъ и поддерживаемымъ разумомъ, не имѣвшимъ въ виду человѣческихъ цѣлей и работавшимъ не при помощи человѣческихъ средствъ, божественнымъ разумомъ. Природа была постижима лишь въ своихъ высшихъ формахъ; идеальное, открывавшееся въ человѣческомъ мірѣ на его высшихъ ступеняхъ, присутствовало по мѣрѣ возможности и силъ въ первыхъ зародышахъ, даже въ первобытномъ туманѣ, прежде чѣмъ онъ распался на міръ органическій и неорганическій. Вся природа была въ своей сущности божественна, и я чувствовалъ себя въ душѣ пантеистомъ.

Но та же природа была равнодушна къ страданіямъ и къ благополучію человѣка. Она повиновалась своимъ законамъ, не соображаясь съ тѣмъ, что они могутъ принести гибель тѣмъ или другимъ людямъ; въ холодности своей она казалась жестокой; она заботилась о сохраненіи вида, но до единичнаго существа ей не было дѣла.

Между тѣмъ, подобно всѣмъ европейцамъ, я воспитался въ представленіи объ индивидуальномъ безсмертіи, представленія, бывшемъ, между прочимъ, однимъ изъ выраженій того громаднаго значенія, значенія вѣчности, которое приписывалось каждому индивидууму. Чѣмъ сильнѣе индивидуумъ чувствовалъ себя, тѣмъ страстнѣе онъ, по стихійной необходимости, цѣплялся за это представленіе; онъ не могъ уничтожиться. Но ни для одного юноши это представленіе не могло быть болѣе драгоцѣнно, чѣмъ для такого, который чувствовалъ, что жизнь бьется въ немъ такъ, точно въ немъ двадцать жизней и двадцать другихъ передъ нимъ. Мнѣ было невозможно представить себѣ, что я могу умереть, и разъ вечеромъ, годъ спустя, я привелъ въ изумленіе своего учителя, профессора Брёхнера, признавшись ему въ этомъ. «Какъ!—сказалъ Брёхнеръ,—вы говорите это серьезно? Вы совершенно не можете себѣ представить, что когда-нибудь должны будете умереть? Какая юность! Большая, значитъ, разница между вами и мной; я всегда вижу передъ собою смерть».

Но если чувство жизни и было во мнѣ такъ сильно, что я не могъ представить себѣ свою смерть, я вѣдь всетаки зналъ навѣрно, что моя земная жизнь, какъ и у всѣхъ другихъ людей, должна будетъ прекратиться. Но тѣмъ сильнѣе чувствовалъ я себя убѣжденнымъ, что все никакъ не можетъ быть кончено этимъ; смерть не можетъ быть заключеніемъ; она можетъ, какъ проповѣдовали религіи, и какъ училъ этому деизмъ восемнадцатаго вѣка, быть лишь моментомъ перехода къ новому, болѣе полному существованію. Въ награду или наказаніе послѣ смерти я не могъ вѣрить;

это были средневѣковыя представленія, чрезъ которыя я давно перешагнулъ. Но отъ мечты о самомъ безсмертіи я не могъ уйти. И я стремился удержать ее въ силу ученія о томъ, что ничто не можетъ исчезнуть. Количество вещества остается вѣдь всегда одинаковымъ; энергія сохраняется при всякомъ превращеніи.

Но я понималъ, что это не въ состояніи успокоить относительно той формы, которую мы называемъ индивидуальностью. Какая польза Александру отъ того, что его прахомъ замазываютъ дыру въ бочкѣ, или Шекспиру отъ того, что *Ромео и Юлію* играютъ въ Чикаго! Тогда я прибѣгнулъ къ сравненіямъ и метафорамъ. Что если душа, остававшаяся на землѣ слѣпой къ характеру иной жизни, подвергается при смерти операціи, открывающей ей глаза! Что если смерть, какъ намекалъ на это Сиббернъ, можно уподобить рожденію! Какъ зародышъ въ утробѣ матери, еслибъ онъ сознавалъ себя, долженъ былъ бы думать, что переворотъ рожденія означаетъ для него уничтоженіе, между тѣмъ какъ онъ тогда только просыпается къ новой и безконечно болѣе богатой жизни, такъ, быть можетъ, и душа въ страшный для нея моментъ смерти...

Но когда я подѣлился съ своимъ учителемъ этими сравненіями и тѣми надеждами, которыя я съ ними связывалъ, онъ отвергъ ихъ, какъ лишенныя всякаго смысла, и далъ мнѣ простое объясненіе, съ которымъ я не могъ не согласиться, что ничто не указываетъ на продолженіе индивидуальной жизни послѣ смерти, и, наоборотъ, все говоритъ противъ него. Тогда я понялъ, что въ томъ, что я называлъ пантеизмомъ, безсмертіе индивидуума не имѣетъ мѣста. И во мнѣ началась медленная внутренняя работа, цѣлью которой было достигнуть отреченія отъ значенія и цѣнности индивидуума. Много бесѣдъ велъ я объ этомъ съ моимъ утомленнымъ жизнью и вполнѣ примирившимся со смертью наставникомъ. Онъ постоянно утверждалъ, что стремленіе индивидуума къ личному безсмертію есть не что иное, какъ одно изъ проявленій тщеславія. И онъ любилъ выставлять его въ комическомъ свѣтѣ. Онъ разсказывалъ, наприм., слѣдующій анекдотъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе гулять въ лѣтніе вечера въ Аллеѣ Философовъ (въ настоящее время улица Западнаго Вала). Тамъ онъ часто встрѣчалъ на скамьяхъ четырехъ или пятерыхъ стариковъ, совершавшихъ въ одно время съ нимъ свою вечернюю прогулку; мало-по-малу они познакомились и стали разговаривать другъ съ другомъ. Оказалось, что эти старики были свѣчные фабриканты, удалившіеся на покой и не знавшіе теперь, куда дѣвать время. Въ сущности они всегда испытывали скуку и то и дѣло зѣвали. Одна только у нихъ была тема, къ которой они возвращались со страстью: ихъ надежда на личное безсмертіе во всѣ вѣки. И Брёхнера забавляло, что люди, не знающіе, какъ убить въ этой жизни хотя бы только воскресный вечеръ, горятъ желаніемъ получить послѣ смерти въ свое распоряженіе время, не имѣющее конца. Тогда и самъ ученикъ его почувствовалъ странность желанія существовать милліоны вѣковъ, что всетаки еще ничто въ сравненіи съ безсмертіемъ.

Тѣмъ не менѣе, для меня было тяжелымъ искусомъ, что для міросозерцанія пантеистическаго мѣсто непрерывнаго личнаго существованія, котораго домогалось *я*, заступало поглощеніе индивидуума великимъ цѣлымъ. Но еще болѣе отпугивало меня отъ него слѣдующее. Божественная, всеобъемлющая природа не трогалась молитвами и не поддавалась имъ. А между тѣмъ я долженъ былъ молиться. Съ самаго ранняго дѣтства я привыкъ въ тревогѣ и въ бѣдѣ обращаться мыслями къ высшей силѣ, вначалѣ выражая свои нужды и желанія въ словахъ, позднѣе безъ словъ погружаясь въ благоговѣйное чувство. То была потребность, чрезъ многія сотни поколѣній унаслѣдованная отъ предковъ, потребность взывать о помощи и утѣшеніи. Кочевники равнинъ, бедуины пустынь, воины въ желѣзныхъ доспѣхахъ, набожные священники, находившіеся въ плаваніи моряки, странствовавшіе купцы, горожанинъ, точно такъ же, какъ и поселянинъ— всѣ они молились цѣлыми тысячелѣтіями, и съ незапамятныхъ временъ женщины, сотни и сотни женщинъ, отъ которыхъ я велъ свой родъ, все существо свое сосредоточивали въ молитвѣ. Это было ужасно, никогда больше не имѣть возможности молиться...

Никогда не складывать въ молитвѣ руки, никогда не устремлять взоръ свой въ высь, а жить, безъ доступа къ небу, одному во вселенной!

Если нѣтъ на небесахъ ока, слѣдящаго за человѣкомъ, нѣтъ уха, внемлющаго его жалобамъ, нѣтъ руки, защищающей его въ опасности, тогда онъ все равно что выброшенъ въ глухую степь, гдѣ воютъ волки.

И устрашенный, я попытался вновь ступить на путь къ религіозному успокоенію, который только что нашелъ непроходимымъ, пока борьба въ моей душѣ, наконецъ, не стихла, и я не принудилъ мое чувство склониться съ самоотреченіемъ передъ тѣмъ, что мысль моя признала истиной.

В. С.

Памяти А. А. Муханова.

Въ лицѣ А. А. Муханова дѣло русской свободы, дѣло государственнаго и общественнаго обновленія Россіи потеряло одного изъ самыхъ вѣрныхъ и стойкихъ защитниковъ.

Имя А. А. впервые получило болѣе широкую извѣстность, когда у него въ качествѣ черниговскаго губернскаго предводителя произошелъ конфликтъ съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, конфликтъ, вслѣдствіе котораго онъ въ 1902 г. при переизбраніи не былъ утвержденъ губернскимъ предводителемъ. Извѣстно, съ какой безпощадностью Плеве подавлялъ всякую тѣнь общественной самодѣятельности, какимъ глубокимъ недовѣріемъ былъ проникнутъ ко всѣмъ силамъ, не находящимся всецѣло и безраздѣльно въ рукахъ бюрократіи. А. А. Мухановъ, являясь избранникомъ сословія, видѣлъ въ своей должности прежде всего средство общественнаго служенія и въ этомъ смыслѣ онъ былъ совершенно не похожъ на обычный типъ предводителя. Огромный нравственный авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ Черниговской губ., и поддержка избирателей въ концѣ-концовъ доставили ему возможность снова занять постъ губернскаго предводителя. Въ качествѣ послѣдняго онъ предсѣдательствовалъ на губернскомъ земскомъ собраніи 1904 г., которое вынесло извѣстную резолюцію о необходимости созыва народныхъ представителей для выработки Основного Закона... Извѣстныя послѣдствія этой резолюціи заставили его выйти въ отставку, но съ тѣмъ большей энергіей посвятилъ онъ себя общественной дѣятельности.

А. А. можно было видѣть на всѣхъ земско-городскихъ съѣздахъ 1905 г. Съ полнымъ убѣжденіемъ онъ призналъ въ переходѣ къ конституціонному строю историческую необходимость, внѣ которой Россія обречена на изнемощь и разложеніе, поэтому же онъ совершенно отрицательно относился ко всякимъ попыткамъ реставрировать совѣщательное представительство, ко всякимъ потугамъ воскресить славянофильскія теоріи и положить ихъ въ основу государственной реформы Россіи. Съ другой стороны, принадлежа самъ по рожденію, воспитанію и связямъ къ подлинному аристократическому слою нашего дворянства, онъ съ обычной для него послѣдователь-

ностью и ясностью призналъ, что конституціонный режимъ у насъ будетъ проченъ, только опираясь на право всего народа, только принимая демократическій характеръ и открывая путь для широкихъ соціальныхъ реформъ.

17 октября сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашего общественнаго сознанія; разбивались старыя группировки и создавались новыя партіи. А. А. примкнулъ къ конституціонно-демократической партіи, которая, по его мнѣнію, выдвигала то, что требовалось историческимъ моментомъ и была одинаково далека отъ безпочвенныхъ утопій и отъ безпринципнаго оппортунизма. Партія ему обязана многимъ, между прочимъ болѣе ясной и отчетливой постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, не только тактическихъ, но и програмныхъ. Такъ, на II съѣздѣ А. А. энергично защищалъ необходимость категорическаго указанія на то, что выдвинутый въ програмѣ к.-д. партіи режимъ есть конституціонно-монархическій. Конечно, и первоначальный смыслъ програмы былъ именно таковъ, но принципъ монархіи не былъ достаточно ясно выраженъ, что вызывало многія недоумѣнія и нареканія. Избранный въ члены центральнаго комитета, А. А. энергично провелъ избирательную кампанію въ Черниговской губ., давшую блестящій успѣхъ конституціоналистамъ-демократамъ,—успѣхъ, обязанный прежде всего ему.

Въ Государственной Думѣ Мухановъ рѣдко выступалъ на каѳедрѣ, хотя онъ, не обладая внѣшними ораторскими красками, могъ производить сильное впечатлѣніе, какъ показываютъ, напримѣръ, нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ въ защиту запроса о сожженіи крестьянскихъ избъ въ Черниговской губерніи карательной экспедиціей. Тѣмъ болѣе выдающуюся роль игралъ онъ въ работѣ и жизни думской фракціи народной свободы. Неизмѣнно преданный идеаламъ конституціонализма и демократическихъ реформъ, онъ всегда предостерегалъ противъ переоцѣнки собственныхъ силъ, всегда убѣждалъ не сходить съ почвы трезваго реализма, и въ особенности относился отрицательно ко всякимъ попыткамъ использовать Думу для постороннихъ цѣлей. Онъ никогда не терялъ хладнокровія и здраваго смысла, когда вокругъ него господствовало ослѣпленіе.

Самой выдающейся страницей въ думской дѣятельности А. А. Муханова было безспорно его предсѣдательствованіе въ аграрной коммиссіи. Работа этой коммиссіи была связана съ чрезвычайными трудностями, ей приходилось имѣть дѣло съ вопросомъ, достигшимъ необычайной жгучести и обостренія. Правда, уже въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Государственная Дума высказала, что началомъ аграрной реформы должно служить принудительное отчужденіе, но при переходѣ къ конкретной разработкѣ вопроса единомысліе разрушилось. Представители Польши и Западнаго края относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ намѣчаемой реформѣ и не прочь были бы ее отложить въ долгій ящикъ. Представители лѣвыхъ фракцій, пользовавшіеся значительнымъ вліяніемъ на крестьянъ, выдвигали фантастическія перспективы и готовы были идти по пути, противорѣчащему всему современному правосознанію, вродѣ безвозмезднаго отчужденія. Ря-

домъ съ классовыми и партійными контрастами выступали и территоріаль-
ные: у представителей западной Россіи рѣзко выраженныя тенденціи к
передачѣ отчуждаемыхъ земель въ полную собственность, и извѣстны
симпатіи, воспитанныя, вѣроятно, отчасти общиннымъ землевладѣніемъ,
къ государственному земельному фонду, къ передачѣ земель въ пользова-
ніе—въ восточной Россіи. Наконецъ, очень острыя разногласія были свя-
заны съ вопросами о взаимныхъ отношеніяхъ въ дѣлѣ аграрной реформ
между центральными и мѣстными органами, о составѣ этихъ послѣднихъ
и т. д. И если работа аграрной коммиссіи всетаки подвигалась довольн
быстро, если вырабатывалось извѣстное среднее мнѣніе, извѣстный ком-
промиссъ, который могъ быть принятъ большинствомъ Думы, то больша
доля заслуги здѣсь принадлежитъ образцовому предсѣдательствованію А. А
Муханова. Полный уваженія къ свободѣ мнѣній, совершенно безпристраст-
ный, онъ умѣлъ въ то же время ввести вопросъ въ надлежащія рамки
не дать ему раствориться въ безконечныхъ преніяхъ и отклоненіяхъ в
сторону. Такое же спокойствіе и принципіальную твердость выказалъ А. А.
когда въ коммиссія поднялся вопросъ, оказавшійся роковымъ для суще-
ствованія первой Думы, какъ отвѣчать на правительственное сообщеніе
посвященное земельной реформѣ. Признавая необходимымъ реагировать н
незакономѣрный актъ правительства, который не только подрывалъ авто-
ритетъ Думы, но и могъ оказаться гибельнымъ для общественнаго спокой-
ствія, А. А. стремился дать ему строго-освѣдомительный характеръ; здѣсь
по его мнѣнію, Дума оставалась вполнѣ въ предѣлахъ своего права, и н
слѣдовало этихъ предѣловъ переступать.

Роспускъ Думы и лишеніе возможности участвовать въ земской жизни
связанное съ возбужденнымъ противъ А. А. Муханова обвиненіемъ з
подписаніе выборгскаго воззванія, къ которому, кстати сказать, онъ отно-
сился съ здравымъ скептицизмомъ, но считалъ долгомъ не нарушать партій-
ной солидарности—все это не ослабило его энергіи. Онъ продолжалъ ра-
ботать по аграрному вопросу, продолжалъ принимать близкое участіе в
дѣлахъ партіи. Чуждый утопизма, онъ въ не меньшей мѣрѣ былъ чуж
малодушнаго отчаянія, которое овладѣло многими, увидавшими, что Россі
находится еще только на самыхъ первыхъ стадіяхъ новой жизни, что он
владѣетъ лишь зародышемъ политической свободы.

Но этотъ бодрый и ясный духъ былъ заключенъ въ страждущее тѣло
Уже въ концѣ 1906 г. стало извѣстно, какимъ ужаснымъ недугомъ пора-
женъ А. А. Мухановъ. И онъ, котораго судьба дважды спасала отъ ги-
бели—въ Новозыбковѣ послѣ 17 октября 1905 г. во время черносотеннаго
погрома и на Аптекарскомъ Островѣ во время взрыва, совершеннаго терро-
ристами, скончался на чужбинѣ въ возрастѣ, который обѣщалъ ему ещ
многіе годы плодотворной работы.

А. А. Мухановъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ Россіи
всего болѣе ей необходимыхъ людей, которые умѣютъ совмѣстить идеализм
великихъ цѣлей съ полной ясностью и трезвостью въ учетѣ средствъ и

въ оцѣнкѣ историческаго момента. У него совершенно не было той истеричности, которая, къ несчастію, довольно часто встрѣчается среди русской интеллигенціи и чрезвычайно ослабляетъ ея способность къ выдержанной и планомѣрной борьбѣ, толкая къ эксцессамъ или создавая апатію. Быть можетъ, эта особенность духовнаго склада Муханова отражалась на его высокой оцѣнкѣ правового принципа, который онъ всегда энергично отстаивалъ отъ опасностей, угрожающихъ ему справа и слѣва. Но это право не было неподвижное, мертвое право; въ его мысли оно раздвигалось и развивалось съ ростомъ общества, открывая возможность удовлетворить его жизненныя потребности. Правовой идеалъ А. А. былъ чуждъ всякаго классоваго привкуса—и это особенно сказывалось на его отношеніяхъ къ земельной реформѣ. И среди именъ тѣхъ, кто боролись въ великую и вѣчно памятную эпоху за право и свободы въ переходной исторической жизни Россіи—имя А. А. Муханова не будетъ забыто.

Requiescat in pace.

С. Котляревскій.

Законодательство и жизнь.

Необходимость защиты своихъ правъ.—Упадокъ политической энергіи въ обществѣ.—Репрессіи противъ печати.—Связь личныхъ интересовъ съ общей политикой.—Колебанія правительственной политики.—Аграрныя и переселенческія мѣропріятія правительства.—Финансовая политика государства и связь ея съ хозяйственной жизнью отдѣльныхъ лицъ.—Ожиданіе холеры и нынѣшнее земство.

«Право есть не просто мысль, а живая сила,—говоритъ Іерингъ.—Поэтому-то богиня правосудія, имѣющая въ одной рукѣ вѣсы, на которыхъ она взвѣшиваетъ право, въ другой—держитъ мечъ, которымъ она его отстаиваетъ. Мечъ безъ вѣсовъ есть голое насиліе, вѣсы безъ меча—безсиліе права». Эти аллегорическіе образы преслѣдуютъ насъ въ послѣднее время всюду, какъ олицетвореніе отношеній, господствующихъ въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ явленій нашей общественной и личной жизни. Сила разошлась съ правомъ и послѣднее сдѣлалось до такой степени безсильнымъ, что самое понятіе о реальномъ существованіи права стало исчезать изъ общественнаго сознанія. «Право держится непрерывной работой, притомъ не только государственной власти, но и всего народа». И если эта всенародная работа отстаиванія своихъ правъ прекращается или пріостанавливается, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращается и осуществленіе права въ жизни: вѣсы выпадаютъ изъ рукъ богини правосудія, остается одинъ лишь мечъ, т.-е. сила; послѣдняя становится единственнымъ критеріемъ дѣятельности не только для власти, но и для частныхъ лицъ. Такое положеніе вещей мы дѣйствительно видимъ теперь, когда въ обществѣ, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, замѣчается паденіе энергіи, направленной на защиту и завоеваніе своихъ правъ. Трудно, конечно, сказать, насколько это паденіе энергіи распространилось и вглубь народныхъ массъ. Глубины народной психики съ большимъ трудомъ поддаются наблюденію, и весьма возможно и даже вѣроятно, что тѣ формы проявленія общественной энергіи, которыя мы видѣли въ болѣе верхнихъ, поверхностныхъ, общественныхъ слояхъ, перейдя въ болѣе глубокіе народные слои, измѣнились лишь съ виду, не потерявъ ни своей силы, ни своего внутренняго содержанія. Говоря объ упадкѣ энергіи въ

борьбѣ за свои права, мы имѣемъ въ виду не крестьянскія и рабочія массы, но ту въ общемъ болѣе цивилизованную и объединенную этой цивилизаціей среду, стоящую ближе къ литературѣ, къ государственной и общественной дѣятельности, вообще къ политикѣ, той политикѣ, о которой говорятъ въ клубахъ, пишутъ въ газетахъ и журналахъ. Въ этой средѣ несомнѣнно замѣтенъ упадокъ политической энергіи; не то, чтобы измѣнилась сама среда, ея составъ и внутренній характеръ; нѣтъ, среда въ сущности осталась та же, но измѣнилось ея настроеніе, направленіе ея вниманія. Это—какъ волна: частицы ея и ихъ физическія свойства тѣ же; но форма ея уже не та, что была въ предыдущій моментъ, и направленіе движенія также другое: сейчасъ она взлетала кверху, на скалу, какъ бы грозя смыть ея вершину, теперь она спустилась внизъ, мягко ложась у подножія этой скалы. Такъ и наша общественная среда: люди остались тѣ же, что и два года тому назадъ, и даже убѣжденія ихъ едва ли много измѣнились, но ихъ образъ дѣйствій сталъ другой: прежде, будучи недовольны существующимъ положеніемъ вещей, они выражали стремленія къ измѣненію тѣхъ причинъ и условій, которыми создается это положеніе, они высказывали свои требованія и дѣлали попытки такъ или иначе ихъ защищать. Правда, что способы этой защиты не всегда были достаточно соображены съ возможными условіями борьбы, что въ самой борьбѣ этой было иногда много театральнаго, что и мечи, съ которыми шли на эту борьбу, были нерѣдко картонные, тѣмъ не менѣе въ этой театральности было много искренняго, горячаго чувства и много дѣйствительной готовности вести борьбу за общее дѣло. Вспомнимъ, наприм., хоть тогдашніе такъ называемые банкеты, т.-е. собранія въ нѣсколько сотъ разнообразныхъ людей изъ интеллигенціи, на которыхъ говорились рѣчи на злобу дня. Конечно, они не давали никакихъ прямо практическихъ результатовъ; но они имѣли свое значеніе, дѣйствуя на общественное мнѣніе и настроеніе. Вѣдь и настоящія театральныя представленія не остаются безъ всякаго вліянія на психологію публики, и лучше быть «рыцаремъ на часъ», чѣмъ совсѣмъ имъ не быть. Теперь это рыцарство «на часъ» соскочило съ насъ, и мы хлопочемъ не о томъ, чтобы борьбой устранять условія, препятствующія осуществленію нашихъ правъ и правъ народа, а о томъ, чтобы, не задумываясь объ идеальныхъ правахъ, самимъ по возможности примѣниться къ существующимъ условіямъ такъ, чтобы и при нихъ получить наибольшую долю личнаго благополучія. Мы говоримъ, конечно, не о единицахъ, не о вождяхъ политическихъ партій или исключительно энергическихъ и самоотверженныхъ личностяхъ, а о массѣ средняго обывателя, настроеніе котораго за эти два года несомнѣнно значительно измѣнилось. На это были, конечно, достаточныя причины: однѣ внѣшнія, другія внутреннія. Первыя заключались главнымъ образомъ въ условіяхъ исключительныхъ положеній, распространенныхъ чуть не на всю Россію и дѣйствію которыхъ не предвидится конца. Наиболѣе непосредственно ихъ вліяніе выразилось въ невозможности для всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ явно реакціон-

нымъ партіямъ и союзамъ, устраивать какія-либо политическія собранія, въ особенности имѣющія характеръ манифестацій или открытаго выраженія своихъ мнѣній. Поэтому всѣ такого рода собранія, даже тѣхъ партій, которыя желали бы дѣйствовать вполнѣ открыто и легально, поневолѣ принимаютъ конспиративный характеръ, будучи принуждены собираться или тайно, на частныхъ квартирахъ, рискуя постоянно быть разогнанными полиціей, или же внѣ предѣловъ Россіи, рискуя подвергнуться преслѣдованію по возвращеніи. Очень естественно, что средній обыватель, не желающій подвергаться непріятностямъ, уклоняется отъ участія во всякихъ собраніяхъ и мало-по-малу привыкаетъ считать такое уклоненіе нормальнымъ. Въ томъ же направленіи, т.-е. способствуя уклоненію средняго обывателя отъ общественныхъ интересовъ и сосредоточенію его на личныхъ своихъ дѣлахъ, дѣйствуетъ также и настойчивое преслѣдованіе въ послѣднее время всякой литературы, не одобряемой правительственными агентами. Преслѣдованіе это особенно усилилось со времени предоставленія мѣстнымъ губернаторамъ права изданія обязательныхъ постановленій о періодической печати, воспрещающихъ восхваленіе преступныхъ дѣяній и распространеніе ложныхъ свѣдѣній и слуховъ и сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству. Этимъ порядкомъ въ іюлѣ с.-петербургскимъ градоначальникомъ были подвергнуты редакторы: *Вѣстника Народной Свободы* А. Ю. Блокъ, журнала *Вѣкъ* А. В. Поповъ и журнала *Пятница* Д. Ф. Голубъ штрафу въ 1,000 руб. каждый съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на три мѣсяца, редакторы газеты *Русь* М. М. Крамалей и *Всеобщей Газеты* Молчановъ—штрафу въ 500 руб. каждый, съ замѣной арестомъ на одинъ мѣсяцъ. Въ Москвѣ за это время подвергались штрафамъ газеты *Русскія Вѣдомости*, *Наканунѣ*, *Вечерняя Заря*, *Столичное Утро*, *Вѣче*, *Новости Дня и Вечера* и *Свободная Мысль*. Въ провинціи штрафы вообще меньше, но и тѣ оказываются нерѣдко непосильными для редакцій провинціальныхъ газетъ, финансовое положеніе которыхъ обыкновенно очень не блестяще, и штрафъ на дѣлѣ замѣняется арестомъ редакторовъ. Разумѣется, далеко не отовсюду доходятъ свѣдѣнія объ административныхъ карахъ, постигшихъ ту или иную провинціальную газету; поэтому мы лишь въ качествѣ примѣровъ приведемъ нѣкоторые факты этого рода. Въ Тверской губерніи газета *Ржевская Мысль* оштрафована на 250 р., а *Вышневолоцкій Голосъ* на 100 р., въ Симферополѣ *Южный Вѣстникъ* на 400 р., *Южныя Вѣдомости* и *Учитель* по 100 р. Въ Нижнемъ-Новгородѣ редакторъ газеты *Нижегородскій Листокъ* за неплатежъ тысячи рублей штрафа, наложеннаго губернаторомъ, посаженъ въ тюрьму. Такая же участь постигла въ Ярославлѣ редактора *Новаго Сѣвернаго Края* Ливанова за невзносъ штрафа въ 500 р., а въ Вяткѣ редактора *Вятскаго Края* Новикова за неуплату 300 р. Замѣчательно, что тамъ, гдѣ извѣстны мотивы штрафа, нерѣдко оказывается, что онъ наложенъ за перепечатку изъ другихъ газетъ: такъ, наприм., *Русскія Вѣдомости* были оштрафованы за перепечатку изъ газеты *Русь* извѣстія о тюрьмѣ Кресты (въ 151 № *Рус-*

жихъ *Вѣдомостей*). За ту же перепечатку подверглась штрафу *Вечерняя Заря*, а также за перепечатку изъ *Вѣче* статьи: «Изъ письма Шарапова», *Вышневолоцкій Голосъ* за перепечатку изъ *Русскихъ Вѣдомостей* «Объ измѣненіи избирательнаго закона вопреки 87 ст. Осн. Зак.». Новый порядокъ наложенія штрафовъ не исключилъ возможности воздѣйствовать на журналы и газеты и карать ихъ и другими способами. Иногда редакторы обвиняются въ уголовномъ порядкѣ на основаніи временныхъ правилъ 27 ноября. Такимъ порядкомъ за это время были привлечены къ уголовной отвѣтственности редакторы: журнала *Русское Богатство* В. С. Елпатьевскій, газетъ: *Рѣчь* Харитонъ, *Русь* Крамалей, *Сегодня* Вейнбергъ, *Свободной Мысли* Давидсонъ, *Русскаго Знамени* Прусаковъ, журналовъ: *Вѣкъ* Поповъ и *Затишье* Высисъ. Нѣкоторые изъ редакторовъ, о которыхъ дѣла уже разсматривались и разрѣшены судебной палатой, понесли очень серьезныя наказанія: редакторъ журнала *Былое* Н. Е. Щеголевъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости на два мѣсяца, редакторъ-издатель *Новой Газеты* Погожевъ къ заключенію въ крѣпости на годъ; наконецъ, издатель-редакторъ журнала *Книжка за Книжкой* крестьянинъ Криско, обвинявшійся по 1 и 5 п. 129 ст. за помѣщенныя въ журналѣ: стихотвореніе «9 января» и статью «Армія и 9 января 1905 г.» присужденъ былъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на три года. Нерѣдки были случаи конфискаціи отдѣльныхъ нумеровъ періодическихъ изданій; такъ, по распоряженію комитета по дѣламъ печати былъ конфискованъ 172 № газеты *Русь*. Полиція забрала въ редакціи около 6,000 экземпляровъ, отбирались нумера, бывшіе на вокзалахъ и въ другихъ мѣстахъ продажи. Были также наложены аресты: на іюньскую книжку *Русскаго Богатства*, на 23 № жур. *Вѣкъ*, 211 № газ. *Сегодня*, № 6 жур. *Трудовой Путь*, № 10 *Многоточіе*, № 156 газ. *Рѣчь*, № 64 *Вѣча*, № 12 *Флиртъ*, № 9 *Свободныя Мысли*, № 6 *Вѣстника рабочихъ волокнистыхъ производствъ*, № 161 (второй утренній) и 9986 *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наложеные комитетомъ аресты утверждались судебной палатой, какъ это было по отношенію къ 5 № журнала *Профессіоналъ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ палата постановила пріостановить до судебнаго приговора. Изданіе же *Вѣстника рабочихъ волокнистыхъ производствъ* и журнала *Вѣкъ* пріостановлено петербургскимъ градоначальникомъ на основаніи Положенія о чрезвычайной охранѣ. Въ Москвѣ вмѣстѣ съ закрытіемъ «Лиги Образованія» пріостановленъ былъ и издаваемый ею журналъ *Просвѣщеніе*. Къ такому же результату, т.-е. временному или совершенному прекращенію изданія, могутъ косвенно вести и налагаемые на него штрафы; такъ, сколько извѣстно, эта причина заставила редакцію *Паруса* и *Наканунѣ* прекратить свои изданія. Бываютъ и другого рода косвенныя воздѣйствія на изданія: такъ, въ Вяткѣ и. д. губернатора Шидловскій потребовалъ отъ владѣльца типографіи, въ которой печатался *Вятскій Край*, прекратить печатаніе газеты, подъ угрозой въ тотъ же день закрыть типографію. Владѣлецъ типографіи принужденъ былъ

отказаться печатать газету, которая, за отсутствіемъ другой типографіи, перестала выходить. Оригинальная резолюція послѣдовала также отъ полтавскаго губернатора на просьбу собственника пріостановленной *Полтавщины* Клуннаго о разрѣшеніи ему издавать въ Зеньковѣ новую газету *Зеньковскій Гражданинъ*. Черезъ три мѣсяца послѣ подачи прошенія Клунному было объявлено объ отказѣ на томъ основаніи, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, предполагаемая газета «независимо отъ заявленной формальной ея программы по своему дѣйствительному содержанію *будетъ* вредной для общественнаго порядка и спокойствія». Случается, что требованіе о прекращеніи литературной дѣятельности обращается не къ газетѣ, а къ лицу въ ней сотрудничающему; это, впрочемъ, бываетъ только по отношенію къ лицамъ духовнаго званія; раньше такое требованіе было, какъ извѣстно, предъявлено къ священнику Г. С. Петрову; теперь такой же запретъ обращенъ отъ св. синода къ сотруднику *Вѣча*, извѣстному фанатику-реакціонеру іеромонаху Иліодору. Изъятію изъ обращенія подвергаются не только журналы и газеты или отдѣльные ихъ нумера, но и изданія непеespecіодическія: книги и брошюры. Такъ, за іюль были изъяты административнымъ порядкомъ слѣдующія изданія: «Государственная Дума, стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ 28 и 29-мъ» (обсужденіе законопроекта о контингентѣ новобранцевъ), «Біографіи соціалистическихъ вождей» (изд. Лежковскаго), «Первое вооруженное сопротивленіе» (изд. *Донской Рѣчи*), «На судахъ», разсказъ изъ волжской жизни Устинова, «Крестьянство и революція въ Россіи», сборникъ статей «Экономическое движеніе крестьянства въ Россіи» Саваренскаго, «Политическая борьба крестьянства» Марева, «Роль крестьянства въ русской революціи» Горна, «Конечный идеалъ соціализма и повседневная борьба» Чернова, «Письма для всѣхъ» Свенцицкаго, «Друзья и враги евреевъ» Кауфмана, «Объ евреяхъ», сборникъ неизд. статей и писемъ Л. Толстого, «Революціонное движеніе въ Россіи въ докладахъ министра Муравьева», съ предисл. Мартова, «Что намъ нужно» Бѣлочкина, «Донское казачество прежде и теперь» Афина. Арестъ послѣднихъ двухъ брошюръ, наложенный московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати, утвержденъ и судебной палатой.

Мы остановились на положеніи политической печати, въ которое она поставлена внѣшними репрессивными мѣрами, потому что придаемъ ему важное значеніе въ смыслѣ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, вліяющихъ на пониженіе въ обществѣ интереса къ самой политикѣ. Роль литературы не ограничивается лишь словеснымъ выраженіемъ того умственнаго и волевого содержанія, которое въ данный моментъ уже существуетъ въ обществѣ; она группируетъ и формулируетъ отдѣльныя мысли и стремленія и тѣмъ создаетъ на мѣсто неопредѣленнаго и неяснаго настроенія, неспособнаго быть источникомъ общественнаго движенія, организованный и сильный потокъ общественнаго мнѣнія, способный получить опредѣленное, реальное выраженіе. Но для того, чтобы быть такимъ активнымъ орудіемъ образованія дѣятельнаго общественнаго мнѣнія, литература сама не должна

отставать отъ послѣдняго, не должна быть бѣднѣе его. Въ ней должны находить себѣ мѣсто всѣ самые разнообразные оттѣнки общественныхъ направленій; если же, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ, литература перестаетъ быть выразительницей всей цѣлости общественной жизни, то она и сама, какъ органъ, не получающій изъ организма всѣхъ необходимыхъ ему жизненныхъ соковъ, теряетъ связь съ общественнымъ организмомъ, становится чуждой ему и, какъ таковая, теряетъ способность воздѣйствія на него. Общество перестаетъ интересоваться политической печатью, перенося свой интересъ частью на другіе отдѣлы литературы, частью на предметы, относящіеся къ совершенно другимъ сферамъ. Въ результатѣ получается общее пониженіе политическаго интереса и политической энергіи; такое явленіе и дѣйствительно замѣчается въ настоящее время. Мы, конечно, не можемъ не признать, что, какъ и было сказано выше, кромѣ внѣшнихъ причинъ этого явленія, существуютъ и внутреннія, которыя если не могутъ быть указаны въ видѣ такихъ же отдѣльныхъ фактовъ, то явственно чувствуются въ своихъ проявленіяхъ. Къ такимъ внутреннимъ причинамъ относится прежде всего разочарованіе, вызванное безплодностью тѣхъ усилій, которыя до сихъ поръ неустанно дѣлались обществомъ, сознаніе трудности предстоящихъ впереди задачъ и неувѣренности въ своихъ силахъ для ихъ выполненія, наконецъ, просто утомленіе отъ постоянно напряженнаго, безпокойнаго состоянія. Какъ на одинъ изъ симптомовъ такой общественной усталости можно указать на ту же литературу, которая сокращается не только вслѣдствіе внѣшнихъ репрессій, но и вслѣдствіе уменьшенія потребности въ чтеніи. Особенно это измѣненіе замѣтно въ послѣднее время по отношенію къ мелкимъ брошюрамъ политическаго и общественнаго содержанія: два года тому назадъ книжный рынокъ былъ наводненъ ими, причемъ количество ихъ было велико не только по числу названій, но и по числу экземпляровъ; нѣкоторыя популярныя брошюры, преимущественно касавшіяся вопросовъ, связанныхъ съ выборами въ Государственную Думу и съ программами различныхъ политическихъ партій, расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Теперь, хотя намъ скоро опять предстоятъ выборы въ Думу, но это очень мало отражается на агитаціонной литературѣ. Требованія на нее, по утвержденію всѣхъ книгопродавцевъ, стали гораздо меньше. И новыя брошюры такого содержанія издаются не торговыми фирмами, а лишь издательствами, дѣйствующими въ идейныхъ цѣляхъ, и притомъ въ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ. Гораздо худшій симптомъ утомленія—это то, что въ средѣ молодежи и учащихся развилась въ обширныхъ размѣрахъ карточная игра, наблюденіе, подтверждаемое многими близко стоящими къ этой средѣ. Два года тому назадъ слабо посѣщались даже театры,—не до того было,—теперь спекуляція почуяла возможность съ выгодою устраивать такія зрѣлища, какъ подражаніе испанскому бою быковъ. И тѣ, кто ищетъ ощущеній, обращаются къ старымъ ихъ формамъ, и тѣ, кто ищетъ покоя, стараются устраниться отъ бурь житейскаго моря; тѣмъ и другимъ надоѣла политика.

Какъ же должны относиться къ такому явленію консервативные элементы общества, въ значительной мѣрѣ и сами въ немъ участвующіе? Повидимому, они должны бы были радоваться; однако въ дѣйствительности этого нѣтъ. Если бы было возможно выдѣлиться изъ всего народа, замкнуться въ своемъ кругу и жить своей обособленной жизнью, вродѣ той веселой компаніи посреди чумы, которую Боккачіо описываетъ въ «Декамеронѣ», то, конечно, оставя въ сторонѣ всякія альтруистическія увлеченія, можно бы было жить спокойно и, пожалуй, заниматься искусствомъ и наукой, придавая своей жизни благородный и, въ особенности, эстетическій колоритъ. Но въ дѣйствительности такое обособленіе возможно лишь для очень немногихъ людей, поставленныхъ въ совершенно исключительныя условія; всѣ же остальные, не только бѣдные, но и богатые, настолько тѣсно связаны въ своей жизни съ общей жизнью страны, что не могутъ быть оторваны отъ нея безъ болѣзненнаго нарушенія собственнаго ихъ существа. А съ другой стороны, сохраняя эту связь, нельзя остаться внѣ той общей борьбы, которая происходитъ вокругъ, какъ не можетъ сохранить свои спокойныя занятія владѣлецъ поля, сдѣлавшагося полемъ битвы. Поэтому всякій обыватель, самаго консервативнаго направленія, если онъ сколько-нибудь вдумывается въ существующее положеніе вещей, или хотя бы инстинктивно его чувствуетъ, не можетъ не придти къ заключенію, что устраненіе себя отъ общественной борьбы не можетъ дать спокойствіе, а будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь замѣну сознательнаго отношенія къ этой борьбѣ случайнымъ и пассивнымъ воспріятіемъ наносимыхъ ею ударовъ. Въ этомъ и заключается трагическое положеніе всякаго принужденнаго быть борцомъ поневолѣ; понятно, что такое положеніе не создаетъ свѣтлаго, довольнаго настроенія и не позволяетъ радоваться кажущемуся успокоенію отъ утомленія, даже и тѣмъ, кто больше всего желалъ бы какого бы то ни было успокоенія. Прежде всего безмятежному житію мѣшаетъ постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Помѣщикъ никогда не можетъ поручиться, что у него въ имѣніи не возникнутъ аграрные безпорядки, фабрикантъ не можетъ быть увѣренъ, что на фабрикѣ у него не произойдетъ забастовка. И что хуже всего—никогда нельзя знать, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ поступитъ и само правительство, не только въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, которые для каждаго отдѣльнаго лица тоже, конечно, крайне важны, но и по отношенію къ мѣропріятіямъ общаго характера, дѣйствіе которыхъ распространяется на большія массы людей, и въ которыхъ замѣчаются постоянныя колебанія то въ ту, то въ другую сторону. Въ послѣднее время такимъ колебаніямъ подверглась такая важная сторона государственной дѣятельности, какъ аграрная политика. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ съ того времени, какъ предсѣдатель комитета министровъ прочиталъ въ Государственной Думѣ свою аграрную декларацію, въ которой высказывалась правительственная программа, въ основу которой было положено образованіе, путемъ покупки государствомъ частновладѣльческихъ земель, государствен

наго земельнаго фонда; изъ этого фонда на самыхъ льготныхъ условіяхъ получили бы землю всѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и которымъ немедленно долженъ быть сдѣланъ учетъ. При этомъ указывалось на то, что крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями и поэтому даже при быстромъ увеличеніи земельнаго фонда цѣны на покупаемую банкомъ землю не должны возрасти. Въ деклараціи проектировалось также, что государство возьметъ на себя часть уплаты процентовъ, слѣдующихъ съ крестьянъ за стоимость предоставленной имъ земли. Все это, конечно, выставлялось какъ доказательство того, что аграрный вопросъ можетъ быть успѣшно разрѣшенъ и безъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель. Въ то же время повсюду были учреждены землеустроительныя коммиссіи, на которыя правительствомъ возлагались большія надежды въ смыслѣ общей подготовки аграрной реформы. Теперь уже слышатся совершенно другія рѣчи. Землеустроительныя коммиссіи по признанію самого министерства оказались не на высотѣ своей задачи и не подготовили никакихъ ни статистическихъ, ни оцѣночныхъ данныхъ, могущихъ служить для общаго обоснованія аграрной политики правительства. А съ другой стороны крестьянскій банкъ не только оказывается не въ состояніи образовать земельный фондъ, достаточный для надѣленія землей «всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ, которые въ ней нуждаются», но не можетъ, или не умѣетъ, справиться даже и съ тѣмъ сравнительно небольшимъ количествомъ купленныхъ земель, которыя имѣются въ его распоряженіи. Распродажа этихъ земель совершается крайне медленно. До 1 мая 1907 года банкъ владѣлъ 2.092,365 десятинами земли, покупная стоимость которыхъ равнялась 215.401,337 руб., продано же было изъ этого числа съ 3 ноября 1905 г. и по сіе время 170,119 десят. Остальная земля находится въ хозяйственномъ распоряженіи банка, и журналъ совѣта министровъ, изъ котораго мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, констатируетъ, что владѣніе этими землями отражается весьма невыгодно «на финансовыхъ результатахъ дѣятельности банка». Попросту говоря, банкъ терпитъ убытки отъ принадлежащихъ ему земель, такъ какъ доходы съ нихъ не покрываютъ процентовъ по обязательствамъ, выпущеннымъ для ихъ покупки. Это обстоятельство, очевидно, очень удручающе подѣйствовало на правительство, которое немедленно измѣнило свой образъ дѣйствій. Не получивъ никакихъ общихъ выводовъ ни о размѣрѣ земельной нужды, ни о соотвѣтствіи ея въ различныхъ мѣстностяхъ имѣющемуся налицо запасу, ни даже о количествѣ малоземельныхъ крестьянъ, которымъ премьеръ-министръ предполагалъ сдѣлать учетъ, правительство обратило главное свое вниманіе на возможно скорѣйшую распродажу находящихся въ распоряженіи крестьянскаго банка земель. Разумѣется, при спѣшной продажѣ нѣтъ возможности соображаться съ общими нуждами крестьянства, тѣмъ болѣе, что никакой общей системы ни для опредѣленія этихъ нуждъ, ни для постепеннаго ихъ удовлетворенія ни землеустроительныя коммиссіи, ни банкъ и ни которое изъ министерствъ не выработали. Но можно очень сомнѣ-

ваться даже и въ томъ, чтобы крестьянскому банку, несмотря на все желаніе, удалось скоро и безубыточно распродать земли, которыя, если не приносятъ дохода самому банку, то едва ли будутъ особенно привлекательны и для покупщика. Во всякомъ случаѣ убыточность сдѣланныхъ до сихъ поръ покупокъ, вѣроятно, заставитъ банкъ осторожнѣе относиться къ дальнѣйшимъ покупкамъ за счетъ самого банка, а слѣдовательно, этотъ способъ обезпеченія крестьянъ землею едва ли можетъ быть примѣненъ правительствомъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, въ настоящее время мѣстнымъ отдѣленіямъ банка предписано давать снова «скорѣйшее и предпочтительное направленіе» сдѣлкамъ по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, т.-е. такимъ, въ которыхъ банкъ не рискуетъ ничѣмъ, кромѣ неисправности въ уплатѣ выданной крестьянамъ ссуды. Такимъ образомъ роль банка какъ образователя государственнаго земельнаго фонда, предназначеннаго для разрѣшенія аграрнаго вопроса, отступаетъ на второй планъ, тѣмъ болѣе, что изъ циркуляра не видно, насколько менѣе скоро и предпочтительно будутъ разрѣшаться сдѣлки по непосредственной продажѣ земель крестьянскому банку. Разъ такія сдѣлки противорѣчатъ теперешней тенденціи правительства, то, конечно, онѣ или вовсе не будутъ совершаться, или для нихъ будутъ ставиться условія неисполнимыя при томъ подъемѣ цѣнъ, къ которому привела предыдущая политика самого же банка. Вотъ примѣръ измѣнчивости текущихъ условій: полгода тому назадъ помѣщикъ, желающій продать свое имѣніе, не имѣлъ нужды разговаривать по этому поводу съ крестьянами, достичь соглашенія съ которыми для него, можетъ быть, было очень трудно, въ силу личныхъ отношеній. Ему нужно было только сговориться съ землеустроительной коммиссіей и съ агентами крестьянскаго банка. Теперь ему придется сызнова начинать переговоры съ крестьянами, и эта перемѣна, вѣроятно, не останется безъ вліянія на «финансовые результаты», на которые онъ разсчитывалъ. Можетъ быть, съ общей точки зрѣнія это будетъ хорошо: крестьяне получатъ землю дешевле; но можетъ быть и нѣчто вовсе нежелательное: земля, наприм., можетъ быть продана вовсе не наиболѣе нуждающимся въ ней, а тѣмъ, кто больше за нее приплатитъ. Во всякомъ случаѣ, общегосударственныя цѣли по необходимости будутъ подчинены личнымъ соображеніямъ. Можно спросить, для чего при такихъ условіяхъ будутъ существовать землеустроительныя коммиссіи? Если сдѣлки будутъ зависѣть только отъ взаимнаго соглашенія продавца съ покупателями, то все возвращается къ тому порядку, при которомъ крестьянскій банкъ дѣйствовалъ безъ всякаго содѣйствія землеустроительныхъ коммиссій, въ то время еще не существовавшихъ. Коммиссіи являются только какимъ-то совѣщательнымъ учрежденіемъ при банкѣ, мнѣнія которыхъ для банка не обязательны и которыя по своему составу всегда скорѣе будутъ имѣть тенденцію къ повышенію продажныхъ цѣнъ и къ установленію вообще условій болѣе выгодныхъ для продавцовъ. Банкъ же будетъ въ своихъ интересахъ уменьшать оцѣнки, что, сколько извѣстно, и теперь дѣлает

Сокращеніе оцѣнокъ и осторожность въ выдачѣ ссудъ тѣмъ болѣе должны стать основнымъ правиломъ банка, что платежи и по выданнымъ уже ссудамъ поступаютъ, какъ оказывается, очень неаккуратно. Это обстоятельство, т.-е. крайне неисправное поступленіе платежей, какъ отъ заемщиковъ крестьянскаго банка по выданнымъ имъ ссудамъ, такъ и отъ арендаторовъ имѣній банка, заставило министерство внутреннихъ дѣлъ предложить губернаторамъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы какъ крестьянскія учрежденія, такъ и полицейскія власти оказывали полное содѣйствіе чинамъ отдѣленій банка въ дѣлѣ взысканія недоимокъ, а въ случаѣ надобности принимали необходимыя мѣры къ исправному исполненію крестьянами ихъ обязательствъ передъ банкомъ. При этомъ министерство высказываетъ, что эти «необходимыя мѣры» имѣютъ въ настоящее время тѣмъ большее значеніе въ глазахъ правительства, что послѣднее особенно озабочено теперь ликвидаціей находящагося въ распоряженіи банка земельнаго фонда, почему теперь и «представляется особенно своевременнымъ и необходимымъ укрѣпить въ заемщикахъ банка и съемщикахъ его земель правильную точку зрѣнія на ихъ обязательства передъ этимъ учрежденіемъ». Мы видимъ, что, вмѣсто признававшейся въ деклараціи обязанности правительства оказывать помощь каждому земледѣльцу-хозяину, помощь, которая должна была выразиться въ принятіи на себя государствомъ части уплаты, взыскиваемой съ крестьянъ за предоставленную имъ землю (припомнимъ, что это говорилось уже послѣ пониженія процентовъ, платимыхъ крестьянскому банку), теперь мы возвращаемся къ давно знакомому выколачиванію недоимокъ. Конечно, разъ есть предписаніе, «необходимыя мѣры» будутъ приняты. Въ циркулярѣ министерства не говорится, какія это мѣры: относительно арендаторовъ это могутъ быть лишь обычныя мѣры взысканія, относительно же неисправныхъ заемщиковъ—единственной правильной мѣрой можетъ быть продажа съ аукціона заложенной банку земли; но эта мѣра, очевидно, крайне сомнительнаго достоинства: если продажа дѣйствительно окажется возможной, то это поведетъ къ обезземеленію крестьянъ, т.-е. къ раздѣлыванію того, что сдѣлано было въ государственныхъ цѣляхъ. Но весьма возможно и то, что продажа, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, окажется совершенно невозможной, по крайней мѣрѣ, безъ значительныхъ убытковъ для банка. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же воображать, что должники крестьянскаго банка не платятъ вслѣдствіе своей, такъ сказать, невоспитанности и непониманія своихъ обязанностей. Тутъ одно изъ двухъ: или не платятъ потому, что въ самомъ дѣлѣ платить нечѣмъ, такъ какъ доходность земли не покрываетъ платы процентовъ за нее, а если и покрываетъ, то бѣдность и нужда населенія таковы, что отъ получаемаго дохода за необходимыми расходами существованія не остается ничего для уплаты. Въ послѣднемъ случаѣ, отнять землю значитъ привести населеніе въ положеніе хроническаго голоданія, которое тоже потребуетъ помощи отъ государства; въ первомъ же случаѣ мудрено ожидать, чтобы нашлись покупщики на землю, не окупающую затратъ, или же на мѣсто

однихъ недоимщиковъ станутъ другіе столь же неисправные. Или крестьяне не платятъ потому, что не хотятъ платить; этотъ случай, вѣроятно, сравнительно рѣдокъ; но и онъ возможенъ лишь при увѣренности въ невозможности продажи. И дѣйствительно, по нынѣшнимъ временамъ немного найдется охотниковъ покупать землю даже и доходную, если ее придется отнимать насильно у мѣстнаго населенія, становясь къ нему въ такія отношенія, что правильная и спокойная обработка ея можетъ оказаться совершенно невозможною. Признаться сказать, мы далеко не увѣрены, чтобы и сами землевладѣльцы остались довольными такимъ оборотомъ, такъ какъ интересъ большей части теперешнихъ землевладѣльцевъ заключается не въ сохраненіи во что бы то ни стало своихъ земель, а въ томъ, чтобы продать ихъ наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ. Можетъ быть, иначе смотрятъ на дѣло польскіе и остзейскіе помѣщики; но едва ли мы ошибаемся, что таковъ взглядъ большинства помѣщиковъ въ великороссійскихъ и даже малороссійскихъ губерніяхъ. Разница между ними та, что поляки и остзейскіе нѣмцы въ большинствѣ въ самомъ дѣлѣ умѣютъ хозяйничать и имѣнія даютъ имъ доходъ именно вслѣдствіе ихъ личнаго умѣлаго участія въ ихъ эксплуатаціи, чего никакъ нельзя сказать объ огромномъ большинствѣ русскихъ помѣщиковъ, которые даже въ спокойныя времена сумѣли только понизить дѣйствительную цѣнность своихъ имѣній, сведя въ нихъ лѣса, распродавши наиболѣе цѣнные куски, истощивъ почву хищническими арендами и обременивъ имѣнія залогами въ земельныхъ банкахъ.

Такія же колебанія правительственной политики, какъ по отношенію къ образованію земельнаго фонда черезъ крестьянскій банкъ, мы видимъ и по другому вопросу, тѣсно связанному съ аграрнымъ, именно по вопросу о переселеніяхъ, на организацію которыхъ указывалось, какъ на могущественное средство въ борьбѣ съ малоземельемъ, опять-таки въ доказательство того, что борьба эта можетъ успѣшно вестись и безъ принудительнаго отчужденія. Въ этомъ дѣлѣ и раньше правительство становилось то на ту, то на другую точку зрѣнія—то разрѣшало переселенія и даже покровительствовало имъ, то запрещало, не останавливаясь даже передъ насильственными мѣрами къ удержанію на мѣстѣ желавшихъ переселяться. Въ послѣдніе годы правительство какъ будто само желало взять на себя заботу о подготовкѣ земель, пригодныхъ для переселенія, и объ организаціи этого дѣла. Сообразно съ этимъ переселенія офиціально были разрѣшены и для первоначальнаго ознакомленія переселенцевъ съ подготовленными для ихъ водворенія землями выдавались для избранныхъ ходоковъ особые ходаческія свидѣтельства. Скоро, однако, оказалось, что даже существующая въ настоящее время потребность въ переселеніи во много разъ превосходитъ тѣ средства, которыя были ассигнованы правительствомъ на изслѣдованіе и нарѣзку переселенческихъ участковъ. По смѣтамъ на 1906 г. на это дѣло требовалось 12 милліоновъ руб., въ дѣйствительности отпущено было только 5 милл. руб., между тѣмъ трудности пріисканія и отмежеванія подходящихъ земель съ удаленіемъ отъ населен-

ныхъ мѣстъ все болѣе увеличиваются, въ особенности вслѣдствіе того, что отводъ участковъ безъ основательнаго изслѣдованія ихъ относительно свойства почвъ и орошенія былъ бы не только безполезенъ, но положительно вреденъ, вводя переселенцевъ въ заблужденіе и заставляя ихъ тратить безплодно свой трудъ на невозможныхъ для культуры мѣстахъ. Такихъ случаевъ было не мало и до сей поры и они вызывали массовыя ходатайства о переводвореніи на новыя мѣста. Достаточно привести примѣръ, что въ Тарскомъ уѣздѣ (Тобольской губ.) переселенцамъ были отведены такіе участки, на которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не вызрѣвала рожь, что, наконецъ, заставило ихъ тоже просить о переводѣ на другое мѣсто. Неурядица въ переселенческомъ дѣлѣ обусловлена не только недостаткомъ кредитовъ, но и отсутствіемъ какого бы то ни было общаго плана, основаннаго на правильномъ опредѣленіи дѣйствительной потребности. И здѣсь повторяется то же, что и въ дѣлѣ образованія земельнаго фонда: все предоставляется случайности, средства оказываются совершенно не соотвѣтствующими потребности, и когда правительство поневолѣ убѣждается въ этомъ, то оно пугается и начинаетъ бить отбой. Такъ, относительно переселенческаго дѣла въ Пріамурской области само правительство (*Правит. Вѣстникъ, № 156*) признаетъ, что выработанный для этой мѣстности планъ, разсчитанный на водвореніе въ ней двѣнадцати тысячъ душъ, оказался совершенно не согласованнымъ не только съ дѣйствительной потребностью, но даже съ количествомъ выданныхъ ходаческихъ и проходныхъ свидѣтельствъ, которыя были выданы въ количествѣ до 60 тысячъ, т.-е. въ пять разъ большемъ, чѣмъ могло быть по собственнымъ разсчетамъ переселенческаго управленія отведено участковъ.

Очевидно, чиновники, отводившіе участки, и чиновники, выдававшіе свидѣтельства, дѣйствовали совершенно независимо другъ отъ друга и ни тѣ ни другіе не интересовались тѣмъ, что выдача свидѣтельствъ въ сознаніи крестьянъ являлась ручательствомъ со стороны правительства въ томъ, что получившіе ихъ переселенцы, прибывши на мѣсто переселенія, найдутъ тамъ готовыя мѣста. Наконецъ, въ мартѣ главное управленіе землеустройства спохватилось и циркуляромъ прекратило выдачу ходаческихъ свидѣтельствъ въ Тургайскую и Уральскую области. Но эта случайная мѣра, ограниченная только двумя областями, имѣла послѣдствіемъ еще большее усиленіе движенія во всѣ остальныя мѣста. Теперь главное управленіе пытается задержать это движеніе, принимая противъ него спѣшныя мѣры. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщается, что оно внесло въ совѣтъ министровъ слѣдующія предположенія: выдача ходаческихъ свидѣтельствъ въ губерніи Тобольскую и Томскую, генералъ-губернаторства Иркутское и Степное и въ области Уральскую и Тургайскую прекращается впредь до отвода достаточнаго запаса переселенческихъ участковъ, и начиная съ 15 августа въ названныя мѣстности допускаются только посылки групповыхъ партій ходоковъ, образуемыхъ землеустроительными комис-

сіями или земскими учрежденіями; выдача же проходныхъ свидѣтельствъ въ области Дальняго Востока семейнымъ переселенцамъ, не зачислившимъ тамъ за собой земель, съ 15 августа прекращается съ допущеніемъ съ этого времени лишь свободной посылки туда ходоковъ. Столь короткій срокъ, несомнѣнно, можетъ поставить въ безвыходное положеніе крестьянъ, которые, разсчитывая на прежній порядокъ, распродали свое имущество и собрались ѣхать, хотя, конечно, положеніе ихъ было бы не лучше и тогда, если бы они пріѣхали въ Сибирь, не зная куда въ ней дѣваться.

Бывшее въ іюлѣ совѣщаніе по переселенческому вопросу рѣшило внести въ смѣту главнаго управленія землеустройства на 1908 годъ необходимые кредиты на производство новаго обслѣдованія въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ для выдѣла пригодныхъ переселенческихъ участковъ и кромѣ того передать на переселенческія нужды оброчныя статьи, расположенныя близъ селеній, владѣющихъ надѣлами въ размѣрѣ болѣе пятнадцати десятинъ на душу, допуская однако сохраненіе оброчныхъ статей за тѣми старожилами, которые затратили значительный трудъ и средства на приведеніе ихъ въ культурное состояніе. Такимъ образомъ, получается нѣкотораго рода принудительное отчужденіе земли у старожиловъ въ пользу переселенцевъ, которое не можетъ не повліять дурно на ихъ взаимныя отношенія, тѣмъ болѣе, что едва ли землеустроительные чиновники окажутся въ состояніи умѣло и справедливо использовать вышеуказанныя ограниченія въ пользу старожиловъ, потратившихъ свой трудъ и средства на улучшеніе бывшихъ въ ихъ пользованіи участковъ.

Всѣ эти отдѣльные примѣры, крупные и мелкіе, указываютъ на то, что нѣтъ надобности быть партійнымъ прогрессистомъ или записнымъ политикомъ, чтобы чувствовать чисто личное недовольство отъ неизбѣжнаго вторженія въ личную и семейную жизнь каждаго изъ насъ окружающаго насъ общественнаго разлада. И отъ этого вторженія нѣтъ возможности защититься, устранившись отъ общественной борьбы. Нѣтъ никакихъ основаній надѣяться на то, что, если бы борьба эта затихла, то жизнь сама собой пошла бы, не нарушая ничьего личнаго благосостоянія. Прежде всего и самая гипотеза о томъ, что борьба эта можетъ затихнуть, не выдерживаетъ никакой критики. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ей затихнуть? Оттого, что революціонеры будутъ всѣ истреблены, перевѣшаны, сосланы? Такой отвѣтъ можетъ быть данъ лишь въ томъ предположеніи, что сама борьба производится революціонерами, что не заведись они неизвѣстно откуда, не было бы и общественнаго антагонизма, разлада и борьбы. Но откуда же эти революціонеры могли получить такое значеніе, съ какой стати кто-нибудь сталъ бы ихъ слушать и тѣмъ болѣе вѣрить имъ, если бы въ самомъ обществѣ и въ историческомъ ходѣ событій не было естественныхъ причинъ для недовольства существующимъ порядкомъ вещей, недовольства, которое каждый чувствуетъ самъ въ себѣ, прежде чѣмъ онъ услышитъ о

такъ или иначе формулированнымъ какимъ-нибудь партійнымъ пропагандистомъ. Если бы раньше не было этого личнаго чувства, то всѣ эти формулы не имѣли бы вліянія; онѣ проходили бы мимо сознанія, какъ нѣчто не имѣющее корней въ реальности. И теперь та или иная партійная формула принимается каждымъ не столько въ силу логическаго убѣжденія, сколько въ силу ея наибольшаго соотвѣтствія индивидуальному характеру даннаго лица и его общественному положенію, т.-е. тѣмъ сторонамъ общественнаго устройства, которыя наиболѣе чувствительно, наиболѣе болѣзненно, его касаются. Еще болѣе этими личными свойствами и личными обстоятельствами обусловливается образъ дѣйствій каждаго. Люди молодые, склонные къ увлеченіямъ, съ пылкимъ воображеніемъ, легко видящимъ немедленное осуществленіе самыхъ трудныхъ задачъ, съ другой стороны люди, находящіеся въ слишкомъ тяжелыхъ, невыносимыхъ жизненныхъ условіяхъ, больше способны къ дѣйствіямъ быстрымъ, рѣшительнымъ и не всегда соображеннымъ съ дѣйствительною возможностью; они и составляютъ преимущественный контингентъ того разряда людей, который на обыденномъ языкѣ называютъ революціонерами. Люди другого характера и находящіеся въ другихъ условіяхъ болѣе склонны къ другому образу дѣйствій. Все это азбучныя истины, такъ же какъ и то, что дѣйствія революціонеровъ, какъ и дѣйствія людей болѣе умѣренныхъ, но тоже недовольныхъ, суть лишь внѣшніе симптомы той болѣзни,—если общественное недовольство считать болѣзнью,—истинная сущность которой кроется въ ненормальномъ устройствѣ общества, въ неправильности общественныхъ отношеній, болѣе отдаленныя причины которой лежатъ въ историческомъ ходѣ развитія даннаго народа или всего человѣчества. Такимъ образомъ общественная борьба могла бы дѣйствительно покончиться только тогда, когда были бы рѣшены по существу тѣ общественныя коллизіи, которыя ее вызываютъ. Всякое другое окончаніе, вызванное уничтоженіемъ или удаленіемъ со сцены наиболѣе энергическихъ борцовъ, или же утомленіемъ и истощеніемъ борющихся, будетъ не дѣйствительнымъ, а только мнимымъ окончаніемъ, не миромъ и даже не перемиріемъ, а лишь пріостановкой военныхъ дѣйствій на неопредѣленное время, которая только затянетъ на болѣе долгій срокъ напряженное состояніе, не позволяющее перейти къ мирной, прогрессивной работѣ. Поэтому всякій, искренно желающій возобновленія правильной культурной работы, долженъ не уклоняться отъ общественной борьбы, а прилагать всѣ силы къ разрѣшенію тѣхъ общихъ вопросовъ, безъ правильнаго и окончательнаго разрѣшенія которыхъ невозможна ни общая, ни личная мирная работа, долженъ дѣятельно отстаивать права и интересы, какъ свои, такъ и общіе, постоянно помня, что тѣ и другіе находятся въ неразрывной связи. Въ самомъ дѣлѣ, не ясна ли эта связь во всѣхъ явленіяхъ, даже самой обыденной жизни. Возьмемъ, напр., хоть такую жизненную сферу, распространяющуюся на всѣхъ людей всякихъ взглядовъ и направленій, какъ вопросы хозяйственнаго характера, большая или меньшая трудность полученія заработка, повышеніе

или пониженіе доходовъ отъ капиталовъ и прочность самихъ капиталовъ, дороговизна или дешевизна жизненныхъ продуктовъ, та или иная степень трудности полученія кредита и т. п. Все эти вопросы, близко касающіеся личной жизни каждаго, и всѣ они самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ общимъ политическимъ и финансовымъ положеніемъ всего государства. Всѣмъ и каждому извѣстно, какъ трудно въ настоящее время найти какой-нибудь заработокъ. Мы говоримъ не только о тѣхъ формально-признаваемыхъ безработными, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе опредѣленныя статистическія свѣдѣнія, т.-е. о фабричныхъ рабочихъ, по той или иной причинѣ потерявшихъ свои мѣста на фабрикахъ. Такихъ безработныхъ во всей Россіи считается въ настоящее время около 2.500,000 человѣкъ, большая часть которыхъ сгруппирована около крупныхъ фабричныхъ и промышленныхъ центровъ. Эта масса непроизводящихъ потребителей, все болѣе увеличивающаяся, благодаря закрытію или сокращенію новыхъ фабрикъ, конечно, давитъ на общую экономію страны, понижая ея благосостояніе. Но почти въ такомъ же положеніи находится и многочисленный классъ болѣе культурныхъ безработныхъ. О нихъ нѣтъ сколько-нибудь точныхъ цифровыхъ свѣдѣній, но во всякой сколько-нибудь крупной торговой конторѣ, въ правленіяхъ банковъ, страховыхъ и другихъ акціонерныхъ обществъ имѣются длинные списки кандидатовъ на разныя мѣста, списки, состоящіе изъ многихъ десятковъ именъ. Это множество людей ожидаетъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ это ожиданіе приводитъ къ полученію мѣста. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что всѣ торговопромышленныя учрежденія въ послѣднее время не только не увеличиваютъ, но скорѣе сокращаютъ свои дѣла, а это въ свою очередь происходитъ отъ недостатка оборотнаго капитала, обусловленнаго повсемѣстнымъ сокращеніемъ кредита. Самыя солидныя торгово-промышленныя предпріятія не могутъ достать денегъ. Въ банкахъ съ большимъ трудомъ учитываются векселя вполнѣ благонадежныхъ фирмъ и учетъ дошелъ до небывалой высоты. Тѣмъ болѣе трудно достать деньги частному человѣку, не промышленнику. За залогъ бумагъ платится тоже очень высокій процентъ, а продать ихъ невозможно безъ значительной потери на курсѣ. Съ другой стороны жизнь становится все дороже: отовсюду идутъ слухи, что дорожаютъ предметы перваго потребленія, и притомъ не нѣкоторые, а всѣ. Такъ какъ мѣриломъ цѣны всѣхъ продуктовъ являются деньги, то изъ этого, казалось бы, вытекало то, что деньги становятся дешевле. И это вполнѣ возможно, такъ какъ количество обращающихся въ Россіи денежныхъ знаковъ въ настоящее время очень велико: однихъ кредитныхъ билетовъ около 1,230 милліоновъ рублей. Какъ же согласить это обиліе денежныхъ знаковъ съ трудностью достать деньги? Кажущееся на первый разъ противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что и дешевыя и дорогія деньги уходятъ у насъ на государственныя потребности, а на жизнь и работу частныхъ лицъ остается очень мало. Денежныхъ знаковъ, служащихъ для оборота, у насъ можетъ быть и

слишкомъ много, но дѣйствительнаго богатства мало, потому что производится цѣнностей мало и эти цѣнности высасываются государствомъ и въ значительной своей части затрачиваются въ политико-экономическомъ смыслѣ непроизводительно. Какъ высасываніе государствомъ средствъ населенія производится посредствомъ косвенныхъ налоговъ, особенно винной монополіи, это достаточно извѣстно. Но туда же направляются и накопленныя народнымъ трудомъ сбереженія въ очень значительномъ количествѣ. Изъ послѣдняго отчета государственныхъ сберегательныхъ кассъ видно, что послѣ происшедшаго въ концѣ 1905 года отлива, доведшаго общую сумму вкладовъ въ кассахъ до 804,2 милліоновъ, въ 1906 году всѣ мѣсяцы сопровождались приливомъ, который за весь годъ составилъ 171,4 милл., съ избыткомъ покрывши убыль 1905 года (106,4 милл.). Всѣ эти милліоны, составлявшіе сбереженія небогатаго люда (средній размѣръ вклада на книжку 211 р.) вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлается, напр., въ Германіи, идти на развитіе народной производительности, совершенно изъемлются изъ народнаго хозяйства и идутъ на общегосударственныя потребности, почти на цѣлый милліардъ уменьшая сумму средствъ, которыми могли бы пользоваться частныя лица. Количество денежныхъ бумагъ было недавно даже увеличено новымъ выпускомъ 4% государственной ренты на нарицательный капиталъ въ 50 милліоновъ, но отъ этого народная производительность не возросла, ибо всѣ эти 35½ милліоновъ рублей (биржевая цѣна ренты въ моментъ выпуска этого займа была 70⅞ р.) даже самымъ указомъ о выпускѣ предназначены были на государственныя потребности. Очень мало способствуетъ своими средствами частной производительности и государственный банкъ, а между тѣмъ почти вся русская промышленность и торговля находится отъ него или прямо, или черезъ посредство другихъ банковъ въ самой тѣсной зависимости. Между тѣмъ уставъ Государственнаго банка таковъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ его задачѣ быть эмиссіоннымъ банкомъ, т.-е. удовлетворять краткосрочнымъ потребностямъ торговаго оборота. Главное, чѣмъ онъ страдаетъ— это отсутствіемъ самостоятельности: его прямымъ начальникомъ является министръ финансовъ, который всегда можетъ направить средства банка на воспособленіе не промышленности и торговлѣ, а государственному казначейству. Если бы это было даже и незаконно, то нѣтъ такой власти, которая бы стала возражать противъ этого. И государственный банкъ такъ и дѣйствовалъ: выдавалъ ссуды «на особыхъ основаніяхъ» по указаніямъ свыше. Мало того, въ числѣ такихъ ссудъ были «не подлежащія оглашенію»; такихъ ссудъ за время 1903—1905 гг. было выдано 92½ мил. и къ концу этого года оставалось внѣуставныхъ ссудъ 54 мил., которые были тоже изъяты изъ народнаго обращенія. Нужды государственнаго бюджета дѣйствительно велики и впереди предвидятся новые большіе расходы, хотя бы, наприм., на такое безспорно нужное дѣло, какъ всеобщее народное образованіе. Но огромная доля государственныхъ расходовъ идетъ на ликвидацію никому ненужной войны. Конечно, разъ принятыя

на себя обязательства приходится выполнять, но теперь возникають предположенія такого рода, какъ о возстановленіи погибшаго на войнѣ флота. Такое предпріятіе потребуетъ многіе десятки, если не сотни милліоновъ. Между тѣмъ необходимость имѣть теперь же флотъ, который могъ бы по своей силѣ соперничать съ флотами первоклассныхъ державъ,—крайне проблематична. Съ кѣмъ мы собираемся воевать? Если имѣть въ виду реваншъ относительно Японіи, то союзъ ея съ Англіей дѣлаетъ ее неуязвимою на морѣ. Да и весьма сомнительно, чтобы постройка флота въ будущемъ оказалась лучше той, примѣръ которой мы только что видѣли въ погибшей эскадрѣ Рождественскаго, такъ какъ условія, при которыхъ она будетъ производиться, остались все тѣ же. Въ данномъ случаѣ даже народное представительство не можетъ повліять ни на размѣры затратъ, ни на способъ ихъ использованія, такъ какъ 14 ст. основныхъ законовъ изъемлетъ вопросъ о судостроеніи, какъ и вообще объ устройствѣ флота и управленія имъ, изъ компетенціи Государственной Думы, что еще на-дняхъ подтвердилъ совѣтъ министровъ, предоставивъ морскому министру вносить ежегодно по 31 м. р. въ расходныя смѣты на постройку судовъ и ихъ артиллерійское и минное вооруженіе. Громадные, притомъ все возрастающіе расходы, полезность которыхъ по меньшей мѣрѣ столь же сомнительна, идутъ на полицію и вообще на борьбу съ такъ называемой крамолой. Мы говоримъ теперь о сомнительности приносимой ими пользы не съ точки зрѣнія, нужна ли вообще борьба съ крамолой, т.-е. революціонерами,—это вопросъ другой, а только съ точки зрѣнія цѣлесообразности тѣхъ средствъ, которыя для этого употребляются. Сомнѣніе въ этомъ случаѣ вполнѣ допустимо, такъ какъ мы видимъ, что всѣ эти громадныя затраты не уничтожаютъ того, на борьбу противъ чего они направлены, и крамола въ видѣ заговоровъ, политическихъ убійствъ, экспропріацій, продолжаетъ существовать, даже не уменьшаясь сколько-нибудь замѣтно. Какъ бы то ни было, эти расходы, военные и полицейскіе, настолько обременяютъ нашъ бюджетъ, что остается немного на расходы дѣйствительно производительные, вслѣдствіе чего, а также вслѣдствіе тяжелыхъ условій, въ которыя поставлена частная иниціатива, общая производительность слаба, а изъ этой незначительной суммы богатства, которая всетаки производится, берется столько на государственныя потребности, нужныя и ненужныя, что собственно на личную жизнь и работу остается очень мало. Такимъ образомъ подавляющее вліяніе государственной финансовой политики на личную хозяйственную жизнь каждаго становится очевиднымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ясно становится и то, что для улучшенія своей личной жизни хочешь-не хочешь приходится стремиться въ мѣру своихъ силъ и возможности къ измѣненію того направленія общегосударственной дѣятельности, которымъ создается такое удручающее положеніе личныхъ дѣлъ каждаго.

Односторонне направленная государственная политика отражается и на дѣлахъ мѣстнаго благоустройства. Извѣстно, что въ послѣднее время зна-

тельно измѣнился составъ земствъ и направленіе ихъ дѣятельности. Основная причина этого измѣненія заключается не въ какихъ-нибудь мѣстныхъ условіяхъ, а въ томъ, что въ земствѣ обострилась та же партійная и классовая рознь, которая зародилась и развилась на почвѣ общеполитическихъ отношеній. Однимъ изъ главнѣйшихъ проявленій новаго направленія въ земствѣ было враждебное отношеніе къ бывшему составу служащихъ, часть которыхъ была совсѣмъ устранена за упраздненіемъ самыхъ должностей ими занимаемыхъ, а часть замѣнена новыми людьми, причемъ главнымъ критеріемъ для опредѣленія достоинствъ и практической пригодности избираемыхъ являлась не столько ихъ работоспособность и энергія, сколько ихъ политическая благонадежность и непричастность «крамолѣ». И вотъ теперь судьба посылаетъ новому земству испытаніе, притомъ на такомъ дѣлѣ, которое непосредственно касается самыхъ жизненныхъ личныхъ и семейныхъ интересовъ каждаго. Въ Самарѣ появилась холера. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Высочайше учрежденной противочумной коммиссіей, по 29 іюля въ Самарѣ было уже 114 холерныхъ заболѣваній, изъ нихъ 28 со смертельнымъ исходомъ. Такимъ образомъ въ существованіи эпидеміи собственно въ Самарѣ нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Достовѣрно холерные случаи были констатированы въ Астрахани и въ Сызранскомъ уѣздѣ (Симбирской губ.), а подозрительныя, похожія на холерныя заболѣванія были въ Саратовской, Вятской, Казанской, Харьковской губерніяхъ. Вездѣ, конечно, всякія учрежденія, въ обязанность которыхъ входитъ охраненіе народнаго здравія, начали созывать медицинскія совѣщанія и принимать экстренныя мѣры. Въ городахъ, санитарное состояніе большинства которыхъ ниже всякой критики, началась чистка. Но вотъ тутъ-то и является вопросъ, насколько всѣ эти мѣры будутъ выполняться энергично и разумно, или же только формально. Есть слухи, даже относительно Самары, гдѣ эпидемія уже дѣйствуетъ и гдѣ, кстати сказать, санитарныя условія хуже большинства другихъ городовъ, что тамъ и самая чистка идетъ очень вяло. Наиболѣе вниманія, повидимому, обращено на охрану волжскаго водяного пути; въ особенности внимательному надзору должна бы, казалось, подвергнуться нижегородская ярмарка въ виду большого скопленія на ней пришлаго народа изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Съ 20 іюля подвергаются осмотру врачебнаго персонала пассажиры пароходовъ, прибывающихъ съ нижняго теченія Волги, но осмотръ производится по всѣмъ сообщеніямъ чисто-формальный: пассажиры проходятъ мимо врачей,—и тѣмъ дѣло ограничивается. Гораздо важнѣе было бы устройство изоляціонныхъ пунктовъ для заболѣвающихъ. Но администрація угрожаемыхъ холерою губерній только на-дняхъ додумалась да этого. Городскимъ и земскимъ управамъ предписано безотлагательно принять всѣ необходимыя мѣры; устроить амбулаторіи, эпидемическіе отряды, обезпечить себя достаточнымъ числомъ врачей и лѣкарствъ. Но у земскихъ управъ нѣтъ денегъ на все это: предсѣдатель казанской губернской управы послалъ по телеграфу главному медицинскому инспектору ходатайство объ ассигнованіи

26,000 р. на содержаніе медицинскаго персонала. Если этихъ денегъ не пришлютъ изъ Петербурга, то губернія будетъ поставлена въ безвыходное положеніе. Но помимо недостатка средствъ, надо имѣть въ виду, что почти повсюду земства сократили медицинскій персоналъ или замѣнили его новымъ. Въ такихъ же случаяхъ, для борьбы съ эпидеміями всего важнѣе имѣть людей, знакомыхъ съ условіями мѣстности, съ народной жизнью и обычаями, и въ особенности людей, извѣстныхъ мѣстному населенію и пользующихся его довѣріемъ; потому что безъ довѣрія населенія и безъ его собственной инищіативы въ содѣйствіи медицинскому персоналу, послѣдній окажется совершенно безсиленъ въ борьбѣ съ эпидеміей. Мало того: люди чуждые мѣстному населенію и склонные высказывать требованія, сходныя съ тѣми, какія высказываются администраціей, т.-е. въ тонѣ начальства, могутъ, по нынѣшнему тревожному состоянію народныхъ массъ, возбудить противъ себя населеніе и вызвать въ придачу ко всякимъ другимъ безпорядкамъ еще и холерные безпорядки. А *Русское Знамя,* покровительствуемое администраціей и пользующееся сочувствіемъ нынѣшнихъ представителей земства, какъ разъ теперь проповѣдуетъ о «еврейскихъ и польскихъ» врачахъ, напускающихъ холеру на Россію.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Испанія.

Два событія выдѣляются въ современной политической жизни Испаніи: послѣдніе выборы и новая оріентировка ея внѣшней политики—и безъ сомнѣнія, они представляютъ общеевропейскій интересъ. Конечно, испанскіе выборы не могутъ быть поставлены на одну доску съ тѣми политическими откровеніями, которыя даются выборами нынѣшняго года въ Германіи, Австріи и Россіи, но неожиданное въ такихъ размѣрахъ пораженіе либерализма, которое произошло въ апрѣлѣ 1907 г. въ Испаніи, успѣхъ крайней правой и крайней лѣвой на счетъ центра—есть новая цѣнная черта для характеристики тѣхъ основныхъ движеній мысли и политическихъ настроеній, которыя господствуютъ въ Европѣ и которыя позволяютъ намъ болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы о будущемъ европейскихъ обществъ и государствъ. Наблюдатель и соціологъ не долженъ проходить мимо европейскихъ захолустій, мимо второстепенныхъ европейскихъ странъ; многія явленія тамъ не обладаютъ такимъ размахомъ, не поражаютъ своей грандіозностью, зато проще и легче уловить цѣпь причинъ и слѣдствій.

Съ другой стороны и картина переоцѣнки всѣхъ традиціонныхъ дипломатическихъ цѣнностей, переживаемой въ настоящую эпоху, была бы не полна, если бы не приняли во вниманіе новаго поворота въ сторону Франціи и Англіи. И здѣсь у насъ интересъ не только теоретическій: общая перемѣна въ группировкѣ державъ самымъ существеннымъ образомъ затрогиваетъ и международное положеніе Россіи.

Характеризуемый въ терминахъ государственнаго права и политической исторіи режимъ современной Испаніи можетъ быть обозначенъ какъ приближающійся къ парламентарному. Содержаніе однако находится здѣсь въ рѣзкомъ контрастѣ съ формой. За исключеніемъ немногихъ городскихъ центровъ,—а Испанія есть одна изъ странъ Европы съ наибольшимъ преобладаніемъ сельскаго населенія—и находящейся въ особыхъ условіяхъ Каталоніи политическая борьба отличалась чрезвычайной слабостью, что

давало обычно правительству получать такой составъ кортесовъ, котораго оно желало. Въ своей интересной книгѣ «Democracy and Liberty» Лэкки съ изумленіемъ отмѣчаетъ, до какой степени мало отразился на жизни страны переходъ ко всеобщему избирательному праву, совершившійся въ 1890 г.

Давленія на выборы происходили съ удивительной беззастѣнчивостью, чему весьма помогала техника испанскаго избирательнаго закона. Лефевръ-Понталисъ, давшій нѣсколько тенденціозную, но всетаки очень поучительную картину избирательной практики разныхъ странъ въ концѣ XIX в., приводитъ поразительный образецъ этого давленія, какъ, наприм., организацію провала на выборахъ въ Мадридѣ въ 1896 г. популярнаго кандидата Кабринаны, прославившагося своими разоблаченіями, изъ-за которыхъ правительство хотѣло во что бы то ни стало закрыть для него двери парламента (см. его Les élections en Europe à la fin du 19-ième siècle). Въ этомъ отношеніи тяжелый ударъ, нанесенный странѣ во время испано-американской войны, не прошелъ даромъ, и въ началѣ XX в. замѣчается извѣстный поворотъ, подъемъ общественной активности; тѣмъ не менѣе и теперь центръ тяжести политической жизни Испаніи лежитъ наверху. Испанская монархія вышла побѣдительницей изъ испытаній, которыми наполнена ея исторія XIX в.; какъ то обычно бываетъ, ей пошелъ на пользу неудачный опытъ республиканскаго режима, примѣненный въ періодъ 1869—1876 гг., и авторитетъ ея не разрушается дѣйствіемъ враждебныхъ силъ справа и слѣва—карлистскаго легитимизма и республиканской оппозиціи. Многое, конечно, зависитъ отъ личной популярности, которой были окружены Альфонсъ XII и королева-регентша и которой въ настоящее время несомнѣнно обладаетъ Альфонсъ XIII, доказавшій, что онъ понимаетъ обязанности конституціоннаго монарха, и далеко не лишенный сознанія обязанностей современнаго государства въ дѣлѣ соціальной политики.

Однако абсолютистическія тенденціи, отъ которыхъ въ общемъ свободенъ монархъ, сохраняются среди придворныхъ круговъ, вліяніе которыхъ на политику неоспоримо. Далѣе, въ учетѣ политическихъ силъ нельзя обойти молчаніемъ весьма могущественнаго класса, тяжесть борьбы съ которымъ пришлось испытать на себѣ послѣднему либеральному министерству, а также мѣстнаго дворянства; господство такъ называемыхъ «кациковъ», т.-е. мѣстныхъ нотаблей, держащихъ въ своихъ рукахъ нити провинціальной жизни, сообщаетъ до сихъ поръ Испаніи извѣстный феодальный отпечатокъ; необходимость освобожденія отъ него сознается даже и среди многихъ консервативныхъ группъ. Испанская городская буржуазія слишкомъ еще слаба за исключеніемъ Каталоніи, чтобы разрушить мощь этихъ феодальныхъ переживаній. Въ низшихъ слояхъ населенія, среди которыхъ только зарождается организованная защита своихъ интересовъ (и здѣсь особенно выдѣляется Барселона), характерны успѣхи, которые дѣлаетъ анархизмъ, къ коему, повидимому, вообще есть тяготѣніе у романскихъ народовъ; мы его встрѣтимъ на сѣверѣ и на югѣ

полуострова, въ промышленной Каталоніи и земледѣльческой Андалузіи; вѣра въ «прямое дѣйствіе», которая во Франціи является какъ бы результатомъ неудовлетворенности парламентскимъ строемъ, находитъ адептовъ въ Испаніи въ эпоху, когда еще страна дѣлаетъ первые шаги по пути парламентскаго строя. Наиболѣе сильное, быть можетъ, противодѣйствіе существующему порядку исходитъ изъ мѣстныхъ и провинціальныхъ интересовъ, среди которыхъ особенно выдѣляется каталонское движеніе; эти стремленія, къ которымъ примыкаютъ и клерикально-реакціонные и республиканскіе элементы, объединяются борьбой противъ кастильскаго централизма.

Эти интересы и силы, которые мы находимъ на фонѣ политической жизни страны, находятъ себѣ весьма неточное и блѣдное отраженіе въ испанскихъ партіяхъ, прежде всего въ тѣхъ двухъ партіяхъ—консервативной и либеральной, между которыми происходила за послѣдніе года борьба за власть,—борьба, въ которой сейчасъ консерваторы одержали блестящую побѣду. Надо сказать, что въ настоящее время между этими двумя партіями не существуетъ безусловной принципіальной противоположности; есть скорѣе, такъ сказать, различіе по степени. Испанскіе либералы не стремятся сразу преобразовать страну на началахъ деклараціи правъ и народнаго суверенитета, а съ другой стороны и консервативная партія не отличается реакціонной непримиримостью. Наиболѣе яркое разногласіе касается жгучаго вопроса объ отношеніи церкви и государства,—единственная область, гдѣ либералы готовы идти нѣсколько далѣе впередъ по пути, показанномъ Франціей. Обѣ партіи объединяются признаніемъ конституціонной монархіи и являются въ равной степени лойяльными. Наконецъ, нельзя не отмѣтить очень большого мѣста, которое въ обѣихъ партіяхъ занимаютъ отдѣльныя личности и личная борьба. Борьба либераловъ и консерваторовъ долгое время была борьбой Сильвелы и Сагасты.

Послѣдній разъ либеральная партія приняла власть въ лицѣ своего вождя Монтеро Ріосъ лѣтомъ 1905 г. Обстоятельства вообще были для нея въ эту минуту благопріятны: за полгода смѣнилось три консервативныхъ кабинета, причемъ послѣдній кабинетъ Виллаверды вышелъ въ отставку послѣ формальнаго вотума недовѣрія. Среди консервативныхъ элементовъ не было единства и дисциплины; въ странѣ, повидимому, не было сочувствія слишкомъ уступчивой политикѣ консерваторовъ относительно католической церкви; соглашеніе, заключенное въ 1904 г. Маурой съ Ватиканомъ вызывало рѣзкую критику за ультрамонтанскій духъ его тенденціи. Это было тоже, когда среди болѣе или менѣе свободомыслящихъ круговъ французская политика Комба и подготовлявшаяся во Франціи реформа отдѣленія церкви отъ государства вызывала живѣйшее сочувствіе, когда происходили бурныя антиклерикальныя демонстраціи по поводу представленія «Электра». Монтеро Ріосъ, получивъ власть, распустилъ кортесы и назначилъ выборы на сентябрь 1905 года, какъ это и бываетъ обычно въ Испаніи; они дали правительственное большинство, т.-е. въ

эту минуту либеральное. Однако оно не было очень значительнымъ: изъ 407 мѣстъ различныя либеральныя фракціи получили лишь 240, такъ что правительственное большинство перевѣшивало 26 голосами, что въ Испаніи не считается особенно прочнымъ. Надо сказать, что согласно испанской конституціи при роспускѣ палаты происходитъ одновременный роспускъ той части сената, которая составляется изъ выборныхъ членовъ (т.-е. 180 изъ 360), другая половина состоитъ изъ членовъ de droit, а также назначенныхъ королемъ. Здѣсь изъ 180 мѣстъ либералы получили лишь 100, притомъ въ другой половинѣ сената консерваторамъ принадлежало рѣшительное большинство, такъ какъ по конституціи число назначаемыхъ сенаторовъ опредѣлено заранѣе, то министерство не могло путемъ fournée des pairs сдѣлать верхнюю палату для себя болѣе удобной. Кромѣ того среди самихъ либераловъ не было единства: между вождями господствовало недовѣріе, и кабинетъ создавали съ большими трудностями. За Монтеро Ріосъ послѣдовалъ Море, за нимъ Лопецъ Домингецъ и Вега, и только послѣ ряда неудачъ и расколовъ среди либеральной партіи король въ январѣ 1907 г. обратился съ предложеніемъ образовать кабинетъ къ лидеру консерваторовъ Маурѣ. Особенно фатально сказалось недовѣріе правой либеральной къ либерально-демократической группѣ; первая, напримѣръ, систематически отказывала въ поддержкѣ Домингецу и въ сущности заставила его покинуть власть. Положеніе либеральнаго кабинета значительно затруднялось тѣми столкновеніями съ офицерами, происходившими въ Барселонѣ, послѣ которыхъ въ высшихъ слояхъ испанской арміи началось бурное броженіе, посыпались требованія, чтобы правительство оградило армію отъ оскорбленій, подавило пропаганду антимилитаристовъ и т. п. Подъ давленіемъ военныхъ круговъ, поддерживаемыхъ военнымъ министромъ Люкомъ, кабинетъ Море внесъ законопроектъ о новомъ порядкѣ суда при наличности преступленій противъ арміи и противъ отечества, при этомъ даже преступленія, совершонныя путемъ прессы, должны были подлежать военной юрисдикціи. Законопроектъ всетаки не удовлетворялъ притязаній, исходившихъ изъ арміи; съ другой стороны, нечего говорить, насколько онъ былъ непопуляренъ среди болѣе или менѣе либерально настроенныхъ круговъ общества. Впрочемъ, нѣкоторые члены самого кабинета были рѣшительно противъ того расширенія юрисдикціи военнаго суда, и соглашались только на введеніе въ кодексѣ болѣе суровыхъ каръ за эти преступленія, такъ что при проведеніи его не было даже необходимой солидарности среди министровъ. Обсужденіе его въ палатѣ сопровождалось крайне бурными сценами, обличеніями генераловъ, изъ-за которыхъ Испанія потеряла свое колоніальное могущество, пощечинами, выходомъ изъ залы засѣданій республиканской группы и т. п.; въ концѣ-концовъ онъ всетаки былъ принятъ съ не такимъ широкимъ примѣненіемъ военныхъ судовъ, какъ это имѣлось въ виду раньше, но министерство, осыпаемое нападками справа и слѣва, какъ и либеральная партія, отнюдь не упрочила своего авторитета.

Другого рода затрудненія были связаны съ финансами. Съ одной стороны проектъ новаго таможеннаго тарифа, выработанный кабинетомъ подъ давленіемъ крупныхъ-промышленниковъ изъ Каталоніи, Бискаіи и Астуріи, носилъ еще болѣе протекціонистскій характеръ, чѣмъ дѣйствовавшій до сихъ поръ, и вызвалъ жестокіе нападки на правительство, которое въ интересахъ промышленной олигархіи осуждаетъ на голодовку народныя массы; были многочисленные протесты и отъ политическихъ союзовъ и профессіональныхъ организацій. Быть можетъ, на поворотѣ въ сторону дальнѣйшаго протекціонизма не остался безъ вліянія тотъ фактъ, что за самые послѣдніе годы ввозъ въ Испанію увеличивается, а вывозъ падаетъ. Съ другой стороны въ проектѣ бюджета 1907 г. былъ впервые введенъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ либеральной программы—уничтожались городскіе таможенные сборы (octrois), а недоборъ покрывался отчасти новыми косвенными налогами на алкоголь, керосинъ, сахаръ и соль; отчасти налогомъ на наслѣдство и перемѣщеніе собственности. Реформа уничтоженія октруа давно требовалась массами, и здѣсь кабинетъ могъ бы встрѣтить поддержку, но она, повидимому, оказалась менѣе энергичной, чѣмъ кампанія, которую открыли противъ финансовой политики правительства консерваторы.

Но главное вниманіе въ политической жизни привлекалъ религіозный вопросъ. Въ Испаніи секуляризація гражданскаго и государственныхъ отношеній происходитъ несравненно медленнѣе, чѣмъ утвержденіе политической свободы. Еще такъ свѣжи воспоминанія о полновластьи церкви, запечатлѣвшемся хотя бы въ Конкордатѣ 1851 г.; въ дѣйствующей испанской конституціи 1876 г. признается, что римско-католическая религія есть религія государственная, и запрещаются публичныя церемоніи другихъ религій (§ 11). Старая вѣра живетъ нетронутой и потенціальный запасъ религіознаго фанатизма достаточно великъ. Даже завоеванія, сдѣланныя по пути обезпеченія свѣтскаго характера за правомъ и государствомъ не всегда оказываются прочными. Послѣ упорнаго сопротивленія въ 1896 г. былъ введенъ гражданскій бракъ; въ 1900 г. министерскій указъ сузилъ его примѣненіе. Въ эпоху Море папскій нунцій, ободренный предшествующими уступками, потребовалъ, въ сущности говоря, возвращенія обязательнаго церковнаго брака. Министерство отказало и отмѣнило даже указъ 1900 г.; тогда поднялся рядъ процессовъ; нѣкоторые епископы, особенно въ своихъ пасторскихъ посланіяхъ, чрезвычайно рѣзко говорили объ атеистической политикѣ правительства, и въ этомъ отношеніи ихъ поддерживали консерваторы. Другой предметъ борьбы между правительствомъ и клиромъ былъ вопросъ о завѣдываніи кладбищами.

Еще болѣе обострились отношенія, когда сталъ на очереди вопросъ о конгрегаціяхъ. Долго подготовляемый законопроектъ былъ редактированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Домингеца, Давилой, котораго король за его антиклерикализмъ назвалъ маленькимъ Комбомъ. Законопроектъ требовалъ на будущее время предварительнаго разрѣшенія для

открытія ассоціацій религіознаго характера, разрѣшеніе, которое могло быть взято назадъ каждую минуту; статуты существующихъ конгрегацій также должны быть представлены и пересмотрѣны въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; отъ обучающихъ въ конгрегаціяхъ требовались обычные дипломы, которые предъявляются лицомъ, желающимъ преподавать; всѣ имущественныя отношенія въ конгрегаціяхъ подлежали строгому правительственному контролю; совѣтъ министровъ могъ опредѣлить maximum имущества и дохода, которымъ имѣла право владѣть конгрегація. Наконецъ, въ законопроектѣ торжественно провозглашалась полная свобода выхода изъ монашескаго ордена.

Въ законопроектѣ было много точекъ соприкосновенія съ закономъ объ ассоціаціяхъ Вальдека Руссо 1 іюля 1902 г.; понятно, какъ на него реагировали католическіе круги. Архіепископъ Толедскій, примасъ Испаніи, телеграфировалъ министру-президенту свой протестъ: законъ является насиліемъ надъ совѣстью, надъ свободой церкви и оскорбляетъ религіозное чувство испанскаго народа. Испанскія дамы подали петицію противъ законопроекта лично королю, но послѣдній отказался вмѣшиваться въ конфликтъ, ссылаясь на свои конституціонныя обязанности. Въ палатѣ проектъ громилъ Маура и въ то же время республиканцы съ Аскарате во главѣ указывали на его половинчатость и недостаточность.

Министерство защищалось на два фронта, доказывая, что оно хотѣло, сохраняя религіозный миръ и уважая свободу совѣсти католиковъ, въ то же время удовлетворить государственные интересы. Ясно было, что сила клерикальной оппозиціи въ Испаніи несравнима съ тѣмъ сопротивленіемъ, которое встрѣтила во Франціи политика Комба и отдѣленіе церкви и государства. Либеральный органъ *Heraldo* сознавался, что клерикалы въ Испаніи въ настоящее время пріобрѣли силу, которой они далеко не имѣли даже въ первыя времена реставраціи. Такое сопротивленіе требовало чрезвычайной сплоченности либеральныхъ элементовъ, но его совсѣмъ не было; наиболѣе умѣренные опасались боевого антиклерикализма, опасались, что правительство, становясь на этотъ путь, уже не сможетъ остановиться на законѣ о религіозныхъ ассоціаціяхъ.

Наиболѣе крайніе желали, чтобы развернута была программа отдѣленія церкви и государства вмѣсто заключенія новаго конкордата; до сихъ поръ въ сношеніяхъ Испаніи съ Ватиканомъ преимущество всегда оставалось за послѣднимъ. Находясь между антидинастической оппозиціей и сплотившимися консервативными кругами, не увеличившее, а растратившее ту популярность, которой обладали либеральныя партіи въ моментъ прихода къ власти Монтеро-Ріосъ, не имѣя возможности единства среди кабинета, либеральное правительство послѣ многочисленныхъ неудачъ уступило мѣсто въ январѣ 1907 года консервативному министерству Маура.

Альфонсъ XIII обратился къ консерваторамъ лишь въ ту минуту, когда всѣ попытки создать прочный либеральный кабинетъ оказались невозможными. Министерство уходило, какъ предсказывалъ *Heraldo*, «не имѣя къ

своемъ активѣ ничего другого, кромѣ закона о военныхъ судахъ, который въ качествѣ чрезмѣрно реакціоннаго отмѣнить самъ Маура, и кромѣ таможеннаго тарифа, который находятъ слишкомъ протекціоннымъ самые крайніе протекціонисты-реакціонеры».

Преимущество консерваторовъ было прежде всего въ ихъ сплоченности; какъ лидеръ, Маура не имѣлъ соперниковъ, и ему не нужно было устраивать среди своей партіи трудныхъ и двусмысленныхъ союзовъ. Какъ признавали сами консерваторы, полтора года пребыванія въ оппозиціи вернули имъ сплоченность и свѣжесть. Съ другой стороны Маура заявилъ, что онъ отнюдь не хочетъ идти по пути реакціи, что необходимость реформы сознается и его сторонниками. Наконецъ самое безсиліе либеральныхъ кабинетовъ шло на пользу новому правительству. Конечно, новое министерство сочло необходимымъ распустить кортесы, среди которыхъ у него не было большинства.

Новые выборы 21 апрѣля оказались для консерваторовъ чрезвычайно благопріятными. Изъ 404 мѣстъ въ палатѣ консерваторы получили 256; на долю оппозиціонныхъ партій всѣхъ оттѣнковъ пришлось лишь 142. Такимъ образомъ правительство получило большинство въ 114 голосовъ, т.-е. гораздо большее, чѣмъ правительственное большинство въ прежней палатѣ. На послѣдовавшихъ майскихъ выборахъ въ сенатѣ консерваторы также получили изъ 180 мѣстъ 113; въ прежнемъ сенатѣ либералы имѣли только 100 мѣстъ и къ этому, какъ уже было указано, надо прибавить, что среди другой половины сената преобладали тоже консервативные элементы. Такимъ образомъ кабинетъ Маура и въ верхней палатѣ обладаетъ огромнымъ большинствомъ.

Торжество консерваторовъ не было неожиданностью, но размѣры его превзошли всѣ разсчеты. Нельзя все объяснять правительственнымъ давленіемъ; повидимому, весьма крупную роль сыграло вліяніе церкви. Съ другой стороны, очень характерной чертой новыхъ выборовъ является неожиданный ростъ крайней лѣвой и вообще такъ называемыхъ антидинастическихъ элементовъ. Число карлистовъ увеличилось до 16, тогда какъ въ 1901 году ихъ было лишь 4, въ 1903—7, въ 1905—3. Небывалый успѣхъ имѣла такъ называемая «каталонская солидарность»— коалиція «оппозиціонныхъ партій», среди которыхъ мы находимъ и карлистовъ, и республиканцевъ, объединенныхъ стремленіемъ къ автономіи Каталоніи. Изъ 59 представителей, которыхъ эта провинція посылаетъ въ кортесы—40 въ палату депутатовъ и 19 въ сенатъ, были избраны 54 члена этой коалиціи.

Важность ея, какъ и состоящаго за ней Каталонскаго движенія, опредѣляется прежде всего тѣмъ, что оно исходитъ изъ самой богатой и промышленной провинціи Испаніи; отъ нея зависитъ все бюджетное равновѣсіе. Каталонцы давно сознаютъ это и желаютъ играть политическую роль, соотвѣтствующую ихъ экономическому вѣсу. Сюда прибавляется и національный моментъ. Близкій къ старому провансальскому каталонскій

языкъ, имѣющій свою литературу и культивируемый съ любовью, даетъ какъ бы наглядное основаніе для этихъ національныхъ требованій. Прежде говорили о Каталоніи, какъ области; теперь стали говорить о ней, какъ націи; органъ *Lo Regionalista* переименованъ въ *Nacio Catalana*. Каталонское движеніе еще недавно оставалось преимущественно литературнымъ; въ настоящее время оно пріобрѣло первостепенную политическую важность.

«Солидарность» мечтаетъ, что въ дѣлѣ предстоящаго возрожденія Испанія Каталонія сыграетъ роль, подобную Пьемонту въ Италіи; представители выдвигаютъ программу широкой децентрализаціи и прогрессивнаго удовлетворенія народныхъ нуждъ; все это является въ ихъ мысляхъ средствомъ политическаго и соціальнаго оздоровленія страны.

Програму солидаристовъ изложилъ сенаторъ Абидаль въ засѣданіи сената 1 іюня. Отвѣчая ему, Маура указалъ на противоположность политическихъ элементовъ, изъ которыхъ создалась «каталонская солидарность»: «вы поражены безлюдіемъ гибридовъ»; противоестественный союзъ республиканцевъ и легитимистовъ можетъ лишь разрушать, но не созидать. Однако, президентъ совѣта министровъ признаетъ необходимость реформы мѣстнаго самоуправленія, которая удовлетворитъ подлинной потребности; разумѣется, отъ этой реформы до созданія провинціальной автономіи еще весьма далеко.

Вся тяжесть электоральнаго пораженія падаетъ на либераловъ; причисляя къ нимъ 8 демократовъ, число ихъ не превышаетъ 69; давно уже при консервативномъ большинствѣ число ихъ не опускалось до такой степени (на выборахъ 1896 г. они получили 102 мѣста, 1901 г.—80 мѣстъ, 1903 г.—86 мѣстъ). На выборахъ въ сенатъ они вмѣстѣ съ демократами получили лишь 33 мѣста. Либеральная партія рѣзко обвиняла правительство Мауры, что оно изъ партійныхъ соображеній дало усилиться антидинастическимъ элементамъ на счетъ лояльной оппозиціи. Раздраженіе въ партіи было такъ велико, что рѣшили бойкотировать выборы въ сенатъ—по недостатку дисциплины это рѣшеніе не было проведено,—и затѣмъ даже отказаться отъ участія въ парламентской работѣ и развить внѣ парламентскую дѣятельность. Въ настоящее время, какъ и слѣдовало ожидать, либеральная партія рѣшила прекратить этотъ бойкотъ. Надо сказать, что демократы отнеслись совершенно отрицательно къ этому рѣшенію и не сочли себя обязанными ему подчиниться. Во всякомъ случаѣ раздоръ среди династическихъ партій пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ минуту блестящаго успѣха «антидинастическихъ» элементовъ. Уже при первомъ извѣстіи о результатахъ выборовъ консервативная «Epoca» предсказывала, что парламентская кампанія будетъ исключительно трудной: пораженіе либераловъ нисколько не смягчаетъ побѣды «революціонеровъ».

Можно думать, что и Маура, хотя опирающійся на сплоченное и сильное консервативное большинство, не откажется дать извѣстное удовлетвореніе либераламъ, чтобы снова привлечь ихъ къ парламентской работѣ.

Въ Испаніи уже давно сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что всякое правительство должно имѣть передъ собою лояльную оппозицію, и часто передъ выборами заключается извѣстное соглашеніе между министерствомъ и его противниками о числѣ депутатскихъ мѣстъ, которое послѣдніе безъ помѣхи могутъ пріобрѣсти.

Въ настоящее время испанскій либерализмъ находится въ состояніи глубокаго упадка; очевидно, выходъ изъ него не можетъ быть найденъ въ однѣхъ внѣшнихъ парламентскихъ комбинаціяхъ. Опытъ полуторагодового пребыванія либераловъ у власти достаточно поучителенъ въ этомъ смыслѣ. Предстоитъ несомнѣнно внутреннее его измѣненіе, болѣе глубокая, принципіальная постановка вопросовъ. Слишкомъ великія историческія задачи лежатъ передъ нимъ и въ области созданія религіозной свободы, и въ развитіи мѣстнаго самоуправленія, и въ устройствѣ народнаго образованія, соотвѣтствующаго идеаламъ XX вѣка, и въ упорядоченіи глубоко подорваннаго народнаго хозяйства, и въ широкой области соціальной политики. Рано или поздно для испанской либеральной партіи пробьетъ часъ, когда она должна будетъ принять власть. Окажется ли она къ ней болѣе подготовленной, чѣмъ въ 1905 году?

Внѣшнее политическое положеніе Испаніи въ еще большей степени, чѣмъ внутренняя ея жизнь, связано съ неудачами испано-американской войны. Испанія потеряла важнѣйшую изъ своихъ колоній—Кубу и Филиппинскій архипелагъ, вслѣдъ за тѣмъ перешли къ Германіи Маріанскіе и Каролинскіе острова; потеря флота дѣлала Испанію неспособной къ прежней колоніальной политикѣ вообще. Такимъ образомъ устранялись интересы, которые имѣла Испанія въ Вестъ-индскомъ архипелагѣ и въ Тихомъ Океанѣ; заканчивался періодъ, который открывается для Пиренейскаго полуострова еще во дни Колумба и Васко де-Гамы. Центръ тяжести испанской внѣшней политики перемѣщался на европейскія отношенія и прежде всего въ районѣ Средиземнаго моря, и здѣсь Испанія прежде всего встрѣчалась съ Франціей, которая господствовала на сѣверномъ и южномъ берегу западнаго Средиземнаго моря; съ Англіей, которая держитъ Гибралтаръ и Мальту и для которой Средиземное море есть важное звено морского пути въ Индію; съ Италіей, которая, потерпѣвъ неудачу въ Тунисѣ, обращаетъ свои взоры на Триполи; съ Марокко, наконецъ, гдѣ прозорливые наблюдатели уже за много лѣтъ предвидѣли разгоравшійся на нашихъ глазахъ конфликтъ. Съ конца 80-хъ годовъ въ этой области господствовали извѣстныя дипломатическія традиціи; между Англіей и Франціей было какъ бы скрытое соперничество, причемъ Италія, связанная тройственнымъ союзомъ и проникнутая криспіанскимъ галлофобствомъ, рѣшительно склонялась къ Англіи; обѣ державы связывала извѣстная готовность охранять statu quo въ Средиземномъ морѣ, и Испанія также сюда примыкала. Можно было сказать, что средне-европейскій тройственный союзъ находитъ себѣ продолженіе въ этой близости Англіи, Италіи и Испаніи.

Около 1900 г. наступаетъ глубокая и важная перемѣна. Прежде всего соперничество Англіи и Франціи, едва не доведшее послѣ Фашоды до войны, смѣняется сближеніемъ и переходомъ даже въ «сердечное согласіе». Затѣмъ въ Италіи начинается все болѣе опредѣленное движеніе противъ тройственнаго союза, обостряются отношенія съ Австріей и въ то же время разсѣиваются старыя предубѣжденія противъ Франціи, откуда уже можно болѣе не опасаться возстановленія свѣтской власти папы; между Италіей и Франціей устанавливается несомнѣнная близость, несмотря на офиціальныя утвержденія въ Берлинѣ и въ Римѣ, что тройственный союзъ нисколько не потерялъ въ своей прочности. Наконецъ, измѣнилось и международное положеніе относительно Марокко: Англія предоставляла здѣсь свободу дѣйствій Франціи и за это получала гарантію statu quo въ Египтѣ. Испанія могла смотрѣть съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на французскіе замыслы въ Марокко; но французское правительство, очевидно, дѣйствуя здѣсь въ полномъ согласіи съ Англіей, предложило Испаніи, какъ также особенно заинтересованной въ марокксихъ дѣлахъ, дѣйствовать здѣсь совмѣстно. Таково было происхожденіе и смыслъ франко-испанскаго договора 9 октября 1904 г.

Въ эту минуту марокксій вопросъ неожиданно изъ мѣстнаго пріобрѣтаетъ значеніе общеевропейскаго: Сѣверная Африка угрожаетъ сдѣлаться очагомъ всеобщей войны. Германія, учитывая пораженіе Россіи на манджурскихъ поляхъ, начинаетъ свое активное вмѣшательство и становится на дорогѣ франко-испанской политики; императоръ Вильгельмъ предпринимаетъ демонстративное путешествіе въ Танжеръ. Испанія не можетъ оставаться здѣсь нейтральной: она должна или идти за Франціей, или порвать съ ней и примкнуть къ Германіи. Очевидно, у ней не было никакого основанія помогать Германіи сдѣлать изъ Марокко вторую Малую Азію—новое орудіе воздѣйствія на мусульманскій міръ. Испанія пошла съ Франціей: альжезирасская конференція явилась испытаніемъ для крѣпости франко-испанскаго договора, и послѣдній вышелъ изъ него укрѣпленнымъ. Правда, не было недостатка и среди испанской прессы (Вилдануева) и среди испанской дипломатіи (Оіеда) людей, которые предостерегали противъ сближенія съ западными державами, но позиція правительства, министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Море герцога Альмодовара и самого короля была въ этомъ отношеніи совершенно тверда. Уже въ Альжезирасѣ потенціально совершилось то спеціальное сближеніе Англіи, Франціи и Испаніи, которое недавно оспаривалось.

Всесторонняя оцѣнка альжезирасской конференціи и вліяніе ея на международную исторію Европы есть дѣло исторіи и едва ли можетъ быть установлено въ настоящее время. Несомнѣнно одно: агрессивныя поползновенія Германіи встрѣтили здѣсь преграду. Конечно, и Франція не могла провести программу установленія своего преобладающаго вліянія въ тѣхъ предѣлахъ, какъ хотѣли этого защитники энергичнаго воздѣйствія на Марокко. Милла, посвятившій марокскому вопросу рядъ весьма интересныхъ

статей въ *Revue politique et parlementaire,* горько жалуется на уступчивость французскихъ делегатовъ, допустившихъ международный контроль: въ § 2 англо-французскаго договора было признано, что «Франціи, какъ державѣ, владѣнія коей на обширной площади соприкасаются съ Марокко, принадлежитъ право оказывать этой странѣ помощь во всякихъ реформахъ административныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и военныхъ». Очевидно, эти общія выраженія открывали весьма широкое поле для созданія настоящаго протектората; теперь эта роль помощницы и покровительницы Марокко переходитъ съ Франціи на Европу. Жалобы эти, однако, несомнѣнно, преувеличены; какъ это хорошо выяснилъ въ своей книгѣ объ алжезирасской конференціи Тардье, первоначальный планъ Германіи уступить Франціи почти такую же долю участія въ контролѣ надъ Марокко, какъ и другимъ европейскимъ странамъ, потерпѣлъ неудачу. Въ этомъ международномъ контролѣ Франція вмѣстѣ съ Испаніей отводится гораздо болѣе значительная, можно сказать, исключительная роль,—такъ, на обѣ страны возлагается охрана портовъ, въ Марокко вводятся испанскіе и французскіе инструкторы. Можно говорить о томъ, что Франція подѣлилась своимъ вліяніемъ съ Испаніей, но необходимость этого вытекала изъ первоначальнаго соглашенія въ 1904 году. Съ другой стороны, давленіе международной конференціи двигало Испанію навстрѣчу Франціи.

Тревожный призракъ войны сошелъ съ европейскаго горизонта; отношенія Германіи и Франціи нѣсколько улучшились, но въ Марокко порядокъ возстановленъ не былъ. Убійство доктора Мошана вызвало занятіе французскими войсками, стоящими въ Алжирѣ, Уджды. Испанское правительство выпустило по этому случаю ноту, признающую, что Франція въ правѣ была такъ поступать, но уже полуофиціозный органъ министерства Маура *Epoca* выражалъ здѣсь извѣстныя сомнѣнія. «Въ настоящую минуту занятія Уджды французской арміей заставляетъ уже задумываться и спрашивать себя, было ли дѣйствительно необходимо идти такъ далеко, чтобы возстановить престижъ Франціи и получить отъ Марокко должное удовлетвореніе за смерть Мошана. Принимая во вниманіе общее состояніе Европы и очевидное нежеланіе всѣхъ великихъ державъ устраивать военныя авантюры, какъ не признать, что это событіе способно вызвать важныя осложненія?»

Heraldo de Madrid, органъ либераловъ-демократовъ, видѣлъ здѣсь уже нарушеніе договора, заключеннаго въ Альжезирассѣ; вмѣшательство Франціи можетъ повлечь за собою вмѣшательство и другихъ державъ. Correspondencia de Espana рекомендовала, разъ нельзя было предупредить французскую экспедицію, въ свою очередь занять испанскими войсками Тетуанъ. Преобладающій тонъ испанской прессы различныхъ политическихъ оттѣнковъ былъ проникнутъ несомнѣннымъ недовѣріемъ; тѣ, кто менѣе боялись международныхъ осложненій, опасались съ своей стороны, что французы не покажутъ достаточно такта въ своихъ репрессіяхъ и лишь разбудятъ мусульманскій фанатизмъ.

Надо сказать, что образъ дѣйствія французовъ, твердый и въ то же время тактичный, успокоилъ испанскую подозрительность. А тутъ подоспѣли выборы, рожденіе наслѣднаго принца. Подводный камень на пути сближенія Испаніи и Франціи былъ пройденъ благополучно.

8 апрѣля происходило въ Картагенѣ свиданіе Альфонса XIII и Эдуарда VII. Какъ обычно бываетъ въ подобныхъ свиданіяхъ съ элементомъ личнымъ былъ связанъ и элементъ политическій, который пресса истолковала въ смыслѣ дальнѣйшаго сближенія Англіи и Испаніи. Стали говорить, что въ эти дни была заключена морская конвенція, которая гарантировала Испаніи ея островныя владѣнія и statu quo въ Средиземномъ морѣ, а за это испанскіе порты должны были постоянно оставаться открытыми для англійскаго флота. Насколько это вѣрно, неизвѣстно, но договоръ былъ заключенъ съ Англіей и вслѣдъ за симъ съ Франціей. Рѣчь идетъ въ немъ о сохраненіи statu quo; если бы оно было нарушено, договаривающіяся державы должны были принять совмѣстныя мѣры. Послѣднія событія въ Каза-Бланкѣ и совмѣстныя дѣйствія Франціи и Испаніи, направленныя къ защитѣ европейцевъ и поддержанію порядка въ Марокко, несомнѣнно, укрѣпляютъ связи Франціи и Испаніи, выраженныя въ договорѣ.

Термины договора отличаются вообще крайней общностью, что даю поводъ замѣтить, что онъ вообще ничего не прибавляетъ къ существующимъ отношеніямъ между Англіей, Франціей и Испаніей. Едва ли это однако справедливо. Нося по существу характеръ оборонительный, договоръ скрытымъ образомъ направленъ противъ Германіи, ибо, если не считать заинтересованныхъ державъ, только съ ея стороны можно было бы ожидать попытки нарушить statu quo. Ходили даже слухи, правда, весьма неопредѣленные, о намѣреніи Германіи устроить угольную станцію болѣе или менѣе частнаго характера на Канарскихъ островахъ или на Мадерѣ. Раздраженный тонъ нѣмецкой прессы ясно показывалъ, что въ самой Германіи отдавали отчетъ въ скрытомъ смыслѣ новаго союза. Тонъ этотъ представлялъ характерный контрастъ съ тѣми корректными, хотя и сдержанными выраженіями, въ коихъ говорилъ о марокскомъ вопросѣ въ своей рѣчи 30 апрѣля, посвященной характеристикѣ международнаго положенія Германіи, князь Бюловъ.

Итакъ, Испанія окончательно связывала свою международную судьбу съ Франціей и Англіей. Если дипломатическія комбинаціи и остаются безслѣдными для общаго характера внутренней жизни страны, то эта близость съ западными демократіями будетъ двигать Испанію въ нѣсколько другую сторону, чѣмъ близость Альфонса XII съ Германской имперіей. Защитники такого союза, политическаго и культурнаго, латинскихъ народностей сочувственно отмѣтятъ этотъ новый вкладъ въ расовую солидарность, связующую Францію, Италію и Испанію и могущую охватить также страны Латинской Америки. Современная наука относится къ теоріямъ о «духѣ расъ» съ большимъ скептицизмомъ, но это не мѣшаетъ имъ вліять на общественное мнѣніе и настроеніе. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ «ла-

латинизмъ» мечтаетъ болѣе объ успѣхахъ въ дѣлѣ цивилизаціи и мира, чѣмъ порабощенія другихъ народностей, и это обстоятельство выгодно отличаетъ его отъ завоевательныхъ претензій пангерманизма.

Съ точки зрѣнія международной европейской политики новый договоръ долженъ быть сопоставленъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ явленій, въ которыхъ сказывается указанная въ началѣ статьи «переоцѣнка дипломатическихъ цѣнностей». Сюда относятся охлажденіе между Италіей и ея офиціальными союзниками, прежде всего Австро-Венгріей, съ которой, повидимому, предстоитъ серьезное соперничество на Балканскомъ полуостровѣ; сближеніе съ Франціей, «сердечное соглашеніе» Франціи и Англіи, подготовка соглашенія, если не союза, между Англіей и Россіей; установленіе болѣе прочнаго равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ благодаря взаимнымъ договорамъ Англіи, Японіи, Франціи и Россіи. Происходитъ какая-то естественная изоляція стараго тройственнаго союза и прежде всего Германіи. Она происходитъ съ какой-то странной закономѣрностью, которая поражаетъ взоръ и мысль, привыкшіе видѣть въ международныхъ группировкахъ и сочетаніяхъ лишь результатъ разсчета государственныхъ людей. И этого впечатлѣнія не могутъ разсѣять категорическія увѣренья нѣмецкой прессы по поводу свиданія въ Свинемюнде, что новыя сближенія и соглашенія нисколько не направлены противъ Германіи.

Какъ будетъ реагировать на этотъ процессъ Германія, сказать, конечно, трудно. Послѣ исторіи въ Марокко ея взоры, повидимому, опять устремлены въ сторону Ближняго Востока и Малой Азіи; быть можетъ, отдаленныя послѣдствія марокксихъ событій въ этомъ смыслѣ затронутъ и Россію. Но въ указанномъ стихійномъ процессѣ перегруппировки политическихъ тѣлъ несомнѣнно сказывается перевѣсъ мотивовъ оборонительныхъ надъ завоевательными, перевѣсъ желанія упрочить миръ надъ искушеніями идти по пути военныхъ авантюръ. Быть можетъ, это результатъ безсознательнаго инстинкта самосохраненія? Какъ бы то ни было, нѣтъ основанія смотрѣть слишкомъ мрачно: мечтанія пасифистовъ далеки отъ осуществленія, но все же европейскій миръ охраняется внушительными гарантіями и среди нихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ новому англо-франко-испанскому союзу.

С. Котляревскій.

Тактика или идеи?

Изъ размышленій о русской революціи.

Размышленія мои о консерватизмѣ интеллигентской мысли вызвали разнаго рода отклики въ прессѣ. На газету *Товарищъ* они произвели «тяжелое, гнетущее впечатлѣніе» *). Снисходительно относясь ко мнѣ, очевидно, за мою «искренность», критикъ признаетъ меня «слѣпымъ»: не я владѣю своей точкой зрѣнія съ полнымъ разумѣніемъ границъ ея приложенія, а «она владѣетъ» мною. Я не подтасовываю фактовъ и не искажаю ихъ, я ихъ просто не понимаю—таковъ приговоръ *Товарища*. Къ сожалѣнію, я не могу принять отъ критика никакого личнаго снисхожденія въ свою пользу и долженъ указать ему, что, снисходительный къ моему лицу, но суровый къ моимъ мыслямъ, онъ весьма далеко отъ ихъ пониманія.

Я этому не удивляюсь. Правда, я ожидалъ, что критикъ (данный или вообще всякій интеллигентскій) пойметъ меня лучше и потому гораздо суровѣе, чѣмъ это случилось, обрушится на меня. Но это была сангвиническая надежда: интеллигентская мысль консервативнѣе, чѣмъ я полагалъ.

Критикъ меня не понялъ и этимъ далъ еще одно лишнее доказательство въ пользу тезиса моей статьи.

Во-первыхъ, онъ усмотрѣлъ сущность моихъ разсужденій въ поискахъ виновниковъ «крушенія надеждъ», словомъ,—въ ихъ субъективно-элегической нотѣ. Все прошлое, конечно, произошло въ силу того, что называется исторической необходимостью, и проливать слезы надъ совершенными «ошибками» само по себѣ безплодно и даже неинтересно.

Поэтому я готовъ вполнѣ согласиться съ моимъ критикомъ, что «теперь нужно не виновниковъ искать, а стремиться къ тому, чтобы понять прошлое, дабы извлечь изъ него уроки».

Но для того, чтобы понимать прошлое, нужна мысль, нужны идеи и критеріи. Къ сожалѣнію, именно мысль моя—да позволитъ мнѣ мой оппонентъ сказать ему это съ той ясностью и прямотой, которая диктуется убѣжденіемъ—осталась ему непонятной потому, что она *слишкомъ* у[illegible]-

---

*) Передовая статья въ № 327, отъ 25 іюля.

люціонна по отношенію къ интеллигентскому канону. Критикъ полагаетъ, что «какъ революціонерами владѣла точка зрѣнія «вѣры въ методы», такъ и г. Струве весь находится подъ ея же вліяніемъ. Онъ одержимъ вѣрой, безумной, слѣпой вѣрой въ конституціонный компромиссъ».

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не нахожусь въ томъ блаженномъ состояніи сладкой вѣры въ конституціонный компромиссъ, которую мнѣ приписываетъ *Товарищъ*. Жизнь, вѣроятно, найдетъ компромиссный выходъ изъ того тупика, въ который ее завели реакціонные навыки одной стороны и консервативная революціонность другой стороны, но мы въ настоящее время можемъ говорить объ этомъ компромиссѣ только какъ о нѣкой отдаленной цѣли, къ которой должно прійти политическое развитіе страны. Мы перестали быть полномощными творцами такого компромисса, и въ настоящее время идея политическаго компромисса съ исторической властью—я согласенъ—звучитъ теоретической наивностью, какъ всякая «Zukunftsmusik». Методически эта идея, конечно, попрежнему остается единственно-правильной для всякаго разсуждающаго политика; однако она уже не можетъ быть провозглашаема съ прежнею практическою увѣренностью въ ея непосредственномъ значеніи въ моментъ, когда насъ прежде всего гненетъ сознаніе, что мы не способны развернуть всей творческой, устрояющей силы этой идеи и этого метода.

Но центръ тяжести моихъ мыслей лежитъ вовсе не въ политическомъ методѣ. Критикъ *Товарища* вычиталъ, а журнальный обозрѣватель газеты процитировалъ изъ моей статьи только то, что относится къ политическому методу, къ политической «тактикѣ».

«Методы», или, что то же, «тактика» начинаетъ пріобрѣтать какое-то злосчастное значеніе въ развитіи русской политической мысли.

«Изъ-за «тактики» забываютъ мысль, методы заслоняютъ и вытѣсняютъ идеи.

Загипнотизированный «тактикой», мой критикъ какъ-то не замѣчаетъ центральной мысли моихъ разсужденій: «крушеніе надеждъ» означаетъ также, что крушился старый строй интеллигентской мысли.

Это поважнѣе и поинтереснѣе тактическихъ ошибокъ «лѣвыхъ партій послѣ 17 октября». Ибо и самая тактика выростаетъ изъ идей и отмираетъ вмѣстѣ съ ними.

Я уже согласился съ моимъ критикомъ, что «теперь нужно не виновниковъ искать, а стремиться къ тому, чтобы понять прошлое, дабы извлечь изъ него уроки». Это весьма вѣрно, хотя и не очень глубоко. Далѣе у моего критика слѣдуетъ цѣлое философическое разсужденіе.

„Нужно понять не поверхностный, скоропреходящій, мелькающій калейдоскопъ *явленій*; нѣтъ, нужно понять сущность того процесса, той соціально-экономической *передвижки*, которая вызвала революцію, но которая ее же и убила. Въ этомъ процессѣ нѣтъ ни вооруженныхъ возстаній, ни компромиссовъ. Онъ можетъ быть исчисленъ съ математическою точностью путемъ учета дѣйствующихъ въ немъ реальныхъ силъ. И дѣйствуютъ ли эти силы путемъ возстаній, или путемъ компромисса—ре-

зультатъ, конечный итогъ его будетъ одинъ и тотъ же, если тѣ цѣли, которыхъ этими двумя различными путями хотятъ достигнуть, еще не назрѣли къ осуществленію; если сила, противодѣйствующая этимъ цѣлямъ, крупнѣе силы, борющейся за нихъ: возстаніе будетъ подавлено, компромиссъ не будетъ заключенъ. И затѣмъ наступитъ реакція, наступитъ торжество побѣдителя надъ побѣжденными".

Это метафизика, и притомъ очень плохая.

Она не выдерживаетъ ни малѣйшей теоретической критики. Всякій историческій процессъ ирраціоналенъ и индивидуаленъ. Поэтому онъ никогда не можетъ—ни ante factum, ни post factum—«быть исчисленъ съ математической точностью путемъ учета дѣйствующихъ въ немъ реальныхъ силъ». Пониманіе индивидуальности и ирраціональности историческаго процесса есть едва ли не самое важное пріобрѣтеніе философской мысли XIX вѣка. Медленно въ теченіе всего вѣка эта идея созрѣвала въ нѣмецкой и французской философіи. У Канта и даже у Фихте она была еще темнымъ предчувствіемъ. Потребовалась работа цѣлыхъ поколѣній для того, чтобы отдѣлить «естествознаніе» и «исторію», какъ двѣ области знанія, въ основѣ которыхъ лежатъ два различныхъ способа пониманія міра *).

Та метафизика, въ тискахъ которой бьется мысль моего критика, къ настоящее время относится къ разряду преодолѣнныхъ философскихъ воззрѣній, я бы сказалъ, почти къ разряду предразсудковъ.

Но даже если бы философія эта была и болѣе состоятельна въ теоретическомъ отношеніи,—практически она всетаки была бы не только совершенно безплодной, но и прямо вредной. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что политика какой-либо исторической эпохи, въ данномъ случаѣ 1905—1907 гг.—а для политическихъ дѣятелей историческій процессъ есть ихъ политика!—есть не только пережитая психологическая дѣйствительность, а какая-то рѣшенная механическая задача на дѣйствіе «реальныхъ силъ»?

Люди поклонялись ложнымъ богамъ, люди надѣлали рядъ чудовищныхъ психологическихъ и моральныхъ ошибокъ, но все это несущественно; если бы люди дѣйствовали совершенно правильно, никакого иного результата не получилось бы, ибо соотношеніе реальныхъ силъ все заранѣе предопредѣлило.

Эта плохая книжная мудрость, эта литературщина не соотвѣтствуетъ ни теоретической истинѣ, ни жизненной правдѣ.

Политикъ не простыми вычисленіями и суммированіями реальныхъ силъ занимается; онъ *строитъ* изъ реальныхъ силъ.

Товарищъ, при помощи своей механической теоріи реальныхъ силъ, даетъ одинъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что создало реакцію. Отвѣтъ этотъ гласитъ: «кадетское принудительное отчужденіе *отбросило* весь

---

*) Въ переведенной А. М. Воденомъ и изданной Е. Д. Кусковой книгѣ Риккерта „О предѣлахъ естественно-научнаго образованія понятій" подведены итоги огромной работѣ, произведенной философской мыслью XIX вѣка надъ различеніемъ „естествознанія" и „исторіи".

огромный правый лагерь въ сторону отъ реформъ... Именно программа к.-д. партіи въ аграрномъ вопросѣ затрогивала могущественные интересы класса землевладѣльцевъ и именно она вызвала реакцію».

Какая огромная и поучительная страница русской исторіи насильственно втиснута въ эту безкровную якобы соціологическую схему!

Я не буду говорить пока о томъ, что революціонная интеллигенція всячески дискредитировала и кадетъ, какъ «господскую» партію, и «кадетскую» программу аграрной реформы, какъ обманную попытку помѣщиковъ провести крестьянъ. На этой плачевно-нелѣпой смутѣ умовъ революціонная интеллигенція соорудила такъ называемую трудовую группу.

Безсмысленно-радикальное програмное заостреніе аграрнаго вопроса, какъ вопроса экономическаго, нашей воинствующей интеллигенціей, какъ оно ни было глупо и преступно по существу, было, по крайней мѣрѣ, ловкой демагогіей. Оно послужило, по крайней мѣрѣ, къ временному идейному сплоченію извѣстныхъ элементовъ крестьянства въ странѣ. Но—съ точки зрѣнія соотношенія реальныхъ силъ, т.-е. съ точки зрѣнія достиженія практическаго результата, въ которомъ только и было заинтересовано крестьянство—было уже совершенно безсмысленно осложнять радикальную экономическую пропаганду въ крестьянствѣ чисто революціонной политической пропагандой, прямо направленной противъ монархіи. Въ этой «тактикѣ», въ которой вылилась вся огромная интеллигентская накопившаяся десятилѣтіями ненависть противъ исторической власти, лежитъ корень и разгадка реакціи, разгадка того, что не «огромный», а въ дѣйствительности ничтожный правый лагерь такъ легко повернулъ историческую власть противъ народа. Можно сказать, что только эта «тактика» создала «союзъ русскаго народа», какъ реальную силу. Если до 17 октября истинно-русскіе люди существовали сами по себѣ, то послѣ 17 октября они суть всецѣло созданіе эсъ-эровъ и эсъ-дэковъ.

Такова моя точка зрѣнія на ту конкретную соціально-политическую задачу, которую *Товарищъ* выдвинулъ противъ меня. Для судебъ аграрной проблемы рѣшающее значеніе имѣла та дѣйствительная психологическая обстановка, въ которой передъ «реальными силами», монархіей, 130 тысячами помѣщиковъ, сотнями милліоновъ крестьянъ и интеллигенціей предсталъ аграрный вопросъ. Эту психологическую обстановку создала и ее всячески поддерживала революціонная интеллигенція.

Не аграрная реформа погубила политическую революцію, а политическій революціонизмъ погубилъ или задержалъ аграрную реформу—вотъ формула, въ которой мы резюмируемъ практическое пониманіе наступившаго реакціоннаго поворота. Это—политическій революціонизмъ русской соціалистической интеллигенціи связалъ аграрную реформу съ утопіями книжнаго доктринальнаго «соціализма»; это онъ къ вѣковому стволу элементарныхъ инстинктовъ, недовѣрія и ненависти, царившихъ въ душѣ крестьянства, прививалъ свое эсъ-эрство и эсъ-дэкство. Объективный плодъ этой «так-

тики» въ государственной жизни налицо: избирательный законъ 3 іюня, отнявшій у нашего представительства народный характеръ.

Психологически-политическимъ результатомъ этого банкротства революціонизма можетъ быть или сильная самопроизвольная *политическая* реакція въ народѣ противъ революціонной интеллигенціи (или даже противъ интеллигенціи вообще), или же перевоспитаніе самой интеллигенціи и работа въ народѣ въ новомъ духѣ. Самопроизвольная реакція въ народѣ противъ революціонной интеллигенціи таила бы въ себѣ огромныя политическія и моральныя опасности, ибо такое движеніе не могло бы удержаться въ разумныхъ рамкахъ идейной переоцѣнки ложныхъ цѣнностей революціонизма. Но такая реакція и невозможна: присоединеніе къ революціонной идеологіи совершилось въ крестьянской душѣ *безсознательно*— не можетъ быть поэтому и сознательной реакціи противъ этой идеологіи. Въ сущности для крестьянъ никакой идеологіи и не существовало. Для нихъ дѣйствовалъ только одинъ мотивъ: «не господъ» и «противъ господъ».

И этимъ лозунгомъ ихъ поймали на воистину господскія, барскія выдумки революціонизма.

Вотъ иллюстрація, которую я заимствую изъ наблюденій одного радикальнаго публициста:

„Дальше сидятъ крестьяне изъ трудовой группы и крестьянскаго союза... Между ними есть убѣжденные трудовики и тѣ, кого телеграфное вѣдомство опредѣляло какъ безпартійныхъ умѣренныхъ, безпартійныхъ монархистовъ, безпартійныхъ православныхъ... Я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ этихъ „православныхъ". Напримѣръ, два пензенскіе депутата, Василій Торгашевъ и Григорій Львовъ... Одинъ высокій, служилъ въ гвардіи, потомъ былъ офиціантомъ въ княжескомъ домѣ, другой низенькій, съ прямыми волосами, жилъ въ деревнѣ, обоимъ подъ сорокъ.

„Насъ и выбрали, не знай какъ,—разсказывали они,—только бы дворянъ провалить. Мы по партіямъ ходимъ, ничего этого понять не можемъ...—„Чего же вы хотите добиваться?"—Землицы,—сказали оба въ одинъ голосъ.—Жить негдѣ, тѣснота одолѣла, а у помѣщиковъ земли большія тысячи десятинъ.—„Что же, вы хотите взять всю землю?"—испытывалъ я.—Намъ хоть бы частку,—сказалъ одинъ,—все бы передохнули".—Нѣ, у насъ тѣсно,—сказалъ другой,—намъ надо всю".

„Мы сами понимаемъ, что и безъ выплаты нельзя,—поспѣшно прибавили оба.— Примѣрно, взять у *нихъ* землю, надо имъ по правдѣ тоже дать что-нибудь въ руки. Безъ этого куда они пойдутъ? Но не столько, сколько они требуютъ, а скажемъ такъ, чтобы грѣхъ пополамъ. Еще министровъ надо взять подъ отчетъ. Чтобъ все было на виду и чтобъ Гурки не было"...

Однимъ словомъ, двѣ основныя идеи освободительнаго движенія: новое надѣленіе землей и отвѣтственное правительство—и притомъ въ самой умѣренной, почти кадетской формѣ.

— А кадеты баллотировались у васъ?—спросилъ я.

„— А какъ же!—сказалъ высокій,—мы имъ, кошкиной матери, всѣмъ налѣво валили.—Отчего же не голосовали за кадетовъ?—Высокій сдѣлалъ удивленные глаза.—А оттого, видится, что они сытые, а мы голодные. Намъ за нихъ голосовыи записки бросать не приходится.—Мы противъ нихъ стояли,—подтвердилъ низенькій.— А они говорятъ: „не дадимъ земли. А ежели вы коснетесь земли въ Государственной Думѣ, то мы устроимъ противъ васъ вооруженное возстаніе, землю кровью за-

льемъ"...—Что такое? Я ничего не понимаю...—У насъ все тихо, мирно,—продолжалъ низенькій.—Бунтовъ нѣтъ. Были стражники, теперь ихъ всѣхъ уничтожили, въ другое мѣсто увели.—Что за сумбуръ? А доктора Маркова зачѣмъ выбирали?—Какъ его не выбрать? Онъ крестьянскаго званія, самъ въ бѣдности выросъ, онъ всякое состояніе можетъ хорошо понимать. А на собраніяхъ такъ онъ ихъ рѣзалъ, такъ крошилъ... Да вы знаете, что такое кадеты?—Какъ не знать,—сказалъ высокій,—знаемъ очень хорошо. Мы къ нимъ не пойдемъ. Мы пойдемъ къ трудовымъ" *).

Развѣ это не холерный бунтъ въ политикѣ? Развѣ это не та же темнота и безграмотность? Но въ отличіе отъ простого холернаго бунта, въ которомъ народъ избиваетъ «докторовъ» по своей собственной инаціативѣ, здѣсь въ этомъ политическомъ холерномъ бунтѣ вдохновителями и подстрекателями являлись доктора и прочіе интеллигенты. Картина, списанная г. Таномъ съ натуры во второй Думѣ, есть микрокозмъ интеллигентской революціи съ ея думскимъ продолженіемъ въ лицѣ сперва «трудовой группы», а потомъ и другихъ думскихъ «малыхъ». Думскіе анекдоты г. Тана о «православныхъ асэрахъ» годились бы въ юмористическій журналъ, если бы въ нихъ не была заключена вся ужасная внутренняя трагедія послѣднихъ лѣтъ. Кто ею изо дня въ день терзался во второй Думѣ, какъ пишущій эти строки, тотъ разсуждаетъ не просто «отъ логики», тотъ далекъ отъ «доктринерскаго анализа» **).

Наше старое народничество много говорило о долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. Если когда-либо настало время интеллигенціи сознать свой долгъ и, болѣе того, грѣхъ передъ народомъ, то именно теперь, когда съ такой потрясающей ясностью налицо моральные и политическіе плоды революціонизма.

Исправить грѣхъ революціонизма и въ то же время окончательно преодолѣть старый порядокъ интеллигенція можетъ только собственнымъ перевоспитаніемъ.

Необходимо ли такое перевоспитаніе, т.-е. переоцѣнка чувствъ и идей, внутренній судъ надъ своимъ душевнымъ строемъ?

Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ въ статьяхъ той самой газеты, на которую мои іюльскія размышленія произвели «тяжелое, гнетущее впечатлѣніе». Въ «Политическихъ наброскахъ» Е. К. (напечатанныхъ въ № 28 *Товарища* отъ 26 іюля) есть такая характеристика послѣ-октябрьскаго времени:

«Въ послѣ-октябрьской жизни не было—въ *демократическихъ кругахъ*—мѣста для группъ, призывающихъ къ творческой *органической* работѣ; въ ней было мѣсто только для группъ, проповѣдующихъ работу *разрушительную*. Таковъ фактъ—и ни таланты, ни образованіе, ни смѣлость мысли, ни страстность убѣжденія не могли остановить этого процесса жизни. Онъ шелъ стихійно, какъ пожаръ, онъ отталкивалъ все, что призывало къ созиданію, подбиралъ и *возвеличивалъ* все, что призывало къ разрушенію.

---

*) *Танъ:* „Вторая Дума". *Русское Богатство*, февраль, 1907 г., стр. 121—122.
**) Выраженія *Товарища*.

Ему, этому процессу, нужны были иные люди, иные таланты. Всѣмъ, жаждавшимъ работать въ демократическихъ кругахъ, оставалось одно: безсильно смотрѣть, иногда вмѣшиваться со своимъ «старческимъ благоразуміемъ», какъ его называли тогда, и... ждать, когда наступитъ время иной работы».

Мы нисколько не сомнѣваемся, что сплоченная, единодушная и немилосердная борьба съ разрушительной «стихіей безумія» дала бы весьма ощутительные и благодѣтельные результаты. Но насъ въ настоящее время интересуетъ не это, а характеристика душевнаго строя того времени, когда революціонная волна достигла своего апогея. Совершенно невѣрно приписывать этотъ душевный строй некультурной толпѣ, «народнымъ массамъ». Тутъ невольно припоминаются гётевскія слова:

Was ihr den Geist der Zeiten heisst
Das ist im Grund der Herren eigener Geist.

Душевный строй, который характеризуется неспособностью къ органической созидательной работѣ не могъ сложиться въ «стихіи безумія», не могъ сдѣлаться достояніемъ народныхъ массъ, иначе какъ подъ сильнѣйшими интеллигентскими воздѣйствіями и внушеніями. А эти внушенія въ свою очередь плодъ цѣлаго воспитанія русской интеллигенціи.

Пусть не говорятъ здѣсь о «тактикѣ». Дѣло тутъ не въ «тактикѣ». Отсутствіе политическаго и историческаго смысла; доходившее до бѣшенства стремленіе къ разрушенію, это не тактика, это цѣлый душевный строй, которому предшествовало цѣлое идейное воспитаніе.

Вотъ почему рѣчь въ настоящее время можетъ идти не о перемѣнѣ «тактики», которая не есть же простое собраніе рецептовъ изъ поваренной книги политической кухни, а о болѣе глубокой и радикальной задачѣ. Изъ политическаго тупика, въ который мы зашли, страну можетъ вывести только политическое и моральное перевоспитаніе русской интеллигенціи. Политическая «тактика», которая вырисовывалась и вырисовывается передо мной какъ антитеза тактикѣ «революціонной», есть лишь приложеніе къ политикѣ этой культурно-философской идеи...

Намъ нужны не только «тактическія директивы», не простое искусство политическаго компромисса, намъ нужны для новой полосы русской исторіи идеи, которымъ была бы присуща воспитывающая сила *).

Въ полемику *Товарища* со мной вмѣшалась газета *Слово*. Она, такъ же какъ *Товарищъ*, только съ другой стороны, приняла мои взгляды на русскую революцію за чисто «тактическіе». Не раздѣляя идеи и плана аграрной реформы по программѣ партіи народной свободы, *Слово* считаетъ эту реформу тоже порожденіемъ интеллигентскаго революціонизма. Въ этомъ пунктѣ, какъ читатель, конечно, могъ понять изъ хода настоящихъ раз-

*) Ср. мой докладъ объ идейныхъ основахъ партіи народной свободы, напечатанный въ *Вѣстникѣ народной свободы* и перепечатанный изд. *Народное право* отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Идеи и политика въ современной Россіи".

мышленій, я радикально расхожусь съ газетой *Слово*. Я считаю коренную аграрную реформу въ *духѣ* партіи народной свободы не только требованіемъ здравой экономической политики, но и нравственно-политической необходимостью. Дѣло, конечно, не въ тѣхъ или другихъ частностяхъ реформы, а въ ея идеѣ—ликвидаціи господчины путемъ передѣла земли трудящемуся на немъ крестьянству. Въ осуществленіи этой реформы—ключъ къ нравственному и политическому оздоровленію нашей страны. Ибо «господчина» и та безграмотная «противогосподчина», которую революціонизмъ соорудилъ изъ элементарныхъ инстинктовъ народной массы, неразрывно связаны одна съ другой. Обѣ онѣ одинаково заражаютъ и отравляютъ русскую жизнь, и обѣ могутъ быть только заодно съ корнемъ изъ нея вырваны.

Позволю себѣ закончить эти размышленія нѣсколькими замѣчаніями pro domo sua. Тѣ мысли, которыя составляютъ идейную основу развиваемой мною критики революціи, въ существѣ своемъ созрѣли раньше, чѣмъ было основано «Освобожденіе». Въ предъ-октябрьское время, онѣ естественно нѣсколько отступили для меня передъ той боевой задачей, которую преслѣдовалъ заграничный органъ. Теперь отъ стараго порядка въ его прежней ненарушимости мы ушли страшно далеко впередъ. Старый порядокъ идейно разрушенъ. Но, съ другой стороны, огромный историческій опытъ, воплотившійся въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, показалъ весь великій жизненный смыслъ идей и идейнаго воспитанія. Этого можно, этого слѣдовало ожидать. Но это сказалось раньше и рѣзче, чѣмъ я еще недавно предполагалъ.

Въ русской революціи съ удивительной мощью обнаружилась—вопреки метафизикамъ «реальныхъ силъ»,—сила идей и ихъ носительницы—интеллигенціи. Но, съ другой стороны, въ крушеніи этихъ идей столь же ярко обнаружилась ихъ внутренняя несостоятельность. Историческая роль идей напоминаетъ намъ объ ихъ огромномъ значеніи какъ фактора въ созиданіи культуры, крушеніе тѣхъ же идей вынуждаетъ насъ къ ихъ радикальной переоцѣнкѣ по содержанію.

Переоцѣнка традиціонной идеологіи русской интеллигенціи является для меня лично продолженіемъ работы, начатой до основанія «Освобожденія» и лишь прерванной «освобожденскимъ» періодомъ моей литературной дѣятельности. Нить эта для меня идейно никогда не была оборвана. На матеріалѣ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ и критическія и положительныя идеи лишь оформились и отвердились.

Не знаю, пойметъ ли меня критикъ изъ *Товарища*. Но я ему задамъ вопросъ: о чемъ споримъ мы, о тактикѣ или объ идеяхъ?

Петръ Струве.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь
Господинъ Редакторъ!

Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* напечатанъ отзывъ г. Рыкачева о моей книгѣ «Стачки рабочихъ и уголовный законъ». Тому же предмету г. Рыкачевъ посвятилъ статью въ газетѣ *Товарищъ*. Особое вниманіе, которое г. Рыкачевъ оказалъ моей книгѣ, побуждаетъ меня отвѣтить на его дважды высказанное мнѣніе объ итогахъ и пріемахъ моей работы.

Надѣюсь, господинъ редакторъ, вы не откажетесь предоставить мнѣ возможность сдѣлать это на страницахъ *Русской Мысли*.

Г. Рыкачевъ считаетъ неправильной самую постановку вопроса въ моей работѣ. «Задача юриста,—пишетъ онъ,—должна бы была заключаться не столько въ томъ, чтобы развивать общее положеніе о желательности полнаго уничтоженія уголовныхъ каръ за стачки, сколько въ томъ, чтобы доказать возможность такой отмѣны съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ уголовнаго права». Совершенно справедливо. Но моя работа посвящена именно задачѣ, указываемой г. Рыкачевымъ, съ той разницей, что я доказываю не возможность, а необходимость совершенной отмѣны ограниченій свободы стачекъ какими бы то ни было специальными карательными постановленіями, причемъ моя аргументація опирается на такіе основные и общепризнанные принципы уголовнаго права, какъ, во-1-хъ, положеніе, что карательная власть государства можетъ распространяться лишь на дѣйствія, противорѣчащія разумно понятымъ соціальнымъ интересамъ, и, во-2-хъ, требованіе, чтобы уголовный законъ ни по буквѣ, ни по существу не нарушалъ равноправія различныхъ группъ населенія.

Г. Рыкачевъ не уклонился отъ того, чтобы показать мнѣ, *какъ* я долженъ былъ придти къ заключенію о необходимости отмѣны наказаній за стачки. «Въ основѣ современнаго уголовнаго права,—пишетъ онъ,—лежитъ начало индивидуальной отвѣтственности: нельзя наказывать человѣка, за которымъ нѣтъ личной вины... Это начало личной отвѣтственности грубо попиралось командующими властями, установившими уголовную репрессію за стачки». Долженъ признаться, что, несмотря на близкое знакомство съ литературой вопроса (этого знакомства не отрицаетъ и г. Рыкачевъ), я впервые встрѣчаю столь простое обоснованіе права коалицій. Простое, но для криминалиста явно неубѣдительное. Начало личной отвѣтственности, какъ оно понимается въ наукѣ уголовнаго права, требуетъ лишь, чтобы уголовная кара постигала каждаго только за то, что онъ самъ совершилъ. Классическимъ примѣромъ нарушенія личной

отвѣтственности является часто примѣняемая къ стачечникамъ, хотя прямого отношенія къ стачкѣ и не имѣющая, ст. 269[1] уложен. о наказан., сурово карающая всякое участіе въ скопищѣ, учинившемъ насиліе, похищеніе или истребленіе имущества и т. п. Дѣлая одинаково отвѣтственными за перечисленныя въ ней дѣйствія всѣхъ участниковъ скопища, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были лишь безмолвными свидѣтелями совершенія этихъ дѣйствій, ст. 269[1], разумѣется, грубо попираетъ принципъ индивидуальной отвѣтственности. Но развѣ можно сказать то же самое о законѣ, запрещающемъ стачку при извѣстныхъ условіяхъ, если только въ составъ преступленія, описаннаго въ диспозитивной части закона, никакого другого дѣйствія, кромѣ участія въ стачкѣ, не входитъ? Стачечникъ, привлеченный къ отвѣтственности на основаніи такого закона, отвѣчаетъ за свое собственное дѣйствіе, а не за дѣйствіе какого-либо другого лица (какъ въ предыдущемъ примѣрѣ за насиліе, котораго участникъ скопища не совершилъ).

Ставя мнѣ въ вину пренебреженіе къ юридическому индивидуализму и видя въ моемъ обоснованіи права коалицій принесеніе правъ личности въ жертву соціальнымъ интересамъ, г. Рыкачевъ утверждаетъ, что я повторяю аргументацію предпринимателей, которые, отстаивая уголовную репрессію за стачки, ссылаются на интересы промышленности.

А развѣ къ правамъ личности, на признаніи которыхъ, по мнѣнію г. Рыкачева, должно быть построено право коалицій, не апеллируютъ тѣ же предприниматели, когда добиваются установленія спеціальныхъ наказаній за мѣры, принимаемыя коалиціею рабочихъ съ цѣлью распространенія коалиціи на возможно большій кругъ лицъ? Что такое эти права личности, когда изъ нихъ выводится право коалицій, какъ не та же свобода труда, о которой Каутскій замѣтилъ: «Бѣдная свобода! У нея нѣтъ другихъ защитниковъ, кромѣ рабовладѣльцевъ». Въ моей книгѣ собрано немало матеріала, подтверждающаго справедливость этого восклицанія.

«Прямой и естественный путь для юриста, защищающаго интересы рабочаго класса,—поучаетъ меня далѣе г. Рыкачевъ,—требовать соблюденія элементарнаго принципа: равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Этотъ путь соотвѣтствуетъ и правосознанію рабочихъ массъ и потребностямъ практической жизни». Г. Рыкачевъ сожалѣетъ, что я не пошелъ этимъ открытымъ имъ путемъ. Я не позволю себѣ сомнѣваться, что г. Рыкачевъ прочелъ мою книгу, прежде чѣмъ написать о ней рецензію, но вмѣстѣ я не могу не выразить своего удивленія, что г. Рыкачевъ просмотрѣлъ положеніе, которое я, быть можетъ, слишкомъ часто повторяю на протяженіи моей работы, а именно, что современное уголовное законодательство обнаруживаетъ предпочтеніе интересовъ одного класса интересамъ другого, и что оно должно быть реформировано сообразно началу равенства передъ закономъ рабочихъ и предпринимателей, и притомъ равенства не только формальнаго, но и по существу (см. въ особенности стр. 67, 68).

Останавливаясь на моемъ проектѣ введенія уголовной кары противъ предпринимателей, которые, по соглашенію между собою, увольняютъ рабочихъ за участіе въ стачкѣ, г. Рыкачевъ спрашиваетъ: «неужели автору не приходило въ голову, что предприниматели, которые сохранятъ полное право увольнять рабочихъ по какимъ угодно мотивамъ, кромѣ только участія въ забастовкѣ, не захотятъ сами сажать себя въ тюрьму и предпочтутъ просто умолчать объ истинныхъ причинахъ увольненія»? Какъ будто показаніе обвиняемыхъ—это въ уголовномъ процессѣ единственный способъ доказательства! Какъ будто не можетъ быть свидѣтелей соглашенія между предпринимателями! Какъ будто такъ называемые «черные списки» не могутъ фигурировать на судѣ въ качествѣ письменнаго доказательства! Какъ будто, наконецъ, современному процессу неизвѣстенъ пріемъ доказательства по косвеннымъ уликамъ!—Конечно, возможно все-таки, что соглашенія предпринимателей, направленныя противъ рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, будутъ въ большинствѣ случаевъ ускользать отъ уголовнаго преслѣдованія, но это не лишитъ проектируемаго мною закона (по образцу законопроекта, внесеннаго въ германскій рейхстагъ Альбрехтомъ и его единомышленниками въ сессію 1899—1900 г.) того предупредительнаго значенія, которое въ извѣстной мѣрѣ принадлежитъ всякой уголовной угрозѣ.

Крупнымъ пробѣломъ моей работы г. Рыкачевъ считаетъ, что вопросъ объ общеопасныхъ стачкахъ мною разсмотрѣнъ лишь въ связи съ вопросомъ о забастовкахъ въ государственныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ. Но чтобы упрекъ этотъ былъ справедливъ, г. Рыкачевъ долженъ былъ пояснить, какіе новые доводы можно было бы прибавить къ тому, что мною сказано въ пользу или противъ права забастовокъ въ предпріятіяхъ, прекращеніе работы въ которыхъ угрожаетъ общею опасностью. Г. Рыкачевъ этого не сдѣлалъ.

«Пожелавъ дать юридическое изслѣдованіе,—заключаетъ г. Рыкачевъ,—авторъ на всемъ протяженіи книги смѣшиваетъ соображенія экономическія, политическія и юридическія». Я долженъ отвѣтить на это, что то новѣйшее теченіе въ правѣ, которое извѣстно подъ именемъ соціальной юриспруденціи, пользуется всѣми соображеніями,—къ какой бы области знаній они ни относились,—нужными для правового разрѣшенія того или другого соціальнаго вопроса.

Справедливо въ работѣ г. Рыкачева указаніе на недосмотръ, дѣйствительно допущенный мною при толкованіи указа о стачкахъ 2 декабря 1905 г. Этотъ недосмотръ г. Рыкачевъ считаетъ доказательствомъ моего вообще невнимательнаго отношенія къ юридической сторонѣ вопроса. Но не странно ли, что для иллюстраціи столь серьезнаго недостатка моей работы г. Рыкачевъ не сумѣлъ выбрать для разбираемой рецензіи другого примѣра, кромѣ того, который имъ уже былъ приведенъ въ рецензіи, напечатанной въ *Товарищѣ*?

Н. Полянскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ 1907 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. *Чуковскій.* Поэтъ-анархистъ Уотъ Уитманъ. Перев. въ стихахъ и характеристика.—*Л. Зиновьева-Аннибалъ.* Трагическій звѣринецъ. Разсказы.—*Н. Крашенинниковъ.* Угасающая Башкирія.

К. Чуковскій. Поэтъ-анархистъ Уотъ Уитманъ. Переводъ въ стихахъ и характеристика. Цѣна 50 к. Небольшое количество стихотвореній, обрамленное двумя яркими этюдами переводчика. Но и этихъ немногихъ страницъ достаточно для того, чтобы передъ читателемъ раскрылись перспективы такой поэзіи, которая не имѣетъ себѣ равной. Я не читалъ Уитмана по-англійски, но непосредственно чувствуется, что г. Чуковскій уловилъ тонъ и духъ великаго подлинника и даровито воспроизвелъ все это буйство ошеломляющихъ словъ, неслыханный шумъ этой художественной Ніагары. Г. Чуковскій приводитъ изреченіе Теодора Уотса, что Уитманъ—„благородный дикарь, отправляющій естественныя нужды у крыльца цивилизаціи“; и, можетъ быть, сначала вы въ самомъ дѣлѣ испытываете впечатлѣніе искусственнаго цинизма, и кажется, будто передъ вами—только сознательный безстыдникъ. Но очень скоро вы отвергаете эту первую маленькую мысль, чтобы восхищенно преклониться передъ стихійной душою Уитмана.

Онъ—самый нестѣсняющійся человѣкъ въ мірѣ и говоритъ громче всѣхъ на свѣтѣ. Онъ выражается такъ, что всѣ мы и даже всѣ другіе поэты должны устыдиться своего робкаго, приличнаго, тепличнаго языка. Онъ имѣетъ смѣлость называть вещи ихъ именами, и вещи отъ этого загораются радостью и блескомъ. Уитманъ опьяненъ дѣйствительностью, и, пьяный хозяинъ вселенной, онъ идетъ по міру какъ по улицѣ, идетъ и геніально горланитъ. Онъ не заботится о другомъ, о сосѣдяхъ, толкается и чувствуетъ себя единственнымъ человѣкомъ на землѣ. И прежде всего нѣтъ на немъ цѣпей исторіи,—онъ отвергаетъ всѣ традиціи и воспоминанія человѣчества. Не только къ Парнасу, но и ко всему прошлому прибиваетъ онъ эту презрительную табличку: „за отъѣздомъ сдается въ наемъ“. Онъ весь растворяется въ настоящемъ. Чтобы ему не было тѣсно, всѣ должны посторониться—и Богъ, и солнце. Онъ радуется себѣ и въ своемъ самодовлѣніи пишетъ какое-то Евангелье отъ Уитмана и объ Уитманѣ. Когда-то онъ носился въ безбрежныхъ пространствахъ и вѣкахъ, и прежде чѣмъ ему удалось „прійти изъ матери“,

его сторожили цѣлыя поколѣнія; но вотъ, наконецъ, онъ „захватилъ свой чередъ—и, смотрите, я тутъ“. А ужъ разъ онъ „тутъ“, никакія силы не столкнутъ его съ мѣста, и міръ—его домъ, его дворъ. Онъ молится на себя, не только на свою душу, но и на свое тѣло, которое не ниже, не хуже души; для Уитмана свята плоть, священно каждое ея дыханіе и трепетаніе, драгоцѣненъ каждый атомъ человѣческаго существа, и человѣкъ, это—чудо, лучшее „письмо отъ Бога“. Никто такъ полно и ликующе не живетъ, такъ глубоко не дышитъ, какъ Уитманъ. Смерти онъ прощаетъ, готовъ не сердиться на нее, потому что всѣ умершіе для него только—„славный навозъ“, изъ котораго опять вырастаетъ жизнь. Самъ онъ движется по земной орбитѣ и сѣетъ ее, эту жизнь, возбудитель и родитель человѣчества. Онъ поетъ упоенную пѣснь о женскомъ тѣлѣ и съ торжествующей безстыдностью вливаетъ себя въ женщинъ; берегитесь, или радуйтесь, встрѣчныя женщины,—онъ не разбираетъ, не спрашиваетъ, онъ всѣхъ васъ грубо возьметъ, но „больно не сдѣлаетъ больше, чѣмъ вамъ это надо“,—онъ свое право хранитъ въ чреслахъ своихъ (читатели должны простить ему его библейское неприличіе). Это—Зевсъ, который похищаетъ земныхъ дѣвушекъ, но только не хитростью, а силой. Онъ обезпечиваетъ себѣ этимъ свое безсмертіе. Онъ—Вѣчный Жидъ, но только безъ его скорби, а съ неутолимой радостью. Вѣчный Жидъ не умираетъ, но зато никого и не рождаетъ, а Уитманъ, многорождающій, идетъ по землѣ, и отъ широкой поступи его поднимаются роскошные побѣги жизни, побѣги человѣческой травы.

Ему дорого только то, что *отъ* человѣка, а не то, что *за* нимъ; его восторгаетъ сѣвъ поколѣній; каждый—отецъ будущихъ отцовъ, и въ каждомъ „таятся цѣлыя села, города, государства“. Огромный, грозкій, титаническій, онъ тѣмъ отличается отъ насъ, что мы всѣ чувствуемъ себя дѣтьми, сыновьями, что міросозерцаніе у насъ—дѣтское, послушное, а Уитманъ—отецъ. Онъ забылъ, что онъ самъ рожденъ; онъ не оборачивается назадъ и отецъ, pater, державно примѣняетъ къ дочери-жизни свою patria potestas. Это характерно, что въ нашемъ воображеніи онъ встаетъ не какъ юноша, а какъ старикъ—быть можетъ, съ головою Зевса.

Онъ существуетъ въ мірѣ, и все обмѣнивается на него, и онъ на все, какъ гераклитовскій огонь. Каждый мимоидущій даетъ ему „восторги“ своихъ глазъ и своего лица; „вотъ въ обмѣнъ мои руки, и грудь, и моя борода“: все мимоидущее, это—я, это—движущееся зеркало, въ которомъ отражаюсь я съ моей бородою. Но и другіе отражаются во мнѣ, другіе тоже существуютъ: „тамъ, гдѣ ты или я обрѣтаемся въ эту минуту,—всѣхъ вѣковъ средоточіе тамъ, всѣхъ вѣковъ и народовъ!“ *Ты* или *я*: это уже, значитъ, уступка, и безпредѣльный эгоцентризмъ смѣняется антропоцентризмомъ вообще. Дѣйствительно, какъ и хорошо показываетъ г. Чуковскій въ своемъ послѣсловіи, у нашего поэта не находятъ себѣ логическаго примиренія его безмѣрный, „изступленный“ индивидуализмъ и его страстное поклоненіе демократіи, которую онъ возводилъ на степень какой-то міровой категоріи; но логика должна склониться передъ психологическимъ фактомъ, а фактъ именно таковъ, что въ религіи человѣка для Уитмана исчезали индивидуальныя качественныя различія людей, и онъ пѣлъ свой гимнъ всякому, „кто бы ты ни былъ“; онъ только чувствовалъ, что этотъ всякій—потенціально такой же богатырь, какъ и онъ самъ, что всякому доступны „любовныя игры орловъ“. Поэтому и былъ для него міръ насыщенъ человѣческимъ, однимъ чело-

вѣческимъ—но во всей его безпредѣльной широтѣ; поэтому сильнѣе его не чувствовалъ никто изъ людей, какъ люди нужны міру и какъ всякій изъ насъ, въ сущности, не сынъ міра, а его отецъ, его творецъ (вѣдь мы уже знаемъ, что у Уитмана—міросозерцаніе отца). И есть нѣчто умилительное въ томъ сочетаніи безбрежнаго и ограниченнаго, которое свойственно Уитману, какъ и всякому: радостное дуновеніе какой-то веселой беззаконности и безпечности, странствованіе вдоль и вширь всего міра—и въ то же время нѣжная и милая привязанность къ одной точкѣ, затерявшейся во вселенной, психологическая осѣдлость, горячій патріотизмъ—эта уже не отцовская, а сыновняя любовь къ Америкѣ, которую онъ беретъ всю, съ ея Готардскимъ туннелемъ и Бруклинскимъ мостомъ, съ ея машинами и рельсами. Все это большое, прозаическое, нью-іоркское принято и претворено въ поэзію.

Такъ производитъ онъ вдохновенный дебошъ на своей улицѣ, а этой улицей является міръ или, что для него не меньше, Америка. И, можетъ быть, иные увидятъ въ немъ только упившагося скиѳа и, какъ несвѣжая, старая, брюзгливая ель въ стихотвореніи Полонскаго, скажутъ его искрометной поэзіи: „и какъ она смѣетъ шумѣть!“,—но она не прекратитъ своего шума, потому что онъ несется отъ самаго океана свободной человѣческой души.

Соленое дыханіе океана, раскаты приближающагося гула дѣйствуютъ грозно и освѣжительно и на робкаго слушателя, стоящаго на берегу. Всѣхъ насъ, изнуренныхъ сомнѣніями, измельчавшихъ въ маленькой работѣ и заботѣ, всѣхъ насъ, лиллипутовъ духа, бодритъ геніальная самоувѣренность великана. И когда находишься около него, хочется и самому говорить не своимъ обычнымъ тихимъ голосомъ, а громче и громче, хочется перенять его энергичную рѣчь безъ лишнихъ словъ, безъ союзовъ, безъ опостылѣвшей мягкости. И становится радостно и удивленно: неужели все такъ просто и просторно, какъ рисуетъ и поетъ Уитманъ? неужели вся мудрость въ томъ, чтобы ненасытимо ощущать жизнь? неужели для того, чтобы быть поэтомъ, надо только позволить себѣ быть человѣкомъ?...

Ю. Айхенвальдъ.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Трагическій звѣринецъ. Разсказы. Издательство „Оры“. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Было бы глубоко жаль, если бы та молва экзотичности, которая справедливо окружаетъ издательство „Оры“, отвлекла вниманіе читателей отъ этой замѣчательной книги. Она представляетъ собою воспоминанія дѣтства и отрочества,—но не въ той наивности и чистотѣ, которыя придаютъ очарованіе неблекнущимъ страницамъ Толстого, а преломившіяся черезъ странную, изломанную, не совсѣмъ искреннюю душу современной женщины. Правда, сплетеніе дѣтскаго и взрослаго не порождаетъ здѣсь эффектовъ двойственности, потому что и въ дѣтствѣ своемъ героиня г-жи Аннибалъ уже далеко уклонялась отъ психологической нормы, и передъ нами вырисовывается такой ребенокъ, который опредѣленно сулилъ въ будущемъ и много трагичности, и много звѣринца. Несомнѣнно, иное изъ прошлаго освѣщено у автора свѣтомъ теперешняго и, такъ сказать, стилизовано; отдѣльные порывы и настроенія раннихъ лѣтъ поняты или мнимо поняты какъ специфическіе мотивы нынѣшней больной утонченности, и отъ этого нѣсколько страдаетъ перспектива, и отъ этого даже изложеніе, вообще увлекательное, иногда дѣлается искусственнымъ, такъ что возникаетъ впечатлѣніе, будто авторъ чувствовалъ, думалъ и писалъ передъ зеркаломъ,—но въ общемъ есть несомнѣнная гармонія и единство между ма-

ленькимъ объектомъ и взрослымъ субъектомъ позднихъ воспоминаній; передъ нами—одна личность. И надо сказать, что она въ высшей степени интересна и въ томъ, чѣмъ отличается отъ другихъ, и въ томъ, чѣмъ на нихъ похожа. Взятыя вмѣстѣ, страницы г-жи Аннибалъ даютъ художественный слѣпокъ съ души бурной и буйной, но въ то же время таящей въ себѣ глубокую способность къ умиленію и чистой радости. Эта задорная дикарка, которая отъ молодыхъ ногтей никакъ не хочетъ примириться съ „ручной, складной жизнью“ и ломаетъ ее, гдѣ только можно и гдѣ нельзя, этотъ человѣческій звѣрокъ, не любящій города, гдѣ нѣтъ земли, сообщаетъ о своихъ подвигахъ, о своемъ звѣриномъ воѣ — такимъ образомъ, что даетъ не только очень цѣнный и тонкій матеріалъ педагогу, но и раскрываетъ общія перспективы духа. Напримѣръ, въ прелестномъ разсказѣ „Журя“ мы узнаемъ, какъ маленькая героиня, любительница животныхъ, которыхъ она много и убила на своемъ вѣку,—какъ она приголубила маленькаго журавля, милаго журю, но однажды забыла принести ему воды: онъ потянулся за нею въ глубокую и узкую кадку и утонулъ. Дѣвочка была въ безумномъ отчаяніи, и незамолимый грѣхъ пересталъ угнетать ее только гораздо позднѣе, въ пасхальную ночь, когда пахло смолой весенней и каждое дерево было „фіалъ невѣроятныхъ, волшебныхъ благовоній“, когда воскресъ Христосъ и съ нимъ все, что умерло и похоронено въ сердцѣ. „Ты живъ, Журенька, ты у Христа. Мы встрѣтимся тамъ. Простилъ ли ты свою глупую, слабую, забывчивую подружку? Она другая. Сегодня, вотъ сейчасъ, она другая. Она сильнѣе смерти. Сильнѣе жизни. Она сегодня *вся*, и ты сегодня *весь*... И будешь ты *весь*, мой Журенька глупенькій, передъ Христомъ стоять со мною, и наглядимся мы тогда оба съ тобою въ прощеные глаза“. Такъ незамѣтная деталь жизни разрастается въ глубокомысленный символъ, и отъ малаго до міроваго— одинъ шагъ. Когда во время охоты „въ осеннюю, дѣловитую свѣжесть“ погожаго дня дѣвочка видитъ волка, у котораго проткнули вилою бокъ, и она симпатически раздѣляетъ эту несносную боль, этотъ „безнадежный, остановившійся ужасъ“, она начинаетъ понимать, что все живое на свѣтѣ пожираетъ другъ друга, что весь міръ—сплошной „трагическій звѣринецъ“. Возникаютъ первыя сомнѣнія, мучительные вопросы, и эта недоумѣвающая дѣвочка передъ развертывающейся панорамой зла и крови являетъ живую миніатюру той вѣчной драмы, въ которой дѣйствуютъ спрашивающее человѣчество и не отвѣчающій Богъ.

Но и любовь участвуетъ въ зрѣлищѣ міра, и она, въ воспоминаніяхъ г-жи Аннибалъ, представлена въ чудномъ образѣ матери съ синими глазами. Эта мать съ тоскою называетъ своихъ дѣтей „коротенькими“ (больно ей видѣть, какъ уплываетъ мимолетное дѣтство); она больна, прикована къ креслу и, можетъ быть, подъ властью разрушающагося организма, скоро станетъ „глупенькой“. „Но ты будешь помнить другую маму, Вѣрочка?“ Эта другая, еще не глупенькая мама даетъ своей дочкѣ трогательно-выраженную заповѣдь большой, свободной любви. И такъ прекрасно говоритъ нашъ авторъ объ этомъ завѣщаніи матери. „Теперь я взрослая, и жизнь моя, крещеная болью, виною, упоенiемъ счастья и горькими разлуками, выявила тѣ тускло-далекія слова изъ памяти... Есть такія картинки для дѣтей,—я любила ихъ ребенкомъ — волшебныя картинки: бумажка, тусклая, и ничего подъ той тусклостью мерцающаго не разберешь; въ воду окунешь, къ тетрадкѣ приложишь, рукой сверху потрешь и снимешь,—изведены изъ той волшебной сокровенности нѣжные и яркіе цвѣты“.

Среди дурныхъ наклонностей этой извращенной, чрезмѣрно любопытной дѣтской души было и воровство, сначала направленное на коробку конфетъ, а потомъ болѣе злое и безсердечное. Увѣщанія, наказанія не помогали, и когда ее однажды заперли въ комнату отца, чтобы она предалась тамъ покаянной думѣ, маленькая преступница занялась другимъ,—вынула изъ стола табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, и вотъ: „Стою и чихаю. Стою и чихаю. И какъ чихну, такъ подпрыгну на цыпочкахъ. И мнѣ весело". Однако Вѣрочкѣ, любившей чужое, ей, дочери помѣщиковъ, рано открылась соціальная неправда, хроническое воровство богатыхъ у бѣдныхъ, и мучительнымъ стыдомъ ударила ея сердце. Но произошло это какъ бы въ сказкѣ, въ сплетеніи реальнаго и фантастическаго, и голодная крестьянская дѣвочка Таня, сидящая около голодной крестьянской лошади, встрѣтилась нашей героинѣ тогда, когда она скакала по лѣсу, воображая себя не то кочевой царевной, не то царевной-кентавромъ. И это не Вѣра утащила для Тани ржаную краюху изъ кухни,—это именно сказочный кентавръ ворвался въ таинственный дворецъ, чтобы отвоевать пропитаніе для своего стана. И потомъ сидѣли рядомъ Вѣра и Таня, ѣли хлѣбъ и цѣловались, пока не пришелъ отецъ послѣдней, тоже голодный мужикъ, и не сталъ бросать „грязнящихъ, проклинающихъ словъ" на голову царевны и ея слишкомъ реальныхъ для него родныхъ...

Но она не только кентавромъ, она и морскимъ камушкомъ воображала себя, эта дико-поэтическая дѣвочка, и сливала себя въ одно съ природой. Слезы ея—соленыя, и соленая вода въ морѣ, и море плачетъ: можетъ быть, оно все—слезы, „слезы камней, и паучковъ, и крабовъ, и мои, слезы земли?"

Богата содержаніемъ и настроеніями, поэзіей и дѣйствительностью, эта талантливая книжка, раскрывающая самые потаенные, иногда стыдные уголки необузданнаго дѣтскаго сердца, и если она не вся обязательна, если героиня порою не просто блуждала по лѣсу жизненныхъ отношеній, а, какъ она характерно говоритъ по другому случаю, „*нарочно* заблудилась", то все же многое въ этой исповѣди затрогиваетъ въ каждомъ изъ насъ родственныя, созвучныя струны.

Ю. А.

Н. Крашенинниковъ. Угасающая Башкирія. М., 1907 г. Ц. 1 р. Эта красиво изданная книжка, съ иллюстраціями, представляетъ и этнографическій, и беллетристическій интересъ. Авторъ посвящаетъ ее своимъ „раннимъ товарищамъ"—башкирамъ, разсказавшимъ ему про „погасшую жизнь своего тихаго народа". Именно потому, что здѣсь говорится объ угасаніи и тишинѣ, страницы книжки проникнуты элегическимъ колоритомъ, и даже у читателя, всячески далекаго отъ Башкиріи, невольно возникаетъ симпатія къ этому племени, которое поглотила, „неслыханно изобидѣла" огромная Россія и которое только въ легендарныхъ воспоминаніяхъ прошлаго находитъ себѣ нравственную опору, возможное утѣшеніе. А все настоящее безотрадно, и отпечатокъ разоренія и нищеты, „какой-то безпомощной лѣни и роковой апатіи", чисто-мусульманскаго фатализма, лежитъ на этихъ убогихъ деревняхъ и поселкахъ, которые г. Крашенинниковъ рисуетъ все же рукою любящей и умѣлой. Онъ показываетъ ихъ на фонѣ башкирскаго пейзажа,—той самой Оренбургской губерніи, которая намъ съ дѣтства знакома по описаніямъ Сергѣя Аксакова, такъ что когда вы читаете у нынѣшняго автора про все это дикое приволье степей и озеръ, про эти вѣковые лѣса, въ большинствѣ тоже разоренные, обиженные, вырубленные, какъ

и люди, то кажется, будто передъ вами—продолженіе „Семейной хроники". Эту возникающую подчасъ иллюзію усиливаетъ и живой, не очень красочный и выразительный, спокойный языкъ автора и несомнѣнное чувство природы, съ лирической теплотою приникнувшее къ дальней и глухой сторонѣ. Въ рамкѣ башкирскаго ландшафта не яркой, но привлекательной вереницей проходятъ характерные типы и сцены быта, своеобразные романы,—тихая зыбь жизни. Самому автору грезится иногда, что въ угасающей странѣ не все былое отошло въ вѣчность, не все замерло подъ чужой гигантской пятою, и придетъ волшебникъ, который все это разбудитъ. Но въ исторіи не бываетъ волшебства, и на читателей описанная г. Крашенинниковымъ страна производитъ впечатлѣніе иное—впечатлѣніе живого кладбища. Впрочемъ, и самъ онъ, „припоминая изъ далекой Москвы все видѣнное и слышанное въ той сѣдой глуши" всѣ эти „заросшіе травой бездонные омуты", всѣ эти „сонные, загадочные цвѣты",—самъ авторъ говоритъ: „но чудесъ нѣтъ, все тихо... и только на болотѣ, я слышу, свиститъ одинокій куликъ... и стонетъ, и плачетъ, и заливается". Но все же—задушевно признается онъ—„тянетъ меня въ эту таинственную глушь... къ этимъ порубленнымъ лѣсамъ, къ эти жалкія избы жалкихъ людей, къ этимъ显 соннымъ озерамъ со сказочными цвѣтами". И ему въ самомъ дѣлѣ удалось въ этомъ сонномъ царствѣ, поросшемъ травой забвенія, подслушать и любовно воспроизвести замирающій трепетъ жизни и какой-то странной красоты.

Ю. А.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. II. Вып. II.—Опытъ обзора исторической литературы для школъ и самообразованія. Ч. III. Эпоха реалистическаго романа. Состав. *Н. И. Коробка.*—*Ѳ. Ф. Зѣлинскій,* проф. С.-Петербургскаго университета. Соперники христіанства.—Записки кн. С. П. Трубецкого.—*Баронъ А. Е. Розенъ.* Записки декабриста.—*Н. Новомбергскій.* Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси.—*Р—дъ.* Мало прожито—много пережито. Впечатлѣнія молодого офицера о войнѣ и плѣнѣ. Ч. I. Въ осадѣ Портъ-Артура.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. II. Выпускъ II. Съ 5 портретами. Изд. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к. „Литературныя характеристики" г. Бороздина задуманы, повидимому, съ разсчетомъ охватить XIX вѣкъ въ 5 книгахъ, раздѣленныхъ на три тома; только что появившаяся характеристика Тургенева, Григоровича и Достоевскаго заканчиваетъ второй томъ.

Судя по вышедшимъ тремъ книгамъ, особенно по этой послѣдней, трудно рѣшить, какую роль назначилъ авторъ своему обширному труду, и какое мѣсто могутъ занять среди однородныхъ произведеній эти 1000—1500 страницъ, посвященныхъ исторіи русской литературы за самый важный періодъ ея существованія. Назначенъ трудъ, несомнѣнно, для широкой публики и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ его причислить нѣтъ возможности ни въ какой степени и ни въ какомъ отношеніи. Но онъ не представляетъ изъ себя и хорошей компиляціи, въ которой бы сжато, продуманно и связно излагались добытые другими результаты съ возможной полнотой и разносторонностью. По большей части это—спѣшные, многословные очерки, не связанные общимъ планомъ, не дающіе ни цѣльной картины эпохи, ни полной характеристики отдѣльныхъ писателей. Возьмемъ только что вышедшій выпускъ. Онъ

составленъ по слѣдующему нехитрому рецепту. Въ такомъ-то году появился такой-то романъ Тургенева. Идетъ изложеніе содержанія или характеристики героевъ при помощи подлинныхъ цитатъ размѣромъ по 2, по 4 и больше страницъ, связанныхъ парой-другой строкъ отъ автора, составляющихъ мостикъ отъ одной выписки къ другой. Затѣмъ слѣдуетъ новая часть: „При выходѣ романа Бѣлинскій (или Добролюбовъ, или Писаревъ) встрѣтилъ его слѣдующимъ отзывомъ“. Идетъ пересказъ критики на нѣсколькихъ страницахъ тоже съ подлинными выписками по $^1/_2$ страницы и по страницѣ; узенькія и коротенькія авторскія дощечки и здѣсь помогаютъ перескочить отъ выписки къ выпискѣ. Въ итогѣ статья, наприм., о Тургеневѣ содержитъ на 215 страницъ общаго протяженія по нашему подсчету не менѣе 135 страницъ (въ кавычкахъ)— выписокъ изъ разныхъ авторовъ, больше всего, конечно, изъ самого Тургенева. То же, что авторъ даетъ отъ себя, опять-таки болѣе, чѣмъ на половину или представляетъ внѣшній фактическій пересказъ, или носитъ характеръ служебный,—связываетъ цитаты. Должно быть, злоупотребленіе цитатами составляетъ нашу національную слабость; недаромъ еще Курбскій упрекалъ Грознаго за то, что онъ не умѣетъ писать, какъ пишутъ въ Европѣ, „въ немногихъ словахъ многъ разумъ замыкающе“, а хватаетъ и выписываетъ „цѣлыми паремьями и посланіями“. Но воспринявши многословіе Грознаго, нашъ авторъ не унаслѣдовалъ его силы. Большую часть своихъ выписокъ онъ расходуетъ на чисто описательную сторону характеристикъ, а самые важные выводы обосновываетъ слабо или просто даже излагаетъ въ видѣ афоризмовъ, ничѣмъ не подкрѣпленныхъ. Къ числу такихъ дурно защищенныхъ мѣстъ мы относимъ, наприм., избитыя разсужденія, будто Тургеневъ, „характеризуя Базарова, впалъ въ ошибку, не указавъ, чему онъ служитъ“ (стр. 171). Если у Базарова нѣтъ общественной программы, изъ этого вовсе еще не вытекаетъ, что онъ—„типъ неясный“, что Тургеневу „удалось схватить въ романѣ только внѣшнія черты новыхъ людей“ и напрасно онъ „не разсмотрѣлъ того положительнаго идейнаго содержанія, которое заключалось въ молодомъ поколѣніи“. Все это г. Бороздинъ утверждаетъ на стр. 171—173, и все это производитъ впечатлѣніе усиленнаго навязыванія Тургеневу цѣлей, которыми онъ не задавался. Кажется, достаточно ясно, что Базаровъ гораздо болѣе представляетъ изъ себя типъ общественно-психологическій, чѣмъ общественно-политическій. Не менѣе извѣстно и то, что Базаровъ не можетъ считаться полнымъ и всестороннимъ выразителемъ всѣхъ разновидностей общественнаго типа 60-хъ годовъ; но вѣдь еще вопросъ, легко ли найти такую опредѣленную идейную программу, которая объединила бы, уже не говоримъ, всѣхъ шестидесятниковъ, а хотя бы трехъ важнѣйшихъ ихъ представителей—Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева. Мы думаемъ, что Тургеневъ, усмотрѣвшій оригинальность молодого поколѣнія въ нѣкоторыхъ особенностяхъ ума и воли и передавшій ихъ въ своемъ Базаровѣ, достигъ такого синтеза, какой врядъ ли бы былъ возможенъ на почвѣ любимыхъ политическихъ или общественныхъ взглядовъ.

Слабость и бѣдность выводовъ при совершенно необузданной страсти выписывать цѣлыми страницами мучатъ читателя на всемъ протяженіи этой книги, изъ которой при всемъ желаніи трудно чему-нибудь научиться. Указанными свойствами она можетъ даже вызвать къ себѣ недружелюбное чувство, но это будетъ лишнимъ: она прежде всего и больше всего просто ненужна.

А. Е. Грузинскій.

Опытъ обзора исторической литературы для школъ и самообразованія Часть. III. Эпоха реалистическаго романа. Составилъ Н. И. Коробка. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 к. Авторъ въ предисловіи прямо называетъ свою книгу учебникомъ. Но уже одно то обстоятельство, что онъ назначилъ ее не только для класса, но и *для самообразованія*, отводитъ ей болѣе широкую роль; это—отнюдь не чисто-педагогическое пособіе или руководство. Авторъ самъ признаетъ, что его точка зрѣнія „является совершенно новой въ учебникѣ литературы". Дѣйствительно, въ книгѣ есть такія особенности, которыя останавливаютъ на себѣ вниманіе и позволяютъ затронуть по поводу ея нѣкоторые общіе вопросы исторіи литературы.

Когда въ противовѣсъ господствовавшему чисто идеалистическому построенію исторіи возникла и стала развиваться теорія экономическаго матеріализма, то ясно было, что новое направленіе не можетъ не отразиться на характерѣ историко-литературныхъ изученій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ такія стороны жизни, какъ политическій и сословный строй, правовыя учрежденія, религіозныя и философскія воззрѣнія стали разсматриваться, какъ производныя отъ экономическихъ отношеній, отъ формъ труда и потребленія, та же точка зрѣнія должна была приложиться и къ вопросамъ художественнаго творчества. Собственно говоря, нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія представляла собою что-либо безусловно небывалое; и въ историческихъ, и въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ прежняго времени можно постоянно встрѣтить указанія на связь того или другого учрежденія или идейнаго теченія съ реальными или матеріальными интересами среды, въ которой оно возникло и развилось. Но иное дѣло отдѣльныя замѣчанія, а иное дѣло—общій методъ изученія, основная точка зрѣнія. Въ этомъ послѣднемъ видѣ новое направленіе дѣлаетъ свои первые шаги. Еще въ области исторіи можно насчитать рядъ трудовъ такого характера на Западѣ, и даже у насъ въ послѣднее время появились попытки излагать цѣлые обширные періоды русской исторіи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма (наприм., работа г. Рожкова). Но къ исторіи литературы новый методъ почти не прилагался сколько-нибудь въ широкихъ размѣрахъ и въ строго выдержанной формѣ. Отдѣльныя черты его можно усмотрѣть въ „Философіи исторіи русской литературы" Е. Соловьева, въ послѣднихъ работахъ г. Овсянико-Куликовскаго („Исторія русской интеллигенціи") видно желаніе прикрѣпить извѣстные литературные типы къ классовому дѣленію общества и подчеркивать соціальныя черты писательской психологіи (о Тургеневѣ). Наконецъ, въ прошломъ году вышелъ I томъ обширной работы г. Келтуялы, задумавшаго приложить классовую точку зрѣнія къ развитію всей русской литературы.

Книга г. Коробки примыкаетъ къ этому направленію. Конечно, это все попытки, первые шаги, и г. Коробка нѣсколько поторопился, сказавъ въ предисловіи, что его точка зрѣнія „становится почти общепризнанной въ современной исторической наукѣ". До этого еще далеко, особенно въ исторіи литературы. Вполнѣ признавая за новымъ методомъ извѣстное будущее и соглашаясь, что ему есть что сказать своего и справедливаго, нельзя не видѣть, что именно въ области художественнаго творчества, въ области литературы всего труднѣе послѣдовательно провести формулу, въ которую иногда сжимается суть новаго направленія: „человѣкъ думаетъ и чувствуетъ такъ, какъ онъ живетъ". Въ свободной духовной дѣятельности человѣка, а особенно въ художественной, такую огромную роль играютъ особенности личной психики, самая за

дѣятельность представляетъ изъ себя такой сложный, много разъ трансформированный итогъ всѣхъ слагаемыхъ, что усмотрѣть въ характерѣ этой дѣятельности ясные слѣды сырыхъ, реальныхъ условiй жизни — есть дѣло тонкое и не всегда возможное. А при сколько-нибудь неосторожномъ пользованiи вышеупомянутой формулой получатся плачевные результаты, и весь новый методъ напомнитъ извѣстную курьезную теорiю, что характеръ человѣка опредѣляется составомъ его пищи. (У этой теорiи была тоже своя формула: der Mensch ist, was er isst.)

Въ изложенiи г. Коробки философiя исторiи русской литературы XIX в. представлена приблизительно въ такомъ видѣ. До 1825 г. первенствующая роль въ обществѣ и въ литературѣ принадлежала высшему дворянству, „гвардейской" аристократiи; этотъ слой и въ политическомъ, и въ культурномъ отношенiи былъ руководящимъ, поэтому его серьезнымъ умственнымъ поприщемъ были общественные вопросы,—онъ далъ декабристовъ. Послѣ катастрофы этотъ слой теряетъ свое значенiе; его политическое влiянiе переходитъ къ высшему чиновничеству—къ бюрократiи, а культурное—къ новой интеллигенцiи, складывавшейся около университетовъ, особенно Московскаго, и здѣсь выдвигается среднее дворянство. Но самое дворянство въ это время испытываетъ процессъ разложенiя и дифференцированiя; часть его сливается съ бюрократiей, другая — крѣпко сидитъ на землѣ и держится за патрiархальныя формы и за усадебный бытъ, третья—отрывается отъ деревни и отъ сословныхъ интересовъ, перемѣшиваясь съ шедшимъ снизу разночинцемъ и усваивая широкiе, внѣсословные идеалы новой жизни.

По этимъ линiямъ складывались идейныя теченiя русской жизни и литературные факты. Такъ, общее разложенiе дворянства даетъ себя знать въ цѣломъ рядѣ литературныхъ типовъ у Тургенева, Гончарова и друг. писателей; это—„лишнiе люди", герои безвольные, пассивные, нежизнеспособные. Новая группировка общества сказалась въ различныхъ направленiяхъ того времени. Бюрократiя создала теорiю официальной народности, дворянство, дорожившее деревней и отношенiями къ землѣ и крестьянству, получило славянофильскую окраску, третья группа, близкая къ разночинству, дала прогрессивное западничество; наконецъ, промежуточную позицiю между славянофилами и западниками заняла группа „раннихъ народниковъ" (Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ).

Эта схема не принадлежитъ г. Коробкѣ, она извѣстна была раньше и въ ней еще нѣтъ рѣшительнаго проявленiя новаго метода. Въ нее удобно укладываются нѣкоторые факты, извѣстныя литературныя имена, но ясно, что въ цѣломъ она идетъ въ значительной мѣрѣ мимо исторiи литературы и ея собой не объясняетъ. Торжество или слабость метода должно сказаться въ послѣдовательномъ его примѣненiи, въ освѣщенiи посредствомъ его самыхъ различныхъ угловъ и подробностей предмета. Г. Коробка не вездѣ это дѣлаетъ, а гдѣ дѣлаетъ, не вездѣ удачно. На первыхъ страницахъ книги доказывается, что реализмъ въ искусствѣ „обыкновенно является достоянiемъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые должны сталкиваться лицомъ къ лицу съ мелочами обыденной жизни". То-есть реальные интересы жизни оказываютъ сильное влiянiе на духовныя потребности и на вкусы. Вещь неоспоримая. Но тогда не слѣдовало оставлять безъ объясненiя, почему высшiй слой дворянской, „гвардейской" аристократiи въ началѣ XIX в. былъ настроенъ демократически; это вѣдь не входило въ „реальные интересы" ихъ среды. Это противорѣчiе не укрылось отъ историковъ, стоящихъ на почвѣ классовой психологiи, и они не прочь отдѣлаться отъ него, доказывая изъ

всѣхъ силъ, что демократизмъ декабристовъ призраченъ, что они въ сущности стремились болѣе всего къ эмансипаціи своей среды. Это—попытка безнадежная, идеи декабристовъ никакъ всетаки не сведешь на дворянскія политическія вожделѣнія. Г. Коробка такихъ попытокъ не дѣлаетъ, но онъ оставляетъ вопросъ совершенно безъ отвѣта.

Точно также не выяснено, почему поколѣніе 30-хъ годовъ, состоявшее изъ средняго дворянства, притомъ уже разбавленнаго разночинцемъ, формулировало свои взгляды въ школѣ отвлеченно-философской. Какъ это ни странно, г. Коробка какъ будто склоненъ такое направленіе интересовъ этого поколѣнія связывать именно съ соціальнымъ его составомъ. Онъ пишетъ: „Такимъ составомъ академической интеллигенціи. группировавшейся вокругъ университетовъ, объясняется многое въ ея идеалахъ и стремленіяхъ, въ ея разногласіяхъ и группировкѣ. Прежде всего она иначе относится къ общественнымъ вопросамъ. Здѣсь мысль не замерла, но жизнь этого слоя очень далека отъ реальной политической жизни, и мысль направляется не на общественные вопросы, а на чисто отвлеченные“ (стр. 64).

Почему же? Вѣдь, конечно, жизненные интересы этого слоя должны были лежать въ области реальныхъ нуждъ и обыденной жизни гораздо въ большей степени, чѣмъ у ихъ предшественниковъ—гвардейскихъ аристократовъ. Фигура Бѣлинскаго, сидящаго безъ обѣда и безъ сапоговъ и въ экстазѣ пишущаго и восклицающаго, что жизнь прекрасна и повсюду въ ней осуществляется чудная гармонія міровой идеи, должна же быть объяснена исторически. Мы не нашли никакихъ объясненій въ главѣ о Бѣлинскомъ, занимающей 27 страницъ и написанной недурно и просто, по Пыпину и другимъ, но безъ всякой новой точки зрѣнія.

Укажемъ еще рядъ примѣровъ, гдѣ приложеніе классовой точки зрѣнія къ литературнымъ явленіямъ ввело автора книги въ ошибочныя и неправильныя сужденія. Напрасно г. Коробка отмѣчаетъ „усадебно-дворянскія„ симпатіи у Писарева и даже ими склоненъ объяснять его восхищеніе передъ Базаровымъ, „на котораго Тургеневъ безсознательно перенесъ нѣкоторыя дворянскія черточки“ (см. стр. 139 и 171). Это—злоупотребленіе довѣріемъ читателя, на которое г. Коробка тѣмъ болѣе не имѣлъ права, что онъ въ своемъ анализѣ Базарова совершенно не указалъ этихъ дворянскихъ черточекъ. Но если относительно Базарова ихъ и трудно было бы отмѣтить безъ натяжекъ, то въ Рудинѣ это не только было легко, но и необходимо для правильной оцѣнки типа; но г. Коробка въ Рудинѣ этого не сдѣлалъ, ограничившись голымъ утвержденіемъ, что Рудинъ—типъ, несомнѣнно, дворянскаго происхожденія.

Анализируя личности Андрея Болконскаго и Пьера Безухова и стремясь вслѣдъ за г. Овсянико-Куликовскимъ прикрѣпить ихъ къ классовымъ разновидностямъ дворянскаго слоя, авторъ доходитъ до большой запутанности. Андрей Болконскій представляетъ изъ себя высшее художественное воспроизведеніе русской аристократіи въ періодъ наибольшей чистоты и высшаго развитія психологіи этого дворянскаго слоя. Онъ—представитель родовой, исконной аристократіи, сословныя черты которой наиболѣе опредѣленно сложились, тогда какъ Пьеръ принадлежитъ къ „аристократіи недавняго происхожденія, составившейся изъ разнаго рода удачливыхъ людей и ихъ ближайшихъ потомковъ“; онъ—сынъ „случайнаго“ человѣка, „плебей“ по происхожденію, „новый человѣкъ“ въ аристократіи.

Уже въ разборѣ характера кн. Андрея есть несглаженныя противорѣчія: въ немъ подчеркиваются черты большой серьезности, энергіи и

самостоятельности, развившіяся до извѣстной степени вопреки его средѣ, такъ что отмѣчается разрывъ его со средой; въ то же время „традиціи его среды направляютъ его дѣятельность въ опредѣленное русло“ и самая опредѣленность его психологіи объяснена тѣмъ, что „онъ выходитъ изъ слоя, наиболѣе опредѣлившагося въ классовомъ отношеніи“. Анализъ личности Пьера страдаетъ еще бо́льшими неясностями и противорѣчіями.

Трудно понять, что же такое Пьеръ послѣ всѣхъ авторскихъ разъясненій (стр. 247—248). Пришелецъ въ настоящей аристократіи, неловко чувствующій себя, потому что онъ—гусь среди лебедей? Или представитель своего новаго, только что складывающагося слоя не родовитой аристократіи? И что это за слой, о которомъ намъ говорятъ, что онъ къ 20-мъ годамъ еще не сложился, а въ 30-хъ годахъ уже разложился, причемъ и въ рожденіи своемъ и при смерти отличался одними и тѣми же чертами? Въ довершеніе всего на стр. 250 читаемъ: „Большая примѣсь такихъ неопредѣленныхъ элементовъ опредѣляетъ и самый характеръ русской аристократической среды, не давая ей выработать законченныя психологическія формы, а эта неопредѣленность формы облегчала впослѣдствіи быстроту разложенія этихъ формъ“. Такимъ образомъ, воздвигнутая съ такимъ трудомъ классовая разница психологическихъ формъ кн. Андрея и Пьера исчезла, можно сказать, безъ остатка. Осталась неоспоримая разница простыхъ человѣческихъ „психологическихъ формъ“, но ею меньше всего занимается нашъ авторъ.

Укажемъ еще, что г. Коробка видитъ въ Островскомъ изобразителя самодурства русской крупной буржуазіи, которая съ разложеніемъ стараго земледѣльческаго строя и съ упадкомъ дворянства пріобрѣтала все большее значеніе, чувствуя свою силу (стр. 268). Намъ кажется, что относительно 40-хъ и 50-хъ годовъ, когда изданъ былъ цѣлый рядъ самыхъ типичныхъ купеческихъ пьесъ Островскаго, нельзя вообще и говорить о „крупной буржуазіи“; терминъ этотъ получаетъ опредѣленный смыслъ лишь въ наше время или въ близкую къ намъ эпоху. А затѣмъ, неужели можно теперь говорить, будто Островскій рисовалъ купечество, какъ торжествующій классъ, сильный сознаніемъ своей грядущей побѣды? Не съ вчерашняго дня установлено, что Островскій засталъ и рисовалъ старый нашъ купеческій бытъ въ состояніи разложенія, упадка, что даже въ самомъ самодурствѣ, при всей его зловредности, драматургъ всего чаще изображалъ его немощность, сердитые окрики и безсильные замахи наканунѣ смерти. Затѣмъ авторъ довольно неосновательно характеризуетъ нашу купеческую среду вообще, какъ „не имѣвшую возможности выработать устои, извѣстную классовую этику“ (стр. 270), говоритъ о ея неопредѣленности и объ отсутствіи въ ней традицій (стр. 271). Если это и имѣетъ извѣстное (и то неполное) основаніе относительно нѣкоторыхъ пьесъ, то въ другихъ опредѣленно рисуются всѣ и устои, и традиціи, и классовая этика, которыми, несомнѣнно, обладала эта среда въ довольно несокрушимомъ видѣ. Довольно назвать „Грозу“.

Островскій во многихъ отношеніяхъ оказался „внѣ діапазона“ нашего историка литературы. За то, что подрядчикъ Васильковъ („Бѣшеныя деньги“) оказался кое-въ чемъ выше остальныхъ лицъ—представителей прогорѣвшаго дворянства,—идеалы Островскаго объявляются „опредѣленно буржуазными“; рядомъ съ этимъ, широкія симпатіи Островскаго, цѣнившаго и умѣвшаго находить хорошія человѣческія черты подъ всякими формами, толкуются, какъ „неясность его идеаловъ, которые могли мириться и съ Васильковымъ, и съ актерской богемой“. Тутъ же, впро-

чемъ, снисходительно прибавлено, что вообще-то Островскій хищничества не одобрялъ, и „если идеализировалъ его въ Васильковѣ, то только потому, что не успѣлъ разглядѣть его подъ внѣшнимъ лоскомъ европейской дѣловитости". Очень хорошо это „не успѣлъ!" Но лучше всего заключительный штрихъ этой главы: только что отщелкавъ Островскаго за якшанье съ актерской богемой, г. Коробка уже превозноситъ его передъ Гончаровымъ какъ разъ за „симпатію къ богемѣ, къ мелкому разночинцу". Это понадобилось для классоваго прикрѣпленія: „Самъ онъ былъ болѣе разночинецъ, чѣмъ Гончаровъ" (стр. 279).

Но всего лучше, можетъ быть, выступаетъ эта классовая точка зрѣнія въ главѣ о Некрасовѣ, гдѣ „сила его вліянія, превосходящая данныя его таланта", объясняется сложностью его натуры. Онъ, видите ли, дѣйствовалъ въ переходную эпоху жизни русскаго общества, когда происходило „массовое превращеніе дворянства въ разночинскую интеллигенцію и сліяніе его съ пришельцами изъ другихъ слоевъ". Такъ вотъ, „для этого пестраго, разнороднаго по составу слоя, Некрасовъ, въ которомъ былъ живъ и кающійся дворянинъ, и настоящій баринъ, и пролетарій, и буржуа-предприниматель, былъ болѣе роднымъ человѣкомъ, чѣмъ кто-либо другой" (стр. 282). Стало быть, надо понимать такъ: за то всѣ и любили, что баринъ въ немъ вычитывалъ барское, кулакъ—кулацкое, а пролетарій—пролетарское.

Мы сочли нужнымъ отмѣтить внимательно рядъ неловкостей, даже угловатостей въ примѣненіи новой точки зрѣнія у г. Коробки, потому что его книга представляетъ, если не ошибаемся, первый опытъ сколько-нибудь широкаго пользованія классовымъ методомъ. Мы говорили выше, что это дѣло трудное, и понятны неудачи и невѣрные шаги на неизвѣданной дорогѣ. Считаемъ долгомъ сказать, что въ книгѣ есть мѣста интересныя и удачныя (30-ые годы, направленія 40-хъ годовъ, Гончаровъ—собственно роль чиновничества). Она заслуживаетъ вниманія, какъ книга не шаблонная, живо написанная. Но создалась она, очевидно, нѣсколько поспѣшно, что отразилось и на взглядахъ, и даже на слогѣ, мѣстами странномъ (см., наприм., стр. 46, 55, 70, 73, 229). Служить учебникомъ она едва ли можетъ, не столько по необычности точки зрѣнія, сколько по невыработанности; для мало подготовленнаго читателя въ ней часто нехватаетъ, наприм., общаго историческаго фона, безъ котораго многія классовыя прикрѣпленія будутъ „прикрѣплены" просто къ пустому мѣсту.

А. Е. Грузинскій.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Соперники христіанства. (Статьи по исторіи античныхъ религій.) 1907 г. Въ современномъ сознаніи вопросы религіи начинаютъ постепенно и непримѣтно занимать первенствующее мѣсто. Читая философскую книгу, даже сочиненіе по философіи исторіи, мы спѣшимъ узнать, *какъ* авторъ коснется этой неотвратимой проблемы, и порой склонны слишкомъ торопливо обвинять въ поверхностности авторовъ, не проявляющихъ особой глубины и отчетливости сужденій въ этой области. Эта кажущаяся поверхность часто есть лишь слѣдствіе отсутствія религіозной культуры и недостаточнаго знакомства съ вѣрованіями прежнихъ вѣковъ,—вотъ почему для насъ имѣютъ особенное значеніе труды, восполняющіе этотъ пробѣлъ нашего опыта.

Сборникъ статей профес. Зѣлинскаго „Соперники христіанства" даетъ богатый матеріалъ по психологіи и исторіи религіозныхъ переживаній античнаго міра, и въ этомъ его огромная цѣнность. Подъ „Со-

никами христіанства“ тутъ разумѣются теченія античной религіозной мысли, которыя удовлетворяли тѣмъ же потребностямъ души, какъ и христіанство, и потому должны были вступить съ нимъ въ борьбу.

„Пересмотръ вопроса о соперникахъ христіанства является однимъ изъ самыхъ насущныхъ требованій исторической науки нашего времени, и она же располагаетъ для его рѣшенія гораздо болѣе полными матеріалами, чѣмъ предшествующія эпохи“ (стр. 89)—говоритъ авторъ, указывая на открытые въ новѣйшее время папирусы, на результаты изысканій египтологіи и друг. смежныхъ наукъ, давшихъ возможность заглянуть въ мало изслѣдованныя области народныхъ вѣрованій. Изображаемыя авторомъ религіозныя теченія представляютъ большой интересъ совершенно независимо отъ того, разсматривать ли ихъ, какъ „соперниковъ христіанства“; подходя же къ нимъ съ этой стороны, читатель, ознакомившись съ этюдами Зѣлинскаго, испытываетъ нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ сама проблема христіанства не измѣрена авторомъ во всей ея глубинѣ (онъ ограничивается общей характеристикой христіанской идеи какъ „лучшаго средства къ обрѣтенію душевнаго мира и къ спасенію“) и потому не ею освѣщаются его оцѣнки разбираемыхъ вѣрованій. Міросозерцаніе автора можетъ быть названо чистымъ гуманизмомъ, и цѣнность религіи въ его глазахъ почти всецѣло сводится къ „ея нравственному вліянію на человѣка“. Однако, этотъ односторонній взглядъ на религію не налагаетъ печати на его изслѣдованія, проникнутыя духомъ строгой объективности, свойственной классической филологіи, и окрыленныя великой любовью къ красотѣ и генію Греціи. Но именно поэтому наиболѣе интереса представляютъ тѣ статьи, въ которыхъ религіозныя вѣрованія ближе всего соприкасаются съ этикой, какъ, напримѣръ, блестящая и чуткая характеристика римской религіи (въ статьѣ „Римъ и его религія“), являющейся до нѣкоторой степени апологіей римскаго духа, обыкновенно обвиняемаго въ бездушномъ и утилитарномъ отношеніи къ Божеству.

Въ интересной статьѣ Зѣлинскій возстановляетъ религіозное значеніе образа Елены Прекрасной и рисуетъ исторію его литературныхъ кочеваній и тѣ видоизмѣненія этическаго и художественнаго характера, которыя онъ претерпѣвалъ въ зависимости отъ эпохи, рода поэзіи и господствующихъ идей.

Эта статья можетъ служить образцомъ тонкаго, художественнаго литературнаго изслѣдованія. Въ статьѣ „Древнее христіанство и римская религія“ дана изящная и ясная характеристика родственной автору по духу философіи Цицерона и христіанскихъ его продолжателей—пелагіанцевъ—философіи-морали, чтущей человѣка и свѣтлую разумность вещей въ противоположность Августину, родоначальнику немилостиваго христіанства и *нашей* „безумной“ философіи. Менѣе удовлетворяетъ насъ въ своихъ выводахъ очень интересная по богатству матеріала и по художественной разработкѣ статья, посвященная „герметизму“, этому удивительнѣйшему явленію разрушающагося древняго міра. Тутъ мы вплотную подступаемъ къ вопросу о смерти, о природѣ міра и Божества,— и самая искусная литературная критика, самое остроумное сопоставленіе глубокихъ герметическихъ текстовъ не можетъ восполнить отсутствіе философской критики, къ которой невольно взываетъ умъ. Тѣмъ не менѣе работа, произведенная въ этой области проф. Зѣлинскимъ, очень интересна, и нельзя не сочувствовать ему въ его борьбѣ съ тѣмъ направленіемъ нѣмецкой филологіи, которое склонно преувеличивать зна-

ченіе восточныхъ или иныхъ (въ данномъ случаѣ египетскихъ) культовъ и вліяніе ихъ на возникшія на греческой почвѣ религіозныя явленія.

Красота и величіе духа Греціи—вотъ что переживается нами и волнуетъ насъ при чтеніи этой книги, такъ же какъ и прежнихъ работъ проф. Зѣлинскаго. Мы точно стоимъ передъ забытымъ и вновь ожившимъ сокровищемъ. Блестящее изложеніе, богатство фактическаго матеріала и интересныя литературныя параллели дѣлаютъ эту книгу цѣннымъ вкладомъ въ исторію древнихъ вѣрованій.

Е. Герцикъ.

Записки кн. С. П. Трубецкого. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Баронъ А. Е. Розенъ—Записки декабриста. Спб., 1907 г. Ц. 3 р. Изд. т-ва „Общественная Польза", подъ ред. П. Щеголева. За послѣдніе два-три года не мало сдѣлано по части опубликованія цѣннаго документальнаго матеріала по исторіи декабристовъ.

Опубликованы обширныя извлеченія изъ дѣла о декабристахъ, хранящагося въ государственномъ архивѣ, напечатаны политическіе проекты декабристовъ: „Русская правда" Пестеля и проектъ конституціи Муравьева, изданы записки многихъ декабристовъ, ранѣе помѣщавшіяся лишь въ заграничныхъ изданіяхъ, запрещенныхъ въ Россіи.

Записки кн. Трубецкого и бар. Розена, извѣстныя ранѣе по лейпцигскимъ изданіямъ, и только что впервые отпечатанныя въ Россіи, занимаютъ видное мѣсто въ мемуарной литературѣ декабристовъ. Новое изданіе записокъ кн. Трубецкого сдѣлано дочерьми автора съ подлинной рукописи и включаетъ болѣе полный текстъ сравнительно съ прежнимъ лейпцигскимъ изданіемъ. Видное мѣсто, которое занималъ кн. Трубецкой въ тайныхъ обществахъ Александровской эпохи, начиная съ самаго первоначальнаго ихъ возникновенія, придаетъ его „Запискамъ" особенное значеніе. Къ сожалѣнію, „Записки" носятъ довольно отрывочный характеръ. Исторія тайныхъ обществъ передана въ нихъ бѣглыми чертами со многими пропусками и недомолвками. Опущены нѣкоторые факты первостепенной важности. Такъ, наприм., кн. Трубецкой ничего не говоритъ о томъ, какъ былъ ликвидированъ „Союзъ благоденствія". Объ извѣстномъ московскомъ съѣздѣ, на которомъ былъ рѣшенъ вопросъ о ликвидаціи, сказано буквально только двѣ фразы: „положенъ былъ общій съѣздъ въ Москвѣ; и тамъ согласиться не могли". Ничего не сказано и о возникновеніи сѣвернаго и южнаго обществъ и эти общества неожиданно вплетаются въ разсказъ, какъ будто авторъ смотритъ на нихъ, какъ на простыя отдѣленія того же „союза". Довольно подробно излагая дворцовыя отношенія послѣ смерти Александра I и усиленно подчеркивая роль Милорадовича во время переговоровъ между Николаемъ и Константиномъ Павловичами, кн. Трубецкой обходитъ полнымъ молчаніемъ день 14 декабря, ограничиваясь фразой: „происшествія 14 числа и послѣдующихъ дней извѣстны". Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе досаденъ, что при разсказѣ о событіяхъ 14 декабря кн. Трубецкому пришлось бы выяснить вопросъ о томъ, почему онъ, назначенный товарищами по заговору диктаторомъ на случай возстанія, совсѣмъ не явился въ этотъ день на сенатскую площадь. Въ прибавленіяхъ къ запискамъ упомянуто кратко и о событіяхъ 14 декабря, но о причинахъ бездѣйствія кн. Трубецкого въ этотъ день опять-таки не сказано ни одного слова. Вопросъ этотъ затронутъ въ показаніяхъ, данныхъ кн. Трубецкимъ на слѣдствіи и недавно напечатанныхъ въ книгѣ проф. Довнара-Запольскаго „Мемуары декабристовъ". Интересъ записокъ кн. Трубецкого сосредоточивается не на очеркѣ фактической исторіи тайнаго общества, очеркѣ бѣг-

ломъ и отрывочномъ, а на изложеніи тѣхъ внутреннихъ побужденій, которыя руководили декабристами въ ихъ тайной политической дѣятельности. Правда, и здѣсь кн. Трубецкой говоритъ обо всемъ сжато и сдержанно, но онъ умѣетъ въ немногихъ словахъ отчетливо намѣтить разнообразныя чувства, настроенія и идеи, толкнувшія передовую молодежь Александровской эпохи на путь политическаго заговора. Большой интересъ представляютъ также страницы, посвященныя аресту, заключенію въ крѣпости и допросамъ кн. Трубецкого въ слѣдственной коммиссіи. Въ этой части разсказъ кн. Трубецкого становится весьма обстоятельнымъ; бесѣда съ Николаемъ Павловичемъ при первомъ допросѣ и бесѣда въ крѣпости съ Бенкендорфомъ, который по порученію императора старался вывѣдать, не былъ ли причастенъ къ заговору Сперанскій,—переданы дословно. Однако о своихъ собственныхъ показаніяхъ на слѣдствіи авторъ говоритъ очень глухо. Напрасно издатели „Записокъ" не приложили къ своему изданію текстъ этихъ показаній. Сибирской жизни декабристовъ записки кн. Трубецкого не касаются вовсе. Къ запискамъ присоединены два трактата, хранившіеся въ бумагахъ кн. Трубецкого и собственноручно имъ переписанные: 1) приписываемый Чичерину трактатъ „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія" и 2) большой трактатъ неизвѣстнаго автора „Мысли объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи". Оба трактата, составленіе которыхъ относится къ началу царствованія Александра II, заключаютъ въ себѣ сокрушающую критику всей правительственной системы Николаевскаго царствованія. Интересъ кн. Трубецкого къ этимъ трактатамъ ясно указываетъ на то, что и на склонѣ лѣтъ старый декабристъ не измѣнилъ политическимъ настроеніямъ своей молодости.

Записки барона Розена составляютъ противоположность запискамъ кн. Трубецкого по чрезвычайной обстоятельности изложенія всего того, чему былъ свидѣтелемъ или въ чемъ принималъ участіе ихъ авторъ. Однако и бар. Розенъ весьма кратко говоритъ о тайныхъ обществахъ по той причинѣ, что онъ и не былъ хорошо освѣдомленъ о перипетіяхъ ихъ исторіи. Если кн. Трубецкой стоялъ въ центрѣ движенія, то бар. Розенъ былъ типичнымъ рядовымъ декабристомъ. Лишь за мѣсяцъ до катастрофы онъ подвергся воздѣйствію кружка Рылѣева. Не обширное чтеніе, не настойчивыя политическія размышленія привели его въ среду заговорщиковъ. Онъ былъ скромнымъ и усерднымъ служакой средняго культурнаго уровня; умъ его не парилъ высоко, но онъ отличался порядочностью, благородствомъ и живымъ сознаніемъ долга передъ родиной. Этого было уже достаточно для молодого офицера 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, чтобы не миновать участія въ тайной политической организаціи: обстоятельство, характерное для условій русской жизни того времени. Бар. Розенъ былъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. и въ своихъ запискахъ далъ подробное описаніе всего, что тамъ происходило. Очень любопытно отмѣтить, что бар. Розенъ—человѣкъ практическій и отнюдь не склонный къ мечтательнымъ преувеличеніямъ—не относится къ возстанію 14 декабря, какъ къ совершенно безнадежной попыткѣ, не имѣвшей никакихъ шансовъ на успѣхъ. Напротивъ, неудачный исходъ попытки онъ склоненъ считать случайностью, обусловленной чисто внѣшнимъ стеченіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Значительная часть записокъ бар. Розена посвящена сибирской жизни декабристовъ. Это—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ описаній ихъ сибирской ссылки, какія только дошли до насъ. Записки захватываютъ и все царствованіе Николая I и преобразованія 60-хъ годовъ. На склонѣ лѣтъ автору до-

велось принять участіе и въ освобожденіи крестьянъ въ качествѣ мирового посредника. Онъ съ увлеченіемъ разсказываетъ о своей дѣятельности на этомъ поприщѣ. Его трогало до глубины души то обстоятельство, что ему пришлось дожить до освобожденія народа, и тотъ жаръ, съ которымъ онъ предавался трудамъ въ своей новой должности, показываетъ, какую силу и бодрость духа сумѣлъ онъ сохранить въ себѣ среди всѣхъ несчастій многострадальной жизни. Онъ смотрѣлъ черезъ розовые очки на начавшіяся реформы, даже дѣятельность Валуева вызывала въ немъ полное одобреніе, будущее Россіи казалось ему свѣтлымъ и радостнымъ, а къ признакамъ новыхъ политическихъ броженій онъ относился, какъ къ случайному, внѣшнему и не серьезному налету. Они уже не нашли въ его душѣ ни пониманія, ни сочувственнаго отклика.

Записки бар. Розена доведены до 1870 года. Настоящее ихъ изданіе перепечатано съ лейпцигскаго изданія съ исправленіемъ корректурныхъ недосмотровъ. Къ запискамъ приложены журнальныя статьи и замѣтки Розена, разсказъ Фаленберга, составленная г. Щеголевымъ краткая біографія бар. Розена и впервые публикуемое „дѣло“ о Розенѣ Высочайше учрежденнаго комитета по разысканію о злоумышленныхъ обществахъ, хранящееся въ государственномъ архивѣ.

А. Кизеветтеръ.

Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ, 1907 г. Ц. 2 р. Книга г. Новомбергскаго открывается широковѣщательными разсужденіями о значеніи „періодизаціи“ для изученія историческихъ процессовъ. Затѣмъ авторъ критикуетъ „періодизацію“, принятую нѣкоторыми его предшественниками по исторіи медицины въ Россіи и предлагаетъ съ своей стороны дѣлить исторію врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси только на два періода: 1) до второй четверти XVI ст.—періодъ преобладанія народнаго эмпиріомистицизма и 2) отъ второй четверти XVI ст. до Петра I—періодъ утвержденія научнаго медицинскаго знанія. Автору слѣдовало бы знать, что „періодизація“— дѣло служебное и вполнѣ зависимое отъ той основной точки зрѣнія, съ которой предметъ изучается даннымъ изслѣдователемъ. Судя по дѣленію на періоды исторіи медицины въ Россіи, предложенному г. Новомбергскимъ, можно было бы ожидать, что самъ онъ разумѣетъ подъ исторіей медицины прежде всего исторію развитія медицинскихъ знаній, методовъ и пріемовъ лѣченія. Однако, знакомство съ книгой г. Новомбергскаго убѣждаетъ въ томъ, что при составленіи своего труда онъ не руководствовался никакимъ опредѣленнымъ планомъ, а просто разсортировалъ по довольно случайно избраннымъ рубрикамъ представившійся ему архивный матеріалъ, надъ собираніемъ котораго онъ поработалъ не мало. Получилась не „исторія“ врачебнаго дѣла въ до-Петровской Россіи, а нѣсколько экскурсовъ въ области русскихъ медицинскихъ „древностей“. Во многихъ случаяхъ матеріалъ владѣлъ авторомъ въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, нежели авторъ матеріаломъ. Настаивая на томъ, что древне-русское „колдовство“ являлось своеобразной формой народной медицины, авторъ вмѣсто интересной задачи систематическаго анализа лѣчебныхъ пріемовъ колдуновъ и знахарей, освѣщенныхъ разными старинными документами, занялся подробнымъ изученіемъ уголовной репрессіи, направленной противъ колдовства. Спору нѣтъ, изложенные имъ древне-русскіе судебные процессы о колдовствѣ представляютъ большой интересъ для историка культуры тѣмъ болѣе, что этимъ разрушается укоренившееся почему-то въ нашей соціальной литературѣ превратное мнѣніе о

слабости уголовнаго преслѣдованія колдовства въ древней Россіи. Но для историка медицины гораздо бо́льшій интересъ должна была бы представить лѣчебная практика, а не судебныя мытарства колдуновъ и знахарей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается на исторіи аптекарскаго приказа, на роли докторовъ при судебной и полицейской экспертизѣ, на организаціи военно-полковой медицины, на призрѣніи душевно-больныхъ, на борьбѣ съ эпидеміями въ до-Петровской Россіи. По всѣмъ этимъ вопросамъ сообщается не мало интересныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи администраціи и полиціи въ обширномъ смыслѣ этого слова и лишь отрывочно и случайно на томъ, то тутъ авторъ роняетъ краткія замѣчанія о томъ, что́ должно было бы составить главный предметъ его изслѣдованія: исторія медицинскаго *управленія* заслонила въ его глазахъ исторію самой медицины. А между тѣмъ даже по краткимъ и случайнымъ оговоркамъ автора можно видѣть, какой любопытный матеріалъ по этой части могли бы представить имѣвшіеся въ его распоряженіи документы: см., наприм., приведенные на стр. 145 образчики рецептовъ, по которымъ лѣчились московскіе паціенты XVII ст. и которые, по словамъ самого автора, представляютъ замѣчательные примѣры взаимодѣйствія иноземной медицины и русскаго знахарства. Вотъ благодарное поле для изслѣдованій историка медицины, особенно такого историка, который настаиваетъ на указанной нами выше „періодизаціи". Читатель книги г. Новомбергскаго не безъ чувства разочарованія замѣчаетъ, что авторъ самъ недостаточно вникъ въ основной принципъ имъ же самимъ установленной „періодизаціи".

А. Кизеветтеръ.

Р—дъ. Мало прожито—много пережито. Впечатлѣнія молодого офицера о войнѣ и плѣнѣ. Часть I. Въ осадѣ Портъ-Артура. Стр. 352. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Русско-японская война какъ-то отодвинулась въ общественномъ сознаніи куда-то далеко. Ее привлекаютъ—въ качествѣ обязательнаго аргумента—въ публицистическихъ разсужденіяхъ; ея плачевно-знаменитые этапы (Портъ-Артуръ, Ляоянъ, Мукденъ, Цусима) стали обличительными трафаретами. Но ея глубокій историческій смыслъ еще не весь прочувствованъ и продуманъ русскимъ человѣкомъ. Мы бы сказали больше: онъ далеко еще не весь пережитъ имъ исторически.

Вотъ почему русскимъ людямъ приходится и придется еще много разъ возвращаться къ этимъ огромнымъ событіямъ, какъ живымъ и современнымъ. Вотъ почему такъ цѣнны для національнаго самосознанія, для его критической и созидательной работы тѣ документы, изъ которыхъ можетъ быть построена вся правда о войнѣ.

Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не привѣтствовать такихъ непритязательныхъ и въ то же время содержательныхъ повѣствованій о войнѣ, какъ то, заглавіе котораго нами выписано выше. Авторъ совсѣмъ не литераторъ; его способъ выраженія безпомощный и почти граничитъ съ безграмотностью. Но онъ разсказываетъ о пережитомъ, о великой исторической трагедіи такъ, что въ его разсказѣ не чувствуется фальши. Онъ наивенъ и правдивъ. Начало войны, такъ называемое „предательское" нападеніе японцевъ на Портъ-Артуръ 26 января 1904 г., застало его кончающимъ воспитанникомъ морского кадетскаго корпуса. Характерны признанія автора: „О войнѣ мы начали поговаривать еще съ ноября мѣсяца. Помню, часто на лекціяхъ мы разспрашивали у преподавателей о различныхъ новостяхъ, касающихся натянутыхъ отношеній Россіи съ Японіей. Иногда *мы сожалѣли, что отношенія эти улучшаются, и намъ не придется воевать съ японцами; когда же они*

обострялись, мы радовались" (стр. 2, курсивъ нашъ). Когда 27 январ[я] въ морскомъ корпусѣ разнесся слухъ, что адмиралъ Алексѣевъ „нанес[ъ] японцамъ полное пораженіе", „мы были недовольны, что такъ быстр[о] все кончилось. Теперь ясно было, что война окончится до мая мѣсяца", т.-е. до производства автора и его товарищей въ офицеры. Какъ из[-]вѣстно, по случаю войны гардемарины были *до срока* произведены в[ъ] офицеры, и нашъ авторъ попалъ въ Портъ-Артуръ. Его разсказъ ест[ь] безыскусственная, но не лишенная трогательныхъ и поэтическихъ под[-]робностей повѣсть о томъ, какъ умирала крѣпость Портъ-Артуръ. По[дъ] рукою художника собаки, о которыхъ разсказывается на стр. 235—239, превратились бы въ незабываемые образы, да и такъ, мы думаемъ, эт[и] страницы въ концѣ-концовъ перейдутъ въ христоматіи.

Въ изображеніи автора постепенно складывается образъ японцевъ, врага искуснаго, безпощаднаго, но въ то же время благороднаго, импо[-]нирующаго своими моральными качествами.

Г. Р—дъ просто разсказываетъ и вовсе не занимается обличеніями; однако, нѣсколькими выразительными именно въ ихъ сдержанности штри[-]хами у него достаточно сильно охарактеризованы отрицательные персо[-]нажи Портъ-Артурской трагедіи: адмиралъ Алексѣевъ и генералы Стес[-]сель и Фокъ. Но, несмотря на соединенную съ высокомѣріемъ и безго[-]ловьемъ трусость отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ, защита Портъ-Артура была, со стороны русскихъ солдатъ и офицеровъ, огромнымъ подвигомъ—таково то отнюдь не навязываемое авторомъ, но естественно слагающееся окончательное впечатлѣніе, которое выноситъ читатель изъ безхитростнаго разсказа молодого мичмана.

Петръ Струве.

СОЦІОЛОГІЯ, ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Проф. А. С. Алексѣевъ. Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правитель-ства.—*П. И. Люблинскій.* Право амнистіи.

Проф. А. С. Алексѣевъ. Безотвѣтственность монарха и отвѣт-ственность правительства. Ц. 20 к. Работа проф. Алексѣева посвя-щена одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ и теоретическаго государ-ствовѣдѣнія и практической политики. Трудность органическаго согла-сованія безотвѣтственности монарха и отвѣтственности его министровъ въ значительной степени опредѣляется переживаніемъ взглядовъ на мо-нарха, сложившихся въ эпоху абсолютной монархіи. Лишь постепенно современное правовое сознаніе привыкаетъ видѣть въ монархѣ не носи-теля трансцендентальной благодати, а верховный органъ государства,—качество, которое онъ раздѣляетъ съ народнымъ представительствомъ.

Исходя изъ этого послѣдняго взгляда, нельзя уже поддерживать тра-диціоннаго раздѣленія конституціонныхъ монархій на парламентарную и дуалистическую, какъ два типа, рѣзко разграниченные. Дуалистическая монархія, какъ она сложилась въ Пруссіи съ неограниченнымъ правомъ короля выбирать себѣ министровъ, не считаясь съ народнымъ предста-вительствомъ, есть просто государство съ несовершеннымъ конституціон-нымъ устройствомъ и, какъ мы видимъ изъ исторіи цѣлаго ряда евро-пейскихъ государствъ, она есть лишь переходная стадія. Въ самой Прус-сіи, напримѣръ, недавняя отставка Подбѣльскаго разсматривалась, какъ признакъ растущаго вліянія общественнаго мнѣнія на ходъ государствен-ной жизни. Съ другой стороны, и въ характерѣ парламентарнаго строя

обычно останавливаются болѣе на внѣшнихъ признакахъ. „Существенно,—пишетъ проф. Алексѣевъ,—чтобы министерство образовало изъ себя политическое цѣлое, сильное своимъ единеніемъ съ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ страны; способы же, которыми достигается это единеніе, имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе“ (стр. 40). Въ настоящее время мы видимъ, какъ участь министерствъ опредѣляется не столько мнѣніемъ даннаго парламента, сколько общимъ настроеніемъ избирателей и всей страны. Примѣромъ тому можетъ служить выходъ въ отставку министерства Бальфура въ 1905 г., хотя оно и пользовалось довѣріемъ большинства въ парламентѣ, когда изъ дополнительныхъ выборовъ и вообще изъ всѣхъ признаковъ обнаружилось, что этому довѣрію не соотвѣтствуетъ отношеніе большинства англійскихъ избирателей. Поэтому,—говоритъ проф. Алексѣевъ,—новымъ политическимъ образованіемъ является конституціонно-демократическая монархія, въ которой „министры перестанутъ играть роль подчиненныхъ монарху агентовъ или слугъ только парламентскаго большинства, а возвысятся на степень самостоятельныхъ органовъ государства и образуютъ правительство, которое, идя рука объ руку съ народнымъ представительствомъ, будетъ чувствовать себя вождемъ и довѣреннымъ народа“ (стр. 43). Съ указанной точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ такіе институты, какъ контрасигнація и политическая отвѣтственность министровъ.

Несмотря на небольшой объемъ, разсматриваемая брошюра затрогиваетъ цѣлый рядъ смежныхъ вопросовъ первостепенной важности и наводитъ русскаго читателя на мысли, цѣнныя для его политическаго самоопредѣленія.

С. Котляревскій.

П. И. Люблинскій. Право амнистіи. Ц. 2 р. Историко-юридическое изслѣдованіе П. И. Люблинскаго останавливаетъ вниманіе прежде всего выборомъ самой темы, которая соприкасается съ глубокими проблемами общественной совѣсти и политическаго разума. Трудно, конечно, въ Россіи въ настоящее время писать вполнѣ объективное изслѣдованіе объ амнистіи, и г. Люблинскій отдалъ большую дань субъективизму, но всетаки его субъективизмъ не переходитъ грани, за которой кончается наука и начинается публицистика.

Центръ тяжести работы лежитъ въ историческомъ и догматическомъ выясненіи различія амнистіи и помилованія. Авторъ представляетъ весьма интересную картину того, какъ образовалось и примѣнялось право амнистіи и помилованія, начиная съ древней Греціи и кончая современными конституціями, и, въ частности, какъ оно сложилось въ Россіи. Можно отмѣтить здѣсь нѣкоторую искусственность въ этомъ чрезмѣрно рѣзкомъ противопоставленіи амнистіи и помилованія, которыя въ исторіи не разграничивались такъ ясно: взять хотя бы исторію римской аболиціи; даже и по отношенію къ современному конституціонному праву демаркаціонная черта между тѣмъ и другимъ вовсе не такъ безспорна. Въ гораздо бо́льшей степени такой упрекъ долженъ быть отнесенъ къ той главѣ, которая трактуетъ о правахъ Государственной Думы въ вопросахъ амнистіи. Лишь путемъ очевидныхъ натяжекъ можно придти къ тому выводу, что наши основные законы (въ частности ст. 23) раздѣляютъ амнистію и помилованіе и предоставляютъ первую компетенціи Думы. Argumentum ex silencio, основанный на умолчаніи основныхъ законовъ, не можетъ считаться убѣдительнымъ, такъ же какъ и выводъ права амнистіи изъ возможности для Государственной Думы, какъ зако-

нодательнаго органа, суспенсаціи законовъ. Къ какимъ натяжкамъ и юридическимъ софизмамъ приходится прибѣгать на этомъ пути, видно изъ приложеннаго къ книгѣ законопроекта трудовой группы. Непредубѣжденный читатель увидитъ изъ него лишь то, что при защитѣ амнистіи позиція основныхъ законовъ 23 апрѣля 1905 года есть наименѣе благодарная. Все это, однако, не отнимаетъ весьма цѣнныхъ качествъ у книги П. И. Люблинскаго, которая впервые въ русской литературѣ ставляетъ этотъ жгучій вопросъ въ широкую историческую перспективу.

С. Котляревскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ.

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ. Стр. 162 in 16. Ц. 50 к. Издательство „Шиповникъ“. Спб., 1907 г. Два очерка, напечатанные подъ одной обложкой, выступаютъ передъ читателемъ не съ одинаковыми претензіями. Очеркъ г. Амфитеатрова притязаетъ быть культурно-философскимъ изображеніемъ Побѣдоносцева, какъ нѣкоего крупнаго явленія русской исторіи въ ея цѣломъ; болѣе короткая, занимающая менѣе трети книжки, статейка г. Аничкова разсматриваетъ Побѣдоносцева только какъ главнаго руководителя православной церкви въ теченіе четверти вѣка.

Г. Амфитеатровъ—несомнѣнно талантливый писатель, хорошо владѣющій перомъ и довольно широко образованный. Къ сожалѣнію, онъ всегда былъ лишенъ того внутренняго жара, который даетъ писателю силу „глаголомъ жечь сердца людей“. И эту силу внутренняго горѣнія, всегда искренняго и потому никогда не мечущагося назойливо въ глаза читателю, Амфитеатровъ, ставъ радикальнымъ публицистомъ, замѣнилъ чрезмѣрностью стиля (я беру здѣсь стиль въ самомъ широкомъ смыслѣ слова). Въ этомъ стилѣ нѣтъ ни истиннаго лирическаго жара, той переливающейся черезъ край искренности, которая въ самой себѣ несетъ оправданіе своей чрезмѣрности, ни той внутренней художественной сдержанности, которую нѣмцы называютъ „мѣрою“, а французы „стыдливостью“.

Г. Амфитеатровъ не признаетъ, чтобы у Побѣдоносцева была біографія. Побѣдоносцевъ „загадочно неуловимъ“. Это какой-то *„нечистый духъ; въ родѣ домового или лѣшаго“*. „Поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ могутъ вообразить и изобразить лѣшаго—до впечатлѣній, почти подобныхъ реальности. Но аппаратъ фотографа, направленный на лѣшаго по указанію какой-либо галлюцинирующей бабы, воспроизведетъ только деревья и кусты, среди которыхъ ей чудится лѣшій. Такъ и біографія Побѣдоносцева даетъ разочарованному въ ожиданіяхъ русскому обществу совсѣмъ не самого Побѣдоносцева, но лишь пассивную обстановку, среди *которой* жилъ и дѣйствовалъ Побѣдоносцевъ. Самъ же Побѣдоносцевъ,—эта нелѣпая галлюцинація, этотъ дикій кошмаръ русской исторіи,—изъ нея исчезаетъ. Иванъ Антоновичъ Расплюевъ увѣрялъ полицейскаго надзирателя, что—„я... я такъ, я безъ фамиліи“. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ можетъ хоть присягу принять, что у него, вмѣсто біографіи, послужной списокъ. Въ своей библіотекѣ я нашелъ не менѣе двадцати книгъ, повторяющихъ имя Побѣдоносцева съ проклятіями или съ лестью, но, въ концѣ-концовъ, ни проклятіями, ни лестью фантомъ не перерабатывается въ фигуру, и, прочитавъ о Побѣдоносце-

въ двадцать книгъ, я знаю о немъ положительно только то, что говоритъ *„Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона" и для чего не стоило перелистовать двадцать книгъ".—Далѣе слѣдуетъ выписка изъ *Энциклопедическаго Словаря.*

Къ сожалѣнію, г. Амфитеатровъ находитъ для загадки, воплощенной въ Побѣдоносцевѣ, слишкомъ простое рѣшеніе, вѣрнѣе, онъ не даетъ ей никакого рѣшенія. Заканчивая свой очеркъ, онъ пишетъ: „Довольно говорить о Побѣдоносцевѣ. Можетъ быть, оно и не довольно еще, но я не могу больше. И не потому, что нечего еще сказать. А потому, что руки трясутся, за горло судорога беретъ и—бѣшеный ужасъ встаетъ въ душѣ при мысли, что сорокъ четыре года жизни своей ты—стыдъ и горе тебѣ!—прожилъ подъ властью подобнаго чу... Я чуть было не написалъ: чудовища,—нѣтъ, въ томъ-то и оскорбленіе, что даже не чудовища, но—„чучела": не чудовище, а чучело терпѣли мы надъ собой, россіяне!

„А—что „чучело Побѣдоносцевъ" и „власть" суть синонимы... вы еще сомнѣваетесь?

„Я—нѣтъ.

„За мою характеристику Побѣдоносцева меня, конечно, будутъ ругать. Быть можетъ, даже не только тѣ круги, для которыхъ Побѣдоносцевъ—россійско-византійскій папа безъ конклава, намѣстникъ Бога на русской землѣ.

„Съ этими послѣдними дураками (ipsissima verba автора! П. С.),—да они же кстати, въ большинствѣ, и государственные жулики,—мнѣ говорить не о чемъ...

„А прочимъ недовольнымъ скажу одно:

— Милостивые Государи! Я ученикъ гимназіи Дмитрія Толстого, вдохновленной Побѣдоносцевымъ, я—студентъ университета, раздавленнаго Побѣдоносцевымъ, я—журналистъ въ печати, изнасилованной Побѣдоносцевымъ, я—членъ общества, обращеннаго Побѣдоносцевымъ въ публичный домъ... Милостивые Государи! Я глоталъ Побѣдоносцева, какъ всѣ вы, день за днемъ, годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ... И вотъ dixi et animam levavi... А помните, какъ Щедринъ переводилъ сіе изреченіе? „Dixi et animam levavi: сказалъ и стошнило меня".

„Тошнота отъ Побѣдоносцева не можетъ быть красива и благоуханна, какъ розы Альфреда де-Мюссе.

„И всетаки—одного вамъ всѣмъ желаю: чтобы всѣ вы ее ощутили".

Такимъ образомъ, „загадочно неуловимый", роковой человѣкъ новѣйшей русской исторіи, фигура котораго, точно образъ лѣшаго, не поддается „средствамъ точнаго знанія и механическаго воспроизведенія", въ концѣ-концовъ оказывается для г. Амфитеатрова только „чучело" и рвотное?!

Во всей этой характеристикѣ—отталкивающее отсутствіе всякой художественной и нравственной мѣры, доходящее мѣстами до... пошлости. Въ этомъ морѣ чрезмѣрности и пошлости какъ-то теряются немногія вѣрныя мысли, мѣткія характеристики, невымученные образы и сравненія. До чего г. Амфитеатровъ утрачиваетъ моральный вкусъ и тактъ, свидѣтельствуетъ то мѣсто, гдѣ, разсказавъ о спасеніи утопавшаго Побѣдоносцева извѣстнымъ гипнотизеромъ евреемъ Фельдманомъ, которому Побѣдоносцевъ далъ при этой оказіи совѣтъ—креститься, нашъ авторъ прибавляетъ, что Фельдманъ подѣломъ получилъ такой совѣтъ: „Не все тащи изъ воды, что въ ней плаваетъ" (стр. 50).

Оцѣнивая Побѣдоносцева, какъ писателя, г. Амфитеатровъ говоритъ:

„эти безконечныя цитаты, эта ужасная привычка говорить тяжеловѣсными глаголами чуть не допотопныхъ мертвецовъ дѣйствуютъ на свѣжаго читателя необычайно тяжело—дурманомъ какимъ-то. Какой это авторъ? Какой литераторъ? Это—просто экспропріаторъ заплѣсневѣвшихъ библіотекъ". Забавно, что такъ рѣзко и несправедливо охарактеризовавъ писателя Побѣдоносцева, г. Амфитеатровъ затѣмъ наивнѣйшимъ образомъ приписываетъ знаменитому вдохновителю русской реакціи мысли, по существу заимствованныя имъ у великаго англійскаго критика французской революціи *Эдмунда Берка* (стр. 54—55).

Для г. Амфитеатрова мысли Берка просто—„мысли изъ Бэдлама!". Кстати, отмѣтимъ, что тему о пользѣ предразсудковъ по стопамъ Берка развивалъ, кромѣ Побѣдоносцева, не кто иной какъ *Тэнъ*, въ первомъ томѣ своихъ „Origines", въ блестящей характеристикѣ *ésprit classique*. На стр. 27—28 авторъ сравниваетъ Побѣдоносцева съ пуританами, которые „двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ рѣшали государственныя судьбы Англіи стихами, вродѣ „И истребилъ Господь Амалика", „И закладъ ихъ Илія при жертвенникахъ ихъ и т. п.". Въ этомъ сравненіи Побѣдоносцева съ англійскими религіозно-политическими революціонерами слишкомъ много чести для Побѣдоносцева и совершенное отсутствіе историческаго пониманія какъ пуританъ, такъ и Побѣдоносцева. Таковъ историческій и философскій уровень разбираемаго нами памфлета!

Прочитавъ это произведеніе до конца, мы убѣдились, что авторъ, заявивъ, что онъ, познакомившись съ двадцатью книгами о Побѣдоносцевѣ, „знаетъ о немъ положительно только то, что говоритъ *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона" и для чего не стоило перелистовать двадцать книгъ", заблуждается о себѣ и о своемъ произведеніи. Статья *Энциклопедическаго Словаря*, принадлежащая перу глубоко образованнаго и необыкновенно добросовѣстнаго публициста, эта статья опубликованная еще при до-октябрьской цензурѣ, даетъ гораздо болѣе содержательное, отчетливое и, главное, выразительное изображеніе духовной личности самаго яркаго изъ синодскихъ оберъ-прокуроровъ, чѣмъ желающій быть сильнымъ и гнѣвнымъ памфлетъ Амфитеатрова *). Извлекши изъ этой статьи лишь внѣшнія данныя о Побѣдоносцевѣ, г. Амфитеатровъ не сумѣлъ ее не только прочесть, но даже рекомендовать своимъ читателямъ.

Врядъ ли можно найти задачу болѣе трудную и въ то же время завлекательную, чѣмъ дать психологію и философію реакціоннаго духа. Но для выполненія этой задачи нужны другіе пріемы и другія средства, чѣмъ тѣ, которые пускаетъ въ ходъ г. Амфитеатровъ.

Для того же, чтобы острымъ, рѣжущимъ словомъ разить и повергать во-прахъ политическаго врага,—для этого у г. Амфитеатрова недостаетъ пламени искренности и непосредственности. А безъ этого пламени обличеніе—несмотря ни на какіе литературные эффекты—сбивается на руготню, болѣе или менѣе пикантную.

Петръ Струве.

---

*) Абзацъ о Побѣдоносцевѣ какъ ученомъ (стр. 17—18) прямо совѣстно читать. Пусть г. Амфитеатрову неизвѣстно, что въ русской цивилистикѣ имя Побѣдоносцева занимаетъ почетное мѣсто, но неужели онъ, человѣкъ, кончившій, кажется, историко-филологическій факультетъ, хотя бы по наслышкѣ ничего не знаетъ объ историческихъ изслѣдованіяхъ Побѣдоносцева?

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1907 г.

Библіографическій сборникъ. Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ редакціей М. Лунца. М., 1907 года. Ц. 40 к.

Велиховъ, Б. Теорія и практика пропорціональнаго представительства. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. Очерки по исторіи русской литературы. Спб., 1907 года. Ц. 2 р. 50 к.

Вороновъ, С. Ранняя выгонка фруктовъ и ягодъ. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Гагенъ, В. Борьба съ народнымъ пьянствомъ. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Гауптманъ, Г. Сестры изъ Бишофсберга. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Гёре, Павла. Воспоминанія и достопамятныя происшествія изъ жизни одного рабочаго. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Герценъ, А. О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Спб., 1907 года. Ц. 40 к.

Глуховъ, М. Важнѣйшія медоносныя растенія и способы ихъ разведенія. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Городецкій, С. Перунъ. Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Горбатовъ, М. Новый человѣкъ. Никол., 1906 г. Ц. 15 к.

— Завѣтъ природы. Николаевъ, 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Григорьевъ, Г. Краткій курсъ химіи. Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Гутурбъ, Ф. Стихотв. Кіевъ, 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карпентеръ, Э. Тюрьмы, полиція и наказаніе. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Кульчицкій, К. Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. М., 1907 года. Ц. 75 к.

Лейченко, А. Старое въ новомъ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Мирбо, О. Себастьянъ Рокъ. Романъ нравовъ. Перев. съ франц. Анастасіи Чеботаревской. Издан. С. Скирмунта. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Мошковъ, В. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Варшава, 1907 г. Ц. 2 р.

Новаковскій, В. Мысли безработнаго. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Новомбергскій, Н. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. М., 1907 г.

„Отзвуки“. Литер. сборникъ. Харьковъ, 1907 г. Ц. 70 к.

Пибоди, Фр. Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Пфенниґсдорфъ, Е. Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни. Харьк., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Селивановскій, И. Отчего гибнетъ крестьянинъ.— Деревья, какъ лучшая защита селъ отъ пожаровъ. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Серебряковъ, Г. Руководство къ дегтярному производству. М., 1907 г. Ц. 8 к.

Сильченко, И. На улицахъ Одессы и въ домѣ терпимости. Од., 1907 года. Ц. 20 к.

Сомовъ, С. Физіологическія основы обществ. психологіи. Сар., 1907 г. Ц. 20 к.

Спасскій, В. Укрѣпленіе летучихъ песковъ травосѣяніемъ. Ц. 8 к. Вишня, развед. и уходъ за ней. Ц. 6 коп. Важнѣйшія посѣвныя кормовыя травы. Ц. 5 к. М., 1907 г.

Флеровъ, А. Указатель книгъ по вопросамъ воспитанія и обученія. Вып. II. М., 1907 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

БОЛЬНЫМЪ

Настоящее сообщеніе просимъ вырѣзать для себя или передать нуждающемуся въ лѣченіи сперминомъ.

Французскій врачъ профессоръ Броунъ-Секаръ, 72-лѣтній старикъ, вынужденъ былъ старческимъ ослабленіемъ силъ къ отказу отъ врачебной практики и чтенія лекцій. Въ ослабѣвшемъ тѣлѣ профессора еще работала мысль и, понятно, особенно сильно надъ тѣмъ, какъ бы возстановить свои упавшія силы, возвратить энергію молодости. Исходя изъ той мысли, что при сравненіи организма старика или слабаго съ организмомъ полнаго силъ и бодрости молодого человѣка бросается въ глаза упадокъ мускульной дѣятельности и уменьшеніе величины жизненныхъ железъ у первыхъ, а слѣдовательно и вырабатываемой ими жидкости, которая въ обиліи вырабатывается у молодыхъ людей, Броунъ-Секаръ остановился на вопросѣ — не эссенція ли этой жидкости, поступая во всѣ органы молодыхъ людей, и придаетъ имъ способность къ продолжительному труду безъ ранняго, наступающаго у стариковъ и слабыхъ утомленія. Если такое предположеніе правильно, то старикъ или слабый, вводя въ свою кровь эссенцію жизненныхъ железъ животныхъ (сперминъ), пополнитъ недостатокъ ея, происходящій отъ увяданія, и долженъ сдѣлаться сильнѣе и бодрѣе. Растеревъ такія железы молодого кролика, эссенцію ихъ (сперминъ) Броунъ-Секаръ ввелъ въ свой организмъ и послѣ перваго-же сеанса почувствовалъ себя бодрѣе. Послѣ нѣсколькихъ сеансовъ онъ сталъ снова работать и читать лекціи, увлекая ясностью изложенія своихъ слушателей студентовъ. Въ лабораторію свою, находившуюся въ 3-мъ этажѣ, помолодѣвшій профессоръ сталъ подниматься съ прежнею легкостью, и когда поразившее всѣхъ улучшеніе его здоровья оказалось не временнымъ, а прочнымъ, онъ сообщилъ о своемъ великомъ открытіи ученому міру.

Съ тѣхъ поръ врачи установили, что сперминъ незамѣнимъ при упадкѣ силъ отъ старости, малокровія (анеміи, блѣдной немочи, рахита), чахотки или друг. тяжкихъ заболѣваній, при разстройствѣ нервной системы отъ умственнаго и физическаго переутомленія, половыхъ излишествъ, онанизма, алкоголизма, при сухоткѣ и параличахъ, при мужскомъ слабосиліи, при водянкѣ отъ неправильной дѣятельности сердца, сахарномъ мочеизнуреніи и для очистки организма при золотухѣ, не вполнѣ калѣченномъ сифилисѣ, подагрѣ и проч.

Выдержки изъ отзывовъ больныхъ о сперминѣ-Калениченко.

Страдая $1\frac{1}{2}$ года сахарн. болѣз. (8—8% сахара), я ослабѣлъ, сталъ нервнымъ, не спалъ, испытывалъ продолжавшіеся по нѣсколько дней боли въ печени; ноги опухали. Въ виду чего послѣдніе 10 мѣс. не могъ исполнять своихъ служеб. обяз. Послѣ же трехнедѣльнаго пользованія Сперминомъ-Калениченко я почувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ, настроеніе стало лучше чѣмъ до болѣзни, и 13 августа было только $1\frac{1}{2}$% сахара. Съ марта мѣс. принято 10 фл. спермина и вѣсъ моего организма увеличился на $16\frac{1}{4}$ фунтовъ. Королевскій таможен. надзиратель **Похильскій.**

ГЕРМАНІЯ, Эйдкуненъ, д. Кулака. 17 августа 1907 года.

Премногоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Прямо не знаю какъ благодарить Васъ. Я теперь чувствую, что совершенно здоровъ; подъемъ силъ громадный, веселость необыкновенная, работоспособность хорошая, отсутствіе дрожанія рукъ при писаніи по утрамъ, на занятія иду съ охотой, работаю скоро, ловко, мысли ясныя, аппетитъ хорошій, отправленія тоже. Какъ хорошо жить! Большое спасибо Вамъ. Всегда буду Вамъ благодаренъ, а равно и всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ распространенію этого средства. Смоленскъ. Съ уважен. къ Вамъ *В. Масловъ.*

Г. Калениченко Д. К. Будучи вамъ особенно благодаренъ за сперминъ, я свидѣтельствую съ своей стороны, что дѣйствіе его оказалось выше всякихъ моихъ ожиданій. Самочувствіе прелестное, аппетитъ буквально волчій, сонъ еще лучше: засыпаю сразу и сплю какъ убитый. Я чувствую полнѣйшую связь во всѣхъ частяхъ тѣла и такой приливъ силъ, какъ будто послѣ долгаго отдыха. Остаюсь искренно благодарный и признательный *Вл. Никоновъ.* Сартаны, Заводы Екатерин.

Глубокоуважаем. *Дмитрій Константиновичъ!* Результаты пріема 2 фл. спермина превосходятъ всѣ самыя радужныя ожиданія мои. Два флакона спермина сдѣлали то, что не могли сдѣлать два сезона на Кавказѣ, за что приношу свою горячую благодарность, за сперминъ, буквально вернувшій меня къ жизни. Готовый къ услугамъ *П. В. Селивановъ.* Г. Липецкъ, Маріинскій заводъ.

М. Г. г. *Калениченко!* Я страдалъ головною болью, катарромъ желудка, нервностью вслѣдствіе половыхъ излишествъ и занятія онанизмомъ. Но послѣ пріема 1 флак. спермина самочувствіе стало гораздо лучше, головная боль и нервность меньше, половая дѣятельность также улучшилась, за что и приношу Вамъ отъ глубины сердца свою благодарность и покорнѣйше прошу выслать еще 3 флакона спермина. *И. Д. Ренецъ.* С.-Петербургъ, Петергофское шоссе, д. № 32/1, кв. 15.

Имѣется нѣсколько сотъ восторженныхъ отзывовъ больныхъ о прекрасномъ дѣйствіи на нихъ спермина лаб. *Д. Калениченко* и почти ежедневно поступаютъ новые.

„Сперминъ-Калениченко".

для внутренняго употребленія д-ра медиц. А. Тельнихина лаборат. Д. Калениченко изготовляется подъ инспекціей врачебнаго начальства. Директоръ лабор. д-ръ І. Ив. Соллогубъ, ассистен. д-ръ Г. С. Абрамовъ. Цѣна флакона спермина 2 р. 50 к. Пересыл. 1—3 предм. 50 к. Высыл. и наложн. платеж. Поддѣлыватели будутъ преслѣдоваться по закону. Брошюра о сперминѣ на русск. и англійск. язык. съ отзывами о немъ врачей и больныхъ высылается безплатно.

ПРОДЛЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Научно-популярное сочиненіе проф.-докт. Гуазе. Какъ возстановить, продлить жизненныя силы, ослабленныя вышепоименов. болѣзн. „Факты, факты, снова факты, вѣчно факты. Силою фактовъ я заставлю слѣпыхъ видѣть, глухихъ слышать, нѣмыхъ говорить". Проф. Гуазе. Фактами въ книгѣ „Продленная жизнь" читатель убѣдится въ возможности возвратить утраченныя свои силы. Цѣна сброш. книги 1 р., перес. 25 к. (налож. пл. 35 к.). Складъ у изд. Д. Калениченко.

Адресъ въ Россіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Петровскій бул., д. № 182 („Эрмитажъ") Телефонъ 130-08. Въ Англіи: Dépôt Spermine-Kalenischenko, London W. 71. Oxford Street Mr. Ad. Siemssen. Въ Германіи: Dépôt Spermin-Kalenischenko, Ad. Simssen. Eydtkuhnen.

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. без пересылки. — **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ

(„Дѣтское Чтеніе“).

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1907 г. журналъ дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 КНИЖЕКЪ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ: **I. Народные поэты.**— Кольцовъ, Никитинъ и Шевченко. Сборникъ стихотвореній для семьи и школы. **II. Старшіе братья въ семьѣ народовъ.** Очерки современной культуры передовыхъ странъ, **Я. А. Берлина.** 1. Городъ-великанъ и его чудеса. 2. Успѣхи знанія. 3. Царица міра—машина (промышленный строй). 4. Среди тружениковъ (соціальный вопросъ). 5. Государственная жизнь. 6. Чаянія лучшаго будущаго. **III. Серія разсказовъ Е. Н. Опочинина:** 1. Праздничное богомолье воеводы (Рождественская легенда). 2. Бѣднячокъ. 3. Въ прощеные дни. 4. Непутевый.

Вышла іюльская книга журнала „Юная Россія“ за 1907 г.

Содержаніе: I. Спасовъ день на сѣверѣ. Рисунокъ.—II. Одни! (Изъ дѣтской жизни двухъ братьевъ). **Е. Н. Опочинина.**—III. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. **Джека Лондона.** Переводъ съ англійскаго **Р. Рубиновой.** Часть VI.—Глава II. Жестокій владыка.—Глава III. Въ царствѣ ненависти.—Глава IV. Не на жизнь, а на смерть. Продолженіе.—IV. Изъ Бьернстьерна. Стихотвореніе. **Н. Фольбаума.**—V. Въ новую жизнь. Повѣсть. Глава X. Въ ночлежномъ домѣ.—Глава XI. Двѣ встрѣчи.—Глава XII. На баржѣ. **Ивана Шмелева.** Съ рисунками художника **Н. А. Богатова.** Продолженіе.—VI. Какъ стала роза царицей цвѣтовъ. (Сказка по Жоржъ-Занду). **Вл. Алешина.**—VII. Къ роднѣ. Стихотвореніе. **С. Дрожжина.**—VIII. Джузеппе Гарибальди. Съ портретомъ. (Къ столѣтію со дня рожденія.)—IX. Изъ лѣтнихъ пѣсенъ. Стихотвореніе. **С. Дрожжина.**—X. Гарибальди въ Америкѣ. **М. Костеловской и Вен. Попова.**—XI. Упорнымъ трудомъ. **Г. Т. Сѣверцева (Полилова).** Съ рисунками. Продолженіе.—XII. Очерки американской жизни. **Г. А. Мачтета.** Продолженіе.—XIII. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна.) Глава VIII.—Впередъ. **Ал. Алтаева.** Съ рисунками художника **Е. Е. Гарнапа.** Продолженіе.—XIV. Кавказскіе горцы-евреи. **В. Гатцука.**—XV. Какъ ухаживать за животными въ неволѣ. Зайцы. **А. Піотровской.** Продолженіе.—XVI. Объявленія.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Тридцать девятый годъ изданія. Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

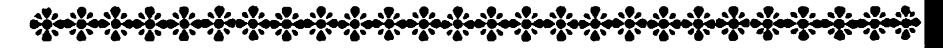
Подписная цѣна:

„Юная Россія“ (Дѣтское Чтеніе) безъ „Педагогическ. Листка“: Безъ доставки на годъ—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. „Юная Россія“ (Дѣтское Чтеніе) съ „Педагогическ. Листкомъ“: Безъ доставки на годъ—5 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р. „Педагогическ. Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) два рубля, на полгода одинъ рубль. За границу „Юная Россія“ (Дѣтское Чтеніе) съ „Педагогическимъ Листкомъ“ 8 р. За перемѣну адреса 28 коп. марками. Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 страница—40 р., 1/2 страницы—20 р.

Оставшіеся комплекты журналовъ за 1906 годъ продаются: 1) „Юная Россія“ по 4 р. за годъ, 2) „Педагогическій Листокъ“ по 2 р. за годъ.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**



Правленіе „Общества Русскихъ Студентовъ въ Парижѣ“ покорнѣйше проситъ довести до свѣдѣнія русской учащейся молодежи, что при Обществѣ открыто бюро для выдачи всевозможныхъ справокъ о поступленіи во всѣ высшія учебныя заведенія Парижа (по возможности и провинціи), а также всего касающагося жизни учащихся въ Парижѣ, перевода бумагъ и проч.

Правленіе рекомендуетъ обращаться къ нему непосредственно, письменно или лично, по слѣдующему адресу: *Société des Etudiants Russes de Paris, 22, rue Tournefort, 22,* такъ какъ въ послѣднее время участились случаи эксплоатаціи вновь прибывающихъ учащихся разными недобросовѣстными лицами. На отвѣтъ просятъ прилагать 20-тикоп. марку.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Продолжается подписка на 1907 г.

(двадцать восьмой годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 2.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25.

Редакторъ **Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.**

Издатель **Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.**